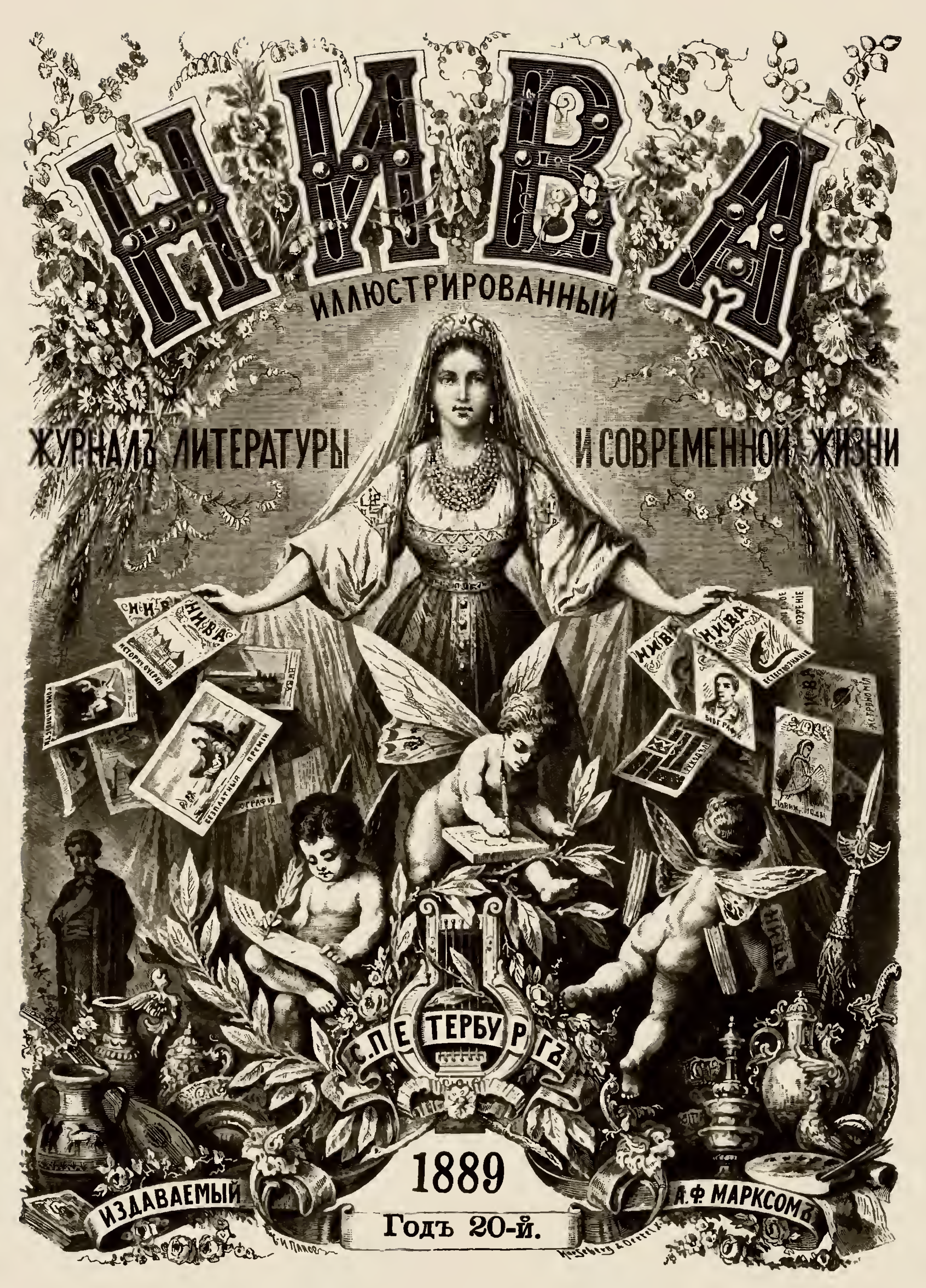


Невскій проспектъ, № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1889 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, комедіи, стихотворенія, очерки и пр.

II. Біографіи и характеристики.

III. Историко-археологическіе очерки.

IV. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

V. Естествознаніе.

VI. Новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Архитектура и скульптура.

VIII. Современность.

IX. Литературный альбомъ.

X. Популярно-медицинскіе очерки.

СТРАН.

XI. Библіографія.

XII. Парижскія моды.

Ежемѣсячно съ **Января** по **Декабрь**, съ 377 модн. гравюр. и рисунк., 359 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 308 рисунк. рукодѣльн. и вышивальн. работъ и нѣсколько сотъ буквъ и монограммъ.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

XX г. — г. XX

№ 1 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 янв. 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № со всѣми прилож. 45 к., съ перес. 55 к.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1889 г. съ 30 рис. и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 35 рисунками рукодѣльныхъ работъ 2) ТАБЛИЦА ВАЖНѢЙШИХЪ РЫБЪ РОССІИ; 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1889 годъ.

Н. М. Чихачовъ.

Высочайшимъ приказомъ по Морскому вѣдомству отъ 28 ноября 1888 г. вакантный постъ управляющаго Морскимъ министерствомъ былъ замѣщенъ вице-адмираломъ Николаемъ Матвѣевичемъ Чихачовымъ, занимавшимъ до того отвѣтственный и важный постъ начальника главнаго морскаго штаба. Н. М. Чихачовъ, изъ дворянъ Псковской губерніи, родился 17 апрѣля 1830 года; воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго выпущенъ въ мичмана въ 1848 году. Черезъ два года, онъ отправился въ дальнее плаваніе на корветѣ „Оливуца“, подъ командою одного изъ выдающихся и энергичныхъ моряковъ того времени, капитанъ-лейтенанта Сущева. Прибывъ къ берегамъ Восточной Сибири тотчасъ по занятіи устьевъ Амура, молодой офицеръ увлекся предстоявшею во вновь пріобрѣтенномъ краѣ кипучею дѣятельностью и пожелалъ продолжать службу въ Сибирской флотиліи, бывшей еще въ зачаточномъ состояніи. Переводъ въ означенную флотилію состоялся въ 1853 году, при чемъ, на основаніи существовавшихъ тогда положеній, Н. М. Чихачовъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ капитанъ-лейтенанта, пробывъ лейтенантомъ менѣе года. Молодой, энергичный и въ высшей степени исполнительный штабъ-офицеръ обратилъ на себя особенное вниманіе главнаго командира портовъ Восточнаго океана П. В. Козакевича, который избралъ Н. М. Чихачова начальникомъ своего штаба. До назначенія на этотъ важный постъ, Н. М. Чихачовъ прошелъ послѣдовательно всѣ ступени военно-морской службы: плавалъ на шхунѣ „Востокъ“ старшимъ офицеромъ (въ 1853 г.), командовалъ въ слѣдующемъ году транспортомъ „Иртышъ“, исправлялъ затѣмъ обязанности капитана надъ портомъ, завѣдывалъ постройкой укрѣпленій въ Петропавловскѣ и вновь командовалъ десяти-пушечнымъ транспортомъ „Двина“, затѣмъ корве-

Вице-адмиралъ Н. М. Чихачовъ, Управляющій Морскимъ министерствомъ.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

томъ „Оливуца“ и наконецъ пароходо-корветомъ „Америка“. Въ 1858 году Н. М. Чихачовъ былъ произведенъ въ капитаны 2 ранга, а въ слѣдующемъ — отправился въ Средиземное море командиромъ винтоваго корвета „Волъ“. Въ 1860 году Н. М. Чихачовъ, всего 30 лѣтъ отъ роду, получилъ въ командованіе одно изъ лучшихъ судовъ того времени—паровой фрегатъ „Свѣтлана“ и почти одновременно былъ назначенъ адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генералъ-Адмиралу Константину Николаевичу. Послѣ короткаго затѣмъ исправленія должности начальника штаба главнаго командира Кронштадтскаго порта, Н. М. Чихачовъ получилъ отвѣтственное и чрезвычайно важное назначеніе (въ 1862 году) на постъ директора-распорядителя Русскаго Общества пароходства и торговли, этого важнѣйшаго въ Россіи предпріятія по части торговаго мореходства. Этотъ постъ капитанъ Чихачовъ занималъ до 1884 года, т. е. до своего назначенія начальникомъ Главнаго морскаго штаба, причемъ постепенно развилъ важное и сложное морское предпріятіе въ Черномъ морѣ до громадныхъ размѣровъ и оставилъ его въ блестящемъ состояніи. Въ самое короткое время, энергичный директоръ поправилъ пошатнувшіяся дѣла Русскаго Общества настолько, что акціи его быстро поднялись съ 160 рублей до тысячи. Фактъ безпримѣрный и краснорѣчиво говорящій о громадныхъ финансовыхъ и хозяйственныхъ способностяхъ вице-адмирала Н. М. Чихачова. За отлично-полезные труды по званію директора Русскаго Общества пароходства и торговли, Чихачовъ былъ произведенъ въ 1867 г. за отличіе въ контръ-адмиралы (чинъ капитана 1 ранга онъ получилъ въ 1860 г.), а черезъ два года — назначенъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Во время русско-турецкой войны, Н. М. Чихачовъ принималъ дѣятельное участіе въ операціяхъ нашей флотиліи въ устьяхъ Дуная, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра съ мечами Чинъ вице-адмирала онъ получилъ въ 1880 году, а черезъ четыре года былъ назначенъ начальникомъ Главнаго морскаго штаба. Дѣятельность его въ послѣдней должности вполнѣ сливается съ плодотворною дѣятельностью покойнаго Ивана Алексѣевича Шестакова, сдѣлавшаго такъ много для роднаго ему флота. Н. М. Чихачовъ былъ всегда усерднымъ и энергичнымъ помощникомъ, настойчиво преслѣдовавшимъ разъ намѣченную цѣль. Онъ провелъ въ жизнь свой проектъ преобразованія нашего военнаго флота, заслуживающій особеннаго вниманія. Послѣдніе два года вице-адмиралъ Чихачовъ командовалъ лѣтомъ практическую эскадрой и такимъ образомъ ознакомился съ личнымъ составомъ флота. Въ 1885 и въ прошломъ году онъ управлялъ, за отсутствіемъ генералъ-адъютанта И. А. Шестакова, Морскимъ министерствомъ съ правомъ присутствовать въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и въ Адмиралтействъ-совѣтѣ.

Новый управляющій Морскимъ министерствомъ имѣетъ слѣдующіе ордена: русскіе — Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2 ст. съ мечами, Св. Анны и Св. Станислава 1 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; иностранные — греческій Спасителя 1 ст., прусскій — Краснаго Орла 1 ст., турецкій — Меджидіе 1 ст., черногорскій — князя Даніила 2 ст. со звѣздою и виртембергскій — Фридриха большаго креста.

А. Максимовъ.

Внѣ моды.

А. Фета.

Легкая коляска, запряженная породистою сѣрою четверкой, бѣжала по безлюдному раздолью черноземныхъ степей, разбирая путаницу частыхъ разстаней и перекрестковъ. По лѣвую сторону не стараго, расплывшагося кучера и запуская порою ему за спину правую руку въ перчаткѣ, чтобы придержаться за лакированный прутъ козелъ, сидѣлъ плотный малый, въ щегольской сѣрой шляпѣ и съ едва пробивающимися усами. Въ глубинѣ коляски, у которой верхъ былъ откинутъ, лицомъ къ малому, котораго звали Василіемъ, сидѣлъ, въ далеко не щегольской сѣрой шляпѣ съ широкими полями и въ свѣтлосѣрой накидкѣ, старикъ лѣтъ шестидесяти. Сѣдая окладистая борода его совершенно сливалась съ остальнымъ нарядомъ, и только темнѣющіе усы и брови указывали, что когда-то онъ былъ темнорусый. Сильно подпудренныя пылью, ничѣмъ не выдающіяся черты его лица выражали усталость и апатію, а небольшіе каріе глаза равнодушно смотрѣли на откидывающійся въ обѣ стороны вѣеръ зеленѣющихъ хлѣбныхъ загоновъ. Тонкій наблюдатель могъ бы разсмотрѣть въ этихъ усталыхъ глазахъ нѣкоторую вдумчивость и проблески нетерпѣнія.

Назовемъ старика Аѳанасіемъ Ивановичемъ, такъ какъ ярлыкъ этотъ общеизвѣстенъ. Рядомъ съ нимъ, но правую его руку и за спиною кучера, сидѣла и Пульхерія Ивановна. На ней была легкая шляпка съ вуалеткой, покрывающей лицо, и парусинное пальто. Не смотря на ея пятьдесятъ лѣтъ, въ волосахъ ея не замѣтно было сѣдины. Между ними въ ногахъ стоялъ на ребро средней величины чемоданъ. Кромѣ того, у ногъ Пульхеріи Ивановны ютились всякаго рода плетеныя корзинки и на самомъ сидѣньи между путниками торчали ручки небольшаго сака. Видно было, что Пульхерія Ивановна добровольно подвергала себя всякимъ стѣсненіямъ, лишь бы дать возможно болѣе простора Аѳанасію Ивановичу. Со своей стороны, когда какая-либо мелочь приползала съ указаннаго ей Пульхеріею Ивановною мѣста къ нему подъ ноги, и Пульхерія Ивановна начинала хлопотать о возстановленіи нарушеннаго порядка, Аѳанасій Ивановичъ не безъ раздраженія въ голосѣ говорилъ:

— Оставь, пожалуйста. Корзина нисколько меня не безпокоитъ. Охота тебѣ возиться.

Разбѣгающаяся во всѣ стороны степь только казалась до краевъ горизонта сплошнымъ зеленымъ ковромъ, тамъ и сямъ изрѣзаннымъ черными полосами, но въ сущности эта гладь нерѣдко прерывалась значительными углубленіями и даже безконечными оврагами, на днѣ которыхъ текли степные ручьи и рѣчки. Кромѣ такихъ крупныхъ задержекъ, представляемыхъ самою природою края, много ихъ возникаетъ въ силу давнишней ѣзды одноконныхъ обозовъ въ грязное, преимущественно осеннее время. Стоитъ гладкому и широкому проселку углубиться на извѣстномъ разстояніи въ почву, и углубленіе это съ годами превращается въ тѣсное корыто, по которому съ величайшимъ трудомъ могутъ разъѣхаться двѣ одноконныхъ подводы; за то несчастнымъ пристяжнымъ тройки, а тѣмъ болѣе четверки приходится на всемъ, нерѣдко значительномъ разстояніи, совершать полувоздушныя путешествія по откосамъ.

Видно было, что старосвѣтскіе помѣщики ѣдутъ не куда-нибудь въ гости къ сосѣдямъ, а въ болѣе дальній путь и притомъ не по желѣзной дорогѣ, а стародавнимъ пріемомъ, сохранившимъ гражданство въ наибольшей части нашей необъятной страны. Они дѣйствительно ѣхали за сто верстъ въ другую губернію, куда Аѳанасій Ивановичъ разъ въ годъ выѣзжалъ осмотрѣть свое родовое имѣніе. Почтовыхъ лошадей въ этомъ направленіи не было; поэтому Аѳанасій Ивановичъ, вынужденный ѣхать на своихъ, распоряжался такимъ образомъ. Наканунѣ выѣзда онъ отправлялъ подводу съ овсомъ и поваромъ ночевать въ уѣздный городъ, лежащій на пути въ 35-ти верстахъ отъ дому. Поваръ долженъ былъ въ день выѣзда Аѳанасія Ивановича покормить на половинѣ остальныхъ 65-ти верстъ и къ вечеру прибыть въ другое имѣніе. Тѣмъ же способомъ отправлялись и самые владѣльцы коляски, т. е. съ ночлегомъ въ городѣ, съ тою разницею, что на другой день они на половинѣ дороги находили высланную имъ навстрѣчу свѣжую четверку.

Не смотря на апатичный видъ Аѳанасія Ивановича, было бы несправедливо назвать его лѣнивымъ и апатичнымъ. Онъ многое видѣлъ на вѣку, со многимъ познакомился изъ книгъ и о многомъ передумалъ, и его тяготила окружающая жизнь, пока представляла сырую массу накопившихся и давно знакомыхъ фактовъ. Ему просто надоѣло и претило перевертывать и перечитывать затрепанную книгу жизни, надъ которой его одолѣвала нестерпимая скука. Онъ зналъ, что въ будничномъ соприкосновеніи съ природою и съ людьми встрѣ-

титъ давно знакомые и избитые предметы и потому съ одинаковымъ нерасположенiемъ относился къ такъ-называемымъ прогулкамъ и гостямъ; за то онъ оживлялся, когда ему случалось самому открыть какой-либо новый фактъ, или передъ нимъ являлся собесѣдникъ, будь это человѣкъ ученый или простолюдинъ, отъ котораго онъ ожидалъ новаго освѣщенiя давно знакомыхъ предметовъ. Тутъ апатiя его мгновенно исчезала, и карiе глазки его свѣтились огнемъ; онъ попадалъ въ дорогую для него сферу новизны и, овладѣвши какою-либо новинкой, не ограничивался однимъ удовлетворенiемъ любопытства, а тотчасъ же старался отыскать новому факту надлежащее мѣсто въ общемъ своемъ мiросозерцанiи. Онъ радовался, когда фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, служилъ новымъ подтвержденiемъ его мiросозерцанiя, но нимало не смущался, когда въ данную минуту не умѣлъ найти ему надлежащаго мѣста. Тогда онъ надѣялся, что мѣсто это современемъ найдется, или приходилъ къ окончательному убѣжденiю, что это не его ума дѣло. Изъ этой двойственности отношенiй къ жизни возникала и видимая двойственность его поступковъ. Только неизвѣданное, неиспытанное его увлекало. Въ этомъ увлеченiи онъ чувствовалъ свободу, тогда какъ перелистыванiе избитой книги жизни, не смотря на свою неизбѣжность, казалось ему нестерпимымъ рабствомъ.

Зная, что всякiй надзоръ за производствомъ сельскихъ работъ въ настоящее время связанъ съ мучительнымъ раздраженiемъ и, въ большинствѣ случаевъ, съ безплодными усилiями, Аѳанасiй Ивановичъ, по природному миролюбiю, старался, въ ущербъ собственной выгодѣ, не вмѣшиваться лично въ это дѣло, доставляющее сельскимъ хозяевамъ безпрестанный поводъ къ посѣщенiямъ сада и поля; а такъ какъ эта сторона побужденiй отпадала, то гигiеническiе мотивы прогулокъ казались Аѳанасiю Ивановичу нестерпимымъ рабствомъ. Онъ зналъ, что если бы, стоя во главѣ хозяйства, онъ, насилуя по чувству долга свое миролюбiе, и явился провѣрить данную работу, то дѣло отъ этого только бы проиграло. Онъ вдосталь испыталъ, что крестьянинъ инстинктивно чуетъ ту нравственную шатость, которая составляетъ характеръ нашей современной интеллигенцiи, и чувствуетъ, что первой нелѣпости достаточно, чтобы поставить барина втупикъ тамъ, гдѣ безъискусственный здравый смыслъ простолюдина не встрѣтитъ ни малѣйшаго препятствiя. Опытный хозяинъ, онъ предпочиталъ кабинетное занятiе бюджетною стороною дѣла, весьма важною, но находящеюся въ большинствѣ хозяйствъ въ полномъ пренебреженiи. Онъ зналъ, что нельзя правильно судить о ходѣ хозяйства и его результатахъ, не зная напередъ ни неизбѣжной мѣры расходовъ, ни возможнаго дохода. Нельзя при нерастяжимости дохода и внезапномъ возвышенiи расхода по отдѣльному производству не подумать объ уменьшенiи бюджета на менѣе необходимое въ пользу неизбѣжнаго.

Давно Аѳанасiй Ивановичъ привыкъ вести хозяйство изъ кабинета, изъ котораго въ подзорную трубу случайно могъ видѣть все происходящее даже на отдаленномъ концѣ имѣнiя, чуть не однажды въ годъ провѣряя ходъ дѣла въ такую пору, когда упущенiе было еще поправимо. Остальное время онъ предпочиталъ проводить въ кабинетѣ за какою-либо интересною книгой не обширной, но избранной библiотеки, и, чтобы не засидѣться совершенно, ежедневно игралъ двѣ-три партiи на билліардѣ съ Пульхерiею Ивановною.

Нельзя сказать, чтобы вся эта, по обстоятельствамъ искусственная, жизнь не оставляла въ душѣ Аѳанасiя Ивановича налета раздражительности. Поэтому стоило Пульхерiи Ивановнѣ, войдя въ кабинетъ Аѳанасiя Ивановича, сказать: „сегодня на дворѣ чистый рай; жара еще не наступила; соловьи по цѣлому парку поютъ наперебой и особливо подъ окномъ кухни такой голосистый, какого я и не слыхивала. Ты бы для воздуха прошелся хоть до оранжереи“,—и Аѳанасiй Ивановичъ не медля отвѣчалъ:

— Воздухъ, матушка, вездѣ есть. Очень радъ, что такъ хорошо, и я тебѣ не мѣшаю гулять сколько угодно. Но меня, пожалуйста, уволь.

За то иногда по собственному побужденiю Аѳанасiй Ивановичъ, не говоря ни слова, надѣвалъ фуражку и выходилъ не только на террасу, но спускался и въ партеръ, и въ садъ. Такiе моменты видимо доставляли великое удовольствiе Пульхерiи Ивановнѣ, которая тотчасъ же шла слѣдомъ за нимъ. Аѳанасiй Ивановичъ зналъ, что природою нельзя любоваться во всякое время, а тѣмъ болѣе по заказу. Нужно, чтобы фотографическiй снарядъ былъ надлежащимъ образомъ подготовленъ для воспрiятiя живаго образа. Въ минуты подобнаго расположенiя Аѳанасiй Ивановичъ любовно смотрѣлъ на елки, какъ онѣ, развѣшивая кругомъ молодые побѣги, точно на-показъ выставляли стройныя руки въ свѣтлозеленыхъ перчаткахъ. Иногда присѣвъ у фонтана и слѣдя за алмазнымъ преломленiемъ его луча, онъ вдругъ останавливалъ свой взоръ на округлыхъ извояхъ проплывающаго облака, котораго съ окружающей его воздушною синевою не въ состоянiи произвести никакая скульптура, никакая живопись. „Вотъ оно“, думалось ему,—„вѣчно новое, котораго ты постоянно жаждешь.“ Случалось ему иногда задавать себѣ такiе вопросы: вотъ этотъ побѣгъ хмѣля такъ и просится своею спиралью въ высоту, а между тѣмъ вокругъ его нѣтъ никакой тычинки или хотя бы куста, за который онъ могъ бы уцѣпиться. Только аршина на полтора въ сторону, да аршина на два отъ земли свѣсился засохшiй сукъ ольхи; неужели хмѣль, направясь въ сторону, поймается за этотъ сукъ? Но вѣдь это можетъ сдѣлать только зрячiй, такъ какъ нѣтъ никакой причины не видавши опоры къ ней тянуться, вопреки естественнымъ условiямъ роста, да и не видя сука можно сто разъ промахнуться, закидывая усъ. Надо завтра посмотрѣть, что́ изъ этого выйдетъ. И когда на другой день Аѳанасiй Ивановичъ находилъ хмѣль крѣпко вцѣпившимся въ далекую вѣтку, Аѳанасiю Ивановичу казалось, что природа ему на радость позволяла на мгновенiе заглянуть въ свою тайну. Равнымъ образомъ можно бы застать Аѳанасiя Ивановича сидящимъ на скамейкѣ или на корточкахъ на дорожкѣ парка и съ любопытствомъ наблюдающимъ хлопотливую работу муравья, тащущаго неподсильную ему вѣточку. Все шло хорошо; вѣточка подвигалась съ достаточною быстротою. Но вотъ препятствiе: поперекъ дорожки лежитъ еще болѣе крупная вѣтка. Пробившись понапрасну надъ ношей, рабочiй бросаетъ ее на мѣстѣ и убѣгаетъ; но черезъ полминуты ихъ бѣгутъ уже двое,—явно, онъ позвалъ товарища, и они вдвоемъ, ухватившись за толстый конецъ вѣточки, приподымаютъ ее, пятясь задомъ черезъ препятствiе. Вдругъ мимо бѣгущiй третiй, очевидно незваный, наткнувшись на нихъ, спѣшитъ къ тонкому концу ихъ вѣтки и пихаетъ ее передъ собою. При дружныхъ усилiяхъ вѣтка переходитъ черезъ препятствiе.

Передъ самымъ отъѣздомъ Аѳанасiй Ивановичъ долго любовался прiемами небольшаго черноватаго насѣкомаго. На полу въ кабинетѣ лежалъ бѣлый коверъ, испещренный темными цвѣтами и черными разводами. Аѳанасiй Ивановичъ случайно обратилъ вниманiе на мошку, торопившуюся перебѣжать коверъ. Къ немалому изумленiю, онъ замѣтилъ, что бѣжавшая проворно по чернымъ разводамъ мошка каждый разъ становилась втупикъ, натыкаясь на бѣлый фонъ. Она видимо пугалась этого бѣлаго и недоумѣвала, какъ продолжать путь въ желаемомъ направленiи. Постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, она направлялась по черной полосѣ,

Тризна воиновъ Святослава подъ стѣнами Доростола (Силистрія). Картина Г. Семирадскаго (въ Московскомъ историческомъ музеѣ), грав. Голевинскій.

если послѣдняя, хотя и окольнымъ путемъ, приближала ее къ цѣли. Когда же приходилось идти назадъ, мошка выбирала ближайшій темный рисунокъ и съ удвоенною быстротою перебѣгала черезъ бѣлое поле на этотъ темный островъ съ тѣмъ, чтобы по новой попутной черной полосѣ продолжать путь. И такихъ остановокъ передъ бѣлымъ было множество до самаго края ковра. Положимъ, Аѳанасій Ивановичъ былъ знакомъ съ толками естествоиспытателей объ охранѣ, предоставляемой природою животнымъ самою ихъ окраскою, дозволяющею имъ быть незамѣтными въ окружающей средѣ. Но вѣдь въ данномъ случаѣ сама мошка ни на минуту не забываетъ благопріятныхъ и вредныхъ условій цвѣтовъ для ея безопасности и самый законъ выступаетъ во всей таинственной очевидности. Откуда такое цѣлесообразное побужденіе? Гдѣ его источникъ? Если отвѣчать: *въ побужденіи*, — то сочтутъ отвѣчающаго тупоумнымъ; но скажите то же слово по-латынѣ: *въ инстинктъ*, — и всѣ довольны, хотя оно только значитъ: не знаю. Конечно, на такое новое Аѳанасій Ивановичъ натыкался только случайно; въ остальное же время искалъ его у могучихъ писателей. За то, попадая въ экипажъ или вагонъ, онъ чувствовалъ себя страдательною поклажей и невыносимо скучалъ. Не встрѣчая на пути ничего новаго, онъ старался у знакомыхъ предметовъ добиваться правды и большею частью усугублялъ свое раздраженіе сопоставленіемъ той путаницы понятій и сужденій, съ которыми большинство людей относилось къ этимъ предметамъ. Попадалась-ли ему вдоль дороги темнозеленая полоска могучей ржи, рѣзко отбивающая отъ остальнаго чахлаго клина, или же подобная ей полоска приближалась перпендикулярно къ дорогѣ, Аѳанасій Ивановичъ сразу видѣлъ, что первая — на запаханной дорогѣ, а вторая — на запаханной межѣ. А вотъ и круги сизаго овса, раскиданные по тощему всходу, и Аѳанасій Ивановичъ съ какимъ-то злорадствомъ припоминалъ журнальную статью, въ которой мнимая наука гордилась открытіемъ, что эти круги — слѣды удобренія, раскиданнаго въ прошломъ году пасшимся скотомъ. Для Аѳанасія Ивановича этотъ фактъ былъ только указаніемъ, что удобреніе не теряетъ своей силы и при поздней запашкѣ. Когда подушка, заправленная Пульхеріею Ивановною, сбивалась на сторону, или пледъ съѣзжалъ съ его колѣнъ, онъ долго взвѣшивалъ въ умѣ — что̀ лучше? — терпѣть-ли это увеличивающееся неудобство, или выламывать лопатки, выправляя подушку за спиною, или снова подсовывая концы пледа подъ ноги?

За то при спускахъ въ крутыя балки ему предстояли тягостныя передвиженія. Напрасно разсудительный кучеръ повторялъ: „будьте покойны, мы подтормозимъ, и Василій впереди лошадей будетъ только осаживать дышла“ — Пульхерія Ивановна, не принимая никакихъ резоновъ, повторяла: „пустите меня ради Бога, я пѣшкомъ пойду.“

Крутые спуски къ живой водѣ и мосту большею частію бываютъ вдоль деревень, а потому Аѳанасію Ивановичу поневолѣ приходилось вылѣзать изъ коляски на защиту Пульхеріи Ивановны отъ собакъ, и затѣмъ начиналось ненавистное Аѳанасію Ивановичу размѣщеніе подушекъ, корзинокъ и т. д. Заглушая истому, Аѳанасій Ивановичъ то и дѣло закуривалъ новую папироску, а иногда старался выразить дробнымъ числомъ отношеніе пройденнаго пути къ остающемуся.

Но вотъ коляска выбралась изъ послѣдней балки и наконецъ взъѣхала на почтовый большакъ, по которому до города оставалось не болѣе одиннадцати верстъ по совершенно ровной дорогѣ. Коляска бѣжала какъ по шоссе, и лошади до того сладились крупною рысью, что казалось, будто тактъ отбиваютъ ноги одной. Однако черезъ нѣкоторое время въ стройно отчетливый топотъ примѣшивался какой-то второстепенный разладъ, и кучеръ Ефимъ, вытянувъ изо всѣхъ силъ кнутомъ по спинѣ правую пристяжную, тотчасъ же откидывался всѣмъ тѣломъ назадъ, сдерживая остальную заскакавшую тройку. Черезъ нѣсколько мгновеній мѣрный топотъ возстановлялся, но затѣмъ — тотъ же безпорядочный дребезгъ, тотъ же рѣзкій ударъ кнута по спинѣ правой пристяжной и то же напряженное отклоненіе назадъ кучерской спины.

— Ефимъ! восклицаетъ Пульхерія Ивановна, — за что̀ ты ее все бьешь?

— Ей, внушительно отвѣчаетъ Ефимъ, — по настоящему здѣсь и работать-то не слѣдуетъ.

— Почему? любопытствуетъ Пульхерія Ивановна.

— Извѣстно, продолжаетъ Ефимъ, — *рущкая* лошадь, гдѣ жь ей, примѣрно, сбѣжать съ этими?

„Вотъ“, подумалъ Аѳанасій Ивановичъ, — „наглядное разрѣшеніе спора объ искусственномъ и естественномъ подборѣ.“

Солнце замѣтно стало спускаться къ горизонту, когда, съ едва ощутительнаго изволока, вдали засіялъ куполъ собора, единственной церкви уѣзднаго городка. Нѣсколько ниже, словно правильный кубическій кусокъ сахара, бѣлѣлъ острогъ.

— Только крошечку приподымись, сказала Пульхерія Ивановна, поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и съ усиліемъ запуская руки за спину Аѳанасія Ивановича, — опять твоя подушка сбилась на сторону.

— Ахъ, матушка! воскликнулъ Аѳанасій Ивановичъ, — оставь пожалуйста! Вѣдь это наконецъ несносно! Недалеко осталось, и такъ доплетемся.

Но Пульхерія Ивановна, какъ бы не слыша ворчанія Аѳанасія Ивановича, напряженно вытащила у него изъ-за спины подушку и привела ее въ надлежащій порядокъ.

„Странно“, подумалъ Аѳанасій Ивановичъ, — „что люди точно нарочно отворачиваются отъ очевидной истины. Какъ же не видать, что всѣми дѣйствіями руководитъ не разумъ, а невольная воля. Развѣ Ефимъ не понимаетъ, что сто̀итъ ему уменьшить рысь, и *рущкая* пристяжная не будетъ отставать? Но ему хочется катить, и онъ требуетъ невозможнаго. Развѣ Пульхерія Ивановна не видитъ, что она мнѣ досаждаетъ? Но ей хочется, чтобы мнѣ было покойно сидѣть, и она выноситъ раздражительные отвѣты, которые разсердили бы стороннюю женщину. Почему же она-то не сторонняя? Вѣдь мы нѣкогда были не только чужіе, но даже другъ съ другомъ незнакомые люди. И вдругъ такіе незнакомцы становятся гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ Сіамскіе близнецы, и не вслѣдствіе какихъ-либо внѣшнихъ мѣропріятій или учрежденій, а прямо потому, что они мужъ и жена. Самый актъ сочетанія мгновенно перерѣзаетъ всякую самую утонченную натянутость отношеній; всякое *вы* мгновенно превращается въ *ты*, одинъ становится какъ бы продолженіемъ другаго, всякое возвращеніе къ прежней натянутости только искусственно и лживо. То, что̀ мнимая наука проповѣдуетъ о свободѣ женщины, опять-таки подсказывается не разумомъ, а волею. Только поиски свободы тамъ, гдѣ ее не отвела природа, посылаютъ разумъ преднамѣренно запутывать вопросъ, разрѣшаемый ежедневно самою природою, у которой весь онъ сводится къ тому, насколько новорожденныя дѣти въ состояніи кормиться тотчасъ по появленіи на свѣтъ. Связь между полами тѣмъ слабѣе, чѣмъ способнѣе новорожденные къ немедленному снискиванію себѣ пропитанія. Такъ въ куриной породѣ тетеревовъ самецъ забивается куда-нибудь въ глушь мѣнять перья, предоставляя тетеркѣ высиживать на землѣ цыплятъ, которые тотчасъ же, выбравшись изъ яйца, начинаютъ клевать. Но у птицъ вьющихъ гнѣзда на деревьяхъ, куда одна мать не успѣетъ доста-

вить птенцамъ достаточное количество пищи, дружелюбное отношеніе паръ становится необходимымъ и у нѣкоторыхъ доходитъ до высшей нѣжности. Такъ, напримѣръ, соловей, все время сидѣнія самки на яицахъ, продолжаетъ услаждать ее своимъ пѣніемъ, которое, умолкнувъ при появленіи дѣтей, смѣняется усиленною заботою ихъ кормленія. Явно, что хотя тутъ все навѣки устроено согласно органическимъ условіямъ отдѣльнаго класса, но установлено не по разсчету ума, а по неисповѣдимой волѣ, рѣшающей сохраненіе даннаго рода. Слѣдовательно, при вопросѣ о формѣ брачныхъ отношеній у людей, надлежитъ только найти соотвѣтственную рубрику, т. е. спросить: во-первыхъ, можетъ-ли новорожденный ребенокъ тотчасъ же самъ добывать себѣ пищу, и во-вторыхъ, можетъ-ли молодая мать, носящая свое бремя почти годъ, одна добывать пищу для себя и для десятка дѣтей. Отвѣтъ на эти вопросы укажетъ на форму соотвѣтственныхъ людскихъ отношеній".

Коляска, проѣхавъ мимо полуверстной ограды рысистыхъ бѣговъ, покатила по гладкой и пыльной улицѣ, выставляющей по обѣ стороны вереницы самыхъ разнообразныхъ по наружному виду домовъ, большею частію подъ камышевыми и соломенными кровлями, между которыми попадались и исправныя желѣзныя. Конечно, въ цѣломъ городкѣ нѣтъ и аршина мостовой, и при весеннемъ и осеннемъ проѣздѣ по главнымъ улицамъ приходится тонуть въ грязи. И тутъ кабинетная наука не оставляетъ бѣдныхъ людей въ покоѣ и бьетъ на принудительную ассенизацію города, забывая, что самый городъ одолженъ своимъ существованіемъ возможности заваливать дворы всякаго рода отбросками споручныхъ сырыхъ матеріаловъ, обрабатываемыхъ нищенскими ремеслами. Требовать отъ хозяина убогой полуразвалившейся лачуги неподсильныхъ тратъ на оздоровленіе и безъ того здоровыхъ людей—значитъ насильно разгонять ихъ въ землянки по полямъ, куда благодѣтельный прогрессъ до нихъ не скоро доберется.

Прокативъ мимо двухъэтажнаго каменнаго дома земства, кидающагося въ глаза громадною вывѣскою и неопрятнымъ крыльцомъ, коляска по обширной и безлюдной площади обогнула соборъ и завернула по набережной небольшой рѣки, превращенной мельничною плотиною въ широкій прудъ. Еще нѣсколько стройныхъ тактовъ, отбитыхъ ногами четверки, и коляска, повернувъ въ переулокъ и проѣхавъ вывѣску съ надписью: „Гостиница Соколова", — остановилась противъ ближайшихъ, запертыхъ воротъ.

— Сбѣгай, узнай-ка, есть-ли комнаты, проговорилъ Аѳанасій Ивановичъ, и спрыгнувшій съ козелъ слуга торопливо прошелъ въ калитку.

Черезъ минуту послышалось шуршанье засова, и въ распахивающихся воротахъ показался не то дворникъ, не то жилецъ въ синемъ затасканномъ халатѣ. Коляска въѣхала по проулку во дворъ и остановилась въ немъ передъ деревяннымъ крылечкомъ, на порогѣ котораго стояла небольшая востроносая и черномазая женщина, слегка раскидывавшая руками и повторявшая: „пожалуйте". Она указала проѣзжимъ довольно просторную комнату съ двумя окнами во дворъ и двумя — въ тѣсный переулокъ, отдѣлявшій самый домъ отъ сосѣдняго забора. Незатѣйливая меблировка состояла изъ крашенаго столика между окнами во дворъ, нѣсколькихъ стульевъ, кровати противъ оконъ въ переулокъ и подозрительнаго дивана спинкою къ переулку. На подоконникахъ стояли тщательно содержимые горшки съ растеніями: геранью, миртами и даже кактусомъ.

— Нѣтъ-ли тутъ клоповъ? спросилъ Аѳанасій Ивановичъ, ни къ кому спеціально не обращаясь.

— Помилуйте! воскликнула хозяйка, — у насъ этого не бываетъ.

Началось ношеніе чемодана, корзинокъ, кулечковъ изъ коляски, и когда все было разстановлено и разложено въ концѣ комнаты, Пульхерія Ивановна спросила хозяйку, есть-ли сливки къ чаю.

Лишь только чемоданъ былъ раскрытъ, и въ комнатѣ заслышался запахъ фіалки отъ мыла Ралле, слуга внесъ два бѣлыхъ кувшина съ водою и поставилъ на стулъ грязный мѣдный тазъ. Аѳанасій Ивановичъ заперъ выходную дверь на крючокъ, и началось умыванье. Пульхеріи Ивановнѣ слѣдовало умываться первой, во-первыхъ, потому что ей предстояло еще много хлопотъ, а во-вторыхъ, и потому, что Аѳанасію Ивановичу, при взаимной помощи, легче было, чѣмъ ей, подымать полный кувшинъ съ водою. За то, когда очередь поливать дошла до Пульхеріи Ивановны, она была неумолима: „еще, еще, говорила она,—за лѣвымъ-то ухомъ протри хорошенько. Я не понимаю, какъ тебѣ самому не противна эта грязь".

Наконецъ походный умывальникъ былъ удаленъ, и Аѳанасій Ивановичъ, къ немалой отрадѣ, облекся въ легкій парусинный халатъ. Столъ покрылся свѣжею салфеткою, и на немъ появился кипящій самоваръ, серебряные ножи и вилки и нѣсколько аккуратно свернутыхъ пакетовъ, въ которыхъ оказались: индѣйка, языкъ, ватрушки и пакетикъ съ солью. Хотя Аѳанасій Ивановичъ не имѣлъ привычки ѣсть вечеромъ, но Пульхерія Ивановна нарѣзала такихъ привлекательныхъ кусковъ маслянистаго языка, что онъ сдѣлалъ ему небольшую честь. На дворѣ послышался топотъ лошадей, которыхъ послѣ проваживанія на улицѣ велъ Ефимъ. Пульхерія Ивановна отложила изъ сахарницы четыре куска и сказала Василію:

— Я и на вашу долю положила чаю; убирай самоваръ и напой Ефима.

— Да не забудь ему сказать, прибавилъ Аѳанасій Ивановичъ, — чтобы завтра въ половинѣ шестаго коляска была у крыльца. До пекучки надо добраться до дому.

— Какъ напьешься, прибавила Пульхерія Ивановна,—приходи сюда накрыть постель. Аѳанасію Ивановичу—на кровати, а мнѣ—на диванѣ.

Напрасно Аѳанасій Ивановичъ протестовалъ противъ такого расворяженія. Но замѣтивъ, что Пульхерія Ивановна стала не на шутку сердиться на вмѣшательство въ ея дѣла, онъ замолкъ и присѣлъ къ столу, на который Пульхерія Ивановна положила двойную колоду картъ для вечерняго пасьянса Аѳанасія Ивановича. Это интересное дѣло никогда не совершалось безъ горячаго сочувствія со стороны Пульхеріи Ивановны.

— Ты вотъ не кладешь семерку на восьмерку й двойку-то не спасаешь, — оттого у тебя никогда и не выходитъ.

Заря давно погорѣла надъ крышею надворнаго сарая. Вошелъ слуга, и началось укрываніе кровати и дивана свѣжими простынями, и натягиваніе свѣжихъ наволочекъ на подушки.

— Поставь свѣчи на столъ и ложись спать. Ты намъ больше не нуженъ.

Заперевъ за ушедшимъ слугою дверь на крючокъ, Аѳанасій Ивановичъ сталъ раскладывать новый пасьянсъ, а Пульхерія Ивановна изъ припасенныхъ цѣльныхъ газетныхъ листовъ при помощи булавокъ устроила на низкихъ окнахъ непроницаемыя для взоровъ со двора занавѣси, оставивъ открытыми только окна, обращенныя къ забору, откуда нельзя было ожидать нескромныхъ глазъ. Зажгли свѣчи, но увидавъ по часамъ, что скоро десять, Аѳанасій Ивановичъ замѣтилъ: „не пора-ли на отдыхъ? Вѣдь завтра рано вставать". Подойдя къ кровати и снявъ халатъ и туфли, онъ взобрался на жесткую какъ доска постель.

На стулъ у его изголовья Пульхерія Ивановна положила папиросочницу, спичечницу и коробку съ пер-

сидскимъ порошкомъ, а сама принялась за ночной туалетъ, окончанія котораго Аѳанасій Ивановичъ не дождался. Онъ крѣпко заснулъ.

Солнце еще не всходило, когда Аѳанасій Ивановичъ проснулся. Желая приблизительно опредѣлить время по цвѣту неба (часы Пульхерія Ивановна изъ предосторожности положила съ вечера на столъ), Аѳанасій Ивановичъ взглянулъ въ окно черезъ близь стоящій противъ него заборъ. На верхнемъ брускѣ послѣдняго сидѣла рядомъ пара голубей: сизый съ золотистымъ отливомъ болѣе крупный самецъ и бѣлая какъ снѣжный комокъ голубка. Оба они распушившись представляли два небольшихъ шара на коралловыхъ ножкахъ. Но едва Аѳанасій Ивановичъ успѣлъ ихъ замѣтить, какъ самецъ, точно силою соскочившей пружины, высоко плевою, и головка снова ушла и погрузилась въ пушистый шаръ. Сизый голубь невозмутимо занялся туалетомъ, въ то время какъ голубка продолжала нѣжиться сномъ. Но вотъ онъ вторично клюнулъ еще рѣшительнѣе, и на этотъ разъ голова голубки выскочила во всю длину шеи и, подобравъ въ свою очередь перья, голубка занялась тщательнымъ уборомъ своего бѣлоснѣжнаго ожерелья. Нѣкоторое время оба настойчиво предавались этому занятію, и вдругъ, въ одинъ и тотъ-же моментъ, мелькнули четыре крыла, раздался мощный плескъ съ едва слышнымъ подсвистываніемъ, и заборъ опустѣлъ.

Подъ вліяніемъ заботы о приближающихся сборахъ къ отъѣзду, Аѳанасій Ивановичъ провелъ часа полтора въ состояніи между сномъ и бдѣніемъ. Сквозь дремоту

Ахалъ-текинская мельница. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

вскинулъ изъ своего шара красноносую головку съ раскрытыми глазами, подобралъ перья на всемъ тѣлѣ и сталъ пушинка за пушинкой чистить и улаживать свое золотистое ожерелье. При этомъ сизая головка, перебиравшая перышки, все дальше и дальше совершала кругъ съ такою свободою, какъ будто не состояла ни въ какой органической связи съ туловищемъ и такъ-же свободно озирала и оправляла ожерелье на затылкѣ, какъ и на груди. Нѣсколько минутъ продолжался этотъ утренній туалетъ, но вдругъ коралловый носикъ, повернувшись влѣво, сильно клюнулъ сидѣвшую рядомъ голубку. Въ то-же мгновеніе ея бѣлая головка подпрыгнула съ раскрытыми глазами. Ея носикъ въ свою очередь взялся за оттопыренныя перышки ея ожерелья; но это было лишь мгновенное движеніе. Носикъ выронилъ пушинку, глаза закрылись бѣлою онъ слышалъ, какъ подъ навѣсомъ лошади хрустя доѣдали овесъ, какъ Ефимъ, проскрипѣвъ воротами, водилъ ихъ на водопой. Стало окончательно свѣтло. Пульхерія Ивановна тихо спала какъ убитая, и Аѳанасію Ивановичу жаль было ее будить. Но дѣлать было нечего—онъ окликнулъ ее.

— Ахъ, Боже мой, простонала Пульхерія Ивановна,—зачѣмъ ты меня будишь? Я такъ устала.

Аѳанасій Ивановичъ подошелъ и слегка качнулъ ее за плечо, громко проговоривши:

— Вставай, пора!

Пульхерія Ивановна открыла глаза, приподнялась съ подушки и затѣмъ быстро проговорила:

— Спасибо, что разбудилъ. А то бы я пожалуй опоздала.

Начались сборы въ дорогу.

Русская боярышня. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Лоренца, гра

Время.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Графа А. А. Голенищева-Кутузова.

Судьбу вопрошая, страшась и любя,
Безпечный младенецъ, смотрю на тебя.

Не вѣдая жизни таинственной цѣли,
Съ улыбкой блаженства ты спишь въ колыбели;

Все, въ чуткомъ вниманьи склонившись кругомъ,
Твоимъ заповѣднымъ любуется сномъ.

Въ твой міръ сновидѣній, лучей и лазури
Дохнуть не дерзаютъ житейскія бури

И самое Время—скакунъ роковой—
Еще неподвижно стоитъ предъ тобой.

Но скоро безсилія свергнешь ты бремя.
И ступишь ногою въ опасное стремя,

И поводъ рука твоя смѣло возьметъ,
И двинется конь подъ тобою впередъ—

Впередъ, укороченнымъ, медленнымъ шагомъ,
Въ невѣдомый путь, по холмамъ и оврагамъ,

Цвѣтущимъ долинамъ, дремучимъ лѣсамъ,
Къ предѣламъ далекимъ, къ чужимъ небесамъ,

Гдѣ будущность скрыта въ невѣдомой долѣ,
Откуда назадъ не вернешься ты болѣ.

И радостенъ будетъ вначалѣ твой путь:
Надеждой подъемлется юная грудь,

Надежда смѣется въ порхающемъ взорѣ,
Надеждой все дышетъ въ окрестномъ просторѣ...

— О конь, что̀ ступаешь такъ медленно ты?
Тебя обгоняя, несутся мечты

Въ тотъ край, гдѣ лучи въ небесахъ необъятныхъ
Отъ радугъ, отъ молній, отъ звѣздъ незакатныхъ

Сверкаютъ, и меркнутъ, и свѣтятся вновь,
Гдѣ юность царитъ, гдѣ пылаетъ любовь.—

И конь, молодому желанью послушный,
Въ весельи ускоритъ побѣгъ свой воздушный,

И годы, какъ волны въ игрѣ и борьбѣ,
Быстрѣй понесутся навстрѣчу тебѣ.

Несчитанныхъ дней проплыветъ вереница,
Смѣняя картины, событія, лица;

Какъ лѣто, пора наслажденій пройдетъ;
А конь будетъ мчаться все дальше, впередъ—

Впередъ—ускоряя свой бѣгъ ежечасно,
За призрачнымъ счастьемъ въ погонѣ опасной...

И вдругъ на пути ты постигнешь душой,
Что счастье осталось вдали за тобой;

Услышишь, зловѣщей тревогой объятый,
Что бурь отошедшихъ смолкаютъ раскаты,

Увидишь, что солнце на небѣ блѣднѣй,
Почуешь, что дышетъ весь міръ холоднѣй,

Что меркнутъ и небо, и земли, и воды,
Что лучшіе мимо промчалися годы,

Что гаснутъ надежды и страсти въ груди,
Что холодъ, пустыня и мракъ впереди.

Тогда съ сожалѣньемъ ты вспомнишь впервые
Событія, встрѣчи и годы былые.

И все, что̀ чредой мимолетной прошло,
Опять предъ очами воскреснетъ свѣтло,

Воскреснетъ какъ сонъ, въ красотѣ небывалой,
Взывая къ возврату—и, путникъ усталый,

Кидая вокругъ отуманенный взглядъ,
Коня повернуть ты захочешь назадъ,

Чтобъ къ скрывшейся юности вновь воротиться,
Чтобъ счастьемъ прожитымъ опять насладиться;

Но конь, непокорный ужь власти твоей,
Тебя будетъ мчать все быстрѣй и быстрѣй;

Подъ стужей и тьмой, одичалый, мятежный,
Какъ вихорь крылатый въ пустынѣ безбрежной.

И въ жалкомъ безсильи, хоть злобствуй, хоть плачь,
Не смолкнетъ, не стихнетъ тотъ бѣшеный скачъ,

Пока безъ дыханья, безъ чувства, безъ силы,
Съ конемъ ты не свергнешься въ бездну могилы,

Въ разверстую пропасть безъ свѣта и дна,
Въ объятія чернаго, вѣчнаго сна.

И тамъ лишь—въ сознаніи жизненной цѣли—
Безстрастенъ и тихъ, какъ дитя въ колыбели,

Ты снова найдешь тотъ блаженный покой,
Что нынѣ витаетъ въ тиши надъ тобой...

Но Время отъ сна ужь тебя не подниметъ,
И счастія смерти никто не отниметъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

I.

Прасковья Петровна была здоровая, статная дѣвушка, со свѣжимъ румянцемъ на смугломъ лицѣ и съ яснымъ, спокойнымъ взглядомъ. Въ семействѣ дяди ея, Ивана Ѳеодоровича Ладищева, всѣ любили ее за ея безпечно-веселый нравъ и неподдѣльную простоту обращенія, которой не могли изгладить ни институтъ, ни уѣздное общество и которую можно встрѣтить еще лишь изрѣдка у людей родившихся и проживших дѣтство въ деревнѣ, на свѣжемъ воздухѣ, въ кругу старомодной дворянской семьи.

Но съ Пашей, въ этотъ пріѣздъ, произошла печальная перемѣна. Она явилась блѣдная и разстроенная, съ какимъ-то нервнымъ подергиваньемъ въ губахъ и растеряннымъ, дико блуждающимъ взоромъ, словно она не узнавала родныхъ или съ чего-то вдругъ почувствовала себя чужою въ старой, давно знакомой ей обстановкѣ. На всѣ разспросы: что̀ это съ ней? она отвѣчала робко и неохотно, что такъ, ничего-молъ, — доро̀гою съ ней была непріятность; — ихъ поѣздъ, недалеко отъ Грузова, переѣхалъ какую-то хорошо одѣтую, молодую женщину, и ее вытащили какъ разъ изъ-подъ того вагона, въ которомъ она сидѣла. Это произвело на нее такое ужасное впечатлѣніе, что съ ней сдѣлалось дурно, и съ того времени до сихъ поръ она не можетъ придти въ себя.

Никому и на умъ не пришло заподозрить тутъ вымыселъ или притворство. Ей дали успокоительныхъ капель и посовѣтовали не думать больше о страшныхъ вещахъ; но это не помогло. Она не ѣла почти ничего цѣлый день, и всю ночь проворочалась съ боку на бокъ, безъ сна, а утромъ проснулась въ жару и съ такою слабостью, что при всякой попыткѣ встать и одѣться—съ ней дѣлалась дурнота.

Домо̀вый врачъ, за которымъ послали немедленно, не нашелъ однакоже ничего серьезнаго и отнесъ всѣ симптомы къ сильному нервному потрясенію, усложненному легкимъ приливомъ къ мозгу. Поставлены были мушки за уши, прописаны порошки бромъ-калія и предписанъ полнѣйшій покой. Она пролежала два дня и на третій дѣйствительно встала, повидимому здо̀ровая; но какъ-то это была уже не прежняя Паша. Безпечная рѣзвость ея пропала и на нее находили нерѣдко минуты странной разсѣянности, сообщавшей ей видъ глубокаго равнодушія ко всему окружающему, — минуты, во время которыхъ она какъ будто-бы уходила въ себя. А между тѣмъ малѣйшая неожиданность — звонокъ въ прихожей, письмо, появленіе незнакомаго человѣка—заставляли ее мгновенно вздрагивать и мѣняться въ лицѣ. Среди оживленнаго разговора она иногда, безъ всякой замѣтной причины, задумывалась и умолкала; а изрѣдка, заглянувъ къ ней въ комнату, ее заставали одну, сидящую за ея рабочимъ столомъ безъ дѣла, съ лицомъ подпертымъ ладонями и съ неподвижно уставленными въ пустое пространство, заплаканными глазами.

Не трудно представить себѣ, какъ все это огорчало и озабочивало ея родныхъ. Дорожный случай, въ которомъ она призналась, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, самъ по себѣ не могъ оставить такихъ продолжительныхъ и глубокихъ слѣдовъ. Рождалось естественно подозрѣніе, что она прячетъ что-нибудь, что̀ случилось съ ней ранѣе; но писать къ ея матери не рѣшались изъ опасенія напугать ее, а потому пристали къ Сережѣ, который провелъ два мѣсяца въ отпуску, въ одномъ уѣздѣ съ Пашей и по сосѣдству съ ея усадьбой. Сергѣй Ивановичъ Лагодинъ былъ ея двоюродный братъ со стороны матери, молодой человѣкъ, немногимъ старше ея. Онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Пашей и довезъ ее до первой желѣзнодорожной станціи въ Р***; но оттуда они пріѣхали врозь.

— Что̀ это съ Пашей? допрашивали его кузина и тетка.

— Понять не могу, отвѣчалъ онъ. — Доро̀гой была весела — или казалась; по крайней мѣрѣ я не замѣтилъ и тѣни того что̀ я вижу здѣсь.

— Ну, да вѣдь вы, мужчины, видите только то что̀ желаютъ вамъ показать, замѣтила тетушка, Клеопатра Васильевна. — Вспомни-ка, тамъ у васъ, въ уѣздѣ, не было-ли чего?

Сергѣй задумался, но не могъ ничего припомнить.

— Это ужасно странно! Она молчитъ, или ссылается на испугъ; но я не могу повѣрить чтобы подобная перемѣна произошла безъ какихъ-нибудь очень серьезныхъ причинъ. Право, другой разъ приходитъ на умъ: не влюблена-ли уже? Но у такихъ какъ ты не сто̀итъ объ этомъ и спрашивать, потому что понятно она тебѣ не признается.

— Понятно, съ усмѣшкою подтвердилъ молодой человѣкъ; — а между тѣмъ я кое-что знаю насчетъ сердечныхъ ея обстоятельствъ.

Это произвело сенсацію; но дамы, знавшія хорошо Сергѣя, переглянувшись между собою, выразили нѣкоторое сомнѣніе.

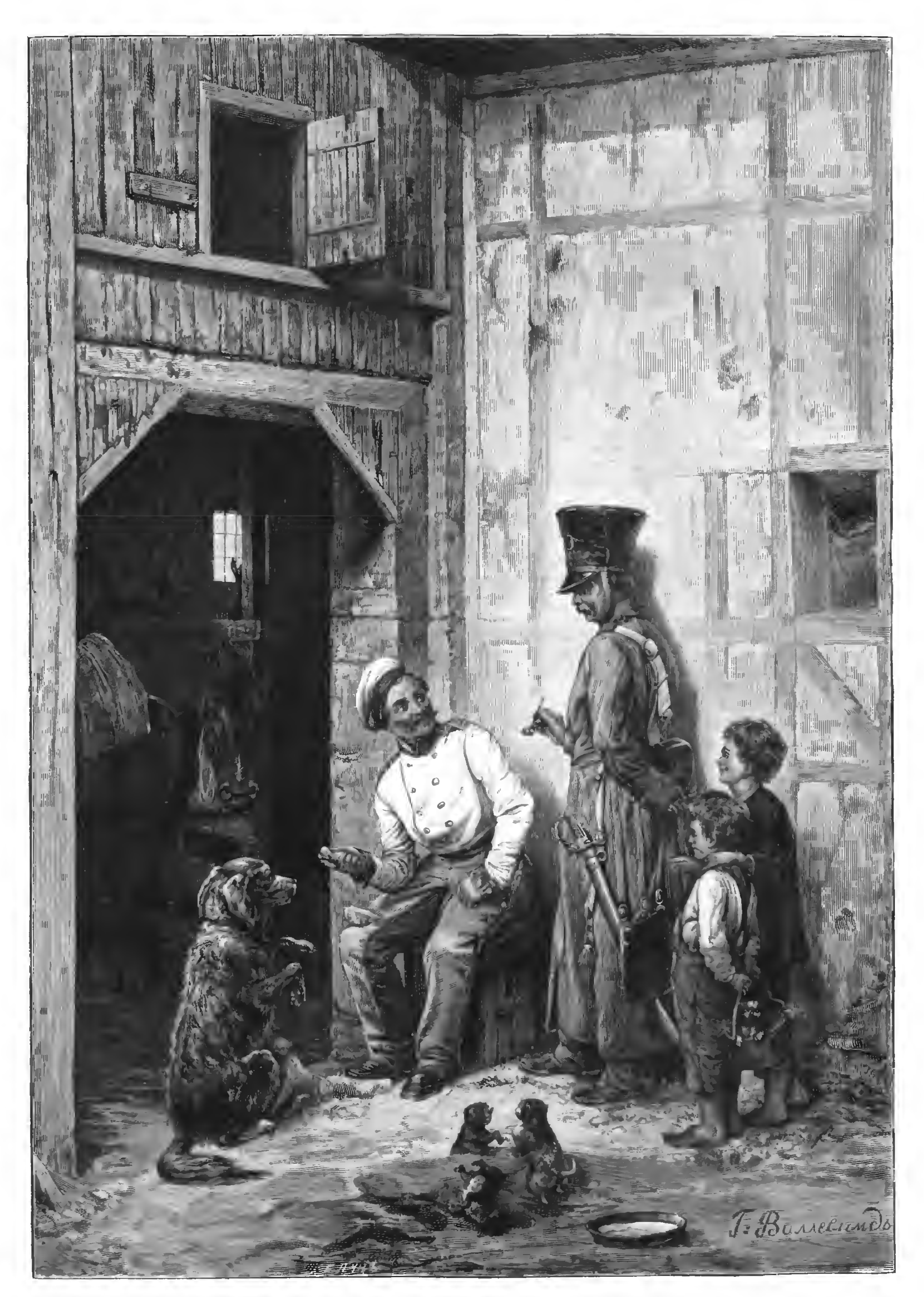
— Ей Богу же знаю! подтвердилъ онъ смѣясь: — да и не я одинъ. Между своими людьми, и совсѣмъ случайно,—или по крайней мѣрѣ, какъ говорятъ въ уголовной практикѣ, безъ предвзятаго умысла, — мы вывѣдали у Паши ея секретъ.

— Какъ подло! сказала, смотря на него съ негодованіемъ, его кузина Софья Ивановна. — Но я не вѣрю тебѣ, Сережа; ты врешь?

— Да нѣтъ же! Ну что̀ мнѣ съ тобою дѣлать?.. Ну, слушайте, я разскажу вамъ какъ это было.

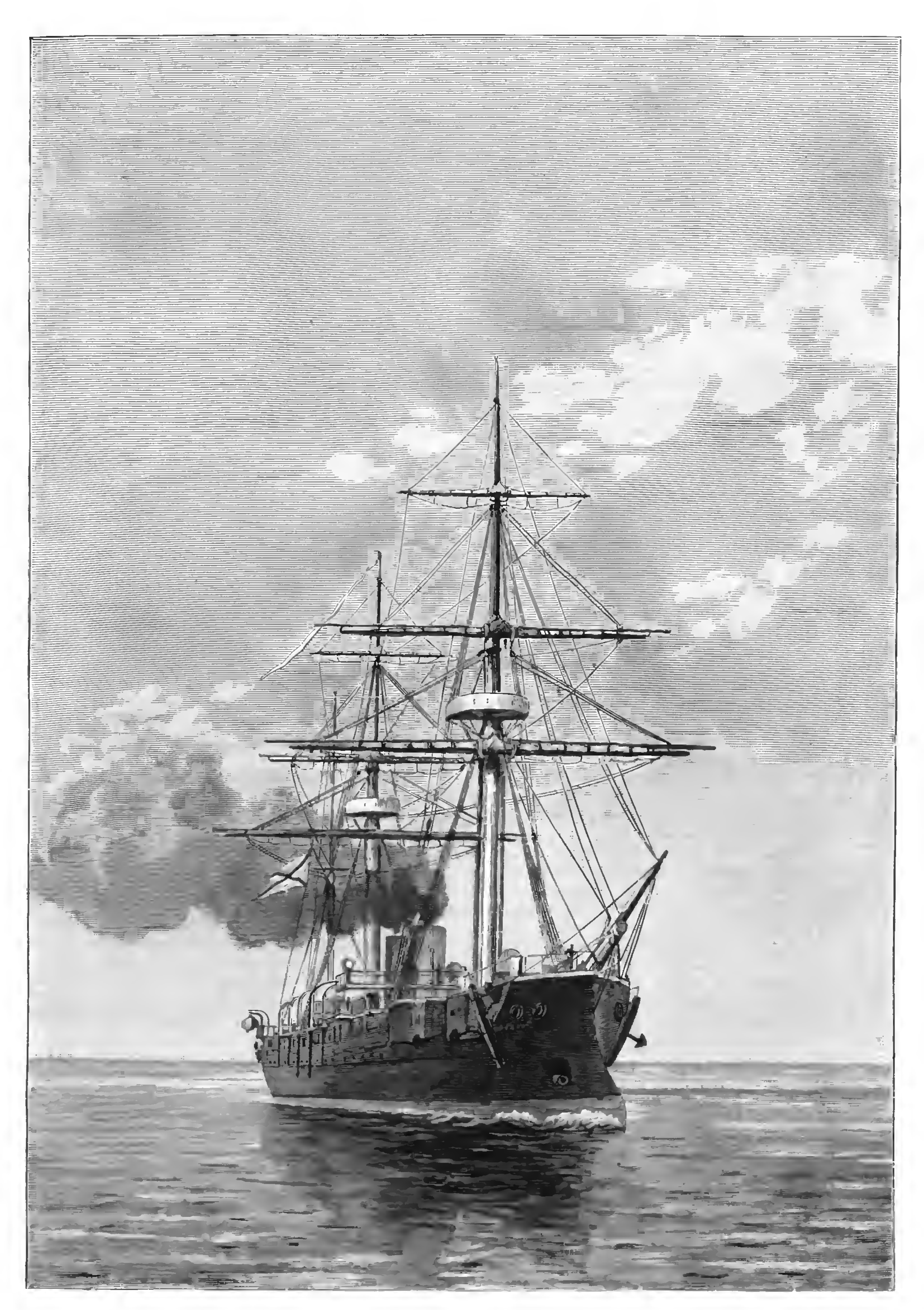
* * *

— Вы знаете Мезенскихъ? Это истинные герои нашего времени, въ скромныхъ размѣрахъ уѣздной сцены — дѣльцы и воротилы, которые окружили себя небольшою, но рѣшительною партіей, и вотъ уже пятый годъ какъ держатъ въ рукахъ уѣздъ. Сестра ихъ, Анна Григорьевна, старый другъ Паши по институту, гостила у ней недавно въ Сувидовѣ, и по этому случаю, туда съѣхалось небольшое общество близко знакомыхъ людей: Григорій и Павелъ Мезенскіе, Быховская, нашъ уѣздный докторъ Густавъ Андреевичъ Ваппъ и я. Это было какъ разъ передъ нашимъ отъѣздомъ и послѣ того какъ мы съ Пашею объявили уже что ѣдемъ вмѣстѣ. Передъ обѣдомъ играли въ винтъ, а послѣ обѣда тетушка насъ оставила; собирались ѣхать на лодкѣ, въ Дубки, и въ ожиданіи пока жаръ спадетъ, болтали въ гостиной. Народъ былъ болѣе или менѣе молодой и всѣмъ, что называется, не сидѣлось: то тотъ, то другой предлагали какую-нибудь затѣю. Какъ вдругъ, смотрю: наша jeune première, Быховская, достаетъ изъ мѣшка какой-то малоизвѣстный, еженедѣльный листокъ. — „Слушайте", говоритъ: „какія тутъ чудеса разсказываютъ!.." Это была одна изъ модныхъ, раздутыхъ до-нельзя статей, повѣствующихъ о новыхъ опытахъ нервнаго усыпленія, подъ руководствомъ Шарко̀, въ Salpêtrière, въ Парижѣ. Здѣсь, въ Петербургѣ, гдѣ спиритическіе сеансы и періодически возникающая изъ нихъ полемика успѣли уже всѣмъ надоѣсть, на это едва обращаютъ вниманіе. Но тамъ, въ глуши, понимаете, on n'est pas si blasé sur le chapitre du merveilleux... Пошли разсказы, предположенія, толки; тотъ вѣрилъ,



Семидесятипятилѣтіе перехода русскихъ войскъ черезъ Рейнъ. Служба — дружба.

(Эпизодъ изъ заграничнаго похода русскихъ войскъ въ 1814 году). Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Пуцъ.



Новый крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“. Оригин. рис. (собств. „Нивы“) С. Китаева, грав. М. Рашевскій.

другой не вѣрилъ, но всякій совался со своимъ объясненіемъ и у насъ завязался отчаянный споръ. Я клялся что видѣлъ собственными глазами всѣ эти продѣлки, но мнѣ возражали, что надо быть очень увѣреннымъ въ человѣкѣ, прежде чѣмъ поручиться что онъ не морочитъ публику, заодно съ какими-нибудь подобранными и заранѣе выдресированными сообщниками. Тогда Павелъ Мезенскій предложилъ, вмѣсто безплодныхъ споровъ, заняться провѣркою сообщенныхъ фактовъ самимъ. Дѣло не сложное, молъ, и не требуетъ никакой технической обстановки, а что касается честной игры, то между присутствующими, какъ всѣмъ извѣстно, нѣтъ фокусниковъ и всѣ знаютъ другъ друга довольно близко, чтобы не опасаться обмана.

Затѣя встрѣчена была очень сочувственно, только докторъ замѣтилъ, что кто же изъ насъ, молъ, настолько самонадѣянъ, чтобы съиграть, безъ подготовки, роль требующую, во всякомъ случаѣ, большой увѣренности въ себѣ и опытнаго знакомства съ дѣломъ?

Всѣ посмотрѣли на Павла Григорьевича, но Павелъ Мезенскій, сколько я знаю, еще никогда не отказывался ни отъ какого вызова.

— А что-жь, молъ, пожалуй, хотя бы и я. Не отвѣчаю вамъ за успѣхъ; но такъ какъ спектакль безплатный, то почему же и не испробовать? Оборвусь, такъ освищете; вотъ и все.

И онъ предложилъ пассивную роль Быховской; но та, заглянувъ въ его голубые, смѣлые и увѣренные глаза, струсила.

— Нѣтъ, говоритъ, боюсь, и вы не смотрите пожалуйста на меня такъ пристально; я ужасно этого не люблю.

Тогда обратились къ Пашѣ. Она смѣялась.

— Да я, говоритъ, не вѣрю.

— Такъ что-жь, говорятъ: — за бѣда? Это только ручательство, что вы не доступны самообольщенію... Или и вы тоже трусите?

— Нѣтъ, говоритъ, если я разъ не вѣрю, то я не имѣю причины трусить. Я вамъ ручаюсь, что если не захочу, никто на свѣтѣ меня не заставитъ уснуть и во снѣ дѣлать глупости.

Но она ошиблась. Пяти минутъ не прошло, какъ подъ пристальнымъ взглядомъ Павла Григорьевича, руки и ноги ея отяжелѣли, взоръ потерялъ направленіе, а голова откинулась и опустилась на спинку софы. Только вѣки еще трепетали, словно стараясь стряхнуть съ себя сонъ; но наконецъ и они закрылись. Она несомнѣнно спала, и такъ крѣпко, что Анна Григорьевна, которую это встревожило, никакими средствами не могла ее разбудить. Хотѣли дѣлать надъ нею опыты, но никто не зналъ какъ взяться за дѣло, и меньше всѣхъ Павелъ Григорьевичъ, который казался самъ озабоченъ своимъ, неожиданно-легкимъ успѣхомъ. Послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ попытокъ ее оставили, и только докторъ, профессіональное любопытство котораго было сильно возбуждено, хотѣлъ еще продолжать. Онъ выпросилъ уже у Быховской булавку, чтобы убѣдиться въ потерѣ наружной чувствительности; но Анна Григорьевна отняла ее и объявила рѣшительно, что она не позволитъ болѣе никому прикоснуться къ спящей... Тогда только вспомнили о „внушеніи“. Ихъ предлагали много, но Павелъ Петровичъ выбралъ изъ нихъ только три. *Одно*, которое состояло въ томъ чтобы поймать на Быховской и передать ей муху, она продѣлала тутъ же, къ великому удовольствію публики. *Второе* исполнено было въ точности, въ городѣ, передъ отъѣздомъ, и на моихъ глазахъ, а для *третьяго*—случая не представилось, такъ какъ шутка касалась меня, и время ея исполненія назначено было ночью, въ вагонѣ, когда я усну, а я, какъ вы знаете, опоздалъ на поѣздъ, и Паша сдѣлала остальную дорогу одна... Но второе, сбывшееся внушеніе было весьма интересно, хотя мнѣ потомъ и досталось отъ Паши за то, что я его допустилъ. Ей было приказано: первый разъ что она увидится съ тѣмъ, кого она въ тайнѣ души предпочитаетъ, обнять и поцѣловать его... Погодите... вижу уже по глазамъ что вы собираетесь разругать меня за мое участіе въ этой шалости; но, во-первыхъ, меня довольно уже за нее ругали, а во-вторыхъ, поймите что это почти ничѣмъ не отличалось отъ святочнаго гаданья, или отъ штрафа въ фантахъ, который конечно и вамъ случалось когда-нибудь исполнять при общихъ апплодисментахъ свидѣтелей. Прибавлю еще, что едва-ли кто-нибудь изо всей компаніи могъ ожидать чтобы Паша, которая, какъ вы знаете, Sainte Nitouche, исполнила не на шутку такую вещь. Если же кто и ждалъ потѣхи, то въ ту минуту, когда ее разбудили, его ожиданіе было обмануто. Что до меня, то я, за ночь, даже забылъ объ этомъ и вспомнилъ совсѣмъ неожиданно только тогда, когда наканунѣ отъѣзда, въ городѣ, мы зашли съ ней проститься съ Черениными. Вы ихъ не знаете, а потому скажу вамъ только что Алексѣй Черенинъ вполнѣ порядочный человѣкъ и скромнѣйшій изъ смертныхъ. Въ уѣздѣ у насъ онъ слыветъ образцовымъ хозяиномъ.

Ну, теперь слушайте. Мы уже знали, что онъ съ сестрою въ городѣ; но застали ее одну. Едва она успѣла сказать намъ, что братъ ея ушелъ въ банкъ и сію минуту вернется, какъ съ Пашей произошло что-то странное. Она сидѣла какъ на иголкахъ, едва понимая что ей говорятъ, едва отвѣчая и какъ-то тревожно поглядывая то на меня, то на дверь. Марья Васильевна не могла не замѣтить этого и была немного удивлена, я—тоже; — какъ вдругъ, въ прихожей послышались голоса и слѣдомъ затѣмъ вошли Алексѣй Черенинъ съ докторомъ. Всѣхъ удивило, что Паша, обыкновенно такая словоохотливая и ласковая съ Черенинымъ, на этотъ разъ не сказала ему ни слова привѣтствія, а поднявъ на него глаза, съ какимъ-то сконфуженнымъ видомъ тотчасъ же опустила ихъ и едва коснулась протянутой ей руки. Еще разъ я посмотрѣлъ на нее въ недоумѣніи; вижу — молчитъ. Онъ тоже. Вѣрно поссорилась, думаю, но понять не могу: зачѣмъ же она сама хотѣла идти къ нимъ прощаться. Прошло минутъ пять. Алексѣй Васильичъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный, Марья Васильевна лѣзла изъ кожи чтобъ быть любезною за трехъ, но разговоръ не клеился. „Ну, говорю: — прощайте,“ и всталъ... Тогда случилось нѣчто непостижимое. Прощаясь съ Черенинымъ, Паша, словно какъ въ забытьѣ, обняла его и прильнула къ его губамъ... Только тогда въ головѣ у меня блеснуло что-то похожее на догадку; но прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить въ чемъ дѣло, ея уже не было въ комнатѣ. Она стрѣлою вылетѣла въ прихожую; Марья Васильевна, улыбающаяся, — за ней; а Алексѣй Черенинъ стоялъ какъ ребенокъ, нечаянно получившій въ подарокъ прелестнѣйшую игрушку, весь красный отъ неожиданности и очевидно не понимая чѣмъ ему удалось заслужить такой знакъ отличія. Тогда только я уже ясно вспомнилъ „внушеніе“ и оглянувшись на доктора, увидалъ что онъ дѣлаетъ мнѣ какіе-то знаки. Лицо и движенія его были однако же такъ нелѣпо-смѣшны, что я, отвернувшись, фыркнулъ; онъ тоже; послѣ чего мы сжалились надъ Черенинымъ и объяснили ему, не безъ нѣкотораго труда, въ чемъ дѣло, скрывъ, разумѣется, въ интересахъ Паши, что выборъ былъ предоставленъ ей. Какъ объяснились дамы, этого я не могъ узнать, но немного спустя Черенина воротилась одна, съ усмѣшкою объявляя мнѣ, что Прасковья Петровна, молъ, уже ушла. Я распрощался наскоро и съ трудомъ догналъ ее, но всѣ старанія мои завести разговоръ остались

напрасны. Послѣ уже я узналъ отъ Анны Григорьевны, которая видѣлась съ докторомъ и немедленно послѣ того убѣжала къ Пашѣ, что съ Пашею были хлопоты. Бѣдняжка понять не могла что̀ такое произошло, и только догадывалась, что уходя отъ Черениныхъ, она сдѣлала что-то очень неловкое. Подробнѣе Анна Григорьевна не хотѣла мнѣ объяснить и я заключилъ изъ того, что дѣло у нихъ не обошлось безъ ссоры. Но съ Пашей потомъ у меня была бурная сцена, во время которой, понятно, мнѣ одному пришлось отвѣчать за всѣхъ. Она расплакалась, проклиная „внушенія“, Мезенскихъ, собственное свое дурачество и въ заключеніе чуть не прибила меня.

* * *

— Ну, а потомъ? дорогой? спросила Софья Ивановна.

— Ни доро̀гой, ни здѣсь, по пріѣздѣ, объ этомъ больше помину не было.

Дамы разспрашивали его довольно долго: въ какихъ отношеніяхъ вообще этотъ Черенинъ съ Пашей, и какъ велика вѣроятность чтобъ дѣло у нихъ окончилось счастливо, но убѣдясь что Сергѣй не знаетъ объ этомъ и самъ почти ничего, умолкли въ недоумѣніи. Имъ не вѣрилось, чтобы подобная шалость, какъ бы она ни была, въ свое время, обидна, могла набросить такую далекую и такую черную тѣнь.

И онѣ были правы. Совсѣмъ другаго рода бѣда стряслась надъ бѣдною Пашей, послѣ того какъ она разъѣхалась въ Р** со своимъ кузеномъ.

II.

Въ началѣ августа, на одной изъ большихъ желѣзныхъ дорогъ, питающихъ Петербургъ, во время послѣдней значительной остановки, — случилась исторія. Какой-то не молодой уже и солидной наружности пассажиръ 2-го класса, ѣхавшій, какъ потомъ оказалось, съ знакомымъ семействомъ, проснувшись въ 7 часовъ по-утру, засунулъ руку въ грудной карманъ и вдругъ, съ испуганнымъ видомъ, вскочилъ.

— Что̀ за подлость! воскликнулъ онъ вслухъ. — Бумажникъ пропалъ!

Это однако прошло незамѣченнымъ, такъ какъ бо̀льшая часть пассажировъ спала или только что просыпалась; да кромѣ того и возгласъ его былъ заглушенъ другимъ, гораздо болѣе громкимъ, съ платформы:

— Грузово! двадцать минутъ остановки!

Его отдѣленіе было послѣднимъ отъ дверей и набито дѣтьми. Съ одной стороны: два мальчика-гимназисты, съ другой — ихъ мать съ малолѣтними дѣвочками и съ нянькой. Было одно свободное мѣсто, но его пришлось уступить проѣзжей, которая сѣла ночью, въ Кудинѣ, и которую онъ, какъ вѣжливый кавалеръ, помѣстилъ напротивъ себя, у окна. Это была молодая и очень порядочная на видъ, скромно одѣтая, недурная собою особа, съ сумкой черезъ плечо и съ небольшимъ, ковровымъ дорожнымъ мѣшкомъ, который она сама положила наверхъ. Но и эта тоже спала такъ крѣпко, что его возгласъ не произвелъ на нее впечатлѣнія.

Одна только дама, съ другой стороны, проснулась и очевидно слышала что-нибудь, — очевидно была коротко знакома ему, потому что, переглянувшись съ нею, встревоженный пассажиръ подсѣлъ къ ней и они стали шептаться, пристально всматриваясь въ спящую молодую особу. Судя по ея наружности, трудно было предположить въ ней воровку. Однако, чужого, кромѣ нея, возлѣ не было и весь путь до Кудина мѣсто ея оставалось свободно.

Перешепнувшись, онъ всталъ и съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ. Знакомая дама, однако, повидимому не раздѣляла его рѣшимости. Это была не молодая уже, но еще довольно свѣжая, рослая, полная женщина, лѣтъ сорока. Оставшись одна, она съ лихорадочною поспѣшностью принялась оправлять свое измятое платье и волосы, приглаживая ихъ, на вискахъ, послюненными ладонями, что̀ не мѣшало ей, между прочимъ, зорко и какъ-то тревожно смотрѣть въ окно.

Платформа, за раннимъ часомъ утра, была почти совершенно пуста—и прошло не болѣе трехъ минутъ, какъ она увидала на ней своего знакомаго. Онъ вышелъ откуда-то, весь раскраснѣвшійся, въ оживленной бесѣдѣ со старшимъ кондукторомъ и съ начальникомъ станціи, и всѣ трое шли прямо по направленію къ ней. Тогда она разбудила няньку.

— Смотри за дѣтьми, сказала она, — потому что я ухожу.

Покуда она говорила, дверь отворилась и старшій кондукторъ, окинувъ глазами ея отдѣленіе, остановилъ на ней вопросительный взоръ.

— Которая? спросилъ онъ вполголоса.

Полная барыня указала глазами на спящую. Ее добудились не вдругъ. Зѣвая, она открыла заспанные глаза и увидѣвъ передъ собою прямую, короткую, круглую какъ ушатъ фигуру старшаго кондуктора, съ цвѣтнымъ кушакомъ на толстомъ брюхѣ и съ низкою, обшитою позументомъ, суконною шапкой на головѣ, вообразила съ просонковъ, что ему нуженъ ея билетъ. Но онъ разувѣрилъ ее.

— Позвольте васъ попросить, сударыня, на минуточку, на платформу, сказалъ онъ вѣжливо.

Она смотрѣла въ недоумѣніи, не понимая зачѣмъ ее вызываютъ; потомъ поднялась и спокойно вышла за нимъ.

У самого входа въ вагонъ, на платформѣ, стояли: дорожный ея vis-à-vis и начальникъ станціи, худощавый, смуглый мужчина, въ профессіональной красной фуражкѣ, насчетъ которой инструкція замѣчаетъ, что она можетъ, при случаѣ, замѣнить ему красный фонарь или флагъ, какъ встрѣчный сигналъ опасности.

— Не тревожьтесь, прошу васъ, сказалъ онъ дѣвушкѣ, видимо тронутый ея молодостью и свѣжимъ, невиннымъ лицомъ. — Это довольно обыкновенный, дорожный случай. У вашего сосѣда, вотъ, — ночью, пропалъ бумажникъ съ деньгами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выронилъ его гдѣ-нибудь тутъ-же, въ вагонѣ, и что его найдутъ на полу. Но чтобы найти, надо было очистить мѣсто, и мы васъ вызвали только чтобъ имъ не мѣшать.

Покуда онъ говорилъ это, старшій кондукторъ и пассажиръ вернулись въ вагонъ. Дѣтей разбудили и тоже заставили встать. Искали вездѣ: на полу, на подушкахъ сидѣнья и за подушками, наконецъ на сѣткахъ, вверху, но не нашли ничего и вернулись съ вытянутыми физіономіями. За ними вышла и полная барыня.

— Это весьма непріятно! сказалъ станціонный начальникъ, и обращаясь къ солидному пассажиру: — Да не засунули-ли вы сами, съ просонковъ, куда нибудь? Поищите-ка на себѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ съ грустною миною, дѣлая надъ собою усилія чтобъ не смотрѣть на молодую дѣвушку.—Я ужь и такъ вывертывалъ всѣ карманы.

— А можетъ-быть, вмѣсто кармана, сунули какъ нибудь невзначай, подъ жилетъ, и оттуда спустилось само собою въ сапогъ?

— Да я въ ботинкахъ. И онъ приподнялъ края панталонъ. Дѣйствительно, оказалось, что онъ въ ботинкахъ.

— Вы значитъ стойте на томъ, что васъ обокрали?

— Да. Это очень прискорбно; но что̀-же мнѣ больше думать?

Начальникъ станціи пристально посмотрѣлъ на него и нахмурился. Это былъ умный, опытный человѣкъ, и наружность солиднаго пассажира видимо не внушала

ему довѣрія: въ ней было что-то трусливо-вкрадчивое и юркое, что̀ совалось подъ-руку и скользило изъ рукъ. Нѣсколько новыхъ вопросовъ и обстоятельные отвѣты на нихъ со стороны хладнокровнаго кондуктора и полной барыни не позволяли однакоже долѣе сомнѣваться въ томъ, что пассажиръ не выходилъ изъ вагона всю ночь и что до Кудина мѣсто возлѣ него было не занято.

Тогда, наконецъ, всѣ глаза обратились на дѣвушку, сильно перемѣнившуюся въ лицѣ и пристыженную. Она стояла, потупя глаза, вся красная какъ піонъ: ей стало ясно, что подозрѣніе падаетъ на нее; но она не могла и представить себѣ еще что̀ ожидаетъ ее.

— Послушайте, господа, моего совѣта, сказалъ начальникъ станціи:—окончите это дѣло между собою; это не трудно, если съ обѣихъ сторонъ согласны на обыскъ. Если-же нѣтъ, то я буду вынужденъ пригласить полицію, а полиція пригласитъ свидѣтелей и составитъ о васъ протоколъ. Тогда это дѣло пойдетъ формальнымъ порядкомъ и я не могу отвѣчать за его послѣдствія.

— Господи! вырвалось у несчастной дѣвушки. — Да за что̀-же?.. За что̀?.. Я ничего не знаю, не видѣла никакого бумажника!.. И я тутъ одна... Неужли-же вы думаете?..

— Я ничего не думаю, перебилъ онъ: — да и не въ правѣ думать. Я только указываю вамъ способъ окончить всю эту непріятность безъ шума; конечно, если противная сторона согласна?..

И онъ обратился къ солидному пассажиру.

— Очень охотно.

— А вы?

Она колебалась еще, озираясь вокругъ растеряннымъ, умоляющимъ взоромъ, словно отъискивая когонибудь, кто-бы взялъ ея сторону. Но страхъ при мысли о томъ скандалѣ, который ее ожидаетъ, если она не согласится на обыскъ, скоро взялъ верхъ.

— Согласна, шепнула она, глотая слёзы.

— Ну вотъ и отлично. Пожалуйте, господа, — всѣ вмѣстѣ. Мы живо это окончимъ, — благо у насъ тутъ есть дама... И онъ шепнулъ, доро̀гою, нѣсколько словъ полной барынѣ, которая отвѣчала ему утвердительно.

Минуту спустя, всѣ пятеро были въ его кабинетѣ, и двери заперли. Полная барыня подхватила несчастную, всю дрожащую дѣвушку подъ руку и отвела ее немного поодаль отъ остальныхъ.

— Стойте тутъ смирно и не кобяньтесь, сказала она ей строго, хотя та и не думала ей противиться.

Въ одну минуту, проворныя руки обшарили ее всю. Свидѣтели, отвернувшіеся чтобы не конфузить ее напрасно, услышали только нѣсколько робкихъ: „Ахъ!“ а съ другой стороны—ободрительно: „Ничего! Ничего! Не смотрятъ...“ и что-то похожее на сдавленное рыданіе. Не находя ничего, досмотрщица вдругъ перестала шарить и ухватила дорожную сумку.

— Заперто?

— Нѣтъ.

— Снимите...

Ихъ окружили. Сумка была снята, отворена и ея содержаніе высыпано при всѣхъ на столъ.

— Ахъ! вырвалось вдругъ у обысканной, и она, отшатнувшись, всплеснула руками. Между знакомыми ей предметами, она увидала маленькій, красный, сафьяный, сильно потертый бумажникъ.

— Да вотъ онъ и есть! сказалъ съ торжествующимъ видомъ ея обвинитель. — Будьте свидѣтели, господа, что этотъ бумажникъ найденъ у нея и что онъ съ деньгами... Вотъ!.. Онъ открылъ его и указалъ на нѣсколько синихъ и красныхъ, засунутыхъ между письмами ассигнацій. — Этотъ бумажникъ мой, да она и сама я думаю не осмѣлится утверждать противное. Остается только просить ее, чтобы она объяснила какъ онъ попалъ къ ней въ сумку.

И онъ уставилъ глаза на дѣвушку, ожидая съ ея стороны чего-нибудь. Но несчастная не нашлась сказать ни слова въ свое оправданіе. Она стояла какъ истуканъ, ухватясь руками за голову, и только широко-открытый, оледенѣлый отъ ужаса взоръ ея былъ прикованъ къ находкѣ.

— А! что? попалась—воровка! сказала полная барыня, заглядывая ей съ злою усмѣшкой въ лицо.

— Позвольте! остановилъ ее строго начальникъ станціи. — Это теперь уже не ваше дѣло...

И онъ обратился къ старшему кондуктору, прося его пригласить немедленно въ кабинетъ офицера мѣстнаго полицейско-жандармскаго управленія.

Но въ эту рѣшительную минуту „пойманная съ поличнымъ“ нашла-таки наконецъ человѣка который сжалился надъ ея положеніемъ, и что̀ всего страннѣе, это былъ самъ обвинитель ея.

— Одну минуточку, господа! сказалъ онъ, подходя къ нимъ съ торжественнымъ видомъ. — Сжальтесь, прошу васъ, надъ этой несчастною и не губите ее. Вы видите сами, какъ молода и неопытна. Другая, на ея мѣстѣ, стала-бы дерзко лгать. „Не знаю молъ ничего; подсунули“; а она, какъ дитя,—ни слова въ свою защиту, и вонъ, поглядите, какъ убивается!

Дѣйствительно, пойманная сидѣла въ отчаяніи. Склонясь горячей щекою на столъ, и раскинувъ руки, она рыдала. Вещи изъ сумки ея разсыпаны были тутъ-же и между ними этотъ убійственный, краснокожій ея обличитель, Богъ знаетъ какимъ путемъ и откуда попавшій къ ней въ сумку!

— Свидѣтелей, кромѣ насъ съ вами, нѣтъ, продолжалъ пассажиръ, растроганнымъ голосомъ, въ которомъ однако чувствовались фальшивыя ноты: — а эта дама мнѣ родственница — и я отвѣчаю вамъ за нее... Я, господа, прощаю заблудшую, такъ какъ она уже получила урокъ, котораго, надо надѣяться, не забудетъ... Простите ее и вы. Не безпокойте полицію. Отпустите ее; пусть ѣдетъ своею дорогой. Потомъ, когда опомнится, будетъ Бога за васъ молить.

Просьба его была принята сочувственно и удивила слегка одну только полную барыню.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ начальникъ станціи:—я беру это на свой страхъ... Степанъ Екимычъ, вы ничего не имѣете противъ?..

И получивъ подтвержденіе, онъ посмотрѣлъ на стѣнные часы.

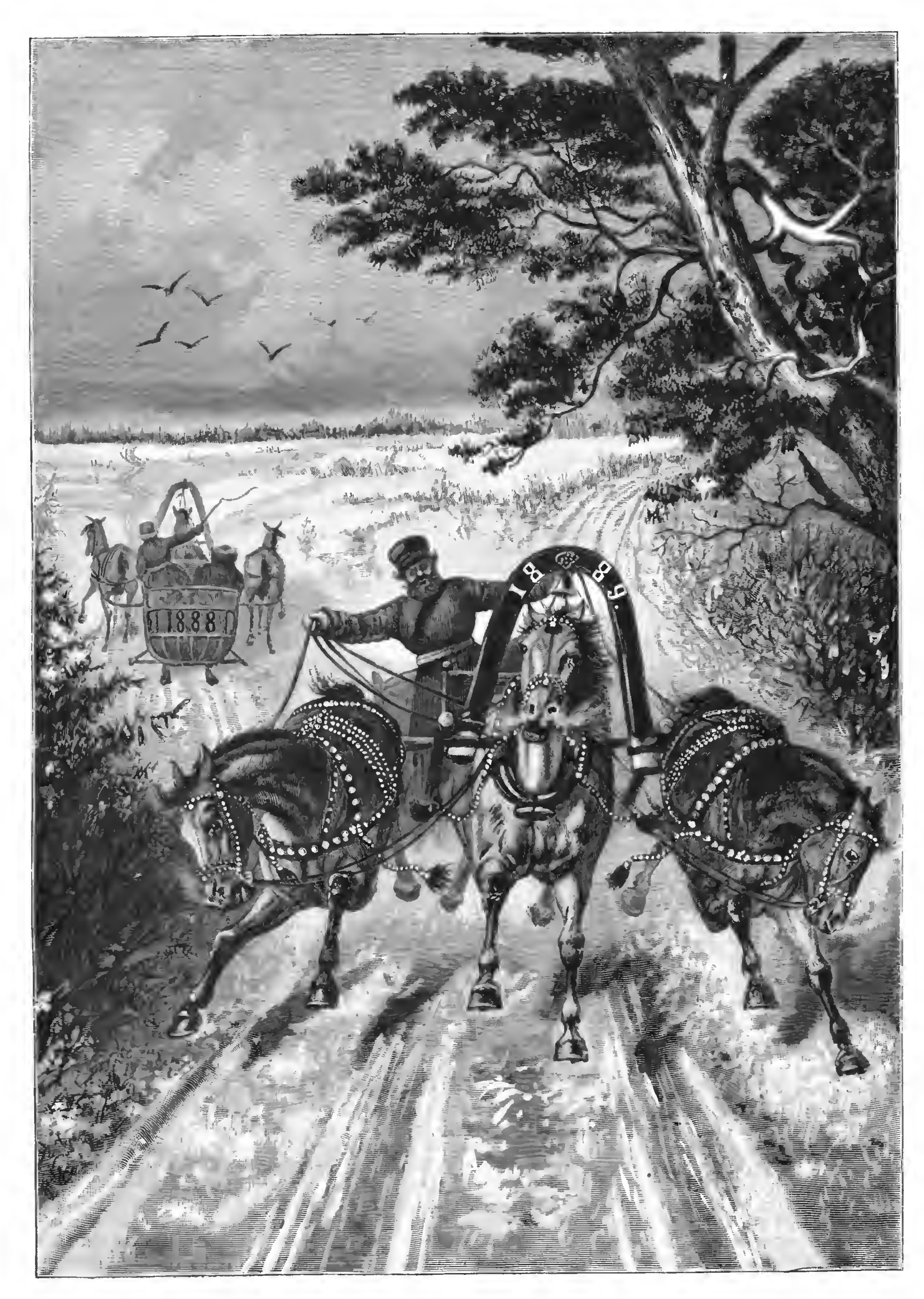
— Кончайте-же съ нею скорѣй, и уводите ее отсюда, потому что сейчасъ звонокъ... Да не забудьте бумажника... Ради чего вы его оставляете на столѣ?.. Идемте, Степанъ Екимовичъ...

И поспѣшно взявъ подъ руку своего сослуживца, онъ направился съ нимъ къ дверямъ.

Великодушный виновникъ такой нежданной развязки отеръ платкомъ испарину на лицѣ, и подошелъ къ прощенной. Бумажникъ его валялся еще на столѣ, и онъ спряталъ его съ довольнымъ видомъ. Но возлѣ валялся сложенный въ восемь разъ, необрѣзанный листъ синеватой бумаги, въ которомъ опытный глазъ его угадалъ сразу паспортъ. Сама судьба какъ будто-бы посылала ему въ награду эту находку. Онъ оглянулся съ какою-то, судя по отчетливой быстротѣ движенія, хорошо знакомою осторожностью, заглянулъ въ бумагу и убѣдясь, что онъ не ошибся, сунулъ ее зачѣмъ-то проворно вслѣдъ за бумажникомъ, въ боковой карманъ. Одна только полная барыня видѣла это движеніе, но они переглянулись между собою, какъ люди вполнѣ понимающіе другъ друга.

Въ эту минуту съ платформы раздался звонокъ и дверь кабинета отворена была уходящими настежь.

— Вставайте! сказала барыня, быстро склонясь



Новый год. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Китаева, грав. Шюблеръ.

надъ сидѣвшею и коснувшись довольно жестко ея плеча.—Сію минуту ѣдемъ.

Та поднялась и не догадываясь въ чемъ дѣло, такъ какъ она не слышала разговора, рѣшившаго ея участь, озиралась блуждающимъ взоромъ.

— Онъ васъ простилъ, шепнула ей на ухо та, собирая наскоро ея вещи въ сумку: — и вы свободны... Вы ѣдете въ Петербургъ... Скорѣе! Скорѣе! На-те, надѣньте, и маршъ! а то опоздаемъ!

Въ открытыхъ дверяхъ показался сторожъ, махающій имъ рукой.

Полная барыня, видя что та совсѣмъ обезумѣла, накинула ей на шею сумку. схватила за руку и онѣ побѣжали... за ними, съ сіяющею улыбкою побѣдителя — ихъ кавалеръ... Едва отыскали вагонъ, и едва усѣлись, какъ поѣздъ тронулся.

***

Вы можетъ быть спросите: Да что-же это у васъ за станціи?.. *„Грузово?“ „Кудино?..“* Ничего подобнаго, помнится, нѣтъ ни на Московскомъ, ни на Варшавскомъ пути... Отвѣтъ простой: всѣ имена въ этомъ разсказѣ вымышленныя. Но о событіяхъ, къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того-же. О, какъ легко жилось-бы на свѣтѣ, если-бы всѣ человѣческія страданія были не болѣе какъ игра фантазіи, и забывались, какъ забывается поутру мучительный сонъ!

III.

Смутно было въ душѣ у „прощенной“, когда обезумѣвшая отъ ужаса и стыда, она усѣлась на прежнее мѣсто. Прямо насупротивъ сидѣлъ человѣкъ, въ глаза которому она не смѣла смотрѣть и должна была дѣлать видъ что глядитъ въ окно; а на другой сторонѣ — эта злая женщина, которая только что передъ тѣмъ издѣвалась надъ ней и называла ее „воровкой“. Къ счастію, она дремлетъ теперь, иначе и въ эту сторону невозможно было-бы смотрѣть;—но взгляда ея и голоса она никогда не забудетъ... *„Воровка“* звучитъ у нея въ ушахъ—и она дивится, что сдѣлалось съ этимъ обыкновеннымъ словомъ, что оно вдругъ пріобрѣло для нея такой жгучій смыслъ. Конечно, ей никогда и во снѣ не снилось, что оно можетъ быть приложено къ ней, какъ клеймо, — какъ вдругъ именно это невообразимое съ ней и случилось!.. Лицо у нея еще горѣло, въ ушахъ звенѣло еще, какъ отъ публичной пощечины, послѣ того какъ изъ сумки ея упалъ на столъ *чужой бумажникъ съ деньгами!..*

Какъ онъ попалъ къ ней? Единственное что представлялось хоть сколько-нибудь правдоподобнымъ, это что ночью, когда она крѣпко спала, — подкинули. Только кому и зачѣмъ это могло понадобиться?.. Что пользы, для незнакомыхъ людей, что имъ удалось такъ легко обезчестить ее?.. И стоило ли это того, чтобы рисковать потерею денегъ?.. Потому что, насколько они могли это знать, — рискъ все-таки былъ. Она могла замѣтить подкинутое, уйти и больше не возвращаться, или по меньшей мѣрѣ выбросить его вонъ... Во всемъ этомъ было для нея что-то очень странное, но каждый разъ что она пыталась себѣ объяснить случившееся, на нее нападалъ безотчетный страхъ и она начинала дрожать. Въ душѣ у нея шевелилось невольное подозрѣніе, что быть можетъ она сама, безъ вѣдома своего, тутъ какъ-нибудь виновата... Грёза это была или дѣйствительность, — ей сдавалось что ночью, она вдругъ спохватилась о чемъ-то и, просыпаясь, открыла глаза... Все спитъ... Въ сосѣднемъ съ ней отдѣленіи, въ потолкѣ, горитъ фонарь, завѣшенный синею тафтой... Жара, и дѣти вокругъ поснимали съ себя все лишнее... Въ полумракѣ, прямо противъ нея, фигура крѣпко заснувшаго человѣка, въ которомъ (конечно это уже былъ сонъ) ей чудится провожавшій ее третьяго дня, на почтовыхъ, кузенъ... И все это вмѣстѣ — одна минута; но именно въ эту минуту, грёза или дѣйствительность, ее охватило какое-то странное чувство — словно она старалась припомнить что-то, и вспомнила. — стала искать чего-то, нашла и успокоенная заснула... И только... Но почему-то теперь, когда она это вспомнила, это ее глубоко смутило. Ей вдругъ припомнилось дѣтство и слышанные не разъ отъ старшихъ разсказы о томъ какъ, ребенкомъ, она ходила и разговаривала во снѣ, и дѣлала странности о которыхъ потомъ ничего не помнила... Что если она „лунатикъ?..“ Искала во снѣ, не давая себѣ отчета гдѣ и чего —и нашла... *бумажникъ?..* и спрятала его машинально въ сумку?.. Тогда... Но тогда въ головѣ у нея наступалъ хаосъ, среди котораго зарождались чудовищныя фантазіи. Ей чудилось, что она сошла съ ума и надѣлала чортъ знаетъ что... Что ее и отпустили только послѣ того, какъ всѣмъ стало ясно, что это безумная; но что этимъ не можетъ окончиться... Что въ Петербургъ дана депеша; что тамъ ее свяжутъ и отвезутъ въ больницу умалишенныхъ, гдѣ она окончательно сбѣсится и ее будутъ бить; обрѣютъ ей голову и одѣнутъ въ смирительную рубашку... Что ей остается только одно: воспользоваться послѣднимъ лучемъ угасающаго разсудка, чтобъ выйти сейчасъ-же на соединительную площадку и броситься подъ колеса...

Но силы ея не выдерживаютъ такого страшнаго напряженія, и она понемногу впадаетъ въ тяжелое забытье.

***

Станція,—и опять станція. Vis-à-vis ея задремалъ и, не чувствуя долѣе на себѣ его взгляда, она отдыхаетъ.

Августъ... Все еще зелено, и тепло, окошки отворены, солнце печетъ; — но въ воздухѣ уже ощутительна осень.|

Желѣзный конь мчится, гремя и пыхтя, и вихри пара изъ раскаленныхъ его ноздрей — то застилаютъ, то открываютъ жидкій березовый молодиякъ и сырую, низменную, однообразную почву окрестностей Петербурга.

Картина ей хорошо знакома, но никогда еще до сихъ поръ она не дѣлала на нее такого гнетущаго впечатлѣнія. Словно всѣ радости жизни, все бодрое, молодое и свѣжее брошено тамъ позади. Какимъ волшебствомъ все сразу поблекло и помертвѣло вокругъ?.. Въ какой нибудь часъ — надежды, спокойствіе, честь, — все потеряно... А за что? Припоминая свою молодую жизнь, она напрасно спрашивала себя: чѣмъ заслужила она такое страшное наказаніе?

Правда, она не послушалась матери, которая горячо упрашивала ее остаться въ родномъ гнѣздѣ, но она это сдѣлала не въ своихъ, эгоистическихъ интересахъ. Ихъ маленькая усадьба разорена, заложена и жить долѣе такъ, какъ онѣ живутъ уже нѣсколько лѣтъ, невозможно, тѣмъ болѣе что меньшой братъ окончилъ гимназическій курсъ и на дальнѣйшее его воспитаніе положительно не хватаетъ средствъ. Надо было рѣшиться на что-нибудь, и она рѣшилась. Она хорошо образована; дядя ея, человѣкъ вліятельный, пріискалъ ей мѣсто въ правленіи очень богатой компаніи, и она отправилась въ путь веселая, твердо увѣренная, что ее ожидаетъ счастіе быть опорой своей семьи, и что дѣлая это, она небольше какъ исполняетъ свой долгъ... Могла-ли она предвидѣть, что ожидаетъ ее на пути,— она, которая знала путь этотъ наизусть и ни разу еще не испытывала на немъ ни малѣйшаго приключенія? Мало того, на этотъ разъ, у нея даже былъ провожатый, съ которымъ она доѣхала до отлично знакомаго имъ уѣзднаго города, и заночевала тамъ въ знакомой гостиницѣ, а Сережа ушелъ къ какой-то роднѣ. Рано поутру, на другой день, она должна была встрѣтить его въ воксалѣ желѣзно-дорожной вѣтви, соединяющей этотъ городъ съ Кудинымъ; но Сережа, по своему

обыкновенію, опоздалъ, и она уѣхала не дождавшись его, такъ какъ билетъ у нея былъ взятъ и вещи уже сданы въ багажъ. Какъ сожалѣла она теперь о своей поспѣшности, потому что, конечно, при Сережѣ, съ ней не случилось-бы этой бѣды...

И сердце ея опять заныло; и весь этотъ страшный случай въ Грузовѣ снова воскресъ передъ ней, со всѣми его отвратительными подробностями.

* * *

Громкій, протяжный свистокъ вернулъ ее къ настоящей минутѣ... Станція... „Пять минутъ остановки...“ Ея vis-à-vis проснулся и вышелъ... Полная барыня тоже вышла, но черезъ минуту вернулась и ласково пригласила ее съ собой.

— Порфирій Ивановичъ спрашиваетъ, сказала она на платформѣ:—не позабыли-ли вы чего-нибудь въ Грузовѣ?..—И видя ея смущеніе:—Да не бойтесь, милочка, продолжала она съ усмѣшкой заглядывая въ ея глаза. — Онъ хорошій, добрый... Пойдемте къ нему;— вонъ онъ стоитъ...

И она указала ей пассажира, который стоялъ въ концѣ платформы, поодаль отъ остальныхъ.

— Прасковья Петровна... обратился онъ къ ней.

Та удивилась. „Откуда онъ знаетъ имя?“

— Прасковья Петровна, матушка, если не ошибаюсь, вы обронили тамъ, въ Грузовѣ, кое-что... Второпяхъ, какъ спѣшили садиться,—помните?.. Но я шелъ за вами и поднялъ. Это вашъ видъ... Не тревожьтесь, онъ будетъ цѣлъ и я возвращу вамъ его въ Петербургѣ. Только вы извините меня, Прасковья Петровна, если я васъ попрошу, въ Петербургѣ, сдѣлать мнѣ честь, заѣхать ко мнѣ на минутку. Мнѣ надо съ вами поговорить, а тутъ неудобно... народъ, да и некогда, потому что мы сію минуту ѣдемъ. На счетъ багажа тоже не безпокойтесь. Все будетъ цѣло и вы получите все у меня... Позвольте только у васъ попросить вашъ багажный билетикъ, чтобы я могъ, по пріѣздѣ, избавить васъ отъ хлопотъ.

Тогда она поняла, что она въ когтяхъ у этихъ людей, отъ которыхъ ей нечего ожидать пощады. Несчастная подняла на нихъ вопросительный взоръ и тотчасъ-же опустила его. Ей очевидно не оставалось болѣе ничего какъ исполнить безпрекословно ихъ требованіе и ждать терпѣливо что будетъ дальше... Ни слова не говоря, она отдала свой багажный билетъ и получила въ замѣнъ засаленную визитную карточку, съ адресомъ:

Порфирій Ивановичъ Бурдюковъ.

Большая Подъяческая, д. № и проч.

Порфирій Ивановичъ былъ, вообще говоря, довольно прилично одѣтъ, хотя въ деталяхъ костюмъ его и не обличалъ джентльмена. Форменная фуражка, весьма подозрительное бѣлье и несомнѣнно грязные ногти. Это былъ средняго роста, дородный мужчина, съ легкою просѣдью въ коротко обстриженныхъ волосахъ. На заплывшемъ лицѣ его не замѣтно было слѣдовъ растительности, и сквозь сладко-заискивающую усмѣшку, оно сохраняло какое-то кислое, непріятное выраженіе. Но самою характерной чертою были глаза: большіе, сѣрые, они шныряли какъ двѣ гончихъ, которыя потеряли слѣдъ, и во взглядѣ ихъ было что-то предательски-хищное...

Гораздо болѣе цѣльное, но не менѣе жесткое впечатлѣніе производила его знакомая. Это былъ типъ жирной достаточности и тупаго самодовольства. Иначе одѣтую и съ невыхоленными руками, ее можно-бы было принять за кухарку, только что хваставшую передъ мясникомъ, что служитъ у генерала и къ 1 сентября надѣется выиграть двѣсти тысячъ. Звали ее Марѳа Никитишна. Въ вагонѣ, она усадила Пашу возлѣ себя и долго разспрашивала о разныхъ вещахъ: откуда, одна или съ кѣмъ-нибудь, гдѣ, у кого, и долго-ли думаетъ жить и имѣетъ-ли состояніе, и какія знакомства, связи, родня — у нея въ Петербургѣ; но получая уклончивые отвѣты, надулась и прекратила допросъ.

— Напрасно вы намъ не довѣряете, продолжала она, помолчавъ и понижая голосъ до шепота. — Если-бы вамъ желали зла, то васъ-бы не отпустили такъ... Чего вы дрожите?.. Я васъ не понимаю, право. Судя по тому, что вы сдѣлали, вы не должны быть изъ робкихъ, хотя, конечно, вы не разсчитывали попасться... Не плачьте, дѣти на васъ глядятъ. Подумайте только какъ дешево вамъ обошелся этотъ урокъ. Что за важность, что вы заѣдете на пять минутъ не туда куда вамъ нужно?.. Могли попасть и гораздо похуже. А Порфирій Ивановичъ человѣкъ солидный, женатъ, — и молодая дѣвушка у него не рискуетъ ничѣмъ. Вы познакомитесь, потолкуете, послѣ чего онъ отдастъ вамъ вашъ видъ и отпуститъ съ Богомъ. А впрочемъ я и сама къ нему. Я родственница его и остаюсь у него на нѣсколько дней, пока не найду квартиры... Я васъ сама отвезу.

Все это было мало успокоительно, и Паша, слушая ее, чувствовала себя какъ осужденная, которую приготовляютъ къ казни. Сердце ея замирало, когда ихъ поѣздъ, медленно подходя между безчисленными рядами вагоновъ, расположенными на запасныхъ путяхъ, остановился у дебаркадера.

Порфирій Ивановичъ вышелъ и воротился съ носильщикомъ.

— Вамъ нечего дожидаться, сказалъ онъ барынѣ.— Я сію минуту найму карету и дрожки, и вы отправляйтесь съ Богомъ; а я буду слѣдомъ за вами, тотчасъ какъ получу багажъ. Ручныя вещи поѣдутъ съ вами; и молодую особу тоже я поручаю вамъ.

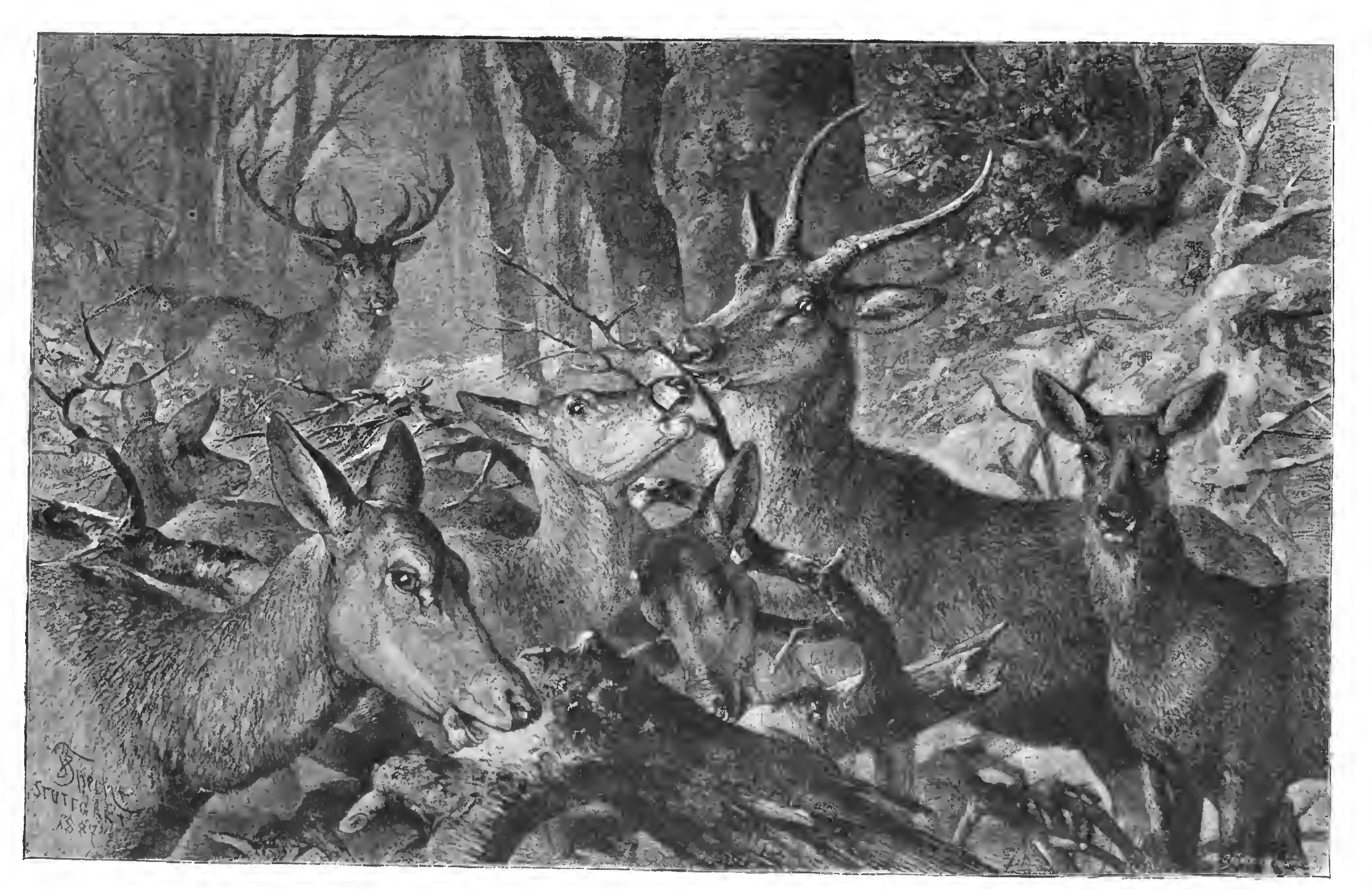
Такимъ-то образомъ, вмѣсто того чтобы пріѣхать къ дядѣ, гдѣ ее ожидали, Паша попала въ совсѣмъ незнакомый домъ.

(Продолженіе будетъ).

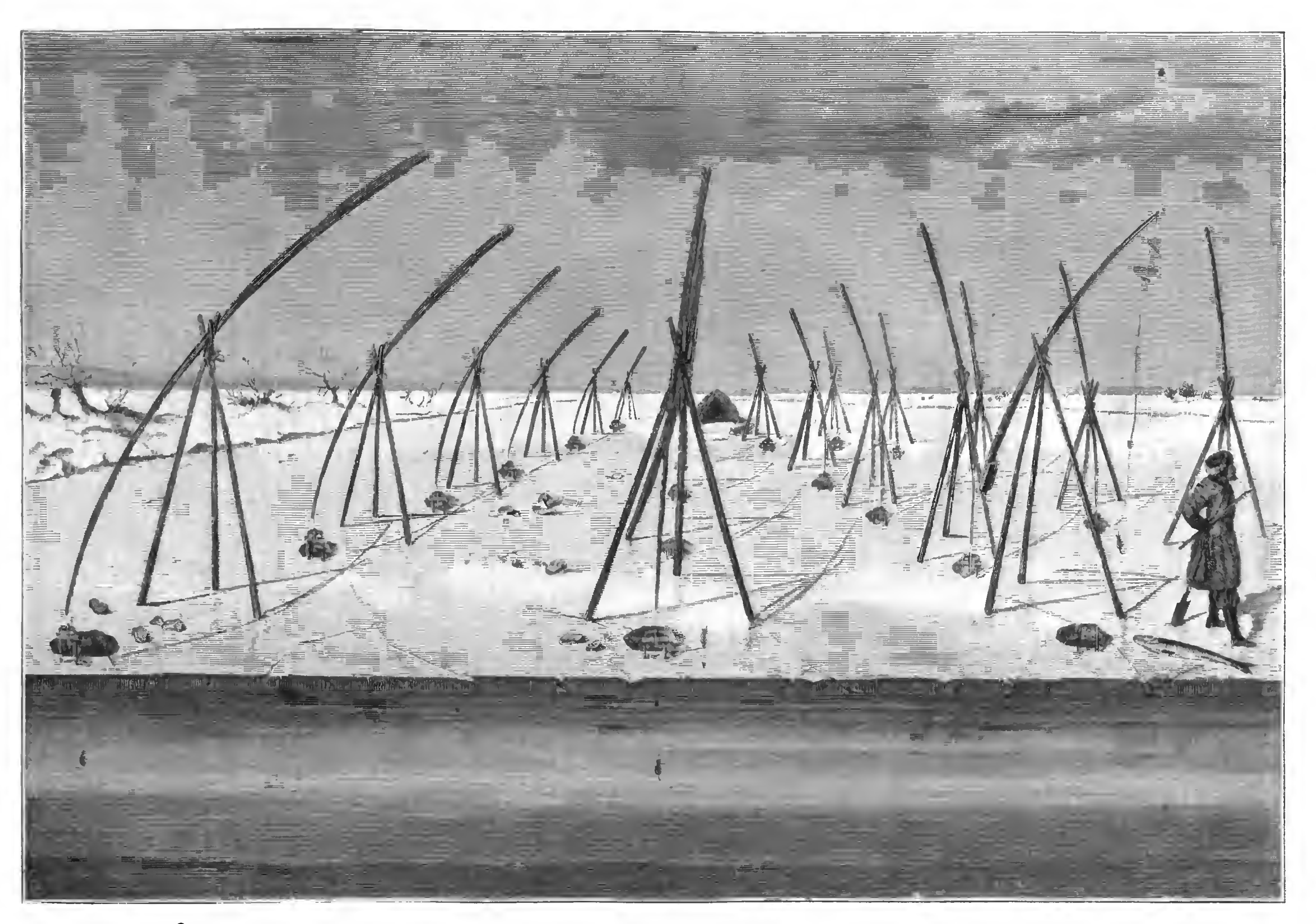
Важнѣйшія рыбы Россіи.

(Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12-ю красками).

Нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ ловилось бы такое громадное количество рыбы, какъ въ Россіи. При разсмотрѣніи статистическихъ данныхъ это становится еще очевиднѣе. На основаніи данныхъ 60-хъ годовъ оказывается, что въ Европейской Россіи вылавливается рыбы въ годъ болѣе чѣмъ на 20.000,000 металлическихъ рублей: въ Каспійскомъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ на 10.500,000 руб., въ Азовскомъ съ рѣками на 4.000,000 р., въ Балтійскомъ морѣ съ рѣками — на 1.250,000 р., въ Бѣломъ мѣрѣ по крайней мѣрѣ на 1.000,000 р., въ Черномъ морѣ—на 500,000 р., въ Чудскомъ и Кубенскомъ озерахъ—на 750,000 р., въ остальныхъ озерахъ и рѣкахъ—всего на 2.000,000 р. Приведенныя цифры въ 20 милліоновъ руб. скорѣе ниже стоимости средняго годоваго улова, чѣмъ выше. Далѣе извѣстно, что Ньюфаундленскій ловъ даетъ рыбы на 9.250,000 р., по берегамъ Франціи — на 3.400,000 р., въ Норвегіи на 7.000,000 р., всего получается 19.650,000 р. Итакъ мы видимъ, что три самыя важныя въ рыбопромышленномъ отношеніи страны въ общей сложности по цѣнности вылавливаемой въ нихъ рыбы стоятъ ниже одной только Европейской Россіи. По приблизительному разсчету Данилевскаго, изъ водъ нашего отечества добывается рыбы до милліарда фунтовъ. Конечно, такое количество рыбы имѣетъ громадное значеніе и нѣтъ ничего удивительнаго, что нашъ крестьянинъ и вообще бѣдный людъ подолгу обходятся безъ мяса; за то въ рыбѣ онъ себѣ не отказываетъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а при питательности и удобоваримости рыбы, она является истиннымъ благодѣяніемъ. Почти все это богатство остается дома, не вывозится за границу, такъ какъ вывозъ рыбныхъ товаровъ не превышаетъ 750,000 р., при чемъ падаетъ или на предметы роскоши, какъ икра (вывозится на 150,000 р.), или на вещества не идущія въ пищу, какъ рыбій клей (вывоз. на 600,000 р.).



Зимняя кормежка оленей. Рис. Ф. Шпехтъ, грав. Ангереръ.



Самоловъ на Волгѣ. По рис. N. N., заимствованному изъ изданія Министерства Государственныхъ Имуществъ, грав. Шюблеръ.

На первый взглядъ кажется удивительнымъ, что такія незначительныя моря, какъ Каспійское и Азовское, по обилію рыбы могутъ соперничать со всѣми другими морями и частями океановъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи условій жизни рыбъ эта кажущаяся несообразность находитъ себѣ объясненіе. Вообще вмѣстилища прѣсной или же малосоленой воды (какъ у насъ Азовское и Каспійское моря) при другихъ равныхъ условіяхъ должны быть обильнѣе рыбою уже потому, что въ настоящихъ моряхъ и океанахъ огромная часть животнаго вещества, идущаго рыбамъ въ пищу, защищена отъ хищничества рыбъ твердою известковою оболочкою, напр. кораллы, раковины, крабы, иглокожія и пр. Съ увеличеніемъ солености воды количество неорганическаго вещества, облекающаго животное въ видѣ панцыря, тоже возрастаетъ. Между тѣмъ въ прѣсныхъ водахъ все повидимому принаровлено къ тому, чтобы органическое вещество скорѣе могло рядомъ переходовъ превратиться въ мясо рыбъ. Здѣсь царятъ рыбы—и все живущее въ прѣсной водѣ, начиная съ мельчайшихъ инфузорій, мелкихъ ракообразныхъ и т. д., въ высшей степени способно служить пищею рыбамъ, даже самымъ молодымъ. По мнѣнію академика Бера, въ каждомъ обширномъ прѣсноводномъ бассейнѣ все количество питательнаго вещества, ежегодно бассейномъ производимое, ежегодно же превращается въ рыбье мясо. Кромѣ того, здѣсь также живутъ прямо травоядныя рыбы изъ семейства сазановидныхъ; тогда какъ въ соленыхъ моряхъ всѣ рыбы исключительно хищныя. Азовское и Каспійское моря особенно рыбны въ своихъ мелководныхъ частяхъ, куда изливаются многоводныя рѣки, несущія съ собою большое количество органическаго вещества, а это изобиліе пищи и другія особенно благопріятствующія мѣстныя условія, какъ теплота климата и проч., объясняютъ съ достаточною ясностью причину рыбности вышеупомянутыхъ морей, именно потому, что мелководность не позволяетъ теряться органическому веществу въ массѣ соленой и глубокой воды. Поэтому самою отличительною чертою русскаго рыболовства является именно его прѣсноводный характеръ; на долю морской рыбы приходится едва двадцатая часть.

По своей важности въ промышленномъ отношеніи, главное мѣсто занимаетъ такъ-называемая „красная рыба“, т. е. четыре породы осетровыхъ: бѣлуга, осетръ, севрюга и отчасти шипъ, которыя въ общей сложности даютъ продуктовъ не менѣе какъ на 8.000,000 р. (одного мяса до 2.500,000 пуд.).

При одномъ взглядѣ на рисунокъ (приложеніе къ этому №), изображающій этихъ рыбъ, всякій найдетъ много отличій сравнительно съ другими рыбами *). Сплюснутая и впереди вытянутая въ заостренное рыло голова имѣетъ на нижней сторонѣ широкое ротовое отверстіе, впереди котораго помѣщаются двѣ пары мягкихъ, подвижныхъ, иногда гребенчатыхъ усиковъ. Впереди глазъ симметрично съ каждой стороны расположены два отверстія: одно—обонятельная ямка, другое—такъ-называемое „водометное отверстіе“, сообщающееся съ полостью рта. Рѣзкимъ ихъ отличіемъ являются пять рядовъ костныхъ пластинокъ, по большей части ромбоидальныхъ, покрытыхъ эмалью, при чемъ между этими рядами кожа остается почти голою. (Одинъ рядъ этихъ пластинокъ или „жучекъ“ тянется отъ затылка до спиннаго плавника, остальные четыре расположены симметрично съ обѣихъ сторонъ тѣла: одинъ—отъ жабернаго отверстія по срединѣ боковой стороны тѣла до хвостоваго плавника, другой-же по границѣ между боковой и брюшной сторонами тѣла). Число „жучекъ“ каждаго ряда довольно постоянно и потому удобно служитъ для опредѣленія этихъ рыбъ. Эти костныя, эмалированныя пластинки (образующія лишь вышеуказанные пять рядовъ) представляютъ особенность присущую только осетровымъ рыбамъ, поэтому не безъинтересно, надѣюсь, будетъ указать какъ онѣ произошли. Позвоночникъ, рѣзко бросающійся въ глаза у нашихъ остальныхъ рыбъ (за исключеніемъ миноги), здѣсь у осетровыхъ выраженъ въ видѣ хряща, мѣстами лишь окостенѣвшаго. Вмѣсто внутренняго твердаго скелета родоначальники нашихъ осетровыхъ имѣли твердую наружную броню, остатки которой теперь и находятъ выраженіе въ вышеприведенныхъ пяти рядахъ костныхъ пластинокъ. Вообще осетровыя исчезли почти во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, остались они почти исключительно въ Россіи и здѣсь не только не вымираютъ, но, напротивъ, даже продолжаютъ производить разновидности.

Что касается образа жизни этихъ рыбъ, то приходится пожалѣть, что еще многое остается невыясненнымъ. Всѣ онѣ принадлежатъ къ числу проходныхъ рыбъ, т. е. заходятъ въ рѣки только для метанія икры, остальное же время онѣ проводятъ въ морѣ. Это не относится къ стерляди, которая, напротивъ, въ море не заходитъ. Молодыя рыбки, такъ-называемыя „мальки“ питаются инфузоріями, мелкими ракообразными и другими животными, постепенно достигаютъ зрѣлаго состоянія и рано весною подымаются изъ моря въ рѣки, чтобы тамъ на каменистыхъ и быстрыхъ мѣстахъ выметать икру. Эта икра прилипаетъ къ камнямъ, тростнику и пр. и подъ химическимъ вліяніемъ быстро текущей воды изъ икры выклевываются „мальки“. Послѣднія вмѣстѣ съ метавшей икру и потому истощенною рыбой „скатываются“ по выраженію рыбаковъ въ море, гдѣ изобиліе корма снова возстановляетъ ихъ силы. Если рыба не находитъ удобнаго мѣста для метанія икры, она продолжаетъ подыматься по рѣкѣ, и если въ продолженіе извѣстнаго періода ея поиски все-таки кончаются неудачею, икра и молоки претерпѣваютъ измѣненіе и исчезаютъ, всасываются, безъ вреда для самой рыбы. Въ виду того однако, что рыба съ возрастомъ дѣлается опытнѣе, она подымается все выше и выше по рѣкѣ; наконецъ, чтобы еще болѣе пріобрѣсти шансовъ отыскать себѣ необходимое и подходящее мѣсто, болѣе пожилыя рыбы забираются въ рѣки еще до осени, залегаютъ тамъ въ ямы, зимуютъ въ нихъ въ состояніи близкомъ къ зимней спячкѣ, чтобы пораньше весною отправиться на поиски за удобнымъ мѣстомъ для метанія икры. Вообще можно сказать, что жизнь рыбы исчерпывается питаніемъ и произведеніемъ потомства, при чемъ послѣднее пожалуй выражается у нихъ даже болѣе рѣзко. Этимъ обыкновенно и пользуются для ловли ихъ, тѣмъ болѣе, что для метанія икры, „нереста“, рыба собирается обыкновенно большими стаями, которыя движутся впередъ несмотря ни на какія опасности, какъ бы стихійно. Въ это время и ловятъ ее неводами или при помощи самоловныхъ снастей, причемъ послѣднія состоятъ изъ очень длиннаго каната, къ которому довольно часто на веревкахъ прикрѣплены острые крючки, вонзающіеся въ голую часть тѣла проходящей красной рыбы. На томъ же самомъ основанъ и зимній ловъ на Уралѣ. Зимою въ заранѣе назначенное время собираются уральскіе казаки иногда до 10,000 человѣкъ, прорубаютъ ледъ и поддѣваютъ спящую рыбу на багры, почему этотъ ловъ и носитъ названіе „багренье“.

Въ виду большой важности красной рыбы въ промышленномъ отношеніи, нельзя не упомянуть о продуктахъ изъ нея получаемыхъ. Вообще рыба поступаетъ въ торговлю въ трехъ видахъ: мороженая, соленая и вмѣстѣ соленая и сушеная. Красная рыба и бѣлорыбица часто приготовляется соленая и потомъ провяленая и тогда спинная часть, тщательно приготовленная и наиболѣе богатая жиромъ, пріобрѣтаетъ превосходный и совершенно особый вкусъ и идетъ въ продажу подъ названіемъ балыка. Стѣнки брюха, подвергнувшіяся почти такой-же обработкѣ, называются тешкою. Что касается икры, то всякій съ нею знакомъ: какъ паюсная, такъ и зернистая, представляютъ скорѣе лакомство, чѣмъ пищу, въ особенности послѣдняя. Салфеточная паюсная икра называется отъ того холста, которымъ выкладываютъ бочки, а лучшую набиваютъ въ длинные цилиндрическіе мѣшки, отчего она получаетъ названіе мѣшечной. Лучшая икра считается астраханская и именно бѣлужья. Вязига получается также изъ этихъ рыбъ и естъ ихъ спинная струна, высушенная на воздухѣ. Высшій сортъ рыбьяго клея получается изъ плавательнаго пузыря всѣхъ осетровыхъ.

Многіе ли умѣютъ безошибочно отличить одну породу рыбъ отъ другой? А между тѣмъ это весьма важно и для хозяекъ, и для любителей-рыболововъ, и вообще для интересующихся мѣстною фауной. Таблица наша пріурочена именно къ этой потребности.

Отдѣльное разсмотрѣніе этихъ рыбъ начнемъ съ царя обитателей прѣсныхъ водъ—**бѣлуги.** Она отличается отъ другихъ рыбъ уже по своей гигантской величинѣ: длина въ $2^1/_2$ саж. и вѣсъ въ 30—40 пуд. весьма обыкновенны, хотя иногда она достигаетъ до 8 саж. Кромѣ того отличить ихъ легко по пепельно-сѣрому цвѣту тѣла, сѣровато-бѣлому брюху и желтоватому носу; жучекъ спинныхъ по большей части 12—13, боковыхъ 40—45 и брюшныхъ 10—12. Такъ какъ при своей величинѣ бѣлуга питается животною пищею, то опредѣлено закономъ вскрывать большіе экземпляры ихъ и, если окажутся у нихъ въ желудкѣ части человѣческаго трупа или одного изъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ, то не пускать такихъ бѣлугъ въ продажу. Въ почкахъ старыхъ бѣлугъ находятъ такъ-называемый бѣлужій камень, который въ глазахъ суевѣрнаго приволжанина является самымъ надежнымъ амулетомъ, предохраняющимъ отъ порчи, глазу и прочаго колдовства, почему и цѣнится очень высоко.

Севрюгу легко узнать по необыкновенно длинному носу, который придаетъ этой рыбѣ нѣсколько странный видъ. Тѣло краснобураго цвѣта съ синевато-чернымъ оттѣнкомъ, бока и брюхо бѣлые. Жучекъ спинныхъ 12—18, боковыхъ 30—40, брюшныхъ 10—12. Нерѣдко длина ихъ достигаетъ до 1 сажени, вѣсъ—$1^1/_2$ пуда. Бѣлуга изъ Азовскаго моря, черезъ Черное, иногда пробирается въ Средиземное море, севрюга-же исключительно водится въ Каспійскомъ и Азовскомъ моряхъ и рѣкахъ въ нихъ впадающихъ. Вообще эта рыба подымается въ рѣкѣ очень рано и быстро скатывается обратно въ море, такъ что въ большомъ числѣ избѣгаетъ сѣтей.

Осетръ не можетъ быть названъ исключительно русскою рыбою, ибо такъ-называемый нѣмецкій осетръ имѣетъ свое настоящее мѣстопребываніе въ Балтійскомъ и Средиземномъ моряхъ. Родственный ему осетръ—русскій, уступающій первому по своей величинѣ (нѣмецкій 15—18 футовъ, русскій до 11 фут.), встрѣчается почти во всѣхъ рѣкахъ Россіи. Спина сѣровато-бурая, брюхо серебристо бѣлое; жучекъ спинныхъ и брюшныхъ 10—13, боковыхъ 27—36. Количество этой рыбы умень-

*) За названіемъ каждой рыбы на рисункѣ поставлена дробь, показывающая натуральную величину изображенной рыбы. При этомъ берутся въ разсчетъ не самые крупные, а средней величины экземпляры.

шается, что главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать человѣку.

Можно сказать, что ни одной изъ осетровыхъ рыбъ не живется такъ привольно у насъ, какъ **стерляди**. Она совершенно примѣнилась къ новымъ условіямъ и является уже не проходною, какъ всѣ раньше разсмотрѣнныя рыбы, а вполнѣ прѣсноводною, рѣчною и водится во всѣхъ почти нашихъ рѣкахъ. Стерлядь легко отличается отъ прочихъ осетровыхъ уже по своей величинѣ: средняя величина—12 вершковъ при 3—5 фунтахъ вѣса. Спинные щитики (въ числѣ 13—17) у нея тѣсно смыкаются между собою и каждый изъ нихъ оканчивается позади довольно острымъ шипомъ, боковыхъ жучекъ 60—70, брюшныхъ 13—15. Цвѣтъ этой рыбы измѣняется смотря по мѣстности; обыкновенно же спина бываетъ сѣровато-бурая или темнобурая, брюхо желтовато-бѣлое, плавники сѣрые. Держась постоянно на днѣ воды, она рѣдко попадаетъ въ невода; главнымъ образомъ ловятъ ее или крючковатыми снастями, или-же мордами (вершами).

Минога принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ нашихъ рыбъ, какъ по особенностямъ организаціи, такъ отчасти и по своему промышленному значенію. Длинное змѣеобразное ея тѣло нисколько не напоминаетъ собою другихъ рыбъ, а скорѣе приближаетъ къ угрю. Ни грудныхъ, ни брюшныхъ плавниковъ, ни наружныхъ жаберъ у нея нѣтъ. Эта рыба ведетъ образъ жизни паразитный, присасываясь ртомъ къ другой рыбѣ, изъ которой и высасываетъ кровь. Долго принимали водящуюся вмѣстѣ съ ней пескоройку за особый видъ; оказалось-же, что это лишь личиночная стадія миноги—особенность не встрѣчающаяся ни у одной рыбы. Отличается же она весьма рѣзко уже тѣмъ, что питается исключительно растительною пищею, совсѣмъ не имѣетъ глазъ и цвѣтъ тѣла грязновато-желтый. Главный ловъ миногъ производится въ нижней Волгѣ, Курѣ, Невѣ, Наровѣ и Онегѣ.

Изо всѣхъ рѣчныхъ рыбъ по величинѣ первое мѣсто безспорно принадлежитъ **сому**, причемъ его странная наружность вѣроятно и послужила народной фантазіи для созданія водяного. Обыкновенно достигаетъ онъ въ Волгѣ 6—8 футовъ и до 3—5 пудовъ, хотя въ Днѣстрѣ попадаются и въ 20 пуд. Голова его громадна и составляетъ шестую часть всего тѣла; громадная пасть обильно вооружена мелкими зубами и на нижней губѣ имѣетъ четыре усика, а на верхней два длинныхъ уса. Цвѣтъ его голаго тѣла измѣняется смотря по водѣ; чаще спина черная, брюхо желтовато-бѣлое съ крапинками голубоватаго цвѣта. Сомъ изъ прѣсноводныхъ рыбъ самая хищная, поѣдаетъ даже большихъ щукъ, хотя не гнушается и мертвыми животными попавшими въ воду. Ловятся они неводами, а также и на удочку, только, конечно, болѣе солиднаго устройства и наживленную лягушкою или живою рыбою.

Большинство рыбъ изображенныхъ на приложенномъ рисункѣ и водящихся у насъ принадлежатъ къ семейству карповыхъ. Родство всѣхъ этихъ рыбъ высказывается уже въ наружномъ ихъ видѣ; какъ на особенность ихъ, можно указать на слабыя беззубыя челюсти, тогда какъ нижнеглоточныя кости снабжены очень сильными зубами.

Изъ этихъ рыбъ прежде всего слѣдуетъ указать на **карпа**, отличающагося своею величиною: онъ достигаетъ до 3—4 футовъ и 40—50 фунтовъ вѣса, а днѣпровскіе вѣсятъ даже больше 60 фунтовъ. Эта рыба очень красива: покрыта она темножелтой золотистой чешуей, и вообще она очень похожа на карася, но сразу отъ него отличается своими четырьмя толстыми и короткими усиками на губахъ. Такъ какъ эта рыба сдѣлалась почти домашнею, то извѣстно много разновидностей, къ которымъ относится всѣмъ знакомая золотая рыбка. Водится карпъ почти во всѣхъ нашихъ рѣкахъ, также разводится въ прудахъ. Ловится онъ вообще во время нереста неводами, а также и при помощи удочки.

Карась почти тотъ-же карпъ, только меньшихъ размѣровъ, и водится, вопреки пословицѣ: „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“—только въ прѣсныхъ водахъ, какъ и другія карповыя. Вслѣдствіе того, что „карась любитъ, чтобы его въ смѣтанѣ жарили“, онъ достаточно извѣстенъ каждому.

Линь покрытъ толстымъ слоемъ слизи, которая по вынутіи рыбы изъ воды спадаетъ, оставляя желтыя пятна. Смотря по водѣ, линь бываетъ темнѣе или свѣтлѣе, отливая иногда золотистымъ блескомъ. Живетъ преимущественно въ проточныхъ озерахъ и прудахъ, рѣже въ рѣкахъ. Обыкновенно бываетъ въ 4—6 фунтовъ вѣса, но попадаются и до аршина длины и вѣсомъ въ 18 фунтовъ.

Пескарь также принадлежитъ къ этому семейству; названіе его происходитъ не отъ слова пищать, а отъ песка, на которомъ онъ любитъ располагаться. Ловится онъ преимущественно на удочку съ легкимъ поплавкомъ и днемъ (такъ какъ ночью онъ лежитъ на днѣ), но представляетъ небольшую находку удильщику, потому что рѣдко достигаетъ четырехъ вершковъ длины при толщинѣ большаго пальца.

Общеизвѣстный **лещь** по своему сплюснутому тѣлу близко подходитъ къ карпу, также какъ и по своей величинѣ — обыкновенно 1—1½ фут. длины и до 15 фунт. вѣса. Водится онъ во всѣхъ нашихъ рѣкахъ, ловится рыболовными снастями и на удочку, и въ послѣднемъ случаѣ интересно то, что въ видѣ приманки съ большимъ успѣхомъ употребляется овесъ.

Сырть меньше и продолговатѣе настоящаго леща; легко узнается по утолщенному и удлиненному, далеко выступающему носу и рту. Онъ бываетъ не болѣе 3 фунтовъ вѣса и 10—12 дюймовъ длины. Удятъ его обыкновенно какъ леща и непремѣнно со дна.

Чехонь тѣлосложеніемъ похожа на сельдь, чѣмъ и отличается отъ всѣхъ другихъ карповыхъ рыбъ. Чешуя легко спадаетъ. Цвѣтъ затылка и спины стально-сѣрый, туловище и брюхо серебристо-бѣлыя. Ростомъ до 2 футовъ, вѣсъ 2 фунта. Мясо нѣжное, сладковатое.

Горчакъ напоминаетъ карасика, но не бываетъ больше 3½ дюймовъ длины. Употребляется только для наживки; мясо невкусно.

Шересперъ, *бѣлезна*, отличается выступающей нижней челюстью и широкою пастью; спинной и хвостовой плавники синеватые, прочіе красноваты. Радужина желтая. Обыкновенно вѣсомъ 5—10 фунтовъ, но бываетъ и въ 20. Любитъ воду чистую, свѣжую и глубокую.

Уклейка извѣстна каждому удильщику, ибо она очень надоѣдаетъ, объѣдая наживку, назначенную вовсе не для нея. У насъ эта рыба совсѣмъ не имѣетъ значенія и рѣдко употребляется въ пищу; во Франціи и на Рейнѣ изъ ея чешуи добывается такъ-называемая жемчужная эссенція, идущая на подкраску поддѣльнаго жемчуга. Развитіе этого дѣла у насъ также принесло-бы пользу хотя-бы тѣмъ, что уменьшилось количество этой негодной рыбы, только поѣдающей кормъ у другихъ рыбъ.

Язь — одна изъ рыбъ, весьма распространенныхъ въ Россіи. Весною онъ очень красивъ, ибо все его тѣло принимаетъ металлическій блескъ. Ловятъ его мордами, крылеками и т. п., или на удочку всегда со дна на толстыя лесы на шейку рака, личинку майскаго или навознаго жука, а особенно на поденку.

Красноперку часто принимаютъ за плотву, но есть замѣтныя отличія. Цвѣтъ спины темно-бурый съ голубоватымъ отливомъ; радужина оранжево-желтая съ краснымъ пятномъ; плавники наполовину красные, наполовину черноватые или сѣрые. Любитъ медленно текучія воды, заросшія камышемъ и тростникомъ. Размѣръ: 10—12 дюймовъ, вѣсъ 1½, рѣдко 3 фунта.

Самою обыкновенною рыбою изъ карповыхъ по обширному своему распространенію является **плотва**. Она по своей небольшой величинѣ не пользуется почетомъ ни у настоящихъ рыбаковъ, ни у удильщиковъ. Гораздо большее значеніе пріобрѣтаютъ за послѣднее время двѣ ея разновидности: тарань и вобла. Послѣдней по словамъ свѣдущихъ лицъ идетъ ежегодно въ продажу до 50.000,000 штукъ. Въ отличіе отъ рѣчной плотвы, обѣ эти рыбы принадлежатъ къ числу морскихъ, заходящихъ въ рѣки только для метанія икры. Черноморская и азовская плотва носитъ названіе тарани, а каспійская—воблы.

Голавль имѣетъ туловище почти круглое, спинной и хвостовой плавники черноватые съ красноватымъ оттѣнкомъ, брюшные и заднепроходные—ярко красные, грудные—оранжевые. Любитъ небольшія, быстро текущія рѣки съ холодною и прозрачною водой, кремнистымъ и песчанымъ дномъ. Достигаетъ 10 и даже 14 фунт. Необычайно быстръ въ движеніяхъ и выудить его очень трудно.

Елецъ отличается отъ головля болѣе сжатымъ съ боковъ тѣломъ и болѣе узкою головой; парные плавники блѣдно-желтые или оранжево-красные. Удить ельца можно цѣлый годъ.

Вьюнъ легко отличается отъ другихъ рыбъ своимъ длиннымъ тѣломъ съ желтовато-бурою покрытою крапинками голою кожею и поэтому напоминаетъ угря. Главный ловъ вьюна — на днѣпровскихъ плавняхъ мордами; также хорошо беретъ на удочку, на червяка. Такъ какъ мясо его весьма вкусно, особенно въ ухѣ, то остается пожалѣть о тѣхъ, кто вслѣдствіе сходства съ змѣей не употребляетъ его въ пищу, что особенно относится къ жителямъ средней и восточной Россіи.

Многіе поэтому-же пренебрегаютъ **угремъ** и тоже напрасно. Отличается эта рыба отъ предъидущей темнымъ цвѣтомъ кожи различныхъ оттѣнковъ въ зависимости отъ мѣста обитанія. Главнымъ образомъ угорь водится въ рѣкахъ Балтійскаго моря, въ Волгѣ онъ рѣдокъ. Общеизвѣстная живучесть угря, разрѣзаннаго на части, говорятъ, иногда доставляетъ хозяйкамъ непріятности, такъ какъ случается, что эти куски расползаются изъ пироговъ уже въ печи. Замѣчательно, что эта рыба является двуполымъ животнымъ и, въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ, производитъ на свѣтъ дѣтенышей живыми, т. е. оплодотворенная икра остается въ тѣлѣ самки до выклевыванія малекъ. Ловятъ ихъ мережами и переметами.

Семейство **лососевыхъ**, близкое по наружному виду къ карповымъ, легко отличается по придаточному виду плавника, находящемуся позади спиннаго; чешуя ихъ по большей части мелкая. Всѣ сюда относящіяся рыбы отличаются своимъ вкуснымъ мясомъ. Изъ нихъ **рѣчной сигъ** водится въ Финскомъ заливѣ, въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ. Славятся преимущественно невскіе сиги, которые, какъ въ свѣжемъ, такъ и копченомъ видѣ расходятся въ большомъ количествѣ. Къ этому-же роду сиговъ относится **бѣлорыбица**, представляющая самый вкусный и крупный ихъ видъ: достигаетъ 3 фут. и 30—40 фунтовъ вѣса. Водится она въ сѣверныхъ частяхъ Каспійскаго моря, откуда подымается главнымъ образомъ въ Волгу и идетъ по ней очень далеко, проникая даже въ послѣднее время по каналамъ въ Ладожское и Онежское озера. Ловится преимущественно неводами.

Самый мелкій родъ сиговъ—**ряпушка**, которая, не смотря на свой малый ростъ (8—10 дюйм.), служитъ предметомъ значи-

тельнаго промысла. Она по преимуществу озерная рыба и водится почти во всѣхъ озерахъ сѣверовосточной Россіи. Соленая и копченая ряпушка съ Переяславскаго озера поступаетъ въ продажу подъ именемъ копченой сельди и вкуснѣе соленой. Этой рыбы ловится не менѣе полумилліона пудовъ, изъ чего видно, что она имѣетъ весьма важное значеніе для сѣвернаго рыболовства.

Корюшка извѣстна всѣмъ сѣвернымъ жителямъ, водится въ сѣверныхъ моряхъ Стараго Свѣта, также встрѣчается въ большихъ озерахъ, но здѣсь она уже мельче, почему и носитъ названіе снѣтка, величина котораго не болѣе 3—4 дюймовъ. Серебристое тѣло живой корюшки очень красиво и бываетъ величиною до 9 дюймовъ. Собирается она въ большіе табуны, почему и ловится сѣтями. Въ Петербургѣ главный ловъ ея—тотчасъ по вскрытіи Невы и тогда она особенно вкусна. Вышеупомянутый снѣтокъ ловится главнымъ образомъ въ Чудскомъ и Бѣлоозерѣ въ громадномъ количествѣ—до 300,000 пуд. и идетъ въ продажу главнымъ образомъ сушенымъ.

Лосось или семга,—являющаяся исключительно европейскою рыбою, обитаетъ главнымъ образомъ въ моряхъ Нѣмецкомъ, Балтійскомъ, Бѣломъ и Ледовитомъ, а также въ Ладожскомъ и Онежскомъ озерахъ. Заходитъ она въ рѣки только для нереста лѣтомъ, осенью мечетъ въ нихъ икру, и въ это время ея главный уловъ. Особенностью старыхъ этихъ рыбъ во время нереста является хрящеватый крючокъ на нижней челюсти. Цвѣтъ тѣла семги сильно измѣняется сообразно съ мѣстностью и временемъ года. Достигаетъ она вѣса до $1^1/_2$ пуда и 5 футовъ длины; озерные лососи меньше. Ловятъ ее неводами и заборами, а также мѣшкомъ изъ сѣтей, прикрѣпленнымъ за два конца къ лодкѣ, идущей на веслахъ, что носитъ названіе поѣздовъ. Также ловятъ ихъ на переметы наживляемые рыбками, для чего, благодаря живучести, особенно пригодна корюшка.

Всякій, кто видалъ живую **форель,** согласится, что названіе *пеструшки* дано ей очень удачно: все ея тѣло испещрено черными, красными и бѣлыми пятнами. Эта красивая рыбка тоже очень вкусна, поэтому можно только сожалѣть, что границы для ея распространенія постепенно съуживаются. Величина ея 6—8 вершковъ при 1 или 2 фунт. вѣса. Встрѣчается она во многихъ быстротечныхъ рѣчкахъ, ручьяхъ и озерахъ, изобилующихъ ключами, въ сѣверозападной и сѣверовосточной Россіи. Въ виду того, что уженье форели требуетъ очень большаго искусства, это занятіе для любителей крайне заманчиво, и въ западной Европѣ доведено до высшей степени совершенства. Приманкою служатъ различныя насѣкомыя, а также искусственныя мухи, при чемъ клюетъ она только на закатѣ и рано утромъ, лучше въ пасмурную погоду. Форель очень боится грозы.

Вмѣстѣ съ форелью **харіусъ** населяетъ холодныя рѣки всей Европы. По своей пестротѣ это одна изъ наиболѣе красивыхъ нашихъ рыбъ. Этою рыбою мы заключимъ разсмотрѣніе лососевыхъ.

Щука — рыба пользующаяся весьма широкой распространенностью и потому всѣмъ извѣстна. Хищническій образъ жизни ея также всякому знакомъ и на этомъ основанъ ея ловъ при помощи насаженной на крючокъ рыбы; попадается она и въ сѣти, хотя благодаря своимъ острымъ и многочисленнымъ зубамъ ей часто удается избѣжать опасности. Живетъ она болѣе ста лѣтъ и достигаетъ почтенныхъ размѣровъ, напр. до сажени длины. Интересно, что щука въ маѣ смѣняетъ зубы и въ это время только портитъ рыбу, не имѣя возможности ее схватить надлежащимъ образомъ.

Изъ **сельдей** у насъ извѣстна такъ-называемая рѣчная сельдь, представляющая два вида: черноморскую и каспійскую. Большее значеніе имѣетъ **бѣшенка,** черноморская сельдь, водящаяся въ Каспійскомъ морѣ въ громадномъ количествѣ. Исторія появленія ея въ промышленности очень поучительна. Во время нереста эта рыба подымается въ рѣки, главнымъ образомъ въ Волгу, и тогда прыгаетъ „какъ бѣшеная", по выраженію волжскихъ рыбаковъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства она долгое время считалась даже вредною. Только благодаря Беру, указавшему рыбопромышленникамъ, что эта всѣми презираемая рыба, изъ которой получали лишь жиръ, а мясо бросали, относится къ роду сельдей и можетъ быть такимъ же точно образомъ приготовляема, она начинаетъ пріобрѣтать промышленное значеніе, чему въ значительной степени способствовалъ недостатокъ иностранныхъ сельдей во время Крымской кампаніи. Черезъ 20 лѣтъ послѣ этого ее въ годъ вылавливаютъ уже на сумму около 2.000,000 р., причемъ она получаетъ болѣе почетное названіе — астраханской сельди. Величина ея $1—1^1/_2$ фута, рѣдко 2, вѣсъ же достигаетъ 3—4 фунтовъ. Къ сельдямъ относится также килька и салака.

Налимъ, покрытый мягкою слизистою кожею, имѣетъ нѣкоторое сходство съ сомомъ, но гораздо меньше его: въ Онежскомъ озерѣ, гдѣ онъ достигаетъ наибольшей величины, болѣе 1—2 пудовъ онъ никогда не бываетъ, въ рѣкахъ же Черноморскаго бассейна рѣдко вѣситъ 2—3 фунта. Онъ подобно сому зарывается въ илъ и такъ же прожорливъ; питается рыбами и другими животными. Главный ловъ производится поздно осенью и зимою мордами и неводами. Ловятъ его также и переметами, на удочку же рѣдко, потому что насадку беретъ онъ исключительно ночью. Къ этому же отдѣлу мягкоперыхъ относится и **треска,** главная масса которой впрочемъ приходитъ къ намъ изъ Норвегіи.

Окунь можетъ служить типомъ костистыхъ рыбъ, наилучше приспособившихся къ настоящимъ условіямъ. Это видно уже изъ того, что область его распространенія весьма обширна: водится во всѣхъ рѣкахъ и озерахъ Россіи, а въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ онъ даже вытѣснилъ всю остальную рыбу. Удить окуня очень весело, потому что беретъ онъ безпрерывно, только надо успѣвать вытаскивать, какъ только поплавокъ окунется въ воду. Это окунаніе до того характерно, что, вѣроятно, и дало названіе рыбѣ.

Этого же семейства—**суданъ** по своему промышленному значенію очень важенъ, такъ какъ съ низовьевъ каспійскихъ рѣкъ, гдѣ онъ водится въ большомъ числѣ, вывозятъ его въ соленомъ, сушеномъ и мороженомъ видѣ милліонами пудовъ. Достигаетъ онъ иногда 3 фут. длины и 25—35 фунт. вѣса. Судакъ — хищная рыба, но не смотря на это очень смиренъ и, по словамъ волжскихъ рыбаковъ — смирнѣе и глупѣе его нѣтъ ни одной рыбы.

По своему цвѣту и вообще по складу туловища къ судаку весьма близко подходитъ **бершъ,** но легко отличимъ по тому, что поперечныя темныя полосы у него выражены гораздо рѣзче. Онъ водится исключительно въ рѣкахъ Чернаго и Каспійскаго морей. Обыкновенно вѣсъ его 2—3 фунта при 8 вершкахъ длины. Въ продажѣ судакъ и бершъ не различаются.

Самою колючею и костлявою рыбою изъ употребляемыхъ въ пищу безспорно слѣдуетъ считать **ерша.** Онъ скорѣе похожъ на колючій шарикъ, чѣмъ на рыбу, благодаря чему онъ можетъ съ успѣхомъ избѣгать преслѣдованія многочисленныхъ враговъ. Ростомъ онъ до 5 дюймовъ; водится онъ почти во всѣхъ рѣкахъ Европы и въ любой водѣ. Во время нереста (въ сентябрѣ и октябрѣ) ловятъ его небольшими неводами, хотя чуть-ли не самый главный ловъ его производится на удочку безъ поплавка, при чемъ лучшею насадкою считается красный навозный червякъ. Благодаря прекрасному вкусу своего мяса, ершъ цѣнится сравнительно съ другими рыбами очень дорого и составляетъ главную принадлежность всякой хорошей ухи.

Подкаменьщикъ, водящійся въ рѣкахъ всей сѣверной Европы и достигающій величины 4—5 дюймовъ, настолько выдѣляется своею оригинальною формою, что трудно смѣшать его съ другою рыбою. Промышленнаго значенія не имѣетъ; мясо его, хотя и вкусно, но рѣдко употребляется въ пищу.

Колюшка, достигающая рѣдко $2^1/_2$ дюймовъ длины, получила названіе отъ колючекъ, находящихся передъ спинными плавниками. Въ пищу не употребляется и поэтому никто ее не ловитъ, хотя она удобно могла бы служить для полученія жира. Эта рыбка замѣчательна тѣмъ, что самецъ строитъ гнѣзда, въ которыя заманиваетъ самку и затѣмъ охраняетъ положенную ею икру отъ враговъ до выклевыванія потомства. Благодаря такой заботливости родителей, а также колючкамъ защищающимъ ее отъ хищной рыбы, колюшка размножается иногда въ громадномъ количествѣ. Въ виду того, что она, питаясь икрою другихъ рыбъ, тѣмъ самымъ истребляетъ (напр. въ Онежскомъ оз.) ихъ тоже въ громадномъ количествѣ, слѣдовало бы заняться и ея истребленіемъ, вытапливая изъ нея жиръ, или давая въ кормъ скоту.

Разсмотрѣвъ, хотя кратко, рыбныя богатства Россіи, приходится указать, что количество ея, благодаря усиленному истребленію, а также развитію фабричной промышленности и пароходства, годъ отъ году уменьшается. Впрочемъ, опасаться особенно этого нечего, въ виду открытаго въ послѣднее время искусственнаго ея разведенія; выработка способовъ искусственнаго разведенія рыбы принадлежитъ нашему академику Овсянникову, который перевозилъ оплодотворенную стерляжью икру даже въ Шотландію. Интересующимся этимъ предметомъ, а также вообще состояніемъ рыбопромышленности въ нашемъ отечествѣ, можемъ рекомендовать посѣтить открывающуюся въ этомъ году въ Петербургѣ рыбопромышленную выставку.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ стѣнами Доростола. (Рис. на стр. 4 и 5).

Во второй половинѣ IX вѣка, въ Кіевѣ княжилъ и всею тогдашнею Русью правилъ храбрый князь Святославъ, прославившійся своими дальними и смѣлыми походами на хазаръ, своею борьбою съ хищными кочевниками, населявшими наши южныя степи, и своимъ необычайнымъ личнымъ мужествомъ. Даже могущественные императоры византійскіе заискивали союза съ этимъ неустрашимымъ вождемъ славяно-руссовъ и посылали ему богатые подарки. Въ 967 г., по приглашенію греческаго императора Никифора, Святославъ помогъ ему въ войнѣ съ дунайскими болгарами и усмирилъ среди нихъ возстаніе противъ Византіи. Но привольная Болгарія, плодоносная и богатая,

полюбилась ему настолько, что онъ не хотѣлъ изъ нея удалиться, затѣмъ вернулся на Русь ненадолго, и, тотчасъ послѣ смерти своей матери, Ольги Премудрой, вернулся снова въ Болгарію, предоставивъ управленіе Русью своимъ сыновьямъ. Но на этотъ разъ и болгары встрѣтили его враждебно, и греки не захотѣли терпѣть такого опаснаго сосѣда на Дунаѣ. Когда Святославъ задумалъ окончательно въ Болгаріи утвердиться, византійскій императоръ Іоаннъ Цимисхій—опытный и храбрый воинъ—поспѣшилъ на помощь къ болгарамъ съ отборнымъ и прекрасно-обученнымъ войскомъ. Князь Святославъ, отовсюду тѣснимый врагами, былъ вынужденъ укрыться въ крѣпкомъ городѣ Доростолѣ, на берегу Дуная, и подъ стѣнами этого города началась и долго тянулась ожесточенная борьба между греками и русскими. Святославъ и воодушевляемые имъ воины дрались съ такимъ свирѣпымъ и отчаяннымъ мужествомъ, что греки не могли одолѣть ихъ и покончили миромъ, подъ тѣмъ условіемъ, что Святославъ добровольно покинетъ Болгарію.

Одинъ изъ византійскихъ историковъ, Левъ Дьяконъ (родомъ изъ мѣстечка Калои, въ Мал. Азіи), находившійся съ Цимисхіемъ въ Болгаріи, описалъ намъ весьма подробно эту достопамятную борьбу грековъ съ Святославомъ. Подробно излагаетъ онъ различные военные эпизоды, происходившіе у него на глазахъ, разсказываетъ о поразившихъ его обычаяхъ Святославова воинства и даже описываетъ намъ наружность и одежду самого Святослава, котораго ему удалось видѣть очень близко, во время свиданія Цимисхія съ храбрымъ русскимъ княземъ. Между прочимъ, на одной изъ страницъ своего любопытнаго сочиненія, Левъ Дьяконъ сообщаетъ намъ и слѣдующее любопытное описаніе той *тризны* или *поминокъ*, которыя совершались Святославовыми воинами надъ прахомъ ихъ убитыхъ товарищей. Описавъ одну изъ схватокъ, въ которой тѣлохранитель Цимисхія Анемасъ поразилъ славянскаго богатыря Икмара, Левъ Дьяконъ говоритъ:

„Какъ скоро наступила ночь и явилась полная луна на небѣ, то руссы вышли на поле, собрали всѣ трупы убитыхъ къ стѣнѣ и сожгли ихъ на разложенныхъ кострахъ, заколовъ надъ тѣлами убитыхъ товарищей великое множество плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ. Совершивъ эту кровавую жертву, они стали погружать въ струи рѣки Истра (Дуная) младенцевъ и черныхъ пѣтуховъ, задушая ихъ такимъ образомъ".

Обычай убивать рабовъ и плѣнниковъ надъ тѣлами павшихъ въ сраженіи воиновъ—былъ общимъ не только у славянъ, но и у многихъ другихъ народовъ древности. Это дѣлалось вовсе не по какой-нибудь особой кровожадности или дикости нравовъ, а въ томъ наивномъ убѣжденіи, что рабы, убитые надъ трупомъ господина и сожженные съ нимъ на одномъ кострѣ, должны будутъ оставаться у него въ рабствѣ и на томъ свѣтѣ. Въ тѣхъ же видахъ, на томъ же кострѣ сожигались и домашнія животныя (лошади, собаки), и оружіе и домашняя утварь,—т. е. всѣ тѣ удобства, которыми заботливые родственники и земляки старались окружить дорогаго покойника и послѣ его перехода въ царство тѣней. Изъ другихъ, вполнѣ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, узнаемъ, что тризна по умершемъ, между русскими славянами, сопровождалась еще воинскими играми и усиленнымъ питьемъ меда, который и до настоящаго времени, вмѣстѣ съ кутьею, составляетъ въ народѣ необходимую принадлежность поминокъ.

Г. Семирадскій основалъ свой живой и сложный рисунокъ на разсказѣ Льва Дьякона, который онъ передалъ во всѣхъ его мрачныхъ подробностяхъ, съ замѣчательною точностью. На первомъ планѣ сцены убійствъ и потопленія младенцевъ въ Дунаѣ; далѣе, костры, съ возлагаемыми на нихъ жертвами и группы невольниковъ, гибнущихъ подъ ударами суровыхъ воиновъ Святослава. Въ глубинѣ картины мрачныя стѣны и башни Доростола. А на правой сторонѣ картины, надъ кручею берега, старый кудесникъ, указывающій воину на струи рѣки, въ которые тотъ собирается погрузить пѣтуха. Картина эта находится въ Московскомъ историческомъ музеѣ. **П. П.**

Ахалъ-Текинская мельница. (Рис на. стр. 8).

Устройство этихъ почти первобытныхъ сооруженій въ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ чрезвычайно просто. Отъ арыка (оросительной канавы), находящагося на нѣкоторомъ возвышеніи сравнительно съ мѣстомъ избраннымъ для мельницы, проводится струя воды, которая приводитъ въ движеніе мельничный жерновъ. Вокругъ него воздвигаютъ простыя глинобитныя стѣны постройки. Проведенная струя воды, сдѣлавъ свое дѣло, отводится далѣе по уступамъ почвы къ слѣдующей мельницѣ и такъ далѣе.

Русская боярышня. (Рис. на стр. 9).

Видѣлъ тутъ ее я близко:
Бѣлый съ золотомъ покровъ,
А на лбу-то низко-низко,
Вязь изъ крупныхъ жемчуговъ...
Даромъ, что родилась дѣвкой —
Да иной разъ такъ проймётъ
Молодецкою издѣвкой;
А какъ въ духѣ, да взмахнетъ
Черной бровью соболиной —
Пропадай богатыри!
Умеръ, право-бъ, заедино,
Еслибъ молвила: умри!

(А. Н. Майковъ).

Служба — дружба. (Рис. на стр. 12).

75 лѣтъ тому назадъ, въ первый день новаго года, русскія войска перешли Рейнъ и вступили во Францію. По этому случаю императоръ Александръ Павловичъ, находясь на землѣ своего неукротимаго противника, отдалъ приказъ по арміи, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „Непріятели, вступая въ средину Царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина—низвергать ополченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и его мирнымъ собратіямъ". И воля царственнаго отца и повелителя свято исполнялась русскими. По взятіи Парижа и вступленіи въ него русскихъ 19 марта 1814 г., чѣмъ завершилась война, начатая Александромъ Благословеннымъ за спасеніе Россіи, независимость Европы и святость законныхъ престоловъ,—наши солдаты долго еще пребывали среди французовъ въ дружбѣ со своими недавними врагами. Нѣсколько эпизодовъ и сценъ изъ этого достославнаго для всѣхъ русскихъ времени замѣчательно живо и художественно воспроизведены маститымъ профессоромъ батальной живописи, Г. П. Виллевальде. Одна изъ его картинъ „Служба — дружба", изображаетъ дрессировку полковой собачонки на диво французскимъ мальчуганамъ.

Крейсеръ „Адмиралъ-Корниловъ". (Рис. на стр. 13).

Крейсеръ этотъ недавно вступилъ въ рядъ нашихъ боевыхъ судовъ, послѣ испытанія его качествъ во Франціи, гдѣ онъ былъ выстроенъ Луарскимъ судостроительнымъ обществомъ въ С.-Назерѣ и обошелся казнѣ въ 7.000,000 франковъ. Размѣры его слѣдующіе: длина $358^1/_2$ футовъ; ширина 48 ф.; углубленіе кормы 22 ф.; носа—17 ф.; водоизмѣщеніе 5029 тоннъ. Машина, развивающая болѣе 6000 индикаторныхъ силъ, сообщаетъ ему скорость $17^1/_2$ узловъ (30,6 верстъ въ часъ).

Корпусъ выстроенъ изъ стали. Съ внутренней стороны бортовъ положенъ слой кокосовыхъ волоконъ, разбухающихъ въ водѣ при пробоинѣ и препятствующихъ водѣ вливаться въ судно. Броневая палуба, сводчатая, защищаетъ пороховые и бомбовые погреба. Внутреннія помѣщенія освѣщены электричествомъ. Крейсеръ будетъ вооруженъ 14-тью орудіями 6-ти дюймоваго калибра, 16-тью орудіями Гочкиса, изъ которыхъ 6—47^{mm} калибра, остальныя 10—37^{mm} калибра. Для стрѣльбы минами Уайтхеда уже установлено 6 апаратовъ.

Размѣщеніе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Особенно хорошо что камбузъ (кухня экипажа), малярная и фонарная каюты помѣщены на верхней палубѣ, а не рядомъ съ жилыми помѣщеніями. Паровая хлѣбопекарня можетъ снабжать экипажъ свѣжимъ хлѣбомъ.

Выйдя изъ Шербурга 19 октября 1888 года, крейсеръ на 7-й день былъ уже въ Кронштадтѣ, который нашелъ окруженнымъ льдомъ; но бронзовый таранъ крейсера свободно разрѣзалъ ледъ, и крейсеръ вскорѣ занялъ свое мѣсто въ гавани, гдѣ и будетъ зимовать.

Новый годъ. (Рис. на стр. 17).

Проводивъ Минувшій годъ,
Не осудимъ слишкомъ строго,
Скинемъ старцу недочетъ;
Съ Богомъ, скатертью дорога!
Ну, а Новый — въ добрый путь!
Веселѣй, смѣлѣе трогай
И кати прямой дорогой —
Будетъ время отдохнуть.

Зимняя кормежка оленей. (Рис. на стр. 20).

Это благородное животное, на нашей родинѣ водящееся лишь въ Сибири, на Кавказѣ да въ нѣкоторыхъ Привислянскихъ губерніяхъ, предпочитаетъ гористыя мѣстности ровнымъ, и особенно охотно держится въ сплошныхъ лѣсахъ, преимущественно лиственныхъ; но зимою снѣгъ вынуждаетъ его спускаться съ высокихъ горъ, а мягкіе рога заставляютъ держаться въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ они не зацѣпляютъ за вѣтви. Днемъ олень лежитъ въ своемъ логовищѣ, подъ вечеръ выходитъ пастись, лѣтомъ раньше чѣмъ зимою. Онъ пасется и днемъ, но только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ вполнѣ увѣренъ въ своей безопасности. Весной, лѣтомъ и осенью стада разбиваются по возрасту и полу: взрослыя самки, телята, одногодовалые и двухгодовалые держатся вмѣстѣ: болѣе взрослые самцы составляютъ отдѣльныя стада, а старые сильные олени держатся отдѣльно до брачной поры. Но зимняя бескормица нерѣдко соединяетъ всѣ категоріи. На превосходномъ рисункѣ Шпехта изображена именно такая компанія за скудной трапезой.

Сидебка (самоловъ) на Волгѣ. (Рис. на стр. 21).

(Снарядъ для ловли бѣлорыбицы).

Рыболовство въ Россіи, на четырехъ прилегающихъ къ ней моряхъ и на громадныхъ рѣкахъ, впадающихъ въ эти моря, достигаетъ такихъ размѣровъ, о которыхъ трудно дать понятіе нашимъ западнымъ сосѣдямъ. При громадности запаса ежегодно добываемой рыбы, онъ оказывается еще въ такой степени разнообразнымъ, что вызываетъ и рыбопромышленниковъ къ необычайной изобрѣтательности и къ удивительному разнообразію въ способахъ, употребляемыхъ для ловли различныхъ породъ красной и всякой другой рыбы, населяющихъ воды морей, рѣкъ и озеръ нашего обширнаго отечества. Не вдаваясь пока въ подробности различныхъ лѣтнихъ способовъ рыбной ловли, которымъ мы посвятимъ со временемъ довольно обширныя описанія и рядъ рисунковъ, мы остановимся теперь только на одномъ изъ весьма любопытныхъ и остроумныхъ способовъ зимней, *подледной* ловли бѣлорыбицы. Этотъ ловъ производится зимою и по Дону, и по Волгѣ, требуетъ самыхъ ничтожныхъ затратъ и очень незначительнаго количества рукъ; а между тѣмъ, въ зимы холодныя, продолжительныя и постоянныя, этотъ ловъ приноситъ промышленникамъ весьма значительную прибыль. Способъ ловли называется *сидебкой*, и самоловная снасть, употребляемая при этомъ способѣ, устраивается чрезвычайно просто, какъ это можетъ видѣть читатель съ перваго взгляда на нашъ рисунокъ. Весь снарядъ состоитъ изъ жердей, укрѣпленныхъ во льду и составляющихъ станокъ или козлы, на которомъ свободно ходитъ, отгибаясь и пригибаясь (наподобіе журавля или коромысла въ колодцахъ), длинная жердь, называемая *дыбомъ*. Къ тонкому концу жерди прикрѣпляется веревочка *(гайтанъ)* въ 1³/₄ аршина длиною, а къ концу ея наглухо привязывается круглая палочка *(чибикъ)*; у самой палочки, также наглухо, привязываютъ къ той-же веревкѣ дощечку, перекладинку *(клинушку)*. Вершковъ на 6 отъ этой перекладинки на ту-же веревку навязывается третья палочка—такъ-называемый *сторожъ*. Весь самоловный снарядъ ставятъ надъ пробитою во льду маленькою прорубью *(лункою)*. Въ прорубь опускается тонкая леса, аршина въ три длиною, крѣпко привязанная къ чибику; на концѣ этой лесы—свинцовая рыбка *(блесна)* съ большимъ крючкомъ въ головѣ; крючокъ прикрытъ рыбьей чешуей или *наживкой* въ видѣ куска рыбы. Снарядъ ставится такъ: тонкій конецъ жерди, къ которому привязанъ гайтанъ, притягиваютъ къ *дужкѣ* (изъ гнутой лозины), поставленной надъ самою прорубью; перекладинку ставятъ поперекъ дуги, а сторожъ въ длину ея, такъ, чтобы верхній его конецъ прикасался средины дуги, а нижній опирался на перекладинѣ подлѣ чибика, чѣмъ и препятствуетъ перекладинѣ выскользнуть. Но когда рыба дернетъ за крючокъ лесы, опущенной подъ ледъ, леса, прикрѣпленная къ чибику, натягивается, перекладинка понижается, вслѣдствіе чего сторожъ выскакиваетъ и освобождаетъ перекладину, а толстый конецъ жерди, опускаясь книзу, подымаетъ тонкій ея конецъ кверху и подтягиваетъ рыбу къ самой проруби. Рыболовъ, замѣчая, что оцѣпъ поднялся, подбѣгаетъ къ проруби и вытаскиваетъ рыбу крюкомъ на ледъ.

Сидебки ставятся обыкновенно поперекъ рѣки, на разстояніи 5—7 шаговъ одна отъ другой; большею частью, ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ не болѣе 20, при одномъ ловцѣ. Однако-же, въ мѣстахъ изобилующихъ бѣлорыбицей, ставятъ и отъ 50—100 сидебокъ въ одинъ общій *порядокъ*, поручивъ надзоръ за ними 5—10 ловцамъ, наблюдающимъ за снарядами изъ своихъ камышевыхъ шалашей.

Политическое обозрѣніе.

Быстро несется безвозвратное время и еще одинъ годъ канулъ въ вѣчность. Многое совершилось и перемѣнилось въ теченіе его въ политическомъ мірѣ, и новый годъ начинается при нѣсколько другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ это происходило триста шестьдесятъ шесть дней тому назадъ. Благодаря Бога, первая встрѣча съ 1889 годомъ совершается при болѣе счастливыхъ и благопріятныхъ условіяхъ, хотя и въ настоящее время нѣтъ еще полной увѣренности въ мирѣ и спокойствіи, необходимыхъ для всесторонняго развитія и процвѣтанія всѣхъ государствъ вообще и каждаго въ отдѣльности. Годъ тому назадъ политическія обстоятельства были гораздо тяжелѣе и мрачнѣе. Грозный призракъ войны носился надъ Европой. Наступившія затѣмъ событія еще болѣе подняли тревогу. Но Россія въ это тяжелое время оставалась спокойною. Ея непоколебимая твердость въ принятыхъ однажды рѣшеніяхъ, хладнокровная и терпѣливая внѣшняя политика много способствовали улучшенію существующаго положенія дѣлъ въ международной жизни Запада. „Вовсе не изъ патріотическаго самомнѣнія, говоритъ *Н. В.*, рѣшаемся мы утверждать, что Россіи болѣе чѣмъ кому-либо обязана Западная Европа тѣмъ, что общее положеніе дѣлъ до извѣстной степени утратило нынѣ свой острый характеръ. Внѣшняя политика, которой держалось наше правительство въ 1888 году, принесла всѣмъ хорошо извѣстные результаты. Благодаря ей, и только ей одной, вѣроятность европейской войны въ недалекомъ будущемъ значительно ослабѣла, хотя международныя обстоятельства, создававшія эту вѣроятность, почти вовсе не измѣнились.“ Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ, хотя ничтожныхъ въ политическомъ мірѣ, былъ беззаконный захватъ власти въ Болгаріи Фердинандомъ Кобургскимъ и неописуемыя безобразія его подручныхъ и клевретовъ. Извѣстія, одно возмутительнѣе другаго, получались изъ Болгаріи, и какъ бы испытывали терпѣніе создавшей и облагодѣтельствовавшей ее Россіи. Но она спокойно посвятила всѣ свои силы и всѣ усилія вѣрноподданныхъ сыновъ своихъ на дѣло внутренняго преуспѣванія, согласно надеждѣ, выраженной Государемъ Императоромъ въ Высочайшемъ рескриптѣ по поводу новогодняго привѣтствія Москвы. Тогда другія государства припялись за Россію. По сосѣдству появились указанія, что спокойная Россія безпокойно втихомолку усиливаетъ свои силы на границахъ. Памятная статья *Русскаго Инвалида* разсѣяла эти инсинуаціи. Но дѣло на этомъ не остановилось. 22 января 1888 г. обнародывается въ *Имперскомъ Указателѣ* тайный союзный договоръ Германіи съ Австріей, заключенный 7 октября 1879 г., т. е. въ то время, когда дружба Россіи съ Германіей была самою тѣсною, когда Россія была въ союзѣ съ этими имперіями. „Россія, писали въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по этому случаю, была любезна до податливости по отношенію къ сосѣдямъ, добросовѣстности которыхъ она довѣряла, но она будетъ тверда и неуклонна по отношенію къ нимъ, коль скоро ихъ недобросовѣстность самими ими оффиціально засвидѣтельствована въ моментъ апогея ихъ ухищреній. Когда Россія, разочарованная результатами своихъ отношеній къ этимъ сосѣдямъ, вслѣдствіе явнаго съ ихъ стороны посягательства на интересы и международные договоры вообще, разгадала цѣли этихъ добрыхъ „друзей“, оцѣнила ихъ дѣйствія по достоинству и стала дѣйствовать самостоятельно,—ей признаются, что противъ нея былъ заблаговременно заключенъ союзъ, и что этотъ союзъ былъ въ полной силѣ во все время, когда она относилась къ союзникамъ съ полнымъ довѣріемъ и откровенностью! Черезъ три дня послѣ обнародованія австро-германскаго договора, князь Бисмаркъ произноситъ въ рейхстагѣ памятную рѣчь о кредитѣ на военныя потребности.

Вызванная этими двумя событіями тревога еще не успѣла уняться, какъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* появляется 11 февраля, правительственное сообщеніе по поводу болгарскаго вопроса. Какъ выставленныя въ ней чрезвычайно умѣренныя требованія, такъ и тонъ, миролюбивый и спокойный, ясно говорили о взглядѣ Россіи на дѣла въ Болгаріи и указывали на образъ дѣйствій Россіи въ дѣлахъ внѣшней политики. Но требованія Россіи касательно искорененія беззаконій въ Болгаріи—должны были пройти черезъ Турцію, и Болгарія, получивъ ихъ отъ нея, знала съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а потому отложила ихъ въ долгій ящикъ. Наступившія событія, на ея счастіе, отвлекли отъ Софіи вниманіе.

26 февраля скончался маститый императоръ Германіи. Грозный призракъ войны казалось приближался. Всѣ знали, что почившій императоръ не хотѣлъ омрачить кровопролитіемъ остатокъ дней своихъ и не допустилъ-бы войны.

Наслѣдовавшій ему тяжко больной Фридрихъ III, казалось, не въ силахъ будетъ противостоять обстоятельствамъ, а о воинственности наслѣднаго принца было не мало толковъ. Но эти опасенія были напрасными. Несмотря на злой недугъ, Германскій императоръ съ замѣчательною твердостью воли и миролюбіемъ лично правилъ страною. Но Богу было угодно не долго продлить его дни и 4 іюня императора Фридриха не стало. Молодой императоръ Вильгельмъ II, мѣсяцъ спустя, предпринимаетъ путешествіе по Европѣ, между прочимъ, чтобы лично ознакомиться со своими сосѣдями. Посѣтивъ прежде всего Россію и оставшись въ ней долѣе предположеннаго срока, онъ могъ убѣдиться въ ея дружбѣ и миролюбіи. Позднѣйшія пребыванія его въ Австріи и Италіи познакомили его съ расположеніемъ къ Германіи ея союзницъ. Недавняя полемика австрійскихъ и германскихъ газетъ, а также заявленіе Криспи въ палатѣ депутатовъ о необходимости увеличенія военныхъ силъ Италіи, на случай ея дѣйствій въ союзѣ съ другими государствами или изолированно, хотя не могутъ привести къ какимъ-либо опредѣленнымъ выводамъ, но невольно заставляютъ вспомнить о Крыловскихъ лебедѣ, ракѣ и щукѣ.

Тѣмъ не менѣе, по извѣстію изъ Лондона въ *Фоссову Газету*, государи, связанные между собою тройственнымъ союзомъ, обмѣнялись по случаю наступленія Новаго года сердечными поздравленіями. Австрійскій императоръ прислалъ письмо, въ которомъ, ссылаясь на нынѣшнее международное положеніе, выражаетъ полную увѣренность въ томъ, что миръ сохранится въ теченіе 1889 года.

Таково положеніе дѣлъ по сосѣдству съ Россіей на Западѣ. На Юго-Востокѣ, въ Персіи замѣтна стала за послѣднее время нѣкоторая перемѣна въ отношеніи къ Россіи и проявленіе особеннаго расположенія къ Англіи. Въ *Нивѣ* было уже сообщено

объ открытіи свободнаго судоходства по рѣкѣ Каруну и о *международномъ* (?) значеніи этого распоряженія шаха. Рядомъ съ этимъ появляются извѣстія, и притомъ, преимущественно въ турецкихъ газетахъ, увѣренія, что Россія хочетъ завладѣть Персіей или заручиться ея нейтралитетомъ, въ виду похода въ Индію (!). Не трудно догадаться, откуда вѣтеръ дуетъ, если обратить вниманіе на совѣты дружить съ Англіей. Недаромъ королева Викторія пожаловала британскому посланнику сэръ Друммонду Вольфу въ Тегеранѣ орденъ Бани перваго класса.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Газета *Свѣтъ* сообщаетъ, что въ министерствѣ Путей Сообщенія разсматривается проектъ относительно регулированія скорости пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Имперіи. Особое вниманіе обращено на движенія почтовыхъ поѣздовъ.

Дѣла церкви.

— Св. Синодъ, въ благодарность Господу Богу, чудодѣйственною силою сохранившему драгоцѣнную жизнь Государя Императора, Государыни Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всѣхъ Царскихъ Дѣтей отъ грозившей имъ смертной опасности, при крушеніи поѣзда 17 октября сего года, призналъ за благо, въ молитвенное воспоминаніе о великой милости Божіей къ Державѣ Россійской, установить ежегодно 17 октября во всѣхъ православныхъ церквахъ Имперіи торжественное служеніе Божественной литургіи, а послѣ оной благодарственнаго Господу Богу молебствія съ колѣнопреклоненіемъ. По всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ синодальнаго оберъ-прокурора, Государь Императоръ 12 ноября Высочайше соизволилъ на установленіе ежегоднаго церковнаго празднованія 17 октября.

— 11 декабря состоялось торжественное освященіе часовни, сооруженной церковнымъ старостою купцомъ Д. В. Занкинымъ на мѣстѣ построенія въ Галерной гавани храма во имя Милующей Божіей Матери, воздвигаемаго въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

— 18 декабря состоялось торжественное освященіе вновь сооруженной при с.-петербургской духовной семинаріи церкви, во имя Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. На освященіи присутствовали: оберъ-прокуроръ Св. Синода д. т. сов. К. П. Побѣдоносцевъ и др. лица.

— Оффиціальный эчміадзинскій журналъ *Араратъ* сообщаетъ, что верховный католикосъ всѣхъ армянъ Макарій возвелъ патріарха турецкихъ армянъ, епископа Хорена, въ санъ архіепископа.

— 18 декабря, въ Петербургѣ состоялось освященіе и открытіе зданія типографіи, словолитни, стереотипной, переплетной и центральнаго книжнаго депо, сооруженнаго на средства и для потребностей Святѣйшаго Правительствующаго Синода. Книгопечатное учрежденіе занимаетъ четырехъ-этажный каменный корпусъ, выходящій на улицу, и два примыкающихъ къ нему каменныхъ надворныхъ флигеля. При его постройкѣ и внутреннемъ снаряженіи были примѣнены на дѣлѣ всѣ требованія новѣйшей строительной и типографской техники. Въ подвальныхъ этажахъ размѣщенъ рядъ горизонтальныхъ паровыхъ машинъ послѣдней усовершенствованной конструкціи, съ необходимымъ для нихъ центральнымъ проводомъ (трансмиссія) и всѣми приспособленіями. Въ первомъ этажѣ находится огромная зала въ два свѣта. Здѣсь помѣщаются машины. По правую и по лѣвую стороны залы установлены 15 скоропечатныхъ машинъ системы Кеннга и Бауеръ, приводимыхъ въ движеніе при помощи передаточной паровой силы. Особый придѣлъ въ залѣ отведенъ для установки въ немъ ротаціонной машины новѣйшей системы, печатающей разные форматы и способной давать въ часъ свыше 10,000 оттисковъ. По асфальтовому полу проложены рельсы для передвиженія по нимъ ручныхъ вагоновъ съ типографскими формами. Вдоль всего потолка идутъ металлическія трубы весьма значительныхъ размѣровъ, обезпечивающія помѣщенію сильно дѣйствующую вентиляцію. Отопленіе паровое. Освѣщеніе—электрическое, по системѣ Сименса и Гальске. Этажи сообщаются между собой при помощи подъемной площадки и широкой, прекрасно устроенной лѣстницы.

Морское дѣло.

— 21 декабря исполнилось 50-ти-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ вице-адмирала А. Б. Асланбегова.

— Начальникъ Орризарской станціи г. Пильбушъ, получивъ 5 декабря, въ 1¾ часа ночи, извѣстіе, что близъ Нейенгофа, въ 4 верстахъ отъ Орризара, засѣла во льду лодка съ полуживыми людьми, немедленно собралъ всю команду спасательной станціи. Ночь была темная и бурная, съ сильною метелью. Съ большою опасностью удалось спустить лодку на воду, у деревни Нейенгофъ. Около версты отъ берега были найдены бѣдствовавшіе, изъ которыхъ солдатъ Егоръ Лошкинъ и студентъ Витрокъ окоченѣли отъ холода, учитель музыки Гривингъ, бывшій еще въ памяти, не могъ подняться безъ посторонней помощи, арестантка Эмилія Келлеръ и торговецъ Григорій Васильевъ были почти въ безчувственномъ состояніи. Солдатъ Подѣевъ и крестьянинъ Коппель благополучно перешли по льдинамъ на берегъ. Пильбушъ доставилъ пострадавшихъ въ деревню Нейенгофъ, гдѣ старанія возвратить ихъ къ жизни увѣнчались успѣхомъ относительно всѣхъ пострадавшихъ, за исключеніемъ Лошкина, черезъ сутки умершаго въ судорогахъ

Смѣсь.

Редакція „Нивы“ пріобрѣла исключительное право на воспроизведеніе въ гравюрѣ извѣстныхъ „панно“ К. Е. Маковскаго, написанныхъ художникомъ для бар. Дервиза и выставленныхъ нынѣ въ помѣщеніи Общества поощренія художниковъ въ СПБ., на Большой Морской. Въ „Нивѣ“ будетъ напечатана цѣлая серія этихъ картинъ.

Устройство воздушныхъ мостковъ въ Парижѣ. Парижскій муниципальный совѣтъ рѣшилъ сдѣлать первый опытъ возведенія воздушныхъ мостковъ (passerelle), разумѣется, въ томъ мѣстѣ Парижа, которое считается наиболѣе опаснымъ, почему и носитъ трагическое названіе „Le carrefour des écrasés“, а именно тамъ, гдѣ улица и предмѣстье Монмартра пересѣкаются большими бульварами. Мостки будутъ стоить отъ 20 до 22,000 тысячъ франковъ. Сумма эта съ избыткомъ обезпечена завѣщаніемъ, сдѣланнымъ въ послѣдніе годы имперіи одною особой, сшибленною съ ногъ каретой на Монмартрскомъ перекресткѣ и получившей столь тяжкіе ушибы, что послѣдствіемъ ихъ была смерть. Наслѣдники уже нѣсколько разъ требовали возвращенія завѣщанной суммы, такъ какъ она лежитъ безъ употребленія; и еще недавно послѣдовалъ новый судейскій приговоръ, по которому наслѣдникамъ отказывается въ удовлетвореніи на томъ основаніи, что различные проекты еще не разсмотрѣны. Вмѣсто воздушныхъ мостковъ, муниципальными совѣтами нѣсколько разъ предлагались подземные проходы, но директоръ публичныхъ работъ никакъ не хотѣлъ на это согласиться. (с.)

Патеръ Делаттръ отрылъ недавно въ Карѳагенѣ древнюю пуническую гробницу, въ которой найдены четыре человѣческихъ скелета, два топорика, бронзовый щитъ, двадцать пунических вазъ и много греческихъ гончарныхъ издѣлій. Патеръ Делаттръ опредѣляетъ древность этой могилы въ три тысячи лѣтъ. Раскопки производились на счетъ бывшаго французскаго посланника, доктора Вогюэ, и до сихъ поръ дѣятельно продолжаются. (с).

Недавно въ Стратфордѣ-на-Эвонѣ открытъ памятникъ Шекспиру. Онъ состоитъ изъ бронзовой группы, одна изъ фигуръ которой представляетъ Вильяма Шекспира, а четыре другихъ—его величайшія драматическія творенія: Гамлета, олицетворяющаго философію, Леди Макбетъ—трагедію, принца Вельскаго—исторію, и Фальстафа—комедію. Фигуры вылѣплены скульпторомъ лордомъ Роиальдомъ Гоуэромъ и подарены имъ городу Стратфорду. Памятникъ поставленъ противъ Стратфордской приходской церкви, гдѣ покоится прахъ Шекспира. (с).

Географическая задача № 1.

(Ходъ коня).

Найти по атласу городъ или рѣку не подписанныя въ клѣткахъ и отмѣченныя вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придутся на мѣстѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

Рѣшеніе Рождественской задачи № 79

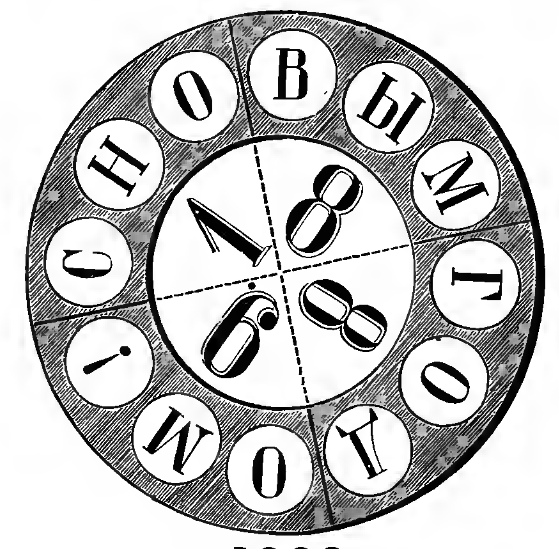
(помѣщенной въ № 52 1888 года).

ш	з	а	е	а	ъ	а	ѣ	е	в	ъ
о	р	я	н	х	ж	х	т	т	ц	а
д	л	■	■	■	ы	■	и	■	р	о
в	ъ	■	а	■	а	■	п	■	к	ж
м	и	■	■	■	ч	в	■	и	о	т
ш	в	■	т	и	ь	■	в	■	с	р
у	м	■	й	л	п	■	р	■	х	т
е	и	е	е	ъ	д	ъ	е	а	с	в
ч	л	т	с	з	м	д	в	и	о	а

1) Тетива.
2) Чардашъ.
3) Мей.
4) Лыжи.
5) Вязъ.
6) Духи.
7) Перецъ.
8) День.
9) Слива.
10) Море.
11) Ласточка.
12) Нарзанъ.
13) Жито.
14) Пихта.
15) Мохъ.
16) Вистъ.

„Поздравляемъ уважаемыхъ нашихъ читателей и читательницъ съ праздникомъ Рождества Христова!“

Рѣшеніе задачи № 80 (помѣщ. въ № 52 1888 г.).



1889.

„С Новымъ Годомъ!“

СОДЕРЖАНІЕ: **Н. М. Чихачовъ** (съ портр.).—**Внѣ моды. А. Фета.**—**Время.** Стих. графа **А. А. Голенищева-Кутузова.**—**Опасная игра.** Повѣсть **Н. Д. Ахшарумова.**—**Важнѣйшія рыбы Россіи.** (Описаніе особаго приложенія при этомъ №, печатаннаго 12 красками). **М. Штауде.**—**Къ рисункамъ: Тризна Святославовыхъ воиновъ подъ стѣнами Доростола** (съ рис.).—**Ахалъ-Текинская мельница** (съ рис.).—**Русская боярышня** (съ рис.).—**Служба-дружба** (съ рис.).—**Крейсеръ „Адмиралъ Корниловъ“** (съ рис.).—**Новый Годъ** (съ рис.).—**Зимняя кормежка оленей** (съ рис.).—**Сидебка** (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.—**Смѣсь**—**Задачи и рѣшенія задачъ.**—О подпискѣ на „Ниву“ 1889 г.—Объявленія.—**При семъ № прилагаются: 1) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ и рукодѣльныя работы за ЯНВАРЬ 1889 г.; 2) Таблица ВАЖНѢЙШИХЪ РЫБЪ РОССІИ, печатанная 12 красками; 3) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1889 г., печатанный 8 красками.**

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ**

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“ 10-8

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу шуточные разсказы для маленькихъ дѣтей въ стихахъ и рисункахъ

В. БУША: Mt. № 3631

ДВѢ СОБАЧКИ. Около 100 рис. Въ раскрашенной папкѣ—75 к. Въ перепл.—1 р. 25 к.
ВОРОНЕНОКЪ. 64 рисунка. Въ раскрашенной папкѣ—75 к. Въ переплетѣ—1 р. 25 к.
ДВА ПРОКАЗНИКА. 100 рис. Ц. 60 к. Въ папкѣ—75 к. Въ переплетѣ—1 р. 25 к.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ
НОТЪ
ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ
ЮРГЕНСОНА

П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5—2

вышелъ изъ печати и высылается безплатно изъ музык. торговли **П. ЮРГЕНСОНА**
Москва, Неглинный пр., 10.

Вышла двѣнадцатая (декабрьская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Черный годъ. Романъ. Часть I. **Г. П. Данилевскаго.** — II. Надъ Нѣманомъ. Романъ **Элизы Ожешковой.** Окончаніе. — III. Стихотвореніе. **Л. И. Пальмина.** — IV. Грѣхи тяжкіе. (Очерки). **Гл. И. Успенскаго.** — V. Паріи. Разсказъ Жоржа Дюрюи. Перев. съ франц. **В. М. Р.** — VI. Съ двухъ сторонъ. (Разсказъ о двухъ настроеніяхъ). Окончаніе. **Вл. Г. Короленко.** — VII. Стихотвореніе. **Л. Н. Трефолева.** — VIII. Очерки современнаго земства: II. Земство и экономическое положеніе населенія. **Я. В. Абрамова.** — IX. Что такое научная философія? **В. В. Лесевича.** — X. Хлѣбный кризисъ. Окончаніе. **В. В.** — XI. Два университетскихъ курса по всеобщей исторіи. **Х.** — XII. О значеніи профессіональнаго образованія при экономическихъ условіяхъ Россіи. **Н. А. Каблукова.** — XIII. Мериме (**Georg Brandes:** „Die Litteratur des XIX Jahrhunderts in ihren Hauptströmungen“). — XIV. Очерки русской жизни. XXX. **Н. В. Шелгунова.** — XV. Литература и жизнь. (Критическія замѣтки). **Т.** XVI. Научный обзоръ. **Ѳ. Ѳ. Эрисмана.** — XVII. Иностранное обозрѣніе. **В. А. Гольцева.** — XVIII. Внутреннее обозрѣніе. — XIX. Современное искусство. **Ан.** — XX. Библіографическій отдѣлъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 ГОДЪ.

(Десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1-му апрѣля, 1-му іюля и 1-му октября по **3 рубля.**

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за **10 руб.**, причемъ допускается разсрочка: при подпискѣ **3 рубля** и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Новые подписчики на 1889 г. получатъ безплатно начало романа Г. П. Данилевскаго „Черный годъ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21.
Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. Армянской церкви.
Г. № 3634 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

ПОДПИСКА на 1889 годъ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
МАЛЮТКА
ДЛЯ САМЫХЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.
(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ ВЪ ГОДЪ, крупнымъ, четкимъ шрифтомъ, со множествомъ превосходно исполненныхъ гравюръ.

ДВѢНАДЦАТЬ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІЙ, состоящихъ изъ разнообразныхъ занимательныхъ игрушекъ, для склеиванія, вырѣзыванія и раскрашиванія.

Подписная цѣна:

Въ Москвѣ безъ доставки . . . . . **1 р. 50 к.** | Съ доставкой на домъ и перес. во всѣ города Россіи . . . **2 р. 50**

Подписка принимается: въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала, у Н. ПЕЧКОВСКОЙ (Петровскія Линіи); въ **Петербургѣ:** въ магазинѣ ФЕНУ, на Невскомъ.

Иногородные обращаются исключительно: ВЪ МОСКВУ, ВЪ РЕДАКЦІЮ ЖУРНАЛА **МАЛЮТКА.**

Оставшіеся экземпляры за 1887 и 1888 годы можно получать, со всѣми преміями, по той-же цѣнѣ (1 р. 50 к. въ Москвѣ и 2 р. 50 к. съ пересылкой).

Къ журналу МАЛЮТКА были приложены слѣдующія безплатныя преміи:

Въ 1887.

1) Картонная штампованная мебель для куколъ.
2) Комната для куколъ.
3) Альбомъ для раскрашиванія.
4) Шашечница.
5) Домикъ и конюшня (для склеиванія).
6) Домино.
7) Дикія животныя (для вырѣзыванія).
8) Двѣ мельницы (для склеиванія).
9) Домашнія животныя (для вырѣзыванія).
10) Китайская головоломка.
11) Игрушки изъ спичекъ.
12) Домики для склеиванія. № 3644

Въ 1888.

1) Вышиваніе шерстями по рисункамъ.
2) Переводныя картинки съ альбомомъ.
3) Свѣтлый праздникъ въ деревнѣ (большая декорація отпечатанная *девятью* красками).
4) Свѣтлый праздникъ въ деревнѣ (продолженіе).
5) Альбомъ для раскрашиванія.
6) Альбомъ тѣневыхъ фигуръ.
7) Кузнецы и пильщики (движущіяся картинки).
8) Конно-желѣзная дорога (для склеив.).
9) Одѣвающіяся куколки.
10) Артиллерійское ученье (для вырѣзыв.).
11) Картонажи (для склеиванія).
12) Картонажи (продолженіе)

Издание Ком. Скороп. п. фирм. „ЕВГ. ТИЛЕ“

Вышли въ свѣтъ **ВТОРЫМЪ** изданіемъ

ПОЧТОВЫЯ ПРАВИЛА
ДЛЯ ЧАСТНОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦІИ

съ приложеніемъ таксы за посылки во всѣ мѣста Имперіи.
Составилъ **А. Я. ХРѢНОВСКІЙ.**
Цѣна **50** коп., съ пересылкою **60** коп.

„Сосредоточивая всѣ нынѣ дѣйствующія постановленія и правила о частной почтовой корреспонденціи, книжка эта принадлежитъ къ изданіямъ полезнымъ какъ для публики, такъ и для чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства.“
(Почт. Телегр. журналъ. Ноябрь 1888 г. № 21).

СКЛАДЪ при Коммерч. Скоропеч. п. фирм. «ЕВГ. ТИЛЕ», Благовѣщ. пл. 3. СПБ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ
на
РУССКІЙ САТИРИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ
ЖУРНАЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ.

Ц. № 3633 Выходитъ еженедѣльно, въ количествѣ **52 №№** въ годъ. 2—1

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ—**7** руб., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи—**8** руб.; на полгода безъ доставки—**4** руб., съ пересылкой и доставкой — **5** руб.

Плата за помѣщеніе объявленій за 1 разъ 25 коп. за строчку петита въ одинъ столбецъ. За различныя украшенія и рисунки къ объявленіямъ плата полагается по соглашенію.

Отдѣльные №№ 15 копѣекъ.

Иногородные подписчики адресуются исключительно въ Контору редакціи: Тверской бульв. въ домъ священника Булгакова. Редакторъ-издатель **Н. Н. СОѢДОВЪ.**

Abonnementsaufforderung auf den II. Jahrgang

des in **St. Petersburg, Leschtukow Pereulok Nr. 11,** erscheinenden

DEUTSCHEN HUMORISTISCHEN WOCHENBLATTES

„PIPIFAX“

zu haben in allen Buchhandlungen.

Der «Pipifax» ist das einzige illustrirte deutsche Blatt Russlands und erscheint regelmässig **jeden Sonnabend.** № 3638

Dem «Pipifax» bleibt jede Frivolität fern und kann derselbe daher mit bestem Gewissen als **Familienblatt** empfohlen werden.

Preis mit Zustellung: R. **2** für 1/4 Jahr, R. **3. 50** für 1/2 Jahr, R. **6** für 1 Jahr.

Der I. Jahrgang des «Pipifax» ist in 2 eleg. gebundenen Bänden à Rbl. 3,—beide zusammen Rbl. 5,—durch **alle Buchhandlungen** und in der Expedition: **St. Petersburg. Leschtukow-Per. Nr. 11,** zu beziehen. Für Zustellung pr. Post 50 Kop. Zuschlag.

zu haben in allen Buchhandlungen.

СЕЗОНЪ САРПИНОКЪ.

Вновь выработана на 1889 г. Саратовская сарпинка. Огромная партія новѣйшихъ рисунковъ, для лѣта, на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки прочныхъ красокъ; цѣною отъ 13 до 22 коп. за арш. Пріемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи производится на счетъ фирмы; прейсъ-курантъ, въ которомъ до 280 разнообразныхъ модныхъ образцовъ, высылается заказной бандеролью за 49 к. почтов. марк. Адресъ: **Г. Саратовъ.** Константину Андреевичу **Андрееву.** № 3637

ГОДЪ V. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ, НА **ГОДЪ V.**

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ СТРАХОВАНІЯ“

Спеціально-популярный журналъ, посвященный дѣлу страхованія во всѣхъ его проявленіяхъ: страхованіе отъ огня, жизни, капиталовъ, пожизненныхъ пенсій, несчастныхъ случаевъ, транспортовъ, градобитія, скота отъ падежа и др.

Вмѣщаетъ въ себѣ 18 разныхъ отдѣловъ, въ томъ числѣ и литературный.

◆ ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ. ◆

Цѣна годовому изданію **5 р.**, съ пересылкою **6 р.**, и за границу **20 франк.**

Лица подписавшіяся на годовое изданіе и внесшія **6 р.**—получаютъ въ видѣ **ПРЕМІИ** безплатный полисъ въ **1000 р.** на застрахованіе **на случай смерти отъ несчастнаго случая.**

При редакціи открыто **„СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО“** для пріема заявленій и заключенія страхованій по **всѣмъ** отраслямъ во **всѣ** Страховыя Общества.

СТРАХОВОЕ АГЕНТСТВО принимаетъ БЕЗВОЗМЕЗДНО составленіе всѣхъ страховыхъ комбинацій, равно какъ высылаетъ всѣ тарифы и свѣдѣнія о таковыхъ;

исполняетъ БЕЗВОЗМЕЗДНО порученія по покупкѣ и высылкѣ повсемѣстно ПОЖАРНЫХЪ ТРУБЪ, полныхъ ПОЖАРНЫХЪ ОБОЗОВЪ, МАШИНЪ и инструментовъ;

является агентствомъ всѣхъ противупожарныхъ средствъ и аппаратовъ: Автоматическ. огнетуш. ГРИНЕЛЛЯ, состава БАБАЕВА, АНТИПИРЪ Урлауба и проч.

С.-Петербургъ, Невскій, № 75—2, кв. 3. № 3622

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

— 1889 ГОДЪ ШЕСТОЙ —

журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

1) правительственныя распоряженія, относящіяся до спеціальности журнала (Высочайшія повелѣнія, распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ и министерства, вновь разрѣшаемыя повременныя изданія, перемѣны въ изданіяхъ существующихъ, о книгахъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній и ихъ библіотекъ, и пр.); 2) свѣдѣнія и сообщенія о дѣятельности русскаго общества книгопродавцевъ и издателей, а также его правленія; 3) книжно-торговое дѣло (сообщенія книгопродавцевъ и издателей, имѣющія общественный интересъ, сношенія ихъ какъ между собою, такъ и съ обществомъ, корреспонденціи, запросы, разныя свѣдѣнія, почтовый ящикъ и пр.); 4) указатель новыхъ изданій (списокъ выходящихъ въ продажу книгъ); указатель помѣщаемыхъ въ разныхъ журналахъ отзывовъ о книгахъ; четыре раза въ году рефераты и рецензіи; 5) предложеніе и спросъ; 6) объявленія.

Срокъ выхода одинъ разъ въ мѣсяцъ. **Форматъ** in 8°.

Подписная цѣна 3 рубля въ годъ съ доставкой и пересылкой.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Страница in 8°	5 р.	— к.
1/2 страницы	3 „	— „
1/4 „	2 „	— „
Строка петита въ ширину страницы	— „	20 „
Строка петита въ ширину столбца	— „	10 „

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга и Москвы.

Объявленія и подписка отъ иногородныхъ и книгопродавцевъ принимаются въ конторѣ редакціи, при книжномъ магазинѣ П. Д. Тяпкина: СПБ., Васильевскій Островъ, 7-я линія, д. 6. № 3612 2—2

Въ конторѣ редакціи „К. В.“ можно получать полные комплекты „КНИЖНАГО ВѢСТНИКА“ за 1884, 1885, 1886 и 1887 годы. **Цѣна по 3 руб.** за годъ, съ доставкой и пересылкой.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА:** „Слуги“, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА:** „Вѣчу не быть“, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО:** „Братья Соперники“ и его-же: „Бытовые наброски русской исторіи“, **Я. П. ПОЛОНСКАГО:** „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА:** „Бригадирская внучка“, большую повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО:** „Исторія одного таланта“, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО:** „Заповѣдный лѣсъ“, комедію **В. КРЫЛОВА:** „Сорванецъ“, повѣсть **А. ЗАХАРОВА:** „Защита Нарвы“, разсказъ **Е. А. САЛІАСА:** „Онъ-же“, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО:** „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „**Сборника повѣстей и разсказовъ**“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

($14\frac{3}{4}$ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ коленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . . **6** р. Съ пересылкою . **7** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Открыта подписка на 1889 г. на музыкальный журналъ

„БАЯНЪ“

Издающійся при сотрудничествѣ: проф. **Ю. К. Арнольда**, проф. **А Н. Буховцева**, проф. прот. **Д. В. Разумовскаго**, проф. **Л. А. Саккетти**, проф. **А. С. Фаминцына**, **И. М. Кузминскаго**, **А. И. Чарновой**, **М. А. Пѣтухова**, **Д. Н. Соловьева**, **Н. Н. Тарновскаго**, **П. П. Веймарна** и др.

Какъ и въ прошломъ году, журналъ будетъ выходить въ количествѣ **40 №№** (въ годъ) музыкально-литературнаго текста и **12-ти** ежемѣсячныхъ **нотныхъ тетрадей** (8 пьесъ въ каждой).

Въ журналъ войдутъ статьи и отдѣлы, обнимающіе собой всѣ наиболѣе интересныя и выдающіяся проявленія музыкальной жизни и ея литературы, при чемъ видное мѣсто займетъ музыкально-педагогическій отдѣлъ для юношества; кромѣ того періодически будутъ помѣщаться портреты музыкальныхъ дѣятелей.

Нотныя приложенія (печатаемыя на изящной глазированной бумагѣ высшаго достоинства) будутъ содержать лучшія произведенія русскихъ и иностранныхъ композиторовъ фортепіанной, вокальной и камерной музыки.

По количеству и объему выпускаемыхъ №№ подписная цѣна на журналъ „Баянъ“ ниже цѣны всѣхъ прочихъ русскихъ музыкальныхъ журналовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкою на годъ: журналъ съ нотными приложеніями—**8** руб.; одинъ журналъ—**5** р.; одни нотныя приложенія—**4** руб.;—**на полгода: 4** руб. **50** коп.; **3** р.; **2** руб. **50** коп.

Подписка принимается въ помѣщеніи конторы и редакціи журнала „Баянъ“: **С.-ПБургъ, Пушкинская ул., домъ № 11, кв. № 58,** а также во всѣхъ книжныхъ и музыкальныхъ магазинахъ. № 3625

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльному № журнала **15 коп.,** отдѣльной нотной тетради—**75 коп.** Объявленія принимаются по 10 коп. за строчку петита.

Учащимся въ музыкальныхъ училищахъ и во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, при подпискѣ на полное изданіе или на одинъ журналъ, дѣлается **15%** уступки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

а литературно-художественный, издаваем. **П. П. Щегловымъ,** журналъ съ каррикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. **400 больш. рисунк.,** множество **иллюстрацій къ тексту, масса каррикатуръ. 12 карт.,** въ видѣ ежемѣс. прилож., **историческаго содержанія.**

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова: „ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя. **Павла Петровича Щеглова:** Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. П. № 3489 10—7

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться **въ Контору журнала „Нива“,** а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

СѢМЕННОЕ ДЕПО

ФЕДОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЛЬЦЪ

въ Москвѣ, Мясницкая ул., д. Пѣгова.

Прейсъ-курантъ на 1889 г. сельско-хозяйственнымъ, огороднымъ, цвѣточнымъ, древеснымъ, пальмовымъ **сѣменамъ, растеніямъ, и садовымъ инструментамъ** по требованію выдается и пересылается безплатно. М. № 3578 5—4

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1889 годъ.

(IX годъ изданія).

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

для дѣтей школьнаго возраста.

„Дѣтскій Отдыхъ“ особенно рекомендованъ Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ.

Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ пріобрѣтенію для фундаментальныхъ библіотекъ духовныхъ училищъ.

Въ 1889 году, „Дѣтскій Отдыхъ“ будетъ выходить ежемѣсячно въ объемѣ отъ 8-ми до 10-ти листовъ печатнаго текста, со многими рисунками.

Кромѣ того, къ каждой книжкѣ журнала будетъ приложенъ **оригинальный акварельный рисунокъ** художниковъ **Богатова, Степанова** и др.

Съ перваго номера начнется печатаніе большаго романа для дѣтскаго чтенія **ВАС. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО**, подъ названіемъ: **„На краю гибели“**, дающаго массу этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній о Волгѣ, Каспійскомъ морѣ и Кавказѣ; историческая повѣсть **Н. АКСАКОВА „Дѣти Крестоносцы“, и очерки изъ области естествознанія, гр. П. А. ВАЛУЕВА.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Н. П. Аксаковъ, А. А. Бахтіаровъ, Н. П. Боголюбовъ, П. В. Безобразовъ, гр. П. А. Валуевъ, Н. И. Ге, А. Доганоаичъ, В. П. Желиховская, А. В. Кругловъ, М. В. Киселева, И. К. Кондратьевъ, П. М. Невѣжинъ, Вас. Немировичъ-Данченко, Ольга N, Н. Н. Островская, А. Н. Плещеевъ, Л. В. Постниковъ, А. П. Смирновъ, В. Н. Сысоевъ, Евгенія Туръ, М. Юрьева, Щепкина** и многіе другіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ на 1889 годъ.

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ . . **6** р.
" " " " " " " полгода . **3** „ **50** к.
Безъ доставки въ Москвѣ (Конт. Н. Печковской) на годъ . . **5** „ **50** „

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ объявленій **Н. Печковской** (Петровскія линіи). Въ Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: **Фену, „Новаго Времени“, Мартынова и Вольфа.**

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ Контору редакціи журнала „Дѣтскій Отдыхъ“: **Москва, Арбатъ, Афанасьевскій пер., д. Ганенфельдъ.**

№ 3626 Редакторы-издательницы: **Е. Сарачева и Е. Папалкова.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1889 г.

IV годъ изданія! **НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ СЪ РАСКРАШЕННЫМИ КАРРИКАТУРАМИ** IV годъ изданія

„СВЕРЧОКЪ“

Потребность въ веселомъ чтеніи возрастаетъ ежегодно, но русскіе юмористическіе журналы, при своей десятирублевой цѣнѣ, недоступны большинству публики; между тѣмъ за границей существуетъ много дешевыхъ юмористическихъ изданій, расходящихся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. **Сверчку принадлежитъ первый почннъ созданія въ Россіи дешеваго юмористическаго журнала, доступнаго всѣмъ по цѣнѣ, живаго, веселаго и забавнаго по содержанію.**

Въ числѣ художниковъ **Сверчокъ** имѣетъ своими сотрудниками: Н. А. Богданова, Л. Порфирьева, А. И. Левитана, Н. П. Чехова, К. Н. Чичагова, Ф. О. Шехтеля и многихъ другихъ. **Портреты** извѣстныхъ русскихъ дѣятелей исполняются **для Сверчка** въ Парижѣ извѣстнымъ каррикатуристомъ *Люкомъ*. Ц. № 3642

Сверчокъ, будучи самымъ дешевымъ изъ всѣхъ юмористическихъ изданій въ Россіи, даетъ 50 №№ въ годъ, полныхъ — рисунковъ, каррикатуръ и бойкаго текста. Каждый нумеръ состоитъ изъ тетради въ одинъ печатный листъ и заключаетъ въ себѣ 10 колоннъ юмористическаго текста, состоящаго изъ хроники событій недѣли, разсказовъ, очерковъ, сценокъ, анекдотовъ, пародій, шутокъ, стихотвореній, остротъ и т. д., и отъ 10 до 12 раскрашенныхъ и черныхъ каррикатуръ, исполненныхъ всѣми способами, какіе даетъ намъ современное состояніе графическаго искусства.

Громадный успѣхъ нашего изданія позволитъ намъ въ 1889 году дать своимъ подписчикамъ кромѣ журнала и премію — **большую олеографическую картину** (18×16 вершк.), исполненную въ 28 красокъ по оригиналу Зихеля — въ артистическомъ заведеніи Отто Трончъ въ Берлинѣ. *Премія эта превосходитъ всѣ олеографіи, которыя когда-либо выдавались подписчикамъ русскими журналами.* Иногородные благоволятъ присылать на пересылку преміи по почтѣ **60** коп. деньгами или почтовыми марками.

Подписная цѣна на журналъ „СВЕРЧОКЪ“ съ доставкой и пересылкой во всѣ города и съ ПРЕМІЕЙ:

3 руб. въ годъ, || **2** руб. на ½ года, || **1** руб. на **3** мѣсяца.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, д. Каринской.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

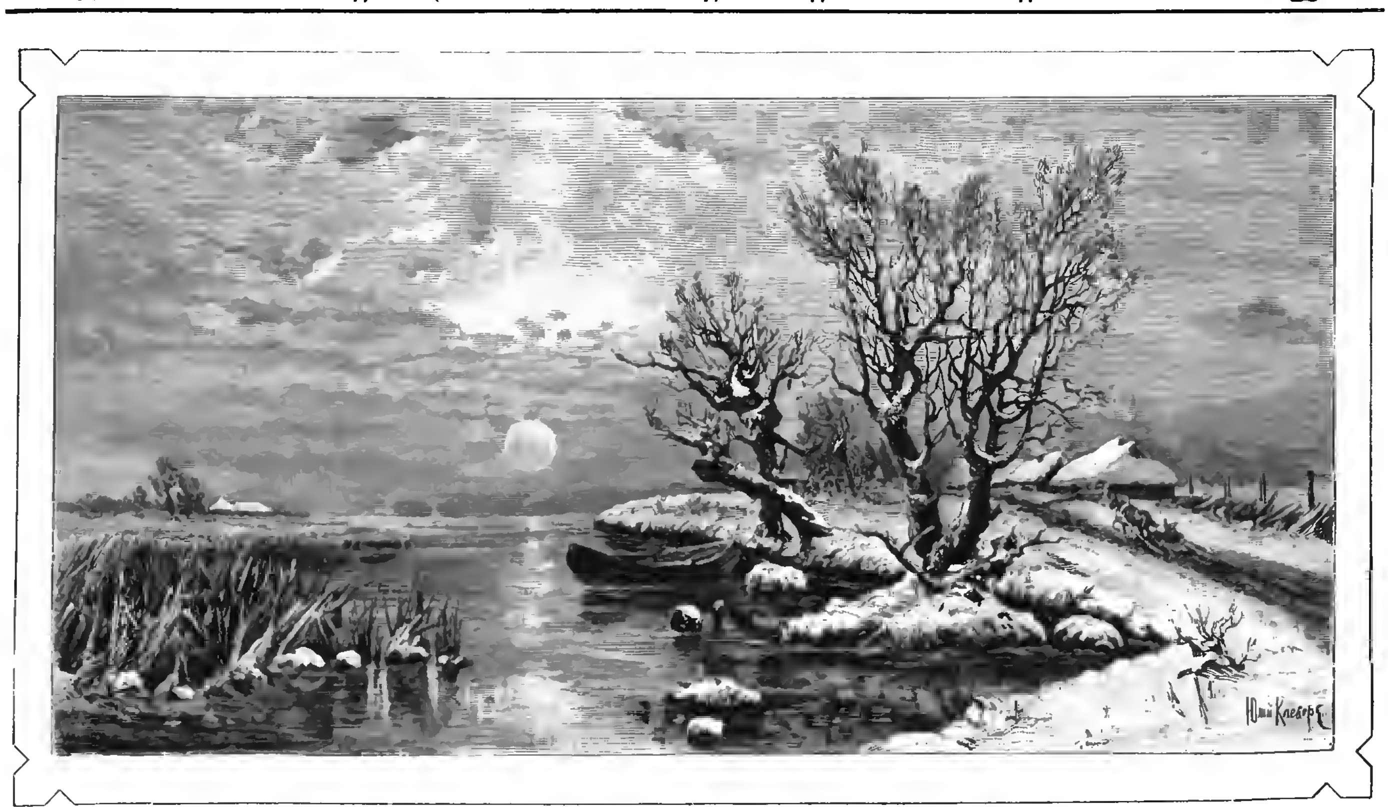
Дозвол. цензур., СПБ., 28 декабря 1888 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Спб., [illegible]ч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 2 — 1889

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНIЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 января 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Хуторокъ зимой. Съ карт. проф. Ю. Клевера (собственность Ф. Утемана), рис. Великановъ, грав. М. Рашевскiй.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

IV.

Четвертый этажъ на дворѣ и узкая лѣстница, съ запахомъ кухни, со слѣдами кошекъ, собакъ и помоевъ. Квартира подъ-стать: тѣснота, безпорядокъ, дѣти... Съ прибытіемъ новой семьи, число послѣднихъ выросло до того, что почувствовавъ свой перевѣсъ надъ взрослыми, они овладѣли всѣмъ помѣщеніемъ, и съ крикомъ буйнаго торжества, сопровождаемые собачьимъ лаемъ, переносились изъ комнаты въ комнату. Увидѣвъ Пашу, оставшуюся сидѣть въ прихожей, они окружили ее, какъ дикіе—захваченную въ набѣгѣ бѣлую, и на минуту притихли, безцеремонно разглядывая ее и ея дорожный костюмъ. Дѣвчонка, спавшая какъ сурокъ въ вагонѣ, а въ экипажѣ расплакавшаяся, когда ее посадили возлѣ чужой,—теперь, видя силу на своей сторонѣ, храбро взобралась къ ней на колѣни, ощупывая по обыкновенію дикарей, все что̀ казалось ей ново и любопытно... Въ полуоткрытыя двери выглядывала прислуга и, перешептываясь, сообщала другъ другу свои догадки... Наконецъ, Марфа Никитишна, выглянувъ тоже откуда-то, позвала ее.

— Вотъ, рекомендую, сказала она, пропуская ее, и заперла за ней двери.

Худая и плоская, нечесанная и неодѣтая женщина лѣтъ подъ сорокъ, въ закапанномъ кофеемъ, распашномъ капотѣ, встрѣтила Пашу строгимъ взоромъ, и сѣла, оставивъ ее стоять.

Это была хозяйка, замѣтно чѣмъ-то взволнованная. Она подергивала плечами и впалыя щеки ея горѣли, что̀—при ея худобѣ — сообщало ей какой-то двусмысленный видъ,—словно она нарумянилась.

— Я слышала, произнесла она нараспѣвъ,—но признаюсь, не вѣрю, чтобы не дрянь какая-нибудь безпашпортная, а дворянка изъ благородной фамиліи занималась такимъ ремесломъ.

Паша стояла какъ осужденная, чувствуя всѣмъ существомъ, что какъ-бы она ни оправдывалась, ей не повѣрятъ.

— Говорятъ: первый разъ, продолжала та, значительно поводя глазами. — Но вы должны это лучше знать. Разскажите пожалуйста сами, какъ это у васъ случилось.

— Клянусь вамъ, я ничего не знаю, былъ робкій отвѣтъ.—Я крѣпко спала, когда меня разбудили... Говорятъ: бумажникъ пропалъ, и на меня подозрѣніе... Бумажникъ нашли дѣйствительно въ моей сумкѣ, но какъ онъ туда попалъ, объ этомъ знаетъ одинъ только Богъ, да тотъ, кому нужно было меня погубить.

— А кому-же, по вашему, это нужно было? спросила та, протягивая слова и пожирая ее глазами.

— Не знаю...

— Ну, полноте, что̀ за басни! Какъ это можетъ быть, чтобы вы не знали съ кѣмъ вы имѣете дѣло?.. Признайтесь ужь лучше прямо. Вы были съ нимъ раньше знакомы?

— Въ жизни своей не встрѣчалась...

— Ну такъ свели знакомство дорогой. Потому какъ-же это возможно, такъ, ни съ того, ни съ сего, залѣзть въ карманъ къ совсѣмъ незнакомому человѣку?

Молчаніе.

— Я у *васъ* спрашиваю: было̀ у васъ съ нимъ что-нибудь раньше?

— Ничего... Единственное, свободное мѣсто въ вагонѣ было возлѣ него. Но онъ пересадилъ туда одного изъ мальчиковъ, а меня посадилъ въ углу, у окна.

— И только?

— Только.

— М-м!... А съ чего-же, позвольте узнать, онъ взялъ васъ съ собой и привезъ сюда?.. Здѣсь у меня не съѣзжая и не исправительный домъ.

— Анна Егоровна! не волнуйтесь! шепнула ей ея родственница, видя что наступаетъ буря.

— Ахъ, сдѣлайте милость, оставьте! Я знаю что̀ я говорю... Съ чего вы взяли, что я волнуюсь? Я только хочу добиться чего ему нужно отъ этой воровки?.. Простилъ, такъ наплюй ей въ рожу и отпусти... А нянчиться съ ней и таскать ее за собой... И обращаясь къ Пашѣ съ гнѣвно сверкающими глазами:— Сейчасъ говори, негодница, что̀ ты ему посулила чтобъ онъ тебя отпустилъ?

— Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! воскликнула Марфа Никитишна, въ свою очередь потерявъ терпѣніе.— Постойте, вотъ я разскажу Порфирію какъ вы тутъ, безъ него, скандальничаете!

— Порфирію-то? Да я и сама еще ему посъ утру! А вамъ, позвольте сказать, что я не ожидала отъ васъ такой низости, Марфа Никитишна... Оставляю въ пріятной компаніи...

Она встала и выбѣгая изъ комнаты, хлопнула дверью.

— Знаете, милочка, вы посидите ужь лучше „тамъ", сказала Марфа Никитишна, тоже вставая. — „Тамъ" васъ оставятъ по крайней мѣрѣ въ покоѣ.

Но Паша не слышала. Въ глазахъ у нея помутилось, ноги ослабли. Чувствуя себя очень дурно, она опустилась на маленькую, стоявшую въ сторонѣ кушетку, чтобъ не упасть.

Марфа Никитишна, выглянувъ, кликнула очень спокойно няньку и поручивъ ей несчастную, приказала не отходить отъ нея.

***

Когда Паша открыла глаза, передъ нею стоялъ, съ соболѣзнующимъ видомъ, ея великодушный завоеватель.

— Простите меня, сударыня, сказалъ онъ. — Жена у меня, того, понимаете, съ нервочками и имѣетъ свои грѣшки, на которые я убѣдительно васъ прошу не обращать вниманія... Я понимаю какъ вамъ тяжело; но если вы въ состояніи меня выслушать, то я васъ не задержу... Могу я съ вами поговорить откровенно?

Не зная въ чемъ дѣло, она кивнула ему утвердительно головой.

— Присядьте сюда къ столу, вамъ тутъ будетъ спокойнѣе. Насчетъ того что̀ случилось, изволите видѣть, вы можете быть совершенно спокойны. Дѣло это останется между нами—и я никогда не заикнусь о немъ никому. Я даже готовъ вамъ дать форменное удостовѣреніе, за своею подписью, что я отказываюсь отъ всякихъ претензій, и Марфа Никитишна подпишетъ его какъ свидѣтельница.

— Нѣтъ, ради Бога, не надо.

— А какъ же, сударыня? Мы не одни вѣдь присутствовали при обыскѣ, и въ подобныхъ оказіяхъ непріятно зависѣть отъ постороннихъ, совсѣмъ незнакомыхъ людей. Положимъ, они, какъ не пострадавшіе, не въ правѣ васъ притянуть къ суду; но и вамъ, не имѣя въ рукахъ очистительнаго документа, неудобно преслѣдовать ихъ за оскорбленіе, въ случаѣ если бы имъ вздумалось опубликовать эту исторію, въ видѣ корреспонденціи напримѣръ, или въ разсказцѣ игриваго содержанія. Я тоже ничѣмъ не обезпеченъ отъ обвиненія, на которое вамъ угодно было уже однажды и намекнуть, что будто бы я подкинулъ вамъ свой бумажникъ. Тогда какъ если мы съ вами подпишемъ

форменное удостовѣреньице, что мы взаимно отказываемся отъ всякихъ претензій, то кто же осмѣлится насъ безпокоить? Я самъ свезу и покажу его кому слѣдуетъ, чтобы такъ и знали, что дѣло у насъ съ вами кончено.

Молчаніе. Жертва его предусмотрительности тяжело дышала.

— А что̀ до законности, продолжалъ онъ, — то смѣю сказать безъ хвастовства, вы можете на меня положиться, такъ какъ я самъ служилъ, да отчасти еще и служу по полиціи, и мнѣ эти порядки отлично знакомы-съ... Благоволите прослушать.

Онъ вынулъ уже совсѣмъ готовый листъ, и развернувъ его началъ читать, не безъ авторскаго тщеславія:

„С.-Петербургъ; сего ... августа, 18** года. Мы нижеподписавшіеся: дочь отставнаго полковника Прасковья Петровна Ладнищева и титулярный совѣтникъ Порфирій Ивановъ - сынъ Бурдюковъ, симъ свидѣтельствуемъ, что по предмету пропавшаго у меня Бурдюкова, во время слѣдованія желѣзной дорогою изъ *** въ Петербургъ, того же числа, бумажника съ деньгами, и возникшихъ изъ-за того, на станціи Грузово, пререканій, мы покончили это дѣло между собою миромъ, и никакихъ претензій другъ къ другу впредь не должны имѣть, равно какъ и исковъ другъ противъ друга не въ правѣ вчинать; позорящую же для насъ огласку, въ случаѣ если бы таковая произошла отъ лицъ непричастныхъ къ дѣлу, будемъ преслѣдовать сообща по статьѣ 1039 Уложенія о Наказаніяхъ, какъ диффамацію.“

— Надѣюсь, что это достаточно васъ обезпечиваетъ? сказалъ онъ съ самодовольнымъ видомъ, окончивъ чтеніе.

— Не знаю что́ вамъ сказать, отвѣчала Паша, измученная да одури... — Мнѣ совсѣмъ неизвѣстны законы... и я боюсь... боюсь запутаться...

— Прасковья Петровна! Матушка! Неужто же я не достаточно доказалъ, что я вамъ не желаю зла? Скажите по совѣсти кто, на моемъ мѣстѣ, сдѣлалъ бы больше чтобъ заслужить ваше довѣріе? Я васъ не попрекаю. Съ кѣмъ, въ молодые года, не случалось грѣха? Да не всѣмъ онъ сходитъ такъ дешево съ рукъ. Непріятность, понятно; но вѣдь могло быть и вдесятеро еще непріятнѣе. Вспомните, вѣдь хотѣли уже позвать полицію и свидѣтелей, чтобы составить о васъ протоколъ! И вамъ бы не миновать окружнаго суда! А кто пожалѣлъ васъ, и не памятуя, по христіански, зла, спасъ вашу честь? Никто какъ самъ потерпѣвшій! Боже меня упаси, чтобы я когда-нибудь употребилъ во зло вашу неопытность! Честью вамъ клянусь, бумажка эта нужна не меньше въ видахъ моего, какъ и вашего успокоенія. Вы вѣдь не собираетесь преслѣдовать меня по суду, за безчестіе?

— Ахъ, разумѣется нѣтъ!

— Вотъ то-то же. Вы не изъ храбрыхъ, да вѣдь и я не каменный. Честію вамъ клянусь, я не успокойно, покуда не получу какого-нибудь ручательства, что ваши родственники не захотятъ преслѣдовать меня по суду. Мы люди маленькіе и насъ погубить не трудно... Голубушка! Матушка! Отпустите душу на покаяніе! Подпишите! Поберегите себя и меня!.. Въ ножки вамъ кланяюсь!..

И подавая ей одною рукой бумагу, другою перо, онъ сталъ передъ ней на колѣни... За дверью слышны были женскіе голоса и возня, прерываемая истерическими рыданіями. Нетрудно было понять что кто-то стремится войти, и кто-то съ трудомъ удерживаетъ.

Силъ ея не хватило долѣе выносить эту пытку. „Уйти! Во что бы ни стало уйти!“ твердило что-то настойчиво у нея въ ушахъ... Она схватила перо и подъ диктовку его подписала. Онъ сдѣлалъ тоже.

— А это что же еще? спросила она, увидѣвъ въ рукахъ у него другую бумагу.

— А это, сударыня, копія.

Подписали и копію.

— Отдайте же мнѣ мой видъ, сказала она, вдругъ спохватясь: — и отпустите меня.

— Вотъ онъ, сударыня. Я и взялъ-то его только изъ опасенія, чтобы вы опять какъ-нибудь не обронили.

Паспортъ ея лежалъ дѣйствительно на столѣ, но Порфирій Ивановичъ не торопился его отдавать.

— Прасковья Петровна! Матушка! У меня есть до васъ еще одна просьбишка.

— Что же еще?

— Не смѣю уже и сказать... совѣстно!.. Будьте великодушны, не осудите. Мѣстечко мое на службѣ — махонькое; жалованье грошевое; семейство! дѣти! Насилу концы съ концами свожу... Благоволите пожертвовать что-нибудь... Небольшаго прошу; всего какихъ-нибудь сотенки три.

Она смотрѣла, едва понимая, испуганная и изумленная.

— Вы ошибаетесь, отвѣчала она. — Я не богатая. Вотъ, поглядите что́ у меня осталось съ дороги...

Она открыла свой портмоне и показала единственную, красненькую бумажку, съ двумя рублевыми и съ остаткомъ мелкаго серебра.

Лицо его вытянулось, свидѣтельствуя, какъ то и слѣдовало, что онъ совсѣмъ не того ожидалъ.

— Шутить изволите, сказалъ онъ.

Но посмотрѣвъ на Пашу и убѣждаясь, что ей дѣйствительно не до шутокъ, мучитель ея смягчился.

— Не огорчайтесь, сударыня, сказалъ онъ. — Если нѣтъ на лицо, то назначьте сами когда вы можете заплатить.

— Не знаю... Клянусь вамъ — не знаю! Триста рублей для меня большія, очень большія деньги!

— Ну, нечего съ вами дѣлать; пишите вексель; на мѣсяцъ; а тамъ посмотримъ. Заранѣе, знаете, невозможно сказать въ какихъ обстоятельствахъ будешь. Но въ крайности, можно и пересрочить... Бумажка гдѣ-то тутъ у меня была...

Онъ отвернулся, дѣлая изъ приличія видъ что ищетъ въ столѣ, у окна; но искать было нечего; да и всѣ эти разговоры, съ его стороны были не болѣе какъ игра. Онъ зналъ, что такихъ денегъ, какихъ онъ требовалъ, съ нею нѣтъ. Поэтому, прежде чѣмъ Паша успѣла опомниться, вексельный бланкъ лежалъ уже передъ ней на столѣ, и онъ подалъ ей то же перо.

— Пишите... Эхъ, ручка-то какъ дрожитъ! Смотрите, закапаете!.. Нѣтъ, вамъ не справиться; дайте, я лучше ужь самъ напишу, а вы только подпишете... За отсрочку позвольте уже накинуть, какъ водится, что-нибудь... И онъ сѣлъ за столъ, диктуя самъ себѣ вслухъ:

„С.-Петербургъ. ** августа, 18** года.“

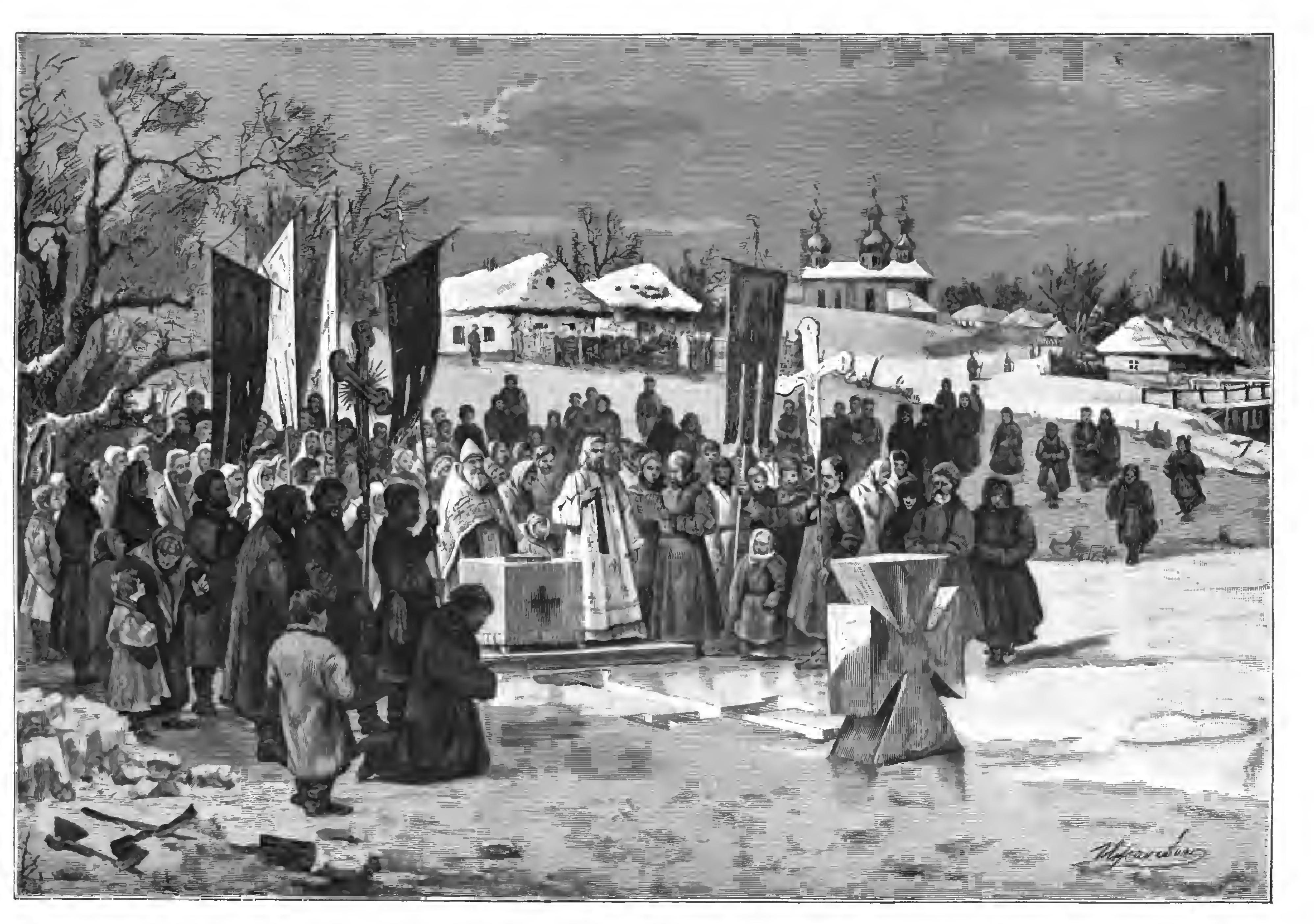
„Вексель на 400 рублей“ и прочее.

Буквы плясали въ ея глазахъ и все въ комнатѣ плыло кругомъ, когда, повинуясь ему, она прочитала написанное имъ вслухъ, и подписала. Послѣ чего, утирая глаза, несчастная начала вторично и горячо умолять своего палача, чтобы онъ наконецъ отпустилъ ее.

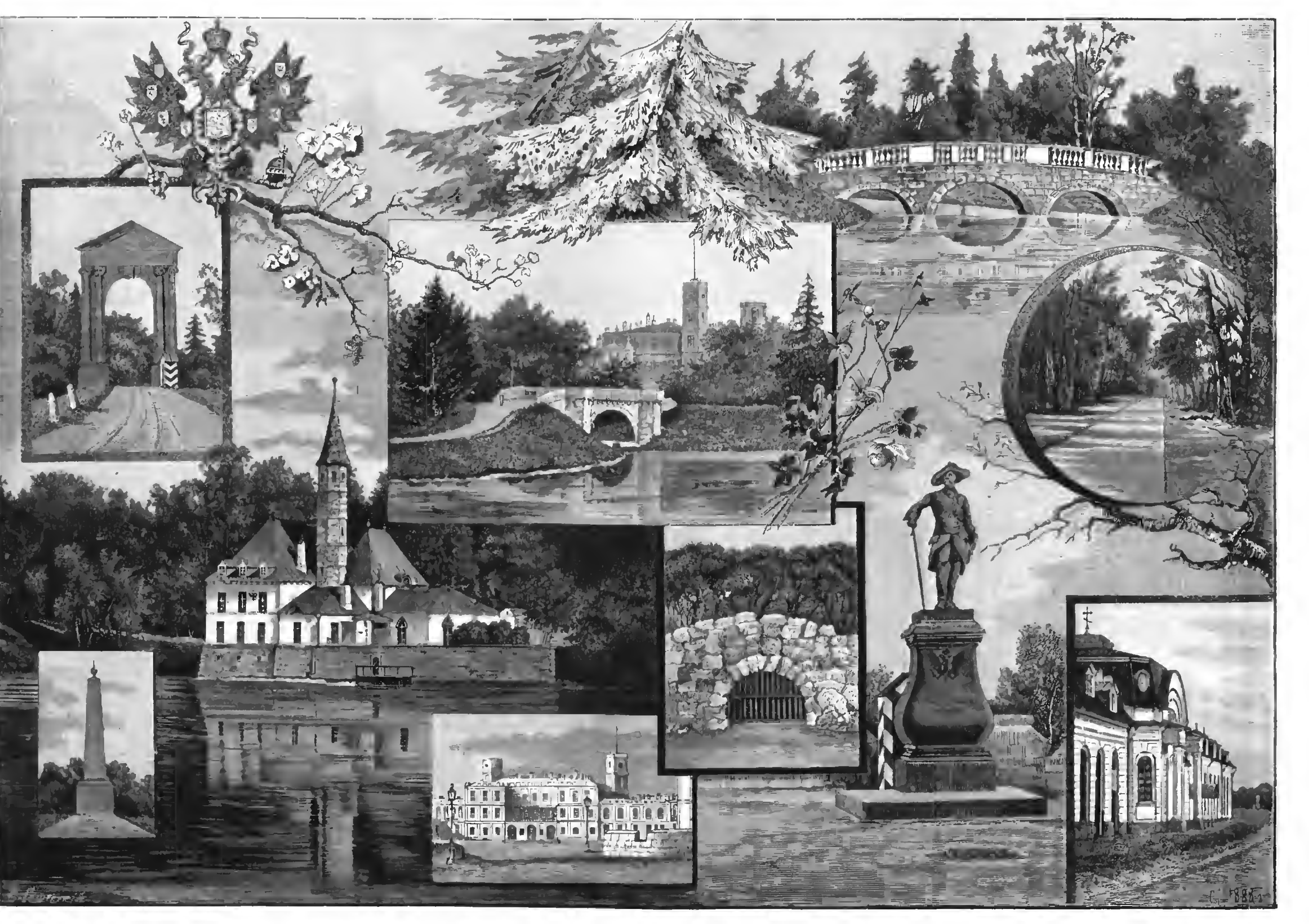
— Успокойтесь, сударыня, отвѣчалъ онъ весело: — я и не думаю васъ задерживать. Вещи ваши въ прихожей, а вотъ и видъ. Позвольте, я спрячу въ сумочку... Сію минуту пошлю за каретой. Скажите только куда нанимать.

— На Конно-Гвардейскій бульваръ, къ Замятнину переулку.

— Слушаю-съ.



Богоявленіе Господне. Іордань въ Малороссіи. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Ижакевича**, грав. Шюблеръ.



Ворота на дорогѣ ведущей въ Павловскъ. Обелискъ, воздвигнутый гр. Григоріемъ Орловымъ. Пріоратъ. Видъ дворца (часть фасада). Видъ дворца (со двора). Гротъ „Эхо". Мостъ въ паркѣ. Памятникъ Павлу I. Аллея въ паркѣ. Маріинская городская больница.

Виды Гатчинскаго дворца и окрестностей. Ориг рис. (собств. „Нивы") С. Гадона, грав. Рашевскій.

Ей какъ-то еще не вѣрилось. Но карету дѣйствительно привели, и Порфирій Ивановичъ самъ, съ дворникомъ, снесъ ея вещи. Послѣ чего, какъ вѣжливый кавалеръ, онъ свелъ ее подъ руку внизъ, усадилъ и раскланялся. Но внимательность его этимъ не ограничилась. Едва захлопнулись дверцы кареты и она съ грохотомъ выѣхала на улицу, какъ онъ, догоняя ее бѣгомъ, вскочилъ на извощика и велѣлъ ему ѣхать слѣдомъ.

Карета остановилась дѣйствительно на бульварѣ. Парадный подъѣздъ... Швейцаръ въ щегольской ливреѣ, съ военнымъ орденомъ на груди, суетливо выбѣжалъ и почтительно высадилъ барышню, очевидно знакомую.

Этого было достаточно, и Порфирій Ивановичъ, очень довольный, не доѣзжая, велѣлъ извощику ѣхать назадъ.

V.

Трудно сказать вообще. когда и какъ совершается переходъ отъ зеленой юности къ зрѣлому возрасту. Обыкновенно онъ происходитъ медленно, и его наружные признаки не бросаются рѣзко въ глаза, или бываютъ обманчивы. Иной еще съ школьной скамьи носитъ въ себѣ что-то старческое, а другіе и до сѣдыхъ волосъ остаются нравственными дѣтьми. Но есть одинъ, безошибочный признакъ зрѣлости, это—забота; конечно не та, которая забѣгаетъ къ намъ на минуту, съ улыбкою на устахъ, и съ новыми впечатлѣніями или исчезаетъ безслѣдно, или мѣняетъ свой смыслъ;— а та, которая, разъ закравшись въ душу, свиваетъ себѣ тамъ гнѣздо, и больше уже не покидаетъ насъ, ни за работою, ни за отдыхомъ, ни на веселомъ пиру, ни въ далекихъ странствіяхъ.

Съ такой-то заботою познакомилась Паша, и съ этого времени въ жизни ея была невидимою рукою проведена черта, за которой бѣдняжка какъ-то уже не узнавала себя. Не то чтобъ до этого она оставалась еще ребенкомъ. Нѣтъ, Паша успѣла уже осмотрѣться вокругъ и чуткое сердце давно подсказало ей, что на ней лежатъ обязанности, къ которымъ нечестно было бы относиться шутя; но какъ-то доселѣ все это рисовалось свѣтло и казалось просто, или по крайней мѣрѣ не заставляло ее ломать головы. Конечно, ее ожидалъ впереди серьезный трудъ; но она не боялась его. Это былъ путь свободно избранный, и повороты съ него казались не заперты, а впереди разстилался широкій просторъ, и тамъ, залитыя солнцемъ, мелькали надежды, хорошія, чистыя, теплыя. Живая связь съ дѣтствомъ была крѣпка и не отравлена никакими потерями. Въ веселомъ обществѣ она чувствовала себя опять и въ полной мѣрѣ тѣмъ, что̀ она была при выпускѣ, школьницей — готовою болтать безъ умолку и безпечно рѣзвиться по цѣлымъ часамъ. или плясать съ 12-ти до 6-ти.

И вдругъ, въ одинъ день, въ одно утро,—весь смыслъ ея жизни перемѣнился... Задумалась бѣдная Пашенька, да такъ крѣпко, что часто и ночью, во снѣ, головка ея не переставала работать; но что̀ еще печальнѣе, толку изъ этого выходило мало. Правда, для нея уже перестало быть тайной: откуда къ ней это пришло. Она допрашивала, глазъ-на-глазъ, Сережу и безъ труда узнала немногое, что̀ ей оставалось еще узнать.

...„Третье внушеніе“—(о! будь проклятъ несчастный день, когда она, шутя, дала надъ собою власть этой бѣсовской силѣ!), „третье внушеніе“ исполнено было не надъ Сережей, а надъ чужимъ. Ей велѣно было, когда ея спутникъ уснетъ, украсть у него изъ кармана что-нибудь; и она это сдѣлала не сознавая кто противъ нея сидитъ, безотчетно, безсмысленно, какъ простой часовой механизмъ, прилаженный къ адской машинѣ такъ, чтобы, дойдя до извѣстной минуты, задѣть за ея запалъ и взорвать на воздухъ — прежде всего—себя!.. Понятно, никто изъ веселой компаніи, въ которой затѣяна была эта шалость, не могъ предвидѣть такого фатальнаго результата, и все „внушеніе“ было не больше какъ глупая шутка. Но именно это отсутствіе умысла въ томъ что̀ случилось—и со̀здало для нея то ужасное положеніе, изъ котораго, сколько ни думай, не видно исхода. Надъ ней одной обрушилась вся бѣда, и ей не на кого сослаться, не кого обвинять, она не можетъ сказать ничего въ свое оправданіе, потому что ее не поймутъ, или ей не повѣрятъ... Въ первые дни она не понимала этого и почти готова была признаться во всемъ Сережѣ, который все-таки больше другихъ виноватъ. Онъ долженъ былъ помнить опасный характеръ шалости, которую ей приказано было продѣлать надъ нимъ, и позаботиться чтобы изъ шутки не вышло чего-нибудь очень серьезнаго. Но развѣ Сережа помнитъ что-нибудь, что̀ не касается лично его, или способенъ серьезно заботиться о другихъ?..

Именно эти, знакомыя ей черты характера и заставили ее призадуматься... Нѣтъ никакого сомнѣнія, думала она далѣе, что такое открытіе взо̀рвало бы Сережу какъ порохъ и сдѣлало бы на короткое время рыцаремъ, бурно стремящимся вызвать и поразить когонибудь. Но Сережа способенъ и самъ понять, что рыцарство привело бы только ихъ обоихъ къ скандалу у мироваго судьи, то есть какъ разъ къ тому, что̀ для Паши было всего опаснѣе. А на серьезно-обдуманный планъ онъ не способенъ, и такимъ образомъ, въ результатѣ осталась бы только опасность, что подстрекаемый пылкимъ желаніемъ сдѣлать для нея что-нибудь, но не надѣясь на собственное благоразуміе, и не желая взять на себя одного всю отвѣтственность за послѣдствія, онъ не сдержитъ слова и обратится, помимо ея, за совѣтомъ, къ кому-нибудь, — всего вѣроятнѣе къ Мезенскимъ, съ которыми онъ такъ друженъ, или, еще того хуже, къ дядѣ Ивану Ѳедоровичу. Но худо-ли, хорошо-ли, для этого онъ не нуженъ Пашѣ, такъ какъ она могла бы сдѣлать это и безъ него... Въ итогѣ, ея двоюродный братъ былъ вычеркнутъ изъ числа людей къ которымъ она могла бы, въ крайности, обратиться за помощью, и она не думала больше о немъ.

Гораздо серьезнѣе ее занималъ вопросъ: сказать-ли дядѣ?.. Это былъ умный, находчивый, ловкій и очень вліятельный человѣкъ, съѣвшій — что называется — зубы надъ разрѣшеніемъ самыхъ трудныхъ задачъ служебной эквилибристики, и занимающій, уже нѣсколько лѣтъ, высокое положеніе. Для дяди Ивана, если бы онъ не поскупился на свой кредитъ и взялся горячо за дѣло, было бы вѣроятно очень немудрено скрутить въ бараній рогъ такого врага какъ Порфирій Ивановичъ и выпутать изъ сѣтей племянницу. Къ несчастію, Паша отнюдь не могла надѣяться чтобы дядя Иванъ взялся за это охотно; ибо, хотя она и не знала въ подробности затрудненій его игры, но ей было извѣстно, что весь личный кредитъ, которымъ онъ пользовался, необходимъ ему для его личныхъ, честолюбивыхъ цѣлей, такъ что, когда, напримѣръ, его просили о чемъ-нибудь, даже не важномъ, онъ уже дулся и хмурился, словно взвѣшивая во что̀ ему обойдется желаемая услуга; а далѣе начинались увертки, явно направленныя къ тому, чтобы уклониться отъ исполненія. Но не одни разсчеты тонкаго игрока дѣлали дядю Ивана скупымъ на дѣятельное участіе въ интересѣ своихъ друзей и родныхъ. Иванъ Ладищевъ былъ отъ природы мелко-самолюбивый, желчный и мнительный человѣкъ, ослѣпленный всепоглощающею заботою о себѣ, до такой степени, что скромнѣйшій разсчетъ на его участіе и содѣйствіе представлялся ему нахальною эксплуатаціей, тогда

какъ, наоборотъ, отказъ — даже въ самой безцеремонной его претензіи, какъ бы онъ ни былъ въ сущности справедливъ и естественъ, всегда приводилъ его въ ярость, и самымъ чистосердечнымъ образомъ записывался на счетъ, какъ измѣна и оскорбленіе... Зная такое наивное двоедушіе, какъ его знала Паша, не трудно было представить себѣ его изумленіе и испугъ, въ минуту—когда она, послѣ мучительныхъ колебаній, взволнованная, вошла бы къ нему на цыпочкахъ въ кабинетъ, и дрожащимъ голосомъ, разсказала бы ему, безъ утайки, свои приключенія... Боже ты мой, какіе глаза онъ вытаращилъ бы на племянницу!.. Какая буря негодованія разыгралась бы у него на лицѣ, и какими жалобами онъ разразился бы вслѣдъ затѣмъ! Жалобами вырывающимися изъ устъ шипя, какъ пробки изъ уходящихъ бутылокъ съ квасомъ; жалобами на то что его спокойствіе и здоровье (у него былъ хроническій кашель) не цѣнятся ни во что людьми, для которыхъ, кажется, онъ и такъ не жалѣетъ себя... что это безсовѣстно! Возмутительно! Что послѣ этого остается только, чтобы его притянули свидѣтелемъ, въ судъ, по дѣлу родной племянницы, обвиняемой — шутка сказать — въ воровствѣ! и т. д. Прибавьте ко всему этому, что Паша жила у него на положеніи бѣдной родственницы, патронируемой богатымъ дядей, и что сознаніе этого дѣлало ее болѣзненно-щекотливою ко всякаго рода попреку съ его стороны. И что же затѣмъ?.. Могла-ли она по крайности быть увѣренною, что весь этотъ стыдъ и все униженіе вынесены будутъ не даромъ?... Положимъ дядя Иванъ, — который конечно любитъ ее и не можетъ забыть что она носитъ имя Ладищевыхъ, — не отступится отъ нея какъ отъ паршивой овцы, грозящей заразою всему стаду. Это не помѣшаетъ ему однако найти неудобною огласку, которой нельзя будетъ избѣжать, если, какъ это весьма вѣроятно, ловецъ залучившій ее въ свои сѣти, не согласится ее освободить и противъ него потребуются крутыя мѣры... Но дядя Иванъ, какъ мнительный человѣкъ, не любитъ крайностей и всего вѣроятнѣе выберетъ средній путь. Онъ можетъ быть предпочтетъ избавить ее и себя отъ прямыхъ непріятностей, заплативъ по векселю, и затѣмъ отправитъ ее назадъ, въ деревню, съ письмомъ къ ея матери, въ которомъ, само собою, разскажетъ ей все и объяснитъ, что, къ несчастію, никакого другаго средства не оставалось. Такая развязка всего вѣроятнѣе, потому что она въ характерѣ дяди; а между тѣмъ ужаснѣе этого бѣдная дѣвушка и представить себѣ не могла. Вернуться домой замаранною и видѣть какъ убивается мать! Видѣть, быть-можетъ еще при жизни ея, какъ родовое гнѣздо пойдетъ съ молотка, и затѣмъ ждать старости гдѣ-нибудь на хлѣбахъ у чужихъ людей, безо всякихъ надеждъ, потому что безчестно было бы протянуть кому-нибудь руку съ такою тайною раной въ груди!..

Много безсонныхъ ночей провела несчастная, ломая свою молодую головку, чтобы рѣшить: какъ поступитъ дядя Иванъ, если признаться ему во всемъ; но мудрёная эта задача такъ и осталась неразрѣшенною.

Былъ еще Павелъ Мезенскій, на котораго, благодаря своей старой дружбѣ съ его сестрой и хорошо знакомымъ ей, личнымъ качествамъ брата, она, вѣроятно, могла бы разсчитывать больше, чѣмъ на кого-нибудь. Это былъ предпріимчивый и безстрашный, бойкій практическій человѣкъ, который однажды узнавъ какую кашу онъ заварилъ со своими „внушеніями“, навѣрно не отказался бы ее расхлебать — и не ударилъ бы въ грязь лицомъ. Но тутъ было одно препятствіе... Послѣ всего случившагося, Паша возненавидѣла Павла Григорьевича. Новое это чувство, съ одной стороны, было совершенно женское. Прежде всего она не могла простить ему его „втораго внушенія“... Какое дѣло было этому аферисту до тайныхъ ея предпочтеній? и какое право имѣлъ онъ заставить ее, наперекоръ ея разсудку и волѣ, на зло самымъ святымъ ея чувствамъ, съиграть, на глазахъ у цѣлаго города, такую глупую роль? Другимъ это можетъ казаться вздоромъ; ей—никогда! Въ ея глазахъ—это кровное оскорбленіе, за которое онъ заслуживалъ бы, чтобы ему надавали пощечинъ... Но былъ еще и другой, существенный элементъ, входившій въ составъ ея ненависти:—это глубокій, хотя и нѣсколько суевѣрный страхъ передъ тою темною, стихійною силой, которою онъ одаренъ, и съ которой она, въ своей глупой самонадѣянности, дерзнула вступить въ борьбу. Она ненавидѣла эту силу тѣмъ болѣе, что, къ стыду своему, не могла ее презирать, какъ подобныя вещи того заслуживаютъ. Что-то шептало ей въ тайнѣ души, что никогда послѣ этого она не въ состояніи уже будетъ смотрѣть, какъ она смотрѣла прежде, безпечно и равнодушно, въ его спокойные и глубокіе голубые глаза. Она знала, навѣрное знала теперь, что при первой же встрѣчѣ съ ней, онъ можетъ, если захочетъ, сдѣлать изъ нея опять безсмысленную машину, куклу — готовую броситься, по его приказу, въ огонь, или исполнить что-нибудь совершенно безсовѣстное и безстыдное,—не женское, даже не человѣческое. И чувство опасности, которое ей внушалъ этотъ страхъ, было такъ сильно, что если бы нужно было, въ защиту чести своей и человѣческаго достоинства, всадить ему въ сердце ножъ, Пашѣ казалось, что она сдѣлала бы это безъ колебанія... Какъ же возможно, чтобы она обратилась къ нему за помощью?

Но все это еще не дастъ понятія о дѣйствительной драмѣ, происходившей въ душѣ у Паши, когда она убѣгала отъ общества въ свою комнату, или ворочалась съ боку на бокъ, безъ сна. Чтобы дополнить картину, надо все изложенное здѣсь связно представить себѣ мелькающимъ въ формѣ разсѣянныхъ проблесковъ, середи глубокаго мрака, гнетущей ее тоски, или крутящимся съ быстротою вихря въ жару ея воспаленной фантазіи. Надо представить себѣ ее измученную до одури воскресающими у нея ежеминутно въ памяти образами и сценами изъ ея несчастнаго приключенія, и возвращающеюся пятьсотъ разъ на день, то въ Грузово, то въ Большую Подъяческую, — неотступно преслѣдуемую то Бурдюковымъ, то бѣшеною его женой, то Марфой Никитишной, и въ отчаяніи хватающейся за эти лоскутья несбыточныхъ плановъ спасенія, какъ за единственное убѣжище отъ безумія. Тогда только мы поймемъ чѣмъ питалась та Черная Гостья, которая сдѣлала Пашу неузнаваемою.

Но что всего ужаснѣе, это—что избавленіе, если бы даже оно и пришло, никогда не вытравило бы у нея изъ памяти этого ада, въ которомъ она побывала однажды. Онъ выжженъ огненными чертами въ ея душѣ и останется тамъ навсегда.

VI.

Время однако шло и вело за собой, какъ всегда, свои растущія незамѣтно, но безостановочно — перемѣны. У Паши скоро явилось дѣло, спасительно отвлекавшее ее по утрамъ отъ горькихъ заботъ. Это была ея служба въ правленіи общества Внутренняго Кредита. Занятія были сухи (она получила мѣсто по счетной части); но именно эта сухость дѣйствовала на мозгъ успокоительно. Какое-то мирное утомленіе распространялось во всемъ ея существѣ, когда, окончивъ дневную работу, она возвращалась къ обѣду домой; и оно, въ связи съ другимъ утомленіемъ, наступившимъ послѣ испытанныхъ ею бурь, помогло ей мало-по-малу свыкнуться съ новымъ своимъ положеніемъ. Она не металась уже, какъ невыѣзженная лошадка въ упряжи, а склонивъ покорно голову, и напрягая силы, везла тяжелую ношу свою, сама не зная зачѣмъ и куда... Кнутъ до сихъ поръ еще не касался ея, и послѣ

напрасныхъ страховъ, что ей не дадутъ покоя съ напоминаніями, бѣдняжка въ своей неопытности, спрашивала себя: ужь не забылъ ли о ней ея завоеватель? Или, быть-можетъ, онъ понялъ, что торопить ее незачѣмъ, потому что она сама только о томъ и думаетъ, какъ бы ей расплатиться скорѣй?.. Но кàкъ это сдѣлать — она не знала... Конечно, она поступила на очень хорошее жалованье; но даже еслибъ она могла пустить его цѣликомъ на уплату по векселю, — это продлилось бы все-таки мѣсяцевъ пять... А захочетъ ли онъ ожидать такъ долго?

Недѣли двѣ-три по пріѣздѣ, она ждала его почти каждый день, и забота о томъ: какъ объяснить появленіе въ домѣ совсѣмъ незнакомаго человѣка, служила источникомъ безконечныхъ тревогъ. Но послѣ того какъ она начала уходить, по утрамъ, на службу, ей стало значительно легче, такъ какъ почемъ онъ знаетъ, думала Паша, что она служитъ, и гдѣ? А чтобы онъ не вывѣдалъ этого, въ ея отсутствіе, отъ прислуги — послѣдней велѣно было вообще не впускать никого незнакомаго, отвѣчая во всякомъ случаѣ, просто и коротко, что ея нѣтъ дòма и неизвѣстно гдѣ она. Страхъ такимъ образомъ убылъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что непріятель не могъ ее захватить врасплохъ, и у нея всегда въ запасѣ останутся сутки, чтобы предупредить вторичное нападеніе... Въ крайности, она даже готова была сама заѣхать въ Подъяческую. (Если бы только не эта ужасная Анна Егоровна!)...

Никто однако не безпокоилъ ее и никакого письма съ городскою почтой Паша не получала. Болѣе мѣсяца уже прошло такимъ образомъ и 20-го сентября она получила въ первый разъ жалованье, хотя и неполное, такъ какъ служба ея началась только съ 1-го сентября. Страшное искушеніе посѣтило ее: — оставить себѣ какихъ-нибудь 5 рублей, а все остальное отправить немедленно къ матушкѣ, чтобы помочь ей съ осенней уплатой за брата. Къ несчастію, надо было при этомъ писать о своихъ дѣлахъ и если она рѣшится выплачивать долгъ, то все же предупредить, чтобы мать не ожидала новыхъ присылокъ по крайней мѣрѣ до марта мѣсяца... Но надо было еще подумать: кàкъ объяснить задержку.

Съ такими мыслями Паша вернулась изъ кассы и, посмотрѣвъ на часы, собиралась уже идти домой, какъ вдругъ замѣтила Афанасьева, подходящаго къ ней съ обыкновенною миною сторожей, имѣющихъ что-нибудь „доложить“.

— Васъ спрашиваютъ-съ, сказалъ онъ вполголоса.

— Гдѣ? спросила она, слегка измѣнившись въ лицѣ.

— На лѣстницѣ, барышня... Не хотѣлъ войти... Какой-то — кто его знаетъ, — чиновникъ, что ли... Спросилъ только: тутъ ли еще? — „Ты, говоритъ, доложи, пожалуйста, что мнѣ нужно ихъ на минуточку, но чтобы онѣ не безпокоились: — я ихъ подожду на лѣстницѣ.“

Несчастную бросило въ жаръ, а потомъ въ холодъ.

— Скажи, что сейчасъ ухожу, отвѣчала она, едва скрывая свое безпокойство, и торопливо собравшись, вышла, мысленно умоляя Создателя, чтобъ Онъ наставилъ ее и защитилъ.

Предчувствія ея оправдались. На площадкѣ лѣстницы, у окна, ее ожидалъ дѣйствительно Бурдюковъ, со своей хорошо-знакомою скаредною усмѣшкой и хищнымъ взглядомъ. Увидѣвъ Пашу, онъ какъ-то наотмашь снялъ форменную фуражку и торопливо отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

— Простите, что я осмѣлился васъ потревожить, Прасковья Петровна, сказалъ онъ, жадно заглядывая въ ея глаза.

— Ничего, Порфирій Ивановичъ, я и безъ васъ собиралась идти, отвѣчала несчастная, дѣлая героическія усилія, чтобы скрыть охватившее ее чувство гадливаго опасенія. — Но какимъ чудомъ вы меня отыскали тутъ?

— Нужда научила, сударыня. Не токмо что тутъ, а и на днѣ морскомъ, кажись, отыскалъ бы... Чтò будешь дѣлать?.. Крайность!..

— Повѣрьте, что я отдала бы давно и съ радостію весь долгъ, еслибъ имѣла какую-нибудь возможность.

— Вѣрю, сударыня, вѣрю. Ну, да ужь Богъ съ вами... Мнѣ бы покуда хоть сотенку.

Сверху раздался стукъ двери и Паша, которая шла съ нимъ рядомъ, страшась, чтобы кто-нибудь изъ правленскихъ не увидалъ ихъ вмѣстѣ, кинулась внизъ такъ быстро, что онъ не успѣлъ докончить. Съ трудомъ поспѣвая за ней, онъ догналъ ее уже на улицѣ.

— Ради Бога, не провожайте меня! умоляла Паша, тревожно оглядываясь. — Меня тамъ знаютъ, и могутъ подумать, что у насъ съ вами какіе-нибудь секреты.

— Слушаю-съ.

Паша бѣжала оглядываясь, и они повернули въ другую улицу, прежде чѣмъ наконецъ она остановилась и обернулась къ нему.

— Служить изволите тамъ? спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Да.

— Ну, это похвальное дѣло... И жалованье сегодня изволили получить?

— Да, повторила она, дивясь, какимъ образомъ онъ съумѣлъ разузнать обо всемъ такъ аккуратно. — Будьте добры, Порфирій Ивановичъ, подождите... Ей-богу, я этотъ разъ не могу ничего заплатить.

— И радъ бы, сударыня, да никакъ не могу... А позвольте полюбопытствовать: сколько изволили получить?

— Всего 55 рублей...

Они шли рядомъ и Бурдюковъ, по мѣрѣ того, какъ уменьшался шансъ встрѣчи съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ ея, становился нахальнѣе.

— Ну, нечего съ вами дѣлать, сказалъ онъ: — пожалуйте 40, а остальные пусть такъ и быть остаются у васъ.

Несчастная заглянула въ его глаза и должно быть прочла въ нихъ, что всякія просьбы напрасны. Прощай соблазнительная надежда послать домой свой первый зàработокъ!... Двѣ крупныя слезы сверкнули у ней на рѣсницахъ и покатились внизъ, по щекамъ. Повѣсивъ голову, она вынула свой портмонэ и отдала ему деньги, въ смущеніи позабывъ, что не мѣшало бы получить хоть росписку въ уплатѣ.

— А на счетъ векселя, какъ прикажете? продолжалъ онъ развязно. — Мѣсяцъ-то вѣдь уже давно истекъ.

Она смотрѣла въ недоумѣніи, не понимая, какую роль должно играть въ рукахъ у мучителя это совсѣмъ незнакомое ей орудіе пытки.

— Возобновить бы надо... Такъ, знаете, для порядка... Благоволите заѣхать ко мнѣ, на минуточку; — мы это живо покончимъ.

— Нельзя ли, по крайней мѣрѣ, хоть отложить до другаго раза?... Теперь 5 часовъ и я очень боюсь опоздать.

— Слушаю-съ. Прикажете къ вамъ зайти, въ понедѣльникъ, въ правленіе?

Она чуть не вскрикнула. — Ахъ, ради Бога, нѣтъ!

— Или къ дядюшкѣ?

Новые знаки ужаса... Онъ сострадательно улыбнулся.

— Какъ вамъ угодно-съ. Назначьте сами, а я готовъ вамъ сдѣлать всякое удовольствіе.

Паша не знала чтò и сказать.

— Завтра воскресный день, и вы вѣрно не заняты, продолжалъ Бурдюковъ. — Не сдѣлаете ли мнѣ честь заѣхать, по утру, ко мнѣ, въ Подъяческую?

Этюдъ. Съ карт. (собств. „Нивы") акад. Ѳ. Чуманова, грав Пааръ.

— Право, не знаю какъ вамъ сказать, отвѣчала она въ глубокомъ смущеніи. — Я вамъ должна признаться, что я... боюсь... потревожить...

— Жену? подсказалъ онъ, смѣясь.—Ну, если только за этимъ дѣло, то, можетъ быть, вы не откажетесь побывать, завтра поутру, въ часъ, въ Офицерской, у Марфы Никитишны? Она уже у себя и будетъ душевно рада... Все вспоминаетъ про васъ. — „Такъ жалы!" говоритъ. — „Такъ жалы! Совсѣмъ вѣдь почти ребенокъ еще!"

Несчастная поняла намёкъ и вспыхнула вся до ушей; но не видя другаго средства отдѣлаться, обѣщала быть.

(Продолженіе будетъ).

Три могикана.

(Очеркъ изъ недавняго прошлаго).

Евгенія Львова.

I.

Знакомъ-ли вамъ, читатель, типъ вралей-помѣщиковъ? Если вамъ, какъ мнѣ, уже стукнуло сорокъ, если вы также провели дѣтство въ деревнѣ и вращались въ средѣ помѣщиковъ, то конечно вамъ этотъ типъ отлично знакомъ; но если вы молоды, родились въ большомъ городѣ, не охотникъ, не имѣли дѣла съ до-эмансипаціонной Россіей, то можете имѣть понятіе объ этихъ милыхъ людяхъ — страстныхъ охотникахъ въ большинствѣ—только по наслышкѣ, ибо теперь народъ этотъ уже почти выродился и, подкошенный вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, вымираетъ все болѣе и болѣе.

Лѣтъ тридцать назадъ такихъ господъ въ Россіи можно было встрѣчать чуть не повсемѣстно. Въ то время въ одномъ N—скомъ уѣздѣ, *** губерніи, по сосѣдству съ имѣніемъ отца жили три враля первостепеннаго достоинства, если можно такъ выразиться. Одинъ изъ нихъ проживалъ въ какой-нибудь верстѣ отъ насъ. Марей (Маринъ) Аѳанасьевичъ Шимановскій былъ обрусѣвшій полякъ. Я помню его съ самыхъ раннихъ лѣтъ моего дѣтства. Въ моей памяти это человѣкъ лѣтъ 45-ти съ огромными усами и большимъ носомъ (цвѣта, размѣра и формы хорошо вызрѣвшаго чернослива, съ красными руками въ веснушкахъ, съ добродушными сѣрыми глазами на выкатѣ, съ изрядной лысиной прикрываемой темными еще волосами, зачесываемыми съ праваго виска на лѣвый, въ видѣ скобы. Онъ былъ отцомъ четырехъ дѣтей и мужемъ дебелой и грозной Анны Антоновны, коей обязанъ довольно порядочнымъ состояніемъ и которой сильно побаивался, особенно когда вралъ, ибо если только ему приходилось проврагься, онъ, разсказавъ что-либо невозможное, непремѣнно подъ конецъ выдавалъ себя самъ восклицаніемъ „невѣроятно!" Тутъ-то его безжалостно и накрывала Анна Антоновна. Бывало сидитъ за чаемъ въ гостяхъ и повидимому ничего не слышитъ, но стоитъ мужу воскликнуть „невѣроятно", какъ съ другаго конца стола уже несется рѣзкій голосъ Анны Антоновны:

— Марей Аѳанасьевичъ, опять врешь!

— Какъ, матушка. да это при тебѣ же было, помнишь какъ...

— Ничего не помню... Помню только что я тебѣ запрещала срамиться, а ты все врешь; когда же этому конецъ будетъ!

Марей Аѳанасьевичъ, захваченный врасплохъ, вытиралъ фуляромъ вспотѣвшую лысину, съ достоинствомъ пожималъ плечами и принимался съ такой досадой сосать свою трубку, что послѣдняя хрипѣла какъ удавленникъ; за то стоило Марею Аѳанасьевичу попасть въ компанію одному и вдобавокъ закусить или выпить за чаемъ грогу, ну, тогда онъ развертывался и былъ буквально безподобенъ.

— Въ молодости я замѣчательно походилъ на великаго князя Михаила Павловича. Бывало пріѣдешь въ Петербургъ и сразу становишься чистымъ мученикомъ: что ни солдатъ—то на караулъ, что ни офицеръ—то фронтъ; пріѣдешь за дѣломъ, побьешься, побьешься, изъ себя выйдешь, и половины не окончивъ — махнешь рукой и уѣзжаешь домой. Просто невѣроятно!

— Да какъ же это такъ, замѣчаетъ кто-либо изъ лицъ отлично знающихъ, что противорѣчія только разжигаютъ воображеніе Шимановскаго; — вѣдь вы, Марей Аѳанасьевичъ тогда уже въ военной службѣ не служили, какъ же вамъ статскому могли отдавать честь и принимать за великаго князя?

— А вотъ подите, принимали же. Мало того, разъ возвращаюсь изъ бани съ узломъ, на ванькѣ, въ халатѣ и въ шинели въ накидку, чего бы кажется скромнѣе; проѣзжаю мимо адмиралтейской гауптвахты, вдругъ слышу звонокъ и затѣмъ команду: „караулъ вонъ!" Что, думаю, за оказія, кому бы это такая почесть. Только тогда и спохватился, какъ выѣхалъ на Невскій и генералы стали подкозыривать. Ну, вижу наконецъ въ чемъ суть и думаю: дѣло дрянь—не сочли бы еще за самозванца; нарочно шинель сбросилъ, въ одномъ халатѣ остался, а тутъ народъ какъ гаркнетъ „ура" — и пошли, и пошли... Насилу отъ толпы удралъ и не чаялъ какъ до гостиницы добрался. Не-вѣ-ро-ятно!

— Да, вашъ ромъ хорошъ, очень хорошъ, сейчасъ видно что отъ Леве и предорогой, любезно заявляетъ Марей Аѳанасьевичъ хозяйкѣ дома за чаемъ въ гостяхъ, — но такой-ли ромъ былъ у Депре лѣтъ 15 назадъ! Надо вамъ знать, что мы съ нимъ старые пріятели. Разъ въ Москвѣ онъ у себя дома въ подпитіи и говоритъ мнѣ: „Моря, лучшаго друга у меня нѣтъ, и это я сейчасъ тебѣ докажу." Затѣмъ всталъ, сходилъ въ погребъ и что же!—черезъ полчаса приноситъ большой кусокъ плѣсени. „Бери!" говоритъ.—„Помилуй, на что мнѣ такая гадость?"—„Гадость! Да знаешь-ли ты, животное (съ добрыми друзьями старикъ Депре никогда не церемонился), знаешь-ли что эта покрытая мохомъ полъ-бутылки рома дружка той самой, которую мой покойный дѣдъ поднесъ консулу Бонапарте, за что тотъ, попробовавъ ромъ, тотчасъ же снялъ съ себя орденъ Почетнаго Легіона и тутъ же торжественно пришпилилъ къ его груди?! Самъ ты „гадость"; бери же, дрянь этакая, пока даютъ, а то назадъ отнесу!" Ну и дѣйствительно, я вамъ доложу. Очистилъ и раскупорилъ я ее на другой день — останавливаюсь я всегда въ гостиницѣ „Дрезденъ", — знаете нумеръ съ балкономъ что наискось генералъ-губернатора. Сижу подъ-вечеръ на балконѣ и пью чай. Налилъ ложку рому попробовать. Не успѣлъ размѣшать, какъ понесся такой ароматъ, что мнѣ чуть дурно не сдѣлалось. Смотрю на площадь, а народъ собирается толпами, всѣ носы кверху, всѣ нюхаютъ и недоумѣваютъ, лошади фыркаютъ, кареты останавливаются, даже собаки сбѣжались. Самъ графъ Закревскій на балконъ вышелъ, понюхалъ, этакъ ладонью помахалъ около носа и пожалъ плечами — ничего дескать не понимаю, да вдругъ увидалъ меня и говоритъ извѣстному барону Зебаху: „Счастливецъ этотъ Марей Аѳанасьевичъ, всегда что-нибудь такое добудетъ; скажите ему что я сейчасъ приду у него грогъ пить." Не-вѣ-ро-ятно!

Марей Аѳанасьевичъ большой любитель всякой охоты. Его кабинетъ увѣшанъ ружьями, ягдташами, нагайками, сѣдлами, мѣдными рогами; его гончія лѣтомъ валялись по двору десятками, а борзыя съ чурбанами привязанными длинною веревкой къ шеѣ тѣмъ не менѣе каждое лѣто, гоняясь за полевыми звѣрками, немилосердно топтали наши хлѣба.

Алексѣй Ѳомичъ Думашевъ—человѣкъ богатый. Состоя крупнымъ уѣзднымъ чиновникомъ, онъ жилъ въ городѣ, имѣя въ своемъ владѣніи всѣхъ казенныхъ крестьянъ уѣзда. Будучи въ то же время страстнымъ ружейнымъ охотникомъ, онъ постоянно съ ружьемъ и собакой обходилъ свои обширныя казенныя владѣнія. Это былъ высокій, худощавый человѣкъ съ длинными ногами, вѣчно въ болотныхъ сапогахъ, съ лицомъ почти всегда серіознымъ, съ тонкими искривленными въ вѣчную насмѣшку губами безъ усовъ и съ тяжелымъ жесткимъ характеромъ, что не мѣшало ему разсказывать самыя смѣшныя и невѣроятныя вещи, придираясь ко всякому случаю. Говоритъ, напримѣръ, кто-нибудь при немъ что такой-то помѣщикъ изъ Парижа привезъ женѣ шаль, которая легко проходитъ въ кольцо для ключей.

— Это что! замѣчаетъ Думашевъ. — Когда 15 лѣтъ назадъ я служилъ въ Данковѣ, подъ Рождество получаю повѣстку на тысячу рублей. Иду на почту, оказывается посылка отъ покойнаго дяди — богатаго холостяка изъ Иркутска. Почтмейстеръ выдаетъ мнѣ маленькую коробочку, обшитую въ клеенку. Ну, думаю, старикъ разщедрился: или мнѣ брилліантовый перстень, или сережки женѣ. Представьте же себѣ мое изумленіе, когда въ коробочкѣ оказался простой грецкій орѣхъ. Просто орѣхъ, даже безъ позолоты, понимаете. Ну, думаю, вѣрно глупая мистификація со стороны выжившаго изъ ума самодура. Съ досады беру орѣхъ въ ротъ въ разсчетѣ разгрызть и хоть съѣсть, авось какой-нибудь особенный. Грызу:—тьфу, червивый! этого только недоставало! Хочу выплюнуть волосатаго червяка — не тутъ-то было. Я пальцами — изо рта тянется что-то мохнатое, безконечное... Я задыхаюсь, тороплюсь, тащу обѣими руками и что-же? — послѣ долгихъ усилій у моихъ ногъ очутилась великолѣпная енотовая шуба! Почтмейстеръ, его помощники и публика ахнули и просто въ восторгъ пришли. Я ее потомъ проѣзжему англичанину за шесть тысячъ продалъ.

— И концы въ воду, замѣчаетъ мой отецъ, отличавшійся добродушнымъ юморомъ.

Остальные присутствующіе улыбаются, а я думаю:

„Непремѣнно, какъ только буду большой, куплю себѣ такую же шубу..."

Князь Вогановъ-Задонскій—отставной ротмистръ лейбъ-гусарскаго полка, смуглый, сухой, не высокій и не красивый, но стройный, холостякъ лѣтъ сорока, всегда гладко причесанный и одѣтый изысканно. Его прекрасныя манеры и утонченное обращеніе бросались въ глаза, но при всемъ этомъ къ барыш-

нямъ онъ питалъ какую-то не то робость, не то просто ненависть и презрѣніе. Нелюбезность его съ дамами славилась въ губерніи. Живя въ уѣздѣ безвыѣздно, онъ бывалъ нерѣдко у всѣхъ сосѣдей-помѣщиковъ, исключая тѣхъ, у кого водились незамужнія или вдовствующія дочери и вообще невѣсты. Въ тѣсныхъ мужскихъ кружкахъ онъ бывалъ очень милъ, но стоило пріѣхать въ домъ какой-либо дѣвицѣ, онъ какъ по командѣ тотчасъ же мѣнялъ обращеніе и становился грубъ, высокомѣренъ, невыносимъ, почти неприличенъ. Говорили что въ молодости его обманула какая-то красавица, другіе утверждали что въ венгерскую кампанію его чуть не женила на себѣ насильно юркая дочка какого-то шляхтича. Словомъ, настоящей причины этой дѣвобоязни у насъ не знали, но съ фактомъ все-таки мирились, тѣмъ болѣе что князь имѣлъ въ одномъ N—скомъ уѣздѣ тысячу душъ. Онъ жилъ въ семи верстахъ отъ насъ, въ большомъ селѣ Вогановѣ, и отличался феноменальной скупостью. Изъ экономіи онъ не служилъ по выборамъ; правда, себѣ дома онъ ни въ чемъ не отказывалъ, но гостей не приглашалъ и не сзывалъ. Въ городѣ бывалъ раза два-три въ годъ. Пріѣдетъ на прекрасной сѣрой четверкѣ своего завода, прикажетъ конюхамъ стать на площади, получитъ въ казначействѣ 75 тысячъ рублей процентовъ на полуторамилліонный капиталъ, зайдетъ въ гостиницу содержимую безрукимъ севастопольцемъ, повертится въ биліардной, выйдетъ на балконъ, достанетъ изъ задняго кармана завернутаго въ бумажку цыпленка, позавтракаетъ имъ тутъ же, выкуритъ папироску—и домой. Садовникъ князя продавалъ помѣщикамъ фрукты изъ его оранжереи и по его оцѣнкѣ, а съ крестьянами князь и вовсе не церемонился. Въ саду при немъ и даже при его вмѣшательствѣ бабы мѣняли яйца на смородину и падалицу. Будучи рьянымъ охотникомъ, князь весною и осенью проводилъ много времени на своихъ обильныхъ дичью болотахъ, куда другіе охотники не допускались; что же касается охоты съ борзыми, то Вогановъ, любя ее страстно, изъ экономіи гончихъ не держалъ, а имѣлъ всего три смычка хорошихъ борзыхъ. Это и страсть къ охотѣ вообще заставили его сблизиться съ Шимановскимъ, несмотря на то что у послѣдняго было двѣ дочки, почти невѣсты. Князь приглашалъ Шимановскаго даже на свои болота, а въ поле выѣзжалъ непремѣнно съ нимъ, травя волковъ, зайцевъ и лисицъ изъ-подъ его гончихъ и притомъ отнюдь не въ своихъ владѣніяхъ.

Князя сосѣди и уѣздные дворяне не долюбливали, но принимали охотно. Впрочемъ, Вогановъ ни съ кѣмъ вступать въ сердечныя отношенія и не пытался, а по врожденной черствости совершенно довольствовался соблюденіемъ внѣшнихъ приличій. При этомъ бросалась въ глаза еще одна особенность его характера, поражавшая всѣхъ его знавшихъ и до сихъ поръ оставшаяся загадкой. Князь, будучи безусловно приличенъ и всегда сдержанъ, никогда ничѣмъ не хвасталъ. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ, *если только* въ числѣ присутствующихъ находились Шимановскій или Думашевъ, или даже другіе менѣе заговаривавшіеся охотники, онъ становился неузнаваемъ. Тогда его сдержанность пропадала и стоило кому-либо соврать хоть малость — онъ непремѣнно находилъ и въ своемъ прошломъ что-либо подобное, но еще болѣе невозможное. Можно было думать что князь смѣется надъ вралями, но оживленіе его холодныхъ глазъ, румянецъ на щекахъ, нервные жесты и вся его внѣшность вообще, ясно свидѣтельствовали о клокотавшемъ въ немъ внутреннемъ жарѣ и приводили въ недоумѣніе слушателей, не выключая Шимановскаго и Думашева, изо всѣхъ силъ старавшихся его переврать и въ случаѣ неудачи смотрѣвшихъ на него не то съ завистью, не то со злостью.

— Было это 25 лѣтъ назадъ, говоритъ Думашевъ. — Я былъ на скачкахъ въ Орлѣ. Призъ — кубокъ полный червонцевъ, дистанція — 10 верстъ въ 20 минутъ для мѣстныхъ заводскихъ жеребцовъ и кобылъ. Ждемъ: скоро начало, какъ вдругъ является мужикъ и заявляетъ что и онъ желалъ бы скакать. Мы заинтересовались — вышли посмотрѣть и расхохотались. Представьте себѣ двѣ замухрастыя кобыленки въ рваныхъ хомутахъ, шерсть дыбомъ, спины побиты и въ кирпичѣ, который только что возили. Тогда состоялъ распорядителемъ Иванъ Ивановичъ, помните какой оригиналъ былъ покойникъ. „Пустите, говоритъ, для потѣхи, что за бѣда что не по правиламъ.“ Разумѣется всѣ участвующіе и члены охотно согласились. Стали, наконецъ, всѣ въ линію. На нашихъ скаковыхъ гарцуютъ разряженные жокеи, а на одной кобыленкѣ мужикъ въ зипунѣ и малахаѣ, на другой—его малый. Публика хохочетъ. Ну, хорошо. Только, сударь мой, дали сигналъ, а они какъ пустятъ—и пошли, и пошли... Кобылки словно зайцы — такъ брюхомъ по землѣ и стелятся — мужики малахаи растеряли, только жарятъ кобыленокъ дубьемъ, да за оголовки хомутовъ держатся. Жокеи вначалѣ тоже смѣялись, а потомъ видятъ—дѣло дрянь, и просто перетрусили, да и было чего. Даже пашковскіе за флагомъ остались: въ 10 минутъ мужички всю дистанцію отмахали. Тутъ такое „ура“, такой ревъ поднялся, просто невыразимо. Что же, государь мой, это оказались бычки. Такая въ Азіи порода есть — на лбу зачатки роговъ, и мужички этихъ кобылокъ на ярмаркѣ въ Косякѣ у киргизовъ добыли чуть-ли не по три рубля за штуку. Ну, обѣихъ лошаденокъ тутъ же на кругу купили. Масловъ и Пашковъ за нихъ по тысячѣ рублей отвалили. А говорятъ еще у мужиковъ хорошихъ лошадей нѣтъ. Вотъ и подите.

— Да, это бываетъ, и незаводскія лошади другой разъ лучше заводскихъ, беретъ слово Марей Аванасьевичъ. — У меня черноморка была; сначала на пристяжкѣ, потомъ я на ней въ поле выѣзжалъ, скакала такъ, что я всегда раньше борзыхъ нагонялъ и перегонялъ зайца. Потомъ я сталъ ее на скачку пускать и не было примѣра чтобы она приза не выскакала. А какъ погибла! — и славно, и трагически въ то же время! Было это лѣтъ 20 тому въ Лебедяни на ярмаркѣ. Знаете какія тамъ знаменитыя скачки бывали. Только жокеемъ у меня былъ всегда мой доѣзжачій Прошка, а тутъ на зло заболѣлъ. Предложилъ мнѣ пріятель своего — пришлось взять. Только какъ пустилъ онъ *Строгаго* во-всю съ перваго же круга, да чтобы обскакать круто повернулъ къ барьеру,—конь ударился о балясину лѣвой передней со всего маху. Нога въ самомъ колѣнѣ пополамъ, даже кость изъ кожи вонъ. Ну, конечно, *Строгій* о землю грянулся, а жокей отлетѣлъ на 20 саженъ. Что же вы думаете — вскочилъ благородный конь, да сгоряча какъ пустится одинъ; всѣхъ обогналъ; за нимъ только пыль да кровавый слѣдъ стелятся. Подскакалъ къ столбу раньше всѣхъ, а затѣмъ палъ на землю и духъ вонъ. Я просто разревѣлся, такъ было жаль такую лошадь.

— Да какъ не пожалѣть такого коня! говоритъ князь. — Вотъ въ венгерскую кампанію подо мной жеребецъ былъ; шерсть матовая, красавецъ и умница, скакунъ первый въ дивизіи, одно — трясокъ страшно. Только что перешли границу, меня послали съ эскадрономъ на рекогносцировку. Вдругъ откуда ни возьмись шальная граната. Конь мой дрогнулъ и сразу осѣлъ на задъ. Глядь, а осколкомъ ему на задней ногѣ копыто и весь нижній суставъ по самую бабку отняло какъ бритвой. Слѣзъ я: жаль коня, но все-таки хотѣлъ пристрѣлить чтобы не мучился, а тутъ мой вахмистръ и говоритъ: „Ваше сіятельство, не убивайте, авось выходится.“ Что же вы думаете! Тутъ на мѣстѣ уняли кровь, портянками перевязали и кое-какъ довели. А мѣсяца черезъ два конь дѣйствительно выходился, на ногѣ подъ раной рогъ не рогъ, а какой-то твердый какъ сталь наростъ образовался. Выписалъ я его изъ госпиталя и что же! оказалось скачетъ не хуже чѣмъ прежде и никакой хромоты, напротивъ—плавность, иноходь такая, что я верхомъ на ходу въ стаканѣ чай пилъ и никогда рукъ не обжигалъ. Всю кампанію сдѣлалъ на немъ и потомъ въ Хрѣновую въ заводъ за шесть тысячъ продалъ.

II.

Темный, душный августовскій вечеръ глядитъ слѣпыми очами въ балконную дверь и высокія настежь отворенныя окна обширной деревенской столовой. За чайнымъ столомъ, при свѣтѣ висячей лампы, мой гувернеръ, деритскій магистръ, Карлъ Богдановичъ Вейсъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ читаетъ *Московскія Вѣдомости*. Отецъ, только что вернувшійся съ поля, внимательно слушаетъ, молча покуривая трубку и прихлебывая чай. Рядомъ за самоваромъ помѣщается наша дальняя родственница, мать Паисія — монахиня московскаго женскаго монастыря, — пріѣхавшая погостить и похозяйничать пока мать съ сестрами за границей. Въ комнатѣ совершенно тихо. Рѣзкое тиканье „башенныхъ“ часовъ, шорохъ шаговъ ходящаго на цыпочкахъ лакея и жужжаніе мухъ колотящихся о высокій потолокъ — не нарушаютъ тишины и не мѣшаютъ лорду Пальмерстону восхищать своимъ краснорѣчіемъ палату, а г. Дизраэли оспаривать его „благороднаго друга“. Вдругъ, среди мертвой тишины, откуда-то изъ-за парка донесся къ намъ звукъ рога; чтеніе прекращается, всѣ напряженно прислушиваются. Вотъ все ближе и громче раздаются звуки— и не прошло пяти минутъ какъ на дворѣ послышалось гиканье, гомонъ, топотъ многихъ лошадей, лай нашихъ собакъ слившійся съ воемъ борзыхъ и злобнымъ тявканіемъ гончихъ. Лакеи со свѣчами въ рукахъ бросились на крыльцо и вскорѣ въ столовую ввалилась цѣлая ватага охотниковъ въ камзолахъ, чекменяхъ и венгеркахъ, въ большихъ сапогахъ, при кинжалахъ, нагайкахъ, арапникахъ и прочихъ охотничьихъ атрибутахъ. Тутъ были и Шимановскій, и князь, и Думашевъ, и помѣщикъ Головинъ, и еще трое мелкопомѣстныхъ дворянъ-сосѣдей, примкнувшихъ къ крупной охотѣ со своими пятью-шестью собаками. Оказалось, что утромъ помѣщики затѣяли генеральную охоту и, зная что матушка заграницей, пріѣхали къ намъ ночевать, дабы завтра съ зарей ѣхать дальше. Отецъ по обыкновенію радушно принялъ нежданный наѣздъ,—всѣмъ, и людямъ и собакамъ нашлось мѣсто, а для гостей часа черезъ два на столѣ уставленномъ бутылками уже дымился апетитный и обильный ужинъ. Голодные спортсмены сперва кушали молча, но мало-по-малу вина и наливки начали развязывать языки. Поднялся шумъ и споръ о достоинствахъ *Катая* и *Бѣлки*, о безподобномъ чутьѣ *Находки*, о сегодняшнихъ приключеніяхъ и вообще о преимуществахъ псовой охоты надъ ружейною.

— Нѣтъ, господа, сказалъ отецъ,—и не хлопочите напрасно, никогда я не сдѣлаюсь борзятникомъ и прямо скажу вамъ, что не уважаю этой потѣхи. По моему, вся эта удаль не стоитъ простой казачьей джигитовки. Я понимаю охоту ружейную:

Христофоръ Колумбъ, осмѣиваемый саламанкскими учеными. Картина Н. Баравино, грав. Шей.

тамъ требуется искусство; кромѣ того, человѣкъ, приходя въ общеніе съ природой, можетъ сосредоточиться, философствовать, поэтизировать, наконецъ показать и храбрость и даже принести пользу себѣ и людямъ, уничтожая напримѣръ кабана, медвѣдя или волковъ. А тутъ что? что̀ кромѣ грубаго насилія, визга собакъ, непроизводительныхъ расходовъ, порчи чужихъ полей и луговъ? Однимъ словомъ, я по крайней мѣрѣ на псовой охотѣ испытываю такое же эстетическое наслажденіе, какое чувствовалъ въ Москвѣ разъ въ жизни, слушая цыганъ. И тутъ и тамъ рѣзкія тѣлодвиженія, пьяная удаль, визгъ, топотъ и ничего больше.

— Нашъ любезный хозяинъ отчасти правъ, замѣтилъ Головнинъ,—только для ружейной охоты надо имѣть здоровыя ноги, какъ напримѣръ у Алексѣя Ѳомича, а нашему брату при ревматизмѣ она не всегда и подъ силу.

— Положимъ, я дѣйствительно могу похвастать моими ногами и не дальше какъ въ прошлый мѣсяцъ сдѣлалъ пѣшкомъ болѣе 900 верстъ, отвѣтилъ Думашевъ,—только при нынѣшнихъ усовершенствованіяхъ охотнику можно легко дѣлать и по сотнѣ верстъ въ день съ самыми плохими ногами; сто̀итъ только не пожалѣть 75 рублей и обзавестить гуттаперчевыми панталонами.

— Это для чего-же собственно-съ? полюбопытствовалъ одинъ изъ мелкопомѣстныхъ.

— Говорятъ вамъ, для быстрой и скорой ходьбы, бросилъ небрежно Думашевъ.

— Не слыхалъ и я что-то о такихъ штанахъ, замѣтилъ прищурившись князь.

— И не мудрено. Вы, князь, въ Петербургѣ-то когда были? А я въ прошломъ году на себѣ испыталъ, да и не радъ былъ опыту. Иду разъ по Невскому, заглянулъ въ оконную витрину англійскаго магазина, вижу ярлыкъ „охотничьи каучуковыя панталоны-самоходы“. Меня и разобрало любопытство: дай, думаю, куплю, что̀ будетъ. Ну, и купилъ и надѣлъ, да послѣ и не чаялъ какъ снять.

— Что̀ такъ?

— Да какъ надѣлъ, объявляю магазину, что онѣ мнѣ коротки и штрипки молъ ноги поднимаютъ силой, а прикащики улыбаются и отвѣчаютъ, что такъ де и слѣдуетъ. Ну, хорошо. Только шагнулъ я изъ магазина и хотѣлъ затворить за собой дверь, а она отъ меня уже въ нѣсколькихъ саженяхъ. Не успѣю вытянуть ноги и дотронуться ступней до мостовой, а ужь другую штрипкой подхватитъ и согнетъ, хочу остановиться—никакъ не могу. Шла барыня толстая такая съ ридикюлемъ, такъ я ее голубушку въ одинъ моментъ съ ногъ срѣзалъ; вижу—плохо; хватаюсь за вывѣску чтобы задержаться,—гдѣ тамъ: вывѣска отъ овощной лавки такъ въ рукахъ у меня и осталась. Просто матъ. И что ни шагъ—несусь все быстрѣе и быстрѣе. Я просто перетрусилъ. „Городовой, кричу, держи! караулъ!“ а онъ дуракъ перекрестился, да прыгъ въ сторону. Наконецъ духъ у меня захватило, голова кружиться начала, фонари, экипажи, люди, дома, все завертѣлось и замелькало. Ну, думаю, будь что̀ будетъ, и глаза закрылъ...

— Ну, и что-же?

— Да тревогу по всѣмъ частямъ подняли и казаки, заскакавъ на перерѣзъ, ажъ у Средней рогатки перехватили. Да и то насилу справились: повалили на-земь, а ноги у меня какъ у раненой лошади: разъ, разъ—все дрыгаютъ. Ну, казаки народъ ловкій, живо штаны шашками перерѣзали, а то бы совсѣмъ себя загналъ—да и по дѣломъ, самъ виноватъ—въ штанахъ-то потомъ оказалась машинка, отпускающая штрипки, а я объ этомъ и не разспросилъ; такъ даромъ 75 рублей погибли.

Всѣ смѣются, хотя изъ приличія дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ и соболѣзнуютъ; по раскраснѣвшимся лицамъ и блестящимъ глазамъ Марея Аѳанасьевича и князя замѣтно, что и ихъ охватилъ задоръ и что выстрѣлъ не останется безъ отвѣтнаго залпа. Князь, кусая усы, задумчиво пьетъ свой портеръ, а трубка Марея Аѳанасьевича хрипло извѣщаетъ о вдохновеніи находящемъ на ея хозяина.

— Ужь если дѣло въ ногахъ, говоритъ Головнинъ тоже куря и отмахивая отъ себя дымъ ладонью, — то скорѣе на болотѣ надо хорошіе сапоги, а не штаны. А вотъ безъ собаки хуже чѣмъ безъ ногъ. У меня въ Рязанскомъ имѣніи, когда я жилъ тамъ, сразу отъ чумы три прекрасныя ружейныя собаки сдохли. Въ первое время какъ безъ руки былъ — убьешь дичь, а она такъ въ болотѣ и останется. Собаки-же взять неоткуда. Хотѣлъ совсѣмъ ружье забросить. Только что-же? Была у насъ дворовая, родила дѣвочку и черезъ годъ сама умерла. Дѣвочка осталась при дворѣ. Конечно, сиротѣ житье плохое, а тутъ еще она оказалась нѣмою, — во рту дефектъ — докторъ говорилъ полъ-нёба не хватаетъ. Какъ собаки мои подохли, ей ужь лѣтъ 10 было. Я какъ-то встрѣтилъ ее и приласкалъ. Что-же вы думаете, привязалась ко мнѣ дѣвчонка, и только я на охоту — она за мной. Я выстрѣлю—она въ кусты или въ болото и непремѣнно достанетъ и не завязнетъ, легка и ловка ужь очень. Черезъ годъ я ее такъ натаскалъ, что и дичь находить стала, инстинктъ оказался лучше чѣмъ у другаго сетера. Бывало отыщетъ дупеля и гамкнетъ какъ-то особенно по своему. Крикну: „Груша, пиль!“— бацъ и готово. Послѣ я ее замужъ отдалъ за своего егеря, такъ чтобъ и за жену, и за собаку была. А тутъ и собаку добылъ отличную; все равно въ Грушкѣ надобность миновалась. Имѣніе я потомъ продалъ, но еще на-дняхъ отъ нихъ письмо получилъ — очень счастливы — мужъ за выучку жены благодѣтелемъ называетъ.

— Со мной въ этомъ родѣ тоже случай былъ, говоритъ князь.—Въ Польшѣ товарищъ на охотѣ нечаянно у меня отличнаго легаша убилъ, такъ я жида нанялъ; прекрасно искалъ, плавалъ, подавалъ и даже на четверенкахъ бѣгалъ, каналья. Только ужь больно выстрѣла боялся. Никогда потому стойки не выдерживалъ. Разъ до того разбѣсилъ, что я ему парху зарядъ бекасиннику въ спину, и что-же—съ тѣхъ поръ я его и не видалъ: сбѣжалъ, анаѳема, вмѣстѣ съ моимъ ягдташемъ и трубкой. Да, что̀ ни говорите, человѣкъ на болотѣ не стоитъ собаки; куда-же! Знаете моего *Милорда*?

— Какже, какже, князь, собака отличная! въ одинъ голосъ закричали мелкопомѣстные.

— Я бы за нее сейчасъ 300 рублей далъ, добавилъ Головнинъ.

— Триста рублей! Да я за него трехъ тысячъ не возьму. Вы, я вижу, о *Милордѣ* понятія не имѣете: вѣдь это, батюшка, геній въ лягавой шкурѣ. Прошлой зимой я какъ-то утромъ ходилъ на куропатокъ. Возвращаюсь назадъ; знаете у рѣки подъ Богановымъ кустики. Такъ тамъ откуда ни возьмись—заяцъ. Пока ружье снялъ съ плеча, пока приложился... Понимаете—неожиданность. Бацъ! въ первый разъ въ жизни промахъ, одинъ хвостъ отлетѣлъ кверху. Я изъ другаго ствола—хвать, а ружье разряжено. Со злости кричу: „*Милордъ*, пиль!“ Песъ въ карьеръ съ мѣста: заяцъ по полю — онъ за нимъ, заяцъ по рѣкѣ—онъ за нимъ, заяцъ видитъ — плохо, да прямо въ прорубь, а *Милордъ*, не долго думая, бухъ туда-же. Подошелъ я къ проруби, а ихъ ужь нѣтъ, вижу подъ ледъ ушли. Посвисталъ, покричалъ, махнулъ рукой и пошелъ домой. Что-же вы думаете? Двѣ недѣли подъ льдомъ собака пробыла, а зайца все-таки вытащила.

— Тсссъ!..

— Каково это!

— Скажите на милость!

— Эка важность, что вашъ кобель, проживъ цѣлыя двѣ недѣли въ проруби, наконецъ зайца вытащилъ, горячо отпарировалъ Шимановскій. — А я вамъ говорю, что вашъ *Милордка* дрянной песъ, ничего особеннаго изъ себя не представляющій. Куда-же ему, напримѣръ, противъ моей *Діанки* или ея сына *Медора*, котораго я имѣлъ честь подарить великому князю и который до сихъ поръ еще здравствуетъ. Вотъ это такъ собаки, а то нашли чѣмъ похвастать! Да моя *Діана* одна на охоту ходила и при ней (даромъ что я не шевелилъ пальцемъ) за завтракомъ и обѣдомъ у меня дупеля и бекасы не переводились. На петербургской выставкѣ *Діана* получила первый призъ и объ ней тогда писали всѣ петербургскія газеты. Гречъ, Булгаринъ и Сенковскій нарочно ее смотрѣть ко мнѣ пріѣзжали. 12 лѣтъ была неплодна, а подъ старость неожиданно ощенилась всего однимъ щенкомъ и ослѣпла. На бѣду на дворѣ осень и самая охота, а я безъ собаки. Какъ быть? Я взялъ, да ей ея щенка ко лбу и привязалъ. И что-же: щенокъ глядитъ, а она тянетъ и стойку дѣлаетъ, да еще какъ! Наконецъ къ лѣту она пала, остался *Медорка* одинъ. Думаю, молодъ еще, подожду. Такъ нѣтъ, молодой-то изъ раннихъ оказался; каждое утро ружье зубами со стѣны цапъ, поднесетъ ко мнѣ, а самъ визжитъ такъ убѣдительно и меня за фалды тащитъ. Такая вамъ доложу собака выходилась, что уму помраченіе. Мнѣ за него 5 тысячъ давали, я и то не продалъ! Бывало сидимъ за обѣдомъ, а *Медоръ* голоденъ и проситъ. Я ему бросаю кость, онъ въ мигъ сгрызетъ ее и разумѣется всю морду выпачкаетъ. Я ему бросаю салфетку и кричу: „утрись,“ а онъ возьметъ ее передними лапами, вытрется какъ человѣкъ, подаетъ ее мнѣ, да и говоритъ: „утерся, Марей Аѳанасьевичъ... Не-вѣ-ро-ятно!“

Всѣ разсмѣялись. Отецъ хохоталъ до слезъ, честнѣйшій и деликатнѣйшій Карлъ Богдановичъ даже застыдился за Шимановскаго и шепнулъ мнѣ: „Wollen wir doch schlafen gehen, s'ist längst Zeit“. Но я, видя, что отцу не до меня, прямо заявилъ, что не пойду, рано молъ, да завтра къ тому-же праздникъ и уроковъ нѣтъ.

— Ну, это ужь чортъ знаетъ что̀! кричитъ Головнинъ. — Признайся, Марей Аѳанасьевичъ, что пересолилъ. Гдѣ-же видано чтобы собаки говорили!

— Прежде чѣмъ выражать сомнѣніе, да еще въ такой обидной формѣ, замѣтилъ докторальнымъ тономъ и нисколько не сконфузившись Шимановскій,—я бы рекомендовалъ тебѣ узнать въ чемъ дѣло, а потомъ уже изрекать свои вердикты. Совершенно вѣрно, что собакъ говорящихъ на свѣтѣ нѣтъ, но повторяю, что мой *Медоръ говорилъ* и что на это имѣлись весьма вѣскія основанія. Надо вамъ знать, что я и до сихъ поръ большой другъ съ профессоромъ Пироговымъ. А лѣтъ 8 назадъ я въ Петербургѣ даже останавливался у него и прожилъ мѣсяца два вмѣстѣ съ собакой и насилу онъ насъ домой отпустилъ. Вижу, *Медоръ* отъ бездѣлія жирѣть сталъ, я и посадилъ его на голодную порцію *Замѣтьте себѣ это.* Только однажды, когда мы сидѣли за чаемъ, я и говорю Пирогову: „Николай Ивановичъ, сколько лѣтъ мы друзья, а я все еще не

видѣлъ твоего искусства, которому весь міръ удивляется.“ Пироговъ былъ въ это утро свободенъ и въ духѣ: „Изволь, говоритъ, покажу. Эй, позвать дворника!“ Является дворникъ. Пироговъ подводитъ его прямо къ операціонному столу и безъ дальнѣйшаго говоритъ: „раздѣвайся и ложись“. Ну, дворникъ знаетъ, что это не кто-нибудь, а самъ Пироговъ: не долго думая онъ раздѣлся, перекрестился и легъ. Николай Ивановичъ поднесъ ему къ носу какой-то пузырекъ, ну тотъ и замеръ. Тогда Пироговъ взялъ ножъ и однимъ ударомъ распласталъ ему грудь и животъ. Потомъ вынулъ сердце и держитъ его на ладони, а оно такъ и бьется, такъ и бьется какъ пискарь, мнѣ даже страшно стало. „Ничего, говоритъ,—Моря, не бойся, все это хотя и премудро, но совершенно просто. А вотъ я тебѣ сейчасъ и легкіе покажу, только верхніе покровы подрѣжу“. Положилъ онъ это сердце на столъ и взялся за ножъ. Потомъ, повозившись съ полчаса и объяснивъ мнѣ все: „теперь, говоритъ, довольно, а то апоплексія случиться можетъ. Однако, что за притча, куда я положилъ сердце?!“ Я тоже смотрю; на столѣ капли крови мѣсто указываютъ, а сердца нѣтъ. Мы подъ столъ—нѣтъ, мы подъ стулья—и тамъ нѣтъ. Анъ глядь, тутъ же *Медоръ* вертится, облизывается и рыло въ крови. Выпрямились мы оба, сразу искать перестали, смотримъ другъ на друга и поблѣднѣли оба какъ бумага. „Ну, говоритъ Пироговъ, простись съ собакой, иначе душу погубимъ“. Вѣрите-ли, я даже обрадовался, отъ сердца отлегло, хоть исходъ есть. Дали собакѣ тоже понюхать и она замерла. Положили затѣмъ ее на другой столъ. Однако я не могъ смотрѣть и вышелъ. Что дѣлалъ безъ меня Пироговъ—не знаю, только когда я вернулся, гляжу, онъ дошиваетъ дворника, а фельдшеръ—*Медорку*. Потомъ помазалъ онъ чѣмъ-то обоимъ грудь, такъ что и шва не стало видно и лежатъ какъ нерѣзанные. Далъ затѣмъ что-то обоимъ понюхать. Какъ вскочатъ оба сразу словно по командѣ: *Медорка* подъ столъ, а дворникъ на стулъ сѣлъ, а у самого глаза дикіе и злые, волосы дыбомъ. „Ну, дружокъ, какъ себя чувствуешь?“ спрашиваетъ его Николай Ивановичъ. А онъ вдругъ какъ собака—рррррръ!.. „Ну, ладно, ступай на мѣсто къ воротамъ!“ Тутъ дворникъ совсѣмъ ощетинился, да вдругъ какъ залаетъ: гамъ, гамъ, гамъ, гамъ... а самъ сорвался со стула, да въ двери. А *Медорка* съ тѣхъ поръ говорить началъ. Не-вѣ-ро-ятно!

— Тфу, чортъ возьми! кричитъ въ восторгѣ Головнинъ.

— Famo-os! шепчетъ Карлъ Богдановичъ.

— Искушеніе! восклицаетъ среди всеобщаго хохота мать Паисія.

III.

Прошло лѣтъ десять. Въ концѣ 186... года нашъ полкъ возвращался въ Петербургъ изъ бывшаго Царства Польскаго. Послѣ смотра я взялъ отпускъ на 28 дней и пріѣхалъ къ отцу въ деревню. Была скверная осень, дождь лилъ не переставая, на дворѣ грязь, слякоть. Отецъ оставался въ деревнѣ одинъ. За обѣдомъ стали вспоминать старое.

— Да, много воды утекло съ тѣхъ поръ какъ ты не былъ дома, началъ онъ.—Много сосѣдей умерло, а многіе не вынесли эмансипаціи и разорились. Помнишь нашихъ вралей? И тѣхъ тоже коснулось время. Псарни повывелись, да и ружейная охота стала какъ-то сокращаться. Лѣса повырубили, земля дороже стала, болота сушатъ и косятъ, ну и охотиться и врать стали меньше, не до того теперь. Къ тому же, Головнинъ умеръ, а надъ остальными тремя много горькихъ событій разразилось.

— Ну, а самый послѣдній изъ Могикановъ этого рода?—какъ поживаетъ нашъ сосѣдъ, милѣйшій Марей Аѳанасьевичъ?

— Бѣдный Шимановскій тоже повидимому сходитъ съ поприща. Онъ боленъ и кажется опасно, хотя и бравируетъ. Пользующій его Воздвиженскій говорилъ мнѣ на-дняхъ, что у него ракъ въ печени и что онъ больше на свѣтѣ не жилецъ. Весьма сожалѣю, что „Marie“ прекратила знакомство съ ними, находя близкое знакомство Наташи и Нади съ неблаговоспитанными дочерьми Шимановскихъ для твоихъ сестеръ вреднымъ. Понятно, что и мои посѣщенія стали послѣ того неудобными. Ты—дѣло другое. Врядъ-ли на тебѣ отзовется вредно общество Анны Антоновны и ея дочерей; къ тому-же, ты еще и въ кавалеріи не служилъ, а ужь гувернантки постоянно восклицали по твоему адресу: „Aber was haben Sie für Cavalerie-Manieren!“ помнишь! Значитъ этотъ casus belli для тебя не существуетъ; съ другой стороны, не перессориться-же тебѣ со всѣми здорово живешь. Я бы на твоемъ мѣстѣ съѣздилъ навѣстить Шимановскаго, тѣмъ болѣе, что старикъ онъ въ сущности добрый, очень любилъ тебя и до сихъ поръ всегда спрашиваетъ о тебѣ при нашихъ встрѣчахъ у Бобриковыхъ.

На другой день, послѣ ранняго обѣда я надѣлъ мундиръ и сѣлъ въ крытый экипажъ. Надо было спуститься съ крутой горы, переѣхать мостъ и поднявшись на другую гору взять влѣво и прямо упереться въ садъ Шимановскихъ, усадьба коихъ отъ насъ видна какъ на ладони. Знакомый съ дѣтства садъ, расположенный по скату внизъ, наводилъ теперь грусть своимъ одичалымъ видомъ. Надо сказать, что имѣніе Шимановскихъ и наше когда-то составляли одно обширное цѣлое и принадлежали бабкѣ одного изъ знаменитыхъ русскихъ поэтовъ. Послѣ ея смерти третья часть имѣнія съ усадьбой досталась по наслѣдству ея племянницѣ, а отъ той по родству оно перешло къ женѣ Шимановскаго. Покойный писатель гащивалъ не разъ и подолгу въ этомъ старинномъ домѣ и здѣсь — въ этомъ саду есть посаженная имъ липа. Мой дядька Михайла, ходившій за мной въ дѣтствѣ—его крестникъ. Я очень дорожилъ всѣми этими воспоминаніями и теперь мнѣ было больно смотрѣть на эту полуразвалившуюся ригу, на этотъ осѣвшій садовый валъ, прикрываемый порѣдѣвшимъ рядомъ акацій и кое-гдѣ подваленный соломой, съ десятками дорожекъ черезъ него, протоптанныхъ деревенскими любителями ягодъ, грушъ и яблокъ. Съ грустью взглянулъ я и на проржавѣвшую крышу обширнаго дома, на его углы почернѣвшіе и загнившіе отъ затекавшей за обшивку воды, на покосившіяся и облупленныя рамы, стекла коихъ уже выгорѣли и покрылись непроницаемымъ перламутровымъ налетомъ. Три гончія, худыя какъ скелеты, затявкали на дворѣ вѣроятно отъ изумленія; двѣ борзыя, подбѣжавшія къ крыльцу изъ любопытства, низко опустивъ мокрыя острыя морды, тупо глядѣли на меня, виляя хвостами. На простомъ, украшенномъ облѣзшими колонками, крыльцѣ стояла сплошная лужа. Я вошелъ въ почти темную сырую переднюю. Не успѣлъ я снять пальто—за мной хлопнула дверь и послышался рѣзкій женскій окрикъ: „Когда-же ты, дрянь этакая, шляться перестанешь; вотъ тебѣ мамаша задастъ! Сейчасъ вылей тазъ изъ залы!..“ Я быстро обернулся; предо мной стояла дѣвушка лѣтъ 22. „Здравствуйте, M-lle Ольга“, сказалъ я узнавъ въ ней среднюю дочь хозяевъ. Но искаженное досадой, впрочемъ красивое личико выразило не то удивленіе, не то испугъ. Рука дѣвушки машинально скользнула по голой шеѣ и грязной разстегнутой кофтѣ. Вмѣсто отвѣта на привѣтствіе, барышня ахнула и стремительно бросилась въ боковую дверь. По старой памяти я безъ указанія вошелъ въ среднія двери и, очутившись въ залѣ, вздохнулъ невольно. Старыя шерстяныя гардины сдѣлались ажурными отъ моли и получили фестоны отъ времени. Пестро, сѣро и грязно выглядывали порванныя и изъѣденныя мышами обои, кое-гдѣ заплатанныя когда-то бѣлой бумагой. Сумрачно и какъ-бы растерянно смотрѣли въ комнату потускнѣвшіе портреты барынь въ фижмахъ и съ бѣлыми руками въ кольцахъ какъ-бы напоказъ, въ перемежку съ изображеніями кавалеровъ при орденахъ, въ парикахъ, въ красныхъ, желтыхъ и синихъ лацканахъ. Одному только Іосифу Понятовскому повидимому было все равно. Съ саблей на-голо, въ контушѣ и конфедераткѣ, отчаянно поднявъ бѣлаго (хотя теперь и запылившагося) коня на дыбы, заставлялъ онъ его ринуться въ волны Эльстера. Въ углу все еще стоялъ знакомый и уже при мнѣ старый рояль, на немъ валялась куча рваныхъ нотъ и пыльныхъ старыхъ газетъ, и тутъ-же тарелка съ мочеными яблоками. А посреди залы цѣлый рядъ подноровъ и тазы, въ которые частыми крупными каплями падала съ грозно нависшаго потолка, шлепая и пузырясь, грязная вода.

Вошла Анна Антоновна, на ходу поправляя только что накинутую на себя значительно порыжѣлую шаль. Взглядъ ея всегда мало привѣтливыхъ глазъ сталъ какъ-бы еще жестче, тѣмъ не менѣе мы сердечно поздоровались.

— Пойдемте, пойдемте къ Марею Аѳанасьевичу, онъ очень ждетъ васъ, заторопилась она.

Въ кабинетѣ, на постели приготовленной на кожаномъ диванѣ, подъ стеганымъ шерстянымъ одѣяломъ, лежалъ больной. Шимановскій сильно осунулся и постарѣлъ. Потерявшій зубы ротъ съ его красными деснами выглядывалъ какъ-то криво и уже черезчуръ мясисто. Зачесываемые обыкновенно на лысину, теперь уже послѣдніе волосы висѣли гривой, закрывая правое ухо. При моемъ входѣ онъ старался пригладиться и привсталъ на локтѣ.

— Здравствуй, здравствуй, молодой волка! Вотъ такъ спасибо! спасибо, братъ, что не забылъ старыхъ друзей. Постой, сперва поцѣлуемся. Ну, а теперь дай посмотрѣть на себя.— *Трезоръ*, не лѣзь! кушъ, животное! на мѣсто! — Молодецъ, право молодецъ! хоть куда. Что-же много бѣдъ и побѣдъ совершилъ?! Ну, не отпирайся. Польки вашего брата вѣдь на рукахъ носятъ. Выучилъ небось пѣсню: „Ułany, ułany, malowane dzieci!“ Небось по-польски говоришь лучше меня, не даромъ-же изъ университета да на войну попалъ.

— Конечно, конечно, языкъ хорошъ, *оттого* только ему и выучился.

— Еще-бы не хорошъ. Каждый языкъ будетъ хорошъ если ему паненки учить станутъ. Знаемъ мы васъ, сами такими-же были. Бывало какъ... Ой, батюшки, что-то рѣжетъ!.. Ой, эта печень проклятая!.. О-охъ...

— Марей Аѳанасьевичъ, не говори такъ много—тебѣ вредно, замѣчаетъ жена.

Шимановскій примолкъ и закрылъ глаза. Я сидѣлъ на старинномъ кожаномъ стулѣ рядомъ съ его изголовьемъ и молча глядѣлъ на стѣны со знакомыми мнѣ ружьями, ягдташами, рогами и арапниками; на старика *Трезора*, издали (съ мѣста) вилявшаго мнѣ хвостомъ; на старинные часы, по старому проигравшіе четверть; на угрюмаго усатаго пана, важно висѣвшаго въ полинялой золотой рамѣ въ контушѣ и съ маршальскимъ жезломъ и приходившагося Шимановскому двоюроднымъ дѣдомъ; на горку съ трубками покрытую теперь вмѣсто кисеи цѣлой тканью паутины...

— Скверно, братъ, болѣть, а главное наши уѣздные коновалы отъ пустяка вылѣчить не могутъ... Что отецъ? небось старикъ куда какъ обрадовался! Поцѣлуй его отъ меня за то что не передаетъ дрязгъ въ потомство. Не смотря на наши отношенія, всегда скажу — золотое у него сердце и благороднѣйшая душа. Да, мало насъ старыхъ осталось. Головнина помнишь? Отличный былъ человѣкъ; правда приврать любилъ. Самъ я вратъ не горазд, по ему извиняю охотно, ибо вралъ онъ и умно и прилично. Нынче и врать-то не умѣютъ—все либо сально, либо обидно и глупо. И померъ-то онъ ужъ очень странно, а главное отъ чистѣйшаго пустяка. Представь себѣ: на охотѣ напился не черезъ платокъ, а прямо изъ лужи. Недѣли три спустя стало его тошнить. Съѣстъ или выпьетъ — тошнитъ, слово скажетъ—тошнитъ, чихнетъ — тошнитъ. Скелетомъ сталъ — а коновалы все деньги дерутъ и пичкаютъ его ничего не понимая. Только у него на счастіе тетка въ Рязанской губерніи была и отписала она къ его сестрѣ Прасковьѣ Ивановнѣ (помнишь — у него жила), чтобы та непремѣнно его сейчасъ же привезла къ ней лѣчить у извѣстнаго всей ихъ губерніи мужика-знахаря. Ну, повезли и еле выволокли живаго. Пришелъ, осмотрѣлъ, ощупалъ знахарь, заварилъ какой-то травки и далъ выпить. „Теперь, говоритъ, скорѣе изъ дому въ садъ на коврѣ выносите.“ Вынесли, а тамъ уже люди дожидаются. Какъ стали его подбрасывать подъ самыя макушки деревьевъ, а внутри у него словно кавалерійская дивизія церемоніальнымъ маршемъ проходитъ. Какъ пошли у него жабы изо рта выскакивать. Вначалѣ крошечныя, а потомъ одна другой больше. „Я, говорилъ онъ мнѣ потомъ, кричу: *не качайте, глаза вонъ лѣзутъ!* а они все пуще. Я съ ужаса и боли за вѣтку ухватился и повисъ, насилу отдышался и слѣзъ, а знахарь и говоритъ:— „Эхъ, баринъ, загубилъ ты себя—еще минутку помаялся бы и „ихъ бы набольшій вылѣзъ. А то, смотри, я цѣлую мѣрку гадовъ вытрясъ,—другіе фунта по два есть, а набольшій все „еще въ тебѣ. Это они у тебя завелись съ яичекъ отъ болотной воды.““—„Чортъ съ тобой и съ набольшимъ, говоритъ Иванъ Ивановичъ. Слава Богу что живъ остался послѣ такой встряски — везите домой скорѣе.“ Ну, пріѣхалъ — что же ты думаешь — тошнить перестало и вообще поправляться сталъ, только въ животѣ изрѣдка словно кто бревно переворачиваетъ. Думали просто отъ слабости, анъ предсказаніе знахаря сбылось таки. Вдругъ разъ ночью слышатъ изъ спальни ужасный крикъ; сестра и люди сбѣжались, анъ глядь, Иванъ Ивановичъ и руками и ногами швыряетъ, всю постель разметалъ, а изъ открытаго рта у него торчитъ огромная пасть, въ родѣ какъ крокодиловая, и зубами на всѣхъ щелкаетъ. Люди заробѣли. Имъ бы чѣмъ-нибудь прихватить и къ себѣ потянуть гадину, а они за докторомъ. Разумѣется, Иванъ Ивановичъ черезъ пять минутъ задохся, а жабища свое дѣло сдѣлала и затѣмъ скрылась — внутрю ушла. Не-вѣро-ятно!

Князь Николай Черногорскій.

— Будетъ врать, Марей Аѳанасьевичъ, мягко усовѣщеваетъ Анна Антоновна. —Ты вѣдь во время болѣзни его и не видалъ. Просто простудился человѣкъ на охотѣ, отъ того и скончался. Никакихъ крокодиловъ не было, все бабьи сказки, да твои прибавки.

— Перестань выдумывать, спорщица! раздражительно говоритъ Шимановскій;—десять свидѣтелей было и всѣ живы, а ты увѣряешь что я вру! Пора, матушка, съ меня опеку снять.

Вошли барышни. М-lle Ольга успѣла перечесать волосы и надѣть, простенькое но свѣжее платьице и розовую ленточку на шею. Двѣ остальныя вкололи себѣ по бантику въ прическу. Мы быстро возобновили знакомство. Чай накрыли въ кабинетѣ; подали сливки, моченые яблоки, ветчину, лепешки, масло, черный хлѣбъ, варенье... Однимъ словомъ все что было въ домѣ съѣстнаго. Шимановскій потребовалъ рому будто для дорогаго гостя. Принесли въ графинчикѣ остатки, которые онъ, опираясь на мой отказъ, и допилъ самъ, не смотря на протестъ жены. Послѣ чая Анна Антоновна мигнула дочерямъ. Старшая, некрасивая дѣвица лѣтъ 30-ти осталась здѣсь и жгла папиросу за папиросой. Двѣ же младшихъ вышли и затѣмъ оказались въ залѣ. Одна необработаннымъ, но свѣжимъ голоскомъ пѣла романсъ Рылѣева „Не слышно шуму городскаго“, другая акомпанировала на разстроенномъ инструментѣ.

Выпивъ грогу, Шимановскій сдѣлался очень веселъ. Онъ сбросилъ одѣяло, и лежа на спинѣ подъ одной простыней и держа въ колѣняхъ трубку, курилъ, что называется, въ засосъ.

— Вотъ что, мой юный другъ!... Дней этакъ черезъ пять, много черезъ недѣлю, я отдамъ тебѣ визитъ. Пожалуйста, Анна Антоновна, не пожимай плечами, тебя не спрошусь и непремѣнно пріѣду въ „Каменный Верхъ“. Плевать мнѣ на ваши бабьи счеты. Ну-съ, а затѣмъ, какъ сосѣдъ себѣ хочетъ, а я приглашаю тебя на охоту, притомъ на охоту въ нашихъ степныхъ мѣстахъ никогда не бывалую; представь себѣ: на зубровую охоту. Не вѣришь?! Не вѣрь на здоровье, а я тебѣ скажу по секрету, что къ намъ изъ Бѣловѣжской пущи, вѣрно черезъ минскіе лѣса и смоленскую казенную засѣку (верстъ за

Памятникъ Христофору Колумбу въ Барселонѣ. По рис. архитектора Бохигаса и Монрабе, грав. Флюгель

1.500 минимумъ) забѣжалъ зубръ, и знаешь-ли гдѣ онъ теперь скрывается: у васъ во Ржавцѣ (пашъ лѣсъ десятинъ во 150 не больше) — въ чащѣ у болота... Отецъ твой, конечно, не знаетъ, да и гдѣ ему — онъ не охотникъ, а мнѣ сейчасъ-же донесли... (Анна Антоновна въ глубокомъ изумленіи всплескиваетъ руками). Гончихъ у меня теперь меньше, всего штукъ 25, за то, братъ, отборныя. Облаву тоже какъ слѣдуетъ соорудимъ—мальчишкамъ придется дать по пятіалтынному — это, конечно, пустяки—дадимъ; а трещотки вы, Анна Антоновна, извольте заказать заблаговременно столяру Антипкѣ, онъ знаетъ какъ ихъ дѣлать. Пусть къ Покрову сдѣлаетъ штукъ этакъ съ 50. Слышите!

— Да помилуй, Антипъ давнымъ-давно умеръ...

— Ну, такъ Ивану, не одинъ-же у насъ столяръ!

— Да что съ тобой, Марей Аѳанасьевичъ, ты, кажется, бредить начинаешь, или ты забылъ, что Иванъ, послѣ воли, уже съ годъ, какъ ушелъ отъ насъ въ городъ?!

— Тфу, чортъ возьми! слова сказать не дастъ. Я говорю тебѣ, чтобы было и баста. Не женись, братецъ, послушай меня, старика,—мученикомъ станешь. Умереть спокойно и то не дадутъ! О—ой!..

Я старался успокоить и примирить обѣ стороны, и затѣмъ, ссылаясь на темноту, сталъ собираться домой.

Прошло съ недѣлю. Получаю записочку отъ Анны Антоновны. „Марею Аѳанасьевичу очень плохо, онъ желаетъ васъ видѣть — не откажите *трудно*-больному“.

Отецъ тоже собрался и пріѣхалъ со мной. Больной сильно обрадовался и потянулся обнимать обоихъ, но сейчасъ, затѣмъ, упалъ въ изнеможеніи на подушки. Измѣнился онъ за недѣлю такъ, что я едва узналъ его.

— Сосѣдъ! другъ! началъ онъ слабымъ голосомъ, тяжело дыша и все чаще и чаще переводя духъ.—Спасибо, что пріѣхалъ. Коли виноватъ въ чемъ, прости... Конечно, виноватъ... Передъ всѣми виноватъ... Жизнь провелъ скверно... бражничалъ, сабашничалъ, вралъ, болтался зря... Хозяйство забросилъ... порскалъ, рыскалъ... все прожилъ на пустяки... Жену разорилъ и образованія не далъ ни дочерямъ, ни сыну... пойдутъ по-міру всѣ... мебель, все движимое уже описано... Прости для Бога... и Марьѣ Андреевнѣ скажи — я не судья, кто правъ, и у ней прощенія прошу... Коли сможешь и случай представится — сиротамъ, женѣ помоги совѣтомъ и дѣломъ... О—охъ, не могу больше!!... А тебѣ урокъ... (обратился онъ ко мнѣ отдохнувъ) съ отца примѣръ бери, а не съ н...

— Я, сосѣдъ, началъ онъ снова, — вчера присоединился къ православію, а сегодня исповѣдался и пріобщался... Коли и этимъ согрѣшилъ, не моя тутъ вина. У насъ-католиковъ нетерпимость недобрая... Въ синагогу къ жидамъ ходить можно, а въ русскую церковь нельзя... Гдѣ же я тутъ костелъ и ксендза возьму?!. Не умирать же какъ собакѣ, когда въ Бога вѣруешь!.. Да я вѣдь и по женѣ, и по дѣтямъ, и по сердцу русскій... Да, русскій... русскій... Мы всѣ вѣдь братья... а Богъ одинъ и вездѣ: и у насъ, и у васъ... Да, вездѣ Богъ!.. Онъ проститъ стараго грѣшника... и вввалял... вррраля... тоже проститъ... Анютѣ, дѣтямъ поможетъ... проститъ... да, проститъ... да... Прощай, сосѣдъ!.. Аня!.. Дѣти!.. Сынъ гдѣ?!. Ой, душно!.. жжетъ!.. Ой, Боже мой!!!

Шимановскій сталъ метаться и впалъ въ забытье; отецъ поцѣловалъ его въ лобъ, причемъ двѣ крупныя слезы скатились ему на усы...

Въ ночь Марей Аѳанасьевичъ скончался. День для его похоронъ какъ нарочно выдался солнечный и теплый. Даже дорога подсохла. Мы шли пѣшкомъ вплоть до сельской церкви, въ оградѣ коей ждала усопшаго разверстая могила. Покойника несли на рукахъ, а осеннее солнце мягко и одинаково ласково освѣщало: и простой неуклюжій гробъ, и заплаканныя лица провожавшихъ его сиротъ, и кучку любопытныхъ крестьянъ, и ветхія черныя ризы сельскаго духовенства...

Къ рисункамъ.

Хуторокъ зимою. (Рис. на стр. 33).

Морозитъ. Снѣгъ хруститъ. Туманы надъ полями.
Изъ хижинъ ранній дымъ разносится клубами
Въ янтарномъ заревѣ пылающихъ небесъ.
Въ раздумьи глядитъ на обнаженный лѣсъ,
На домы, крытые ковромъ младаго снѣга,
На зеркало рѣки, застынувшей у брега,
Свѣтила дневнаго кровавое ядро.
Отливомъ пурпурнымъ блеститъ снѣговъ сребро;
Иглистымъ инеемъ, какъ будто пухомъ бѣлымъ,
Унизана кора по вѣтвямъ помертвѣлымъ.

(А. Н. Майковъ).

Іордань въ Малороссіи. (Рис. на стр. 36).

Въ малороссійскихъ губерніяхъ водоосвященіе въ день Богоявленія Господня, 6 января, отличается особенностями, которыя сразу бросаются въ глаза на прилагаемомъ рисункѣ. Въ селеніи имѣющемъ храмъ, собираются въ церкви какъ мѣстные жители, такъ и большая часть населенія окрестныхъ хуторовъ, причемъ по домамъ остаются развѣ старые да больные. Пока совершается богослуженіе во храмѣ, нѣсколько крестьянъ, выбравъ удобное для водосвятія мѣсто на рѣкѣ, вырубаютъ изо льда крестъ, который и ставятъ въ изголовье другаго креста, вырубленнаго на поверхности льда, но не насквозь, а съ оставленіемъ тонкаго слоя чтобъ не пропустить воды. Во время же самаго водосвятія, ударомъ топора пробивается отверстіе и вся пустота креста наполняется водою.

Виды Гатчины. (Рис. на стр. 37).

Гатчина, небольшой безуѣздный городъ С.-Петербургской губерніи, занимаетъ весьма видное положеніе въ числѣ пригородныхъ дачныхъ мѣстностей нашей сѣверной столицы. Въ послѣдніе годы значеніе Гатчины еще болѣе возрасло, такъ какъ она служитъ постоянною зимнею резиденціею Августѣйшему Семейству Государя Императора, и по самому расположенію своему на пересѣченіи двухъ желѣзно-дорожныхъ путей (С.-Петербурго-Варшавской и Балтійской желѣзной дороги) представляетъ большія удобства для сообщенія со столицей. Гатчина лежитъ въ мѣстности плоской и чрезвычайно лѣсистой; но искусство, издавна начавшее видоизмѣнять и обрабатывать мѣстную природу, съумѣло внести въ нее много своеобразной красоты и привлекательности. Первоначально, когда русскія войска, при Петрѣ Великомъ, заняли Ингерманландію, Гатчина была бѣдною и простою мызою, которую Петръ подарилъ любимой сестрѣ своей, Натальѣ Алексѣевнѣ. По смерти царевны Натальи, мыза перешла въ дворцовое вѣдомство и была подарена Екатериною II князю Григорію Орлову, который и принялся дѣятельно за украшеніе своего помѣстья. Онъ приказалъ запрудить небольшой притокъ рѣки Ижоры, протекающей въ 4-хъ верстахъ отъ города, и при помощи этой запруды образовалъ два озера, *Бѣлое и Черное*, прилегающія къ городу съ южной стороны. Затѣмъ, по плану итальянскаго архитектора Ринальди, графъ построилъ, при верховьяхъ р. Ижоры, великолѣпный дворецъ и разбилъ обширный паркъ въ англійскомъ вкусѣ (1770 г.). Благодаря этимъ сооруженіямъ, Гатчина пріобрѣла такую привлекательность, что императрица Екатерина II купила Гатчину у Орлова и подарила ее сыну своему, цесаревичу Павлу Петровичу. Павелъ поселился въ Гатчинѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ нея въ столицу, и такъ полюбилъ свою резиденцію, что сталъ еще болѣе, чѣмъ графъ Орловъ, прилагать заботъ къ ея украшенію. Въ паркѣ предпринятъ былъ цѣлый рядъ работъ, по рисункамъ и планамъ современныхъ первоклассныхъ художниковъ, вырыты новыя озера и пруды, проведены между ними протоки, насыпаны холмы и островки, перекинуты на водахъ изящные мостики. Самая отдаленная и глухая часть парка украсилась новымъ и весьма характернымъ зданіемъ *пріората*, въ которомъ происходили засѣданія мальтійскихъ рыцарей, въ предсѣдательствѣ императора Павла I, принявшаго титулъ великаго магистра ордена (1798 г.). Противъ самаго дворца, со стороны двора, выстроены были казармы для любимаго полка императора — для Гатчинскихъ кирасиръ. Самый дворецъ былъ расширенъ и украшенъ, а церковь дворцовая обогатилась мощами, которыя были въ XIV вѣкѣ вывезены однимъ изъ мальтійскихъ патеровъ на островъ Мальту съ острова Родоса. Императрица Марія Ѳеодоровна озаботилась учрежденіемъ въ Гатчинѣ благотворительнаго сиротскаго института и при немъ женскаго пансіона. Послѣ смерти императора Павла I, Гатчина была на нѣкоторое время заброшена и служила только мѣстностью для царскихъ охотъ. Въ самой Гатчинѣ заведенъ былъ обширный охотничій дворъ и при немъ егерская слободка; сюда, зимою и осенью, часто наѣзжалъ покойный императоръ Александръ II для охоты и отдыха отъ государственныхъ заботъ и трудовъ. На нѣкоторое время, Гатчина сдѣлалась любимою дачною мѣстностью петербуржцевъ, и, вслѣдствіе этого, чрезвычайно красиво обстроилась на окраинахъ, ближе къ линіи желѣзной дороги; въ послѣднее время дачники отхлынули въ окрестности Гатчины. Въ заключеніе нашей замѣтки припомнимъ, что озера и рѣчки кругомъ Гатчины славятся особою, мелкою и чрезвычайно вкусною породою форелей, которыя, подъ названіемъ гатчинской, составляютъ лакомое блюдо петербургскихъ гастрономовъ.

„Этюдъ“, Чумакова. (Рис. на стр. 41).

Въ прошломъ году мы уже познакомили читателей съ талантливымъ русскимъ художникомъ, Ѳ. П. Чумаковымъ, постоянно живущимъ въ Парижѣ и стяжавшимъ себѣ у французовъ прозваніе „русскаго Грёза“. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ, осенью 1888 года, мы пріобрѣли еще нѣсколько его прелестныхъ женскихъ головокъ, одну изъ которыхъ и помѣщаемъ въ нынѣшнемъ №.

Колумбъ на совѣтѣ саламанкскихъ ученыхъ.

(Рис. на стр. 44 и 45).

Въ одной изъ глухихъ улицъ на окраинѣ Саламанки, въ то время — по календарю считался 1486 годъ — богатаго и много-

людного города, въ тѣсной коморкѣ, за столомъ покрытымъ картами и фоліантами, въ глубокой задумчивости сидѣлъ не старый еще человѣкъ, склонивъ голову на руку и глядя въ пустое пространство тѣмъ особеннымъ неподвижнымъ взглядомъ, что свойственъ людямъ упорно и постоянно преслѣдующимъ одну и ту же мысль.

Онъ былъ еще молодъ, но загорѣлое, обвѣтренное лицо его и глубокія морщины, прорѣзавшія высокое чело, придавали ему видъ старше чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ и свидѣтельствовали о тѣлесныхъ трудахъ, лишеніяхъ и той неутомимой дѣятельности духа, которая подтачиваетъ тѣло. У ногъ его шестилѣтній мальчикъ возился съ моделью корабля, а ближе къ единственному окну комнаты молодая женщина старательно чистила мужнино верхнее платье изъ черпаго бархата, что не мѣшало ей по временамъ бросать на мужа взгляды, исполненные любви и заботы. Вдругъ она прислушалась къ отдаленному бою башенныхъ часовъ. Осторожно повѣсила она платье на стулъ, подошла къ мужу и положила ему руку на плечо.

— Христофоро! мягко проговорила она на родномъ италіанскомъ нарѣчіи.—Христофоро, пора!

Мужъ ея посмотрѣлъ на нее точно очнувшись отъ сна.

— Ахъ, это ты, Фелипа, сказалъ онъ, обвивая ее рукой,— что тебѣ, дорогая?

— Пора идти, Христофоро. Черезъ полчаса соберется совѣтъ.

— И рѣшитъ нашу участь — мою, твою и нашего ребенка, сказалъ Христофоръ Колумбъ, вставая изъ-за стола во весь величественный ростъ свой.—Здѣсь, въ этомъ городѣ, гдѣ мудрость и ученость свили себѣ прочное гнѣздо, я ужь не изведаю новыхъ разочарованій; здѣсь поймутъ какой неисчерпаемый источникъ богатствъ и могущества открываю я странѣ, пролагая ей путь въ дальнія области Восточной Азіи, которыхъ самое существованіе до сихъ поръ считается баснословнымъ. Люди науки замолвятъ за меня слово предъ его величествомъ; я уже вижу себя въ открытомъ морѣ стремящимся къ желанной цѣли и затѣмъ возвращающимся со славою и сокровищами, которыя вознаградятъ мою Фелипу за все что она вынесла и претерпѣла со мною.

— На это не нужно никакихъ сокровищъ, улыбнулась молодая женщина,—мнѣ довольно твоей любви, а тебѣ я желаю славы, которой жаждетъ твое сердце. Ну, теперь ступай, прибавила она подавая ему короткій плащъ,—ступай и да помогутъ тебѣ Господь и всѣ Его святые!

Колумбъ захватилъ нѣсколько бумагъ, спряталъ въ складкахъ платья и вышелъ на улицу.

Гордыя надежды волновали его грудь въ то время какъ онъ подходилъ къ дворцу, въ которомъ ученые и доктора саламанкскаго университета должны были изслѣдовать предложенія Колумба королю Кастильскому: отыскать баснословныя страны Востока и утвердить въ нихъ его королевскую власть. Цѣлые годы мечталъ опытный морякъ о возможности достигнуть Индіи океанскимъ путемъ съ востока на западъ, преслѣдуя эту мысль съ настойчивостью непоколебимаго убѣжденія, и до сихъ поръ нигдѣ еще не находилъ ни вѣры въ его великую, преобразующую міръ идею, ни поддержки своимъ планамъ. Но сегодня ему навѣрно удастся убѣдить своихъ судей, подсказывало ему сердце,—сегодня онъ побѣдитъ!

И вотъ, окрыленный этою надеждой, вдохновляясь великою идеей, онъ излагаетъ предъ учеными свой планъ, подтверждая подробности всѣмъ что добыто его собственнымъ и чужимъ опытомъ. Напрасно. Слова его не вызываютъ ни радостнаго изумленія, ни даже сколько-нибудь осмысленнаго вопроса. Безмолвное вниманіе, съ которымъ слушали его въ началѣ его рѣчи, вскорѣ смѣнилось какимъ-то тревожнымъ шепотомъ, который возвратилъ пламеннаго оратора къ уничтожающей дѣйствительности.

Оглядѣвшись вокругъ себя, онъ увидѣлъ что лишь немногіе изъ присутствовавшихъ наполовину серьезно, наполовину недовѣрчиво провѣряли представленные имъ чертежи и карты, на которыхъ онъ основывалъ свои надежды. Большая часть ученыхъ судей удалились, другіе слѣдовали ихъ примѣру съ улыбкой состраданія или насмѣшки на губахъ, а вокругъ Колумба и позади его звучали насмѣшливые голоса, клеймившіе его идею ужаснымъ названіемъ бредни полоумнаго.

Кровь жаркою волной хлынула ему въ голову и къ сердцу, онъ судорожно стиснулъ кулаки и мрачно уставилъ неподвижный взглядъ въ пространство, чтобы не видѣть злополучныхъ, смѣявшихся надъ его вдохновеніемъ, и не поддаться соблазну отмщенія.

И въ то время какъ онъ съ такимъ тяжкимъ трудомъ возстановлялъ самообладаніе, предъ мысленнымъ окомъ его, подобно фата-морганѣ, возставала обѣтованная страна его стремленій. Гостепріимный берегъ во всемъ блескѣ невиданной роскошной растительности, улыбался ему въ лучахъ утренней зари и говорилъ ему: „надѣйся, не колеблясь въ вѣрѣ, и ты достигнешь меня.“ Дѣйствительность снова исчезла; ядовитая насмѣшка и лицемѣрныя соболѣзнованія уже не оскорбляли его слуха, не доходили до сердца; онъ жилъ въ своемъ мірѣ, и когда наконецъ пробудился отъ своего ясновидѣнія, увидѣвъ что онъ остался одинъ въ громадной залѣ, онъ гордо выпрямился какъ побѣдитель и вышелъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, въ непреклонной надеждѣ, что мечта его сбудется.

И надежда эта не обманула его! Великодушная женщина, королева Изабелла Кастильская, помогла ему исполнить великое дѣло въ то время, когда онъ, измученный неудачами, готовился уже взять въ руки посохъ странника и въ другихъ предѣлахъ искать сторонниковъ своей идеи.

3 августа 1492 года отплылъ Колумбъ изъ гавани Палосъ адмираломъ небольшой и скудно снаряженной эскадры, а когда, два мѣсяца спустя, 14 октября взошло надъ моремъ солнце, оно освѣтило Новый Свѣтъ, грезившійся нѣкогда лишь въ мечтахъ. Вмѣсто западнаго пути въ Индію — открыта была цѣлая часть свѣта—нынѣшняя Америка.

Князь Николай Черногорскій. (Портр. на стр. 48).

Среди двухъ враждебныхъ силъ, западно-европейскаго католицизма и турецкаго ислама, окруженное порабощенными мусульманскому игу народностями, затерялось въ неприступныхъ горахъ славянское орлиное гнѣздо, сумѣвшее отстоять свою независимость даже и тогда, когда всѣ его сородичи, въ силу несчастныхъ обстоятельствъ, подчинились туркамъ. Болѣе трехъ столѣтій боролись черногорцы съ Оттоманскою имперіей, охраняя каменныя твердыни своего княжества, и дожили наконецъ до полнаго разложенія этой имперіи. Горсть отважныхъ *юнаковъ* (молодцовъ) нерѣдко разбивала цѣлыя непріятельскія арміи, выказывая такія чудеса храбрости, предъ которыми блѣднѣютъ подвиги героевъ древняго міра. И это становится понятнымъ, если мы припомнимъ что черногорецъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства, едва научившись ходить, уже лазитъ по своимъ роднымъ скаламъ, съ опасностью жизни, что все населеніе вооружено съ ногъ до головы и даже духовенство лишь у дверей алтаря слагаетъ оружіе. Вся страна сплошь покрыта горами, нагроможденными одна на другую; но климатъ Черногоріи чрезвычайно разнообразенъ: тогда какъ Цетинская долина, въ которой расположена столица княжества, зимою покрывается глубокимъ снѣгомъ, въ Дульцинскомъ округѣ совсѣмъ не бываетъ зимы и въ январѣ уже цвѣтетъ миндаль. Бѣлопавличская долина, хотя и находится на сѣверѣ княжества, но по климату одинакова съ южными нахіями Черницкой и Рѣчской—здѣсь растетъ табакъ и виноградная лоза. Въ Бѣлопавличахъ отстраивается новый городъ, Даниловградъ, которому, вѣроятно, предстоитъ современемъ сдѣлаться столицей княжества, такъ какъ въ безводной и каменистой долинѣ Цетинья ничего не растетъ кромѣ травы и единственнаго традиціоннаго дуба, подъ сѣнію котораго владыки Черногоріи творили судъ и правду. Въ прежнее время правленіе здѣсь отличалось чисто патріархальнымъ характеромъ. Глава государства—*владыка*—былъ въ одно и то же время главою церкви, судьей и военачальникомъ. Предшественникъ нынѣшняго князя, его дядя Даніилъ, впервые измѣнилъ этотъ порядокъ: онъ былъ только свѣтскимъ правителемъ и въ такомъ-же видѣ передалъ правленіе своему племяннику. Что касается самого князя Николая, то въ „Нивѣ“ уже не разъ подробно излагались его біографическія данныя. Помѣщая новый портретъ его, въ виду предстоящаго пріѣзда князя въ Петербургъ, мы коснемся на этотъ разъ менѣе извѣстной стороны его дѣятельности. Соединяя въ своей особѣ неустрашимость воина и традиціонную мудрость правителя, пользуясь громаднымъ обаяніемъ и авторитетомъ въ средѣ своихъ подданныхъ, князь Николай находитъ еще время удѣлять свои досуги поэзіи. Его стихотворенія и поэмы пользуются широкою извѣстностью въ славянскомъ мірѣ. Чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ талантомъ державнаго пѣвца, прилагаемъ три его стихотворенія въ переводѣ Н. Югова, доставленныя намъ однимъ изъ приближенныхъ къ князю. Первое стихотвореніе относится къ супругѣ князя, княгинѣ Миленѣ, рожденной Вукотичъ, второе—къ старшей его дочери, а третье—къ княжнѣ Станѣ (Анастасіи) (всѣ три стихотворенія суть надписи на подносимыхъ экземплярахъ сочиненій князя).

Моей Царицѣ.

Еслибъ, идя полемъ жизни,
Собиралъ я тѣ цвѣты
(Тонкій запахъ ихъ впивая),
Что по немъ сажала ты,

Создалъ бы я нѣчто выше,
Нѣчто ярче и сильнѣй, —
Написалъ такую книгу,
Что подобья нѣтъ для ней...

Я воспѣлъ бы много лучше,
Доблесть, мудрость, доброту,
Чувства женскія вознесъ бы
На большую высоту

И въ вѣнецъ тотъ вплелъ бы также
Женщинъ къ роднѣ любовь —
Что мужской ничуть не меньше,
Но проникла глубже въ кровь.

Фонтанъ Айвазовскаго въ Ѳеодосіи. Съ фотогр. Бабаева, грав. Рашевскій.

И на немъ, какъ на скрижаляхъ,
Начертилъ бы я подъ-рядъ
Всѣ души твоей алмазы—
Лучшій царственный нарядъ.

Моей Зоркѣ.

Не все то золото что ярко,
И тронъ не мѣсто для покоя:
Повѣрь, дитя, тамъ счастья мало
Иль даже нѣчто есть иное.

Короны блескъ мѣшаетъ видѣть,
Что тернія подъ нею скрыты.
О королѣ вполнѣ счастливомъ
Разсказъ хоть въ сказкѣ отыщи ты.

Но счастливъ истинно—кто мирно
Въ своемъ углу трудиться знаетъ,
Идя святымъ путемъ Господнимъ,
Какъ человѣку подобаетъ.

Княжнѣ Станѣ.

Точно ты изъ улья пчелка
Иль изъ садика цвѣточекъ;
Не съ росой ли къ намъ ты пала,
Хлѣба добраго кусочекъ?

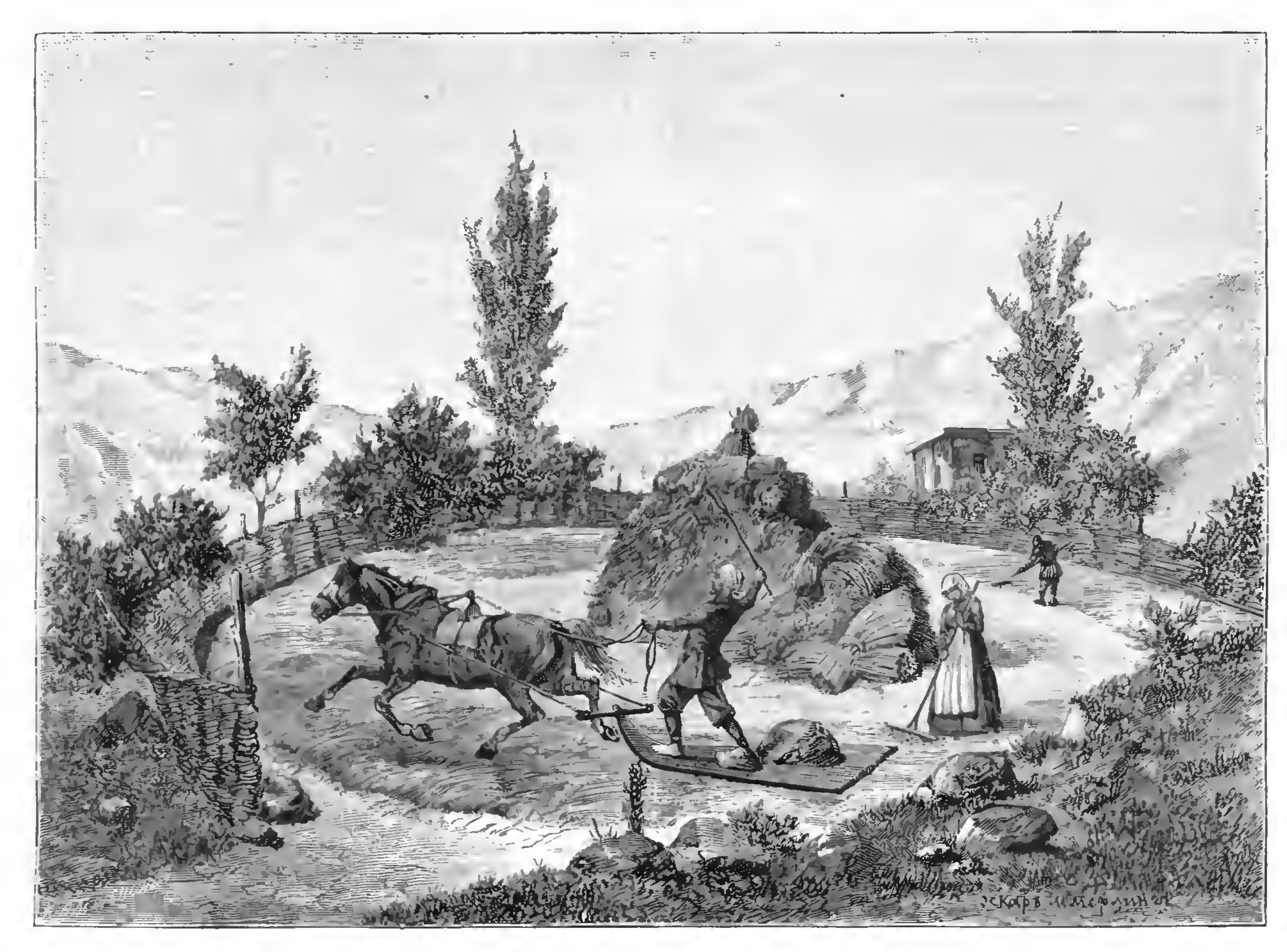
Мимовольно ты чаруешь
Граціозной простотою,
И твой милый, кроткій образъ
Переполненъ добротою.

Будь, дитя, вѣрна портрету, —
Такъ не прочно все другое!..
Коль добра ты, вѣрь, доступно
Для тебя и все благое.

И замѣть ты въ этой книгѣ,
Что было съ Даницей въ жизни:
Чѣмъ способна черногорка
Милой жертвовать отчизнѣ.

Памятникъ Колумбу въ Барселонѣ. (Рис. на стр. 49).

Недавно въ Барселонѣ воздвигли прекрасный памятникъ человѣку, обезсмертившему царствованіе Фердинанда и Изабеллы, неоцѣненному при жизни и столько выстрадавшему въ награду за свои великіе подвиги. Человѣкъ этотъ, носящій безсмертное имя Христофора Колумба, открывшій, въ 1492 году, цѣлую часть свѣта, обладалъ огромной силой воли, пламенно вѣрилъ и до конца дней сохранилъ твердость въ убѣжденіяхъ, нравственное величіе и спокойствіе. Честный, безкорыстный, истинный патріотъ, онъ подарилъ своему отечеству новую землю, которая обогатила Испанію, и, конечно, не помышлялъ, что людская зависть, неблагодарность и несправедливость заставятъ его страдать и физически, и нравственно. Враги оклеветали его передъ королемъ и даже надѣли на него оковы, какъ на преступника,—и умеръ онъ, хотя и оправданный, но тѣмъ не менѣе съ обидой горькою въ душѣ, завѣщавъ положить съ нимъ въ могилу цѣпи, которыя всегда висѣли у его одинокаго ложа. Не лучше современниковъ отнеслось къ Колумбу и потомство, наименовавъ часть свѣта, имъ открытую, не его славнымъ именемъ, а именемъ дерзкаго искателя приключеній Америко Веспуція. И вѣка освятили эту непоправимую несправедливость. Исторія великаго человѣка нерѣдко вдохновляла и поэтовъ, и художниковъ, и дала идею одному скромному ремесленнику изъ Барселоны Антоніо Фахасъ-и-Фереръ поставить памятникъ знаменитому мореплавателю. Долго онъ лелѣялъ эту идею и могъ возвѣстить о ней лишь въ 1856 году; еще дольше приводилась она въ исполненіе. Только въ 1881 году, проектъ Фахаса-и-Фереръ увидѣлъ свѣтъ. Нѣсколько разъ были вызываемы на конкурсъ испанскіе архитекторы и, наконецъ, постройка памятника поручена архитектору Бохигасу. Въ сентябрѣ 1882 года состоялась торжественная закладка памятника, на сооруженіе котораго собрано, безъ малаго, 80,000 метал. рублей, и работа продолжалась цѣлыхъ шесть лѣтъ. Статуя Христофора Колумба, украшающая памятникъ, различныя фигуры эмблематическія, группы лицъ, бывшихъ сподвижниковъ Колумба, горельфы, изображающіе сцены изъ жизни мореплавателя, и прочія главныя части памятника, исполнены по особому конкурсу. Изъ-за чести исполненія самой статуи Колумба вели довольно продолжительную борьбу два, пользующіеся славой въ Испаніи, скульптора Вальмитханъ и Атче, причемъ послѣдній остался побѣдителемъ. Пять мѣсяцевъ декораторъ Видаль отливалъ эту статую, имѣющую четыре сажени вышины, пьедесталъ которой, въ видѣ огромной колонны, работы инженера Вольгемута, изготовленъ изъ чугуна, а капитель, щитъ и прочія ея части—изъ старинныхъ бронзовыхъ пушекъ, пожер-



Молотьба на Кавказѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) **О. Шмерлинга**, грав. Ольшевскій.

твованныхъ на это дѣло испанскимъ правительствомъ, и вѣситъ до 2000 пудовъ. Наверху колонны находится родъ балкона и въ центрѣ его укрѣпленъ шаръ изъ позолоченной бронзы, на который великій мореплаватель опирается ногою. Самъ Колумбъ обращаетъ свой взоръ къ морю; въ лѣвой рукѣ у него свитокъ, а правою онъ показываетъ вдаль, туда—

Гдѣ весь годъ канва луговъ
Шита бисеромъ цвѣтовъ...
Тамъ въ древесныхъ шалашахъ,
Вдоль затопленной саванны
Дикій варварскій народъ
Жизнь свободную ведетъ. (Мей.)

Тебѣ, Колумбъ, тебѣ вѣнецъ!
Чертежъ земной ты выполнившій смѣло,
И довершившій, наконецъ,
Судебъ неконченное дѣло!
Ты завѣсу расторгъ всесильною рукой,
И новый міръ, невѣдомый, нежданный,
Изъ безпредѣльности туманной
На Божій свѣтъ ты вынесъ за собой. (Тютчевъ).

Фонтанъ Айвазовскаго. (Рис. на стр. 52).

30 мая 1887 г. состоялось въ Ѳеодосійской думѣ чрезвычайное засѣданіе думы для обсужденія предложенія проф. И. К. Айвазовскаго: уступить городу воду изъ богатаго и единственнаго въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ по обилію источника, имѣющагося въ его имѣніи, въ 25—30 верстахъ отъ города. По сборѣ гласныхъ думы вошелъ въ залу засѣданія маститый нашъ художникъ И. К. Айвазовскій и, поздоровавшись съ головой и со всѣми въ залѣ находившимися, занялъ, въ качествѣ гласнаго, предложенное ему кресло. Объяснивъ вкратцѣ мотивъ созыва экстреннаго засѣданія, городской голова попросилъ г. Айвазовскаго высказаться о своемъ предложеніи относительно снабженія города водою изъ его имѣнія. Въ отвѣтъ на это, г. Айвазовскій, неожиданно для всѣхъ, заявилъ, что онъ уступаетъ г. Ѳеодосіи въ вѣчное владѣніе воду изъ своего имѣнія Субашъ, въ размѣрѣ 50 тысячъ ведеръ въ сутки, безвозмездно, что составляетъ пять ведеръ на душу, считая населеніе города въ 10 тысячъ. При такомъ значительномъ дарѣ, лишающемъ владѣльца нѣсколькихъ тысячъ рублей дохода въ пользу города, восторгу гласныхъ, а вслѣдъ затѣмъ и всего населенія, и чувству благодарности не было границъ, такъ какъ, при хроническомъ, полномъ безводіи, которымъ давно невыразимо страдаютъ жители, въ городѣ не только нѣтъ воды для домашняго обихода и водопоя, но даже для питья; фонтаны вовсе изсохли и только еле-еле питаютъ еще населеніе солоноватой водой, для питья которой надо имѣть или много рѣшимости, или большую привычку. Наэлектризованная даромъ г. Айвазовскаго, дума озаботилась пріисканіемъ капитала на сооруженіе самаго водопровода, на что не представилось техническихъ затрудненій на всемъ пространствѣ отъ Субаша. Со своей стороны, И. К. Айвазовскій завершилъ свою щедрость, заказавъ въ Константинополѣ изображенный на нашемъ рисункѣ фонтанъ, высѣченный въ мавританскомъ стилѣ, изъ разноцвѣтнаго мрамора, и обошедшійся нашему маститому художнику, какъ слышно, въ 75,000 рублей.

Молотьба въ Закавказьи. (Рис. на стр. 53).

Пріемы хлѣбопашества въ Закавказьи, по климатическимъ и другимъ причинамъ, значительно отличаются отъ нашихъ, такъ напр. объ овинахъ тамъ не имѣютъ понятія; хлѣбъ сушитъ само солнце и его надо тотчасъ-же молотить, а потомъ и молоть на мельницѣ. Сберегать въ зернѣ очень рискованно, такъ какъ напр. въ Имеретіи, при малѣйшей сырости, оно переходитъ въ червячковъ, а потомъ въ бабочекъ, и улетаетъ. Молотьба въ Грузіи и Имеретіи производится способомъ изображеннымъ на нашемъ рисункѣ. Расчищается токъ и на немъ бордюромъ раскладываются снопы, а по нимъ ѣздитъ человѣкъ на доскѣ, уложенной сверху тяжелыми камнями съ исподкою, усыпанною врѣзанными въ нее острыми кремнями; аппаратъ этотъ очень ловко отдѣляетъ зерно, а вслѣдъ идущая женщина отгребаетъ зерно граблями. Снопы переворачиваются нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ пока все зерно изъ нихъ не выйдетъ. Само собою разумѣется, что этотъ примитивный способъ молотьбы очень далекъ отъ совершенства и съ введеніемъ молотилокъ становится рѣдкимъ явленіемъ.

„Ледоколы", акварель проф. Премацци.

(Рис. на стр. 56).

Кисть проф. Премацци умѣетъ придать жизнь самой будничной сценѣ, какія часто можно видѣть въ Петербургѣ на Фонтанкѣ у Лѣтняго сада. Чуть сковала зима крѣпкимъ ледянымъ покровомъ красавицу Неву и каналы, на радость конькобѣжцамъ, по улицамъ и по самой рѣкѣ уже тянутся вереницы саней съ прозрачными кабанами льда, словно громадными аквамаринами, переливающимися на солнцѣ голубоватымъ свѣтомъ...

Макаки, дразнящіе удава. (Рис. на стр. 57).

Лѣса Индіи переполнены обезьянами, которыя въ большей части этой страны или считаются священными какъ потомки бога Ганумана, или пользуются наравнѣ съ прочими животными покровительствомъ брамановъ, запрещающихъ убивать вообще все живое. Огромное количество обезьянъ проживаетъ также въ городахъ, въ окрестностяхъ пагодъ (языческихъ храмовъ) по священнымъ смоковницамъ, и здѣсь дерзость этихъ четверорукихъ доходитъ до того, что они являются въ жилые дома и безцеремонно грабятъ все что попадется подъ руку изъ съѣстнаго, набивая свои защечные мѣшки рисомъ, плодами и т. п. Большинство встрѣчающихся въ Индіи обезьянъ принадлежитъ къ роду макака, вслѣдствіе чего у русскихъ путешественниковъ и особенно у моряковъ индійскія обезьяны вообще называются *макашками*. Однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей этого рода является такъ-называемая шапочная обезьяна (Macacus sinicus), у которой волосы на головѣ образуютъ нѣкоторое подобіе шапки. Эти макаки живутъ въ лѣсахъ многочисленными обществами и проводятъ время въ тѣхъ рѣзвыхъ шалостяхъ и погонѣ другъ за другомъ, которыя можно наблюдать въ большихъ обезьяньихъ клѣткахъ зоологическихъ садовъ. Стóитъ появиться какому-нибудь хищнику или вообще непріятному обезьянамъ животному, и онѣ громкими криками подаютъ другъ другу сигналъ, дабы сообща устроить незваному гостю какую-нибудь каверзу. Особенно не терпятъ онѣ змѣй, которыми буквально кишатъ лѣса Индіи. При этомъ макаки отлично умѣютъ различать ядовитыхъ змѣй отъ неядовитыхъ. При видѣ, напр., кобры (очковой змѣи), которая бросается съ быстротою стрѣлы на свою жертву и наноситъ ей безусловно смертельное укушеніе, макаки съ пронзительнымъ визгомъ разсыпаются во всѣ стороны по сучьямъ и вѣтвямъ на вершины деревъ, дрожа отъ ужаса. Но вотъ въ густой травѣ медленно извивается лѣнивый боа (удавъ), который совершенно безвреденъ въ смыслѣ укушенія и убиваетъ свою жертву лишь обвиваясь вокругъ нея и задушая въ объятіяхъ своего мускулистаго тѣла. Съ нимъ можно потягаться въ быстротѣ движеній — и вся стая мгновенно собирается вокругъ злополучнаго пресмыкающагося, спускаясь на самыя нижнія вѣтви деревьевъ и бомбардируя своего врага орѣхами, сухими сучьями и т. п. Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ такихъ сценъ, оживляющихъ священную тишину индійскихъ лѣсовъ.

Путешествія русскихъ людей за границу по произведеніямъ русской литературы.

П. И. Вейнберга.

Излишне было-бы говорить о той важной роли, которую играютъ въ культурной жизни государства и народа путешествія въ чужія страны; не одна страница всемірной исторіи представляетъ тому самыя краснорѣчивыя доказательства. Но не менѣе, пожалуй, важны описанія этихъ путешествій, записки, оставленныя людьми, пускавшимися въ отдаленныя страны, — важны независимо отъ чисто-литературной стороны, а именно съ точки зрѣнія общественной. Въ рѣдкихъ произведеніяхъ человѣческаго ума и человѣческаго слова выражаются съ такою яркостью, какъ здѣсь, особенности извѣстной націи, ея умственный кругозоръ, ея нравственныя воззрѣнія и т. п., ибо тутъ членъ даннаго народа приходитъ во многихъ случаяхъ въ соприкосновеніе съ чуждыми ему элементами, и оттого-то чѣмъ рѣзче отличается нація во всѣхъ этихъ отношеніяхъ отъ тѣхъ странъ и народовъ, съ которыми она приходитъ въ соприкосновеніе, тѣмъ болѣе выдѣляются ея національныя особенности и слѣдовательно тѣмъ характеристичнѣе и важнѣе становятся путевыя записки, какъ выраженный словомъ плодъ наблюденій человѣка надъ чуждою ему обстановкой.

Такое отличіе, по извѣстнымъ историческимъ причинамъ, долго выпадало на долю Русскаго народа, и вотъ почему описанія путешествій русскихъ людей — до тѣхъ поръ, пока Россія не сдѣлалась страною совершенно европейскою—представляютъ особенный интересъ въ вышеуказанномъ отношеніи.

Мы сказали: „до тѣхъ поръ, пока Россія не сдѣлалась страною совершенно европейскою". Въ этомъ случаѣ, какъ и въ огромномъ большинствѣ остальныхъ, первою гранью, первымъ существеннымъ, положительнымъ, шагомъ на пути сближенія Россіи съ Европою—служитъ реформа Петра Великаго. До этого времени, какъ всякому извѣстно, все наше просвѣщеніе, а сообразно этому и наша литература, имѣли характеръ сперва исключительно, потомъ преимущественно религіозный. Такой-же характеръ приняли съ самаго начала и путешествія русскихъ людей въ чужія страны, уже потому, что эти „чужія

страны“ были собственно всего одна страна — Св. Земля, составлявшая предметъ завѣтныхъ стремленій набожнаго человѣка. Одушевленный чисто религіозными интересами, нашъ путешественникъ древняго періода русской исторіи обращаетъ вниманіе исключительно на тѣ предметы, которые имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе для него именно въ этомъ религіозномъ, — точнѣе сказать, церковномъ отношеніи; все остальное проходитъ для него незамѣченнымъ, или затрогивается только слегка, или разсматривается все съ той-же религіозной точки зрѣнія. Важную роль играетъ въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что огромное большинство, почти весь контингентъ этихъ путешественниковъ (мы говоримъ здѣсь о путешественникахъ въ собственномъ смыслѣ этого слова) составляли лица духовныя, между которыми притомъ было много, очень много такихъ, которыя доходили въ своемъ религіозномъ рвеніи до истиннаго подвижничества, представляли собою образецъ полнѣйшаго отреченія отъ всякихъ свѣтскихъ интересовъ, образецъ жизни исключительно созерцательной, или, какъ напр. преподобный Ѳеодосій, сближались съ дѣйствительною жизнью только для того, чтобы водворять, укрѣплять въ ней начала религіозныя и религіозно-нравственныя, — при томъ въ духѣ строгаго, часто чуждаго всякой терпимости православія, — и энергически, даже безпощадно противодѣйствовать всему, что шло мало-мальски въ разрѣзъ съ этими началами. Были въ этомъ періодѣ между нашими путешественниками и лица свѣтскія, отправлявшіяся за границу по собственному побужденію; но и они были до такой степени проникнуты религіозными интересами, что какова-бы ни была цѣль ихъ путешествія — любознательность, торговля и т. п.—эти религіозные интересы все-таки стояли на первомъ планѣ, и все встрѣчавшееся на пути разсматривалось почти исключительно съ *этой* точки зрѣнія.

Впрочемъ, этихъ свѣтскихъ лицъ, ѣхавшихъ по *собственному побужденію*, было весьма мало. Если уже со времени Ивана Грознаго мы видимъ въ европейскихъ земляхъ русскихъ людей, то почти всѣ они отправлены сюда правительствомъ, преимущественно съ дипломатическою цѣлью,—и отъ нихъ нечего намъ ждать наблюденій, а тѣмъ менѣе описаній видимаго ими въ западной Европѣ изъ области общественной жизни, просвѣщенія, торговли, промышленности, искусствъ. Двѣ причины дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ: во 1-хъ, весьма незначительная степень образованія этихъ людей, во 2-хъ, ихъ назначеніе, согласно дававшейся имъ инструкціи—„государево дѣло дѣлать во всемъ по государеву наказу и государевой чести во всякихъ мѣрахъ остерегать, и о иныхъ дѣлахъ держати отвѣтъ учтиво, а лишнихъ и ненадобныхъ рѣчей ни съ кѣмъ не говорить, и собой ничего не всчинать... ѣхать на спѣхъ, а забавливаться ни за чѣмъ нигдѣ не велѣно...“ Да у этихъ невольныхъ путешественниковъ и не было никакой охоты „забавливаться“; послушаемъ, напримѣръ, что говоритъ Котошихинъ, — стало быть уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, когда въ Россіи все больше и больше пахло Европой. „Россійскаго государства люди—говоритъ онъ— породою своею спѣсивы и необычайные ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спѣсивства и безстыдства, и ненависти и неправды. Правда есть всему тому, понеже для науки и обычая въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, начали-бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого-бы попеченія не имѣли и не мыслили...“

При такихъ воззрѣніяхъ, естественно, единственною цѣлью путешествій по собственному побужденію должна была представляться та мѣстность, которая имѣла высокій религіозный интересъ для всякаго христіанина, къ какому-бы вѣроисповѣданію онъ ни принадлежалъ,—т. е. Палестина, собственно Іерусалимъ съ его окрестностями. И дѣйствительно, эти странствія ко Св. Мѣстамъ у насъ въ нѣсколько первыхъ столѣтій нашей исторіи (явленіе, впрочемъ, бывшее и на Западѣ) происходили въ очень большихъ размѣрахъ, и такъ какъ тутъ къ побужденіямъ чисто-религіознымъ стали съ теченіемъ времени присоединяться соображенія корыстолюбивыя и влеченія празднаго тунеядства, то это такъ-называемое паломничество дошло одно время до такой чрезмѣрной распространенности, что наша церковь, имѣя въ виду только что упомянутое прикрытіе религіозной одеждой далеко не религіозныхъ цѣлей, сочла нужнымъ вступиться въ это дѣло и положить ему извѣстныя границы. Само собой разумѣется, что изъ этой огромной массы путешественниковъ и странниковъ (ибо между тѣми и другими въ настоящемъ случаѣ есть существенное отличіе) только очень немногіе занимались описаніемъ своихъ путешествій для удовлетворенія собственной душевной — гораздо болѣе душевной, чѣмъ умственной—потребности, и съ цѣлью назидательною, къ которой присоединялось и желаніе доставлять пищу любознательности своихъ соотчичей. Что эта любознательность по отношенію къ такимъ описаніямъ дѣйствительно существовала—доказывается большимъ количествомъ списковъ, въ которыхъ ходили по рукамъ путевыя записки, особенно нѣкоторыя изъ нихъ (и по настоящее время, замѣтимъ кстати, составляющія предметъ любимаго чтенія низшихъ классовъ). Но самихъ сочиненій, повторяемъ, было немного. Большинство этихъ авторовъ—духовныя лица, остальные—свѣтскіе люди, и почти всѣ они отправились по собственному желанію. Цѣль путешествій — Св. Земля, и цѣль до такой степени исключительная, что всѣ страны, проходимыя по пути, игнорируются путешественникомъ, по крайней мѣрѣ въ его описаніи, или затрогиваются весьма бѣгло; только трое (и изъ нихъ одинъ по собственнымъ дѣламъ) побывали въ Италіи, Индіи и Китаѣ.

Тутъ на первомъ планѣ—да и хронологически первое—„хожденіе“ Даніила Паломника, игумена неизвѣстнаго монастыря въ Черниговской области,—памятникъ, многія подробности котораго послѣдующіе паломники прямо вносили въ свои записки, что дало Сахарову поводъ сдѣлать справедливое замѣчаніе: „Даніилъ былъ для паломниковъ-то же, что Несторъ для лѣтописцевъ“. Цѣль его хожденія — исключительно знакомство со Св. Мѣстами съ ихъ религіозной стороны, удовлетвореніе своей глубоко-религіозной потребности: нашъ паломникъ хочетъ собственными глазами видѣть эти драгоцѣнныя для христіанина мѣста, „обходить всю ту землю обѣтованную, идѣ же Христосъ Богъ нашъ походи Своима ногама и многа чудеса показа по мѣстомъ тѣмъ Святымъ“. *Описалъ*-же онъ это путешествіе не съ какими-нибудь литературными цѣлями; нѣтъ, онъ боялся, въ случаѣ неисполненія своего дѣла, сравниться съ лѣнивымъ рабомъ притчи, зарывшимъ въ землю свой талантъ, при чемъ руководило имъ соображеніе и назидательнаго свойства: „да и се написахъ вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы се кто слышавъ о мѣстѣхъ сихъ святыхъ, потщался душою и мыслью ко святымъ симъ мѣстомъ, и равно мзду симъ пріиметъ съ ходившими до святыхъ мѣстъ“. Этой точкѣ зрѣнія нашъ путешественникъ остается строго вѣрнымъ во все продолженіе своего разсказа. Онъ игнорируетъ—но вовсе не съ умысломъ, не по пренебреженію, а исключительно по складу своего ума и своего чувства—все то, что хотя въ самой незначительной степени не имѣетъ связи съ этою исключительною цѣлью его путешествія, и въ то же время самымъ подробнымъ, самымъ тщательнымъ, можно сказать — любовнымъ образомъ описываетъ малѣйшія частности религіознаго свойства. Явясь въ Іерусалимъ въ самый разгаръ Крестовыхъ походовъ, Даніилъ не обращаетъ на кипящую вокругъ него политическую и военную жизнь никакого вниманія, по крайней мѣрѣ совершенно умалчиваетъ объ этомъ въ своемъ описаніи. Если говоритъ онъ о королѣ Іерусалимскомъ Балдуинѣ, то исключительно настолько, насколько Балдуинъ содѣйствовалъ цѣли его „хожденія“, позволивъ ему „поставить свое кандило на гробѣ Святѣмъ Господнемъ отъ всея Русскія земли“, взявъ его въ свою свиту и подъ свое особое покровительство въ церкви, наканунѣ Св. Христова Воскресенія (ибо именно въ это время былъ Даніилъ въ Іерусалимѣ) и т. п. Балдуина-рыцаря, Балдуина-воителя, воителя даже за Св. Гробъ, Балдуина политическаго дѣятеля—нашъ странникъ не знаетъ; онъ видитъ въ немъ только человѣка, который „благъ, и смиренъ вельми, и не гордитъ“, сочувствіе его къ королю Іерусалимскому вызывается только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ видитъ Балдуина стоящимъ въ церкви, въ великую заутреню, „со страхомъ и смиреніемъ великимъ“, при чемъ „источникъ слезъ проливается отъ очію его...“ И причина этого полнаго игнорированія свѣтской стороны окружавшихъ Даніила Паломника явленій и событій конечно совсѣмъ не та, которую предполагаетъ проф. Шевыревъ, говоря: „Лѣтописцы наши издали сочувствовали мысли, двигавшей Западъ ко Св. Гробу; но можетъ быть, дѣйствительность вблизи представляла иное и обнажала причины не совсѣмъ чистыя; худаго слова Даніилъ не сказалъ о нихъ, быть можетъ, потому, что не могъ сказать ничего добраго“. Думать такъ —значитъ навязывать нашему скромному и надѣленному весьма ограниченнымъ кругозоромъ путешественнику то, отъ чего онъ былъ весьма далекъ. Ему просто не было дѣла до всего этого, до такой степени онъ былъ погруженъ въ *свое*, въ тѣ предметы которые были непосредственно связаны съ цѣлью его путешествія; а при этомъ мы не должны упускать изъ виду и степень, и характеръ его образованія—образованія, имѣвшаго, какъ это было у всѣхъ нашихъ старыхъ грамотниковъ, исключительно, даже строго замкнуто-религіозный характеръ, и относящагося въ данномъ случаѣ къ тому времени, когда Россія была отдѣлена отъ Европы вообще, а ужь подавно отъ политической жизни этой послѣдней, очень толстою стѣною...

Но если Даніилъ такъ относится къ предметамъ свѣтскимъ, то, напротивъ, какая точность, какая подробность въ описаніи всего остальнаго! Какая—повторяемъ—вѣрность цѣли въ *этомъ* отношеніи! Не пропущены безъ вниманія и описанія ни одно мѣстечко, ни одинъ камень, мало-мальски связанные съ евангельскими и библейскими воспоминаніями. Съ математическою точностью обозначены разстоянія между различными мѣстностями, величина того или другаго памятника и т. п.—и все это отнюдь не со словъ другихъ. Даніилъ не даромъ говоритъ: „яко видѣхъ очима своими грѣшныма, по истинѣ тако и написахъ“. Если онъ сообщаетъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія напримѣръ о ширинѣ и глубинѣ Іордана, то это на основаніи собственнаго изученія: „яко самъ собой искусихъ, измѣрихъ, пребродихъ на ону страну Іордана, и много походихъ по брегу тому Іорданову любовно...“ Если онъ подробно описываетъ землю Галилейскую, то это потому, что „обходихъ всю ту землю

неложно бо, и яко видѣхъ очима своима грѣшныма, но негинѣ тако и написахъ". Если онъ съ математическою точностью узналъ величину Гроба Господня, то потому, что „измѣрихъ *собою* Гробъ въ длину и ширину". И во всемъ этомъ виденъ не сухой пересказчикъ, не человѣкъ, механически и по чужому порученію исполняющій какъ-бы служебную обязанность; напротивъ, въ каждой строкѣ предъ нами — глубокое душевное побужденіе, и хотя того, что можно назвать собственно *поэтическимъ* одушевленіемъ—даже при видѣ роскошной Палестинской природы — мы не находимъ, но иногда оно замѣняется умиленіемъ, непритворною радостью при видѣ особенно священныхъ предметовъ...

Вышеупомянутая обстоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокая вѣра особенно хорошо видны въ занимающемъ главную часть „хожденія" разсказѣ: „А се о свѣтѣ, како сходить ко Гробу Господню съ небеси", гдѣ описана воскресная заутреня въ Іерусалимѣ, когда, по словамъ нашего путешественника, крива есть",—какъ и въ другомъ мѣстѣ своего „хожденія" Даніилъ, напримѣръ, разсказывая, что въ праздникъ водокрещенія на Іордани (на которомъ онъ также присутствовалъ) Духъ Святой исходитъ на воды Іорданскія, съ глубокимъ убѣжденіемъ прибавляетъ: „достойніи человѣцы видятъ добрѣ: како выходитъ Духъ Святый, а вся народы не видятъ..."

Съ такою-же искренностью, не допускающею и тѣни пытливаго изслѣдованія, какой-бы то ни было провѣрки,—сообщаетъ Даніилъ всѣ слышимыя имъ, ходящія тутъ легенды, приписывая имъ совершенно фактическое значеніе. Вотъ, напримѣръ, гора каменная плоская, которая „разсѣлась въ распятіе Христово (т. е. въ моментъ распятія), и то зовется: адъ". Вотъ камень, на которомъ былъ водруженъ Крестъ Христовъ, и подъ этимъ камнемъ—разсказываетъ Даніилъ—„лежитъ глава Адама перваго. Въ распятіе Господне, егда на крестъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ предастъ Духъ Свой, тогда раздрася церковная катачетазма, и каменія распадеся, тогда-же той камень

Ледоколы на Фонтанкѣ въ СПБ. Съ акварели (собств. „**Нивы**") проф. **Премацци**, грав. Рашевскій.

Богъ „показалъ видѣти ему, худому и недостойному рабу своему". „Видѣхъ бо—говоритъ онъ—очима своима грѣшныма по истинѣ, како сходитъ Свѣтъ Святый ко Гробу Животворящему Господа нашего Іисуса Христа", т. е. какимъ образомъ, какимъ чудомъ зажигаются въ воскресную полночь свѣчи въ кадилахъ, висящихъ надъ Св. Гробомъ и ставимыхъ на него въ это время. Дорожа истиною вообще, а въ такихъ случаяхъ въ особенности, Даніилъ опровергаетъ показанія другихъ „странниковъ" на счетъ способа зажженія „кандилъ" въ эту великую ночь,—показанія, по однимъ изъ которыхъ это Духъ Святый сходитъ голубемъ ко Гробу и возжигаетъ огонь, а по другимъ—чудо совершается посредствомъ ниспадающей молніи. „То есть лжа и неправда"—категорически заявляетъ нашъ Паломникъ; нѣтъ тутъ никакихъ голубей и никакихъ молній; „невидимо сходитъ благодать Божія, и вжигаются кандила" свидѣтельствуетъ онъ, и затѣмъ совершенно искренно, „яко же видѣхъ по истинѣ", сообщаетъ, что когда „запѣли пѣснь *Господеви поемъ*, внезапно малая тучка пришла отъ востока, и остановилась надъ непокрытымъ верхомъ церкви, и одождила надъ Гробомъ Святымъ, и омочила всѣхъ, надъ нимъ стоявшихъ; тогда внезапно возсіялъ свѣтъ во Св. Гробѣ и вышло отъ него блистаніе страшное". Передавая малѣйшія подробности этой службы, Даніилъ даетъ просторъ своему душевному умиленью; велика радость его, велико веселіе, и „кто не видѣвъ тоя радости въ той день, той не имѣтъ вѣры сказующему о всемъ томъ видѣніи". Но истинно вѣрующій не усумнится, ибо „вѣрный въ малѣ и въ мнозѣ вѣренъ есть, а злу человѣку истина просѣдеся надъ главою Адамовой, и тою разсѣлиной сниде и вода изъ ребръ Іисусъ Христовыхъ на главу Адамлю, и смыі грѣхи рода человѣча; есть бо разсѣлина та на камени томъ знать и до сего дня". Вотъ „Елисеевы воды" (около Іерихона), имѣющія очень сладкій вкусъ, потому что „ихъ ослади Елисей пророкъ, а прежъ того быша горьки". Вотъ на островѣ Телосѣ „мука Иродова, изъ рва кинитъ сѣрою горючею". Вотъ гора, которая разступилась предъ Елисаветою, бѣжавшею съ младенцемъ Иваномъ Предтечею отъ преслѣдованій Ирода, и приняла ихъ въ свою внутренность. Вотъ пещера, куда укрылся Лотъ съ двумя дочерьми, когда бѣжалъ изъ Содома. Вотъ пещера, гдѣ когда-то совершалъ—и по сю пору иногда продолжаетъ совершать—литургію Мельхиседекъ вмѣстѣ съ Авраамомъ: „есть до днѣшняго дня трапеза та святая въ печерѣ той и нынѣ ту приходитъ святый Мельхиседекъ, и литургиваетъ въ печерѣ той святой на той трапезѣ..." И много еще въ этомъ-же родѣ.

Даже природа для нашего Паломника имѣетъ прелесть и значеніе лишь съ этой религіозной точки зрѣнія, исключительно постольку, поскольку она находится въ связи съ его религіозными мыслями и воспоминаніями. Іерусалимская природа такъ хороша лишь потому, что въ этой мѣстности совершались такія великія священныя событія. Насколько сочувственно, даже любовно относится Даніилъ къ Іордану, растительности вокругъ Виѳлеема, вообще къ природѣ тѣхъ мѣстностей, которыя дороги для сердца каждаго христіанина,—настолько-же непріязненно, даже съ какимъ-то злорадствомъ говоритъ онъ о явленіяхъ природы находящихся въ связи съ событіями

Макаки, дразнящіе удава. Рис. и грав. Шпехтъ.

грѣховнаго свойства. Таковъ, напримѣръ, его разсказъ о Содомскомъ морѣ, какъ оно, бывшее сначала около того мѣста, гдѣ крестился Христосъ, потомъ „далече отбѣгло крещенія ради“,—какъ оно издаетъ „духъ знойный и смердящъ“ и „попаляетъ ту землю зноемъ тѣмъ смерднымъ“,—какъ оно „мертво есть, и не имать ничтожъ въ себѣ животна: ни рыбы, ни рака нисколько но аще быстрина Іорданская внесетъ рыбу въ море, то не можетъ жива быти ни мала часа, но вскорѣ погибаетъ, исходитъ бо изъ дна моря смола черна, и плаваетъ та смола много; а смрадъ-же исходитъ изъ того моря несказанъ“. Также и въ растительномъ царствѣ вниманіе Паломника обращаютъ на себя преимущественно тѣ предметы, которые имѣютъ важность для церкви, причемъ и объясненія даются сообразно этому взгляду; такъ, напр., онъ посвящаетъ особую главу описанію „ладана темьяка“ и сообщаетъ, что этотъ „добрый“ ладанъ „спадываетъ съ небеси, яко роса“.

Знакомясь съ „Хожденіемъ“ Даніила, мы знакомимся вмѣстѣ съ тѣмъ и съ разсказами другихъ древнихъ путешественниковъ нашихъ; ибо сущность описанія та же, программа та же, характеръ тотъ-же, даже многія подробности тѣ же, съ прибавленіемъ конечно нѣкоторыхъ новыхъ, но въ томъ-же родѣ, въ томъ-же направленіи.

(Оконч. въ слѣд. №).

Политическое обозрѣніе.

Минувшій 1888 годъ окончился благополучно во Франціи, но наступающій 1889, сотый послѣ первой французской революціи, обѣщаетъ не мало хлопотъ правительству. Предстоящіе 15 января выборы депутата въ палату въ самомъ Парижѣ не мало тревожатъ министерство, особливо при постоянно увеличивающихся шансахъ на успѣхъ генерала Буланже. Уволенный въ отставку, какъ это помнятъ читатели *Нивы*, 2 марта, бравый генералъ выбирается въ концѣ того же мѣсяца депутатомъ въ Дордоньскомъ департаментѣ. Очень осторожно, тѣмъ не менѣе вначалѣ не вполнѣ успѣшно, Буланже выступаетъ на политическомъ поприщѣ. Въ маѣ, 22 числа онъ вноситъ въ палату депутатовъ предложеніе о пересмотрѣ конституціи. Переданное въ особую коммисію, это предложеніе, казалось, не будетъ имѣть успѣха, но, какъ извѣстно, впослѣдствіи самъ министръ-президентъ выступилъ со своимъ собственнымъ предложеніемъ о томъ же, должно быть памятуя, что клинъ вышибается клиномъ. Не видя близкаго разрѣшенія возбужденнаго вопроса, генералъ Буланже рѣшается на отчаянный поступокъ и произноситъ 30 іюня рѣчь, въ которой требуетъ распущенія палаты. Неуспѣхъ этого требованія повлекъ за собою сложеніе бравымъ генераломъ съ себя депутатскихъ полномочій и вызовъ посланный имъ министру-президенту Флоке. Но несчастіе не приходитъ въ одиночку, какъ говоритъ французская пословица, и происшедшая на другой день дуэль между Флоке и Буланже окончилась для послѣдняго новою неудачей. Онъ былъ тяжело раненъ въ шею. Проходитъ мѣсяцъ; за это время сторонники генерала снова и притомъ осмотрительно, не спѣша, начинаютъ ковать счастіе своему лидеру и 8 августа Буланже сразу избирается депутатомъ въ 3 французскихъ департаментахъ. Оставивъ за собою званіе депутата отъ Сѣвернаго департамента, онъ отказался отъ депутатскихъ полномочій въ департаментахъ Соммы и Шаранты. Нынѣ, когда открылась депутатская ваканція отъ города Парижа, сторонники генерала выставляютъ его кандидатомъ, притомъ съ большими надеждами на успѣхъ. Прежде всего начало удачи видятъ въ происходившихъ депутатскихъ выборахъ въ департаментѣ Шаранты и Соммы, гдѣ, какъ мы уже сказали, должны были происходить выборы, вслѣдствіе отказа Буланже отъ званія депутата. Всѣ усилія противниковъ буланжизма нанести своему врагу пораженіе, не увѣнчались успѣхомъ. Въ департаментѣ Шаранты избраннымъ оказался буланжистъ Дюпоръ, а въ Амьенѣ, избирательномъ центрѣ Соммскаго департамента,—орлеанистъ. Что касается генерала Буланже, то успѣхъ его главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ того, насколько дружно будутъ дѣйствовать его противники и за кого подадутъ свои голоса монархисты. Относительно перваго вопроса, полученнымъ извѣстіямъ, среди республиканцевъ-антибуланжистовъ происходитъ расколъ.

Выставленный ими кандидатъ — президентъ муниципальнаго совѣта департамента Сены, водочный фабрикантъ Жакъ, любимецъ парижской черни и сторонникъ автономіи столицы, не находитъ симпатій среди умѣренныхъ республиканцевъ и оппортунистовъ фракціи Ферри, отказывающихся поддерживать этого кандидата. Напротивъ, монархисты, можно думать, будутъ подавать свои голоса за Буланже. Бонапартистскій центральный комитетъ совѣтуетъ своимъ сторонникамъ подавать голоса за него, такъ какъ кандидатура Буланже является наиболѣе энергичнымъ протестомъ противъ возмутительной администраціи и пагубной политики правительства.

Что-же касается распорядительнаго роялистскаго комитета, то онъ еще не высказался окончательно, но газета *Soleil* заявляетъ, что Жакъ олицетворяетъ нынѣшнюю республику, а Буланже—ея ниспроверженіе, и что поэтому монархисты будутъ вотировать за Буланже.

Та же газета, основываясь на прежнихъ выборахъ, дѣлаетъ слѣдующій разсчетъ относительно шансовъ выборовъ, предстоящихъ въ Парижѣ 15 (27) января: изъ 560,000 избирателей будетъ вотирующихъ 380,000; изъ нихъ 140.000 подадутъ голоса за Жака, отъ 20 до 40,000 голосовъ раздробятся, а 200,000 голосовъ будетъ подано за Буланже.

Какъ видно, положеніе министерства Флоке становится затруднительнымъ и побѣда Буланже на депутатскихъ выборахъ въ Парижѣ можетъ вызвать министерскій кризисъ.

Для Сербіи, а особенно для короля Милана, новый годъ начался вполнѣ счастливо. Сербская великая скупщина приняла проектъ новой конституціи безъ преній громаднымъ большинствомъ 494 голосовъ противъ 73. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* замѣчаетъ по этому поводу, что радикальная партія, ставъ хозяиномъ положенія, съумѣла обезоружить непримиримые элементы. Войдя въ соглашеніе съ королемъ Миланомъ на почвѣ новой конституціи, она доказала де, что большинство не только хочетъ вести практическую политику, но и обладаетъ нужными для того способностями. Въ такой де именно политикѣ и нуждается страна.

Въ *Имперскомъ Указателѣ* обнародованъ слѣдующій интересный рескриптъ императора Вильгельма къ имперскому канцлеру: „Любезный князь! Годъ, въ которомъ намъ пришлось пережить такія тяжкія испытанія и такія невознаградимыя потери, приходитъ уже къ концу. Мысль о томъ, что вы состоите при мнѣ вѣрнымъ помощникомъ, доставляетъ мнѣ радость и утѣшеніе. Вступая съ новыми силами въ новый годъ, сердечно молю Бога о ниспосланіи вамъ счастья и благоденствія, преимущественно-же добраго здоровья. Надѣюсь, что съ Божьей помощью мнѣ будетъ долго еще суждено трудиться вмѣстѣ съ вами для блага и величія нашего отечества. Вильгельмъ“.

Черезъ 2 дня, тамъ-же опубликовано постановленіе имперскаго суда по извѣстному дѣлу Геффкена. Судъ принялъ въ соображеніе, что по даннымъ предварительнаго слѣдствія оказывается достаточно основаній заключить, что опубликованіемъ изъ дневника императора Фридриха такихъ свѣдѣній, которыя для блага Германской имперіи необходимо было хранить въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ, Геффкенъ публично огласилъ ихъ. Съ другой стороны, нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что Геффкенъ зналъ, что опубликованныя имъ свѣдѣнія именно такого характера. Въ виду этого, судъ постановилъ признать Геффкена по обвиненію въ государственной измѣнѣ отъ суда свободнымъ и освободить его изъ заключенія, принявъ судебныя издержки на счетъ имперской кассы.

Библіографія.

Весеннія красивоцвѣтущія многолѣтнія и луковичныя растенія, ихъ содержаніе и воспитаніе въ садахъ. Dr. Э. Регеля. СПБ. 1888. Съ 91 политипажемъ.

1889. Двадцать четвертый списокъ сортамъ плодовыхъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растеній, находящихся въ помологическомъ саду и питомникѣ для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ Dr. Э. Л. Регеля и Я. Кессельринга.

Труды Dr. Регеля давно уже стали настольными книгами у русскихъ садоводовъ. Первое изъ вышеназванныхъ сочиненій содержитъ въ себѣ руководство къ разведенію 170 видовъ и разновидностей, наиболѣе красивыхъ садовыхъ растеній, цвѣтущихъ весною. Вторая есть новое изданіе извѣстнаго всей Россіи каталога съ выписными цѣнами растеній и множествомъ политипажей. Помологическій садъ находится въ СПБ. на Выборгской сторонѣ по Лабораторному шоссе, домъ № 1. Dr. Регель живетъ въ Имп. Ботаническомъ саду, а Я. Кессельрингъ въ Помологическомъ.

Малютка. Иллюстрированный журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей, издаваемый А. Я. Цвѣтковою. Москва.

Строжайшій выборъ статей, проходящихъ нѣсколько редакціонныхъ цензуръ, изящныя англійскія гравюры и множество особыхъ приложеній (игръ, подвижныхъ и раскрашиваемыхъ картинокъ, и т. п.) при баснословно дешевой цѣнѣ 1 р. 50 к. за 12 книжекъ, давно уже сдѣлали это изданіе лучшимъ изъ журналовъ для дѣтей младшаго возраста, которое смѣло можно рекомендовать матерямъ семействъ.

Pipifax. Иллюстрированный юмористическій журналъ, издаваемый въ СПБ. на нѣмецкомъ языкѣ Б. Гутманомъ.

Особенность этого изданія, которое очень схоже съ заграничнымъ *Fliegende Blätter*, состоитъ въ томъ, что въ немъ при веселомъ юморѣ не встрѣчается ничего оскорбляющаго нравственное чувство, и потому оно можетъ быть рекомендовано семьямъ желающимъ практиковаться въ нѣмецкомъ чтеніи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 23 декабря, Государь Императоръ изволилъ принимать въ Гатчинскомъ Дворцѣ вновь аккредитованнаго при Высочайшемъ Дворѣ посланника Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ сэръ-Ламберта Три, который имѣлъ честь вручить Его Величеству свои вѣрительныя грамоты.

— 25 декабря, въ день праздника Рождества Христова, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшимъ Семействомъ, а также и другія Особы Императорской Фамиліи, прибывшія изъ Петербурга, присутствовали на богослуженіи въ церкви Гатчинскаго Дворца. По окончаніи богослуженія, въ Арсенальной залѣ Дворца былъ поданъ завтракъ, за которымъ присутствовали Ихъ Величества съ Августѣйшимъ Семействомъ, Особы Императорской Фамиліи и нѣкоторыя изъ лицъ свиты.

— 27 декабря, въ Гатчинѣ, въ манежѣ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка была устроена елка для нижнихъ чиновъ Собственнаго Его Величества Конвоя, своднаго гвардейскаго батальона и дворцовой полицейской команды. Въ половинѣ третьяго часа дня, въ манежъ прибыли ихъ Императорскія Величества съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Августѣйшимъ Семействомъ. Изъ вазы, стоявшей на помостѣ, вынимались билеты съ нумерами, и каждый нижній чинъ, соотвѣтственно доставшемуся нумеру, получалъ подарокъ изъ рукъ Ея Величества Государыни Императрицы. Кромѣ подарка, каждый нижній чинъ получалъ корзину съ пряниками, фруктами и орѣхами.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату признано нужнымъ въ обмѣнъ билетовъ Государственнаго Казначейства: $\frac{\text{CCLVIII}}{258}$, $\frac{\text{CCLIX}}{259}$, $\frac{\text{CCLX}}{260}$, $\frac{\text{CCLXI}}{261}$, $\frac{\text{CCLXII}}{262}$, $\frac{\text{CCLXIII}}{263}$, $\frac{\text{CCLXIV}}{264}$, $\frac{\text{CCLXV}}{265}$, $\frac{\text{CCLXVI}}{266}$, $\frac{\text{CCLXVII}}{267}$, $\frac{\text{CCLXXXV}}{285}$, $\frac{\text{CCLXXXVI}}{286}$, и $\frac{\text{CCLXXXVII}}{287}$ разрядовъ, выпустить въ обращеніе новые тринадцать разрядовъ таковыхъ билетовъ, а именно: два разряда $\frac{\text{CCCXLIII}}{343}$ и $\frac{\text{CCCLV}}{355}$ сторублеваго достоинства безъ купоновъ и одиннадцать разрядовъ—$\frac{\text{CCCXLIV}}{344}$, $\frac{\text{CCCXLV}}{345}$, $\frac{\text{CCCXLVI}}{346}$, $\frac{\text{CCCXLVII}}{347}$, $\frac{\text{CCCXLVIII}}{348}$, $\frac{\text{CCCXLIX}}{349}$, $\frac{\text{CCCL}}{350}$, $\frac{\text{CCCLI}}{351}$, $\frac{\text{CCCLII}}{352}$, $\frac{\text{CCCLIII}}{353}$ и $\frac{\text{CCCLIV}}{354}$ пятидесяти-рублеваго достоинства съ 8-ю купонами, въ три милліона рублей каждый разрядъ, всего на тридцать девять милліоновъ рублей, на основаніи особаго положенія, съ назначеніемъ срока теченія процентовъ.

— Предполагается учредить Екатеринбургскую губернію.

— Село Балаково, Самарской губерніи, преобразуется въ уѣздный городъ.

— *С.-Петербургскія Вѣдомости* передаютъ слухъ, что съ Новаго Года проектируется прекратить безпошлинный ввозъ чая въ Туркестанскій край.

— Государь Императоръ, 23 октября 1888 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: дозволить образованному въ Нью-Іоркѣ акціонерному обществу подъ наименованіемъ „Международная компанія телефоновъ Белля“ продолжить свои операціи въ Россіи.

Дѣла церкви.

— *Новое Время* сообщаетъ, что 10 декабря изъ Одессы отправилась на пароходѣ „Адмиралъ Корниловъ“ миссія архимандрита Паисія. Составъ миссіи доходитъ до 150 человѣкъ, по большей части молодежи, бодрой и крѣпкой, выбиравшейся начальникомъ ен съ особеннымъ вниманіемъ. Съ миссіей ѣдетъ еще пятьдесятъ казаковъ съ Ашиновымъ во главѣ.

— Одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей Сѣвера — Палеостровскій (Олонецкой губ., Петрозаводскаго уѣзда, на островѣ Пальѣ, на Онежскомъ озерѣ), основаніе котораго относятъ одни къ XII, а другіе къ XIV вѣку, подвергся большому несчастію: 29 минувшаго ноября сгорѣлъ каменный двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ, кромѣ келій, въ томъ числѣ и настоятельской, помѣщалась неотдѣланная еще внутри церковь. Убытки отъ пожара велики: всего на 62,280 руб.

Военное и морское дѣло.

— Опубликованы: приказъ по военному вѣдомству о сформированіи съ 1 сентября пяти кадровыхъ обозныхъ баталіоновъ и положеніе объ обозныхъ баталіонахъ.

— Въ послѣдній рейсъ изъ Александріи въ Одессу, пароходъ „Чихачовъ“ перенесъ сильный штормъ, какого ему еще не приходилось испытывать. Выйдя изъ Александріи 2 сего декабря, пароходъ около 6 часовъ вечера, попалъ въ этотъ штормъ, который къ ночи дошелъ почти до степени урагана. Благодаря опытности и энергіи капитана г. Ринье и дружнымъ усиліямъ всего экипажа, пароходъ счастливо избѣгнулъ опасности. Въ настоящее время, по сообщенію *Новороссійскаго Телеграфа*, на пароходѣ „Чихачовъ“ идутъ работы по исправленію поврежденій.

Торговля.

— Въ Харьковѣ начался подвозъ товаровъ на Крещенскую ярмарку. Въ этомъ году товары отправляются съ фабрикъ раньше, чѣмъ прежде. Виды на ярмарочную торговлю очень хорошіе; надѣются на большой сбытъ лѣтнихъ товаровъ, которыхъ вездѣ осталось мало.

— Движеніе хлѣбныхъ грузовъ къ Севастопольскому порту необычайно большое. Для увеличенія оборота вагоновъ администрація дороги устраиваетъ ночную выгрузку хлѣба; станція и станціонные пути будутъ освѣщены электричествомъ.

Народное просвѣщеніе.

— Въ 1838 году былъ изданъ указъ Святѣйшаго Синода объ учрежденіи приходскимъ духовенствомъ начальныхъ народныхъ училищъ, которыя и стали открываться въ слѣдующемъ 1839 году. Въ наступающемъ 1889 г. значитъ исполнится пятидесятилѣтній юбилей церковно-приходской школы.

— Правленіе Закавказской желѣзной дороги намѣрено устроить два особые вагона, въ которыхъ будутъ помѣщаться: въ одномъ церковь, а въ другомъ подвижная школа. Послѣдній вагонъ представляетъ новинку, еще не практиковавшуюся ни на одной изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ немъ будетъ находиться нѣсколько отдѣленій—для жилища учителя, для помѣщенія самой школы, и проч. Вагонъ будетъ въ теченіе цѣлаго года переѣзжать съ мѣста на мѣсто, останавливаясь на болѣе или менѣе продолжительное время тамъ, гдѣ это будетъ найдено необходимымъ и гдѣ дѣти желѣзнодорожныхъ служащихъ терпятъ въ особенности много неудобствъ отъ неимѣнія вблизи станціи школъ.

Театръ и музыка.

— 11 декабря, въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, артистъ императорскихъ театровъ В. И. Главачъ исполнилъ на „гармоніпіано“, послѣ объясненія механизма этого новаго усовершенствованія рояля, нѣсколько музыкальныхъ пьесъ. Затѣмъ г. Главачъ игралъ на гармоніумѣ, вновь построенномъ фабрикою Шидмайеръ.

— Въ открытомъ недавно въ С.-Петербургѣ собраніи врачей 20 декабря былъ музыкальный вечеръ, на которомъ были исполнены, подъ аккомпаниментъ фортепіано, съ участіемъ любителей, три картины изъ оперы „Евгеній Онѣгинъ“ г. Чайковскаго (сцена письма, объясненіе Татьяны съ Онѣгинымъ и дуэль). Женскій хоръ составляли ученицы г-жи Платоновой.

Наука.

— 21 декабря, въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго общества членъ-сотрудникъ, Dr. А. В. Елисѣевъ сдѣлалъ сообщеніе „О пещерныхъ обитателяхъ Палестины“.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Московскаго общества испытателей природы, президентъ Общества профессоръ Ѳ. А. Бредихинъ сдѣлалъ, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, сообщеніе относительно образованія періодическихъ кометъ изъ параболическихъ. Профессоръ Бредихинъ вывелъ изъ многолѣтнихъ наблюденій надъ падающими звѣздами заключеніе, что въ кометахъ совершается особый процессъ, проявляющійся въ отдѣленіи отъ тѣла кометы частей и частицъ, не доведенныхъ до молекулярнаго разъединенія. Отъ такого дѣйствія орбиты этихъ частицъ преобразовываются изъ параболъ въ эллипсисы съ весьма различными временами обращенія, чѣмъ и обусловливается годичная періодичность метеорныхъ потоковъ.

— Въ теченіе двухъ дней, 18 и 19 декабря, въ гор. Кіевѣ наблюдалось весьма интересное атмосферическое явленіе, извѣстное подъ названіемъ ложныхъ солнцъ. По обѣ стороны солнца были видны блестящіе круги, также наподобіе солнцъ. Между этими солнцами находились блестящіе вертикальные столбы.

Некрологъ.

— Въ Москвѣ, 26 декабря, въ шесть часовъ вечера, скончался предсѣдатель общества драматическихъ писателей, извѣстный переводчикъ Кальдерона и др испанскихъ драматурговъ, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ.

— 27 декабря, скончался въ СПБ. членъ военнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи Иванъ Сергѣевичъ Лутковскій.

Смѣсь.

Объ искренности Наполеона III съ особой похвалой упоминаетъ во многихъ мѣстахъ своихъ интересныхъ мемуаровъ герцогъ Эрнстъ Кобургскій. Такъ напр., говоря о походѣ въ Италію, герцогъ высказываетъ слѣдующее: „Когда я встрѣтилъ императора въ Баденъ-Баденѣ, онъ не скрывалъ, что считаетъ свои итальянскія побѣды дѣломъ чистаго случая. Между прочимъ, о личныхъ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, разсказывались, по его словамъ, величайшія небылицы, какъ, напр., о томъ, что при Маджентѣ пулей разорвало ему эполеты.—„Je n'ai jamais entendu siffler une balle“. (Я никогда не слышалъ свиста пули), говорилъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ненавидѣлъ войну.—„Le hazard joue un trop grand rôle“. (Слишкомъ большую роль играетъ случай). Армія, по его словамъ, была въ самомъ плохомъ состояніи, а генералы неспособны предводительствовать большой арміей. Австрійцы дрались гораздо лучше французовъ и—присовокупилъ онъ,—нѣтъ сомнѣнія, что они выиграли бы битву при Сольферино, еслибъ были выдвинуты резервы“. Герцогъ разсказываетъ далѣе, что Луи Наполеонъ, во время сраженія, сильно страдалъ желудкомъ, что заставило его провести почти весь день въ близлежащей виллѣ. (С.)

О покойномъ императорѣ Фридрихѣ, въ числѣ другихъ анек-

Выдержки изъ отзывовъ прессы о роскошномъ иллюстрированномъ изданіи А. Ф. Маркса:

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ

(обѣ части) въ переводѣ **А. ФЕТА.**

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

(№ 4580, 17 ноября 1888 г.).

Издатель „Нивы“ г. Марксъ выпусталъ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте, въ переводѣ А. А. Фета, обѣ части. Изданіе въ полномъ смыслѣ слова прекрасное, и по бумагѣ, и по шрифту, и по печати, и по переплету, для котораго сдѣланъ былъ особый рисунокъ и штампъ. Изданіе украшено рисунками (25) Зейбергца, въ средневѣковомъ, выдержанномъ стилѣ, и 130-ю иллюстраціями. Это —огромный томъ, въ листъ, который перелистывать можно съ удовольствіемъ, останавливаясь на рисункахъ... и т. д.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 329, 28 ноября 1888 г.).

...Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена внѣшняя сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса—почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр... Гравюры оттиснуты на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ средневѣковаго характера... Вообще, въ изданіи совершенно отсутствуютъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола.

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

(№ 272, 14 декабря 1888 г.).

...Наилучшій изъ послѣднихъ переводовъ на русскій языкъ обѣихъ частей „Фауста“ принадлежитъ нашему маститому поэту - лирику А. Фету. Этотъ переводъ очень выдѣляется изъ всѣхъ существовавшихъ до него тѣмъ, что въ немъ читатель находитъ сохраненными всѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника... Это изданіе представляетъ собою весьма удачный опытъ присоединенія къ тексту „Фауста“ соотвѣтствующихъ рисунковъ... Рисунки отличаются строгою выдержанностью стиля и тонкимъ пониманіемъ изображаемыхъ въ нихъ моментовъ драмы. Въ изданіи перевода А. Фета, они переданы въ превосходныхъ эстампахъ, числомъ до 25-ти, работы лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ-граверовъ. Кромѣ того, изданіе украшено многочисленными, гравированными на деревѣ, рисунками.

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 346, 16 декабря 1888 г.).

Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу—мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много)—хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...

„НОВОСТИ“

(№ 346, 15 декабря 1888 г.).

Съ большимъ удовольствіемъ перелистали мы это роскошное in-folio, напечатанное крупнымъ краснвымъ шрифтомъ на толстой слоновой бумагѣ и украшенное цѣлой галереей большихъ, прекрасныхъ гравюръ на мѣди. Мы можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, что „Фаустъ“ впервые изданъ въ Россіи съ тою пышностью и достоинствомъ, какія подобаютъ внутреннимъ достоинствамъ и міровому значенію этого классическаго произведенія. Издатель, видимо, не пожалѣлъ ни труда, ни затратъ на выполненіе этого прекраснаго изданія, которое можно назвать образцовымъ и въ типографскомъ, и въ художественномъ отношеніи... Вполнѣ одобряемъ мы и самый выборъ перевода для такого роскошнаго изданія. Переводъ Фета былъ, въ данномъ случаѣ, совершенно правильно предпочтенъ другимъ русскимъ переводамъ, какъ наиболѣе близкій къ подлиннику и наиболѣе художественный. Отъ души желаемъ успѣха прекрасному изданію А. Ф. Маркса ..

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

(№ 1038, 10 декабря 1888 г.).

...Дать русской интеллигентной публикѣ полный переводъ произведенія Гёте, имѣющаго міровое значеніе — мысль сама по себѣ прекрасная. Еще прекраснѣе ея выполненіе. Смѣло скажемъ, публика не видала еще ничего подобнаго. Даже заграницей, гдѣ дѣло издательское поставлено превосходно, подобныя истинно художественныя изданія встрѣчаются не часто. Внѣшность книги вполнѣ гармонируетъ съ текстомъ... Переводъ сдѣланъ размѣромъ подлинника; стихъ риѳмованный и отличается той плавностью, которая вообще свойственна поэзіи Фета... Мы, конечно, можемъ смѣло рекомендовать этотъ chef-d'oeuvre русской публикѣ...

„Journal de St.-Pétersbourg“

(№ 331 du 11 Decembre, 1888).

..M. Marcks, l'intelligent et énergique éditeur de la „Niva“, a fait paraitre, à titre de livre d'étrennes de Noël, une traduction russe en vers du Faust de Goethe, qui est à la fois la plus belle publication de la librairie russe moderne et une oeuvre litteraire d'un mérite hors ligne, destinée à faire époque dans la série déja longue des versions russes de l'immortelle poème dramatique du plus grand et du plus profond des poetes allemands...

Avoir eu l'idée de donner à l'oeuvre grandiose conçue et victorieusement accomplie par le nouveau traducteur du Faust un cadre digne d'elle, ne pouvait venir en tête qu'à un véritable artiste. M Marcks a su cette idée et il l'a réalisée avec une hardiesse surprenante. Son édition du Faust est un livre comme il n'en existait pas encore dans la librairie artistique russe.

Le volume a pour étui un élégant et solide cartonnage qu'on peut exposer sans offusquer les yeux sur la table du salon le plus élégant ou caser sur les rayons de la bibliothèque la mieux tenue. Le prix de l'édition de M. Marcks est d'une modicité relative à peine croyable. Il est meilleure preuve de ce que l'éditeur n'avait point en vus une de ces spéculations que la librairie moderne est devenue si habile, depuis quelque temps, à dissimuler sous de fallacieux dehors de désintéressement artistique. Si tout le tirage s'écoule on n'arrivera évidement qu'à couvrir les frais de cette publication.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

(№ 329, 29 ноября 1888 г).

Названное изданіе составляетъ выдающееся явленіе въ области нашей литературы. Едва ли у насъ на частныя средства издавалось нѣчто подобное; безсмертное произведеніе Гёте превосходно переведено А. Фетомъ... Книга снабжена художественными иллюстраціями Зейбертца и многочисленными рисунками. Чтобы судить о роскоши этого великолѣпнаго изданія, достаточно указать, что оно напечатано на 100 листахъ веленевой бумаги in folio; вслѣдствіе этого и затраты г. Маркса на него были громадныя... Въ полномъ успѣхѣ этого вполнѣ художественнаго и роскошнаго изданія не можетъ быть и сомнѣнія.

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 147, 11 декабря 1888 г.)

...„Фаустъ“ Гёте—настольная книга каждаго сколько-нибудь развитаго, мыслящаго человѣка. Неудивительно, что извѣстному издателю не менѣе извѣстной „Нивы“, г. Марксу, пришла счастливая идея издать великое твореніе Гёте самымъ роскошнымъ, можно сказать, монументальнымъ образомъ, какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны. Переводъ „Фауста“ сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ-писателемъ Фетомъ и можетъ, по справедливости, считаться лучшимъ переводомъ „Фауста“... г. Фетъ снабдилъ свой капитальный трудъ необходимыми поясненіями и комментаріями, желая, чтобы каждый, читая „Фауста“, могъ вполнѣ усвоить и понять все кажущееся темнымъ и загадочнымъ... Такихъ великолѣпныхъ изданій въ нашей литературѣ не много... Шрифтъ, виньетки, рисунки въ текстѣ, все верхъ изящества... Книга переплетена въ шагрень, съ золотымъ обрѣзомъ... и т. д.

St.-Petersburger Zeitung

(№ 342, vom 7 December 1888).

...Wir halten es für eine einfache Pflicht der Gerechtigkeit, zu erklären, dass uns aus dem gesammten Russischen Verlage kein zweites Werk bekannt ist, das auf gleicher Höhe ästhetischer Vollkommenheit stände. Die ganze Ausgabe ist, was Illustration, Text, Druck, Papier, Einband anlangt, mustergiltig und macht den erfreulichsten Eindruck. Pracht eint sich mit Würde, solider, nicht prahlerischer Reichthum mit edelem Geschmack, um ein Ganzes zu bieten, das bildend und erhebend auf die Kreise wirken muss, für die die kostbare Ausgabe bestimmt ist...

Als Illustrationen hat der Verleger die Bilder von Engelbert Seibertz gewählt, die meisterhaft von Adrian Schleich gestochen sind... Ein Goethereifer, tief in die Dichtung eingedrungener Geist spricht aus diesen gedankenvollen Compositionen...

Wahrlich nicht der letzte Vorzug der Marcks'schen Prachtausgabe ist die Uebersetzung von A. Feth (Schenschin)...

Das Werk, au dem unser grösster Genius ein selten langes Leben von den Jünglingsjahren bis ins hohe Greisenalter gearbeitet, das dem Deutschen als die Blühte und Quintessenz seiner Literatur gilt, das den geistigen Gehalt unserer Kultur, unseres Geisteslebens in knappe Form zusammenpresst — ein solches Buch einer andern Nation zu eigen zu machen, das ist wahrlich ein hohes Verdienst und alles Lobes und Dankes werth.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 руб.

Желающіе пріобрѣсти это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ 10. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе	въ **1** разъ	**6** р.,	**иногородные**	**10** р.,	и получаютъ	**1** выпускъ
„	во **2** „	**6** р.,	„	**8** р.,	„	**2** „
„	въ **3** „	**6** р.,	„	**5** р.,	„	**3** „
„	въ **4** „	**5** р.,	„	**5** р.,	„	**4 и 5** „
„	въ **5** „	**5** р.,	„	**5** р.,	„	**6 и 7** „
„	въ **9** „	**4** р.,	„	**2** р.,	„	**8, 9 и 10** „

Отдѣльно кожаная (шагреневая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПБ.

1-й заемъ 1864 года. 48-й тиражъ 2-го января 1889 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
12	23	500	2252	47	500	5249	48	500	7560	18	500	9742	26	1000	12291	30	500	14744	7	1000	17103	30	500
19	17	500	2260	46	8000	5282	16	500	7638	19	1000	9780	27	500	12303	33	5000	14857	29	500	17338	17	500
58	30	500	2263	31	500	5301	27	500	7755	2	500	9900	45	500	12376	44	500	14913	29	500	17354	16	500
213	26	500	2350	39	500	5371	41	500	7762	13	500	9940	17	500	12415	44	500	14918	28	1000	17429	20	500
268	15	500	2426	27	500	5409	28	500	7848	11	500	10004	41	500	12556	47	500	15031	15	500	17520	23	500
317	16	500	2457	15	500	5489	40	500	7857	27	500	10172	48	500	12820	3	500	15266	31	500	17589	37	500
381	40	500	2546	42	500	5545	34	500	7943	14	5000	10222	14	500	12884	3	500	15312	31	500	17712	30	500
602	7	500	2748	17	1000	5652	28	500	8006	9	500	10322	15	500	12922	40	500	15422	5	500	18058	49	500
608	18	500	2895	19	500	5744	25	500	8023	2	1000	10358	38	500	12941	42	500	15456	18	5000	18187	27	500
612	15	500	2898	15	1000	5753	31	500	8151	5	500	10365	26	500	12943	20	1000	15536	24	500	18300	18	500
622	15	500	2923	23	500	5809	24	500	8190	30	500	10399	35	500	13137	22	500	15588	31	500	18353	43	500
719	47	500	2968	10	500	5811	47	10000	8267	40	500	10475	6	8000	13143	48	500	15650	21	1000	18548	34	500
737	12	500	3328	38	8000	5869	31	1000	8321	27	500	10499	7	75000	13166	48	500	15734	7	500	18629	28	500
798	30	500	3517	40	500	5908	12	500	8508	10	500	10579	37	500	13280	39	500	15738	37	500	18681	38	500
819	34	500	3568	31	500	6043	1	500	8513	4	500	10653	1	8000	13407	12	500	15812	32	1000	18687	11	500
839	32	1000	3610	47	500	6054	50	500	8584	16	500	10745	48	500	13410	33	500	15813	48	500	18694	23	500
845	43	500	3700	19	500	6102	25	500	8597	35	500	10758	5	5000	13449	50	500	15910	20	500	18707	13	500
958	43	500	3765	26	500	6183	39	500	8769	11	500	10876	8	500	13619	47	500	15924	1	500	18773	46	500
969	3	500	3902	6	500	6271	35	500	8782	1	500	10957	15	25000	13634	13	500	16165	25	500	18810	5	500
1091	4	5000	3948	14	5000	6282	6	500	8798	6	500	10963	48	500	13777	5	1000	16165	42	500	18933	25	1000
1199	6	500	3980	12	500	6298	30	500	8976	15	500	11215	14	500	14040	35	500	16186	24	500	18955	14	500
1204	10	500	4162	7	500	6382	26	500	8976	38	500	11216	32	500	14111	4	500	16219	24	500	19048	11	500
1330	4	500	4191	20	500	6393	35	500	8986	20	500	11225	25	500	14117	26	500	16232	25	10000	19114	4	500
1367	5	500	4192	33	10000	6440	3	500	9027	16	500	11252	14	500	14149	41	500	16362	47	500	19172	4	500
1372	13	500	4258	28	500	6507	28	500	9035	41	5000	11301	6	500	14151	28	500	16397	7	40000	19207	43	500
1390	11	500	4273	1	500	6518	10	500	9096	10	500	11416	3	500	14259	24	500	16412	49	5000	19219	36	500
1424	30	500	4321	6	500	6589	30	500	9208	1	1000	11469	39	500	14264	26	500	16426	12	500	19478	9	500
1529	15	500	4337	4	500	6618	6	500	9289	3	500	11492	17	500	14307	1	500	16526	4	500	19520	19	500
1581	21	500	4368	48	500	6649	21	500	9326	28	1000	11573	6	500	14479	44	500	16607	44	500	19548	39	500
1681	27	500	4790	24	500	6663	2	8000	9425	38	500	11643	38	500	14537	30	500	16648	44	500	19719	14	500
1711	44	500	4791	9	500	6788	50	500	9452	39	500	11741	50	500	14538	5	500	16681	17	500	19724	28	500
1747	5	500	4812	4	1000	6872	23	500	9461	27	500	11783	27	500	14656	29	500	16723	8	500	19726	26	500
1809	27	500	4858	41	500	7279	29	500	9561	28	500	11887	34	500	14658	30	500	16758	26	500	19771	47	500
1849	4	500	4871	50	500	7339	38	500	9586	14	500	11894	25	1000	14687	30	500	16773	10	500	19781	10	500
1922	6	500	4912	50	500	7345	25	500	9615	2	500	12119	14	200000	14689	17	1000	16783	9	500	19812	41	500
1962	47	500	4916	42	500	7363	34	500	9630	20	500	12239	21	500	14710	5	500	16955	50	500	19889	2	500
2044	3	500	5192	18	500	7369	22	500	9664	36	500	12281	32	500	14737	5	500	17101	38	500	19979	17	500
2175	22	500	5193	30	1000	7471	50	500	9695	50	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

52, 139, 219, 485, 605, 998, 1270, 1358, 1497, 1581, 1916, 1954, 2250, 2392, 2432, 2909, 3124, 3200, 3559, 3649, 3999, 4266, 4295, 4395, 4445, 4525, 4544, 4607, 4767, 4958, 5624, 6521, 6594, 6608, 6799, 7404, 7511, 7718, 7992, 8183, 8592, 8439, 8632, 9242, 9366, 9656, 9725, 9752, 9871, 10330, 11138, 11176, 11233, 11297, 11335, 11698, 11725, 11758, 11878, 11963, 11987, 13048, 13124, 13555, 13600, 14122, 14289, 14399, 14475, 14527, 14884, 15367, 15394, 15449, 15502, 16113, 16337, 16815, 16909, 17055, 17202, 17778, 17942, 18271, 18312, 18440, 18460, 18875, 19369, 19455, 19556, 19905.

дотовъ, разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующіе. Первый изъ нихъ относится къ тому времени, когда императоръ, тогда еще кронпринцъ, жилъ со своимъ семействомъ на морскихъ купаньяхъ Викъ на островѣ Фѣрѣ (Wyk auf Föhr). Однажды кронпринцъ, вмѣстѣ со своей супругой, предпринялъ прогулку по живописному берегу острова. Взоры его остановились на темной синевѣ моря и, погруженный въ созерцаніе чудной картины природы, онъ отсталъ нѣсколько отъ своей жены, которая ушла впередъ. Тутъ онъ былъ остановленъ разговоромъ нѣсколькихъ дамъ, громко высказывавшихъ свое мнѣніе объ одиноко гуляющей особѣ, которой, повидимому, онѣ не знали. Незамѣченный дамами, Фридрихъ слышалъ каждое сказанное ими слово. Когда же болтовня приняла такой оборотъ, который казался принцу въ высшей степени безтактнымъ, онъ подошелъ къ разговаривающимъ и сказалъ серьезнымъ тономъ, указывая на свою супругу: „Если она некрасива, то во всякомъ случаѣ сердечно добра“. Разговоръ тотчасъ прекратился и дамы поспѣшили удалиться.

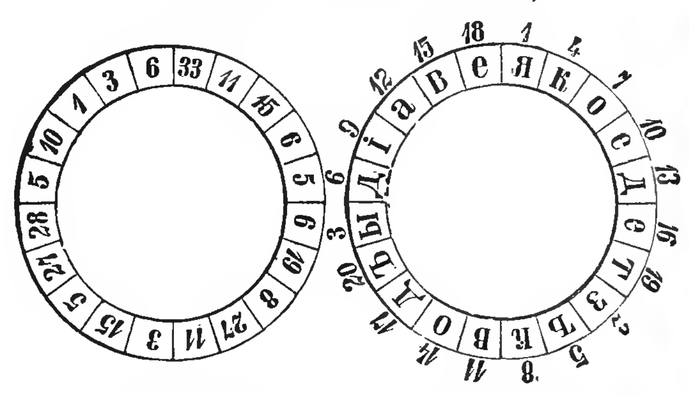
На одномъ изъ большихъ баловъ, въ которыхъ и кронпринцъ принималъ участіе, адъютантъ его подошелъ къ молоденькой дѣвушкѣ и проговорилъ: „По приказанію его высочества, вы танцуете съ нимъ слѣдующій танецъ“. Къ ужасу окружающихъ, которые уже съ весьма понятной завистью смотрѣли на высокую честь, оказанную ихъ такъ-называемой пріятельницѣ, дѣвица отвѣчала спокойно, но рѣшительно: „Никто изъ кавалеровъ не можетъ приказывать мнѣ. Если его высочество желаетъ танцовать со мною, то съумѣетъ найти меня“. Адъютантъ отошелъ съ легкой улыбкой и цѣлый потокъ упрековъ: Какъ ты могла — какъ ты осмѣлилась—развѣ ты не знаешь этикета? и т. д. и т. д. вылился на молодую особу, которая однако продолжала сидѣть на своемъ мѣстѣ, спокойно улыбаясь. Въ ту-же минуту было замѣчено, что кронпринцъ на донесеніе своего адъютанта, разразился веселымъ смѣхомъ и, быстро подойдя къ молодой дѣвушкѣ, проговорилъ ей съ любезнымъ поклономъ и самымъ сердечнымъ, дружескимъ тономъ: „На вашемъ мѣстѣ, фрейлейнъ, я бы тоже не позволилъ приказывать себѣ; но такъ какъ я очень желаю танцовать съ вами, то прошу васъ на слѣдующій танецъ“. Счастливая и гордая, молодая дѣвушка понеслась по залѣ со своимъ высокимъ кавалеромъ и до сихъ поръ съ благодарностью хранитъ въ сердцѣ сказанныя имъ слова: „Это препепріятный придворный обычай, противъ котораго вы, дорогая фрейлейнъ, такъ храбро и съ такимъ сознаніемъ своего права возстали сегодня. Можетъ быть, найдутся и другія піонерки, которыя помогутъ вамъ защитить женское достоинство. Благодарю васъ, дорогая фрейлейнъ, за танецъ и за знакомство съ самостоятельнымъ характеромъ“. (с.)

Рѣшеніе ребуса № 76 (помѣщен. въ № 49 1888 г.).

„Языкомъ не торопись, а дѣломъ не лѣнись.“

Рѣшеніе задачи буквъ № 78

(помѣщенной въ № 49 1888 года).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — Н. В. Панкова, А. А Поспѣева, **Москва** — С. М. Перепелкина, Θ Шарикова, С. П. Ирощникова, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Тверь** — З. М. Пазвровой.

Рѣшеніе задачи № 77 (помѣщенной въ № 49 1888 г.).

(1)

ѣ	с	т
а	с	и
е	л	о

(2)

в	ѣ	к
е	л	о
ъ	м	ѣ

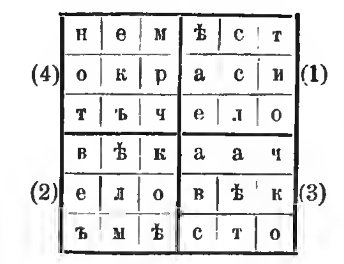
(3)

а	а	ч
в	ѣ	к
с	т	о

(4)

н	е	м
о	к	р
т	ъ	ч

1) Мечи
2) Вѣка
3) Леса
4) М
5) Вѣтеръ
6) Лѣто
7) Сѣнокосъ
8) Точка



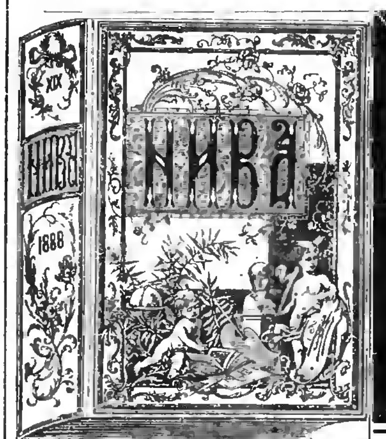
	н	е	м	ѣ	с	т	
(4)	о	к	р	а	с	и	(1)
	т	ъ	ч	е	л	о	
	в	ѣ	к	а	а	ч	
(2)	е	л	о	в	ѣ	к	(3)
	ъ	м	ѣ	с	т	о	

„Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ мѣсто“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Н. Панкова, А. Авельзелвсъ, В. Преображенскаго, Е. Г. Милеоатъ, Г. Г. Ходунова, А. Румянцева-Геллеръ, А. Е. Елисѣева, Ф. Михель, Ф. А. Боронина, А. А. Поспѣева, **Москва**—Е. Клеидо, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Кременчугъ**—Пвреверзева, **Новгородъ**—Покровскаго.

Ребусъ. Задача № 2.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**



КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Скрипки отъ 2½ до 800 руб.
Смычки къ нимъ отъ **50** к. до **60 р.**
Віолончели отъ 25 до 800 р
Гитары въ 3½, 5, 8, 10. 15, 20, 30, 40. 50, 60, 75 р. и дороже.
(Гитары отъ 8 р. и дороже, имѣютъ механизмъ для струнъ).

Мандолины отъ **10** до **125** руб.
Флейты отъ **3** до **175** руб.
Коркетъ-а-пистонъ отъ **18** до **250** руб.
Гармоніи въ громадномъ выборѣ, а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. № 3650

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—**Москва**, Кузнецкій м., домъ Торленкаго.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52
противъ Императ. Публичной Библіотеки
оптовая и розничн. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Никел. открыт.	часы	отъ	7	руб.	и дороже.
Стальн. „	„	„	14	„	„ „
Серебрян. закр.	„	„	15	„	„ „
Зол. дамск. закр.	„	„	30	„	„ „
Зол. мужск. закр.	„	„	50	„	„ „

Ручательство на два года.
Пересылка на счетъ магазина.
Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3630 3-2

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

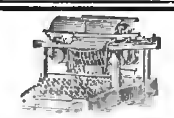
ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

П. П. ГНѢДИЧА.

ДЛЯ ТЕАТРА, ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЬСКИХЪ И ДОМАШНИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенный виньетками. Цѣна этому изящному изданію **2** р., съ пересылкою **2 р. 30 к.**
Съ требованіями обращаться въ Редакцію журнала „Нива“, Невскій, № 6.



ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.
Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.
Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21 Р. № 3373

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE) Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“

предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ. Ѳ. Комиссарову.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ ЗА 1888 ГОДЪ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА:** „Слуги“, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА:** „Вѣчу не быть“, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО:** „Братья Соперники“ и его-же: „Бытовые наброски русской исторіи“, **Я. П. ПОЛОНСКАГО:** „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА:** „Бригадирская внучка“, большую повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО:** „Исторія одного таланта“, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО:** „Заповѣдный лѣсъ“, комедію **В. КРЫЛОВА:** „Сорванецъ“, повѣсть **А. ЗАХАРОВА:** „Защита Нарвы“, разсказъ **Е. А. САЛІАСА:** „Онъ-же“, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО:** „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, **„Сборника повѣстей и разсказовъ“** извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. **5 р. 50** к.
Съ пересылкою . . . 6 р. Съ пересылкою . **7 р. 50** к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12 3

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во **всѣхъ парфюмерныхъ** магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника Л. П. СЕРГѢЕВА.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящн. литограф. обертке 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля: въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная. 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива“** (Невскій. 6).

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года. ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ. ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 850 руб. Салонные рояли 900 и 1,000 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.
№ 3616 3—3

Дозвол. ценз., СПБ., 4 января 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, [illegible], д. 1.

XX г. № 3 — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 14 января 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Ручной левъ. Съ фотогр. доставл. д-ромъ А. В. Елисѣевымъ, грав. Ольшевскій.

Ручной левъ.

(Изъ путешествія Dr. **А. В. Елисѣева**). (Рис. на стр. 65).

Пять-шесть лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ на почву древняго Карѳагена пришелъ интеллигентный и бойкій французъ и принялся за перестройку на европейскій ладъ наслѣдія финикіянъ, римлянъ, вандаловъ и аравитянъ. Пали на этой почвѣ великій Карѳагенъ, царство Гензериха, могучій Магребъ и владычество грозныхъ Варварійскихъ деевъ, царившихъ нѣкогда на Средиземныхъ моряхъ. Послѣдній полунезависимый дей Туниса почти безъ сопротивленія отдался въ руки своихъ сосѣдей, которые скрутили его по рукамъ и по ногамъ и овладѣли всею страною со священнымъ Кайруаномъ до самыхъ пустынь необъятной Сахары. Все сдѣлалось такъ, какъ то дѣлается и въ другихъ колонизируемыхъ европейцами странахъ. Пришли прежде всего колонисты и солдаты; появились во всѣхъ уголкахъ страны небольшіе домики и укрѣпленія, въ которыхъ пришлый франкъ и засѣлъ крѣпко. Не успѣла очнуться давно заснувшая страна, какъ большія дороги прорѣзали Тунисъ, рельсовый путь прошелъ по развалинамъ Карѳагена, пересѣкая всю страну, и ушелъ въ Алжирію для соединенія съ тамошнею сѣтью желѣзныхъ дорогъ; на берегахъ древняго Баграда, гдѣ нѣкогда великая змѣя остановила легіоны Регула, шедшаго на Карѳагенъ, выросли какъ изъ земли бѣлые домики фермеровъ, появились усовершенствованныя орудія земледѣлія, прошелъ грузный омнибусъ, и въ горахъ, гдѣ еще недавно рыкали львы, показались небольшія постройки, носящія громкое названіе отелей, ресторановъ и тавернъ.

Старый, дряхлый Тунисъ сталъ просыпаться подъ могучимъ напоромъ французской цивилизаціи, но не для того, чтобы зажить прежнею славною жизнію, когда еще стояло великое царство Магреба, а для жизни новой, которую пришли въ него вдохнуть немногочисленные, но сильные культурою и умомъ европейцы. Расшевелился старый Магребъ, и на площадяхъ царицы бѣлаго Туниса послышались веселые звуки французской рѣчи, звонки омнибусовъ и пѣсни заѣзжихъ изъ Европы пѣвцовъ. Какъ однако ни стараются внести свою культуру европейцы въ старый, помнящій свою древнюю славу Тунисъ, онъ остался тѣмъ-же чѣмъ былъ и раньше; новая одежда прикрыла лишь старое рубище; новый Тунисъ сталъ рядомъ со старымъ Магребомъ, пришлые люди не смѣшались съ кореннымъ берберскимъ населеніемъ Туниса. Скромный туземецъ Магреба, безсильный противъ власти франка, заключился въ самомъ себѣ и рѣшился скорѣе умереть чѣмъ стать похожимъ на невѣрнаго, надѣть его платье и говорить его рѣчью на мѣсто благородной рѣчи темакахъ.

Какъ ни трудно было, но все вынесли бѣдные люди Магреба; имъ некуда было уйти изъ насиженныхъ ихъ предками мѣстъ, а потому они терпѣли, хотя терпѣніе для многихъ и равносильно смерти... Могучій левъ Атласа, такой-же исконный обитатель Магреба, какъ и древній берберъ, тоже ненавидящій всѣмъ своимъ существомъ европейца и неразлучную съ нимъ культуру, которая приноситъ въ даръ нецивилизованнымъ странамъ прежде всего усовершенствованное оружіе,—не стерпѣлъ вѣянія грядущей культуры и ушелъ подальше отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ появился колонистъ, собака, плугъ, магазинка и омнибусъ... Горы Атласа, по преданію, касавшіяся неба, много столѣтій дававшія пріютъ могучему варварійскому льву, теперь уже не стали безопасны для него и грозятъ скрытою засадою врага, вооруженнаго хитрымъ новымъ оружіемъ. Предъ нимъ безсильно непоколебимое мужество льва, его ужасающая сила, ловкость и даже рыканіе, потрясающее скалы и лѣса. Пришлый европеецъ съ нарѣзнымъ штуцеромъ не боится льва какъ жалкій туземецъ, выходившій съ копьемъ и кремневкою противъ могучаго царя звѣрей.

Со временъ знаменитаго Жерара, истребившаго львовъ въ Алжиріи, не мало французскихъ охотниковъ пробовало свои силы въ борьбѣ съ царемъ звѣрей, и хотя не мало ихъ также погибло на благородной охотѣ, но все-таки левъ Атласа былъ побѣжденъ, покинулъ поле неравной битвы и ушелъ въ горы Кабиліи и Ауресъ, въ дебри Марокко и Туниса, куда дотолѣ не достигалъ еще европеецъ... Но скоро проныривый европейскій охотникъ пришелъ за львомъ и въ эти заповѣдныя отъ вѣка дебри. Царь звѣрей, доселѣ не встрѣчавшій себѣ противника на землѣ, бѣжалъ отсюда въ горы и пустыни Сахары, да въ тѣ уголки Магреба, гдѣ до сей поры владычествуетъ единственный берберскій владыка, блестящій императоръ Марокко. Свершилось... Судьба льва рѣшена въ сѣверной Африкѣ, для него нѣтъ уже мѣста тамъ, гдѣ онъ еще недавно царилъ. Многіе путешественники, переѣхавшіе сѣверную Африку въ разныхъ направленіяхъ, не только не видали льва, но даже и не упоминаютъ о немъ. Онъ пропадаетъ повсюду въ бывшихъ Варварійскихъ владѣніяхъ, какъ пропали оттуда слонъ, носорогъ и крокодилъ, обитавшіе въ Нумидіи еще во времена цезарей Рима. Рѣдко теперь въ горахъ и дебряхъ Атласа слышится голосъ вопіющаго въ пустынѣ; наперечетъ нынѣ, можно сказать, всѣ львы Алжиріи и Туниса, и не далеко то время, когда подъ мѣткою пулею французскаго охотника падетъ и послѣдній варварійскій левъ... Мнѣ помнится невольно то небольшое, но дикое ущелье въ южномъ Тунисѣ, которое недавно прорѣзала большая дорога въ Кайруанъ; на обрывѣ сѣрой скалы тамъ высится бѣленькій домикъ, а на немъ блеститъ новая вывѣска—Hôtel des Lions. На этомъ мѣстѣ всего пять лѣтъ тому назадъ, говоритъ мѣстное преданіе, было убито шесть или семь львовъ... Не было тогда проѣзда по страшному ущелью, гдѣ царили могучія кошки; самые храбрые охотники избѣгали этого проклятаго мѣста, погубившаго цѣлые десятки жертвъ... Но пришелъ одинъ безтрепетный охотникъ — капитанъ французскихъ егерей, и подъ его штуцеромъ одинъ за другимъ, какъ намѣченныя жертвы, пали всѣ могучіе и кровожадные львы... Одинъ изъ нихъ предъ смертью отомстилъ человѣку за своихъ товарищей и успѣлъ въ агоніи задушить капитана. Мертваго, истерзаннаго охотника нашли въ страшныхъ объятіяхъ послѣдняго издыхавшаго льва...

Съ той поры ущелье стало тихимъ и мирнымъ; появились тамъ фермеры и рабочій людъ... Мирно пасутся черныя овечки на склонахъ сѣрой скалы, ихъ стерегутъ дѣти колонистовъ, кромѣ хворостинки не имѣющія никакого другаго оружія; въ страшной пещерѣ, служившей пріютомъ львиной стаи и цѣлымъ кладбищемъ обглоданныхъ людскихъ и звѣриныхъ костей, теперь часто играютъ дѣти, пугая другъ друга разсказами о львахъ притаившихся въ трещинахъ... Такихъ мѣстностей не мало въ Алжиріи и Тунисѣ; сохранилась лишь память о львиныхъ пещерахъ, засадахъ и любимыхъ мѣстахъ; есть лѣски, горныя выбоины, канавки, груды камней и масса другихъ урочищъ, къ которымъ пріурочены страшные разсказы о львахъ. Какъ память о страшномъ завоевателѣ, много столѣтій угнетавшемъ страну, хранится память о львахъ, царившихъ дѣйствительно въ нѣкоторыхъ уголкахъ Магреба и дѣлавшихъ ихъ необитаемыми для человѣка. Плохо вѣрится иногда этимъ разсказамъ гдѣ-нибудь въ веселомъ ресторанѣ или на цвѣтущей верандѣ, гдѣ слышатся звуки дребезжащаго фортепьяно и веселые мотивы французскихъ шансонетокъ; еще недавнія охотничьи похожденія этихъ героевъ „львиной войны“ кажутся миѳомъ или легендою, давно отошедшею въ область сказаній; сами львы кажутся сказочными звѣрьми, созданными въ воображеніи туземцевъ.

Въ европейскихъ циркахъ и звѣринцахъ встрѣчается не мало прирученныхъ и смирныхъ львовъ, продѣлывающихъ разныя штуки; но по этимъ жалкимъ экземплярамъ нельзя и судить о могучихъ хищникахъ, только что перенесенныхъ въ неволю изъ дебрей африканскихъ лѣсовъ. Если еще во времена Карѳагена, Нумидіи и Рима въ сѣверной Африкѣ было распространено прирученіе львовъ, отправляемыхъ въ цирки вѣчнаго города, то можно думать, что давнымъ давно по капризу гордаго человѣка накладывались цѣпи на самого царя звѣрей. Африканскіе властители всегда любили видѣть прирученныхъ львовъ у своего престола, и вѣроятно многимъ еще знакомъ изъ воспоминаній дѣтства очень распространенный рисунокъ, изображающій Абиссинскаго негуса, сидящаго на тронѣ и окруженнаго четырьмя прирученными львами. Императоры Марокко и нѣкоторые негритянскіе князьки центральной Африки донынѣ позволяютъ себѣ эту роскошь, и весьма часто у жестокихъ тирановъ темнаго материка ручные львы служатъ исполнителями казни надъ провинившимися подданными. Путешественникъ Габботъ, бывшій свидѣтелемъ такой ужасной и скорой казни, едва и самъ не подвергся таковой по капризу чернаго царька, уже махнувшаго рукою четвероногимъ палачамъ, остановленнымъ лишь счастливою случайностью, спасшею жизнь трепетавшему европейцу.

Въ сѣверной Африкѣ, давно раздѣленной между нѣсколькими варварійскими властителями, ручные или, лучше сказать, прирученные и усмиренные львы, хотя и пользовались особенною любовью и почетомъ, но никогда не были особенно распространены. У арабскихъ писателей, оставившихъ извѣстія о великомъ Берберскомъ царствѣ и о народахъ его населявшихъ, есть нѣсколько указаній на прирученныхъ львовъ; но можно думать, что ихъ никогда не было много въ Магребѣ, хотя нѣсколько экземпляровъ львовъ, ходящихъ на цѣпи со своими хозяевами наподобіе ученыхъ медвѣдей, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ сохранилось въ сѣверной Африкѣ, не смотря на гоненіе, воздвигнутое европейцами на подобнаго рода спортъ. Въ южномъ Тунисѣ, на границѣ Триполійскаго регентства, намъ самимъ въ 1884 году по крайней мѣрѣ удалось увидѣть прекрасный экземпляръ прирученнаго льва.

Это былъ великолѣпный представитель благородной породы варварійскаго льва, сохранившій прирожденную осанку, гордость и красоту, не смотря на десятилѣтній плѣнъ, угнетавшій его. Я никогда не забуду того сильнаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня этотъ первый видѣнный не въ звѣринцѣ и не въ клѣткѣ левъ. Возвращаясь тогда изъ неудачной экскурсіи къ воротамъ триполитанской Сахары, я остановился въ одной берберской деревушкѣ, гдѣ было нѣчто въ родѣ *хана*, дававшаго пріютъ небольшимъ караванамъ. Десятки верблюдовъ наполняли небольшой дворикъ и песчаную пло-

щадку передъ нимъ. Груды товаровъ, отправлявшихся въ Феццанъ, вьюки и кучи колючей степной травы, положенной передъ отдыхавшими верблюдами, группы погонщиковъ, суетившихся около животныхъ,—все это, освѣщенное золотыми и красными лучами заходящаго солнца, представляло обычную и знакомую картину ежедневнаго ночлега каравановъ. Занявшись продолженіемъ запущеннаго дневника, я мало обращалъ вниманія на окружающее и писалъ свои замѣтки на своемъ дорожномъ чемоданѣ, замѣнявшемъ походный столъ, подъ защитою огромнаго верблюда, прикрывавшаго меня отъ ослѣпительныхъ лучей солнца. Все было тихо, погружено въ отдыхъ, кейфъ и созерцаніе вечерней тишины. Животныя и люди, истомленные тяжелымъ дневнымъ переходомъ по африканской жарѣ, по выраженію туземцевъ, дѣлали сладкій кейфъ и вдыхали благорастворенный, живящій вечерній воздухъ, навѣянный вечернею прохладою. Всѣ ожидали тихаго наступленія ночи—лучшаго времени въ знойной пустынѣ, не представляющей тѣни...

Но вотъ вдругъ какъ-то судорожно зашевелился всѣмъ своимъ тѣломъ прикрывавшій меня верблюдъ: онъ вытянулъ длинную шею, понюхалъ воздухъ, потомъ шарахнулся и при быстромъ своемъ подъемѣ опрокинулъ своего сосѣда, погруженнаго въ усердное писаніе дневника. Я не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго паденія, какъ все вокругъ меня зашевелилось... Десятки верблюдовъ, словно по какой-то безмолвной командѣ, вдругъ вскочили, судорожно затряслись огромными тѣлами и выказали такое необыкновенное безпокойство, что это невольно сообщилось и мнѣ, какъ и другимъ мирно кейфовавшимъ сотоварищамъ по каравану. Всполошилось все вокругъ, словно по тревогѣ въ виду внезапно появившагося врага. За страшною суетою мы не сразу разсмотрѣли причину общей суматохи, и продолжали толкаться на мѣстѣ, сдавливаемые трепетавшими верблюдами, которые отступали передъ невидимымъ врагомъ.

Вскорѣ однако дѣло объяснилось, когда за поворотомъ небольшаго проулка, проходившаго между мазанками деревушки, показался огромный левъ, сопровождаемый тремя оборванцами арабами, ведшими его на цѣпи. Первое впечатлѣніе этого зрѣлища было ужасно, не смотря даже на тяжелыя цѣпи, повидимому сдерживавшія льва. Скованный царь звѣрей шелъ такою гордою поступью, что казалось, будто плѣнъ вовсе не стѣснялъ его дикой и могучей натуры. Глаза его, увидавшія переполохъ, произведенный его появленіемъ въ караванѣ, блистали ярко, словно въ нихъ горѣлъ огонь хищника при видѣ лакомой и трепетавшей добычи. Благородное животное, легко потряхивая гривою, шло тихими, но крупными шагами прямо на кучку столпившихся людей, которые уже успѣли оправиться отъ испуга. Только одинъ молодой путникъ, пришедшій съ далекаго Сѣвера и еще впервые видѣвшій льва такъ близко передъ собою, все еще стоялъ словно очарованный магнетизмомъ глазъ приближающагося хищника. Мнѣ казалось въ эти минуты, что левъ свободенъ, что онъ только что вышелъ изъ лѣсной чащи и подходитъ къ людямъ, чтобы отмстить за попытку сковать его могучіе члены. Признаюсь, что въ эти минуты, какъ и впослѣдствіи при первомъ раскатѣ львинаго рыканія, услышаннаго въ глухой лѣсной дебри, я чувствовалъ полное свое безсиліе и невозможность состязаться съ могучимъ звѣремъ, одною лапой убивающимъ быка. Напрасно, казалось, я призывалъ свое прежнее мужество; самое сознаніе безопасности вблизи прирученнаго и скованнаго звѣря было безсильно помочь моему состоянію и вызвать хотя бы рѣшимость сопротивленія на тотъ случай, если бы звѣрь захотѣлъ предпринять нападеніе. Напрасно я сжималъ крѣпко рукоятку Вессоновскаго револьвера и искалъ глазами свою вѣрную берданку; оружіе было бы безполезно, еслибъ мнѣ его нужно было употребить. Инстинктивно я отступалъ передъ приближавшимся львомъ въ кучку верблюдовъ, тоже раздѣлявшихъ мой испугъ и казавшихся совершенно растерянными.

И тогда только, какъ по данному окрику своихъ хозяевъ, левъ остановился и легъ у ногъ кучки людей, собравшихся для того, чтобы полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ, у меня немного отлегло отъ сердца и я могъ хладнокровнѣе отнестись къ могучему животному, лежавшему такъ близко, что можно было слышать его тяжелое дыханіе. Скоро успокоились люди, но животныя, не умѣвшія отличать дикаго звѣря отъ ручнаго, долго не могли придти въ себя и дрожали.

Глядя на это страшное и мощное животное, раболѣпно послушное цѣпи, едва-ли обременявшей его, и сравнивая съ нимъ его жалкихъ одѣтыхъ въ рубище хозяевъ, я считалъ невозможнымъ такое полное порабощеніе и никакъ не могъ довѣрять такъ свободно лежавшему льву. Мнѣ невольно казалось, что вотъ-вотъ могучее животное очнется, ощутитъ весь позоръ своего положенія, почуетъ легкую возможность свободы и захочетъ вернуть ее послѣ десятилѣтняго плѣна. Пристально вглядывался я въ эти полупотухшіе глаза хищника, глядѣвшіе теперь такъ безстрастно, и мнѣ казалось, что они готовы загорѣться тѣмъ огнемъ, который воспламенитъ въ спящемъ ручномъ львѣ дикаго и могущественнаго владыку африканскихъ лѣсовъ.

Но спокойно и недвижно, почти засыпая, лежалъ облѣнившійся въ неволѣ левъ; его мало-выражающіе глаза были мутны и временами закрывались, опустилась на землю и на лобъ красивая, хотя и повылѣзшая грива, слабо ударялъ по землѣ длинный хвостъ, и все мощное словно изъ стали отлитое тѣло лѣниво покоилось.

Глядя на относительно слабую цѣпь, даже не продѣтую черезъ живое тѣло, какъ то дѣлалось у нашихъ прирученныхъ цѣпныхъ медвѣдей, сравнивая относительно свободно двигающагося льва съ питомцами „Сморгонской академіи", которые всецѣло были связаны движеніемъ цѣпи, продѣтой черезъ ноздрю, и видя неподпиленными зубы и когти страшнаго животнаго, я невольно начиналъ думать, что прирученный левъ можетъ быть еще безопаснѣе, чѣмъ укрощенный и цѣпной медвѣдь. Изъ практики добраго стараго времени мы знаемъ, сколько несчастныхъ случаевъ было обязано своимъ возникновеніемъ исключительно проявленію дикихъ инстинктовъ у ручныхъ медвѣдей, но ни о чемъ подобномъ намъ не говорили многоопытные въ своемъ дѣлѣ хозяева и вожаки прирученнаго варварійскаго льва. Я говорю, правда, на основаніи лишь единичнаго случая, но все-таки въ правдивости разсказовъ о полномъ послушаніи и безопасности прирученныхъ львовъ сомнѣваться не имѣю никакого права.

Цѣлый вечеръ и ночь мы провели въ близкомъ сосѣдствѣ съ могучимъ хищникомъ, къ которому подъ конецъ повидимому привыкли и самыя животныя. Связанный небольшою и короткою цѣпью, левъ все время лежалъ возлѣ дверей конака, въ которомъ остановились его вожаки, и не поворачивалъ даже головы, когда мимо него проходили. Скоро къ виду лежавшаго льва привыкли даже собаки, которыя подъ конецъ осмѣлились подходить и обнюхивать дремавшее животное. Ободренный примѣромъ своихъ спутниковъ по каравану, подошелъ однажды и я къ самой мордѣ могучаго звѣря, чтобы подать ему кусокъ купленнаго для него спеціально барана. Почуявъ запахъ свѣжей крови и любимаго мяса, доселѣ спавшій спокойно левъ выпрямился, потянулся, что напугало только меня, но не моихъ болѣе привыкшихъ ко львамъ спутниковъ. Поданный кусокъ мяса левъ взялъ очень осторожно зубами, какъ берутъ пріученныя собаки кость, и затѣмъ снова расположился на землѣ для того, чтобы лучше обсмаковать.

Наступила ночь тихая, ясная, освѣжающая, какія можно наблюдать лишь въ тѣхъ странахъ, гдѣ вѣчно сіяетъ солнце и земля пышетъ зноемъ. Отъ ночной свѣжести зябкіе туземцы не могли укрыться въ своихъ полосатыхъ гандурахъ (плащахъ) и потому вокругъ небольшаго хана, вмѣщавшаго лишь небольшое количество гостей, запылали веселые костры, около которыхъ образовались небольшіе кейфовавшіе кружки. Вмѣстѣ со своимъ проводникомъ Ибрагимомъ мы засѣдали около самаго большаго костра въ почетной компаніи двухъ хаджей (паломниковъ изъ Мекки), муллы, кади (судьи), двухъ купцовъ и одного изъ вожаковъ заинтересовавшаго всѣхъ ручнаго льва. Болтливый старикъ, подогрѣтый хорошимъ кофе и отваромъ горячей дурры, сталъ еще словоохотливѣе и быстрымъ потокомъ лилась его плавная, не лишенная поэтическаго вдохновенія рѣчь.

— Въ глухомъ зеленомъ лѣсу родился и выросъ могучій Абурранъ *), говорилъ между прочимъ разошедшійся Муслимъ;—много лѣтъ громкій голосъ его оглашалъ скалы Мабуда, заставляя трепетать все живущее въ лѣсной чащѣ, и наполнялъ ужасомъ сердце путника, осмѣлившагося проникать въ дебри, гдѣ царилъ левъ, а не человѣкъ. Много неопытныхъ смѣльчаковъ разорвалъ дикій Абурранъ, но пришелъ черный часъ и для того, кто не боялся ни человѣка, ни звѣрей. Аллахъ благословилъ Муслима и наполнилъ сердце его желаніемъ обуздать грознаго Абуррана и очистить чащи Мабуда отъ страшнаго звѣря—губителя людей. Съ двумя молодыми помощниками отправился онъ въ лѣса, гдѣ обиталъ Абурранъ, и поставилъ тамъ крѣпкія тенета на тропинкѣ, которою ходилъ левъ отъ своего логовища къ горному ручейку, утолявшему его жажду. Два дня и три ночи просидѣлъ въ опасной засадѣ трепетавшій Муслимъ, но осторожный Абурранъ обходилъ разставленныя хитро сѣти. Лѣса и скалы стонали отъ мощнаго рыканія истребителя стадъ, бѣжали самыя пантеры передъ громовыми раскатами освирѣпѣвшаго льва, трепетали люди, осмѣлившіеся покушаться на его свободу, но Абурранъ презиралъ разставленныя тенета и не проходилъ даже мимо. Но настала наконецъ роковая ночь и для того, кто доселѣ былъ непобѣдимымъ и самъ сокрушалъ другихъ. То была страшная львиная ночь, когда Аллахъ даетъ побѣду льву даже вадъ человѣкомъ, осмѣливающимся безстрашно нападать на царя африканскихъ лѣсовъ. Въ эту ночь всего менѣе надѣялся на успѣхъ своей засады Муслимъ и самъ трепеталъ Абуррана, уже давно подбиравшагося къ людямъ, пришедшимъ въ заповѣдныя львиныя чащи. Громче прежняго въ эту ночь еще съ вечера ревѣлъ грозный левъ, словно предвидя свою участь и печалясь о лѣсѣ, который ему суждено было покинуть. Насталъ мой послѣдній часъ, думалъ измученный зловѣщими предзнаменованіями Муслимъ, въ эту ночь суждено погибнуть человѣку, а не льву, уже заранѣе празднующему свою побѣду. Около полуночи близко подходилъ къ человѣческой засадѣ Абурранъ, и не много труда стоило бы ему

*) Такъ называли вожаки своего прирученнаго льва.

Пожаръ Рима при Неронѣ. Діорамная картина Э. Бернингера и Г. Шнейдера, грав. Фридрихъ.

разметать ту жалкую хижинку, что сложили изъ вѣтвей Муслимъ и его двое молодыхъ друзей. Но Аллахъ хранилъ человѣка, и предъ невидимымъ врагомъ отступилъ даже могучій левъ. Отъ своей пещеры, наполненной костями растерзанныхъ людей и животныхъ, Абурранъ пошелъ прямо на тенета, уже не избѣгая ихъ, а съ цѣлью сокрушить то, что ему уже три ночи лежало на пути. Крѣпко видно надѣялся на свою силу и счастье въ львиную ночь Абурранъ; но Аллахъ, разгнѣванный жестокостью звѣря, истребившаго уже много людей, отступился отъ него... Крѣпко затянули гибкія сѣти запутавшагося льва, не помогла ему даже сила и крѣпость его когтей и зубовъ; чѣмъ болѣе старался высвободиться Абурранъ, тѣмъ сильнѣе стягивали и опутывали его тенета... Скоро понялъ могучій левъ, что судьба его рѣшена, что послѣдній часъ его свободы пробилъ, и что его побѣдили люди, которыхъ онъ такъ глубоко презиралъ... Громко тогда возопилъ къ небу о помощи запутанный въ тенета левъ... Вызывающимъ и грознымъ доселѣ было его рыканіе, но теперь въ немъ слышались жалобные крики и вопли, оглашавшіе лѣсъ. Не привыкли звѣри слышать подобныхъ звуковъ и вторили невольно голосу своего царя... Застоналъ дремучій лѣсъ, оглашенный ревомъ испуганныхъ звѣрей, и содрогнулся самъ человѣкъ, вызвавшій на бой грознаго владыку африканскихъ лѣсовъ. Но какъ ни вопилъ изловленный тенетами левъ, Муслимъ не вышелъ изъ своей засады до самаго утра, радуясь своей удачѣ и счастью, ниспосланному Аллахомъ. Всю ночь раздавались въ глухомъ лѣсу раскаты львинаго рева, всю ночь до утра взывалъ къ небу о помощи Абурранъ, но некому было ему помочь, разъ самъ Аллахъ отступился отъ истребителя стадъ.

Много долгихъ дней и ночей затѣмъ провели около связаннаго льва Муслимъ и его сотоварищи. Еще крѣпче установили они тенета, еще прочнѣе привязали изловленнаго льва. Новую кубу (хижинку) выстроили они около своей пойманной добычи и старались голодомъ, лишеніемъ воды и своимъ видомъ приручить свирѣпаго льва. Два первые дня своего плѣна Абурранъ не прикасался ни къ горячей крови молодой подстрѣленной Муслимомъ газели, ни къ холодной водѣ, поднесенной человѣкомъ связанному льву... Взбѣшенное животное кидалось со страшною яростью на людей изловившихъ его, а затѣмъ подносившихъ пищу и питье... Но голодъ и жажда скоро укротили звѣря, и мало-по-малу смирился передъ своею судьбою Абурранъ... Когда небо не давало ему своей помощи, а земныя потребности были слишкомъ сильны, чтобы ихъ забывать, измученный безполезными попытками левъ прикоснулся къ холодной водѣ горнаго потока и горячей крови газели... Вкусивъ однажды пищу, предложенную человѣкомъ, дикій звѣрь уже перестал видѣть въ немъ только исконнаго врага и нерѣдко ждалъ съ покорностью когда поднесутъ ему мясо и воду. Страшны были усилія и попытки Абуррана вырваться на свободу, ужасны были его рыканія, которыми онъ нарушалъ спокойствіе лѣса въ часы ночной тишины, но терпѣніе человѣка взяло верхъ надъ дикою природою звѣря, и черезъ много дней и ночей Абурранъ немного укротился. Еще много усилій, терпѣнія и труда нужно было Муслиму и его друзьямъ, пока они совершенно смирили льва. Почти два мѣсяца втроемъ, одни, вдали отъ всего міра, въ глухой лѣсной дебри они выжили возлѣ захваченнаго тенетами льва... Цѣною тяжелыхъ лишеній они добыли побѣду надъ могучимъ животнымъ и смирили его, доставляя ему пищу и питье... Не скоро сдѣлался совершенно ручнымъ левъ, но затѣмъ онъ позволилъ своимъ хозяевамъ подходить къ себѣ и даже безнаказанно прикасаться къ нему... Терпѣливый человѣкъ одолѣлъ гордаго звѣря, и тотъ узналъ въ немъ своего господина.

Мы не знаемъ полной исторіи прирученія Абуррана, потому что не могли хорошенько разспросить Муслима; но мы слышали, что черезъ полгода левъ сталъ совершенно смирнымъ и позволилъ себя водить на цѣпи человѣку. Съ тѣхъ поръ уже много лѣтъ онъ ходитъ вмѣстѣ съ Муслимомъ и оба они взаимно кормятъ другъ друга; много тысячъ верстъ отъ Магреба до Сахары и Триполи выходилъ старый Муслимъ, и старый Абурранъ былъ его единственнымъ другомъ и сотоварищемъ. Всѣ остальные уже лежатъ въ сырой землѣ, лишь Муслимъ живетъ для Абуррана... Они оба пойдутъ вмѣстѣ въ могилу, потому что слишкомъ привыкли другъ къ другу, у нихъ обоихъ нѣтъ въ мірѣ другихъ друзей.

Когда старый Муслимъ окончилъ свой разсказъ, уже было довольно темно, догорали послѣдніе костры каравана, верблюды давно уже дремали, наступала глубокая ночь пустыни съ ея поэтическими грёзами, съ ея серебристыми звѣздами... Старый Абурранъ лежалъ недалеко отъ насъ и слегка приподнялся, когда подошелъ къ нему Муслимъ; я видѣлъ, какъ человѣкъ легъ рядомъ со львомъ, какъ на черномъ плащѣ араба покоилась огромная голова Абуррана...

И мнѣ стала въ эти минуты понятна дружба человѣка со львомъ, я понялъ, что̀ такое связывало двухъ не сходныхъ по природѣ друзей; я убѣдился, что можно довѣрять животному, и съ этого момента перестал бояться Абуррана. Тихонько я подошелъ къ Муслиму, чтобы пожелать ему спокойной ночи, и я видѣлъ какъ ласково и спокойно глядѣли на меня все еще сверкавшіе глаза ручнаго льва... По приглашенію Муслима, я даже прикоснулся къ косматой гривѣ Абуррана, и онъ только привѣтливо взмахнулъ своимъ могучимъ хвостомъ. Скоро затѣмъ, уже не смущаясь близостью почти непривязаннаго льва, я заснулъ, закутавшись въ свою гандуру, и не слышалъ даже какъ вокругъ стонали шакалы и завывали исчадія ночи— гіены.

На утро уже не было Абуррана — Муслимъ ушелъ съ нимъ по дорогѣ въ Феццанъ. И хотя ничего общаго не было у меня со львомъ и его хозяиномъ, но мнѣ было жалко ихъ обоихъ, словно я потерялъ друзей... Я полюбилъ Абуррана.

Опасная игра.

Повѣсть **Н. Д. Ахшарумова.**

(Продолженіе).

Пріемная Марфы Никитишны, въ Офицерской, была отдѣлана за̀ново, подъ какое-то, съ виду, торговое помѣщеніе. Длинный прилавокъ дѣлилъ ее на двѣ части, одна изъ которыхъ имѣла выходъ, черезъ прихожую, на парадную лѣстницу и была снабжена лакированными подъ ясень скамьями для посѣтителей, а въ другой красовались шкапы съ пустыми еще витринами и, въ промежуткѣ между двухъ оконъ, письменный столъ съ этажерками по краямъ. Все было дѣвственной чистоты и пахло лакомъ. Другая дверь, изъ прихожей, вела во внутренніе аппартаменты. Къ наружной двери, на лѣстницѣ, только что собирались прибить какую-то вывѣску, но она стояла еще на полу, поодаль, и мѣсто ея занимала визитная карточка съ именемъ: „*Марфа Никитишна Жухина*“.

Со стѣсненнымъ дыханіемъ Паша остановилась тутъ и позвонила. Ей отворилъ тотъ самый маленькій гимназистикъ, который доро̀гою спалъ, прислоняясь къ ея плечу. Онъ тотчасъ узналъ ее и, отвѣсивъ поклонъ, убѣжалъ, суетливо взывая: „Ма̀ма! Ма̀ма! Эта мамзель, что̀ пріѣхала съ нами!“ Изъ внутреннихъ комнатъ ему отвѣчали: неистовый лай и звонкіе голоса дѣтей, уговаривавшихъ Бребишку молчать. Навстрѣчу ей выбѣжала, шурша растопыреннымъ, новымъ шелковымъ платьемъ, хозяйка, и съ радостнымъ возгласомъ обняла ее. Она говорила что-то на счетъ удовольствія, которое кто-то ей сдѣлалъ, и новоселья; но Паша, въ волненіи, не разслушала хорошенько что̀. Вниманіе ея поглощали: сіяющій видъ и что-то торжественное въ нарядѣ Марфы Никитишны, которая бойко взяла ее подъ руку и увела въ гостиную. Тѣсная комната эта была полна дѣтей, среди которыхъ стояли: Порфирій Ивановичъ въ вицмундирѣ, Анна Егоровна въ шелковомъ платьѣ съ турнюромъ, вся расфуфыренная, и священникъ. Порфирій Ивановичъ занятъ былъ дружескою бесѣдой съ батюшкой и поклонился ей издали, съ видомъ распорядителя, озабоченнаго приготовленіями къ семейному торжеству; но супруга его подошла и, какъ ни въ чемъ не бывало, пожа̀ла ей дружески обѣ руки. Въ углу стоялъ столъ, накрытый бѣлою скатертью, съ образомъ и съ зажженными восковыми свѣчами. Дьячокъ вынималъ изъ узла облаченіе. Нянька гнала собаченку вонъ, и не успѣла Паша обнять одну изъ дѣвочекъ, которая тоже узнала ее и лѣзла къ ней уже за̀просто, цѣловаться, какъ начался молебенъ.

Странныя чувства все это пробудило въ Пашѣ; словно она принадлежала уже къ семейству, какъ неотъемлемый членъ его, и присутствіе ея на освященіи новой квартиры было не только въ порядкѣ вещей, а считалось даже необходимымъ. Въ столовой, куда послѣ обхода и окропленія комнатъ,

собралось все общество, — за кофеемъ и закуской, два гимназиста взапуски угощали Пашу, хозяйка почти насильно ее заставляла ѣсть, Порфирій Ивановичъ лѣзъ изъ кожи, чтобы вовлечь ее въ разговоръ, и даже батюшка, ласково улыбаясь, при всякомъ удобномъ случаѣ обращался къ ней, съ шуточкой, или съ вопросомъ.

Изъ разговора, въ которомъ многое, натурально, упоминалось лишь вскользь и изъ скромности не называлось по имени, Паша могла составить себѣ только смутное и урывочное понятіе объ обстоятельствахъ этой семьи и о дѣлѣ, которое привело Марфу Никитишну въ Петербургъ; но мы, не имѣя нужды чиниться, пополнимъ здѣсь пробѣлы. Она переѣхала изъ Орла, гдѣ ея мужъ, нажившій во время о̀но, всякими правдами и неправдами, небольшія деньжонки, оставивъ службу, держалъ открытую кассу ссудъ; дѣло, по смерти его, пришло въ упадокъ, и по совѣту родственниковъ, она рѣшилась перевести его въ Петербургъ. Здѣсь у нея нашелся дѣятельный и предпріимчивый компаньйонъ, который давно желалъ завести нѣчто подобное; но не рискуя оставить службу, не могъ это сдѣлать отъ собственнаго лица. Переговоры шли нѣсколько мѣсяцевъ, и окончены были только недавно, въ Орлѣ. Въ итогѣ Порфирій Ивановичъ переселилъ свою родственницу, со всѣмъ семействомъ, помогъ ей устроиться и добылъ всѣ нужныя разрѣшенія. Главнымъ хозяиномъ предпріятія былъ, разумѣется, онъ; а Марфа Никитишна, вносившая въ него лишь вдовью лепту, вознаграждала за недочетъ трудомъ и навыкомъ.

Все это вмѣстѣ какъ-то невольно давало тонъ и бесѣдѣ, которая шла за столомъ, между взрослыми. Со стороны Порфирія Ивановича сказано было, не безъ достоинства, нѣсколько теплыхъ словъ о нуждающихся классахъ столичнаго населенія и о широкой помощи, получаемой ими благодаря такимъ благодѣтельнымъ учрежденіямъ, какъ „*Частный ломбардъ*“ и „*Общество для залога движимостей*“.

— Да, осторожно замѣтилъ батюшка, бодрый еще старикъ: — кто не видалъ настоящей нужды, тотъ не повѣритъ, какъ важенъ подъ-часъ и полтинникъ, если его возможно добыть непостыднымъ путемъ.

Всѣ замолчали и онъ, обводя глазами вокругъ, продолжалъ:

— Въ житейскихъ дѣлахъ разобраться весьма мудрено; но съ достовѣрностью можно сказать, что не все то черно̀ внутри, что̀ слыветъ за черное. Поэтому мы, служители церкви Христовой, и не спѣшимъ съ осужденіемъ — предпочитая терпѣть за это несправедливыя нареканія... Обидныя вещи ходятъ въ народѣ насчетъ того, что будто бы мы, за рублевку, готовы благословить что̀ угодно. А я васъ спрошу (и онъ обратился, какъ-то невольно, къ Пашѣ): наша ли то вина, если есть люди, которые, обращаясь къ Богу съ зажженою свѣчею въ рукѣ и съ молитвою на устахъ, въ сердцѣ своемъ таятъ нечистыя вожделѣнія?.. Ибо не все то и чисто, что̀ тщится прослыть таковымъ... (Но видя, что это не нравится и что лица вытянулись): — Я говорю — само собой — не на чей-нибудь счетъ, а вкупѣ о томъ, что̀ величаетъ себя у насъ высокимъ именемъ филантропіи...

Онъ вздохнулъ и, спѣша замять разговоръ, обратился къ хозяйкѣ съ какимъ-то невиннымъ вопросомъ о нищихъ въ Орлѣ и о мѣрахъ къ призрѣнію ихъ со стороны городскаго общества. Но оказалось, что Марфа Никитишна плохо знакома съ предметомъ... Поговоривъ еще немного, онъ всталъ и, благословивъ присутствующихъ, ушелъ.

Невольная гостья была весьма смущена — какъ ей казалось — спеціальнымъ его обращеніемъ къ ней, — словно онъ зналъ что-нибудь и желалъ пояснить живымъ примѣромъ свое поученіе. Были у ней и другія догадки; но ей не дали времени взвѣсить насколько онѣ правдоподобны.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ Порфирій Ивановичъ, проводивъ батюшку. — Пожалуйте-съ... Марфа Никитишна, матушка, благоволите снабдить насъ пёрышкомъ и чернильницей. Барышня наша, понятно, торопятся; но я это предвидѣлъ и я ихъ не задержу... Пожалуйте-съ.

Онъ провелъ ее въ новое помѣщеніе и, усадивъ за письменный столъ, досталъ изъ кармана совсѣмъ готовый къ подписи вексельный листъ. Срокъ новаго векселя былъ опять на мѣсяцъ, но сумма оставлена та же, а полученные наканунѣ 40 рублей засчитаны, по его объясненію, за проценты. Несчастная поняла, что такимъ образомъ, если бы даже она могла отдавать ему все свое жалованье, дѣло затянется на весьма продолжительный срокъ, грозя, въ противномъ случаѣ, обратиться въ безсрочный оброкъ; но на ея замѣчаніе въ этомъ смыслѣ, онъ съ добродушной усмѣшкою отвѣчалъ, что отъ нея зависитъ покончить счеты когда ей угодно, выплативъ ему сразу весь долгъ.

Что̀ было дѣлать? Послѣ короткихъ переговоровъ и просьбъ, клонившихся уже только къ тому, чтобы онъ не тревожилъ ее ни въ правленіи, ни у дяди, а ждалъ, она подписала и получила въ обмѣнъ свой старый вексель, давъ слово зайти въ Офицерскую черезъ мѣсяцъ, утромъ, на другой день по полученіи жалованья.

Съ тяжелымъ сердцемъ она воротилась домой, усталая и разстроенная. Но до̀ма ее ожидали извѣстія, заставившія ее на минуту забыть все выстраданное съ пріѣзда.

— Къ тебѣ письмо изъ деревни, сказала кузина Соня. — Лежитъ у тебя на столѣ.

Взволнованная, она прибѣжала къ себѣ и еще издали, на конвертѣ, узнала почеркъ Анны Григорьевны. Паша давно ожидала отъ ней письма; но передъ отъѣздомъ, у нихъ случилась маленькая размолвка, послѣ которой ни та, ни другая не торопилась писать. Вопросъ, что̀ заставило Анну Григорьевну первой прервать молчаніе, былъ, по разнымъ причинамъ, весьма интересенъ для Паши. Дрожащей рукой она разорвала конвертъ, но едва начала читать, какъ лицо ея вспыхнуло яркимъ огнемъ. Послѣ короткихъ извѣстій о матери, заглядывая нетерпѣливо дальше, она увидала имя Черенина... Дальше—опять!.. Перевернула страницу — опять и опять!.. У ней захватило духъ и она должна была бросить чтеніе, чтобы выпить стаканъ воды.

VII.

Посланіе Анны Григорьевны не содержало ни очень тонкихъ, ни очень мудреныхъ вещей, но столь многое въ немъ было обойдено молчаніемъ, какъ извѣстное, что впечатлѣнія, произведеннаго имъ, нельзя объяснить, не сказавъ предварительно нѣсколько словъ о Черенинѣ и о томъ, какъ на него смотрѣла Паша.

Черенинъ принадлежалъ, въ уѣздѣ, къ партіи Мезенскихъ и пользовался большимъ расположеніемъ всей семьи. Трудно поэтому было дѣвушкѣ, часто гостившей у ихъ сестры, не обратить на него вниманія, а разъ обративъ — она скоро нашла, что все въ человѣкѣ этомъ своеобразно.

Это былъ рослый и сильно сложенный мужчина, лѣтъ 30-ти, съ густой свѣтлорусою гривой, вздымавшейся вихрами надъ выпуклымъ лбомъ, и съ грубоватыми, но энергическими чертами лица. Многое въ нихъ было сурово, но, какъ нерѣдко у русскаго человѣка, глаза — которымъ обычный загаръ придавалъ особенный блескъ—смотрѣли открыто и сообщали всему привѣтливый видъ. Черты эти съ выпуска были знакомы Пашѣ и можетъ-быть именно въ силу сво-

ихъ противорѣчій, заставляли дѣятельно работать ея воображеніе. Дѣвушка отъ природы была съ романическою закваской и, зная, какъ цѣнятъ его другіе, упорно хотѣла вѣрить, что въ Алексѣѣ Черенинѣ скрыты большія силы. Скрыты же потому, что въ его рѣчахъ онѣ ничѣмъ не высказывались и никакихъ особенныхъ подвиговъ, кромѣ извѣстной удали его на медвѣжьей охотѣ, Паша за нимъ не знала. Мало того, въ немъ незамѣтно было и тѣни чего-нибудь поэтическаго,—недостатокъ, такъ хорошо извѣстный уѣзднымъ барышнямъ, что Паша, иной разъ, послѣ бесѣды съ нимъ, невольно спрашивала себя: да чтó же такое ей нравится?.. Попробуемъ освѣтить этотъ темный и деликатный вопросъ.

Черенинъ былъ человѣкъ способный и образованный, но мало интересующійся вещами въ жизни его не имѣющими практическаго значенія, и слишкомъ скромный, чтобы произносить о нихъ заочно какое-нибудь рѣшительное сужденіе. Въ рѣчахъ его не было ничего размашистаго и яркаго: ни поэтически-мрачныхъ воззрѣній на жизнь и судьбу человѣчества,— ни мистической вѣры въ призваніе своего народа служить избранникомъ и орудіемъ промысла, — ни фанатическихъ упованій, связанныхъ въ наше время у многихъ людей съ убѣжденіемъ, что человѣчество только „не такъ сидитъ“, и что стóитъ ему стряхнуть обветшалыя формы, чтобы грязь обратилась въ золото и на землѣ, въ самый короткій періодъ времени, водворился рай... Благодаря такому отсутствію идеальной окраски, Черенина невозможно было подвесть ни подъ одну знакомую категорію — это былъ чистый практикъ, и какъ такой, принадлежалъ къ неизслѣдованнымъ еще, у насъ въ Россіи, новообразованіямъ.

Но дальше, за этимъ, были и положительныя черты. Онъ былъ хорошій хозяинъ и изъ немногихъ, которые, послѣ реформы, поняли, что полевое хозяйство въ сѣверной полосѣ не можетъ существовать самостоятельно, а способно только служить подспорьемъ промышленной и заводской дѣятельности. Правда, его имѣніе было на судоходной рѣкѣ и не далѣе, какъ въ пяти верстахъ отъ города, но тогда какъ у многихъ такія же преимущества пропадали даромъ — онъ имѣлъ водяную мельницу и лѣсопильный заводъ на притокѣ, выдѣлывалъ лучшій въ уѣздѣ ленъ и былъ въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Ригой. Былъ, впрочемъ, еще одинъ и очень солидный залогъ успѣха. Черенинъ зналъ русскаго мужика насквозь и умѣлъ заслужить, съ его стороны, неограниченное довѣріе. Имя его, на ряду съ именами Мезенскихъ и еще немногихъ, извѣстно было во всемъ уѣздѣ, и кучка эта имѣла одно, огромное преимущество—она никогда не нуждалась въ рабочихъ рукахъ. Лучшій народъ шелъ къ нимъ и не имѣлъ причины каяться, потому что трудъ его былъ щедро вознаграждаемъ. Это была не бросающаяся въ глаза черта, но, съ поэтической точки зрѣнія, она искупала многое... Ибо нельзя сказать, чтобы Пашу очень интересовала заводская дѣятельность и ея наглядные результаты: водка, пиленыя доски, лёнъ, подряды и векселя, возня съ приказчиками и мастерами, разсчеты съ рабочими, иногда расправа одинъ-на-одинъ съ какимъ-нибудь пьянымъ нахаломъ. Она видала заводы у Мезенскихъ, но не находила въ нихъ ничего привлекательнаго. Съ Анной Григорьевной онѣ выходили оттуда запудренныя мукою или опилками, оглушенныя стукомъ колесъ или визгомъ пилъ, съ тошнотою отъ пота рабочихъ, отъ вони смазочныхъ маслъ и отъ удушливыхъ испареній сивушной гари, не понимая почти ничего въ деталяхъ сложнаго производства. Но въ общемъ итогѣ — этотъ невѣдомый міръ, гдѣ все было въ тѣсной связи, клонилось къ опредѣленнымъ практическимъ результатамъ и повиновалось волѣ единаго человѣка, имѣлъ въ себѣ нѣчто, на зло ея поэтическимъ вкусамъ, внушавшее ей уваженіе. Дѣло стояло въ немъ на своихъ ногахъ и не нуждалось въ хитросплетенныхъ мудрствованіяхъ для своего оправданія... Продукты первой необходимости, вѣрный доходъ хозяину и не менѣе вѣрный заработокъ рабочимъ, избавленнымъ отъ далекихъ походовъ и отъ соблазновъ, связанныхъ съ отхожими промыслами въ большихъ городахъ.

Собственно говоря, она не знала ни Мезенскихъ, ни Черенина; такъ далеки отъ ея разумѣнія были насущные интересы и помыслы этихъ людей; но она не могла не знать, что это были не болтуны, разыгрывающіе на сценѣ роль, къ которой въ дѣйствительности они не способны; а истинные борцы, которымъ успѣхъ достался не даромъ. Въ столицѣ она видала другихъ, не менѣе занятыхъ и пользующихся гораздо бóльшимъ почетомъ, живущихъ гораздо шире; но за чтó собственно они получали свои оклады и на какой практическій результатъ своей дѣятельности могли указать—это казалось Пашѣ загадкой, которую она и не пробовала рѣшить. Къ чему, напримѣръ, способенъ дядя Иванъ и могъ ли бы онъ заработать себѣ хоть десятую долю того, чтó онъ получалъ, еслибъ высокое положеніе, высиженное имъ въ администраціи, какимъ-нибудь случаемъ ускользнуло изъ рукъ? Знаетъ ли онъ что-нибудь, кромѣ порядковъ которые созданы для него и подобныхъ ему и едва ли нужны кому-нибудь, кромѣ нихъ? Видалъ ли собственными глазами, какъ трудятся и живутъ тѣ массы убогихъ людей, судьбами которыхъ онъ, вмѣстѣ съ другими, въ жизни своей не видавшими ничего кромѣ собственныхъ канцелярій, призванъ заочно распоряжаться? Нѣтъ, это ловкій игрокъ, который съумѣлъ протолкаться въ толпѣ и воспользоваться ошибками своихъ конкуррентовъ. Тогда какъ здѣсь совершенно не то. Здѣсь, какъ у тѣхъ піонеровъ цивилизаціи, чтó селятся на дальнемъ Западѣ, въ дебряхъ, гдѣ никогда не звенѣлъ топоръ и почва отъ сотворенія міра еще не знакома съ плугомъ, — все создано собственными руками и цѣнится только въ предѣлахъ своей осязательной, несомнѣнной пользы. Тутъ настоящіе люди и настоящая жизнь, въ которой успѣхъ завоеванъ отвагой, выдержкой и трудомъ, а тамъ фразерство и гаерство...

Подобныя рѣчи Пашѣ не разъ доводилось слышать въ обществѣ Мезенскихъ—и онѣ-то внушили ей мысль о невидимой силѣ, кроющейся въ Черенинѣ. Это былъ фонъ, на которомъ ея поэтическое воображеніе вышивало заманчивые узоры. Понятно, они не всегда соотвѣтствовали дѣйствительности, которую предназначены были украшать; но безъ подобныхъ противорѣчій нельзя обойтись, такъ какъ они-то и составляютъ ферментъ поэтическаго броженія, безъ котораго жизнь была-бы безвкусною очередью самыхъ будничныхъ дрязгъ. Другими словами, извѣстный просторъ для вымысла въ дѣлѣ женской, какъ и народной, идеализаціи необходимъ тамъ гдѣ требуются герои; а спрашивается: какой-же просторъ возможенъ тамъ гдѣ все аккуратно смѣряно и извѣстно. Именно этотъ просторъ для вымысла, это невыясненное въ характерѣ человѣка и стало одною изъ первыхъ причинъ того предпочтенія, въ которомъ таились уже задатки ея привязанности къ молчаливому и сдержанному Черенину. Недоставало только толчка чтобы это чувство вспыхнуло, но подобнымъ толчкомъ легко могла стать эта дерзкая шалость, которую съ ней продѣлали, еслибъ отъѣздъ ея, тотчасъ послѣ того, не отсрочилъ развязки.

Вопросъ: какъ онъ принялъ это дурачество и не почувствовалъ-ли къ ней отвращенія послѣ того, что она, какъ сумасшедшая, ни съ того, ни съ сего, повисла къ нему на шею,—въ первое время послѣ пріѣзда, мучилъ Пашу совсѣмъ независимо отъ другихъ

Крестьянская дѣвушка Новгородской губ., Старорусскаго уѣзда.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Б. Томашевича, грав. Шюблеръ.

терзаній и такъ неотступно, что бѣдная дѣвушка каждый день возвращалась къ нему. Сто разъ она спрашивала себя: какъ это будетъ, если дѣла, зимой, приведутъ его въ Петербургъ. Захочетъ-ли онъ повидаться съ ней?.. скажетъ-ли что-нибудь объ этой глупости?.. И дѣвушка представляла себѣ, какъ она сгоритъ отъ стыда, увидѣвъ его неожиданно у себя; ибо конечно онъ знаетъ уже, что имя его ей не было внушено и что это она сама себя выдала... Чего-бы она не дала, чтобы узнать заранѣе какъ онъ на это смотритъ!.. Хотя-бы даже узнать, что она ему опротивѣла,—все-таки кажется легче чѣмъ волноваться такъ, какъ она волнуется! По крайней мѣрѣ ужь разомъ махнуть рукой и не думать больше! Да и не все-ли равно чѣмъ это кончится, зная — какъ она знаетъ теперь—что въ самомъ счастливомъ случаѣ, изъ этого ничего не выйдетъ?.. Она невозвратно замарана и въ когтяхъ у людей, которые не отпустятъ ее покуда не высосутъ изъ нея всю кровь... Какое счастье возможно въ такомъ положеніи?.. Бога надо благодарить, что она не успѣла еще серьёзно влюбиться!.. Но послѣ того впечатлѣнія, какое произвело на нее письмо, позволительно усомниться, точно-ли она избѣжала этой опасности.

* * *

Извѣстія изъ Сувадова были старыя, за исключеніемъ одного, что мать, въ сентябрѣ, занимала деньги; но Паша уже предвидѣла это и ее огорчило только что мать сочла нужнымъ скрыть это отъ нея... (Какъ будто-бы на ея мѣстѣ она не поступила-бы также!)

Затѣмъ, тревожная вѣсть: Сережа писалъ, что съ нею, по возвращеніи въ Петербургъ, произошло что-то странное (слѣдовали подробности), о причинахъ чего она упорно молчитъ, и что къ нему, по этому поводу, приставали съ вопросами, на которые онъ не зналъ что̀ отвѣчать; хотя и думаетъ что это должно быть въ связи съ *„внушеніями“*. („О! этотъ Сережа!..“) Дальше — упрекъ. Не обидно-ли это, что ей (т. е. Аннѣ Григорьевнѣ) доводится узнавать такія вещи черезъ другихъ! и неужели она такъ злопамятна, что не простила ей до сихъ поръ *этой глупости?* — какъ будто она одна должна отвѣчать за всѣхъ!.. Но она не хочетъ напоминать обидныхъ вещей, которыя сказаны были ей сгоряча, передъ разлукой, и воздавая по христіански, добромъ за зло, спѣшитъ успокоить ее на счетъ „послѣдствій...“ Вскорѣ послѣ отъѣзда Паши, она имѣла съ Черенинымъ объясненіе, изъ котораго ясно, хотя онъ и силится это скрыть, что *эта глупость* произвела на него глубокое впечатлѣніе... „Бѣдняжка и радъ и встревоженъ. Радъ, ты сама понимаешь чему; но боится чтобъ *этотъ случай*, хотя онъ и вовсе не виноватъ въ немъ, не былъ поставленъ ему въ вину; и между прочимъ, въ отчаяніи отъ твоего отъѣзда. „„Какъ убѣдить ее,““ говоритъ: „„что я презиралъ-бы себя, если-бы „я позволилъ себѣ, хоть на мигъ, заключить изъ этого „что-нибудь лестное для мужскаго моего самолюбія. „Нужды нѣтъ, говоритъ:—что это доставило мнѣ минуту невыразимаго счастья; вы поймете меня если я „вамъ скажу, что я не желалъ-бы быть „„счастливъ „ошибкой““. „„А что̀ касается *предпочтенія*, говоритъ:— „то надо быть очень самоувѣреннымъ чтобы приписывать ему положительный смыслъ. Тамъ гдѣ нѣтъ выбора, или онъ вынужденъ, люди невольно предпочитаютъ меньшее между нѣсколькихъ золъ, но это еще „не значитъ, чтобы они любили его““... И черезъ нѣсколько словъ: „„между нами молъ, Анна Григорьевна,—я ее очень люблю; но это не болѣе какъ естественно, если припомнить, что люди любятъ обыкновенно въ ближнемъ именно то чего имъ лично недостаетъ. Я, говоритъ:—человѣкъ практическій не потому чтобы я не умѣлъ цѣнить идеальныхъ характеровъ и стремленій, а потому, что я самъ неспособенъ „быть въ жизни ничѣмъ кромѣ чернорабочаго. Это „единственный путь, на которомъ я въ состояніи зарабатывать себѣ хлѣбъ и пользоваться правами свободнаго человѣка. Но я не могу не быть тронутъ до „глубины души, когда я вижу передъ собою что-нибудь идеально-прекрасное и я понимаю, что это гораздо выше. Меня, молъ, вы можете уважать, не „больше того, а на такую дѣвушку какъ она, надо „молиться...““ И говоря это, онъ (какъ случается иногда когда его, какъ говорится, прорветъ) весь покраснѣлъ.“

„Надѣюсь, писала далѣе Анна Григорьевна,—что ты, по старой памяти, не скроешь отъ меня, что̀ ты объ этомъ думаешь, и совѣтую помнить пословицу: *куй желѣзо пока горячо*... Какъ жаль, что тебя здѣсь нѣтъ, Pachette!.. тѣмъ болѣе, что я не одна жалѣю... Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта,“ и прочее. А въ припискѣ извѣстіе, что „Черенинъ, зимой, собирается въ Петербургъ.“ Но, прибавляла, не безъ лукавства, Анна Григорьевна:—„было-бы жаль если-бы онъ поѣхалъ туда безъ разумныхъ надеждъ и вернулся оттуда ни съ чѣмъ“.

* * *

Читая и перечитывая, въ невыразимомъ смущеніи, это письмо, Паша чувствовала, что ее начинаетъ вертѣть и подбрасывать какъ челнокъ попавшій въ бурную толчею. Напрасно она усиливалась остановиться на чемъ-нибудь, ее подхватывало и уносило совсѣмъ въ другомъ, непредвидѣнномъ направленіи. Минутами словно крылья у ней выростали—и любящая, любимая, она взлетала на высоту, съ которой всѣ бѣдствія и тревоги ея казались мелкими. Но тотчасъ-же вслѣдъ за тѣмъ, что-то горькою волной поднималось отъ сердца и схватывало за горло. Тогда слова утѣшенія и надежды звучали въ ея ушахъ насмѣшкою и въ груди закипала злость.

— „Разумныхъ надеждъ?“ твердила она себѣ, съ досадой бросая письмо: — „Шутка сказать! а откуда я ихъ возьму?.. И это уѣздное простодушіе воображать, что я тутъ сохну отъ безнадежной любви!. О! какъ они, въ своей Аркадіи, далеки отъ догадки, что я тутъ одна, какъ мышь въ западнѣ, и что мнѣ не отъ кого ждать помощи! Я, какъ царь въ сказкѣ, склонилась надъ омутомъ, чтобы напиться воды, какъ вдругъ мохнатыя лапы вцѣпились въ меня и не пускаютъ. Для меня нѣтъ спасенія. Все что̀ манило и обѣщало счастье, отнято у меня; но у меня осталась совѣсть. И если уже моя судьба тонуть, то тонуть одной. А тянуть за собою въ тину хорошаго, честнаго человѣка, который любитъ меня, — никогда!..“ Но ужасъ такой судьбы не разъ заставлялъ ее озираться, невольно спрашивая себя: „Да неужли-же нѣтъ никакого исхода?.. Признаться развѣ ему во всемъ и предоставить ему самому рѣшать?..“ Да, это былъ-бы исходъ, если-бъ она могла быть увѣрена, что такое открытіе не заставитъ его призадуматься и въ концѣ концовъ не уронитъ ее совершенно въ его глазахъ. Потому что, конечно, несчастная, пойманная съ чужими деньгами въ сумкѣ и лишь изъ жалости или расчета отпущенная потомъ на оброкъ,—далеко не тотъ идеалъ, на который приходитъ охота молиться. Понятно, она найдетъ что̀ сказать въ свое оправданіе; — кто-жъ не найдетъ?.. Но есть вещи, которыя, разъ сослуживъ свою службу, теряютъ потомъ уже всякій смыслъ. Сказать что и тутъ виновато во всемъ *„внушеніе“* — можно, тѣмъ больше что ей очевидно нечего больше сказать. Но не слишкомъ-ли уже будетъ валить этотъ новый грузъ все на того-же шаткаго и загадочнаго конька?.. Въ городѣ, какъ писала матушка, и безъ того уже думаютъ, что *эта глупость*, какъ называетъ ее Аннетъ, быть-можетъ далеко не такъ глупа и что дѣло навѣрно не обошлось безъ предварительнаго, дружескаго намёка со стороны послѣдней, на-

счетъ того, что̀ слѣдуетъ сдѣлать дабы сбылось *внушеніе*. Въ такихъ чудесахъ, молъ, безъ этого рода услугъ мудрено обойтись. И если теперь ему, какъ лично заинтересованному, не упустили шепнуть объ этомъ, то какъ-бы презрительно онъ ни отнесся къ извѣту, а этотъ послѣдній невольно придетъ на память, въ случаѣ еслибъ у ней хватило смѣлости, или безстыдства, сослаться опять на *внушеніе...*"

И несчастная представляла себѣ какими глазами онъ на нее посмотритъ, выслушавъ ея исповѣдь до конца. Конечно, онъ не повѣритъ чтобы она способна была на воровство; но тѣмъ не менѣе все это вмѣстѣ невольно должно показаться ему неискренно и темно. „Къ тому-же, подумаетъ онъ,—тутъ замѣшался красавецъ-кузенъ, и какъ знать до чего способна дойти свобода родственныхъ отношеній, особенно если на помощь придетъ магнетическій сонъ со своими услужливыми галлюцинаціями.—союзникъ быть-можетъ уже испытанный?.." Нѣтъ! Никогда!.. Языкъ у нея не повернется!.. Что̀-бы съ ней ни было — онъ не узнаетъ, не долженъ объ этомъ знать ничего.

Такъ началась отчаянная борьба, благодаря которой, въ сердцѣ у Паши скоро—что̀ называется — не осталось мѣста живаго: страхъ и надежда, ненависть и любовь — все стало источникомъ пытки... Но время шло, и она не могла уже дольше сидѣть, попрежнему, сложа руки. Что-то бродило неугомонно у ней въ груди, заставляя ее ежедневно придумывать новые планы. Причина понятна: бѣдняжкѣ было всего двадцать лѣтъ—и послѣ извѣстій отъ Анны Григорьевны, ей ужасно хотѣлось жить.

Прежде всего она отвѣчала Аннѣ Григорьевнѣ, что она глубоко тронута тѣмъ, что̀ она узнала; но что она находится здѣсь въ мучительныхъ затрудненіяхъ, и покуда не сбудетъ ихъ съ рукъ, не можетъ дать никому *разумныхъ надеждъ...* Въ чемъ дѣло: она не въ правѣ сказать, такъ какъ это чужая тайна, но проситъ вѣрить, что сердце ея тутъ не причемъ. До такой степени, прибавляла она, что если-бъ была физическая возможность, она охотно отправила-бы его своему другу на сохраненіе, какъ залогъ, что оно, безъ ея вѣдома, не будетъ отдано никому... Но надеждъ у ней нѣтъ—не только разумныхъ, а и совсѣмъ никакихъ. Нечего значитъ и посулить тому „кто зимой собирается въ Петербургъ". „Такъ и скажи ему, если ему это нужно знать, потому что я его не хочу обманывать. Я не свободна; но разумѣется это его не должно стѣснять, и если какія-нибудь дѣла зовутъ его въ Петербургъ, то разумѣется я не помѣха. Пусть пріѣзжаетъ, я буду всею душою рада увидѣть его."

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

I.

Жаркій, лѣтній день на исходѣ; раскаленное солнце медленно совершаетъ свое величественное шествіе по лазуревому небосклону, постепенно приближаясь къ мохнатымъ вершинамъ мрачнаго хребта Сихотэ-Алинь. Въ воздухѣ царитъ таинственное безмолвіе. Все подавлено удушающею, почти тропическою жарой лѣтняго дня. Гигантскія деревья, прихотливо обвитыя цѣпкимъ, ярко-зеленымъ виноградомъ, словно застыли, печально опустивъ свои пушистыя вѣтви къ засохшей землѣ. Разнообразные лѣсные цвѣты склонили головки почти къ самой травѣ, точно желая скрыться въ ней отъ безжалостно-палящаго солнца. Трава, пожелтѣвшая подъ вліяніемъ раскаленныхъ лучей дневнаго свѣтила, приникла, въ свою очередь, къ самой почвѣ, тщетно стараясь высосать изъ земли, растрескавшейся отъ продолжительной жары, хотя каплю живительной влаги. Душно въ воздухѣ, не смотря даже на близость безграничнаго моря, также застывшаго и замершаго на всемъ необъятномъ просторѣ; его зеркальная поверхность не рябится даже быстрымъ движеніемъ рыбы, скрывшейся въ глубь—въ воды болѣе холодныя и оживляющія. Немолчные буруны заснули вдоль крутаго прибрежья, на время переставъ лизать подножія базальтовыхъ скалъ, поражающихъ взоры дивными, сказочными очертаніями; не слышно ихъ ропота и въ фантастическихъ гротахъ, воздвигнутыхъ могучими усиліями морскихъ валовъ. Уснуло все, подавленное палящею жарой. Ни звука, ни отклика, ни вздоха. Звѣри забились въ непролазную чащу тайги, въ прохладную тѣнь вѣковыхъ деревьевъ, забывъ на время борьбу за существованіе, вражду и голодъ. Птицы скрылись въ густыхъ вѣтвяхъ подлѣска, предпочитая недвижный покой въ прохладѣ звонкимъ пѣснямъ и веселому порханью въ чистомъ воздухѣ. Только морскія чайки не скрылись отъ раскаленныхъ лучей солнца; тысячи ихъ унизали, прихотливыми, сѣровато-бѣлыми линіями, карнизы базальтовыхъ скалъ и сонно поглядываютъ на зеркальную поверхность уснувшаго моря. Да еще рѣзко выдѣляется на лазурномъ фонѣ безоблачнаго неба громадный орланъ, недвижно сидящій на острой вершинѣ совершенно голаго, одинокаго утеса. Орланъ дремлетъ, не переставая изрѣдка окидывать зоркимъ взоромъ лежащую передъ нимъ мѣстность и вслушиваться чуткимъ ухомъ въ таинственную тишину, стараясь уловить какой-нибудь подозрительный шорохъ.

Солнце постепенно склоняется къ хребту Сихотэ-Алинь, позлащая его мохнатыя вершины. Еще часъ, и оно скроется за гигантскими, могучими кедрами, унизавшими, словно щеткой, всѣ склоны неизвѣданнаго хребта. Въ воздухѣ царитъ то-же подавляющее безмолвіе...

Но вотъ орланъ, до сихъ поръ недвижный, началъ проявлять безпокойство; повернувъ величественную голову къ югу, онъ сталъ во что-то зорко всматриваться. Хищная птица замѣтила нѣчто для себя диковинное, приближавшееся по узкому побережью, къ одиноко-стоящему утесу, на которомъ расположился для отдыха орланъ...

По рыхлому песку, увязая по щиколку, шелъ богатырскаго сложенія инородецъ и велъ подъ уздцы мохнатую, небольшую лошадку; на послѣдней сидѣлъ верхомъ пожилой монахъ въ чистой нанковой рясѣ и широчайшей соломенной шляпѣ. Одежда инородца состояла только изъ короткихъ, бумажныхъ шароваръ и легкихъ ошметокъ, весьма удобныхъ для скитанья по тайгѣ; за плечами его торчала старая пистонная винтовка, а съ боку, на широкомъ, сыромятномъ кушакѣ, висѣлъ большой охотничій ножъ. Инородецъ бодро шагалъ по узкому прибрежью, изрѣдка поглядывая на спутника, молчаливо созерцавшаго безмолвное величіе раскинувшагося передъ глазами моря. Монахъ плотно сидѣлъ въ мягкомъ казацкомъ сѣдлѣ, глубоко просунувъ въ стремена ноги, обутыя въ тѣ-же удобныя ошметки. Симпатичное лицо его, обрамленное рѣдкою, сѣдою бородой, носило печать аскетизма и самоотверженія; голубые, кроткіе глаза глядѣли ясно и спокойно; отъ всей его наружности вѣяло рѣдкимъ добродушіемъ и смиреніемъ. Это былъ знакомый всему Уссурійскому краю миссіонеръ, отецъ Николай, искренно и самоотверженно преданный дѣлу духовнаго просвѣщенія инородцевъ нашей далекой окраины. Въ рукахъ отецъ Николай держалъ небольшой ящичекъ со Св. Дарами и Крестомъ; за сѣдломъ его висѣлъ вьюкъ съ облаченіемъ, самыми необходимыми вещами и провизіей... Почтенный миссіонеръ совершалъ свой обычный лѣтній объѣздъ паствы, разбросанной на необъятномъ просторѣ невѣдомаго, обширнаго края; его сопровождалъ крещеный инородецъ Иванъ, служившій ему проводникомъ и, въ рѣдкихъ случаяхъ, переводчикомъ, когда отцу Николаю случалось встрѣчать представителей малочисленнаго племени орочей, съ нарѣчіемъ которыхъ онъ еще не успѣлъ освоиться. При исполненіи необходимыхъ требъ, Иванъ исполнялъ также обязанности дьячка, и дѣлалъ это, благодаря продолжительному навыку, весьма толково и успѣшно. Онъ совершалъ съ отцомъ Николаемъ десятый объѣздъ по паствѣ, ежегодно по два раза: лѣтомъ и зимой. Въ эти два раза, обыкновенно, крестили родившихся за истекшіе полъ-года, отпѣвали уже похороненныхъ, вѣнчали нерѣдко уже заживившихъ семейною жизнью... Въ то-же время отецъ Николай успѣвалъ привлекать въ лоно православной церкви новыхъ вѣрующихъ, что̀ ему удавалось, благодаря рѣдкому умѣнью говорить съ инородцами и убѣждать ихъ. Со Св. Дарами въ рукахъ, пѣшкомъ или верхомъ на той-же неутомимой лошади, онъ дѣлалъ ежегодно тысячи верстъ, успѣвая посѣтить всѣхъ обращенныхъ и укрѣпить ихъ въ новой вѣрѣ. Это былъ человѣкъ желѣзнаго здоровья и безграничной энергіи, одухотворенный святымъ дѣломъ.

II.

Орланъ, сидя на вершинѣ голаго утеса, повидимому, недоумѣвалъ кого онъ видитъ: врага или друга. Зорко всматривался онъ въ приближавшееся, диковинное для него, шествіе, опасаясь какого-нибудь враждебнаго намѣренія и въ то-же время не желая разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ. Шествіе между тѣмъ все приближалось. Наконецъ, хищникъ не выдержалъ, нехотя расправилъ широкія крылья, сорвался съ утеса и началъ лѣниво подниматься въ лазуревую высь... Увидѣвъ сорвавшагося орлана, Иванъ не утерпѣлъ.

Семидесятипятилѣтіе занятія Парижа русскими войсками (1814 г.). Сладкій виноградъ.
Картина профессора Виллевальде, грав. Пуцъ.

Смотрины царской невѣсты посломъ Іоанна Грознаго въ Англіи.
Ориг. рис. (собств. „Нивы") Соломко, грав. Шюблеръ.

— Го, го, го! раздался вслѣдъ слетѣвшему орлану рѣзкій, гортанный крикъ. Хищникъ нервно рванулся еще выше, съ любопытствомъ поглядывая съ выси на крикуна, осмѣлившагося нарушить волшебное безмолвіе тайги.

— Зачѣмъ кричишь, Иванъ? спокойно спросилъ миссіонеръ, оторванный неожиданнымъ крикомъ отъ дивнаго созерцанія уснувшей безграничной морской глади.

— Гляди, батька, какая сейчасъ птица полетѣла, отвѣтилъ инородецъ, тыкая грязнымъ пальцемъ въ лазуревое небо.— Жаль -- не примѣтилъ, продолжалъ онъ, — а то снесъ-бы ей башку пулей...

— Не для того у тебя ружье, чтобы по неповинной твари стрѣлять, кротко замѣтилъ отецъ Николай. — Птица тебя не трогаетъ—и тебѣ не подобаетъ Божье твореніе обижать.

— Мнѣ все-равно — пущай летаетъ... Вишь, куда поднялась!... О, го, го!... крикнулъ опять Иванъ пронзительнымъ голосомъ.

Чайки, унизывавшія карнизы базальтовыхъ скалъ, встрепенулись отъ этого дикаго крика и съ недоумѣніемъ начали оглядывать безграничный просторъ уснувшаго моря, словно ища виновника, нарушившаго ихъ сладкую дремоту. Отецъ Николай, достаточно привыкшій къ выходкамъ своего вѣрнаго проводника, только улыбнулся и сталъ съ любопытствомъ слѣдить за величественнымъ полетомъ орлана. Нѣсколько минутъ хищникъ рѣялъ въ лазуревой выси, повидимому, безъ опредѣленной цѣли; но вотъ онъ замеръ на мѣстѣ и черезъ секунду камнемъ бросился почти къ самой поверхности моря, сватилъ могучими когтями одинокую зазѣвавшуюся чайку и молніей взлетѣлъ опять въ высь. Было ясно видно, какъ онъ рвалъ на лету кривымъ клювомъ бѣлыя перья чайки, поплывшія въ воздухѣ въ видѣ снѣжныхъ хлопьевъ...

— Гляди, батька, какъ орланъ чайку рветъ, замѣтилъ Иванъ, отирая со лба, грязною ладонью, крупныя капли пота.

— Вижу, проговорилъ отецъ Николай. — Не привыкать намъ... И на землѣ то-же самое: сильный рветъ слабаго.. И все оттого, что истиннаго Бога еще не познали, далеки отъ Бога... Неразумной птицѣ или звѣрю это простительно — они жрать хотятъ; а человѣку, совершеннѣйшему изо всѣхъ Божьихъ твореній, непростительно: онъ рветъ и обижаетъ ближняго только по злобѣ своей...

— Ты правду сказалъ, поддакнулъ Иванъ...

Между тѣмъ, солнце уже склонилось за щетинистыя вершины Сихотэ-Алиня, разомъ потемнѣвшія; потемнѣла и зеркальная поверхность уснувшаго моря. Всюду легли таинственныя тѣни. Повѣяло оживляющею вечерней прохладой. Чайки, доселѣ дремавшія на карнизахъ базальтовыхъ скалъ, вдругъ встрепенулись, сорвались съ насиженныхъ мѣстъ и шумной стаей начали рѣять надъ моремъ, высматривая добычу и оглашая воздухъ рѣзкими криками, очень схожими съ плачемъ дитяти... Безмолвная тайга, въ свою очередь, оживилась: откуда-то несся свистъ свиристеля; гдѣ-то вдали слышалось щелканье зимородка, перебиваемое мѣрнымъ стукомъ дятла, долбившаго крѣпкимъ клювомъ стволъ пріютившаго его дерева; изъ ближайшей пади несся отрывистый, глухой голосъ гурана... *).

— Иванъ! позвалъ проводника миссіонеръ.

— Чтò скажешь, батька?

— Не пора-ли и привалъ сдѣлать?... Посмотри, солнышко уже зашло... Выбери поляночку, да и заночуемъ.

— И выбирать нечего... Хочешь отдохнуть — спустимся опять къ берегу: на песочкѣ славно будетъ, да и отъ звѣря сохраннѣй, предложилъ Иванъ и, не ожидая рѣшительнаго согласія почтеннаго миссіонера, своротилъ лошадь къ морю, выбирая удобный спускъ на прибрежье. Болѣе получаса шелъ онъ среди густаго разнообразнаго кустарника, по мягкому темнозеленому ковру виноградника. Отецъ Николай съ трудомъ избѣгалъ, отовсюду нависшихъ, вѣтвей, наклоняя голову къ лошадиной гривѣ и ревниво охраняя драгоцѣнный, завѣтный ящичекъ. Широкополую шляпу пришлось снять и подвѣсить къ тороку. Между тѣмъ, Иванъ нашелъ, чутьемъ дикаря, взросшаго въ тайгѣ, удобный спускъ къ морю, и черезъ нѣсколько минутъ путники уже брели по желтому песку побережья. Отецъ Николай слѣзъ съ лошади и покорно слѣдовалъ за проводникомъ, высматривавшимъ подходящее для ночлега мѣсто.

— Здѣсь хорошо будетъ, проговорилъ черезъ минуту инородецъ, останавливаясь у развѣсистаго дуба, склонившагося съ крутаго берега надъ прибрежьемъ.

Не ожидая окончательнаго рѣшенія отца Николая, Иванъ привязалъ лошадь, быстро развьючилъ ее и, не говоря ни слова, сталъ по близости собирать матерьялъ для костра. Повидимому, онъ привыкъ хозяйничать въ тайгѣ по усмотрѣнію. Миссіонеръ, съ тою же покорностью, подошелъ къ дубу и, благоговѣйно перекрестившись, поставилъ въ укромное мѣсто завѣтный ящичекъ со Св. Дарами; затѣмъ онъ приступилъ къ раскупоркѣ небольшаго вьюка... Осторожно развернувъ легкую кошму, отецъ Николай прежде всего выставилъ въ сторонку мѣдный чайничекъ, въ которомъ хранился весь запасъ сахару и кирпичнаго чаю, и жестяную, сильно помятую, потемнѣвшую кружку. Рядомъ съ чайникомъ, вскорѣ появились два небольшіе полотняные мѣшечка: одинъ съ черными сухарями, другой — съ пшеномъ. Разобравъ свой незатѣйливый запасъ, почтенный миссіонеръ сталъ помогать проводнику разжигать костеръ при помощи трута и сухой травы... Гулко затрещалъ хворостъ, и черезъ короткое время зеркальная поверхность моря окрасилась кровавымъ заревомъ разгорѣвшагося костра. Иванъ опросталъ чайникъ и зачерпнулъ изъ ближайшаго ручья студеной, прозрачной, какъ кристаллъ, воды. Отецъ Николай успѣлъ въ это время приладить надъ костромъ треножникъ, а также позаботиться о своемъ неутомимомъ Васькѣ, предъ мордой котораго навалилъ огромную охабку свѣжей травы, нарванной по близости...

*) Гуранъ — дикій козелъ-самецъ.

Между тѣмъ солнце зашло совсѣмъ; наступила темная, лѣтняя ночь, столь свойственная южнымъ широтамъ. Пылающій костеръ отбрасывалъ вокругъ кровавый отблескъ, фантастически освѣщая крутой, обросшій разнообразною растительностью, берегъ, ближайшую полосу уснувшаго моря и двухъ путниковъ, дружески занявшихся скромнымъ ужиномъ. Оба ѣли молча. Иванъ съ волчьимъ аппетитомъ рвалъ зубами послѣднюю юколу, оставшуюся изъ небольшаго запаса, взятаго въ дорогу изъ Владивостока; а отецъ Николай медленно жевалъ свою вечернюю порцію черныхъ сухарей, размоченныхъ въ жидкомъ чаю, изрѣдка поглядывая на проголодавшагося проводника. Замѣтивъ, что тотъ уже справился съ жесткой, какъ подошва, юколой, миссіонеръ предложилъ:

— Напейся чайку, да свари, если хочешь, пшена.

— Это хорошо, батька, а то одной юколы маловато, обрадовался Иванъ. — Сегодня, самъ знаешь, неудача — ни одной козы не удалось подстрѣлить, а брюхо не ждетъ, такъ и подводитъ...

— Кушай, кушай на здоровье; я больше не стану — сытъ...

— Ой, ой, какой ты, батька, смѣшной: съѣлъ два сухарика, да выпилъ кружку чаю, и уже сытъ, удивился Иванъ, который никакъ не могъ освоиться съ выдающеюся умѣренностью отца Николая. — Ты, видно, не товарищъ отцу Петру, продолжалъ разболтавшійся проводникъ, — тотъ жретъ-жретъ, а все ему мало, словно вмѣсто-брюха у него мѣшокъ рваный виситъ...

— Не осуждай, строго перебилъ миссіонеръ не въ мѣру разговорившагося проводника.—Намъ дѣла нѣтъ до отца Петра—одинъ Богъ ему судья...

— Ты, батька, правду сказалъ, просто согласился Иванъ и замолчалъ, занявшись предложеннымъ чаемъ.

Отецъ Николай отошелъ отъ костра и, опустившись на прибрежный песокъ на колѣни, началъ творить вечернюю молитву... Иванъ давно уже кончилъ свой ужинъ, успѣвъ сварить въ чайникѣ изрядную порцію пшена; онъ уже сладко заснулъ около пылающаго костра; а миссіонеръ продолжалъ еще молиться, восторженно глядя на опрокинутый куполъ звѣзднаго неба и безграничное море, усѣянное милліонами фосфорическихъ искръ. Величіе окружающей природы переполняло его сердце благоговѣйнымъ чувствомъ къ Всемогущему Творцу, сотворившему однимъ словомъ это безпредѣльное, чудное небо, съ милліонами прекрасныхъ звѣздъ, и эту необъятную землю, съ ея безграничными океанами и морями... Онъ молился горячо, мысленно возносясь къ величественному Престолу Бога-Творца, окруженному легіонами лучезарныхъ серафимовъ и херувимовъ... Кругомъ его царствовала таинственная тишина: только гдѣ-то вдали слышался глухой рокотъ валовъ, безсильно разбивавшихся о базальтовые выступы суроваго берега...

III.

Алая кайма охватила далекій востокъ; нѣжный, розовый блескъ облилъ чудную синеву чистаго, безоблачнаго неба, ласково приникшаго къ морскому простору. Безпредѣльная поверхность пробудившагося моря заколыхалась и затрепетала въ волшебно-прекрасномъ сіяніи восходящаго солнца... Вотъ показалась изъ-за горизонта золотая макушка дневнаго свѣтила, и милліоны ярко-золотистыхъ лучей разсыпались во всѣ стороны, обдавъ радостнымъ свѣтомъ темную зелень проснувшагося берега. Тысячи чаекъ, сладко дремавшихъ на выступахъ базальтовыхъ скалъ, встрепенулись и крикливой стаей заволновались надъ рябью моря, сверкая на солнцѣ бѣлоснѣжными крыльями. Несмѣтныя тучи куликовъ со свистомъ заметались по песчаному прибрежью, суетливо подбирая моллюсковъ и рыбокъ, выброшенныхъ услужливымъ приливомъ. Въ далекой выси дѣвственно-чистаго неба раздался клёкотъ бѣлохвостаго орлана, зорко высматривавшаго подходящую добычу. На всемъ прибрежьѣ закипѣла утренняя жизнь; навстрѣчу восходящему солнцу неслись разнообразные звуки пробужденной природы. Кряканье утокъ перебивалось хриплымъ пискомъ чирковъ и музыкальнымъ, гармоничнымъ крикомъ бѣлаго журавля. Откуда-то издалека неслись трубные звуки лебедей и пронзительное гоготанье гусей, поднявшихся съ ближайшаго болота. Ястребъ-тетеревятникъ, какъ злой разбойникъ, зашнырялъ по кустамъ и рвалъ оплошныхъ птицъ. Черный коршунъ вынырнулъ изъ пади, стрѣлой поднялся въ высь и парилъ широкими кругами, зорко высматривая добычу... Всюду началась кипучая, утренняя жизнь...

Восходящее солнце застало нашихъ путниковъ уже въ дорогѣ; они выбрались на крутой берегъ съ первыми проблесками разсвѣта и, пользуясь освѣжающею утреннею прохладой,

бодро шагали по извилистой тропѣ, протоптанной звѣремъ среди дѣвственной тайги. Впереди шелъ Иванъ, ведя за поводъ лошадь; позади слѣдовалъ отецъ Николай, съ завѣтнымъ ящичкомъ въ рукахъ. Вообще, почтенный миссіонеръ большую часть дневнаго перехода дѣлалъ всегда пѣшкомъ и только къ вечеру позволялъ себѣ усѣсться въ удобное казацкое сѣдло, въ которомъ и отдыхалъ отъ тяжелаго пути по кочкамъ, оголеннымъ корнямъ деревьевъ и поваленнымъ стволамъ. Что касается Ивана, то неутомимый дикарь, казалось, никогда не чувствовалъ усталости; онъ съ одинаковою бодростью шагалъ какъ утромъ, такъ и къ вечеру, нерѣдко сдѣлавъ по тайгѣ до двадцати верстъ, а иногда и больше. При этомъ надо помнить что эти двадцать верстъ сдѣлать не легко по тропѣ едва пробитой дикимъ звѣремъ, среди непроницаемой заросли, когда ноги путаются въ густой травѣ, почти въ человѣческій ростъ, когда ежеминутно вяжетъ ихъ цѣпкій виноградъ, который стелется по землѣ и покрываетъ ее почти сплошнымъ ковромъ зелени...

Къ полдню путники подошли къ довольно широкой рѣкѣ, истоки которой терялись въ неизвѣданныхъ падяхъ хребта Сихотэ-Алинь. Передъ впаденіемъ въ море, рѣка развѣтвлялась на нѣсколько извилистыхъ протоковъ, образовавшихъ два прелестныхъ миніатюрныхъ островка, сплошь покрытыхъ густою, почти тропическою растительностью. Приблизившись къ рѣкѣ, Иванъ остановился и, полуобернувшись къ отцу Николаю, проговорилъ:

— Ты отдохни, батька, а я пойду, поищу брода...

И не ожидая отвѣта, дикарь зашагалъ по отлогому берегу рѣки. Отецъ Николай съ наслажденіемъ опустился на мягкую, душистую траву, снялъ широкополую шляпу и отеръ потное лицо полой подрясника. Полуденное солнце стояло высоко въ небѣ, разбрасывая вокругъ яркіе, палящіе лучи, жаръ которыхъ нѣсколько умалялся легкой прохладой морскаго вѣтра. Кругомъ господствовала снотворная тишина. Только вдали глухо шумѣлъ неутомимый прибой, окаймляя песчаное прибрежье бѣлоснѣжною пѣною. Отецъ Николай съ наслажденіемъ прилегъ на траву и началъ пристально глядѣть въ глубокое, чистое небо, въ голубой выси котораго величественно рѣяли копчики и орланы. Свѣжесть душистаго ложа манила ко сну и нѣгѣ. Убаюкиваемый глухимъ рокотомъ морскаго прибоя, миссіонеръ отдался сладкой дремотѣ, полной разнообразныхъ сновидѣній. И приснился ему странный сонъ. Видитъ онъ себя на обширной аренѣ древняго римскаго цирка, среди толпы христіанскихъ мучениковъ, собранной гонителями для кровавой трапезы хищныхъ звѣрей, привезенныхъ со всѣхъ владѣній обширной имперіи. Кругомъ, на безконечныхъ скамейкахъ, опоясывающихъ арену многоэтажнымъ амфитеатромъ, толпятся десятки тысячъ любопытныхъ зрителей. Жгучее, яркое солнце обдаетъ арену и амфитеатръ блестящими лучами. Отецъ Николай съ горечью глядитъ на возбужденныя и омраченныя низкою страстью лица безчисленныхъ зрителей, толпами привалившихъ въ Римъ на дикое зрѣлище борьбы хищныхъ, голодныхъ звѣрей съ беззащитными христіанскими мучениками. Медленно обводитъ онъ глазами безконечные ряды скамеекъ и всюду видитъ только кровожадность и жестокость: ни одного привѣтливаго, ни одного добраго взгляда... Больно ему стало глядѣть на эти безпощадныя лица и онъ отводитъ взоръ съ амфитеатра на арену. Чтò за дивное зрѣлище представилось его восхищеннымъ глазамъ!.. Онъ увидѣлъ божественно-прекрасныя лица христіанскихъ мучениковъ, стариковъ и молодыхъ людей, мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, безтрепетно смотрящихъ на рядъ темныхъ отверстій, изъ которыхъ, съ минуты на минуту, будутъ выпущены на арену голодные, хищные звѣри. Лица христіанъ величественно спокойны; ихъ кроткіе глаза горятъ самоотверженіемъ и безграничною преданностью Христу, во славу котораго они готовы принять злѣйшія муки... Кругомъ царитъ подавляющая тишина, изрѣдка прерываемая только глухимъ отдаленнымъ ропотомъ нетерпѣливыхъ зрителей... Но вотъ, въ темныхъ отверстіяхъ клѣтокъ мелькнули гибкія спины тигровъ и пантеръ, и хищники однимъ гигантскимъ скачкомъ выпрыгнули на арену; за ними неуклюже ковыляли громадные медвѣди... Христіане не дрогнули. Смѣло глядятъ они на голодныхъ хищниковъ и безтрепетно ждутъ мучительной смерти. Лица ихъ продолжаютъ выражать то же величественно прекрасное спокойствіе и высокое самоотверженіе... Отецъ Николай, въ свою очередь, не чувствуетъ страха. Сердце его не дрогнуло даже при глухомъ рычаніи необычайно громаднаго тигра, медленно ползущаго къ нему по желтому песку арены. Смѣло глядитъ онъ въ кровавые глаза хищника, готоваго сдѣлать послѣдній прыжокъ... Еще моментъ—и все кончено... Вдругъ сверкнула молнія; раздался сильный громъ, потрясшій до основанія величественное зданіе цирка... Небо разомъ потемнѣло; все окружающее скрылось въ какомъ-то волшебномъ хаосѣ и... отецъ Николай проснулся. Раскрывъ глаза, онъ прежде всего увидѣлъ Ивана, бѣгущаго къ нему; въ одной рукѣ Иванъ держалъ еще дымящуюся винтовку, въ другой — свой охотничій ножъ. Лошадь, сбивъ на сторону вьюки и сѣдло, неслась вдоль рѣки къ прибрежью, точно охваченная паническимъ ужасомъ. Отецъ Николай приподнялся и съ недоумѣніемъ сталъ слѣдить за проводникомъ, который, не обращая вниманія на миссіонера, пробѣжалъ мимо и съ дикимъ ожесточеніемъ набросился на какого-то звѣря, бившагося въ высокой травѣ. Послышался хриплый, предсмертный ревъ, такой страшный и неожиданный, что отецъ Николай невольно вздрогнулъ, не смотря на все свое мужество. Въ этомъ предсмертномъ рычаніи онъ узналъ грозный голосъ бича тайги — тигра... Не успѣлъ еще миссіонеръ сообразить чтò дѣлать, какъ Иванъ выпрямился и ровнымъ шагомъ направился къ нему...

— Ну, батька, счастливъ ты, что я вò время возвратился, проговорилъ онъ спокойно, отирая со лба грязною ладонью нѣсколько капель крови.

— Спасибо тебѣ... Вижу, что отъ смерти спасъ... Еще разъ спасибо!.. горячо благодарилъ проводника отецъ Николай, крѣпко пожимая его мозолистую руку.—Молодчина ты у меня!.. съ умиленіемъ добавилъ миссіонеръ, всматриваясь въ безжизненную, громадную тушу тигра, широко разметавшагося на окровавленной, смятой травѣ. — Не знаю, чѣмъ и какъ отблагодарить тебя!..

— Зачѣмъ благодарить, просто отвѣтилъ Иванъ. — Вѣдь я свое дѣло сдѣлалъ... Вижу, тигра хочетъ на тебя прыгнуть, а ты дрыхнешь; ну, я его и стрѣлилъ... Ой, ой, какъ хорошо, что я вò время пришелъ!.. Ой, ой, какъ было-бы мнѣ тебя жалко!..

— Чудо-богатырь, да и только! съ восторгомъ повторилъ отецъ Николай, крѣпко обнимая своего спасителя.

— Добрый ты у меня, батька, умилился Иванъ,—другой на твоемъ мѣстѣ разсердился-бы, а ты благодаришь...

— За чтò сердиться!? удивился миссіонеръ.

— Какъ за чтò?.. Гляди, какъ я твой кафтанъ испортилъ... Ужь извини, право нечаянно; тигра очень близко подползла, а я и не разсчиталъ, началъ извиняться Иванъ, смущенно поглядывая на нанковый подрясникъ миссіонера.

Послѣдній, въ свою очередь, оглядѣлся и тутъ только замѣтилъ на подрясникѣ кровавыя брызги: онъ недоумѣвалъ...

— Это изъ башки, разъяснилъ Иванъ недоумѣніе отца Николая. — Я прямо въ башку выстрѣлилъ—изъ нея и брызнуло кровью: тигра, вѣдь, совсѣмъ близко была... Ты ужь извини пожалуйста, что кафтанъ твой испортилъ...

— Чудакъ ты, Иванъ, добрый чудакъ! проговорилъ миссіонеръ съ улыбкой.—Жизнь спасъ, а о подрясникѣ безпокоишься...

— Затвердилъ ты, батька, свое—жизнь спасъ, а взгляни, какую славную шкуру за то заработалъ... Вѣдь за нее мнѣ во Владивостокѣ двадцать рублей дадутъ... Дозволь только ее съ собой взять...

— Возьми, возьми.

— Такъ слушай, батька, чтò я тебѣ скажу: время попусту терять намъ нельзя, а то не поспѣемъ къ вечеру до становища... Ты ужь уважь меня, сходи, поймай лошадь, а я тѣмъ временемъ шкуру со звѣря сниму...

— Хорошо, снимай! согласился отецъ Николай и отправился за лошадью, скрывшеюся въ ближайшей рощѣ.

IV.

Отцу Николаю пришлось пройти вдоль рѣки не менѣе версты, прежде чѣмъ онъ увидѣлъ лошадь, спокойно пасущуюся на берегу. Безъ труда поймавъ ее, онъ тщательно пересѣдлалъ ее, поправилъ вьюкъ и привелъ на злополучную лужайку. Иванъ уже снялъ съ тигра шкуру и аккуратно свертывалъ ее, предполагая высушить по приходѣ въ становище гольдовъ, до котораго оставалось, по его разсчету, не болѣе шести часовъ перехода.

— Славный звѣрь! весело встрѣтилъ миссіонера проводникъ, разглаживая рукой блестящую, желтую, съ черными полосами, шкуру.

— Славный-то онъ славный, только большой бѣды едва не надѣлалъ: насилу лошадь отыскалъ, отвѣтилъ отецъ Николай, присаживаясь на траву.

— Лошадь ничего—лошадь всегда найти можно, а вотъ приди я минутку позже—большая бѣда случилась-бы: навѣрное тигра уже прикончила-бы тебя...

— Разскажи, Иванъ, какъ все это случилось, полюбопытствовалъ миссіонеръ.—А я, какъ спалъ, такой чудный сонъ видѣлъ, и этого звѣря видѣлъ, и рычаніе его слышалъ... добавилъ отецъ Николай.

— Ой-ли!?.. Вотъ чудно-то! удивился Иванъ.—Это навѣрное Богъ тебя будилъ, добавилъ онъ съ искреннимъ убѣжденіемъ и задумался.

— Ну, слушай! началъ Иванъ послѣ минутнаго раздумья.— Пошелъ я искать бродъ—пришлось подняться по рѣкѣ съ полверсты: бродъ нашелъ отличный — всего по брюхо лошади будетъ, а дно—крѣпкое, песокъ... Сталъ возвращаться къ тебѣ... Иду—трубку курю... Подошелъ уже близко, тебя увидѣлъ: лежишь—спишь... Вдругъ, лошадь рванула изъ рукъ поводъ и понеслась, словно испуганный гуранъ... Думаю, дѣло неладное, сталъ приглядываться, ружье приготовилъ; иду къ тебѣ осторожно... Вижу, въ травѣ прилегла большая тигра, на тебя нацѣливается, да я помѣшалъ... Притаилась она и глаза отъ тебя отвела: на меня стала глядѣть—почуяла врага... Ждать я не сталъ, положилъ ружье на сошки, нацѣлился въ голову и выпа-

лилъ... Попалъ ловко... Тигра подпрыгнула и стала биться: я уже ножомъ дорѣзалъ... — Вотъ, батька, я и готовъ, перемѣнилъ разговоръ Иванъ, подвязывая къ вьюку свернутую шкуру.—Пора и въ дорогу, а то опять въ тайгѣ придется заночевать.

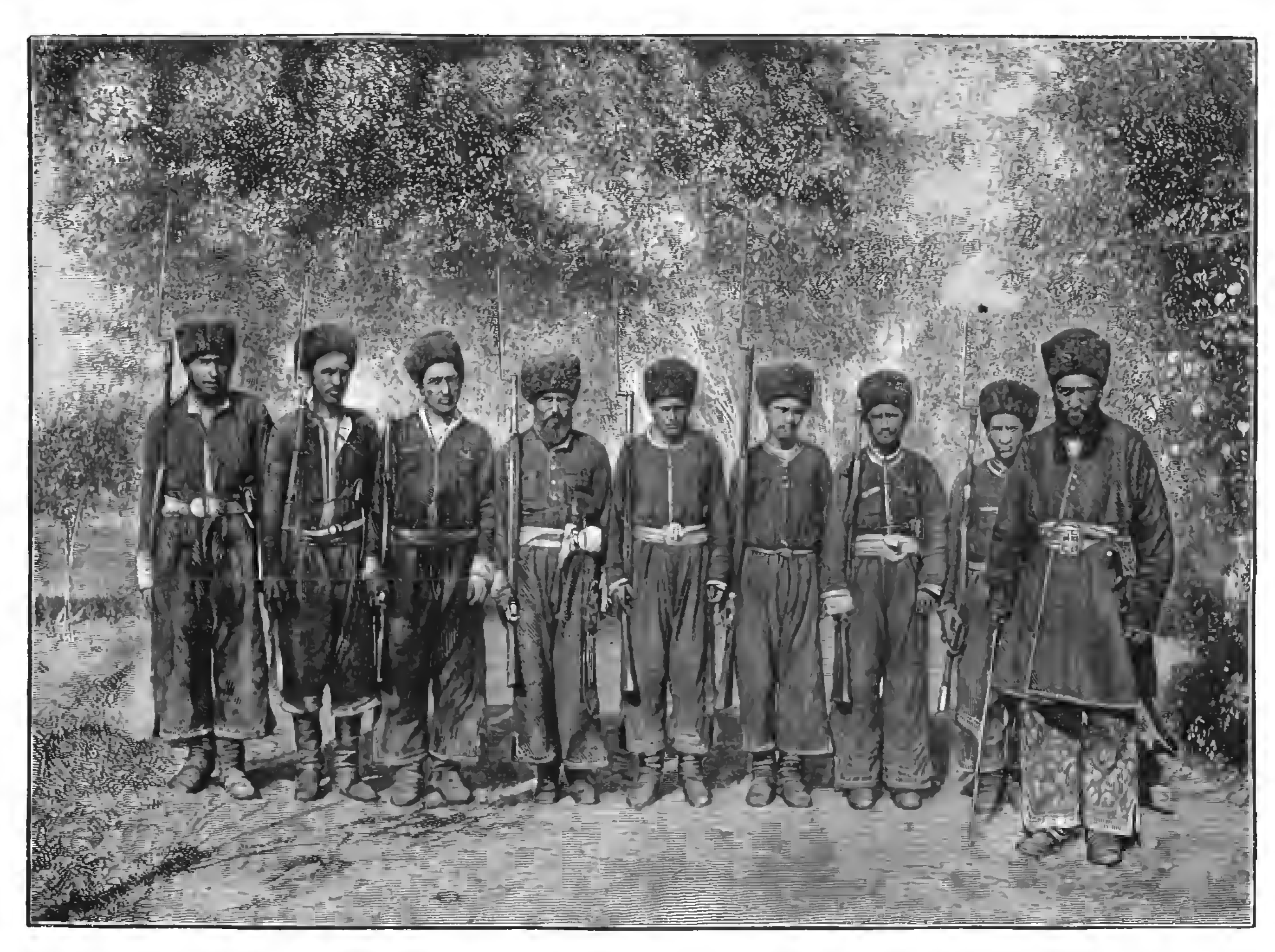
— Тронемся, согласился отецъ Николай, поднимаясь съ мягкой травы...

Черезъ полчаса путники достигли брода.

— Батька, садись на лошадь, предложилъ проводникъ, — а я ее за поводъ поведу: не зачѣмъ тебѣ даромъ мочиться.

Отецъ Николай не заставилъ упрашивать себя и проворно влѣзъ на коня.

— Смотри, батька, какъ на середину выѣдемъ—подбирай ноги выше, посовѣтовалъ Иванъ.



Бухарская пѣхота. Съ фотогр. Васильева, грав. Барановскій.

— Не прозѣваю, трогай, отвѣтилъ миссіонеръ, усаживаясь поплотнѣй въ казацкомъ сѣдлѣ.

Проводникъ вошелъ въ рѣку и бодро зашагалъ по твердому песчаному дну. Лошадь послѣдовала за нимъ смѣло, обдавая его милліонами радужныхъ брызгъ; воды ей было всего по колѣна, но къ серединѣ рѣки стало глубже, при довольно сильномъ теченіи. Отцу Николаю пришлось поднять ноги довольно высоко. Перейдя рѣку, проводникъ свернулъ по ея теченію, къ морскому берегу, стараясь обойти непролазный кустарникъ, за которымъ высилась непроницаемая чаща густолиственныхъ, гигантскихъ деревьевъ, поражавшихъ взоръ дивнымъ разнообразіемъ. Приземистые, вѣковые дубы, въ два-три обхвата толщиной, стояли рядомъ со стройными кедрами и лиственницей; громадные ильмы вздымали надъ ними свои широковѣтвистыя вершины, вблизи которыхъ слегка колыхались пальмовидные листья граціознаго диморфанта и перистые листья пробковыхъ деревьевъ. Тутъ-же виднѣлись: стройный тополь, серебристая липа, крѣпкій ясень, грабъ и группа разнообразныхъ орѣховыхъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ сосной, тисомъ и пихтой. Подлѣсокъ, состоявшій изъ лещины, бузины, жасмина, сирени, колючей азаліи и шиповника, образовалъ непроходимую зарость, переплетенную цѣпкимъ виноградомъ. Послѣдній затѣйливо вился среди разнообразной, почти тропической, растительности, свѣшиваясь къ землѣ роскошными гирляндами и перебрасываясь восхитительными кружевами съ одного дерева на другое, съ вѣтви на вѣтвь. Тутъ и тамъ, виноградныя лозы закидывались на гигантскія сосны и ильмы, взбѣгали почти до самыхъ ихъ вершинъ, нерѣдко покрывая стволы сплошнымъ ковромъ яркой зелени... До прибрежья пришлось идти около двухъ верстъ. По самому берегу рѣки вилась узкая тропа, нерѣдко исчезавшая въ непроходимой чащѣ разнообразныхъ кустарниковъ, нависшихъ надъ самой водой. Въ этомъ случаѣ, путникамъ приходилось спускаться въ рѣку и пробираться до удобнаго мѣста въ бродъ, часто по поясъ въ водѣ. Благодаря твердому, песчаному грунту и жаркому дню, эти вынужденныя ванны принимались съ большою охотою. Отецъ Николай, не желая утомлять лошадь, отягченную добавочнымъ вьюкомъ — тигровой шкурой, — бодро шагалъ по дну рѣки, вслѣдъ за проводникомъ, предоставляя затѣмъ знойному солнцу высушивать на себѣ намокшую одежду...

По выходѣ на прибрежье, дорога стала еще затруднительнѣе. Ноги уходили въ глубокій, сыпучій песокъ, перемѣшанный съ мелкой ракушкой и морской травой, выброшенными волнами. Отцу Николаю пришлось снять отяжелѣвшія отъ воды ошметки и идти босикомъ. Дорога шла вдоль отвѣсныхъ скалъ, такъ близко отъ моря, что ноги путниковъ нерѣдко смачивались брызгами прибоя... Вчерашнее спокойное море было изборождено пѣнистыми волнами, набѣгавшими на узкое прибрежье съ глухимъ рокотомъ. Тамъ и сямъ высились со дна темныя массы одинокихъ причудливыхъ скалъ, смѣло подставлявшихъ свою крѣпкую грудь безпощаднымъ ударамъ грозной стихіи. Рокочущія волны то яростно взлетали до самыхъ вершинъ этихъ фантастическихъ кекуръ, обдавая ихъ алмазнымъ дождемъ, то покорно лизали ихъ отполированныя основанія; съ подвѣтренной стороны послѣднихъ нерѣдко виднѣлись небольшія лежбища, сплошь усѣянныя тюленями и моржами, грѣвшимися на солнцѣ. Сотни разнообразныхъ морскихъ птицъ носились надъ пѣнистою поверхностью моря, оглашая воздухъ рѣзкими, пронзительными криками... Наши путешественники молча брели по прибрежью, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ сыпучаго песку. Прошло около двухъ часовъ. Солнце уже начало медленно склоняться къ западу... Вдругъ, Иванъ остановился и отрывисто проговорилъ, указывая вдаль мозолистой рукой:

— Гляди, батька!

— Что такое? встрепенулся отецъ Николай.

— Гляди туда... Видишь?..

(Продолженіе будетъ).

Паденіе камней съ неба

въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

I.

Профес. Ю. И. Симашко.

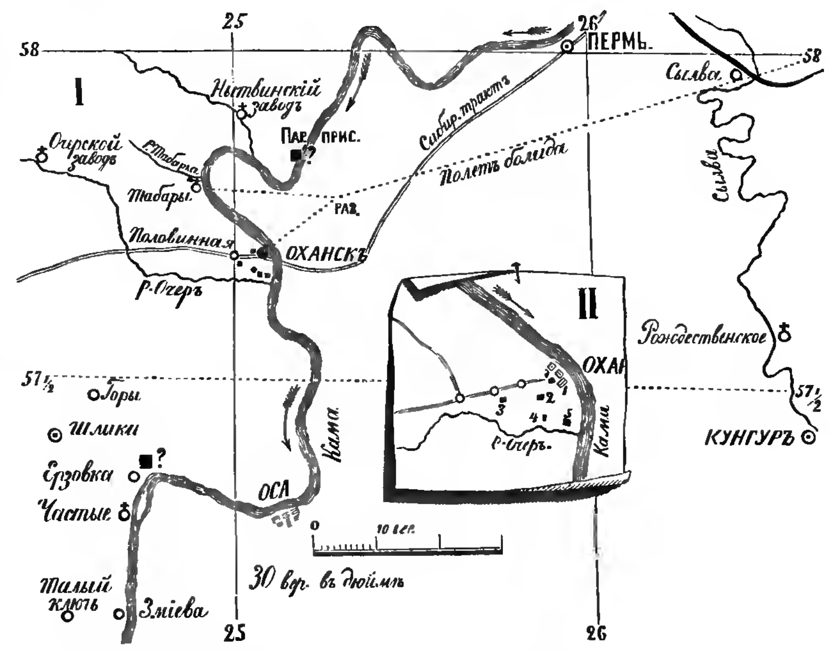
Многіе жители Перми и юго-западной части Пермской губ., уѣздовъ Пермскаго, Оханскаго, Осовскаго, Кунгурскаго и части Сарапульскаго уѣзда Вятской губ., были свидѣтелями одного изъ замѣчательныхъ явленій природы — паденія камней изъ воздуха; это явленіе тѣмъ болѣе поражаетъ очевидцевъ, что оно необычайно, несогласно съ общеукоренившимися понятіями о тверди небесной, бываетъ вездѣ рѣдко, а въ данной мѣстности — Пермскомъ краѣ — оно, на памяти людей, совершилось впервые [1]). Фактъ заключается въ слѣдующемъ:

Около 12½ часовъ (12 ч. 45 м. — 12 ч. 25 м.) дня, 18 августа 1887 года надъ Пермью къ Оханску, въ сѣверо-восточномъ направленіи, при совершенно ясномъ небѣ, пролетѣла почти горизонтально огненная масса, сыпавшая по пути искры и оставлявшая за собою свѣтлый дымчатый слѣдъ. Черезъ 2—3 минуты было слышно въ Перми же нѣсколько весьма рѣзкихъ звуковыхъ ударовъ, болѣе похожихъ на выстрѣлы изъ многихъ орудій или на пороховые взрывы, чѣмъ на громъ. Затѣмъ, въ г. Оханскѣ, въ д. Таборѣ, Половинной, на Поломѣ, на Поповкѣ и др. выпали черные теплые или горячіе камни, вѣсомъ отъ 2 фунтовъ до 20 пудовъ, болѣе или менѣе углубившіеся въ землю.

Паденіе камней съ неба. Фиг. 1. Полетъ болида надъ г. Пермью. Видъ Перми съ р. Камы. Юго-западная сторона. *a.* **Мѣсто наблюденія — зданіе семинарской больницы.** Рис. съ натуры **А. В. Селиванова.**

Понятно, что полетъ огненнаго тѣла высоко надъ головами, почти въ горизонтальномъ направленіи, слабо спускающагося къ землѣ, грозные раскаты грома при безоблачномъ небѣ и совершенно ясной погодѣ, наконецъ паденіе изъ области свѣта черныхъ, горячихъ, твердыхъ тѣлъ, — составляютъ столь необычныя явленія, что возбуждаютъ повсемѣстно въ народѣ то религіозныя, то суевѣрныя чувства, толки и объясненія.

Въ русскихъ лѣтопи-



Паденіе камней съ неба. Фиг. 2. Карта части Пермской губ. съ показаніемъ пути полета болида и мѣстъ паденія метеоритовъ.

I. Черныя точки у с. Табары и г. Оханска — мѣста паденія камней. ■? мѣста предполагаемаго паденія. II. Мѣста паденія камней близъ Оханска. 1) Садъ земской управы. 2) Поповна. 3) Половинная. 4) Поломъ. 5) Берегъ рѣки Очеръ.

[1]) Только около 1809 года было паденіе града, съ заключенными внутри каменными ядрами бѣлаго цвѣта.

сяхъ сохранилось нѣсколько описаній подобныхъ явленій, изъ которыхъ приведемъ одно особенно достопамятное. Въ одной рукописи подъ заглавіемъ „Житіе и жизнь святаго блаженнаго Прокопія, иже Христа ради юродиваго Устюжскаго чудотворца“, знаменитаго призывателя народа къ покаянію, жившаго въ Устюгѣ Великомъ (нынѣ Вологодской губ.), въ половинѣ XIII вѣка, и умершаго по лѣтописцу въ 1285 году, а по Карамзину въ 1303 г., встрѣчается слѣдующее мѣсто:

„Бысть же во вторую недѣлю о полудни, найде внезапу на градъ Устюгъ (нынѣ Вологод. губ.) облакъ теменъ и бысть яко нощь темная; людіе же видѣвша града того таковое необычное превеликое чюдо и о семъ недоумѣвахуся, что се бысть. И по семъ явишася и восташа со всѣ четыре страны тучи великія, изъ нихъ же исхождаша молнія огненная безпрестани, и грому убо многу и страшну бывшу (зѣло) надъ градомъ Устюгомъ, яко-же не слышати что другъ со другомъ глаголати, яко-же бо и земли отъ того страшнаго труса непрестанно колебатися и трястися, огненныя же тучи ходяху въ скорѣ соступитися вмѣсто; тогда же бывшу отъ молніи и отъ грому огненнаго зною превелику зѣло.“

Когда же народъ съ блаженнымъ Прокопіемъ собрался въ церкви Пресвятой Богородицы и молился „образу ея, и видѣша вси, яко искинѣ источникъ мура изъ образа ея. И въ той часъ бысть тишина велія, и не бысть молніи и грому, и разводъшеся облацы огненніи на всѣ страны и пойдоста на мѣста пустынная и тамо попалиша многія лѣсы и дебри, тѣмъ многимъ и безчисленнымъ каменіемъ ови древеса изъ корени избиша, а иныя въ полы поломиша.

„Отъ Устюга же та пустыня отстоитъ 20 поприщъ, именуется *Котовальская* весь, въ ню же испадоша изъ тоя тучи превеликое каменіе на землю ту. Ломовный же лѣсъ видимъ бысть и донынѣ многими человѣки на увѣреніе и на страсть послѣднему роду нашему: сотвори бо Господь такое превеликое чюдо. Тогда же бо сохранилъ Господь Богъ отъ того страшнаго труса, не уби громомъ и каменіемъ отъ человѣкъ и отъ скота никого же, но вси убо человѣцы и скоти сохранени быша милостію Его; отъ мура же того истекшаго отъ образа Пресвятыя Богородицы знаменахуся мнози больніи человѣцы и здрави быша, хромымъ теченіе сотворися, слѣпымъ прозрѣніе даровася, бѣснованнымъ и всякими различными недуги здравіе бысть...“

Явленіе это было 8 іюля въ полдень, около 1250 года.

Несмотря на 600 лѣтъ истекшихъ съ того времени, въ народѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе объ этомъ явленіи; около 1810 года натуралистъ Борноволоковъ разспрашивалъ въ Устюгѣ мѣстныхъ жителей, извѣстно-ли имъ мѣсто паденія этихъ метеоритовъ, и они ему сказывали, что не только извѣстно, но что и до днесь видны слѣды сего страшнаго происшествія. По просьбѣ моей, шт. смотр. Устюжскаго училища, г. Воронецкій въ 1883 году посѣтилъ это мѣсто, хорошо извѣстное жителямъ и до сихъ поръ (дер. Котолово и Каменный ручей), и весьма любезно доставилъ мнѣ нѣсколько образцовъ камней, собранныхъ тамъ и въ Каменномъ ручьѣ; къ сожалѣнію, они оказались не метеоритами, а обыкновенными валунами; сохранились-ли тамъ метеориты вообще, къ стыду нашихъ ученыхъ учрежденій—осталось до сихъ поръ неизслѣдованнымъ.

Другую выписку о паденіи метеорита 25 декабря 1582 г., въ царствованіе Грознаго, характеризующую воззрѣніе предковъ на эти явленія, я привожу здѣсь изъ сочиненія г. Гебеля по описанію Оберборна [1]):

„И власатая звѣзда (комета), видѣнная нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ небѣ, предвозвѣщала, казалось, что Московитамъ предстоитъ нѣчто ужасное. Послѣ того, ударъ молніи, упавшей *съ яснаго неба, въ день Рождества Христова,* сжегъ прекрасное царское жилище, Слободу, причемъ домашняя утварь, въ которой хранилось много драгоцѣнныхъ вещей, была уничтожена.

„Особенно замѣчательно также то, что, незадолго предъ тѣмъ, близъ города Наліо (по Карамзину это вѣроятно Налеекъ, или Замоскворѣцкая слобода) были замѣчены предвѣстія войны и смуты. Трое мужчинъ и столько же женщинъ отправились въ сосѣдній лѣсъ, какъ это въ обычаѣ у сихъ варваровъ, за дровами. Когда-же вечеромъ, въ сумерки, они возвращались домой, то услышали голосъ: „бѣгите, Московиты!“ Когда же, устрашась этого, они пустились поспѣшно бѣжать, чтобы скорѣе достичь города, то изъ воздуха упала на землю, въ снѣгъ, большая мраморная глыба, подобная тѣмъ, которыя у нѣмцевъ и другихъ народовъ употребляютъ для надгробныхъ камней, и паденіе ея сопровождалось ударомъ молніи, при чемъ глыба ударилась не съ большою силою, а легла такъ, какъ будто бы нарочно была кѣмъ-либо положена. На этой глыбѣ было начертано неизвѣстными и неотчетливыми письменами какое-то изреченіе, или скорѣе надгробная надпись, которая, безъ сомнѣнія, означала, что Московское государство обречено погибели. Когда камень низринулся, упали мертвыми и упомянутые трое мужчинъ. Тѣла ихъ пролежали нѣсколько дней безъ всякаго смрада и разложенія (дѣло было въ самые холода—на Рождествѣ). Даже и женщины, устрашенныя столь невиданнымъ событіемъ, упали ницъ, но вскорѣ оправились; когда-же онѣ замѣтили на снѣгу капли крови, то со страхомъ поспѣшили обратно въ городъ, и прибывъ туда ночью, съ громкими воплями возвѣстили о случившемся.

„Склонясь, наконецъ, предъ настоятельными просьбами своихъ приближенныхъ, царь отправился, въ сопровожденіи митрополита и сыновей своихъ за городъ, и самъ увидѣлъ обрызганный кровью снѣгъ и камень. Пораженный зрѣлищемъ, онъ тотчасъ спросилъ, что означаетъ это дивное явленіе. Такъ какъ всѣ терялись въ догадкахъ, то онъ повелѣлъ митрополиту растолковать слившіяся другъ съ другомъ и неизвѣстныя письмена. Митрополитъ, не безъ великаго страха, отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ. Тогда царь приказалъ на слѣдующій день привести къ себѣ двухъ военноплѣнныхъ проповѣдниковъ изъ Кокенкузена и Оберпалена (два мѣстечка въ Лифляндіи), которые прославились своею ученостію даже между варварами, и обѣщалъ имъ свободу и подарки, если они разрѣшатъ тайну, написанную на камнѣ. Но такъ какъ эти послѣдніе также не могли прочесть неизвѣстныя письмена и открыть таинственную волю Божію, то надѣясь истолкованіемъ наудачу получить себѣ свободу, обратились къ царю со слѣдующими словами: „Ты видишь въ этомъ погибель страны; посему молчи и помышляй объ умилостивленіи Бога. Эти знаки касаются твоихъ народовъ и твоего царства“. Услышавъ столь неблагопріятный отвѣтъ, царь тотчасъ-же созвалъ своихъ тѣлохранителей и повелѣлъ имъ разбить камень въ куски; вскорѣ потомъ онъ уѣхалъ оттуда, помышляя человѣческими мѣрами воспрепятствовать совершенію грозныхъ судебъ, предназначенныхъ небеснымъ усмотрѣніемъ“ [1]). (Гебель. „О нѣкоторыхъ случаяхъ паденія аэролитовъ“).

Еще весьма недавно, не далѣе 90—100 лѣтъ, многіе, даже изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ Европы, не признавали физической возможности паденія камней изъ атмосферы, и не смотря ни на историческія свидѣтельства, ни на описанія очевидцевъ, ни на оффиціальные документы мѣстныхъ властей, относили все это въ область басенъ и удостовѣреній очевидно ложныхъ (Bertholon, Journ. des Sc. utiles), недостойныхъ вниманія не только ученыхъ, но даже здравомыслящихъ людей. Даже въ нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ тогда музеевъ Дрездена, Вѣны, Копенгагена, Вероны и другихъ, гдѣ хранились подлинные метеориты, самые камни были уничтожены, выброшены изъ собранія какъ предметы способствующіе лишь укорененію народныхъ предразсудковъ. По справедливости эти распоряженія должны стоять рядомъ съ повелѣніями Чи-Хоангъ-Ти и Омара—сжечь всѣ книги!

Не такъ дѣло стоитъ теперь. Не только возможность и дѣйствительность паденія камней и желѣзныхъ массъ изъ небесныхъ пространствъ признаются (со времени работъ Хладни 1794 года и Біо 1803 г.) не подлежащими сомнѣнію, но и каждый камень, какъ посланникъ, какъ пришелецъ изъ небеснаго пространства, представляющій образецъ строенія не-земныхъ тѣлъ, изучается и хранится съ величайшимъ тщаніемъ; каждое сопутствующее приходу его явленіе свѣтовое, звуковое, какъ и путь проходимый камнемъ—изслѣдываютъ во всѣхъ мелочахъ (такъ какъ еще не знаемъ, что при этомъ существенно и постоянно, что случайно и мелочно), чтобы по этимъ осязаемымъ явленіямъ вывести правильныя заключенія какъ о мѣстѣ происхожденія самыхъ камней, такъ и объ условіяхъ ихъ образованія и о причинахъ вызвавшихъ появленіе ихъ въ сферѣ дѣятельности земныхъ силъ. Метеориты суть переселенцы — но откуда они? что это за тѣла? что побудило ихъ искать себѣ пріюта на землѣ? Эти камни, какъ транспорты, посылки или телеграммы изъ другихъ міровъ, изъ небесныхъ пространствъ, суть единственные осязаемые указатели того изъ чего построены другіе міры, или по крайней мѣрѣ части міровъ, другія твердыя небесныя тѣла — и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что люди достаточно образованные для того, чтобы цѣнить важность познанія законовъ мірозданія, ищутъ ключь къ азбукѣ, которою начертаны эти законы, собираютъ возможно полныя свѣдѣнія о явленіяхъ сопровождающихъ паденіе этихъ міровыхъ осколковъ—и что самые эти осколки во всѣхъ странахъ цѣлаго образованнаго міра, хранятся въ мельчайшихъ частицахъ (въ 1, въ 0,1, въ 0,01 грамма) какъ величайшая драгоцѣнность, а факты о явленіяхъ, сопутствующихъ паденію этихъ тѣлъ, собираются со всею тщательностію, чтобы изъ сопоставленій и свода ихъ умъ человѣческій могъ вывести, современемъ, не гадательныя, какъ до сихъ поръ, но достовѣрныя, безспорныя показанія.

Наука объ этихъ изъ воздуха падающихъ камняхъ-аэролитахъ, или правильнѣе метеоритахъ, т. е. каменьяхъ падающихъ всегда въ сопровожденіи метеоровъ, которую я предлагаю называть *Ме-*

[1]) Въ Rerum Moscovit. auct. Varii. Francf. 1600. Ioannis Basil. Magni Moscov. Ducis Vita, conscr. a P. Oberbornio 1585.

[1]) Приводя эти строки нашего лѣтописца, невольно припоминаются слѣдующія строки изъ Хладни (Feuer-Met. p. 178): За 211 лѣтъ до Р. Х. въ Китаѣ, въ окрестностяхъ *Тонкинга,* въ послѣдній годъ правленія тирана царя Чи-Хоангъ-Ти, по повелѣнію котораго сожжены были всѣ книги, на землю упала *звѣзда, превратившаяся въ камень.* На камнѣ найдена была надпись, гласящая: Чи-Хоангъ-Ти вскорѣ умретъ и его царство послѣ того распадется на части (что и было въ самомъ дѣлѣ). Императоръ велѣлъ произвести строжайшія разысканія, и когда не могли найти виновника этого толкованія, повелѣлъ умертвить всѣхъ жителей той мѣстности и камень разбить (по сказанію другихъ истребить—чего впрочемъ сдѣлать нельзя). Кажется, есть сказаніе, что и два лифляндскіе проповѣдника были казнены по повелѣнію Грознаго. Замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ съ промежуткомъ времени въ 1796 лѣтъ, съ пространственнымъ разстояніемъ десятка тысячъ верстъ!

теоритикою — не можетъ, понятно, довольствоваться изученіемъ своего матеріала только по той схемѣ, по какой изучаютъ земные камни и минералы, хотя и такія описанія признаетъ необходимыми — но только какъ азбуку необходимую для разрѣшенія своихъ задачъ, изъ коихъ одна есть геологія небеснаго пространства.

Вѣрный программѣ своей дѣятельности, заявленной 25 лѣтъ тому назадъ [1]) и въ виду малораспространенности даже основныхъ понятій о задачахъ метеоритики, я призналъ цѣлесообразнымъ помѣстить въ *Нивѣ*, какъ наиболѣе распространенномъ періодическомъ изданіи, описаніе паденія Оханскаго метеорита, дабы попутно съ этимъ описаніемъ ознакомить возможно большее число читателей какъ съ метеоритами вообще, такъ и съ современнымъ состояніемъ главнѣйшихъ вопросовъ метеоритики, насколько то умѣстно въ популярной статьѣ.

II.

И такъ, при паденіи метеоритовъ, особенное вниманіе обращаютъ на себя три главные момента явленія: появленіе и полетъ надъ землею огненнаго, свѣтящагося тѣла — *болида*, затѣмъ *взрывы* съ грохотомъ, подобнымъ грому, наконецъ *паденіе* твердаго горячаго камня — метеорита — а въ результатѣ болѣе или менѣе объемистый и вѣскій камень.

Прослѣдимъ послѣдовательно эти три момента явленія.

Болидъ всегда появляется на небѣ внезапно, представляется глазу весь вдругъ, не увеличивается во время полета, появляется и летитъ безъ всякаго шума, свиста и т. п. звука, слышнаго на землѣ, который привлекалъ бы вниманіе человѣка,—и потому моментъ его появленія замѣчается рѣдко, особенно въ ясный солнечный день, какимъ былъ въ Перми и Оханскѣ день 18 авг. 1887 г. Поэтому здѣсь, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, полетъ его былъ наблюдаемъ случайно, замѣченъ не многими—и потому тѣмъ драгоцѣннѣе показанія очевидцевъ, которые частію публиковали свои наблюденія (въ мѣстныхъ, *Перм. Вѣдомостяхъ*), частію сообщили мнѣ, по моей просьбѣ, въ письмахъ и рисункахъ свои наблюденія.

Случайный наблюдатель этого явленія, учитель духовной семинаріи Анд. Вен. Селивановъ, въ письмѣ къ члену Оханской земской управы Ив. Вас. Вологдину, обязательно пересланному мнѣ послѣднимъ въ копіи, пишетъ по личнымъ его наблюденіямъ слѣдующее:

„18 авг., около 1 часу пополудни я возвращался домой (въ зданіе семинаріи) изъ города (Перми). Погода была тихая, небо было покрыто мелкими перистыми облаками. Когда я подходилъ къ крыльцу дома, то невольно обратилъ вниманіе на вдругъ появившійся на южной сторонѣ или *вѣрнѣе, на половинѣ южнаго небосклона между самой высшей точкой надъ семинаріею* (зенитомъ) *и горизонтомъ южной стороны*, свѣтлый предметъ, наподобіе *падающей звѣзды* или раскаленнаго куска желѣза, который двигался отъ востока на западъ, въ *горизонтальномъ, нѣсколько наклонномъ къ землѣ направленіи. Величина* свѣтящагося предмета не превосходила *ракету*, такъ что я сперва и счелъ было этотъ предметъ за таковую, но горизонтальное направленіе полета заставило въ этомъ усомниться и придти къ тому заключенію, что этотъ свѣтящійся предметъ не что иное какъ аэролитъ, *величина котораго не превышала кулакъ взрослаго человѣка*. Полетъ аэролита совершался довольно быстро и виденъ былъ въ теченіе *2-хъ или 3-хъ секундъ*. Разстояніе, на которомъ можно было наблюдать полетъ аэролита, или то время пока онъ былъ виденъ на небосклонѣ, было не болѣе 100 саж. При полетѣ за главной массой, т. е. за самымъ аэролитомъ, оставалась свѣтящаяся полоса, которая очень скоро исчезла, что я приписываю не искрамъ исходящимъ отъ аэролита, а свойству зрѣнія или нашего глаза, не успѣвающаго тотчасъ же моментально воспринимать полученныя впечатлѣнія, не отставая отъ быстро двигающагося свѣтящагого предмета. Кромѣ того путь своего полета аэролитъ обозначилъ длинною, узкою, въ ¼ аршина, полосой бѣловатаго свѣта, въ родѣ дыма, получаемаго когда сжигаешь фосфорную спичку. Эта длинная полоса оставалась видною по небосклону довольно долго: минутъ 5 на всемъ видимомъ пути полета аэролита.

„Аэролитъ скрылся, насколько мнѣ удалось подмѣтить, въ болѣе низкомъ слоѣ облаковъ, чѣмъ тѣ, которыя находились надъ городомъ, а кромѣ того не стало видно за дальностію разстоянія. Какъ только мною было замѣчено появленіе аэролита на небѣ, я тотчасъ же досталъ часы: на нихъ было безъ 15 минутъ часъ (нужно принять во вниманіе, что я не свѣрялъ своихъ часовъ, насколько они могли разнить съ истиннымъ временемъ). О полетѣ аэролита я тотчасъ, какъ замѣтилъ, сообщилъ находившимся со мной. Нѣкоторые изъ нихъ тутъ же наблюдали полетъ этого свѣтящагося предмета, а нѣкоторые если не могли или не успѣли видѣть самаго предмета, то по крайней мѣрѣ убѣдились по оставленной послѣ него бѣловатой полосѣ, показывающей путь и направленіе полета аэролита.

„Какого-нибудь шума или грома, сопровождающаго полетъ аэролита [2]) или послѣ его пролета, я не слыхалъ.

[1]) См. рѣчь мою на первомъ съѣздѣ натуралистовъ въ С.-Петербургѣ. „Труды Съѣзда“, т. 1.

[2]) Очевидно во всей этой корреспонденціи подъ словомъ *аэролитъ*, что собственно означаетъ камень, должно разумѣть *болидъ*.

„Высоту, на которой совершенъ полетъ, опредѣлить не могу, такъ какъ разстояніе съ точки наблюденія и отъ свѣтящагося аэролита было довольно значительное; надъ землею же (вертикально), по моему мнѣнію, онъ находился не менѣе двухъ верстъ.“

На послѣдовавшую по полученіи этого письма просьбу мою, Андр. Вен. Селивановъ выслалъ мнѣ рисунокъ, сдѣланный имъ по моей просьбѣ, который въ уменьшенномъ видѣ приведенъ здѣсь (фиг. 1). Мѣсто наблюденія, семинарія, означена буквою *a*.

Кромѣ того, болидъ былъ наблюдаемъ въ Перми въ 12 час. 40 мин. завѣдывающимъ Физическою Обсерваторіею Ѳ. Н. Панаевымъ, который по просьбѣ моей прислалъ мнѣ приложенный здѣсь рисунокъ (фиг. 3; къ сожалѣнію не воспроизведенный красками) явленія какъ оно ему казалось. Явленіе было наблюдаемо также (см. карту, фиг. 2): по словамъ г. Селиванова, въ заводѣ Очерѣ, въ 30 верстахъ на западъ отъ Перми; г. Меньшикова, въ селѣ Частые, около 100 верстъ на ю.-з. отъ Перми, въ с. Рождественскомъ (60 в. на ю.-ю.-в. отъ Перми); г. Блинова на западъ отъ Сарапуля въ починкахъ Горѣломъ (250 в. на ю.-ю.-з. отъ Перми), гдѣ крестьяне видѣли „во Фролы“, около половины перваго часа, „какъ отполдничали“ полетъ его съ сѣверо-востока на западъ „на полночь“—какъ пролетѣлъ „*нечистый*“; „искры, говорили крестьяне,—такъ и сыплются отъ него, летѣлъ высоко и скрылся за облакомъ.“ Обстоятельство это замѣчательно для крестьянъ потому въ особенности, *что „ночью-то его и раньше видывали*, а чтобы днемъ леталъ,—такъ еще не примѣчали“.

Сила *свѣта* была весьма значительна, такъ какъ не смотря на яркій свѣтъ полуденнаго солнца болидъ былъ виденъ на огромной площади, длина которой не менѣе 250 верстъ (отъ Сылвы на юго-западъ далѣе Сарапула), а ширина не менѣе 60 верстъ. Какъ ни велика эта область видимости болида, но она не представляетъ ничего въ метеоритикѣ новаго, такъ какъ извѣстны примѣры гдѣ болиды бывали видны на 400—600 верстъ въ окружности, когда явленіе наблюдалось вечеромъ и ночью. Впрочемъ, должно отмѣтить, что болидъ летѣлъ днемъ, свѣтъ его значительно былъ ослабленъ для глазъ солнечными лучами, и потому съ болѣе далекихъ разстояній не былъ виденъ, и это положеніе подтверждаю между прочимъ тѣмъ, что всѣ показанія о болидѣ получены только изъ мѣстъ лежащихъ на югъ отъ линіи Сылва, Оханскъ, Сарапулъ; напротивъ, нѣтъ ни одного показанія до сихъ поръ, изъ мѣстностей лежащихъ сѣвернѣе этой линіи—и это конечно потому только, что глаза наблюдателей по этой линіи, чтобы видѣть явленіе, должны были быть обращены въ сторону полета, смотрѣть противу солнца; они были, такъ сказать, ослѣплены болѣе яркими лучами послѣдняго.

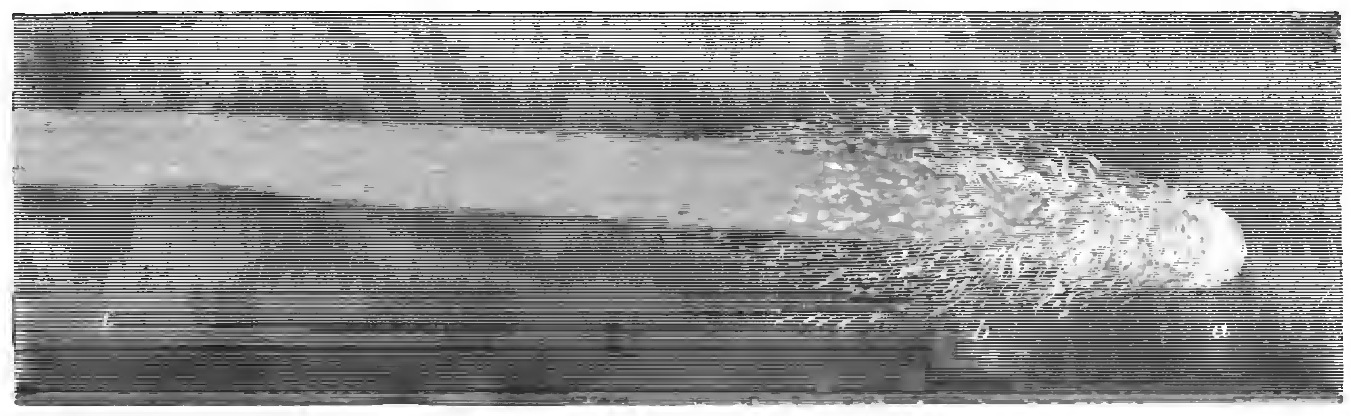
Понятно, что не только видимость, но и цвѣтъ и величина болида кажутся различными, смотря по мѣсту наблюденій; однако всѣ наблюдатели видѣли въ болидѣ, какъ и изображено на рисункѣ (см. фиг. 3), обязательно нарисованномъ, по моей просьбѣ, и доставленномъ мнѣ гг. Панаевымъ и Селивановымъ: а) округленный передъ или голову *a* болида желтаго, или точнѣе соломенно-желтаго цвѣта, затѣмъ б) огненно-пылающую, сыплющую искры часть, въ нѣсколько кратъ болѣе широкую и длинную, тѣла болида—*b*—и наконецъ *в*) дымчатый хвостъ въ видѣ полосы, переходящей въ облачки и разсѣивающейся въ небѣ.

Къ сожалѣнію, о *величинѣ болида*, о длинѣ его хвоста нельзя ничего сказать опредѣленнаго, за отсутствіемъ измѣреній. Одному болидъ казался величиною въ кулакъ (Селивановъ въ Перми), другому въ аршинъ (Меньшиковъ въ Рождественскѣ), третьему въ корчагу или чугунку.

Впрочемъ, не во все время полета болидъ можетъ оставаться одной и той-же величины и цѣльнымъ; по свидѣтельству многихъ очевидцевъ, болидъ, отдѣливъ отъ себя части, раздвaивался, удѣляя отъ себя части для Оханска, р. Камы, Таборъ и и др. Къ сожалѣнію, я не могъ получить рисунокъ момента раздѣленія болида и помѣщаю здѣсь изображеніе подобнаго момента изъ исторіи „Паденія метеорита въ Венгріи у Княгинья“ (Унгварскій Комитатъ), бывшаго 9 іюня въ 1866 году около 4½ часовъ пополудни (см. фиг. 4, 5, 6 и 7).

Продолжительность горѣнія и скорость полета болида. Изъ всѣхъ корреспонденцій должно заключить, что болидъ летѣлъ на протяженіи видимомъ отъ Сылвы, черезъ Пермь, нѣсколько южнѣе ея, на Таборъ, гдѣ въ разные моменты онъ былъ въ положеніи близкомъ къ зениту, но вообще нѣсколько южнѣе. До появленія надъ Сылвою - Пермью или онъ не существовалъ, т. е. не былъ воспламененъ, а находился въ видѣ холоднаго камня, имѣющаго температуру небеснаго пространства,—или воспламененный до того, онъ находился на высотѣ, на которой не могъ быть видимъ,—или просто не былъ замѣченъ, пока свѣтъ его по отдаленію былъ слабѣе солнечнаго; во всякомъ случаѣ воспламененный онъ летѣлъ на долготѣ Сылвы-Перми пылающимъ и сыплющимъ искры—и только не долетѣвъ долготы Табора погасъ, и въ видѣ раскаленныхъ камней упалъ во многихъ мѣстахъ Оханскаго уѣзда. За недостаткомъ точнаго, достовѣрнаго указанія времени появленія болида въ разныхъ мѣстностяхъ, нельзя непосредственно опредѣлить какъ долго онъ горѣлъ—во всякомъ случаѣ это могло быть нѣсколько

секундъ и не болѣе минуты. Чтобы найти какія-либо данныя, я черезъ посредство гг. Стемпневскаго и П. А. Вологдина обратился съ просьбою къ г. Панаеву: повторивъ мысленно наблюденіе при посредствѣ очевидца г. Сперанскаго, опредѣлить (см. фиг. 8) какой уголъ образуется линіями проведенными мысленно отъ глаза 0 (окно) до точекъ *а* появленія и *б* исчезновенія болида на небѣ, и кромѣ того сообщить мнѣ время въ теченіе котораго былъ болидъ виденъ на пути отъ *а* до *б*. Въ отвѣтъ на эту просьбу г. Панаевъ въ № 94 „Перм. Вѣд.", помѣстилъ корреспонденцію, въ которой, отвѣчая на мой вопросъ, онъ между прочимъ опредѣлилъ уголъ *аоб* = 65°, а скорость полета болида въ 1 минуту 30 верстъ, слѣдовательно въ секунду ½ версты, а разстояніе отъ 0 до дуги *аб* въ 4 версты. Обращаясь съ просьбою о сообщеніи мнѣ величины угла *аоб* и времени употребленномъ болидомъ для прохожденія отъ *а* до *б*, я имѣлъ въ виду сдѣлать расчетъ иначе, чѣмъ то сдѣлалъ г. Панаевъ, въ помянутой статьѣ. А именно,

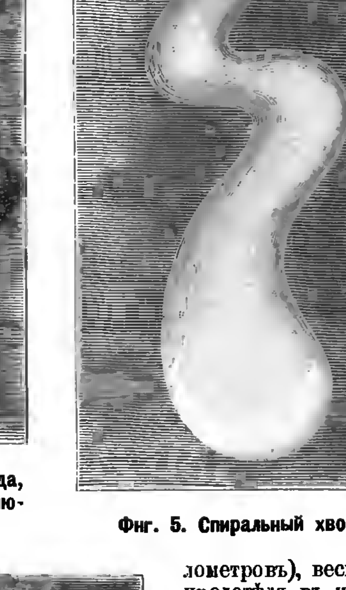


Паденіе камней съ неба. Фиг. 3. Полетъ болида, набл. въ Перми гг. Панаевымъ и Сперанскимъ. *a*—**голова болида,** *b*—**тѣло,** *c*—**хвостъ.**

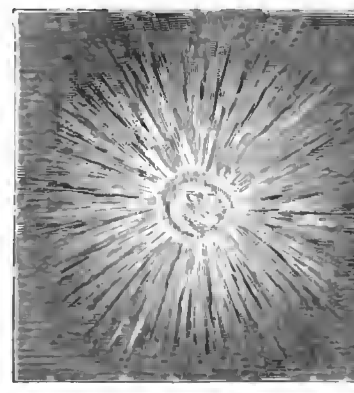
принимая, что возможно, безъ большой погрѣшности, часть *аб* параболическаго пути болида считать за дугу круга, радіусъ котораго есть разстояніе отъ земли до перистыхъ облаковъ, и что разстояніе это=10 верстамъ и что дугу *аб*, опредѣленную въ 65°, болидъ прошелъ въ теченіе 4—5 секундъ (по словамъ первоначальной корреспонденціи г. Панаева), нетрудно высчитать, что въ секунду болидъ прошелъ 13° дуги (1° которой равенъ 11/63 версты), т. е. 2,27 вер., а слѣдовательно видимая скорость его въ минуту болѣе 136 верстъ (145 километровъ), весь же путь отъ Перми до Табора-Оханска—онъ пролетѣлъ въ полминуты. Какъ ни кажется большою эта скорость, почти въ 8 разъ превосходящая скорость звука, она въ дѣйствительности менѣе настоящей, потому что воспламененіе болида было безъ сомнѣнія выше перистыхъ облаковъ, судя по извѣстнымъ даннымъ о полетѣ болидовъ при паденіи другихъ метеоритовъ, гдѣ скорость полета опредѣлена отъ 30 до 60 верстъ въ секунду—1,800—3,600 верстъ въ минуту, а также о скорости полета падающихъ звѣздъ (съ которыми метеориты имѣютъ безспорно связь), колеблющейся между 16—70 километрами въ секунду.

Паденіе камней съ неба. Фиг. 4. Разные виды болида, набл. въ Венгріи у Кніагинія 9 іюня 1866 г. 1. Сыплющій искры болидъ цѣльный.

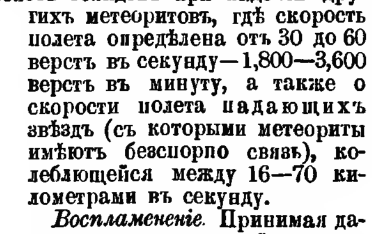
Фиг. 5. Спиральный хвостъ.



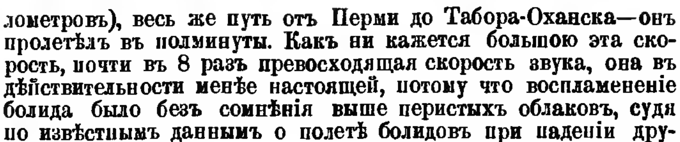
Фиг. 6. Раздваивающійся.



Фиг. 7. Видъ болида спереди, набл. въ Индіи.



Фиг. 8.



Воспламененіе. Принимая даже этотъ минимальный разсчетъ скорости за истинную величину, мы все-таки видимъ откуда взялось тѣло болида и какъ онъ образовался. По разсчету Бесселя тѣло имѣвшее первоначально скорость 5,732½ тоаза, падаетъ на землю лишь со скоростью въ 61 разъ меньшею, единственно вслѣдствіе сопротивленія воздуха; прилагая этотъ

расчетъ къ данному случаю, видно, что Оханскіе метеориты упавшіе на землю со скоростью $2^1/_2$ верстъ въ секунду, вступили въ область атмосферы со скоростью $152^1/_2$ верстъ въ секунду; припомнивъ, что земля движется со скоростью только 30 верстъ въ секунду, Меркурій около 50—мы очевидно должны признать, что болидъ пришелъ къ намъ изъ далекихъ небесныхъ пространствъ и не есть ни продуктъ нашей атмосферы (каковыми нѣкоторые ученые считаютъ метеориты и до сихъ поръ), ни продуктъ луны, а тѣмъ менѣе земныхъ вулкановъ (каковыми считали ихъ нѣкоторые изъ древнихъ ученыхъ). Далѣе, говоря о разъединеніи метеоритовъ Оханскаго и Таборскаго, мы увидимъ, что надъ Пермью болидъ летѣлъ по крайней мѣрѣ на высотѣ 50—60 верстъ, слѣдовательно въ секунду пролеталъ болѣе 11—13 верстъ, а въ минуту около 680—825 верстъ. Эта быстрота движенія имѣетъ непосредственнымъ слѣдствіемъ чрезвычайно сильное сжатіе воздуха и стало быть возвышеніе температуры метеорита.

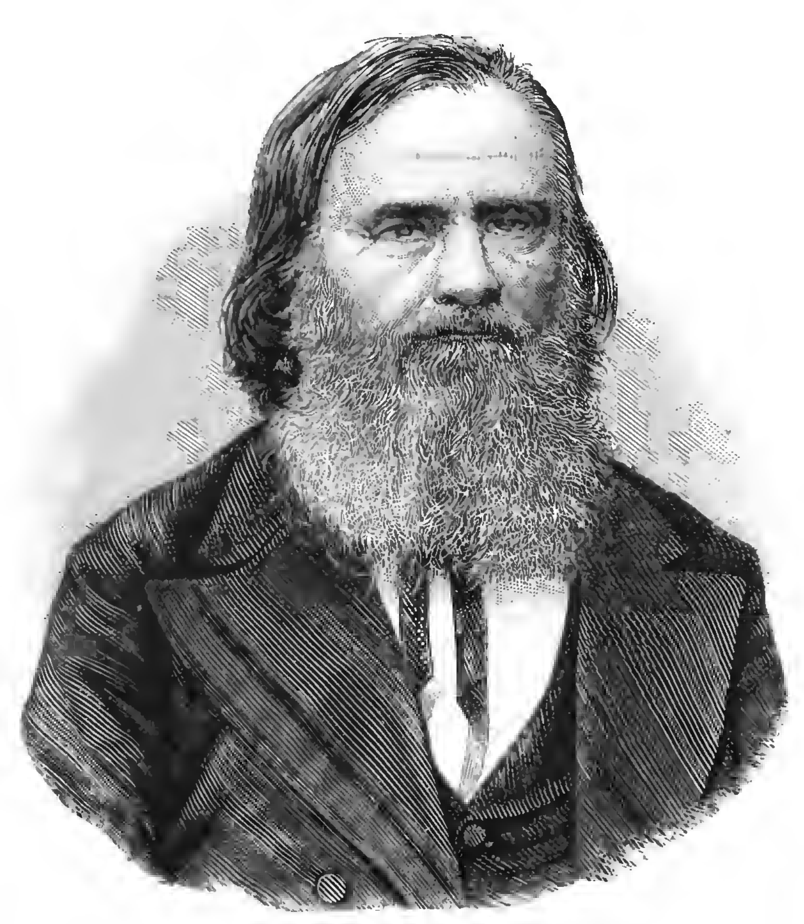
Изъ опытовъ Пикте извѣстно, что струя сжатаго воздуха, направленная на шарикъ септиграда-термометра, подняла въ $^1/_4$ минуты ртуть съ 15 на 33°; изъ наблюденій Лежанти извѣстно, что свинецъ ружейной пули достигаетъ своей цѣли почти въ расплавленномъ состояніи; иногда пуля, пролетая сквозь тучи песковъ (въ Египтѣ), по его наблюденіямъ, сплющивается, или разбивается на части, имѣющія плавленный видъ; наконецъ каждому извѣстны пневматическія огнива, гдѣ трутъ (огниво Ноллета) воспламеняется единственно вслѣдствіе сжатія воздуха. Но степень сжатія воздуха во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ ничтожна сравнительно съ тою, какую претерпѣваетъ воздухъ при полетѣ метеорита, который подобно поршню пневматическаго огнива движется можно сказать въ цилиндрѣ съ твердыми стѣнками, потому что газы слѣдующіе за тѣломъ метеорита производятъ давленіе несравненно меньшее и развиваются изъ болида уже послѣ произведеннаго давленія на ближайшія къ метеориту части воздуха, прикасающіяся снизу и съ боковъ. При этомъ развившаяся температура достигаетъ такой степени, какой мы на землѣ достигнуть не можемъ, ни при какихъ нашихъ приборахъ; она въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, и не далѣе минуты, двухъ, совершенно метаморфовируетъ поверхность метеорита — части этой поверхности воспламеняются, плавятся, сгораютъ, отдѣляютъ различные газы въ видѣ дыма, метеоритъ уменьшается въ объемѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе горѣніе; болѣе или менѣе мелкія, сильно окисленныя, не сгорѣвшія части, отторгаются и въ видѣ искръ остаются позади раскаленнаго ядра; вмѣстѣ съ этими мелкими частицами, которыя иногда удается собрать въ видѣ метеоритной пыли, отторгаются и довольно примѣтныя въ $^1/_2$, $^1/_4$, 1 и 2 грамма метеориты (см. далѣе—кора). Это отторженіе частей метеоритовъ будетъ совершенно ясно иллюстрировано при описаніи коры Таборскаго метеорита, представляющагося въ этомъ отношеніи классическимъ.

Взрывъ. Достигнувъ нижнихъ, болѣе плотныхъ слоевъ атмосферы, метеоритъ пріобрѣтаетъ еще большую скорость полета, но съ ошлакованною поверхностію, поэтому съ меньшею воспламеняемостію, *гаснетъ*, т. е. пламя силою сопротивленія воздуха отрывается отъ камня и производитъ тотъ звукъ, который предшествуетъ паденію метеорита, и который по характеру рѣзко отличается отъ звуковъ пушечной пальбы, громовыхъ ударовъ и т. п.

Причину этого своеобразнаго метеоритнаго звука до сихъ поръ объясняютъ различно: одни находятъ ее въ разрывахъ камня на части и называютъ самый звукъ *Explosion* (Knall, Schlag, Ausbruch), хотя, какъ справедливо замѣчаетъ Гейдингеръ, не при всякомъ паденіи метеоритъ разрывается въ воздухѣ; иные искали другую причину звуковъ и происхожденіе ихъ объясняютъ замѣщеніемъ воздухомъ пустоты, образуемой пролетомъ камня въ атмосферѣ. Но это объясненіе звука неудовлетворительно и не выдерживаетъ критики. Если бы звукъ происходилъ отъ замѣщенія воздухомъ образуемой его пролетомъ пустоты позади камня, то, вслѣдствіе непрерывности полета, должна бы быть непрерывность звука, т. е. слышенъ былъ бы непрерывный шумъ, грохотъ во все время полета болида и метеорита, что вовсе не соотвѣтствуетъ т. н. Explosion. Непрерывный шумъ или свистъ дѣйствительно слышится, но только тогда, когда летитъ уже погасшій метеоритъ, и этотъ шумъ справедливо сравнивается съ шумомъ при полетѣ пушечнаго ядра; напротивъ, полетъ болида не сопровождается звуками похожими на взрывы. Большинство наблюденій паденія метеоритовъ начинается именно съ момента взрыва, и тогда наблюдателю представляется уже не болидъ, а только раскаленный, иногда до краснаго каленія, камень — и оставшійся дымчатый слѣдъ болида, какъ это и было наблюдаемо въ Таборахъ (Шебуевъ), гдѣ былъ виденъ огненный снопъ соломеннаго цвѣта.

Правда, иногда наблюдались болиды летѣвшіе и послѣ взрыва, но это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда падаетъ нѣсколько камней; понятно, въ этихъ случаяхъ нѣкоторые изъ болидовъ угасаютъ ранѣе, даютъ такъ-называемый взрывъ, тогда какъ другіе продолжаютъ летѣть воспламененные, въ видѣ болидовъ, и гаснутъ, хотя и въ весьма короткій промежутокъ, но послѣ первыхъ.

Взрывъ — Explosion, по моимъ понятіямъ, есть моментъ угасанія болида,—моментъ, когда пламя съ газообразными продуктами горѣнія, частію и съ мелкими горящими остатками камня отрываются отъ самаго горящаго камня и онъ гаснетъ; затѣмъ полетъ камня продолжается; высокая температура его, новое количество кислорода въ воздухѣ, въ который перешелъ камень, вновь воспламеняютъ его на короткое время, онъ вновь гаснетъ, даетъ новый взрывъ и т. д.



С. А. Юрьевъ. † 26 Декабря 1888 г. Предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ Университетѣ. Съ фотогр. грав. Пудъ.

Подобные взрывы, происходящіе отъ замѣщенія воздухомъ пустоты вокругъ горящаго тѣла, когда отъ него пламя моментально отрывается, каждый можетъ наблюдать, напримѣръ на фосфорной спичкѣ, керосиновой лампѣ, лампѣ Деви и т. п.

Сила этихъ взрывовъ отъ погасанія метеоритовъ чрезвычайно велика, если припомнить высокую температуру метеорита и скорость полета; она доказывается и тѣмъ, что хотя погасаніе происходитъ въ высокихъ слояхъ атмосферы, разрѣженный воздухъ которыхъ представляетъ невыгодныя условія для передачи звуковыхъ волнъ,—тѣмъ не менѣе, на землѣ ощущается такое движеніе воздуха, которое мѣстами производитъ сотрясеніе всѣхъ предметовъ и принимается даже за землетрясеніе; въ мѣстахъ болѣе отдаленныхъ отъ мѣста погасанія болида слышится такая трескотня, которая похожа не на перекаты грома, а скорѣе на рядъ орудійныхъ выстрѣловъ, слѣдующихъ быстро одинъ за другимъ, то усиливаясь, то ослабѣвая. Всѣ эти особенности метеорическаго звука понятны, если принять предлагаемую мною причину ихъ происхожденія.

О свойствахъ распространенія звука и сотрясеній воздуха можно составить себѣ понятіе по корреспонденціямъ, которыя были помѣщены объ этомъ предметѣ въ *Пермскихъ Вѣдомостяхъ* (исправника Митяшева, г. Миропольскаго, Ив. Вологдина, Свигузова и др.); во всякомъ случаѣ ударъ былъ слышенъ на меньшемъ пространствѣ чѣмъ виденъ свѣтъ—верстъ на 100 въ окружности, но сотрясеніе воздуха было столь сильно, что въ Оханскѣ затряслись даже зданія (Миропольскій), въ земской управѣ полагали что провалилось что-то (Ив. Вологдинъ), въ с. Очеръ (20 верстъ отъ Таборъ) зазвенѣли стекла въ ра-

махъ, а въ деревянныхъ непрочныхъ зданіяхъ было замѣтно колебаніе стѣнъ.

Въ заключеніе описанія болида остается сказать нѣсколько словъ о томъ слѣдѣ, который онъ оставляетъ за собою: это хвостъ — облакообразная вытянутая дугою, иногда змѣевидная или спиралью извитая полоса дыма, состоящая, какъ сказано уже, изъ продуктовъ горѣнія, которые по причинѣ легкости ихъ разсѣиваются постепенно, и долго держатся въ воздухѣ; изъ этого хвоста осаждается иногда на землю пылевидный и черный осадокъ, иногда съ зернами въ 1 и болѣе миллиметровъ, какой былъ собранъ между прочимъ Норденшильдомъ и г. Торомъ. Подобные пылеобразные слѣды горѣнія иногда покрываютъ и всю поверхность упавшихъ на землю метеоритовъ, какъ это было замѣчено на метеоритахъ выпавшихъ въ Моѐс и которыми очевидно былъ покрытъ и Таборскій метеоритъ, судя по той маркости нѣкоторыхъ частей его поверхности, которыя, будучи въ углубленіяхъ послѣдней, не подвергались тренію при переносахъ и были покрыты какъ бы сажею, довольно легко стирающеюся. Особенно заслуживаетъ вниманія спиральная форма хвоста, которая указываетъ на вращеніе метеорита во время полета; подтвержденіемъ этого вращенія служатъ неровности и струйки, которыми покрыта кора Таборскаго и Оханскаго метеорита.

Къ рисункамъ.

Пожаръ Рима при Неронѣ. (Рис. на стр. 68 и 69).

Картина эта, предназначенная для діорамы, принадлежитъ кисти двухъ живописцевъ мюнхенской школы: фигуры и зданія исполнены Германомъ Шнейдеромъ, извѣстнымъ воспроизводителемъ предметовъ античнаго міра, а трудная задача распредѣленія свѣта и тѣней при освѣщеніи заревомъ пожара и луною выполнена проф. Э. Бернингеромъ. При этомъ всѣ зданія вѣчнаго города возсозданы съ точностью археолога.

Изображенный здѣсь пожаръ Рима произошелъ въ 64 г. по Р. Х., при императорѣ Неронѣ, и описанъ Тацитомъ въ 15-ой книгѣ его римскихъ лѣтописей (гл. 38—40). „Затѣмъ послѣдовало печальное событіе", пишетъ историкъ, „неизвѣстно—случайно-ли или по злобѣ правителя, такъ какъ историки сообщаютъ и то, и другое; тѣмъ не менѣе бѣдствіе и ужасъ его превзошли все, что когда-либо терпѣлъ этотъ городъ отъ огня. Пожаръ начался въ той части города, гдѣ расположенъ циркъ, примыкающей къ Палатинскому и Целійскому холмамъ; огонь разомъ охватилъ лавки съ горючими матеріалами. Бушующее пламя пожара распространилось первоначально по равнинѣ, затѣмъ стало подниматься на высоты, и снова опустошало низменности, охватывая съ ужасающей быстротой все что встрѣчалось на пути, тѣмъ болѣе что городъ былъ беззащитенъ, благодаря узкимъ улицамъ и тѣсной скученности зданій стараго Рима. Никто не осмѣливался тушить пожаръ, такъ какъ то и дѣло слышались грозныя воспрещенія, между тѣмъ какъ другіе открыто поджигали зданія, громко крича, что они знаютъ кто имъ это повелѣлъ,—съ цѣлію ли безнаказанно грабить городъ или въ самомъ дѣлѣ по приказу. Неронъ, въ это время находившійся въ Антіумѣ, прибылъ въ Римъ тогда только, когда пожаръ приблизился уже къ его жилищу. Но уже нельзя было остановить пожара и огонь пожралъ это жилище. Въ облегченіе бѣдствій оставшагося безъ крова населенія онъ отдалъ Марсово поле, дома Агриппы и даже собственные сады. Домашняя утварь была привезена изъ сосѣднихъ городовъ и цѣна хлѣба понижена до трехъ сестерцій. Эти благонамѣренныя распоряженія однако не достигли цѣли, такъ какъ распространился слухъ, что во время самаго пожара Неронъ вышелъ на свою домашнюю сцену и декламировалъ „Пожаръ Трои", сравнивая настоящее бѣдствіе съ трагическими событіями древности. Живописцы и воспроизвели какъ разъ тотъ моментъ, когда Неронъ читаетъ стихи о пожарѣ Трои. Живописецъ переноситъ зрителя на эспланаду расположеннаго на Палатинскомъ холмѣ дворца Нерона съ открывающимся видомъ на Капитолій въ глубинѣ картины. Лежащія между ними низменныя части города, охваченныя пожаромъ, невидимы, но зарево тѣмъ ярче освѣщаетъ зданія Капитолія, надъ которыми возвышается храмъ Юпитера Капитолійскаго. Дивный бѣломраморный дворецъ Нерона также освѣщенъ заревомъ. Разлитый надъ нимъ яркій лунный свѣтъ, перемежающійся темными тѣнями, образуетъ чарующій контрастъ съ этимъ заревомъ. На террасѣ средняго плана, служившей домашнею сценою для „частныхъ представленій" этого бредившаго искусствомъ и страстно предававшагося поэзіи императора, видна фигура самого Нерона, призрачно облитая луннымъ свѣтомъ, съ лирою въ рукахъ. Широкія ступени ведущія на сцену охраняются двумя воинами преторіанской стражи. Стражникъ съ правой стороны только-что закололъ молодаго римлянина, который, будучи раздраженъ видомъ императора декламирующаго при народномъ бѣдствіи, пытался ворваться на террасу. Другой, у подножія группы Лаокоона, удерживаетъ нѣсколькихъ сенаторовъ. Передній изъ нихъ очевидно находитъ идею Нерона превосходною, между тѣмъ какъ двоимъ его товарищамъ слѣва зрѣлище кажется не особенно по вкусу, а задній, только-что вернувшійся съ пира, бросилъ на-земь свой вѣнокъ изъ розъ, прикрывавшій лысый черепъ, и не можетъ скрыть своего горестнаго негодованія.

Древній головной уборъ старо-русскихъ горожанокъ. (Рис. на стр. 73).

Быстрое распространеніе желѣзныхъ дорогъ и той формы мнимаго просвѣщенія, которую они разносятъ во всѣ концы свѣта, всюду дѣйствуютъ самымъ печальнымъ образомъ на остатки стариннаго быта, одеждъ и обычаевъ. Старина исчезаетъ у насъ вездѣ, оставляя по себѣ только жалкіе остатки, только слѣды того, что было когда-то. Такъ напр., въ настоящее время въ Новгородской губерніи, уже только въ двухъ мѣстахъ уцѣлѣли остатки древняго новгородскаго костюма: въ Бѣлозерскѣ да въ Старой Руссѣ. Остатки эти представляются намъ въ видѣ того кружевнаго или жемчужнаго женскаго убора, который читатели *Нивы* видятъ на прилагаемомъ рисункѣ. Эти повязки надѣваются старорусскими горожанками во время весеннихъ и лѣтнихъ праздниковъ, при старинныхъ штофныхъ сарафанахъ. Любопытно, что при такомъ нарядѣ, женщины и дѣвушки считаютъ долгомъ непремѣнно бѣлиться и румяниться. Нѣкоторыя изъ этихъ повязокъ состоятъ изъ весьма цѣннаго жемчуга и стоютъ не менѣе 150, даже 200 р. сер. Повязки эти, точно также какъ и штофные сарафаны, передаются какъ святыня, отъ бабушекъ внучкамъ въ приданое.

Сладкій виноградъ. (Рис. на стр. 76).

Помѣстивъ на стр. 12 перваго № гравюру съ картины проф. Виллевальде „Служба — дружба", мы печатаемъ въ настоящемъ № копію съ другой его картины „Сладкій виноградъ", относящейся по своему содержанію къ тому же славному времени похода русскихъ во Францію, послѣ изгнанія Наполеона изъ предѣловъ Россіи, — когда Александръ Благословенный несъ

...врагу не гибель, но спасенье
И благотворный миръ землѣ!

Незатѣйливая по содержанію картинка передаетъ очень живо и художественно тѣ дружелюбныя отношенія, какія проявлялись у русскихъ солдатъ и французовъ послѣ долгаго военнаго времени. Миловидная француженка со своими ребятишками угощаетъ черезъ заборъ трехъ солдатъ виноградомъ.

Смотрины англійской принцессы, предназначенной въ невѣсты Іоанну Грозному. (Рис. на стр. 77).

Въ 1581 г. Іоаннъ Васильевичъ Грозный, уже женатый на седьмой женѣ (изъ рода Нагихъ), прослышалъ отъ медика-англичанина, Роберта Якоби, о томъ, что у его союзницы, могущественной королевы англійской Елисаветы, есть племянница-невѣста, дѣвушка замѣчательной красоты и большихъ достоинствъ. Въ пылкомъ воображеніи Іоанна тотчасъ явилось пламенное желаніе—поближе разузнать объ этой заморской царевнѣ и, если возможно, вступить въ брачный союзъ съ нею. Ни на одну минуту онъ не задумался о томъ, что, для вступленія въ новый бракъ, ему придется расторгнуть свой бракъ съ Маріей Нагою, которая въ это время уже ожидала разрѣшенія отъ бремени, и вскорѣ дѣйствительно родила царю сына, Дмитрія, столь несчастнаго впослѣдствіи. 11 августа 1582 г., избранный государемъ посолъ, думный дворянинъ Писемскій, отплылъ изъ Холмогоръ, и вышелъ на берегъ Англіи 16 сентября того же года. Посолъ пріѣхалъ не во время: въ Лондонѣ свирѣпствовалъ страшный моръ и весь дворъ англійскій жилъ уединенно въ Виндзорѣ. Посолъ долго не могъ добиться торжественной аудіенціи у королевы и сердился на то, что его окружаютъ любезностями, перевозятъ съ мѣста на мѣсто, и не допускаютъ до настоящаго дѣла. Наконецъ, 4 ноября, Писемскій, вмѣстѣ со своимъ дьякомъ Неудачею и толмачемъ Бекманомъ, былъ удостоенъ торжественнаго и весьма любезнаго пріема у Елисаветы. За пріемомъ послѣдовали опять угощенія и забавы, но русскій посолъ отказывался наотрѣзъ и отъ увеселительныхъ прогулокъ, и отъ охоты: „Мы здѣсь за дѣломъ, а не за игрушками; мы послы—а не стрѣлки", рѣзко высказывалъ Писемскій. Наконецъ начались переговоры о дѣлахъ (18 декабря, въ *селѣ* Гриничѣ). За переговорами послѣдовало совѣщаніе о сватовствѣ, на которомъ Писемскій требовалъ уже не торжественнаго пріема, а *тайной* аудіенціи у королевы. 18 января Писемскій добился этой аудіенціи и услышалъ отъ Елисаветы, что намѣченная Іоанномъ невѣста, Марія Гастингсъ (племянница королевы) „едва-ли понравится Іоанну, извѣстному любителю красоты". Посолъ настаивалъ на томъ, что долженъ собственными глазами убѣдиться въ этомъ, и требовалъ, чтобы ему показали невѣсту. Елизавета отвѣчала, что Марія Гастингсъ только что оправилась отъ тяжелой болѣзни (отъ оспы), и просила повременить.

Только уже 18 мая 1583 г., Писемскаго пригласили въ садъ къ канцлеру королевы Томасу Брамлею и показали ему Ма-

ріѣо Гастингсъ, которая явилась передъ нимъ въ красивой садовой бесѣдкѣ, окруженная придворными дамами и сопровождаемая своимъ братомъ, графомъ Гастингдонскимъ. Канцлеръ Брамлей наклонился къ послу и сказалъ: „вотъ она! гляди, разсматривай на досугѣ.“ Невѣста поклонилась послу и остановилась передъ нимъ неподвижно. Писемскій вполнѣ воспользовался своимъ правомъ: онъ долго и пристально вглядывался въ избранную для царя невѣсту и разсматривалъ ее весьма безцеремонно. Потомъ сказалъ: „довольно!“ и пошелъ гулять по саду съ канцлеромъ, при чемъ еще нѣсколько разъ встрѣтился съ Маріей Гастингсъ и не упустилъ случая оглядѣть ее съ головы до ногъ. Надо предположить, что англійская принцесса, дѣвица уже не первой молодости (Маріи Гастингсъ было въ ту пору 30 лѣтъ), не произвела на Писемскаго особенно пріятнаго впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, въ своемъ донесеніи царю, Писемскій написалъ о ней только: „Марія Гастингсъ ростомъ высока, тонка, стройна, лицомъ бѣла: —глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ долгіе“. И только! Явно, что стройная, высокая англичанка пришлась не по вкусу русскому послу, потому что не удовлетворила современному понятію русскихъ людей о красотѣ, которая, на ихъ взглядъ, должна была главнымъ образомъ заключаться въ дородствѣ.

Вышеизложенный нами историческій эпизодъ и послужилъ художнику сюжетомъ для картины, помѣщенной въ настоящемъ № „Нивы“.

Бухарская пѣхота. (Рис. на стр. 80).

Бухарскія войска не представляютъ ничего особеннаго въ военномъ отношеніи, а потому можно ограничиться бѣглыми замѣтками. Въ столицѣ ханства, Бухарѣ, при эмирѣ находится 2 тысячи сарбазовъ (т. е. солдатъ) и 8 орудій; по своей организаціи они составляютъ два баталіона и одну батарею; всего-же въ ханствѣ около 15 тысячъ пѣхоты, 3 тысячи кавалеріи и 60 орудій. Наружный видъ этихъ войскъ далеко не боевой и даже не регулярный. Сарбазы, одѣтые въ красныя куртки, бѣлыя брюки, персидскія шапки изъ черной мерлушки и сапоги съ довольно-короткими голенищами, стоятъ во фронтѣ безъ ранжира и безъ всякой выправки. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ гладкоствольныхъ ударныхъ и кремневыхъ ружей, между которыми попадаются зачастую экземпляры безъ замковъ. У артиллеристовъ-же — черныя куртки. Командныя слова произносятся по-русски.

Въ мирное время всякій пѣхотный и артиллерійскій сарбазъ получаетъ отъ правительства содержанія въ мѣсяцъ 20 кокановъ, т. е. 4 руб., а въ военное—35 кокановъ или 7 руб. Кавалеристы-же (хасабадиры) взамѣнъ денежнаго содержанія получаютъ пшеницу въ натурѣ, полагая около 8 батмасовъ въ годъ на каждаго.

Вещевое довольствіе сарбазовъ, отпускаемое отъ казны, ограничивается только одною мундирною парою въ годъ, но и эта одежда выдается имъ на руки лишь во время исполненія служебныхъ обязанностей; обыкновенно-же они носятъ свою собственную одежду и обувь, не стѣсняясь при этомъ опредѣленною формою, только для отличія ихъ отъ прочихъ туземцевъ они обязаны носить форменную персидскую шапку.

Боевая подготовка бухарскихъ войскъ весьма неудовлетворительна, ученья производятся имъ весьма рѣдко и заключаются въ ружейныхъ пріемахъ и церемоніальномъ маршѣ, которому они никогда порядкомъ не выучиваются.

Стрѣлковое-же дѣло окончательно въ застоѣ и практическая стрѣльба даже совсѣмъ не производится. Апатія народа замѣтно отражается и на войскахъ, нравственный духъ которыхъ въ полномъ упадкѣ и дисциплина поддерживается одною только строгостью.

П. С. Васильевъ.

С. А. Юрьевъ. (Портр. на стр. 85).

На второй день праздниковъ Рождества Христова скончался въ Москвѣ одинъ изъ почтенныхъ литературныхъ дѣятелей, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, бывшій редакторъ журнала *Русская Мысль* и предсѣдатель Общества Любителей Россійской Словесности при Московскомъ университетѣ. Юрьевъ пользовался большой популярностью въ Москвѣ и былъ извѣстенъ не столько своею литературною дѣятельностью, сколько огромнымъ вліяніемъ на окружающую среду. Человѣкъ сороковыхъ годовъ, съ серьезнымъ, весьма солиднымъ образованіемъ, высокопросвѣщенный, правдивый, замѣчательно честный, онъ являлся живымъ звеномъ, связывавшимъ лучшую часть московскаго общества съ идеями сороковыхъ годовъ. Онъ стоялъ совершенно особнякомъ и въ литературѣ и въ жизни, горячо любилъ свою родину, вѣрилъ въ ея будущее, но и въ старо-русской жизни видѣлъ не мало прекрасныхъ сторонъ; онъ живо сочувствовалъ славянству, хотя и не считалъ себя славянофиломъ, равно не причислялъ себя и къ либеральной партіи, что не мѣшало ему тепло относиться къ реформамъ прошлаго царствованія. Словомъ, онъ не былъ представителемъ какого-либо цѣльнаго направленія, но всѣ его уважали, цѣнили и любили; онъ являлся какъ-бы посредникомъ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Юрьевъ вообще былъ личностью типическою, весьма оригинальною, и Писемскій говорилъ про него, что онъ опоздалъ родиться, что ему слѣдовало жить еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Большой знатокъ сценическаго искусства, страстно любившій театръ, Юрьевъ перевелъ нѣсколько классическихъ произведеній испанской драматической литературы, былъ друженъ съ Мочаловымъ, близко знакомъ съ Щепкинымъ, Шумскимъ, Полтавцевымъ и прочими корифеями московской сцены, въ незабвенную эпоху процвѣтанія этой сцены, и написалъ большую статью „Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ“, въ которой выразилось его глубокое пониманіе высшихъ вопросовъ эстетики, его знаніе философскихъ наукъ, его богатая эрудиція. Въ сферѣ журнальной дѣятельности Юрьевъ извѣстенъ также какъ основатель двухъ литературныхъ органовъ *Бесѣда* и *Русская Мысль*, изъ которыхъ въ первомъ журналѣ онъ помѣстилъ нѣсколько статей, посвященныхъ его оригинальнымъ воззрѣніямъ на вопросы славянскій и русскій педагогическій.

Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, сынъ помѣщика, родился 13 мая 1821 года въ селѣ Воскресенскомъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи, первоначальное воспитаніе получилъ въ Дворянскомъ Институтѣ въ Москвѣ и высшее въ Московскомъ университетѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1845 году по математическому факультету. Хотя послѣ этого онъ и служилъ, около двухъ лѣтъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ Бакунинѣ, но продолжалъ свои занятія математическими науками, главнымъ образомъ небесною механикою. Въ 1854 году онъ получилъ мѣсто астронома-наблюдателя въ обсерваторіи при Московскомъ университетѣ, но скоро принужденъ былъ оставить эту должность вслѣдствіе серьезной болѣзни глазъ, отъ которой лѣчился за границей. Здѣсь онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, слушалъ лекціи парижскихъ и германскихъ свѣтилъ математической науки и работалъ по вопросу объ устойчивости солнечной системы. Предварительныя работы его, заключавшіяся въ рѣшеніи нѣсколькихъ вопросовъ объ интегрированіи линейныхъ уравненій съ перемѣнными коэффиціентами, были помѣщены въ журналѣ Математическаго Общества (при Московскомъ университетѣ), котораго онъ былъ членомъ-учредителемъ. Постановка самаго вопроса, путь къ его рѣшенію и основныя уравненія были имъ изложены въ парижскомъ *Cercle scientifique* и получили одобреніе членовъ парижскаго института Леверье, Фе и Лаше. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя обстоятельства принудили Юрьева прервать свою работу и вообще исключительныя занятія математическими науками. Послѣ этого онъ весь отдался изученію философіи, исторіи литературы и вопросовъ эстетики, преимущественно въ сферѣ драмы и сценическаго искусства, интересовавшихъ его еще въ самые юные годы. Его сильно занимала мысль о народномъ театрѣ—и Юрьевъ устроилъ нѣчто подобное въ своемъ помѣстьѣ. На этой деревенской сценѣ нѣсколько лѣтъ сряду давались представленія, при чемъ шли многія пьесы Островскаго и Писемскаго, а дѣйствующими лицами являлись крестьяне и самъ устроитель народнаго театра. Объ этихъ представленіяхъ упоминается, между прочимъ, и въ изслѣдованіи Александра Веселовскаго „Старинный театръ въ Европѣ“. Кромѣ того, Юрьевъ написалъ проектъ школы сценическаго искусства, въ которомъ пытался въ сжатой формѣ выяснить сущность и начала этого искусства.

Въ 1871 — 72 годахъ С. А. Юрьевъ издавалъ и дѣятельно редижировалъ ежемѣсячный журналъ *Бесѣду*, въ которой участвовали многія литературныя силы, выдающіеся ученые, земскіе и общественные дѣятели. По прекращеніи *Бесѣды*, онъ усердно занялся исторіею драмы и перевелъ съ нѣмецкаго трагедію Кальдерона: „За тайное оскорбленіе — тайное мщеніе“, его же комедію „Самъ у себя подъ стражей“. Затѣмъ, основательно изучивъ испанскій языкъ, онъ перевелъ нѣсколько драматическихъ произведеній Лопе-де-Веги; „Наказаніе — не мщеніе“, „Овечій источникъ“, „Звѣзда Севильи“, „Земледѣлецъ въ своемъ углу“ и передѣлалъ для сцены драму Кальдерона „Соломейскій судья“. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ шли на сценѣ московскаго Малаго театра и были напечатаны. Кромѣ того, имъ переведены съ англійскаго трагедіи Шекспира „Король Лиръ“, „Макбетъ“ и „Антоній и Клеопатра“ и изданъ 1-й томъ переводовъ драматическихъ произведеній испанскихъ писателей „цвѣтущаго періода испанскаго театра“ съ прибавленіемъ обстоятельной статьи о значеніи и характерѣ твореній Лопе-де-Веги. Въ 1878 году Юрьевъ былъ избранъ въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ состоялъ предсѣдателемъ вплоть до 1885 года и произносилъ много интересныхъ рѣчей, независимо отъ чтенія своихъ произведеній. Въ это же время онъ, года два, читалъ публичныя лекціи по исторіи драмы съ древнѣйшихъ временъ, а затѣмъ лекціи по нѣмецкой литературѣ XVIII и начала XIX столѣтія. Страстный поклонникъ Пушкина, Юрьевъ былъ дѣятельнымъ участникомъ извѣстнаго литературнаго торжества по случаю открытія памятника великому поэту въ 1880 году въ Москвѣ, и это торжество своимъ огромнымъ успѣхомъ много обязано заботливости и усерднымъ хлопотамъ Юрьева. Въ этомъ самомъ году имъ основанъ и журналъ *Русская Мысль*, который онъ редижировалъ безъ малаго шесть лѣтъ. Неутомимый, вѣчно дѣятельный, живой, онъ, помимо всѣхъ этихъ занятій, удѣлялъ время и педагогикѣ: еще

въ 1826 году Юрьевъ открылъ въ своемъ родномъ селѣ крестьянскую школу и содержалъ ее до учрежденія школъ земскихъ, потомъ онъ года два преподавалъ математику въ кандидатскихъ классахъ Николаевскаго Сиротскаго Института, по приглашенію профессора Армфельда, желавшаго правильно поставить преподаваніе математики въ этомъ заведеніи. Юрьевъ умеръ 67-ми лѣтъ, но этотъ почтенный возрастъ ни мало не старилъ его всегда юнаго и чистаго сердца. **П. Быковъ.**

Политическое обозрѣніе.

На другой день новаго года въ Бѣлой залѣ королевскаго дворца въ Берлинѣ состоялось открытіе Прусскаго сейма. На церемоніи присутствовали министры, придворные сановники, генералитетъ и члены дипломатическаго корпуса. Императоръ прочиталъ тронную рѣчь, которая была встрѣчена неоднократно возобновлявшимися выраженіями одобренія. Въ ней, между прочимъ, императоръ Вильгельмъ заявилъ, что Германская имперія остается въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ иностраннымъ государствамъ. „Изъ посѣщенія дружественныхъ государей—сказалъ императоръ—я вынесъ убѣжденіе, что мы можемъ съ довѣріемъ отдаться надеждѣ на дальнѣйшее сохраненіе мира“. Это было первое торжественное выраженіе тѣхъ впечатлѣній, которыя преемникъ Фридриха III вынесъ изъ своихъ путешествій,—впечатлѣній о миролюбивомъ настроеніи державъ.

На открытіи Прусскаго сейма князь Бисмаркъ не присутствовалъ, хотя наканунѣ онъ вернулся въ Берлинъ. Это отсутствіе толковалось нѣкоторыми какъ подтвержденіе ходившихъ въ послѣднее время слуховъ объ удаленіи желѣзнаго канцлера отъ дѣлъ. Но другіе, ссылаясь на недавній рескриптъ императора Вильгельма князю Бисмарку, отрицали возможность подобнаго рѣшенія со стороны послѣдняго, вѣрили, что при первой необходимости канцлеръ найдетъ въ себѣ прежнюю энергію и волю, чтобы править государственными германскими дѣлами,—и они не ошиблись. На другой-же день послѣ открытія сейма князь Бисмаркъ принялъ живое участіе въ засѣданіи имперскаго парламента, обсуждавшаго бюджетъ иностранныхъ дѣлъ. Всѣ статьи, касающіяся содержанія должностныхъ лицъ въ Западной Африкѣ, равно какъ вся роспись обыкновенныхъ расходовъ были вотированы рейхстагомъ. Имперскій канцлеръ, не касаясь колоніальнаго вопроса и предположивъ сдѣлать это послѣ того, какъ будетъ внесенъ въ рейхстагъ законопроектъ о колоніальной политикѣ, неоднократно принималъ участіе въ преніяхъ. Онъ говорилъ 8 разъ и особенно сильными были его возраженія Рихтеру и Бамбергеру; причемъ онъ упрекалъ оппозицію въ отсутствіи патріотизма. Между прочимъ, возражая Рихтеру, Бисмаркъ сказалъ, что существующую уже нѣсколько тысячелѣтій торговлю невольниками нельзя уничтожить разомъ и что упраздненіе безъ дальнихъ околичностей невольническаго труда представляется невозможнымъ. „Этого—присовокупилъ канцлеръ—и г. Рихтеръ не можетъ не имѣть въ виду, хотя его печать и покровительствуетъ всему, что можетъ причинить затрудненія и осложненія отечеству“.

Въ настоящее время живаго участія князя Бисмарка въ государственныхъ дѣлахъ имперіи, весьма интересны и назидательны полученныя изъ Берлина извѣстія о нашей государственной росписи. Въ финансовыхъ кругахъ германской столицы русскій бюджетъ произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Не касаясь уже того, что голыя цифры говорятъ сами за себя — сообщается въ спеціальной денешѣ—совершающійся за послѣдніе два года переворотъ въ русскихъ финансахъ безспорно доказывается всеподданнѣйшимъ докладомъ. Переворотъ обусловливается подъемомъ всѣхъ отраслей экономической жизни Россіи, что служитъ гарантіею его продолжительности. *B. T.* выставляетъ на видъ аккуратность, съ которою составленъ бюджетъ. *Boersencourier* указываетъ на отрадный фактъ, что на этотъ разъ нѣтъ увеличенія расходовъ на армію исключая ассигнованій на пищевое довольствіе и обмундированіе войскъ. Въ оффиціальной газетѣ *Deutsche Tageblatt* напечатана на видномъ мѣстѣ замѣчательная статья компетентнаго писателя, въ которой приводятся очевидные симптомы возрастающаго благосостоянія и особенно указывается на то, что даже особые расходы для продуктивныхъ цѣлей покрываются безъ ассигнованія чрезвычайныхъ средствъ. По общему убѣжденію, русскій бюджетъ является новымъ доказательствомъ миролюбивой тенденціи русской политики. *Vossische Zeitung* признаетъ центромъ тяжести финансоваго положенія Россіи искренно миролюбивую политику Русскаго правительства и указываетъ на чрезвычайно благопріятный характеръ торговаго баланса Россіи, а также на другіе признаки возростающаго оживленія ея экономическихъ условій, какъ, напримѣръ, обильное поступленіе налоговъ и достигнутый Россіею перевѣсъ надъ Соединенными Штатами въ снабженіи Европы хлѣбомъ. *Frankfurter Z.* и многія другія провинціальныя газеты вполнѣ оцѣниваютъ колоссальный переворотъ въ финансовыхъ условіяхъ Россіи. Въ берлинскихъ финансовыхъ кружкахъ произвела превосходнѣйшее впечатлѣніе надежность послѣднихъ смѣтныхъ исчисленій русской государственной росписи: надежность эта прямо ставится въ заслугу нынѣшнему министру финансовъ. Общее впечатлѣніе сводится къ тому, что роспись эта является лучшимъ опроверженіемъ нападокъ на русскіе финансы. Всѣ ожидаютъ, что повышеніе русской валюты будетъ продолжаться, не смотря на понижательную спекуляцію и усилія части печати, направленныя къ ея пониженію.

Вѣнскія газеты находятъ, что пріемъ, оказанный биржами русской государственной росписи, означаетъ блестящій успѣхъ финансовыхъ результатовъ 1888 года въ Россіи, въ особенности, если припомнить о займѣ, чрезвычайно удачно совершенномъ безъ участія нѣмецкихъ биржъ. При этомъ газеты настаиваютъ на томъ, что къ росписи на 1889 годъ слѣдуетъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, чему должно способствовать мирное настроеніе русскаго правительства.

Совсѣмъ не мирнымъ характеромъ отличаются событія послѣдняго времени во Франціи. Избирательный поединокъ генерала Буланже и водочнаго заводчика Жака въ полномъ разгарѣ. Противники стараются поразить одинъ другаго манифестами и избирательными заявленіями. „Пересмотръ конституціи.—Распущеніе палаты.—Учредительное собраніе“ восклицаетъ бравый генералъ въ своемъ воззваніи. Въ отвѣтъ на это Жакъ говоритъ въ громадныхъ афишахъ, распространенныхъ по всему Парижу: „Не будетъ диктатуры.—Не будетъ Седана. — Да здравствуетъ республика!“ Возражая на заявленіе Жака съ девизомъ: „Не надо Седана!“, генералъ Буланже въ новомъ своемъ манифестѣ къ парижскимъ избирателямъ говоритъ: „Возгласъ этотъ является воззваніемъ къ трусости. Франціи нѣтъ болѣе повода опасаться Седана. Она искренно желаетъ мира, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно могущественна, чтобы постоять за себя. Она съумѣетъ отвѣтить на вызовы и дать отпоръ, если на нее будетъ произведено нападеніе“. Буланже въ заключеніе присовокупляетъ: именно для избѣжанія новаго Седана мы и хотимъ посвятить на усиленіе государственной обороны и развитіе благосостоянія страны сокровища, которыя теперь расхищаются. Въ свою очередь Жакъ обнародовалъ еще два воззванія, возражающія на второй избирательный манифестъ Буланже. Въ этихъ воззваніяхъ Жакъ выставляетъ на видъ, что избраніе мятежнаго солдата приведетъ къ упадку дисциплины въ арміи, народному разоренію и преданію отечества врагу. Который изъ двухъ лицъ придется по вкусу парижанамъ, покажутъ выборы 15 января.

Смѣсь.

Высочайшая благодарность. Издатель журнала *Нива*, А. Ф. Марксъ, 21 минувшаго декабря, имѣлъ счастіе поднести, чрезъ Министерство Императорскаго Двора, Ихъ Величествамъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ и Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Николаю Александровичу три экземпляра изданной имъ книги: „Фаустъ“, Гёте, въ переводѣ А. А. Фета, съ гравюрами по рисункамъ Энгельберта Зейбертца.

За это поднесеніе Высочайше повелѣно: объявить г. Марксу благодарность.

Два эпизода изъ жизни императора Николая I. Извѣстно, что долгъ службы и совѣсти обязываетъ каждаго техника протестовать противъ даннаго ему приказанія въ томъ случаѣ, когда исполненіе его влечетъ за собою опасность. Разсказываютъ о нѣсколькихъ случаяхъ такой разумной твердости, выказанной спеціалистами въ присутствіи императора Николая. Императоръ отличался отъ своихъ предшественниковъ требовательностію относительно исполненія своихъ приказаній; но всѣ его приказанія оставались въ границахъ возможнаго. Онъ самъ ихъ такъ и формулировалъ. Въ одномъ изъ упомянутыхъ случаевъ онъ отдалъ должное адмиралу, который, не смотря на его приказаніе, не допустилъ чтобы государь былъ отвезенъ на катерѣ на берегъ, во время сильной бури и безпокоившей его качки. Другой случай произошелъ въ 1851 году, на Николаевской желѣзной дорогѣ. Въ то время скорость движенія поѣздовъ не превышала 25 верстъ въ часъ. Министръ путей сообщенія Клейнмихель первый проѣхалъ по названной линіи со скоростію 50-ти верстъ въ часъ, о чемъ онъ и доложилъ государю. При слѣдующей затѣмъ поѣздкѣ по желѣзной дорогѣ, государь приказалъ везти себя также со скоростью 50 верстъ. Министръ сдѣлалъ соотвѣтственное распоряженіе, но поѣздъ не пошелъ скорѣе. Государь выразилъ неудовольствіе и повторилъ свое приказаніе; поѣздъ продолжалъ идти съ тою-же скоростью. Оказалось, что простой машинистъ отказался исполнить приказаніе своего начальства и своего государя. На одной изъ станцій государь потребовалъ машиниста къ себѣ и спросилъ, что побудило его ослушаться даннаго ему приказанія.

— Ваше величество, отвѣчалъ машинистъ,—съ такою скоростью ѣхать нельзя.

— Однако же ты везъ Клейнмихеля съ этою скоростью.

— Да, ваше величество, но это представляло большую опасность. Дѣло въ томъ, что въ Россіи много Клейнмихелей и только одинъ императоръ.

Государь поблагодарилъ машиниста. (с).

Жертвы эпидеміи. Кому изъ насъ не случалось осенью наблюдать мертвыхъ мухъ на оконныхъ стеклахъ? Вокругъ крѣпко прилипшаго къ стеклу насѣкомаго мы видимъ туманный кругъ, на счетъ котораго мнѣ приходилось слышать отъ разныхъ лицъ самыя удивительныя объясненія. По мнѣнію однихъ, это служитъ доказательствомъ, что муха издохла отъ холеры; другіе полагаютъ, что туманное пятно есть не что иное, какъ „отвердѣвшее дыханіе мухи". Само собою разумѣется, что подобныя объясненія давались не учеными. Мертвая муха на оконномъ стеклѣ есть маленькій, но интересный предметъ изученія и въ послѣднее время изслѣдователи обратили на нее должное вниманіе. Вотъ каково въ краткихъ словахъ мнѣніе науки относительно этого предмета.

Не только людямъ приходится опасаться невидимыхъ микроскопическихъ грибковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ бациллъ; эти крохотные враги преслѣдуютъ и насѣкомыхъ. Шелковичные черви заболѣваютъ отъ двухъ видовъ грибковъ, и шелководамъ хорошо извѣстны происходящія отъ нихъ болѣзни шелковичныхъ червей. Комнатная муха, которая, по мнѣнію многихъ, иногда распространяетъ заразительныя болѣзни, имѣетъ также между микроорганизмами своего особаго врага. Врагъ этотъ плѣсневый грибокъ; научное названіе его *Empusa Muscae*. Онъ однороденъ съ грибкомъ, отъ котораго плѣснѣетъ хлѣбъ въ кладовыхъ. Споры *Empusa Muscae* нападаютъ на мухъ именно осенью, пускаютъ въ нихъ, такъ сказать, корни, т. е. сильно развѣтвляющіяся нитевидныя грибообразованія, называемыя *мицеліемъ*. Этотъ мицелій внѣдряется въ тѣло мухи и такъ разслабляетъ насѣкомое, что оно садится гдѣ-нибудь и издыхаетъ. Въ мертвой мухѣ плѣсневый грибокъ созрѣваетъ и выпускаетъ наружу споры, которыя и образуютъ на окнахъ вышеупомянутое „отвердѣвшее дыханіе мухи". На окно прилетаютъ другія мухи, прогуливаются по мертвымъ, споры проникаютъ въ полости ихъ тѣла, между брюшными кольцами и т. д., мухи заражаются и гибнутъ. Такимъ образомъ и между комнатными мухами возникаютъ эпидеміи. (с.)

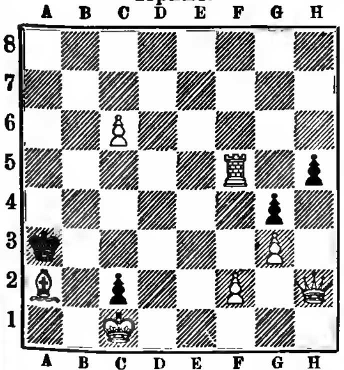
Въ минувшемъ ноябрѣ исполнилось сто лѣтъ со дня появленія на водѣ перваго парохода. 14 ноября 1788 года Уильямъ Симингтонъ, молодой шотландскій инженеръ, дѣлавшій уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ попытки примѣнить паровую силу къ судоходству, спустилъ первый, еще довольно несовершеннаго типа, пароходъ, на Дальвингстонъ-лохѣ (озерѣ). Это было двойное колесное судно. Несмотря на скромность суденышка, на немъ помѣстилось избранное общество, которое не помышляло конечно къ какимъ великимъ результатамъ приведетъ этотъ первый опытъ. Кромѣ Симингтона на пароходѣ находились лордъ Бругамъ, Бёрнсъ, Нэсмитъ, знаменитый шотландскій пейзажистъ, и мистеръ Милларъ, щедрый покровитель Симингтона. Странно, что ни поэтъ, ни художникъ не оставили никакого воспоминанія объ этомъ событіи, имѣющемъ для насъ такое огромное значеніе. Опытъ настолько удался, что былъ повторенъ годъ спустя на Фортъ-Клейдскомъ каналѣ. Судно дѣлало въ часъ шесть миль (9,5 километровъ) и успѣхъ казался обезпеченъ. Лордъ Дундасъ, одинъ изъ акціонеровъ общества Фортъ-Клейдскаго канала, заказалъ Симингтону нѣсколько пароходовъ и одинъ изъ нихъ (леди Мильтонъ) былъ уже оконченъ и началъ совершать рейсы отъ Лоха до Глазго. Звѣзда Симингтона повидимому ярко заблистала, но, къ сожалѣнію, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ снова померкнуть. Акціонеры, опасаясь, чтобы берега канала не пострадали отъ производимаго колесами волненія, запретили дальнѣйшее движеніе пароходовъ. Тогда лордъ Дундасъ познакомилъ Симингтона съ герцогомъ Бриджуотеромъ и этотъ послѣдній тотчасъ-же заказалъ ему восемь судовъ для канала, носящаго его имя. Но въ моментъ начала постройки пришло извѣстіе о смерти герцога и съ нею погибли блестящія надежды Симингтона. Не въ состояніи будучи бороться съ сыпавшимися на него ударами судьбы, несчастный изобрѣтатель принужденъ былъ поставить свой пароходъ во одну изъ маленькихъ гаваней канала, гдѣ онъ простоялъ нѣсколько лѣтъ, составляя предметъ любопытства для проѣзжающихъ. Симингтонъ обратился къ правительству съ просьбою о пособіи, но выданная ему сумма была такъ мала, что едва покрыла расходы по подачѣ просьбы. Симингтонъ умеръ въ 1831 году, въ нищетѣ и всѣми забытый, точно также какъ Генри Бейль, значительно усовершенствовавшій его изобрѣтеніе. Что же касается правъ американца Фультона на приписываемую ему честь изобрѣтенія парохода, то права эти ограничиваются тѣмъ, что Фультонъ, посѣтивъ Симингтона въ Шотландіи, просилъ сдѣлать съ нимъ вмѣстѣ рейсъ на пароходѣ, чтобы изучить его конструкцію. Разставаясь съ Симингтономъ, Фультонъ увѣрилъ изобрѣтателя что это послужитъ ему на пользу, но болѣе не давалъ о себѣ никакихъ извѣстій. Только въ настоящее время человѣчество сознало, какую великую услугу оказалъ ему Симингтонъ—и въ Шотландіи производится дѣятельный сборъ на сооруженіе ему достойнаго памятника.

Стулья въ Гайдъ-Паркѣ. Въ лондонскомъ Гайдъ-Паркѣ имѣются тысячи стульевъ, отдаваемыхъ въ пользованіе публики по одному пенни. Происхожденіе этихъ стульевъ, говорятъ, слѣдующее: Вскорѣ послѣ битвы при Ватерлоо, одинъ изъ англійскихъ генераловъ, оказавшихъ большія услуги отечеству, впалъ въ крайнюю нищету. Англійское правительство, желая, въ ознаменованіе прежнихъ заслугъ, помочь ему, даровало генералу и его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, право отдавать въ наемъ стулья въ Гайдъ-Паркѣ. Генералъ началъ со 100 стульевъ. Въ настоящее время число ихъ возрасло до 27,000 и ежегодный доходъ съ нихъ простирается до 200,000 марокъ. (с).

Шахматная задача № 3.

Г. Готшаль.

Черные.



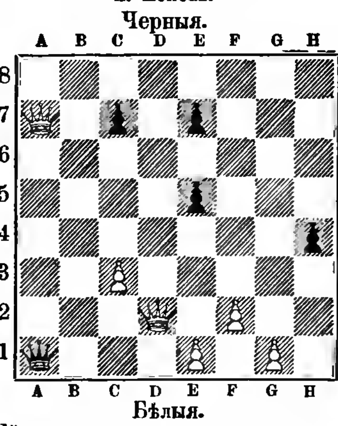
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 4.

А. Попова.

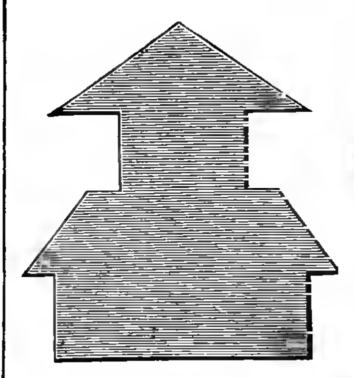
Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ простую черныхъ.

Геометрическая задача № 5.



Данную фигуру раздѣлить на 6 частей, изъ которыхъ можно было бы составить квадратъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.**
Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

АДРЕСА всѣхъ спеціальностей я странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

CORSETS 20—2 **LEOTY** adoptés par le High-Life parisien. **B. Place de la Madeleine. Paris.**

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON и мыло à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей А. № 3429 16—7

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ В. П. Березина.

2 тома. Цѣна по 2 р. 50 к. каждый.

ЕГО-ЖЕ. СТИХОТВОРЕНІЯ. 1 томъ. Цѣна 2 руб. № 3655

Складъ изданія у Стасюлевича, въ СПБ., Вас. Остр. 2 л., д. 7 и у Комарова, Невскій, д. 138-140.

КАТАЛОГЪ № 3656

иностранныхъ почтовыхъ марокъ, содержащій цѣны слишкомъ 2,000 марокъ, высылаю за 14 коп. почтовыми марками. **Б. Гостонскій**, г. Кіевъ, Малая Подвальная, № 17.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“ 10-8

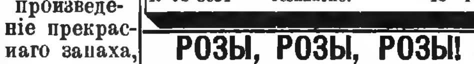
предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ **И. Комисарову.**

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи

РОБЕРТА ЭРНСТА въ Берлинѣ,

W. Potsdamerstrasse, 37. Классы ведутся тоже по-русски; проспектъ высылается безплатно. R № 3651 18—1



РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ! 10-7

Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голикевича.**

Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ НОТЪ

ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ ЮРГЕНСОНА

П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5—3

вышелъ изъ печати и высылается безплатно изъ музык. торговли **П. ЮРГЕНСОНА**

Москва, Неглинный пр., 10

Адресъ для телеграммъ и писемъ: Тула, фабриканту Каменеву.

ФАБР. КЛЕЙМО. Фабрика существуетъ съ 1850 года.

ТУЛЬСКІЙ ФАБРИКАНТЪ ОКОННЫХЪ, ДВЕРНЫХЪ И ПЕЧНЫХЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ ПРИБОРОВЪ

ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ КАМЕНЕВЪ

продаетъ и принимаетъ заказы на оные и исполняетъ по всевозможнымъ рисункамъ и образцамъ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно, а для торговцевъ, архитекторовъ и правленій жел. дорогъ могутъ высылаться и образцы для пріема заказовъ по нимъ. Контора и фабрика въ Тулѣ, за Московской заставой, въ собственныхъ зданіяхъ.

Желающимъ могу высылать образцы на коммисію по полученіи за образцы денегъ. П. № 36 3

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (50) № 2946

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—3

Придворный Парфюмеръ

46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

№ 3652 5—1

САРПИНКА. | Пріемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи и за границу. | **СЕЗОНЪ 1889 г.**

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручнаго ткачества родъ зефировъ, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются.

Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ.

высылается заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 5—4

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАЖА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ. | **САРПИНКА.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

а литературно-художественный, издаваем. П. П. Щегловымъ, журналъ съ карикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. 400 больш. рисунк., множество иллюстрацій къ тексту, масса каррикатуръ. 12 карт., въ видѣ ежемѣс. прилож., историческаго содержанія.

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 д. д. и 15 шир.), исполненная масляными красками, **КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ** академика **И. М. Прянишникова:**

„ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя, **Павла Петровича Щеглова: Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ.** 10—8 П. № 3489

Дозвол. цензур., СПБ., 11 января 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 4 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 21 января 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Въ Имеретіи. Кувшинъ для вина на арбѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Ангереръ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

VIII.

Мѣсяцъ прошелъ въ объясненіяхъ съ Анной Григорьевной, очень встревоженной недомолвками Паши, и въ стараніяхъ этой послѣдней найти кредитора, который освободилъ-бы ее, на сносныхъ условіяхъ, отъ ея кабалы у Бурдюкова. Дѣло казалось сбыточнымъ... Перебирая въ памяти старыхъ знакомыхъ, она остановилась на одной дальней родственницѣ, старушкѣ, давно удалившейся отъ мірской суеты на Петербургскую и прозябавшей тамъ, гдѣ-то за Ждановкой, на пять процентовъ съ крохотнаго, оставленнаго ей мужемъ лѣтъ десять тому назадъ — наслѣдства. Женщина эта, приросшая какъ улитка къ раковинѣ, всѣмъ своимъ существомъ, къ ниспосланному ей милостію судьбы обезпеченію, свела понемногу земныя свои заботы къ одной, въ основѣ которой лежала слѣпая и безпощадная бережливость. Послѣдняя понемногу дошла до того, что въ бюджетѣ ея, все — отъ сухариковъ къ кофею до свѣчи у образа и воскресной милостыни на улицѣ,—разсчитано было копѣйка въ копѣйку, за годъ впередъ. Понятно поэтому какъ взволновало старушку внезапное появленіе Паши съ ужасною просьбою дать ей взаймы 440 рублей, изъ 10 процентовъ впередъ, подъ условіемъ ежемѣсячнаго возврата изъ жалованья въ размѣрѣ 22 рублей. Великій соблазнъ наживы съ одной стороны, съ другой необъятная для ея разумѣнія сложность предложенной ей финансовой комбинаціи — перетревожили бѣдную Пелагею Семеновну до того, что она, послѣ перваго посѣщенія Паши, едва не слегла. Потомъ это отошло; но молодая родственница напрасно старалась ей объяснить, выкладывая на счетахъ, сколько у ней получится чистой прибыли, если къ предлагаемымъ ей 44 рублямъ впередъ — прибавить все, чтó у ней останется въ видѣ банковаго процента по ежемѣсячнымъ вкладамъ на книжку уплаченныхъ ею отъ Паши суммъ. Старуха никакъ не могла взять въ толкъ къ чему это все ее поведетъ и, хлопая какъ сова глазами, молчала, вставляя лишь изъ приличія что-нибудь одобрительное, въ родѣ: „Ну да, понятно“ или „Еще-бы!“ „Само собой разумѣется!..“ Но когда та, въ надеждѣ, что дѣло уже достаточно ясно, спрашивала: „Такъ какъ-же, милая Пелагея Семеновна?“— смотрѣла безсмысленно ей въ глаза, или вдругъ дѣлала ей какой-нибудь непроходимо-глупый вопросъ.

— А какъ-же теперича ты говоришь: на книжку десять процентовъ?.. На книжку нынче даютъ только три... И когда Паша, съ отчаяніемъ въ душѣ, принималась Богъ знаетъ въ который разъ, объяснять, что 10 процентовъ будутъ уплачены ей впередъ, совсѣмъ независимо отъ того, чтò она получитъ по вкладамъ на сбереженіе, и такимъ образомъ 44 рубля чистыхъ останется у нея въ рукахъ, — качала сомнительно головой.

— Останутся-то оно пожалуй останутся, да только ты на меня не сердись, голубушка, если я у тебя спрошу: изъ какихъ? По той причинѣ, что если теперь это останется у меня изъ моихъ-же, то ты сама разсуди: какая-же мнѣ отъ этого выгода?

Переговоры тянулись недѣли три и стòили Пашѣ невѣроятныхъ трудовъ, терпѣнія, краснорѣчія, не считая извощиковъ и подарковъ. Но дѣло не двигалось, и проѣздивъ послѣдній рубль, несчастная бросила эту затѣю какъ безнадежную.

* * *

Еще разъ завоеватель ея отобралъ безъ малаго весь ея заработокъ.

— Эхъ, барышня! говорилъ онъ, когда, отдавая деньги, она заплакала.—Балованная вы, какъ я вижу, и не бывали еще въ настоящихъ тискахъ!.. Ну вы подумайте только: чего вамъ недостаетъ? Живете здѣсь у богатой родни, какъ у Бога за пазухой, безъ единой заботы о завтрашнемъ днѣ: столъ, помѣщеніе, мебель, прислуга, — все даромъ; а дамскаго щегольства чай навезли съ собой столько, что и въ два года не износить. Можно-бы кажется быть довольной и Бога благодарить; а вы вонъ плачете! За обиду, значитъ, считаете подѣлиться съ отцомъ семейства, который выручилъ васъ изъ бѣды, а самъ не знаетъ иной разъ откуда пятирублевку добыть.

Такое заигрываніе со своею жертвой было уже не ново для Паши, но почему-то, на этотъ разъ, она потеряла терпѣніе и у нея невольно вырвалось нѣсколько словъ смутившихъ мирное торжество ловца, только что спрятавшаго въ карманъ добычу.

— Оставьте это, Порфирій Ивановичъ, сказала она.— Я не ребенокъ чтобы не понимать своего несчастнаго положенія. Но если вы думаете, что страхъ скандала заставитъ меня когда-нибудь помириться съ нимъ, то вы весьма ошибаетесь. Всему есть мѣра, и если вы будете требовать больше чѣмъ я могу вамъ дать, то вы доведете меня до отчаянія... Я пропаду; но и вы отъ этого ничего не выиграете.

— Прасковья Петровна! Матушка! Помилосердуйте! заговорилъ онъ разставивъ руки.—Да развѣ-же я разбойникъ, чтобы губить свою благодѣтельницу?.. Вѣрите Богу, вотъ больше двухъ мѣсяцевъ уже протекло, а до сихъ поръ не могу равнодушно вспомнить о вашемъ несчастіи!.. Такая славная молодая барышня! Красавица! Умница! Скромная!.. Изъ хорошей фамиліи!.. И вдругъ этакая бѣда! Да камень кажись и тотъ прослезится отъ жалости!.. Но Богъ милостивъ; въ ваши года все можетъ еще поправиться, и приходить въ отчаяніе грѣшно. Вспомните о старушкѣ-матушкѣ и поберегите ее; подумайте: какимъ тяжелымъ ударомъ было-бы для нея, если-бъ дошло до огласки, и она вдругъ узнала!.. Но нѣтъ никакой нужды доводить до крайности. Потерпите маленько, не вѣкъ-же вѣдь будете состоять въ опекѣ. Должокъ не большой, а родня ваша тутъ — богатые люди. Мало-ли сколько случаевъ... Стòитъ шепнуть въ добрый часъ какой-нибудь тетушкѣ или бабушкѣ, что молъ вотъ, завелся векселекъ... Да, кстати, угодно возобновить?..

Это происходило опять у Марѳы Никитишны, только не въ кассѣ, которая, къ этому времени, была въ полномъ ходу, а рядомъ съ ней, въ кладовой. День, слѣдующій за полученіемъ жалованья, вышелъ будничный и, окончивъ съ векселемъ, Паша спѣшила уйти, чтобы поспѣть въ правленіе; но видя что Бурдюковъ собирается тоже уйти и опасаясь чтобы онъ не вздумалъ ее провожать, остановилась, и въ нерѣшимости посмотрѣла на Марѳу Никитишну, выбѣжавшую за ней съ убѣдительной просьбой остаться на чашку кофею.

— Оставьте его идти, шепнула послѣдняя. — Мнѣ надо съ вами поговорить.

И Паша осталась.

Хозяйка, съ перваго посѣщенія очень замѣтно ухаживавшая за ней какъ за почетной гостьей, схватила ее проворно подъ руку и увела въ столовую, предупреждая, что тамъ у нея одна пріятельница, которая сію минуту уйдетъ.

* * *

Въ столовой кофе стоялъ уже на столѣ, и за кофеемъ она увидала—съ какимъ-то особеннымъ, щегольскимъ пошибомъ одѣтую даму. Барыня эта была

въ черномъ шелковомъ платьѣ съ множествомъ разнаго рода затѣй, въ модной, высокой шляпкѣ съ вуалемъ, въ цѣпочкахъ, сережкахъ и перстенькахъ; на лѣвой рукѣ перчатка, застегнутая вплоть до локтя; поверхъ перчатки — браслетъ. Особа эта окинула ее съ головы до ногъ вопросительнымъ взоромъ и обернулась къ хозяйкѣ въ недоумѣніи, словно желая сказать: „не ожидала!..“ Должно-быть Марѳа Никитишна такъ это и поняла: потому что лицо ея освѣтилось довольною усмѣшкой. Но Паша была смущена и чувство это еще усилилось когда она услыхала — вполголоса но отчетливо (то что на сценѣ зовется „*в сторону*“) выговоренное: „Не можетъ быть?“

Пашѣ предложено было мѣсто прямо противъ шикарной дамы, и Марѳа Никитишна, видя ея смущеніе, поспѣшила занять ее кофеемъ. Это не помѣшало однако Пашѣ украдкой поглядывать на свою vis-à-vis; но встрѣчая все тотъ-же, пристально вопросительный взоръ, она опускала глаза.

Противъ нея сидѣла эффектно-красивая, гибко-сложенная женщина, явно уже не первой молодости, съ серебристою искоркой въ темныхъ, густыхъ волосахъ, съ едва замѣтными рябинками на блѣдныхъ съ горячимъ оттѣнкомъ — щекахъ, съ широкимъ и дерзко разрѣзаннымъ, но красивымъ и выразительнымъ ртомъ. Общій характеръ наружности былъ чрезвычайно женственный, но тѣмъ не менѣе удалой, и это замѣтно проглядывало въ рѣчахъ... Бесѣда шла въ перебивку, то обрываясь на полусловѣ, то перескакивая, какъ то нерѣдко когда предметъ разговора мало интересуетъ людей; но взглядъ иногда пояснялъ недосказанное, и эта игра глазами, которые какъ-то особенно пристально останавливались на Пашѣ, больше всего смущала послѣднюю. Сѣрые съ золотымъ просвѣтомъ зрачки незнакомки такъ и впивались въ нее.

— Вы институтка? спросила она однажды, послѣ такого взгляда, съ ласковою усмѣшкою, Пашу, не принимавшую никакого участія въ разговорѣ.

— Да, отвѣчала та, вспыхнувъ.

— Живете однако не здѣсь?.. въ деревнѣ?..

— Да, я здѣсь очень недавно.

— Ну, я могла бы еще кое-что угадать, но боюсь, чтобы вы не приняли меня за ворожею.

„А вѣдь похоже“, подумала та.

Это были единственныя слова, которыми онѣ обмѣнялись.

Сидѣли не долѣе десяти минутъ. Допивъ свою чашку и докуривъ, судя по окуркамъ, четвертую папиросу, гостья сказала: „Пора“, и исчезла.

— Это изъ нашихъ, орловскихъ, сказала Марѳа Никитишна, воротясь: — только она давно уже здѣсь, и успѣла разбогатѣть; но, какъ видите, помнитъ старыхъ друзей... Добрѣйшая женщина... Вы сдѣлали на нее хорошее впечатлѣніе и она тамъ въ прихожей спрашивала: „Откуда у васъ, говоритъ, такая душечка?..“ Куда-жь это вы?.. Ну полноте, посидите еще немножко, мнѣ надо съ вами поговорить... Признайтесь, вы недовольны Порфиріемъ Ивановичемъ?

Вопросъ былъ такъ глупъ, что Паша не сразу даже и поняла что̀ собственно она хочетъ сказать.

— Подумайте сами, Марѳа Никитишна, отвѣчала она вздохнувъ: — могу-ли я быть довольна когда меня обираютъ до̀ чиста, а чтобы не дать мнѣ выпутаться, насчитываютъ по 10 процентовъ въ мѣсяцъ за деньги, которыхъ я и въ глаза не видала?

— Охъ, ужь не говорите! Вы думаете я его не ругала?.. Стыда, говорю, у васъ нѣтъ! Чего вы Лазаря-то поете? Какая у васъ такая крайность что ждать не даетъ? А онъ смѣется. „Люблю, говоритъ, бумажку штемпельную! Лежитъ подъ замкомъ смирнехонько и пить-ѣсть не проситъ; а свисни: всегда къ услугамъ.“ — „Ахъ вы душа, говорю: ярыжная! Въ чернильницѣ, говорю, васъ крестили. и крестная мать, какъ на руки приняла, гербовую марку на васъ налѣпила!..“ Натура, вы понимаете, уже такая. Отцу родному рубля не повѣритъ въ долгъ безъ росписки... Вотъ и со мной... Изъ-за каждой копѣйки споръ и все жалуется что интересовъ его не соблюдаю... А еще родственникъ!.. Вотъ я и думаю: если ужь мнѣ съ нимъ трудно, то каково же вамъ?.. Барышня изъ хорошей фамиліи и вдругъ этакія мытарства!.. вздохнуть не дастъ!.. И помолчавъ: — Я, знаете, часто думаю какъ бы мнѣ вамъ помочь. Но мой вдовій остатокъ ушелъ на дорогу и здѣсь, по пріѣздѣ, на обзаведеніе, а оборотныя деньги — его... Одно только я могла бы: это найти кого-нибудь съ деньгами кто бы васъ выкупилъ, разумѣется не затѣмъ чтобы обирать: — человѣка который не сталъ бы васъ притѣснять съ ежемѣсячными разсчетами, и удовольствовался бы малымъ, только чтобъ самому, понимаете, не остаться въ убыткѣ.

Ладищева слушала ее въ сильномъ недоумѣніи, не довѣряя этому вдругъ загорѣвшемуся участію и опасаясь попасть въ какую-нибудь новую западню. Дальше всего она была отъ догадки, что Марѳа Никитишна, послѣ безжалостной травли, въ которой она играла такую охотную роль, могла быть подкуплена атмосферою чистоты и порядочности, которую Паша лично вносила съ собой въ этотъ темный міръ, и которая заставляла даже совсѣмъ незнакомыхъ людей относиться къ ней съ уваженіемъ. Но Паша не знала еще какъ дорого цѣнится, за недостаткомъ собственнаго, даже и отраженный свѣтъ. Единственное, что̀ представлялось ей вѣроятнымъ, это что ссора между ея преслѣдователями, разстроивъ прежнее ихъ согласіе, побуждаетъ менѣе заинтересованнаго изъ двухъ тихомолкомъ портить игру своему товарищу.

Отвѣтъ былъ робкій и нерѣшительный, но Ладищева въ тайнѣ души ухватилась за эту гадательную надежду какъ утопающій за соломенку. Кто бы ни выкупилъ ее и въ какія бы затрудненія ни поставила ее ссуда отъ незнакомаго человѣка, въ худшемъ случаѣ, думала она: это все же будетъ одно изъ тѣхъ обязательствъ, на изнанкѣ которыхъ нѣтъ ничего въ чемъ было бы стыдно признаться. Заемъ, хотя бы и у ростовщика, ведетъ къ заключенію только что деньги были нужны.

— Не знаю, Марѳа Никитишна, говорила она. — Если бы я могла быть увѣрена, что другому не нужно знать обо мнѣ ничего, кромѣ того, что я служу и получаю хорошее содержаніе...

— Будьте спокойны; успѣемъ найти что̀ вамъ нужно; у васъ вѣдь цѣлый мѣсяцъ еще впереди... Зайдите черезъ недѣльку, или позвольте, я къ вамъ зайду...

Паша ушла съ душой разорванной на-двое между радостною надеждою и какимъ-то неяснымъ, крадущимся какъ кошка въ сумерки, опасеніемъ.

* * *

Это случилось въ четвергъ, а въ субботу вечеромъ Марѳа Никитишна навѣстила ту даму, которую Паша видѣла у нея за столомъ, и просидѣла у ней до 11-ти часовъ. Бесѣда была дѣловая, и главный ея интересъ, для Жухиной, сосредоточивался на ссудной кассѣ. Мѣсто, какъ оказалось, выбрано было очень удачно и дѣло шло бойко, но Марѳа Никитишна горько жаловалась что Бурдюковъ связалъ ее кляузными условіями, смысла которыхъ она не понимала въ ту пору когда нотаріальная сдѣлка была между ними заключена; а теперь вдругъ что̀ же оказывается? Она, хозяйка, на имя которой дано и разрѣшеніе, кругомъ во власти у безъимяннаго компаньона и шагу не въ правѣ ступить безъ него. Спасибо еще что онъ, какъ служащій, не можетъ быть гласнымъ хозяиномъ предпріятія; а иначе онъ сдѣлалъ бы изъ нея простую

Семидесятипятилѣтіе занятія Парижа русскими войсками. Императоръ Александръ на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ. Съ карт. проф. **Виллевальде**, грав. Шюблеръ.

Семидесятипятилѣтіе занятія Парижа русскими войсками. Башкиры во Франціи.
Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Волковъ.

прикащицу, которую отъ него зависитъ выгнать когда угодно... Женское наше дѣло, молъ, уже такое: — живешь какъ въ потемкахъ и кромѣ того что тебѣ удостоятъ изъ милости объяснить, не знаешь рѣшительно ничего. Дорого молъ дала бы поговорить съ настоящимъ, присяжнымъ ходатаемъ, знаете это что съ пряжкой. Они, говорятъ, ученые... Можетъ такой ученый-то и нашелъ бы какую-нибудь лазейку, которая ей развяжетъ руки.

— Охъ, если бы Осипъ Антоновичъ мой былъ живъ, онъ бы не далъ меня никому въ обиду! Осипъ Антоновичъ-то провелъ бы и вывелъ этакого, какъ Бурдюковъ, шутя!.. Вы помните моего голубчика, милая Марья Кондратьевна? Неправда-ли за такимъ спокойно жилось? И ужь какъ теперь жаль-то!.. Какъ жаль! Повѣрите, чуть не каждую ночь его вижу во снѣ... Да горе мое, не дождешься ни слова. Глядитъ на тебя и молчитъ. А станешь жаловаться, сердце-то какъ займется, глядь и проснулась...

И говоря это, Марѳа Никитишна утирала глаза.

Пріятельница, которую она называла Марьей Кондратьевной, говорила мало; но слушала очень внимательно и мѣстами вставляла вопросъ или замѣчаніе.

— Я вамъ пришлю когда-нибудь моего повѣреннаго, говорила она, — и вы ему покажите ваши бумаги. Если въ нихъ есть хоть какая-нибудь зацѣпка, придравшись къ которой вы можете рушить условіе, то я охотно вамъ помогу... А вотъ насчетъ векселя право уже не знаю. Выкупить ее я не прочь, да только не бросить бы денегъ даромъ. Потому что тутъ дѣло совсѣмъ не въ векселѣ. Представьте себѣ, что завтра она расплатилась съ нимъ на-чисто, а черезъ мѣсяцъ онъ снова у ней, и опять та же пѣсня. Крайность, молъ, помогите! Что же она, велитъ его вытолкать?.. Нѣтъ: поторгуется, да и заплатитъ опять... А впрочемъ, пришлите ее ко мнѣ, я съ нею поговорю... Тутъ есть что-то темное... Много-ли было въ бумажникѣ?

— Нѣтъ, не много. Всего 45 рублей.

— Вотъ то-то же. Разсудите. Дѣвушка изъ хорошей фамиліи; застѣнчивая, краснѣетъ когда на ней остановишь глаза. Сбыточно-ли чтобы она, изъ-за какихъ-нибудь 50 рублей, рискнула себя осрамить?.. Да еще и осталась въ вагонѣ?.. Чего же она ждала? Вѣдь если она воображала, что у нея богатство, то что же мѣшало ей улизнуть?.. Никто пожалуй и не хватился бы до утра. А вмѣсто того, вы говорите, спала какъ сурокъ!.. Пришлите ее ко мнѣ.

— Попробую, отвѣчала Жухина, — но за успѣхъ не ручаюсь... Она дрожитъ какъ ребенокъ за свой секретъ и если узнаетъ что я разсказала вамъ, врядъ-ли придетъ.

— А это какъ ей угодно. Если вы съ ней хотите секретничать, то вы и дѣлайте безъ меня, какъ знаете. Съ чего мнѣ вмѣшиваться въ дѣла, которыя отъ меня скрываютъ?

— Ахъ, Марья Кондратьевна, какая вы право — прыткая! Да дайте же мнѣ, хоть изъ вѣжливости, предупредить...

— Предупредите. Скажите что я не дамъ ни копѣйки и пальцемъ не шевельну пока не узнаю на чистоту и безъ всякой утайки въ чемъ дѣло. А тамъ какъ ей угодно. Я ей не навязываюсь и мнѣ отъ нея ничего не нужно.

— Голубушка! Да она и имени-то вашего еще не слыхала.

— Напрасно; я имени своего не прячу... И помолчавъ: — Вы говорите родня управляющему К**?...

— Родная племянница.

— Странно, какъ это сходится!

— Что́?

— Такъ... ничего. Въ послѣднее время я много слыхала о немъ въ извѣстномъ кругу.

IX.

Въ какомъ кругу вращалась Марья Кондратьевна: — объ этомъ послѣ; а теперь скажемъ только что самоувѣренный тонъ ея не былъ лишенъ извѣстной точки опоры. Она занимала изящно-убранную квартиру на Мойкѣ, у Краснаго моста, держала свой экипажъ, лакея, горничную и повара... Но Марья Кондратьевна не всегда наслаждалась такой обстановкой. Молодость ея была бурная и въ цвѣтущіе годы жизни она натерпѣлась всякаго рода бѣдъ. Дочь разорившагося помѣщика, имѣніе котораго было продано съ молотка, она, 16-ти лѣтъ, осталась круглою сиротою и скоро забыла что̀ значитъ осѣдлая жизнь.

Отрочество ея прошло въ глуши Херсонской губерніи, въ разоренной степной усадьбѣ, подъ крыльями гувернантокъ, не знавшихъ куда дѣваться отъ безобразныхъ попоекъ и кутежей въ послѣднее время жизни ея отца; а первые годы молодости она голодала и мерзла у тетки въ Чугуевѣ. Отъ тетки ее увезъ лихой драгунскій поручикъ, съ которымъ Марья Кондратьевна странствовала два года; но кончила тѣмъ, что бросила, потому что имъ нечего было ѣсть... Это случилось въ Тифлисѣ, гдѣ о ту пору производила фуроръ большая, пріѣзжая труппа актеровъ. Дѣвушкѣ было всего девятнадцать лѣтъ, она была очень ловка, свѣжа и эффектна; антрепреперъ сманилъ ее и она имѣла блестящій успѣхъ...

Такъ началась ея богатая всевозможными приключеніями, бурная жизнь. Талантливая актриса и страстная женщина, она не разъ покидала сцену; но это кончалось обыкновенно тѣмъ что, промотавъ кого-нибудь, или промотанная сама, она оставалась въ нумерѣ какой-нибудь гостиницы, покинутая, въ долгу, и безъ запасной копѣйки на черный день, перебиваясь продажею или залогомъ какихъ-нибудь, уцѣлѣвшихъ въ ея рукахъ, дорогихъ бездѣлокъ, и бѣдствовала покуда не представлялся случай вновь поступить на сцену.

Во время одной изъ такихъ передрягъ, она застряла въ Орлѣ и невольно свела знакомство съ кассою Осипа Жухина. Но счастье на этотъ разъ улыбнулось цыганкѣ. Мужъ Марѳы Никитишны былъ способный дѣлецъ. Случайно узнавъ, что у его закладчицы есть векселя, по которымъ она давно потеряла надежду что-нибудь получить, онъ навелъ справки и получилъ благопріятный отвѣтъ. Тогда онъ предложилъ ей испробовать счастья, съ тѣмъ что добыча пойдетъ пополамъ. Дѣло, въ искусныхъ рукахъ, дало неожиданно-счастливый результатъ и у Марьи Кондратьевны, первый разъ въ жизни еще, очутилось нѣсколько тысячъ чистыхъ. Это былъ словно намекъ судьбы, заставившій ее наконецъ серьезно подумать о будущемъ: ей было уже 26 лѣтъ, пора необузданныхъ увлеченій прошла, и молодая женщина, какъ говорится, взялась за умъ. Случай послалъ ей скоро новаго покровителя; но это былъ уже не безпокойный кавалеристъ, а богатый, желѣзнодорожный тузъ, который временно жилъ въ Орлѣ, и скучая въ тѣсной губернской сферѣ, искалъ развлеченія. Человѣкъ этотъ былъ уже не молодъ: онъ привязался къ Марьѣ Кондратьевнѣ и приложилъ всѣ старанія чтобы спасти ее отъ обычной судьбы подобныхъ авантюристокъ. Деньги, какъ онъ это зналъ, не послужили бы ни къ чему безъ умѣнья цѣнить и беречь ихъ, а этого невозможно было достигнуть иначе, какъ внушивъ ей вкусъ къ пріобрѣтенію. Съ этой цѣлью онъ пустилъ въ оборотъ ея крохотный капиталецъ, и (разумѣется подпадувъ немножко на счетъ результата) вернулъ ей его черезъ полгода впятеро, съ новыми предложеніями. На этотъ разъ, тщеславіе ея было затронуто; она принята была пайщикомъ въ одно изъ самыхъ азартныхъ его предпріятій, и скоро нашла это интереснѣе провинціальной сцены. Вмѣстѣ,

они совѣщались, разсчитывали, ѣздили въ Крымъ, въ Одессу и въ Петербургъ, и вели безчисленные переговоры; причемъ учитель не могъ не замѣтить въ своей ученицѣ рѣдкихъ способностей. Теоретическіе уроки его усвоивались съ неимовѣрною быстротой, а практика даже опережала теорію. Лѣтъ черезъ пять, она стояла уже на своихъ ногахъ и изъ безпечной цыганки выработалась разсчетливая, смѣлая аферистка. Около этой поры, какое-то дѣло, въ которомъ она имѣла на 20,000 паевъ, пошло на рѣшеніе въ Петербургъ. Свобода уже давно соблазняла ее, а теперь и предлогъ былъ въ рукахъ. Она разсталась со своимъ учителемъ, жившимъ въ ту пору въ Москвѣ, и уѣхала.

На новомъ поприщѣ имя Марьи Рогневичъ скоро пріобрѣло извѣстность, благодаря вдругъ обнаруженнымъ ею талантамъ, и прежде всего неподражаемому искусству, съ которымъ, угадывая чтò у кого болитъ, она умѣла отъискивать и сплетать концы на видъ совершенно чуждыхъ другъ другу дѣлъ. Домъ ея мало-по-малу сталъ мѣстомъ встрѣчи для всякаго рода покупщиковъ и продавцевъ неудобопоказываемаго товара, и центромъ самыхъ разнообразныхъ интригъ. Кружкомъ однако его невозможно было назвать, ибо люди стремившіеся туда, большею частію и сами не знали кого они встрѣтятъ и чтò найдутъ. Но у Марьи Кондратьевны былъ одинъ, довольно невинный въ сущности контингентъ друзей по старой ея профессіи, который служилъ цементомъ для остальныхъ и давалъ ея дому извѣстный тонъ: это кулиса и родственный ей, артистическій полусвѣтъ. Въ пестротѣ смѣси нельзя было разобрать за чѣмъ кто пришелъ; и это одно уже было для многихъ неоцѣнимымъ удобствомъ. Банкиры съ колеблющимся кредитомъ, биржевики, адвокаты по темнымъ дѣламъ, антрепренеры дутыхъ финансовыхъ предпріятій, кассиры пустѣющихъ кассъ, и шатающіеся въ своихъ оффиціальныхъ устояхъ, высокочиновные совмѣстители, противъ которыхъ въ ту пору уже собиралась гроза, — все чувствовало себя привольно въ этой средѣ съ ея, такъ сказать, естественною аттракціей. Никто однако не зналъ всего чтò тутъ дѣлается, кромѣ хозяйки. Она одна играла роль маклера во всѣхъ сдѣлкахъ и брала со всѣхъ куртажъ... Домъ ея правда имѣлъ не лестную репутацію: его часто за-просто называли вертепомъ, но Марья Кондратьевна этимъ не обижалась. Она, какъ мы знаемъ уже, была не горда, и не брезгала никакими кліентами, слѣдуя мудрому правилу, что „не знаешь гдѣ чтò найдешь“...

И вотъ какими судьбами, недѣлю спустя послѣ разсказанной нами встрѣчи и слѣдовавшихъ за ней объясненій, въ карманѣ у Паши явилась визитная карточка съ адресомъ Марьи Рогневичъ.

* * *

Есть вещи, которыя до того противны характеру человѣка, что при обычномъ, мирномъ теченіи жизни, мысль о возможности ихъ для него не грезится и во снѣ. Но разъ онъ оторвался отъ старыхъ устоевъ, и увлекаемый бурнымъ потокомъ событій, не знаетъ за чтò ухватиться чтобы спастись, обычная мѣрка сбыточности теряется—и тѣ же, немыслимыя еще недавно вещи могутъ явиться ему какъ единственный его шансъ. Скромнѣйшая женщина, захваченная въ постели огнемъ, способна забыть что она не одѣта и кинуться на руки первому, кто ворвется къ ней въ спальню, чтобы ее спасти...

Нѣчто подобное произошло и съ Пашей. Барыня, встрѣченная у Мареы Никитишны, имѣла очень сомнительный видъ, и ея профессія, на повѣрку, могла оказаться не лучше профессіи Жухиной. Понятно поэтому въ какой ужасъ пришла молодая дѣвушка, когда послѣдняя ей призналась что этой особѣ уже извѣстно, въ общихъ чертахъ, о ея несчастіи, и что она, имѣя хорошія средства, охотно готова ей пособить; но что для этого надо идти къ ней, и разсказать ей чистосердечно свое приключеніе... Чувство это однако принадлежало прошедшему, мирному времени—и стоило только поставить съ нимъ рядомъ другой, гораздо болѣе неотступный ужасъ ея настоящаго положенія, чтобы старая мѣрка вещей потеряла въ ея глазахъ свой практическій смыслъ. Бойкая барыня, съ пристальнымъ взоромъ и дерзкой усмѣшкою на губахъ, могла весьма основательно не внушать ей довѣрія; но рядомъ съ Мареой Никитишной и ея милыми родственниками трудно было ей не отдать предпочтенія. А имѣя въ виду что такіе люди какъ Бурдюковъ уже знаютъ все чтò имъ нужно знать, чтобы, въ случаѣ если она заупрямится, опозорить ее на весь Петербургъ, и что тайна ея у нихъ въ рукахъ, безъ зазрѣнія совѣсти можетъ быть продана любому покупщику, который предложитъ имъ за нее хорошую цѣну,—не поздно-ли ей церемониться съ этой другой, которая собственно уже знаетъ въ чемъ дѣло?..

Обставленная со всѣхъ сторонъ опасностями, Паша, въ минуты когда обстоятельства требовали отъ нея немедленнаго рѣшенія, часто теряла голову, но не взирая на то, она не хвастала, увѣряя своего завоевателя, что она понимаетъ свое несчастное положеніе. Къ этому времени ей уже стало ясно, что самое страшное въ немъ, это то что она совершенно одна и по своей неопытности не видитъ исхода, тогда какъ любой практическій человѣкъ весьма вѣроятно нашелъ бы что-нибудь, можетъ статься и не мудреное, да такое, чего она, въ своей слѣпотѣ, не замѣчаетъ... И вотъ, покуда она искала, не находя, Мареа Никитишна, побуждаемая естественнымъ чувствомъ негодованія противъ товарища, и не искавши нашла.

Два дня молодая дѣвушка провела въ мучительной нерѣшимости, ѣздила даже еще разъ на Петербургскую, но вернулась опять ни съ чѣмъ... Вопросъ о возможности получить свое жалованье впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ—давно занималъ ее, но и тутъ она скоро узнала что безъ поручительства ей не выдадутъ ничего. Надо значитъ просить, а просить, кромѣ дяди Ивана, ей не кого. Но просить у дяди чтобъ онъ за нее поручился, или нашелъ ей кого-нибудь вмѣсто себя, это такая исторія, что отъ одной только мысли ее бросало въ жаръ...

— Нѣтъ, лучше идти уже къ той!

И вотъ, въ одно прекрасное утро, собравъ всю храбрость свою, она пошла.

* * *

Паша пришла на Мойку, къ Красному мосту, почти въ лихорадкѣ; но Марья Кондратьевна выбѣжала навстрѣчу ей, ласковая, веселая, и протянула ей такъ привѣтливо обѣ руки, что всѣ опасенья дѣвушки разлетѣлись какъ дымъ.

„Да полно, та-ли?“ спрашивала она себя дивясь. „И чтò такое съ ней сдѣлалось что ее невозможно узнать?.. Не роль-ли разъигрываетъ?“

Догадка ея была не далека отъ истины; но Паша, во-первыхъ, не знала еще что эта особа дѣйствительно провела полжизни на сценѣ, а во-вторыхъ, естественно было думать что если она и играла роль, то конечно уже не тутъ, у себя, а тамъ, у Мареы Никитишны... Куда дѣвались теперь эти сценическія ужимки плечъ, и эти быстрые обороты лица, и эта многозначительная игра глазами?.. Послѣдніе были скромно опущены, или смотрѣли спокойно, довѣрчиво... Чудеса!

Но Пашѣ не дано было времени на размышленіе. Ее разспрашивали шутя и перескакивая отъ одного къ другому: чтò она дѣлаетъ въ Петербургѣ?.. и веселится-ли?.. Часто-ли ѣздитъ въ театръ и танцуетъ?..

Балуетъ-ли ее дядя?.. Очень-ли скучно у нихъ въ деревнѣ зимой и интересные-ли у нихъ сосѣди?.. Потомъ увела въ богато-убранный кабинетъ, и тамъ, минутъ черезъ пять, гостья, сама не зная какъ это началось, разсказывала уже, въ слезахъ, свое дорожное приключеніе.

Это была ея первая исповѣдь, но не взирая на то что она имѣла дѣло съ совсѣмъ незнакомою женщиной, Паша ей не сказала ни слова умышленной лжи. Она только выпустила, изъ скромности, все касающееся „внушенія", и это было естественно. Не помня въ сущности ничего что̀ съ нею случилось ночью, она не видѣла никакой нужды запутывать свой разсказъ догадками, которыя такъ легко могли быть приняты за неловкую выдумку, вставленную экспромптомъ, чтобы прикрыть какой-нибудь пробѣлъ... Это не только казалось лишнимъ, но и потребовало-бы еще, для объясненія, цѣлаго ряда другихъ признаній, которыхъ никто отъ нея не ждалъ, да и не въ правѣ былъ ожидать.

Пропускъ конечно не могъ быть замѣченъ, но, какъ бываетъ нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, онъ повелъ къ неожиданнымъ для разсказчицы заключеніямъ.

— И вы не догадываетесь какимъ путемъ этотъ несчастный бумажникъ попалъ къ вамъ въ сумку? спросила Марья Кондратьевна.

Тогда только Паша хватилась, что недомолвка ея, хотя и естественная, завела ее далѣе чѣмъ она желала идти. Въ дѣйствительности она не знала истины, но если догадки ея были вѣрны, то одно уже то, что она умолчала о нихъ, бросало на Бурдюкова тѣнь подозрѣнія, котораго онъ можетъ статься и не заслуживалъ... бросала фатальнымъ образомъ, ибо иначе такая же тѣнь и столько же незаслуженнымъ образомъ упала бы на нее. Альтернатива была безвыходная и это заставило Пашу нехотя покривить душой.

— Я не въ правѣ дѣлать догадки, которыхъ я не могу ничѣмъ оправдать, отвѣчала она въ смущеніи.

— Ну, мы оставимъ это, сказала Рогневичъ,—такъ какъ пожалуй это теперь не ведетъ ни къ чему... И помолчавъ: — Вексель конечно слѣдуетъ выкупить, и я сдѣлаю это на-дняхъ; а затѣмъ придется весьма вѣроятно повременить, и посмотрѣть какъ пойдетъ это другое дѣло съ Жухиной. Она теперь не готова еще, но разъ она будетъ съ нимъ на ножахъ, ее не трудно будетъ уговорить чтобы она пугнула его. Имѣйте только въ виду что она, какъ единственная его свидѣтельница, можетъ его утопить, и будьте къ ней повнимательнѣе; навѣстите ее когда-нибудь, такъ, просто. Вы вѣдь конечно замѣтили что ей лестно видѣть васъ у себя... Я бы желала совсѣмъ васъ избавить отъ этихъ людей, но я не могу, къ сожалѣнію, обѣщать ничего, покуда не поговорю съ моимъ повѣреннымъ.

„Какъ я запутана!" думала Паша, соображая, что женщина эта уже четвертая, и что, кромѣ того, еще одинъ человѣкъ долженъ узнать ея тайну... Пятый! тогда какъ пословица говоритъ, что и двухъ уже слишкомъ много!.. Ея повѣренный?.. Снова, значитъ, знакомства съ темными личностями, разспросы, встрѣчи, Богъ знаетъ гдѣ,—и тайныя совѣщанія!.. Ея повѣренный?.. Вѣроятно, тонкій крючокъ, если она разсчитываетъ, съ помощію его, выманить у Марфы Никитишны, въ видѣ угрозы ея компаньйону, что-то такое, что очень похоже на лжесвидѣтельство?... Господи! Гдѣ же дно этого омута и неужли изъ него не существуетъ другаго исхода, какъ выкупаться по горло въ его грязи... Увы! Мохнатыя лапы вцѣпились крѣпко и тянутъ ее туда!

— Чего вы такъ пригорюнились? спрашивала съ усмѣшкой Марья Кондратьевна.—Не бойтесь;—все будетъ сдѣлано чтобы васъ спасти; все что̀ мы можемъ и даже еще кое-что̀... Скажите: вашъ дядюшка знаетъ о вашемъ несчастіи?

— Нѣтъ, отвѣчала Паша, встревоженная, сама хорошенько не зная чѣмъ; можетъ быть, пристальнымъ взоромъ, который опять появился у этой барыни. — Я никому на свѣтѣ еще не признавалась...

— Напрасно! Чего вамъ прятаться отъ своихъ, если вы правы?.. Или вы, можетъ статься, боитесь вашего дядюшки больше, чѣмъ Бурдюкова?... Но вѣдь и дядюшка вашъ не святой...

Что-то еще вертѣлось у ней на языкѣ; но возрастающее смущеніе Паши зажало ей ротъ.

— Какая же вы однако невинность! воскликнула она вдругъ, разсмѣявшись. — Ну, ну, успокойтесь, я пошутила.

Паша ушла отъ нея глубоко встревоженная, едва не каясь уже въ своей предпріимчивости. У нея мелькнула догадка, что только тамъ, у Жухиной, она видѣла настоящую Марью Кондратьевну, а что тутъ, у себя, она разыграла роль. И ей стало страшно. Ей даже пришло на умъ: ну, а что̀ если всѣ они составляютъ одну воровскую шайку, которая сговорилась опутать ее и погубить?.. Легко можетъ быть, что „внушеніе" въ самомъ дѣлѣ тутъ не при чемъ и что бумажникъ былъ ей подкинутъ. Но если такъ, то зачѣмъ же она его выдаетъ?.. Или и это не болѣе какъ игра, клонящаяся къ тому, чтобы убаюкать ея подозрѣніе?

Въ головѣ у нея ходило кругомъ.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

Миссіонеръ прикрылъ глаза ладонью и сталъ пристально всматриваться по указанному направленію. Вдали сверкалъ на солнцѣ одинокій парусъ, подъ которымъ едва виднѣлся темный, неуклюжій кузовъ джонки, тяжело колыхавшейся на крутыхъ волнахъ.

— Ну, что?.. Видишь? спросилъ еще разъ Иванъ.

— Джонку-то?.. Вижу...

— Да, джонку... Откуда только она идетъ? озабоченно проговорилъ проводникъ.

— А тебѣ какое дѣло?.. Пускай себѣ идетъ, откуда хочетъ и куда хочетъ...

— Ты худо сказалъ, батька, мало думалъ, видно, проворчалъ Иванъ, продолжая пристально всматриваться въ быстро приближавшуюся джонку.

— Почему? удивился отецъ Николай.

— Смотри хорошенько, батька: видишь, сколько на джонкѣ народу?

— Народу много, согласился миссіонеръ, все еще недоумѣвая, съ чего растревожился Иванъ.

— Тутъ будетъ сейчасъ рѣчка, продолжалъ проводникъ, — не болѣе версты осталось... Въ этой рѣчкѣ много-много золота... Навѣрное, джонка туда идетъ...

— Ну, и пускай себѣ идетъ, хладнокровно проговорилъ отецъ Николай.

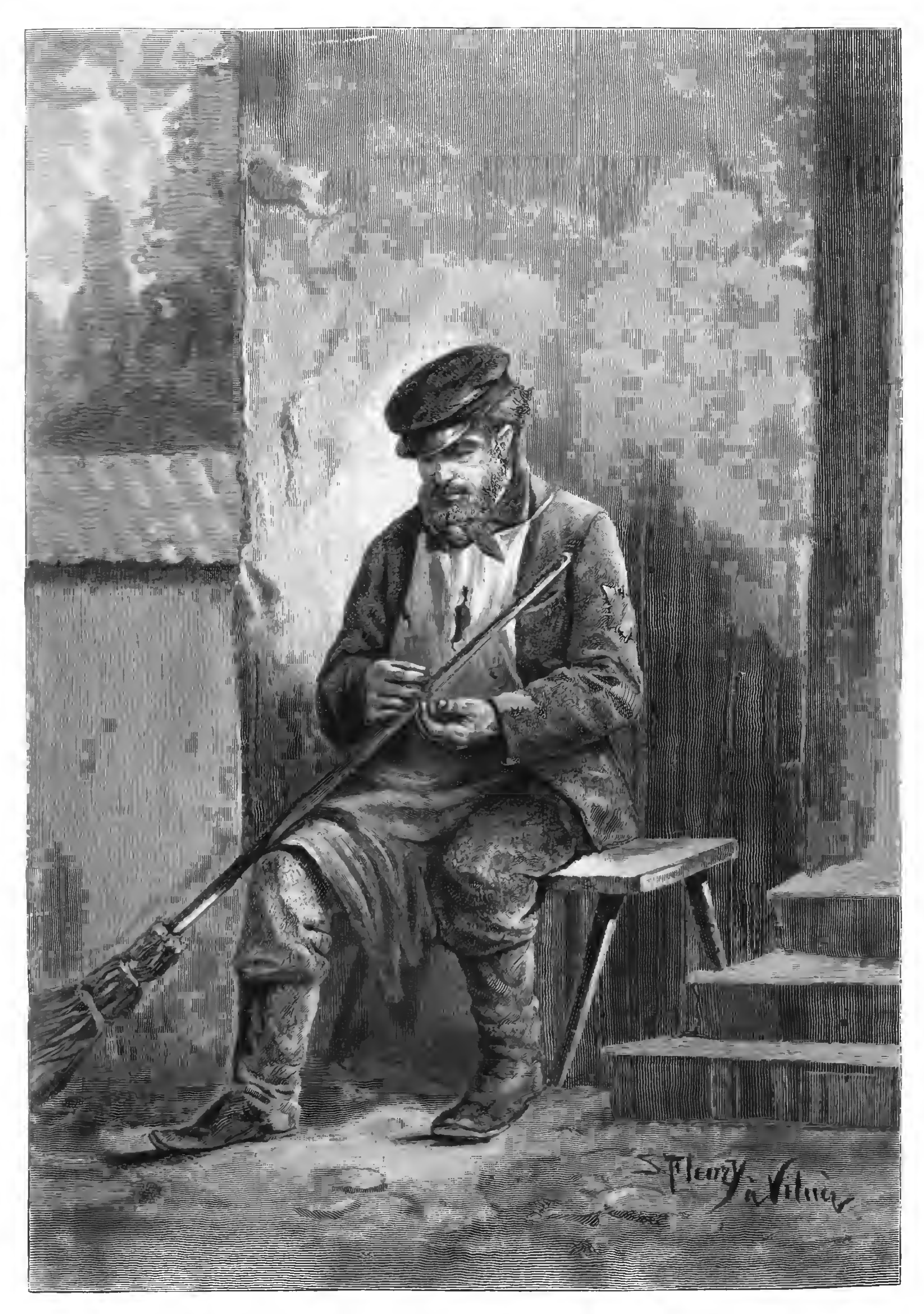
— Тебя они и не спросятъ — запретить не посмѣешь, началъ горячиться Иванъ. — Я не къ тому говорю... Боюсь, видишь-ли, что на рѣчкѣ этой встрѣтимъ много китайскихъ бродягъ — не сдѣлали-бы вамъ чего-нибудь; а другой дороги нѣтъ...

— Полно, Иванъ, намъ нечего бояться... Что̀ могутъ вамъ сдѣлать?..

— Шкуру отнимутъ, лошадь отнимутъ, ружье отнимутъ, началъ проводникъ развивать грозящую опасность. — Ты этихъ людей мало знаешь: кровожадные звѣри всѣ, разбойники!..

— Будутъ отнимать — отдадимъ, просто проговорилъ отецъ Николай.

— И шкуру отдашь!? испугался Иванъ. — Вѣдь она двадцать рублей стоитъ!.. славная шкура!..



Литовскіе типы. Дворникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Флёри, грав. Барановскій.

— Богъ съ ней и со шкурой, если она кому понадобится...

— А потомъ и убьютъ насъ, привелъ Иванъ окончательную, рѣшительную причину своего страха.

— Всѣ подъ Богомъ ходимъ, спокойно отвѣтилъ миссіонеръ.— Вспомни только сегодняшній случай: ты спасъ мнѣ жизнь по волѣ Божіей... Захочетъ Господь нашей смерти — намъ ее все равно не миновать...

— Твоя правда, батька, согласился Иванъ и рѣшительно зашагалъ лѣсу, за которымъ только что скрылась встревожившая его джонка.

Черезъ полчаса, путники обогнули мысъ и вошли въ узкую долину, вдоль которой затѣйливо вилась быстрая, горная, золотоносная рѣчка. На обрывистыхъ берегахъ послѣдней были разбросаны, въ живописномъ безпорядкѣ, нѣсколько десятковъ рваныхъ, до нельзя грязныхъ, палатокъ и дырявыхъ, древесныхъ шалашей, наскоро выстроенныхъ въ защиту отъ палящихъ лучей солнца. Въ этомъ заброшенномъ уголкѣ глухой тайги, не смятомъ еще ногой цивилизованнаго человѣка, кипѣла лихорадочная, шумная жизнь. До сотни грязныхъ, загорѣлыхъ хищниковъ, разбившихся на небольшія партіи, возились вдоль рѣчки, точно муравьи, энергично работая лопатами, кирками и ломами. Едва прикрытые отвратительнымъ рубищемъ, одни золотоискатели насыпали землю въ грубыя тачки, другіе промывали ее въ деревянныхъ желобахъ; третьи, стоя по колѣна въ жидкой грязи, выбрасывали изъ глубокихъ шурфовыхъ ямъ золото-содержащій пластъ. Работа шла лихорадочная, энергичная и дружная. не смотря на то, что въ небольшой долинѣ сосредоточились самые разнообразные подонки китайскаго населенія, оставившіе родину въ надеждѣ на богатую добычу золота. Бездомные голыши, не имѣвшіе на родинѣ мѣста гдѣ преклонить голову, работали рядомъ съ бродягами и преступниками, бѣжавшими отъ суроваго наказанія въ богатый золотомъ край, хотя и русскій, но не признаваемый за русскій этими буйными головорѣзами. Бокъ-о-бокъ съ наивными искателями счастья копошились въ жидкой грязи ссыльные (*лѣху*), съ обрѣзанными косами, нѣкоторые даже лишенные ушей и носа за преступленія. Звѣрскія лица послѣднихъ, обезображенныя оспой, производили тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе; на нихъ лежала неизгладимая печать кровожаднаго хищничества и порока. Тутъ же работали: дезертиры китайской арміи; прогорѣвшіе купцы, мечтающіе о новомъ, быстромъ обогащеніи; несчастливые игроки, проигравшіе все, до послѣдней нитки одежды, и надѣющіеся добыть новыя средства для азартной игры... Словомъ, на рѣчкѣ собрались хищники-золотоискатели, бичъ и язва молодаго Уссурійскаго края, не могущаго до сихъ поръ сбросить съ себя эту китайскую сволочь, распоряжающуюся въ нашихъ предѣлахъ съ безпримѣрнымъ нахальствомъ. Не признавая край за русскій, хищники съ наглымъ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ распоряженіямъ мѣстной власти, грабятъ и рѣжутъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, русскихъ переселенцевъ, истощаютъ край своими хищническими промыслами, роняютъ, въ глазахъ инородцевъ, достоинство русскаго владычества...

V.

Замѣтивъ приближеніе двухъ путниковъ, золотоискатели пріостановили свои работы и съ любопытствомъ стали разглядывать незнакомцевъ. Хищные лѣху слѣдили за послѣдними особенно зорко; алчными глазами осматривали они крѣпкую лошадку съ солиднымъ вьюкомъ, малоизношенную одежду отца Николая и почти новенькую винтовку Ивана; ихъ разбойничьи инстинкты стали разгораться при видѣ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей. У каждаго изъ лѣху мгновенно зародилась одна неотвязная мысль: какъ бы завладѣть всѣмъ этимъ богатствомъ, не жертвуя, конечно, жизнью. А жертва эта была, по ихъ мнѣнію, возможна, такъ какъ трудно было ожидать, чтобы путники не оказали насилію серьезнаго сопротивленія. Особенно смущала лѣху винтовка — страшное оружіе въ рукахъ смѣлаго и энергичнаго непріятеля. Иванъ же, при своей внушительной, почти богатырской, внѣшности, казался имъ врагомъ очень опаснымъ, сладить съ которымъ не легко даже при многочисленности плохо вооруженныхъ хищниковъ. Послѣдніе хорошо знали, что все ихъ оружіе состояло только изъ двухъ фитильныхъ ружей, да нѣсколькихъ топоровъ и ножей, годныхъ исключительно для рукопашной схватки. Слѣдовательно, соображали лѣху, если врагъ воздержится отъ этой схватки, то легко можетъ перестрѣлять съ далекаго разстоянія много народу, прежде чѣмъ удастся добраться до его головы и принадлежащихъ ему богатствъ. Разбирая возможность или трудность успѣха, лѣху совершенно не принимали въ разсчетъ отца Николая, миролюбивая, далеко не бравая, фигура котораго давала имъ полное право выключить его изъ числа бойцовъ. Одно смущало лѣху, что путники, замѣтивъ становище золотоискателей, навѣрное свернутъ изъ предосторожности въ тайгу и постараются найти какую-нибудь обходную тропу, чтобы избѣгнуть опасной встрѣчи съ хищниками. Это смущеніе, однако, было совершенно напрасно. Лѣху съ удивленіемъ увидѣли, что незнакомцы смѣло направились прямо къ становищу; еще больше удивились они, когда замѣтили, что богатырь-инородецъ пропустилъ впередъ безоружнаго, тщедушнаго старика, который сталъ приближаться къ золотоискателямъ твердымъ, спокойнымъ шагомъ, точно шелъ къ завѣдомо хорошимъ друзьямъ. Это рѣдкое въ тайгѣ довѣріе начало обезоруживать даже наиболѣе бездушныхъ хищниковъ. Съ большимъ недоумѣніемъ глядѣли они на медленно приближавшагося отца Николая, который произвелъ на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе своею благообразною наружностью.

Почтенный миссіонеръ, приблизясь къ золотоискателямъ, привѣтливо снялъ шляпу и ласково проговорилъ по китайски:

— Добраго успѣха, друзья. Да поможетъ вамъ вашъ Фо (Будда)!

— Спасибо, добрый старикъ, спасибо! поспѣшили отвѣтить золотоискатели, пріятно пораженные привѣтствіемъ на родномъ языкѣ.

— Откуда идете?... Куда?.. Кто вы такіе?... Купцы, что-ли? посыпались съ разныхъ сторонъ частые наиболѣе любопытныхъ бродягъ, столпившихся возлѣ путниковъ.

— Я не купецъ, а смиренный служитель своего Бога, спокойно удовлетворилъ отецъ Николай любопытныхъ.— А это — мой проводникъ, добавилъ онъ, указывая на Ивана. чувствовавшаго себя очень жутко среди звѣрскихъ лицъ лѣху, продолжавшихъ жадно разглядывать его винтовку и лошадь съ вьюкомъ.

— Старикъ — русскій бонза, стали передавать золотоискатели другъ другу. — Зачѣмъ онъ къ намъ пришелъ?.. Не думаетъ-ли онъ поссорить насъ съ нашимъ Фо? заговорили нѣкоторые довольно громко, подозрительно оглядывая почтенную фигуру отца Николая.

— Дураки вы, совсѣмъ дураки! возразилъ одинъ изъ золотоискателей — сѣдой, крѣпкій старикъ. — Развѣ вы не слыхали, какъ онъ призывалъ на наши работы благословеніе божественнаго Фо!..

— Кэ-си правъ... Кэ-си умно сказалъ, послышались ободряющіе голоса.

— Я не съ тѣмъ пришелъ къ вамъ, чтобы ссорить васъ съ вашимъ Фо, поспѣшилъ, въ свою очередь, отецъ Николай успокоить фанатическихъ послѣдователей Будды. — Я попалъ къ вамъ случайно, пробираясь въ становище гольдовъ, расположенное въ нѣсколькихъ ли (ли=2½ версты) отсюда. Къ слову скажу вамъ, друзья, что мое дѣло не смуту вносить, а сѣять всюду миръ и благословеніе. Вы вѣруете въ своего Будду — вѣруйте пока, если только эта вѣра вноситъ въ ваши сердца добрые помыслы и дѣла, если вашъ Фо учитъ васъ любить другъ друга, быть милосердными даже къ врагу, прощать ему всѣ обиды, помогать неимущимъ, больнымъ, уважать родство и старость...

— Нѣтъ, нашъ божественный Фо этому не учитъ, но крайней мѣрѣ бонзы ничего подобнаго не говорили намъ, замѣтилъ Кэ-си.

— Правда, правда, бонзы совсѣмъ иное говорятъ, послышались съ разныхъ сторонъ энергичныя возраженія нѣкоторыхъ золотоискателей. — Развѣ можно любить врага своего!? Врагъ всегда врагомъ останется, пока живъ... Хочешь хищнаго звѣря не бояться—надо вырвать у него всѣ зубы и когти...

— Вы говорите и думаете такъ, а послѣдователи моего Бога, исполняя завѣтъ Его, думаютъ совсѣмъ иначе, продолжалъ отецъ Николай, увлекшись случаемъ бросить нѣсколько сѣмянъ истинной вѣры. — Нашъ Богъ заповѣдалъ намъ дѣлать только добро, любить другъ друга, прощать врагамъ всѣ обиды и не мстить имъ за нихъ. Многомилостивый къ людямъ, нашъ Богъ послалъ на землю Своего Единственнаго Сына, принявшаго, по волѣ Отца, мученическую смерть, чтобы спасти людей отъ грѣха. Умирая, распятый на крестѣ, божественный Страдалецъ простилъ всѣмъ, сдѣлавшимъ Ему зло, потому что тѣ сами не знали, что дѣлали, потому что Онъ хотѣлъ научить людей предавать забвенію самое жестокое зло, содѣянное врагомъ...

Большинство золотоискателей было заинтересовано словами почтеннаго миссіонера и слушало его горячую рѣчь съ большимъ вниманіемъ. Многіе были поражены новымъ ученіемъ о всепрощеніи, плохо вязавшемся съ ихъ грубыми, дикими понятіями о правѣ сильнаго и обиженнаго. Только лѣху, не перестававшіе жадно разглядывать соблазнительное имущество путниковъ, отнеслись къ словамъ отца Николая съ явнымъ пренебреженіемъ. Ихъ жесткія сердца не поддались обаянію всепрощенія и продолжали таить въ себѣ закоренѣлую преступность, желаніе воспользоваться благодушіемъ незнакомцевъ, ради удовлетворенія своей жадности. Одинъ изъ лѣху, пожилой, богатырски сложенный атлетъ, лишенный ушей и косы за преступленія, слушалъ миссіонера съ хитрою улыбкою и нѣсколько разъ перешептывался со своими достойными товарищами, признававшими повидимому за нимъ извѣстный авторитетъ и главенство. Едва отецъ Николай кончилъ свою искреннюю рѣчь, какъ атаманъ-лѣху обратился къ нему съ рѣзкимъ, грубымъ вопросомъ:

— Послушай, старикъ, ты учишь насъ прощать обиды врагамъ, а самъ-то умѣешь-ли прощать? Или твою болтовню можно приравнять къ глупой болтовнѣ сороки?..

— Кто ты таковъ—я не знаю, спокойно отвѣтилъ отецъ Николай, внимательно оглядывая вопрошавшаго,—но по твоимъ

словамъ сужу, что языкъ твой въ ссорѣ съ сердцемъ твоимъ и головой...

— Ты хорошо сказалъ, старикъ, поддержали миссіонера нѣкоторые золотоискатели. — Дже-зи навѣрное мало подумалъ о томъ, что сбрехнулъ...

— Не увертывайся, а отвѣчай на вопросъ прямо, разсердился Дже-зи, взбѣшенный неожиданнымъ вмѣшательствомъ товарищей.—Говори, простишь-ли меня, если обижу тебя?

— Я уже простилъ, лаконически отвѣтилъ отецъ Николай.

— Слушай, старикъ, рѣшительно проговорилъ лоху, выведенный изъ тел пѣнья невозмутимымъ спокойствіемъ миссіонера,— мнѣ нравится ружье твоего проводника—отдай его!..

— Возьми, кротко отвѣтилъ отецъ Николай.

— Батька, что ты!? встревожился Иванъ, до сихъ поръ молчавшій.—Подумай хорошенько: вѣдь этотъ разбойникъ изъ подареннаго ружья тебя-же пристрѣлитъ!..

— Хочетъ взять—отдай, твердо проговорилъ миссіонеръ.

— А мои товарищи желаютъ получить лошадь съ вьюкомъ, добавилъ Дже-зи, ободренный уступчивостью отца Николая.

— Возьми и лошадь, также спокойно согласился миссіонеръ, хорошо сознававшій невозможность оказать какое-либо противодѣйствіе насилію бродягъ.

Дже-зи первый моментъ нѣсколько опѣшилъ отъ покорности отца Николая, но черезъ минуту подошелъ съ наглостью къ Ивану и грубо вырвалъ изъ его рукъ ружье и поводъ лошади. Въ это время вышелъ изъ толпы выборный старшина Кэ-си, внимательно наблюдавшій за происходившимъ, и рѣшительно приблизился къ нахальному каторжнику.

— Отдай назадъ ружье и лошадь! рѣзко проговорилъ онъ, пронизывая Дже-зи суровымъ взглядомъ.

— Не отдамъ!.. Старикъ подарилъ мнѣ! нагло возразилъ лоху, стараясь отстранить Кэ-си отъ себя.

— Отдай, отдай, сейчасъ отдай! зашумѣли многіе золотоискатели, напирая на Дже-зи.

Отецъ Николай, хорошо зная характеръ китайцевъ, счелъ излишнимъ вмѣшиваться въ разгоравшійся споръ и спокойно ждалъ его результата.

— Слышишь, всѣ требуютъ, чтобы ты отдалъ! Ослушаешься, я раздѣлаюсь съ тобою такъ, что не радъ будешь и подаркамъ! съ угрозой крикнулъ Кэ-си.

— Что-же вы, черти, молчите!? грубо обратился бродяга къ своимъ притихнувшимъ товарищамъ, испугавшимся угрозы старшины.

— Товарищи не помогутъ — они не такіе негодяи, каковъ ты... Слушай, Дже-зи, въ послѣдній разъ говорю: отдай сейчасъ ружье и лошадь! пронзительно крикнулъ Кэ-си, разбѣшонный упорствомъ бродяги.

— На, возьми ихъ! Подавись ими! дерзко проговорилъ Дже-зи, злобно бросивъ на землю ружье и поводъ лошади. Затѣмъ, бродяга протискался черезъ толпу къ своему шалашу, въ которомъ и разразился отборнѣйшими китайскими ругательствами, выкрикиваемыми на все становище самой высокой фистулой. Между тѣмъ Иванъ, зорко слѣдившій за всѣми перипетіями бурныхъ переговоровъ, не зѣвалъ: быстро подобралъ онъ брошенное ружье и гордо закинулъ его за плечи; затѣмъ, съ дѣтски-наивнымъ восторгомъ сталъ цѣловать лошадь въ морду, весело приговаривая:

— Былъ чужой, Васька, и опять нашимъ сталъ... Отбили тебя отъ разбойника, отбили, и шкуру мою отбили... Вѣдь она двадцать рублей стоитъ... У, какъ много денегъ! Закутимъ, Васька, съ тобой, какъ деньги за шкуру получу: себѣ новые штаны куплю, табаку, трубку...

Васька относился къ ласкамъ Ивана очень снисходительно, усердно отмахиваясь хвостомъ отъ роя оводовъ, все наровившихъ усѣсться на его жирныя ляжки; ему, видимо, было все равно, что купитъ Иванъ на вырученныя за шкуру деньги, лишь-бы жгучіе оводы перестали такъ назойливо кружиться надъ его лоснившимся отъ поту хребтомъ.

Между тѣмъ, Кэ-си подошелъ къ отцу Николаю и просто предложилъ:

— Пойдемъ въ мою палатку, покушай и отдохни...

— Спасибо, другъ, поблагодарилъ миссіонеръ и направился за своимъ неожиданнымъ защитникомъ и покровителемъ.

Черезъ четверть часа, онъ уже сидѣлъ на рваной циновкѣ, въ дырявой, до нельзя грязной палаткѣ старшины. Кэ-си, усадивъ гостя, набилъ табакомъ миніатюрную трубку, закурилъ и вѣжливо подалъ ее отцу Николаю. Послѣдній, хорошо знакомый съ обычаями китайцевъ, слегка затянулся и передалъ затѣмъ трубку хозяину, который молча и важно докурилъ ее.

— Кушай, лаконически предложилъ послѣ этого Кэ-си, подавъ въ глиняной чашкѣ немного вареннаго проса.—Больше ничего нѣтъ, добавилъ онъ.—Въ тайгѣ я уже давно—все пріѣлъ... Придется скоро кореньями питаться...

Отецъ Николай, не желая обидѣть гостепріимнаго хозяина, отвѣдалъ предложеннаго проса и поблагодарилъ:

— Спасибо, другъ, за угощеніе.

— Кушай еще... Просо славное...

— Нѣтъ, довольно, сытъ, отказался миссіонеръ.

— Пора, батька, идти, а то не поспѣемъ къ заходу солнца въ становище, прервалъ разговоръ Иванъ, заглянувъ въ палатку.

— Да, да, пора, заторопился отецъ Николай.—Прощай, другъ, обратился онъ къ Кэ-си, приподнимаясь съ циновки,—надо идти дальше... Спасибо тебѣ за гостепріимство и ласку.

— Прощай, старикъ, прощай, проговорилъ старшина, крѣпко пожимая миссіонеру руку и провожая его изъ палатки.

— Будешь когда въ Янчихэ — заходи ко мнѣ: я тамъ живу, пригласилъ отецъ Николай старшину.—Знаешь вѣдь Янчихэ?.. Спроси тамъ русскаго бонзу. Такъ и спроси — тебѣ покажутъ мой домъ.

— Какъ не знать—знаю; непремѣнно побываю при случаѣ... Спасибо, прощай-же!..

Кэ-си пожалъ еще разъ руку отцу Николаю, вскинулъ на плечо лопату и направился къ своей шурфовой ямѣ.

— Такъ я побываю у тебя, старикъ! крикнулъ онъ, немного отойдя и обернувшись къ удалявшимся путникамъ.

— Заходи, буду тебѣ радъ, привѣтливо отвѣтилъ миссіонеръ, ласково кивая головой. — Славный китаецъ, обратился онъ къ своему проводнику.

— Хорошій человѣкъ — насъ отъ бѣды спасъ, поддакнулъ Иванъ...

Путники между тѣмъ благополучно миновали становище золотоискателей, занятыхъ своими работами, перебрались черезъ рѣчку въ бродъ и направились тайгой къ близкой цѣли своего путешествія—къ гольдской деревнѣ...

VI.

День уже былъ на исходѣ, когда наши путники вышли изъ тайги на берегъ довольно широкой рѣки, вдоль которой блестѣли на солнцѣ чистенькія фанзы гольдской деревни, потонувшія въ яркой зелени разнообразной растительности. Рачительно воздѣланные огороды, засѣянные всевозможными овощами и табакомъ, тянулись отъ фанзы къ фанзѣ, придавая общей картинѣ характеръ домовитости. Около каждой фанзы высились большіе амбары, устроенные на высокихъ деревянныхъ стойкахъ *) и предназначенные для склада запасовъ сушеной рыбы (юколы). До десятка оморочекъ **) были вытащены на плоскій берегъ; тутъ и тамъ виднѣлись развѣшенныя для просушки рыболовныя снасти, невода и оригинальныя круглыя сѣти — предметъ гольдской изобрѣтательности. На всемъ окружающемъ лежала печать рѣдкаго трудолюбія, хозяйственности и образцоваго порядка...

Едва лишь путники показались въ виду поселенія, какъ были тотчасъ-же замѣчены мохнатыми, крѣпкими собаками, спокойно лежавшими до тѣхъ поръ передъ фанзами; съ враждебнымъ лаемъ бросились онѣ навстрѣчу, но немедленно успокоились, признавъ въ путникахъ старыхъ знакомыхъ. Ласкаясь къ отцу Николаю и къ Ивану, дружелюбно хватая за морду Ваську, собаки начали носиться во всѣ стороны, словно угорѣлыя, оглашая воздухъ уже радостнымъ лаемъ, точно предупреждая хозяевъ о прибытіи дорогихъ, давно жданныхъ гостей. Громкій, дружный лай почти тридцати собакъ поднялъ на ноги все гольдское населеніе. Старики и молодые, женщины и дѣти высыпали изъ домовъ, пожираемые любопытствомъ и ожиданіемъ. Всѣ приглядывались вдаль, стараясь распознать путниковъ, мелькавшихъ среди густой зелени. Нѣсколько бойкихъ мальчугановъ, сгоравшихъ особеннымъ, свойственнымъ дѣтямъ, любопытствомъ, бросились стремглавъ навстрѣчу путникамъ. Прошло нѣсколько минутъ, и мальчуганы бѣжали уже обратно, радостно крича:

— Николай пріѣхалъ!.. Николай! Николай!..

Все населеніе встрепенулось отъ этого радостнаго крика и двинулось навстрѣчу миссіонеру. Старые и молодые спѣшили поздороваться съ дорогими гостями.

— Здравствуй, Николай!.. Здравствуй, Иванъ!.. Здоровы-ли? Какъ дошли? посыпались со всѣхъ сторонъ радостныя восклицанія и привѣтствія.

— Здравствуйте, друзья, здравствуйте, милые! здоровался отецъ Николай направо и налѣво, пожимая всѣмъ руки и цѣлуя чумазыхъ ребятъ, вертѣвшихся у его ногъ.

— Николай, привезъ сахару? Ты обѣщалъ сахару привезти, теребили отца Николая наиболѣе бойкіе мальчуганы и лохматыя дѣвчонки.

— Дайте дорогу, ступайте прочь! крикнулъ на дѣтей высокій старикъ—старшина селенія Синбей, въ фанзѣ котораго всегда останавливался миссіонеръ.

Дѣти шарахнулись въ сторону, продолжая выкрикивать:

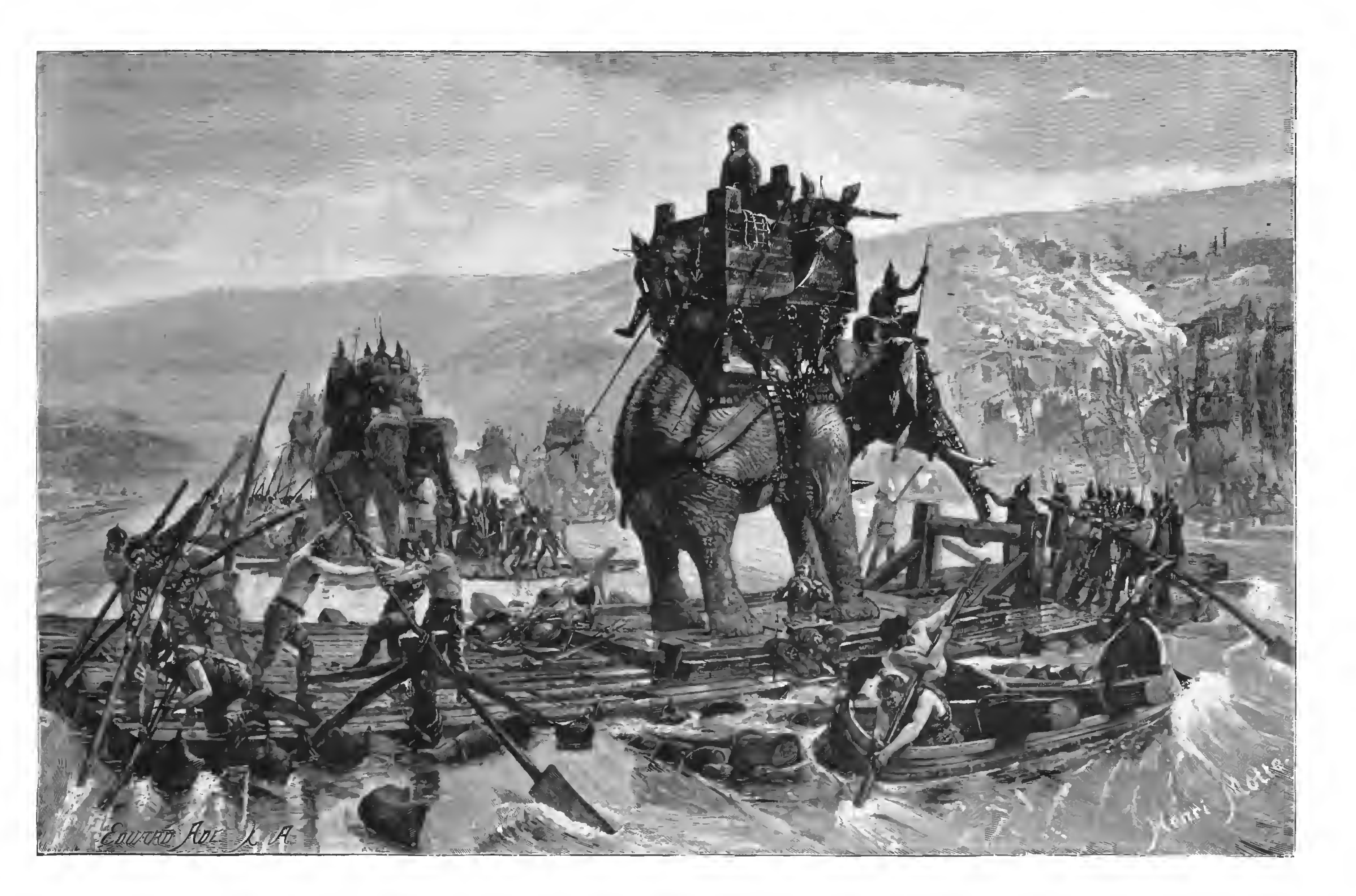
— Привезъ сахару?.. Привезъ сахару?..

— Привезъ, привезъ, съ улыбкой успокоилъ ихъ отецъ Николай, продолжая привѣтливо здороваться съ каждымъ членомъ гольдскаго селенія. Перездоровавшись со всѣми, мужчинами и женщинами, миссіонеръ, окруженный гольдами, вошелъ въ обширную фанзу Синбея, гдѣ и занялъ предложенное хозяиномъ почетное мѣсто на широкихъ, низкихъ нарахъ, прикрытыхъ звѣриными шкурами.

— Ну, еще разъ здравствуйте! обратился отецъ Николай къ

*) Гольды устраиваютъ амбары на стойкахъ для защиты запасовъ рыбы отъ крысъ.

**) Оморочка—гольдская лодка отъ $2^1/_2$ до 3 саженъ длины и только около аршина ширины; носъ и корма высоко загнуты надъ водой. Остовъ оморочки дѣлается изъ тонкихъ, крѣпкихъ палокъ и обтягивается берестой, вслѣдствіе чего оморочка чрезвычайно легка и вмѣстѣ съ тѣмъ мало устойчива. Надо имѣть большую сноровку и ловкость, чтобы управлять ею.



Переходъ Аннибала черезъ Рону. Рис. Анри Мотта, грав. Аде.

Черногорцы, возвращающіеся съ набѣга. Рис. П. Іоанновичъ, грав. Кнезингъ.

столпившимся гольдамъ. — Разсказывайте-ка, какъ ваши дѣла? Чтò случилось въ мое отсутствіе? продолжалъ онъ послѣ шумнаго, дружнаго отвѣта на привѣтствіе.

— Постойте, постойте, не всѣ разомъ—я ничего не разберу, съ улыбкой, кротко остановилъ миссіонеръ цѣлый залпъ самыхъ разнообразныхъ сообщеній о всемъ случившемся за истекшіе полгода.

— Синбей, разсказывай ты, обратились гольды къ старшинѣ съ просьбой.

— Хорошо, согласился Синбей,—только вы не галдите какъ вороны...

— Слушай, Николай, продолжалъ онъ, обращаясь къ миссіонеру.—Вскорѣ, какъ ты ушелъ отъ насъ, тигръ растерзалъ Котая—только кости его нашли; мы зарыли ихъ—ты ужь, пожалуйста, прочитай надъ его могилой молитву... Потомъ, умеръ отъ какой-то болѣзни Пи-унъ, тоже такъ похоронили. У Пойни сынъ очень боленъ; самого нѣтъ—на охоту ушелъ, а мать съ сыномъ осталась — все плачетъ, да плачетъ, думается ей, что умретъ сынъ... Кажется все!? обратился старшина къ гольдамъ.

— Нѣтъ не все—у меня дочь родилась, заявилъ одинъ изъ гольдовъ, выступая впередъ.

— А у меня, жена сына принесла, добавилъ другой, отдѣляясь также отъ толпы.

— Да, да! вспомнилъ Синбей. — У Кучана, видишь-ли, родился сынъ—ему уже пошелъ... Эй, Кучанъ, который мѣсяцъ твоему сыну?..

— Пятый, отвѣтилъ Кучанъ.

— Сыну Кучана уже пятый мѣсяцъ пошелъ, повторилъ Синбей,—придется окрестить... Потомъ, жена Хотэ дочь принесла, которой также уже пятый мѣсяцъ пошелъ...

— Всего только третій, поспѣшилъ поправить Хотэ.

— Видишь-ли, дочькѣ Хотэ всего третій мѣсяцъ пошелъ, повторилъ опять Синбей, видимо путая происшествіяхъ въ подвѣдомственномъ ему селеніи.—Совсѣмъ еще она маленькая!.. Теперь все... рѣшительно закончилъ старшина свой докладъ.

— Какъ все!? обидѣлся молодой, симпатичный гольдъ, выдвигаясь изъ толпы. — Вѣдь я тебѣ говорилъ, что жениться хочу...

— Видишь, Николай, еще новость нашлась, добродушно проговорилъ Синбей.—Монби хочетъ жениться—мою дочь беретъ... Теперь, ужь навѣрное все!..

— Все, все, подтвердили хоромъ гольды.

— И такъ, друзья, новости ваши я выслушалъ — знаю, чтò дѣлать, а теперь пойду навѣстить сына Пойни, проговорилъ отецъ Николай, подымаясь съ наръ.

— Раньше покушай—сейчасъ жена ужинъ подастъ, предложилъ Синбей.

— Нѣтъ, другъ мой, я послѣ поужинаю, отказался миссіонеръ,—а теперь схожу къ Пойни—надо жену его успокоить.

— Ступай, просто согласился Синбей.

Отецъ Николай вышелъ на улицу и, въ сопровожденіи той-же толпы, направился въ конецъ селенія, гдѣ стояла небольшая, но чистенькая, фанза Пойни. Подходя къ послѣдней, толпа притихла, опасаясь потревожить больнаго, на выздоровленіе котораго всѣ потеряли надежду. Добродушные гольды живо сочувствовали тяжкому горю несчастной матери, сознавая всю горечь возможной утраты горячо любимаго сына. Это сознаніе истекаетъ изъ тѣсной семейной связи, существующей у всѣхъ гольдовъ; каждый изъ нихъ безгранично любитъ своихъ дѣтей, которыя, въ свою очередь, платятъ родителямъ тою-же горячею любовью и привязанностью. Эта тѣсная семейная связь служитъ у гольдовъ источникомъ самыхъ миролюбивыхъ, добродушныхъ взаимныхъ отношеній; она ставитъ этихъ дикарей на сравнительно высокую нравственную ступень, дающую имъ возможность легко культивироваться и сознавать всю высоту и превосходство христіанскаго ученія, въ основу котораго положено „любить другъ друга“. Гольды, благодаря своему добродушію и миролюбію, легко подпали вліянію китайцевъ, населяющихъ край, отъ которыхъ переняли очень много какъ въ одеждѣ, такъ и въ постройкѣ своихъ жилищъ. Китайцы пользуются добродушіемъ дикарей и безстыдно эксплоатируютъ ихъ, сбывая имъ въ долгъ, за страшныя цѣны, необходимые припасы, какъ-то: порохъ, свинецъ, просо, табакъ, соль и т. п., и обязывая ихъ за это доставлять весь уловъ соболей за самую низкую цѣну. Благодаря подобному образу дѣйствій, гольды не выходятъ изъ неоплатнаго долга, не могутъ, безъ посторонней помощи, освободиться отъ жестокой кабалы, тормозящей ихъ культуру. Гольды совершенно забыты мѣстною административною властью, между тѣмъ они достойны, по своимъ нравственнымъ качествамъ, самой лучшей будущности. Гольды вздохнули только съ прибытіемъ въ край своего благодѣтеля, отца Николая. Обративъ особенное вниманіе на добродушныхъ инородцевъ, почтенный миссіонеръ задался энергичною, смѣлою мыслью просвѣтить ихъ христіанскимъ ученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавить отъ китайской кабалы. Многолѣтній, тяжелый, упорный трудъ отца Николая увѣнчался рѣдкимъ, выдающимся успѣхомъ.

Цѣлыя гольдскія селенія перешли въ православіе, причемъ отцу Николаю пришлось вести отчаянную, энергичную борьбу съ гнусными эксплоататорами несчастныхъ дикарей — съ китайцами, справедливо видѣвшими въ немъ опаснаго врага, подрывавшагося подъ ихъ благосостояніе насчетъ закабаленныхъ инородцевъ. Отецъ Николай прежде всего научилъ гольдовъ производить овощи, развезъ имъ разнообразныя сѣмена, показалъ какъ сѣять просо, табакъ, старался, чтобы инородцы своимъ трудолюбіемъ добыли то, чтò прежде пріобрѣтали за большія деньги, отъ кулаковъ-китайцевъ. Онъ постепенно сбрасывалъ съ дикарей тяжелую вѣковую кабалу, научилъ ихъ ходить въ ближайшіе русскіе города и селенія и тамъ покупать несравненно дешевле необходимые припасы: порохъ, свинецъ, соль и бумажныя матеріи. Все это доставлялось зимнимъ путемъ на собакахъ. Отецъ Николай надоумилъ гольдовъ сбывать весь уловъ соболей въ руки русскихъ промышленниковъ за тройную цѣну противъ прежней, указалъ имъ настоящую стоимость дорогаго мѣха, представляющаго единственный источникъ благосостоянія дикарей. Изучивъ практически медицину, почтенный миссіонеръ лѣчилъ, прививалъ оспу и, одновременно, крестилъ, вѣнчалъ, наставлялъ дикарей въ истинной вѣрѣ. Благодаря разбросанности гольдскихъ селеній, отцу Николаю приходилось дѣлать ежегодно тысячи верстъ, при чемъ все-таки десятки селеній иногда по году не были осчастливлены его посѣщеніемъ, вслѣдствіе физической невозможности поспѣть одному во всѣ пункты обширнаго края. Зимой и лѣтомъ, дважды въ годъ, отецъ Николай дѣлалъ объѣзды паствы, бывая дома только въ дни осенней и весенней распутицъ, когда онъ всецѣло отдавался корейцамъ, селенія которыхъ были расположены вблизи его постояннаго мѣстожительства. Такимъ образомъ, круглый годъ онъ несъ свою тяжелую, но благотворную, миссіонерскую обязанность, не зная устали и немощи, не кичась своими подвигами, не описывая ихъ въ краснорѣчивыхъ отчетахъ, на которые особенно налегалъ другой миссіонеръ края, отецъ Петръ. По отчетамъ послѣдняго, обращенныхъ имъ было такъ много, чтò чуть-ли не являлась надобность строить въ разныхъ концахъ пустыннаго края каменные соборы, на постройку которыхъ даже собирались пожертвованія.

(Продолженіе будетъ).

Путешествія русскихъ людей за границу по произведеніямъ русской литературы.

П. И. Вейнберга.

(Продолженіе).

Во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка, ѣздилъ ко Св. Мѣстамъ Стефанъ Новгородецъ, тоже монахъ, и при томъ престарѣлый, какъ можно заключить изъ словъ его: „старость моя аки ветхаго мниха удручаетъ“; ходилъ онъ „поклонитися святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ“, и былъ въ Іерусалимѣ,—но литературнымъ плодомъ этого путешествія осталось описаніе только Царьграда. Что-же въ этомъ описаніи? Опять вся свѣтская сторона жизни чуждаго, любопытнаго края осталась совершенно незатронутою; до нравовъ и обычаевъ, а ужъ подавно до внутренней стороны быта нашему путешественнику нѣтъ никакого дѣла; только мелькомъ опишетъ онъ иногда тотъ или другой памятникъ искусства, да и то при косвенной хотя связи его съ какимъ-нибудь религіознымъ предметомъ. Такъ напр. обозрѣваетъ онъ церковь Св. Софіи, и тутъ обращаетъ вниманіе на стоящій предъ нею столбъ, на вершинѣ котораго „сидитъ Юстиніанъ Великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ доспѣсѣ сарацинскомъ, грозно видѣти его; а въ руцѣ держитъ яблоко злато велико, а на яблоцѣ крестъ, а правую руку отъ себя простре буйно на полдни, на срацинскую землю къ Іерусалиму“. Но онъ тщательно собираетъ легенды духовнаго характера, подробно разсказываетъ о разныхъ церковныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, какъ напримѣръ о ношеніи по вторникамъ иконы Богородицы, которая „велика вельми, окована гораздо, и пѣвцы передъ нею поютъ красно... единому человѣку на плеча вставятъ раму, а онъ руцѣ распростретъ, аки распятъ, также и очи ему запровержутъ, видѣти грозно, по ходбищу мещетъ его семо и овамо, вельми сильно повертываетъ имъ, а онъ не помнится, куда его икона носитъ“...

Мало, почти ничего новаго—сравнительно съ „Хожденіемъ“ Даніила Паломника—не найдемъ мы и у путешественника начала пятнадцатаго столѣтія, іеродіакона Зосимы, ходившаго изъ Кіева въ Іерусалимъ и описавшаго Св. Мѣсто и Царьградъ. Съ извѣстными уже намъ точностью, тщательностью и любовностью собираетъ онъ и сообщаетъ своимъ читателямъ свѣдѣнія обо всѣхъ мѣстахъ, всѣхъ памятникахъ, важныхъ въ церковномъ отношеніи или связанныхъ со священными воспоми-

ваніями (причемъ очевидно пользуется и „Хожденіемъ“ Даніила); точно также отводитъ не мало мѣста слухамъ и легендамъ духовнаго характера, относясь съ полной вѣрой даже къ такимъ изъ нихъ, какъ напр., сказаніе о каменной жабѣ передъ воротами монастыри, которая яко-бы при Львѣ Премудромъ ходила по улицамъ и пожирала людей, а метлы сами выметали улицы; точно также игнорируется все свѣтское. Если Зосима иногда и отступаетъ чуть-чуть отъ своей—конечно не умышленно составленной — программы, то для того, чтобы сообщить такое напримѣръ историческое свѣдѣніе, что „тогда (т. е. во время его путешествія) былъ патріархъ Ѳеофилъ, а во Египтѣ султанъ, сирѣчь царь, имя ему Тотаръ, а въ Домасцѣ Цембалъ“,—или, видя крестоносцевъ и живя среди нихъ, ограничиться замѣчаніемъ, что они „носятъ кресты на лѣвыхъ плечахъ, на портищахъ пашиваны“,—или между всѣми памятниками древняго искусства, собранными въ столицѣ Византіи, остановиться (да и то бѣгло и съ такою-же наивностью, какую мы видѣли выше) все на томъ-же столбѣ Юстиніана, „который (т. е. Юстиніанъ) хвалится на срацинскіе цари, а срацинскіе цари противъ ему стоятъ, всѣ болваны мѣдяны, держатъ въ своихъ рукахъ дань, и глаголятъ ему: „„а не хвалися на насъ, Господине, мы бо ся тебѣ ради““...

Такъ какъ почти всѣ эти путешественники стараются побывать въ Іерусалимѣ во время Свѣтлаго Праздника, то одно изъ главныхъ мѣстъ своего описанія они естественно отводятъ — какъ мы это видѣли и у Даніила — описанію этого торжества, причемъ почти каждый по своему — конечно подъ впечатлѣніемъ и собственнаго воображенія, и бывшей въ данномъ случаѣ обстановки—описываетъ процессъ зажженія свѣчей и кандилъ на Св. Гробѣ. Такъ „убогій Василій по прозвищу Гогара“ (уже въ семнадцатомъ столѣтіи) разсказываетъ—какъ очевидецъ—что за нѣсколько минутъ до воскресной полночи надъ церковью Воскресенія три раза раздался ударъ грома, и прилетѣли на порогъ церковный три голубя, „сизы видѣніемъ“; митрополитъ вошелъ въ часовню ко Гробу Господню, оставался тамъ нѣкоторое время одинъ, а потомъ вдругъ „яко-же Божіимъ повелѣніемъ“ загорѣлся огонь въ лампадѣ, висѣвшей надъ Св. Гробомъ. На нѣсколько минутъ у глубоковѣрующаго Гогары явилось, однако, сомнѣніе—„не греки-ли той огнь составляютъ своимъ умышленіемъ, а не небесный огнь сходитъ съ небеси“. И вотъ онъ дѣлаетъ опытъ: беретъ въ руку двадцать свѣчей, зажженныхъ у того-же священнаго огня, и три раза пытается ими подпалить свою бороду, но ни одинъ волосокъ ея не дѣлается жертвою огня; и тогда — „азъ грѣшный токмо увѣрилъ, что небесный огнь есть, како не сожгло брады моея отъ огня, како-же бываетъ отъ естественнаго огня, что многія вещи пожигаетъ“. Увѣровалъ убогій Василій, и просилъ прощенія у митрополита, что „невѣрованіемъ одержимъ бысть“... Арсеній Солунскій, прожившій въ Іерусалимѣ цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, видѣлъ, что свѣчи зажигала молнія... Трифонъ Коробейниковъ—о которомъ еще будетъ рѣчь ниже—опять даетъ показаніе иное. По его разсказу, за два часа до вечера „пріидетъ аки солнце въ великую церковь, въ непокровенное мѣсто большой церкви“; это знакъ съ неба патріарху идти въ церковь. Послѣ пѣнія стихарей отворяютъ двери часовни, — и тутъ „узрѣвше людіе вси благодать Божью, сошедшую съ небеси на Гробъ Господень во огненнѣ образѣ, огню ходящу по Гробу Господню по дцѣ мраморяной всякими цвѣты, что молнія съ небеси“. И этотъ огонь тоже не сожигаетъ...

Религіозный элементъ, такъ исключительно — и такъ естественно—господствующій въ произведеніяхъ нашихъ путешественниковъ изъ духовнаго сословія, составляетъ—и это опять вслѣдствіе общаго характера просвѣщенія и грамотности въ нашемъ древнѣйшемъ періодѣ—составляетъ, какъ уже выше замѣчено, отличительную черту описаній и путешественниковъ свѣтскихъ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны пользующіяся и теперь значительною популярностью въ народѣ записки купцовъ Трифона Коробейникова и Юрія Грекова, которые были отправлены Иваномъ Грознымъ для поминовенія царевича Іоанна и посѣтили Царьградъ, Іерусалимъ, Антіохію и Синайскую гору. Не говоря уже о томъ, что и они — подобно всѣмъ остальнымъ путешественникамъ—ни однимъ словомъ не упоминаютъ о видѣнномъ ими на всемъ пути *до* Царьграда отъ мѣста своего отправленія изъ отечества, точно на всемъ этомъ пути не встрѣчено было ими ничего замѣчательнаго, — почти все, сообщающееся ими какъ о Цареградѣ, такъ и о Св. Землѣ, касается только религіозной стороны. Большинство подробностей тѣ же, что и у Даніила (котораго авторы нерѣдко списываютъ); вниманіе путешественниковъ обращено также исключительно на мѣста имѣющія священный характеръ, и описаніе этихъ мѣстъ, отчасти очевидческое, отчасти заимствованное, какъ у Даніила Паломника, такъ и изъ апокрифовъ и легендъ, и т. п., самое обстоятельное и тщательное. Если находимъ мы у Коробейникова подробности, ему собственно принадлежащія и не встрѣчающіяся въ другихъ описаніяхъ, то онѣ все того-же религіознаго свойства. Любопытенъ, напримѣръ, разсказъ автора о Селѣ Скудельничѣ, „что откуплено кровію Господа нашего Іисуса Христа“. Дѣло въ томъ, что послѣ смерти Спасителя Іуда, въ порывѣ раскаянія, отдалъ въ храмъ тридцать сребренниковъ, полученныхъ за предательство; но „пребеззаконные іудеи рѣша во себѣ: не достоитъ намъ тѣхъ сребренниковъ положити въ корвану, сирѣчь въ казну, понежъ цѣна крови есть, и купи ими село Скудельниче въ погребеніе страннымъ“,—т. е. странникамъ-христіанамъ, умирающимъ въ Св. Землѣ. Умершихъ кладутъ въ ископанной для того пещерѣ, кладутъ безъ гроба на землѣ; „а егда положатъ христіанина праведнаго или грѣшнаго, и лежитъ тѣло его сорокъ дней цѣло и мягко, и смраду отъ него нѣтъ, и егда исполнится сорокъ дней, объ одну нощь тѣло его земля будетъ, а кости его паги будутъ.“ Вслѣдъ затѣмъ особый служитель складываетъ эту землю въ одинъ „закромъ“, а кости въ другой; „а кости цѣлы и до сего дня, а земля аки голуба; и егда кто отъ православныхъ христіанъ придетъ помолится, и не велятъ никому изъ того села на мощи имать ничтоже; аще которой человѣкъ возметъ что втай отъ тѣхъ мощей, и егда придетъ корабль на морѣ, тогда корабль на морѣ не можетъ идти, и учнутъ турки обыскивати христіанъ, и аще что найдутъ отъ тѣхъ костей, и свергнутъ того человѣка въ морѣ совсѣмъ, а корабль пойдетъ своимъ путемъ“...

Въ другомъ мѣстѣ авторъ записываетъ со словъ египетскаго патріарха Сильвестра (котораго онъ называетъ и патріархомъ, и святѣйшимъ папой) разсказъ о переносимыхъ въ Египтѣ христіанами бѣдствіяхъ, и какъ самое содержаніе этого разсказа, такъ и способъ передачи его нашимъ путешественникомъ-авторомъ, несомнѣнно заключаютъ въ себѣ много характеристическаго. Узнаемъ мы здѣсь о какомъ-то египетскомъ царѣ Чиркизкоѣ (вѣроятно, испорченное и обратившееся во имя существительное—имя прилагательное „черкесскій“) „имя ему Гаврило, а невѣріемъ сый турчанинъ, вельми золъ на христіанъ“, и о его врачѣ-жидовинѣ, который строитъ противъ христіанъ всяческія козни и подбиваетъ царя, чтобы велѣлъ имъ держать вѣру „турскую или жидовскую“. Особенный предметъ злобы—патріархъ Іоакимъ Александрійскій, котораго царь, однако, щадитъ, потому что тотъ пользуется большимъ авторитетомъ и считается святымъ человѣкомъ; „азъ того блюдусь“ — говоритъ этотъ странный египтянинъ Гаврило. Но жидовинъ-врачъ обѣщаетъ извести Іоакима ложкою зелья, и когда царь требуетъ патріарха къ себѣ, жидовинъ, присутствующій тутъ-же, задаетъ Св. Отцу вопросъ: „правда-ли въ вашихъ книгахъ написано, аще что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, жидовинъ предлагаетъ Іоакиму „испити смертное зеліе за свою вѣру“. Патріархъ конечно съ радостью соглашается, и всю ту недѣлю, которая проходитъ между этимъ днемъ и тѣмъ, что назначенъ для испытанія, проводитъ въ молитвѣ (которую раздѣляетъ съ нимъ его паства), причемъ однажды появляется къ нему въ видѣніи таинственная „жена-утѣшительница“ въ бѣлыхъ ризахъ и въ сопровожденіи двухъ юношей; это — Богородица явившаяся Св. мужу для того, чтобы сказать: „Старче, не бойся, дерзай; Азъ есмь съ тобою“. Но вотъ наступилъ часъ испытанія, совершающагося въ присутствіи огромнаго количества народа самыхъ различныхъ національностей и вѣръ: маркіянъ, арабовъ, латынянъ, коптовъ, маруни, аріанъ, несторіанъ, якобитовъ и тетрадитовъ... Жидовинъ-врачъ подноситъ патріарху кубокъ съ отравленнымъ питьемъ, сопровождая поднесеніе словами: „аще будетъ правая вѣра ваша—и ты будешь живъ, и цѣлъ, небреженъ; аще не будетъ правая вѣра ваша—и ты смерти вкусишь“. Чудо совершилось—патріархъ выпилъ и остался невредимъ. Но онъ въ свою очередь предлагаетъ жидовину выпить—уже не отравленнаго зелья, а простой воды, и врачъ, понуждаемый къ тому всѣми присутствующими и самимъ царемъ, поневолѣ пьетъ. Но едва онъ проглотилъ нѣсколько глотковъ этого чистаго, свѣтлаго, безвреднаго напитка, какъ „нача тѣло его пухнути, онъ же побѣже изъ палаты въ домъ свой“, а черезъ нѣсколько минутъ „злѣ животъ свой испроверже, разсѣся утроба его и излія“. А патріархъ остался живъ и здоровъ; только отъ лютаго зелья всѣ зубы выпали. Не остался безъ наказанія и царь Гаврило: въ Египетъ пришелъ съ войскомъ изъ Царьграда „царь Сулеманъ Турскій“ и повѣсилъ Гаврилу.

Коробейниковъ разсказываетъ и другую исторію, происходившую между этимъ египетскимъ царемъ и тѣмъ-же патріархомъ Іоакимомъ, и слышанную имъ отъ того-же патріарха Сильвестра Беззаконный царь Чиркизкой приказалъ отнять у патріарха Іоакима церковь и обратить ее въ баню. Патріархъ обратился съ молитвой о заступничествѣ къ Св. Николаю, и вотъ—„въ ту же нощь явись царю Св. Николай, и взя его рукою за горло, и стисну, и глагола ему: „„почто еси велѣлъ въ дому моемъ баню сотворити? Аще ли не велиши дома моего христіанамъ отдати, то въ другую нощь приду и погублю тя““. И въ той часъ посла царь, и не велѣ тоя церкви трогати, и отдалъ ю патріарху“.

Какъ Даніилъ Паломникъ—о чемъ мы уже говорили—обращаетъ вниманіе только на тѣ явленія или произведенія природы, которыя имѣютъ какую-нибудь связь съ предметами или событіями религіознаго характера, такъ Коробейниковъ съ Грековымъ сочли нужнымъ въ этомъ отношеніи занести на страницы своихъ путевыхъ записокъ, напримѣръ, водящихся въ Синайскомъ монастырѣ птицъ, которыхъ „послалъ Богъ съ небеси израильскимъ людемъ, егда они жили въ Синайской пустынѣ сорокъ лѣтъ“, и мясо которыхъ, по свидѣтельству нашихъ путешественниковъ, „сладчае всѣхъ мясъ“.

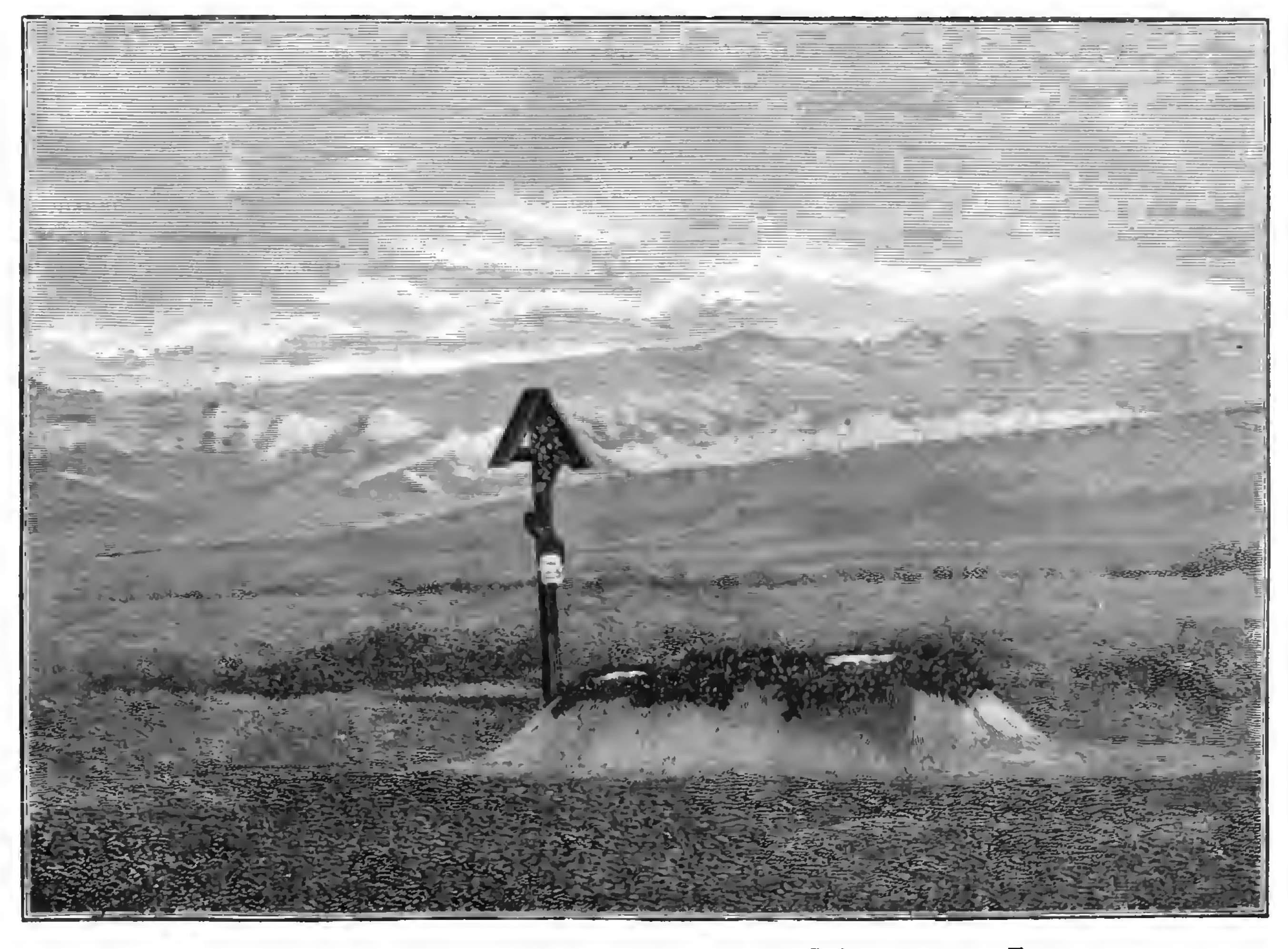
Болѣе свѣтскимъ и слѣдовательно болѣе разнообразнымъ характеромъ отличается пользующееся очень большою популярностью описаніе путешествія въ Индію Аѳанасія Никитина. Цѣль этой поѣздки уже не религіозная. Аѳанасій Никитинъ, богатый тверской купецъ, отправился (въ концѣ XV вѣка) въ заморскія страны по собственнымъ торговымъ дѣламъ, побывалъ въ Индіи, на Кавказѣ, въ Персіи. Но и тутъ, главное вниманіе путешественника, человѣка глубоко набожнаго, обращено на предметы находящіеся въ болѣе или менѣе близкомъ соприкосновеніи съ религіей. Старательно наблюдаетъ онъ религіозные обряды и вѣрованія тѣхъ странъ, и подробно сообщаетъ о томъ въ своихъ запискахъ. Въ Бедерѣ, столицѣ Хоросанскаго султана, интересуется онъ тамошнимъ идоломъ Бутомъ и разсказываетъ, что этотъ Бутъ „вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, велми великъ, да хвостъ у него черезъ него, да руку правую поднялъ высоко, да простеръ ее, аки Устинеянъ, царь Царе-градскій, а въ лѣвой руцѣ у него копіе, а на немъ нѣтъ ничего, а видѣнье обезьянино... А передъ Бутомъ стоитъ волъ вельми великъ, а вырѣзанъ изъ камени изъ чернаго, а весь позолоченъ, а цѣлуютъ его въ копыто, а сыплютъ на него цвѣты...“ И много другихъ подробностей въ томъ-же родѣ и пересказанныхъ въ такомъ же тонѣ, такою-же манерою... Неоднократно выражаетъ нашъ путешественникъ скорбь человѣка, оторваннаго отъ родины, заѣхавшаго къ совсѣмъ чужимъ людямъ, но ни о чемъ не горюетъ онъ такъ, какъ о трудности соблюдать въ такой далекой и нехристіанской странѣ чистоту вѣры, исполнять ея обряды, — тѣмъ болѣе, что онъ тутъ безъ священныхъ книгъ (которыя ограблены у него въ дорогѣ) и не знаетъ точно времени, не знаетъ „ни что великій день, ни что постъ, ни Рождество Христово, ни другіе праздники, ни среда, ни пятница...“—„И велика дня христіанскаго не вѣдаю Христова Воскресенья — сѣтуетъ онъ—а говѣйное же ихъ говѣхъ съ бесермены, и разговѣхся съ ними“. Съ истиннымъ душевнымъ отчаяніемъ онъ въ одномъ изъ городовъ Индіи „взмыслихся по вѣрѣ по христіанской, и по крещеньи Христовѣ, и по говѣйнѣхъ Св. Отецъ устроенныхъ, и по заповѣдѣхъ апостольскихъ, и устремихся умомъ поити на Русь...“

Князь Даніилъ, наслѣдникъ Черногорскаго престола.

При этомъ преобладающемъ направленіи труда Аѳанасія Никитина, мы находимъ тутъ однако много подробностей и другаго рода — во всякомъ случаѣ выдвигающихъ произведеніе этого путешественника далеко изъ ряда всѣхъ остальныхъ. И если преувеличено замѣчаніе профессора Срезневскаго (подробно изслѣдовавшаго и разобравшаго этотъ памятникъ), что только „разсказы де-Конти и отчеты Васко ди-Гама одни могутъ быть поставлены вровень съ хожденіемъ Никитина“, то все-таки нельзя не признать въ этихъ запискахъ не мало такого, что заставляетъ видѣть въ Никитинѣ отдаленный первообразъ русскаго путешественника въ настоящемъ значеніи этого послѣдняго слова. Что Никитинъ забрался въ такую отдаленную страну какъ Индія—въ томъ удивительнаго мало: уже въ нашихъ былинахъ находятся ясныя указанія на торговыя сношенія Руси съ этими странами. Но достойно вниманія то обстоятельство, что Никитинъ сообщаетъ извѣстія не только о чисто внѣшней сторонѣ предмета (каково напр. сухое описаніе вида зданія и т. п.), но и о такихъ вещахъ, какъ нравы и обычаи народа, его торговля, состояніе войска, пища, одежда... И все это — если въ такомъ-же тонѣ, какой мы встрѣчали у другихъ путешественниковъ, съ такою-же наивностью человѣка впервые попавшаго въ кругъ хотя очень обыкновенныхъ, но для него совершенно новыхъ, диковинныхъ предметовъ,— но все, говорю, изложенное весьма обстоятельно, и притомъ очевидно не съ чужихъ словъ, а какъ результатъ собственныхъ наблюденій. Конечно, многое, слышимое нашимъ путешественникомъ отъ другихъ, отъ туземцевъ, принимается имъ чисто на вѣру, безъ малѣйшей провѣрки. Такъ, вполнѣ серьезно сообщаетъ онъ о томъ, что есть въ Аляндѣ (?) какая-то птица гукукъ, „летаетъ ночi, а кличетъ кукъ-кукъ, а на которой хороминѣ сидитъ, то тутъ человѣкъ умретъ, и кто ее хощетъ убити, ино у ней изо рта огнь выйдетъ“. Или разскажетъ онъ намъ объ индійскихъ обезьянахъ, которыя „живутъ въ лѣсу, а есть у нихъ князь обезьянскій, да ходятъ ратью своею, да кто ихъ займаетъ, а оны ся жалуютъ князю своему, и оны, пришедъ на градъ, дворы разваляютъ, и людей побьютъ; а рати ихъ, сказываютъ, велми много, а языкъ у нихъ свой, а дѣтей родятъ много, да который родится ни во отца, ни въ матерь, и они тѣхъ мечутъ по дорогамъ, ино Гиндустаньцы тѣхъ имаютъ, да учатъ ихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ учатъ плясамъ“. Или найдемъ у него свѣдѣніе о какихъ-то змѣяхъ, которыя въ Бедерѣ ходятъ по улицамъ, и т. д., и т. д. Никитинъ прислушивается также къ языку индійцевъ, записываетъ многія фразы, конечно сильно коверкая ихъ, и пересыпаетъ ими свой разсказъ довольно обильно... Видно, однимъ словомъ, что это человѣкъ котораго интересуетъ все, что онъ видитъ и слышитъ вокругъ себя, хотя способъ его наблюденія, міросозерцаніе его еще очень ограничены, очень наивны, очень дѣтски...

Упомянемъ еще о нелишенномъ интереса описаніи путешествія въ Китай Байкова, который былъ отправленъ туда въ качествѣ посланника русскимъ государемъ въ 1654 г. (но, замѣтимъ кстати, за свой упорный отказъ исполнять разные унизительные обряды, требовавшіеся китайскимъ этикетомъ,

Н. М. Пржевальскій въ гробу. Съ фот. Роборовскаго, грав. Шюблеръ.



Могила Н. М. Пржевальскаго на берегу озера Иссыкъ-Куль. Съ фот. Роборовскаго, грав. Пуцъ.

въ теченіе трехъ лѣтъ не былъ допускаемъ къ богдыхану — и такъ и вернулся въ Москву, не выполнивъ своего дипломатическаго порученія). Въ путевыхъ замѣткахъ Байкова есть нѣсколько подробностей о китайской торговлѣ, тамошнихъ нравахъ и т. п., но и тутъ никакого углубленія въ наблюдаемый предметъ, и тутъ записывается только то, что поражаетъ *внѣшнее* чувство...

Начиная съ пятнадцатаго столѣтія находимъ нашихъ путешественниковъ—т. е. такихъ которые и описываютъ свои странствія—и въ Западной Европѣ. Тутъ, уже по свойству самихъ мѣстностей, вниманіе путешественника обращаютъ на себя предметы и явленія свѣтскіе (хотя все имѣющее характеръ религіозный занимаетъ его и здѣсь больше). Но въ этомъ наблюденіи, насколько оно выражается въ литературномъ продуктѣ его—описаніи, сказываются и наивно-дѣтское міровоззрѣніе, и наивно-дѣтская манера выраженія своихъ мыслей; ясно видно, что это новички, для которыхъ даже самыя незначительныя произведенія европейскаго комфорта, европейскаго искусства и т. п. — большія, никогда не виданныя ими диковинки. Укажу для примѣра на путевыя записки Симона Суздальскаго (монаха), который былъ посланъ въ свитѣ митрополита Исидора на флорентинскій соборъ въ 1437 г.

Здѣсь, независимо отъ подробностей, касающихся собственно цѣли путешествія, находимъ достаточное количество наблюденій вышеупомянутаго свойства надъ другими предметами. Напримѣръ, дома въ Юрьевѣ (Дерптѣ) показались ему палатами „весьма чудными“, и онъ тутъ-же даетъ объясненіе, что „намъ, не видящимъ таковыхъ, дивящеся“. Любекъ изображается у нашего путешественника, какъ „градъ вельми чуденъ, и палаты вельми чудны, съ позлащенными верьхами... И воды приведены въ него, и текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столбовъ, и студены, и сладки...“ Въ одномъ монастырѣ поразило его механическое приспособленіе, которое онъ называетъ чудомъ, „мудростью недоумѣнною и несказанною“. Это — изображеніе Богородицы со Спасителемъ на рукахъ, на голову которой, по звону колокольчика, ангелъ, спускающійся по убѣжденію нашего путешественника съ неба, кладетъ вѣнецъ; „и — разсказываетъ онъ — пойдетъ звѣзда яко по небу, и на звѣзду зряху, идутъ волстви (волхвы) три, а предъ ними человѣкъ съ мечомъ, а за ними человѣкъ съ дарами“; эти дары подносятся Христу; Онъ беретъ ихъ, „и ангелъ же возлетитъ горѣ, и вѣнецъ взя“. Водяная мельница приводитъ Симона въ неменьшее изумленіе. Въ Люнебургѣ отмѣчаетъ онъ, какъ явленіе тоже диковинное, „столпы въ мѣди позлащены“, и у каждаго изъ этихъ столбовъ „люди приряжены тою-же мѣдью, и истекаютъ изъ тѣхъ людей изъ всѣхъ воды сладки и студены: у иного изъ устъ, а у иного изъ уха, а у иного изъ ока, а у иного изъ локтя, а у иного изъ ноздрію... проведеніе водъ тѣхъ вельми хитро, и стеканіе несказанно...“ Въ Феррарѣ—единственною вещью, обратившею на себя его вниманіе, оказался каменный столбъ съ устроенными на немъ часами, при боѣ которыхъ выходитъ ангелъ— „просте видѣти, яко живъ“. Во Флоренціи представляются ему наиболѣе замѣчательными вещами: лѣчебница, гдѣ на кроватехъ „перины чудныя съ одѣяла дорогія“; монастырь, „устроенный бѣлымъ каменьемъ хитро и вельми твердо“; звѣринецъ, состоящій изъ двадцати двухъ лютыхъ звѣрей — вотъ почти и все. Въ такомъ же родѣ и описаніе Венеціи. О бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, о чемъ-нибудь хоть издалека касающемся внутренней жизни посѣщаемыхъ странъ—ни слова; но за то найдемъ нѣсколько очень любопытныхъ указаній и объясненій географическаго и историческаго свойства. Напримѣръ, около Нюрнберга „гдѣ рѣка Тискъ“, нашъ путешественникъ находитъ городъ Понтъ, объясняетъ, что „того ради (т. е. по рѣкѣ Тиску) онъ зовется Понтискъ“, и къ этому объясненію присоединяетъ еще болѣе замѣчательное, что этотъ городъ Понтискъ „градъ бывшаго при распятіи Пилата, въ томъ бо градѣ отчина его и рожденье, и потому градъ зовется Понтійскій Пилатъ...“

Все это пишется въ пятнадцатомъ столѣтіи, и пишется скромнымъ монахомъ; но еще два столѣтія спустя, и въ людяхъ, принадлежащихъ къ высшему сословію, находимъ путешественниковъ такого же рода. Послушайте, напримѣръ, какъ бояринъ Лихачевъ, отправленный посломъ во Флоренцію въ 1659 г., описываетъ театральное представленіе во дворцѣ герцога флорентинскаго: „Князь (т. е. герцогъ) приказалъ играть. Объявилась палата, и бывъ палата, и внизъ уйдетъ; и того было шесть перемѣнъ; да въ тѣхъ-же палатахъ объявилося море, колеблемо волнами, а въ морѣ рыбы, и на рыбахъ люди ѣздятъ; а вверху палаты небо, и на облачкахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на нихъ опущаться, подхватя человѣка съ земли подъ руки, опять вверхъ же пошли... Да спущался съ неба же на облаки сѣдъ человѣкъ въ каретѣ, да противъ его въ другой каретѣ прекрасная дѣвица, а аргамачки (т. е. лошади) подъ каретами какъ быть живы ногами подрягиваютъ...“ и т. д. все въ томъ же родѣ.

Но мы подошли ко времени Петра Великаго, когда характеръ нашихъ путешествій рѣзко измѣняется...

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Кувшинъ для вина въ Имеретіи.

(Рис. на стр. 93).

Одна изъ самыхъ обширныхъ отраслей производства Закавказскаго края, винодѣліе, вполнѣ сохраняетъ свои первобытные, можно сказать библейскіе пріемы и манипуляціи. Процессъ винодѣлія самый несложный. Въ землю вмазывается продолговатый остроконечный глиняный кувшинъ съ широкимъ отверстіемъ; возлѣ него устанавливается деревянная давильня, сдѣланная изъ цѣлаго сруба липы; давильня наполняется виноградомъ и въ нее влѣзаютъ нѣсколько босоногихъ людей, которые давятъ виноградъ, а сокъ его, по желобкамъ, стекаетъ въ кувшинъ. Когда кувшинъ наполнится до трехъ четвертей, въ него бросаются выжимки, оставшіяся въ давильнѣ, и онъ герметически закупоривается камнемъ, при помощи воска. Въ кувшинѣ вино бродитъ болѣе мѣсяца и когда наконецъ въ немъ все угомонится и выжимки осядутъ на дно, крышку снимаютъ и отстоявшееся вино перегоняютъ сифономъ въ другой пустой сосѣдній кувшинъ, который опять-же герметически закрывается, а черезъ три мѣсяца даетъ уже готовое вино. Вотъ и весь процессъ винодѣлія. Изъ этого можно заключить, какую важную роль играетъ тутъ кувшинъ, изображенный на нашемъ рисункѣ лежащимъ на арбѣ. Размѣръ этого кувшина сравнительно небольшой; но въ Кахетіи напр. имѣются кувшины, въ которыхъ помѣщается до десяти тысячъ бутылокъ и бывали случаи, что въ нихъ тонули люди.

Александръ Благословенный на Брюлевской террасѣ въ Дрезденѣ. (Рис. на стр. 96).

Императоръ Александръ Благословенный былъ однимъ изъ первыхъ красавцевъ своего времени. Красота его была особая: привлекающая, чарующая мягкимъ благодушіемъ выраженія лица и яснымъ, свѣтлымъ взглядомъ чудныхъ глазъ. Особенно прославлялась всѣми дивная улыбка императора, которая не только озаряла лицо Александра, но и всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастіе удостоиться высочайшей улыбки. Чрезвычайно сдержанный въ обращеніи со всѣми, неизмѣнно-любезный и обворожительный въ обращеніи съ женщинами, императоръ Александръ былъ удивительно ласковъ съ дѣтьми, которыхъ тѣмъ болѣе любилъ, что ему самому не дано было насладиться семейнымъ счастьемъ: бракъ его былъ бездѣтенъ... Дѣти всегда имѣли прямой и открытый доступъ къ императору во время его прогулокъ въ Царскомъ Селѣ, въ Лѣтнемъ Саду—и во время его частыхъ отлучекъ за границу. На прилагаемой нами картинкѣ изображена одна изъ сценъ, весьма обычныхъ во время утренней прогулки Александра Павловича по Дрезденскому дворцовому парку. Онъ окруженъ, онъ осажденъ дѣтьми. Дѣвочки, всегда болѣе смѣлыя, чѣмъ мальчики подносятъ ему букетики цвѣтовъ, которые онъ привѣтливо собираетъ въ лѣвую руку; собираетъ отъ всѣхъ, чтобы никого не обидѣть. Одинъ маленькій бутузъ-мальчуганъ, замѣшался въ группу дѣвочекъ, но стоитъ въ нерѣшительности, руки по швамъ, почти на вытяжку. Другіе трое мальчиковъ, побольше перваго, держатся почтительно въ сторонкѣ, и, снявъ шапочки, издали любуются на величавую фигуру Русскаго Царя, который привлекаетъ къ себѣ рой играющихъ, ласкающихся дѣтей. Зрѣлище, достойное кисти художника!

Башкиры во Франціи. (Рис. на стр. 97).

Башкиры—„дикіе сыны степей“—среди благословенныхъ полей, среди тучныхъ нивъ и роскошныхъ виноградниковъ Франціи! Что за странная игра судьбы—вѣчная игра противуположностей и неожиданностей, вѣчная игра тѣней и свѣта! До 1814 года, французы, вообще не особенно-любознательные, не имѣли никакого опредѣленнаго и яснаго понятія о Россіи и обитающихъ въ ней народцахъ. Не только киргизы, башкиры, калмыки и другіе наши кочевники совсѣмъ не были извѣстны французамъ; но даже и о русскихъ казакахъ французы имѣли самыя дикія и нелѣпыя представленія. Въ обращеніи между французскимъ простонародьемъ было много такихъ глупѣйшихъ популярныхъ книжонокъ, въ которыхъ расказывались о казакахъ всякія небылицы, между прочимъ, даже и то, что казаки — завѣдомые „людоѣды“ и любятъ лакомиться „мясомъ маленькихъ дѣтей“. Каково-же было удивленіе всего французскаго простонародья, когда союзныя войска вступили въ Парижъ и постоемъ заняли многія парижскія окрестности—и среди русскихъ войскъ оказались не только казаки донскіе, уральскіе, гребенскіе и черноморскіе, но и цѣлые полки башкировъ, въ высокихъ войлочныхъ колпакахъ, на крѣпкихъ, приземистыхъ степныхъ лошадкахъ. И эти башкиры, внушившіе французамъ такой паническій страхъ своею некрасивою внѣшностью, своими скуластыми, узкоглазыми лицами — оказались простыми, добродушными, безобидными людьми, которые придерживались строгой военной дисциплины и относились къ чужой собственности гораздо осторожнѣе, чѣмъ французскія регулярныя войска къ нашей собственности во время похода 1812 года...

Маститый художникъ нашъ, академикъ Г. Виллевальде, изобразилъ на прилагаемой картинкѣ временную остановку небольшаго башкирскаго пикета въ одной изъ улицъ маленькаго французскаго мѣстечка. Еще одинъ листокъ изъ той обширной художественной эпопеи, которою почтенный академикъ увѣковѣчилъ наши воспоминанія о славномъ военномъ прошломъ 1814 и 1815 годовъ.

Литовскіе типы. Виленскій дворникъ. (Рис. на стр. 101).

Городъ Вильна, одинъ изъ древнѣйшихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, сихъ поръ сохраняетъ много особенностей, какихъ не встрѣтишь въ другихъ русскихъ городахъ. Старинныя зданія своеобразной постройки, кривыя, узкія и грязныя улицы и закоулки, или многолюдныя площади съ интересною живописною толпою обитателей. Среди нихъ попадается не мало типичныхъ фигуръ, которыя невольно напрашиваются подъ карандашъ художника. Къ числу послѣднихъ долженъ быть отнесенъ изображенный на стр. 101 виленскій дворникъ съ характерными чертами лица, свойственными литовскому племени.

Переправа Аннибала черезъ Рону.

(Рис. на стр. 104).

Многолѣтнее соперничество Рима съ Карѳагеномъ является едва-ли не величайшею борьбою, записанною на страницахъ исторіи, — борьбою на морѣ и на сушѣ за превосходство семитической или индо-германской расы,—Востока или Запада; это была расовая и міровая война. Въ ней то семитическій Востокъ бралъ перевѣсъ благодаря геніальнымъ полководцамъ, то успѣхъ склонялся на сторону самаго энергичнаго и стойкаго народа древности. Государственная и народная сила Рима и геній Аннибала взаимно противустоять здѣсь во всеоружіи и съ твердымъ сознаніемъ своего превосходства.

Первая война Рима съ Карѳагеномъ, или какъ она обыкновенно называется — Пуническая война, окончилась побѣдою римлянъ. Карѳагеняне должны были покинуть Сицилію и искали возстановленія утраченной силы и могущества въ Испаніи, откуда они замышляли произвести нападеніе на Римъ съ тыла. Въ 218 году перешелъ Аннибалъ со своимъ войскомъ Эбро, Пиринеи, Рону и Альпы и появился въ Аостской долинѣ. Возгорѣлась вторая Пуническая война, начавшаяся памятными въ исторіи именами: Тичино, Требія, Тразименское озеро и Канны, видѣвшая неукротимаго врага Рима подъ стѣнами этого вѣчнаго города и окончившаяся на африканской землѣ пораженіемъ при Замѣ.

Рядомъ съ небывалымъ еще въ исторіи переходомъ Аннибаловыхъ войскъ черезъ Альпы, слѣдуетъ отмѣтить переправу ихъ черезъ Рону. Въ концѣ іюля достигъ Аннибалъ съ 50000 человѣкъ пѣхоты, 9000—кавалеріи и 37 слонами берега рѣки противъ города Авиньона. На разстояніи нѣсколькихъ дней перехода изъ Массиліи находился консулъ Публій Сципіонъ, который въ союзѣ съ кельтами могъ безъ особыхъ потерь помѣшать этому отчаянному предпріятію карѳагенскаго полководца. Но римскій консулъ или не имѣлъ яснаго представленія о намѣреніяхъ Аннибала, или оно казалось ему невѣроятнымъ, и онъ не принялъ должныхъ мѣръ чтобы не допустить осуществленія этого дерзкаго плана. Аннибалъ, не теряя времени, принялся за дѣло. Силою, обѣщаніями и дарами онъ собралъ сколько было возможно судовъ и плотовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы отвлечь отъ себя вниманіе противника, онъ послалъ Ганнона съ отборною частью войска вверхъ по рѣкѣ и приказалъ имъ переправиться на удобномъ мѣстѣ въ бродъ. Предпріятіе это увѣнчалось успѣхомъ. Когда эти войска раскинули на другомъ берегу лагерь и могли во всякое время дать отпоръ нападавшимъ, Аннибалъ на пятый день началъ переправлять черезъ Рону свои войска. Особенную трудность представляла переправа слоновъ. Для этого былъ построенъ громадный, прикрѣпленный къ берегу плотъ, покрытый землею. Другой плотъ или паромъ, длиною въ 100 футовъ и въ 50 футовъ ширины, непосредственно приставалъ къ нему. Слоновъ предварительно загоняли на первый плотъ, а съ него на паромъ, и какъ только громадный звѣрь становился на него, связи распускались и паромъ начиналъ переправляться черезъ рѣку. Во время такой перепавы не мало слоновъ, испуганныхъ непривычною обстановкою, кидались въ стороны, падали въ воду и погибали. Тѣмъ не менѣе Аннибалу удалось довести свое трудное предпріятіе до конца—войско было переправлено на другой берегъ рѣки, и могло продолжать побѣдоносное шествіе къ вѣчному городу.

Анри Моттъ изобразилъ въ картинѣ переправу карѳагенянъ черезъ Рону. Посрединѣ на ней представленъ исполинскій слонъ на плоту. Съ громадными усиліями стараются гребцы переправить его черезъ рѣку. Умное животное спокойно стоитъ, придерживаясь за перекладину хоботомъ, который гладитъ успокаивая карѳагенскій солдатъ. На спинѣ слона прикрѣплена боевая башня; во весь ростъ, съ гордо поднятой головой стоитъ въ ней Аннибалъ въ греческомъ шлемѣ. Онъ внимательно осматриваетъ широко раскинувшійся передъ нимъ берегъ рѣки и высящіяся вдали предгорія Альпъ. Тамъ, за ними лежитъ обѣтованная земля, туда влечетъ его честолюбіе и любовь къ угнетенной римлянами родинѣ.

Набѣгъ черногорцевъ. (Рис. на стр. 105).

Живописная, величественная, но суровая природа Черногоріи, посреди которой свили себѣ неприступное гнѣздо отважные жители этого небольшаго княжества, въ теченіе слишкомъ трехсотъ лѣтъ съумѣвшаго отстоять свою независимость отъ всяческихъ попытокъ своихъ сосѣдей-недруговъ; сами обитатели этой страны — воины отъ колыбели до могилы, ихъ патріархальный образъ жизни, нравы и обычаи, славное прошлое, — невольно обращали и обращаютъ на себя вниманіе и нерѣдко служили неизсякаемымъ источникомъ вдохновенія писателей и художниковъ. Достаточно припомнить изъ числа послѣднихъ имена: Чермака, Звержины, ихъ талантливыя картины и рисунки, чтобы представить себѣ какой разнообразный и высоко-художественный матеріалъ представляетъ Черногорія и сосѣдпія съ нею мѣста.

Въ настоящемъ нумерѣ помѣщена гравюра съ картины Р. Іоановича. Въ ней живо передана сцена возвращенія черногорскихъ юнаковъ съ набѣга. Два плѣнника и навьюченная всякимъ добромъ лошадь—говорятъ объ успѣхѣ набѣга, что также можно прочесть на одушевленномъ, веселомъ лицѣ конного черногорца, торжественно потрясающаго отнятымъ вражескимъ знаменемъ. Оставшееся дома населеніе мѣстечка, старики, женщины и дѣти, радостно высыпало на встрѣчу и привѣтствуетъ побѣдителей. Сцена эта происходитъ посреди суровой гористой мѣстности съ теряющеюся въ туманѣ далекою цѣпью горъ.

Князь Даніилъ, наслѣдникъ Черногорскаго престола. (Портр. на стр. 108).

Лѣтъ восемь тому назадъ въ Петербургскомъ зоологическомъ саду, у палатки, гдѣ производится стрѣльба въ цѣль, стояла толпа любопытныхъ и любовалась красивымъ десятилѣтнимъ отрокомъ, одѣтымъ въ національный черногорскій костюмъ. Смуглое лицо мальчика дышало здоровьемъ, глаза черные, выразительные, поминутно вспыхивали огонькомъ. Онъ мало обращалъ вниманія на окружающихъ и весь былъ углубленъ въ свое занятіе: онъ цѣлился въ одну изъ мелкихъ фигуръ и уже въ который разъ не давалъ промаха. Кровь храбраго воинственнаго народа сказывалась въ немъ. Этотъ прекрасный отрокъ былъ наслѣдникъ Черногорскаго престола, князь Даніилъ Нѣгошъ, пріѣзжавшій тогда въ Россію съ матерью своею, княгинею Миленою, вмѣстѣ съ черногорской депутаціей. Теперь будущій Черногорскій князь совсѣмъ возмужалъ и уже болѣе окрѣпъ: ему уже пошелъ 18-й годъ. Князь Даніилъ-Александръ, старшій сынъ князя Николая Петровича, вѣнценоснаго-поэта, и внукъ черногорскаго героя Мирко Петровича Нѣгоша, родился въ Цетиньѣ, 30 іюня 1871 года. Воспріемниками его, по просьбѣ его отца, черногорскаго повелителя, были въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ и великая княжна Марія Александровна, нынѣ герцогиня Эдинбургская. Такимъ образомъ еще болѣе укрѣпились вѣковыя узы, связывающія нашу великую родину съ непобѣдимою Черногоріей. Въ прочности этихъ узъ и въ неохладѣвающихъ симпатіяхъ русскаго общества къ черногорскому народу, князь Даніилъ могъ вполнѣ убѣдиться въ свою послѣднюю поѣздку въ Россію, въ 1881 году, когда ему и его матери былъ оказанъ въ высшей степени сочувственный пріемъ.

Н. М. Пржевальскій. (Рис. на стр. 109).

„Вѣрный, 21 октября, пятница. Вчера въ городѣ Караколѣ скончался генералъ Пржевальскій. Передъ смертію онъ просилъ похоронить его на берегу озера Иссыкъ-Куль; распоряженіе объ этомъ сдѣлано". Неожиданно для всѣхъ въ теченіе пяти дней не стало Николая Михайловича, еще въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, во время приготовленій къ новому путешествію на окраины Тибета; въ немъ не только Россія, но и наука потеряла одного изъ знаменитѣйшихъ путешественниковъ.

Подробности о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. М. Пржевальскаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* сообщаетъ одинъ изъ постоянныхъ спутниковъ покойнаго путешественника, г. В. Роборовскій. Покойный простудился на охотѣ, нѣсколько дней перемогался, наконецъ слегъ и докторъ нашелъ, что больной не можетъ оставаться въ юртѣ, а долженъ перебраться въ баракъ лазарета, находящагося въ г. Караколѣ.

18 октября мы перебрались въ этотъ баракъ; но здѣсь состояніе здоровья его стало очень плохо и внушало намъ серьезныя опасенія. Мы въ эту ночь продежурили у него не спавши. Ему стало такъ плохо, что мы послали за докторомъ, который вмѣстѣ съ фельдшеромъ провели у насъ ночь.

Н. М. и этотъ день провелъ неспокойно; на лѣвомъ боку лежать онъ не могъ, потому что тотчасъ же показывалось кровотеченіе носомъ и унять его было трудно; кромѣ того, оно сильно ослабляло его. Все-таки, при пособіи доктора, день прошелъ безъ пароксизма.

Вечеромъ, 19 октября, больному было чуть легче, но въ 12 часовъ пошла кровь носомъ, которую унять сами, съ помощью фельдшера, мы никакъ не могли; привезли доктора; на головѣ держали ледъ. Больному стало немного легче. Н. М. сдѣлалъ нѣсколько послѣднихъ распоряженій относительно слободы, нѣкоторыхъ своихъ вещей и хотѣлъ еще что-то передать важное

Новый институтъ Пастера въ Парижѣ. По рис. Journ. Ill., грав. Флюгель.

Внѣшній видъ института.

Лабораторія для учениковъ. Пріемная для больныхъ.
Помѣщеніе для куръ. Помѣщеніе для кроликовъ.

Общій видъ отдѣльныхъ помѣщеній.

и спрашивалъ доктора: проживетъ-ли онъ до утра? Докторъ его успокоилъ. Тогда Н. М. сказалъ: „Ну, остальное завтра; пошлемъ телеграммы. Объ одномъ прошу не забыть, чтобы похоронили меня непремѣнно на берегу Иссыкъ-Куля, въ походной экспедиціонной формѣ; снять съ меня фотографію для родныхъ, съ Ланкастеромъ, который на память даю Роборовскому; Пэрдэ—Козлову“.

Затѣмъ, Н. М. говорилъ доктору, чтобы не скрывать отъ него близости смерти, ибо онъ ея не боится нисколько и много разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней; бранилъ насъ и называлъ „бабами“, если у кого замѣчалъ слезы на глазахъ; потомъ успокоился и сказалъ, что чувствуетъ себя хорошо, только животъ его безпокоитъ.

Ночь прошла кое-какъ, затѣмъ утромъ температура снова поднялась до 40,5.

Бредъ, преимущественно объ экспедиціи, все усиливался; на моменты больной приходилъ въ сознаніе, но только на моменты. Лежалъ онъ на боку, закрывъ лицо рукою; но выраженію нижней части лица видно было, что онъ плачетъ. Затѣмъ Н. М. вскочилъ, сталъ на ноги, поддерживаемый нами и старыми солдатами, постоялъ нѣсколько моментовъ, посмотрѣлъ на всѣхъ и сказалъ: „Теперь я лягу“. Ему помогли лечь, но вслѣдъ затѣмъ нѣсколько глубокихъ, сильныхъ вздоховъ были послѣдними и унесли его отъ насъ...

Докторъ бросился растирать грудь его холодной водой; я положилъ туда же полотенце со снѣгомъ, но было уже поздно: лицо и руки стали желтѣть...

Было приглашено нѣсколько медиковъ, но они опоздали. По ихъ объясненіямъ, у Пржевальскаго былъ брюшной тифъ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не разъ пришлось нашимъ читателямъ встрѣтиться съ именемъ Николая Михайловича. Такъ, между прочимъ, его подробная біографія была помѣщена въ 1886 году въ № 8, стр. 222, а затѣмъ цѣлый рядъ зоологическихъ рисунковъ съ привезенныхъ имъ чучелъ.

Раздѣляя со всею Россіею долгъ признательности къ незабвеннымъ заслугамъ передъ наукою и Россіею Николая Михайловича, редакція *Нивы* помѣщаетъ въ настоящемъ нумерѣ портретъ усопшаго и изображеніе его могилы.

Вотъ какъ характеризуетъ мѣсто погребенія Н. М. вице-предсѣдатель Имп. Русскаго Географическаго Общества П. П. Семеновъ, который первый путешествовалъ по Тянъ Шаню и тѣмъ открылъ эру изслѣдованія Центральной Азіи. „Мѣстность, въ которой находится могила Пржевальскаго, отстоитъ въ 12 верстахъ отъ города Каракола, на твердой береговой террасѣ, отдѣленной отъ озера низкимъ береговымъ припаемъ...“

„Обращаясь отъ только что закрывшейся могилы къ завѣтному югу“, передъ нами вправо широко раскинута „синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ-бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-Куля“.

Рисунокъ снятъ повидимому въ направленіи отъ могилы къ сѣверу, потому что крестъ не обращенъ лицевой стороной къ югу, вслѣдствіе чего на заднемъ планѣ видны снѣжныя вершины не Тянъ-Шаня, а Заилійскаго Алатау, ограничивающаго котловину Иссыкъ-Куля съ сѣвера, а лежащаго къ западу отъ могилы озера—совсѣмъ не видно. Фотографія, снятая спутникомъ Пржевальскаго г. Роборовскимъ, передаетъ намъ видъ могилы въ настоящее время; вскорѣ, по Высочайшей волѣ, надъ одинокою могилою будетъ поставленъ прекрасный памятникъ изъ мѣстнаго (кескеленскаго) мрамора.

Быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-Куля—желаніе выраженное Н. Михайловичемъ не въ бреду. Весьма мѣтко выразился по этому поводу П. П. Семеновъ въ своей рѣчи, произнесенной имъ въ посвященномъ памяти Пржевальскаго чрезвычайномъ собраніи Географическаго Общества 9 ноября 1888 года: „Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьѣ, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.“

Наконецъ, приведемъ еще телеграмму изъ Караколя отъ 28 октября истекшаго года: „Сегодня предали землѣ прахъ незабвеннаго Николая Михайловича на берегу Иссыкъ-Куля въ двухъ гробахъ, деревянномъ и желѣзномъ; поставленъ въ каменномъ склепѣ на высокомъ сухомъ обрывѣ. Всѣ доступныя Караколу почести были отданы праху покойнаго. Войска и народъ провожали гробъ пѣшкомъ 12 верстъ до могилы. Задушевныя рѣчи сказали докторъ Крыжановскій и полковникъ Корольковъ“.

Іовъ, первый патріархъ Всероссійскій (по поводу трехсотой годовщины учрежденія патріаршества въ Россіи). Грав. Шюблеръ.

Институтъ Пастера въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 112).

Имя Пастера, какъ основателя науки, получившей названіе микробіи, и какъ ученаго, указавшаго впервые если не безспорный, то по крайней мѣрѣ раціональный способъ лѣченія водобоязни, слишкомъ извѣстно чтобъ объ немъ распространяться. Поэтому перейдемъ прямо къ описанію сооруженнаго по его иниціативѣ и на деньги собранныя по подпискѣ во всей Франціи (болѣе 2½ милл. франковъ) новаго института, посвященнаго научнымъ цѣлямъ микробіи. Институтъ этотъ, открытый 14 (2) ноября 1888 года, тѣмъ интереснѣе для насъ, что во-первыхъ, какъ видно изъ рѣчи Пастера, произнесенной на открытіи, Государь Императоръ соизволилъ принять участіе въ этомъ учрежденіи пожертвованіемъ, которое ораторъ называетъ „даромъ по истинѣ императорскимъ“, а во-вторыхъ, что въ институтскихъ лабораторіяхъ будутъ работать двое русскихъ ученыхъ, D-r Мечниковъ и D-r Гамалея, завѣдуя отдѣлами: морфологіи низшихъ организмовъ и сравнительной микробіи. Учрежденіе это предназначено быть съ одной стороны лѣчебницей для страдающихъ водобоязнью, центромъ изслѣдованій по всѣмъ заразнымъ болѣзнямъ вообще и наконецъ мѣстомъ преподаванія наукъ имѣющихъ связь съ микробіей.

Институтъ состоитъ изъ нѣсколькихъ зданій, расположенныхъ въ садахъ, образующихъ какъ бы одинъ обширный паркъ. Въ главномъ зданіи, котораго фасадъ параллеленъ улицѣ Дюто,

въ нижнемъ этажѣ (rez de chaussée) помѣщается лабораторія D-r Пастера, кладовая, кухни, калориферы и погреба. Второй корпусъ, соединенный съ первымъ галереей, посвященъ спеціально цѣлямъ микробіи. На правой сторонѣ его находится пріемная для страдающихъ водобоязнью; регистратура, архивы, помѣщеніе для прививки и проч. размѣщены въ слѣдующихъ залахъ. На лѣвой сторонѣ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщается аудиторія, анатомическій театръ, зоологическій кабинетъ, фотографическая лабораторія и склады.

Позади этого зданія въ саду разсѣяны дополнительныя постройки, изъ которыхъ назовемъ, какъ наиболѣе важныя, помѣщенія для животныхъ необходимыхъ для опытовъ, бѣшеныхъ животныхъ и псарни.

Бросивъ общій взглядъ на зданія института, осмотримъ подробнѣе нижніе этажи двухъ главныхъ корпусовъ. Въ первомъ корпусѣ, выходящемъ фасадомъ на улицу Дюто, направо находятся аппартаменты D-r Пастера, налѣво—обширная зала библіотеки, въ которой и происходила церемонія открытія института. Вышеупомянутая галерея позволяетъ переходить изъ этого зданія въ лабораторіи. По бокамъ втораго корпуса находятся двѣ громадныя залы, служащія лабораторіями ученикамъ; онѣ отдѣляются одна отъ другой цѣлымъ рядомъ другихъ лабораторій, комнатами директора и препаратора и помѣщеніями для коллекцій.

Институтъ Пастера, безспорно, наилучшее изъ современныхъ зданій приспособленныхъ къ научнымъ цѣлямъ. Въ немъ бездна свѣта и воздуху. Постройки не скучены. Садъ превосходно разбитъ. Главный входъ украшенъ бронзовой статуей пастушка Жюпиля, который изображенъ въ борьбѣ съ бѣшеною собакой, чѣмъ и увѣковѣченъ его героическій подвигъ. Учрежденіе это не есть лишь храмъ науки, но и святилище милосердія и человѣколюбія, такъ что основатель его къ прежнимъ ученымъ заслугамъ по справедливости можетъ быть названъ благодѣтелемъ человѣчества.

Іовъ, патріархъ Московскій. (Портр. на стр. 113).

Триста лѣтъ тому назадъ, когда отечество наше особенно нуждалось въ опорѣ таваго лица, которое было-бы предано интересамъ церкви православной и поддерживало стремленіе русскихъ царей къ государственному порядку, Константинопольскій патріархъ Іеремія прибылъ въ Москву и представъ предъ очи благочестиваго государя Ѳеодора Ивановича, сына Іоанна Грознаго, говорилъ ему: „Древній Римъ палъ, второй Римъ въ рукахъ Агарянъ, только твое великое Россійское царство, третій Римъ, всѣхъ превзошло благочестіемъ. Всѣ царства сплотились въ одномъ твоемъ, ты единый остаешься подъ небомъ царемъ христіанскимъ“. Іеремія самолично убѣдился въ могуществѣ Московскаго царства и въ твердости вѣры русскихъ людей и потому испрашивалъ у государя пособника себѣ, пособника своей церкви. И вотъ царь Ѳеодоръ Ивановичъ, внявъ его рѣчамъ „осязавъ благодатію Святаго Духа, желаніемъ и любовію побѣждаемъ... како-бы украсити престолъ русскія церкви патріаршимъ достоинствомъ, полагаетъ совѣтъ съ супругою своею“, возвѣщаетъ свою царскую мысль Борису Ѳеодоровичу „доброхоту правителю русскія земли“ и созываетъ на соборъ русскихъ архіереевъ для избранія Московскаго патріарха. Избраніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ придѣлѣ Похвалы Богородицы, въ предсѣдательствѣ вселенскаго патріарха Іереміи, причемъ намѣчены три кандидата: Іовъ, митрополитъ Всероссійскій, Александръ, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, и Варлаамъ, архіепископъ Ростовскій и Ярославскій. Избраннымъ оказался смиренный Іовъ, который, по чиноположенію данному Іереміею, и былъ нареченъ патріархомъ. Его вызвали въ соборъ и по окончаніи вечерни и молебствія царскій приближенный со свѣчей въ рукѣ подошелъ къ нему и торжественно воскликнулъ: „Святый царь и самодержецъ, святѣйшій патріархъ Іеремія и весь священный соборъ призываетъ тебя на престолъ Владимірскій, Московскій и всея Россіи“. На это вновь нареченный отвѣтствовалъ: „Ежели меня грѣшнаго избралъ святый самодержавецъ, и вселенскій господинъ Іеремія со всѣмъ соборомъ къ столь великой степени: то я благодарю ихъ и на себя тотъ чинъ пріемлю“. Такъ совершилось, въ январѣ 1589 года, избраніе перваго россійскаго патріарха; сдѣланное ему постановленіе не различествовало отъ митрополичьяго и епископскаго. Государь, по окончаніи литургіи, 26 января, того года, собственноручно возложилъ на Іова драгоцѣнную панагію и мантію изъ зеленаго бархата и сказалъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой повелѣлъ ему называться главою епископовъ, отцомъ отцовъ, патріархомъ всѣхъ земель сѣверныхъ. Съ учрежденіемъ патріаршества, россійская церковь получила еще болѣе величія съ внѣшней стороны, явилась также бо́льшая опредѣленность въ отношеніи святителей. Патріархъ въ лицѣ своемъ сосредоточивалъ верховную власть церковнаго суда, но приглашаемъ былъ и на совѣты царскіе; съ его благословенія предпринимались дѣла, предлагаемыя ему, по усмотрѣнію государя. Въ дѣла-же гражданскія, безъ воли государя, патріархъ не вмѣшивался и отвѣтственно подлежалъ и самъ.

Первый патріархъ Московскій строго смотрѣлъ на свои обязанности, сознавая всю ихъ важность и понимая, что къ такому высокому сану онъ не былъ подготовленъ вполнѣ. Первоначальное воспитаніе его, о которомъ не имѣется никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, равно какъ нѣтъ и указаній на годъ рожденія Іова, — ни мало не отличалось отъ обыкновеннаго монастырскаго воспитанія того времени. При постепенномъ прохожденіи нехитрой науки монастырской, воспитанникъ съ таковой же постепенностью проходилъ и всѣ монастырскія должности, начиная отъ послушника и кончая архимандритомъ. Въ ту пору между школою и жизнію раздѣленія не существовало. По примѣру другихъ, и Іовъ достигъ сана архимандрита въ Старицкомъ монастырѣ, мѣстѣ его духовнаго рожденія. Отсюда съ тѣмъ же саномъ онъ переведенъ былъ, въ 1572 году, въ Симоновъ монастырь, черезъ три года въ Новоспасскій, а въ 1581 году, 16 апрѣля, по повелѣнію Іоанна Грознаго, рукоположенъ во епископа Коломенскаго; въ 1586 году переведенъ въ Ростовъ архіепископомъ и затѣмъ 11 декабря слѣдующаго года „понужденъ быхъ“ повелѣніемъ царя Ѳеодора Ивановича „на великую митрополію царствующаго града Москвы“. На первыхъ порахъ патріарху Іову пришлось заняться разстроенными дѣлами церкви послѣ своего предшественника, митрополита Діонисія, сосланнаго въ заточеніе. Съ этого времени церковь и со внутренней, и со внѣшней стороны сдѣлалась предметомъ постоянныхъ попеченій Іова. Онъ ревностно заботился о благочиніи церковномъ, созидалъ новые и украшалъ старые храмы, установилъ праздники въ память трехъ московскихъ святителей, Св. Іосифа Волоколамскаго, которому канонъ и служба написаны самимъ патріархомъ, и преподобнаго Корнилія Комельскаго. Мощи этого святаго, а также и Василія Блаженнаго были обрѣтены и прославлены многими чудесами тоже при Іовѣ. Онъ заботился также, насколько это было въ его силахъ, и о просвѣщеніи: имъ написаны жизнь царя Ѳеодора Ивановича, утѣшительное посланіе вдовѣ его, царицѣ Иринѣ (потомъ инокинѣ Александрѣ), поучительное посланіе къ Николаю, митрополиту Мцхетскому (грузинскому), посланія къ священному собору Иверской земли по просьбѣ тамошняго царя Александра, „благовѣрія ради“, и къ самому Александру въ отвѣтъ на его письмо объ исходатайствованіи у царя Ѳеодора Ивановича, чтобы онъ принялъ Грузинское царство подъ свое покровительство, и еще нѣсколько грамотъ къ патріархамъ восточнымъ. Въ патріаршество Іова составлены при немъ общія Четьи-Минеи, въ 12 книгахъ, и напечатаны многія богослужебныя книги: Тріодь постная и цвѣтная, Октоихи, общія Минеи, Псалтырь учебная, Апостолъ и другія. Іовъ оставилъ также и духовную, въ которой подробно описалъ жизнь свою.

Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ оказывалъ большое уваженіе патріарху Іову, не переставая до конца дней любить его. Іовъ и глаза закрылъ царю, и первый возвѣстилъ о наступающей кончинѣ его, за что враги осыпали добросердечнаго святителя разными клеветами и укоризнами, какъ будто онъ былъ виновать въ преждевременной кончинѣ государя, утрата котораго причинила ему глубокую печаль. Не малую скорбь причинило Іову и дѣло объ убіеніи царевича Димитрія, въ слѣдствіи по которому онъ долженъ былъ, какъ патріархъ, принимать участіе. Но это было лишь началомъ тѣхъ страданій, которыя готовила слѣпая судьба злополучному патріарху. Съ кончиною государя Ѳеодора Іоанновича пресѣклась царственная линія московскаго дома, явились честолюбцы, которыхъ манилъ русскій престолъ — и для многострадальной Руси настало смутное время. Настали черные дни и для Іова, тогда уже старца преклонныхъ лѣтъ. Помышляя о вѣчномъ успокоеніи, онъ, жившій въ большомъ согласіи съ царемъ Борисомъ Годуновымъ, питавшимъ къ нему благодарность и глубокое уваженіе, и не ожидалъ, что съ Запада идетъ буря, готовая разразиться надъ церковью и государствомъ. На этомъ Западѣ уже началась борьба православія съ уніею и церковь малороссійская распалась на православную и униатскую, іезуиты работали съ присущею имъ энергіей, — наконецъ явился Дмитрій Самозванецъ. Ослѣпленная его льстивыми грамотами, чернь приняла восторженно мнимаго царевича. Напрасно патріархъ, понимавшій всю опасность для православія отъ торжества самозванца, увѣщевалъ народъ, чтобы онъ памятовалъ крестное цѣлованіе, тщетно разсылалъ онъ свои грамоты, писалъ въ полки, боярамъ, воеводамъ, ко всей рати въ предупрежденіе дальнѣйшей измѣны. Къ стыду бояръ и войска, Лжедимитрій торжественно вступилъ въ Москву. Бунтовщики ворвались въ соборный храмъ, куда удалился вѣрный своему долгу патріархъ, не перестававшій обличать клятвопреступниковъ и горячо молиться о спасеніи юнаго царя Ѳеодора, и, вооруженные копьями и дреколіемъ, стали безчинствовать въ алтарѣ, во время литургіи. Они сорвали съ патріарха святительскія ризы и когда онъ, полный кротости и смиренія, сталъ молиться предъ чудотворной иконой Богоматери, крамольники освирѣпѣли еще болѣе. Надѣвъ на Іова черную ризу простаго монаха, позорно таскали его по храму и по площади, затѣмъ посадили на телѣгу и увезли въ Старицкій Богородицкій монастырь, прежнюю его обитель. Но и въ изгнаніи многострадальный патріархъ остался вѣренъ своимъ строгимъ правиламъ, не упалъ духомъ. Когда лже-патріархъ Игнатій, ради сохраненія приличія, требовалъ у опальнаго патріарха благословенія на святительство, послѣдній въ отказѣ своемъ, отвѣтилъ: „По ватагѣ атаманъ, по овцамъ пастырь“. Но вотъ ослѣ-

пленіе довѣрчивой черни прошло, она увидѣла, что самозванный царь губитъ православіе, оскорбляетъ вѣру и русскую народность, все что такъ дорого и священно для каждаго русскаго человѣка, и тогда-то они вспомнили объ Іовѣ. Онъ уже лишился зрѣнія, когда новоизбранные царь Василій Іоанновичъ и патріархъ Гермогенъ, посовѣтовавшись съ „освященнымъ соборомъ, съ боярами окольничими, дворянами, съ приказными людьми и со всѣмъ царскимъ синклитомъ“ и со всѣми православными христіанами, рѣшили послать къ Іову, чтобы онъ „учинилъ подвигъ и ѣхалъ въ царствующій градъ Москву для его государева и земскаго великаго дѣла.“ Іовъ прибылъ въ царской каретѣ („каптанѣ“), 14 февраля 1607 года, въ Москву. Здѣсь во время торжественнаго служенія Гермогена въ Успенскомъ соборѣ при громадномъ стеченіи православнаго люда, народъ подалъ Іову челобитную, моля его простить его грѣхи, вѣроломство, измѣну и благословить царя, князей и все христолюбивое воинство. Кроткій патріархъ объявилъ народу разрѣшеніе и прощеніе, послѣ чего народъ съ воплемъ раскаянія припадалъ къ ногамъ святителя, и снова просилъ прощенія. Однако Іову не пришлось снова возсѣсть на патріаршемъ престолѣ: отправленный затѣмъ въ Старицкій монастырь, онъ, по пріѣздѣ туда, очень скоро скончался, а именно 8 марта 1607 года. По указу царя Алексѣя Михайловича, тѣло патріарха Іова въ 1652 году перенесено въ Москву, въ тотъ самый храмъ, гдѣ онъ и другіе два великіе страдальца церкви россійской, Гермогенъ и митрополитъ Филиппъ, „просіяли пастырскими доблестями“. Мощи патріарха Іова находятся въ Успенскомъ соборѣ въ устроенной тогда-же богатой гробницѣ.

П. Быковъ.

Оскаръ II король Шведскій и его супруга королева Софія. (Портр. на стр. 116).

9 (21) января въ Стокгольмѣ торжественно праздновалась шестидесятая годовщина рожденія короля Оскара II. Утромъ его величество получилъ поздравительныя телеграммы Государя Императора, императоровъ Германскаго и Австрійскаго, вдовствующей императрицы Августы, королей Датскаго, Италіянскаго и Португальскаго, королевы Нидерландской и др.; затѣмъ принималъ сановниковъ и до пятидесяти депутацій отъ университетовъ, академій и различныхъ ученыхъ обществъ. Вечеромъ столица была иллюминована; весь день на улицахъ двигались толпы народа. Во время параднаго спектакля въ театрѣ въ началѣ и въ концѣ представленія національный гимнъ былъ пропѣтъ самою публикой.

Король Оскаръ II Фридрихъ, третій сынъ Оскара I, родился въ Стокгольмѣ 9 (21) января 1829 года. Въ 1840 году онъ вступилъ во флотъ морскимъ кадетомъ и затѣмъ, послѣ долгаго плаванія на военномъ бригѣ, коимъ онъ командовалъ, учился въ Упсалѣ, посвятивъ себя изученію военной исторіи и морскаго дѣла, по которымъ неоднократно дѣлалъ сообщенія въ Стокгольмскомъ Шведскомъ Военномъ Обществѣ. Затѣмъ имъ были напечатаны: „Нѣкоторые матеріалы для военной исторіи Швеціи 1711—13“; „Историческія извѣстія о полкахъ и корпусахъ Шведской и Норвежской арміи и флота“; „Карлъ XII“ (біографическій очеркъ), а также нѣсколько лирическихъ и драматическихъ поэмъ, обнаружившихъ значительный талантъ и тонкій вкусъ автора. Изъ нихъ особенно выдаются „Ur svenska flottans minnen“ (Воспоминанія о шведскомъ флотѣ. 1858), увѣнчанныя преміей Шведской Академіи. Кромѣ того, вѣнценосный писатель перевелъ Гердерова *Сида* и *Тасса* Гёте прекрасными стихами. Въ 1868 году Лундскій университетъ призналъ за нимъ званіе доктора философіи. По смерти бездѣтнаго брата своего, короля Карла XV (6 сентября 1872), Оскаръ II вступилъ на престолъ и 30 апрѣля 1873 г. короновался въ Стокгольмѣ, а 6 іюля въ Дронтгеймѣ. 25 мая 1857 онъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Софіей Нассаускою (р. 27 іюля 1836). Дѣти отъ этого брака: наслѣдный принцъ Густавъ-Адольфъ, герцогъ Вермеландскій, родился 4 іюня 1858 года, съ 1881 года въ бракѣ съ принцессой Викторіей Баденской; принцъ Оскаръ, герцогъ Готландскій, родился 3 ноября 1859 года, по женитьбѣ на Эббѣ Мункъ въ 1888 году получилъ титулъ принца Бернадотта; принцъ Карлъ, герцогъ Вестготландскій, родился 15 февраля 1861 года, и принцъ Евгеній, герцогъ Нерикскій, родился 31 іюля 1865 года.

Ледяной замокъ въ СПБ. Акваріумѣ. (Рис. на стр. 117).

Прошлою зимою въ СПб. Акваріумѣ было сложено изо льда строеніе по образцу ледяного дома, построеннаго зимою 1739—1740 годовъ въ Петербургѣ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Холодная зима и множество посѣтителей обезпечили успѣхъ прошлогодней постройки и нынѣшней зимой содержатель Акваріума задумалъ удивить столичную публику еще болѣе грандіознымъ строеніемъ изо льда. Ледяной замокъ, изображеніе котораго помѣщено на стр. 117, уже оконченъ постройкою. Сооруженіемъ его заняты были сотни рабочихъ днемъ и ночью, при электрическомъ освѣщеніи, подъ наблюденіемъ архитектора и съ помощію дѣдушки-мороза. Значительный по размѣрамъ, этотъ ледяной замокъ напоминаетъ собою тѣ ледяные грандіозные дворцы, которые за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ воздвигаются каждую зиму то въ одномъ, то въ другомъ городѣ Канады, въ Америкѣ, во время карнавала.

Политическое обозрѣніе.

Въ Болгаріи совершаются неслыханныя вещи. Ворвавшійся своевольно и захватившій власть въ свои руки при помощи нѣсколькихъ приспѣшниковъ, которымъ выгодно имѣть въ лицѣ князя послушное орудіе для своихъ замысловъ, самозванный князь, принцъ Фердинандъ Кобургскій—продолжаетъ своевольничать въ Болгаріи. Недовольный болгарскимъ духовенствомъ за то что оно не молится за него въ православныхъ церквахъ, преданный и ревностный сынъ католической церкви уже давно искалъ случая показать ненавистному ему болгарскому духовенству, что сила на его сторонѣ. Въ день Рождества Христова высшее духовенство не присутствовало въ церкви у обѣдни. Это событіе, а равно неоднократные отказы духовенства являться во дворецъ, сильно раздражили принца Фердинанда. Были призваны на совѣтъ Стамбуловъ и Странскій и тутъ было рѣшено выслать епископовъ. Въ 3 часа ночи вооруженные жандармы ворвались въ дома, гдѣ квартировали епископы, схватили послѣднихъ и, посадивъ въ экипажи, увезли изъ города. Народъ крайне возмущенъ этою исторіей и многіе не понимаютъ, какимъ образомъ Стамбуловъ, который знаетъ страну и вліяніе духовенства, могъ присовѣтовать принцу подобную мѣру. Расправившись такимъ неслыханнымъ образомъ съ высшимъ духовенствомъ, принцъ Фердинандъ заискиваетъ у другихъ болгарскихъ духовныхъ лицъ, стараясь увѣрить ихъ въ своемъ расположеніи и покровительствѣ болгарской церкви. Это дало поводъ вѣнскимъ и другимъ газетамъ сообщить, что между принцемъ и духовенствомъ установилось полное согласіе; но эти извѣстія вымышлены. Дѣло сводится къ тому, что послѣ высылки членовъ синода принцъ старается пріобрѣсти расположеніе низшаго духовенства и съ этою цѣлью къ Новому Году было командировано во дворецъ много священниковъ, которыхъ принцъ встрѣтилъ очень любезно и нѣкоторыхъ пригласилъ даже къ обѣду. Тѣмъ не менѣе общее раздраженіе не успокоилось. Напротивъ, многіе именитые граждане, а также бывшіе министры и сановники составили въ Софіи адресъ къ болгарскому экзарху Іосифу. Въ немъ сказано: „Вызывающіе и богохульственные поступки людей, находящихся нынѣ во главѣ Болгаріи, съ членами синода и національной церкви извѣстны. Это—неслыханное поруганіе; точно будто Болгарія находится подъ игомъ еретиковъ. Фактъ этотъ тѣмъ прискорбнѣе, что онъ явленіе вовсе не случайное. Нанесенное народу поруганіе является лишь отпрыскомъ протекающаго нынѣ по Болгаріи ядовитаго потока, который становится все болѣе и болѣе опаснымъ. Этотъ грязный потокъ оскверняетъ все благородное, святое и почтенное въ Болгаріи. Въ настоящую минуту мы можемъ только молить Бога, чтобы періоду нравственнаго упадка нашей родины былъ положенъ конецъ. Ваше преосвященство, въ качествѣ верховнаго главы православной церкви въ Болгаріи, являетесь для насъ единственною надеждою на огражденіе нашей святой церкви, которая подвергается столь тяжкимъ испытаніямъ, но съ помощью которой Болгарія достигнетъ самостоятельной жизни“.

Кромѣ этого печальнаго инцидента, газеты чуть не ежедневно приносятъ извѣстія о новыхъ событіяхъ, ясно говорящихъ о послѣднихъ дняхъ Кобургіады. Такъ между офицерами генеральнаго штаба и военнымъ министромъ Муткуровымъ возникло столкновеніе вслѣдствіе того, что послѣдній публично и въ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ офицеровъ генеральнаго штаба, обвиняя ихъ въ лѣни. Офицеры почли себя оскорбленными и потребовали либо отставки, либо болѣе точнаго опредѣленія круга дѣятельности и въ то же время расширенія правъ. Отставка, однако, не была принята и всѣ офицеры генеральнаго штаба были переведены въ строевыя части, исключая начальника генеральнаго штаба маіора Петрова. Далѣе произошелъ конфликтъ изъ-за того, что принцъ Фердинандъ измѣнилъ поднимаемый надъ конакомъ національный флагъ, сочетавъ болгарскаго льва съ кобургскимъ гербомъ. Поступокъ этотъ вызвалъ сильное волненіе, особенно въ кругахъ офицеровъ и чиновниковъ. Собравшійся ad hoc совѣтъ министровъ рѣшилъ предложить принцу, чтобъ онъ приказалъ снять такой флагъ, и оффиціозная *Свобода* совѣтовала принцу какъ можно скорѣе убрать его, такъ какъ въ противномъ случаѣ недовѣріе страны можетъ усилиться и имѣть вредныя послѣдствія. Притомъ совѣтъ этотъ былъ высказанъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ. Если-бы какая либо другая газета осмѣлилась говорить подобнымъ языкомъ, она непремѣнно подверглась-бы взысканію, а такъ какъ всѣмъ извѣстно, что инспираторомъ *Свободы* является Стамбуловъ, то въ тонѣ ея видятъ доказательство усиливающихся разногласій между нимъ и принцемъ, хотя антагонизмъ и не проявляется открыто. Этимъ объясняется образъ дѣйствій Стамбулова, не удержавшаго принца отъ послѣднихъ необдуман-

пыхъ проступковъ. Напротивъ, Стамбуловъ имѣетъ въ виду вызвать этимъ путемъ неудовольствіе народа противъ принца, дѣло котораго въ Болгаріи онъ считаетъ окончательно проиграннымъ. Переживаемое время всеобщаго недовольства, даже внутри Болгаріи, принцемъ Фердинандомъ, показалось наиболѣе удобнымъ принцу Александру Баттенбергскому, чтобы напомнить о себѣ, и онъ отправился въ Вѣну, якобы съ цѣлію возвратить императору Францу-Іосифу знаки австрійскихъ орденовъ недавно умершаго своего отца. Встрѣча съ бывшимъ болгарскимъ министромъ Начевичемъ и агентомъ болгарскаго правительства въ Константинополѣ Вуковичемъ, очень близкими людьми къ принцу Баттенбергскому, въ Вѣнѣ, а также радушный пріемъ оказанный ему въ столицѣ Австріи, вызвали слухи о возможности новаго появленія на болгарскомъ престолѣ бывшаго болгарскаго князя Александра. Но врядъ-ли подобная реставрація можетъ имѣть мѣсто, если припомнить формальное отреченіе принца Александра отъ болгарскаго престола, вслѣдствіе чего онъ потерялъ всѣ права, дѣлавшія его законнымъ, признаннымъ всѣми великими державами—правителемъ Болгаріи.

Во Франціи продолжается агитація по выборамъ депутата отъ Парижа. Въ *Journal des Débats*, отъ 21 января, сообщаютъ, что генералъ Буланже издалъ на-дняхъ прокламацію рабочимъ, составленную въ весьма энергическихъ и враждебныхъ парламентаризму выраженіяхъ. Обращаясь къ рабочимъ, генералъ Буланже объявляетъ имъ, что подавая голосъ за его кандидатуру, каждый изъ нихъ этимъ поддержитъ принципъ демократической республики и докажетъ „хищникамъ“ и „эксплуататорамъ“, что народъ не желаетъ впредь имѣть съ ними дѣлъ. Вѣнскимъ газетамъ сообщаютъ, что прокламація генерала Буланже къ рабочимъ произвела переполохъ въ республиканскомъ лагерѣ и вызвала со стороны ихъ кандидата Жака контръ-прокламацію, въ которой онъ совѣтуетъ рабочимъ не поддаваться наущеніямъ буланжистовъ и не вѣрить обѣщаніямъ генерала, который только притворяется ихъ другомъ. Изъ Парижа пишутъ въ *Neue fr. Presse*, отъ 22 января, что во Франціи, подъ вліяніемъ возбужденія повсемѣстно вызваннаго буланжистскимъ движеніемъ, наступилъ для агитаціи различныхъ претендентовъ на французскую корону весьма удобный и обѣщающій успѣхъ моментъ. Какъ имперіалисты, такъ равно и роялисты одинаково готовятся пожать плоды буланжистской пропаганды, съ тою только разницею, что пока орлеанисты ждутъ и, по всѣмъ признакамъ, рѣшили не насиловать событій, въ бонапартистскомъ лагерѣ торопятся и, какъ видно по всему, хотятъ опередить въ активной роли прочія соперничествующія въ Парижѣ партіи. Изъ Брюсселя телеграфируютъ въ *Neue fr. Presse*, что сынъ принца Жерома Бонапарта, принцъ Викторъ Бонапартъ, внезапно выѣхалъ оттуда, и никто еще не знаетъ, куда онъ собственно направился. Парижскія, отъ 12 (24) января, вечернія газеты сообщаютъ, что на 15 (27) января, въ виду предстоящихъ выборовъ, правительство приняло большія мѣры предосторожности: удалило изъ Парижа нѣсколько неблагонадежныхъ полковъ и приказало на всякій случай войскамъ вплоть до Амьена и Пуатье не отлучаться изъ казармъ.

Оскаръ II, король Шведскій (по поводу 60-й годовщины рожденія). Грав. Шюблеръ.

Королева Софія Шведская. Грав. Шюблеръ.

Въ венгерскомъ сеймѣ одна за другою слѣдуютъ скандальныя сцены. Оппозиція заявила, что принятіе военнаго законопроекта было бы равносильно нарушенію конституціи и пригрозила тѣмъ, что всѣ оппозиціонные члены сложатъ съ себя полномочія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ея Императорское Величество Государыня Императрица, 8 января, въ присутствіи Государя Императора и Государя Наслѣдника Цесаревича изволила собственноручно раздавать всѣмъ находившимся въ Царскомъ поѣздѣ 17 октября во время его крушенія на Курско-Харьково-Азовской дорогѣ, образки въ память чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ и Ихъ Августѣйшихъ дѣтей отъ угрожавшей имъ опасности.

— *Новое Время* передаетъ слухъ, что торжественный въѣздъ высоконареченной невѣсты Е. И. В. Вел. Кн. Павла Александровича, Греческой принцессы Александры, въ Петербургъ состоится въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Дѣла церкви.

— Русскіе жители Риги рѣшили построить въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи часовню, на что и собрана значительная сумма.

— 26 минувшаго декабря, въ гор. Житомирѣ присоединены къ Православной Церкви два чешскихъ семейства, въ числѣ 8 человѣкъ.

Морское дѣло.

— Съ открытіемъ навигаціи нынѣшняго года предполагается окончательно упразднить остатки Бѣломорской флотиліи и остающуюся въ Архангельскѣ единственную военную паровую шхуну „Баканъ“ перевести въ Балтійское море.

— Въ настоящее время на Балтійскомъ заводѣ строится императорская яхта „Полярная Звѣзда“. Яхта дѣлается изъ стали и явится послѣднимъ словомъ кораблестроительнаго искусства. Она должна имѣть скорость въ 21 узелъ въ часъ.

— Въ Одессѣ работы по сооруженію эллинга Беллино-Фендериха совершенно закончены: рельсы положены; въ началѣ весны на надводной части эллинга установлены будутъ три подъемные механизма для вытаскиванія на сушу судовъ подлежащихъ ремонтировкѣ. На этой недѣлѣ эллингъ совершенно будетъ сообщенъ съ моремъ.

— Въ ночь на 6 января, пароходъ добровольнаго флота „Россія“ сѣлъ на мель возлѣ херсонесскаго маяка, вслѣдствіе густаго тумана. На выручку парохода „Россія“ были посланы пароходы „Нижній-Новгородъ“, „Ярославль“, „Пушкинъ“ и канонерская лодка „Уралецъ“. 6 января пароходъ „Россія“ снялп съ мели, но пароходъ „Нижній-Новгородъ“

Ледяной замокъ въ Петербургскомъ акваріумѣ. Ориг. рис. Полякова, грав. Гоше.

запутался винтомъ между камнями; потребовалось выгрузить балластъ и послать водолазовъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Государственнымъ Совѣтомъ разрѣшенъ министерству Государственныхъ Имуществъ кредитъ въ размѣрѣ 80,000 рублей на производство изслѣдованій мѣсторожденія каменнаго угля въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

— Владѣлецъ имѣнія Домброва (въ верстѣ отъ г. Велюня, Калишской губ.), г. Кедровскій, открылъ на своей землѣ залежи каменнаго угля.

— На Уралѣ, еще въ 20-хъ годахъ, были открыты богатыя залежи никкелевой руды, но до сихъ поръ онѣ не были подвергнуты надлежащей разработкѣ, и только въ послѣднее время на нихъ обратилъ серьезное вниманіе графъ Стенбокъ. Онъ провелъ много шурфовъ и прослѣдилъ рудную жилу не менѣе какъ на 300 саженъ. Эта жила очень правильна; толщиною она около 2 саженъ; шахта прошла по жилѣ въ глубь около 15 саженъ, такъ что мѣсторожденіе, повидимому, вполнѣ благонадежное. Мѣсторожденіе никкелевой руды находится въ Ревдянскомъ округѣ; содержаніе никкеля около 7%, но есть образцы и съ 20%.

— На разсмотрѣніи министерства Внутреннихъ Дѣлъ находится, по словамъ одесскихъ газетъ, проектъ устройства въ сѣверныхъ уѣздахъ Таврической губерніи русскихъ колоній на казенныхъ земляхъ вѣдомства министерства Государственныхъ Имуществъ на тѣхъ приблизительно основаніяхъ, на какихъ устроены были колоніи менонитовъ, т. е. отводомъ на каждый дворъ отъ 60 до 100 десятинъ земли, поступающей въ пользованіе крестьянъ на льготныхъ условіяхъ долгосрочной аренды.

— Вопросъ о постройкѣ элеватора въ Одессѣ рѣшенъ положительно. Постройка будетъ произведена на средства общества Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Элеваторъ будетъ построенъ на новомъ молѣ и обойдется обществу около милліона рублей.

— Въ настоящее время, въ Самарѣ купцомъ А. П. Графовымъ строится судно, заключающее въ себѣ паровую мукомольную мельницу и прособдирку. На Волгѣ, какъ извѣстно, есть много большихъ селъ, которыя, не имѣя вблизи рѣчекъ, принуждены довольствоваться вѣтряными мельницами. Теперь эта подвижная мельница будетъ совершать правильные рейсы по Волгѣ.

— Почти во всей Таврической губерніи озимые пострадали.

— Кружокъ образованныхъ женщинъ въ Варшавѣ, открываетъ въ этомъ городѣ большое садоводственное заведеніе подъ наблюденіемъ исключительно однѣхъ только женщинъ. При заведеніи предполагается устроить практическую школу.

Торговля.

— Съ января нынѣшняго года долженъ быть приведенъ въ исполненіе законъ, касающійся евреевъ, пребывающихъ въ Прибалтійскомъ краѣ по документамъ иностранныхъ купцовъ; имъ предписано оставить свою торговлю въ краѣ и выѣхать заграницу, если они не представили къ 1 мая 1888 года въ установленномъ порядкѣ своего ходатайства о дозволеніи имъ торговать въ предѣлахъ имперіи на прежнемъ основаніи.

— Въ Харьковѣ, 6 января, оффиціально открылась крещенская ярмарка. Съѣздъ тор-

говцевъ значительный. Появились покупатели-мануфактуристы. Конная ярмарка прошла удовлетворительно.

— Недавно, московскіе фабриканты Морозовъ и Кузнецовъ отправили большой торговый караванъ на 183 верблюдахъ, при 35 служащихъ и переводчикахъ, во внутреннюю, китайскую провинцію, гдѣ караванъ долженъ остановиться въ Лань-чжоу-фу. Караванъ отправился по сѣверо-восточному склону Тянь-шаньскаго хребта, такъ какъ этотъ путь имѣетъ то преимущество передъ главнымъ трактомъ, что тамъ даже въ Гоби встрѣчается хорошій подножный кормъ и вода въ изобиліи, что трудно найти на главномъ трактѣ.

— Въ Севастополь, 5 января, прибылъ пароходъ добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ" съ грузомъ чая и хлопка, а 6 января пароходъ „Корниловъ" съ грузомъ хлопка до 70,000 пудовъ.

Народное просвѣщеніе.

— *Новое Время* сообщаетъ слухъ, что предусмотрѣнныя новымъ университетскимъ уставомъ испытательныя коммисіи должны начать свою дѣятельность осенью, и что называютъ имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя будутъ предсѣдать въ коммисіяхъ. Такъ, въ СПб. университетѣ предсѣдателемъ юридической коммисіи называютъ попечителя Дерптскаго учебнаго округа М. Н. Капустина, физико-математической—члена совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія Н. А. Любимова, а филологической—ректора Варшавскаго университета Н. А. Лавровскаго (бывшаго попечителя Одесскаго учебнаго округа).

— Министерство Иностранныхъ Дѣлъ въ этомъ году ассигновало до двадцати трехъ тысячъ рублей на переѣзды воспитывающихся въ Россіи южныхъ славянъ и на содержаніе ихъ въ училищахъ.

— Завѣщанный Ф. Н. Ушаковою капиталъ поступилъ уже въ Московскій университетъ въ количествѣ 300 тысячъ рублей. Въ настоящее время совѣтомъ университета вырабатывается проектъ распредѣленія капитала по факультетамъ.

Искусства изобразительныя.

— Въ Петербургъ пріѣхалъ проф. Г. И. Семирадскій. Вскорѣ въ Академіи Художествъ откроется выставка его картины „Фрина въ Элевзисѣ".

— 27 минувшаго декабря, открылись въ С.-Петербургѣ выставки ученическихъ работъ въ рисовальной школѣ Императорскаго Общества Поощренія художествъ и въ центральномъ училищѣ техническаго рисованія барона Штиглица.

— 31 минувшаго декабря, въ Москвѣ, въ зданіи историческаго музея, происходило торжественное открытіе всероссійской фотографической выставки, устроенной фотографическимъ отдѣломъ общества распространенія техническихъ знаній, въ ознаменованіе пятидесятилѣтія открытія свѣтописи. На торжествѣ присутствовали: московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ князь В. А. Долгоруковъ и прочія начальствующія лица, а также товарищъ московскаго городскаго головы М. Ѳ. Ушаковъ, предсѣдатели общества распространенія техническихъ знаній и его отдѣловъ, нѣкоторые профессоры университета и другіе почетные гости, экспоненты выставки и многіе любители фотографіи.

Литература и наука.

— Обществу ветеринарныхъ врачей разрѣшено издавать въ С.-Петербургѣ, подъ редакторствомъ предсѣдателя общества адъюнктъ-профессора Имп. Военно-Медиц. Академіи В. Е. Воронцова, два раза въ мѣсяцъ, журналъ подъ названіемъ „Вѣстникъ Общественной Ветеринаріи".

— 31 минувшаго декабря, въ гор. Харьковѣ праздновался 35-ти-лѣтній юбилей ординарнаго профессора Харьковскаго университета А. И. Стоянова. Въ этотъ день товарищи юбиляра поднесли ему докторскій золотой знакъ.

Пути сообщенія.

— По иниціативѣ промышленнаго дѣятеля Печорскаго края И. А. Суслова, начата сооруженіемъ новая желѣзная дорога, имѣющая пройти по сѣверной части Пермской губерніи и связать бассейнъ рѣкъ Волги и Камы съ бассейномъ рѣки Печоры.

Изъ губерній и областей.

— Въ селеніи Марзаллахъ, Шемахинскаго уѣзда, Бакинской области, въ ночь на 23 декабря чувствовалось землетрясеніе. Первый подземный ударъ произошелъ въ четвертомъ часу утра, а второй — въ шестомъ часу. Оба удара не отличались особенною силою.

Алгебраическая задача № 6.

Извѣстная русская пословица состоитъ изъ 18 буквъ; если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то полученныя такимъ образомъ числа будутъ между собою въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

1) Сумма перваго и втораго равна разности шестаго и пятаго.
2) Двѣнадцатое съ тринадцатымъ равны одиннадцатому.
3) Шестое равно удвоенному седьмому.
4) Третье равно суммѣ пятнадцатаго и восемнадцатаго.
5) Девятое безъ седьмаго равняется десятому.
6) Шестнадцатое равно утроенному тринадцатому.
7) Восьмое безъ девятаго равно корню квадратному изъ семнадцатаго.
8) Пятое съ восемнадцатымъ равняется двумъ третямъ суммы седьмаго и пятнадцатаго.
9) Сумма третьяго и двѣнадцатаго равна восьмому съ единицею.
10) Четвертое равно восемнадцатому.
11) Разность между одиннадцатымъ и десятымъ равна разности четырнадцатаго и перваго.
12) Пятое безъ третьяго равно шестому безъ девятаго.
13) Третье съ первымъ равняется семнадцатому.
14) Десятое такъ относится къ седьмому, какъ тринадцатое къ 7.
15) Отношеніе четырнадцатаго къ третьему равно восемнадцатому.
16) Сумма четвертаго и пятаго равна удвоенной разности шестаго и шестнадцатаго.
17) Разность между восьмымъ и первымъ равна $\sqrt[5]{6.436,343}$.
18) Сумма перваго и восемнадцатаго равна разности между пятымъ и двумя третями двѣнадцатаго.

Задача № 7.

10	6	7	—9
—8	13	2	1
1	8	17	13
—5	—9	—4	6
11	12	4	—2
4	—8	14	—5

Раздѣлить данный прямоугольникъ на четыре равныя части. Полученныя части наложить одну на другую, чтобы онѣ совпали, и замѣнить сумму цифръ въ каждой клѣткѣ соотвѣтствующею въ азбукѣ буквою, при чемъ должна получиться фамилія одного извѣстнаго русскаго писателя.

ПОПРАВКА. Въ № 3 „Нивы", стр. 80, подъ рисункомъ „Бухарская пѣхота", вмѣсто: **съ фот. Васильева** слѣдуетъ читать: **съ фот. Кондратенко.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1888 годъ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА**: „Слуги“, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА**: „Вѣчу не быть“, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО**: „Братья Соперники“ и его-же: „Бытовые наброски русской исторіи“, **Я. П. ПОЛОНСКАГО**: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА**: „Бригадирская внучка“, большую повѣсть **Н. СТАКИЦКАГО**: „Исторія одного таланта“, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО**: „Заповѣдный лѣсъ“, комедію **В. КРЫЛОВА**: „Сорванецъ“, повѣсть **А. ЗАХАРОВА**: „Защита Нарвы“, разсказъ **Е. А. САЛІАСА**: „Онъ-же“, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО**: „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, „Сборника повѣстей и разсказовъ“ извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА**:

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован. . . . . 4 р. Въ коленк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . . 6 р. Съ пересылкою . 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

ежемѣсячное литературно-политическое изданіе.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1889 ГОДЪ:

(Десятый годъ изданія).

	Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к.	—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1-му апрѣля, 1-му іюля и 1-му октября по 3 рубля.

Студенты, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ и воспитанники старшаго класса среднихъ учебныхъ заведеній могутъ получать журналъ безъ доставки въ Москвѣ и Петербургѣ за 10 руб., причемъ допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и затѣмъ, съ 1 апрѣля, ежемѣсячно по 1 рублю.

Новые подписчики на 1889 г. получатъ безплатно начало романа Г. П. Данилевскаго „Черный годъ“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Леонтьевскій пер., 21. Г. № 3661

Въ С.-Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій просп., д. Армянской церкви.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (51) № 2946

А. РАЛЛЕ и К° ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ въ МОСКВѢ.

Пудра бархатная.	Масло репейное.
Мыло лимонно-глицер.	Личная помада.
Духи Шерн-бло-ссомъ.	Духи Б-тъ Пактоль.
Одеколонъ двойной.	Цвѣточная парфюмерія.
Духи Испанская кожа.	Духи Казанликъ-мимоза.
Элексиръ борно-тимоловый.	Мыло цвѣточно-глицер.

П. № 3664

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

САРПИНКА. | Пріемъ заказовъ и пересылка во всѣ города Россіи и за границу. | СЕЗОНЪ 1889 г.

Собственной выработки САРПИНСКІЯ ИЗДѢЛІЯ ручнаго ткачества родъ зефира, для лѣта на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки. Отлично моются.

Цѣны отъ 15 до 22 копѣекъ за аршинъ.

ОГРОМНАЯ КОЛЛЕКЦІЯ НОВѢЙШИХЪ ОБРАЗЦОВЪ.

высылается заказной бандеролью въ альбомѣ за 42 и въ конвертѣ за 28 копѣекъ почтовыми марками. Цѣны и условія при образцахъ. № 3525 5—5

Адресъ: Саратовъ. „Товариществу промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій“.

СЕЗОНЪ 1889 г. | ПРОДАЖА ШТУКАМИ И АРШИНАМИ. | САРПИНКА.

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Управленія.
Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ:

1) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE

для волосъ. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ объ употребленія, на русскомъ, французск. и нѣмецк. языкахъ.

2) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА

на перуанскомъ бальзамѣ, для волосъ. Ц. банки 2 руб.

3) ПОДЛИННИКЪ PASTA-EUGÉNIE

средство для лица. Ц. банки 1 р. 60 к.

4) БАЛЬЗАМЪ EUGÉNIE

изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для лица, шеи и рукъ, съ благоуханіемъ лиліи и розъ. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ.

5) РУМЯНА EUGÉNIE

жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. за флаконъ 1 р. 50 к. съ наставленіемъ какъ употреблять.

6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА

Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ“ и подпись изобрѣтательницы „*Bertha Ries*“.

7) ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGÉNIE“

бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к.; безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

Трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Ц. коробки 3 р.

РИСЪ ГУТМАНЪ.

Депо въ С.-Петербургѣ:
въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Пассажѣ, бывш. Дарзансъ; въ Центральномъ аптекарскомъ магаз., у Казанскаго моста № 30; въ Невскомъ аптекарскомъ магазинѣ и въ Гостиномъ дворѣ у А. М. Рузанова № 40; у М. П. Ушакова, и у Кошкина № 12, Суконный рядъ. № 3659

Въ Москвѣ: у К. И. Феррейнъ и Р. Келеръ и К°., Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Ф. Пецъ) и Л. Борхардтъ, Маросѣйка: у В. Качь и у парикмахера Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Оскара Гетнягъ, Петровка; у Эм. Керстанъ, Тверская; и у В. Бевбардвсъ, Арбатскія ворота.

Въ **Астрахани:** у А. И Фадѣева;
„ **Баку:** у В. Погозова;
„ **Харьковѣ:** въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами;
„ **Екатеринбургѣ:** у У. У. Ермолаева, у парикмахера Эдигарева и у Е. Харитоновъ и К°.
„ **Екатеринодарѣ:** у Гамбургеръ, Лазетъ и Робинсонъ;
„ **Екатеринославѣ:** у В. Абрамова; А. Я. Гортикова.
„ **Елизаветградѣ:** у Г. А. Трестеръ Наслѣдник.;
„ **Гельсингфорсѣ:** у Горстъ;
„ **Казани:** у Мурзаева;
„ **Кіевѣ:** въ перчаточн. магаз. Поль, Крещатикъ;
„ **Костромѣ:** у А. Прокопенко;
„ **Кременчугѣ:** у Закъ;
„ **Минскѣ:** у парикмахера К. Ивановскій;
„ **Новочеркасскѣ:** у З. Петрова;

Въ Одессѣ: у Гельдеръ и К°, Гуммельтъ и Аудерскаго;
„ **Перми:** въ писчебумажномъ магазинѣ И. П. Демидова;
„ **Полтавѣ:** у Н. Шульцъ;
„ **Ревелѣ:** у Хр. Келеръ;
„ **Ригѣ:** у Б-евъ Видеманъ;
„ **Ростовѣ н/Д.:** у Матисена;
„ **Самарѣ:** у Ю. Б. Христенсена;
„ **Саратовѣ:** у Матисена и у Р. Штроль;
„ **Ставрополѣ:** у Курылченко;
„ **Таганрогѣ:** у Л. Раппепортъ;
„ **Тифлисѣ:** у В. Грівнакъ;
„ **Томскѣ:** у С. И. Ненашева;
„ **Варшавѣ:** у Александръ и Марселли, Театральн. площ.; у Калиновскаго, въ Краковск. предмѣст., и у Липинкка;
„ **Вильнѣ:** у Гружевскаго;
„ **Воронежѣ:** у Бухалькова;
„ **Владикавказѣ:** у Г. А. Отіена.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. **Ц.** 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3611 5 5
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ.
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

(См. „Нива“ № 50. 1888 года).

Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошія фотографіи. Цѣна прибора 24, 35. 50 р. и дороже.

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются **безплатно**.

Е. КРАУСЪ и К°.
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ. Мойка, № 40.

„НОВОСТЬ“
ЗА **5** МАРОКЪ
(иногороднихъ) высылается **заказнымъ новый практическій** стѣнной
КАЛЕНДАРЬ
на **1889** г.
(размѣръ 6½ в. × 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608 (6)

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ. Зигле** и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *СПБ кія Вѣдомости* (№ 329, отъ 28 ноября) говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ, только что выпустилъ въ полномъ смыслѣ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте въ переводѣ А. Фета (Шеншина), съ эстампами и гравюрами Э. Зейбертца. Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена внѣшняя сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса—почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр. Книга отпечатана на 100 листахъ великолѣпной веленевой бумаги in folio; гравюры оттиснуты на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ средневѣковаго характера; множество виньетокъ, мелкихъ рисунковъ, заставокъ, украшаютъ текстъ. Вся эта художественная часть изданія отличается строжайшимъ единствомъ стиля, выдержанностью и благородствомъ вкуса. Такою же обдуманною роскошью отличается и переплетъ книги. Онъ сдѣланъ изъ цѣльной кожи (шагрень), вытисненной рельефно мѣднымъ штампомъ по оригинальному рисунку, въ старинномъ нѣмецкомъ стилѣ. Вообще въ изданіи совершенно отсутствуетъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола“.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

АМЕРИКАНСКІЯ
ФИСГАРМОНІИ

по своему прекрасному тону сдѣлались необходимыми инструментами любителей музыки. Новыя усовершенствованія въ ихъ конструкціи даютъ каждому возможность выучиться играть въ самое короткое время и исполнять пьесы съ прекрасными музыкальными эффектами.

Цѣны американскихъ фисгармоній: 120, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Французскихъ фисгармоній: 100, 130, 160, 200. 300 и 500 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ для фисгармоніи—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
Главное депо № 3666
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

(Америк. фисгармонія въ 300 р.).

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—4

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во **всѣхъ парфюмерныхъ** магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

СКЛАДЪ
ШВЕЙНЫХЪ И ВЯЗАЛЬНЫХЪ
МАШИНЪ
лучшихъ системъ по умѣреннымъ цѣнамъ.
А. ШТЕЙНЪ
№ 26. Большая Морская, № 26
въ С.-Петербургѣ. № 3667

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. **Вс. Соловьева.** Ром.-хрон. XVII в., въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.: въ коленк. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес. 3 руб. 25 коп.

САДОВОЕ
ЗАВЕДЕНІЕ
П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ безплатно и франко КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, **503 сорт. РОЗАНАМЪ.** грунтовымъ и оранжерейнымъ, **Георгинамъ, Гвоздикамъ,** цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 3667

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ. растительн. **гигрометрамъ** (предсказыв. перемѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ

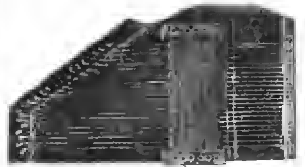
CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха. не портящееся.

LA POUDRE
SIMON
И МЫЛО
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—7



ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:
УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ	8
„ темно-полированнымъ. . . .	8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по . .	30
Альбомъ III **новый**.	50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.
Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (9)

---

10 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару. 3371
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Ж. БЛОКЪ. СПБ., В. Морская, 21.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 января 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

А. А. Шеншинъ (А. Фетъ).

„Шепотъ, робкое дыханье, трели соловья...“ Кто не знаетъ наизусть этого граціознаго, чарующаго стихотворенія, и врядъ-ли найдется у насъ кто-либо изъ читающей публики, кому не было бы извѣстно имя Фета, автора этой и другихъ пьесъ, столь у насъ популярныхъ. Фетъ большой любимецъ нашей публики,—не той части ея, которая думаетъ, что поэзія есть одно только средство, способъ для выраженія современныхъ идей въ стихотворной формѣ, хотя-бы даже анти-художественной,—Фета любитъ та публика, которая „благоговѣетъ безмолвно передъ святыней красоты“, ищетъ въ поэзіи прежде всего эстетическаго наслажденія и понимаетъ ее сердцемъ, цѣнитъ не съ помощью одного лишь холоднаго разсудка. Въ эпоху господства въ нашей литературѣ реалистическаго направленія, когда первенствовала и пожинала лавры одна лишь „муза мести и печали“,

Аѳанасій Аѳанасіевичъ Шеншинъ (А. Фетъ). По поводу 50-лѣтняго юбилея литературной дѣятельности. Съ фот. Панова, грав. Шюблеръ.

Фетъ былъ какъ будто позабытъ, о немъ говорили не иначе какъ съ усмѣшкой, его прекрасныя вещи подвергались глумленію. Только истинные любители поэзіи продолжали восхищаться его стихами, полными неизъяснимой прелести; но когда нездоровое направленіе и въ литературѣ, и въ обществѣ если не совершенно исчезло, то значительно ослабѣло, Фетъ снова сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ нашихъ поэтовъ и поставленъ на должную высоту. И можно-ли не любить этого оригинальнаго, нерѣдко причудливаго поэта? Его произведенія больше всего говорятъ нашему сердцу, нѣжатъ какъ дивная весенняя ночь, томятъ какъ знойный лѣтній день, ласкаютъ слухъ какъ рядъ безконечныхъ, дивныхъ аккордовъ, внутренно межъ собою связанныхъ, которыхъ прервать нельзя. Фетъ—поэтъ истинный съ большимъ и крайне своеобразнымъ талантомъ, съ настоящимъ поэтическимъ складомъ ума, съ богато развитымъ чувствомъ красо-

ты, у котораго форма большей частью поражаетъ изяществомъ, стихъ — необыкновенною музыкальностью, изложеніе отличаются образностью и колоритностью. Лирикъ въ самомъ строгомъ значеніи слова, онъ отлично сознаетъ свои силы и управляетъ ими какъ настоящій виртуозъ. Не большое мѣсто отмежевалъ онъ себѣ въ поэтической области, но за то онъ распоряжается въ немъ какъ полный хозяинъ. Мимолетныя, трудно уловимыя ощущенія, оттѣнки чувствъ, пробуждающихся подъ вліяніемъ созерцанія природы въ наиболѣе таинственныя, торжественно-чудныя минуты и подъ вліяніемъ молодой, свѣтлой, идеальной любви,—моменты, когда человѣкъ бываетъ необъяснимою, томительною нѣгой волнуемъ, когда душа „несказаннаго стремленія полна" — все это составляетъ главное содержаніе поэзіи Фета, чрезвычайно самобытной и совершенно субъективной. Самобытность его заключается въ необыкновенно цѣльной и нѣжной поэтической натурѣ поэта, который производитъ невыразимо обаятельное впечатлѣніе своей простотой, непосредственностью и глубокою искренностью, порой граничащею у него съ дѣтскою наивностью. Эта простота, эта наивность, это возвышенное игнорированіе мелочной, пошло-обиходной, будничной логической послѣдовательности, эта нѣкоторая—для профановъ—какъ-бы туманность его поэзіи нисколько не вредитъ цѣльности впечатлѣнія, не умаляютъ прелести его произведеній. Напротивъ, все это придаетъ его поэзіи нѣчто неуловимо-чарующее (одинъ изъ старыхъ критиковъ весьма удачно сравниваетъ многія мелодіи Фета съ мазурками Шопена). И благодаря особенности своей натуры, поэтъ отзывается на все это нерѣдко какимъ-то страннымъ, непривычнымъ для всякаго уха звукомъ, далеко не всякому сердцу понятнымъ. Напрасно стали бы мы искать во многихъ лучшихъ пьесахъ Фета чувства вполнѣ созрѣвшаго, вполнѣ яснаго. Поэтъ сознательно не хочетъ выразить его опредѣленно, сдѣлать его доступнымъ каждому; онъ предпочитаетъ, по выраженію Аполлона Григорьева, услаждаться такъ-сказать грёзою чувства. И въ этой неопредѣленности, въ этой туманности и загадочности заключается своего рода прелесть: „прелесть грёзы—съ одной стороны, полуудовлетворенія—съ другой, прелесть того состоянія, когда человѣкъ впиваетъ послѣднюю сладкую влагу сна на зарѣ." Фетъ не желаетъ вовсе знать ничего остальнаго кромѣ того, чѣмъ онъ живетъ и что чувствуетъ, но рѣдко кому изъ поэтовъ — говоритъ тотъ же Григорьевъ — удается подмѣчать такъ хорошо задатки зарождающихся чувствъ, тревоги получувствъ и наконецъ подымающіеся подчасъ въ душѣ человѣка отрывки прошедшихъ чувствъ и старыхъ впечатлѣній, былыхъ стремленій, которыя „далеки, какъ выстрѣлъ вечерній", памяти былаго, которая „крадется въ сердце тревожно". Какъ трудно уловить всю прелесть нѣжныхъ красокъ зари, букетъ аромата цвѣтущихъ полей, разнообразный гомонъ лѣса, такъ трудно уловить все очарованіе поэзіи Фета. Она мало дастъ матеріала для мысли, ее надо чувствовать, понимать сердцемъ. „Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость, только художникъ на всемъ *чуетъ* прекраснаго слѣдъ." Этими стихами Фетъ опредѣляетъ отчасти свое художественное творчество, давая понять, что художникъ не столько созерцаетъ и сознаетъ прекрасное, сколько чуетъ его. Фетъ обладаетъ еще удивительной способностью выразить въ двухъ-трехъ строкахъ извѣстное настроеніе души, изобразить въ самой коротенькой пьескѣ цѣлую картину, порою цѣлую драму, не смотря даже на быстрые скачки и переходы мысли, на неожиданные порывы.

Фетъ замѣчателенъ не только какъ удивительный лирикъ, но и какъ переводчикъ классическихъ произведеній древнихъ и новыхъ поэтовъ. Никто, рѣшительно никто изъ прежнихъ и нынѣшнихъ поэтовъ не достигалъ такого совершенства въ передачѣ всѣхъ красотъ, особенностей и самаго духа такихъ произведеній какъ, напр., „Фаустъ" Гёте. Фетъ цѣлые года работалъ надъ переводами произведеній Гёте и латинскихъ и греческихъ классиковъ, изучилъ ихъ, такъ сказать, капля по каплѣ и за то, смѣло можно утверждать, что такого перевода гётевскаго „Фауста" не существуетъ ни въ одной литературѣ. Не говоря о внутреннемъ достоинствѣ, о глубокомъ, философскомъ пониманіи великаго творенія Гёте, Фетъ, путемъ долгой работы, достигаетъ необыкновенной силы стиха въ этомъ и прочихъ переводахъ, а часто и замѣчательной отдѣлки. Нашъ поэтъ идетъ рука объ руку съ подлинниками. Фетъ первый познакомилъ русскую публику съ твореніемъ Гёте въ полномъ видѣ и первый же издалъ всѣ оды Горація; кромѣ того, онъ подарилъ отечественную литературу прекрасными переводами поэмы Гёте „Германъ и Доротея" и трагедій Шекспира „Юлій Цезарь" и „Антоній и Клеопатра". Изъ прозаическихъ произведеній Фета заслуживаетъ большаго вниманія написанная горячо, глубокая и по мысли и по чувству, статья о стихотвореніяхъ Тютчева. Думаемъ, что всѣ эти заслуги теперь уже маститаго поэта даютъ ему право на глубокое уваженіе и признательность его соотечественниковъ, помимо той глубокой симпатіи, которую чувствуютъ къ нему всѣ, въ комъ не угасла любовь къ прекрасному, кто хоть разъ въ жизни былъ молодъ, кто чувствовалъ и жилъ. Уже давно работаетъ Фетъ и въ нынѣшнемъ году исполнилось полвѣка его литературной дѣятельности. Хотя высокоталантливый лирикъ нашъ болѣе извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Фета, по его родовая фамилія—Шеншинъ. Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ родился 20 ноября 1820 года въ имѣніи своего отца, Аѳанасія Неофитовича, сельцѣ Новоселки, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія, онъ тринадцати лѣтъ былъ отвезенъ въ частный пансіонъ Крюммера въ Верро, уѣздномъ городѣ Лифляндской губерніи, гдѣ, между прочимъ, изучалъ языки и въ особенности нѣмецкій, послѣ чего около года учился въ пансіонѣ Погодина въ Москвѣ, откуда поступилъ въ Московскій университетъ, сначала по юридическому, а потомъ по словесному факультету. Ко времени пребыванія Аѳанасія Аѳанасьевича въ университетѣ относятся и его первые робкіе шаги въ литературѣ. Онъ началъ писать стихи очень рано, и въ 1839 году. будучи еще восемнадцатилѣтнимъ юношей, отдалъ въ печать сборникъ своихъ стихотвореній, который, съ помѣтою 1840 годомъ, вышелъ подъ заглавіемъ „Лирическаго Пантеона" А. Ф. Сборникъ этотъ встрѣтилъ сочувствіе въ литературѣ и вызвалъ похвалы рецензентовъ. Ко времени своего выхода изъ университета, въ 1844 году, Аѳанасій Аѳанасьевичъ составилъ уже себѣ нѣкоторое имя и съ тѣхъ поръ печатался въ лучшихъ нашихъ журналахъ. По окончаніи курса онъ опредѣлился юнкеромъ въ Орденскій кирасирскій полкъ, прослужилъ въ немъ безъ малаго девять лѣтъ, потомъ перевелся въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Величества полкъ, сдѣлалъ съ нимъ походъ къ нашимъ западнымъ границамъ и въ 1856 году, по заключеніи мира, вышелъ въ отставку. Въ это время онъ женился въ Москвѣ на сестрѣ знаменитыхъ Боткиныхъ, затѣмъ поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ и весь отдался литературѣ и сельскому хозяйству.

Съ 1860 по 1877 годъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ Фетъ, поглощенный устройствомъ небывалаго до того времени вольнаемнаго труда, а затѣмъ занятіями по должности участковаго мироваго судьи до выхода въ отставку въ 1877 году, — почти ничего не писалъ, за исключеніемъ хозяйственныхъ замѣтокъ „*Изъ деревни*". Въ 1863 г. были напечатаны въ Москвѣ „Стихотворенія А. А. Фета". 2 части. Изданіе Солдатенкова. Но съ 1877 года, переселившись въ Щигровскій уѣздъ, онъ всецѣло предался литературнымъ занятіямъ, и за послѣднія десять лѣтъ издалъ: въ 1880 г. — переводъ Артура Шопенгауэра: „Міръ какъ воля и представленіе" (вышедшій вторымъ изданіемъ въ 1888 году); въ 1882 году изданъ переводъ „Фауста" Гёте, часть первая; въ 1883 г. — вторая часть „Фауста"; въ 1883 г. — стихотворенія А. А. Фета: „Вечерніе Огни" — часть первая; въ 1883 г. — переводъ Квинта Горація Флакка. Этотъ переводъ въ 1856 г. былъ поднесенъ его величеству государю Александру II, за что Фетъ Высочайше награжденъ перстнемъ; а въ 1883 г. вполнѣ оконченный переводъ удостоенъ Академіею Наукъ первой Пушкинской преміи. Въ 1885 г.—переводъ Ювенала; въ 1885 г. — стихотворенія „Вечерніе Огни" — часть вторая; въ 1886 г. — переводъ Катулла; въ 1886 г. — переводъ Тибулла; въ 1886 г. — переводъ Артура Шопенгауэра: „О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія"; въ 1887 г. — переводъ „Превращеній" Овидія; въ 1888 г. — стихотворенія „Вечерніе Огни" — часть третья; въ 1888 г. — переводъ „Энеиды" — Виргилія, и переводъ „Элегій" Проперція.

Стихотворенія А. А. Фета выдержали нѣсколько изданій.

Въ 1885 г. А. А. Шеншинъ за литературныя заслуги Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени.

Пройдутъ года, многія литературныя имена, столь громко шумѣвшія въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ, перейдутъ лишь въ область исторіи литературы, но дивныя мелодіи Фета останутся жить въ обществѣ. Ихъ съ чувствомъ повторитъ и отзывчивый на все доброе, начинающій жить юноша, и отживающій старикъ, вспоминающій время, когда онъ былъ такимъ же чуткимъ юношей.

П. Быковъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

X.

Въ правленіи общества „*Внутренняго кредита*", всѣ, отъ кассира до предсѣдателя, боготворили Ивана Ѳедоровича Ладищева. Не то чтобы онъ принималъ участіе въ ходѣ обычныхъ дѣлъ, — на это, какъ человѣкъ, по горло занятый государственной службой, онъ не имѣлъ ни времени, ни охоты; но тѣмъ не менѣе, какъ патронъ-учредитель, Ладищевъ имѣлъ за

себя большинство на общихъ собраніяхъ, властвовалъ нераздѣльно въ совѣтѣ банка, и даже не разъ выручалъ его изъ критическихъ затрудненій... Понятно поэтому, что служебное положеніе Паши въ правленіи было привилегированное. Старшій бухгалтеръ и предсѣдатель, кассиры, директора, юрисъ-консультъ — всѣ знали дѣвушку и, встрѣчаясь съ нею въ пріемные дни у Ладищевыхъ, или на службѣ, не забывали пожать ей руку или сказать какое-нибудь, ничтожное въ сущности, но любезно свернутое и еще любезнѣе выговоренное привѣтствіе... Юрисъ-консультомъ банка служилъ о ту пору Стойницкій. Это былъ молодой еще, но успѣвшій уже пріобрѣсти извѣстность, ловкій и образованный человѣкъ, съ весьма представительною наружностью: блѣдное, выразительное лицо и кудрявые, темные волосы, красивая борода, увѣренный взоръ, и манера откидывать голову говоря, — все у Стойницкаго было эффектно. Въ домѣ Ладищевыхъ онъ былъ баловнемъ дамъ: его окружали, за нимъ ухаживали, къ нему приставали нарочно, чтобы заставить его говорить, и бойкій ораторъ не оставался въ долгу: блестящая рѣчь его била ключемъ и искрилась какъ шампанское. Кузина Софья Ивановна, интересная молодая вдовушка, была очарована имъ и не скрывала того, а Паша, хотя и старалась увѣрить себя, что она равнодушна, минутами тоже была безотчетно увлечена. Но онъ появлялся въ пріемные дни, какъ метеоръ, и, ожививъ на короткое время общество, исчезалъ такъ внезапно, что Пашѣ долго не представлялось случая поговорить съ нимъ дома. Это ей удавалось только въ правленіи; но и тамъ ихъ встрѣчи большею частію ограничивались рукопожатіемъ и обмѣномъ нѣсколькихъ словъ, послѣ которыхъ онъ раскланивался и проходилъ.

Стойницкій нравился дѣвушкѣ, но въ первое время ей и во снѣ не снилась возможность какого-нибудь сближенія... Какъ вдругъ, — это случилось недѣли двѣ послѣ свиданія ея съ Марьей Кондратьевной, въ правленіи,—онъ подошелъ къ ней. и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, шепнулъ, что имѣетъ ей передать одну вещь.

— Могу я васъ оторвать на минуту отъ вашихъ занятій? прибавилъ онъ, взглядомъ указывая ей на пріемную, которая въ эту минуту была пуста.

Она отвѣчала: „Конечно“, и вышла, немножко заинтригованная, но безъ малѣйшей догадки, въ чемъ дѣло.

— Вы вѣдь немножко знакомы съ мадамъ Рогневичъ? продолжалъ онъ, вынимая изъ портфѣля, маленькую, сложенную бумажку.

Дѣвушка вздрогнула и лицо ея загорѣлось жаркимъ огнемъ.

— Да, прошептала она со встревоженнымъ взоромъ:—А что?

— Бездѣлка... Она поручила мнѣ передать вамъ вашъ вексель и объяснить, что деньги по немъ уплачены.

Въ рукахъ у него былъ дѣйствительно вексель, но Паша, вмѣсто того чтобы взять и спрятать его, стояла растерянная и яркая краска стыда на ея лицѣ уже смѣнилась мертвенной блѣдностью.

Стойницкому стало жалко ея.

— Сядемте, сказалъ онъ. — И, ради Бога, простите меня... Еслибъ я могъ предвидѣть, что эта малость васъ такъ взволнуетъ..

— Кто заплатилъ? перебила она.

— Я,—по порученію Марьи Кондратьевны.

— Вы, стало-быть, сами были... тамъ?..

— Былъ самъ.

— И знаете?.. Но въ такомъ случаѣ вы должны понимать, что для меня это совсѣмъ не малость!..

Ужасъ написанъ былъ у нея на лицѣ.

— Сударыня, отвѣчалъ юрисъ-консультъ съ искреннимъ состраданіемъ,—я не хочу васъ обманывать. Марья Кондратьевна сообщила мнѣ все, что мнѣ было необходимо знать, — но я убѣдительно васъ прошу: не смотрите на это какъ на нескромность съ ея или съ моей стороны, и вообще, удостойте меня хоть нѣкотораго довѣрія. Имѣя дѣло съ такимъ сутягой, какъ вашъ кредиторъ, я бы не могъ исполнить его удовлетворительно, если бы явился къ нему ничего не зная. Но это васъ не должно смущать; потому что, во-первыхъ, тайна—въ нашей профессіи—составляетъ такое же дѣло чести, какъ и въ профессіи медика, и я прошу васъ не сомнѣваться, что она будетъ свято сохранена. А во-вторыхъ,—то, что я знаю о вашемъ несчастномъ случаѣ, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ вашей невиновности... Дѣло, конечно, весьма щекотливое; но единственное, что заставляетъ меня опасаться за результатъ, это—собственная ваша неопытность и тѣ ошибки, въ которыя она угрожаетъ вовлечь васъ, — можетъ-быть даже отчасти и вовлекла. Поэтому если вы позволите дать вамъ совѣтъ — заручитесь какъ можно скорѣе повѣреннымъ и не дѣлайте безъ него ни шагу...

— Это легко сказать, отвѣчала Паша, не смѣя поднять на него глаза, — но вы понимаете сами... какая это задача... въ моемъ положеніи... Я никого не знаю; да еслибъ и знала, то кто захочетъ взять на себя такой... непривлекательный трудъ?..

Онъ улыбнулся. — Ну, это не лестно для нашего брата! сказалъ онъ:—и если бы я былъ въ правѣ придать обдуманный смыслъ тому, что я слышу, я принялъ бы ваши слова за выраженіе общаго недовѣрія къ нашей профессіи, — въ томъ смыслѣ, что адвокатъ, какъ вы его понимаете, по природѣ своей, не можетъ быть безкорыстенъ... Но, шутки въ сторону, что вы имѣли бы, напримѣръ, противъ меня?

Она молчала, въ большомъ замѣшательствѣ, не осмѣливаясь признаться, что онъ, на ея глаза, слишкомъ молодъ, чтобы служить ей въ роли, которую онъ и самъ ставитъ рядомъ съ ролью врача или духовника. И еслибъ она могла читать у него въ душѣ, она убѣдилась бы, что ея опасенія не напрасны.

„Ахъ, чортъ возьми!“ думалъ тотъ: „да она прелестна!—И какъ это я до сихъ поръ не обратилъ на нее вниманія?..“

— Позвольте мнѣ отвѣчать за васъ, сказалъ онъ, съ усмѣшкой. — Вы не имѣете лично противъ меня ничего; но васъ затрудняетъ формальный вопросъ приличій?.. Съ повѣреннымъ, напримѣръ, необходимо встрѣчаться и совѣщаться, т. е., другими словами, придется ему назначать дѣловыя свиданія; а такъ какъ, именно, дѣловая ихъ сторона не допускаетъ огласки, то ваша фантазія и создаетъ себѣ пугало тайныхъ свиданій... Не такъ ли?

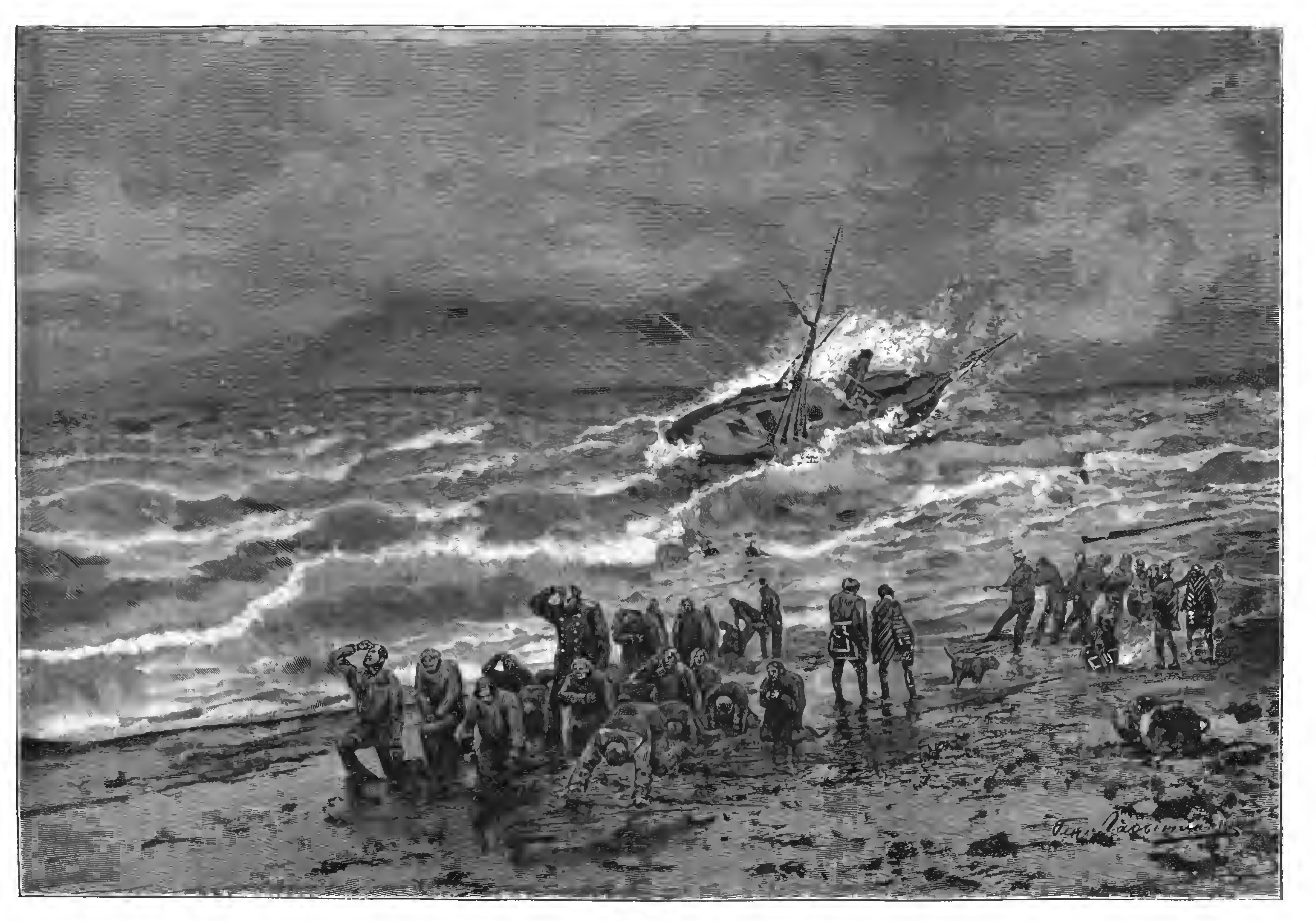
— Не совсѣмъ такъ, отвѣчала она:—но отчасти и это правда.

— Я продолжаю.. Первое, что смущаетъ васъ, такимъ образомъ, это—вопросъ, гдѣ мы могли бы видѣться... У Марьи Кондратьевны неудобно, потому что вы мало знаете эту особу и непосредственное участіе ея въ консультаціяхъ стѣснило бы насъ обоихъ... Здѣсь слишкомъ людно, и наши *aparte*, за явнымъ неправдоподобіемъ всякихъ реальныхъ попытокъ ихъ объяснить, имѣли бы фантастическій видъ какого-то заговора противъ правленія банка. А дома, у дядюшки, извините меня, это приняли бы, пожалуй, за тайное сватовство... Не правда ли?

— Очень похоже на правду.

— Но при такихъ условіяхъ, остается только одно: это — почтить меня вашимъ полнымъ довѣріемъ и назначить, хотя бы на первый разъ, когда я могу васъ принять у себя.

Старое мѣсто въ Варшавѣ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Малышицкаго**, грав. Пуцъ.



Спасенные со шкуны „Алеутъ“ у острова Матсмая (Японія). Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) ген. **Ладыженскаго**, грав. Флюгель.

(Молчаніе, не мѣшавшее, впрочемъ, Стойницкому находить ее восхитительною).

— Простите мнѣ мою дерзость, продолжалъ онъ: — вы — умная дѣвушка, и мнѣ нечего вамъ объяснять, что тамъ, гдѣ нѣтъ выбора, не должно оставаться простора и колебанію... Что же дѣлать, если ни у меня, ни у васъ въ распоряженіи нѣтъ другаго мѣста?.. А? какъ вы думаете?

— Думаю, отвѣчала она,—что дѣйствительно у меня нѣтъ выбора.

— Придете, стало быть?

Она покраснѣла.—Приду.

— Какъ это мило!.. Когда?

— Въ воскресенье, въ 12 часовъ, если васъ это не затруднитъ.

— Нимало. Это и для меня самый удобный часъ... Возьмите же вексель. онъ никому не нуженъ; но это урокъ осторожности, и, какъ такой, онъ долженъ вознаградить васъ, хотя отчасти, за тѣ непріятности, въ которыя онъ васъ вовлекъ. Первое правило съ незнакомыми вамъ людьми — не подписывать никакихъ обязательствъ, которыя вамъ предлагаютъ, какъ бы они ни казались невинны, и вообще не оставлять ни строчки у нихъ въ рукахъ... Но мы объ этомъ еще поговоримъ, и я прошу васъ только, если у васъ есть еще что-нибудь письменное по этому дѣлу, — все равно, что,—не позабудьте мнѣ показать въ воскресенье.

***

Лицо у нея горѣло, когда она воротилась къ своей конторкѣ, и мысли были въ такомъ разбродѣ, что даже конецъ ея оброчной зависимости отъ Бурдюкова— какимъ представлялся ей выкупъ векселя — затерянъ былъ въ общемъ сумбурѣ, какъ что-то очень хорошее, но о чемъ теперь некогда думать.

А онъ ушелъ торжествующій, поздравляя себя съ рѣдчайшею и интереснѣйшею находкой, какая только возможна въ его профессіи. Защита красавицы отъ чудовища, угрожающаго ее растерзать, едва ли могла бы казаться заманчивѣе какому-нибудь легендарному паладину. А что касается безкорыстія, то это пустой вопросъ; ибо какой аскетъ способенъ требовать его не шутя въ подобномъ случаѣ? Если онъ помнитъ себя въ года цвѣтущей молодости, то онъ согласится, что есть пора, когда идеально-постное отношеніе къ притѣсненной, хорошенькой дѣвушкѣ, со стороны даже и самаго безкорыстнаго изъ ея защитниковъ, граничитъ почти съ физической невозможностью. Затѣмъ, остается, однако, вопросъ: насколько возвысили цѣну Пашѣ, въ глазахъ молодаго юриста, ея опасное положеніе и этотъ загадочный инцидентъ въ вагонѣ (который, но правдѣ сказать, представлялся ему совсѣмъ не такъ ясенъ, какъ онъ ее увѣрялъ),—и краска стыда, когда она убѣдилась, что тайна ея извѣстна Стойницкому?.. Но это профессіональный вопросъ, и мы, какъ непосвященные въ психологію ремесла, не беремся его рѣшать, а констатируемъ только фактъ, что съ этой минуты, Паша, изъ очень милой, но прозаической барышни, превратилась для него вдругъ въ увлекательную загадку, предметъ интереснѣйшаго изслѣдованія и наблюденія,—а можетъ быть и награду профессіональной отваги и предпріимчивости.

Пылъ этотъ, впрочемъ, немного остылъ, покуда онъ шелъ пѣшкомъ изъ правленія къ Красному мосту. Жизнь человѣческая, къ несчастію, такъ создана, что на изнанкѣ ея поэтической стороны всегда шевелятся какія-нибудь низменныя и прозаическія заботы. И эти заботы, одна за одной, выползали изъ мрака, по мѣрѣ того какъ прогулка его приходила къ концу. Не то, чтобы его ожидали холодный пріемъ и сухая, скучная, исключительно дѣловая бесѣда. Дѣла у Марьи Кондратьевны, въ настоящее время, конечно, играли первостепенную роль, но отъ прежней цыганской жизни у нея уцѣлѣли извѣстнаго рода свобода нравовъ и удаль, не позволявшія никому соскучиться съ нею, даже и за дѣловымъ совѣщаніемъ.

Услышавъ имя, она со своею необузданною живостью выбѣжала навстрѣчу.

— А! это вы, голубчикъ?.. Откуда васъ Богъ принесъ?..

И услыхавъ. что онъ со вчерашняго дня былъ чуть не въ шести мѣстахъ по ея дѣламъ, барыня эта нѣжнѣйшимъ образомъ обняла и разцѣловала его.

— Ну, живо! садитесь, разсказывайте!.. Или—нѣтъ, лучше пойдемте ко мнѣ; тамъ у меня уютнѣе...

И вернувъ лакея, она приказала ему до обѣда не принимать никого.

Пошли разспросы... Первое мѣсто между извѣстіями принадлежало Шалыгинской горнозаводской компаніи, дѣла которой были уже давно въ безвыходномъ положеніи, и, не взирая на дорого-купленную, но всегда стѣснительную, правительственную поддержку, къ исходу года, обыкновенно висѣли на волоскѣ.

— Ни о какой развязкѣ не слышно еще, говорилъ Стойницкій: — но съ облигаціями, на биржѣ — швахъ! И у насъ уже знаютъ, что общее собраніе ихъ, въ Москвѣ, отложено.

— Представить себѣ не могу, чѣмъ они оплатятъ мартовскій свой купонъ, сказала Марья Кондратьевна, съ озабоченнымъ видомъ. — Мнѣ пишутъ, что касса пуста, а съ новымъ выпускомъ, говорятъ, не пройдетъ въ декабрѣ.

— Говорятъ хуже, прибавилъ Стойницкій. — Говорятъ прямо, будто собраніе потому и отложено, что ликвидація неизбѣжна. Но ликвидація, для Шалыгина. это—пуля въ лобъ, или тузъ на спину... Что это?.. Слезы!..

Она обмахнула глаза платкомъ.

— Нѣтъ... пустяки!.. Но я не скрою отъ васъ, что мнѣ его жалко... Я ему многимъ обязана.

Стойницкій смотрѣлъ на нее дивясь.

— Не понимаю я васъ, сказалъ онъ.—Добро-бы что-нибудь непредвидѣнное; а то вѣдь комедія эта разъигрывается изъ году въ годъ, безъ малѣйшей обновки. Стоитъ-ли же теперь, каждый годъ пороть горячку, зная, какъ вы это знаете, что его невозможно спасти?.. Годъ ранѣе или позже, не все-ли равно, если конецъ одинъ, и если онъ неизбѣженъ?

— Можетъ-быть, отвѣчала она вздохнувъ: — но покуда конецъ не насталъ, всегда остается еще надежда... Случалось и не изъ такихъ тисковъ выходить... Пять лѣтъ назадъ, съ этой Харьковскою его затѣей, у прокурора уже лежала бумага... однако, вотъ, вывернулся-же!.. И помолчавъ:—вы, значитъ, не думали болѣе о моемъ планѣ?

— Это насчетъ кредита у насъ?

— Да, черезъ Ладищева.

— Думалъ; но признаюсь, не выдумалъ ничего, о чемъ бы стоило говорить. Въ подобныхъ вещахъ, какъ въ азартной игрѣ, всѣ предварительныя, глубокомысленныя соображенія—вздоръ, а успѣхъ зависитъ всецѣло отъ неуловимаго сочетанія обстоятельствъ. Попали въ счастливую минуту—и дѣло въ шляпѣ;—нѣтъ—никакіе разсчеты и ухищренія не послужатъ вамъ ни къ чему... А впрочемъ, попробуйте, чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Но прежде чѣмъ выступать въ походъ, необходимо знать въ точности средства, какія въ рѣшительную минуту будутъ у васъ въ рукахъ... Онъ не писалъ вамъ?

— Нѣтъ; но я жду его съ часу на часъ... Кнехтъ давеча говорилъ, что кого-то изъ ходоковъ его видѣли уже мелькомъ у Палкина.

Они замолчали... Марья Кондратьевна заглянула въ глаза своему повѣренному и потомъ на часы... Была уже половина 5-го.

— Голубчикъ, сказала она, наклоняясь къ Стойницкому и касаясь рукою его колѣна: — обѣдайте у меня... Иначе вы будете торопиться и я не узнаю отъ васъ путемъ ничего.

Онъ началъ было отнѣкиваться, божась, что въ семь часовъ его ждутъ на консультацію; но въ результатѣ настойчивыхъ просьбъ ея, уступилъ, съ условіемъ, что она не будетъ удерживать его дольше семи.

Сказано было еще нѣсколько словъ о дѣлахъ Шалыгина, но Стойницкому видимо надоѣлъ сюжетъ.

— Ахъ да, спохватилась Марья Кондратьевна, — а у Жухиной были?

— Былъ и вывѣдалъ всю подноготную... Былъ тѣмъ-же разомъ и у ея компаньйона.

— Значитъ и вексель выкупили?

— И вексель выкупилъ... Слушайте, надо вамъ разсказать это по порядку... Ихъ нотаріальную сдѣлку, хотя она и предательски связываетъ одну изъ сторонъ, оставляя другой свободныя руки, трудно оспаривать, да и пользы отъ этого ей никакой, потому что ссора у нихъ изъ-за такихъ вещей, о которыхъ въ сдѣлкѣ ни словомъ не упомянуто, et pour cause... Трудно даже сказать кто въ выгодѣ, такъ какъ касса фактически въ рукахъ Жухиной и контроль, съ его стороны, по меньшей мѣрѣ, весьма затруднителенъ. Отъ этого онъ и пилитъ ее, требуя отъ нея въ каждой копѣйкѣ отчета... Но главное дѣло въ выручкѣ отъ продажи просроченныхъ ихъ закладчиками вещей. Ихъ цѣнятъ, примѣрно, вчетверо ниже ихъ стоимости и выдаютъ двѣ трети противъ оцѣнки, а продаютъ гораздо дороже, и разницу, большею частію очень значительную, кладутъ преспокойно въ карманъ. Вездѣ это дѣлается и никакихъ претензій со стороны закладывающихъ не бываетъ, потому что несчастные не имѣютъ возможности провѣрять за сколько ихъ вещи проданы. Но по закону — это грабежъ, и жалобы содержателей кассы, обсчитывающихъ другъ друга на дѣлежѣ, такъ же безсмысленны, какъ жалобы въ судъ воровъ, поссорившихся изъ-за раздѣла добычи. Судъ не захочетъ разсматривать ихъ претензій, а упечетъ обоихъ за утайку выручки... Бросьте вы ихъ! Чтó за охота вамъ вмѣшиваться въ ихъ ссору, зная—какъ это не трудно знать,—что праваго между ними нѣтъ, да и быть не могло... Пусть ихъ грызутся всласть: это зачтется имъ, на томъ свѣтѣ, въ уплату и облегчитъ хоть нѣсколько ихъ балансъ. А затѣмъ вы можете быть спокойны: чѣмъ хуже придется Жухиной отъ товарища, тѣмъ охотнѣе она выдастъ его.

— Что-же вы ей сказали?

— Сказалъ, что игра не стоитъ свѣчей, и что въ ея профессіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ, чѣмъ далѣе отъ суда, тѣмъ лучше; ибо судъ, страннымъ образомъ, предубѣжденъ противъ нихъ. А компаньйона, молъ, вашего — не трудно и безъ суда прижать, если взяться за это умѣючи. Одна уже эта продѣлка его съ Ладищевой, молъ, если она дойдетъ до дяди ея, можетъ дорого обойтись не только ему, но и всѣмъ его соучастникамъ, если они не отступятся отъ него... Тогда она начала отрекаться и призывать въ свидѣтели силы небесныя, что она тутъ совсѣмъ не причемъ, хотя изъ разсказа ея и ясно, что это ложь. Разсказывала мнѣ, напримѣръ, какъ они запугали несчастную до того, что ее лихорадка трясла и какъ они тамъ ее обыскивали, не пригласивъ ни свидѣтелей, ни полиціи, — какъ у нея отобрали видъ и багажный билетъ, и увезли къ нему на квартиру, въ Подъяческую, гдѣ его жена, изъ ревности, чуть не выцарапала ей глаза; и какъ онъ заставилъ ее подписать какую-то кляузную бумагу, которая будтобы позволяетъ ему, когда угодно, ее замарать; а послѣ бумаги—вексель.... Все вмѣстѣ такъ хорошо рисовало типъ, исчезающій уже у насъ среди произрожденій новаго времени, что мнѣ не терпѣлось провѣрить его на живомъ лицѣ, и я отправился къ нему въ тотъ-же день (по совѣту Жухиной — тотчасъ послѣ обѣда)... Ну и имѣлъ удовольствіе видѣть этотъ антикъ... Узнавъ изъ визитной карточки мое званіе, онъ побѣжалъ напялить свой вицмундиръ и вышелъ во всей своей красотѣ: взъерошенный, съ галстухомъ на бокъ, и со Станиславомъ въ петличкѣ—на отмашь: глаза такъ и прыгаютъ. — „Господинъ Стойницкій?“— „Онъ самый, съ вашего позволенія; повѣренный госпожи Ладищевой, по дѣлу о ея векселѣ“. — Вижу, канальи струсилъ. — „Сдѣлайте милость, пожалуйте, говоритъ: садитесь... Напрасно изволили безпокоиться... Дали-бы знать; я и самъ-бы явился... Вотъ, говоритъ, и барышня тоже изъ пустяковъ изволятъ тревожиться...“ —„Да, говорю, она могла-бы и не платить; потому что вексель ея, какъ недостигшей совершеннолѣтія, не имѣетъ силы; но она слишкомъ совѣстлива и благородна чтобы воспользоваться статьею вексельнаго устава, которой она и не знала покуда я ей не объяснилъ... Она ставитъ слово свое выше формальнаго права... Только она платила вамъ уже раза два... Вопросъ теперь: сколько еще остается за ней...“

Онъ завертѣлся и выбѣжалъ, дѣлая видъ, что не помнитъ въ точности и что надо справиться; но воротился черезъ минуту съ векселемъ. „Вотъ-съ, потрудитесь, молъ, сами удостовѣриться; за послѣдней уплатою, двѣ недѣли назадъ: *„четыреста...“* Я поглядѣлъ ему строго въ глаза. „Послушайте“, говорю: — „разъ вы желаете чтобы она расплатилась съ вами не по закону, который ее ни къ чему не обязываетъ, а по совѣсти, то и вы считайте по совѣсти... Вычтите чтó уплачено, и получите остатокъ...“ Онъ покачалъ головой и скорчилъ жалкую рожу. — „Обидно-съ“. — „Ну, если обидно, прикиньте проценты, сколько придется изъ десяти годовыхъ, это болѣе чѣмъ достаточно. Въ итогѣ, если не ошибаюсь, выходитъ всетаки меньше 300, но для круглаго счета, положимъ 300, и кончимте этотъ вздоръ, о которомъ стыдно и говорить, потому что въ дѣйствительности она не получала отъ васъ ни гроша и все это вы насчитали съ нея за услуги, которыя, если-бы дѣло вышло наружу, вы-бы не знали какъ и назвать... Пишите, что деньги уплачены вамъ сполна, и что вы никакихъ, дальнѣйшихъ претензій къ ней не имѣете. А не согласны, прощайте; но я васъ предупреждаю, во-первыхъ, что вы потеряете только напрасно время и трудъ, а во-вторыхъ, что, имѣя повѣреннаго, она желаетъ чтобъ вы избавили ее впредь отъ личныхъ переговоровъ, и проситъ васъ обращаться ко мнѣ...“ Поторговавшись, онъ согласился, и мы окончили въ пять минутъ... Вексель ей возвращенъ, а росписку на ваше имя она обѣщала мнѣ, въ воскресенье.

— Чтò за вздоръ! сказала Марья Кондратьевна.— На чтò мнѣ ея росписка?.. Шалыгинъ заплатилъ мнѣ за нее и безъ росписки...

XI.

Наша пришла къ своему юрисъ-консульту со смѣшаннымъ чувствомъ стыда, надежды и опасенія, очень похожимъ на чувство больной, отправляющейся къ врачу, въ кабинетѣ котораго ее ожидаютъ: мучительный, профессіональный осмотръ, мучительные разспросы, и, въ заключеніе, неизвѣстно еще какой приговоръ. Но ни одно изъ ея опасеній не оправдалось въ дѣйствительности. Она нашла у него, въ Конюшенной, со вкусомъ но безъ претензій убранный кабинетъ, и занятаго, но неподдѣльно обрадованнаго ея приходомъ, милаго и внимательнаго хозяина... Ни докторальнаго тона, ни важныхъ минъ: онъ принялъ ее безъ малѣйшей торжественности и аффектаціи, запросто, какъ знакомую забѣжавшую къ нему побол-

тать, и не выпытывалъ у нея ничего, а напротивъ самъ разсказалъ ей, со своеобразнымъ юморомъ, результаты своихъ посѣщеній. Потомъ спросилъ: принесла-ли она съ собою копію съ документа, который ее заставили подписать и, пробѣжавъ ее, попросилъ оставить въ его рукахъ.

— Ну вотъ и все, заключилъ онъ.—Ручаться за будущее нельзя, такъ какъ подобные случаи не имѣютъ еще у насъ прецедентовъ; но я васъ прошу: положитесь во всемъ на меня и не думайте больше объ этомъ, чтобы не отравлять себѣ понапрасну жизнь. Дѣло, хотя и весьма деликатное,—это „шантажъ“,—не такого рода, чтобы противу васъ могло быть предпринято что-нибудь кромѣ угрозъ, все съ тою-же цѣлію: выманить деньги. Всячески, послѣ такой уплаты, можно надѣяться, что этотъ хищникъ не скоро возобновитъ свои вымогательства; а къ тому времени когда это можетъ случиться, у насъ, я надѣюсь, будутъ уже въ рукахъ всѣ средства зажать ему ротъ.

И только!.. Догадываясь что дѣловое ихъ совѣщаніе кончено, Паша вздохнула съ отраднымъ сознаніемъ миновавшей опасности и озабоченное доселѣ лицо ея просвѣтлѣло. „Какъ просто!“ думала она: — „и деликатно, что онъ не хочетъ мучить ее разспросами, на которые онъ, какъ ея повѣренный, несомнѣнно имѣлъ-бы право. А между тѣмъ въ его обращеніи съ нею не было ни малѣйшей профессіональной сухости, или желанія поскорѣе отдѣлаться отъ докучливаго кліента... Мало того, когда она встала съ намѣреніемъ поблагодарить его и уйти, онъ такъ замѣтно былъ огорченъ ея поспѣшностью и такъ простодушно спросилъ: „Куда-жь вы?“—что сердце ея растаяло.

— Я думала, что вы заняты, отвѣчала она зарумянившись.

— Занятъ, пожалуй; но не такія-же у меня каторжныя занятія чтобы не позволять ни минуты отдыха... Полноте! Посидите! Подумайте только какъ рѣдко судьба посылаетъ нашему брату кліентовъ, съ которыми можно поговорить по душѣ о чемъ-нибудь кромѣ дѣла ихъ поглощающаго. Къ тому-же, сегодня воскресный день—и мы съ вами, какъ люди служащіе, несомнѣнно имѣемъ право на отдыхъ... Сядьте и разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ; все равно чтó, лишь-бы то было отъ васъ и о васъ. Мнѣ просто хочется васъ послушать: рѣдкое удовольствіе въ ваши пріемные дни! Вы такъ молчаливы въ своемъ кругу, что до послѣдняго времени, даже голосъ вашъ былъ мнѣ почти незнакомъ... А отчего? Это загадка, которая не шутя занимаетъ меня иногда...

И онъ смотрѣлъ на нее вопросительно.

— Не знаю какъ вамъ сказать, отвѣчала дѣвушка, съ непривычки робѣя передъ вопросомъ такъ близко касающимся ея. — Я никогда не спрашивала себя объ этомъ.

— А между тѣмъ, продолжалъ онъ развязно: — если-бы вы захотѣли, вы-бы нашли въ избыткѣ о чемъ говорить; потому, что у васъ, какъ у сельской жительницы, долженъ быть своеобразный запасъ наблюденій и есть рѣдкое преимущество: это естественность. Я, напримѣръ, не слыхалъ отъ васъ еще ни разу чего-нибудь, чтò такъ часто приходится слышать въ обществѣ,—чего-нибудь безхарактернаго и безцвѣтнаго.

— Я не бойка, отвѣчала она вздохнувъ.

— Да развѣ у насъ такъ много бойкихъ? Смѣю увѣрить васъ, если вы сами еще не убѣдились: то чтò у васъ слыветъ за бойкость, за рѣдкими исключеніями, не болѣе какъ обмѣнъ заученныхъ наизусть банальностей. Да вотъ, напримѣръ хоть ваша кузина, Софья Ивановна. Она не молчитъ, а между тѣмъ она отъ природы, совсѣмъ не изъ бойкихъ, и въ этомъ не трудно удостовѣриться. Стóитъ только сказать ей что нибудь совершенно для нея неожиданное, чтобы поставить ее втупикъ и получить въ отвѣтъ какое-нибудь общее мѣсто съ безсодержательною усмѣшкой. Я впрочемъ не отрицаю у ней ума; но его не легко замѣтить, благодаря тому, что она сама не цѣнитъ его и онъ сказывается у ней только тогда, когда она меньше всего воображаетъ сказать что-нибудь дѣйствительно умное. У нея нѣтъ естественности... Не такъ-ли?

— Да, отвѣчала Паша смѣясь: — это вѣрно подмѣчено.

— За то кузенъ вашъ, Сергѣй Ивановичъ Лагодинъ—сама натура, и это съ избыткомъ вознаграждаетъ за всѣ его недостатки... Вы съ нимъ дружны?..

— Да, я люблю Сережу, сказала Паша и прибавила съ тонкой усмѣшкой:—когда онъ не слишкомъ занятъ собой.

— Ну кто-же, съ его счастливой наружностью, не занятъ немножко собой?.. Я спрашиваю, потому что мнѣ хочется знать съ кѣмъ изъ родныхъ вы всего откровеннѣе.

Она опустила глаза.

— Съ Сережей, во всякомъ случаѣ, это не безопасно, сказала она вздохнувъ: — потому что Сережа сущій полишинель по части секретовъ.

— А съ дядюшкой?

— Еще менѣе.

— Отчего?.. Онъ кажется любитъ васъ?

— Да, любитъ... Но дядя Иванъ такъ занятъ, что ему некогда очень интересоваться тѣмъ, чтó дѣлается въ его семьѣ. Я впрочемъ не исключеніе. Соня и тетушка тоже рѣдко ему повѣряютъ что-нибудь, а если у нихъ когда и доходитъ до откровенности, то стóитъ только взглянуть на его отсутствующее лицо, чтобъ убѣдиться какъ онъ далёкъ отъ того, чтò ему говорятъ.

Отъ дяди Ивана, они перешли къ правленію.

— Скажите, пожалуйста, спрашивалъ онъ:—отчего вашъ дядюшка не пріищетъ для васъ другаго мѣста?

— Зачѣмъ?

— Да чтобы избавить васъ отъ такого сухаго дѣла, какъ бухгалтерія. Въ ваши года, когда сердце еще такъ горячо и фантазія занята розовыми видѣніями, счеты должны быть невыносимо скучны.

Но Паша вступилась за бухгалтерію, увѣряя его, что она не знаетъ занятія успокоительнѣе дѣйствующаго на нервы и на голову, когда человѣкъ замученъ или раздраженъ чѣмъ-нибудь очень далекимъ отъ поэтическихъ грёзъ. И она разсказала ему чистосердечно о благотворномъ вліяніи на нее служебныхъ занятій въ первое время послѣ ея несчастнаго приключенія.

— Мнѣ кажется я съ ума-бы сошла безъ нихъ, говорила дѣвушка.

* * *

Они просидѣли, усердно занятые другъ другомъ, до двухъ, и разстались друзьями. Паша потомъ сама удивлялась: откуда у ней такая прыть!.. Придти къ юрисъ-консульту, человѣку серьезному, у котораго каждые четверть часа на счету, потому что они ему доставляютъ деньги, и проболтать съ нимъ, безъ всякаго дѣла, часа полтора!.. Но еще страннѣе было довѣріе, которое онъ такъ внезапно завоевалъ. Лично она до сихъ поръ не имѣла соприкосновеній съ его профессіей, а понятіе, которое она составляла себѣ о ней по слухамъ, было далеко не лестное. Въ ея представленіи адвокатъ былъ мастеръ перетолковывать вещи, смотря по надобности, въ хорошую и въ дурную сторону, и человѣкъ отдающій свое мастерство внаймы безразлично правому и неправому, лишь-бы

Кларисса. Картина К. Кизеля, грав. I. L. N.

ему за него платили что̀ слѣдуетъ. Ждать отъ такого мастера, чтобы онъ искренно принялъ къ сердцу несчастіе обращающагося къ нему за помощью, думала дѣвушка,—невозможно уже потому, что его не хватитъ на всѣхъ. Какъ врачъ, у котораго каждый день перебываютъ десятки больныхъ, онъ не имѣетъ ни интереса, ни времени выбирать между ними людей серьёзно заслуживающихъ его участія, а служитъ своимъ совѣтомъ равно охотно всякому кто пришелъ... Но врачъ, принимавшій ее въ воскресенье, совсѣмъ не похожъ былъ на этотъ сложившійся у нея въ понятіи типъ. Такой деликатности, доброты, участія и вниманія она конечно не въ правѣ была ожидать ни отъ юриста, служившаго съ нею въ правленіи, ни отъ простаго знакомаго, встрѣчающаго ее иногда, по субботамъ, въ обществѣ. Нельзя было также ихъ приписать и какому-нибудь особому, рѣдкому интересу ея несчастнаго случая, ибо, по совѣсти говоря, она не была съ нимъ настолько искренна... Если-бъ она была по крайней мѣрѣ богата; но вѣдь не такъ-же онъ простъ, чтобы разсчитывать на какое-нибудь существенное вознагражденіе отъ несчастной, которую незнакомая женщина выкупила изъ кабалы... Оставалось только одно, и для многихъ на мѣстѣ ея несомнѣнное заключеніе: это что она ему лично нравится. Но Паша помнила слишкомъ твердо, что онъ ее видитъ не въ первый разъ, и если раньше не обращалъ особеннаго вниманія, то не глупо-ли думать, что эта исторія съ нею, въ Грузовѣ, могла ее сдѣлать вдругъ привлекательной?.. Что̀ привлекательнаго быть уличенною въ воровствѣ и не найти ни слова сказать въ свое оправданіе, не имѣть даже духу съ негодованіемъ оттолкнуть отъ себя обвиненіе?.. Быть наконецъ прощенною и растеряться до такой степени чтобъ подписать бумагу почти подтверждающую извѣтъ?.. И выдать вексель въ вознагражденіе!.. Кланяться! Унижаться! молить въ слезахъ чтобы ее не обирали до-чиста?.. И вотъ однако-же отъискался рыцарь, который, вмѣсто того чтобы презирать ее за ея безхарактерное поведеніе, можетъ быть даже подозрѣвать въ утайкѣ какихъ-нибудь грязныхъ, маленькихъ обстоятельствъ, — великодушно повѣрилъ ей на слово, что она невинна, и горячо, безкорыстно вступился за оскорбленную ея честь!.. Что̀ удивительнаго, что Паша ушла отъ него глубоко тронутая и нравственно поднятая въ своихъ глазахъ, съ неколебимою вѣрой въ его благородство и безкорыстіе, — благодарная, мы бы сказали: почти очарованная, еслибъ на сердцѣ у ней не щемило что-то... Что̀ именно—трудно сказать, но у нея, какъ у сонной, все время было смутное ощущеніе какой-то подкрадывающейся опасности, форму которой въ потемкахъ нельзя разглядѣть и смысла которой она не сознавала.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VII.

Отецъ Николай осторожно вошелъ въ фанзу Пойни, въ сопровожденіи только Ивана, который, убравъ лошадь и задавъ ей корму, поспѣшилъ присоединиться къ почтенному миссіонеру. Въ фанзѣ господствовалъ полумракъ. Слабый свѣтъ вечерней зари едва проникалъ черезъ промасленную бумагу небольшихъ рѣшетчатыхъ оконъ, расположенныхъ по обѣ стороны единственной двери. Въ глубинѣ фанзы виднѣлся едва тлѣвшій очагъ, бросавшій красноватый отблескъ на внутреннюю сторону соломенной крыши и развѣшанныя подъ нею, на длинныхъ жердяхъ, звѣриныя шкуры, одежду и какія-то веревки. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по землявому, твердо убитому, полу, отецъ Николай остановился и сталъ пристально всматриваться, стараясь разглядѣть въ полутьмѣ какое-либо живое существо.

— Кто вошелъ? раздался изъ глубины фанзы глухой женскій голосъ, въ которомъ слышались слезы.

— Я, Саго, я, ласково отвѣтилъ миссіонеръ.

— Николай, другъ ты мой! радостно вскрикнула жена Пойни, узнавъ по голосу миссіонера. — Иди, иди, садись, сейчасъ ночникъ зажгу... Ахъ, какъ я рада, что ты пришелъ!.. Ты знаешь — у меня сынъ боленъ, добавила Саго, и въ голосѣ ея опять послышались слезы. — Хорошо, что ты пришелъ — можетъ быть поможешь ему... Да, Николай, поможешь?.. Скажи, привезъ съ собой лѣкарство? Сынъ заболѣлъ всего пять дней тому назадъ... Мнѣ ужасно жалко его—я все сижу и плачу... Не знаю, что̀ дѣлать, какъ помочь ему... А мужа нѣтъ — на охоту ушелъ уже давно...

Не переставая разсказывать, Саго живо раздула въ очагѣ тлѣвшіе уголья и затеплила небольшой ночникъ изъ нерпичьяго жира, слабо освѣтившій всю внутренность фанзы.

— Здравствуй, другъ Николай! здравствуй, Иванъ! садитесь, пригласила Саго, крѣпко пожимая руки неожиданнымъ гостямъ.

— Покажи прежде сына, Саго, я посмотрю его и полѣчу, ласково проговорилъ миссіонеръ, продолжая стоять посреди фанзы.

— Иди, иди сюда, онъ тутъ лежитъ, поспѣшила отвѣтить ободренная мать, ведя отца Николая за руку въ отдаленный уголъ фанзы. — Вотъ онъ, бѣдный, посмотри...

Миссіонеръ склонился къ нарамъ, на которыхъ лежалъ мальчикъ, прикрытый выдѣланнымъ козьимъ мѣхомъ. Мальчикъ дышалъ тяжело, отрывисто, широко раскрывая ротъ, точно ему не хватало воздуху; его полуоткрытые и нѣсколько потускнѣвшіе зрачки рефлективно двигались изъ стороны въ сторону, ничего не выражая и ничего не видя. Не было сомнѣнія, что мальчикъ находился въ полузабытьи.

— Иванъ, принеси аптечку, распорядился отецъ Николай, послѣ внимательнаго наружнаго осмотра больнаго. — А ты, Саго, приготовь въ чашкѣ теплой воды... Успокойся, молись, надѣйся на Бога, и твой сынъ будетъ здоровъ, съ участіемъ прибавилъ онъ разрыдавшейся матери.

Черезъ четверть часа, Иванъ возвратился съ небольшимъ ящичкомъ—дорожной аптекой отца Николая, въ которой имѣлись всѣ необходимые простѣйшіе медикаменты и кое-какіе хирургическіе инструменты.

— Иванъ, возьми мальчугана и подержи, приказалъ миссіонеръ.—Я осмотрю ему горло: кажется, горло болитъ.

Иванъ привычными руками взялъ больнаго съ наръ и посадилъ его на колѣни. Мать съ надеждой и вѣрой начала слѣдить за отцомъ Николаемъ, не разъ уже спасавшимъ гольдскихъ дѣтей отъ явной смерти. Вотъ онъ взялъ какую-то блестящую пластинку и осторожно разжалъ ею зубы сыну, который вдругъ какъ-то неестественно широко раскрылъ ротъ и заплакалъ.

— Горло болитъ, да ничего—во-время пришелъ, проговорилъ миссіонеръ, роясь въ аптечкѣ.

— Не плачь, милый, не плачь, начала ласкать сына Саго, едва удерживая слезы.—Николай тебя вылѣчитъ—опять съ отцомъ на охоту пойдешь...

Между тѣмъ, почтенный миссіонеръ досталъ изъ аптечки небольшую кисточку, обмакнулъ ее въ какое-то лѣкарство и, набожно проговоривъ „Господи благослови!“, мастерски смазалъ ею горло мальчику. Тотъ громко раскричался и сталъ вырываться изъ крѣпкихъ рукъ Ивана.

— Возьми сына, Саго, успокой его, проговорилъ отецъ Николай.—Вишь дряни сколько накопилось у него въ горлѣ, прибавилъ онъ, тщательно обмывая кисточку въ приготовленной водѣ.

— Не плачь, милый, не плачь, хорошій, со слезами утѣшала мать расплакавшагося сына, разомъ вышедшаго изъ прежней апатіи.

— Ну, Саго, полно теперь горевать... Молись усердно, и твой сынъ поправится, успокоилъ миссіонеръ мать.—Я зайду завтра рано утромъ — придется мазать ему горло нѣсколько разъ въ день, и болѣзнь какъ рукой сниметъ... Прощай, Саго...

— Прощай, Николай, спасибо тебѣ... Всю ночь стану молиться, чтобы Богъ поправилъ моего сына, съ умиленіемъ проговорила Саго и порывисто поцѣловала миссіонера въ обѣ щеки, выказавъ этимъ свою безграничную благодарность и уваженіе.

Отецъ Николай вышелъ изъ фанзы, возлѣ которой продолжали толпиться жители селенія, не смотря на наступившую уже темноту.

— Скажи, Николай, будетъ сынъ Пойни здоровъ?.. Вылѣчишь мальчугана? посыпались со всѣхъ сторонъ добродушные вопросы инородцевъ.

— Съ Божьею помощью вылѣчу—поправится онъ, удовлетворилъ миссіонеръ ихъ любопытство.

— Слава Богу, слава Богу, начали шептать женщины.—Теперь Саго, бѣдная, плакать перестанетъ... Жалко на нее смотрѣть было...

Толпа опять проводила отца Николая до самыхъ дверей фанзы Синбея, добродушно и дружески бесѣдуя съ почтеннымъ миссіонеромъ, къ которому, повидимому, всѣ чувствовали глубокое уваженіе, преданность и любовь. При входѣ въ фанзу, отецъ Николай пріостановился и трижды благословилъ инородцевъ, благоговѣйно ожидавшихъ этого.

— Господь да сохранитъ васъ нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!.. Спите спокойно! задушевно проговорилъ миссіонеръ.

— И ты спи спокойно! пожелали инородцы, расходясь по фанзамъ.

Отецъ Николай засталъ семью Синбея еще бодрствующею и не ужинавшею: всѣ ждали его, не желая прикоснуться, безъ благословенія, къ круто сваренному просу и жареной на кунжутномъ маслѣ рыбѣ.

— Садись, Николай, ужинъ готовъ... Садись, Иванъ, гостепріимно пригласилъ Синбей, указывая миссіонеру почетное на нарахъ мѣсто, украшенное роскошною шкурой чернаго медвѣдя.

Передъ ужиномъ, миссіонеръ прочелъ по-гольдски краткую молитву, благоговѣйно выслушанную великимъ и малымъ, и благословилъ незатѣйливую трапезу. Всѣ усѣлись вокругъ стола, врытаго ножками въ земляной полъ, и наполнили небольшія глиняныя чашки круто свареннымъ просомъ.

— Какъ здоровье сына Пойни?.. Поправится онъ? полюбопытствовала жена Синбея, ловко набирая въ ротъ просо, при помощи двухъ тоненькихъ деревянныхъ палочекъ, замѣнявшихъ за столомъ ножи и вилки.

— Богъ поможетъ — поправится, отвѣтилъ отецъ Николай, привычно управляясь тѣми-же палочками.—Мнѣ придется прожить у васъ недѣли двѣ, а можетъ быть и дольше, добавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Очень рады, очень рады! обрадовались хозяева. — Живи, сколько пожелаешь... Твой приходъ всегда приноситъ намъ всѣмъ счастье.

— Благодарю за гостепріимство, друзья мои... Остаться на такой долгій срокъ заставляетъ меня болѣзнь сына Пойни. Надо его полѣчить, а то помретъ—сильно боленъ, продолжалъ почтенный миссіонеръ. — Поживу у васъ—пойду въ Саходу, а тамъ и въ Пейня...

— Далеко, очень далеко, вставилъ свое замѣчаніе Синбей.— До Саходу болѣе недѣли пройдешь, да до Пейня—еще десять дней... Тяжелая дорога!.. Сильно устанешь...

— Что-же дѣлать, другъ мой, замѣтилъ отецъ Николай,—надо и тамъ побывать — вѣдь и тамъ меня навѣрное ждутъ... Изъ Пейня пройду еще на Даубих-э...

— Ай, ай, какъ далеко! испугалась хозяйка.

— Да, далеко, глубокомысленно добавилъ Синбей. — До Даубих-э еще дней восемь пройдешь... Придется всю дорогу глухой тайгой дѣлать... Опасно!..

— Ничего... Меня просили тѣхъ-же огородныхъ сѣмянъ привезти, какихъ я привезъ вамъ два года назадъ... Вѣдь хорошо у васъ овощи принялись? спросилъ отецъ Николай.

— Отлично, очень хорошо!.. Ты видѣлъ, вѣрно, наши огороды: все посѣяли—огурцы, капусту, картофель... Всего народилось много-много... Послѣдній годъ сѣяли уже на свои сѣмена: собрали ихъ, какъ ты научилъ, началъ разсказывать словоохотливый Синбей. — Теперь, слава Богу, все свое: просо, табакъ, овощи... Отбились, наконецъ, отъ этихъ жадныхъ китайцевъ...

— Очень радъ, что дѣла ваши идутъ хорошо, а теперь я привезъ вамъ пшеницу; попробуйте посѣять—земля у васъ очень хорошая.

— Спасибо тебѣ, Николай, большое спасибо, что насъ, бѣдныхъ, не забываешь... Ты для насъ отецъ родной! умилился Синбей.

Поужинали. Отецъ Николай опять прочелъ по-гольдски молитву и, благословивъ всѣхъ членовъ семьи, тотчасъ-же завалившихся спать тутъ-же на нарахъ, удалился въ глубину фанзы, гдѣ была постлана для него, вмѣсто постели, выдѣланная шкура дикаго козла.

Почтенный миссіонеръ проснулся съ восходомъ солнца. Выйдя на дворъ и умывшись студеною водой тутъ-же протекавшаго родника, онъ направился къ миніатюрной, но безукоризненно чистой фанзѣ, стоявшей въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ главнаго строенія. Фанза эта ничѣмъ не отличалась отъ остальныхъ окрестныхъ построекъ и выдѣлялась среди ихъ только своею блестящею наружностью и миніатюрнымъ видомъ. На одномъ изъ концовъ соломенной крыши высился небольшой металлическій крестъ, да надъ дверью едва виднѣлся мѣдный образокъ-складень, врѣзанный въ глиняную стѣну фанзы. Это была часовня, сооруженная благочестіемъ дикарей, по ихъ собственной иниціативѣ, вмѣсто прежней кумирни, разрушенной вскорѣ послѣ первыхъ посѣщеній селенія отцомъ Николаемъ. Внутренній видъ часовни, по своей безупречной чистотѣ, вполнѣ гармонировалъ съ ея внѣшностью. На всемъ виднѣлась заботливая, благоговѣйная рука истинно вѣрующаго. Плотно убитый, земляной полъ былъ посыпанъ мельчайшимъ бѣлымъ, какъ снѣгъ, пескомъ; стѣны, тщательно выбѣленныя известью, были украшены множествомъ самыхъ разнообразныхъ образковъ — добровольныхъ приношеній инородцевъ, пріобрѣтенныхъ ими во время поѣздокъ въ русскіе города и селенія. Тутъ видѣлись небольшіе мѣдные складни, фарфоровые и деревянные образки, металлическіе шейные кресты и даже яркія изображенія разныхъ угодниковъ и святыхъ, московскаго изданія. Въ глубинѣ часовни висѣлъ довольно большой образъ Спасителя, въ серебряной ризѣ, подарокъ почтеннаго миссіонера новообращеннымъ. Передъ образомъ тлѣли, за неимѣніемъ восковыхъ свѣчей, искусно выдѣланныя сердцевины какого-то растенія, вставленныя въ металлическій висячій подсвѣчникъ. Эта святыня, поднесенная обожаемымъ миссіонеромъ, особенно чтилась новообращенными дикарями, старавшимися, отъ простоты сердца, украшать ее всевозможными приношеніями. Вокругъ образа были разложены свѣжіе цвѣты и зелень; на вѣнчикѣ висѣли, на разноцвѣтныхъ ленточкахъ, образки и крестики; передъ самымъ образомъ, на столикѣ, были разставлены миніатюрныя фарфоровыя чашечки съ рисомъ, просомъ и другими продуктами, принесенными въ даръ, въ силу вѣковаго обычая, добродушными дикарями, привыкшими такъ чествовать своихъ прежнихъ идоловъ. Отецъ Николай не старался отмѣнять это сердечное и наивное чествованіе, такъ какъ оно, нисколько не нарушая должнаго благоговѣнія, служило лишь яркимъ доказательствомъ искренней, простой вѣры добродушно-религіозныхъ инородцевъ. Приношенія послѣднихъ напоминали ветхозавѣтныя жертвы, дивныя по своей глубокой вѣрѣ, безупречной искренности и величественной простотѣ...

Отецъ Николай пробылъ въ часовнѣ болѣе часу, весь отдавшись горячей молитвѣ, въ которой онъ всегда черпалъ силы и энергію для своей безконечно трудной и опасной миссіонерской дѣятельности.

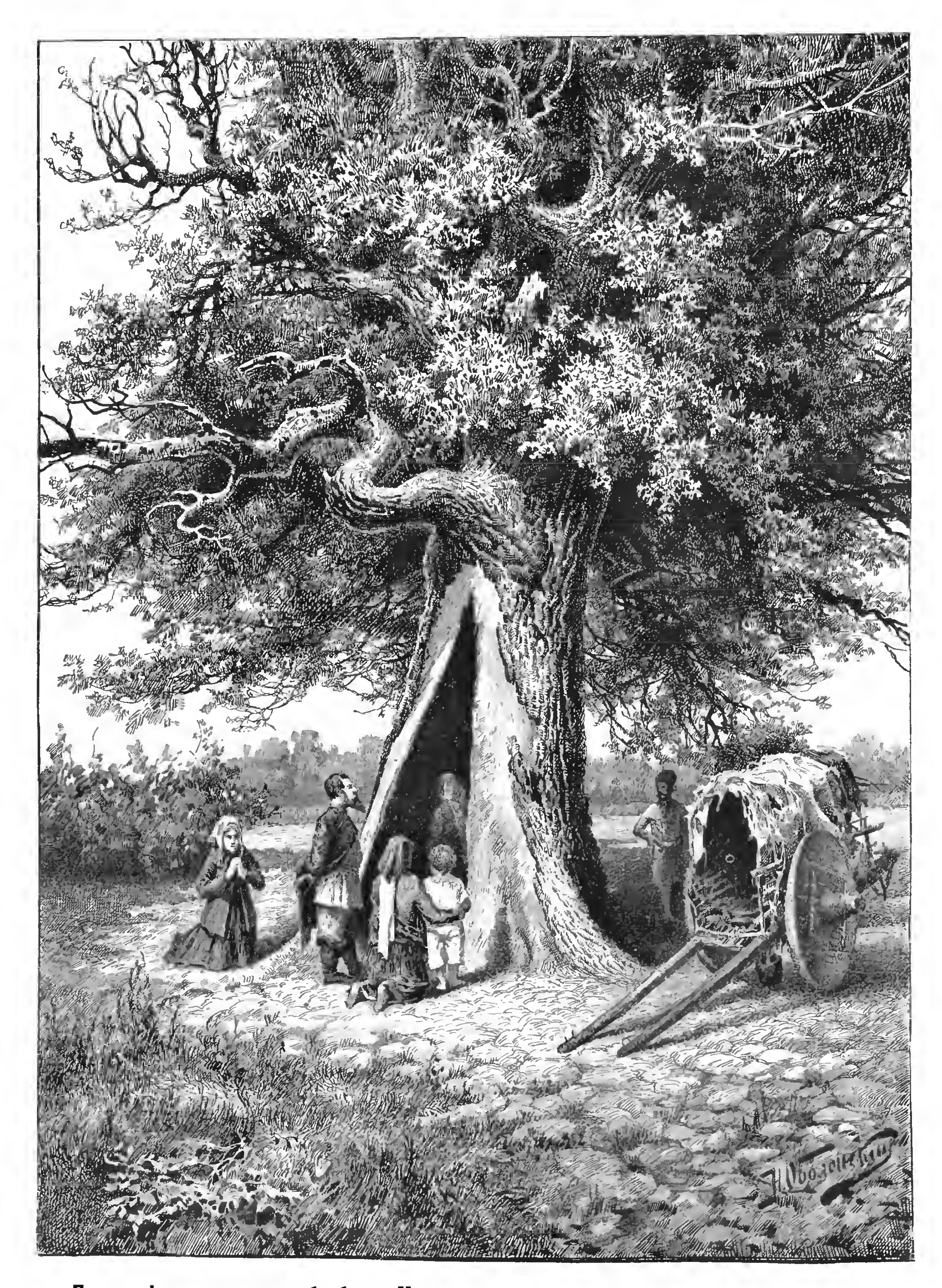
Выйдя изъ часовни, почтенный ревнитель православія разбудилъ Ивана и, захвативъ аптечку, торопливо направился съ нимъ къ фанзѣ Пойни, къ своему маленькому паціенту. Послѣднему было уже сравнительно лучше; онъ дышалъ ровнѣе и проспалъ ночь спокойно. Смазавъ ему горло и давъ укрѣпленной въ надеждѣ Саго кое-какіе практическіе совѣты относительно ухода за больнымъ ребенкомъ, отецъ Николай поспѣшилъ домой, чтобы приготовиться къ назначеннымъ по утру различнымъ церковнымъ требамъ, въ которыхъ такъ нуждались инородцы, не видѣвшіе священнослужителя въ теченіе почти полугода...

VIII.

Оставимъ почтеннаго миссіонера просвѣщать дикарей, указывать имъ истинный путь благой жизни и духовнаго спасенія, и перенесемся за сотни верстъ отъ этого заброшеннаго, забытаго уголка, въ центръ русской культуры и цивилизаціи на далекой окраинѣ—во Владивостокъ..

Вечерѣло. Солнце уже зашло и всюду легли темныя тѣни. Городъ, казалось, спалъ, погруженный въ полумракъ быстро наступившей лѣтней ночи. По немощенымъ, пыльнымъ улицамъ бродили только стаи голодныхъ, одичавшихъ собакъ, которыя тщательно перерывали кучи всевозможныхъ отбросковъ, въ надеждѣ найти случайно выброшенную корку хлѣба, либо кость. Никто не мѣшалъ мародерской дѣятельности отощавшихъ животныхъ, благополучно переходившихъ отъ одной кучи къ другой и затѣвавшихъ надъ каждою, давно обглоданною, костью безобразныя свалки. Драки эти велись всегда молча, изъ опасенія привлечь постороннее вниманіе: щелкали только зубы и летѣли во всѣ стороны клочья свалявшейся, грязной шерсти. Собаки рвали одна другую, совершенно забывая даже о предметѣ раздора, который всегда дѣлался добычей какого-нибудь ловкаго, наиболѣе смѣтливаго, пса, не принимавшаго участія въ общей свалкѣ. Захвативъ изъ-подъ носа сражающихся кость либо корку хлѣба, похититель стремглавъ улепетывалъ въ ближайшіе кусты, гдѣ торопливо и жадно, ежесекундно давясь, старался, по возможности скорѣе, сгрызть случайно попавшійся лакомый кусокъ. Между тѣмъ собаки, вдоволь надравшись и достаточно увеличивъ одна у другой на хребтахъ и бокахъ плѣшины прежнихъ дракъ, вновь расходились по навознымъ кучамъ, продолжая свою мародерскую дѣятельность, временно пріостановленную побоищемъ. Такимъ образомъ, голодныя животныя дѣлали тщательный ночной обходъ чуть-ли не всѣхъ городскихъ улицъ, никѣмъ не тревожимыя. Мѣстные блюстители порядка, три вѣчно полупьяныхъ казака, предпочитали предаваться въ своихъ лачугахъ непробудному сну, находя это болѣе естественнымъ въ ночную пору, когда на улицахъ можно было встрѣтить только голодныхъ собакъ, да пожалуй тигра, который могъ-бы оказать блюстителямъ порядка какое-нибудь особенное, вовсе нежелательное, вниманіе. Казаки-полицiанты отлично знали нравъ грозныхъ хищниковъ, частенько посѣщавшихъ по ночамъ городъ, въ надеждѣ стащить какое-нибудь домашнее животное, а потому старались избѣгать всякихъ съ ними встрѣчъ, очень возможныхъ съ заходомъ солнца...

И такъ, городъ спокойно спалъ, подъ охраной Провидѣнія; погруженный въ таинственный полумракъ, онъ напоминалъ своимъ мертвеннымъ наружнымъ видомъ скорѣе заброшенное кладбище, чѣмъ жилище живыхъ, но только предавшихся



Поклоненіе священному дубу близъ Моздока. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

Плѣнный Баязетъ предъ Тимуромъ. Съ карт. Меріе, грав. Гейеръ.

продолжительному благодѣтельному сну. Часы проходили за часами, но городъ продолжалъ пребывать въ неизмѣнномъ спокойствіи; ничто не нарушало его мертвенной тишины... Прошла уже полночь; сумракъ сгущался все болѣе и болѣе, прикрывая городъ едва проницаемою таинственною завѣсой... Вдругъ, гдѣ-то вдали, раздались едва слышные дребезжащіе звуки разбитой на всѣ четыре колеса долгуши. Собаки навострили уши и стали чутко прислушиваться. Черезъ минуту, онѣ бросились въ придорожные кусты, гдѣ и притаились въ ожиданіи проѣзда ночныхъ шатуновъ, такъ не во время нарушившихъ ихъ мародерскую дѣятельность. Долгуша со звономъ и трескомъ пронеслась по главной улицѣ, вздымая тучи ѣдкой, известковой пыли и неистово подпрыгивая по кочкамъ и выбоинамъ. Вотъ она свернула къ линіи темнѣвшихъ невдалекѣ холмовъ и съ прежнимъ остервенѣніемъ задребезжала по твердому грунту узкаго проулка. Сдѣлавъ еще нѣсколько крутыхъ заворотовъ, долгуша остановилась передъ хорошенькимъ деревяннымъ домикомъ, изъ ярко освѣщенныхъ и настежь открытыхъ оконъ котораго неслись шумные, нестройные голоса. Слышались хриплые возгласы: „На нэ!.“ „Въ цвѣтъ и масть!“ „Десять рублей очко!“ „Ва-банкъ!..“

— Ба, да тутъ уже цѣлое собраніе! весело проговорилъ одинъ изъ подъѣхавшихъ на долгушѣ, засматривая въ окна. Это былъ высокаго роста, совершенно еще юный, морякъ съ коротко остриженною русой бородкой и большими голубыми глазами.

— Сразимся, сразимся, чортъ возьми! проворчалъ его пожилой спутникъ, потирая руки и входя на крыльцо. Это былъ сильно сутуловатый, почти горбатый, штабъ-офицеръ, сухой, какъ щепка, съ непріятными оловянно-безцвѣтными глазами.

— Никита, отправляйся домой и пріѣзжай за нами къ восьми часамъ утра, распорядился молодой морякъ, слѣдуя за своимъ спутникомъ въ небольшую переднюю и затѣмъ въ довольно уютный залъ. Въ сильно накуренной атмосферѣ послѣдняго мелькали возбужденныя лица и лохматыя головы десятка игроковъ, столпившихся вокругъ стола, за которымъ металъ банкъ не то монахъ, не то священникъ, въ разстегнутомъ подрясникѣ, едва прикрывавшемъ голую, мохнатую, сильно развитую грудь. Длинные волосы банкомета, тщательно заплетенные въ нѣсколько мелкихъ косичекъ, безпорядочно обрамляли полное, ожирѣвшее лицо, на которомъ лихорадочно свѣтились два проницательныхъ, чрезвычайно быстрыхъ глаза. Длинный, красноватый носъ некрасиво висѣлъ надъ толстыми, чувственными, слегка открытыми, губами, за которыми сверкало два ряда крѣпкихъ, какъ желѣзо, зубовъ. Прибывшій сутуловатый штабъ-офицеръ прямо пробрался къ банкомету и коротко сообщилъ, когда тотъ кончилъ талію:

— Привезъ тебѣ еще партнера... Рекомендую, мичманъ Пронышко...

— Очень радъ познакомиться, привѣтливо проговорилъ банкометъ, пожимая руку молодому офицеру. — Ставьте—сейчасъ продолжаю... А впрочемъ, если желаете раньше закусить, милости прошу въ комнатку рядомъ... Да покажи ему, Мишка! безцеремонно обратился онъ къ сутуловатому штабъ-офицеру.— Тамъ водка стоитъ, сыръ, селедка...

— Благодарю, я не хочу, сконфузился Пронышко, краснѣя.

— Полно, батинька, жеманиться, словно красная дѣвчонка!.. Пей, когда даютъ, бѣги, когда бьютъ, проворчалъ Михаилъ Петровичъ, сирѣчь Мишка, хватая Пронышко подъ руку и насильно увлекая его въ сосѣднюю комнату, также сильно накуренную.

— Ну, пей, и я выпью за твое здоровье, властно проговорилъ Михаилъ Петровичъ, наливая двѣ объемистыя рюмки водки.— Да пей-же, просятъ тебя честью, настаивалъ онъ.—Наша компанія не терпитъ красныхъ дѣвчонокъ... Карты и водка это, братецъ ты мой, лучшее, что только есть въ жизни... Да пей-же, ракалія, чортъ тебя возьми!..

Пронышко нехотя взялъ рюмку, чокнулся со своимъ назойливымъ, грубымъ товарищемъ и, съ видимымъ отвращеніемъ, опрокинулъ ее въ горло.

— Первая—коломъ, вторая — соколомъ... Ну, батинька, хлобыснемъ-ка по второй, предложилъ Михаилъ Петровичъ, наливая въ рюмки водку.

— Довольно, будетъ, нерѣшительно отказался Пронышко.

— Какъ довольно!?.. Да ты кто такой?.. Фендрикъ, а я—штабъ-офицеръ: приказываю пить! шутливо - начальническимъ тономъ проговорилъ Михаилъ Петровичъ, подавая мичману рюмку. Тотъ чокнулся и выпилъ опять.

— Закуси, довольно пить, а послѣ опять зайдемъ сюда... Веселѣе играть будешь... Пойдемъ теперь въ залу, посмотримъ, что отче дѣлаетъ... Скажу тебѣ по секрету: молодецъ этотъ Петька!.. Монахъ, а перепьетъ каждаго питуха; а какъ при этомъ мечетъ — просто заглядѣнье!.. Спокойно, хладнокровно, мускулъ у шельмеца не дрогнетъ, хотя-бы тысячная карта была-бы дана или бита, характеризовалъ Михаилъ Петровичъ своего закадычнаго друга, миссіонера Петра, хорошо уже извѣстнаго Пронышку по разсказамъ городскихъ старожиловъ.

Собесѣдники возвратились въ залу и заняли мѣста около большаго ломбернаго стола, заваленнаго мятыми, рваными картами и грудой кредитныхъ билетовъ. Отецъ Петръ продолжалъ метать, изрѣдко отчеканивая: „Дана! Бита! Бита! Дана! Бита!“

Какъ только талія кончилась, Пронышко взялъ карту и поставилъ для пробы десять рублей... Карта была дана въ оникахъ. Онъ немедленно удвоилъ кушъ—опять получилъ... Въ короткое время, ему было дано нѣсколько картъ подъ-рядъ. На столѣ, возлѣ него, начала уже набираться довольно значительная груда кредитныхъ билетовъ.

— Экое анаѳемское счастье валитъ! удивлялся Михаилъ Петровичъ.—Да съ твоимъ счастьемъ я-бы кучу золота выигралъ, милліонеромъ-бы сталъ... Развѣ такъ играютъ!? Заладилъ десять рублей, двадцать рублей... Нѣтъ, ты вали во всю, пользуйся счастьемъ!.. Ва-банкъ ставь!.. Рви его!.. Ты, я вижу, и въ карты такъ-же мало смыслишь, какъ и въ водкѣ... Тьфу, дѣвчонка этакая!

— Да вѣдь курочка по зернышку клюетъ, Михаилъ Петровичъ, попробовалъ замѣтить одинъ изъ рядомъ сидѣвшихъ игроковъ, пожилой армейскій офицеръ, съ роскошными бакенбардами.

— По зернышку!.. Курочка! разсердился Михаилъ Петровичъ, передразнивая неожиданнаго оппонента. — Да развѣ мичманъ курочка? Настоящій орелъ онъ, только орлу такое безсмысленное счастье валить можетъ... А орелъ долженъ хватать съ налету свою добычу, рвать ее цѣликомъ...

— Ну-ка, фендрикъ, молодчина, не зѣвай на брасахъ! обратился Михаилъ Петровичъ къ своему спутнику съ энергичнымъ поощреніемъ. — Ты, я знаю, лихой морякъ! Хвати ва-банкъ, да и съ колокольни долой!.. Въ банкѣ не болѣе пятисотъ будетъ...

Пронышко, разгоряченный игрой и выпитой не въ мѣру водкой, а также сконфуженный публичными похвалами своего патрона, не рѣшился отказать—и при слѣдующей-же таліи поставилъ ва-банкъ трефовую даму, на которую почему-то возлагалъ особенныя надежды. Отецъ Петръ началъ метать спокойно, хладнокровно, вполнѣ оправдывая характеристику, сдѣланную Михаиломъ Петровичемъ. Пронышко слѣдилъ за медленно ложившимися картами лихорадочными глазами, съ нервною дрожью... Прошло нѣсколько секундъ тяжелаго, тревожнаго ожиданія, и вдругъ трефовая дама была побита, побита совершенно неожиданно, вопреки всякихъ соображеній. Пронышко даже похолодѣлъ отъ этой ужасной неожиданности.

— Ахъ, чортъ возьми, досадища какая! разсердился Михаилъ Петровичъ, изо всей силы ударивъ о столъ кулакомъ.— Везло, везло, и вдругъ на самой главной картѣ сорвалось... Положительно, дьяволъ въ игру замѣшался!.. Денегъ, денегъ-то сколько заразъ просадилъ—страсть!..

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что ва-банкъ ставить рано, дрожащимъ голосомъ упрекнулъ Пронышко.

— Пустяки, поправишься—времени на поправку еще много осталось, началъ успокоивать мичмана Михаилъ Петровичъ.— Однако, отче, сколько у тебя тамъ въ банкѣ?..

— Одна тысяча двѣсти тридцать два рубля! отчеканилъ отецъ Петръ.

Пронышко бросило даже въ жаръ отъ такой громадной цифры. Онъ никогда и не воображалъ, что можно разомъ проиграть такую солидную сумму денегъ.

— Петька, да ты не ошибся-ли? проговорилъ Михаилъ Петровичъ, пересчитывая банкъ. — Нѣтъ, вѣрно: одна тысяча... двѣсти... тридцать два рубля!.. Фу, чортъ тебя дери, какую уйму денегъ подвалилъ, началъ онъ опять кипятиться. — Ни о-чемъ, другъ мой Анатолій, дѣлать нечего: отсчитывай денежки, да поправляйся, обратился болтливый штабъ-офицеръ къ совершенно ошеломленному Пронышко. — Постой, я тебѣ помогу... Тутъ, на столѣ, у тебя пятьсотъ шестьдесятъ пять рублей—ишь какую груду выигралъ!.. Остается приплатить шестьсотъ шестьдесятъ семь рублей... Пустяки, поправишься, не падай только духомъ...

Игра продолжалась до восьми часовъ утра. Пронышко „поправился“, проигравъ всѣ наличныя деньги, скопленныя въ теченіе трехлѣтняго заграничнаго плаванія...

IX.

Отецъ Петръ проснулся только въ третьемъ часу пополудни. Не открывая глазъ, онъ долго нѣжился на пружинномъ американскомъ матрасѣ, подъ легкимъ шелковымъ одѣяломъ, подсчитывая и провѣряя въ умѣ весь свой послѣдній выигрышъ.

„Удачная ночь — нельзя хаить“, размышлялъ онъ. — „У одного мичмана двѣ тысячи взялъ, да съ прочихъ около тысячи урвалъ. Изъ нихъ Мишкѣ пришлось отдать пятьсотъ рублей... Это, впрочемъ, ничего: онъ еще какого-нибудь юнца приволокетъ... Да, рѣдкая ночка удалась... Однако, кажется, уже поздновато...

Отецъ Петръ порвалъ нить своихъ размышленій и открылъ глаза. Яркіе солнечные лучи едва пробивались черезъ голубыя, плотныя занавѣси, слабо освѣщая со вкусомъ обставленную спальню, мало гармонировавшую съ подрясниками и рясами, развѣшанными вдоль одной изъ стѣнъ. Миссіонеръ поежился еще немного и наконецъ окончательно рѣшилъ встать съ мягкой постели, все еще соблазнительно манившей ко сну.

— Марья, а Марья! позвалъ онъ осипшимъ голосомъ.

Черезъ минуту вошла въ спальню пухлая, молодая женщина — ключница миссіонера.

— Отдерни-ка занавѣси, да принеси кофеишко, распорядился отецъ Петръ.

Черезъ короткое время, Марья возвратилась съ огромнымъ кофейникомъ, сливками и цѣлымъ ворохомъ домашняго свѣжаго печенья. Все это она поставила на круглый столикъ, стоявшій у изголовья кровати. Отецъ Петръ лѣниво налилъ чашку крѣпчайшаго кофе и занялся утоленіемъ голода. Плотно покушавъ, онъ не торопясь умылся, расчесалъ косички, одѣлся въ шелковый подрясникъ и вышелъ въ прибранную уже залу. Посмотрѣвъ въ открытыя настежь окна на бродившихъ по улицѣ грязныхъ свиней, миссіонеръ что-то вдругъ вспомнилъ и крѣпко ударилъ ладонью по лысому лбу.

— Вѣдь пора и дѣломъ заняться, а то владыко разсердится, проворчалъ отецъ Петръ, продолжая внимательно разглядывать свиней, разрывавшихъ тупыми мордами ближайшую навозную кучу.

— Марья! крикнулъ онъ послѣ короткаго раздумья. — Позови скорѣй Алешку... Чѣмъ онъ тамъ занятъ?..

— Въ конюшнѣ прибирается, отозвалась Марья изъ кухни,— сейчасъ кликну...

— Алексѣй, Алексѣй, тебя отче зоветъ, иди скорѣй! раздался черезъ минуту на весь дворъ визгливый голосъ ключницы.

— Ишь, какъ звонко оретъ! проворчалъ отецъ Петръ, расхаживая по залу. — Славный голосъ...

И въ головѣ его зароились разныя картинки...

Думы его были вскорѣ прерваны приходомъ Алешки. Это былъ плутоватый на видъ китаецъ, давно уже обращенный миссіонеромъ въ православіе и оставшійся у него въ услуженіи. Алешка смиренно подошелъ къ отцу Петру и лицемѣрно приложился къ его пухлой, холеной рукѣ; онъ хорошо зналъ, какъ нравится это миссіонеру, нерѣдко награждавшему за подобное усердіе объемистою рюмкой русской водки.

— Здравствуй, здравствуй, ласково проворчалъ отецъ Петръ.— Собирайся живо въ походъ... Завтра, съ зарей, тронемся въ объѣздъ по нашей паствѣ... Навѣрное, отецъ Николай давно уже въ походѣ?..

— Давно, отче, давно... Вчера пріѣзжалъ изъ Янчихъ-э товарищъ, такъ сказывалъ, что прошло уже три мѣсяца, какъ отецъ Николай выѣхалъ, отвѣтилъ подобострастно Алексѣй.

— Хорошо, ступай, да живо готовься, какъ я сказалъ, въ походъ, рѣзко проговорилъ отецъ Петръ и нервно зашагалъ по залу.

Алексѣй моментально скрылся за дверью.

— Шутъ возьми этого проклятаго выскочку, началъ ворчать разсерженный вдругъ миссіонеръ. — Ханжа, лицемѣръ!.. Владыко просто одураченъ его подвижничествомъ... Дикаремъ сдѣлался, чтобы лучше надуть преосвященнаго, а тотъ и вѣритъ, что Николай съ успѣхомъ миссіонерствуетъ... А что онъ дѣлаетъ на самомъ-то дѣлѣ?.. Бродитъ себѣ по тайгѣ, да охотится, да промѣномъ съ инородцами занимается, эксплоатируетъ ихъ... Знаю, что кулакомъ сталъ, деньгу зашибаетъ... Вотъ погоди, наступитъ время — выведу ханжу на чистую воду: пускай-ко владыко узнаетъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ... Вотъ преосвященный мною недоволенъ, пишетъ, что малоуспѣшно миссіонерствую... Я-то малоуспѣшно миссіонерствую!? Да у меня заразъ сотнями обращаются... И еще сотни обращу!.. Скажетъ-ли тогда владыко, что малоуспѣшно миссіонерствую!?

— Марья, а Марья! крикнулъ отецъ Петръ послѣ своего длиннаго и сердитаго монолога.

Вошла ключница.

— Послушай, Марья, заготовила ты ситцевыя рубахи, что я приказалъ сшить? спросилъ онъ.

— Готовы, готовы, отвѣтила ключница.

— А, примѣрно, сколько нашила? полюбопытствовалъ отецъ Петръ.

— Сотни двѣ готовы... Цѣлый мѣсяцъ съ поденщицами работала, заявила Марья.

— Хорошо, молодчина-баба, ступай, похвалилъ миссіонеръ.

— Ну, вотъ, теперь посмотримъ, какъ я малоуспѣшно миссіонерствую, продолжалъ онъ ворчать, по уходѣ ключницы.—Увидимъ!

Отецъ Петръ предался опять разнымъ мыслямъ, забродившимъ шумнымъ роемъ въ его головѣ. Долго ходилъ онъ по залу, пока Марья не доложила: „Пожалуйте обѣдать!"

Плотно покушавъ жирнаго борщу, фазана и оладьевъ, которые ключница пекла съ рѣдкимъ мастерствомъ; выпивъ, ради возбужденія аппетита, изрядное число объемистыхъ рюмокъ водки, миссіонеръ тотчасъ-же завалился спать, чтобы успѣть побывать у князя Храповицкаго положенные десять часовъ и въ то-же время не запоздать выѣздомъ на свою просвѣтительную миссію... Отецъ Петръ былъ разбуженъ расторопнымъ Алексѣемъ съ восходомъ солнца. Самоваръ уже кипѣлъ на столѣ и сердито шумѣлъ, точно досадуя на хозяина, вздумавшаго подняться съ чего-то такую рань. Четыре сытыя лошади стояли у крыльца, вполнѣ готовыя къ походу. Двѣ изъ нихъ едва виднѣлись изъ-подъ громадныхъ вьюковъ. Чего только не было въ этихъ вьюкахъ, плотно и мастерски увязанныхъ опытной рукой бывалаго Алексѣя: походная постель отца миссіонера, всевозможные консервы, бочепокъ водки, церковное облаченіе, сдобныя домашнія печенья, ситцевыя рубашки для новообращенныхъ, ворохъ мѣдныхъ крестиковъ... Даже захвачено было, на всякій случай, нѣсколько колодъ картъ, въ томъ соображеніи, что миссіонерская дѣятельность отца Петра всегда ограничивалась небольшимъ райономъ, расположеннымъ около русскихъ поселеній, гдѣ проживало не мало знакомыхъ офицеровъ, чиновниковъ и купцовъ, никогда не отказывавшихся отъ призрачной надежды сорвать банчишко у счастливаго банкомета... Другія двѣ лошади были засѣдланы. На ворономъ, крѣпкомъ иноходцѣ красовалось удобное мексиканское сѣдло съ просторными переметными сумками. Заботливая рука ключницы въ послѣднія уложила двѣ откупоренныя бутылки крѣпкаго рому, множество бутербродовъ, папиросы и т. п. мелочь, необходимую для дорожнаго пропитанія миссіонера „на скорую руку," между пунктами дневокъ. На другомъ конѣ, бѣломъ мохнатомъ жеребцѣ, виднѣлось высокое китайское сѣдло съ потаенными мѣшечками, въ которые Алексѣй не забылъ уложить для себя, по примѣру хозяина, нѣсколько бутылокъ водки, закуску и табакъ...

Городъ еще спалъ, когда отецъ Петръ тронулся въ дорогу, сопутствуемый расторопнымъ Алексѣемъ, вооруженнымъ, на всякій случай, магазинною винтовкой Винчестеръ, парой револьверовъ и охотничьимъ ножемъ. Самъ миссіонеръ, какъ лицо духовное, не имѣлъ другаго оружія, кромѣ казацкой нагайки; тѣмъ не менѣе его воинственная посадка, сапоги съ ботфортами, надѣтая на бекрень соломенная шляпа—заставляли предполагать, что почтенный священнослужитель скорѣе ѣдетъ въ какую-нибудь отважную, охотничью экскурсію, а отнюдь не съ цѣлью мирной проповѣди слова Божія...

Какъ только миссіонерская экспедиція перевалила черезъ хребетъ, ограждающій городъ съ сѣверной стороны, дорога разомъ съузилась до того, что пришлось ѣхать гуськомъ. Вьючныя лошади были пущены впередъ; за ними слѣдовалъ отецъ Петръ. Алексѣй замыкалъ шествіе, вполнѣ готовый отразить возможное нападеніе какого-нибудь хищника и... выпить. Солнце, между тѣмъ, поднималось все выше и выше; становилось жарко. Путниковъ начала одолѣвать неопреодолимая жажда, немедленно впрочемъ удовлетворяемая, благодаря имѣвшимся при сѣдлахъ запасамъ. При этомъ каждый старался хлебнуть изъ горлышка по возможности потаенно отъ спутника, что особенно удавалось Алексѣю, ѣхавшему въ арьергардѣ. Время шло незамѣтно — быстро, безвозвратно поглощаемое съ коньякомъ и водкой. Часамъ къ десяти утра стало такъ жарко, что дальнѣйшая дорога оказалась положительно невмоготу довольно тучному миссіонеру: ему захотѣлось спать.

— Алешка! крикнулъ онъ сиплымъ голосомъ.—Пора и привалъ сдѣлать!..

— Вѣрно, отче, пора! обрадовался проводникъ, котораго начало также неудержимо клонить ко сну. Повидимому, выпитая бутылка водки возъимѣла уже на него свое снотворное дѣйствіе.

— Здѣсь и отдохнемъ, распорядился отецъ Петръ, тыкая нагайкой въ зимовку, виднѣвшуюся на другомъ берегу не широкой рѣчки Лянчих-э.

— Вѣрно, отче, отдохнемъ, согласился Алексѣй коснѣющимъ языкомъ.

— Пошелъ теперь впередъ!... Показывай бродъ! крикнулъ миссіонеръ.

Проводникъ молча въѣхалъ въ рѣчку... Черезъ десять минутъ, всѣ лошади благополучно выбрались на плоскій берегъ, на которомъ стояла покосившаяся зимовка, выстроенная для рубщиковъ лѣса. Это былъ плохенькій срубъ, сложенный на мху, безъ крыши, съ маленькимъ, криво прорубленнымъ окномъ, заклеенным дырявымъ пузыремъ, и низенькою, почернѣвшею отъ копоти, дверью. Отецъ Петръ поспѣшно слѣзъ съ лошади и, захвативъ съ собой бутылку коньяку, направился къ знакомой зимовкѣ, въ которой всегда дѣлалъ, при своихъ миссіонерскихъ поѣздкахъ, первый привалъ. Войдя въ полутемную, почернѣвшую отъ дыма конуру, миссіонеръ пробрался къ грязнымъ нарамъ, усѣлся на нихъ и тотчасъ-же сталъ утолять страшную жажду. Въ это время, Алексѣй внесъ въ зимовку походный тюфячекъ и пуховую подушку...

Плотно выпивъ и закусивъ, отецъ Петръ сбросилъ всю лишнюю одежду и завалился спать. Алексѣй, убравъ лошадей, незамедлилъ послѣдовать добросовѣстному примѣру своего хозяина...

(До слѣд. №).

Изверженіе вулкана Кракатоа.

Всѣмъ современникамъ памятны страшныя послѣдствія, которыми сопровождалось изверженіе вулкана Кракатоа. Нѣсколько городовъ и деревень исчезло съ лица земли, погибло 37,000 человѣкъ, измѣнились внѣшнія очертанія страны, старые каналы закрылись, появились новые, море на нѣсколько миль было усѣяно обломками, небо цѣлыми днями было закрыто тучами пепла. Четыре мѣсяца спустя послѣ изверженія на разстояніи ста миль еще замѣтно было его дѣйствіе. Грохотъ взрыва былъ слышенъ на разстояніи 3,000 (англійскихъ) миль; въ проливѣ между Англіей и Франціей замѣчалось сильное волненіе,

имѣвшее начало въ Явѣ, а атмосферное колебаніе обнаруживалось на барометрѣ у антиподовъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя замѣчались измѣненія въ цвѣтѣ солнца и луны, какъ послѣдствія изверженія Кракатоа; такое-же происхожденіе имѣли и восхитительныя *сумеречныя сіянія* 1883 года. Небо и земля, воздухъ и вода возвѣщали современникамъ и потомству о чудесахъ происшедшей катастрофы. Немудрено послѣ этого, что наука занялась изверженіемъ Кракатоа болѣе обстоятельно, чѣмъ какимъ либо другимъ новѣйшимъ событіемъ. Нидерландское правительство учредило коммисію, которая должна была изслѣдовать явленія сопровождавшія изверженіе Кракатоа, а Лондонская академія наукъ созвала совѣтъ спеціалистовъ, чтобы выслушать ихъ мнѣнія.

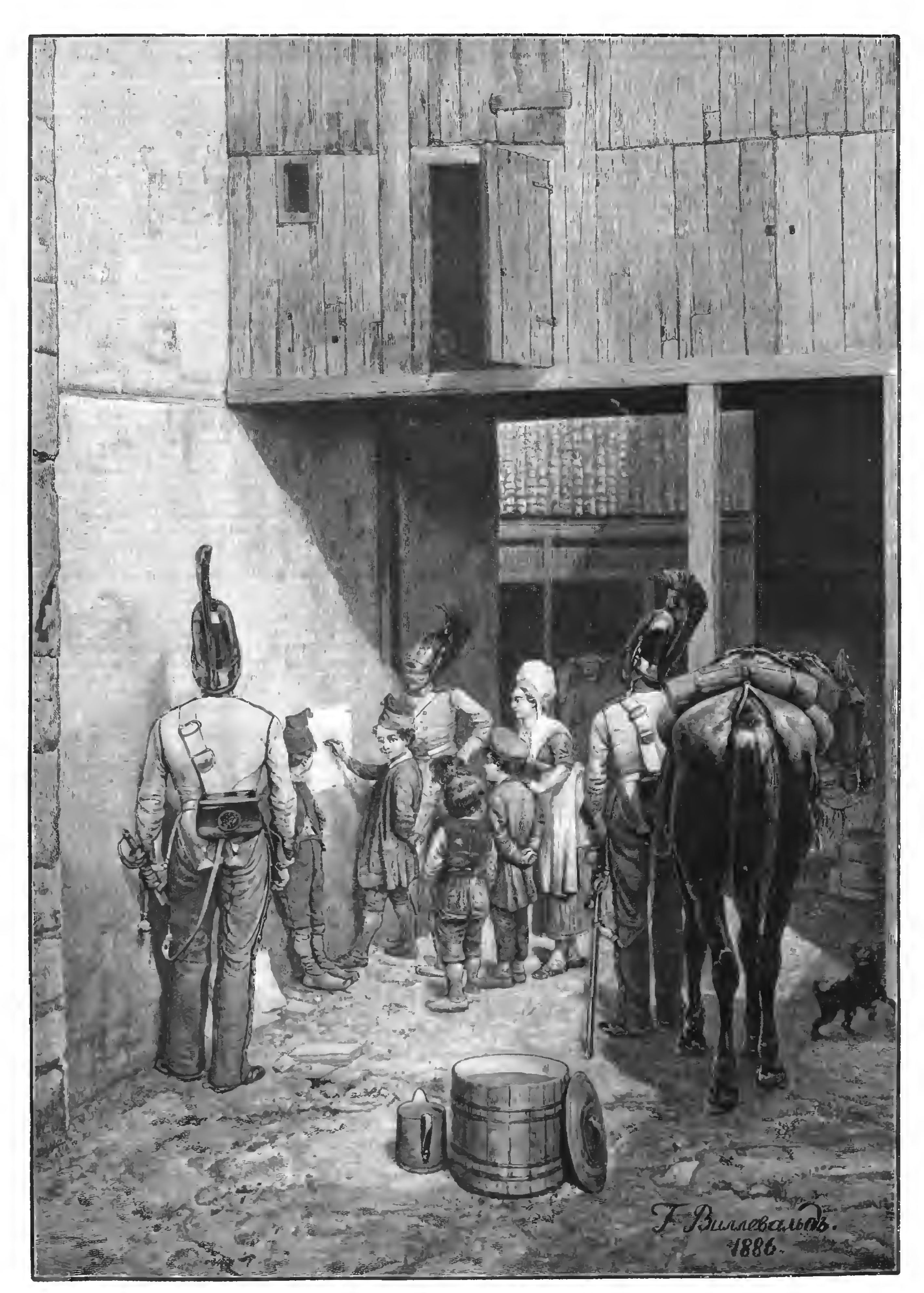
Наиболѣе сильное изверженіе Кракатоа произошло въ августѣ 1883 года и четыре года послѣ того трудились ученые, чтобы составить полное представленіе о причинахъ и послѣдствіяхъ этого явленія природы. Англійская коммисія, состоящая изъ гг. Ральфа Аберкромби, Дугласа Арчибальда, профессора Боннея, Эванса, д-ра Гейки, Джудда, Нормана Локіера, Ролло Росселя, Скотта, профессора Стокса, генерала Страхея, Симонса и капитана Вартона, недавно обнародовала результатъ своихъ трудовъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ нижеслѣдующія подробности.

На нѣкоторыхъ изъ членовъ коммисіи возложено было изученіе вулканическихъ явленій, на другихъ изученіе воздушныхъ и звуковыхъ волнъ; третья часть разсматривала распространеніе явленій въ водѣ; одну изъ главныхъ частей изслѣдованій составляли затѣмъ оптическія явленія и наконецъ матеріаломъ для изученія служили электрическія и магнитическія наблюденія. Все это вмѣстѣ составило трудъ въ 500 страницъ, заключающій въ себѣ чрезвычайно поучительныя свѣдѣнія.

По изслѣдованіямъ профессора Джудда, Кракатоа лежитъ въ центрѣ области извѣстной какъ главный очагъ вулканической дѣятельности. Кракатоа и окружающіе его острова въ ихъ настоящемъ видѣ очевидно представляютъ собою остатки исполинской вулканической горы, которая по береговой линіи должна была имѣть 25 миль окружности и отъ 10,000 до 15,000 футовъ высоты. Въ маѣ 1883 года Кракатоа началъ извергать пламя. Уже въ прежніе годы было нѣсколько крупныхъ изверженій, но они, не смотря на свою значительность, не могли быть изслѣдованы по неимѣнію къ тому средствъ. Вулканическая дѣятельность длилась до 26—27 августа, когда она достигла наибольшей силы. Изслѣдованія землетрясенія, сопровождавшаго страшное вулканическое изверженіе, заставило профессора Джудда убѣдиться, что теорія просачиванія несостоятельна. Она исходитъ изъ предположенія, что просачивающаяся вода развиваетъ огромную химическую дѣятельность. Профессоръ Джуддъ объясняетъ, что хотя вода играетъ большую роль при взрывахъ, но не химическимъ дѣйствіемъ. Вслѣдствіе разрушенія земной поверхности при вулканическомъ изверженіи, устья кратеровъ дѣйствительно появлялись на самой поверхности моря и огромное количество воды проникало въ вулканъ, но она дѣйствовала не химически, а механически. Поверхность лавы временно охлаждалась и твердѣла, отчего газы задерживались и достигли такого напряженія, что потомъ съ тѣмъ большею силою прорывали лаву и причиняли тѣмъ сильнѣйшіе взрывы. Наибольшая сила изверженія наблюдалась въ 10 часовъ утра 27 августа. Безъ преувеличенія можно сказать, что островъ былъ растерзанъ до самыхъ нѣдръ своихъ; тысячи тоннъ почвеннаго матеріала во всѣхъ степеняхъ измельчанія было выброшено въ высоту, достигавшую отъ 12 до 23 (англійскихъ) миль. Гигантская волна, поднявшаяся отъ сотрясенія, затопила землю и увлекла въ океанскую пучину 37,000 человѣкъ; ударъ былъ замѣтенъ и въ англійскомъ каналѣ. Половина острова уничтожилась и заполнила своимъ матеріаломъ когда-то судоходные каналы. По исчисленію капитана Вартона, Кракатоа потерялъ 200,000 милліоновъ кубическихъ футовъ своей массы.

Наблюденіями генерала Страхея установлено, что атмосферныя колебанія могли быть наблюдаемы почти на половинѣ всей земной поверхности. Наблюденія производились отъ Кракатоа, какъ отъ центра. Семь разъ воздушная волна исходила изъ Кракатоа. Какъ велика была скорость ея движенія, видно изъ того,

Египетскій фонтанъ работы Андрея Мальфатти. Грав. Гериве.



75-лѣтіе вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. Воинъ и художникъ. Съ карт. проф. Виллевальде, грав. Флюгель.

что по выходѣ изъ Кракатоа, она достигала Гринича чрезъ 13 часовъ 45 минутъ. Скорость воздушной волны почти равнялась скорости волны звуковой, проходившей отъ 674 до 726 миль въ часъ. Звуковая волна не шла, подобно воздушной, вокругъ земли, но была слышна въ окружности 2,000 англійскихъ миль отъ Кракатоа, и даже, по увѣренію лицъ заслуживающихъ довѣрія, на разстояніи 3,000 англійскихъ миль, въ окрестностяхъ острова Маврикія слышенъ было „какъ-бы отдаленный грохотъ тяжелыхъ орудій“.

Относительно вліянія землетрясенія на море, капитанъ Вартонъ даетъ весьма подробныя объясненія. Наибольшая высота волны считается въ 50 футовъ, а между тѣмъ ударъ волнъ чувствовался въ Англійскомъ каналѣ, на мысѣ Горнѣ, у острова Маврикія. Наибольшую часть отчета занимаютъ объясненія Ролло Росселя и Дугласа Арчибальда относительно оптическихъ явленій. Вечернія сіянія, какъ извѣстно, наблюдались и у насъ еще долго спустя послѣ изверженія; а зеленые, голубые, серебристые и мѣдные цвѣта солнца и луны были видимы только въ экваторіальныхъ странахъ. Причиною этого явленія былъ туманъ исходившій изъ Кракатоа и состоявшій частью изъ влажныхъ частицъ пыли, частью изъ пыли и паровъ. Туманъ большею частью направлялся на западъ; спектроскопъ показалъ, что онъ состоялъ не изъ газа, а изъ твердыхъ веществъ, можетъ быть изъ частицъ льда или тончайшей пыли, походившей на облако.

Географическое распространеніе тумана подвигалось впередъ, съ быстротою 73 англійскихъ миль въ часъ, съ востока на западъ; вмѣстѣ съ тѣмъ туманъ распространялся и къ сѣверу и къ югу, становясь все болѣе и болѣе разрѣженнымъ, такъ что чрезъ шесть недѣль онъ охватывалъ область между 20 град. сѣверной и 45 град. южной широты.

Наибольшую высоту слоевъ сіянія Дугласъ Арчибальдъ опредѣляетъ въ 121,000 футовъ, причемъ съ августа по январь она постепенно уменьшилась до 64,000 футовъ, и по всей вѣроятности наименьшая высота въ августѣ была въ 104,000, а въ январѣ въ 54,000 футовъ. Вслѣдствіе тяжести болѣе крупныя лучепреломляющія частицы опустились на землю до апрѣля 1884 года, а болѣе мелкія продолжали носиться, почти на одинаковой высотѣ, и сдѣлавшись однороднѣе, обнаруживали еще бо́льшую лучепреломляющую силу. Еще въ зимніе мѣсяцы 1884—1885 годовъ можно было любоваться красивыми вечерними зорями и только въ 1886 году снова возстановился нормальный порядокъ.

Спеціалистъ найдетъ въ отчетѣ англійской коммисіи много драгоцѣнныхъ свѣдѣній, а для публики представятъ интересъ его главнѣйшія научныя данныя. Книга снабжена рисунками, фотографіями и чертежами, облегчающими пониманіе подробностей и увеличивающими ея интересъ. (С).

Къ рисункамъ.

Старый городъ въ Варшавѣ. (Рис. на стр. 124).

Главный городъ Привислинскаго края, Варшава, расположенный полумѣсяцемъ на лѣвомъ берегу Вислы, среди обширной песчаной долины, основанъ не ранѣе XI вѣка. По однимъ сказаніямъ, основателемъ его былъ князь Мазовецкій Конрадъ. Охотясь однажды на мѣстѣ нынѣшней Варшавы, онъ такъ былъ восхищенъ красивымъ мѣстоположеніемъ, что построилъ тамъ деревянный замокъ, а внутри его часовню. Вокругъ замка явилось укрѣпленное село: „варшъ“ по венгерски, откуда и названіе Варшавы. По другой легендѣ, въ концѣ XII вѣка Казиміръ Справедливый зашелъ однажды на охотѣ въ хижину. Въ ней онъ нашелъ бѣдную женщину, только что ставшею матерью двухъ близнецовъ. Встрѣча эта внушила Казиміру мысль составить счастіе малютокъ. Онъ захотѣлъ быть ихъ крестнымъ отцомъ и ихъ назвали Варъ и Сарва, откуда и происходитъ имя города Варшава, разросшагося на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то находилась хижина крестниковъ Казиміра. Сто пятьдесятъ лѣтъ спустя мазовецкіе князья поселяются въ Варшавѣ, а въ 1593 году она становится столицею Польши. Въ концѣ XIV вѣка городъ раздѣляется уже на *старый* и *новый*. Старый городъ *(Старое мѣсто)* съ узкими улицами и домами средневѣковой архитектуры находится вблизи крѣпости, вновь выстроенной послѣ мятежа 1831 г. Въ немъ находится почти половина всѣхъ церквей Варшавы, мало замѣчательныхъ художественными украшеніями и историческими памятниками. Бо́льшаго вниманія заслуживаетъ рынокъ, изображенный на стр. 124. Нѣкогда на четыреугольной площади рынка, обстроеннаго со всѣхъ сторонъ узкими и высокими домами, находилась ратуша. Въ ней помѣщались судъ, тюрьма, казначейство и архивъ города, а самая площадь еще въ XVIII вѣкѣ служила лобнымъ мѣстомъ. Въ настоящее время рынокъ на этой площади самый оживленный въ Варшавѣ.

Крушеніе у острова Матсмай (Японія).

(Рис. на стр. 125).

Русскую военную шхуну Алеутъ, возвращавшуюся изъ сѣвернаго плаванія во Владивостокъ, штормами отбросило отъ Сибирскихъ береговъ и поднесло къ берегамъ Японіи. За недостаткомъ провизіи, воды и угля, шхунѣ пришлось зайти въ японскій портъ Хакодаде, но по пути непогоды заставили ее остановиться въ одномъ изъ заливовъ на якорь; здѣсь она выдержала трехъ-дневный штормъ — картины, сопряженныя со всѣми ужасами вѣтра, ураганной силы, и волны открытаго моря разбивавшейся о прибрежье. Обезсиленный въ борьбѣ съ бурями, экипажъ былъ вынужденъ къ тому рѣдкому способу крушенія, которое называется выходомъ корабля на берегъ.

Очевидецъ крушенія такъ разсказываетъ о немъ. Еще наканунѣ стало очевидно, что нечего думать о спасеніи шхуны и принято было рѣшеніе выбрасываться на берегъ. 8 ноября съ утра занялись исполненіемъ приказаній командира: облегчить насколько можно мачты отъ парусовъ и верхнихъ рей чтобъ вѣтру оставалась наименьшая площадь. Въ седьмомъ часу утра оборвало главную якорную цѣпь. Командиръ торопливо сошелъ въ каюту и созвавъ офицеровъ, предложилъ имъ послѣднюю бутылку шампанскаго, чтобы выпить за хорошій исходъ крушенія. Безмолвно чокнулись и выпили по глотку. Вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ расклепать канатъ — и шхуна освободилась отъ послѣдняго якоря и вихремъ помчалась на берегъ. Событія и перемѣны на суднѣ происходили со страшною быстротою, такъ какъ шхунѣ надо было пролетѣть милю, много полторы. Самый грозный моментъ былъ тотъ, когда шхуна, домчавшись до трехсаженной глубины, въ первый разъ ударилась всѣмъ корпусомъ объ грунтъ съ высоты 2—4 футовъ. Днище проломило, и вода наполнила каютъ-компанію, капитанскую каюту и машинное отдѣленіе. Шхуна сѣла на нѣсколько секундъ въ грунтъ и не двигалась съ мѣста. Штормовыя волны одна за другою перекатывались черезъ ея палубу. Удары ихъ о палубу грохотали какъ выстрѣлы двадцати-дюймовой пушки. Срубили фокъ-мачту, паденіе которой всегда возбуждаетъ въ морякахъ тягостное чувство, какъ-бы сознаніе нѣкотораго позора. Толпа японцевъ около пятидесяти человѣкъ тѣснилась на песчаномъ прибрежьи у зажженныхъ костровъ. Величію картины содѣйствовала грозная тьма пурги и ропотъ разбивавшихся о прибрежье волнъ. Команда начала надѣвать бѣлыя чистыя рубашки, — обычай матросовъ на морѣ готовиться къ смерти...

Рисунокъ изображаетъ послѣдній моментъ крушенія: свирѣпыя волны шторма рушатся съ грохотомъ на прибрежье, кормовая часть шхуны, палубныя надстройки шлюпки уничтожены обрушившимся валомъ, передняя фокъ-мачта сломана и слѣдовъ ея не виднѣется у борта. Толпа японскихъ рыбаковъ помогаетъ спасенію экипажа: въ прибоѣ виднѣются головы людей, которыхъ тащатъ на веревкѣ на берегъ. Японскія женщины жгутъ костры и ихъ слабый свѣтъ едва освѣщаетъ зловѣщую картину бѣдствія.

На прибрежьи собираются спасенные люди, принося благодарственныя молитвы Силамъ Небеснымъ.

Экипажъ былъ спасенъ весь, и лишь на другой годъ послѣ этого событія здѣсь погибло въ бурунахъ при работахъ 10 русскихъ матросовъ и 3 китайца. Разбитая шхуна была куплена англичаниномъ, три года она еще проплавала и погибла безъ вѣсти въ Тихомъ Океанѣ. Это была большая шхуна въ 140 футовъ длины, съ машиною въ 37 силъ. Экипажъ состоялъ изъ командира, 5 человѣкъ офицеровъ и команды, всего съ пассажирами 67 человѣкъ.

Клариса. (Рис. на стр. 129).

Немногимъ художникамъ, въ особенности нѣмецкимъ, удаются красивыя женскія лица. Счастливымъ исключеніемъ является Конрадъ Кизель, извѣстный жанровый живописецъ. Вначалѣ архитекторъ, затѣмъ скульпторъ, онъ сравнительно поздно началъ заниматься живописью. Тѣмъ не менѣе его техника замѣчательно блестяща, а женскія фигуры, которыя онъ чаще всего рисуетъ, всегда бываютъ привлекательны. Въ этомъ можно убѣдиться по гравюрѣ напечатанной на стр. 129. Молодая красивая дѣвушка съ чудными, темными глазами, въ одеждѣ временъ Возрожденія, только что окончила пѣть. Счастливая успѣхомъ и гордая полученною наградою, лавровымъ вѣнкомъ, она задумчиво смотритъ вдаль, мысленно переживая еще разъ незабвенныя минуты недавняго торжества.

Священный дубъ близъ Моздока. (Рис. на стр. 132).

Древне-языческій Востокъ, даже тамъ гдѣ христіанство, а за нимъ и монотеистическій исламъ господствуютъ уже много вѣковъ, все-таки напоминаетъ о себѣ нѣкоторыми своими культами, какъ напр. поклоненіемъ священнымъ рощамъ и деревьямъ. На Кавказскомъ перешейкѣ этотъ культъ сохранился во многихъ мѣстахъ, принявъ лишь иную форму, позаимствованную изъ христіанской и мусульманской обрядности. Священныя рощи встрѣчаются на Черноморскомъ побережьи Западнаго Кавказа, въ Грузіи, въ мусульманскихъ провинціяхъ; на вершинахъ холмовъ издалека виднѣются выдающіяся своею могучею красотою купы много-вѣковыхъ дубовъ, негноевъ, чинаровъ, обыкновенно скрывающихъ собою руины языческихъ капищъ, поросшія мхомъ и кустарниками. Мистическія тра-

диціи хранятъ такую рощу отъ топора; по вѣрованіямъ народа, въ ней обитаютъ духи, вліяющіе на судьбу человѣка. Въ глухихъ же мѣстахъ горъ и долинъ разбросаны одиночные колоссы-деревья, подъ сѣнію которыхъ также обитаютъ духи, и это тоже дѣлаетъ ихъ священными. Сюда, какъ и къ священнымъ рощамъ, стекаются поклонники—христіане и мусульмане—признающіе присутствіе въ нихъ чего-то чудотворнаго, молятся имъ, дѣлаютъ приношенія, состоящія изъ образковъ, крестиковъ, монетъ, амулетовъ, разныхъ мелкихъ вещицъ, записочекъ со стихами изъ корана и все это вкладываютъ въ ихъ дупла. Клятвы и заклинанія произнесенныя тутъ считаются самыми сильными. Къ числу такихъ-то священныхъ деревьевъ принадлежитъ и изображенный на нашемъ рисункѣ безподобный по своей красотѣ священный дубъ, находящійся близъ Моздока.

Побѣда Тимура надъ Баязедомъ. (Рис. на стр. 133).

Извѣстный монгольскій полководецъ Тамерланъ или Тимуръ (Тимуръ-Ленгъ), пронесшійся грознымъ ураганомъ надъ старою Азіею, въ промежутокъ времени съ 1336 по 1405 г., можетъ быть поставленъ въ переднемъ ряду тѣхъ „бичей Божьихъ,“ которые отъ времени до времени сотрясали политическій строй громадныхъ древнихъ государствъ и имѣли пагубный даръ—превращать цѣлыя цвѣтущія области, заселенныя людьми, въ пустыни, посѣщаемыя лишь шакалами. Тамерланъ—любимый герой монгольскихъ народныхъ легендъ; монголы зовутъ его Чингизъ-Ханомъ. По ихъ преданіямъ, онъ прійдетъ вновь и озаритъ свой народъ тѣмъ-же блескомъ и обаяніемъ силы, съ какимъ когда-то эта, нынѣ болѣе чѣмъ скромная раса, пронеслась надъ лицомъ земли. Въ исторіи этого человѣка трудно отдѣлить дѣйствительныя событія отъ тѣхъ кружевъ фантазіи, которыми ее украсила восточная легенда. Повидимому, въ молодости Тимуръ находился на службѣ у Гуссейна, эмира Хорасанскаго, происходившаго изъ Джагатайской династіи, владѣвшей Балкомъ. Когда, затѣмъ, эта монгольская династія пала, Тимуръ завладѣлъ трономъ и избралъ своею столицею Самаркандъ. Завоевательные инстинкты новаго владыки не долго дремали: онъ обратился сначала на своихъ ближайшихъ сосѣдей, персовъ, а затѣмъ, мало-по-малу раздвинулъ свои владѣнія „отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая,“ въ буквальномъ смыслѣ этихъ словъ нашего знаменитаго поэта. Около 1398 года Чингизъ-Ханъ двинулся на Индію и завоевалъ земли отъ Инда до Ганга. Послѣ того, онъ повернулъ къ Малой Азіи. Здѣсь у него вышла любопытная встрѣча съ турецкимъ султаномъ Баязедомъ I, который, по части военныхъ доблестей, также блещетъ звѣздою первой величины. Тимуръ уже слыхалъ о Баязедѣ отъ многихъ властителей, которыхъ ему пришлось покорить до того времени; онъ побѣдоносно прошелъ черезъ Сирію, взялъ приступомъ Багдадъ, и, наконецъ, вступилъ въ Малую Азію, гдѣ турецкій султанъ ожидалъ его во главѣ многочисленнаго войска. На ряду съ янычарами и спагами подъ его знаменами стояло до 20,000 европейскихъ латниковъ, многочисленныя боевыя колесницы анатолійцевъ, многіе князья которыхъ уже успѣли перебѣжать къ Тимуру. 20 іюля 1402 года обѣ арміи встрѣтились на равнинѣ близъ Ангоры. „Великій Волкъ“—Тимуръ сталъ лицомъ къ лицу съ „Молніею“—Баязедомъ. Цѣлый день длилась неслыханная рѣзня, и, дотолѣ непобѣдимый Баязедъ, не смотря на чудеса отваги, проявленныя имъ въ этотъ злополучный день, вынужденъ былъ позорно бѣжать съ поля битвы. Всадники Тимура долго гнались за побѣжденнымъ; подъ нимъ, къ несчастію, споткнулся конь, и османскій властитель былъ взятъ въ плѣнъ со своимъ сыномъ и множествомъ приближенныхъ и военачальниковъ. Чингизъ засадилъ полоненнаго врага въ желѣзную клѣтку и въ сопровожденіи этого трофея парадировалъ передъ своими полчищами, съ любопытствомъ смотрѣвшими на диковиннаго плѣнника. Этотъ моментъ и представленъ на нашемъ рисункѣ. Тимуръ берегъ эту добычу и припасалъ ее для декораціи своего торжественнаго вступленія въ Самаркандъ; но Баязедъ, потрясенный событіями, скончался до возвращенія побѣдителя въ свою столицу, въ мартѣ 1403 года; а вскорѣ вслѣдъ за нимъ, въ февралѣ 1405 года, умеръ и Тимуръ, застигнутый смертью въ самый разгаръ сборовъ въ походъ на „Срединную Имперію.“

Египетскій фонтанъ. (Рис. на стр. 136).

Современная итальянская пластика, судя по тѣмъ образцамъ, какіе можно было видѣть за послѣднее десятилѣтіе на различныхъ выставкахъ, легче всего характеризуется при взглядѣ на прошлое время и сопоставленіи произведеній классической древности и вѣковъ Возрожденія съ твореніями современныхъ ваятелей. Вкусы итальянскаго народа настоящаго времени совершенно измѣнились, а отъ нихъ находятся въ зависимости большинство современныхъ итальянскихъ скульпторовъ. Самый крайній натурализмъ, часто выходящій изъ границъ возможнаго, притомъ выражающійся не только въ содержаніи художественнаго произведенія, но преимущественно въ самой передачѣ его, въ формахъ, — вотъ удѣлъ большей части нынѣшнихъ ваятелей. Счастливымъ исключеніемъ, именно по содержанію, являются скульптуры бытоваго характера. Къ числу ихъ долженъ быть причисленъ фонтанъ въ Миланѣ, работы скульптора Андреа Мальфатти. Онъ представляетъ, какъ это видно на нашей гравюрѣ, египетскую дѣвушку стоящую у водоема въ египетскомъ вкусѣ, въ видѣ льва, источающаго воду. Передъ нимъ лежитъ разбитый сосудъ. Дѣвушка, почерпнувъ раковиною воду, подноситъ ее ко рту. Ощущеніе томительной жажды и спѣшность ея удовлетворенія переданы художникомъ чрезвычайно красиво. Уроженецъ Тріента, Мальфатти давно извѣстенъ въ Италіи и за предѣлами ея какъ высоко-даровитый скульпторъ, произведенія котораго, въ особенности цѣлый рядъ надгробныхъ памятниковъ, украшаютъ многіе города Италіи. Такъ, между прочимъ, имъ изваянъ открытый въ 1886 году прекрасный памятникъ Гарибальди въ Кремонѣ.

Воинъ и художникъ. (Рис. на стр. 137).

У талантливыхъ художниковъ не бываетъ непривлекательныхъ картинъ. Самая простая, незатѣйливая сценка, самое заурядное лицо или обыкновенный видъ становятся интересными, когда ихъ передаетъ даровитый живописецъ. Доказательствомъ можетъ быть рисунокъ на стр. 137. Картинка профессора Виллевальда служитъ продолженіемъ цѣлаго ряда работъ его, иллюстрирующихъ славное время похода русскихъ къ Парижу. На ней изображено, какъ маленькій французъ, пораженный величественнымъ видомъ русскихъ воиновъ, старается набросать фигуру одного изъ нихъ на листѣ бумаги. Съ какимъ вниманіемъ вглядывается будущій соперникъ Ораса Верне въ черты высокаго солдата, неподвижно стоящаго передъ маленькимъ художникомъ!

Аханы и ловъ ими бѣлуги на Волгѣ. (Рис. на стр. 140).

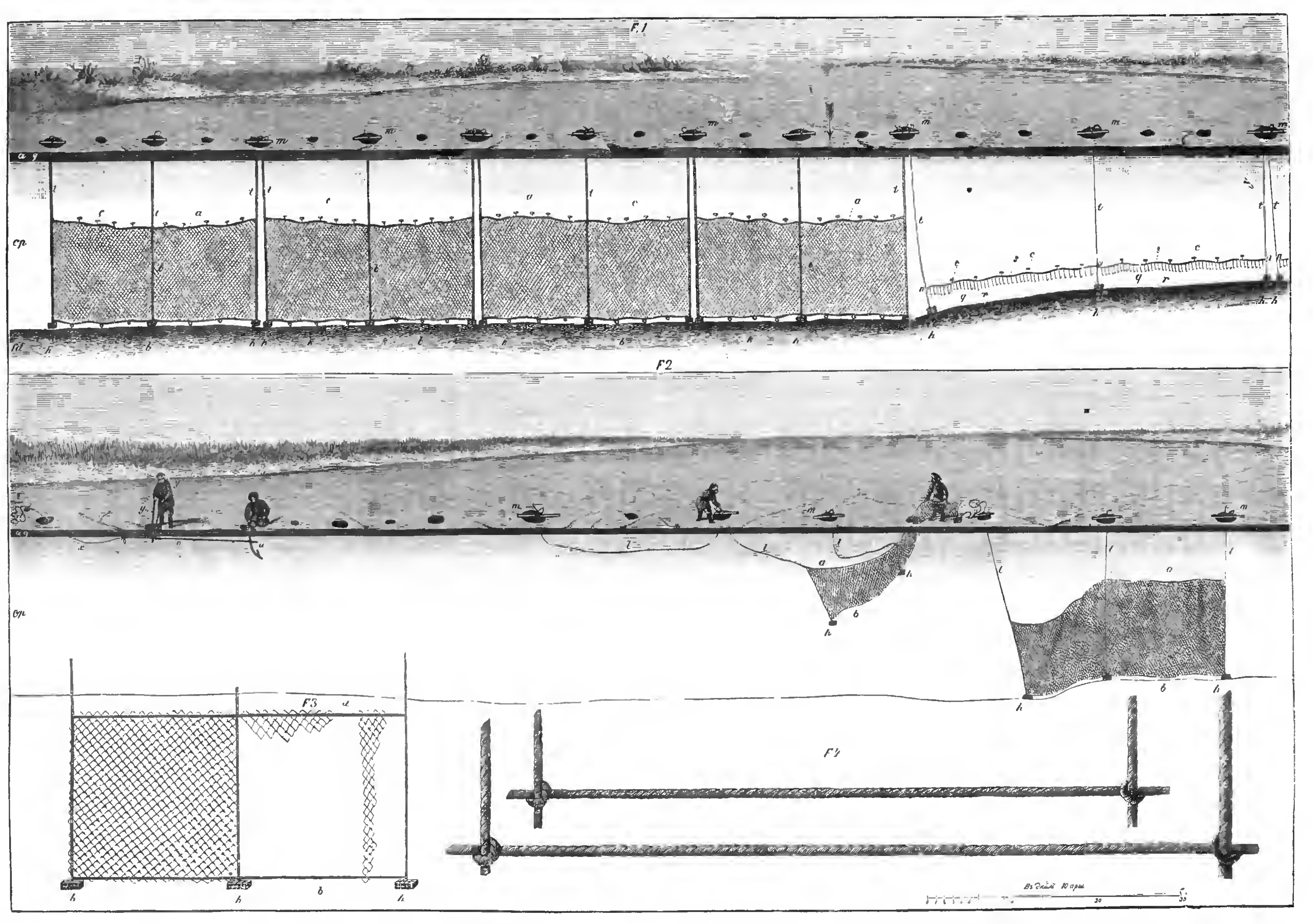
Въ низовьяхъ своихъ Волга развѣтвляется на множество отдѣльныхъ рукавовъ, которые захватываютъ и пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ обширное пространство ея дельты. Здѣсь настоящее рыбное царство—здѣсь полное раздолье рыбаку и широкое поле для примѣненія всѣхъ его хитростей и измышленій. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ зимнихъ способовъ рыбной ловли въ волжскихъ рукавахъ—это *аханы* (или *аханная* снасть), родъ ставной сѣти съ двойнымъ полотномъ. На одномъ полотнѣ сѣти ячеи мелкія, въ квадратный вершокъ (*fig. 3*); на другомъ, болѣе рѣдкомъ, ячеи въ квадратную четверть (*fig. 4*). Для постановки полотнищъ пробиваютъ во льду два ряда луночекъ: однѣ побольше, другія поменьше. При помощи длиннаго шеста и деревяннаго крюка, надо льдомъ, отъ луночки къ луночкѣ, передается веревка и перетягивается полотнище сѣти (*fig. 2*), къ которому снизу прикрѣплены грузила, а все полотнище прикрѣплено въ вертикальномъ положеніи, веревками къ палкамъ, положеннымъ поперекъ луночекъ. Полотнище рѣдкой сѣти ставится ниже по теченію; полотнище частой сѣти аршина на два выше. Проткнувшись сквозь рѣдкую сѣть, рыба, идущая вверхъ по рѣкѣ, упирается въ частую сѣть, поворачиваетъ, играя плёсомъ, и запутывается. По сторонамъ рукава, перегороженнаго аханной снастью, на мѣстахъ болѣе мелкихъ и болѣе близкихъ къ берегу, ставится еще прегражденіе изъ крючковой снасти. Количество рыбы (особенно бѣлуги и севрюги), которая иногда набивается въ пространствѣ между двумя полотнищами сѣтей, бываетъ поразительно.

Эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ Австро-Венгерскаго престола. (Портр. на стр. 141).

(Некрологъ).

Внезапно похищенный смертью 18 (30) января, эрцгерцогъ Рудольфъ-Францъ-Карлъ-Іосифъ, единственный сынъ императора Австрійскаго Франца-Іосифа и императрицы Елисаветы, родился 21 августа 1858 г. Съ самаго рожденія принадлежавшій къ арміи въ качествѣ полковника и шефа 19-го пѣхотнаго полка (кронпринца), онъ уже въ юные годы достигъ всеобщаго уваженія въ средѣ военныхъ, 23 іюля 1878 года (черезъ годъ послѣ своего совершеннолѣтія) зачислившись въ дѣйствительную службу въ 36-й австрійскій пѣхотный полкъ; въ сентябрѣ 1880 былъ произведенъ въ генералъ-майоры и затѣмъ въ контръ-адмиралы, а въ 1883 въ фельдмаршалы-лейтенанты и вице-адмиралы съ назначеніемъ командиромъ 25-й пѣхотной дивизіи. Кромѣ того, эрцгерцогъ Рудольфъ состоялъ шефомъ русскаго 34-го пѣхотнаго Сѣвскаго полка, двухъ австрійскихъ (артиллерійскаго и уланскаго), прусскаго Бранденбургскаго уланскаго и Баварскаго кирасирскаго. Въ послѣднее время онъ былъ генералъ-инспекторомъ всей австрійской пѣхоты.

Но главное значеніе Австрійскаго наслѣднаго принца коренилось не въ высокомъ военномъ званіи, такъ какъ продолжительный миръ не дозволилъ ему проявить свои способности на этомъ поприщѣ; онъ стяжалъ себѣ другую, не менѣе почетную извѣстность въ области науки и искусства, коихъ онъ былъ всегдашнимъ покровителемъ. Получивъ въ ранней молодости основательное и всестороннее образованіе, онъ былъ по преимуществу естествовѣдомъ (спеціально орнитологомъ) и нѣсколько лѣтъ велъ переписку съ учеными натуралистами Бремомъ и Гомейеромъ. Описанія природы въ его литературныхъ трудахъ, каковы между прочимъ „Пятнадцать дней на



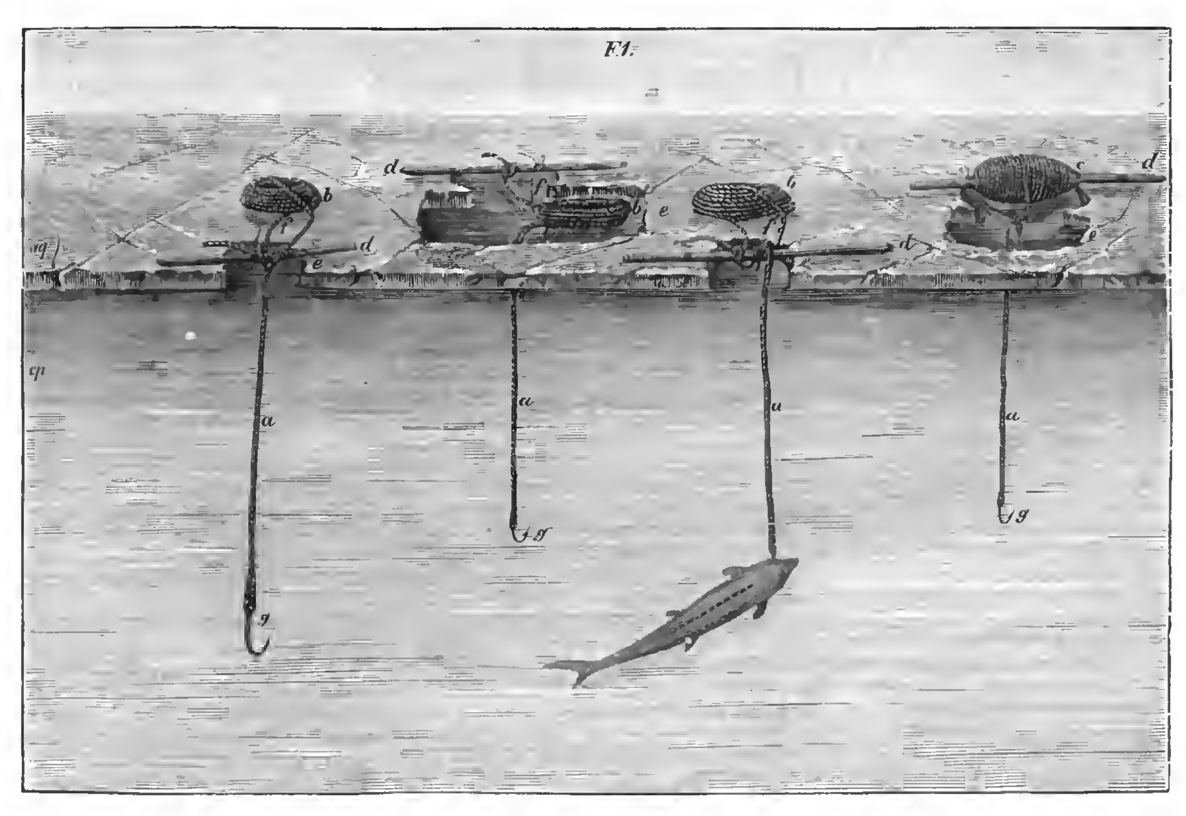
Аханы и ловъ ими бѣлуги на Камызякѣ (рукавъ Волги). Съ рис. къ изслѣдованію Каспійскаго рыболовства, грав. Рашевскій.

Дунаѣ“ (1881) и „Путешествіе на Востокъ“ (1885), возбудили вниманіе всего ученаго міра. Величайшею же литературною заслугой принца предъ отечествомъ было предпринятое по его почину и при ревностномъ сотрудничествѣ монументальное изданіе „Австро-Венгерская монархія въ описаніи и картинахъ“ (Die Oesterreichisch - Ungarische Monarchie in Wort und Bild). Это изданіе, начатое въ 1886 году и донынѣ выходящее выпусками, соединило въ себѣ труды лучшихъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ силъ Австро-Венгріи. Введеніе написано самимъ принцемъ Рудольфомъ. Теперь этому величественному предпріятію недостаетъ души его.

10 мая 1881 года эрцгерцогъ Рудольфъ вступилъ въ бракъ съ дочерью короля Бельгійскаго, Леопольда II, принцессою Стефаніей (родилась 21 мая 1864). Отъ этого брака родилась 2 сентября 1883 г. единственная дочь кронпринца, эрцгерцогиня Елисавета. Такъ какъ въ Австро-Венгріи, по прагматической санкціи и праву престолонаслѣдія въ Габсбурго-Лотарингскомъ домѣ, мужская линія имѣетъ преимущество надъ женскою, и послѣдняя наслѣдуетъ престолъ лишь по пресѣченіи первой, то по смерти эрцгерцога Рудольфа императорская корона Габсбурговъ должна была бы достаться бывшему императору Мексиканскому Максимиліану, еслибъ онъ терпѣливо дожидался ея въ своемъ отечествѣ и не нашелъ безвременной и лютой кончины въ Мексикѣ. За смертію его, старшимъ представителемъ Австрійскаго императорскаго дома остается братъ императора Франца Іосифа, его императорское высочество эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ, родившійся 30 іюля 1833 года и женатый третьимъ бракомъ, съ 23 іюля 1873 г., на дочери покойнаго принца Мигуэля, инфанта Португальскаго, Маріи-Терезіи, родившейся 24 августа 1855 г. У эрцгерцога Карла-Лудвига, отъ втораго брака съ дочерью покойнаго короля обѣихъ Сицилій, Фердинанда II, принцессою Аннунціадою, остались два сына: эрцгерцогъ Францъ, родившійся 18 декабря 1863 г. и эрцгерцогъ Оттонъ, родившійся 21 апрѣля 1865 года и нынѣ состоящій въ супружествѣ съ дочерью принца Георга Саксонскаго, принцессою Маріею-Жозефиною. Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ состоитъ, въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, шефомъ 7-го австрійскаго уланскаго полка, 8-го прусскаго уланскаго и русскаго 24-го Лубенскаго драгунскаго полка.

Эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ Австро-Венгерскаго престола. († 18 января 1889). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Подробности безвременной кончины эрцгерцога Рудольфа читатели найдутъ ниже, въ „Политическомъ обозрѣніи“, насколько онѣ выяснились изъ телеграммъ, постоянно противорѣчившихъ одна другой въ теченіе послѣднихъ трехъ дней предъ выпускомъ настоящаго № „Нивы“.



Тычковая снасть и установка ея въ морѣ. Съ рис. къ изслѣдованію Каспійскаго рыболовства, грав. Рашевскій.

Тычковая снасть для ловли красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ. (Рис. на стр. 141).

При громадномъ обиліи рыбы въ Каспійскомъ морѣ и самые способы ловли ея являются чрезвычайно разнообразными. Многіе изъ этихъ способовъ просты до наивности, въ особенности если мы вспомнимъ о добычѣ, которая вылавливается этими простѣйшими способами: о пудовыхъ осетрахъ и бѣлугахъ, объ аршинныхъ стерлядяхъ, сазанахъ и шереспёрахъ... Во льду, на довольно большой глубинѣ, пробиваются *луночки*—круглыя и продолговатыя отверстія. Поперекъ этихъ луночекъ кладется средней толщины палка, къ которой накрѣпко, глухимъ *мертвымъ* узломъ привязывается крѣпкая *снасть* (веревка), въ палецъ толщиною, и сажень въ десять длины. Вся снасть навивается на палку, поверхъ узла, и образуетъ нѣчто въ родѣ катушки, которая можетъ свободно разматываться, если дернуть снизу за конецъ снасть, на которомъ прикрѣпленъ толстый и крѣпкій желѣзный крючокъ, наживленный мелкою рыбешкой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятъ болѣе удобнымъ складывать снасти правильными кругами на льду, около палки, къ которой она привязана. Крупная рыба, хватая наживку на крючкѣ или прямо цѣпляясь за крючокъ, распускаетъ снасть, стараясь уйти подальше отъ луночки, у которой она на крючокъ попалась. Но напрасно пытается она сорваться съ крючка! Большими кругами ходитъ она все около одного и того же мѣста, и наконецъ, утомленная усиленными движеніями, почти не противится и не бьется, когда ловкій рыбакъ начинаетъ тянуть свою снасть кверху и выбрасываетъ рыбу на ледъ.

Графъ Геза Зичи. (Портр. на стр. 144).

Петербургъ вскорѣ познакомится съ замѣчательнымъ виртуозомъ на фортепьяно, графомъ Гезой Зичи. По своему рожденію графъ принадлежитъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ и богатыхъ аристократическихъ фамилій Венгріи. Родился Геза Зичи 11 іюля 1849 г. и въ дѣтствѣ учился играть на фортепьяно, не придавая, впрочемъ, своимъ занятіямъ большаго значенія. Несчастный случай на охотѣ, когда юношѣ не было еще 17 лѣтъ, лишилъ его правой руки, тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ играть на фортепьяно одною лѣвою рукою, посвящая, главнымъ образомъ, свое время юридическимъ наукамъ. Послѣ знакомства съ Листомъ, графъ Зичи всецѣло отдался музыкѣ и сталъ подъ его руководствомъ добиваться возможности продѣлывать на роялѣ одною рукою то, что дѣлаютъ другіе двумя руками. Старанія его не остались безплодными и, по словамъ заграничныхъ газетъ, онъ достигъ въ своей игрѣ одною рукою замѣчательныхъ результатовъ, въ чемъ, въ недалекомъ будущемъ, убѣдятся многіе изъ петербуржцевъ. „Многіе играютъ на фортепьяно, говоритъ музыкальный критикъ Эдуардъ Ганслика, нѣкоторые доставляютъ удовольствіе, а графъ Зичи—очаровываетъ." Въ настоящее время онъ состоитъ президентомъ національной консерваторіи. Свои концерты однорукій виртуозъ даетъ всегда только съ благотворительною цѣлью, вызывая въ Вѣнѣ, Пештѣ и Парижѣ всеобщее восхищеніе. Его талантъ и искусство доставили бѣднымъ и недужимъ разныхъ странъ не мало сотенъ тысячъ рублей. У насъ, въ Петербургѣ, Геза Зичи будетъ играть въ пользу Общества „Краснаго Креста".

Библіографія.

Донъ Жуанъ Байрона. Переводъ П. А. Козлова. СПБ. 1889.

Нельзя не привѣтствовать этого перевода, который является *первымъ* въ русской, да пожалуй и въ европейскихъ литературахъ, достойнымъ Байрона воспроизведеніемъ его безсмертной поэмы... Г. Козловъ перевелъ „Донъ Жуана" размѣромъ подлинника, труднѣйшимъ изъ стихотворныхъ размѣровъ — октавами, и не смотря на то стихъ у переводчика плавенъ, звученъ и легко читается. Попадаются, правда, нѣкоторые неправильные обороты въ русской рѣчи, но, во-первыхъ, рѣдко, а во-вторыхъ, они неизбѣжны при такой сложной задачѣ какъ точнѣйшая передача духа и смысла чужестранной поэмы съ соблюденіемъ оригинальнаго размѣра. Но величайшая заслуга г. Козлова состоитъ въ томъ, что онъ съ самаго начала взялъ вѣрный тонъ, исключительно свойственный Байрону и составляющій главную прелесть такихъ его произведеній какъ *Донъ Жуанъ*, *Беппо* и аналогичныхъ. Всѣ предшествующіе переводы безусловно блѣднѣютъ предъ этимъ послѣднимъ, смѣло скажемъ возсозданіемъ Донъ-Жуана: одни изъ нихъ грѣшатъ тяжеловѣсностью стиха, другіе — излишнею вольностью передачи мыслей, а нѣкоторые (и наиболѣе прославленные) поразительнымъ невѣжествомъ и непониманіемъ.

Сочиненія Глѣба Успенскаго; въ двухъ томахъ. Съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Второе значительно дополненное изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1889.

Это компактное изданіе въ два столбца весьма убористаго шрифта, стоющее всего 2 р. 50 к., обнимаетъ все что заключалось въ восьми томахъ прежняго и все что затѣмъ написано г. Успенскимъ до послѣдняго времени.

Иллюстрированный каталогъ сѣмянъ, растеній и т. п. В. Е. Грачева, въ СПБ. 1889.

Любители огородничества и садоводства найдутъ не мало интересныхъ новинокъ въ этомъ каталогѣ, украшенномъ множествомъ гравюръ и олеографій.

Воздушное садоводство. Практическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Н. Жуковскаго. Съ 72 рис. въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1889 г. Цѣна 60 к.

Весьма обстоятельно составленная книжка, могущая служить руководствомъ каждому начинающему любителю цвѣтоводства.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16 января, Ея Величество Государыня Императрица и Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ посѣтили благотворительную ярмарку, устроенную въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу общества для пособія бѣднымъ женщинамъ.

— Государь Императоръ 17 января изволилъ повелѣть: наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на шесть дней, по случаю кончины внука императора Бразильскаго, принца Донъ-Жозе.

— 18 января, съ поѣздомъ Варшавской желѣзной дороги прибылъ въ Петербургъ великій герцогъ Гессенскій Лудвигъ IV съ наслѣднымъ принцемъ Эрнстомъ и младшею дочерью принцессою Алисою. Великій герцогъ Гессенскій—отецъ Е. И. В. Вел. Кн. Елисаветы Ѳеодоровны, носитъ званіе шефа 18-го Клястицкаго драгунскаго полка.

Дѣла церкви.

— Среди духовенства Харьковской епархіи, по почину высокопреосв. Амвросія, собираются пожертвованія на отливку изъ чистаго серебра — колокола въ 10 пудовъ, для ежедневнаго благовѣста съ колокольни Харьковскаго каѳедральнаго собора, въ память чудеснаго избавленія Августѣйшей Семьи отъ опасности во время крушенія 17 октября.

— Извѣстный Кіеву своими собесѣдованіями съ штундистами о. іеромонахъ Арсеній открываетъ на Аѳонѣ практическую школу миссіонерства, съ двухлѣтнимъ курсомъ, на 20 человѣкъ. На учрежденіе школы послѣдовало уже благословеніе Св Синода.

Военное дѣло.

— 15 января, Выборгскій полкъ получилъ отъ своего шефа, Германскаго императора, при рескриптѣ на имя полковаго командира, изящно вышитыя золотомъ ленты на четыре знамени. На полковомъ завтракѣ между прочимъ говорилъ рѣчь германскій военный уполномоченный полковникъ Вильомъ по-русски.

— Въ Варшавѣ, 15 января, въ церкви с.-петербургскаго гренадерскаго полка было совершено молебствіе по случаю дня рожденія шефа полка, императора Германскаго. На посланную поздравительную телеграмму былъ полученъ изъ Берлина слѣдующій отвѣтъ на французскомъ языкѣ: „Сердечно благодарю васъ за поздравленія и добрыя пожеланія, выраженныя вами отъ имени петербургскаго гренадерскаго полка, которыя доставили мнѣ истинное удовольствіе. *Вильгельмъ, императоръ и король*".

Промышленность.

— Средне-азіатское торгово-промышленное товарищество Н. Кудрина и К° устроило въ январѣ нынѣшняго года въ Хивѣ, у Хазарійскихъ воротъ, первый хлопко-очистительный заводъ, который пущенъ въ ходъ и вызвалъ одобреніе хана.

— Въ послѣднее время, на Закавказской желѣзной дорогѣ дѣлались приготовленія по устройству керосино-проводной станціи. На станціи Михайлово, уже получены трубы и различныя машины для прокладки керосинопровода. Строителемъ керосино-провода является товарищество бр. Нобель. Керосинопроводъ начнется отъ желѣзнодорожной станціи Михайлово и окончится на станціи Квирилы.

Торговля.

— Въ Харьковѣ дѣла на крещенской ярмаркѣ оживляются. Теперь хорошо торгуютъ бумажнымъ и суконнымъ товаромъ. Извѣстія о пониженіи цѣнъ на торнтоновскіе фабрикаты невѣрны, никакихъ скидокъ Торнтонъ не дѣлаетъ.

— Прибывшій въ Севастополь пароходъ добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ" привезъ 12,500 пудовъ чаю, который уже нагруженъ въ 22 вагона и отправится спеціальнымъ поѣздомъ въ Москву, гдѣ очистится пошлиною. Англійскій пароходъ „Servo" привезъ 100 тысячъ пудовъ американскаго хлопка.

Искусства изобразительныя.

— На-дняхъ, какъ мы уже сообщали, прибылъ въ Петербургъ изъ Рима извѣстный русскій живописецъ, профессоръ Г. И. Семирадскій, съ тѣмъ чтобы устроить здѣсь выставку нѣкоторыхъ изъ своихъ новѣйшихъ произведеній, въ томъ числѣ только что оконченной картины: „Фрина на праздникѣ Посейдона". Римскіе критики искусства, видѣвшіе эту колоссальную картину, отзываются о ней съ восторгомъ. Незадолго до отправки

ея въ Россію, мастерскую г. Семирадскаго посѣтила Итальянская королева Маргарита, которая долго любовалась новымъ произведеніемъ русскаго художника и выразила ему свое полное удовольствіе. Выставка г. Семирадскаго нынѣ открыта въ одной изъ залъ Императорской академіи художествъ.

— 6 января, въ СПБ., въ домѣ В. А. Ратькова-Рожнова, открылась выставка картинъ, устроенная въ пользу Александровской общины сестеръ Краснаго Креста. Она состоитъ изъ акварелей профессора Л. О. Премацци, альбома рисунковъ русскихъ художниковъ, поднесеннаго министру Иностранныхъ Дѣлъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея его службы, работъ академика С. Ф. Александровскаго, и сорока картинъ и акварелей профессора А. А. Риццони.

— Граверъ г. Струкъ задумалъ воспроизвести въ гравюрахъ лучшія картины Императорскаго Эрмитажа. Недавно онъ вошелъ въ соглашеніе съ книгопродавцемъ г. Гаммершмидтомъ (хозяиномъ фирмы Шмицдорфъ) и владѣльцемъ литографическаго и гравировальнаго заведенія г. Кастелли, которые взялись издать эти работы г. Струка въ видѣ сборника, съ приложеніемъ объяснительнаго текста, и выпускать этотъ сборникъ въ свѣтъ постепенно, тетрадями, заключающими въ себѣ по 5 гравюръ. Всѣхъ выпусковъ предполагается двадцать.

Литература.

— Въ воскресенье, 15 января, въ С.-Петербургѣ, въ квартирѣ редактора газеты *Свѣтъ*, В. В. Комарова, праздновалось открытіе вновь организованной редакціи еженедѣльнаго журнала *Славянскія Извѣстія*, редижировать которыя будетъ теперь В. В. Комаровъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: преосвященный Антоній, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, болгарскій архимандритъ Меѳодій, членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ графъ Н. П. Игнатьевъ, управляющій канцеляріею Св. Синода, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. К. Саблеръ, многіе писатели и художники.

Пути сообщенія.

— Весною будетъ доставленъ въ Россію сооруженный въ Бельгіи на судостроительныхъ заводахъ „Коккериль“ колоссальный пароходъ „Тургеневъ“ (около 36 саженъ длины). Онъ выстроенъ по заказу пароходнаго общества „Самолетъ“. Тѣмъ же обществомъ будутъ вскорѣ заказаны для Волги еще нѣсколько пароходовъ, подъ названіями „Островскій“, „Грибоѣдовъ“ и проч. На этихъ пароходахъ будутъ примѣнены, по словамъ *Волжско-Донск. Листка*, всѣ новѣйшія усовершенствованія и электрическое освѣщеніе.

Политическое обозрѣніе.

18 января телеграфъ принесъ потрясающую вѣсть о трагической кончинѣ наслѣднаго Австрійскаго принца Рудольфа. Посланный въ Мейерлингъ корреспондентъ *Fremdenblatt* сообщалъ слѣдующее: „Въ понедѣльникъ, 16 января, наслѣдный принцъ выѣхалъ въ придворномъ экипажѣ изъ Вѣны въ Брейтенфуртъ, гдѣ ожидалъ его вѣнскій фіакръ. Наслѣдный принцъ фіакромъ не воспользовался, а прошелъ небольшое разстояніе до Мейерлинга пѣшкомъ. Онъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и оживленно бесѣдовалъ съ приглашенными имъ на охоту лицами. Во вторникъ, по возвращеніи съ охоты, наслѣдный принцъ жаловался на головную боль, удалился въ свои аппартаменты и послалъ въ Вѣну сказать, что не можетъ быть на назначенномъ въ тотъ день императорскомъ фамильномъ обѣдѣ. Во вторникъ, вечеромъ, наслѣдный принцъ занимался въ своей спальнѣ, написалъ нѣсколько писемъ. Въ день катастрофы наслѣдный принцъ проснулся въ 7 ч. утра, позвонилъ давно уже состоявшаго на его службѣ камердинера Іоганна Кошека и заказалъ ему завтракъ. Незадолго до половины восьмаго лейбъ-камердинеръ нашелъ принца мертвымъ въ постели. Принцъ Филиппъ Кобургскій и графъ Іосифъ Гойосъ находились на дворѣ замка, когда лейбъ-камердинеръ, смертельно блѣдный, сбѣжалъ съ лѣстницы. Они поспѣшили въ спальню наслѣднаго принца и тотчасъ же поняли, что всякая помощь безполезна. Принцъ Кобургскій, убитый горемъ, остался у смертнаго одра своего августѣйшаго зятя, а графъ Гойосъ отправился черезъ Баденъ въ Вѣну, чтобы передать императорской фамиліи ужасную вѣсть.“ Распространившіеся затѣмъ въ Вѣнѣ и переданные по телеграфу всей европейской прессѣ слухи сначала о несчастномъ случаѣ на охотѣ, а затѣмъ о смерти отъ разрыва сердца оказываются теперь невѣрными.

Въ неоффиціальной части *Wiener Zeitung* напечатано: „Свѣдѣнія, сообщенныя нами вчера объ ужасномъ событіи съ наслѣднымъ принцемъ Рудольфомъ, были основаны на первыхъ слухахъ, занесенныхъ изъ среды приближенныхъ къ почившему принцу подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ злополучнаго случая. По этимъ слухамъ, когда дверь спальни эрцгерцога была выломана, его высочество найденъ въ постели мертвымъ. На этомъ первомъ впечатлѣніи были основаны проникшія въ Вѣну извѣстія и догадки о кончинѣ отъ апоплексическаго удара. Находившіяся въ Мейерлингѣ лица вызвали срочной телеграммой профессора Видергофера, который и отправился туда съ ближайшимъ поѣздомъ. Немедленно приступивъ къ изслѣдованію тѣла, Видергоферъ замѣтилъ на головѣ покойнаго значительную рану съ большимъ расщепленіемъ костей черепа, которая должна была вызвать мгновенную смерть. Рана была признана за огнестрѣльную; на правой сторонѣ постели, рядомъ съ рукою эрцгерцога, оказался разряженный револьверъ. Его положеніе не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что эрцгерцогъ застрѣлился собственноручно. Въ виду того, что прислуга наслѣднаго принца была размѣщена въ сосѣднихъ домахъ, а состоявшій при немъ камердинеръ вышелъ на время изъ дома, чтобы, согласно распоряженію его высочества, сдѣлать приготовленія къ охотѣ, никто не могъ слышать выстрѣла. Задачею тотчасъ-же посланной въ Мейерлингъ коммисіи, которая имѣла установленный для подобныхъ случаевъ составъ, было—составить протоколъ о самомъ фактѣ и о побочныхъ обстоятельствахъ.

„Мы не можемъ умолчать о томъ, что приближенныя къ наслѣдному принцу лица замѣчали въ немъ, въ теченіе послѣднихъ недѣль, различные признаки нервнаго возбужденія. Поэтому нужно предположить, что это ужасное событіе было послѣдствіемъ временнаго помраченія умственныхъ способностей. Кромѣ того, считаемъ долгомъ упомянуть о томъ, что наслѣдный принцъ съ нѣкоторыхъ поръ часто жаловался на головную боль, которую считалъ послѣдствіемъ своего паденія прошлою осенью съ лошади. Это приключеніе было, однако, въ свое время сохранено въ тайнѣ по настоятельному желанію самого эрцгерцога“. Далѣе, вотъ что сообщаетъ вѣнская телеграмма отъ 20 января (1 февраля): „Опубликованное въ *Wiener-Zeitung* оффиціальное извѣстіе, что Австрійскій наслѣдный принцъ кончилъ жизнь самоубійствомъ, выстрѣливъ себѣ изъ револьвера въ високъ, подтверждается. Слухи о самоубійствѣ ходили по городу еще вчера, но опубликованіе телеграммъ объ этомъ въ газетахъ было запрещено. Еще въ прошломъ году эрцгерцогъ Рудольфъ не разъ говорилъ близкимъ къ нему лицамъ о близости своей смерти; объ этомъ онъ заявлялъ особенно графамъ Вильчеку и Гойосу. Наслѣдный принцъ оставилъ записку, въ которой поручаетъ начальнику отдѣленія Сёгеньи привести въ порядокъ остающіяся послѣ него рукописи. По удостовѣреніи врачами факта самоубійства, императоръ Францъ-Іосифъ пригласилъ къ себѣ графа Таафе и Тиссу; послѣдніе посовѣтовали ему опубликовать этотъ фактъ. Дворъ отклонилъ участіе иностранныхъ особъ въ церемоніи погребенія тѣла наслѣднаго принца.“ Ударъ судьбы подѣйствовалъ на императора потрясающимъ образомъ. Всю ночь онъ не спалъ и ходилъ по кабинету, къ утру онъ пошелъ къ гробу сына, плакалъ и молился. Наслѣдная принцесса совсѣмъ убита горемъ. Опасаются, чтобы возбужденное состояніе, въ которомъ она находится, не разстроило ея здоровья. 19 января *Neues Wiener Tagblatt* сообщалъ: „Императоръ Францъ-Іосифъ провелъ нѣсколько часовъ въ одиночествѣ въ своемъ кабинетѣ и затѣмъ, пересиливъ, повидимому, свое горе, принималъ явившихся для выраженія соболѣзнованія членовъ императорской фамиліи. Императоръ въ трогательныхъ словахъ выразилъ свою покорность волѣ Божіей, а императрицѣ посовѣтовалъ отдохнуть. Эрцгерцоги Карлъ-Лудвигъ и Альбрехтъ вышли изъ дворца, глубоко взволнованные и громко рыдая. Принцъ Леопольдъ баварскій и принцесса Гизела прибыли въ 6 часовъ утра и были встрѣчены на вокзалѣ западной желѣзной дороги императоромъ. Когда принцъ и принцесса вышли изъ вагона, императоръ бросился имъ навстрѣчу, обнялъ и облобызалъ ихъ, обливаясь слезами. Принцесса Гизела убита горемъ. Изъ Гмундена прибыли герцогъ Филиппъ и герцогиня Марія-Терезія Виртембергскіе, съ дѣтьми. Провинціальныя газеты всѣхъ нарѣчій, чешскія, нѣмецко-богемскія, польскія, галицко-русскія, словенскія, сербскія и итальянскія отражаютъ неподдающееся описанію впечатлѣніе, произведенное скорбною вѣстью во всѣхъ земляхъ имперіи, полное пониманіе духовнаго значенія усопшаго принца, безусловное признаніе его человѣческихъ добродѣтелей и сердечнѣйшее участіе къ горю императорской фамиліи, глубокая скорбь которой можетъ быть облегчена лишь болѣе тѣснымъ общеніемъ австрійскихъ народовъ съ императорскимъ домомъ. Газеты указываютъ, какъ на единственное утѣшеніе, на то, что вся Европа раздѣляетъ постигшее Австрію горе. 19 января, бренные останки наслѣднаго принца были привезены ночью на вокзалъ южной желѣзной дороги, откуда были отправлены въ Гофбургъ въ запряженномъ шестеркою фургонѣ. Собравшійся передъ вокзаломъ народъ обнажилъ головы. На дворѣ Гофбурга стояла тоже большая толпа народа, которая тоже въ нѣмомъ почтеніи привѣтствовала умершаго наслѣднаго принца Гробъ внесенъ былъ въ апартаменты августѣйшаго покойника. Изо всѣхъ цислейтанскихъ областей постоянно получаются донесенія о чрезвычайно горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ скорбною вѣстью. Засѣданія всѣхъ корпорацій, какъ оффиціальнаго, такъ и частнаго характера, были тотчасъ пріостановлены, всякія увеселенія, спектакли и концерты отмѣнены. Получаются также изъ всѣхъ европейскихъ столицъ извѣстія объ участіи, принимаемомъ другими народами въ понесенной Австріею утратѣ.. Внезапная и невознаградимая утрата будетъ долго и искренно опла-

киваться Австріей. Безжалостная смерть похитила кронпринца въ полномъ цвѣтѣ силъ. Эрцгерцогу Рудольфу было всего 30 лѣтъ. Многосторонне образованный, онъ подавалъ большія надежды, что съумѣетъ примирить вѣчно несогласныя народности Австро-Венгерской имперіи.

Во Франціи избирательная борьба Буланже и Жака окончилась и побѣда осталась на сторонѣ браваго генерала.

Трудно себѣ представить до какихъ предѣловъ достигла эта борьба за послѣдніе дни. Прокламаціи, манифесты, бюллетени, воззванія съ обѣихъ сторонъ появлялись одни за другими въ несмѣтномъ числѣ. Никогда еще въ Парижѣ не было наклеено такого количества покрывающихъ одна другую афишъ, какъ нынѣ. Афиши достигали до первыхъ этажей домовъ, ими покрыты заборы, пьедесталы памятниковъ, ступени лѣстницъ общественныхъ зданій и т. п. Въ виду такого возбужденія, правительство приняло большія мѣры предосторожности, приказано было на всякій случай войскамъ вплоть до Амьена и Пуатье не отлучаться изъ казармъ.

Но выборы прошли сравнительно спокойно. Несмотря на то, что выборщики собрались въ большомъ количествѣ, никакихъ инцидентовъ не было. Ночью на 16 января телеграфъ принесъ извѣстіе, что изъ 568,697 выборщиковъ участвовало въ голосованіи 435,860. Избранъ Буланже, получившій 244,070 голосовъ, тогда какъ Жакъ получилъ 162,250, соціалистъ Булэ—16,760, а 10,358 голосовъ высказались за различныхъ кандидатовъ. Побѣда генерала Буланже на выборахъ, по отзыву газетъ, превзошла всѣ ожиданія, не только потому, что нынѣшній депутатъ Парижа, уже ранѣе бывшій депутатомъ департаментовъ Дордоньи, Сѣвернаго и Шаранты, обладаетъ „сердцемъ и тѣломъ“ всей Франціи, но еще и потому, что онъ получилъ большинство въ каждомъ парижскомъ округѣ, почти въ каждой секціи, въ томъ числѣ и въ Монмартрѣ, Бельвиллѣ, Шароннѣ и въ пригородахъ.

Республиканскія газеты сознаются, что избраніемъ Буланже нанесено республиканской партіи тяжелое пораженіе, но что, тѣмъ не менѣе, ей не слѣдуетъ падать духомъ, а нужно сохранить хладнокровіе и болѣе прежняго сплотить союзъ всѣхъ республиканцевъ противъ „цезаризма.“ Монархическія и буланжистскія газеты видятъ въ результатѣ вчерашнихъ выборовъ приговоръ парламентской республикѣ и предвѣстникъ скораго паденія ея. Голосованіе избирателей—говорятъ помянутыя газеты—направлено преимущественно противъ нынѣшняго правительства.

Когда результаты выборовъ стали извѣстными, въ 11 часовъ вечера въ Елисейскомъ дворцѣ собрался совѣтъ министровъ въ предсѣдательствѣ г. Карно. Засѣданіе продолжалось до 1½ часа пополуночи. Различныя случайности, которыя могутъ быть послѣдствіемъ нынѣшняго положенія, служили предметомъ продолжительнаго обсужденія. Флоке объявилъ г. Карно, что онъ и его коллеги готовы выйти въ отставку, если президентъ республики полагаетъ, что ихъ отставка можетъ содѣйствовать устраненію затрудненій, которыя предвидятся. Президентъ Карно положилъ обождать результата засѣданія палаты 16 января, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Но въ этотъ день ничего не было рѣшено и обсужденіе запроса Жуванселя о томъ, какія мѣры разсчитываетъ правительство принять, чтобы заставить уважать общественную власть, отложено, по просьбѣ самого Жуванселя, которая была поддержана всѣми республиканцами. Запросъ этотъ давно уже стоялъ на очереди.

Флоке, какъ говорятъ, если онъ останется у власти, предложитъ четыре мѣропріятія, не терпящихъ отлагательства, а именно: выборы по округамъ, распущеніе палаты, общіе выборы до мая и запрещеніе многократныхъ кандидатуръ, имѣющихъ плебисцитарный характеръ. Республиканское большинство, къ которому Флоке обратился за совѣтомъ, отказалось одобрить эти мѣры.

Недавно въ *Journal des Débats* напечатана статья, въ которой указывается на то, что ни Россія, ни Англія, ни Германія, ни Франція, ни Австрія не хотятъ войны. Въ ней между прочимъ о Россіи говорится слѣдующее: „Россія обладаетъ спокойствіемъ великана, который видитъ, что его силы увеличиваются соразмѣрно его росту, что жилы его полны крови и что въ членахъ его совершается сильный жизненный процессъ. Если-бы Россія захотѣла войны, то въ предлогахъ и даже поводахъ къ ней она не нашла-бы недостатка; но она презираетъ это. Она по чувству гордости вышла изъ союза трехъ Императоровъ и вновь пріобрѣла себѣ свободу, чувствуя себя достаточно сильною для того, чтобы быть свободною. Россія изолирована, но не состоитъ въ настоящее время ни чьимъ врагомъ. Она хранитъ спокойствіе, доставляемое вѣрою въ будущее“. Сознаніе спокойной и мирной политики Россіи начинаетъ появляться и въ другихъ государствахъ. Въ Вѣнѣ миролюбіе ея начинаетъ признаваться безусловно, а въ австрійской политикѣ оказывается предпочтеніе улаженію мирными средствами разногласій между Россіей и Австро-Венгріей. Такіе взгляды отчасти отразились на ходѣ преній о военномъ законѣ въ венгерской палатѣ депутатовъ. Этотъ законъ встрѣтилъ совсѣмъ иной пріемъ въ Венгріи, нежели въ Австріи, и повсемѣстно происходятъ митинги протеста противъ него. Въ венгерскомъ сеймѣ одна за другою слѣдуютъ скандальныя сцены. Оппозиція заявила, что принятіе военнаго законопроекта было-бы равносильно нарушенію конституціи.

Графъ Геза Зичи. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Смѣсь.

Нравы норвежскихъ крестьянъ. Честные норвежцы, живущіе по берегамъ фіордовъ и въ долинахъ суровыхъ пограничныхъ горъ, народъ крайне скупой на слова. Очень можетъ быть, что угрюмая норвежская природа содѣйствуетъ скрытности характера ея обитателей. До чего доходитъ молчаливость и несообщительность норвежца, мы видимъ изъ разсказовъ Фердинанда Крауса въ его прекрасномъ сочиненіи „Von der Ostsee bis zum Nordkap“. Такъ, напр., приходитъ одинъ крестьянинъ къ другому; онъ не снимаетъ шапки, не протягиваетъ руки, даже не кивнетъ головою. Ничего подобнаго. Точно также и находящійся въ комнатѣ не думаетъ прекращать свою работу. Но вотъ посѣтитель, обращаясь ко главѣ семейства, желаетъ „добраго утра“ или „добраго дня“ или же произноситъ обычную въ Норвегіи фразу: „Благодарю за послѣдній разъ“; и получаетъ въ отвѣтъ: „Благослови тебя Господь“, или „не стоитъ благодарности“, причемъ онъ по манерѣ и голосу, съ какими дается отвѣтъ, легко заключаетъ, пріятно его посѣщеніе или нѣтъ.

Отправляясь куда-нибудь въ дорогу, крестьянинъ нагрузитъ свою повозку, запряжетъ лошадь, дастъ женѣ, можетъ быть, кой-какія указанія о томъ, что должно быть сдѣлано въ его отсутствіе; но ему и въ голову не придетъ протянуть ей на прощанье руку или кивнуть головой; точно также и по возвращеніи, онъ прежде всего

поставитъ на мѣсто лошадь; затѣмъ, окруженный дѣтьми, всегда ожидающими подарковъ, развяжетъ покупки, сдѣланныя въ городѣ; но не подумаетъ поздороваться съ женой; точно также какъ и крестьянка, при прибытіи мужа, не оторвется отъ своего дѣла.

Когда старикъ Эйлертъ Зундтъ, который въ концѣ пятидесятыхъ годовъ много трудился надъ изученіемъ нравовъ норвежскихъ крестьянъ, сказалъ по этому поводу одному старому крестьянину: „Послушай, любезный, по моему мнѣнію, жена твоя должна была бы оставить работу, пойти тебѣ на встрѣчу, привѣтствовать тебя и протянуть тебѣ руку“, крестьянинъ не могъ удержаться отъ смѣха, и сказалъ: „Если бы она такъ поступила, работники бы засмѣяли насъ“. Любознательный Зундтъ продолжалъ однако разспрашивать: „Развѣ ты никогда не слыхалъ, чтобы крестьянинъ, возвратясь домой, здоровался со своей женой?“ „Какже“, возразилъ крестьянинъ, „много лѣтъ тому назадъ, въ нашемъ приходѣ жилъ одинъ человѣкъ, который имѣлъ это странное обыкновеніе“.

Они старательно избѣгаютъ всякаго рода ласки, всякаго выраженія нѣжности, даже въ любви родителей къ дѣтямъ. Родители всячески заботятся о своихъ дѣтяхъ; каждый ребенокъ имѣетъ свой собственный сундукъ и въ каждомъ сундукѣ лежитъ столько рубашекъ, сколько ребенку лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, никто не увидитъ, чтобы родители какъ-нибудь ласкали дѣтей, коль скоро они выросли изъ пеленокъ; даже всюду принятое обыкновеніе, утромъ и вечеромъ желать родителямъ „добраго дня“ и „покойной ночи“ не вошло въ употребленіе у норвежскихъ крестьянъ. Когда сынъ или дочь покидаютъ родительскій домъ для поступленія на мѣсто, то и тутъ всѣ очень скупы на слова, и никогда не бываетъ, чтобы уѣзжающіе протянули родителямъ на прощанье руку. Только при выходѣ замужъ, дочь подаетъ родителямъ руку, но не въ видѣ прощанья, а въ знакъ благодарности за оказанныя ей въ родительскомъ домѣ благодѣянія. Сватовство производится черезъ посредство какого-нибудь старика, который приходитъ къ родителямъ невѣсты, не говоря сначала о цѣли своего посѣщенія, а придумывая какой-нибудь предлогъ, напр., дать на прокатъ земледѣльческое орудіе или купить теленка, и только постепенно сводитъ разговоръ на настоящій предметъ. Если онъ замѣчаетъ, что женихъ пріятенъ, то обѣщаетъ въ скоромъ времени придти снова. Между тѣмъ, о сватовствѣ сообщаютъ дѣвушкѣ, которая обыкновенно раздѣляетъ мнѣніе родителей, такъ какъ любовь не играетъ здѣсь почти никакой роли. Зачастую проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ женихъ окончательно сдѣлаетъ предложеніе; послѣ чего, опять-таки при посредствѣ свата, затѣваются переговоры о приданомъ, о свадебныхъ издержкахъ и т. п. Наконецъ, происходитъ помолвка. Самая свадьба въ большинствѣ случаевъ справляется съ блескомъ и пышностью. Двѣ подруги наряжаютъ невѣсту, которая за недѣлю до свадьбы оставляетъ домъ родителей и, въ сопровожденіи отца, переселяется въ домъ жениха. Въ день торжества, невѣста, съ распущенными, волнистыми, большею частью золотисто-бѣлокурыми волосами, сидитъ неподвижно среди хлопотливой толпы подругъ и родственницъ. Ея грудь украшена золотыми и серебряными пряжками и застежками, обвѣшанными иногда небольшими круглыми бляхами; станъ обвитъ прекраснымъ длиннымъ поясомъ изъ роскошныхъ серебряныхъ вызолоченыхъ пластинокъ съ чудною орнаментаціей въ стилѣ нѣмецкаго Возрожденія, художественный образецъ древненорвежскаго золотыхъ дѣлъ мастерства; на голову надѣтъ старинный, зубчатый, высокій брачный вѣнецъ, большею частью серебряный вызолоченый или мѣдный. Во всемъ остальномъ свадебные обряды походятъ на общепринятые; нѣтъ недостатка въ скрипкахъ, кларнетахъ, барабанахъ и пистолетныхъ выстрѣлахъ; число гостей часто доходитъ до трехсотъ, а праздничный столъ снабженъ всѣмъ въ изобиліи. Оригинальны норвежскіе танцы, требующіе особенной силы со стороны танцора. Дама медленно кружится на одномъ мѣстѣ, а кавалеръ вертится вокругъ нея, дѣлая огромные прыжки. Въ одномъ Бергенскомъ приходѣ первый танцоръ, въ 17 лѣтъ, поднимался отъ земли на высоту четырехъ локтей, а въ 30 лѣтъ доходилъ до пяти локтей. Дама должна слѣдить за движеніями своего кавалера, и какъ только онъ опускается на ноги, протягивать ему ловко руку для опоры. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Телемаркена и дама, поддерживаемая кавалеромъ, дѣлаетъ весьма почтенные прыжки. (с.)

Лимонный сокъ, какъ средство противъ дифтерита. Калифорнскій врачъ, д-ръ Гартойскій, сообщаетъ, что онъ долгое время, даже въ самыхъ безнадежныхъ случаяхъ дифтерита, предписывалъ больнымъ употребленіе самыхъ свѣжихъ лимоновъ или лимоннаго сока, во всевозможныхъ, переносимыхъ больными, видахъ, причемъ почти всегда достигалъ наилучшихъ результатовъ. Въ Китаѣ лимонный сокъ весьма распространенъ въ народѣ, какъ цѣлебное средство, которому, при употребленіи его во внутрь, приписывается значительная цѣлительная сила. Особенно во время эпидемическаго дифтерита китайцы употребляютъ свѣжій лимонный сокъ или въ видѣ лимонада, или же даютъ больнымъ ѣсть свѣжіе лимоны въ какомъ угодно количествѣ, какъ апельсины. Китайцы употребляютъ лимонъ и какъ предохранительное, и какъ цѣлебное средство противъ названной злокачественной болѣзни, и большею частью крайне успѣшно. Опыты д-ра Гартойскаго, познакомившагося съ дѣйствіемъ лимоннаго сока во время путешествія по Китаю, давали до сихъ поръ такіе же результаты, почему онъ и рекомендуетъ это средство для всеобщаго употребленія. Такъ какъ средство это чрезвычайно просто, никоимъ образомъ не представляетъ опасности, и можетъ быть названо въ самомъ широкомъ смыслѣ домашнимъ средствомъ, то на него слѣдуетъ обратить всеобщее вниманіе, тѣмъ болѣе, что его, при случаѣ, можно употреблять не задумываясь, до прибытія врача. (с.)

Замѣчательное явленіе наблюдается съ нѣкоторыхъ поръ во Франціи — общее пониженіе почвы. Съ 1884 года инженернымъ вѣдомствомъ производится нивеллировочная съемка всей страны. Работы эти показали, что почва съ каждымъ годомъ осѣдаетъ все болѣе и болѣе отъ юга къ сѣверу. Въ то время какъ на южномъ берегу высота почвы не претерпѣла никакихъ измѣненій, между Марселемъ и Лиллемъ, то есть на протяженіи 820 километровъ, земля осѣла весьма значительно, а именно на 3 сентиметра въ годъ. Замѣчательно, что по направленію къ сѣверо-востоку осѣданіе почвы втрое сильнѣе, чѣмъ въ прямомъ направленіи съ юга на сѣверъ. Въ первомъ случаѣ осѣданіе равняется 1 миллимеру на 27 километровъ, а во второмъ—1 миллиметру на 10 километровъ. Если подобное явленіе будетъ продолжаться, то сѣверная Франція можетъ чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ подвергнуться такой же катастрофѣ, какая постигла Нидерланды въ концѣ XIII столѣтія. (С).

Парижская охранная полиція недавно дѣлала опыты съ новымъ изобрѣтеніемъ, которое должно быть очень непріятно всѣмъ убійцамъ, ворамъ, похитителямъ кассъ и мошенникамъ. Дѣло идетъ о передачѣ фотографическихъ изображеній съ помощью электрической проволоки, т. е., другими словами, одновременно съ приказомъ о задержаніи будетъ посылаться по телеграфу и фотографія бѣглеца. Съ этою цѣлью бумажная лента, на которой получаются телеграфные знаки и буквы, дѣлается шире и на ней воспроизводится телеграфическій портретъ величиною съ серебряную пятифранковую монету. Портретъ получается въ однихъ контурахъ, безъ тѣней, но вполнѣ отчетливый и вѣрный. Поэтому для передачи по телеграфу болѣе всего пригодны фотографическіе снимки въ профиль. Парижскимъ полицейскимъ управленіемъ, въ присутствіи коммисіи, во главѣ которой находились полицейскій префектъ г. Вуазенъ и начальникъ охранной полиціи г. Жакобъ, былъ въ видѣ опыта телеграфированъ профиль г. Жакоба въ Ліонъ; чрезъ нѣсколько минутъ телеграфъ извѣстилъ, что изображеніе мнимаго преступника благополучно получилось въ Ліонѣ, и согласно требованію, было обратно передано въ Парижъ, гдѣ начальникъ охранной полиціи имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ на бумажной лентѣ, подъ ударами электрическаго аппарата, воспроизводился его портретъ. Вслѣдъ затѣмъ начальникъ ліонской полиціи телеграфировалъ изображеніе дѣйствительнаго бѣглеца, бѣжавшаго съ кассой банковскаго чиновника, и парижская полиція могла такимъ образомъ снабдить агентовъ, посланныхъ на Ліонскій вокзалъ, портретомъ похитителя.

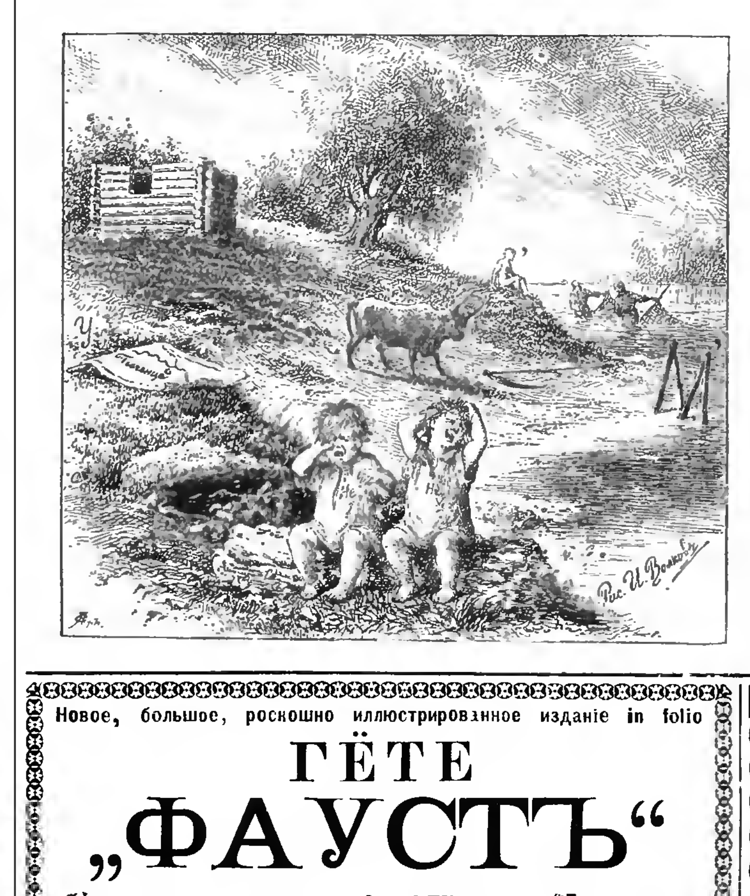
Для редактора не можетъ быть ничего несноснѣе ненужныхъ или излишне продолженныхъ посѣщеній, отрывающихъ его отъ дѣла въ редакціонное время. Впрочемъ, это недугъ международный, свирѣпствующій по ту сторону океана съ той же силой, какъ и въ Европѣ; но въ Америкѣ не стѣсняются самымъ недвусмысленнымъ образомъ отклонять отъ себя подобныя безполезныя посѣщенія. Такъ, напримѣръ, въ газетѣ *Little Rock Blade* (Арканзасъ) стояло на видномъ мѣстѣ слѣдующее предостереженіе: „Совѣтуемъ Самуилу Диккинсону не слишкомъ надоѣдать намъ въ нашемъ святилищѣ, иначе его бедра могутъ познакомиться съ по-

дошвами нашихъ сапогъ". *Las Vegas Minco* въ Новой Мексикѣ вывѣсила у себя на дверяхъ слѣдующее объявленіе: „Входъ дозволяется только трезвымъ, желающимъ абонироваться или помѣстить объявленіе. Пьяные и не абоненты будутъ выталкиваться вонъ." На подобную же энергичную расправу намекаетъ и болѣе добродушное изреченіе нѣмецкой газеты *Granada Banner*: „Побереги излишнія слова; не кради у насъ напрасно времени; и мы будемъ довольны и одежда твоя останется въ цѣлости". Редакторъ издающейся въ Тринидадѣ, частью на англійскомъ, частью на испанскомъ языкѣ, газеты *Diario* написалъ на дверяхъ своего дома: „Если тебя беретъ сомнѣніе, имѣешь ли ты право войти сюда, то дай волю своему сомнѣнію и проходи мимо!" Надпись въ одной редакціи въ Ватерлоо, *Joba*, гласитъ: „Входъ запрещенъ. Кто сюда войдетъ, будетъ выброшенъ за дверь". Немного грубо, надо сознаться! (С).

Библіотекарь Сэведжъ сдѣлалъ интересную находку въ мѣсторожденіи Шекспира—Стратфордѣ на Эвонѣ, и обнародовалъ ее въ небольшомъ отдѣльномъ изданіи, подъ названіемъ: „Shakespearean extracts from Edward Pudsey's Book, temp. Q. Elizab. and K. James". Если вѣрить Эдварду Пёдси и Сэведжу, то мы имѣемъ въ настоящее время шесть выдержекъ изъ неизвѣстной до сихъ поръ драмы великаго писателя „Ирусъ". Книга Пёдси имѣется только въ одномъ экземплярѣ. Между тѣмъ, по мнѣнію изслѣдователя Шекспира П. А. Даніэля, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что приписываемая Сэведжемъ Шекспиру драма *Ирусъ*, есть не что иное, какъ „The blind beggar of Alexandria" Джорджа Чапмана, въ которой нищій Ирусъ играетъ только главную роль. (с).

Д-ръ Шлиманъ энергически продолжаетъ свои раскопки близъ Микены и ежедневно находитъ новые предметы, представляющіе большой археологическій и антропологическій интересъ. Вся мѣстность вокругъ города переполнена гробницами до-Гомеровскаго періода. Гробницы эти вырублены въ скалахъ и представляютъ правильныя отдѣленія отъ 35 до 40 квадр. метровъ величиною. Помѣщавшіяся въ эти камеры тѣла не засыпались землею и не сжигались, какъ во времена Гомера. Среди многочисленныхъ находокъ встрѣчаются предметы изъ стекла, хрусталя и слоновой кости, а также драгоцѣнные каменья съ превосходною гравировкою. Восточный характеръ орнаментовъ даетъ весьма важныя указанія относительно происхожденія греческаго искусства съ Востока. (с).

Ребусъ. Задача № 8.



Рѣшеніе географической задачи № 1
(помѣщенной въ „Нивѣ" 1889 г. № 1).

·,·· , тверь 1		,··, суда 7
·,··, весла 8		,·, упа 2
,,,···· мезень 3	···, тура 6	····,· енерпе 9
,,·,, вятка 10		·, ея 4
·,, инъ 5		,···· прутъ 11

„Терпѣнье и трудъ все перетрутъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**— Н. В. Панкова, В. Софійскаго, Чичерина, В. Пикель, Москальской, В. Миронова, Г. Быкова, В. И. Шошина, Н. В. Ш., А. А. Крюкова, В. Соболева, Н. Стронскаго, Володи, К. Шенкъ, В. Меньшаго, Карпини, М. А. Никитина, Ф. А. Воронина, М. Заборовскаго, А. А. Поспѣева, **Москва**—М. Семеновой, Шкробовыхъ, А. Шеръ, М. Мацѣевской, Н. Маслепникова, А. Н. Есипова, В. Комарова, В. А. Кравцовыхъ, **Алексинъ**—А. Руднева, **Бахчисарай**—М. М. Дремджи, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Варшава**—Витте, **Жуковка**—А. М. Замлеръ, **Ковно**—Н. Кеппенъ, А. Люрій, **Ковель**—Вейтцлеръ, **Курскъ**—Л. Шалашова, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Лебедянь** — В. И. Чуричина, **Мценскъ**—фонъ-Бурмейстеръ, **Новогеоргіевскъ**—Г. Рюмина, **Оренбургъ** — П. М. Миронова, **Полтава** — А. Альбрехтъ, **Павловскъ**—С. Аргесъ, **Петроковъ**—В. Рубина, **Порѣчье** — А. И. Лютова, **Рыбинскъ** — И. Клементьева, **Ростовъ на Д.** — З. Беслеръ, **Рязань** — П. Постникова, **Симферополь**—К. Мазлумова, **Соколка**—А. Григоровскаго, **Саратовъ**— А. Золотарева, **Тверь** —В. Эрастова, В. Чигирь, **Харьковъ**—А. Д. Ивановой, **Царское Село**—А. Кузьмина, **Шацкъ**— А. Филимоновича, **Ярославль**—А. Штетна, **Вѣна** (Австрія)—С. Рацефельдъ.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

2—1 **НОВѢЙШІЕ** Ц. № 3671

ДУХИ:

№ 4711
НАРЦИССЪ
въ 3 р., 2 р. и 1 р. 50 к. за флаконъ.

№ 4711
ЛАНДЫШЪ
зелен.-золотой ярлыкъ по 3 р., 2 р. 40 к., 1 р. 65 к. и 1 р. за флаконъ

№ 4711
VIOLETTES DE PARME
въ 2 р. 40 к., 1 р. 60 к. и 1 р. 25 коп. за флаконъ. — При покупкѣ обращайте вниманіе на

№ 4711

(фабричная марка утвержд. правительствомъ), которая находится на каждомъ ярлыкѣ, какъ отличительный знакъ.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.
LA POUDRE SIMON
И МЫЛО
à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же занахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16 8

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника VIII вѣка. Съ портретомъ Императора Петра II. Это разсказъ изъ времени юнаго Императора Петра II, царствовавшаго только 3 года. СПБ. 1885 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Столичнаго Врачебнаго Управленія.
Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ:

1) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE
для волосъ. Ц. 2 р. за флаконъ съ наставленіемъ объ употребленіи, на русскомъ французск. и нѣменк. языкахъ.

2) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПОМАДА
на перуанскомъ бальзамѣ, для волосъ. Ц. банки 2 руб.

3) ПОДЛИННИКЪ PASTA-EUGÉNIE
средство для лица. Ц. банки 1 р. 60 к.

4) БАЛЬЗАМЪ EUGÉNIE
изъ миртовыхъ и свадебнаго букета цвѣтовъ для лица, шеи и рукъ, съ благоуханіемъ лилій и розъ. Цѣна 1 р. 75 к. за флаконъ.

5) РУМЯНА EUGÉNIE
жидкія, чтобы придать щекамъ и ушамъ розовый цвѣтъ, не мѣняющійся при электрическомъ освѣщеніи. Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Ц. за флак нъ 1 р. 50 к. съ наставленіемъ какъ употреблять.

6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА
Цѣна банки 1 р. 30 к. На каждой банкѣ находится охранительная марка „амуръ" и подпись изобрѣтательницы „*Bertha Ries*".

7) ПОДЛИННИКЪ „POUDRE EUGÉNIE"
бѣлая и розовая. Цѣна коробкѣ съ пуховкой 1 р. 50 к.; безъ пуховки 1 р. 20 к.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
Трехъ цвѣтовъ: черная, коричневая и свѣтлорусая. Ц. коробки 3 р.
РИСЪ ГУТМАНЪ.

Депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Пассажѣ, бывш. Дарзансъ; въ Центральномъ аптекарскомъ магаз., у Казанскаго моста № 30; въ Невскомъ аптекарскомъ магазинѣ и въ Гостиномъ дворѣ у А. М. Рузанова № 40; у М. П. Ушакова, и у Кошкина № 12, Суконный рядъ

Въ Москвѣ: у К. П. Феррейнъ и Р. Келеръ и К°., Никольская; у А. Брунсъ (бывш. Ф. Пецъ) и Л. Борхардтъ, Маросѣйка; у В. Качъ, Александровскій пассажъ, у парикмахера Теодоръ, Кузнецкій мостъ; у Оскара Гетлингъ, Петровка; у Эм. Керстанъ, Тверская; и у В. Безбардисъ, Арбатскія ворота.

Въ Астрахани: у А. Н. Фадѣева;
„ **Баку:** у В. Погозова;
„ **Харьковѣ:** въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами;
„ **Екатеринбургѣ:** у У. У. Ермолаева, у парикмахера Эдгарева и у Е. Харитоновъ и К°.
„ **Екатеринодарѣ:** у Гамбургеръ, Лазетъ и Робинсонъ;
„ **Екатеринославѣ:** у В. Абрамова; А. Я. Гортикова.
„ **Елизаветградѣ:** у Г. А. Трестеръ Наслѣдник.;
„ **Гельсингфорсѣ:** у Горстъ;
„ **Казани:** у Мурзаева;
„ **Керчи:** у Гапъ;
„ **Кіевѣ:** въ перчаточн. магаз. Поль, Крещатикъ;
„ **Костромѣ:** у А. Прокопенко;
„ **Кременчугѣ:** у Закъ;
„ **Минскѣ:** у парикмахера К. Ивановскій;
Въ Новочеркасскѣ: у З. Петрова;
„ **Одессѣ:** у Гельдеръ и К°, Гуммельтъ и Аудерскаго;
„ **Перми:** въ писчебумажномъ магазинѣ П. П. Демидова;
„ **Полтавѣ:** у Н. Шульцъ;
„ **Ревелѣ:** у Хр. Келеръ;
„ **Ригѣ:** у Б-евъ Видеманъ;
„ **Ростовѣ н/Д.:** у Матисена;
„ **Самарѣ:** у Ю. В. Христенсена;
„ **Саратовѣ:** у Матисена и у Р. Штроль;
„ **Ставрополѣ:** у Курылченко;
„ **Таганрогѣ:** у Л. Раппепортъ;
„ **Тифлисѣ:** у В. Гривнакъ;
„ **Томскѣ:** у С. П. Пенашева;
„ **Варшавѣ:** у Александръ и Марселли, Театральн. площ.; у Калиновскаго, въ Краковск. предмѣст., и у Лианника;
„ **Вильнѣ:** у Гружевскаго;
„ **Воронежѣ:** у Буханькова;
„ **Владикавказѣ:** у Г. А. Отіева.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗНИГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

НОВЫЙ КАТАЛОГЪ
НОТЪ
ВЪ ДЕШЕВЫХЪ ИЗДАНІЯХЪ
ЮРГЕНСОНА
П. № 3615 (болѣе 14000 №) 5—4
вышелъ изъ печати и высылается безплатно изъ музык. торговли **П. ЮРГЕНСОНА**
Москва, Неглинный пр., 10.

АДРЕСА
всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3611 5—5
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

CORSETS
20—3
LEOTY
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine. Paris.

ПРЕВОСХОДНАЯ
ДІАФАНСКАЯ ГОРЧИЦА
всѣхъ сортовъ П. № 3668
ПАРОВОЙ ФАБРИКИ
АРТЮРЪ и К°.
Представ. для Центр. Россіи:
Б. К. Корнфельдъ, Москва, Мясницкая, д. Ге.
Прейсъ-курантъ безплатно.

Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, купецъ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 27 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія" 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наслѣдникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти-лѣтняго возраста.

Справиться въ Главной Конторѣ Страховаго Общества „Россія" (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3649 3—2

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ
Вс. С. Соловьева.

Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Панова. **Изданіе III.** Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Продолжается подписка на ежедневную газету

„НОВОСТИ ДНЯ" въ 1889 году.

Съ 10-го января „Новости Дня" (VII-й годъ изданія) выходятъ въ увеличенномъ форматѣ, въ размѣрѣ большихъ газетъ—въ семь печатныхъ столбцовъ, при чемъ подписная цѣна осталась безъ измѣненія.

Съ первыхъ январскихъ №№ началось печатаніе повѣсти кн. *С. В. Голицына* **„Дама самъ-третей"**, романа *В. А. Риваля*—**„Жертва чести"** и разсказа *С. Ш.*—**„Насмѣшка судьбы"** (автора „Панночка", „Въ чужомъ домѣ") и фельетоновъ **„Что такое богатство и житейское счастье?"** философія практической жизни—*Д'Исъ*. Въ непродолжительномъ времени послѣдуютъ:

„Безприданница", ром. въ 2-хъ част., кн. *С. В. Голицына*. **„Въ лунную ночь"**—*И. Н. Ге*. **„Муки Прометея"**, пов. изъ театральнаго быта. *Н. А. Хлопова*. **„Современный герой"**, ром., *Н. Осипова*. **„Двѣ сестры"**, пов., *Н. Нестерова*. **„Перстъ Божій"**, истор. ром. изъ временъ „Тишайшаго" царя Алексѣя Михайловича, *Д. Дмитріева*, и друг.

Гг. годовымъ подписчикамъ будетъ высланъ романъ *В. Риваля*—**„Купленный мужъ"**, помѣщавшійся въ „Новостяхъ Дня".

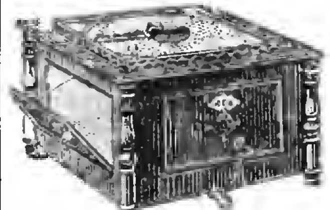
Подписная цѣна:

	На 12 м.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Для городскихъ	8 р. — к.	5 р. — к.	2 р. 90 к.	1 р. — к.
„ иногородныхъ	9 „ — „	5 „ 50 „	3 „ — „	1 „ — „

Новымъ подписчикамъ будутъ высланы всѣ вышедшіе нумера.
Москва, Мясницкая, домъ Сытова. Н. № 3673

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ НА МАСЛЯНИЦѢ



Настоящій, патентованный

ГЕРОФОНЪ

обыкновенный съ 10-ю пьесами

30 РУБ.

Герофонъ съ приспособленіемъ для игры forte и piano

32 руб.

Добавочныя пьесы въ громадномъ выборѣ 60 коп. за каждую. Пересылка за 50 фунт.

Списокъ пьесъ—безплатно.

Всѣ другіе музыкальные инструменты въ большомъ выборѣ. № 3677

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

СѢМЯННЫЙ МАГАЗИНЪ ИВ. ИВ. СИМА

14. Караванная 14.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Прейсъ-курантъ сѣменамъ на 1889 годъ высылается безплатно.

„СУДЬБА ГАДАНЬЯ“ 10

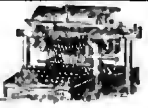
предсказывающая будущее, прошедшее и настоящее, въ теченіе недѣли, мѣсяца, года и пяти лѣтъ. Ц. книжки съ перес. 1 р. Адрес. единств.: въ г. Хвалынскъ И. Комисарову.

МАЛЕНЬКІЕ ПОДАРКИ ЗА 10 К.

крошечный изящн. альбомъ поэтовъ. **За 15 к.** крошечн. альб. Гоголевскихъ типовъ. **За 35 коп.** два альбома Боги и Богини Олимпа. **За 20 к. крошечный географическій атласъ** въ 23 карты. **За 15 альбомъ** предковъ нашего царя. **За 30 к. Два Альбома** достопримѣчат. Петербурга и Москвы. **За 15 к. Альбомъ—художника** Мартышки. **За 20 коп.** Новый заморскій **фокусъ Тузъ Пятерка изъ Нью-Іорка.** Древне-греческ. фокусъ **15 к.**, двѣ задачи-шутки **30 к.** **НОВОСТЬ! Узнать чужой характеръ, качества, добродѣт. 60 к.** За всѣ 14 подарковъ съ перес. во всей Россіи **3 р.** Каждое отдѣльно высылается **за 4 семи-копѣечныя почтовыя марки. Позы за 3 марки, за Чужой характ.** 12 марокъ. № 3669

Просятъ обращаться въ Петербургъ, къ издат. Б. И. Швѣйкевичу, Больш. Мастерская ул., д. 5. Каталогъ новыхъ задачъ, шутокъ, фокусовъ, игръ **безплатно.**

Всѣ эти издан. продаются также во всѣхъ игрушечн. и бумажн. магазин.



ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл.

Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1888 годъ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА:** „Слуги“, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА:** „Вѣчу не быть“, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО:** „Братья Соперники“ и **его-же:** „Бытовые наброски русской исторіи“, **Я. П. ПОЛОНСКАГО:** „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА:** „Бригадирская внучка“, большую повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО:** „Исторія одного таланта“, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО:** „Заповѣдный лѣсъ“, комедію **В. КРЫЛОВА:** „Сорванецъ“, повѣсть **А. ЗАХАРОВА:** „Защита Нарвы“, разсказъ **Е. А. САЛІАСА:** „Онъ-же“, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО:** „Рекогносцировка“ и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, **„Сборника повѣстей и разсказовъ“** извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

(14¾ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ коленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** р.	Съ пересылкою .	**7** р. **50** к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—4

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА.**

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.

Цѣна въ изящн. литограф. обертнѣ 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 60 к.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей—отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ, но при всемъ томъ, сравнительно не трудныхъ при выпиливаніи, такъ что, безъ сомнѣнія, предлагаемый Альбомъ удовлетворитъ вкусу и потребностямъ каждаго любителя ажурной работы. Дабы сдѣлать его доступнымъ каждому, цѣна этого изданія назначена **крайне умѣренная. 1 р. 25 к.,** а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **С.-ПБ—гъ,** въ контору журнала **„Нива“** (Невскій 6).

ПРОДАЖА СѢМЯНЪ

ИЗЪ ЦИММЕРМАНОВСКОЙ ЭКОНОМІИ. Задавшись цѣлью, кромѣ усовершенствованія извѣстныхъ въ Россіи сортовъ, развести и тѣ сѣмена, которыя до настоящаго времени пріобрѣтаются изъ-за границы, по чрезмѣрно высокой цѣнѣ, экономія съ 1886 г. начала выписывать изъ-за границы значительное количество сѣмянъ для пробныхъ посѣвовъ и теперь обращаетъ въ продажу до 30 сортовъ полевыхъ сѣмянъ, оказавшихся наиболѣе урожайными и наименѣе прихотливыми къ почвѣ и климату. **Подробный прейсъ-курантъ** высылается по востребованію безплатно. Адресъ: **Тамбовская губернія, Бурнакъ. Циммермановская контора, Михелю.** № 3676

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Болѣе 5000 благодарностей отъ обученныхъ мною бухгалтеровъ.

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ посредствомъ лекцій и переписки, совершенно замѣняющей устное преподаваніе; полнѣйшее ручательство за успѣхъ; плата умѣренная; подробныя условія и пробныя письма высылаются безплатно.

Преподаватель коммерческихъ наукъ Ц. № 3673

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ

Адресъ: Москва, Арбатъ, Малый Песковскій пер., д. Адамовича.

ФОТОГРАФИЧ. ПРИНАДЛ. ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

(См. „Нива“ № 50, 1888 года).

Этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошія фотографіи. Цѣна прибора 24, 35, 50 р. и дороже.

Наставленіе и иллюстрированный прейсъ-курантъ высылаются безплатно.

Е. КРАУСЪ и К°.

Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.

СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ

С.-Петербургъ. Мойка. № 40.

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“ ДЛЯ НАРУЖНАГО употребленія

разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главное депо: б. Конюшенная, № 14

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Продается:

у Шарфа, Кербера, Фейнгольдъ, Чиринова въ Ростовѣ на Дону и во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна 1 р. 20 коп. за стклянку.

„НОВОСТЬ“

за **5** марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новый практическій стѣнной

КАЛЕНДАРЬ на **1889** г.

(размѣръ 6½ в. × 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ

№ 3608 (7)

Дозвол. ценз., СПБ., 25 января 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. № 6 — г. XX 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 февраля 1889 г. — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1889 г., съ 32 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 37 рис. вышивальн. работъ.

К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода. Родился онъ въ 1829 г., въ сельцѣ Кудрешки, Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губ. Получалъ домашнее воспитаніе до одиннадцати лѣтъ — до времени поступленія въ школу. Предметами занятій его дома были — Плутархъ (въ переводѣ), Карамзинъ, не разъ перечитанный подъ руководствомъ отца, современные поэты съ классическимъ представителемъ ихъ во главѣ — Пушкинымъ, — потомъ языки французскій (подъ руководствомъ отца) и нѣмецкій (подъ руководствомъ матери и гувернантокъ). Домашняя библіотека отца, состоявшая преимущественно изъ историческихъ книгъ, въ числѣ коихъ были и записки XVIII в., Шаховскаго, Данилова, Грибовскаго и Манштейна, представила любознательному отроку широкую возможность развить вкусъ къ историческимъ трудамъ и дала дальнѣйшее направленіе юношескому уму. Болѣе всѣхъ изъ помянутыхъ авторовъ имѣлъ на него вліяніе Карамзинъ. О впечатлѣніи, сдѣланномъ Карамзинымъ на нашего историка, можно судить изъ строкъ рѣчи „о Карамзинѣ“, читанной К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ торжественномъ собраніи Петербургскаго университета 2 декабря 1866 года: „Пріятно говорить о томъ произведеніи, съ которымъ связаны для меня, какъ и для многихъ, дорогія воспоминанія дѣтства: по „Исторіи Государства Россійскаго“ мы знакомились съ тѣмъ, что совершалось въ давніе годы; въ живыхъ образахъ являлись намъ и великіе подвиги, и позорныя дѣянія; яркіе образы запечатлѣвались въ памяти и на всю жизнь становились свѣтлыми маяками.“ Одиннадцати лѣтъ (въ 1840 году) нашъ историкъ опредѣляется въ благородный пансіонъ при Нижегородской гимназіи, который въ 1844 го-

Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

ду былъ преобразованъ въ Александровскій дворянскій институтъ, а въ 1845 въ Нижегородскую гимназію, гдѣ Бестужевъ и кончилъ курсъ въ 1847 г. Къ этому году принадлежитъ первый шагъ его литературнаго поприща: въ *Нижегор. Губ. Вѣд.* онъ напечаталъ статью о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" Гоголя. Въ томъ же году Бестужевъ поступаетъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, а въ 1851 оканчиваетъ свое университетское образованіе. Его студенчество падаетъ на лучшую пору нашего вѣка: на сороковые годы. Воспоминанія нашего историка объ этой порѣ, какъ и школьной, интересующійся читатель можетъ найти въ статьѣ его „С. И Г..евскій" въ „Біогр. и характ." По окончаніи университетскаго курса Бестужевъ поступаетъ домашнимъ учителемъ въ семейство проф. Чичерина. Съ 1854 по 56 онъ учительствовалъ въ Московскихъ кадетскихъ корпусахъ. Съ 1856 года по 59 — былъ помощникомъ редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ помѣщалъ свои статьи,—между прочимъ и о шестомъ томѣ исторіи Соловьева. Въ 1859 году былъ однимъ изъ редакторовъ журнала *Московское Обозрѣніе*,—гдѣ помѣщена статья его: „Современное состояніе русской исторіи какъ науки". Въ концѣ года онъ переѣхалъ въ Петербургъ и принялъ участіе въ редакціи *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ работалъ до 1863 г., а статьи помѣщалъ и позднѣе. Между прочимъ здѣсь напечатаны—въ 1860 г. статьи объ исторіи Соловьева, о соч. К. Д. Кавелина, въ 1862 году — о славянофилахъ и о русскихъ былинахъ; здѣсь же начато печатаніе переведеннаго въ содружествѣ съ Тибленомъ извѣстнаго историческаго труда Бокля. Въ то же время Бестужевъ былъ однимъ изъ редакторовъ „Энциклопедич. Словаря" Краевскаго. Въ 1863—64 годахъ онъ былъ редакторомъ *Записокъ Географическаго Общества* и членомъ Археографической коммисіи. Въ 1864 г. составилъ четыре народныя книжки „О крещеніи Руси", „О Владимірѣ Мономахѣ и его потомкахъ", „О злыхъ временахъ татарщины", „О томъ какъ росло Московское государство". Въ 1865 г. Петербургскій университетъ пригласилъ его на каѳедру русской исторіи, а съ 1867 по 71 г., не оставляя университета, Бестужевъ читалъ лекціи въ Историко-Филологическомъ Институтѣ. Въ 1868 г. получилъ отъ университета званіе „почетнаго доктора" за изслѣдованіе „О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в." (печатано въ четвертомъ выпускѣ лѣтописей Археографич. коммисіи). Въ 1872 году издалъ первый томъ „Русской Исторіи", благоговѣйно посвященный памяти отца. Второй томъ вышелъ въ 1882 году, посвященный учителямъ гимназіи—Мельникову (писатель) и Кроткову. Съ 1865 по 82 г. Бестужевъ участвовалъ въ разныхъ журналахъ. въ *Русской Старинѣ, Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Древней и Новой Россіи, Историческомъ Вѣстникѣ*, и въ *Русскомъ Энциклопедическомъ Словарѣ* проф. Березина. Въ 1882 году собралъ и издалъ свои нѣкоторыя мелкія статьи, составилъ томъ „Біографій и характеристикъ". Начиная съ 1878 года по 1882 былъ предсѣдателемъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, въ то же время стоя во главѣ Высшихъ Женскихъ Курсовъ. Въ 1882 году послѣ тяжкой болѣзни уѣхалъ въ Италію, гдѣ прожилъ до лѣта 1884 года, а осенью этого года вышелъ въ отставку изъ университета. Съ конца осени 1885 года до осени 1887 г. былъ редакторомъ *Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества.* Въ послѣдніе годы помѣщалъ и помѣщаетъ статьи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, въ *Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества*, въ *Библіографѣ* и *Русскомъ Вѣстникѣ*.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XII.

„Какъ это весело, что не надо больше идти къ нимъ, въ кассу!" думала Паша, соображая на какой день придется 20-ое. — „И можно послать наконецъ хоть что-нибудь маменькѣ! О! какъ славно!.."

Смутное подозрѣніе, что она запутана и запутывается ежеминутно хуже — не покидало ее; но ей какъ-то не вѣрилось, чтобы опасность была близка.

Стойницкій правда предупреждалъ ее, что это „*шантажъ*" и что она не отдѣлается уплатой 300 рублей. Но Пашѣ не вѣрилось чтобы у ея преслѣдователя хватило безстыдства явиться къ ней съ новыми требованіями, по крайней мѣрѣ такъ скоро. Вѣдь самъ-же онъ говорилъ, что въ ея волѣ покончить съ нимъ счеты когда угодно А развѣ счеты теперь не кончены?.. Такъ или иначе онъ конечно оставитъ ее въ покоѣ — годъ, или полгода,—всячески уже не меньше какъ мѣсяца три... Три мѣсяца она проживетъ спокойно, а тамъ ей обѣщано полное и окончательное освобожденіе.

Что-то однако заставило ее поторопиться съ уходомъ домой, когда она получила деньги... Выбѣжала на лѣстницу—нѣтъ никого... На улицу — тоже... Она побѣжала оглядываясь, словно боясь что „онъ" вдругъ выскочитъ какъ собака откуда-нибудь изъ-подъ воротъ, и силой отниметъ деньги.

Но ничего подобнаго не случилось, и на другой день утромъ деньги были благополучно сданы на почту... Бѣдняжка повеселѣла, какъ путникъ, надъ головой у котораго небо прояснило. Что ни грозило-бы ей впереди, но въ настоящемъ судьба посылала ей несомнѣнно отдыхъ, и дѣвушка, отложивъ заботы, жадно имъ наслаждалась... Сонъ ея сталъ спокойнѣе, походка живѣе и голосъ звонче... Встрѣчая на службѣ Стойницкаго, она торопилась предупредить его жестомъ или усмѣшкою, что ничего тревожнаго, слава Богу, нѣтъ, чтобы, минуя этотъ проклятый вопросъ, отнести душу на чемъ-нибудь вовсе не связанномъ съ нимъ. И молодой юристъ, словно угадывая эту потребность отдыха, останавливался возлѣ нея съ очевиднымъ желаніемъ поболтать. На первыхъ порахъ это льстило ея самолюбію, какъ свидѣтельство, что она значитъ для него что-нибудь и помимо дѣла. Но послѣ того какъ онъ разъ явился къ Ладицевымъ въ непріемный день, и весь вечеръ не отходилъ отъ нея, вопросъ самолюбія между ними былъ упраздненъ, и они окончательно подружились. Сама не давая себѣ отчета какъ совершилась такая важная перемѣна, Паша стала съ нимъ совершенно другая: довѣрчива, весела, говорлива... Нѣсколько разъ они уходили со службы вмѣстѣ и не взирая на то, что ему нужно было совсѣмъ въ другую сторону, онъ провожалъ ее до дому, всю дорогу ни словомъ не поминая о дѣлѣ... Но торжество ея было непродолжительно.

* * *

Прошло что-то около трехъ недѣль съ тѣхъ поръ какъ вексель былъ ей возвращенъ, и зима стояла уже на дворѣ, когда воротясь въ субботу домой, она нашла у себя на столѣ письмо, которое еще издали показалось ей подозрительнымъ. Съ какимъ-то щемящимъ предчувствіемъ она изорвала конвертъ и заглянула на подпись.

— Ну, такъ и есть, отъ *него*!..

Письмо было коротко и почтительно. Порфирій Ивановичъ просилъ удостоить его, на завтрашній день, свиданія, въ Офицерской, у Маѳы Никитишны, извиняясь за безпокойство, и поясняя, что онъ не смѣетъ, безъ разрѣшенія, самъ къ ней явиться.

Паша была глубоко огорчена и встревожена... Вотъ тебѣ и три мѣсяца!.. Что теперь дѣлать?.. Пойти — значитъ ясно ему показать, что онъ не ошибся въ разсчетѣ и что она попрежнему у него на привязи... Не пойти — значитъ встрѣтить его навѣрно опять, гдѣ нибудь на лѣстницѣ или у подъѣзда правленія... Сбитая совершенно съ толку и, чувствуя что ее начинаетъ опять тошнить, она написала немедленно нѣсколько строкъ Стойницкому, приложила подлинное письмо и отправила прямо къ нему съ посыльнымъ. День былъ пріемный, но Паша не знала: получитъ-ли онъ ея записку во-время, такъ какъ, уѣхавъ изъ дому поутру, онъ часто не возвращался до ночи.

Дѣйствительно, она не видала его въ этотъ день, и получила его отвѣтъ только въ 10 часовъ поутру.

„Не ѣздите", писалъ онъ: „а если васъ очень это тревожитъ, то пріѣзжайте лучше ко мнѣ... Я буду васъ ждать до часу".

Въ 12 часовъ, она была уже у него, въ Конюшенной.

— Господи! да какая-же вы трусиха! говорилъ онъ съ участіемъ, усадивъ ее и держа похолодѣвшія руки ея въ своихъ. — Поглядите-ка въ зеркало: даже губы бѣлыя!.. Это дурно уже и само по себѣ; но еще хуже если онъ васъ увидитъ въ такомъ состояніи. Что̀ онъ подумаетъ, кромѣ того, что деньги заплачены ему совершенно даромъ?

— Да, мнѣ и самой это приходитъ въ голову, отвѣчала Паша съ растеряннымъ взглядомъ... И помолчавъ:—Знаете, продолжала она, — смѣшно сказать, но право, мнѣ кажется, я никогда еще такъ не трусила... Можетъ быть потому, что прежде я знала чѣмъ я могу отъ него отдѣлаться... Сто̀ило только пріѣхать разъ въ мѣсяцъ и заплатить. Тогда какъ теперь я и представить себѣ не могу, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать!

— Вы можетъ быть собирались ѣхать туда — чтобы узнать?

— Нѣтъ, я и безъ васъ не поѣхала-бы. Я понимаю сама, что надо-же наконецъ оборвать эту связь. Но когда я подумаю, что меня ожидаютъ встрѣчи, которыхъ я не могу ни предвидѣть, ни избѣжать, и объясненія отъ которыхъ рада-бы провалиться сквозь землю, съ намеками что мое спокойствіе, честь и доброе имя зависятъ вполнѣ отъ его милости—мнѣ становится тошно, такъ тошно какъ я не умѣю вамъ и сказать... А вы хотите чтобъ я оставалась спокойна! Да если-бы я могла заранѣе знать когда я встрѣчу его и что̀ отъ него услышу, и затвердила-бы наизусть, что̀ я должна ему отвѣчать, я все-таки не съумѣла-бы вынести эту пытку, не показавъ ему ничего!

Онъ пробовалъ ободрить ее, обѣщая, конечно нѣсколько наобумъ, что онъ приметъ мѣры. Но Паша не слушала, не смотрѣла, не отвѣчала... Горячія слезы катились у ней по щекамъ. Тогда, увлекаемый жалостью, онъ притянулъ ея руки къ губамъ и началъ ихъ цѣловать.

— Оставьте! произнесла она, въ первый моментъ нерѣшительно, стараясь освободиться; но тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ, словно ужаленная, вскочила и сильнымъ движеніемъ вырвала руки. — Оставьте! сказала она уже строго.—Я не хочу!.. Не позволяю вамъ этого!. Еслибъ я знала я бы къ вамъ не пришла; да больше и не приду.. Пустите меня!.. Пустите!..

Съ трудомъ ему удалось остановить ее на минуту и успокоить горячими увѣреніями, что это вырвалось у него невольно і неумышленно, отъ избытка участія. Но дѣвушка была такъ взволнована, что не взирая ни на какія просьбы его остаться, чтобы еще потолковать, ушла.

„Вотъ чортъ меня дернулъ!“ думалъ Стойницкій, страшно досадуя на себя за свой промахъ. — „Какая прелесть!.. Какая естественность и невинность!..“

* * *

А между тѣмъ „невинность“ ушла отъ него въ совершенномъ отчаяніи. Не то чтобы въ сердцѣ своемъ она не могла простить такихъ пустяковъ; но дѣло усложнено было для нея одной непріятностью, о которой новому другу ея и во снѣ не снилось. Вниманіе его къ этому времени было замѣчено, и кузина ея отнеслась по этому случаю къ Пашѣ очень недружелюбно.

Софья Ивановна была худенькая, но интересная молодая блондиночка лѣтъ 25-ти, страшная щеголиха и модница, очень живая и милая, но немножко что̀ называется съ но̀ровомъ, что̀ замѣтно было и по глазамъ, которые то смотрѣли мягко и ласково, то сверкали неугомоннымъ огнемъ.

— Что̀ это значитъ? спросила она какъ-то однажды, входя къ кузинѣ въ комнату, поздно вечеромъ, уже раздѣтая, и садясь... Это случилось въ тотъ самый день, когда оффиціальный ея фаворитъ, Стойницкій, явился совсѣмъ неожиданно и весь вечеръ былъ занятъ Пашей... Зачѣмъ—онъ и самъ хорошенько не зналъ; такъ, просто, неудержимое любопытство влекло его поглядѣть на свою находку, и, если удастся, вызвать ее на свѣтъ изъ обычной ея скорлупы.

— Что̀ это у тебя съ Стойницкимъ? спросила Софья Ивановна строго.—Онъ до сихъ поръ едва обращалъ на тебя вниманіе; а теперь пріѣзжаетъ, какъ кажется, уже исключительно для тебя и не отходитъ, словно пришитъ къ твоимъ юбкамъ!.. Но что́ еще загадочнѣе—это твое поведеніе. Здѣсь ты разъигрываешь Агнесу, а тамъ, въ правленіи у тебя, надо думать, другая роль. Всячески это ново въ тебѣ: эта способность вести двойную игру, и я поздравляю тебя со сценическимъ дарованіемъ.

Паша сначала разинула ротъ отъ удивленія; но и у сельской розы, при всей ея скромности, были тоже шипы.

— Эхъ, Соня! сказала она. — Если бы я захотѣла считаться съ тобою обновками, я бы нашла и у тебя одну... Ты до сихъ поръ не ревновала его...

— Я! возразила Софья Ивановна, сильно уколотая, но не взирая на то изображая глазами наивное удивленіе.—Что̀ за фантазія?.. Съ чего мнѣ его ревновать?

— Ну, не прикидывайся... Ты лучше знаешь съ чего. Только позволь мнѣ тебѣ сказать, что это совсѣмъ напрасно. Ни здѣсь, ни въ правленіи, у меня со Стойницкимъ не было ничего, чего ты не могла бы услышать совсѣмъ равнодушно... Въ правленіи онъ даже рѣдко и останавливается, чтобы сказать мнѣ, при всѣхъ, пару словъ.

Кузина вглядывалась въ ея глаза чтобы узнать не лжетъ-ли. Но даже и у честнѣйшей женщины, глаза умѣютъ хранить секретъ гораздо лучше ея языка.

— Съ чего же онъ сталъ къ тебѣ такъ внимателенъ? сказала Софья Ивановна, понижая тонъ. — Сегодня уже не я одна, а и маменька это замѣтила.

— А Господь его вѣдаетъ, отвѣчала Паша вздохнувъ. — Развѣ они объясняютъ это кому-нибудь? Можетъ быть ты раздосадовала его и онъ дѣлаетъ это въ пику, чтобы тебя наказать?

— Какія глупости! Онъ мнѣ нравится, но у меня съ нимъ не было ничего.

— Можетъ и глупости, отвѣчала Паша,—но я вѣдь не утверждаю что это именно такъ. Я дѣлаю только предположеніе, которое мнѣ и на умъ не пришло бы, если бы ты не пытала меня. Спроси у него сама—это короче, и я надѣюсь что онъ, какъ порядочный человѣкъ, не захочетъ тебя обмануть.

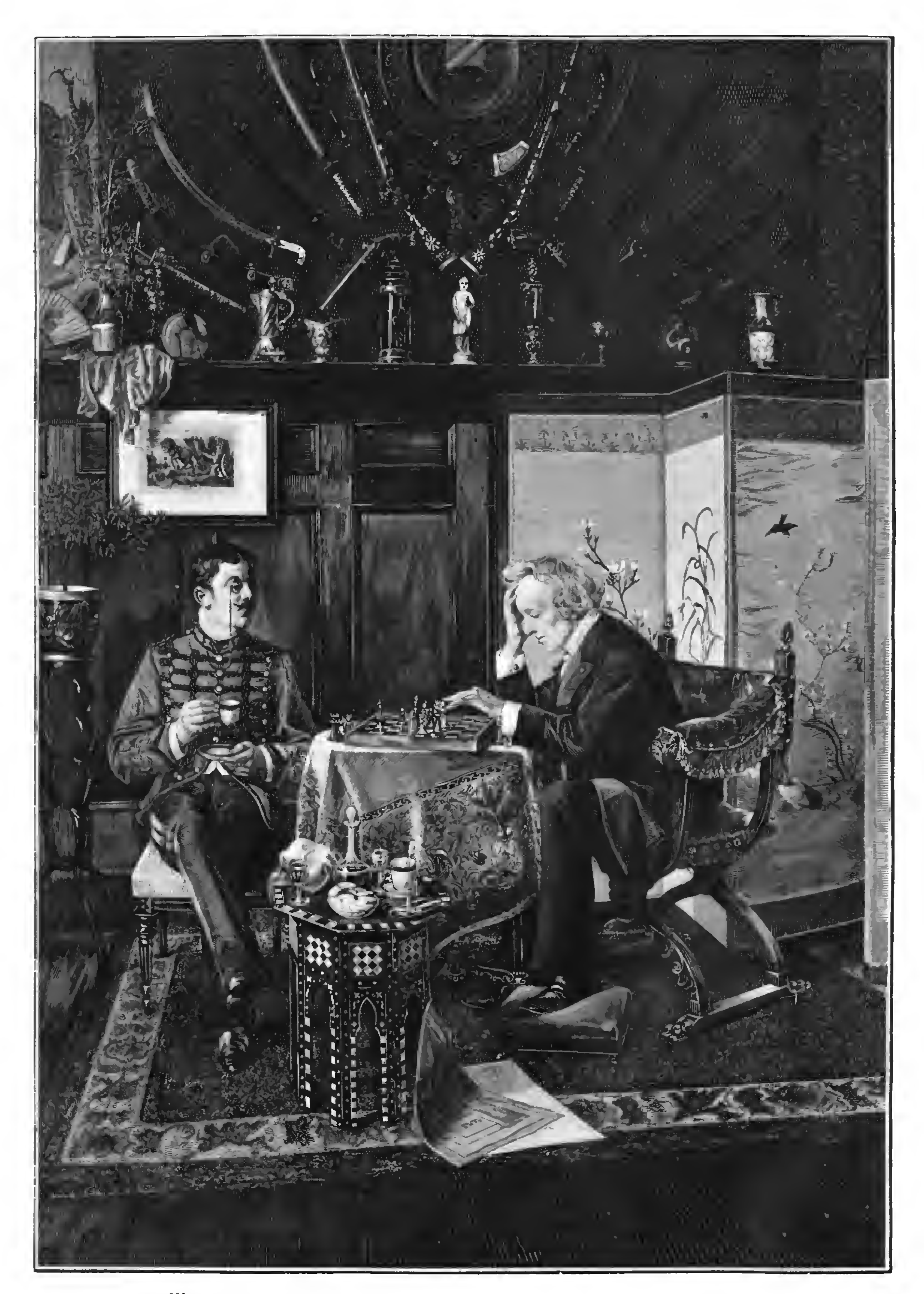
— Ахъ, убирайся!

И Софья Ивановна, убѣгая, гнѣвно захлопнула за собою дверь.

Но если-бъ она могла знать правду, у ней не хватило бы духу сердиться на Пашу, которая, вмѣсто того чтобы торжествовать побѣду, послѣ ея ухода, горько расплакалась... И тутъ, противъ нея начиналось преслѣдованіе!..

* * *

Вскорѣ послѣ всѣхъ этихъ бурь, случилось и то, чего Паша больше всего боялась. Окончивъ дневныя занятія и возвращаясь домой пѣшкомъ, она встрѣтила Бурдюкова. Низкій поклонъ и знакомая, скаредная усмѣшка. Лицо Порфирія Ивановича изображало пріятную неожиданность, изъ-подъ которой сквозило что-то похожее на отечески-нѣжный укоръ. Онъ былъ увѣренъ что дѣвушка, увидавъ его, остановится, но она, кивнувъ головою, прошла. Порфирій Ивановичъ былъ такъ удивленъ, что стоялъ съ минуту разставивъ руки; потомъ повернулъ и догнавъ ее, пошелъ рядомъ.



Шахматная партія. Съ карт. русскаго художника **О. Фрейвирта**, грав. Флюгель.

Виленскіе типы. Продавщица первыхъ цвѣтовъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") С. Флери, грав. Барановскій.

— За что изволите гнѣваться, матушка? началъ онъ жалобнымъ голосомъ.

Но отвѣта не было, только Паша невольно ускорила шагъ.

— Голубушка! Барышня! Неужли же я такъ виноватъ, что и добраго слова не стою?

— Что вамъ нужно? шепнула она не останавливаясь, блѣдная отъ волненія, только глаза горѣли невыносимымъ страданіемъ, и полный обиды, негодованія, ужаса — взоръ ихъ былъ такъ напряженъ, что даже преслѣдователь ея, не выдерживая, косился какъ хищный звѣрь, робѣющій передъ взглядомъ настигнутой имъ добычи.

— Потолковать бы намъ надо, барышня.

— О чемъ?.. Вѣдь вы получили все что вамъ слѣдовало?..

— По векселю, матушка, только по векселю. Да и что получилъ-то? 300 рублей?.. Такъ развѣ же вы такъ дешево цѣните вашу дворянскую честь?.. Припомните, барышня, отъ какой бѣды я васъ спасъ и пожалѣйте Порфирія Бурдюкова!

— Я васъ не понимаю, сказала она.

— Не доводите меня до крайности! Послушайте моего совѣта, не доводите!

— Ахъ, Господи, да на что вы жалуетесь?

— Эхъ, барышня! Память-то видно у васъ коротка!.. А какой, позвольте спросить, у насъ былъ уговоръ, когда я васъ отпускалъ?. Не оглашать того что случилось, не правда-ли? Сами собственноручно и подписать изволили. Ну-съ; а кто огласилъ? И теперь я не согласенъ ужь больше на то что я получилъ... 300 рублей!. Тьфу 300 рублей! Мнѣ надо солидное обезпеченіе отъ того что противъ меня затѣвается.

— Что затѣвается? спрашивала несчастная, не понимая рѣшительно ничего.

— Прасковья Петровна! матушка! Да неужли жь я не знаю, на что вамъ понадобился этотъ присяжный хватъ, съ пряжкою, что намедни ко мнѣ пріѣзжалъ?.. Ей, барышня, остерегитесь!.. Не доброе дѣло вы затѣваете, барышня!.. Остерегитесь, барышня!. Честію вамъ клянусь, не поможетъ вамъ вашъ совѣтникъ... Нѣтъ; не поможетъ!

Но тутъ случилось нѣчто съ обѣихъ сторонъ непредвидѣнное. Ужасъ и отвращеніе заставляя Пашу ускоривать шагъ, дошли до того, что страдавшій одышкою Бурдюковъ не въ силахъ былъ дольше за ней поспѣвать. Сначала она понять не могла, что это значитъ, что онъ то отстанетъ, то поравняется съ ней; но нѣсколько разъ, оглядываясь и видя какъ онъ пыхтитъ, усиливаясь ее догнать, она наконецъ не могла не почувствовать какъ легко ей отъ него отдѣлаться... На заворотѣ за уголъ, ей попались извощичьи санки... Еще разъ она оглянулась.. Не видно!

— На Конно-Гвардейскій бульваръ! сказала она, проворно садясь, и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ замѣтить ее, была уже далеко

— Удрала! ворчалъ Бурдюковъ, завернувъ за уголъ и озираясь. — Ну, погоди же!.. Я у тебя посбавлю прыти!

XIII.

Конечно Ладищева извѣстила немедленно своего повѣреннаго и они видѣлись на другой же день, въ правленіи.

— Вы кончили? спросилъ онъ, замѣтивъ что она прячетъ бумаги.

— Кончила.

— Такъ подождите немножко; я сію минуту тоже окончу, и если позволите, васъ провожу.

Дорогой онъ успокоивалъ Пашу.

— Вы видите сами, говорилъ онъ, — что чортъ не такъ страшенъ какъ вы воображали... Все же, вы ему дали урокъ, послѣ котораго онъ едва-ли рѣшится преслѣдовать васъ на улицѣ. А тутъ, въ правленіи, уже приняты мѣры... Вамъ остается только распорядиться дома, чтобы швейцаръ и прислуга не принимали совсѣмъ незнакомыхъ людей Пусть объяснятъ, что васъ можно видѣть только въ правленіи; а въ правленіи скажутъ наоборотъ, что вы принимаете только дома.. И на ея замѣчаніе что это возбудитъ толки между прислугой: — Да, на короткое время. Но что же дѣлать? Нельзя же его пустить на лѣстницу, или въ прихожую, когда онъ идетъ завѣдомо чтобы сдѣлать скандалъ. А время, когда мы обратимся къ дядюшкѣ, съ жалобой на преслѣдователя и съ просьбою чтобы онъ насъ избавилъ отъ этого молодца, — еще не пришло.

— Какъ „обратимся къ дядѣ“? воскликнула она въ ужасѣ.

— Такъ; будьте спокойны. Мы это уладимъ.

— Вы?

— Съ Марьей Кондратьевной... Она имѣетъ къ нему другое дѣло, гораздо болѣе трудное, и ваше пройдетъ въ придачу, безъ всякаго затрудненія.

— Викторъ Михайловичъ, сказала Паша, сильно встревоженная, — я бы желала чтобъ вы не прятали отъ меня вещей такъ близко меня касающихся... Какое дѣло у Марьи Кондратьевны съ дядей?

— Развѣ она вамъ не говорила?

— Ни слова

Онъ сдѣлалъ нѣсколько удивленный видъ хотя и отлично зналъ что ей ничего не извѣстно.

— Ну, извините, — мнѣ значитъ тоже слѣдовало молчать, потому что вы понимаете, у насъ, присяжныхъ повѣренныхъ, есть обязанности, не позволяющія намъ оглашать того, что намъ ввѣрено... Но будьте спокойны, какія бы ни были у нея дѣла, они нисколько васъ не касаются.

Ладищева замолчала, припоминая обмолвки Марьи Кондратьевны и неясный призракъ какой-то опасности, который мелькнулъ передъ нею еще въ ту пору. Опять онъ былъ тутъ, и опять ей стало страшно, только уже не за себя, а за дядю. Знаетъ-ли онъ что-нибудь о томъ что затѣвается? И если такъ кажется, нѣтъ, то честно-ли это будетъ не предупредить его?

Но на вопросъ: что она можетъ сообщить дядѣ отвѣтъ ея себѣ былъ весьма коротокъ:—Ничего. Какое-то дѣло, с которымъ желаютъ къ вамъ обратиться. — „Кто?..“—Юрисъ-консультъ банка отъ имени госпожи Рогневичъ.—„А ты почемъ это знаешь?.. Въ итогѣ она сгоритъ отъ стыда, и дядя Иванъ, посмѣявшись надъ нею отправитъ ее гулять.. Потому что дѣлами его не удивишь

Стойницкій тѣмъ временемъ чутко слѣдилъ за перемѣнами на ея лицѣ. Погода сначала хмурилась, потомъ наступили какія-то колебанія и наконецъ понемногу прояснило.

— А какъ же на счетъ воскресныхъ свиданій? спросилъ онъ вдругъ. — Не смѣю настаивать но я бы очень желалъ чтобы вы уступили мнѣ этотъ часъ во всякомъ случаѣ, то есть нужно или не нужно намъ сообщить другъ другу что-нибудь касающееся до дѣла. Такъ какъ, во-первыхъ, трудно предугадать всѣ вопросы какіе могутъ ежеминутно возникнуть. А во-вторыхъ сказать-ли вамъ правду? (и говоря это онъ коснулся ея руки) Это единственный часъ изъ всей недѣли который мнѣ дорогъ самъ по себѣ, безъ всякихъ утилитарныхъ соображеній.

Она заглянула украдкой ему въ глаза, и покраснѣла, но не сказала ни слова.

— Можетъ быть я безразсудно дѣлаю, говоря такъ прямо, но я вамъ долженъ это сказать, хотя бы только чтобъ оправдаться.

— Въ чемъ? спросила Ладищева, отворачивая лицо.

— Вы сами знаете въ чемъ.

— Но если я васъ увѣряю серьезно, что я не знаю за вами вины...

— Не смѣю спорить, а только напомню, что вы не всегда были такъ снисходительны.

Ладищева помнила, но ей не понравилось что онъ ей это напоминаетъ, точно какъ будто бы онъ считалъ недавній гнѣвъ ея, въ воскресенье не искреннимъ.

— Вы кажется переходите въ обвиненіе? сказала она. — Оставьте пожалуйста этотъ предметъ: о немъ достаточно сказано... Хотите чтобъ я абонировалась на ваши воскресныя консультаціи?.. Что-жъ? Я не прочь, потому что и я ихъ высоко цѣню. Только съ условіемъ, чтобы это не было обязательно. Могу—приду; не могу — вы не будете на меня въ претензіи.

***

Дома ее перепугало извѣстіе что ее кто-то спрашивалъ.

— Кто? добивалась она въ смущеніи.

— Не могу знать-съ, отвѣчалъ лакей. — Чиновникъ, надо быть, потому въ вицмундирѣ и съ орденомъ... Пожилой... Не изъ важныхъ... Былъ скоро послѣ того какъ вы ушли, и сказалъ что еще придетъ.

— А карточки не оставилъ?

— Нѣтъ-съ... Я спрашивалъ, какъ о немъ доложить. Говоритъ: не нужно. Барышня, молъ, и такъ догадаются кто. Если же нѣтъ, то скажи что покорнѣйше молъ просилъ не позабыть объ одномъ дѣльцѣ, на станціи, въ Грузовѣ

Сомнѣнія не было, да и выбора тоже. Еслибъ она и успѣла дать знать своему защитнику, то конечно онъ не далъ бы ей никакого другаго совѣта кромѣ того, который она уже слышала.

— Все равно кто, сказала она слугѣ. — Я не желаю видѣть здѣсь никого кромѣ личныхъ моихъ знакомыхъ, которые всѣ вамъ извѣстны. А по дѣламъ меня можно видѣть въ правленіи... Не пускай никого, и Ѳедору передай. Никакихъ вицмундировъ съ орденомъ у меня нѣтъ знакомыхъ... Да позови мнѣ швейцара.

Явился швейцаръ и она ему повторила тоже.

— Ты и на лѣстницу ихъ не пускай, говорила она, — а отсылай, безъ всякаго разговора, въ правленіе. Я тамъ всегда, отъ 12-ти до 5-ти, и тамъ уже знаютъ: кого мнѣ нужно или не нужно видѣть по дѣлу.

Швейцаръ, какъ большая часть швейцаровъ, былъ глупъ; но этого рода распоряженія были ему отлично знакомы.

— Слушаю, ваше превосходительство, отвѣчалъ онъ вытянувшись. — Дядюшка тоже не любятъ когда они сюда шляются.

Какъ разъ на другой день утромъ, въ 11-ть, Порфирій Ивановичъ былъ тутъ, но швейцаръ, отлично притравленный на просителей, масса которыхъ почти ежедневно пыталась увидѣть Ивана Ѳедоровича Ладищева, остановилъ его не особенно вѣжливо.

— Кого вамъ?

— Прасковья Петровна Ладищева...

— Не принимаютъ.

— Да мнѣ по дѣлу, голубчикъ, по очень важному дѣлу.

— По дѣлу извольте идти въ правленіе.

— Нельзя-ли хоть тутъ подождать?.. Онѣ вѣдь сейчасъ пройдутъ.

— Нельзя... Отъ самого генерала строжайшій приказъ, чтобы просители тутъ не толкались... И видя что тотъ меланхолически хищнымъ взоромъ посматриваетъ наверхъ: — Чего дожидаетесь?.. Вамъ говорятъ: не приказано!

Порфирій Ивановичъ былъ глубоко оскорбленъ такимъ явнымъ неуваженіемъ къ вицмундиру и крестику, которые онъ, въ подобныхъ случаяхъ, старательно выставлялъ на видъ, и едва-ли ушелъ бы такъ смирно, если бы хорошо извѣстныя ему имя Ладищева и его высокое положеніе не налагали узды на его предпріимчивость.

Та же попытка, на другой день, повторена была имъ въ правленіи; но въ правленіи, послѣ вчерашняго, приняты были уже другія мѣры. Его хотя и пустили наверхъ, но едва онъ назвался, прося доложить о себѣ госпожѣ Ладищевой, какъ ему объяснили вѣжливо, но рѣшительно, что его не велѣно принимать, прибавивъ многозначительнымъ шепотомъ, чтобы онъ уходилъ безъ разговора, если не хочетъ, чтобъ его немедленно вывели.

Онъ постоялъ, посмотрѣлъ, и ушелъ взбѣшенный.

***

— Барышня-то сегодня какъ перетревожилась, говорилъ за обѣдомъ лакей, разсказывая своимъ сотрапезникамъ о посѣщеніи вицмундира и объ инструкціяхъ, которыя онъ съ швейцаромъ по этому поводу получилъ отъ Паши. Извѣстіе это показалось загадочно и, какъ все загадочное, произвело на кухнѣ сенсацію. Вспомнили странныя обстоятельства, сопровождавшія пріѣздъ ея изъ деревни и дѣлали разныя предположенія на счетъ вѣроятной связи этихъ двухъ инцидентовъ. Напоминаніе о какомъ-то дѣлѣ на станціи находили особенно любопытнымъ.

— Не сказывалъ, что̀ такое? спросила горничная Наташа.

— Да, какъ же! Скажутъ тебѣ!.. замѣтилъ значительно поваръ. — Мало-ли, нынѣшнимъ временемъ, у господъ, какія дѣла!

Но Пашу любили и большинство склонялось къ тому, что худаго за барышнею не слѣдуетъ быть.

***

Стойницкій, который зналъ кое-что о „дѣльцѣ на станціи", въ сущности былъ того же мнѣнія, только понятія его о „худомъ", какъ юриста, были весьма относительны. Онъ былъ очарованъ Пашей и погнался за нею какъ страстный охотникъ за увлекательною добычей, самъ не давая себѣ отчета къ чему это поведетъ. Сильный аффектъ, котораго она не умѣла скрыть, мгновенно зажегъ въ немъ страсть, а ея чистота, довѣрчивость, искренность и беззащитное положеніе стали скоро, въ его глазахъ, столь же могущественною приманкой, какъ и надежнымъ ручательствомъ за успѣхъ. Вопросъ: какимъ образомъ этотъ дрянной бумажникъ, съ 50 рублями, попалъ къ ней въ сумку,—съ фактической стороны, казался неясенъ; но именно эта неясность и придавала особый „haut gout" психологической сторонѣ загадки. Множество хорошо извѣстныхъ въ судебной практикѣ случаевъ не позволяли ему сомнѣваться, что грѣхъ находитъ себѣ нерѣдко лазейку въ такія, повидимому, неодолимыя крѣпости нравственной чистоты, гдѣ самая смѣлая гипотеза отказывается его искать.

Весьма возможно, думалъ онъ, что у его кліентки есть тайна, которой она добровольно не согласится открыть никому. А если такъ, то вывѣдать эту тайну необходимо, хотя бы только чтобы не сдѣлать профессіональной ошибки, стараясь избавить ее отъ ея преслѣдователя. Но дальше, за этою профессіональною цѣлью, мелькала другая, гораздо болѣе привлекательная. Рѣшивъ загадку, онъ могъ бы весьма вѣроятно проникнуть въ сердце ее скрывающее и овладѣть имъ, овладѣть мыслями, волей своей кліентки, стать властнымъ посредникомъ въ сдѣлкахъ ея со своею судьбою и вмѣстѣ единственною надеждой ея на счастье, а это такая награда, передъ которой все остальное казалось ему безвкусно.

Стойницкій любилъ свое ремесло, но привязывали его къ послѣднему не тонкость профессіональнаго

мастерства съ его регулярной добычей, а рискъ и отвага азартнаго игрока, для которыхъ адвокатура порой открываетъ такой широкій просторъ. Ранній успѣхъ достаточно обезпечилъ его матеріальное положеніе чтобы сдѣлать, для этого предпріимчиваго дѣльца, простую, денежную наживу второстепеннымъ дѣломъ, да онъ по природѣ своей и не былъ жаденъ, не былъ даже, подобно многимъ сверстникамъ, жуиромъ въ вульгарномъ значеніи слова. Но страстный его темпераментъ требовалъ сильнаго возбужденія, и это его заставляло предпочитать иррегулярную практику такихъ кліентокъ какъ Марья Кондратьевна всякой другой.

Дѣло Шалыгина замедлено было временнымъ недостаткомъ пороха у этого флибустьера, и въ ожиданіи крупной игры, Стойницкій занятъ былъ на досугѣ розысками по тѣсно связанному съ нимъ и далеко не столь рискованному, но въ своемъ родѣ гораздо болѣе обѣщавшему дѣлу Паши.

Ни слова не говоря ей, онъ былъ вторично у Жухиной; но не узналъ ничего особеннаго.

— Сѣла, молъ, ночью, въ вагонъ, и повидимому спала.

— Но если она спала, то какимъ образомъ этотъ злосчастный бумажникъ попалъ къ ней въ сумку?

— А этого я ужь не знаю.

— Можетъ быть вашъ компаньонъ нарочно его подбросилъ туда?

Подумавъ, Марѳа Никитишна, взволнованнымъ голосомъ отвѣчала, что прежде она поручилась бы за него, но что теперь не ручается...—Кто жь его знаетъ?.. Можетъ быть и подбросилъ.

— А вы съ нимъ не говорили объ этомъ?

— Нѣтъ, видите, у меня съ нимъ и такъ довольно свары, чтобъ подливать еще масла въ огонь.

— То есть, другими словами, вы не желаете ссориться съ нимъ безъ нужды. Но я и самъ вамъ этого не совѣтую. Безъ всякихъ угрозъ, вы могли бы просто ему намекнуть что его поведеніе съ вами наводитъ васъ иногда невольно на мысль, что онъ и съ Ладищевою кругомъ виноватъ.

— Да, Марья Кондратьевна то же мнѣ говоритъ; но я, признаться вамъ, просто его боюсь.

— Вотъ это-то вамъ и портитъ все дѣло, милая Марѳа Никитишна, сказалъ Стойницкій. — Покуда онъ будетъ видѣть что вы боитесь его, онъ не посовѣстится васъ притѣснять. А надо поставить себя съ нимъ такъ, чтобы не вы его, а онъ васъ боялся. Тогда онъ станетъ шелковый—и дѣло у васъ пойдетъ такъ гладко, какъ только можно желать... Конечно, если у васъ не хватаетъ смѣлости...

— Нѣтъ, отвѣчала она спокойно: — смѣлостію Богъ не обидѣлъ; да положеніе-то мое, вотъ видите, таково, что мнѣ не къ лицу куражиться.

— Такъ разрѣшите мнѣ. Я только ему намекну чтобы онъ не слишкомъ на васъ разсчитывалъ въ случаѣ если ему придется, какъ это и вѣроятно, не обвинять, а оправдываться.

— Голубчикъ, сказала Жухина, утирая глаза, — мнѣ не учить васъ. Дѣлайте какъ хотите; только, ради Создателя, не забудьте что у меня семейство, и что если онъ выживетъ меня изъ кассы...

— Будьте спокойны. Не только онъ васъ не выживетъ, а скорѣе, наоборотъ, вы его выживете, если вы только съумѣете взяться за дѣло. Потому что, вы понимаете, съ вашею помощью, можно будетъ и безъ суда устроить что его вышлютъ изъ Петербурга въ 24 часа.

Марѳа Никитишна широко улыбнулась при мысли объ этой возможности, и обѣщала подумать.

Позже, онъ ѣздилъ въ Грузово и имѣлъ конфиденціальное объясненіе съ нашимъ знакомымъ, чернявымъ начальникомъ станціи. Тотъ подтвердилъ всѣ факты, и на вопросъ какимъ чудомъ подобныя вещи могли случиться, признался ему чистосердечно, что ни у него, ни у отлично знакомаго ему, старшаго кондуктора, на этотъ счетъ не осталось сомнѣнія... Бумажникъ былъ несомнѣнно подброшенъ, чтобы запутать несчастную пассажирку.

— А вы не откажетесь подтвердить при случаѣ то что̀ вы говорите, какъ ваше нравственное убѣжденіе?

Тотъ призадумался. Но получивъ кое-какія свѣдѣнія на счетъ родни и связей дѣвушки, обѣщалъ, какъ за себя, такъ и за старшаго кондуктора.

* * *

Въ профессіональномъ смыслѣ Стойницкій сдѣлалъ все что̀ при данныхъ условіяхъ долженъ былъ сдѣлать заботливый адвокатъ, оградивъ кліентку свою, по мѣрѣ возможности, отъ преслѣдованія, и обезпечивъ себѣ, на худой конецъ, свидѣтелей. Но онъ не узналъ отъ нихъ ничего что̀ бросало бы хоть малѣйшій свѣтъ на столь важную для него въ другомъ отношеніи, психологическую загадку. Въ томъ что Ладищева не воровка онъ не имѣлъ и тѣни сомнѣнія; но не случилось-ли съ ней, въ потемкахъ, чего-нибудь что̀ отдало ее — на поверхностный взглядъ безъ всякихъ причинъ — во власть этого хищника?.. Какой-нибудь глубоко-сокрытой во мракѣ этой несчастной ночи—ошибки, неосторожности, минутнаго омраченія мысли и заблужденія чувствъ?

Занятый этимъ вопросомъ, онъ возвращался однажды, въ пятомъ часу, изъ правленія, какъ вдругъ,—это было на Невскомъ, у Полицейскаго моста,—ему попалась навстрѣчу Софья Ивановна. Она была совершенно одна, и озиралась, словно отъискивая глазами кого-то въ толпѣ; но увидавъ Стойницкаго, мигомъ перенесла вниманіе на него, и стала жаловаться ему, смѣясь, на своего кузена Сережу.

— Этакій вѣтеръ! Представьте: бросилъ меня у Меллье, обѣщая вернуться черезъ минуту, да такъ и пропалъ!.. Куда это вы? Если по важнымъ или интереснымъ дѣламъ, то я разумѣется васъ не держу, но если куда-нибудь въ ресторанъ, обѣдать, то я надѣюсь, что вы предпочтете меня проводить и обѣдать съ нами?.. А cher cousin можетъ искать меня гдѣ угодно... Ему это не въ диковину.

И взявъ предложенную ей очень охотно руку, она продолжала въ томъ же развязномъ тонѣ.

— Паша вамъ не разсказывала какъ онъ покинулъ ее въ вокзалѣ желѣзной дороги, въ Р**, одну?.. Такъ слушайте же, это вамъ дастъ понятіе о Сережѣ, если вамъ иначе не случалось его изучать...

И она разсказала ему, смѣясь, этотъ многозначительный въ жизни кузины ея инцидентъ.

Юристъ былъ сильно заинтересованъ, и Софья Ивановна, которая это тотчасъ замѣтила, въ тайнѣ души уколотая, почти всю дорогу потомъ поддразнивала его насчетъ якобы незамѣченнаго ею до сихъ поръ, но замѣчательнаго участія его ко всему что̀ касается Паши.

— Сережа вамъ не разсказывалъ ничего объ этомъ ея путешествіи? спросила она между прочимъ.

— Рѣшительно ничего.

— Вы, стало быть, не знаете, что у Паши, дорогой была непріятность?.. Пустая въ сущности, но послѣ которой она, здѣсь въ Петербургѣ, едва не слегла?

Рука, на которую она опиралась, едва ощутительно дрогнула.

— Паша престранный субъектъ, продолжала она, не давая себѣ отчета въ чувствѣ, которое подстрекало ее. — Въ будничной жизни трудно представить себѣ что-нибудь скромнѣе, сдержаннѣе и положительнѣе; а между тѣмъ съ нею то и дѣло случаются чудеса...

Незнакомая тётя. Съ карт. Фоглера, грав. Бонгъ.

И она заглядывала ему въ глаза съ вызывающею усмѣшкой, какъ бы желая знать что̀ онъ на это скажетъ; но онъ молчалъ.

— Вы любите чудеса?

— Да, я всегда имѣлъ какую-то дѣтскую слабость къ чудесному.

— На прозаической почвѣ?

Онъ улыбнулся.

— Ну, въ такомъ случаѣ, рекомендую вамъ моего кузена. Онъ знаетъ курьёзныя вещи о Пашѣ...

И вдовушка замолчала; но взглядъ ея былъ выразителенъ: онъ какъ-бы невольно давалъ понять, что она останавливается передъ нескромностью.

* * *

Софья Ивановна сильно подозрѣвала, что онъ пришелъ для Паши; но если такъ, то ожиданія его были обмануты: вскорѣ послѣ обѣда, послѣдняя получила записку, заставившую ее всю вспыхнуть отъ столкновенія самыхъ противуположныхъ чувствъ.

— Откуда? быстро спросила ея кузина.

— Отъ Аннетъ Мезенской!

Записка была дѣйствительно отъ нея и содержала увѣдомленіе о ея пріѣздѣ, съ адресомъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ она остановилась, и съ убѣдительной просьбой пріѣхать *немедленно*. (Слово это подчеркнуто было дважды).

Стойницкій съ едва скрываемымъ безпокойствомъ глядѣлъ на Пашу, покуда дѣло не выяснилось, подозрѣвая какую-нибудь новую, непріятельскую затѣю; но дѣвушка, несмотря на свое волненіе, не забыла о немъ и успокоила его взглядомъ.

— Я черезъ четверть часа должна ѣхать, сказала она, какъ-бы прося у него извиненія, но высидѣла съ трудомъ даже и этотъ срокъ; по озабоченному лицу ея было ясно, что мысли ея отсутствуютъ.

— Да уѣзжай ты пожалуйста! сказала ей, наконецъ, кузина. — Тошно смотрѣть, какъ ты принуждаешь себя.

И пристыженная Паша уѣхала.

(Продолженіе будетъ).

Два миссіонера.

(Разсказъ изъ жизни богоносцевъ далекаго Востока).

А. Я. Максимова.

(Окончаніе).

X.

Отецъ Петръ разоспался до такой степени, что тронулся въ дальнѣйшій путь только на другой день. Онъ поднялся не рано, такъ какъ до селенія Раздольнаго, гдѣ миссіонеръ предполагалъ сдѣлать второй привалъ, оставалось не болѣе пятнадцати верстъ отличной, сравнительно, дороги...

Путники прибыли въ Раздольное вскорѣ послѣ полудня и остановились, по обыкновенію, въ домѣ отставнаго солдата Перевалова, лихаго охотника и горькаго пьяницы Переваловъ несказанно обрадовался неожиданному пріѣзду отца Петра: онъ хорошо зналъ, что миссіонеръ никогда не ѣздитъ по паствѣ безъ хорошаго запаса отличнаго коньяку и водки, весьма рѣдкихъ въ Раздольномъ, гдѣ приходилось чаще довольствоваться слабымъ и одуряющимъ китайскимъ напиткомъ *ханшиномъ*. На основаніи этихъ вѣскихъ соображеній, со стороны Перевалова послѣдовала самая сердечная встрѣча. Съ низкими поклонами онъ проводилъ отца Петра въ уютную горницу, не забывъ принять пастырское благословеніе и лицемѣрно поцѣловать пухлую руку миссіонера.

Черезъ четверть часа, на столѣ уже кипѣлъ блестящій самоваръ; появились превосходная простокваша, сливки и свѣжія яйца. Рядомъ съ этими сельскими продуктами, Алексѣй не замедлилъ разставить нѣсколько банокъ съ разнообразными консервами, бутылки водки и коньяку. Когда все было готово, отецъ Петръ пригласилъ Перевалова:

— Садись, выкушай вмѣстѣ чайку.

— Много благодаренъ за вниманіе, отче, поблагодарилъ Переваловъ, усаживаясь на дубовый табуретъ.

— Пьпей и разсказывай, что̀ у васъ тутъ новаго проговорилъ отецъ Петръ, наливая стаканчикъ водки.

Переваловъ не замедлилъ опрокинуть водку въ горло, крякнувъ при этомъ на всю горницу: давно уже ему не приходилось пить такого славнаго напитка.

— Новостей у насъ нѣтъ, отче, удовлетворилъ онъ затѣмъ любопытство миссіонера.—Живемъ помаленьку, тихо и скромно. Сами изволите знать, на что̀ наша жизнь похожа: изо дня въ день все одно и то-же... Людей почти не видимъ... Побывалъ тутъ на-дняхъ тигръ, хотѣлъ было лошадь у меня зарѣзать, но я и самъ не промахъ: застрѣлилъ его на дворѣ и шкуру уже за двѣ красненькія продалъ какому-то проѣзжему офицеру...

— А хунхузы (китайскіе бродяги) не шалятъ?

— О хунхузахъ давно не слышно... Они Раздольное обѣгаютъ — хорошо знаютъ, что Переваловъ съ ними шутить не любитъ... Гдѣ ни встрѣчу — спуску имъ не даю!..

— Слыхалъ, слыхалъ, съ улыбкой перебилъ миссіонеръ словоохотливаго хозяина. — А правду-ли разсказываютъ у насъ, во Владивостокѣ, что ты, на ряду съ хунхузами, частенько подстрѣливаешь и мирныхъ китайскихъ охотниковъ, зарясь на добытые ими панты?.. *) Чего ты перепугался?.. Это я такъ къ слову спросилъ, поспѣшилъ отецъ Петръ успокоить всполошившагося вдругъ хозяина. — Ха, ха, ха! ты, я вижу, проказникъ большой руки! добавилъ онъ весело.

— Поклёпъ, отче, ей Богу одинъ только поклёпъ, какъ передъ Богомъ говорю началъ Переваловъ торопливо оправдываться, хотя отлично зналъ, что въ данномъ случаѣ не было никакого поклёпа. Его только поразило то ужасное обстоятельство, какимъ образомъ распространился такой слухъ, когда онъ обдѣлывалъ свои кровавыя дѣла въ глухой тайгѣ, вдали отъ всякаго жилья, при чемъ единственный свидѣтель (и въ тоже время жертва) всегда старательно вычеркивался изъ списка живыхъ людей.

„Надо быть осторожнѣй, получше концы хоронить“, мелькнуло у него въ головѣ.

— Такъ поклёпъ, значитъ? переспросилъ отецъ Петръ, хитро улыбаясь.

— Поклёпъ, отче, ей Богу, поклёпъ! повторилъ свою божбу совсѣмъ растерявшійся Переваловъ, пряча глаза въ кружку съ чаемъ.

— Уступи-ка мнѣ парочку пантовъ, да и рѣчи нашей конецъ, продолжалъ миссіонеръ тѣмъ же тономъ.

— Пантами всегда вамъ, отче, удружить готовъ! обрадовался вдругъ хозяинъ, словно съ его совѣсти свалился тяжелый камень. Онъ видимо ободрился и смѣло взглянулъ въ лицо отца Петра, продолжавшаго хитро улыбаться.

— Ну, неси, неси! настойчиво проговорилъ миссіонеръ.

Переваловъ покорно вышелъ. Черезъ полчаса онъ вернулся съ парой пантовъ, уже приготовленныхъ къ продажѣ тѣмъ секретнымъ способомъ, который удалось ему вывѣдать отъ китайцевъ.

— Примите, отче, въ даръ, смиренно проговорилъ разбойникъ-охотникъ, передавая миссіонеру принесенные панты.

— Превосходные панты! съ видомъ знатока пробурчалъ отецъ Петръ, алчно разглядывая неожиданно полученный драгоцѣнный даръ. — Спасибо, большое спасибо!.. А тебѣ, дружище, дарствую взамѣнъ пантовъ двѣ бутылки коньяку: кушай его на здоровье!.. Отличный коньякъ! похвалилъ миссіонеръ, передавая хозяину свой подарокъ.

Переваловъ былъ въ восхищеніи и не находилъ словъ, какъ отблагодарить милостиваго и въ то же время щедраго гостя...

Миссіонеръ оставилъ гостепріимный домъ Перевалова только черезъ три дня; онъ выѣхалъ въ дальнѣйшій путь не ранѣе, какъ сталъ ощущать недостатокъ въ крѣпкихъ напиткахъ, взятыхъ въ дорогу изъ Владивостока. Такимъ образомъ, отцу Петру поневолѣ пришлось спѣшить въ село Никольское, гдѣ можно было сдѣлать новый запасъ всего необходимаго. Не станемъ описывать этотъ короткій переѣздъ изъ захолустнаго Раздольнаго въ маленькій центръ культурной и общественной жизни Усурійскаго края. Онъ былъ совершенъ вполнѣ благополучно, хотя и съ прежнею торжественно величавою медленностью похоронной процессіи. Вся сельская интеллигенція, состоявшая изъ купцовъ и армейскихъ офицеровъ, уже ждала отца Петра, сгорая нетерпѣніемъ сразиться съ нимъ на зеленомъ полѣ. Онъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями, и тотчасъ погрязъ въ омутъ азартной картежной игры и попоекъ, единственныхъ въ то время развлеченій далекой окраины...

Обойдемъ молчаніемъ двухъ-недѣльное пребываніе отца Петра въ Никольскомъ. Пора уже перейти къ другой сторонѣ миссіонерской дѣятельности отца Петра, самой характерной и заслуживающей сугубаго вниманія.

Переходъ отъ одной дѣятельности къ другой совершился случайно и неожиданно. Увлекшись картежной игрой, отецъ

*) Пантами (по китайски Лу-жцимъ) русскіе называютъ молодые оленьи и изюбреные рога. Пара оленьихъ пантовъ цѣнится, смотря по достоинству, отъ 150 до 300 серебряныхъ рублей. Китайцы приготовляютъ изъ нихъ возбуждающее лѣкарство.

Петръ совершенно забылъ о своей паствѣ, тщетно ожидавшей миссіонера для выполненія крайне необходимыхъ требъ. Онъ не обращалъ даже вниманія на вѣчно пьянаго Алексѣя, начавшаго уже пропивать рубахи, нарочно сшитыя для будущихъ новообращенныхъ. Дни шли за днями быстро и незамѣтно. Отецъ Петръ, охваченный чадомъ счастливой игры, уже окончательно сталъ забывать о настоящей цѣли своего путешествія, какъ вдругъ разнесся по Никольскому тревожный слухъ, что изъ Иркутска ѣдетъ ново-посвященный епископъ Камчатскій, которому поручено подробно ознакомиться съ ходомъ миссіонерской дѣятельности въ Усурійскомъ краѣ. Услыша эту новость, отецъ Петръ встрепенулся и немедля приказалъ Алексѣю готовиться въ дорогу. Сборы были недолги. Подгоняемый страшнымъ призракомъ предстоящей строгой ревизіи, миссіонеръ въ тотъ же день тронулся въ дальнѣйшій путь, проклиная тревожно сложившіяся обстоятельства, нарушившія его картежный кейфъ. Онъ торопился наверстать потерянное время, чтобы успѣть до пріѣзда владыки составить краснорѣчивый отчетъ о своей якобы плодотворной миссіонерской дѣятельности...

На другой день, вечеромъ, отецъ Петръ уже прибылъ въ небольшое поселеніе корейскихъ выходцевъ, часть которыхъ была обращена имъ въ православіе два года тому назадъ и съ тѣхъ поръ не видѣла своего духовнаго отца. Новообращенные встрѣтили миссіонера холодно и даже непріязненно, досадуя на его забвеніе. Никто не вышелъ привѣтствовать отца Петра; даже собаки продолжали лѣниво грѣться на солнцѣ, не обращая никакого вниманія на неожиданныхъ гостей...

Проѣхавъ вдоль безмолвной, пыльной улицы, миссіонеръ остановился у фанзы одного изъ новообращенныхъ, корейца Юмантуя, копошившагося со всей семьей на своемъ огородѣ, примыкавшемъ къ самой фанзѣ.

— Здравствуй, Иванъ! крикнулъ отецъ Петръ хозяину, слѣзая съ лошади.

— Меня не Иваномъ звать, а Юмантуемъ, угрюмо проворчалъ кореецъ, холодно оглядывая, изъ-подъ широкой соломенной шляпы, тучную фигуру миссіонера.

— Какъ Юмантуемъ!? удивился отецъ Петръ, расправляя смятую шелковую рясу. — Да вѣдь я тебя окрестилъ и имя православное далъ!

— Твоя правда, согласился хозяинъ, продолжая недвижно стоять у изгороди, — только ты не Иваномъ меня назвалъ, а Николаемъ...

— Ну, извини, забылъ, сконфузился миссіонеръ.

— Не мудрено забыть — давно уже не видѣли тебя, съ укоризной проворчалъ Юмантуй. — Впрочемъ, пріѣхалъ — будь гостемъ... Заходи въ фанзу... Шихэ, принимай гостей!.. обратился онъ къ женѣ.

Отецъ Петръ вошелъ въ фанзу и съ удовольствіемъ усѣлся на чистую циновку, разостланную на низенькихъ нарахъ, тянувшихся вдоль одной изъ стѣнъ.

— Какъ живете? задалъ онъ шаблонный вопросъ.

— Живемъ понемногу, отвѣтилъ хозяинъ, лѣниво почесывая загорѣвшую, сухую шею.

По случаю жаркаго времени, Юмантуй былъ одѣтъ только въ одни бумажные шаровары. Костюмъ хозяйки состоялъ всего изъ бѣлоснѣжной юбки и коротенькой кофты, едва прикрывавшей плечи.

— Значитъ, хорошо живете? старался отецъ Петръ завязать разговоръ.

— По нашему — хорошо, а какъ будетъ по твоему — не знаемъ, уклончиво отвѣтилъ хозяинъ, закуривая трубку.

— А гдѣ же кресты, что я вамъ подарилъ? спросилъ вдругъ миссіонеръ, оглядывая голыя шеи хозяевъ.

— Потеряли, коротко отрѣзалъ Юмантуй.

— Развѣ можно кресты терять!?. Такъ вы и Бога потеряете! грубо проговорилъ отецъ Петръ.

— И Бога безъ тебя потеряли — давно не былъ! сердито проворчалъ хозяинъ. — Ждали, ждали и ждать перестали!..

— Такъ вы что-же: отъ православной вѣры отпали!? разсердился миссіонеръ. — А знаете-ли, что съ вами за это будетъ?.. На Сахалинъ сошлютъ!..

— Зачѣмъ ссылать... Дай кресты—опять надѣнемъ: намъ все равно, испугался Юмантуй.

— Ну, смотрите!.. Въ другой разъ увижу васъ безъ крестовъ— плохо вамъ будетъ!.. Алексѣй! крикнулъ отецъ Петръ проводнику, — выдай имъ по кресту, да самъ покрѣпче шнуръ завяжи, чтобы черезъ голову снять нельзя было...

— Завяжу хорошо, отозвался Алексѣй, вытаскивая изъ короба два мѣдные крестика на крѣпкихъ шнуркахъ. — Эй, подходи ты... Какъ тебя звать? грубо обратился онъ къ хозяину.

Юмантуй лѣниво подошелъ къ Алексѣю и покорно вытянулъ свою сухую, загорѣлую шею. Онъ въ этотъ моментъ очень походилъ на быка, вытягивающаго шею подъ непріятное ярмо.

— Хорошо будетъ, ступай! скомандовалъ проводникъ черезъ минуту. — Эй, хозяйка, подходи: твой чередъ!..

Шихэ такъ же покорно подставила свою шею подъ грубыя руки проводника, но отошла отъ Алексѣя въ глубокомъ смущеніи и оскорбленная.

— Какой дурной человѣкъ! прошептала она, подходя къ мужу.

— Что онъ сдѣлалъ? глухо спросилъ Юмантуй.

— Ахъ, онъ очень дурной человѣкъ! стыдливо проговорила Шихэ.

— Негодяй, я съ нимъ при случаѣ раздѣлаюсь, съ угрозой проворчалъ хозяинъ, съ ненавистью поглядывая на Алексѣя, разставлявшаго на столѣ всевозможные закуски и напитки, захваченные въ Никольскомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, отецъ Петръ уже приступилъ къ обильному возліянію и плотной закускѣ.

— Выпей и закуси, предложилъ онъ хозяину, наливая стаканчикъ коньяку.

— Спасибо, не пью! холодно отрѣзалъ Юмантуй, удаляясь съ женой и дѣтьми въ другой уголъ фанзы, за низенькую перегородку.

Отецъ Петръ не сталъ упрашивать. Раздосадованный слишкомъ явнымъ пренебреженіемъ хозяина къ своей особѣ, онъ особенно налегъ на коньякъ, словно стараясь потопить въ немъ непріятную обиду. Черезъ часъ миссіонеръ уже храпѣлъ на всю фанзу, забывъ на время всѣ шипы своей миссіонерской дѣятельности...

XI.

Отецъ Петръ всталъ на другой день очень поздно. Все почти населеніе деревни уже ушло на полевыя работы. Въ фанзахъ остались только дряхлые старики, старухи и малолѣтки. Миссіонеръ не торопясь позавтракалъ, расчесалъ свои пушистые волосы, надѣлъ легкую шелковую рясу и вышелъ прогуляться. Пройдя по пустынной улицѣ рядъ чистенькихъ фанзъ, онъ миновалъ околицу, съ цѣлью взглянуть на развалины кумирни, разрушенной имъ два года назадъ, съ общаго согласія жителей. Еще издали, отецъ Петръ увидѣлъ новенькое, ярко раскрашенное, небольшое зданіе, стоявшее именно на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышалась когда-то кумирня.

„Молодцы, часовеньку выстроили“, подумалъ отецъ Петръ, шагая по пыльной дорогѣ и лелѣя себя видимыми плодами своей ревностной миссіонерской дѣятельности.

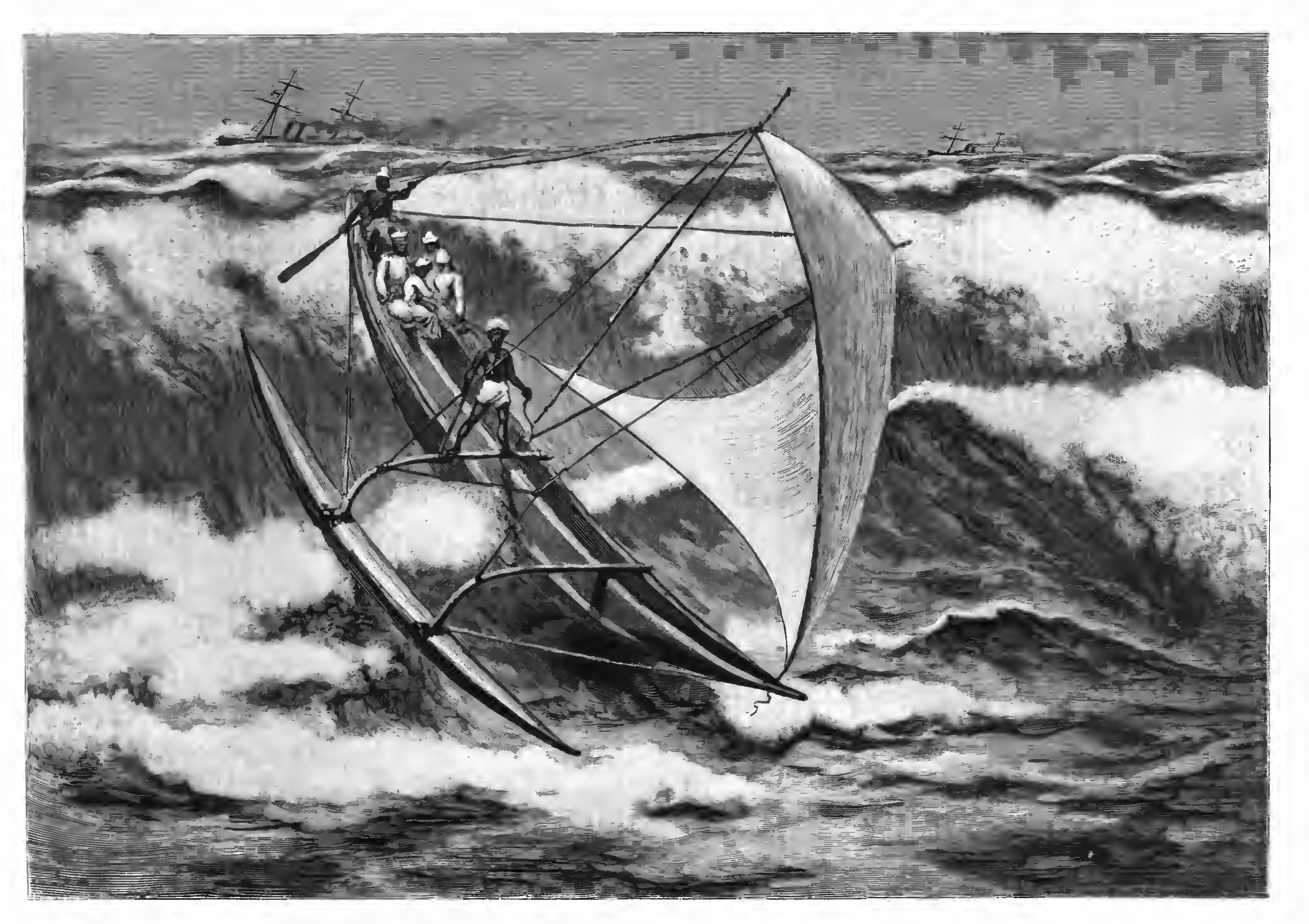
Подойдя къ предполагаемой часовнѣ, миссіонеръ положительно остолбенѣлъ, пораженный неожиданнымъ разочарованіемъ. Передъ нимъ высилась не часовня, а новенькая кумирня, несравненно щеголеватѣе прежней. За ярко раскрашенной рѣшеткой красовался цѣлый рядъ идоловъ, украшенныхъ зеленью, ленточками и цвѣтами. Тутъ же висѣли мѣдные крестики, когда-то навѣшанные отцомъ Петромъ на шеи новообращенныхъ жителей селенія.

— Все пропало!.. Надо начинать снова! проворчалъ миссіонеръ, злобно разглядывая кумирню. — Впрочемъ, не унываю!.. Я ихъ такъ пугну, что они сами не только эту кумирню разнесутъ по дощечкамъ, но и часовню взамѣнъ ея построятъ...

И отецъ Петръ шибко зашагалъ обратно. Солнце сильно припекало, обдавая яркимъ свѣтомъ волнующіяся нивы золотистой пшеницы, въ которой копошились трудолюбивые корейцы и корейки, тщательно очищая засѣянныя поля отъ самой ничтожной сорной травки. Всюду мелькали широкія соломенныя шляпы мужчинъ и бѣлоснѣжныя кофты женщинъ, неутомимо работавшихъ, не смотря на разслабляющую дневную жару. Кипучая дѣятельность отступниковъ не отрезвила взбѣшеннаго миссіонера; злобный, угрюмый добрался онъ до прохладной фанзы, гдѣ и отдался продолжительному кейфу, рѣшивъ произвести задуманную расправу съ отпадшими отъ православія не ранѣе захода солнца...

Наступилъ вечеръ. Все населеніе деревни возвратилось съ полевыхъ работъ въ фанзы, въ надеждѣ спокойно отдохнуть послѣ тяжелаго, трудоваго дня. Дикари и не подозрѣвали, что надъ ихъ головами скопились грозовыя тучи, что надежда на спокойный отдыхъ будетъ разбита несправедливыми нападками отца Петра. Никто не предполагалъ, что миссіонеръ цѣлый день копилъ въ себѣ злобу, чтобы вечеромъ неожиданно разгромить отступниковъ за ихъ призрачную вину противъ православія. Миссіонеръ слѣпо считалъ дикарей главными виновниками всего случившагося въ ущербъ достоинству христіанской религіи, не желая серьезно вникнуть въ дѣло и обратить вниманіе на свою вину, несравненно крупнѣйшую. Дѣйствительно, окрестивъ два года назадъ толпу корейцевъ, совершенно не подготовленныхъ къ воспринятію новой вѣры, окрестивъ ихъ при помощи соблазна новенькими ситцевыми рубахами, щедро раздаваемыми всѣмъ желающимъ креститься, миссіонеръ не двинулъ затѣмъ пальцемъ, чтобы направить колеблющіеся шаги новообращенныхъ по новому пути истиннаго спасенія. Окрестивъ толпу грубыхъ дикарей на-отмашь, только ради соблазнительной цифры, отецъ Петръ мечталъ лишь о гладко написанномъ отчетѣ и затѣмъ о возможныхъ наградахъ за свою якобы плодотворную миссіонерскую дѣятельность. Охваченный бѣсомъ честолюбія, погрязшій въ омутѣ мірской жизни, онъ совершенно забылъ о новообращенныхъ, нуждавшихся въ духовномъ просвѣщеніи и въ нравственной поддержкѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, отецъ Петръ ни разу не побывалъ среди своей паствы, не удовлетворилъ ея духовныхъ потребностей, не совершилъ ни одной церковной требы, не ознакомилъ дикарей хотя съ нѣкоторыми обрядами новой вѣры. Дикари оставались дикарями, но болѣе испорченными чѣмъ прежде, съ пошатнувшимися старыми религіозными воззрѣніями

Аламанъ (набѣгъ). По слѣдамъ каравана. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Радомскаго, грав. Ангереръ.



Бурунъ на островѣ Цейлонѣ (Индія). Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Китаева, грав. Рашевскій.

и съ неустановившимися новыми. Вмѣсто просвѣщенія, миссіонеръ внесъ въ ихъ среду нравственное смятеніе, бросилъ въ сердца дикарей сѣмена разврата, обращая ихъ въ православіе при содѣйствіи гнуснаго соблазна, возбуждая алчность и пріучая входить въ безнравственную сдѣлку съ совѣстью, ради какихъ-то меркантильныхъ и въ то-же время призрачныхъ выгодъ. Отецъ Петръ придалъ святой миссіонерской дѣятельности грязный видъ купли и продажи: за каждую рубаху онъ покупалъ quasi - православнаго, не желая вникнуть, что онъ губитъ въ корнѣ, своею миссіонерскою дѣятельностью, всякое стремленіе дикарей къ духовному просвѣщенію... Можно-ли, при такихъ условіяхъ, винить новообращенныхъ за то, что они оказались нетвердыми въ новой, маловѣдомой вѣрѣ, отпали отъ нея, какъ только миссіонеръ оставилъ ихъ, и начали опять поклоняться идоламъ, крѣпко вѣровать въ которыхъ научили ихъ предки? Конечно, нѣтъ; но отецъ Петръ, привыкшій обращать инородцевъ въ православіе или угрозами, или при помощи всевозможныхъ подарковъ, думалъ совершенно другое и рѣшилъ непоправимое исправить немедленно, придерживаясь циничнаго іезуитскаго принципа: „цѣль оправдываетъ средства!“ Едва Юмантуй вошелъ въ фанзу, миссіонеръ озадачилъ его крайне грубымъ вопросомъ:

— А ну-ка, разскажи: какіе негодяи поставили новую кумирню?.. Не хочешь сказать!? продолжалъ онъ взбѣшеннымъ голосомъ. — Думаешь покрыть мерзавцевъ!?.. Погоди, приведу казаковъ—они у тебя нагайками выхлещутъ все что надо... А скажи-ка мнѣ: какіе разбойники развѣсили на идоловъ кресты?.. Молчишь!?.. Знаю этихъ разбойниковъ, знаю ихъ!.. И твой крестъ тамъ-же виситъ!.. А сказалъ, негодяй, что потерялъ!.. Богохульникъ!!.. За это тебя въ каторжныя работы сошлютъ!!.. Да впрочемъ, что съ тобой говорить!.. Ступай, созови сію минуту сюда всѣхъ — я съ ними поговорю!!.. Шевелись, рябая образина!..

Перепуганный до-нельзя грубымъ монологомъ отца Петра, Юмантуй со всѣхъ ногъ бросился вонъ изъ фанзы—исполнять приказаніе суроваго, страшнаго миссіонера. Черезъ четверть часа, передъ фанзой Юмантуя собралось почти все населеніе деревни. Всѣ были встревожены и со страхомъ ждали выхода изъ фанзы сердитаго бонзы. Протомивъ достаточно инородцевъ, отецъ Петръ стремительно вышелъ на дворъ. Всѣ замерли въ тревожномъ ожиданіи неизвѣстной грозы.

— Здравствуйте! грубо поздоровался миссіонеръ.

— Здравствуй, здравствуй! послышался глухой, сдавленный отвѣтъ.

Отецъ Петръ высокомѣрно оглядѣлъ толпу дикарей, откашлялся и началъ:

— Два года назадъ я окрестилъ васъ въ православіе, а вы отпали отъ истинной вѣры и новую кумирню построили... Вы совершили ужасное преступленіе, за которое васъ ждетъ жестокое наказаніе... Сюда пришлютъ казаковъ, которымъ будетъ приказано сжечь ваши фанзы и сравнять ихъ съ землей, а васъ всѣхъ отправятъ на Сахалинъ... Жалѣю васъ!.. Покайтесь, пока не поздно!..

Перепуганные инородцы заволновались и зашумѣли:

— Прости насъ!.. Будь добренькій!.. Не губи!..

— Если хотите отвратить бѣду, продолжалъ миссіонеръ, — сейчасъ-же сожгите вашу кумирню и возвращайтесь сюда — каждый изъ васъ получитъ по кресту и новой рубахѣ...

— Сожжемъ, сожжемъ — только не присылай казаковъ! запросили до-нельзя испуганные корейцы, покорно двинувшіеся къ кумирнѣ—исполнить строгое требованіе грознаго миссіонера...

Черезъ полчаса, сухая кумирня уже горѣла какъ факелъ. Отецъ Петръ торжествовалъ; онъ положительно не ожидалъ такого блестящаго успѣха своей проповѣди. Прошло еще нѣсколько времени, и корейцы, совершивъ ауто-да-фе, возвратились къ фанзѣ Юмантуя, гдѣ уже ждалъ ихъ миссіонеръ съ развязаннымъ тюкомъ ситцевыхъ рубахъ... Началась раздача крестовъ и подарковъ. Инородцы съ восторгомъ разглядывали разноцвѣтныя рубахи и осязательно стали сознавать все благополучіе новой вѣры, отъ которой вздумали было отпасть. Угрозы миссіонера были забыты; всѣ ликовали отъ его необыкновенной щедрости...

Окончивъ раздачу рубахъ, отецъ Петръ обратился къ заблудшимъ овцамъ съ краткою рѣчью:

— Вѣруйте въ Бога, и вамъ всегда будетъ такъ-же хорошо... Забудьте вашихъ идоловъ... А теперь, кто еще не крещенъ, приходите завтра креститься — каждый получитъ по двѣ рубахи...

Толпа разошлась довольная и веселая. Вѣсть о раздачѣ подарковъ въ ту-же ночь проникла въ сосѣднія селенія, и рано утромъ, передъ фанзой Юмантуя, собралось до сотни инородцевъ, изъявившихъ желаніе креститься. Пришли молодые и старые, мужчины, женщины и дѣти: каждый жаждалъ получить обѣщанный подарокъ.

Отецъ Петръ не замедлилъ явиться среди инородцевъ.

— Зачѣмъ пришли? задалъ онъ обычный вопросъ.

— За рубахами! загремѣлъ дружный отвѣтъ.

— Какъ за рубахами!? удивился миссіонеръ.

— Да вотъ говорили намъ, что ты крестишь и рубахи даришь, такъ мы за рубахами пришли—крести скорѣй! отвѣчалъ за всѣхъ рослый кореецъ, старшина ближайшаго селенія.

Отецъ Петръ удовольствовался этимъ безсмысленнымъ отвѣтомъ и тотчасъ же приступилъ къ исполненію своей миссіонерской дѣятельности. Къ концу дня, всѣ желающіе были окрещены и одарены рубахами и крестами; послѣдніе навѣшивались грязными руками Алексѣя, получившаго приказаніе связывать шнурки по возможности короче, чтобы дикари не могли снять кресты черезъ голову. Многіе крестились во второй разъ, чтобы только получить обѣщанный подарокъ. Отецъ Петръ крестилъ на-отмашь, по числу головъ, не разбирая внутреннихъ мотивовъ каждаго новообращеннаго, пожелавшаго вдругъ принять христіанство. Надо было торопиться и крестить возможно больше, чтобы было о чемъ написать въ отчетѣ...

„Теперь я могу и вернуться домой“, размышлялъ вечеромъ сильно уставшій отецъ Петръ. — „Слава Богу, поработалъ просто на удивленье — сотню окрестилъ за одинъ день... Есть чѣмъ отчетецъ заполнить... Пускай-ка помѣряется теперь со мной отецъ Николай!.. Бродитъ, бродитъ онъ по тайгѣ и все безъ толку... Читалъ я его прошлогодній отчетъ — всего десять душъ окрестилъ и это за цѣлые полгода!.. Да-съ, могу похвастаться!..“

И миссіонеръ заснулъ, убаюканный свѣтлыми грёзами о необычайныхъ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности...

На другой день, отецъ Петръ тронулся въ обратный путь, во Владивостокъ — писать краснорѣчивый отчетъ. Погостивъ опять недѣльки двѣ въ Никольскомъ, онъ возвратился домой со спокойною совѣстью, несказанно радуясь благополучному окончанію своей поѣздки. Нужно-ли прибавлять, что отецъ Петръ, написавъ краснорѣчивый отчетъ объ этой поѣздкѣ, благоразумно умолчалъ въ немъ о своемъ продолжительномъ пребываніи въ селѣ Никольскомъ... Тѣмъ не менѣе, ревизія вскорѣ прибывшаго владыки имѣла для отца Петра роковыя послѣдствія: онъ былъ заточенъ въ дальній монастырь за свое „излишнее“ усердіе въ дѣлѣ распространенія православія среди инородцевъ, а также за жизнь, несовмѣстную съ высокимъ и почтеннымъ саномъ миссіонера... Словомъ: „сорвалось“!..

КОНЕЦЪ.

Объ измѣненіяхъ природы въ періодѣ человѣка.

Профессора Петровской Академіи **К. Э. Линдемана.**

На основаніи наблюденій надъ явленіями повседневной жизни мы часто склоняемся къ мысли, что окружающая насъ природа всегда была совершенно такою же, какою мы видимъ ее нынѣ. Особенно наша сѣверная природа, съ ея многомѣсячною зимнею неподвижностью, наталкиваетъ насъ на такой взглядъ. Но уже давно наука пришла къ тому заключенію, что въ мертвой природѣ и въ живомъ ея населеніи, съ начала существованія земли, происходила дѣятельная перестройка, весьма рѣшительно выражавшаяся въ измѣненіи отношеній суши къ морю, въ перемѣнѣ конфигураціи материковъ. Убѣждаясь въ томъ, что такія измѣненія дѣйствительно происходили, мы однако же склонны думать, что могли они совершаться лишь въ прошлыя эпохи, отмѣченныя бурнымъ, лихорадочнымъ теченіемъ созидательной работы природы; что въ настоящее время, періодъ спокойной жизни земли, она постоянно удерживаетъ себѣ тотъ опредѣленный внѣшній видъ, какой выработался во время бурнаго прошлаго. Но стóитъ провести нѣсколько часовъ въ жаркій лѣтній день на поверхности альпійскаго ледника, чтобы навсегда оставить мысль о неизмѣнности формъ мертваго міра и убѣдиться въ томъ, что и въ настоящую минуту въ немъ совершается дѣятельная перестройка и измѣненія, что онъ живетъ полною жизнью. Стóитъ разъ только услышать разнородные голоса альпійскаго ледниковаго ландшафта: шумъ тысячи ручьевъ бѣгущихъ по поверхности глетчера; изъ-подъ земли поднимающійся стонъ скалъ, отрываемыхъ ползучимъ ледникомъ отъ дна его ложа; трескъ камней перекатываемыхъ невидимою рукою по скатамъ моренъ; громъ падающихъ лавинъ, отрывающихъ и угоняющихъ съ собою обломки скалъ... Стóитъ разъ только увидать изъѣденныя и источенныя вершины известняковыхъ скалъ, частицы коихъ вѣтеръ уноситъ въ видѣ пыли и отлагаетъ на поверхности ледника, мѣстами покрытаго толстымъ слоемъ ея... Стóитъ одинъ только разъ увидать глетчерный истокъ, вытекающій изъ-подъ ледника, почти бѣлая вода котораго уноситъ въ долину огромное множество частицъ истертыхъ скалъ... Стóитъ только одинъ разъ увидать и услыхать все это, чтобы въ этомъ концертѣ мертвой природы уловить одинъ основный мотивъ, одну идею — *измѣненіе* и *перестройку*. Медленно, но дружно, за тихой бесѣдой, работаютъ здѣсь силы природы, измѣняя форму и составъ горъ и скалъ отдѣльной мѣстности и затѣмъ цѣлой страны. Горные хребты растираются и даютъ матеріалъ для насыпанія долинъ; почва равнинъ уносится на морское дно; наростающее морское

дно поднимается и увеличиваетъ берегъ суши. И это происходитъ безпрерывно, изо-дня-въ-день, сегодня какъ вчера, какъ въ первыя эпохи существованія земли.

Точно также постоянно мѣняется и составъ населенія нашей земли. Еще въ прошломъ столѣтіи натуралисты убѣдились въ томъ, что многочисленные окаменѣлости и отпечатки, встрѣчаемые въ скалахъ и пластахъ земной коры, суть не случайная игра природы, не капризно выдѣлившаяся форма минерала, а представляютъ собою остатки и слѣды нѣкогда дѣйствительно существовавшихъ животныхъ и растеній. Изученіе этихъ остатковъ и слѣдовъ привело къ убѣжденію, что животныя прежде существовавшія—значительно отличаются отъ нынѣ живущихъ, и что эта разница между нынѣшней фауной и населеніемъ прежде жившимъ на землѣ—тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе отдаленныя эпохи изъ исторіи послѣдней мы будемъ сравнивать съ современною. Существовали прежде цѣлыя группы животныхъ, которыя нынѣ не имѣютъ живыхъ представителей, и наоборотъ существуютъ нынѣ такія группы, какихъ еще не было на землѣ въ эпохи предшедшія. Изучая окаменѣлости различныхъ пластовъ земной коры, одинъ изъ величайшихъ знатоковъ природы, *Кювье*, въ первой половинѣ нашего вѣка даже высказалъ такое предположеніе, что во время существованія земли нѣсколько разъ происходила на ней рѣшительная и полная *смѣна фаунъ*; что въ началѣ каждой отдѣльной эпохи природа внезапно и разомъ уничтожала все живущее на землѣ и потомъ вновь населяла ее совершенно новыми формами, вполнѣ независимыми отъ населявшихъ ее передъ этимъ. Эта мысль теперь оставлена. Но самый фактъ глубокаго измѣненія, совершившагося въ населеніи земли со времени перваго появленія на ней живыхъ существъ и до нашего времени, прочно установленъ въ наукѣ.

Впрочемъ и по отношенію къ этому вопросу мы пріучаемся обыкновенно думать, что значительныя измѣненія въ формахъ животныхъ и растеній, населяющихъ землю, могли совершаться лишь въ первыя эпохи ея существованія, но что въ настоящее время они уже не происходятъ. Мы думаемъ такъ потому, что не замѣчаемъ повидимому никакихъ перемѣнъ вокругъ насъ. А между тѣмъ этотъ взглядъ неправиленъ, и не видимъ мы перемѣнъ въ населеніи земли въ данное время лишь потому, что не умѣемъ смотрѣть. Наука имѣетъ много фактовъ которые несомнѣнно доказываютъ, что и живой міръ такъ же безпрестанно и глубоко мѣняется въ настоящее время, какъ и въ предшедшія эпохи исторіи земли, какъ продолжаетъ мѣняться и мертвая земля наша. Мы знаемъ факты, свидѣтельствующіе о томъ, какія значительныя измѣненія произошли въ составѣ животныхъ и растеній нѣкоторыхъ опредѣленныхъ областей *въ теченіе короткаго періода существованія человѣка на землѣ*. Я остановлюсь здѣсь на нѣкоторыхъ изъ этихъ фактовъ.

Когда человѣкъ, знакомый съ природой Европы, воспроизводитъ въ памяти образы видѣнныхъ имъ странъ, то при мысли о *сѣверной Италіи* въ умѣ его воскресаетъ оригинальная картина. Однимъ сплошнымъ роскошнымъ садомъ представляется ему эта чудесная страна. Повсюду сѣролистыя *оливковыя* рощи чередуются съ темною зеленью рощъ *апельсинныхъ* и *лимонныхъ*; повсюду тянутся необозримые *виноградники*, окаймленные и прорѣзанные аллеями изъ *тутовыхъ* деревьевъ; по склонамъ горъ лѣпятся *итальянскія сосны* (пиніи) съ характерною низкою кроною,— кудрявыя *пальмы*, развѣсистые *платаны*, гордо въ поднебесье смотрящіе *кипарисы* украшаютъ сады вмѣстѣ съ *лаврами*, *миртами*, *магноліями*, миндальными и *гранатовыми* деревьями, персиками и мн. друг. Повсюду кактусы—*опунтіи* и оригинальныя *агавы*. Поля покрытыя сочнозеленымъ *рисомъ*, широколистымъ *маисомъ*, кормовыми травами, лишь изрѣдка зерновыми хлѣбами, всюду обрамлены рядами плодовыхъ деревьевъ. Вѣчно зеленая, съ десятками разнообразныхъ колоритовъ и цвѣтовъ, смотрится эта роскошная флора въ ярко-лазоревое небо, залитая теплыми лучами блистающаго солнца.

Такою память рисуетъ природу сѣверной Италіи. Ни одно дерево сѣверной Европы не вторгается въ эту чудесную картину, не напоминаетъ сѣверянину о его родинѣ. Очарованному оригинальностью и блескомъ такой картины не приходитъ и на умъ спросить себя: всегда-ли такая флора украшала поверхность сѣверной Италіи? Составляютъ-ли всѣ эти, теперь характерныя для нея, растенія необходимый результатъ взаимодѣйствія ея почвенныхъ и климатическихъ условій? На этотъ вопросъ мы можемъ однако дать весьма точный отвѣтъ.

Двадцать семь столѣтій тому назадъ Италія имѣла совершенно другой характеръ. Склоны горъ ея были тогда покрыты необозримыми и дремучими лѣсами: еловыми, пихтовыми, дубовыми и буковыми. Лучи солнца не проникали до земли сквозь густыя кроны этихъ лѣсовъ, и на поверхности холодной почвы нихъ росли лишайники и мхи. Въ долинахъ ютились селенія Сабинянъ и Этрусковъ; ихъ окружали поля зерновыхъ хлѣбовъ и огромныя пастбища для безконечно многочисленныхъ стадъ рогатаго скота. Такъ глубоко отличалась тогдашняя сѣверная Италія отъ современной, сходствуя въ то же время съ среднеевропейскими странами. Въ теченіе многихъ столѣтій эллины знали Италію какъ страну лѣса, скотоводства и земледѣлія. Съ того времени и до сихъ поръ шла дѣятельная работа вытѣсненія растеній прежде здѣсь господствовавшихъ и замѣна ихъ новыми породами.

Уже во времена древней римской республики почти вездѣ исчезли громадные прежде лѣса. Лавры, мирты, гранаты и оливки, привезенные греками, распространились по Италіи въ эпоху Діадоховъ. Изъ Сициліи былъ перенесенъ кипарисъ во время покоренія Тарента римлянами. Платаны и итальянская сосна, привезенные съ Востока, начали распространяться лишь въ концѣ римской республики. Вишни появились впервые во времена Августа. Въ III вѣкѣ по Р. Х. появились лимонныя деревья; тутовыя деревья и каштаны—въ IX вѣкѣ; въ XI вѣкѣ арабы перенесли сюда померанецъ; въ XVI вѣкѣ португальцы привезли въ Лиссабонъ изъ южнаго Китая апельсины, которые тогда же перешли въ Италію; въ половинѣ XIX вѣка перевезены сюда мандарины. Въ XV столѣтіи изъ Египта былъ перенесенъ рисъ; въ началѣ XVI вѣка изъ Америки перенесенъ маисъ. Въ XIX вѣкѣ перешли сюда: алое, агавы, опунтіи и магноліи. Передъ милліонами этихъ растеній быстро отступали и наконецъ совершенно исчезли растенія, прежде господствовавшія въ странѣ — и нынѣ почти невозможно найти въ этомъ блестящемъ обществѣ южныхъ растеній хотя-бъ одинокую сосну, ель или пихту. Такъ рѣшительно измѣнился характеръ флоры и вся физіономія страны. Трудно найти достаточно громкія слова для того, чтобы достойно подчеркнуть громадность описаннаго переворота. Чтобы вполнѣ уразумѣть глубину его значенія—нужно вспомнить, что каждая древесная порода имѣетъ своихъ, къ ней пріуроченныхъ животныхъ, преимущественно насѣкомыхъ и птицъ, и что съ исчезновеніемъ цѣлаго ряда растительныхъ породъ долженъ былъ исчезнуть цѣлый міръ животныхъ.

Въ предшедшемъ я крупными штрихами набросалъ картину, показывающую, какъ глубоко можетъ измѣниться характеръ растительности цѣлой страны *въ теченіе историческаго періода*, на глазахъ человѣка, оставившаго намъ его рукою написанные документы почти для каждаго вновь вторгающагося растенія. По прошествіи 27 столѣтій не осталось почти слѣдовъ отъ прежней господствовавшей флоры. Такія явленія совершаются повсемѣстно и въ настоящее время. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки насчитываютъ теперь *болѣе семисотъ видовъ* различныхъ европейскихъ растеній, перешедшихъ туда въ теченіе короткаго періода четырехъ вѣковъ.

Какъ ни громаденъ вышеописанный переворотъ, свершившійся во флорѣ нѣкоторой страны, мы, углубляясь въ лѣтописи природы, можемъ отыскать примѣры еще болѣе глубокихъ и рѣшительныхъ измѣненій, совершившихся также на глазахъ человѣка, хотя и независимо отъ его вліянія. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ были найдены въ сѣверной Швейцаріи пещеры, служившія убѣжищемъ или жилищемъ для первобытнаго человѣка, троглодита. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ пещеръ первобытный обитатель ихъ сложилъ рядомъ со своими собственными костями и дѣлами рукъ своихъ — кости многихъ животныхъ, обитавшихъ въ странѣ вмѣстѣ съ нимъ. Вода занесла иломъ эти склады костей сохранила для насъ такимъ образомъ краснорѣчивую лѣтопись о фаунѣ, одновременно съ первобытнымъ человѣкомъ населявшей нѣкоторую часть Европы въ ту отдѣленную эпоху, когда человѣкъ только что начиналъ утверждать свое господство надъ землею. Изъ числа этихъ пещеръ пріобрѣла особую знаменитость одна, въ Тайингенѣ, близъ Шафгаузена. Изслѣдованіе многочисленныхъ костей, собранныхъ въ этой пещерѣ, показало, что первобытный человѣкъ жилъ въ этомъ уголкѣ западной Европы окруженный совершенно другимъ обществомъ животныхъ чѣмъ то, которое мы теперь здѣсь видимъ. Изученіе этихъ костей открываетъ предъ нами слѣдующую картину: Въ лѣсахъ тогдашней Швейцаріи паслись большими стадами нынѣ совершенно вымершіе *туры* (Bos primigenius) и первобытные, также вымершіе, *зубры* (Bison priscus). Рядомъ съ ними ходили стадами *сѣверные олени*, теперь обитающіе лишь въ отдаленныхъ полярныхъ странахъ Европы и Азіи, а также *мускусные быки*, теперь встрѣчающіеся исключительно въ Гренландіи и въ полярныхъ странахъ Америки. *Каменный козелъ* и *серна* спускались съ предгорій Альпъ, вмѣстѣ съ благороднымъ *оленемъ*. Въ открытыхъ мѣстахъ водились косяки *дикихъ лошадей*, въ позднѣйшую эпоху встрѣчавшихся только въ степяхъ средней Азіи.

Этотъ рядъ травоядныхъ млекопитающихъ, въ которомъ стоитъ еще упомянуть о *суркѣ* и *альпійскомъ зайцѣ*, завершался *мамонтомъ* и, также какъ этотъ, нынѣ уже вымершимъ *носорогомъ* (Rhinoceros tichorhinus), близкія которымъ формы живутъ теперь въ Остъ-Индіи и Африкѣ.

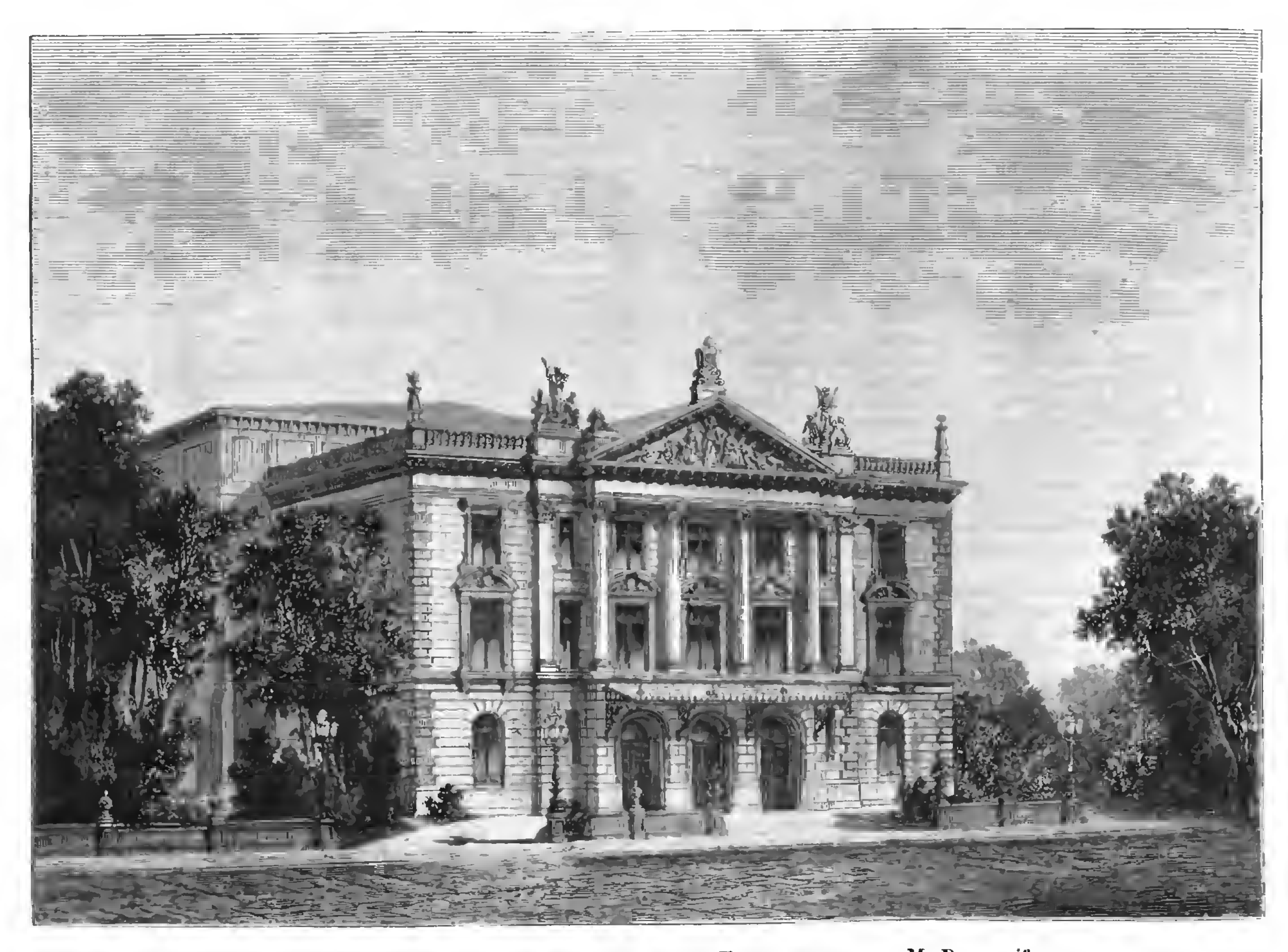
Всѣхъ этихъ животныхъ преслѣдовали многочисленныя хищныя млекопитающія. Кромѣ *волка*, *лисицы*, *дикой кошки* и *медвѣдя*, присутствіе которыхъ здѣсь не поражаетъ насъ удивленіемъ (хотя теперь ни волкъ, ни медвѣдь въ Швейцаріи уже не встрѣчаются), въ лѣсахъ тогдашней Швейцаріи водились: *россомаха* и *песецъ*, теперь живущіе лишь въ странахъ арктическаго пояса; *львы*—теперь обитающіе въ Африкѣ, и *красная лисица* Сѣверной Америки.

Жителю современной Швейцаріи трудно вообразить себѣ столь странную и пеструю фауну его родины. Какъ будто на-

рочно сошлись сюда самыя характерныя формы млекопитающихъ изъ разныхъ мѣстъ земнаго шара, чтобы сложить свои кости въ маленькой пещерѣ Тайингена. Слоны и носороги тропической Азіи; львы Африки; мускусные быки арктической Америки; сѣверные олени и песцы полярной Европы и Азіи; туры и зубры средней Европы и лошади среднеазіятскихъ степей,—сошлись вмѣстѣ въ лѣсахъ и на полянахъ сѣверной Швейцаріи, какъ-бы нарочно затѣмъ, чтобы представиться здѣсь будущему властителю земли, на зарѣ возникающей культуры. И нѣсколько вѣковъ такое, теперь уже невозможное, общество жило здѣсь вмѣстѣ, пока новыя условія не разогнали по разнымъ частямъ свѣта болѣе или менѣе измѣнившихся потомковъ этихъ животныхъ. На мѣсто фауны столь богатой оригинальными формами стала та фауна млекопитающихъ, которая намъ теперь извѣстна въ Швейцаріи или въ средней Европѣ вообще. Несомнѣнно, что такое измѣненіе швейцарской фауны представляется еще гораздо болѣе значительнымъ и глубокимъ, нежели вышеописанное измѣненіе флоры сѣверной Италіи. Оно именно потребовало длиннаго промежутка времени, многихъ тысячелѣтій, тогда какъ послѣднее свершилось въ теченіе сравнительно короткаго періода времени 27 вѣковъ. Но общею чертою для обоихъ родовъ явленій служитъ то, что оба они совершались *на глазахъ человѣка*.

Можно-бы привести еще много, правда менѣе грандіозныхъ, примѣровъ, доказывающихъ существованіе постоянной перестановки формъ живой природы, постоянное передвиженіе и измѣняющееся смѣшеніе ихъ въ короткіе періоды времени. Но ограничусь вышеизложеннымъ, ибо оно достаточно убѣждаетъ насъ въ томъ, что живая природа, окружающая человѣка, глубоко измѣнялась во время существованія его на землѣ. Такія измѣненія происходятъ и теперь, въ настоящее время, и, зная предшедшее, мы получаемъ возможность видѣть и разумѣть ихъ. Мы понимаемъ теперь, что на глазахъ нашихъ свершающееся исчезновеніе напр. волка, медвѣдя и другихъ животныхъ въ нѣкоторой странѣ; постоянное уменьшеніе стада зубровъ; вырубаніе лѣсовъ; осушеніе болотъ; выписка новыхъ породъ культурныхъ растеній; внезапный прилетъ какихъ-нибудь прежде небывалыхъ здѣсь птицъ;—что все это суть явленія, имѣющія значеніе отдѣльныхъ звеньевъ того длиннаго ряда фактовъ, который, совершаясь на нашихъ глазахъ, приведетъ наконецъ, чрезъ нѣкоторый длинный промежутокъ времени, къ глубокому измѣненію въ характерѣ фауны и флоры данной страны, подобному тому, какое мы разсказали относительно Италіи и Швейцаріи.

Каково будетъ это измѣненіе? каковы его отдѣльныя фазы?—мы не знаемъ и не можемъ предвидѣть. Для насъ здѣсь важно было лишь установить самый фактъ такого постояннаго измѣненія въ населеніи страны, на глазахъ и подъ вліяніемъ самого человѣка.



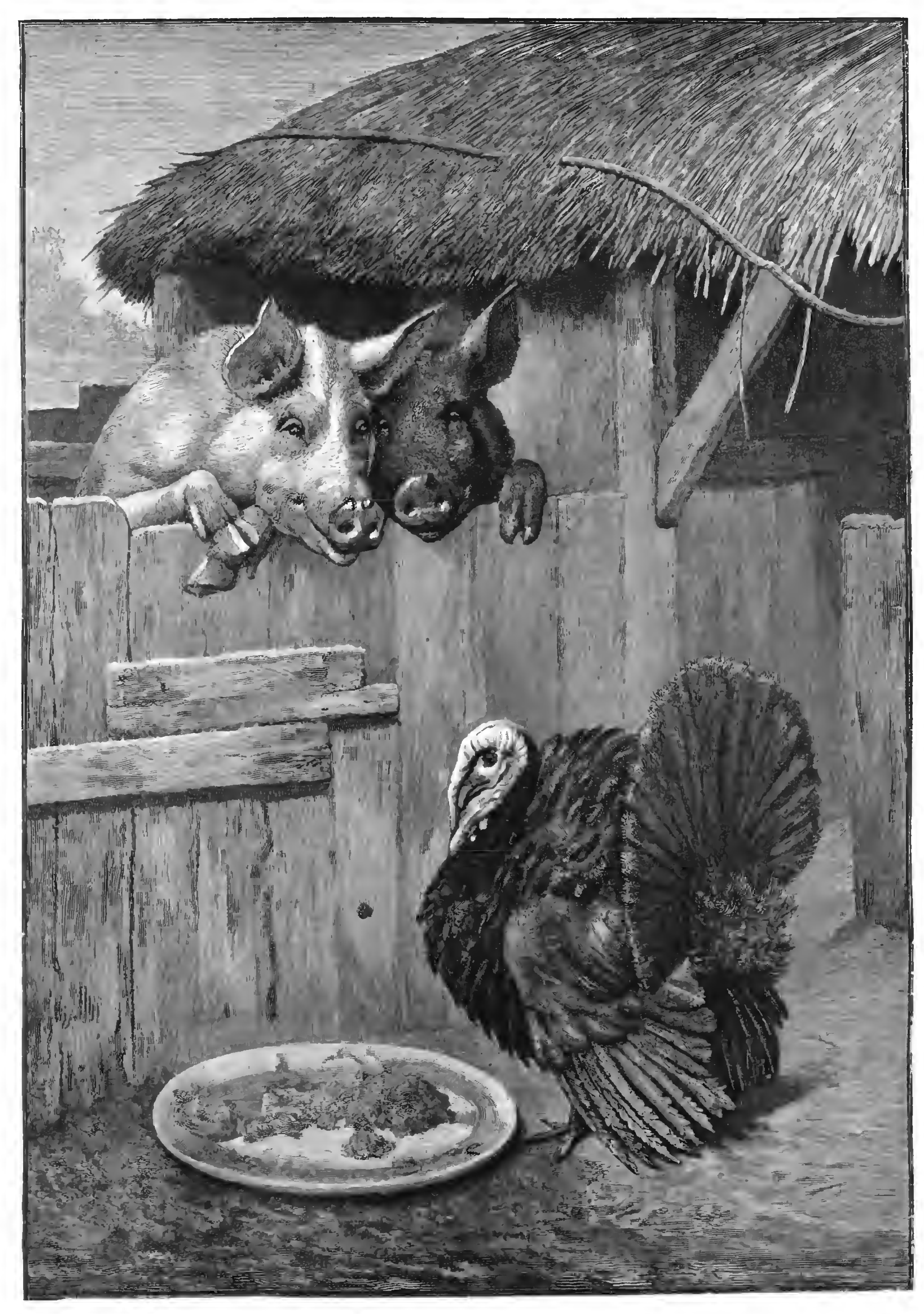
Новый театръ Л. Барная въ Берлинѣ. Съ фотогр. Тиценталера, грав. М. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

Шахматная партія. (Рис. на стр. 152).

Молодой русскій художникъ, Оскаръ Фрейвиртъ-Лютцовъ, родился 28 апрѣля 1862 года, получалъ первоначальное образованіе большею частію дома, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, затѣмъ кончилъ курсъ въ Штутгартской гимназіи и въ 1879 году поступилъ въ Боннскій университетъ, гдѣ изучалъ естественныя науки. Въ 1882 году онъ отправился въ Парижъ, съ цѣлью посвятить себя живописи, которая влекла его съ дѣтства, и тамъ изучалъ это искусство подъ руководствомъ Бугеро и Тони-Робера Флери. Въ 1884 году онъ предпринялъ поѣздку въ Римъ для изученія тамошнихъ сокровищницъ искусства, но вынужденъ былъ покинуть вѣчный городъ ранѣе предположеннаго срока, вслѣдствіе маларіи. Съ 1884 года онъ основался въ Мюнхенѣ, гдѣ и донынѣ работаетъ самостоятельно. Его привязанность къ Россіи высказалась между прочимъ въ томъ, что онъ устроилъ себѣ мастерскую въ стилѣ русской избы, которая скоро стала предметомъ удивленія во всемъ городѣ. Уже въ 1883 году работы только что кончившаго университетскій курсъ художника обратили на него всеобщее вниманіе; въ Парижѣ даже прозвали его „русскимъ Мейсонье". Мастерская его всегда полна заказчиковъ и посѣтителей, въ числѣ коихъ нерѣдко бываетъ и баварскій принцъ-регентъ.

Прилагаемая гравюра съ извѣстной картины молодаго художника, изображаетъ двухъ шахматныхъ игроковъ, изъ которыхъ старшій совершенно погруженъ въ обдумываніе своего хода.



Ходитъ спѣсь надуваючись... Рис. Виксъ, грав. Рашевскій.

Продавщица цвѣтовъ въ Вильнѣ. (Рис. на стр. 153).

Помѣстивъ въ № 4 нашего журнала одинъ изъ типовъ Вильны, мы печатаемъ на стр. 153 нынѣшняго нумера рисунокъ, изображающій хорошо знакомую жителямъ этого города фигуру продавщицы весеннихъ цвѣтовъ. Молодая, миловидная дѣвушка предлагаетъ прохожимъ купить букетики цвѣтовъ, распустившихся раннею весною въ окрестностяхъ Вильны.

Незнакомая тетя. (Рис. на стр. 157).

Дѣти значительно меньше взрослыхъ отличаются одно отъ другаго своимъ характеромъ. Чаще всего различіе между ними является отраженіемъ окружающихъ людей и обстановки, посреди которой имъ приходится жить. Въ большихъ или открыто живущихъ семьяхъ, гдѣ они постоянно бываютъ окружены другими дѣтьми и взрослыми, они обыкновенно привѣтливы и легко знакомятся съ новыми лицами. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ дѣти чаще всего бываютъ нелюдимыми, боязливыми.

На нашей гравюрѣ маленькая дѣвочка, не изъ бойкихъ, чуждается незнакомой тети. Послѣ увѣщаній матери, она недовѣрчиво протягиваетъ ей свою ручепку и смотритъ изподлобья куда-то въ сторону. Мать осторожно старается приблизить свою крошку къ гостьѣ, которая также уговариваетъ не быть букой. Эту привлекательную сценку талантливая кисть Фоглера изобразила посреди роскошной обстановки временъ Возрожденія.

Набѣгъ. (Рис. на стр. 160).

На горы ложится вечерній туманъ.
Опасной дорогой идетъ караванъ.
Богатыхъ товаровъ несмѣтныя груды
Несутъ, утомленные за-день, верблюды;
При свѣтѣ вечернемъ подобны тѣнямъ,
Ступаютъ они тяжело по камнямъ.
И всѣ въ караванѣ безмолвны, угрюмы,
Невольно гнетутъ ихъ зловѣщія думы,
Какимъ-то предчувствіемъ сжаты сердца...
Пустынной полянѣ не видно конца.
Какъ только послѣдній верблюдъ каравана
Исчезъ въ отдаленьи, за дымкой тумана,—
Покинувъ засаду въ угрюмыхъ горахъ,
Примчались туркмены на рѣзвыхъ коняхъ.
Ихъ черныя очи блестятъ какъ зарница,
И алчностью дышатъ ихъ смуглыя лица;
О, хищныя птицы туркменской земли,
Давно ужь они караванъ стерегли!
Давно сговорились они о набѣгѣ,
Рѣшили настичь караванъ на ночлегѣ...
Вотъ, выслѣдивъ путь,—подъ защитою мглы,—
Несутся, несутся степные орлы...
Увы, каравану пощады не будетъ—
Ужь скоро молчанье пустыни пробудятъ
И вопли, и стоны, и ржанье коней,
И хохотъ, и яростный крикъ дикарей
Въ пылу возростающей ссоры горячей,
Совсѣмъ опьяненныхъ кровавой удачей. **П. Б.**

Бурунъ на островѣ Цейлонѣ. (Рис. на стр. 161).

Въ ясные тихіе дни волны морей и океановъ прибиваются къ берегамъ, журчатъ, играютъ и плещутся у скалъ. Вода то наступаетъ на берегъ, то отливаетъ; слѣдующая волна борется съ приливомъ въ безконечной борьбѣ. Чѣмъ сильнѣе вѣтеръ, тѣмъ болѣе угрожающій характеръ принимаетъ послѣдняя волна у берега: озлобленная препятствіемъ отлива, она принимаетъ характеръ водяной пасти, которая такъ часто поглощаетъ людей и шлюпки.

Послѣднія неправильныя волны у берега носятъ названіе буруна. Бурунъ тѣмъ и опасенъ, что подбираетъ подъ себя—и пловцу, разъ въ него попавшему, трудно изъ него выбраться; остается лишь одно средство: опуститься и ползти по дну до берега.

Индійскія шлюпки, выходящія недалеко въ океанъ отъ острова Цейлона, строятся съ противовѣсами, чтобы избѣгнуть опасности быть перевернутыми вверхъ дномъ. Дѣло все въ томъ, что при неправильныхъ волнахъ океана шлюпка неудержимо быстро несется къ берегу поступательнымъ движеніемъ волны; кормчему надо быть очень зоркимъ: задняя волна старается догнать и залить шлюпку, а передняя старается поставить ее поперекъ этого страшилища. Малѣйшій промахъ въ управленіи шлюпкою—и все потеряно. Кормчаго не должны смущать ни клокотаніе волны, ни пѣнистыя вершины, надъ которыми онъ несется. Разъ шлюпка коснулась берега, тотчасъ ее тащатъ дальше отъ воды; иначе она будетъ разбита слѣдующимъ валомъ.

Рисунокъ представляетъ одинъ изъ моментовъ путешествія въ окрестностяхъ Point-de-Gall'я на Цейлонѣ: компанія путешественниковъ спасается отъ засвѣжѣвшаго въ океанѣ муссона. Шлюпка вступила на послѣднюю опасную волну, которая ставитъ ее чуть не вертикально. Передняя волна разсыпается, а сзади угрожающею стѣною надвигается слѣдующій валъ. Отчаянно-отважно стоитъ индіецъ на противовѣсѣ, въ готовности, съ первымъ прикосновеніемъ къ берегу, тащить челнокъ дальше отъ волнъ. Послѣднее исполняется индійцемъ съ кошачьей ловкостью и съ быстротою. Дамы сидящія въ шлюпкѣ даже не ощутятъ испуга, такъ быстро совершится ихъ выходъ на берегъ; опасность будетъ ими сознана лишь впослѣдствіи. Внѣ буруна, по правильнымъ волнамъ океана, движутся вдали два парохода.

Берлинскій театръ. (Рис. на стр. 164).

Недавно Берлинъ украсился еще однимъ красивымъ зданіемъ. 2 сентября прошлаго года былъ открытъ Берлинскій театръ, перестроенный изъ прежняго театра „Валгалла", въ которомъ нѣкогда царила веселая оперетка. Новый храмъ музъ какъ своею внѣшностію, такъ и родомъ представленій, значительно отличается отъ прежняго. Берлинскій театръ перестроенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ что производитъ впечатлѣніе великолѣпнаго новаго зданія. Сцена значительно увеличена и снабжена всѣми новѣйшими усовершенствованіями театральнаго дѣла. Лѣстницы, коридоры и входы расширены; вестибюль отдѣланъ съ большимъ вкусомъ; великолѣпный фойе расположенъ въ самомъ нижнемъ этажѣ. Зрительная зала богато украшена живописью и роскошно декорирована, партеръ приподнятъ, помѣщеніе для оркестра опущено, при этомъ весь театръ освѣщенъ электричествомъ. Что касается внѣшняго вида, то о немъ можно судить по гравюрѣ, помѣщенной на стр. 164. Словомъ, этотъ Берлинскій театръ можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ возможности передѣлать старое театральное зданіе въ новый роскошный театръ. Но лучшимъ украшеніемъ его является труппа, составленная изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ артистовъ. Во главѣ ея стоитъ хорошо извѣстный столичнымъ посѣтителямъ нѣмецкаго театра, даровитый Лудвигъ Барнай. Его окружаетъ цѣлая плеяда прекрасныхъ артистовъ, среди которыхъ встрѣчаются знакомыя имена Клары Циглеръ, Фридриха Газе, Гедвиги Ниманъ-Раабе и др.

Ходитъ спѣсь надуваючись... (Рис. на стр. 165).

Англійскіе художники отличаются большимъ юморомъ при изображеніи домашнихъ животныхъ,—и это совершенно естественно въ виду того обширнаго поля для наблюденій, какое представляетъ мѣстная культура всевозможныхъ породъ скота и птицъ, доведенная до спорта, чтобъ не сказать до художественности. Посмотрите, съ какимъ искусствомъ передана г. Виксомъ основная характеристическая черта надутаго, расфуфыреннаго индюка—его ни съ чѣмъ несравнимая спѣсь и равнодушно-ироническое отношеніе къ ней со стороны двухъ свидѣтелей, любующихся на него черезъ заборъ.

А. Н. Паншинъ. Извѣстный русскій конькобѣжецъ. (Портр. на стр. 172).

Нынѣшняя зима надолго останется въ памяти у русскихъ конькобѣжцевъ. Одинъ изъ нихъ, Александръ Никитичъ Паншинъ, ѣздилъ за границу, чтобы помѣряться тамъ силами съ лучшими конькобѣжцами Европы, Англіи и Америки—и повсюду, гдѣ пришлось ему встрѣтиться съ ними, онъ былъ побѣдителемъ. На международныхъ состязаніяхъ въ Амстердамѣ, Вѣнѣ и Прагѣ онъ опережалъ всѣхъ своихъ соперниковъ на дистанціяхъ до $1\frac{1}{2}$ верстъ и, по справедливости, долженъ быть признанъ самымъ быстрымъ конькобѣжцемъ въ свѣтѣ на короткія разстоянія, какъ это замѣчаетъ въ *Field*'ѣ предсѣдатель союза англійскихъ конькобѣжцевъ Гудманъ Невиль.

Еще не такъ давно въ Петербургѣ скорый бѣгъ на конькахъ, какъ особый видъ спорта, совсѣмъ былъ неизвѣстенъ. Хотя ежегодно зимою на прудахъ Юсупова сада устраивались бѣга на скорость, но вслѣдствіе неудобства мѣста для состязаній и въ особенности по причинѣ того, что на скорость бѣгали на тѣхъ-же конькахъ на которыхъ выписывали фигуры на льду, быстрота бѣга была сравнительно незначительною и ею мало занимались. Только послѣ посѣщенія Петербурга норвежскими конькобѣжцами, братьями Паульсенъ, въ 1886 году произошелъ переворотъ въ этомъ родѣ спорта. Младшій изъ нихъ, Аксель, уже давно былъ извѣстенъ за границею не только какъ искусный конькобѣжецъ на фигуры, но и какъ замѣчательный по быстротѣ бѣгунъ на конькахъ. Посѣтители Юсупова сада въ Петербургѣ могли воочію убѣдиться въ томъ. Его манера бѣгать, а въ особенности коньки „для бѣга на скорость", совершенно отличные по виду и устройству отъ коньковъ „для катанья на фигуры", обратили на себя всеобщее вниманіе и вызвали не мало подражателей. Однимъ изъ нихъ былъ А. Н. Паншинъ, который въ настоящее время далеко превзошелъ въ быстротѣ свой прототипъ. Катаясь часто и прилежно не болѣе 4—5 зимъ, онъ достигъ на конькахъ большаго совершенства. Въ годъ пріѣзда Паульсеновъ, г. Паншинъ во время состязанія въ Юсуповомъ саду пробѣжалъ 1 англ. милю или 754 саж. 2 ф., первымъ изъ 3 соперниковъ, въ 3 мин. $53\frac{4}{5}$ сек. Тщательная подготовка и особые коньки „на скорость" дали возможность Паншину увеличить эту скорость въ слѣдующемъ году болѣе чѣмъ на 22 сек., причемъ имъ былъ побѣжденъ лучшій скороходъ Финляндіи Ю. Ф. Бальчевскій, замѣчательно сильный и выносливый конькобѣжецъ на большія разстоянія. Послѣ такого успѣха г. Пан-

шинъ рѣшилъ попробовать свои силы на заграничныхъ состязаніяхъ и отправился съ этою цѣлью слѣдующею зимою въ Вѣну.

Тамъ, 27 декабря 1887 года, онъ одержалъ блестящую побѣду надъ лучшими австрійскими конькобѣжцами, опередивъ перваго изъ нихъ, Альфреда Блаттера, на 17 секундъ. Наградой побѣдителю было званіе быстрѣйшаго конькобѣжца въ Австріи, но особенно льстило самолюбію г. Паншина то обстоятельство, что онъ пробѣжалъ 1 милю въ 3 мин. 35 сек., или на $^{3}/_{5}$ сек. скорѣе чѣмъ могъ это сдѣлать на томъ-же мѣстѣ въ Вѣнѣ Аксель Паульсенъ въ 1882 году. Дальнѣйшія появленія г. Паншина на состязаніяхъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Гельсингфорсѣ были продолженіемъ ряда побѣдъ его. Обязанный по правиламъ вѣнскаго общества конькобѣжцевъ трижды остаться побѣдителемъ, чтобы имѣть право сохранить за собою особый почетный знакъ, выдаваемый быстрѣйшимъ конькобѣжцамъ на состязаніяхъ въ Вѣнѣ, А. Н. Паншинъ особенно старательно приготовлялся къ Вѣнскому состязанію нынѣшней зимы. Его подготовка еще болѣе усилилась, когда въ Петербургѣ стало извѣстнымъ, что Амстердамскій спортовый клубъ, при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи извѣстнаго спортсмена барона де-Салиса, собирается устроить трехдневныя состязанія на820 конькахъ и на нихъ приглашены лучшіе конькобѣжцы Европы и Америки. Слухи эти оправдались—и бывшія въ Амстердамѣ состязанія 27, 28 и 29 прошлаго декабря можно признать небывалымъ событіемъ въ области спорта на конькахъ. Въ первый день состязанія на полъ-милю побѣдителемъ оказался нашъ землякъ, А. Н. Паншинъ, пробѣжавшій разстояніе съ небывалою до того скоростью въ 1 минуту $24^{3}/_{5}$ сек. На другой день онъ снова былъ первымъ, причемъ побѣдилъ самаго быстраго изъ своихъ соперниковъ, американца Джо Доногю, сдѣлавъ 1 милю въ 2 мин. $58^{3}/_{5}$ сек. Но въ третій и послѣдній день, въ состязаніи на 2 мили, Доногю оказался на перебѣжкѣ быстрѣе Паншина, и опередилъ его на 7 секундъ. Послѣ этого состязанія всѣхъ интересовалъ вопросъ, кто изъ нихъ быстрѣе. Поэтому можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалось извѣстіе изъ Вѣны, куда отправились оба конькобѣжца на состязаніе. Въ день Новаго Года оба они приняли въ немъ участіе и побѣдителемъ снова оказался А. Н. Паншинъ. Изъ Вѣны г. Паншинъ отправился въ Прагу, гдѣ состязался безъ опасныхъ для себя соперниковъ, такъ какъ г. Доногю былъ въ это время въ Гамбургѣ. Всѣ эти побѣды и главнымъ образомъ замѣчательная быстрота, выказанная г. Паншинымъ на состязаніяхъ, навсегда сохранятся въ лѣтописяхъ спорта, а молодость его и замѣчательная энергія даютъ надежду, что онъ не остановится въ своемъ усовершенствованіи и еще многіе годы съ честью и славой будетъ высоко держать знамя побѣды на скользкомъ пути русскаго конькобѣжца.

Русская духовная миссія въ Абиссинію.

(Портреты и рисунки на стр. 168 и 169).

Читателямъ „Нивы“ уже извѣстно о первой русской духовной миссіи, недавно отправившейся въ Абиссинію. Считаемъ необходимымъ остановиться нѣсколько подробнѣе какъ на самой миссіи, такъ и на ея выдающихся представителяхъ: начальникѣ миссіи, о. архимандритѣ Паисіи, и сопровождающемъ ее въ качествѣ вождя добровольцевъ-конвоировъ — извѣстномъ вольномъ казакѣ Н. И. Ашиновѣ.

Отецъ архимандритъ Паисій, еще недавно смиренный схимонахъ Аѳонскаго Пантелеймоновскаго монастыря, нынѣ начальникъ первой русской духовной миссіи, отправившейся въ Абиссинію, — родомъ изъ Оренбургскихъ казаковъ, въ ряду которыхъ онъ и прошелъ недолгое свое боевое поприще. Щадя скромность о. Паисія, мы умолчимъ о невидномъ первомъ періодѣ его иночества на Аѳонѣ — о годахъ его искуса; на болѣе видномъ поприщѣ о. Паисій появляется лишь съ назначеніемъ его настоятелемъ или строителемъ Пантелеймоновскаго подворья въ Царьградѣ. Смиренные аѳонскіе старцы, давая такое важное въ ихъ глазахъ назначеніе сравнительно еще молодому монаху, явно доказали тѣмъ, какъ оцѣнили они природный умъ, смѣтливость и дарованія о. Паисія. Съ назначеніемъ въ Константинополь, новый строитель принимается въ буквальномъ смыслѣ за строительство, и почти цѣлыхъ двадцать послѣдующихъ лѣтъ не сходитъ со своего поста, созидая скромное, но настоящее русское дѣло.

Неусыпными трудами, безъ особыхъ денежныхъ средствъ, о. Паисій прежде всего воздвигъ огромное пятиэтажное подворье, которое скоро обратилось въ великую русскую странноиріимницу или, скажемъ болѣе, настоящій своеобразный русскій центръ въ Царьградѣ. Кто знаетъ Константинополь, особенно тотъ адъ что зовется Галатою и куда попадаетъ прежде всего съ парохода каждый европеецъ, посѣщающій Царьградъ, — тотъ пойметъ, какую огромную услугу оказывалъ о. Паисій, организуя пріемъ и уходъ для каждаго русскаго, особенно для простаго сѣраго нашего паломника, снимая его прямо съ парохода, проводя черезъ турецкую таможню, давая ему пріютъ, угощеніе, пищу и даровую услугу, въ какой-бы формѣ она ни понадобилась; чисто подъ материнскимъ крылышкомъ считаетъ себя простой русскій паломникъ, какъ только послѣ сутолоки пароходной жизни и Галатской суеты очутится среди добрыхъ батюшекъ, заботящихся о немъ, какъ о родномъ. Монахи не только пріютятъ, но и выводятъ его по всѣмъ святынямъ Константинополя, а потомъ посадятъ на пароходъ и отправятъ дальше, куда слѣдуетъ. Всѣмъ этимъ обязаны паломники о. Паисію, который ежегодно тысячъ отъ 4 до 6 пропускалъ ихъ черезъ свои отеческія руки. Со всѣми-то онъ поговоритъ, всякаго утѣшитъ, иному и денегъ на дорогу дастъ, и все это единственно ради добраго сочувствія къ нуждамъ заброшеннаго въ Туретчину русскаго простаго человѣка.

Но не однимъ простякамъ, а и всякому русскому человѣку былъ готовъ всегда помогать о. Паисій; и ученый, и воинъ, и монахъ, и новый консулъ, и купецъ, и туристъ—всѣ заглядывали въ гостепріимную келлію о. Паисія, зная, что отъ него услышатъ всегда добрый совѣтъ и получатъ посильную помощь. О. Паисій, въ теченіе всего своего пребыванія въ Константинополѣ, служилъ вполнѣ русскому дѣлу, въ какой-бы формѣ оно ни выражалось. Кромѣ самой разнообразной помощи каждому русскому, за что скажутъ ему спасибо десятки тысячъ русскихъ, посѣтившихъ въ послѣднія 20 лѣтъ Царьградъ, смиренный труженикъ ратовалъ и за такіе вопросы, которые повидимому не касались его скромной миссіи, но интересовали его, какъ доблестнаго русскаго патріота.

О. Паисій такимъ образомъ почти 20 лѣтъ стоялъ твердо на стражѣ русскихъ интересовъ у самыхъ вратъ Востока; его дѣло было маленькое, но онъ успѣлъ изъ малаго сдѣлать великое.

Но какъ ни доблестны подвиги о. Паисія въ мирное время, еще доблестнѣе было его служеніе русскому дѣлу во время послѣдней войны. Онъ не ушелъ тогда изъ Стамбула, хотя турки не разъ грозили ему смертью; какъ мужественный воинъ, онъ остался на своемъ посту и благополучно выдержалъ грозу до конца. Твердо и безтрепетно онъ исповѣдывалъ тогда русское имя, и не отрекался отъ него, какъ то дѣлали другіе православные, къ ихъ вѣчному позору и стыду. Въ то время, когда русское оружіе терпѣло неудачи, о. Паисій громко молился о дарованіи ему побѣды, не боясь бѣснованія турокъ и доносовъ грековъ, служившихъ тогда, какъ говорятъ, благодарственные молебны. Такъ же громко и радостно въ своей церкви праздновалъ о. Паисій русскія побѣды и пораженіе турокъ, хотя это ежечасно угрожало ему лютою смертью. Страшные дни пережилъ о. Паисій, когда русская армія шла быстро къ Босфору; взбѣшенные турки клялись разорить ненавистное имъ русское подворье, гдѣ ликовали по поводу побѣдоноснаго шествія русскихъ войскъ. Не боялся о. Паисій идти и къ русскимъ плѣннымъ, привезеннымъ въ Константинополь; въ то время, когда отъ нихъ отвертывались даже православные греки и болгары, о. Паисій не только утѣшалъ ихъ словомъ, но и помогалъ имъ чѣмъ могъ, не боясь навлечь на себя новую злобу мусульманъ. А когда пришла и остановилась у воротъ Стамбула побѣдоносная армія Русскаго Царя, о. Паисій какъ будто забылъ о своемъ санѣ и, вспоминая свою прежнюю казацкую удаль, готовъ былъ служить проводникомъ для русскихъ колоннъ въ случаѣ штурма Стамбула.

О. Паисій, не смотря на свои преклонные уже годы и немощи тѣлесныя, самоотверженно взялъ на себя тяжелый и отвѣтственный постъ строителя и начинателя русской миссіи въ Абиссиніи и возгорѣлся снова, какъ юноша, сердцемъ и душою, готовый всецѣло отдаться новому, великому и святому дѣлу. Знакомый давно съ „казакомъ“ Ашиновымъ, которому онъ не мало помогалъ въ Константинополѣ, о. Паисій принялъ предложеніе „атамана“ и его казаковъ отправиться вмѣстѣ съ миссіей въ невѣдомую страну. Благодаря сочувствію выдающихся іерарховъ Россіи, дѣло Абиссинской миссіи было рѣшено, и о. Паисій съ благословенія Святѣйшаго Синода былъ поставленъ во главѣ этой послѣдней и рукоположенъ въ архимандриты. Лучшаго выбора, по нашему мнѣнію, не могъ сдѣлать Святѣйшій Синодъ, потому что только въ о. Паисіи можно найти монаха-подвижника, труженика, созидателя, борца за русскую идею, человѣка огромной практической подготовки, казака душою и пастыря, знающаго и понимающаго Востокъ.

Передъ Рождествомъ миссія о. Паисія, собравшаяся въ Одессѣ, сѣла на пароходъ „Корниловъ“ и отправилась въ Александрію. Въ составъ ея, кромѣ монаховъ и пѣвчихъ, вошло до 150 человѣкъ обоего пола, по большей части казаковъ и притомъ людей знающихъ то или другое ремесло. Миссія забрала съ собою и все нужное для устроенія православнаго храма въ Абиссиніи. Въ Константинополѣ турки, напуганные молвою говорившею о 2,000 русскихъ казаковъ, пробирающихся въ Абиссинію, оцѣпили пароходъ, на которомъ находилась миссія. Въ Портъ-Саидѣ о. Паисія встрѣтила депутація изъ архимандрита, пяти іеромонаховъ и одного военачальника, высланная негусомъ Іоанномъ навстрѣчу русской миссіи. Отъ Саида наша миссія зафрахтовала австрійскій пароходъ „Амфитриту“, который и долженъ ее доставить въ Таджурахскій заливъ. Ино-

странныя газеты сообщали недавно, что „Амфитрита“ прошла паралель Суакима и что за нею по пятамъ идетъ итальянская канонерка, которая имѣла цѣлью препятствовать высадкѣ миссіи на Африканскомъ берегу. Теперь наша миссія уже высадилась благополучно на берегахъ Африки, около французской колоніи Обока и мѣстечка Таджураха, и собирается идти въ самую Абиссинію черезъ землю данакилей, о въ немъ должно видѣть не только смѣлаго авантюриста, но и начальника русскихъ добровольцевъ, вызвавшихся на свой рискъ сопровождать духовную миссію до самаго царя Ивана (негуса Іоанна).

Въ послѣдніе годы газеты не мало говорили объ этомъ странномъ и не совсѣмъ понятномъ человѣкѣ, который съумѣлъ заинтересовать собою не только русское общество, но и часть

Архимандритъ Паисій. Съ фот. Лихтенберга, грав. Шюблеръ

Негусъ Іоаннъ (царь Иванъ) Абиссинскій. Грав. Пуцъ.

Расъ-Алула, военачальникъ Абиссинскаго негуса. Грав. Пуцъ.

Н. И. Ашиновъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже. Не смотря на благополучную высадку, о. Паисія и его неутомимаго помощника Н. И. Ашинова ждутъ впереди тяжелыя испытанія. Дай Богъ имъ преодолѣть всѣ эти препятствія и достигнуть своей завѣтной цѣли.

Что касается втораго представителя кучки русскихъ людей, пробирающихся въ Абиссинію, Николая Ивановича Ашинова, европейской публики. Такіе люди какъ Н. И. Ашиновъ, именующій себя „почетнымъ атаманомъ вольныхъ казаковъ“, составляютъ, такъ сказать, наслѣдіе прошлыхъ XVIII, XVII и XVI вѣковъ, когда смѣлые искатели приключеній добывали не только громкое имя, но и выдающееся положеніе.

Много чего объ Ашиновѣ передали въ печати, еще больше можно слышать о немъ всякихъ россказней; но, по правдѣ

сказать, фактическихъ данныхъ о прежней дѣятельности Ашинова такъ мало, что даже самые отъявленные враги, какъ и лучшіе его „дружки“ не могутъ представить ничего болѣе или менѣе вѣроятнаго. Да и не этими легендами онъ составилъ себѣ громкое имя, которымъ даже въ Европѣ пугаютъ тѣхъ, кто способенъ его бояться. Мы взглянемъ на него только съ той точки зрѣнія, на которую даетъ намъ право послѣдующая не безполезная дѣятельность Ашинова. Человѣкъ который заставилъ говорить о себѣ всю Россію, съ которымъ находятся въ перепискѣ Буланже, Деруледъ и M-me Аданъ, человѣкъ, имени котораго трепещутъ итальянскіе легіоны, стоящіе подъ Массовой, и котораго ожидаетъ самъ „великій негусъ“ Абиссиніи — далеко не такая заурядная личность, чтобы ее можно было игнорировать. Еще не далеко то время, когда итальянскіе броненосцы крейсировали передъ Массовой, освѣщая снопами электрическаго сіянія море, изъ боязни высадки вольныхъ казаковъ Ашинова; еще недавно итальянскіе военачальники опровергали оффиціально извѣстія о появленіи русскихъ казаковъ въ Абиссиніи для того, чтобы поддержать духъ въ своихъ трусливыхъ воинахъ, и недавно еще, какъ сообщали иностранныя газеты, итальянская канонерка конвоировала австрійскій пароходъ, на которомъ ѣхали о. Паисій, Н. И. Ашиновъ и его „казаки“. Н. И. Ашиновъ стоитъ нашего вниманія уже потому, что тѣмъ или другимъ способомъ онъ одинъ, самъ по себѣ, прикрываясь только грознымъ именемъ русскаго казака, привлекъ симпатіи извѣстной части русскаго общества, вызвалъ сочувствіе выдающихся людей Франціи, напугалъ итальянцевъ и турокъ и наконецъ такъ или иначе въ самой Абиссиніи, относившейся издревле съ симпатіями къ Россіи, разбудилъ стремленіе войти въ болѣе близкія отношенія съ этою послѣднею.

Женщина изъ племени данакиль.
Съ фотогр. грав. Флюгель.

Давно уже, полу-забытая міромъ, Абиссинія обращала свои взоры къ далекому и могучему сѣверному колоссу; нѣсколько разъ пріѣзжали въ Россію даже абиссинскія миссіи за пожертвованіями, но сношенія между обѣими христіанскими странами не стали оживленнѣе. Еще очень недавно негусъ Іоаннъ послалъ Русскому Царю драгоцѣнный золотой крестъ; въ прошломъ году небольшая абиссинская депутація явилась въ Россію для того, чтобы присутствовать при торжествѣ 900-лѣтія принятія русскими христіанства и тѣмъ заявить симпатіи далекаго Габеша къ великой Московіи.

Поѣздка вольнаго казака Н. И. Ашинова въ 1886 г., при всемъ своемъ полулегендарномъ характерѣ, не только подогрѣла симпатіи абиссинцевъ къ Россіи, но и въ русскомъ обществѣ возбудила интересъ къ этой далекой, интересной странѣ. Русскій народъ услыхалъ опредѣленно о малоизвѣстномъ африканскомъ народѣ, который исповѣдуетъ православіе, а русскіе люди старой вѣры увидали въ Абиссиніи настоящую христіанскую страну древняго благочестія и заинтересовались ею исключительно съ этой точки зрѣнія. Своими разсказами, переданными во всѣхъ русскихъ газетахъ, Н. И. Ашиновъ дѣйствительно заставилъ въ Россіи заговорить серьезно объ Абиссиніи. Какъ ни мечтательны казались его грандіозные планы объ утвержденіи тамъ русскаго вліянія при помощи вольныхъ казаковъ, но важнымъ практическимъ результатомъ всего этого оказалось поднятіе вопроса о русской духовной миссіи въ Абиссинію, къ которому сочувственно отнеслись Святѣйшій Синодъ и выдающіеся іерархи Россіи. Мы не говоримъ о конечной цѣли Ашинова, о его колонизаціонныхъ замыслахъ въ землѣ данакильцевъ и другихъ его предпріятіяхъ, но нѣтъ сомнѣнія, что въ дальнѣйшей установкѣ нашей миссіи въ Габешѣ онъ будетъ ея защитникомъ въ странѣ, гдѣ не вліяютъ никакія дипломатическія ноты, гдѣ нѣтъ ни одного консульскаго агента.

Въ послѣднее время не мало говорили о русской колоніи или казачьей станицѣ „Москва“, основанной Н. И. Ашиновымъ на берегахъ Таджурахскаго залива. У насъ нѣтъ пока никакихъ данныхъ, доказывающихъ ея дѣйствительное существованіе. Если никакой русской колоніи въ строгомъ смыслѣ и нѣтъ пока на берегахъ земли данакильцевъ, то въ настоящее время съ миссіею о. Паисія отправилось до 150 человѣкъ обоего пола, которыхъ достаточно въ самомъ дѣлѣ для устройства подобной колоніи вокругъ ядра, образуемаго духовною миссіею. Если смѣлые проекты Н. И. Ашинова будутъ выполнены хотя отчасти, тогда онъ будетъ вполнѣ достоинъ своей славы, которою его окружили его почитатели; если же „вольному атаману“ и не удастся болѣе сдѣлать ничего, то и тогда его вѣчною заслугою останется возбужденіе въ Россіи вопроса объ Абиссиніи и интереса къ этой послѣдней.

Мужчина изъ племени данакиль.
Съ фотогр. Ашинова, грав. Флюгель.

Такъ какъ въ настоящее время наша духовная миссія и кучка русскихъ добровольцевъ находится уже на берегахъ Африки и готовится идти большимъ караваномъ черезъ землю данакилей, то мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ и объ этихъ послѣднихъ.

Между Краснымъ моремъ и горными массивами Абиссиніи лежитъ страна данакилей или афаровъ, т. е. бродячихъ полудикихъ народцевъ, которые только отчасти признаютъ власть царей Абиссиніи. Народъ этотъ, распадающійся на массу отдѣльныхъ клановъ, интересенъ для насъ главнымъ образомъ потому, что черезъ землю его проходитъ дорога ведущая въ сердце Абиссиніи.

Мы не знаемъ, падетъ ли на данакилей просвѣтительная дѣятельность первой русской духовной миссіи въ Абиссиніи, но до настоящаго времени, они, несмотря на сосѣдство народовъ исповѣдующихъ единаго Бога, грубые идолопоклонники и боготворятъ даже деревья. Данакили—вообще рослые, стройные люди съ очень гибкими членами, темнымъ цвѣтомъ кожи, отчасти негритянскимъ обликомъ лица и богатою шевелюрою, которая заплетается въ массу мелкихъ косичекъ, не только у женщинъ, но и у мужчинъ. Обыкновенная одежда данакилей состоитъ изъ передника (разноцвѣтной матеріи) или плаща, часто замѣняемаго звѣриною шкурою, небрежно накинутою на плеча. Мужчины нерѣдко украшаютъ свои волосы страусовыми перьями, которыя служатъ доказательствомъ побѣды надъ врагомъ. Хотя данакили народъ дикій и свирѣпый, истреблявшій всѣхъ

своихъ враговъ, пытавшихся посягать на ихъ независимость, тѣмъ не менѣе ни одинъ европеецъ не проходилъ ихъ территорiи безъ того, чтобы они не чествовали его въ качествѣ гостя и не просили заключить съ ними союзъ братства крови. При проходѣ черезъ страну данакилей каждый караванъ уплачиваетъ извѣстную сумму денегъ начальникамъ племени, и тогда, благодаря даваемымъ ему проводникамъ и охраннымъ грамотамъ, можетъ безопасно совершать свой путь между моремъ и горами Абиссинiи. Русской миссiи придется тоже пробираться большимъ карваномъ черезъ землю данакилей, и дай Богъ, чтобы итальянцы, какъ сообщалось недавно въ газетахъ, не устроили посредствомъ золота какихъ-нибудь серьезныхъ препятствiй для горсти русскихъ при проходѣ ихъ черезъ страну данакилей. Путь этотъ все-таки довольно опасенъ, тѣмъ болѣе что отъ моря до Абиссинiи придется пройти по странѣ афаровъ или данакилей по крайней мѣрѣ около 400 верстъ. Быть можетъ, царь Иванъ, его военачальникъ Расъ-Алула, или правитель Шоа Менеликъ, по нѣкоторымъ извѣстiямъ ожидающiе прибытiя русской духовной миссiи, вышлютъ навстрѣчу ей свой эскортъ, и тогда путь о. Паисiя и Н. И. Ашинова черезъ землю данакилей будетъ совершенъ благополучно.

„Царь царей" негусъ-негестъ Iоаннъ и полководецъ его Расъ-Алула — вице-король области Тигрэ—самые выдающiеся люди современной Абиссинiи.

Негусъ Iоаннъ, ранѣе правитель Тигрэ, лишь въ 1870 году (вскорѣ послѣ ухода англичанъ, низложившихъ Ѳеодора), побѣдивъ своихъ противниковъ, сталъ царемъ царей Эѳiопiи. Почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ онъ правитъ феодальною Абиссинiею и не только съумѣлъ управиться съ непокорными вассалами, но и заставилъ всѣхъ сосѣдей уважать Абиссинiю. Съ Европою царь Иванъ тоже умѣетъ ладить, и потому справедливо стяжалъ славу искуснаго дипломата. Посвятивъ первые годы своего царствованiя умиротворенiю страны, потрясенной въ послѣднiе годы владычества Ѳеодора, онъ въ 1875 г. противъ воли долженъ былъ вступить въ борьбу съ могущественнымъ Египтомъ, покусившимся на независимость Эѳiопiи. Казалось бы, что ослабленная внутренними безпорядками Абиссинiя не можетъ бороться съ цвѣтущимъ Египтомъ; напрасно негусъ обращался съ просьбою о помощи къ Англiи и Францiи, а въ 1874 г. пробовалъ даже войти въ сношенiя съ Россiею, но не добившись ни откуда даже простаго сочувствiя, онъ собственными силами далъ страшный отпоръ врагу. На поляхъ Гундета тридцати-тысячный корпусъ египтянъ, вооруженныхъ прекрасными ружьями, былъ истребленъ абиссинцами, дравшимися однимъ холоднымъ оружiемъ, при чемъ вся артиллерiя его попала въ плѣнъ. Въ 1876 г. подъ Гурою былъ уничтоженъ другой египетскiй корпусъ, и самъ принцъ Гассанъ былъ захваченъ абиссинцами. Отбившись отъ Египта, Абиссинiя обратила все свое вниманiе на востокъ, на побережье Краснаго моря, которое занимали европейцы. Въ 1876 г. негусъ Iоаннъ дѣлаетъ новую попытку вступить въ сношенiя съ Россiею и письмомъ, переданнымъ черезъ одного орiенталиста, предлагаетъ даже нашему Синоду возсоединенiе церквей; это предложенiе было однако отклонено нашею дипломатiею. Въ 1883 г. царь Iоаннъ вступаетъ въ борьбу съ махдистами Судана, а въ 1885 г. съ Италiею, захватившею Массову, въ которой нуждалась Абиссинiя. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ войнахъ выступаетъ однако не столько самъ негусъ, сколько его военачальникъ Расъ-Алула. Этотъ извѣстный полководецъ Абиссинiи, нанесшiй уже много горя итальянцамъ,—по происхожденiю изъ простыхъ крестьянъ; своими собственными заслугами онъ дошелъ до званiя „раса", т. е. вице-короля Тигрэ. Въ 1883 г. онъ принялъ предложенiе англичанъ освободить гарнизонъ нѣсколькихъ египетскихъ крѣпостей, осажденныхъ махдистами въ сѣверномъ Суданѣ. Выговоривъ себѣ 15 тыс. ружей, много золота и право занять Массову онъ исполнилъ честно свое обѣщанiе и выручилъ изъ рукъ махдистовъ египетскiе и англiйскiе отряды, запертые въ крѣпостяхъ. Вѣроломные англичане однако не выполнили договора и Массову передали Италiи, стремившейся овладѣть всѣмъ побережьемъ Абиссинiи и закрыть ей доступъ къ морю. Абиссинцы поняли страшную опасность—и вотъ изъ-за Массовы, Асаба и др. оконъ къ морю и въ Европу, началась война Габеша съ Италiею. Расъ-Алула истребилъ отрядъ итальянцевъ подъ Догали и обложилъ Массову, гдѣ заперся 20 тыс. корпусъ Санъ Марцано. Итальянцы боятся двинуться впередъ, потому что война съ ними въ Абиссинiи считается священною и ихъ ждетъ отпоръ всего населенiя; болѣе сотни тысячъ абиссинцевъ, вооруженныхъ даже скорострѣлками, ждутъ ихъ въ родныхъ горахъ, а хитрый Расъ-Алула манитъ ихъ въ дебри владѣнiй негуса Iоанна. Отъ этихъ-то двухъ выдающихся людей Абиссинiи зависитъ теперь и дальнѣйшая судьба нашей миссiи; можно однако думать, что въ нихъ-то она и найдетъ себѣ могучихъ покровителей въ Абиссинiи.

А. Е—въ.

Политическое обозрѣнiе.

Внезапная трагическая смерть наслѣдника Австрiйскаго престола продолжаетъ быть предметомъ всевозможныхъ толковъ. Вѣнскiя газеты называютъ оффицiальное сообщенiе о самоубiйствѣ эрцгерцога Рудольфа ужаснымъ, а мотивы самоубiйства наслѣднаго принца непонятными. Самое сообщенiе находятъ не достаточно яснымъ во многихъ отношенiяхъ. Поэтому неудивительно, что населенiе встрѣтило оффицiальное сообщенiе съ чувствомъ сомнѣнiя и прислушивается къ самымъ преувеличенымъ слухамъ. Близкiя къ принцу лица, кромѣ дурнаго расположенiя духа и его перiодической задумчивости, не замѣчали въ немъ ни наканунѣ, ни раньше никакихъ признаковъ душевнаго разстройства, въ припадкѣ котораго эрцгерцогъ, якобы, застрѣлилъ себя. Напротивъ того, нѣкоторыя газеты, заграничныя, передаютъ со словъ вѣнскихъ корреспондентовъ, что самоубiйство наслѣднаго принца было вынужденнымъ и видятъ въ немъ американскую дуэль. По другимъ извѣстiямъ, принцъ палъ жертвою поединка или просто убiйства. Различныя противорѣчiя между оффицiальнымъ протоколомъ и предшествующими сообщенiями о ранѣ, бывшей причиною смерти эрцгерцога Рудольфа; слухи, что пуля, причинившая смертельную рану принцу, нигдѣ не была найдена; затѣмъ толки о томъ, что пуля, выпущенная изъ такого револьвера, какой найденъ у постели герцога въ Мейерлингѣ, не можетъ причинить столь тяжкое пораженiе, какъ раздробленiе черепа, и другiя обстоятельства продолжаютъ вызывать самыя невѣроятныя догадки о причинахъ, побудившихъ принца свести такимъ ужаснымъ образомъ разсчеты съ жизнью. Изъ пяти оставленныхъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ писемъ, письмо къ императрицѣ самое обстоятельное и, по слухамъ, одно только содержитъ объясненiя совершеннаго эрцгерцогомъ поступка; но содержанiе этого письма неизвѣстно, и разнорѣчивыя фантастичныя догадки продолжаютъ сообщаться о причинахъ самоубiйства эрцгерцога Рудольфа, бренные останки котораго преданы землѣ 24 января. Погребенiе наслѣднаго принца состоялось, согласно установленному церемонiалу, въ 4 часа пополудни. Похоронное шествiе открывала кавалерiя; по бокамъ крытой печальной колесницы шли лейбъ-гвардейцы, пажи, придворные лакеи. На похоронахъ присутствовали всѣ командующiе въ провинцiяхъ генералы, государственные сановники, представители аристократiи, всѣ иностранные послы и посланники, а также прусскiя и баварскiя депутацiи съ принцемъ Мейнингенскимъ во главѣ. Въ церкви находились: императоръ, Бельгiйская королевская чета, герцогъ и герцогиня Кумберландскiе, принцесса Мэри Ганноверская, три Баварскихъ герцога (братья императрицы), герцогъ Алансонскiй съ супругою, принцесса Луиза Орлеанская, принцы Шаумбургскiе, герцоги Веймарскiе и Браганцскiе, герцогъ Нассаускiй съ супругою, принцесса Климентина, принцы Филиппъ и Людвигъ Кобургскiе и принцъ Францъ Лихтенштейнъ. Послѣ отпѣванiя, гробъ былъ перенесенъ въ склепъ Капуцинскаго монастыря княземъ Гогенлоэ, графомъ Бомбелемъ и адъютантами покойнаго.

Этотъ склепъ построенъ императоромъ Матвѣемъ и законченъ въ 1633 году. Болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ того императрица Марiя-Терезiя приказала построить въ 1748 г. новый склепъ, отдѣленный отъ стараго желѣзной рѣшеткой, чтобъ отдѣлить древнiй Габсбургскiй родъ отъ новой вѣтви Габсбурго-Лотарингской. Въ склепѣ императорской фамилiи покоятся одиннадцать императоровъ, пятнадцать императрицъ, римскiй король Фердинандъ, двѣ королевы, пятьдесятъ три эрцгерцогини, двадцать семь эрцгерцоговъ, два кронпринца и два герцога. Настоятель Капуцинскаго монастыря, принявъ гробъ и отворивъ склепъ, просилъ оберъ-гофмейстера удостовѣрить, что въ гробу, дѣйствительно, лежатъ останки наслѣднаго принца, а затѣмъ замкнулъ двери склепа двумя ключами, одинъ изъ которыхъ оставилъ себѣ, а другой передалъ оберъ-гофмейстеру.

Особенностью состоявшейся похоронной церемонiи было то обстоятельство, что, въ противность четырехсотлѣтней традицiи и этикету, императоръ Францъ-Iосифъ, вмѣстѣ со своими братьями, племянниками и зятемъ, проводилъ тѣло во внутренность склепа, гдѣ произошла разрывающая душу сцена. Послѣ благословенiя тѣла въ склепѣ, императоръ преклонилъ колѣни и, залившись слезами, поцѣловалъ крышку гроба.

Эти печальныя событiя отвлекли вниманiе отъ Парижа, гдѣ борьба буланжистовъ и правительства, противниковъ существующаго режима и защитниковъ его, разгорается съ каждымъ днемъ все болѣе. Ожидаемый въ палатѣ запросъ Жуванселя не получилъ прямаго отвѣта. Въ своемъ запросѣ ораторъ, приписывая сильное движенiе, охватившее нынѣ общественное мнѣнiе, главнымъ образомъ, ежедневному потоку оскорбленiй, наносимыхъ правительству, и равнодушному отношенiю правительства къ оскорбленiямъ, заявилъ, что онъ, приверженецъ свободы, спрашиваетъ: неужели ее слѣдуетъ отдавать въ жертву всевозможнымъ злоупотребленiямъ. На протестъ правой, Жувансель отвѣтилъ, что правительство должно защищаться. Министръ-президентъ Флоке просилъ разрѣшенiя внести законопроектъ о возстановленiи выборовъ по округамъ прежде, чѣмъ отвѣчать на запросъ Жуванселя, причемъ имъ было замѣчено, что проектъ возстановленiя выборовъ по округамъ

вовсе не умаляетъ значенія всенароднаго голосованія. Если политика его будетъ одобрена, то республиканской партіи представится возможность держаться ея и впредь, притомъ съ бо́льшимъ авторитетомъ; въ противномъ же случаѣ онъ подастъ въ отставку. Правительство не думаетъ, чтобы слѣдовало принять мѣры противъ свободы, но оно имѣетъ право и обязано карать тѣхъ, кто покушается ниспровергнуть республику. Онъ не думаетъ, чтобы существующіе законы предоставляли достаточныя средства для борьбы съ враждебными партіями. Развитіе сообщеній и богатства дали виновнымъ такія средства, какихъ не могъ предвидѣть законодатель и уголовный кодексъ. Вотъ почему правительство предложитъ новыя мѣры для пресѣченія покушеній на безопасность государства. Далѣе Флоке доказывалъ также необходимость регламентаціи наклеиванія и разноски афишъ. Въ заключеніе онъ сдѣлалъ общую апологію своей политики и присовокупилъ, что если большинство недовольно, то пусть оно ищетъ другихъ министровъ; вотъ почему онъ требуетъ отъ палаты выраженія довѣрія. И палата, большинствомъ 300 голосовъ противъ 240, вотировала выраженіе довѣрія къ кабинету Флоке. Столь незначительное большинство невольно наводитъ на мысль, что положеніе министерства не особенно прочно, и если палата и довѣряетъ еще Флоке, то скорѣе всего изъ нежеланія ломокъ и передѣлокъ въ правительственномъ строѣ наканунѣ грядущихъ національныхъ празднествъ. Подтвержденіемъ этого предположенія можетъ служить сообщеніе, что на другой же день палата отвергла признаніе возстановленія выборовъ по округамъ неотложнымъ, что̀ служитъ свидѣтельствомъ о желаніи палаты и правительства отложить общіе выборы до октября и дать мирно пройти времени всемірной выставки.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Министерство Иностранныхъ Дѣлъ вскорѣ представитъ въ Государственный Совѣтъ выработанный имъ проектъ новаго консульскаго устава.

— Министерствомъ Финансовъ, по соглашенію съ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, составленъ проектъ открытія сберегательныхъ кассъ при почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ.

— На разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта внесено представленіе министерства Государственныхъ Имуществъ о мѣрахъ противъ фальсификаціи коровьяго масла и объ упорядоченіи торговли такъ-называемымъ маргариновымъ масломъ.

Морское дѣло.

— Новый пароходъ добровольнаго флота „Орелъ“, заказанный на верфи въ Ньюкаслѣ, будетъ готовъ въ іюнѣ нынѣшняго года.

— Въ Ревелѣ сѣверный вѣтеръ при морозахъ укрѣпилъ ледъ на рейдѣ до того, что навигацію нужно считать оконченною. Изъ 13 находящихся здѣсь пароходовъ 10 успѣли выйти въ море. Три датскихъ парохода зимуютъ здѣсь.

Торговля.

— Департаментъ Земледѣлія и Сельской Промышленности вывелъ среднія по губерніямъ цѣны на хлѣбные продукты, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ нѣсколькихъ тысячъ корреспондентовъ и относящимся къ концу истекшаго года. Изъ полученныхъ такимъ образомъ данныхъ оказывается, что цѣны 1888 года въ большинствѣ мѣстностей превышали среднія осеннія цѣны 1887 года, но не достигали высоты цѣнъ 1885 и 1886 годовъ.

— Крупныя фирмы, торгующія на украинскихъ ярмаркахъ, заявили въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ о своемъ рѣшеніи не посѣщать Ильинской ярмарки въ Полтавѣ, замѣняя ее новою казанскою ярмаркой въ Харьковѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Народное просвѣщеніе.

— По словамъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, въ непродолжительномъ времени имѣетъ послѣдовать въ законодательномъ порядкѣ распоряженіе, по которому на всѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія будутъ распространяться правила о государственныхъ экзаменахъ, установленныя нынѣ для университетовъ.

— Въ Новгородѣ, 23 января, губернское земское собраніе постановило въ память чудеснаго избавленія 17 октября Царской Семьи ассигновать изъ земскихъ суммъ 100,000 рублей на устройство и содержаніе сельско-хозяйственной школы и ходатайствовать о присвоеніи школѣ Имени Государя Императора.

Искусства.

— 23 января Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи посѣтили Императорскую Академію Художествъ и осматривали выставку картинъ профессора Г. И. Семирадскаго.

Государь Императоръ изволилъ пріобрѣсти одну изъ картинъ профессора Г. И. Семирадскаго, находящихся на выставкѣ Академіи Художествъ. Эта картина называется „По примѣру боговъ“ и изображаетъ идиллическую сцену среди роскошнаго античнаго пейзажа.

Литература и наука.

— Министры Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія и Юстиціи и Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, въ совѣщаніи, 24 января, постановили: прекратить вовсе изданіе „Сибирской Газеты“.

— 22 января, въ с.-петербургскомъ университетѣ, происходила публичная защита С. М. Георгіевскимъ диссертаціи, подъ заглавіемъ: „Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію древняго китайскаго народа“. Послѣ продолжительныхъ преній, факультетъ восточныхъ языковъ призналъ С. М. Георгіевскаго достойнымъ полученія искомой степени доктора китайской словесности.

Пути сообщенія.

— Работы въ Сурамскомъ туннелѣ въ послѣднее время идутъ весьма успѣшно. Теперь продолжается облицовка туннеля, произведенная уже на пространствѣ 470 саженъ.

— 14 января, какъ сообщаютъ варшавскія газеты, на Привислинской желѣзной дорогѣ, возлѣ станціи Соболевъ, произошло столкновеніе двухъ товарныхъ поѣздовъ. 8 вагоновъ разбиты въ дребезги, причемъ совершенно испорченъ весь находившійся въ нихъ грузъ и нѣсколько человѣкъ поѣздной прислуги получили тяжелыя раны. Причину столкновенія поѣздовъ объясняютъ неправильнымъ переводомъ стрѣлки.

Археологія и древности.

— 20 января, при раскопкахъ въ московскихъ верхнихъ городскихъ рядахъ, найденъ кувшинъ съ серебряною монетою временъ царя Михаила Ѳеодоровича и Бориса Годунова.

— 17 января, въ гор. Харьковѣ, на Основѣ, близъ семинаріи, найденъ огромный, больше обыкновеннаго, человѣческій черепъ, наполненный старинными серебряными монетами. Эта находка, какъ рѣдкость, отправлена въ С.-Петербургъ.

Спортъ.

— 19 января, нѣсколько московскихъ охотниковъ выѣхали на медвѣжью охоту въ имѣніе г-жъ Жадовскихъ, въ Александровскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, въ трехъ верстахъ отъ станціи Балакирево Московско-Ярославской желѣзной дороги. 20 января они убили тамъ трехъ медвѣдей, изъ которыхъ— старая медвѣдица вѣситъ 9 пудовъ и два двухгодовалыхъ медвѣдя—4 пуда.

Смѣсь.

Какъ должно боксировать. Англичане при боксированіи употребляютъ только верхнія, французы же и верхнія, и нижнія оконечности. Трудно рѣшить чей способъ правильнѣе, но вопросъ этотъ имѣетъ въ настоящее время животрепещущій интересъ, такъ какъ во время Парижской всемірной выставки будущаго года предполагается устроить большое премированное состязаніе атлетовъ („Concours athlétique“). Французы конечно стоятъ за свой способъ бокса—и противъ возраженія англичанъ, что бой ногами не рыцарскій и не джентльменскій, выставляютъ весьма вѣскіе доводы. Филиппъ Дариль въ *Фигаро* очень горячо разбираетъ этотъ вопросъ и, весьма серьезно разглагольствуя о немъ, высказываетъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „Каждый долженъ согласиться, что боксированіе есть прежде всего искусство самозащиты, искусство отражать внезапное и грубое нападеніе одними только естественными средствами. Въ такомъ случаѣ употребленіе нижнихъ оконечностей не только естественно и логично, но нѣкоторымъ образомъ даже обязательно, и было бы просто смѣшно ограничивать средства самозащиты. Развѣ человѣкъ, подвергшійся нападенію разбойника или убійцы откажется отъ мѣткаго удара ногою, если онъ только владѣетъ этимъ искусствомъ? Конечно, нѣтъ. Или развѣ онъ станетъ наскоро условливаться съ нападающимъ, чтобы бороться только верхнею частью тѣла по поясъ? Отвѣтъ не подлежитъ сомнѣнію, а то что понятно на практикѣ, должно быть важно и въ теоріи и въ искусствѣ, облекающемъ практику въ благородныя правильныя формы. Знатоки, поэтому, вполнѣ правы, утверждая, что французскій способъ боксированія гораздо цѣлесообразнѣе и совершеннѣе англійскаго. Такова точка зрѣнія извѣстнаго боксёра Шарлемона, съ честью продолжающаго дѣло Виньерона и Лекура; таково же убѣжденіе и Теофиля Готье, который какъ во всемъ другомъ, такъ и въ дѣлахъ спорта былъ весьма компетентнымъ судьей“. Послѣ этого объясненія Филиппъ Дариль переходитъ къ международному боксу и задается вопросомъ: должны или нѣтъ французы, въ угоду англичанамъ, пускать въ ходъ мускульную силу и ловкость только верхней части тѣла; и приходитъ, наконецъ, къ заключенію, что для каждаго рода бокса должна быть назначена особая премія. Если французскій боецъ въ обоихъ случаяхъ выйдетъ побѣдителемъ изъ борьбы, то слава его удвоится; если же онъ осилитъ противника только французскимъ способомъ, то позоръ быть побѣжденнымъ по-англійски покажется ему менѣе тяжкимъ. Третій возможный случай, а именно, что французъ окажется побитымъ и по-французски и по-англійски, г. Дарилемъ совершенно не принимается въ соображеніе; подобный случай кажется ему невозможнымъ. Впрочемъ, увидимъ каковъ будетъ исходъ боя, и да проститъ намъ читатель, что мы не беремся рѣшать этотъ вопросъ, представляя рѣшеніе его болѣе компетентнымъ людямъ. (с.)

Рельефная фотографія. Минимальныя возвышенія, достаточныя для печатанія, уже съ давнихъ поръ получались въ фотографіи посредствомъ освѣщенія асфальтовыхъ и хроможелатиновыхъ пластинокъ. Недавно, однако, фотографу Церру въ Вейсенбургѣ, въ Эльзасѣ, удалось изготовить „рельефныя фотографіи“ съ возвыше-

ніемъ до 5 миллиметровъ, при помощи новаго способа, составляющаго пока секретъ изобрѣтателя. Исполненные имъ рельефы изъ гипса, воска и металла воспроизводятъ не только орнаменты, но также пейзажи и портреты съ рисунковъ и съ натуры, съ замѣчательною точностью. Такимъ образомъ тяжелая работа гравированія можетъ теперь въ большинствѣ случаевъ замѣняться механическимъ, крайне дешевымъ способомъ, который даетъ возможность изготовлять модели для фарфоровыхъ и стеклянныхъ рисунковъ, для украшеній изъ желѣза, золотыхъ и серебряныхъ медалей, гипсовыхъ и бронзовыхъ портретовъ и т. п. Замѣчательное примѣненіе новаго рода свѣтописи сдѣлано недавно страсбургскимъ профессоромъ Кутингомъ. Онъ заказалъ гипсовые снимки съ надписей собранныхъ имъ въ Аравіи и отпечатанныхъ на пропускной бумагѣ, что, конечно, составляетъ прекрасный способъ сохраненія бѣглыхъ оттисковъ въ прочной и вѣрной оригиналу формѣ. Образцы этого новаго, важнаго для науки, искусствъ и ремеслъ, изобрѣтенія находятся въ эльзасскомъ отдѣлѣ художественной выставки въ Мюнхенѣ, гдѣ имъ отведено правительственнымъ коммисаромъ, г. Шрикеромъ, почетное мѣсто. (с.)

О Виндзорскомъ замкѣ, резиденціи англійской королевы Викторіи, гдѣ она принимаетъ своихъ гостей, г. Геэль разсказываетъ слѣдующее: Быть гостемъ королевы, конечно, не малая честь, однако и это удовольствіе, несмотря на яркій свѣтъ королевской милости, имѣетъ свои темныя стороны, особенно въ зимнее время. Дѣло въ томъ, что ея величество замѣчательно нечувствительна къ холоду и спитъ всегда въ нетопленой комнатѣ; а если въ спальнѣ королевы не горитъ каминъ, то, по симпатіи, и всѣ другія спальни должны оставаться нетоплеными. Вслѣдствіе этого изнѣженные гости королевы мерзнутъ и почти всегда покидаютъ замокъ съ насморкомъ, который, если не въ медицинѣ, то въ обществѣ получилъ непріятную и вмѣстѣ съ тѣмъ заманчивую извѣстность подъ названіемъ „виндзорскаго насморка". Герцогъ Ричмондскій и Гордонскій былъ единственнымъ человѣкомъ, осмѣлившимся однажды пожаловаться королевѣ на то, что его спальня не топлена. Королева возразила смѣльчаку съ ледяною холодностью, отъ которой его бросило въ жаръ: „I never feel cold" („Мнѣ никогда не бываетъ холодно!"), и послѣ того герцогъ уже не имѣлъ больше случая зябнуть въ Виндзорѣ. За обѣдомъ, прославившимся необыкновенно плохимъ приготовленіемъ, холодными тарелками и краткостью меню, никто не смѣетъ говорить съ королевою, большою любительницею, однако, оживленныхъ застольныхъ бесѣдъ. Поэтому, если кто имѣетъ въ запасѣ интересный разсказъ, въ особенности какой-либо анекдотъ о собакахъ или членахъ парламента—то разсказываетъ его громко своей сосѣдкѣ или сосѣду; если королева смѣется, то и другіе могутъ улыбаться—смѣхъ узаконенъ; если-же королева безмолвна, разсказъ считается глупымъ и проходитъ безъ вниманія. Иногда разсказанное вызываетъ вопросъ со стороны ея величества, въ такомъ случаѣ спрашиваемый отвѣчаетъ опять-таки своему сосѣду, не глядя на задающую вопросъ, и отвѣтъ не долженъ заключать въ себѣ новаго вопроса, такъ какъ спрашивать королеву никто не имѣетъ права. Американскій генералъ Іессе Грантъ однажды провинился относительно этого правила, позволивъ себѣ за обѣдомъ спросить королеву, почему она не снимаетъ за столомъ перчатокъ—обычай, которому должны слѣдовать всѣ дамы, приглашенныя къ королевскому столу. Отвѣтомъ было „всеобщее качаніе головой", и храбрый генералъ, послѣ такой тактической ошибки, готовъ былъ броситься въ самый разгаръ битвы, лишь бы избѣжать укоризненныхъ взглядовъ царедворцевъ. (с.)

Городъ въ опасности. Изъ Нью-Іорка пишутъ: Городу Ралей, въ Сѣверной Каролинѣ, съ нѣкоторыхъ поръ угрожаетъ опасность быть оставленнымъ жителями. Своеобразныя подземныя явленія, ясно слышимый шумъ, какъ-бы отъ быстрыхъ подземныхъ рѣкъ, проложившихъ себѣ путь подъ городъ, сильно встревожили его обитателей. Шаги прохожихъ на улицахъ глухо раздаются, экипажи производятъ подземный гулъ, какъ будто городъ стоитъ на сводахъ. Клокотаніе воды (или подземныхъ теченій газа) всего яснѣе слышится ночью, когда затихаетъ дневной шумъ, особенно если наблюдатель приложитъ ухо къ землѣ или къ стѣнѣ зданія. Подземныхъ ударовъ пока не замѣчалось, тѣмъ не менѣе опасаются, что городъ рушится вслѣдствіе измѣненій въ строеніи почвы. Причина такого необыкновеннаго явленія до сихъ поръ еще не выяснена; буреніе и раскопки не привели ни къ какимъ результатамъ. (с.)

Г. фонъ-Гердтлемъ представленъ недавно въ Вѣнскую академію наукъ интересный докладъ, имѣющій важное значеніе для разрѣшенія вопроса о томъ, наполнено ли міровое пространство, какъ многіе полагаютъ, такъ-называемымъ міровымъ эфиромъ. Явленія, сопровождавшія движеніе кометы Энке, заставляли думать, что это небесное тѣло встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе въ своемъ обращеніи вокругъ солнца. Это заставило предположить, что міровое пространство наполнено тонкою матеріею, не имѣющею, правда, замѣтнаго вліянія на большія планеты, но оказывающею сопротивленіе обращенію кометъ, состоящихъ изъ болѣе легкаго вещества. Появляющаяся чрезъ каждыя $3^{1}/_{3}$ года комета Энке, обратившая вниманіе ученыхъ на силу сопротивленія міроваго эфира, была однако же единственнымъ небеснымъ тѣломъ, указывавшимъ на существованіе подобнаго вещества. Во всякомъ случаѣ, наблюденія эти могли относиться только къ пространству пробѣгаемому кометою Энке. Существуетъ ли сила сопротивленія и на болѣе далекомъ разстояніи отъ солнца, объяснить могли лишь болѣе отдаленныя, періодическія кометы. Гердтль провѣрилъ наблюденія, дѣлавшіяся съ 1858 года, надъ періодически черезъ каждыя $5^{1}/_{2}$ лѣтъ появляющеюся кометою Винеке, и нашелъ, что теченіе этой кометы не подвергается никакому сопротивленію въ міровомъ пространствѣ. Поэтому весьма вѣроятно, что уже въ области большихъ внѣшнихъ планетъ нашей солнечной системы міровой эфиръ не существуетъ. (с.)

А. Н. Паншинъ, извѣстный русскій конькобѣжецъ. Съ фотогр. Штокмана въ Вѣнѣ, грав. Барановскій.

Изъ Нью-Іорка пишутъ въ иностранныя газеты: Джонъ Р. Галслей, молодой адвокатъ и членъ правленія „Нью-Іоркскаго общества доставленія свѣжихъ яицъ", придумалъ слѣдующую антрепризу, въ видѣ гарантіи, требуемой потребителями, относительно свѣжести доставляемыхъ яицъ. Общество употребляетъ капиталъ въ 10,000 долларовъ на пріобрѣтеніе огромнаго числа куръ, которыя будутъ находиться въ особо устроенныхъ зданіяхъ, подъ надзоромъ ученыхъ надсмотрщиковъ. Потребителямъ, вмѣсто яицъ, будетъ съ вечера доставляться на домъ курица, въ надеждѣ, что она за ночь снесетъ яйцо. Курица помѣщается въ плетеной корзинкѣ, гдѣ ей приготовленъ кормъ и вода, а для того чтобы она своимъ кудахтаньемъ не мѣшала спать жильцамъ, ей надѣваютъ особый „наклювникъ". Нью-Іоркское общество покровительства животныхъ, на усмотрѣніе котораго было представлено это нововведеніе, нашло, что подобнаго рода приспособленіе не причиняетъ никакого вреда курамъ. Такимъ образомъ новая система даетъ возможность потребителямъ за цѣну, не превышающую рыночной цѣны яицъ, во-очію убѣдиться въ ихъ свѣжести, но они рискуютъ за то, несмотря на внесенную впередъ плату, остаться не при чемъ. Дѣло въ томъ, что общество, какъ сказано въ его циркулярѣ, не гарантируетъ, что курица непремѣнно снесется. Плата взимается за одно только яйцо; снесетъ ли курица больше или меньше—не принимается въ разсчетъ. (с.)

Корреспонденты газетъ, находившіеся въ свитѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ, во время путешествія на Кавказъ, намѣрены поднести альбомъ своихъ фотографическихъ кабинетныхъ портретовъ начальнику канцеляріи Министерства Императорскаго Двора В. И. Кривенко, на обязанности котораго лежало просматривать посылаемыя ими корреспонденціи. Альбомъ, по слухамъ, заказанъ въ Москвѣ.

Въ то время, когда „Аида" Верди вызывала энтузіазмъ во всей Италіи, одинъ любитель музыки написалъ композитору слѣдующее письмо. „Реджо, 7-го мая 1872 г. Глубокоуважаемый г-нъ Верди! 2-го числа сего мѣсяца, увлеченный успѣхомъ вашей оперы „Аида", я отправился въ Парму. Мое любопытство было такъ велико, что я за полчаса до начала представленія занялъ уже свое мѣсто въ театрѣ. По окончаніи представленія я спросилъ себя,

остался ли доволенъ оперой, и отвѣтъ получился отрицательный. Возвращаясь въ Реджо, я прислушивался по пути къ сужденіямъ другихъ пассажировъ. Почти всѣ были того мнѣнія, что „Аида“ первоклассное музыкальное произведеніе. Тогда у меня явилось желаніе еще разъ прослушать оперу, и 4-го числа я снова поѣхалъ въ Парму. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ достать мѣсто за 5 лиръ. Въ концѣ концовъ я пришелъ къ слѣдующему выводу: опера не заключаетъ въ себѣ ничего воодушевляющаго и электризующаго зрителей. Если-бы не великолѣпныя декораціи, публика не досидѣла бы до конца. Вы легко поймете, дорогой г-нъ Верди, какъ мнѣ жаль тѣхъ 32 лиръ, которыя я истратилъ на эти два представленія; а если вы примете въ соображеніе, что я завишу отъ своей семьи, то поймете, что деньги эти, какъ страшное привидѣніе, не даютъ мнѣ покоя. Обращаюсь къ вамъ съ откровенной просьбой возвратить мнѣ истраченную сумму по прилагаемому счету:

Желѣзная дорога туда . .	2,60 лиръ
„ „ обратно .	3,30 „
Театръ	8,00 „
Скромный ужинъ въ вокзалѣ	2,00 „
Итого	15,90 „
Во второй разъ: Та же сумма	15,90 „
Общій итогъ	31,80 лиръ.

Адресъ: Бертани Просперо, тамъ-то“.

Можно представить себѣ удивленіе композитора при полученіи этого письма. Тѣмъ не менѣе онъ взглянулъ на дѣло съ комической стороны и поручилъ своему издателю Рикорди удовлетворить откровеннаго просителя. „И такъ прошу васъ переслать ему 27,80 лиръ“, писалъ онъ; „хотя это и не вся требуемая имъ сумма, но въ мои разсчеты вовсе не входитъ платить за ужинъ; онъ могъ бы отлично поужинать и дома. Само собою разумѣется, что молодой человѣкъ долженъ выдать квитанцію и кромѣ того я прошу васъ взять съ него письменное обязательство не слушать больше моихъ оперъ, для того чтобы его не преслѣдовали привидѣнія и мнѣ не пришлось снова платить за его путевыя издержки“.

Рикорди счелъ все дѣло за мистификацію и ожидалъ, что письмо будетъ ему возвращено. Однако, нѣсколько дней спустя онъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Я нижеподписавшійся симъ свидѣтельствую, что получилъ отъ маэстро Джузеппе Верди сумму въ 27,80 лиръ. Маэстро возвратилъ мнѣ эту сумму, въ виду того, что опера его пришлась мнѣ не по вкусу. Я обязуюсь не ѣздить болѣе на его оперы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ приметъ расходы на себя, независимо отъ того, понравится мнѣ его произведеніе или нѣтъ“. (с.)

Путешественникъ Мозеръ изъ Шафгаузена, присутствуя однажды при ученіи бухарскихъ войскъ, былъ очень удивленъ однимъ маневромъ, а именно: по звуку сигнальнаго рожка люди бросались на спину и, подиявъ ноги кверху, энергически потрясали ими въ воздухѣ. Когда Мозеръ спросилъ, что значитъ этотъ необычайный пріемъ, онъ получилъ въ отвѣтъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскій батальонъ, перейдя въ бродъ степную рѣчку, получилъ приказаніе броситься такимъ образомъ на землю, для того чтобы вода вытекла изъ сапогъ; а такъ какъ русскіе въ этотъ походъ побѣдили бухарскаго эмира, то бухарская армія безъ дальнѣйшихъ разсужденій ввела этотъ маневръ въ свой воинскій уставъ. (с.)

ПОПРАВКА: Въ Библіографіи № 5 „Нивы“ вкралась опечатка: цѣна *Сочиненій Глѣба Успенскаго* не 2 р. 50 к., а *три* рубля.

Задача буквъ № 9.

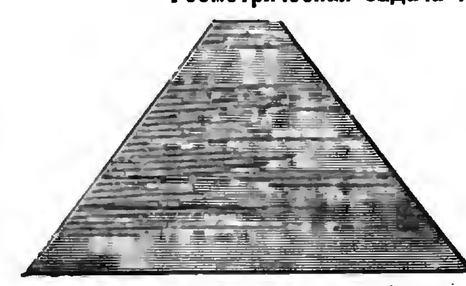
Н. С. Даржана.

		1	2	3		
	4	5	6	7	8	
9	10	11	12	13	14	15
16	17	18		19	20	21
22	23	24		25	26	27
28	29	30		31	32	33
34	35	36	37	38	39	40
	41	42	43	44	45	
		46	47	48		

Найти слѣдующія 9 словъ:
1) Произведеніе Сѣрова 43. 1. 21. 32. 18. 30. 3. 38. 39. 28.
2) Одинъ изъ кантоновъ Швейцаріи 24. 10. 29. 35. 36. 7.
3) Названіе плода 4. 44. 34. 42. 6. 40.
4) Отдѣлъ книги 26. 9. 37. 20. 5.
5) Женск. имя (уменьш.) 27. 33. 16. 15.
6) Низменное мѣсто 41. 13. 22. 19. 17. 31.
7) Части сутокъ 11. 47. 46.
8) Образъ 14. 8. 48. 25.
9) Болѣзнь 45. 2. 12. 23.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на четыре части, которыя должны быть соединены вмѣстѣ, но такъ, чтобы получилась *заглавная буква* фамиліи извѣстнаго русскаго композитора; а *въ буквѣ* — имя, отчество и фамилія подразумѣваемаго композитора и названія двухъ его произведеній.

Геометрическая задача № 10.

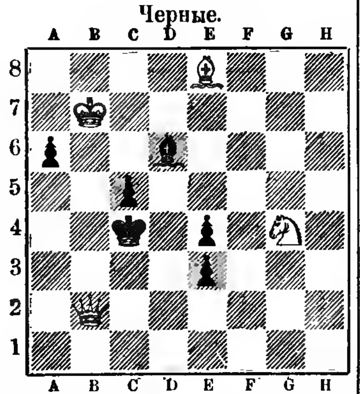


Раздѣлить данную трапецію на 8 частей, изъ которыхъ можно было бы составить квадратъ.

Шахматная задача № 11.

И. Дробускаго.

Черные.



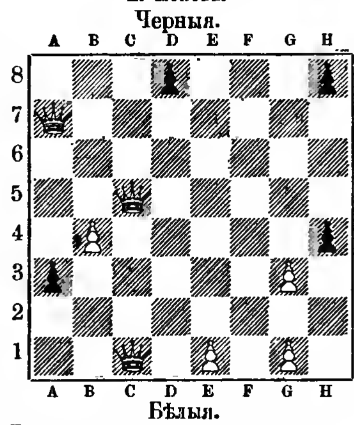
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 12.

А. Попова.

Черныя.



Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ простую черныхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Выдержки изъ отзывовъ прессы о роскошномъ иллюстрированномъ изданіи А. Ф. Маркса:

„ФАУСТЪ“, ГЁТЕ

(обѣ части) въ переводѣ А. ФЕТА.

„НОВОЕ ВРЕМЯ“

(№ 4580, 17 ноября 1888 г.).

Издатель „Нивы“ г. Марксъ выпустилъ роскошное изданіе „Фауста“ Гёте, въ переводѣ А. А. Фета, обѣ части. Изданіе въ полномъ смыслѣ слова прекрасное, и по бумагѣ, и по шрифту, и по печати, и по переплету, для котораго сдѣланъ былъ особый рисунокъ и штампъ. Изданіе украшено рисунками (25) Зейбертца, въ средневѣковомъ, выдержанномъ стилѣ, и 130-ю иллюстраціями. Это —огромный томъ, въ листъ, который перелистывать можно съ удовольствіемъ, останавливаясь на рисункахъ... и т. д.

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 329, 28 ноября 1888 г.).

...Прекрасный, необыкновенно близкій къ подлиннику переводъ г. Фета уже извѣстенъ публикѣ; заслуга издателя состоитъ главнымъ образомъ въ обдуманной роскоши, съ какою исполнена внѣшняя сторона дѣла. Въ этомъ отношеніи предпріятіе г. Маркса—почти единственное у насъ по достоинству печати, бумаги, переплета и пр.... Гравюры оттиснуты на отдѣльныхъ александрійскихъ листахъ, съ соблюденіемъ въ тонахъ средневѣковаго характера... Вообще, въ изданіи совершенно отсутствуетъ спекулятивная цѣль: видно, что г. Марксъ хотѣлъ выпустить въ свѣтъ нѣчто капитальное, вполнѣ достойное солидной фирмы. Въ любомъ кабинетѣ или въ любой гостиной, этотъ роскошный томъ явится цѣннымъ украшеніемъ стола.

„ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВѢСТНИКЪ“.

(№ 272, 14 декабря 1888 г.).

...Наилучшій изъ послѣднихъ переводовъ на русскій языкъ обѣихъ частей „Фауста“ принадлежитъ нашему маститому поэту - лирику А. Фету. Этотъ переводъ очень выдѣляется изъ всѣхъ существовавшихъ до него тѣмъ, что въ немъ читатель находитъ сохраненными всѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника... Это изданіе представляетъ собою весьма удачный опытъ присоединенія къ тексту „Фауста“ соотвѣтствующихъ рисунковъ... Рисунки отличаются строгою выдержанностью стиля и тонкимъ пониманіемъ изображаемыхъ въ нихъ моментовъ драмы. Въ изданіи перевода А. Фета, они переданы въ превосходныхъ эстампахъ, числомъ до 25-ти, работы лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ-граверовъ. Кромѣ того, изданіе украшено многочисленными, гравированными на деревѣ, рисунками..

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“

(№ 346, 16 декабря 1888 г.).

Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта,—онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много)—хоть вѣшай на стѣну, бумага веленевая, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени,—ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...

„НОВОСТИ“

(№ 346, 15 декабря 1888 г.).

Съ большимъ удовольствіемъ перелистали мы это роскошное in-folio, напечатанное крупнымъ краснымъ шрифтомъ на толстой слоновой бумагѣ и украшенное цѣлой галереей большихъ, прекрасныхъ гравюръ на мѣди. Мы можемъ сказать безъ всякаго преувеличенія, что „Фаустъ“ впервые изданъ въ Россіи съ тою пышностью и достоинствомъ, какія подобаютъ внутреннимъ достоинствамъ и міровому значенію этого классическаго произведенія. Издатель, видимо, не пожалѣлъ ни труда, ни затратъ на выполненіе этого прекраснаго изданія, которое можно назвать образцовымъ и въ типографскомъ, и въ художественномъ отношеніи... Вполнѣ одобряемъ мы и самый выборъ перевода для такого роскошнаго изданія. Переводъ Фета былъ, въ данномъ случаѣ, совершенно правильно предпочтенъ другимъ русскимъ переводамъ, какъ наиболѣе близкій къ подлиннику и наиболѣе художественный. Отъ души желаемъ успѣха прекрасному изданію А. Ф. Маркса...

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

(№ 1038, 10 декабря 1888 г.).

...Дать русской интеллигентной публикѣ полный переводъ произведенія Гёте, имѣющаго міровое значеніе — мысль сама по себѣ прекрасная. Еще прекраснѣе ея выполненіе. Смѣло скажемъ, публика не видала еще ничего подобнаго. Даже заграницей, гдѣ дѣло издательское поставлено превосходно, подобныя истинно художественныя изданія встрѣчаются не часто. Внѣшность книги вполнѣ гармонируетъ съ текстомъ... Переводъ сдѣланъ размѣромъ подлинника; стихъ риѳмованный и отличается той плавностью, которая вообще свойственна поэзіи Фета... Мы, конечно, можемъ смѣло рекомендовать этотъ chef-d'oeuvre русской публикѣ...

„Journal de St.-Pétersbourg“

(№ 331 du 11 Decembre, 1888).

..M. Marcks, l'intelligent et énergique éditeur de la „Niva“, a fait paraître, à titre de livre d'étrennes de Noël, une traduction russe en vers du Faust de Goethe, qui est à la fois la plus belle publication de la librairie russe moderne et une oeuvre littéraire d'un mérite hors ligne, destinée à faire époque dans la série déja longue des versions russes de l'immortelle poème dramatique du plus grand et du plus profond des poètes allemands...

Avoir eu l'idée de donner à l'oeuvre grandiose conçue et victorieusement accomplie par le nouveau traducteur du Faust un cadre digne d'elle, ne pouvait venir en tête qu'à un véritable artiste. M. Marcks a eu cette idée et il l'a réalisée avec une hardiesse surprenante. Son édition du Faust est un livre comme il n'en existait pas encore dans la librairie artistique russe.

Le volume a pour étui un élégant et solide cartonnage qu'on peut exposer sans offusquer les yeux sur la table du salon le plus élégant ou caser sur les rayons de la bibliothèque la mieux tenue. Le prix de l'édition de M. Marcks est d'une modicité relative à peine croyable. Il est meilleure preuve de ce que l'éditeur n'avait point en vue une de ces spéculations que la librairie moderne est devenue si habile, depuis quelque temps, à dissimuler sous de fallacieux dehors de désintéressement artistique. Si tout le tirage s'écoule on n'arrivera évidement qu'à couvrir les frais de cette publication.

„ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА“

(№ 329, 29 ноября 1888 г).

Названное изданіе составляетъ выдающееся явленіе въ области нашей литературы. Едва ли у насъ на частныя средства издавалось нѣчто подобное; безсмертное произведеніе Гёте превосходно переведено А. Фетомъ... Книга снабжена художественными иллюстраціями Зейбертца и многочисленными рисунками. Чтобы судить о роскоши этого великолѣпнаго изданія, достаточно указать, что оно напечатано на 100 листахъ веленевой бумаги in folio; вслѣдствіе этого и затраты г. Маркса на него были громадныя... Въ полномъ успѣхѣ этого вполнѣ художественнаго и роскошнаго изданія не можетъ быть и сомнѣнія.

„КРОНШТАДТСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(№ 147, 11 декабря 1888 г.)

...„Фаустъ“ Гёте—настольная книга каждаго сколько-нибудь развитаго, мыслящаго человѣка. Неудивительно, что извѣстному издателю не менѣе извѣстной „Нивы“, г. Марксу, пришла счастливая идея издать великое твореніе Гёте самымъ роскошнымъ, можно сказать, монументальнымъ образомъ, какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны. Переводъ „Фауста“ сдѣланъ извѣстнымъ нашимъ поэтомъ-писателемъ Фетомъ и можетъ, по справедливости, считаться лучшимъ переводомъ „Фауста“... г. Фетъ снабдилъ свой капитальный трудъ необходимыми поясненіями и комментаріями, желая, чтобы каждый, читая „Фауста“, могъ вполнѣ уяснить и понять все кажущееся темнымъ и загадочнымъ... Такихъ великолѣпныхъ изданій въ нашей литературѣ не много... Шрифтъ, виньетки, рисунки въ текстѣ, все верхъ изящества... Книга переплетена въ шагрень, съ золотымъ обрѣзомъ... и т. д.

St.-Petersburger Zeitung

(№ 342, vom 7 December 1888).

...Wir halten es für eine einfache Pflicht der Gerechtigkeit, zu erklären, dass uns aus dem gesammten Russischen Verlage kein zweites Werk bekannt ist, das auf gleicher Höhe ästhetischer Vollkommenheit stände. Die ganze Ausgabe ist, was Illustration, Text, Druck, Papier, Einband anlangt, mustergiltig und macht den erfreulichsten Eindruck. Pracht eint sich mit Würde, solider, nicht prahlerischer Reichthum mit edelem Geschmack, um ein Ganzes zu bieten, das bildend und erhebend auf die Kreise wirken muss, für die die kostbare Ausgabe bestimmt ist...

Als Illustrationen hat der Verleger die Bilder von Engelbert Seibertz gewählt, die meisterhaft von Adrian Schleich gestochen sind... Ein Goethereifer, tief in die Dichtung eingedrungener Geist spricht aus diesen gedankenvollen Compositionen...

Wahrlich nicht der letzte Vorzug der Marcks'schen Prachtausgabe ist die Uebersetzung von A. Feth (Schenschin)...

Das Werk, an dem unser gröster Genius ein selten langes Leben von den Jünglingsjahren bis ins hohe Greisenalter gearbeitet, das dem Deutschen als die Blühte und Quintessenz seiner Literatur gilt, das den geistigen Gehalt unserer Kultur, unseres Geisteslebens in knappe Form zusammenpresst — ein solches Buch einer andern Nation zu eigen zu machen, das ist wahrlich ein hohes Verdienst und alles Lobes und Dankes werth.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 руб.

Желающіе пріобрѣсти это изданіе въ разсрочку, съ уплатою въ теченіе нѣсколько мѣсяцевъ, могутъ получить его выпусками, для чего открыта особая подписка.

Всѣхъ выпусковъ 10. При этомъ подписчики вносятъ:

Городскіе	въ 1	разъ	6 р.,	иногородные	10 р.,	и получаютъ 1 выпускъ
„	во 2	„	6 р.,	„	8 р.,	„ 2 „
„	въ 3	„	6 р.,	„	5 р.,	„ 3 „
„	въ 4	„	5 р.,	„	5 р.,	„ 4 и 5 „
„	въ 5	„	5 р.,	„	5 р.,	„ 6 и 7 „
„	въ 9	„	4 р.,	„	2 р.,	„ 8, 9 и 10 „

Отдѣльно кожаная (шагреневая) крышка для переплета продается по 7 рублей.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ СПБ.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ
НА СООРУЖЕНІЕ ВЪ МОСКВѢ ПАМЯТНИКА
НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности, дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому геніальному писателю нашему—Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю.

Къ 1-му января 1889 года въ Казначею Общества поступило пожертвованій 31.163 руб. 68¼ коп.

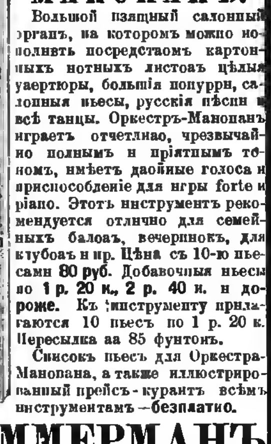
Пожертвованія принимаются въ редакціи журнала „Русская Мысль".

Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться Казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться росписки въ полученіи денегъ. О поступившихъ пожертвованіяхъ ежемѣсячно печатаются отчеты. № 3686

ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1 Декабря 1888 года по 1 Января 1889 года къ Казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по купонамъ отъ процентныхъ бумагъ—292 руб. 12½ коп., 2) изъ Москвы отъ Ѳ. А. Тяпунина—5 руб., 3) по подписному листу № 412 изъ Москвы черезъ Инспектора Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ—35 руб., 4) по подписному листу № 987 изъ Пинчова черезъ Инспектора Мужской Прогимназіи—4 руб., 5) по подписному листу № 380 изъ Млавы чрезъ Управляющаго Таможнею—10 руб., 6) по подписному листу № 395 изъ Керчь-Еникол чрезъ Управляющаго Таможнею—4 руб., 7) изъ Санктъ-Петербурга черезъ Г. А. Грекова—11 руб., 8) изъ Оренбурга черезъ г. Попечителя Учебнаго Округа пожертвованныя служащими и преподавателями двухклассныхъ и начальныхъ училищъ Соликамскаго уѣзда Пермской губерніи и Каменскаго начальнаго училища—142 руб. 21 коп., 9) изъ Санктъ-Петербурга черезъ главную контору редакціи журнала „Нива" отъ издателя журнала „Нива" А. Ф. Маркса—50 руб. и отъ должностныхъ лицъ Уфимско-Оренбургскаго Акцизнаго Управленія—23 руб., 10) по подписному листу № 332 изъ Киржача черезъ Директора Учительской Семинаріи—5 руб. 60 коп., 11) по подписному листу № 1147 изъ Курска черезъ Начальника Землемѣрнаго училища—7 руб., 12) по подписному листу № 1099 изъ Тамбова чрезъ Управляющаго Акцизными сборами—56 руб. 50 к., 13) изъ Тамбова черезъ него же отъ 6 округовъ акцизнаго управленія—60 руб., 14) по подписному листу № 1148 изъ Уфы черезъ Начальника Землемѣрнаго училища—6 руб. и 15) по подписному листу № 1053 изъ Нижняго Новгорода черезъ Управляющаго Казенною Палатою — 20 руб. Итого семьсотъ тридцать одинъ рубль 43½ копѣйки. А всего съ прежде поступившими тридцать одна тысяча сто шестьдесятъ три рубля 68¼ копѣйки (31.163 руб 68¼ коп.). № 3687

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ



ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ.

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для игры forte и piano. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунтовъ.

Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—Москва, Кузнецкій м., домъ Торлецкаго.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Романъ изъ жизни Туркестанскаго края

Н. Н. Каразина.

Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунками автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ двухъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русск. исторіи XVI в. Томъ этотъ украшенъ 20 рис. художника И. С. Панова. Изданіе III. СПБ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:

усовершенствованныя

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ	8
„ темно-полированнымъ	8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по	„ 30
Альбомъ III **новый**	„ 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (10)

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt **(C. HERM. SERBE) Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

„РЕБУСЪ"

№ 3678

Еженед. журналъ. Новости по гипнотизму, спиритизму, психизму и т. п. Беллетристика. Годъ съ перес. 5 р.; полгода 3 р. Подписка у Мартынова (Невскій, 46). Почтою: въ С.-Петербургъ, редакція „Ребуса".

Высочайше утвержденное

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ
ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

а) въ случаѣ смерти страхователя — наслѣдникамъ его капитала въ 5000 рублей;

б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;

в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду—ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того-же возраста, пріобрѣтаетъ не только право на полученіе вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его **полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій**, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя—его наслѣдникамъ, въ противномъ же случаѣ **ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.**

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ преміи, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—5

А. РАЛЛЕ и К° въ МОСКВѢ.

Мыло ланолиновое.	Пудра велют.-цвѣт.
Вода туалетная (особ.).	Мыло герань-роза.
Одеколонъ тройной.	Мыло лимонно-глицер.
Уксусъ цвѣточный.	Духи московскіе.
Вода сосновая.	Мыло для мытья головы.
Кольдъ-кремъ віолетъ.	Мыла санитарныя.

№ 3683

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—5

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

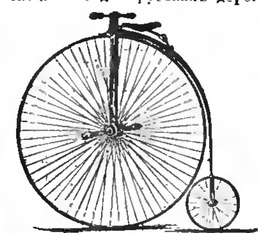
Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.



Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (7)

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:

Эдвльвейсъ, желтый левкой, жасминъ, гелiотропъ, ландышъ, оппопонаксъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая,

превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые цвѣты для носовыхъ платковъ.

Цѣна за флаконъ, содержащій ¼ фунта
1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Ц. № 3682 2—1

Изъ ОРЕНБУРГА пріѣхавшая продаетъ и чиститъ Оренбургск. пухов. платки и вуальки. Литейн. пр., 57, кв. 18, 1 эт. № 3681

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—9

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1888 годъ,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. А. ГОНЧАРОВА: „Слуги“**, большой историч. романъ **Д. В. АВЕРКІЕВА: „Вѣчу не быть“**, историч. романъ **П. Н. ПОЛЕВОГО: „Братья Соперники“** и его-же: **„Бытовые наброски русской исторіи“**, **Я. П. ПОЛОНСКАГО: „Повѣсть о правдѣ истинной и о кривдѣ лукавой“**, большой романъ графа **Е. А. САЛІАСА: „Бригадирская пичужка“**, большую повѣсть **Н. СТАНИЦКАГО: „Исторія одного таланта“**, разсказъ **Макс. БѢЛИНСКАГО: „Заповѣдный лѣсъ“**, комедія **В. КРЫЛОВА: „Сорванецъ“**, повѣсть **А. ЗАХАРОВА: „Защита Нарвы“**, разсказъ **Е. А. САЛІАСА: „Онъ-же“**, разсказъ **ТХОРЖЕВСКАГО: „Рекогносцировка“** и нѣсколько разсказовъ, стихотвореній и комедій извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигіенѣ, астрономіи, живописи, скульптурѣ, архитектурѣ, географіи, этнографіи, археологіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, путешествіямъ, технологіи и пр. и пр. Кромѣ того при „Нивѣ“ имѣется нѣсколько отдѣльныхъ безплатныхъ приложеній, состоящихъ изъ картинъ, печатан. акварельными красками, **„Сборника повѣстей и разсказовъ“** извѣстныхъ русскихъ писателей (отдѣльный томикъ, болѣе 260 стр.), **„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**, 12 №№, съ рисунк. костюмовъ, рукод. работъ, ажурныхъ работъ и пр. (къ переплетенному экз. „Нивы“ моды выдаются въ отдѣльномъ томѣ) и большой олеографической картины печат. масл. краск. съ оригинала **Ю. КЛЕВЕРА:**

„ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ПЕТЕРБУРГА“

($14^{3}/_{4}$ вершк. вышины и полтора аршина ширины).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми безплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован.	4 р.	Въ коленк. перепл.	5 р. 50 к.
Съ пересылкою . . .	6 р.	Съ пересылкою .	7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., № 6.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, пров. Кинуненъ. (53) № 2946

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ

КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.
(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія **металлическія** гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присущій имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить № 3679 3—1

Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

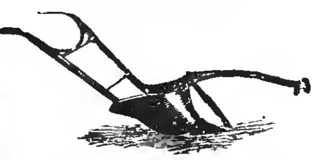
Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и проч.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галлантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.



предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣялки, жнеи, косилки, молотилки, вѣялки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр., и между прочимъ
новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.

№ 3680 **„КОЛОНИСТЪ“** 5—1

построенный весьма солидно и прочно и снабженн. всѣми улучшеніями плужной техники, марки **GA** по 8 р. 50 к., **SA** — 10 руб.

Улучшенн. ручную сѣялку ЧАМПІОНЪ
разсѣвающ. всякія сѣмена равномѣрнѣе и быстрѣе, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р.
Иллюстр. каталогъ по востребованію.

Вышелъ изъ печати въ 5-мъ изданіи.

„НИВА“ ВАЛЬСЪ

(посвящается Адольфу Федоровичу Марксу).
Цѣна съ пересылкою 75 коп.
Для подписчиковъ „Нивы“ (только черезъ контору „Нивы“) **45 коп.**
ПРОДАЕТСЯ У ИЗДАТЕЛЯ
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
Высылается безплатно каталогъ интересныхъ музыкальн. новостей.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города
Оплата купоновъ. № 3611 5—5
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

НОВЫЙ
АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ,

состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. И. СЕРГѢЕВА.**

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стиля; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. **Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ изящн. литограф. обложкѣ 1 р. 25 к.**, а съ пересылкою **1 р. 60 к.**

Требованія просятъ адресовать: въ **СПБ.**, въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

„НОВОСТЬ“

ЗА 5 МАРОКЪ
(иногородныхъ) высылается заказнымъ новый практическій стѣнной
КАЛЕНДАРЬ
на **1889** г.
(размѣръ 6½ в. × 9 в
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608 (8)

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Ф. А. Клима въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 1 февраля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. | № 7 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XX | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 февраля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Масляница. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XIV.

Ее глубоко обрадовалъ этотъ пріѣздъ, но радость ея была отравлена разными ядовитыми примѣсями. Прежде всего она знала, что ей предстоитъ допросъ, отъ котораго ее не спасутъ никакія двусмысленности и недомолвки, а между тѣмъ, старой увѣренности въ Аннетъ теперь уже какъ-то не было. Худо-ли, хорошо-ли, Аннетъ за эти четыре мѣсяца несомнѣнно сблизилась и вступила въ тѣсный союзъ съ Черенинымъ. Въ ея интересахъ?... да; но какъ далеко это у нихъ пошло, Паша не знала. Кто ей поручится, что ея признанія, такъ или иначе, не дойдутъ до него?... А если дойдутъ, если къ тому существуетъ хотя малѣйшее вѣроятіе, то какая дерзость съ ея стороны—сказать всю правду!... Не то-ли же это, какъ если-бъ онъ спрятанъ былъ гдѣ-нибудь тутъ и слушалъ?... Какой мѣдный лобъ надо имѣть, чтобъ разсказать, при этомъ незримомъ свидѣтелѣ, всѣ несчетныя, пережитыя ею за эти четыре мѣсяца униженія; а зачѣмъ? Чтобы въ самомъ счастливомъ случаѣ, стать для него предметомъ жалости?...

Вотъ что́ смущало Пашу, не позволяя ей ни къ чему приготовиться, ничего обдумать, преслѣдовало ее по лѣстницѣ, въ третій этажъ, какъ черная тѣнь отъ какой-то неотвратимой, нависшей надъ головою ея бѣды, и заставило, наконецъ, въ нерѣшимости, тяжело дыша, остановиться у входа...

Дрожащей рукой она позвонила... Шаги и веселый возгласъ за дверью... Кто-то нетерпѣливо ее отворялъ, и въ то-же мгновеніе она очутилась въ объятіяхъ Мезенской.

— Какъ похудѣла!... Пашута! Ангелъ мой! что́ съ тобой?

„Не говори!... Не говори!“ шепталъ какой-то внутренній голосъ на ухо Пашѣ.

* * *

Анна Григорьевна была статная, русая дѣвушка, нѣсколькими годами старше и полъ-головою выше, сильнѣе, румянѣе и дороднѣе Паши... Нацѣловавшись до опухоли въ губахъ, она потащила и усадила Пашу съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, который говорилъ ясно: „Ну нѣтъ, теперь ты отъ меня уже не отдѣлаешься!..“ Но такъ какъ, вслѣдствіе этой увѣренности, спѣшить было некуда, то она отложила серьёзное объясненіе и начала съ извѣстій. Ихъ накопилось множество и она выкидывала ихъ впопыхахъ, въ хаотическомъ безпорядкѣ, ежеминутно перерывая и перескакивая на что-нибудь новое, съ такой быстротой, что у друга ея голова кружилась.

— Пріѣхала поутру, да опоздала къ 11-ти, а послѣ 11-ти боялась что не застану... Братъ Паля хотѣлъ тоже быть... Онъ теперь въ П**, на выборахъ... Черенинъ не обѣщалъ навѣрно; но сто́итъ ему написать два слова... Да, между прочимъ, я недовольна тобой, но объ этомъ послѣ... Онъ въ хлопотахъ: у него двѣ недѣли тому назадъ сгорѣло Захаркино... 12 семействъ, зимой, безъ пристанища!.. Матушка приказала тебя расцѣловать... Я ее видѣла въ городѣ, передъ самымъ отъѣздомъ... Она продала свою рожь... Съ тѣхъ поръ какъ ты выслала деньги, очень повеселѣла, а передъ тѣмъ тревожилась за тебя... Ахъ, да! я и забыла тебѣ сказать... У насъ, въ Гривицахъ была свадьба: Леоконида Ивановна вышла замужъ за Вальберха... Я тоже едва не вышла...

— Какъ! можетъ-ли быть?.. За кого?

— Потомъ разскажу... Глупости!..

Но Паша требовала немедленнаго признанія.

— Ну слушай, это не длинно. Былъ у насъ лѣтомъ майоръ такой, нѣкто Бахрѣевъ,—ты вѣрно видѣла его въ городѣ, — къ роднѣ пріѣзжалъ... Лѣтъ этакъ ужь подъ сорокъ; но еще молодецъ собой; только усы себѣ краситъ, но краска отличная: черная съ сизымъ отливомъ, въ вороново крыло... Съ братьями гдѣ-то въ карты игралъ, и повадился съ этого къ намъ: разъ, и другой, и третій, то на два, то на три дня... Играетъ онъ мастерски; поэтому мы, съ утра до вечера, рѣзались въ винтъ... И только; больше рѣшительно ничего. Какъ вдругъ, послѣ его отъѣзда, Паля, со своею улыбочкой: „да ты что-жъ, говоритъ, зѣваешь?.. Вѣдь это женихъ!“ Я такъ и остолбенѣла. „Шутишь?“—„Какія тамъ шутки!.. Серьезно мнѣ признавался, что ты плѣнила его, и что онъ осмѣливается питать надежды“.—„Ахъ, Господи! да я и понятія о немъ не имѣю!..“ А Паля смѣется, знаешь, съ этой своей улыбочкой. „И я, говоритъ, тоже!“—„Чтожъ ты ему сказалъ?“—„Сказалъ, что это меня не касается...“ Смѣялись мы съ нимъ сначала: однако, чѣмъ чортъ не шутитъ! стали справляться... И что-же ты думаешь?.. Оказалось, что молодецъ подъ судомъ за растрату казенныхъ денегъ... Ну, послѣ этого, мы и просили ему передать, чтобы онъ больше не ѣздилъ... Да ты чего такой классною дамою на меня глядишь?.. Не плакать-же мнѣ, что меня миновали крашеные его усы!

Но Паша едва и сама давала себѣ отчетъ: отчего у ней сердце сжалось. Дѣло однакоже было просто. Ей почему-то пришло на умъ, что и она, до извѣстной степени, подъ судомъ... Стало-быть, не годится въ невѣсты... Стало-быть не о чемъ и писать Черенину... Нечего больше и думать о немъ!.. Нечего значитъ и прятаться отъ Аннетъ... Если-бы это знать навѣрно, это значительно упростило-бы дѣло. Но Паша еще не дошла до такой увѣренности.

— Я не могу смотрѣть, такъ легко, какъ ты, на серьезныя вещи, сказала она.

— А что-жъ тутъ серьезнаго?.. Что я съ нимъ играла въ карты?.. Больше вѣдь ничего... Вотъ у тебя съ Черенинымъ было и посерьёзнѣе, да и то теперь, для тебя пустяки!..

И она глядѣла съ укоромъ на Пашу.

— За что́ ты меня обижаешь, мой другъ? отвѣчала Ладищева, замѣчая съ ужасомъ, что допросъ уже начался.—Я никогда не шутила привязанностями... И я отъ тебя не скрывала...

— Ты? не скрывала? Да всѣ твои письма, отъ перваго до послѣдняго, не болѣе какъ одна игра въ прятки. Что́ я изъ нихъ узнала, кромѣ того, что у тебя здѣсь завелись какія-то затрудненія, о которыхъ ты можешь сказать только то, что это чужая тайна и что пока ты не развяжешься съ ними, я не должна отъ тебя ожидать ни слова искренняго?.. И это, по твоему, называется: *не скрывать!..*

Паша сидѣла какъ осужденная, чувствуя, что ей нечего больше сказать, но останавливаясь передъ признаніемъ, какъ передъ пропастью. Одинъ только шагъ туда внизъ—и все кончено: ей уже не за что́ удержаться, негдѣ остановиться: она полетитъ стремглавъ въ такую бездонную глубину, въ такія потёмки, которымъ конца не видать, навстрѣчу такимъ вопросамъ, которыхъ она и сама не смѣетъ еще себѣ задать...

Если-бъ была какая-нибудь возможность остановиться, въ исповѣди своей, на томъ, что́ случилось съ ней въ Грузовѣ... Но за Грузовымъ, надо будетъ разсказывать какъ ее увезли въ Петербургъ, въ Подьяческую, и продержали тамъ четверть часа въ передней, потомъ ругали и чуть не плевали въ лицо... Какъ она бѣгала въ кассу, чтобы заплатить Бурдюкову об-

рокъ... Какъ у нея завелся цѣлый кругъ секретныхъ знакомствъ, которыхъ она никогда не думала и не желала пріобрѣтать... Порфирій Ивановичъ, Мароа Никитишна, Анна Егоровна, гимназисты... Какъ наконецъ ее выкупила, Богу извѣстно съ какою цѣлью, совсѣмъ незнакомая женщина; и дальше, страшнѣе всего, какъ у нея отъискался защитникъ: знакомый съ одной стороны, незнакомый—съ другой... И какъ она, падая, ухватила въ отчаяніи эту протянутую ей безкорыстно, сильную руку, сблизилась съ нимъ, и, страшно признаться, бѣгаетъ уже къ нему, тайкомъ, по воскресеньямъ... Но тутъ, бездонная глубина теряла свои реальныя очертанія и превращалась въ какой-то миражъ... Неудержимое, неоглядное любопытство тянетъ ее—она и сама не знаетъ куда... Живая загадка стоитъ передъ ней въ образѣ молодаго, рыцарски преданнаго и сильнаго человѣка, который выросъ какъ изъ земли и принялъ ее подъ свою защиту. Онъ пылокъ и смѣлъ, и — если сердце ея не ошибается—любитъ ее... Онъ овладѣлъ ея воображеніемъ и она повѣрила ему безусловно... Но все это слишкомъ ужь хорошо для трезвой дѣйствительности—и на нее минутами нападаетъ сомнѣніе. Можетъ-быть это призракъ созданный притягательною силою бездны и собственнымъ ея головокруженіемъ?.. Паша не спрашивала еще себя объ этомъ; а между тѣмъ отъ нея уже требуютъ, чтобы она рѣшила этотъ неразрѣшимый вопросъ... И Аннетъ конечно не удовольствуется ничѣмъ, покуда не доберется до этого... И она не посовѣстится спросить съ укоромъ: а какъ-же съ тѣмъ?.. Тогда ей, несчастной, останется только закрыть руками лицо и сознаться Аннетъ, сознаться себѣ, что она не честная дѣвушка, а какое-то полоумное, жалкое существо, отъ котораго всѣ должны съ презрѣніемъ отвернуться и настоящее мѣсто котораго не между живыми людьми, а въ глубинѣ и потемкахъ бездоннаго омута!..

Но Паша отнюдь не давала себѣ отчета въ деталяхъ этого ужасающаго видѣнія. Оно промелькнуло въ спутанныхъ мысляхъ какъ молнія въ массѣ скученныхъ тучъ, и освѣтивъ мгновенно ихъ очертанія, столь-же мгновенно пропало.

* * *

— Ну, будетъ тебѣ секретничать! говорила Аннетъ, обнявъ и притягивая ее къ себѣ. — Сейчасъ разсказывай, что́ у тебя тутъ за дѣла... Признаться, мнѣ иногда приходило на умъ, что тебя тутъ впутали въ какую-нибудь подпольную, политическую игру, которая ранѣе или позже должна окончиться гдѣ-нибудь, куда Макаръ телятъ не гонялъ, — игру о которой писать по почтѣ ты не рѣшалась, — и мнѣ становилось страшно, такъ страшно, что я иногда, улегшись въ постель, по цѣлымъ часамъ не могла заснуть. Все думалось, вотъ, у тебя звонокъ, и тебя забираютъ въ часть... Но тутъ мы съ тобою однѣ, и ты знаешь, что я, когда нужно, умѣю молчать. Избавь ты меня, ради Бога, отъ этого кошмара, скажи, — я не буду выпытывать у тебя ничего,—скажи только *да* или *нѣтъ*.

— Нѣтъ, отвѣчала спокойно Паша.

— Такъ что-же такое? Ради Создателя—что́?

Уйти было некуда, но настигнутая и припертая въ уголъ Ладищева все-таки не хотѣла сдаться.

— Прости меня, Аня, сказала она съ виноватымъ видомъ.—Я не лгала, говоря, что я въ затрудненіяхъ... Позже когда-нибудь разскажу въ какихъ, и даю тебѣ слово, что ты узнаешь все; но я напрасно ссылалась на это, потому что не это мѣшало мнѣ быть съ тобою чистосердечною насчетъ Алексѣя Васильевича.

— А что-же? спросила Аннетъ, широко вытаращивъ глаза.

— Такъ, просто, вотъ видишь-ли, мнѣ надоѣло ваше преслѣдованіе, и я не хотѣла, чтобы, основываясь на этомъ глупомъ, вынужденномъ признаніи которое разъ уже сдѣлало меня сказкой всего уѣзда, вы сватали меня за него... Это насильство. Черенинъ мнѣ нравится, но я слишкомъ мало знаю его, чтобы желать отъ него чего-нибудь кромѣ дружбы и уваженія.

— Положимъ, сказала Анна Григорьевна, еще не оправившаяся отъ перваго изумленія, — но почему ты не хотѣла сказать мнѣ этого прямо, вмѣсто того чтобы ссылаться на вещи которыя тутъ не причемъ и которыхъ ты мнѣ не хочешь открыть?

— Прости меня, Аня! Я можетъ быть ошибалась, но мнѣ не вѣрилось, — да я и теперь еще не увѣрена,— что это идетъ отъ тебя одной. Мнѣ представлялся заговоръ, въ которомъ не только ты, но и братья твои,— вы всѣ за одно.

— Какая глупость!

— Помимо того, я боялась чтобы отвѣтъ, въ родѣ того, который ты слышишь, не переданъ былъ ему съ какими-нибудь прибавленіями и не принятъ былъ имъ за обвиненіе. Я не думала, чтобы онъ былъ въ заговорѣ, но онъ могъ вообразить себѣ, что я это думаю, и сдѣлать изъ этого очень обидныя заключенія... Я ни въ чемъ его не виню; но пусть-же и онъ меня не винитъ за мою рѣшимость окончить, такъ или иначе, эти пустые переговоры. Они начались слишкомъ глупо чтобы ихъ продолжать.

— Однако, ты не отталкиваешь его?

— Оставь пожалуйста этотъ вздоръ. Съ чего мнѣ его отталкивать? Развѣ онъ признавался мнѣ въ чемъ нибудь?.. предлагалъ мнѣ что-нибудь? Нѣтъ?.. ну такъ и мнѣ ему нечего отвѣчать. Пусть пріѣзжаетъ если ему угодно. Я рада видѣть его, но я его не зову и не могу ему ничего обѣщать.

Мезенская задумалась какъ человѣкъ который сбился съ дороги въ лѣсу.

— А это твое дорожное приключеніе, послѣ котораго, если вѣрить Сергѣю Ивановичу, ты здѣсь едва не слегла? спросила она, перескакивая черезъ какое-то неуловимое сочетаніе представленій.

— Боялась чтобъ не дошло до маменьки, отвѣчала Паша.

Анна Григорьевна была очень огорчена и втайнѣ души недовольна Пашей; но получивъ уже отъ нея урокъ, на который не знала что́ возражать, и не желая напрашиваться на повтореніе, молчала надувшись.

— Ты сердишься на меня? сказала, обнявъ ее, Паша.

— Нѣтъ... мнѣ только жалко бѣднаго Алексѣя Васильевича.

Ладищевой было еще больше жалко его; только она не хотѣла въ этомъ сознаться.

— Мнѣ почему-то думается, продолжала Аннетъ,— что онъ серьёзно привязанъ къ тебѣ.

— Не замѣчала.

— Ну, въ этомъ не онъ одинъ виноватъ... Ты знаешь какъ онъ застѣнчивъ, и мало увѣренъ въ себѣ. Такіе люди нуждаются въ поощреніи.

— Отъ этого ты вѣроятно и вызвалась его поощрять?

— Я думала, что ты будешь мнѣ благодарна за это. Но, къ сожалѣнію, вижу теперь что я ошиблась.

— Нѣтъ, Аня, какъ я ни цѣню твою дружбу, но я не могу быть благодарна тебѣ за твою нескромность... Потому что нескромно вмѣшиваться между людьми и поощрять, сама не зная что̀ и зачѣмъ. Все это изъ одного куска съ вашимъ безсовѣстнымъ, гадкимъ „внушеніемъ“.

Она говорила довольно сдержанно, но ей сто́ило это величайшихъ усилій и на нее нападалъ минутами страхъ, что она не выдержитъ до конца. Но еще болѣе мучили Пашу укоры совѣсти, которая неотступно твердила, что какъ-бы серьезны ни были ея оправдательныя причины, а она все-же не искренна со своимъ лучшимъ другомъ и прячетъ отъ ней самое важ-

Масляница. Передъ балаганомъ, для приманки зрителей. Съ карт. Шаумана, грав. Гейеръ и Кирмзе.

Масляница. Съ блиновъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

ное. Никогда, ранѣе, этого съ нею не было, и она сочла-бы за оскорбленіе, еслибы кто-нибудь даже мысленно заподозрилъ ее въ попыткѣ отвесть человѣку глаза двусмысленностями и недомолвками... А теперь!.. Какъ низко надо было упасть, чтобы, оглядываясь назадъ, всего за четыре мѣсяца, не узнавать въ себѣ прежняго человѣка, съ прежнею совѣстью!..

Все это поднялось въ ней вдругъ и голосъ ея оборвался.

— Безсовѣстно! повторила она почти шепотомъ, чувствуя въ ужасѣ, что она не въ силахъ долѣе совладать съ собой. — Безсовѣстно! вырвалось у нея еще разъ, но уже громко и съ отголоскомъ отчаянія. — Шутя, испортить всю жизнь человѣку!.. Сдѣлать съ нимъ то, что онъ самъ не можетъ себя узнать!.. Втоптать его въ грязь и отнять у него всѣ надежды, — всю вѣру въ себя!.. И все шутя, понимаешь-ли, Аня,— шутя!..

И она зарыдала.

— Паша! голубушка! Милая! восклицала Аннетъ, сбитая окончательно съ толку, но сильно подозрѣвая, что дѣвушка спрятала отъ нея что-нибудь очень важное.—Пашута! Признайся, ты лжешь?.. Ты любишь его?

— Нѣтъ, не люблю! отвѣчала несчастная. — Нѣтъ! Нѣтъ! Оставь меня! Я не знаю, что со мной дѣлается, но я умоляю тебя, оставь! Не допрашивай. Потому что вѣдь ты не знаешь—вѣдь это пытка!.. Невыносимая пытка!.. О! я съ ума сойду!..

Мало-по-малу однако, она совладала съ собой, и Аннѣ Григорьевнѣ, не взирая ни на какія ласки и увѣщанія, не удалось отъ нея ничего добиться.

— Оставимъ это, пожалуйста, повторяла Паша. — Пожалуйста!.. Если ты любишь меня, оставимъ это разъ навсегда, чтобы объ этомъ болѣе и помину не было!.. Разскажи мнѣ лучше что-нибудь о твоемъ майорѣ. Меня онъ очень интересуетъ.

Анна Григорьевна улыбнулась и начала разсказывать о майорѣ.

***

Поздно вечеромъ Паша вернулась домой, измученная, съ жестокою болью въ сердцѣ, но гордая завоеванною свободой.

Увы! Завоеванія, даже и самыя мирныя, рѣдко обходятся безъ кровавыхъ жертвъ!

XV.

Настали праздники, и за ними, въ полномъ разгарѣ, сезонъ пикниковъ. По вечерамъ, на главныхъ загородныхъ путяхъ, стоялъ неумолкающій звонъ бубенчиковъ, и стѣны модныхъ пристанищъ столичнаго кутежа едва вмѣщали своихъ посѣтителей. Тройка за тройкой, скрыпя полозьями, подкатывала къ залитому огнями подъѣзду, сдавала швейцару своихъ сѣдоковъ и отъѣзжала, одѣтая облакомъ пара. Внутри гремѣла музыка, хлопали пробки, звенѣла посуда, сновала сбитая съ ногъ прислуга во фракахъ, съ подносами, на которыхъ дрожали горы тарелокъ, съ закутанными въ салфетки, дымящимися мисками, соусниками и блюдами. Въ сіяющихъ окнахъ мелькали тѣни, изъ отворяющихся дверей, какъ изъ пчелиныхъ ульевъ, минутами доносился смутный гулъ голосовъ, слышны были громкіе возгласы, пѣсни, визгливые крики, хохотъ...

Было уже за полночь когда на крыльцѣ одного изъ загородныхъ ресторановъ появилось нѣсколько дамъ и и мужчинъ, кто съ раскраснѣвшимися щеками и воспаленнымъ взоромъ, кто—блѣдный отъ перегрѣтаго воздуха и отъ переполненнаго желудка.

— Тройка Шалыгина! крикнулъ швейцаръ, и убранная коврами, съ густой мѣховою полостью, тройка лихо подъѣхала къ ступенямъ крыльца. Въ нее усадили Марью Кондратьевну съ двумя интересными молодыми особами, какъ-то не твердо стоявшими на ногахъ; а vis-à-vis помѣстились: видный мужчина подъ пятьдесятъ, въ ильковой шубѣ, съ сильною просѣдью въ бородѣ, Стойницкій и Лагодинъ. Послѣдній былъ веселъ какъ школьникъ, только что сдавшій экзаменъ, вралъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ и заодно съ Шалыгинымъ, который былъ пьянъ, заставлялъ кататься со смѣху дамъ. Марья Кондратьевна плакала, улыбаясь, какъ это случалось съ ней часто послѣ шампанскаго. Стойницкій ораторствовалъ передъ какой-то воображаемой публикой... Но свѣжій, морозный воздухъ скоро отрезвилъ всѣхъ.

Дорогой они обгоняли, или ихъ обгоняли другія тройки, въ которыхъ было не менѣе шумно и весело. Снѣжная пыль отъ копытъ серебрила бархатныя ротонды дамъ и мужскіе воротники. По сторонамъ дороги, мелькали, какъ привидѣнія, одѣтые зимнимъ саваномъ, загородные дома и дачи, съ забитыми наглухо ставнями и дверьми, — уснувшіе зимнею спячкою парки, балконы и цвѣтники... Вверху, сверкали холоднымъ блескомъ далекія звѣзды... Городъ съ своими безчисленными огнями, близился и какъ старый отецъ обнималъ возвращающихся подъ кровъ его, блудныхъ дѣтей... Мелькнули: высокая, крѣпостная игла и безконечный рядъ фонарей, обозначающихъ набережныя, потянулись мосты и площади.

У въѣзда на Невскій, тройка остановилась, и молодые люди, видимо не желавшіе разставаться такъ скоро съ своими спутницами, перешепнувшись, высадили ихъ изъ саней.

Марья Кондратьевна, вспоминая свои молодые года, добродушно надъ ними подсмѣивалась.

— И вы туда же? сказала она Стойницкому.

— Homo sum, отвѣчалъ юристъ съ своимъ невозмутимымъ апломбомъ.

„Пьянъ!“ подумала она, и махнувъ рукой обратилась къ Лагодину.

— Такъ не забудьте же: завтра я жду васъ обоихъ къ пяти.

— Mille gracie! Неминуемо буду.

— Да ради Бога, не заѣзжайте съ Алею никуда. Ей завтра поутру надо быть въ Маріинскомъ, на репетиціи.

— Будьте спокойны.

И пары разстались.

На другой день, Сергѣй Ивановичъ явился первый и на вопросъ объ Алѣ удостовѣрилъ что все обстоитъ благополучно.

Сережа ничего не зналъ о затѣяхъ Марьи Кондратьевны и пріятеля. Введенный послѣднимъ въ домъ, онъ скоро сошелся на *ты* съ кружкомъ артистическихъ его завсегдатаевъ и сталъ между ними болѣе свой чѣмъ иной цыганъ по профессіи, — свой по природѣ, которая позволяла ему смотрѣть на жизнь какъ на вѣчный праздникъ, не думая на чей счетъ онъ дается и долго-ли будетъ длиться. Сама хозяйка такъ увлекалась Сережей что забывала съ нимъ часто даже политику. Лагодинъ напоминалъ ей то золотое время, когда она и сама жила какъ птица небесная... Но Шалыгинъ былъ тутъ—и надо было спѣшить.

Въ бесѣдахъ своихъ глазъ-на-глазъ съ Сережей, касаясь Стойницкаго, она увѣряла уже не разъ съ лукавой усмѣшкою, что юристъ совсѣмъ не такъ исключительно занятъ дѣломъ, какъ многіе это думаютъ, и намекала на вовсе не юридическіе предметы, которыми онъ иногда увлекается.

— Его однако же нѣтъ, сказала она, посмотрѣвъ на часы. — Вамъ неизвѣстно куда онъ дѣвался вчера съ Залевской?

— Нѣтъ; они перехватили у насъ извощика и уѣхали первые.

— А что значитъ „homo sum“?

— Значитъ: — „есмь человѣкъ и не стыжусь ничего человѣческаго“... Чего вы смѣетесь? Это латинская, хо-

рошо извѣстная поговорка, которой онъ не докончилъ вчера, полагая что дѣло и такъ понятно... Надо однако надѣяться что M-lle Залевская не была съ нимъ безчеловѣчна.

— Не врите! Я не люблю когда молодые люди ведутъ себя такъ не скромно, сказала Рогневичъ смѣясь. — Берите примѣръ со Стойницкаго. Онъ если когда и совретъ, то позаботится это сдѣлать такъ чтобы хоть дамы не поняли... Homo sum!.. А я думала это значитъ: „Пьянъ“...

И она покатилась со смѣху. Лагодинъ вслѣдъ за ней.

— У этого „гомосума“ однако долженъ быть постоянный предметъ?... Такъ какъ и это вѣдь тоже принадлежитъ къ числу человѣческихъ слабостей.

— Вѣрно, сказалъ Сережа.—И я даже знаю какой. Онъ раньше интересовался одною изъ моихъ кузинъ; а теперь еще усерднѣе занятъ другой... Это племянница дяди Ивана Ѳедоровича, Паша Ладищева.

— Прасковья Петровна?... Смугленькая?.. Ну, я такъ и думала.

— А вы развѣ знаете Пашу?

— Знаю.

Сергѣй Ивановичъ былъ такъ изумленъ, что съ минуту молча смотрѣлъ на хозяйку.

— Можетъ-ли это быть?.. Какимъ образомъ?

— Да какъ люди обыкновенно знаются. Видѣлись и имѣли дѣло. Она даже была здѣсь у меня.

— Паша?.. Ахъ, Господи! Да какія у Паши дѣла, о которыхъ мы всѣ не знали бы?

— Какъ вы любопытны! сказала Марья Кондратьевна, улыбаясь, что называется, во весь ротъ. — Будьте спокойны; я знаю съ кѣмъ я имѣю дѣло, и ваша кузина, здѣсь у меня по крайней мѣрѣ, не рисковала ничѣмъ...

— Викторъ Михайловичъ Стойницкій, сказалъ, показываясь въ дверяхъ, лакей.

— Пожалуйста, ни полъ-слова при немъ! проворно шепнула Рогневичъ.

***

— Какія дѣла у Марьи Кондратьевны съ Пашей? спросилъ Сергѣй у юриста, вечеромъ, когда они вышли вмѣстѣ на улицу.

— Дѣла? повторилъ тотъ небрежно, догадываясь что Марья Кондратьевна выступила въ походъ.

— Да; она говорила, безъ васъ, что она знаетъ Пашу.

— Случай, рѣшилъ Стойницкій.

— Вы знали однако объ этомъ?

— Недавно узналъ.

— И скрыли отъ насъ?

— „Скрыли“—невѣрный терминъ... Если она не считаетъ нужнымъ разсказывать о своихъ случайныхъ знакомствахъ дома, то съ какой стати мнѣ брать это на себя?

Сергѣй смотрѣлъ на него недовѣрчиво.

„Сядетъ сейчасъ на извощика“, думалъ онъ, — „и удеретъ.“

Но, къ удовольствію его, Стойницкій не торопился, и они пошли вмѣстѣ, по Мойкѣ, по направленію къ Невскому.

— И только? спросилъ Сергѣй.

— Не знаю что̀ она вамъ еще разсказывала, отвѣчалъ осторожно его пріятель.

— Смѣялась и не хотѣла мнѣ ничего объяснить. „Такъ, видѣлась, молъ, и имѣла дѣло.“

— Встрѣтились гдѣ-то случайно, сказалъ юристъ.— А дѣло денежное... Если-бъ вы заняли, напримѣръ, у Шалыгина, 300 рублей, то это не значитъ еще что вы имѣете съ нимъ дѣла, не правда-ли?

— Кузина однако была у нея.

— Такъ что-жъ?

— Послушайте, Викторъ Михайловичъ, продолжалъ Сергѣй съ озабоченнымъ видомъ, — если-бъ это было не больше какъ встрѣча со случайнымъ заимодавцемъ, то о подобныхъ вещахъ не стоило бы и говорить; но я имѣю причины думать, что это немножко не такъ. У Паши, какъ всѣ домашніе замѣчали, есть уже нѣсколько мѣсяцевъ что-то такое, что̀ очень ее безпокоитъ и что̀ она прячетъ отъ всѣхъ. Извѣстно или неизвѣстно объ этомъ что-нибудь Марьѣ Кондратьевнѣ, это мало меня интересуетъ, потому что она чужой человѣкъ и что̀ важно для Паши—въ ея глазахъ можетъ быть совершенные пустяки. Но вы — другое дѣло. Вы знаете все семейство и приняты въ домѣ какъ человѣкъ на дружбу котораго мы имѣемъ право разсчитывать. Поэтому васъ не должно удивлять что я пристаю къ вамъ съ вопросами.

— Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ Стойницкій со своимъ обычнымъ апломбомъ. — Сколько угодно... Нашего брата не удивишь вопросами, такъ какъ намъ приходится обязательно отвѣчать на нихъ — сотнями. Только вопросы вопросамъ рознь. Есть вещи, на которыя я могу категорически отвѣчать; какъ напримѣръ, я могу васъ увѣрить, что у Рогневичъ нѣтъ никакого дѣла, въ которомъ Прасковья Петровна была бы хоть на волосъ лично заинтересована... Но это случай, а вообще говоря, я не въ правѣ разсказывать даже родному отцу того что̀ довѣрено мнѣ отъ моихъ кліентовъ... Это принципъ... Затѣмъ что̀ касается собственно вашей кузины, я знаю, весьма вѣроятно, не болѣе если не менѣе васъ. Но если бы я случайно и зналъ что-нибудь неизвѣстное вамъ, то именно эта скрытность ея со своимъ семействомъ сдѣлала бы меня вдвойнѣ осмотрительнымъ. Такъ какъ, во-первыхъ, мнѣ неизвѣстны мотивы которые ее заставляютъ молчать и которые могутъ быть очень серьезны; а во-вторыхъ, она можетъ быть скрываетъ именно то, что̀ я, не зная ея соображеній, счелъ бы возможнымъ вамъ сообщить. Тогда я опять-таки оказался бы виноватъ передъ нею въ нескромности; а нескромность у нашего брата — смертельный грѣхъ.

— Постойте, голубчикъ, перебилъ Лагодинъ. — Всѣ эти профессіональныя тонкости только запутываютъ вопросъ. Одна уже важность, которую вы придаете ему, не оставляетъ сомнѣнія, что у Паши есть дѣло, извѣстное вамъ и Марьѣ Кондратьевнѣ, но составляющее секретъ для ея семейства. И именно это дѣло вы прячете:—*вы*, отъ котораго мы имѣли бы право ждать полной искренности.

— Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, мой другъ, что вы сами себѣ противорѣчите. Кто прячетъ? Прежде всего, какъ вы говорите, — она; и это уже давно — четыре мѣсяца. Спрашивается: при чемъ же я тутъ?.. Я съ мѣсяцъ тому назадъ и понятія не имѣлъ что у Прасковьи Петровны есть вообще какія-нибудь дѣла. А позже, осмѣлюсь вамъ доложить, все дѣловое мое участіе состояло въ томъ, что Марья Кондратьевна поручила мнѣ заплатить за вашу кузину по векселю, и что по этому поводу я имѣлъ два или три дѣловыхъ объясненія. Это единственный, осязательный фактъ, и какъ видите, я не прячу его отъ васъ, хотя Прасковья Петровна можетъ быть и задастъ мнѣ за это головомойку. А все остальное относится къ области темныхъ догадокъ и подозрѣній, съ которою вы очевидно знакомы лучше чѣмъ я.

— Вотъ то-то что нѣтъ, отвѣчалъ Сергѣй, чувствуя что ему не по силамъ бороться съ такимъ противникомъ. — Кромѣ догадки что съ Пашею было какое-то приключеніе, которое она прячетъ отъ насъ, мнѣ неизвѣстно рѣшительно ничего.

***

Къ этому времени они были уже на Полицейскомъ мосту и словно по уговору оба остановились.

— Однако, куда мы идемъ? сказалъ Лагодинъ.

— Если вамъ все равно, то зайдемте ко мнѣ, предложилъ его спутникъ.

И черезъ 10 минутъ они продолжали прерванную бесѣду, въ Конюшенной, въ кабинетѣ Стойницкаго.

— Странно! сказалъ послѣдній. — Вы говорите что вамъ ничего неизвѣстно; а Софья Ивановна говоритъ другое.

— Соня?

— Да, она увѣряла меня на-дняхъ, что съ Прасковьей Петровной, которая по характеру якобы далека отъ всего романическаго, случаются, какъ на смѣхъ, самыя странныя приключенія. И когда я, естественно, интересовался узнать какія, отправила меня за отвѣтомъ къ вамъ.

Это обезоружило наконецъ Сергѣя.

— Мистификація! отвѣчалъ онъ смѣясь. — И совершенно во вкусѣ Софьи Ивановны, которая любитъ сдѣлать изъ мухи слона, когда ей нужно кого-нибудь подразнить... Но шутки всторону. Никакихъ романическихъ приключеній за Пашею я не знаю. А былъ одинъ случай, еще до пріѣзда ея сюда, въ деревнѣ... Такъ, шалость между своими людьми, о которой не стоило бы и говорить. Но если Соня интриговала васъ этимъ вздоромъ, то я, такъ и быть, разскажу.

И онъ повторилъ, въ короткихъ словахъ, исторію трехъ внушеній, не замѣчая какое сильное впечатлѣніе она производитъ на новаго слушателя. Сергѣй былъ увѣренъ что этотъ скептикъ только изъ вѣжливости не перебиваетъ его, какъ онъ это дѣлалъ съ другими въ подобныхъ случаяхъ, какою-нибудь циническою шуткой. А между тѣмъ Стойницкому, въ эту минуту, было совсѣмъ не до шутокъ. Онъ слушалъ его съ лихорадочною жадностью сыщика, котораго дѣтская болтовня неожиданно навела на слѣдъ глубоко запрятанной тайны, и руки его, когда онъ закуривалъ нѣсколько разъ потухавшую папиросу, тряслись. Какой-то небрежный повидимому вопросъ былъ сдѣланъ имъ мимоходомъ, послѣ котораго онъ замолчалъ и, дослушавъ разсказъ до конца, смотрѣлъ на Сергѣя безсодержательнымъ взоромъ.

— Васъ утомилъ этотъ вздоръ? спросилъ Лагодинъ.

— Нѣтъ, ничего; только этого рода исторіи, знаете, производятъ на непривычнаго странное впечатлѣніе. Словно васъ опоили дурманомъ и вы не даете себѣ отчета: гдѣ вы, что̀ съ вами дѣлается... Въ глазахъ пеструтъ, разсудокъ отказывается служить и вы вообще глупѣете.

— Да, это отчасти правда, сказалъ Сергѣй, и помолчавъ, вернулся, по выраженію басни, къ своимъ баранамъ.

— Вы ничего не имѣете противъ того чтобы я поговорилъ объ этомъ серьезно съ Пашей? спросилъ онъ, забывъ уже свой разсказъ.

— Я?.. нѣтъ... Только наврядъ-ли вы отъ нея узнаете что-нибудь.

— Но я ей скажу что я не могу оставить этого такъ, и что если она отказывается чистосердечно мнѣ объяснить въ чемъ дѣло, то я буду вынужденъ поговорить объ этомъ съ дядей.

— Дѣлайте что̀ угодно, сказалъ Стойницкій: — только не путайте, если возможно, меня. И я бы совѣтовалъ вамъ сперва допросить хорошенько Марью Кондратьевну. Она вѣроятно знаетъ болѣе моего; а изъ того что̀ она вамъ выболтала, безъ всякой необходимости, насчетъ своего знакомства съ Прасковьей Петровной, вы можете сами понять, что она не грѣшитъ особенной скрытностью.

Сергѣй посидѣлъ, посмотрѣлъ, но видя что Стойницкому больше не до него, ушелъ озабоченный.

* * *

На другой день онъ былъ у Паши, въ правленіи. Дѣвушка съ первыхъ словъ его измѣнилась въ лицѣ, догадываясь что тайна ея со всѣхъ сторонъ выходитъ наружу; но не взирая на то, наотрѣзъ отказалась отъ объясненія.

— На что̀ тебѣ знать гдѣ я встрѣтила Марью Кондратьевну, говорила она, — и зачѣмъ у нея занимала деньги?.. Это касается только меня одной и я не хочу чтобы меня осаждали допросами... Я тоже не знала что ты съ ней знакомъ, и до сихъ поръ не знаю чего тебѣ нужно у ней, но я и гроша не дамъ чтобы это знать.

— Да чортъ съ ней! перебилъ Лагодинъ. — Скажи мнѣ только: есть или нѣтъ у тебя какія-нибудь затрудненія, въ которыхъ я могъ бы тебѣ помочь.

— Нѣтъ, отвѣчала она рѣшительно.

— Послушай, Паша, я не навязываюсь тебѣ въ совѣтники, но мнѣ обидно за все семейство. Если бъ никто не зналъ, ты могла бы пожалуй еще сказать что это касается только тебя одной. Но ты прячешь отъ насъ дѣла, которыя хорошо извѣстны совсѣмъ посторроннимъ людямъ.

— Какія дѣла? спросила дѣвушка, вспыхнувъ.

— А эта дорожная непріятность, которая у тебя была съ какимъ-то проѣзжимъ... и вексель, который онъ взялъ съ тебя..., и твои посѣщенія въ ссудную кассу...

— Еще что?

— Да развѣ этого мало?... (Онъ болѣе ничего не зналъ).

— Оставь меня, ради Бога, въ покоѣ. Я не могу тебѣ ничего сказать.

— Такъ объясни, по крайней мѣрѣ, зачѣмъ ты скрываешь такія вещи отъ тетушки и отъ дяди.

— Боюсь, что меня съ ума сведутъ попреками и допросами.

— Какой вздоръ!...

Но сколько онъ ни старался увѣрить ее что она напрасно трусить, — что это доказываетъ только какъ мало она еще знаетъ дядю и тетку, — все пропадало даромъ.

— Ну, если такъ, сказалъ Лагодинъ, вдругъ измѣняя тонъ, — то я ѣду сейчасъ же къ дядѣ и самъ ему все разскажу.

Паша уставила на него испуганные глаза. Въ головѣ у нея пошло кругомъ.

— Нѣтъ!... Нѣтъ! шептала она. — Не дѣлай этого!. Это подло!

— Такъ признавайся.

— Сережа, голубчикъ, не торопи!... Дай мнѣ хоть немного времени... Сережа, милый!...

Она вцѣпилась какъ кошка въ его рукава и не пускала.

Сережа принялъ было неумолимый видъ; но замѣтивъ слёзы у ней на глазахъ, растаялъ и далъ ей недѣлю на размышленіе.

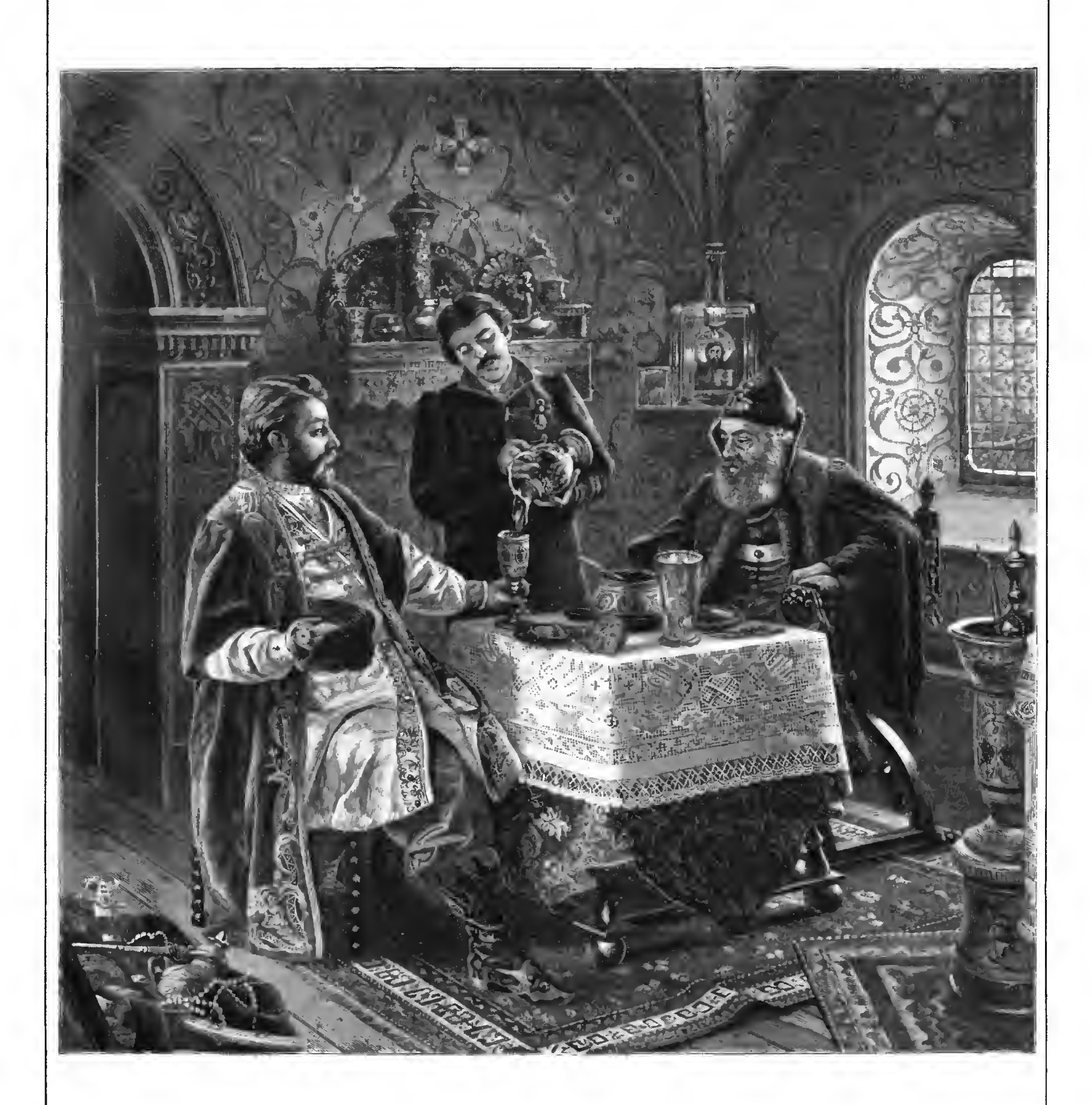
(Продолженіе будетъ).

Картинки полковой жизни.

— Гришка! Степка! Солдаты идутъ! Бѣжимъ маршировать! вопятъ ребятишки, завидѣвъ двигающуюся по улицѣ колонну пѣхоты, и первые спѣшатъ навстрѣчу къ приближающемуся полку.

Заиграла музыка и повсюду изъ оконъ повысовывались заспанныя лица желавшихъ взглянуть на выступающій въ лагери полкъ. Прохожіе столпились на тротуарѣ. Торговцы выползли изъ своихъ лавочекъ и на вопросы любопытныхъ кухарокъ и горничныхъ: „Какіе такіе военные? Куда опи идутъ?“ — неопредѣленно отвѣчаютъ: „Должно какой ни на есть полкъ, на ученье, либо на парадъ.“

Мальчишки шумной гурьбой провожаютъ солдатъ, смѣльчаки



Милый гость. Съ карт. рус. художн. О. Фрейвирта, грав. Шюблеръ.

подбѣгаютъ поближе къ музыкантамъ и маршируютъ съ торжествующимъ видомъ, воображая себя настоящими солдатами.

— А это должно-бы ихній енералъ, изъ себя-то положительный такой. Какъ есть начальникъ, показываетъ лавочникъ на полковаго командира.

— Энтотъ? Ишь ты какой осанистый! Строгъ, надо полагать.

— Ахти, батюшки! Сколько ихъ тутъ, страсть! Да всѣ бравые, какъ на подборъ! удивляется старушка, пріостановивши интересную бесѣду со встрѣтившейся знакомой о нынѣшней дороговизнѣ.

Бодро идетъ полкъ. Солдаты передъ публикой въ грязь не ударятъ. Кто-бъ узналъ въ этихъ молодцоватыхъ на видъ Коротковыхъ, Тупицыныхъ—нерасторопныхъ деревенскихъ Прошекъ и Ванекъ?.. Идетъ точно картинка. Талія туго перетянута портупеей, грудь на выкатъ. Усы вьются въ колечко. Пуговички горятъ какъ жаръ. „Ерой" да и только.

— Что, кавалеръ, куда это вы собрались? спрашиваетъ солдата храбрая бабенка.

— Небось думаешь всѣ къ тебѣ въ гости? Жирно будетъ, востроглазая! отвѣчаетъ кавалеръ.

— Ишь ты, лѣшій, чего вздумалъ! хохочетъ женщина, оставшаяся довольною комплиментомъ.

— Цц! вотъ такъ краля! причмокнулъ унтеръ-бакенбардистъ, увидѣвъ разфранченную круглолицую кормилицу, которая плавно выступала по тротуару.

— И походка, опять, у ней антиресная, точно это, опять, цермулярнымъ маршемъ — право. Къ намъ бы ее за флангового. Прахъ ее забери!

— Да, баба гладкая!

— А хорошее житье въ мамкахъ! Одно тебѣ дѣло, знай корми. Работы никакой. Кушанье господское...

— Не собрался-ли ты въ мамки-кормилки поступить, что больно завидуешь?..

Какой-то спотыкавшійся на улицѣ оборванецъ съ испитымъ лицомъ, замѣтивъ солдатъ, пріостановился, и раскачиваясь въ стороны, захрипѣлъ: „лѣвой, правой, лѣв..." но не успѣлъ онъ докончить слова, какъ рукой городскаго стража былъ увлеченъ по направленію къ мѣсту успокоивающему буяновъ. Нарушитель общественнаго спокойствія не унимался и кричалъ:

— Я самъ воен-ный... самъ...

Солдаты по поводу такой сцены дѣлаютъ свои заключенія.

— Какъ нашъ Демидовъ на проводахъ не натрескался? Удивительное дѣло.

— Въ карцѣ сидѣлъ двое сутокъ, тамъ не напьешься, развѣ водицей.

— А здоровъ, братцы, и пить онъ. Налопается и лежитъ словно боровъ — никого то-есть ни пальцемъ не тронетъ.

— Вотъ Лисицынъ первымъ дѣломъ драться лѣзетъ. Почнетъ это сичасъ ругаться. Не сдобровать ему, когда-нибудь безпремѣнно...

— Не оттягивай! Второе отдѣленіе не отставать! недовольнымъ голосомъ прерываетъ бесѣду офицеръ, который обыкновенно любилъ побалагурить съ солдатами.

Вечеръ наканунѣ выступленія въ лагери дорого обошелся Церемоніалову, такую фамилію носилъ офицеръ. Вчера, когда вокругъ раздавались возгласы:

Дайте бокалы, дайте вина!..
Пусть насъ веселыхъ видитъ заря!..

все было трынъ-трава. А сегодня? „Тьфу, какая пошлость! думалось ему. Сколько разъ давалъ себѣ слово не заходить туда... Спать-то какъ хочется... Чортъ знаетъ откуда теперь денегъ достану? Ну чего народъ радуется?"

И съ досады буркнулъ:

— Чего тамъ зачастили? Держи ногу!

— Ну, братцы, поручикъ осерчалъ, перешептывались солдаты.

— Вѣдь вотъ этотъ толстопузый купчина небось тысячами ворочаетъ, продолжалъ разсуждать Церемоніаловъ со своей собственной персоной, завидѣвъ почтеннаго коммерсанта, который своей надутой фигурой съ излишкомъ занялъ сидѣнье дребезжащей линейки и, упершись ладонями въ пухлыя колѣна, самодовольно поглядывалъ по сторонамъ, „вотъ-де мы какіе, степенство значитъ."—А зачѣмъ деньги ему?.. Самаго-то смаку жизненнаго онъ не постигаетъ... У-у!..

Съ такими черными мысями Церемоніаловъ доплелся съ полкомъ до вокзала желѣзной дороги.

„Люди" — подъ такимъ громкимъ именемъ слывутъ у офицеровъ нижніе чины—разсажены по вагонамъ. Офицеры тоже размѣстились. Въ нѣсколькихъ вагонахъ загудѣли и засвистѣли пѣсенники. Хоръ музыки загремѣлъ скорый маршъ...

Сквозь массу звуковъ, наполнявшихъ дебаркадеръ, рѣзко протиснулся сигналъ къ отправленію поѣзда. Локомотивъ, давно уже нетерпѣливо пыхтѣвшій, присвиснулъ и сталъ мѣрно выбираться изъ-подъ навѣса. Солдатскія головы замелькали въ окнахъ вагоновъ, раскланиваясь съ незнакомыми лицами, которыя невольно улыбались, наблюдая за веселой, ликующей компаніей.

Постепенно платформа уходитъ отъ поѣзда, а съ ней и публика, глазѣвшая на отправку полка. Вскорѣ звуки марша начинаютъ долетать все тише и тише, и наконецъ совсѣмъ замолкаютъ. Слышенъ только глухой шумъ колесъ и мѣрные удары золотника. Изрѣдка пронзительный свистъ локомотива огласитъ сѣренькую окрестность. Сторожки ползутъ въ даль одна за другой, передъ ними по большей части стоятъ бабы, безучастно держа въ рукахъ флаги. Кой-гдѣ подлѣ шлагбаума чухонецъ придерживаетъ за уздечку свою лошадку, вздумавшую встать на дыбы и обратиться вспять отъ дымящагося чудовища. Далеко по обѣ стороны дороги виднѣется кочковатая поверхность, покрытая мелкимъ кустарникомъ. Коровы, бродящія вблизи рельсовъ, апатично поглядываютъ на поѣздъ. Молодое рогатое поколѣніе, задравъ хвосты, выбрыкиваетъ, находясь въ полнѣйшемъ телячьемъ восторгѣ; подлѣ нихъ попрыгиваютъ спутанныя лошади.

Въ офицерскомъ вагонѣ царствуетъ молчаніе, полное затишье; послѣ безсонной ночи многіе предались объятіямъ Морфея. Только изрѣдка какой-нибудь политикъ зашуршитъ газетой или шушуканье неугомонныхъ прапорщиковъ на минуту перейдетъ въ нетерпѣливый говоръ. И снова все тихо и спокойно...

Церемоніаловъ, забравшись въ вагонъ, усѣлся поудобнѣе и погрузился въ думы. Мягкія подушки въ вагонѣ перваго класса, веселый полушепотъ молодыхъ сосѣдей подѣйствовали на него успокоительно. До Церемоніалова долетали слова: „Проценты деретъ жидовскіе, а деньги нужны были до зарѣзу..." Это несказанно его ободрило.

„Вѣдь не я одинъ долженъ, вотъ и другіе тоже, а смѣются... Устроюсь какъ-нибудь. Можетъ быть дастъ въ долгъ Петръ Никитичъ. Да, навѣрное дастъ. Получу отъ матери, ему заплачу... Однако послѣ какъ-же, чѣмъ жить?.." пришло ему въ голову. „Эхъ, вотъ пустяки! Не умру-же въ самомъ дѣлѣ съ голоду... Нельзя-же въ самомъ дѣлѣ жить отшельникомъ. „„Блаженъ кто съ молоду былъ молодъ..."" словами поэта подтвердилъ Церемоніаловъ свою аргументацію и вполнѣ успокоился. На лицѣ его постепенно разлилась самая сладкая улыбка, вѣроятно отъ воспоминанія чего-то очень и очень пріятнаго...

Въ углу вагона сидитъ задумчивый солдатъ-малороссъ. Онъ одинъ сынъ у старухи-матери и попалъ на службу совершенно неожиданно. При поступленіи его на службу, мать подала прошеніе о возвращеніи ей единственнаго кормильца; но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ прошло, а отвѣта нѣтъ, какъ нѣтъ...

Засмотрѣлся онъ на поле, на стадо и припомнилось ему, какъ онъ тоже насъ овецъ — чабаномъ былъ. Сядетъ бывало на бугрѣ да наигрываетъ на сопилкѣ. Любо ему становилось тогда... А какой кнутъ у него былъ ловкій! звонко умѣлъ онъ имъ хлопать. И Сѣрко—вѣрный былъ песъ, хорошо караулилъ; попусту бывало ужъ не забрешетъ. Что-то сталось теперь со старымъ товарищемъ?.. Вспомнилъ онъ и хуторъ весь окутанный яблонями, грушами, вишнями, бузкомъ... А какъ Катря въ садочкѣ поджидала его... Кровь даже прилила къ головѣ. Пришли ему на память слова невѣсты: „Не забудь мене, мій коханій, на чужой сторонці..."—„Не забуду моя люба, горліца моя сівокрыла. По вікъ не забуду..." Сердце защемило. Такъ и подступило что-то къ горлу. Теперь-бы одному остаться да поплакать—легче было-бы, или пѣсню, пѣсню казацкую затянуть, чтобы размыкать горе. А на умъ все приходятъ слова: „Не забудь..." Давитъ тоска. Рвется душа далеко, далеко... Не даромъ Катря всегда плакала, когда бывало запоетъ:

Гдѣ-жь ты, мілий, чернобрівий?
Гдѣ ты? озовися!..

Еще горче стало отъ этихъ воспоминаній. Вперилъ онъ взглядъ въ одну точку и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ товарищей.

Подлѣ него сидѣли два русыхъ новобранца, бесѣдовавшіе о былой деревенской жизни.

— А что поди Агашка съ Апроськой на насъ скучаютъ?

— Есть имъ время скучать, небось косить собираются. Да безъ насъ найдется кому утѣшить. Таковскія онѣ чтобы скучать... Только и я плакать не стану...

— Смотри, Рябченко-то точно сычъ уставился, давай-ка его спугнемъ, обратилъ вниманіе одинъ изъ собесѣдниковъ на пригорюнившагося малоросса. — Эй ты, хохолъ, чего насупился? Про галушки вспомнилъ что-ли?

— А ты чего пасть разинулъ? Нельзя человѣку и подумать. Не трожь его! вступился за обиженнаго его дядька.

— Думать, отчего не думать. Думать завсегда можно; я развѣ что... это можно... замялся молодой солдатъ, не желая вступить въ ссору съ почтеннымъ ефрейторомъ.

— То-то, можно. Затвердилъ одно слово. Ишь какой нашелся учитель! Думать завсегда тоже, братецъ ты мой, не разрѣшается. Дай волю, вашему брату, такъ тоже пойдете умничать, никакъ не могъ успокоиться затронутый за живое дядька.

Лагерь длинной, бѣлой дугой охватилъ склонъ горы. Внизу виднѣется довольно большое озеро, заросшее у берега камышемъ. Вечеръ. Ученья всѣ окончены. Замолкъ грохотъ пушекъ. Прекратилась ружейная стрѣльба... Между палатками кишитъ

народъ. На зеленомъ лугу, разстилающемся передъ лагеремъ, ведутся различныя игры. Въ одномъ мѣстѣ толпа сбилась въ кружокъ и глазѣетъ на игру въ жгуты *). Рядовой съ армейскими погонами, на головѣ котораго красовалась заломленная на бекрень гвардейская шапка, съ азартомъ накостыливалъ противника.

— Лупи его чище, вотъ такъ! Вотъ такъ! Молодчина!

— Ловко дубаситъ, точно дробь на барабанѣ бьетъ.

— А вѣдь армейской, братцы. Ну, шустрый солдатикъ!

Толпа гогочетъ и забавляется побоищемъ, перекидываясь громкими, ядреными фразами.

Въ середину группы солдатъ хлопнулся резиновый мячъ и отскочивши отъ земли попалъ въ лицо зазѣвавшагося зрителя. Нѣсколько человѣкъ бросились ловить подпрыгивающій шаръ и на бѣгу старались сбить съ ногъ одинъ другаго. Вотъ менѣе поворотливый солдатикъ споткнулся и кувырнулся на землю, на него налетѣлъ слѣдовавшій за нимъ товарищъ и тоже грохнулся, еще подскочило нѣсколько и повалились на движущуюся кучу изъ желанія побарахтаться. Здоровый, громкій хохотъ заражаетъ всю молодую компанію.

На интервалѣ, раздѣляющемъ одинъ полкъ отъ другаго, собрались сосѣди-разнополчане. Ведутся мирные разговоры о томъ гдѣ лучше кормятъ, гдѣ меньше ученій.

— У насъ, братцы, насчетъ этой самой ѣды оченно хорошо, потому командеръ завсегда самъ, т. е. вотъ какъ!..

— Жалѣетъ, значитъ, солдата. Кумовья **) на ученья, ни свѣтъ ни заря, идутъ, да еще въ мундерахъ; а мы, выспамшись и въ рубашкахъ, хвастаются солдатики.

— А нашъ одно слово орелъ. Теперь лошадь у него. И... и! чисто соколъ. Опять-же голосъ. Звонкій, какъ заведетъ—ахъ ты мнѣ!..

— А на маневрахъ завсегда безъ палатки. Закутался буркой—да и только... Вотъ оно какъ!..

Въ свою очередь собесѣдники выставляютъ своего начальника.

Внезапно всеобщее вниманіе обращается на воинственный вызовъ.

— N—скіе выходи! Посмотримъ чей полкъ лучше, выступилъ съ предложеніемъ побороться франтоватый ефрейторъ.

Съ другой стороны никто не выходилъ. Многіе съ удовольствіемъ-бы подрались; но вѣдь теперь дѣло идетъ о чести полка. Стоятъ переглядываются.

— Выходи Демидовъ! Поддержи нашихъ, обращаются нѣкоторые къ коренастому солдату, но тотъ отпихивается и не выходитъ.

— Бондыревъ здоровъ драться, намедни боролись съ прочими ротами, онъ ихнихъ-то всѣхъ убралъ.

— Эй, Бондыревъ! Пошелъ, пошелъ!.. Ну, не упирайся.

И нѣсколько дюжихъ рукъ вытолкнули на лобное мѣсто молодаго неповоротливаго солдата.

— Смотри не осрамись.

Начался бой. Долго возились противники. Бондыревъ былъ видимо сильнѣе и нѣсколько ужь разъ хвастливый ефрейторъ рисковалъ очутиться подъ массивнымъ соперникомъ. Зрители напряженно наблюдали за ходомъ борьбы.

— Такъ его, Бондыревъ! Такъ! Подмахни-ка скорѣй, подступали къ борющимся нетерпѣливые солдаты.

— А вы, братцы, отойдите, не мѣшайте.

— Это не порядокъ. Такъ не позволяется! безпокоились исходомъ боя товарищи ефрейтора, который вдругъ ударилъ Бондырева подъ-ножку, навалился на него и оба грохнулись на землю.

Толпа загудѣла.

— Нашъ осѣдлалъ! Куды ихнимъ супротивъ насъ итить.

— А ты зачѣмъ подъ-ножку? замѣтилъ побѣжденный, спѣшившій, не поднимая головы, укрыться въ толпѣ.

— Да, да! подъ-ножку не полагается.

— Снова нужно бороться. Посмотримъ кто кого еще осилитъ, волновались сторонники побѣжденнаго.

— А ты косолапый медвѣдь, какъ снопъ валишься. Большая бѣда, что подъ-ножку. Ухъ, тюря!.. покачивая укоризненно голозой, ворчатъ, затронутые заживо, старослуживые.

— Эхъ! Какъ-бы не галунъ, показалъ-бы я ему кузькину мать, вышелъ изъ-себя унтеръ-офицеръ.

— Снова, снова боротья! Становись-ка, господинъ ефлеторъ. Бондыревъ! Гдѣ онъ! жаждетъ толпа новой расправы.

— Погоди Бондыревъ драться, я вотъ своего племяша ***) Рябченка хочу въ люди вывести.

Съ этими словами старый дядька потянулъ хохла впередъ.

— Та я его не сдужаю, Прохоръ Микитичъ, конфузится Рябченко.

— Ты тутъ не разговаривай. Сказано пошелъ и дерись, исполняй приказаніе.

Завязалась борьба. Не разъ приходилось Рябченко бороться съ паробками; забава эта ему приходилась по сердцу. Онъ вошелъ въ азартъ.

— Ни, братіку, не дамся... Постой лішень не втечешь відъ мене, кряхтѣлъ старавшійся изъ всѣхъ силъ Рябченко.

— Ну, попробуй... ну! Осѣкешься... нѣ-ѣ-тъ.. шалишь... приговаривалъ красный какъ ракъ ефрейторъ. Шапка у него свалилась. Потъ лилъ ручьями.

— Що, получивъ дулю! Теперь згода! торжественно объявилъ Рябченко, сидя верхомъ на соперникѣ.

— Урра! Го, го, го! грянула побѣдившая сторона.

— Это, братцы, некрутикъ изъ первой роты.

— Вотъ такъ ловкачъ! Ну, хохолъ—молодчина!

— Ежели драться на кулачки, такъ я бы ему таку тютю поднесъ!.. Во!.. оправдывается совсѣмъ уничтоженный ефрейторъ.

— То-то не фарсись, что наши-де завсегда верхъ берутъ. Вотъ и съѣлъ кукишъ.

— И какъ онъ это его вжарилъ, значитъ; а ефлеторъ лежитъ и голосу не подаетъ, компузно стало... слышатся долго замѣчанія по поводу интереснаго зрѣлища и пересказы невидавшимъ товарищамъ о побѣдѣ Рябченка.

— Лу̀ку! Луку зе-лѐ-наго! Огурчики солены! раздается протяжное завываніе огородника, дѣлающаго обычный вечерній рейсъ по лагерю съ возомъ нагруженнымъ зеленью. Вереницей подходятъ солдатики закупать пучки зелененькаго лучку, который съ прибавкой кваску и заправленный солью вскорѣ и поѣдается съ надлежащимъ апетитомъ.

Между палатками расхаживаютъ разнощики съ лотками, заваленными: ситнымъ, хлѣбомъ, печенкой и рубцомъ. Два молодые солдатика стоятъ въ сторонѣ, бросая алчные взоры на печенку, соблазняющую ихъ своимъ видомъ, и не рѣшаются подойти.

— А ну какъ дорого, да денегъ не хватитъ,—засмѣютъ.

Наконецъ болѣе смѣлый приближается къ разнощику и обращается къ нему съ вопросомъ:

— Почемъ, дѣдушка, у васъ будетъ фунтъ печенки?

— По семи копѣекъ, кавалеръ. На сколько тебѣ вѣшать-то?

— А ты возьми по пяти, по семи дорого.

— Вѣстимо дорого, прибавляетъ товарищъ покупщика.—У насъ на селѣ по три платятъ, а рубца у насъ-то и ѣсть не станутъ.

— Эй ты, деревенщина! замѣчаетъ проходящій мимо старый солдатъ.—У насъ на селѣ! Тутъ братъ на все солдатами такца положена...

Подлѣ палатокъ стрѣлковой роты заливаются пѣсенники. Вокругъ пѣвцовъ собралось изрядное количество меломановъ.

— Эхъ, сюда еще-бы одного солдатика съ 1-ой роты. Знатный тамъ есть пѣсенникъ.

— Волковъ ловко выводитъ; ишь, ишь, дуй его горой, какой голосистый.

— Ни-да... Хорошо деретъ, прахъ-бы его побралъ. Вотъ голосъ! одобряли слушатели запѣвалу, который, вытянувъ шею съ надутыми жилами, выводилъ непостижимыя ноты.

„К-какъ французъ въ двѣнадцатомъ году“

начинаетъ запѣвало. По знаку дирижера всѣ голоса слились въ какой-то протяжный вздохъ: „Э-эхъ“ и затѣмъ все росли дальше и дальше.

Тоскливо переливается пѣсня. Молча слушаютъ любители. Вдругъ запѣвало съ заунывной перешелъ на веселую:

Куманечекъ, побывай у меня!
Душа радость, побывай у меня!

Дружно подхватилъ хоръ „бывай у меня“ по нѣскольку разъ отчеканивая послѣднія слова. Бубенъ, все время молчавшій, вспрыгнулъ внезапно и началъ страшный трезвонъ. Тарелки бѣшено загремѣли. Гармоника тоже начала прилаживаться, часто фальшивя; но усердный артистъ-каптенармусъ не замѣчалъ диссонанса и продолжалъ наигрывать, азартно притопывая ногой. Высокій, худой, съ выдавшейся челюстью рядовой неистово засвисталъ.

Эхъ! ходи хата, ходи печь!

взвизгнулъ восторженный зритель, котораго давно ужь всего передергивало.

— Вотъ такъ по нашински откалываютъ, разбойники. Ай да стрѣлочки—завитые височки!

Приказаніе: „Пошелъ, выходи на перекличку“ прекратило всѣ забавы и заставило солдатъ разойтись по ротамъ.

Вытянулась рота въ струнку. Стоитъ не шелохнется. Фельдфебель, старый Николаевскій служака, немного ужь сгорбленный, инквизиторски поглядываетъ на солдатъ. Перекличка кончена—всѣ на лицо. Читаютъ приказъ:

„Миргородское уѣздное по воинской повинности присутствіе увѣдомило, что новобранецъ первой роты Остапъ Рябченко подлежитъ обращенію въ *первобытное* состояніе *). Вслѣдствіе сего . . . . изъ списковъ полка исключить и препроводить въ Губернское правленіе“.

Слушаетъ Рябченко и не можетъ отдать себѣ отчету, правда ли это. „Чи це вправду?“ сорвалось у него съ языка. Сказалъ и обмеръ отъ страха—какъ таки заговорить въ строю! Нѣко-

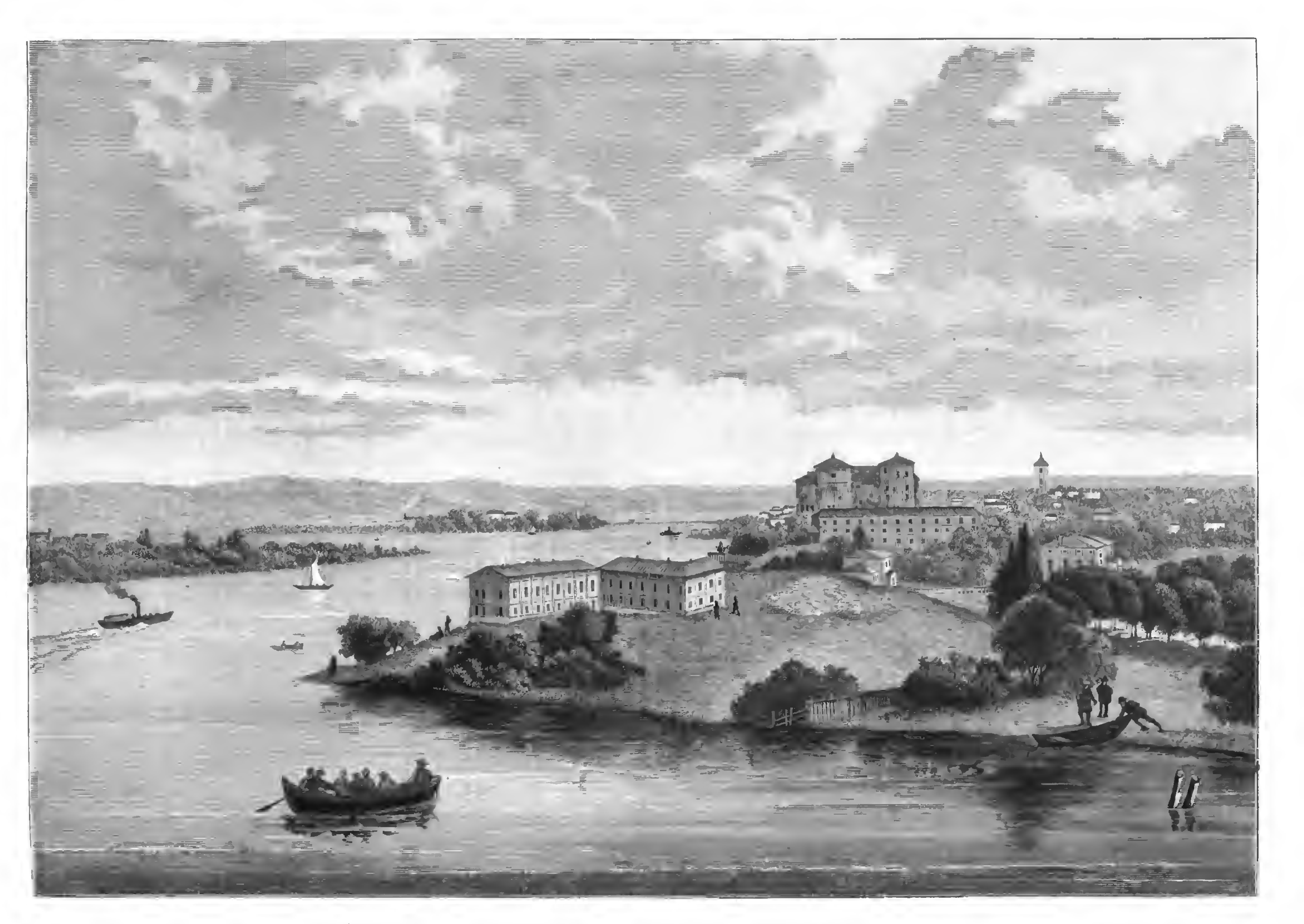
*) Играющихъ два. У одного завязаны глаза, а другой привязанъ на длинной веревочкѣ къ колышку. Вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобы увернуться отъ ударовъ, которые сыплетъ товарищъ съ завязанными глазами.

**) Чины одной бригады называются кумовьями.

***) Ученика.

*) Оффиціальное выраженіе.

Костры-грѣлки на улицахъ Петербурга зимою. Ориг. рис. (собств. „Нивы") В. Полякова, грав. Ангереръ.



Финляндія. Городъ Тавастгустъ (по поводу 250-лѣтняго юбилея). Съ фотогр. грав. Рашевскій.

торые солдаты невольно обернулись въ его сторону, а другіе не утерпѣли и захихикали.

— Кто разговариваетъ? Я тебя поговорю. Смирно! послышалось суровое замѣчаніе фельдфебеля.

„Вотъ надѣлалъ-то горя себѣ, чего добраго не пустятъ домой,“ вертѣлось въ головѣ наивнаго солдата. Но старый служака ограничился однимъ замѣчаніемъ.

Высоко взвилась ракета надъ лагеремъ, слѣдящимъ за ней тысячами глазъ. Раздался выстрѣлъ. Горнисты и барабанщикъ забили зорю. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ залились артиллерійскія трубы... „Шапки долой!“ Весь лагерь читаетъ „Отче Нашъ“. „Накройсь! По палаткамъ!“ Раздаются рѣзкія команды и шумная, веселая ватага снова разсыпается по лагерю... Вотъ съ праваго фланга раздаются возгласы:

— Надѣть зимни брюки и шинели въ рукавы!“

Приказаніе по живому телеграфу доносится все слышнѣе и слышнѣе. Вотъ уже крикнули въ сосѣдней ротѣ, а стрѣлковый дневальный, молодой солдатъ изъ Плоцкой губерніи, трусить и не произноситъ ни одного слова.

— Чего-жъ ты не передаешь приказаніе? Кричи! приказываетъ ему дежурный, и вотъ полячокъ, сконфуженный, захлебываясь, протягиваетъ дрожащимъ готосомъ:

— Надѣть шинэли и зымни бруки въ рука-вы.

Громкій хохотъ товарищей еще больше конфузитъ молодаго солдатика, перепутавшаго слова.

— Ты-то чего смѣешься, Рябченко? Тоже не лучше бъ его крикнулъ, какъ бы довелось дневалить. Обрадовался что на печку къ бабамъ уходишь! распекалъ настойчивый дядька своего осклабившагося было племяша, который не могъ прійти въ себя отъ восхищенія, что вскорѣ отправится на родину.

Офицеры собрались въ столовую. Подали скромный ужинъ: битки съ макаронами. Церемоніаловъ отличался всегда непомѣрнымъ аппетитомъ и какъ-то въ училищѣ на пари съѣлъ десять такъ-называемыхъ батарсйныхъ котлетъ. Вотъ и теперь, при дружномъ одобреніи товарищей, онъ беретъ, нисколько не смущаясь, пятый биточекъ.

— Господа, Церемоніаловъ добрался до пятой!

— Послушай, крокодилъ, вѣдь ты завтра на стрѣльбу въ 4 часа не поднимешься.

— Битки-то хорошо, а вотъ зачѣмъ пятую рюмку поручикъ опрокидываетъ, замѣчаетъ, какъ бы про себя, серьезный полковникъ-баталіонеръ, большой авторитетъ среди общества офицеровъ.

— Вотъ-те на, мелькаетъ въ головѣ Цереионіалова,—кажется уже меня въ пьяную компанію записываютъ. Давно-ли совсѣмъ ничего не могъ пить. А теперь: вино, долги, водка... Фу, какая гадость водка!.. Мама какъ просила никогда не пить... Ростовщикъ Габерцетель тоже... бр... бр... И какъ все это вышло?!.. Какъ это вышло?

Послѣ ужина отъ казначея принесли денежный пакетъ Церемоніалову. Письмо отъ матери, больше некому присылать денегъ.

„Родной Володинька, радость моя, ты пишешь, что задолжалъ... Знаю, какъ дорого служить въ гвардіи... Что-же, я какъ-нибудь перебьюсь... Ненаглядный, могу послать лишь сто рублей и то пришлось занять у Ивана Петровича, онъ тебя очень любитъ. Повѣрь, дорогой, не могу больше прислать...“

. . . .

Церомоніаловъ не сразу начинаетъ читать письмо. Онъ боязливо разворачиваетъ листокъ, зная заранѣе, что въ строкахъ, написанныхъ его любящей матушкой, онъ не встрѣтитъ упрека, но что-то больше, горше, то, что задѣваетъ его за сердце и заставляетъ оглянуться на свое прожиганіе жизни. Въ такія минуты Владиміръ Петровичъ полонъ желаніемъ остепениться и порадовать старушку-мать, отказывающую себѣ во многомъ для него, для своего единственнаго сына.

Церемоніаловъ начинаетъ въ умѣ дѣлать выкладки: „Заплачу Габерцетелю завтра сто рублей, вотъ жидъ удивится... Нѣтъ, лучше ему семьдесятъ пять, а двадцать пять оставлю себѣ... Довольно будетъ пархатому и пятидесяти... Право...“

— Церемоніаловъ, ты кажется разбогатѣлъ „Богатъ и славенъ Кочубей, поля его необозримы“... Пойдемъ къ Сольскому въ баракъ, тамъ Ивковъ мечетъ банкъ.

— Нѣтъ, не пойду, я играть не буду.

— И отлично, дружище, пойдемъ лучше спать, а то продуешься, тянетъ его сожитель по бараку домой.

— Ну, глупости, пойдемъ, крезъ, со мной.

— Развѣ посмотрѣть только...

Въ началѣ онъ дѣйствительно слѣдитъ за игрой, затѣмъ не выдерживаетъ и разрѣшаетъ себѣ поставить одинъ рубль, всего одинъ. Проигралъ; хотѣлъ отыграться. Еще больше проигралъ. Сольскій самъ удерживалъ его отъ продолженія игры, зная грустныя финансовыя обстоятельства товарища. Но Церемоніаловъ „врагъ опеки“ и жаждетъ реванша. Вскорѣ онъ проигрываетъ все и съ отчаяніемъ возвращается къ себѣ въ баракъ. гдѣ сожитель его давно спитъ спокойнымъ сномъ...

Погасли огни. Лагерь погрузился въ крѣпкій, здоровый сонъ. Въ солдатской палаткѣ сбилось человѣкъ десять. Жарко, тѣсно, воздухъ спертый. Не спится новобранцу изъ привилегированныхъ, стиснули его съ двухъ сторонъ коренастые товарищи. Иной изъ сосѣдей повертываясь и по лицу задѣнетъ неделикатной ручкой... „Нѣтъ,“ думаетъ жертва тѣсноты, „завтра же буду просить отдѣленнаго, чтобы онъ меня положилъ у выхода“ и злополучный культурный человѣкъ, натянувши шинель на свои измученные члены, спѣшитъ выбраться изъ палатки и освѣжиться на воздухѣ.

Но усталость беретъ свое и набродившись вдоволь между палатками, онъ снова помѣщается въ своемъ логовищѣ и засыпаетъ крѣпчайшимъ сномъ, не обращая вниманія на окружающую его обстановку.

Все тихо. Вдругъ ночное спокойствіе непріятно-рѣзко нарушается передачей приказанія:

— Послать ротныхъ писарей въ полкову канцелярію! *).

Голосисто выкрикивается послѣднее слово. Сосѣдній дневальный на лету подхватываетъ приказаніе и надсаживаетъ горло надъ вызовомъ писарей.

Новобранецъ, не привыкшій къ подобнымъ возгласамъ, услыхавъ надъ ухомъ богатырскій крикъ, привсталъ на подвижныхъ, самодѣльныхъ нарахъ и прислушивается, не понимая ничего; разобралъ онъ только отчетливо одно слово *канцелярія*. А зачѣмъ это кричатъ? Богъ ихъ знаетъ. Не во снѣ ли это приснилось?...

Не спится Рябченко. Скорѣй бы утро приходило. Когда его отправятъ домой и онъ заживетъ снова въ своей хатѣ, т. е., выражаясь словами приказа, обратится въ первобытное состояніе,—то-то будетъ радость, когда онъ очутится снова въ родномъ хуторѣ. „А Катруся?.. Затанцое видъ радости. О моя люба...“ И онъ машинально двинулся всѣмъ корпусомъ.

— Ну, что ты тутъ вертишься! заворчалъ сосѣдъ,—мало ему время днемъ.

И снова все погружается въ мирныя сновидѣнія.

Василій Сило—вичъ.

Паденіе камней съ неба

въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

Ю. И. Симашко.

(Продолженіе).

III.

Перейдемъ наконецъ къ паденію самыхъ камней и ихъ описанію.

Всего до сихъ поръ найдено 6 камней: пять въ *Оханскѣ* и близкихъ къ нему (въ разстояніи 2—3 верстъ) мѣстностяхъ, а одинъ въ с. *Таборы* или Таборскомъ. Особенно интересны камни выпавшіе въ Оханскѣ и въ с. Таборы, какъ по ихъ величинѣ, такъ и въ особенности по наблюденіямъ надъ ихъ паденіемъ.

Точно опредѣлить время появленія болида и паденія метеорита трудно. Дѣлаютъ различныя показанія: 12 ч. 40 м., 12 ч. 30 м., 12 ч. 25 м., 12 ч. 15 м.,—изъ Перми, Таборъ, Оханска и проч., но никто не указываетъ насколько часы его были повѣрены съ истиннымъ временемъ. Полагая, что въ метеорологической обсерваторіи часы вѣрнѣе чѣмъ у частныхъ лицъ, мы принимаемъ показаніе г. Панаева за наиболѣе близкое къ истинѣ, т. е. 12 ч. 40 м. по пермскому времени, а показаніе г. Минквица въ *St.-Petersburger Zeitung*—2 ч.—ошибочнымъ.

Вотъ что писали объ этомъ явленіи:

Вчера, 18 августа, въ 12 ч. 25 м. дня, при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ, внезапно разразился надъ городомъ сильный *ударъ грома*, отъ котораго *затряслись даже зданія*. (Какъ будто что-то провалилось, по выраженію гг. Жакова и Ив. Вологдина). Затѣмъ *клокотанье* грома продолжалось болѣе *двухъ минутъ* (отъ 3 до 4 минутъ по письму Ив. Вологдина) попеременно, то усиливаясь, то ослабѣвая, и наконецъ удары перестали слышаться, какъ-бы за отдаленностью мѣстопроисхожденія грома. Многіе обыватели повыскакивали изъ домовъ, ища на небѣ громовую тучу, которой на чистомъ и прозрачномъ небосклонѣ, къ удивленію, не оказалось, хотя громъ очень явственно былъ слышанъ. Только нѣкоторымъ было замѣчено надъ самымъ городомъ движеніе небольшаго облачка бѣлесоватаго цвѣта, продолговатой формы (змѣеобразно-тонкая полоса дыма на высотѣ одной версты—Ив. Вологдинъ), быстро двигавшагося съ сѣверо-востока къ юго-западу и скоро исчезнувшаго изъ глазъ наблюдателей въ лучахъ ярко-блестѣвшаго солнца. *Въ этотъ моментъ, съ полминуты послѣ прекращенія грома*, бывшими на улицѣ (между прочимъ ученикомъ гор. уч. Алексѣемъ Нагибинымъ) увидѣно было паденіе на землю ка-

*) Какъ говорятъ солдаты.

кого-то *темнаго тѣла* (что-то черное, похожее на ворона—Ал. Нагибинъ). Рабочіе, находившіеся вблизи мѣста паденія, слышали *шумъ или жужжаніе какъ-бы* пролетѣвшаго пушечнаго ядра. Бывшіе на улицѣ тотчасъ кинулись на поиски къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось паденіе. Скоро однимъ изъ рабочихъ, видѣвшихъ направленіе полета тѣла (Трофимъ Селивановъ и Григорій Дуречинъ, по словамъ Ив. Вологдина), было замѣчено свѣже взрытое мѣсто на землѣ и оборванные кусты цвѣтовъ около него. Раскопавъ это мѣсто на глубинѣ одной четверти аршина (3 вершка по Ив. Вологд.), онъ нашелъ камень почти съ дѣтскую голову величиною (4 ф. 12 зол. Ив. Вол.). Когда вынули его изъ земли, онъ былъ настолько теплымъ, что всѣ бравшіе его въ руки явственно ощущали его теплоту, хотя онъ былъ покрытъ приставшими къ нему частицами земли. Въ продолженіе не менѣе 5 минутъ, пока онъ переходилъ изъ рукъ въ руки присутствующихъ, онъ сохранялъ явственно теплоту, которая совершенно исчезала только тогда, когда облили его водою, чтобы очистить отъ земли.

Аэролитъ этотъ упалъ во дворъ Земской Управы съ сѣверной стороны зданія, саженяхъ въ 20-ти. Счастливая только случайность спасла одного изъ работавшихъ во дворѣ плотниковъ, который находился всего въ 2-хъ саженяхъ отъ мѣста паденія.

Облако, послужившее, по предположеніямъ, причиною паденія аэролита, находилось на высотѣ, такъ называемыхъ, перистыхъ облаковъ; передвигалось же оно по небу сравнительно быстрѣе послѣднихъ. Громъ, раздавшійся при этомъ, отличался отъ обыкновенныхъ раскатовъ при дождевыхъ тучахъ. Онъ походилъ скорѣе на клокотаніе падающихъ и сталкивающихся между собою твердыхъ тѣлъ или на стукъ движущихся по мосту экипажей, при чемъ опредѣленнаго направленія къ мѣсту стука указать было нельзя. *(Перм. Вѣд.).*

Въ рапортѣ губернатору исправника г. Тимяшева находимъ: Камень вѣсомъ въ 5 фунт., покрытъ также черною корою незначительной толщины, одна сторона представляетъ свѣжій изломъ, запачканный только землею (слѣдов. касавшійся земли этою стороною), безъ признаковъ плавленія, такъ что нужно полагать, что камень разбился при паденіи и другой кусокъ находится вблизи, но онъ не найденъ. Незначительное углубленіе также *указываетъ на вѣроятность рикошета.* По излому можно видѣть, что камень той же формаціи, какъ и камень обрѣтенный въ Таборахъ.

Къ этому изъ письма г. Ив. Вологдина присовокупимъ:

Въ Оханскѣ упавшій аэролитъ представляется оторваннымъ кускомъ отъ другой массы, почему сторона отрыва его съ свѣжимъ изломомъ, а съ прочихъ всѣхъ сторонъ покрытъ онъ какимъ-то чернымъ налетомъ и имѣетъ округлыя очертанія безъ острыхъ угловъ или выступовъ; только по краю отрыва на немъ имѣются такія острія. Цвѣтъ его въ изломѣ сѣрый съ черными крапинками мелко-зернистаго сложенія; вѣситъ онъ 4 фунта 12 зол.

Болѣе интересныя и весьма важныя для меня данныя сообщилъ мнѣ г. Миронольскій, производившій, по моей просьбѣ, на мѣстахъ повѣрку всѣхъ явленій и необходимыя измѣренія.

Вотъ что онъ пишетъ объ Оханскомъ паденіи:

Направленіе полета камня я опредѣлялъ по тѣмъ поврежденіямъ на растеніяхъ, которыя были произведены имъ при паденіи на землю, причемъ мною были приняты во вниманіе также и показан. очевидцевъ паденія: мальчика Нагибина, видѣвшаго полетъ съ улицы, и рабочихъ, бывшихъ въ саду Управы. Послѣ громоваго удара они всѣ видѣли паденіе *просто темнаго тѣла*, безъ искръ и какого-либо свѣта. Поврежденія растеній (сломанныя вѣтки) находились отъ метеорита въ сторону къ сѣверо-востоку [1]; по измѣреніи компасомъ этого направленія, оказалось отклоненіе ихъ отъ точки сѣвера къ востоку на 35°, причемъ отклоненіе магнитной стрѣлки для нашей мѣстности не было принято въ разсчетъ. Затѣмъ, самый высокій пунктъ поврежденія (сломанная вѣтка георгины) былъ отъ почвы на высотѣ 12 вершковъ, а центръ лежавшаго метеорита находился отъ отвѣсной линіи, опущенной изъ мѣста поврежденія георгины, по горизонту въ разстояніи 3-хъ, и никакъ не болѣе 4-хъ вершковъ. (Фиг. 10). Отсюда получается прямоугольный треугольникъ съ катетами въ 12 и 3 (4) вершка, изъ котораго уголъ паденія при горизонтѣ x—*ACB* получается по пропорціи $x:90-x=12:3$, откуда будетъ $x=\frac{90\times12}{15}=72°$, другой же уголъ *ACB*—$x=90-72=18°$, или что то же—уголъ образуемый линіею полета метеорита съ зенитомъ содержитъ 18°. Если же возьмемъ малый катетъ въ 4 верш., то этотъ уголъ будетъ имѣть 22°. Въ этихъ предѣлахъ и должна заключаться линія полета. Здѣсь, по моему мнѣнію, могутъ быть допустимы нѣкоторыя ошибки въ опредѣленіяхъ угловъ только отъ слишкомъ малыхъ величинъ (12 и 3 в.), подлежавшихъ непосредственному измѣренію, которое однако было исполнено съ возможной осторожностью и тщательностью. Мелкія же доли вершка, въ опредѣленіи горизонтальнаго катета не должны производить большой разницы въ числѣ градусовъ нужнаго намъ угла. (Мир.). Опредѣленіе этого угла, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ угла паденія при Таборахъ, чрезвычайно важно, какъ увидимъ далѣе, для опредѣленія высоты мѣста разрыва или, по крайней мѣрѣ, разлученія этихъ двухъ метеоритовъ.

[1] Дѣлопроизводитель Ох. уѣзд. воинскаго присутствія А. И. Нагибинъ, какъ прибавляетъ въ письмѣ г. Ив. Вологдинъ, утверждаетъ, что аэролитъ палъ, какъ онъ видѣлъ, при направленіи съ юга на сѣверъ. Безъ сомнѣнія, г. Нагибинъ видѣлъ полетъ Таборскаго камня, который послѣ разрыва главной массы принялъ направленіе нѣсколько сѣвернѣе отъ общаго направленія полета болида.

Сводя корреспонденціи относительно паденія камней въ Таборахъ, получимъ слѣдующія данныя:

Волостной таборскій писарь Шолоновъ пишетъ слѣдующее: Въ полдень, 18 августа, при ясной теплой погодѣ, жителями села Таборскаго, на сѣверо-востокѣ былъ услышанъ въ воздухѣ сильный ударъ—подобный пушечному выстрѣлу, сопровождавшемуся трескомъ, какъ будто быстро-ѣдущаго экипажа по шоссейной дорогѣ. Бывшій въ этотъ моментъ крестьянинъ таборской волости Александръ Бушуевъ съ работникомъ своимъ Аѳанасіемъ Шиловымъ въ полѣ, послѣ удара, начали смотрѣть кверху, на небо, полагая, что ударъ произошелъ отъ тучи, но нигдѣ положительно не только тучи, но и малѣйшаго облачка не было видно, почему они стали внимательно разсматривать въ воздухѣ, такъ какъ раскатъ отъ удара все еще былъ слышанъ и, вотъ, они замѣтили полетъ, *кувыркомъ, какого-то тѣла, въ видѣ овсяной кучки соломеннаго цвѣта* (камень въ темномъ каленіи летѣлъ кубаремъ, по словамъ г. Митяшева), за которымъ позади вился бѣлый дымокъ вьющеюся струею (Митяш.), отдѣлявшійся влѣво и *издававшій сѣрнистый запахъ.* Масса эта, быстро пролетѣвъ надъ ихъ головами, саженяхъ въ 100 отъ нихъ, упала на землю, отчего на мѣстѣ паденія поднялся столбъ пыли. Вслѣдствіе чего они, испугавшись, соскочили съ клади (по словамъ г. Янишевскаго, крестьянинъ разсказывалъ, что въ моментъ страшнаго взрыва онъ стоялъ наверху хлѣбной клади, съ которой, вслѣдствіе взрыва и сотрясенія воздуха, упалъ на землю) и побѣжали въ село Таборское, извѣстить объ этомъ волостное правленіе.

Съ момента удара по моментъ паденія на землю аэролита прошло *не болѣе одной минуты.* Ударъ произошелъ, по указанію другихъ очевидцевъ, надъ рѣкой Камой, гдѣ и блеснула отъ аэролита молнія, внизъ по рѣкѣ Камѣ, къ г. Оханску.

По заявленію Бушуева, тотчасъ-же былъ произведенъ осмотръ мѣста паденія, гдѣ были найдены: яма глубиною въ 2 арш. 3 вершка, шириною въ 6 четвертей вверху; камень въ горячемъ состояніи, такъ что тогда не было возможности производить выемку его изъ земли. (Сначала подходить къ камню было невозможно, вслѣдствіе исходящаго изъ него сильнаго жара—по словамъ г. Панаева). *Къ вечеру же часовъ въ 8 камень былъ нѣсколько теплый.* На другой день камень былъ вынутъ во многихъ частяхъ; вообще камень былъ около 20 пудовъ. Къ этому присоединимъ изъ рапорта г. Митяшева слѣдующее: вслѣдствіе удара, или вслѣдствіе разности температуры, камень въ землѣ разсыпался на множество частей, сохранивъ только одинъ кусокъ вѣсомъ около 6 пудовъ — остальная-же часть вынута изъ земли въ мелкихъ кускахъ отъ ¼ ф. до 27 ф. и во множествѣ совершенно мелкаго щебня до 5 пудовъ.

Что разрывъ камня въ землѣ произошелъ съ нѣкоторою силою, видно изъ того, что въ стѣнахъ ямы, въ которой лежалъ камень, видны въ разныхъ мѣстахъ трещины и отверстія діаметромъ до 3 вершковъ и глубиною около 1 аршина. Въ волостномъ правленіи было замѣчено дрожаніе стеколъ во время удара, но сотрясенія почвы не было (Шолоновъ).

Г. Миропольскій сообщилъ мнѣ письменно слѣдующія весьма интересныя данныя. На прилагаемомъ планѣ изображены село Таборское и близъ лежащія деревни Кошелева, Черныши и Шарканъ (фиг. 11). Таборскій берегъ р. Камы напротивъ села и у церкви представляетъ крутой, голый обрывъ грунта красной глины, перемѣшанной съ мелкими камнями, высотою 6—7 саженъ.

Изъ показаній, собранныхъ отъ очевидцевъ въ послѣднее время о направленіи полета и углѣ паденія таборскаго камня, выходитъ, что полетъ его былъ замѣченъ по линіи къ югу отъ востока на 10—15°, причемъ видѣвшимъ паденіе съ поля въ пунктѣ *b*, уклонъ летѣвшей массы казался имѣющимъ не менѣе 55° къ горизонту или подъ угломъ въ 35° отъ зенита мѣста. Эти измѣренія получены на мѣстѣ на основаніи разсказовъ очевидцевъ посредствомъ примѣрнаго расположенія вѣхъ и опредѣленія транспортиромъ указанныхъ угловъ.

Ручаться за совершенную точность этихъ измѣреній конечно трудно, но тѣмъ не менѣе можно считать ихъ приблизительно вѣрными, потому что во время примѣрныхъ указаній направленія вѣхами грубыя отклоненія отъ этихъ направленій, напр. въ 15 — 20°, положительно отвергаются очевидцами (Бушуевымъ).

По плану, который здѣсь уменьшенъ вполовину, и по настоящему описанію художникъ нарисовалъ ландшафтъ мѣстности помѣщенный на стр. 192 (фиг. 9).

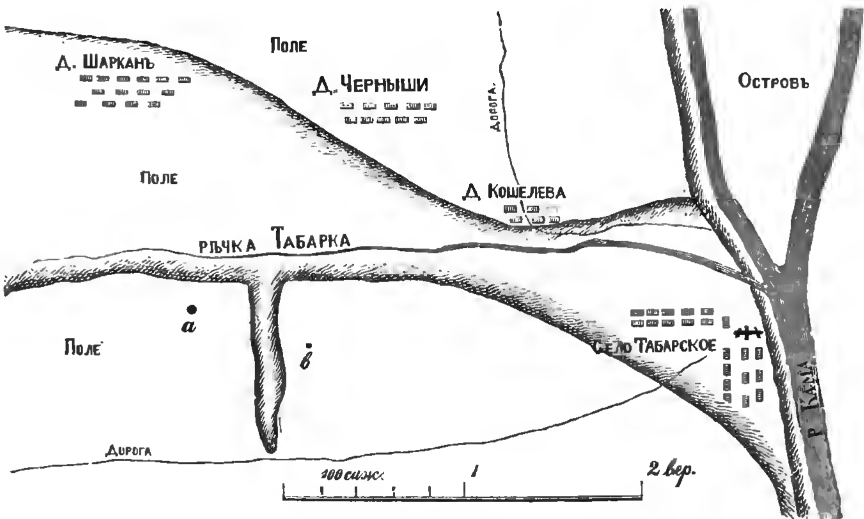
Кромѣ этихъ камней, по всей вѣроятности упало еще много камней въ районѣ волостей Нытвинской, Таборской, Притыкинской, Острожской и Казанской волости до границы Осинскаго уѣзда (А. Миропольскій), но они не разысканы. Г. Свигузовъ по тщательно собраннымъ свѣдѣніямъ полагаетъ, что одинъ камень колоссальныхъ размѣровъ (величиною съ *корчагу* или *чугунку*—по выраженію крестьянъ видѣвшихъ полетъ его)

упалъ на землю между дер. Ерзевкой и горой Иретинкой, на правомъ берегу Камы, въ 7 — 10 верстахъ выше села Частинскаго (верстахъ въ 40 на ю.-ю.-з. отъ Оханска), но онъ не найденъ по причинѣ лѣсистой мѣстности, а быть можетъ онъ упалъ въ р. Каму. Кромѣ того, весьма интересно указаніе на другой *камень* упавшій въ р. Каму.

Лѣсной сторожъ, находившійся на Усть - Нытвинской пристани (верста отъ Оханска на с.-з.) въ моментъ явленія, видѣлъ, какъ послѣ объясненнаго удара (треска) камень громадной величины упалъ въ средину р. Камы, противъ пристани. Ударъ въ водѣ былъ такъ силенъ, что вся пристань пошатнулась, и лошади, пившія съ берега воду, отъ испуга попадали и затѣмъ обратились въ бѣгство. Вода при ударѣ поднялась столбомъ кверху, и, затѣмъ, еще нѣкоторое время кипѣла надъ мѣстомъ паденія (Митяшевъ. *Перм. Вѣд.*).

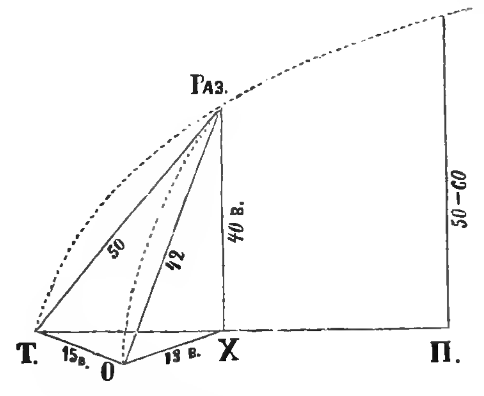
Паденіе камней съ неба. Фиг. 9. Паденіе метеорита въ Таборахъ. *а*—**мѣсто паденія камня въ 15—20 пудовъ, видѣнное крестьяниномъ Бушуевымъ, съ хлѣбной клади.** Рис. по описанію и плану мѣстности, Н. Земцовъ.

Фиг. 10.

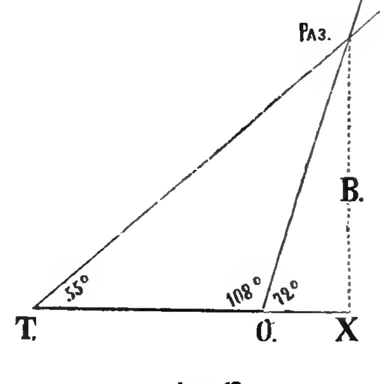


Паденіе камней съ неба. Фиг. 11. Планъ села Таборы. *а*—**мѣсто паденія метеорита,** *b*—**мѣсто, откуда крестьянинъ Бушуевъ видѣлъ паденіе.** Рис. Миропольскій.

Г. Н. Янишевскій пишетъ объ этомъ такъ: „Извощики и караульные, бывшіе на Усть - Нытвинской пристани, видѣли какъ въ средину Камы упалъ громадный, но ихъ словамъ, *черный камень*. Вслѣдствіе паденія вода на этомъ мѣстѣ поднялась столбомъ на значительную высоту и упала обратно въ видѣ фонтана. На мѣстѣ паденія, какъ разсказываютъ, нѣсколько минутъ было видно воронкообразное углубленіе, въ которомъ вода кипѣла. Ударъ и сотрясеніе воздуха были настолько велики, что бывшія на берегу лошади, числомъ 50 — 60, упали на землю, а потомъ бросились бѣжать (Н. Янишевскій). Хотя г. Кротовъ сомнѣвается въ достовѣрности этого паденія по наведеннымъ справкамъ въ Таборахъ (жаль что не на мѣстѣ — въ Усть - Нытвинской, а не въ Таборской пристани), но въ паденіи этомъ меня удостовѣряютъ слѣдующія строки изъ письма г. Миропольскаго. Въ то самое время, когда происходило взвѣшиваніе таборскаго камня, г. Миквицъ твердо увѣрялъ всѣхъ насъ о паденіи метеорита, большаго чѣмъ таборскій, въ рѣку Каму противъ пароходной пристани Нытвинской, которая находилась тогда противъ дер. Усть-Нытвы, которую вы найдете на картѣ. Объ этомъ метеоритѣ онъ самъ лично разспрашивалъ караульщика контор-



Фиг. 12. *Т*—**Таборы,** *О*—**Оханскъ,** *П*—**Пермь,** *Раз.*—**Точка разлета.**



Фиг. 13.

Фиг. 14. Фиг. 15.

Паденіе камней съ неба. Метеоритъ въ ямѣ: *а*—**самая большая часть его —6 пуд.,** *б*—**часть разнесенная народомъ,** *в*—**болѣе крупныя части сѣрыя,** *г*—**боковая часть въ 13 ф. доставлена мнѣ,** *д*—**часть въ землѣ въ мелкихъ кускахъ, большинство коихъ доставлено мнѣ.**

Масляница. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Зауерлендера, грав. Шюблеръ.

ки. Никакихъ разысканій этого камня не дѣлалось, и, кромѣ сообщенія г. Миквица, о немъ свѣдѣній нѣтъ. Кромѣ того, вѣроятность паденія въ этой мѣстности вытекаетъ и изъ соображеній другаго рода, которыя будутъ высказаны далѣе, и изъ самаго описанія паденія, точныя обстоятельства котораго не могли быть придуманы лѣснымъ сторожемъ.

Происходятъ-ли всѣ метеориты отъ одного громаднаго, который распался въ воздухѣ на нѣсколько частей — или это цѣлая группа метеоритовъ, одновременно достигшая Оханскаго уѣзда—рѣшить не трудно по виду самыхъ камней. Всѣ метеориты по моему мнѣнію, кромѣ трехъ самыхъ крупныхъ, были самостоятельными спутниками одного огромнаго—вѣсомъ быть-можетъ пудовъ 30—40 и болѣе, который, достигнувъ зенита мѣста на земной поверхности соотвѣтствующаго широтѣ 57° 40′ с. ш. и 25° 30′ долготы отъ Пулкова, раздѣлился на 3 части: Усть-Нытвинскую, Таборскую и Оханскую (послѣдній вѣроятно составляетъ только часть упавшаго близь Еретинки). Какъ ни смѣло покажется это мое предположеніе, оно имѣетъ за собою слѣдующее научное подтвержденіе. Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ г. Миропольскимъ, видно что въ Таборахъ метеоритъ летѣлъ по линіи къ югу отъ востока на 10—15° и упалъ на землю подъ угломъ 55°; метеоритъ въ Оханскѣ летѣлъ по линіи уклоненной отъ сѣвера къ востоку на 35° и упалъ на землю подъ угломъ въ 72° (фиг. 12). Принявъ линію отъ Таборъ до Оханска въ 15 верстъ за основаніе, и проведя на картѣ линіи направленія полета въ оба названныя мѣста, получимъ на картѣ точку пересѣченія ихъ, опредѣляющую положеніе того мѣста, въ зенитѣ котораго произошелъ разрывъ или по крайней мѣрѣ разлетъ камней. Проведя черезъ эти же линіи—двѣ вертикальныя къ земной поверхности плоскости, получаемъ тѣ плоскости, въ которыхъ метеориты упали въ Таборѣ подъ угломъ 55° къ горизонту, а въ Оханскѣ 72°. Пересѣченіе линіи полета и есть та точка въ пространствѣ, въ которой произошло раздѣленіе метеоритовъ. Для опредѣленія разстоянія ея отъ земли — нанесемъ линію полета Оханскаго метеорита на плоскость полета Таборскаго метеорита; получимъ треугольникъ съ углами въ 55° при Таборахъ, въ 108° (дополненіе къ 72° до двухъ прямыхъ), соотвѣтствующій Оханскому углу—вершина третьяго угла *P* въ 17° образованная линіями полета обоихъ метеоритовъ,—опредѣлитъ съ точностію точку исхода обоихъ метеоритовъ и вѣроятную точку раздѣла большой массы (фиг. 13). Тригонометрически рѣшая треугольникъ *TPO*, получаемъ двѣ весьма важныхъ данныхъ: точка *P*—раздѣленія или разлета метеоритовъ находится въ 40 верстахъ (39,97 в.) надъ поверхностью земли въ зенитѣ мѣстности отстоящей отъ Оханска къ сѣверо-востоку въ 13 в. (12,99 в.), а Таборъ на юго-востокъ въ 30 верстахъ (27,99 в.).

Еслибы метеориты летѣли по прямымъ линіямъ, а не параболамъ, то Таборскій камень при этомъ совершилъ бы путь въ 50 верстъ (48,79), а Оханскій въ 42 версты послѣ ихъ раздѣленія.

Вычисленіе это, чрезвычайно важное въ научномъ отношеніи вообще, такъ какъ касается вопроса почти не тронутаго въ метеоритикѣ, интересно и по отношенію къ Пермскому метеориту, такъ какъ показываетъ 1) что появленіе болида на высотѣ перистыхъ облаковъ было только обманомъ зрѣнія, и во 2) что скорость полета была далеко большею чѣмъ 2½ версты въ секунду, какъ вычислялъ г. Панаевъ, и какова должна бы быть, если бы болидъ былъ не выше перистыхъ облаковъ. Дѣйствительно, предполагая, что тѣло летѣвшее по параболѣ склоняясь къ землѣ на разстояніи 40 верстъ отъ зенита Перми до точки раздѣла метеорита на части, приблизилось къ землѣ только на 20 верстъ—имѣемъ высоту его надъ Пермью—60 верстъ, что по вычисленію дастъ 13 верстъ въ секунду или 780 верстъ въ минуту. Скорость поразительная, которая даетъ основаніе ко многимъ заключеніямъ.

Весьма жаль что г. Миквицъ и Янишевскій при разспросахъ очевидцевъ не опредѣлили хотя приблизительно (помощію вѣхъ) угла паденія камня въ Каму при Усть-Нытвѣ, а въ Перми не было опредѣлено насколько южнѣе зенита летѣлъ болидъ: опредѣленіе линіи полета и разлета метеоритовъ было бы точнѣе. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что общее направленіе полета было съ с.-в. на ю.-з., что послѣ разъединенія группы метеоритовъ и разлета, раздѣла ихъ, метеориты приняли разное направленіе, причемъ всѣ меньшіе приняли южное и юго-западное направленіе до рѣки Очеръ. Въ этомъ еще болѣе утверждаетъ и положеніе, которое занимали камни въ почвѣ, на которую упали.

При паденіи мелкіе метеориты или остались на поверхности земли, или углубились на 2—3 вершка. Особенно интересно и подробнѣе изслѣдовано залеганіе въ почвѣ большаго Таборскаго метеорита, къ которому мы теперь и перейдемъ, замѣтивъ предварительно, что величина камня и форма его, можно сказать, не описаны и самый вѣсъ показанъ различно отъ 15 до 20 пудовъ, а потому о величинѣ и формѣ камня мы сдѣлаемъ свои выводы послѣ описанія ямы, которую, кромѣ г. Митяшева, довольно подробно описали гг. Янишевскій и Кротовъ.

„Яма была около сажени шириною и аршина два глубиной, почти овальной формы. Грунтъ на этомъ мѣстѣ очень крѣпкій — красная глина съ крупной и мелкой галькой. Къ сожалѣнію, было уже трудно, при осмотрѣ этой ямы, повѣрить тѣ подробности паденія и разрыва аэролита въ землѣ, о которыхъ разсказывали свидѣтели его открытія. Но все-таки на ¾ отъ поверхности земли я нашелъ *три трещины*: одну на востокъ, и двѣ на западъ; двѣ изъ нихъ представляютъ видъ косыхъ, неширокихъ трещинъ, глубиной вершка въ три, а одна—круглое отверстіе, въ которое входитъ рука; эта трещина была глубиною около шести вершковъ. Стѣнки трещины были уже сглажены, вслѣдствіе введенія рукъ, почему я на стѣнкахъ и не нашелъ уже слѣдовъ обжога. Внутри трещинъ обломковъ аэролита не было; между тѣмъ, мелкіе осколки его во множествѣ разсыпаны на днѣ ямы, перемѣшанные съ глиной". (Н. Янишевскій).

Осматривавшій эту яму г. Кротовъ описываетъ ее такъ: „Здѣсь я нашелъ яму въ 2 арш. 7 вершк. длины, около 2 арш. ширины и 1¾ арш. глубины; но первоначально эта яма имѣла, конечно, другіе размѣры, — именно (указанные въ корреспонденціи г. Шолопова): ширина въ верхней части была около 1½ арш., а въ нижней нѣсколько меньше; глубина 2 арш. 3 верш. въ ю.-з.-й части и 2 въ с.-в.-ной части ея. Отъ верхней поверхности камня до поверхности земли было 1 арш. 10 вершковъ (фиг. 14). Камень лежалъ въ наиболѣе глубокой южной части ямы, вдавшись въ ю.-з.-ную стѣнку ея, во впадинѣ этой стѣнки, какъ бы подъ небольшимъ навѣсомъ. Между боковыми поверхностями камня и стѣнками ямы было свободное пространство (до 2 верш.), въ которое свободно входила рука, и благодаря которому можно было удобно обрыть камень, не касаясь поверхности его. При обрываніи выяснилось, что камень былъ покрытъ черною корою не только сверху, но и съ боковъ; что онъ угловато-овальной формы, при чемъ верхняя ея часть остроугольнѣе боковыхъ; что діаметръ его около 10 вершковъ и что весь онъ проникнутъ многочисленными трещинами въ разныхъ направленіяхъ."

Къ сожалѣнію, я не могъ получить отъ г. Янишевскаго ни рисунка ямы, ни фотографіи съ камня — вѣроятно (что весьма желательно) они будутъ приложены къ описанію, которое готовится въ Казанскомъ университетѣ. Я получилъ только отъ г. Шолопова слѣдующій эскизъ ямы, а по описанію г. Кротова я такъ представляю себѣ яму и положеніе въ ней камня, который я мысленно вложилъ въ томъ видѣ, какъ мнѣ нарисовалъ его г. Шолоповъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ. Только по этимъ описаніямъ возможно опредѣлить размѣры камня, которые должны были быть: высота или толщина камня около 9 вершк; длина около 14 верш., т. е. камень имѣлъ видъ толстой плиты, или неправильную кубическую форму. Почти такую же форму нарисовалъ мнѣ г. Миропольскій, который доставилъ мнѣ такъ много интересныхъ объ этомъ камнѣ свѣдѣній, присовокупивъ: Таборскій камень имѣлъ форму неправильнаго угловатаго овала, съ закругленными углами, приблизительно такой видъ, причемъ сторона *a* составляла почти плоскость, покрытую спекшеюся корою съ пузырями, пространствомъ около 2 кв. футовъ. По этой плоскости, кажется, отъ него отдѣлился большой кусокъ массы, можетъ быть, не меньшій найденнаго, о которомъ говорилось, что онъ упалъ въ р. Каму. Это предположеніе г. Миропольскаго болѣе чѣмъ вѣроятно, что вытекаетъ до очевидности изъ строенія коры, описаніе коей вновь я заимствую изъ письма Ал. Ив. Миропольскаго, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть единственное описаніе состоянія, въ какомъ камень былъ найденъ. Г. Миропольскій пишетъ мнѣ (отъ 18 февр.): „Метеоритъ былъ осматриваемъ нами въ видѣ 3-хъ большихъ кусковъ и нѣсколькихъ кусковъ меньшей величины. Одна сторона самаго большаго куска, почти совсѣмъ плоская, пространствомъ въ 6 кв. четвертей аршина, вся была покрыта спекшеюся корою сѣраго цвѣта съ незначительнымъ темнымъ оттѣнкомъ (на фиг. 15-й приложеннаго рисунка она обозначена буквою *a*). Эта корка во многихъ мѣстахъ имѣла пузырчатыя неровности величиной съ горошину и болѣе. Кора эта при нѣкоторомъ усиліи отдѣлялась въ иныхъ мѣстахъ отъ камня плитками толщиною въ ¼, ⅜ и въ ½ дюйма. Упомянутая выше большая кора была растрескана по разнымъ направленіямъ на 3 или 4 части; эти трещины въ корѣ не заполнялись ничѣмъ, имѣя пустые промежутки въ ⅛ дюйма и менѣе и обнажая поверхность тѣла камня. Это все относится къ *наружной корѣ* Таборскаго метеорита. Но и *самый камень* имѣлъ трещины гораздо большей величины чѣмъ сказанныя; по этимъ трещинамъ онъ и распался на отдѣльные большіе и малые куски. Эти-то трещины самаго тѣла камня были заполнены спекшейся массой его; небольшіе куски по этимъ трещинамъ можно было иногда разламывать руками, причемъ къ одному изъ отломковъ отдѣлялась и сплывшаяся, заполнявшая трещину, масса, образуя какъ бы корку того отломка камня. Отдѣляя эту послѣднюю корку обломка, мною и была найдена посланная вамъ пластинка (см. далѣе), такъ что она заключалась ущемленной между наплывшею коркой и самымъ тѣломъ камня. Въ такомъ же положеніи были и прочіе слитки. Въ подобномъ положеніи находили такія пластинки и другія лица, какъ Жаковъ. Были онѣ были величиною такія же, какъ моя посланная вамъ, а самая большая была величиною въ серебряную монету въ 5 коп.; такая была у г. Жакова, употребленная имъ въ земской аптекѣ на изслѣдованіе состава металла; она вся была растворена. Нужно замѣтить, что всѣ

бѣлые слитки сопровождались черной корочкой, такъ что нужно было отщеплять ее отъ слитка, что и дѣлали и другія лица.“

Упоминаемая здѣсь пластинка представляла серебристо-бѣлый металлическій сплавъ въ 1 сантиметръ съ волнистою поверхностью, толщиною въ 1/2 миллиметра, покрытая съ обѣихъ сторонъ черною, блестящею стекляннстою коркою, при нажимѣ слегка, отскакивающею отъ металла. Такъ какъ подобные сплавы въ метеоритахъ были совершенно мнѣ до сихъ поръ неизвѣстны, то я и просилъ разъяснить мнѣ въ какихъ условіяхъ они были найдены и получилъ приведенныя выше свѣдѣнія. Они побудили меня употребить все возможное чтобы получить образцы не только этихъ металлическихъ пластинокъ, но и тѣхъ коркообразныхъ сплавовъ, которые заполняли трещины, равно и образцы каплеобразныхъ наростовъ.

(Окончаніе будетъ).

Широкая масляница.

(Рис. на стр. 177, 180, 181, 193 и 200).

Вотъ и еще разъ она къ намъ пришла — завѣтная, игривая, шутливая, забавная! Еще разъ наступила... Еще разъ вслѣдъ за Зимой-Красавицей, за морозами трескучими, за мятелями рыскучими, выѣхать къ намъ изволила Государыня-Масляница!

Выѣзжать изволитъ Государыня изъ-за каменныхъ горъ, изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за быстрыхъ, широкихъ рѣкъ—разрумяненная, разнаряженная... Здравствуй, госпожа наша, честная Масляница! Здравствуй, разудалая, развеселая, широкая, разгульная!

Вотъ и нашей улицей ѣдетъ Масляница. Паръ валитъ отъ ея сытыхъ, добрыхъ коней; звенятъ-гудятъ на нихъ бубенцы съ колокольцами да съ гремячими цѣпями серебряными; какъ жаръ горятъ бляхи на сбруѣ ея, алымъ бархатомъ обвитой, соболями, по старинному, увѣшанной. И сидитъ Государыня-Масляница на саняхъ расписныхъ-раззолоченныхъ, въ дорогой камчатой тѣлогрѣѣ, въ высокой жемчужной кикѣ съ поднизями, въ красномъ штофномъ сарафанѣ узорчатомъ. И сіяетъ весельемъ лицо ея широкое, пышетъ здоровьемъ и силою отъ ея сытаго тѣла дебелаго. Одной ручкой бѣлою она конями правитъ; а другой—всѣмъ намъ свой ласковый привѣтъ шлетъ.

И бѣгутъ-катятся впереди саней Государыни-Масляницы, бѣгутъ-катятся въ запуски два блина: гречневый да овсяный. На гречневомъ ѣдетъ верхомъ старый дѣдъ съ балалайкою; на овсяномъ—молодая бабёнка съ квашонкою; а впередъ ихъ мчится безъ памяти заяцъ со штофами, съ живой, веселящей водицею...

— Здравствуйте, люди добрые! привѣтствуетъ Масляница. — Вотъ и я къ вамъ пришла—поиграть, пошутить, позабавиться. Пришла думушкѣ съ заботушкой морщины порасправить... Пришла—на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться. Веселитесь, люди добрые — и всего дано вамъ сроку по Прощеный день!

И сбираются кругомъ саней Государыни-Масляницы люди добрые на веселье: тутъ и ряженые съ харями, и скоморохи съ гудошниками; тутъ и пѣсенники заливные, тутъ и шуты съ плясунами записные... И всѣ за честной Масляницей спѣшатъ да бѣгутъ, всѣ ей хоромъ славушку поютъ:

— Здравствуй, Матушка-Масляница! Здравствуй тридцати братьевъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ матерей дочка!

— Здравствуй во-вѣки, матушка! Перепелиныя твои косточки, бумажное твое тѣльце, сахарныя твои уста!

— Здравствуй, Масляница-объѣдуха, деньгамъ приберуха! галдитъ кругомъ веселая толпа. — Спасибо, Госпожа, что къ намъ пожаловала, изъ-за каменныхъ горъ, изъ-за темныхъ лѣсовъ, изъ-за быстрыхъ рѣкъ, гдѣ витаютъ съ тобой морозы трескучіе, гдѣ баюкаютъ тебя мятели пѣвучія!

Ѣдетъ Госпожа честная нашей улицей, а на встрѣчу ей съ переулочка идетъ Хмурый, шляпочкой пуховой укрывается, въ плащъ широкій заморскій кутается, на посохъ суковатый опирается; хочетъ пройти мимо Масляницы...

Но и Хмураго Госпожа честная заприметила, и его добрымъ словомъ оприветила.

И окрысился ей Хмурый въ отвѣтъ на привѣтъ:

— Да ты съ чѣмъ опять пришла? Съ чѣмъ пожаловала? Съ какой такой забавою? Съ какой новой сладостью? Съ какой диковинкой заморскою?

— А ты кто таковъ? отвѣчаетъ Хмурому Масляница.—Откуда ты взялся, откуда выискался? О чемъ вздумалъ меня спрашивать! Съ чѣмъ искони хожу, съ тѣмъ и нынѣ пришла: съ блинами, съ похмѣльемъ да съ шумнымъ весельемъ!

— Ну, и ступай своей дорогой: мнѣ самому не до блиновъ, головѣ не до похмѣлья, душѣ не до веселья!

— Что-же ты это, другъ сердечный, такъ запечалился? Аль какой грѣхъ на душу принялъ?.. Аль отца съ колокольни блиномъ ушибъ?

— Убирайся ты съ шутками... Я думушку крѣпкую думаю: о чужихъ грѣхахъ сокрушаюся... За чужое веселье у меня душа болитъ!

— А все потому, Хмуръ-Хмуровичъ, что Масляницу справлять разучился, да еще и другимъ помѣшать хочешь... Аль ты за моремъ долго жилъ, тамъ, гдѣ по семи молодцовъ на одинъ овсяный блинъ кидаются?..

— Что ты путаешь, безтолковая Масляница! За моремъ богаче нашего живутъ, сытѣе нашего ѣдятъ, слаще нашего пьютъ!

— Вотъ то-то и оно! Зависть тебя на чужое добро одолѣла:— оттого ты, чай, и запечалился! У самого ломоть хлѣба блиномъ обвернутъ, а на чужой сухарь глаза пялишь... А слыхалъ-ли ты такую причту-не-причту, бывальщину?.. Какъ зашелъ-пришелъ дѣтина изъ-за моря, нашей Руси православной въ поясъ кланялся, а самъ таково слово приговаривалъ:

„Тётушка, Русь православная! Меня къ тебѣ матушка послала: дай сковороды, дай сковородничка, мучки да подмазочки; у матушки вода кипитъ въ печи,—хочетъ она блины печи“.

Отвѣчаетъ дѣтинѣ Русь православная:

„Ступай своей дорогой, отваливай! Не хожу я въ міръ по всякій блинъ... И ты своихъ блиновъ дома поищи“.

А дѣтинушка ей опять въ поясъ кланяется, говоритъ:

„Еще-бы, тетушка Русь, тебѣ къ намъ за блинами идти! Да у тебя, кажись, и изба-то блинами конопачена, лепешками покрыта!“

Разсмѣялась Русь православная:

„Исполать тебѣ, дѣтинушка, что умѣлъ ты рѣчь держать... Блиномъ масляным ко мнѣ въ ротъ лѣзешь! На тебѣ и мучки, и подмазочки; и сковороду, и сковородничекъ! Авось у насъ не убудетъ—блиновъ на всѣхъ полно будетъ.“

Тутъ и Хмурый не выдержалъ, разсмѣялся.

— Спасибо, говоритъ,—тебѣ, Госпожа-Масляница! Ты своей бывальщиной и меня, Хмураго, развеселила. Ступай-же къ намъ, съ блинами исконными, съ бородами посконными, съ задорнымъ похмѣльемъ да съ шумнымъ весельемъ!.. Съ шуткой-проказницей, съ прибауткой-базарницей!

— Спасибо и тебѣ, Хмурушко, на привѣтѣ, на добромъ словѣ! Садись со мной за столъ — угощу я тебя тѣмъ, что на сковороду наливаютъ да вчетверо загибаютъ, икрой смазываютъ, масломъ да сметаной поливаютъ.

Да, у этой задорной, разудалой Масляницы есть несомнѣнно одно драгоцѣнное свойство... Она сама никогда не старѣется; она приходитъ къ намъ всегда одинаково-молодая, одинаково-свѣжая, одинаково-здоровая и веселая — и потому невольно молодитъ насъ самихъ и заставляетъ возвращаться къ воспоминаніямъ нашей молодости, когда все кругомъ насъ цвѣтетъ, поетъ и играетъ, когда мы такъ глубоко проникнуты вѣрою въ жизнь и въ наши собственныя силы. Молодость — это и есть настоящая Масляница нашей жизни, шумная, веселая, беззаботная! Счастливъ тотъ, кто умѣетъ ею воспользоваться, кто умѣетъ запастись на этой Масляницѣ радостными впечатлѣніями и воспоминаніями на весь долгій великій постъ зрѣлаго возраста и наступающей старости... Одинаково жалокъ и тотъ, у кого, по народному присловью, „широка выдалась Масляная, затопила и Великій постъ!“—и тотъ, о комъ въ народѣ говорятъ: „была у его двора Масляная, да въ избу къ нему не зашла!“

На Масляницѣ всегда мнѣ вспоминается одинъ дорогой мой пріятель — одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые умѣли и работать, и веселиться, которые всегда помнили, что „за Масляной идетъ Великій постъ“, но не забывали и того, что „за Страстною бываетъ Пасха“. Какъ теперь его вижу передъ собою въ одинъ изъ вечеровъ на Масляной, когда мы, лѣтъ пятнадцать назадъ, столкнулись съ нимъ въ Маріинскомъ театрѣ на одномъ изъ первыхъ представленій оперы „Вражья сила“. Онъ цвѣлъ здоровьемъ, онъ былъ въ полномъ разгарѣ силъ и той бодрости духа, которая силы удвоиваетъ, которая заставляетъ съ улыбкой говорить о препятствіяхъ и не знаетъ границъ предпріимчивой энергіи. Но этого мало: онъ былъ не только молодъ, свѣжъ и бодръ — онъ былъ счастливъ... Онъ любилъ и его любили. Я любовался на него. Онъ сидѣлъ въ одной ложѣ съ любимою женщиной и безпрестанно искалъ ея ласковаго взгляда — не сводилъ съ нея своихъ глазъ, полныхъ огня, полныхъ любви и признательности. Она изрѣдка, украдкой отъ другихъ, оборачивалась къ нему и тайкомъ пожимала его руку. На сценѣ славили Масляницу, пѣли ей хвалебныя пѣсни, увлекали волшебными звуками въ ея волшебное царство — и тамъ, въ темномъ, ни для кого незримомъ уголкѣ ложи, два знакомыя мнѣ, два близкія существа также переживали Масляницу своей молодой жизни, также пѣли неслышный гимнъ веселью, радости и счастью...

Прошло много лѣтъ. Я очень долго не встрѣчался съ моимъ другомъ. По наслышкѣ зналъ о томъ, что онъ претерпѣлъ большія крушенія, разочарованія, невзгоды... Слышалъ я и о томъ, что какія-то „вражьи силы“ разлучили его съ горячо-любимой женщиной и разбили его лучшія надежды. Года три тому назадъ, тоже на Масляницѣ, и при томъ въ самомъ концѣ ея, мнѣ пришлось ѣхать изъ Москвы на Югъ, по важному и спѣшному дѣлу. Сажусь въ вагонъ — и прежде всего, лицомъ къ лицу, встрѣчаюсь съ моимъ другомъ. Ужь онъ не тотъ: пожелтѣлъ, похудѣлъ, постарѣлъ; сѣдина

пробивается въ усахъ и въ бородѣ — только взглядъ да улыбка все тѣ же, что и прежде...

Обнялись, поцѣловались, заговорили, какъ будто вчера еще только видѣлись. Онъ поразилъ меня спокойствіемъ и полнымъ отсутствіемъ желчи и озлобленія во взглядахъ и въ отношеніяхъ къ людямъ. Я во многомъ не могъ согласиться съ нимъ

— Оставьте, не стоитъ кипятить себя напрасно. Они празднуютъ Масляницу. А кто жилъ полною жизнью, кто пилъ отъ ея полнаго кубка, тотъ знаетъ, что *у каждаго должна быть своя Масляница...*

— Хорошо вамъ говорить, горячился я ему въ отвѣтъ, — когда вы никуда не спѣшите. А я по дѣлу ѣду...

Эрцгерцогиня Стефанія Австрійская.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Принцесса Елизавета, дочь эрцгерцога Рудольфа и эрцгерцогини Стефаніи. Съ фот. грав. Шюблеръ.

и съ его мягкою снисходительностью... Особенно бѣсили меня наши желѣзнодорожные порядки: — Масляница сказывалась въ полной силѣ и здѣсь. На одной станціи насъ задерживали; на другой — не давали положить въ ротъ куска; то кондукторъ оказывался не трезвымъ, то машинистъ проѣзжалъ мимо стан-

— Вы ошибаетесь, сказалъ онъ совершенно спокойно. — И я ѣду по дѣлу: я пять лѣтъ уже съ *нею* не видался, и ѣду теперь къ ней, чтобы болѣе съ *нею* не разставаться.

И онъ показалъ мнѣ телеграмму, въ которой стояло: „Если примиреніе возможно, буду ждать васъ съ нетерпѣніемъ.“

Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ Австрійскій.
Съ фот. грав. Пуцъ.

Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ Австрійскій-Эсте.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

ціи, не останавливаясь. Наконецъ въ К. намъ дали такой локомотивъ, который могъ насъ дотащить только за три версты отъ города, въ чистое широкое поле, и сталъ — ни съ мѣста. Всѣ переполошились, всѣ кричали и бранились съ прислугой поѣзда. Я тоже кричалъ такъ же громко, какъ и другіе. Мой другъ взялъ меня тихонько за руку и шепнулъ мнѣ:

Я взглянулъ на него молча, и присмирѣлъ по неволѣ.

И вотъ она, развеселая, разудалая, еще разъ къ намъ пожаловала и всю Русь православную обуяла! Изъ конца въ конецъ, по всей Руси, разлилось веселье, заглянуло во всѣ города съ пригородками, во всѣ села съ присѣлками, во всѣ углы съ за-

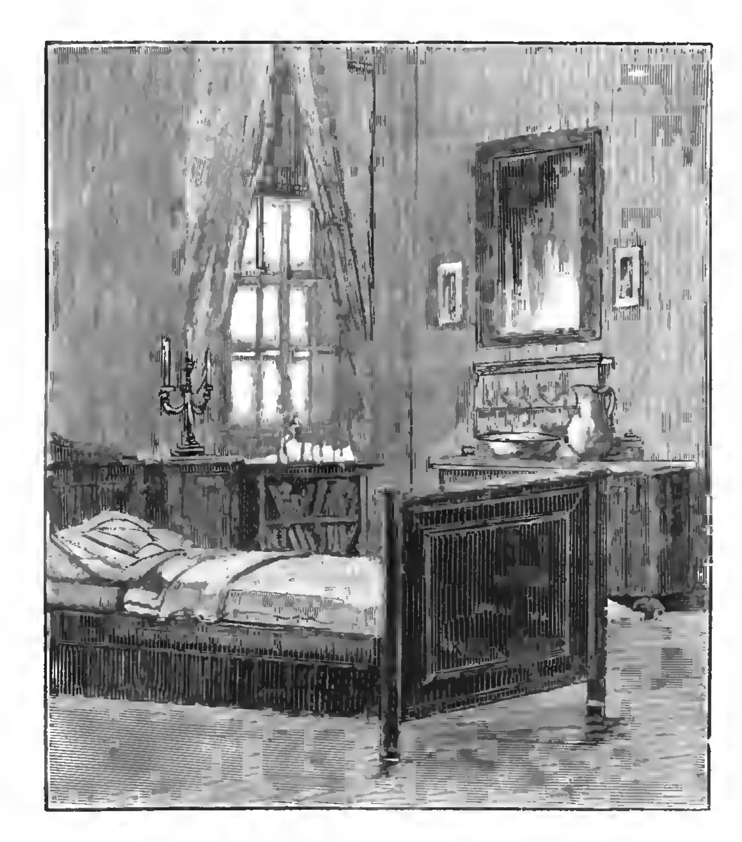
коулками — и всѣмъ вездѣ туманитъ головы госпожа честная Масляница. По всей Руси, изъ конца въ конецъ, льется и звучитъ одна могучая, русская, веселая, плясовая пѣсня, — та пѣсня, отъ которой не то у молодаго, а и у стараго, и у хвораго

Всѣ суставы говорятъ,
Въ плясъ ногамъ идти велятъ...

По всей Руси разносится трепканье балалаекъ и гармоникъ, шумныя здравицы, возгласы и клики, звонкій смѣхъ и веселый говоръ... Гуляетъ Русь и въ городахъ, и въ селахъ — съ горъ и на каткахъ катается, блинами угощается. Скачутъ бѣшеныя тройки, увозя изъ города веселыхъ людей за городъ, въ широкихъ, разукрашенныхъ ямскихъ саняхъ, обитыхъ коврами, прикрытыхъ медвѣжьею полостью; скачутъ длинношерстыя, доморощенныя лошадки, впряженныя въ плохія пошевни. биткомъ набитыя дѣвками и парнями. Всѣ смѣются, всѣ поютъ, забывъ о горѣ и невзгодахъ, всѣ спѣшатъ насладиться короткимъ, временнымъ счастьемъ, отхлебнуть отъ общаго кубка радости... Всѣ славятъ Государыню-Масляницу, госпожу честную разудалую, широкую, разгульную! Славитъ ее и старый дѣдъ, съ посконной бородой, сидя верхомъ на перильцахъ балагана и отпуская плоскія шутки окружающей его пестрой и весело гогочущей толпѣ... Славитъ ее и эта наѣздница, которая съ такимъ гордымъ и всепобѣднымъ видомъ взираетъ на публику со своихъ высокихъ подмостокъ... Славитъ и сама себя Государыня-Масляница, вылѣзая изъ квашни жидкимъ тѣстомъ, разливаясь на сковороды масляныя, раскатываясь по бѣлу свѣту румяными блинами со всякимъ припекомъ и присмѣхомъ. Славимъ и мы Государыню-Масляницу блиномъ и похмѣльемъ, смѣхомъ да весельемъ, и просимъ ее, Госпожу, униженно:

„Продлись наша Масляна до Воскреснаго дня!"

П. Полевой.



Зàмокъ Мейерлингъ. Комната въ которой найдено тѣло эрцгерцога Рудольфа. По рис. I. Z., грав. Пуцъ.

Къ рисункамъ.

Милый гость издалека.

(Рис. на стр. 185).

Художникъ задался очень скромною задачею и выполнилъ ее прекрасно. Радушный хозяинъ принимаетъ и угощаетъ у себя за столомъ пріѣхавшаго издалека милаго гостя. Нехитрая трапеза, приправленная добрымъ стаканомъ стараго вина или стопой стоялаго меда, украшается теплою задушевною бесѣдой, въ которой заѣзжій гость болѣе говоритъ, а хозяинъ — болѣе слушаетъ, знаками побуждая слугу не забывать объ угощеніи гостя. Тема

Зàмокъ Мейерлингъ. Общій видъ зданій. По рис. I. Z., грав. Ольшевскій.

художника очень проста; но выполненіе прекрасно и доведено до высокой степени изящества. Костюмъ молодаго заѣзжаго гостя, состоящій изъ бархатной *чуги* и шелковаго расшитаго золотомъ кафтана—вѣренъ до мельчайшихъ подробностей; прекрасно выполненъ и костюмъ старика—его домашняя скуфейка, его опашень съ высокимъ козыремъ, его исподній терликъ съ широкими застежками. Не забыты и подробности древне-русскаго терема: двери съ лѣпными карнизами, стѣны расписанныя цвѣтами и травами, окошечко съ тонкимъ свинцовымъ переплетомъ и слюдяными оконницами, полочка съ посудой на стѣнѣ, икона съ лампадой въ углу. О самомъ художникѣ, г. Фрейвиртѣ, мы уже говорили въ № 6 *Нивы*.

Костры-грѣлки. (Рис. на стр. 188).

Зимнимъ вечеромъ и ночью въ большіе морозы, повсюду въ Петербургѣ можно встрѣтить картину, изображенную на стр. 188. Около костра толпа извощиковъ, поджидающихъ сѣдоковъ, дежурные дворники и городовые, или запоздалые пѣшеходы отогрѣваются отъ холода. Яркое пламя разгорѣвшихся полѣньевъ освѣщаетъ зарумянившіяся отъ мороза лица и заиндевѣвшія бороды, и трескъ сухаго горящаго дерева смѣшивается съ неумолчнымъ говоромъ и веселыми шутками, отъ которыхъ русскій человѣкъ не можетъ удержаться даже въ самыя трудныя и непріятныя минуты своей жизни.

Городъ Тавастгусъ (Финляндія). (Рис. на стр. 189).

7 января губернскій городъ Тавастгусъ, одинъ изъ старипнѣйшихъ городовъ Финляндіи, праздновалъ 250-лѣтній юбилей своего существованія. Въ XIII в. шведы, завоевавъ Финляндію и обративъ жителей въ христіанство, воздвигнули во многихъ мѣстахъ крѣпкіе замки, какъ для своей защиты, такъ и для защиты новообращенныхъ христіанъ. Около замка Тавастгусъ постепенно выросло населенное мѣстечко, завелись ярмарки. Въ 1639—1650 г. это мѣстечко получило первыя свои городскія привилегіи. Въ 1770 г. городъ перенесенъ на болѣе удобное мѣсто, немного къ югу. Въ 1831 г. Тавастгусъ выгорѣлъ почти весь, но затѣмъ городъ отстроился еще лучше. Стараніями губернатора Ребиндера вблизи города разведенъ прелестнѣйшій паркъ обширныхъ размѣровъ. Тавастгусъ расположенъ крайне живописно при озерѣ; считавшійся когда-то неприступнымъ замокъ состарѣлся и обращенъ въ тюрьму; жителей насчитываютъ до 4,000 чел. Торговля ведется черезъ Гельсингфорсъ; близость столицы Финляндіи значительно измѣнила внѣшній характеръ, обычаи и цѣны въ Тавастгусѣ. Неизмѣнна только чудная природа, роскошная зелень и цѣлебный запахъ обширныхъ хвойныхъ лѣсовъ.

Въ день юбилея городъ богато изукрасился флагами. Вокругъ рынка были поставлены постаменты съ шестами, на которыхъ развѣвались знамена. Новая ратуша, красивѣйшее зданіе въ городѣ, украсилась большимъ щитомъ съ годами 1639—1889 и флагами; на домѣ губернатора красовался гербъ губерніи. Съ ранняго утра большія толпы народа двигались на улицахъ. Среди городскихъ жителей было видно не мало крестьянъ изъ окрестностей города. Лавки были по случаю торжества закрыты и школы также. Празднество началось съ торжественнаго богослуженія въ 11 часовъ утра, при чемъ лекторъ лицея Паюла произнесъ подобающую празднеству рѣчь. Затѣмъ былъ обѣдъ для бѣдныхъ и въ 3 часа банкетъ въ общественномъ собраніи, на которомъ присутствовало до 100 человѣкъ приглашенныхъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Вообще праздникъ удался вполнѣ и надолго сохранится въ памяти у всѣхъ присутствовавшихъ на немъ.

Эрцгерцогиня Стефанія и дочь ея, принцесса Елизавета. (Портр. на стр. 196).

Стефанія-Клотильда-Луиза-Герминія-Марія-Шарлотта, вдова недавно умершаго столь трагическою смертью наслѣднаго принца Австрійскаго Рудольфа, родилась 21 мая 1864 года въ Лекенскомъ замкѣ, загородной резиденціи Бельгійской королевской семьи. Она вторая дочь короля Бельгійскаго Леопольда и его супруги Маріи-Генріетты, дочери умершаго эрцгерцога Іосифа, палатина Венгерскаго. Дѣтство принцесса Стефанія провела въ замкѣ Лекенъ, гдѣ молодая принцесса прилежно занималась науками подъ личнымъ наблюденіемъ своего Августѣйшаго родителя. Помолвленная за наслѣднаго принца Рудольфа Австрійскаго, она вышла за него замужъ весною 1881 года. У многихъ еще въ памяти тѣ торжества, которыми сопровождалось это бракосочетаніе въ Вѣнѣ. Но, по слухамъ, супружество это не было счастливымъ и въ послѣднее время кронпринцъ якобы хлопоталъ о разводѣ, но встрѣтилъ категорическій отказъ со стороны своего отца, императора Франца-Іосифа.

Отъ брака эрцгерцога Рудольфа и принцессы Стефаніи родилась единственная дочь, эрцгерцогиня Елизавета, 21 августа 1883 года. Маленькая принцесса — любимица своего дѣда и всего австрійскаго народа. Покойный принцъ Рудольфъ также горячо любилъ свою дочь и по завѣщанію оставилъ ей все свое состояніе. Относительно вдовы его денежныя дѣла, по слухамъ, улажены, путемъ соглашенія императора Франца-Іосифа съ Бельгійскимъ королемъ,—слѣдующимъ образомъ: эрцгерцогиня Стефанія будетъ пользоваться впредь до выхода ея дочери замужъ, процентами съ 4-хъ милліоновъ гульденовъ, а по выходѣ дочери замужъ—процентами съ 2-хъ милліоновъ.

Послѣ смерти Рудольфа, многіе полагали что кронпринцесса Стефанія уѣдетъ къ своимъ родителямъ въ Бельгію навсегда или на болѣе продолжительное время. Но слухи эти не оправдались и вдова принца Рудольфа остается въ Австріи. Впрочемъ, отсутствіе ея въ Вѣнѣ будетъ довольно продолжительнымъ, такъ какъ, по совѣту врачей, она, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, должна посѣтить одинъ изъ курортовъ.

Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ и старшій сынъ его, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. (Портр. на стр. 196).

Престолонаслѣдіе Австро-Венгерской монархіи установлено, какъ извѣстно, Прагматическою Санкціею 1713 года. На основаніи этого документа достигшая престола въ лицѣ Маріи-Терезіи женская линія Габсбурго-Лотарингскаго дома уступаетъ первенство мужской и наслѣдуетъ престолъ лишь по пресѣченіи всего мужскаго потомства. Престолонаслѣдіе подчинено порядку первородства такимъ образомъ, что непосредственно наслѣдуетъ всегда старшая мужская отрасль первородной, т. е. старшей мужской линіи. Только въ томъ случаѣ если въ старшей линіи нѣтъ потомковъ мужескаго рода—престолонаслѣдіе переходитъ во вторую мужскую линію. Въ силу этого закона о престолонаслѣдіи, когда по отреченіи императора Фердинанда, младшій братъ его эрцгерцогъ Францъ-Карлъ въ свою очередь отказался отъ престола, послѣдній былъ занятъ старшимъ сыномъ Франца-Карла, нынѣшнимъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ II. Такъ какъ единственный потомокъ Франца-Іосифа, эрцгерцогъ Рудольфъ, не оставилъ мужскаго потомства, то права на престолъ переходятъ къ ближайшей — послѣ старшей—мужской линіи, т. е. къ эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, брату императора.

Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ-Іосифъ-Марія, родившійся 18 (30) іюля 1833 года, генералъ-отъ-кавалеріи, командуетъ 7-мъ уланскимъ полкомъ и состоитъ шефомъ русскаго Лубенскаго драгунскаго и прусскаго 8-го уланскаго. Эрцгерцогъ былъ три раза женатъ. Отъ перваго брака, съ дочерью короля Іоанна Саксонскаго, принцессой Маргаритой, у него не было дѣтей. Отъ втораго брака (1862) съ дочерью короля Фердинанда II Сицилійскаго, Маріей-Анунчіатой, родилось трое сыновей: эрцгерцоги Францъ-Фердинандъ Австрійскій-Эсте, Оттонъ-Францъ-Іосифъ и Фердинандъ-Карлъ-Лудвигъ. Съ 11 (23) іюля 1873 г. эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ вступилъ въ бракъ съ Маріей-Терезіей да-Иммакулята, дочерью покойнаго инфанта Мигуэля Португальскаго. Отъ этого брака родились двѣ дочери.

Эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ издавна отличался выдающимися заслугами на государственной службѣ. Въ 1853 году онъ управлялъ Галиціей, въ 1885 году назначенъ былъ намѣстникомъ Тироля. Во время Итальянской кампаніи 1859 г. онъ выказалъ неусыпную энергію въ организаціи народной обороны. Онъ также много содѣйствовалъ развитію народнаго хозяйства, заступая иногда мѣсто своего брата, императора. Такъ какъ онъ охотно поддерживалъ общеполезныя предпріятія, Императорская академія наукъ избрала его почетнымъ членомъ.

Старшій сынъ его, Францъ-Фердинандъ родился 6 (18) декабря 1863 года, подобно всѣмъ остальнымъ сыновьямъ, получилъ превосходное воспитаніе и многостороннее образованіе, отдавая притомъ замѣтное предпочтеніе военному дѣлу. Недавно онъ произведенъ въ майоры содержащаго въ Прагѣ гарнизонъ пѣхотнаго полка. Умершій въ 1875 году герцогъ Францискъ V Моденскій назначилъ его наслѣдникомъ крупнаго состоянія фамиліи Эсте, съ обязательствомъ принять это имя для сохраненія памяти о вымершей династіи. Въ случаѣ если эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ вступитъ на престолъ, имя и состояніе Эсте (по слухамъ, до 40 милліоновъ) перейдутъ по завѣщанію къ его брату, эрцгерцогу Оттону.

Замокъ Мейерлингъ и комната въ которой найдено тѣло эрцгерцога Рудольфа. (Рис. на стр. 197).

Имѣньице Мейерлингъ расположено въ двухъ миляхъ отъ Бадена и въ двѣнадцати отъ Вѣны. Года два тому назадъ покойный принцъ Рудольфъ, часто охотившійся въ его окрестностяхъ, купилъ здѣсь значительный участокъ земли, обилующій дичью, съ замкомъ (нѣкогда монастыремъ) и старой гостиницей, которую онъ вскорѣ замѣнилъ комфортабельнымъ охотничьимъ домикомъ. Окрестности чрезвычайно живописны, и Мейерлингъ скоро сталъ любимымъ пріютомъ принца и принцессы Стефаніи, лично наблюдавшихъ за перестройкой обоихъ зданій, причемъ старый замокъ предназначался для гостей, а новый домикъ занимали хозяева. Зданія довольно тѣсно скучены въ центрѣ роскошнаго парка. Домикъ принца выстроенъ во французскомъ стилѣ Возрожденія. Принцъ жилъ обыкновенно во второмъ этажѣ, а нѣкоторые изъ болѣе близкихъ друзей его занимали нижній. При главномъ зданіи замка находится громадный дворъ, окруженный высокими стѣнами, образующими четвероугольникъ, украшенный нѣсколькими сади-

ками. Благодаря замкообразнымъ постройкамъ, бывшій монастырь представляетъ нѣсколько мрачный видъ, въ противоположность веселымъ живописнымъ окрестностямъ. Жилое помѣщеніе принца Рудольфа состояло изъ трехъ небольшихъ комнатъ, которыхъ единственнымъ украшеніемъ были охотничьи трофеи хозяина, нѣсколько картинъ его друга и товарища по охотѣ и путешествіямъ, живописца фонъ-Паузингера, да привезенные изъ Босніи восточные ковры. Въ изображенной на нашемъ рисункѣ спальнѣ, служившей и рабочимъ кабинетомъ, найдено было тѣло несчастнаго принца.

Библіографія.

Василій Немировичъ-Данченко. *Очерки Испаніи.* 2 тома, Москва, ц. 3 р.

Послѣ знаменитой книги В. Боткина объ Испаніи, въ русской литературѣ не являлось ничего объ этой странѣ, что могло бы даже быть сравниваемо съ новыми двумя томиками талантливаго автора. Яркія, картинныя описанія въ высшей степени интересной страны смѣняются здѣсь тонкими и остроумными характеристиками, рельефно изложенными нравами и величавыми воспоминаніями далекаго прошлаго. Испанія въ очеркахъ Немировича-Данченко является по колоритности скорѣе картинной галереей. Вы какъ-будто сами видите то о чемъ говоритъ авторъ. Два тома этихъ читаются съ легкостью хорошо написаннаго романа.

Сергѣй Боръ Раменскій. Повѣсть Евгеніи Туръ. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1888.

Новое произведеніе знаменитой писательницы, многіе годы посвящающей свое дарованіе на служеніе русскому юношеству, отличается обычными достоинствами. Молодые читатели, наряду съ занимательною фабулой, найдутъ много поучительнаго въ этой повѣсти, въ которой изображенъ постепенный ростъ и развитіе дѣтей въ двухъ семействахъ, формированіе ихъ характеровъ и первые шаги молодыхъ людей на трудномъ поприщѣ жизни. Паралельно сильнымъ характерамъ Сережи и Глаши Боръ-Раменскихъ и Сони Ракитиной, въ повѣсти являются слабохарактерныя и испорченныя недостатками воспитанія натуры Вѣры Боръ-Раменской и Анатолія Ракитина. Взаимное вліяніе дѣтей другъ на друга, заботы и усилія ихъ родителей, интересныя жизненныя перипетіи тѣхъ и другихъ— все это мастерски изложено съ замѣчательною простотой и полнымъ отсутствіемъ того что называется сочиненностью.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 26 января, былъ данъ балъ въ Собственномъ Его Величества (Аничковомъ) Дворцѣ. Балъ происходилъ въ Танцовальной залѣ, освѣщенной электричествомъ и убранной тропическими растеніями.

Съ бала Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ великимъ герцогомъ Гессенскимъ Лудвигомъ IV и наслѣднымъ принцемъ Гессенскимъ Эрнстомъ отправились на охоту на станцію Волосово, по Балтійской желѣзной дорогѣ.

— 29 января, въ Концертной залѣ Зимняго Дворца былъ данъ балъ, на которомъ присутствовало до 800 приглашенныхъ. Тысячи маленькихъ электрическихъ лампочекъ на люстрахъ, бра и канделябрахъ обливали яркимъ свѣтомъ Концертную залу и сосѣднія съ нею Военную галлерею, Николаевскую залу, Аванъ-залу и площадку Іорданскаго подъѣзда, въ которыхъ были накрыты столы для ужина. Въ Концертной залѣ горѣло 1,080 электрическихъ лампочекъ; 600 изъ нихъ находились на 5 люстрахъ, остальныя—на канделябрахъ и бра. Въ примыкающей къ Концертной залѣ части Военной галлереи и Ротондѣ были устроены чайные буфеты, съ шампанскимъ, прохладительными, фруктами и конфектами. Буфеты освѣщались электричествомъ. Окна буфета Военной галлереи были задрапированы и уставлены горками, съ драгоцѣнными блюдами, кубками и чарами. На буфетѣ стоялъ серебряный сервизъ съ изображеніями охотничьихъ сценъ. Чрезвычайно красивую картину представляли залы для ужина, особенно громадная бѣлая Николаевская зала, съ цѣлымъ лѣсомъ пальмъ, залитая электрическимъ свѣтомъ. Въ залѣ было 42 круглыхъ стола, накрытыхъ на 10 приборовъ каждый и осѣненныхъ пальмами, латаніями и лаврами.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно внести въ Прав. Сенатъ для обнародованія составленный Кодификаціоннымъ Отдѣломъ и отпечатанный нынѣ въ государственной типографіи пятый томъ третьяго Полнаго Собранія Законовъ, заключающій въ себѣ узаконенія за 1885 годъ.

Дѣла церкви.

— Недавно, знаменитый русскій художникъ-маринистъ И. К. Айвазовскій принесъ въ даръ Ѳеодосійскому православному собору образъ Св. Великаго Князя Александра Невскаго, написанный имъ въ память чудеснаго избавленія Ихъ Величествъ и Августѣйшей Ихъ Семьи отъ опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года. На образѣ Св. Александръ Невскій изображенъ стоящимъ на скалѣ. Надъ нимъ — ангелъ, указывающій ему на часовню Иверской Божіей Матери, у входа въ которую стоятъ Государь Императоръ, Государыня Императрица и Наслѣдникъ Цесаревичъ, а кругомъ толпится народъ. Съ другой стороны виденъ разбитый поѣздъ. Внизу — камень, на которомъ написано: „17 октября 1888 года". На камнѣ лежитъ стягъ Александра Невскаго.

— Секретарь Православнаго Палестинскаго Общества полковникъ М. П. Степановъ, по приказанію Его Им. Выс. Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Вел. Князя Сергія Александровича, препроводилъ старостѣ С.-Петербургскаго Казанскаго собора подполковнику графу Н. Ѳ. Гейдену часть камня отъ Гроба Господня для вложенія въ крестъ, который предполагается соорудить въ этомъ соборѣ. На означенное сооруженіе до сихъ поръ поступило отъ разныхъ лицъ около 250 руб.; исполненіе-же задуманнаго сооруженія обойдется въ 2,000 рублей.

Театръ и музыка.

— 25 января, въ Маріинскомъ театрѣ, при первомъ представленіи балета „Талисманъ", сочиненія гг. Тарновскаго и Петипа, изволили присутствовать Ея Императорское Величество Государыня Императрица и Члены Императорской Фамиліи. Это представленіе дано въ бенефисъ балерины г-жи Елены Корнальба, которой было поднесено нѣсколько корзинъ цвѣтовъ. Балетмейстеру г. Петипа отъ балетной труппы серебряный сервизъ и звѣзда изъ цвѣтовъ; композитору музыки „Талисмана" г. Дриго отъ оркестра, котораго онъ состоитъ дирижеромъ — серебряная чернильница и лавровый вѣнокъ. Либретто балета „Талисманъ" принадлежитъ перу нашего извѣстнаго драматурга К. А. Тарновскаго, написавшаго множество пьесъ, съ успѣхомъ идущихъ на русской сценѣ.

Литература.

— 28 января, въ день празднованія 50-тилѣтняго юбилея поэтической и литературной дѣятельности А. А. Шеншина (А. Фета), въ Москвѣ, квартира юбиляра, убранная живыми цвѣтами, наполнилась лицами, желавшими принести маститому поэту свои поздравленія и пожеланія. На каждое привѣтствіе А. А. Шеншинъ отвѣчалъ простыми задушевными словами благодарности, причемъ всѣмъ присутствовавшимъ раздавались печатные экземпляры стихотворенія, написаннаго имъ ко дню своего юбилея. Въ этотъ день почтеннаго юбиляра осчастливили Своимъ вниманіемъ Ея Величество Королева Эллиновъ Ольга Константиновна и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини Александра Іосифовна и Елисавета Маврикіевна, приславшія ему поздравительныя телеграммы.

Общество Любителей Россійской Словесности, черезъ своего предсѣдателя Н. С. Тихонравова, поднесло юбиляру адресъ. Затѣмъ былъ прочитанъ адресъ отъ психологическаго общества, его предсѣдателемъ Н. Гротомъ.

Петербургское литературное общество прислало адресъ, украшенный виньеткой, выполненною художникомъ Н. Н. Каразинымъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ, А. А. Шеншину были еще присланы адресы отъ лицея Цесаревича Николая, отъ общества распространенія полезныхъ книгъ и отъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ то же время юбиляру были поднесены въ изящной папкѣ, „отъ искренняго почитателя его поэтическаго таланта", М. Офросимова, два романса, написанные на слова А. А. Фета: „Звѣзда сіяла на востокѣ" и „Жду я, тревогой объятъ"; роскошный письменный приборъ отъ П. П. и Д. П. Боткиныхъ; множество живыхъ цвѣтовъ и вѣнковъ. Генералъ-лейтенантъ И. Ѳ. Офросимовъ и гг. Александровъ, Пальминъ и др. поднесли юбиляру свои привѣтственныя стихотворенія.

Въ день юбилея А. А. Шеншинымъ было получено много поздравительныхъ телеграммъ.

29 января, въ честь А. Фета данъ былъ обѣдъ въ Эрмитажѣ, на который собралось болѣе 150 лицъ. Первый тостъ былъ провозглашенъ за Государя Императора, затѣмъ слѣдовали тосты за юбиляра, рѣчи и стихотворенія въ честь его.

Некрологъ.

— 2 января, въ Москвѣ скончался протоіерей церкви Св. великомученика Георгія на Всполье, о. Димитрій Васильевичъ Разумовскій. Покойный былъ извѣстенъ, какъ церковный проповѣдникъ, какъ законоучитель многихъ учебныхъ заведеній, но, главнымъ образомъ, какъ глубокій знатокъ православнаго церковнаго пѣнія, дѣлу изученія котораго онъ оказалъ огромныя услуги, въ качествѣ ученаго и писателя.

— 22 января скончался генералъ-лейтенантъ Владиміръ Дмитріевичъ Коссинскій, составившій весьма полезное руководство для войскъ и войсковыхъ управленій: „Систематическій сборникъ приказовъ по военному вѣдомству и циркуляровъ Главнаго штаба".

— Въ Вяткѣ скончался, 28 января, каѳедральный протоіерей Кашменскій, основатель въ Вяткѣ противораскольничьей школы и братства Святителя Николая.

— 30 января, въ СПБ. скончался управляющій Государственнымъ банкомъ т. сов. Алексѣй Васильевичъ Цимсенъ.

— 1 февраля, въ Кіевѣ, скончался заслуженный профессоръ университета Св. Владиміра, извѣстный политико-экономъ, Ю. Д. Сидоренко.

На масляницѣ. Деревенскій катокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича. грав. Пуцъ.

Политическое обозрѣніе.

Внезапная кончина эрцгерцога Рудольфа прекратила было пештскіе безпорядки, направленные противъ проекта новаго военнаго закона. Но недовольные имъ, казалось, ожидали конца печальныхъ церемоній, и въ самый день погребенія бренныхъ останковъ кронпринца безпорядки возгорѣлись въ Буда-Пештѣ съ новою силою. Газеты разразились статьями противъ законопроекта и въ городѣ начались демонстраціи. Газеты *Pesti Naplo* и *Hirlap* заявляютъ, что правительству предстоитъ сдѣлать выборъ между соблюденіемъ конституціи и введеніемъ осаднаго положенія. Если — говорятъ эти газеты — правительство не сдѣлаетъ уступокъ по отношенію къ военному законопроекту, то оно будетъ поставлено въ необходимость прибѣгнуть къ осадному положенію. Уступки, о которыхъ упоминаютъ газеты, касаются главнымъ образомъ статей 14-й и 25-й военнаго закона: въ первой требуютъ установленія цифры контингента новобранцевъ на десять лѣтъ, а относительно 25-й статьи — разрѣшенія сдачи на венгерскомъ языкѣ экзамена для полученія диплома офицера резерва. Многіе полагали, что поѣздка Австрійскаго императора въ Пештъ успокоитъ горячность оппозиціи. Правда, встрѣча Франца-Іосифа и его семьи была самою восторженною, но возбужденіе среди населенія вовсе не исчезло. Еще въ то время, какъ Тисса ѣхалъ на вокзалъ для встрѣчи королевской четы, массы народа кричали „долой его!“ На вокзалѣ Іокай спросилъ Тиссу въ юмористическомъ тонѣ: „Развѣ министры еще не вышли въ отставку?“ На обратномъ пути королевской фамиліи съ вокзала, жители, при видѣ ѣхавшаго Тиссы, опять кричали „долой его!“ Вечеромъ студенты устроили новую демонстрацію. Кандидатъ въ адвокаты Такачъ, противъ котораго прокуратура возбудила уже дѣло по обвиненію въ подстрекательствѣ народа, предводительствовалъ студентами, которыхъ полиція неоднократно разгоняла палочными ударами. Возбужденіе не улеглось, когда стало извѣстнымъ, что на измѣненіе 14-й статьи военнаго законопроекта министръ-президентъ согласился. Напротивъ, готовность правительства согласиться на первый пунктъ еще болѣе побуждаетъ органы оппозиціи настаивать на второмъ пунктѣ; газеты проникнуты недовольствомъ въ виду того, что 25-я статья законопроекта не будетъ измѣнена, а только пополнится постановленіемъ о томъ, что венгерскій языкъ допускается на экзаменахъ по теоретическимъ предметамъ. Венгерскій министръ обороны, Фейервари, заявилъ, что измѣнить текстъ означенной статьи нельзя, такъ какъ опредѣленіе характера инструкціи объ экзаменахъ есть право монарха, но что при выработкѣ редакціи этой инструкціи будетъ, во всякомъ случаѣ, принято въ соображеніе вышеупомянутое дополненіе къ 25-й статьѣ. Не смотря на эти уступки и поправки, оппозиція военному законопроекту даже въ правительственной партіи вовсе не прекратилась и проекту этому, по-прежнему, противится также и палата магнатовъ. Поэтому съ нетерпѣніемъ ожидается предстоящее обсужденіе военнаго закона по статьямъ.

Не менѣе настойчиво и горячо ведется борьба оппозиціи съ правительственною партіею во Франціи. Вызванныя обстоятельствами послѣдняго времени, въ палату было внесено на прошлой недѣлѣ два предложенія: о системѣ выборовъ по округамъ и о пересмотрѣ конституціи. По постановленію палаты первое изъ этихъ предложеній было разрѣшено въ понедѣльникъ 30 января. Въ этотъ день, въ засѣданіи палаты депутатовъ, Флоке заявилъ, что онъ былъ сторонникомъ системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ, но отказался отъ своихъ предпочтеній въ виду настроенія и интересовъ страны, въ которой обнаруживается сильное движеніе въ пользу системы выборовъ по округамъ. „Къ тому же—присовокупилъ министръ— приходится имѣть дѣло съ заговоромъ коализованныхъ партій и съ притязаніями, опирающимися на недоразумѣнія и измѣну. Необходимо разстроить избирательный заговоръ, а тѣмъ временемъ пусть сила закона разстраиваетъ противозаконный заговоръ“. Послѣ вотированія по статьямъ, законопроектъ былъ принятъ въ совокупности большинствомъ 267 голосовъ противъ 222. Вслѣдъ за палатою и сенатъ, послѣ непродолжительныхъ преній, принялъ большинствомъ 228 голосовъ противъ 52 законопроектъ о возстановленіи системы выборовъ по округамъ. Въ силу этого законопроекта частныхъ выборовъ не будетъ уже производиться впредь до общихъ парламентскихъ выборовъ.

Проектъ пересмотра конституціи разсматривался въ четвергъ, 2 февраля, и по словамъ депеши корреспондента *Новаго Времени* пришелъ къ неожиданному результату. Послѣ рѣчи радикала Дувиль-Мальфё, говорившаго противъ пересмотра, такъ какъ палата не имѣетъ ни авторитета, ни потребнаго большинства, почему и необходимо подождать новыхъ выборовъ, чтобы узнать въ какомъ направленіи страна желаетъ конституціонныхъ реформъ,—было приступлено вновь къ баллотировкѣ: правая и центръ, соединившись, образовали большинство въ 307 голосовъ противъ пересмотра. Флоке объявилъ объ отставкѣ всего министерства и вышелъ изъ залы. Это вызвало общее изумленіе и чрезвычайное волненіе въ палатѣ.

Настоящее время—время вымиранія конституцій. Поэтому со всѣхъ сторонъ пытаются гальванизировать трупъ новыми изобрѣтеніями. Новая конституція въ Сербіи, новая конституція во Франціи; наконецъ новая конституція появилась и на дальнемъ Востокѣ. Изъ Токіо телеграфируютъ отъ 30 января въ „Агентство Рейтера“: „Японскій императоръ провозгласилъ сегодня съ престола новую японскую конституцію. Провозглашеніе сопровождалось большими народными празднествами. Конституція составлена по образцу германской. Парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: палаты господъ, часть членовъ которой выборные, а другая по назначенію императора и палаты общинъ изъ трехсотъ членовъ. Избирательнымъ правомъ пользуются всѣ граждане, достигшіе двадцатипятилѣтняго возраста и платящіе ежегодно двадцать пять долларовъ налога. Конституціею даруется также религіозная свобода, свобода слова и право сходокъ. Парламентъ облеченъ законодательною властью и контролемъ надъ финансовыми дѣлами въ установленныхъ конституціею предѣлахъ. Судьи несмѣняемы; они могутъ быть увольняемы лишь законодательнымъ порядкомъ“.

Смѣсь.

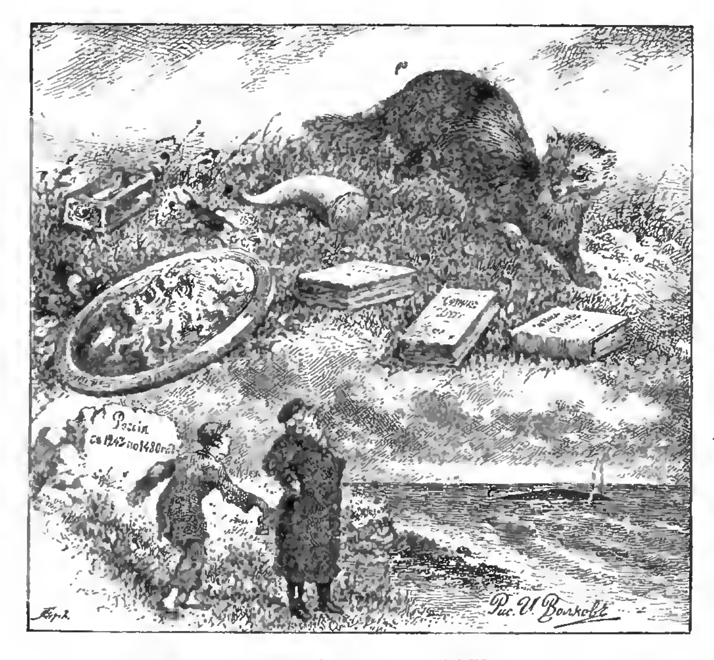
Первое проявленіе творчества у Кольцова. Извѣстный поэтъ-прасолъ самъ разсказывалъ при какихъ обстоятельствахъ онъ сталъ впервые сочинять стихи. „Я ночевалъ съ гуртомъ отца въ степи; ночь была темная, претемная и такая тишина, что слышался шелестъ травы; небо надо мной было тоже темное, высокое, съ яркими мигающими звѣздами. Мнѣ не спалось, я лежалъ и смотрѣлъ на небо. Вдругъ у меня стали въ головѣ слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертѣлись отрывочныя, безъ связи, рифмы, а тутъ приняли опредѣленную форму. Я вскочилъ на ноги въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, я прочелъ вслухъ свои стихи. Странное я испытывалъ ощущеніе, прислушиваясь къ своимъ стихамъ“. Объ этомъ случаѣ Кольцовъ разсказывалъ въ кружкѣ И. И. Панаева, въ присутствіи его жены, пишущей подъ псевдонимомъ Н. Станицкаго, которая и передаетъ разсказъ въ своихъ воспоминаніяхъ, недавно напечатанныхъ. (в).

Кладоискатели. Въ станицѣ Беслинеевской, на Кавказѣ, разнесся слухъ, что будто одна „смѣлая“ партія, секретно занимаясь раскопкой кургановъ, вырыла золотого коня съ всадникомъ. Слухъ обошелъ всю станицу и обитатели ея, бросивъ полевыя и домашнія работы, принялись дружно уничтожать курганы. Говорятъ, найдено много цѣнныхъ вещей. Раскапываютъ курганы ночью при огнѣ, со

всѣми предосторожностями, и даже разговариваютъ шепотомъ; работы производятся съ 10 ч. ночи до 5 ч. утра. Выбросивъ скелетъ покойника изъ его мирной опочивальни и убѣдившись въ отсутствіи какой-либо добычи, гробокопатели обыкновенно стараются поскорѣе уйти съ мѣста преступленія. (в)

Какъ велика игра у насъ на тотализаторѣ, это можно видѣть по отчету Императорскаго Царскосельскаго Скакового Общества, появившагося на-дняхъ. За 1888 годъ общество получило прибыли по счету тотализатора въ количествѣ 10%, 82,921. Слѣдовательно оборотъ тотализатора въ теченіе одного сезона превышаетъ 800,000 рублей. Это—краснорѣчивая цифра, указывающая на огромное число любителей у насъ легкой наживы. (в)

Ребусъ. Задача № 13.



Шахматная задача № 14. Шахматная задача № 15.

Пѣшечные экзерсисы.

Черные. Черные.

Бѣлые. Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода. Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Рѣшеніе ребуса № 2 (помѣщеннаго въ № 2).

„Съумѣй во время слово сказать и тоже во время смолчать“.

Издатель **А. Марксъ** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

АДРЕСА

всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5 000 000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. „Мольдакотъ“ съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ нераспарываемымъ швомъ, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. „Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ, равно какъ и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р 25 к., пересылка 75 к. Въ Азіятскую Россію за 3 фунт.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Моросейка, д. Комитета. № 3696

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 9 р. 50 к.
съ пересылкою. . 10 „ — „

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. № 3692 2—1

Вслѣдствіе большаго успѣха нашихъ биноклей „Аргусъ“ и „Лилипутъ“ возникли дешевыя поддѣлки, но за то крайне плохія, а потому просимъ обратить вниманіе на нашу фирму и фабр. клеймо.

Е. КРАУСЪ и Ко.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ. Мойка, № 40.
Иллюстр. пр.-кур. оптич. и фотограф. приборъ высылается безплатно.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО à la CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. Л. № 3429 16—1

СѢМЯННОЙ КАРТОФЕЛЬ полевой культуры. Списокъ высылается безплатно. Адресъ до 1 Апрѣля: Москва, Ильинская улица, близь Смоленскаго вокзала, д. № 41. Съ 1 Апрѣля: Станція Лаптево, Московско-Курской ж. д. **Василію Александровичу Полякову,** сельцо Малахово. П. № 3694

ЗА 30 КОП.
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и прейсъ-курант.
за 50 коп. 2—1
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 к. и 1 р. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“.

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ
А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Обуховскій просп., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част., соч. Вс. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

№ 3652 5—2

Просятъ требовать во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ извѣстныя своими хорошими качествами

ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА
фабрики
РИЧАРДА ВИЛЬДТЪ
въ Варшавѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 ГОДЪ

на литературно-художественный, издаваем. П. П. Щегловымъ, журналъ съ каррикатурами,

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

50 №№ въ годъ. Выходитъ по воскресеньямъ. Разнообразный текстъ. **400 больш. рисунк.,** множество иллюстрацій къ тексту, **масса каррикатуръ. 12 карт.,** въ видѣ ежемѣс. прилож., **историческаго содержанія.**

ПРЕМІЯ для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ: большая (въ 20 в. д. и 15 шир.), исполненная масляными красками, КОПІЯ СЪ КАРТИНЫ академика И. М. Прянишникова: „ПЛѢННЫЕ ФРАНЦУЗЫ ВЪ 12-мъ ГОДУ ПОДЪ КОМАНДОЙ СТАРОСТИХИ ВАСИЛИСЫ“.

Премія будетъ выдана при подпискѣ.

Условія подписки съ пересылкой и доставкой: **на годъ 6 р., на полгода 4 р., на три мѣсяца 2 р., на одинъ мѣсяцъ 75 коп.**

Городская подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и въ конторѣ редакціи. Иногороднихъ просятъ адресовать на имя издателя, **Павла Петровича Щеглова:** Москва, Зацѣпская ул., соб. домъ. 10—10 П. № 3489

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА КАРТИНУ
КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА
17 ОКТЯБРЯ 1888 Г.

Картина написана извѣстнымъ художникомъ **Н. Н. КАРАЗИНЫМЪ** и изображаетъ памятный для всей Россіи день, въ который **Всеблагій Промыслъ чудесно сохранилъ Державнаго Государя и всю Его Августѣйшую Семью отъ страшной опасности.** Длина картины 17, а ширина 11 вершковъ. Печатается въ 22 краски въ извѣстномъ художественно-графическомъ заведеніи Э. МАРКУСА и подъ личнымъ наблюденіемъ **Н. Н. Каразина.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ исключительно въ С.-Петербургѣ у издателя **П. А. РАЗЖИВИНА,** въ его складѣ бумагъ, **Невскій проспектъ, д. 66, противъ Аничкина дворца,** до 20 марта 1889 года по **3 рубля** за экземпляръ безъ пересылки; иногородные за пересылку прилагаютъ 1 руб. Казенныя учрежденія (чрезъ казначеевъ), полковыя канцеляріи, волостныя правленія, казенныя учебныя заведенія вѣдомства ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ, всѣ частныя гимназіи, а равно и народныя школы пользуются уступкою черезъ начальниковъ своихъ **20 проц. съ рубля.**

Въ отдѣльной продажѣ цѣна картины **6 руб.** безъ доставки. За проданныя картины съ каждаго рубля 10 проц. отчисляется на устройство въ хирургическомъ отдѣленіи Общины Св. Георгія постоянныхъ кроватей въ память чудеснаго избавленія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и АВГУСТѢЙШАГО ИХЪ СЕМЕЙСТВА отъ угрожавшей опасности. № 3695

Оригиналъ для обозрѣнія публики выставленъ до 10 февраля 1889 г. у издателя П. А. РАЗЖИВИНА, Невскій пр., № 66, противъ Аничкина дворца.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—5

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ
ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ
КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.
(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія **металлическія** гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присущій имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить № 3679 3—2

Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и проч.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галлантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

Адвокатъ, архитекторъ, врачъ, купецъ, фабрикантъ или другое лицо можетъ за плату отъ 27 до 47 руб. въ годъ (смотря по роду занятій) застраховать въ Страховомъ Обществѣ „Россія“ 10,000 руб. на могущія произойти вслѣдствіе несчастнаго случая смерть или инвалидность. Съ третьяго года страхованія годичные взносы уменьшаются. Страхованія принимаются также съ условіемъ возврата всѣхъ уплаченныхъ взносовъ наслѣдникамъ или же самому застрахованному, по достиженіи имъ 65-ти-лѣтняго возраста.

Справиться въ Главной Конторѣ Страховаго Общества „Россія“ (С.-Петербургъ, Большая Морская, 13) или у агентовъ въ городахъ Имперіи. По требованію высылаются безплатно подробныя брошюры. № 3649 3—3

XX г. — г. XX

№ 8 — 1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 февраля 1889 г.

Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

А. В. Дружининъ.

Имя Дружинина, извѣстнаго русскаго журналиста, талантливаго переводчика, критика и блестящаго фельетониста, теперь полузабыто, какъ будто это былъ какой-нибудь заурядный писатель, не создавшій ничего выдающагося, дѣятельность котораго прошла безслѣдно. Двадцать пять лѣтъ минуло на-дняхъ со дня его кончины, и за этотъ промежутокъ времени критика ни однимъ словомъ не обмолвилась о немъ, почти никто не вспомнилъ объ этомъ выдающемся дѣятелѣ и достойнѣйшемъ человѣкѣ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ его біографіи. Мы не станемъ здѣсь касаться причинъ такого, болѣе чѣмъ равнодушнаго, отношенія къ Дружинину и публики, и критики; наша цѣль—оживить въ памяти читателей личность писателя съ крупнымъ дарованіемъ, много и съ великой пользой потрудившагося для русской литературы и оставившаго въ ней несомнѣнно яркій слѣдъ. Александръ Васильевичъ

Александръ Васильевичъ Дружининъ (по поводу 25-й годовщины его смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

Дружининъ, происходя изъ богатой семьи хорошаго круга, получилъ отличное, весьма солидное образованіе, росъ и развивался въ средѣ просвѣщенной, которая благотворно вліяла на его характеръ, обнаруживавшій черты врожденнаго благородства, деликатности, нравственнаго изящества. Онъ родился 8 октября 1824 года, въ Петербургѣ, воспитывался до шестнадцатилѣтняго возраста дома и въ одномъ изъ лучшихъ частныхъ пансіоновъ и окончилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ. Рано обнаружилъ онъ недюжинныя способности, рано пристрастился къ чтенію и проявилъ склонность къ писательству; въ корпусѣ онъ постоянно писалъ для товарищей упражненія на заданныя темы и сочинялъ довольно удачные стихи, преимущественно сатирическіе, въ которыхъ осмѣивалъ недостатки и смѣшныя стороны товарищей и воспитателей, не смотря на эти шутки всегда любившихъ его. Изъ корпуса Дружининъ выпущенъ 2 августа 1843 года, съ производствомъ

въ прапорщики лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, гдѣ служили уже его два старшіе брата и гдѣ онъ подружился съ П. А. Ѳедотовымъ, сдѣлавшимся потомъ знаменитостью, какъ художникъ-жанристъ, о которомъ онъ впослѣдствіи напечаталъ весьма интересныя воспоминанія. Познанія Дружинина и его любовь къ чтенію не могли не обратить вниманія товарищей, питавшихъ къ нему расположеніе, и они единогласно избрали его библіотекаремъ только что основанной тогда полковой библіотеки, которою Дружининъ завѣдывалъ до самаго выхода своего изъ полка въ началѣ 1846 года. Въ февралѣ этого года онъ поступилъ въ канцелярію Военнаго министерства и, прослуживъ здѣсь ровно пять лѣтъ, вышелъ окончательно въ отставку, чтобы вполнѣ отдаться литературнымъ занятіямъ. Литературные дебюты Дружинина относятся, впрочемъ, къ началу его службы въ Военномъ министерствѣ. Когда ему было 23 года съ небольшимъ, появилась его первая повѣсть, „Полинька Саксъ", взятая изъ жизни большаго свѣта и написанная изящнымъ легкимъ языкомъ на тему о паденіи женщины. „Полинька Саксъ" была явленіемъ не зауряднымъ, затрогивала достаточно живой вопросъ и при томъ въ самой деликатной, граціозной формѣ; въ ней было столько художественной правды, что повѣсть произвела впечатлѣніе, жадно читалась публикой и вызвала лестный отзывъ Бѣлинскаго, похвалившаго и вторую повѣсть Дружинина „Разсказъ Алексѣя Дмитріевича", появившуюся въ 1848 году. Послѣ этихъ двухъ повѣстей Дружининъ написалъ разсказъ „Фрейлейнъ Вильгельмина" и романъ „Жюли", а затѣмъ въ прекрасныхъ, остроумныхъ этюдахъ знакомилъ русскихъ читателей съ англійской литературой, обозрѣвъ почти весь новѣйшій романъ, начиная съ эпохи рыцарства и кончая школой Бальзака. Изъ статей такого рода особенно выдаются этюды: „Жизнь и драматическія произведенія Рихарда Шеридана", „Георгъ Краббъ и его произведенія", „Джонсонъ и Босвель", „Вальтеръ Скоттъ и его сверстники". Превосходно владѣя англійскимъ языкомъ, будучи самъ поэтомъ въ душѣ, знакомый съ поэтическою формой въ совершенствѣ, Дружининъ перевелъ стихами трагедію Шекспира „Король Ричардъ Третій", „Коріоланъ", „Король Лиръ" и „Жизнь и смерть короля Джона". По близости къ подлиннику и по изяществу, это лучшіе и единственные переводы твореній Шекспира въ русской литературѣ. Дружининъ замѣчателенъ также и какъ фельетонистъ, неподдѣльно веселый, живой, остроумный, занимательный; его смѣло можно назвать королемъ фельетонистовъ. Его блестящіе „Сентиментальныя путешествія Ивана Чернокнижникова по петербургскимъ дачамъ" и „Замѣтки и увеселительные очерки петербургскаго туриста" производили въ свое время нѣкоторую сенсацію; ихъ можно съ наслажденіемъ читать и теперь, останавливаясь на замѣчательно остроумныхъ сравненіяхъ, неожиданныхъ выводахъ, свѣжихъ и оригинальныхъ мысляхъ и отъ души смѣясь безобиднымъ, тонкимъ, изящнымъ шуткамъ автора. Дружининъ отличался рѣдкою энергіей, страстною преданностью литературѣ, которую любилъ до самозабвенія. Онъ написалъ очень много, былъ редакторомъ „Библіотеки для чтенія" и однимъ изъ редакторовъ газеты „Вѣкъ"; въ первомъ журналѣ помѣщено множество критическихъ статей и рецензій его, посвященныхъ произведеніямъ Козлова, Веневитинова, Огарева, Ростопчиной, гр. Льва Толстаго, Фета, Майкова, Полонскаго, Гончарова, Писемскаго, Островскаго и проч. Дружининъ требовалъ естественности и простоты отъ литературы, ненавидѣлъ поверхностность французовъ и сухость нѣмцевъ; онъ открыто и честно боролся противъ отчаяннаго отрицанія въ литературѣ, противъ эфемерныхъ ея божковъ, созданныхъ шестидесятыми годами. Горячій поклонникъ искусства, весь проникнутый служеніемъ идеѣ нравственнаго изящества, жившій и мыслившій благородно, онъ отвертывался отъ прямыхъ или косвенныхъ оскорбителей его чистыхъ идеаловъ и сурово, безпощадно относился къ литературнымъ новаторамъ, людямъ такъ-называемой улицы, внесшимъ въ литературу нашу разладъ и нелѣпыя понятія, вліяющія разлагающимъ образомъ. Въ частной жизни это былъ джентльменъ въ полномъ смыслѣ, рѣдкій товарищъ, снисходительный и замѣчательно добрый человѣкъ, благодаря гуманности и отзывчивости своей натуры, первый додумавшійся до мысли объ открытіи у насъ общества для пособія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Онъ, а не кто другой, былъ истиннымъ основателемъ этого общества. Заслуги Дружинина какъ критика, историка литературы и замѣчательнаго стилиста будутъ еще достойно оцѣнены.

П. Б—овъ.

Опасная игра.

Повѣсть **Н. Д. Ахшарумова.**

(Продолженіе).

XVI.

Стойницкій, по складу ума, былъ „позитивистъ" и въ заурядныхъ случаяхъ относился скептически къ моднымъ прогулкамъ изъ области трезвыхъ наукъ въ царство чудеснаго, приписывая ихъ просто блудливому раздраженію мысли. Но результаты новѣйшихъ изслѣдованій надъ осмѣянными и отверженными наукою прошлаго вѣка — явленіями *животнаго магнетизма* (переименованнаго потомъ изъ приличія въ *гипнотизмъ*) были ему извѣстны, и по своей очевидной связи съ судебною медициной, сильно затрогивали профессіональное его любопытство. „Надо-бы этимъ заняться," думалъ онъ: — „и справиться у кого нибудь, прочитать кое-что. Объ этомъ вѣдь накопилась уже цѣлая библіотека ученыхъ изслѣдованій..." Но масса текущихъ обязанностей заставляла его каждый разъ откладывать это дѣло до той блаженной поры досуга послѣ трудовъ, которую обѣщаютъ себѣ всѣ занятые люди.

... Какъ вдругъ, это неожиданное открытіе по дѣлу и безъ того не позволявшему ему часто уснуть спокойно!... Къ несчастію, вмѣсто того чтобы вывести его изъ потёмокъ на свѣтъ, открытіе это только поставило его лицомъ къ лицу съ громадною по значенію и размѣру — психіатрическою загадкой!...

Долго послѣ ухода Сергѣя, Стойницкій сидѣлъ какъ пьяный. Виски у него пылали, въ мысляхъ царилъ невообразимый хаосъ... Досуга у него нѣтъ — весь письменный столъ заваленъ спѣшной работой; но заниматься ею въ такомъ состояніи тоже вѣдь нѣтъ возможности.

Послѣ короткаго колебанія, онъ вскочилъ съ какой-то озлобленною рѣшимостью и уѣхалъ къ старому своему пріятелю, доктору Николаю Ивановичу Пушилову, который служилъ ординаторомъ въ *** больницѣ, и котораго онъ засталъ послѣ дежурства, дóма, за самоваромъ. Это былъ крѣпкосложенный, но видимо утомленный своею тяжелою должностью, молодой человѣкъ его лѣтъ, въ изношенномъ сѣромъ пиджакѣ, въ очкахъ, съ дешевой сигарой въ зубахъ. Блѣдное, густо-обросшее волосами лицо его напоминало заглохшій садъ въ холодную, вѣтряную погоду; прищуренные глаза смотрѣли зорко, но въ результатѣ профессіональной привычки таить отъ больныхъ свои впечатлѣнія—имѣли какой-то сдержанно-выжидающій взоръ. Съ Стойницкимъ они встрѣчались лишь изрѣдка, въ окружномъ судѣ; а потому его появленіе вечеромъ нѣсколько удивило пріятеля.

— По дѣлу? спросилъ Пушиловъ.

— Отчасти да, но болѣе за совѣтомъ... Скажите, у васъ тутъ вѣдь занимаются гипнотизмомъ?

— Практически—нѣтъ... Но чтò это съ вами?.. у васъ какой-то необычайно-серьезный видъ... Случилось что-нибудь?.. Да чего вы стоите, садитесь, — хотите чаю?

Они усѣлись и гость разсказалъ исторію Паши, не называя именъ.

— Вотъ факты, сказалъ онъ. — Имѣйте однако въ виду, что они легально не удостовѣрены. Мало того, ихъ связь не болѣе какъ моя догадка. Я получилъ эту исторію въ двухъ кускахъ и изъ разныхъ рукъ; начало ея идетъ до скандала на станціи, безъ малѣйшаго указанія на него; а конецъ, отъ этого случая и досель — тоже безъ всякаго указанія на предшествующее. Изъ скандала возникъ, уже здѣсь, въ Петербургѣ, шантажъ, который, при неблагопріятномъ теченіи, можетъ окончиться въ окружномъ судѣ, и эта возможность очень меня озабочиваетъ, такъ какъ, хотя она и мало правдоподобна, но надо быть на нее готовымъ; а я не готовъ... Я могу, пожалуй, импровизировать хоть сейчасъ защиту; но у меня недостаетъ научнаго базиса, чтобы выдержать правильную аттаку; чтò и заставило меня обратиться къ вамъ.

— Вы очень дурно выбрали.

— Отчего?

— Я, лично, не видѣлъ гипноза, да если-бы и видалъ, то что̀ я могу вамъ сказать?.. Вы говорите сами, что факты внушеній легально не удостовѣрены, а я вамъ скажу, что ихъ трудно удостовѣрить... Особенно здѣсь. Во Франціи, напримѣръ, защита или обвиненіе могутъ вытребовать экспертовъ лично производившихъ опыты, между которыми есть доктора съ европейской извѣстностью, 20 лѣтъ занимающіеся гипнозомъ,—людей въ рукахъ у которыхъ перебывали тысячи паціентовъ. А здѣсь кого вы найдете? Очень немногіе видѣли опыты, въ Salpêtrière, у Шарко̀, но видѣли слишкомъ мало, чтобы придти къ какимъ-нибудь заключеніямъ. А явятся они въ судъ съ журналами или отчетами иностранныхъ ученыхъ обществъ и прочитаютъ изъ нихъ пять-шесть подходящихъ случаевъ, изъ которыхъ конечно судъ убѣдится, что этого рода вещи возможны... И только... Но мало-ли что̀ возможно?.. Какое ручательство, напримѣръ, что побудительною причиною кражи дѣйствительно былъ „гипнозъ“, а не „клептоманія?..“ Положимъ клептоманію, въ данномъ случаѣ, тоже нельзя доказать; но довольно того, что она возможна, чтобъ стать на ряду съ гипнозомъ и обратить его въ пустую, ничѣмъ не доказанную догадку... Гипнозъ дѣло темное—и наука доселѣ еще не пришла ни къ какому теоретическому его объясненію... Вотъ что-съ.

Стойницкій выслушалъ эту рѣчь безъ возраженія.

— Да, сказалъ онъ, — это безспорно; только я къ вамъ не за этимъ пріѣхалъ. А вотъ что̀: позвольте узнать, что̀ этотъ вашъ гипнотизмъ—не мистификація?

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ Пушиловъ.—Вѣра—дѣло невольное, и сомнѣніе—тоже. Вѣрю—потому, что я не могу не вѣрить; но не увѣренъ такъ несомнѣнно, какъ напримѣръ, что вы у меня сидите, или что у насъ въ клиникѣ есть сумасшедшіе.

— Нѣтъ, это немножко всторону отъ предмета. Скажу яснѣе. Твердо-ли вы увѣрены, что этотъ вашъ „гипнотизмъ“ не такой-же вздоръ какъ напримѣръ *спиритизмъ* съ его матеріализаціею духовъ? Дѣло конечно не въ фактахъ, которые, въ непосредственной ихъ наготѣ, могутъ быть сколько угодно реальны, а въ логическомъ построеніи, которое они получаютъ у васъ въ головѣ; потому что безъ этого построенія, хотя намъ и кажется иногда противное, не обходится ни одна достовѣрность. Вѣрно или невѣрно, ясно или темно, а мы какъ-нибудь да связываемъ между собою вещи, если хотимъ ихъ понять. Въ этомъ-то смыслѣ я васъ и спрашиваю: какъ вы связываете между собою приказъ гипнотизёра съ его роковымъ исполненіемъ у гипнотика?

Пушилова словно какъ будто-бы что̀ укусило внутри, и онъ посмотрѣлъ на пріятеля съ нерѣшительною усмѣшкой.

— Весьма щекотливый вопросъ, голубчикъ! сказалъ онъ.—Ибо онъ заставляетъ меня признаваться въ постыдныхъ для современнаго человѣка вещахъ... Что̀ дѣлать? Тамъ гдѣ научной конструкціи не хватаетъ, нашъ братъ поневолѣ обходится съ сказочными, усвоенными въ ребяческіе года отъ старыхъ бабъ и нянекъ. Бываетъ однако и хуже. Бываетъ, что между старыми, суевѣрными, и новыми просвѣщенными построеніями завязывается война—и мы, въ интересахъ внутренняго единства, стараемся ихъ помирить. Тогда происходятъ постыдныя сдѣлки, въ итогѣ которыхъ порою совѣстно даже спросить у себя: чему мы вѣримъ... Такъ и теперь... Между нами сказать, этотъ ихъ гипнотизмъ противенъ мнѣ. Онъ мнѣ внушаетъ какой-то подлый страхъ за судьбу нашего яснаго, трезваго, положительнаго міровоззрѣнія. Словно невидимый врагъ подкапывается подъ самыя его основанія, со злостнымъ намѣреніемъ взорвать всю постройку на воздухъ, и подъ давленіемъ этого страха въ голову тебѣ лѣзетъ самый невѣроятный вздоръ. Чудится, напримѣръ, что современныя естественныя науки стоятъ наканунѣ громаднаго, потрясающаго открытія,—такого открытія которому суждено перевернуть вверхъ дномъ всю нашу психологію, біологію, физіологію, и заставить физику допустить въ природѣ силы давно ею отвергнутыя... Что не пройдетъ можетъ статься и двухъ поколѣній, какъ всѣ наши нынѣшнія, твердо установившіяся понятія будутъ сданы въ архивъ какъ памятникъ человѣческой слѣпоты и слабоумія, и ихъ не посмѣетъ дольше отстаивать ни одинъ изъ тѣхъ, которые такъ гордятся теперь устойчивостью своихъ научныхъ завоеваній... Что можетъ быть самые дальнозоркіе между нами уже и теперь догадываются, что старый ихъ путь оконченъ, и что они подошли въ упоръ къ той завѣшенной, грозной фигурѣ, съ которой никто еще до сихъ поръ не сорвалъ покрова... Однако, я кажется еще разъ хватилъ мимо... О чемъ бишь вы спрашивали?.. Ахъ да: какъ вяжутся въ моемъ пониманіи приказъ гипнотизера съ его неминуемымъ исполненіемъ у гипнотика?.. А вотъ какъ. Въ гипнозѣ вся сумма психофизіологическихъ функцій подавлена: воля и волевые импульсы съ опредѣляющими ихъ идеями—больше всего. Сознаніе спитъ. Чувствительность тоже потеряна, за однимъ, необъяснимымъ изъятіемъ. Гипнотикъ доступенъ лишь тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя онъ получаетъ отъ гипнотизёра. За то, въ этомъ пунктѣ, какъ въ полюсѣ, воспріимчивость его достигаетъ высокой степени. Малѣйшее представленіе пріобрѣтаетъ страшную яркость и какъ единственное овладѣваетъ всѣмъ его существомъ. Но оно совершенно пассивно; ни выбора, ни отказа, ни критики. Чужая идея сообщена субъекту, и какъ-бы она ни была глупа, чудовищна или фальшива—господствуетъ полновластно. Съ такой-то единственной, неограниченно-властвующей надъ нимъ идеей—субъектъ пробужденъ. Поле его психофизіологической дѣятельности вдругъ неизмѣримо расширено и все что̀ спало въ немъ, парализированное, ожило, зашевелилось. Проснувшіяся пружины личной иниціативы, сознаніе, воля, сопротивленіе внѣшнимъ вліяніямъ снова приходятъ въ дѣйствіе; но среди этого стараго, пробужденнаго къ жизни лагеря, спрятанъ закравшійся въ него ночью врагъ: это штемпель чужой идеи и чужой воли. Гипнотикъ не знаетъ откуда въ немъ этотъ зародышъ дѣятельнаго импульса, обыкновенно даже не сознаетъ его присутствія и значенія; тѣмъ не меньше онъ тутъ и существуетъ въ субъектѣ какъ паразитъ, питающійся на счетъ его организма, но чуждый ему, недоступный его сознанію, неподчиненный волѣ его, и что̀ всего страшнѣе—не допускающій съ его стороны никакого сопротивленія... Остальное знакомо психологу изъ другаго ряда явленій. Гипнотикъ, принявшій внушеніе на извѣстный срокъ, самъ не давая себѣ отчета какъ, ведетъ аккуратный счетъ времени и никогда при этомъ не ошибается, какъ вдохновенный скрипачъ не ошибается въ темпѣ своей игры. Пришелъ моментъ—и извѣстная нота звучитъ, съ такой идеальною точностью, которая недоступна сознательному старанію... Вотъ вамъ конструкція гипнотическаго внушенія съ *пассивной* его стороны. Она сначала и до конца гадательна, но по крайней мѣрѣ въ ней нѣтъ ничего несовмѣстимаго съ нашимъ научнымъ воззрѣніемъ. Другое дѣло, если вы спросите: какъ-же теперь съ *активною?..* Гипнотизёръ не представляетъ въ себѣ ничего анормальнаго. Ни одна изъ функцій психофизіологическаго его аппарата не усилена насчетъ остальныхъ, и мы не находимъ съ его стороны никакого полюса сосредоточивающаго въ себѣ исключительно дѣятельный или волевой импульсъ въ высшемъ градусѣ своего напряженія. Одно уже то, что онъ большею частію производитъ *опыты,* свидѣ-

Императрица Фаустина во храмѣ Юноны въ Пренестѣ. Съ карт. А. Келлера, грав. Кислингъ.

тельствуетъ, что онъ нисколько не заинтересованъ въ томъ или другомъ результатѣ ихъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ гипнотику: „вы должны тогда-то и тамъ-то, исполнить то-то,“ но внутренно онъ говоритъ себѣ совершенно другое. Онъ говоритъ: „посмотримъ; вотъ я приказываю, но я отнюдь не желаю чтобы приказаніе мое непремѣнно было исполнено, а я просто желаю узнать, что̀ изъ этого выйдетъ“,—только, болѣе ничего. Въ сущности стало-быть, онъ не думаетъ того, что̀ онъ говоритъ, и не хочетъ того, что̀ требуетъ, или по меньшей мѣрѣ, ему нѣтъ надобности дѣйствительно думать или хотѣть чтобы приказъ его былъ исполненъ;—довольно *сказать*. Гипнотикъ стало-быть получаетъ *ложное впечатлѣніе*. Мало того, и самое впечатлѣніе это одностороннее. Гипнотизёру нѣтъ надобности даже и явственно представлять себѣ исполненіе дѣла, которое онъ внушаетъ гипнотику. Онъ не рисуетъ ему никакой возбуждающей чувство картины. Онъ равнодушно, какъ телеграфистъ, нажимаетъ пуговку аппарата, и результатъ происходитъ уже безъ его участія, совершенно одностороннее. Никакой передачи могущественнаго волеваго импульса стало-быть нѣтъ, а есть только призракъ его; даже меньше чѣмъ призракъ—условный знакъ. Передается что-то безплотное, не реальное, скажемъ короче—идея. И вотъ гдѣ дѣйствительно уже невозможно построить какое-нибудь научное объясненіе фактовъ. Съ одной стороны, никакой инициативы: чисто-пассивное воспріятіе; съ другой — опять-таки ничего: какой-то намекъ на дѣло, безъ яснаго о немъ представленія, безъ воли и вѣры въ его осуществленіе; а между тѣмъ, въ результатѣ—дѣло, реальное, очевидное!.. Возьмемъ напримѣръ вашъ случай: я его не выдумывалъ. Съ одной стороны, гипнотикъ безъ всякихъ идей; съ другой, въ головѣ у гипнотизёра идея кражи безъ всякой практической цѣли, а такъ себѣ, въ шутку. Однако идея заброшена и съ фатальной необходимостью порождаетъ дѣло... Спрашивается: что-же это такое?.. Откуда? Зачѣмъ? Какое разумное объясненіе можетъ существовать для подобныхъ вещей?.. Отвѣта нѣтъ—и упрямый, безсмысленный, отвратительный фактъ стоитъ передъ тобою въ своей наготѣ, какъ дикій царёкъ, требуя чтобы ты призналъ надъ собой его власть!.. Невольно приходятъ въ голову самыя суевѣрныя гипотезы. Какъ напримѣръ, что причина реальныхъ вещей, сама въ себѣ, не реальна.. Что это какая-то безтѣлесная и безпочвенная идея; мысль безъ субъекта и безъ объекта, сила безъ матерьяльныхъ условій ея проявленія; ну, однимъ словомъ, — *чушь*!.. Само по себѣ, какъ чушь, это еще ничего не значитъ, но что̀ значительно и внушаетъ какой-то мистическій страхъ, это что изучая гипнозъ, мы приходимъ къ подобной безсмыслицѣ вовсе не фантастическимъ, а научнымъ путемъ. Приходимъ и видимъ передъ собою проклятый вопросъ: Если въ итогѣ научныхъ изслѣдованій выходитъ *чушь*, то можетъ статься и вся современная наша наука—*чушь?*.. Къ чорту значитъ ее! Ломай отъ крыши до основанія и строй новую!.. Ну, ба̀ста! Не сто̀итъ объ этомъ долѣе говорить!..

* * *

Стойницкій слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, но когда тотъ кончилъ, не могъ подавить саркастическую усмѣшку.

— Весьма любопытно и поучительно, сказалъ онъ.

— Шутите? скромно спросилъ Пушиловъ.

— Нѣтъ, я серьезно вамъ благодаренъ за вашъ чистосердечный отвѣтъ. Это признаніе честнаго человѣка и уважающаго науку студента. Только вы не сердитесь если я вамъ замѣчу, что ваша наука, трактуя объ этого рода вещахъ, немножко смѣшна. Она напоминаетъ старую и серьезную, но у праздника подгулявшую барыню.

Тотъ стукнулъ по̀-столу кулакомъ.

— Да, вѣдь я-же предупреждалъ васъ, что всѣ, подобнаго рода, гадательныя конструкціи—въ сущности чепуха!... Или вы мнѣ не вѣрите?... Думаете, что я васъ дурачу?... Такъ не угодно-ли вамъ печатные матеріалы? У насъ въ библіотекѣ цѣлая полка ученыхъ трактатовъ о гипнотизмѣ, переведенныхъ и изданныхъ въ Харьковѣ, Ковалевскою...

* * *

„Украла-таки!“ думалъ Стойницкій, въ смущеніи, возвращаясь домой.—„Ну, какъ ни жалко бѣдняжку, а надо будетъ ей объяснить, что легально-правильная защита дѣла ея, при такихъ условіяхъ, невозможна.“

Были еще и другіе мотивы, или, вѣрнѣе сказать: было неясное чувство, которое побуждало его къ тому-же, но чувство это пока оставалось еще за порогомъ сознанія. Его пробудили намёки Лагодина, которыми этотъ „полишинель,“ съ лукавой усмѣшкою пояснялъ „*второе внушеніе*“. Мысль, что у Паши есть уже тамъ, въ деревнѣ, кто-то, кто можетъ быть ей очень дорогъ, сводила съ ума Стойницкаго. Но онъ не зналъ что̀ объ этомъ думать, а чувствовалъ только, что у него на сердцѣ кошки скребутъ.

XVII.

Послѣ своихъ объясненій съ Серёжей, Паша едва дождалась воскресенья; ждалъ его съ нетерпѣніемъ и ея защитникъ. Въ полдень она явилась къ нему,—блѣдная и безмолвная, какъ вызванная изъ гроба тѣнь.

— Что̀ съ вами? допрашивалъ онъ.—Опять какая-нибудь встрѣча?

— Нѣтъ... хуже... Сережа... Сережа узналъ отъ Марьи Кондратьевны!... Хочетъ сказать дядѣ Ивану... и непремѣнно скажетъ!... Это уже рѣшено... Я его видѣла въ пятницу и едва упросила, чтобъ онъ подождалъ... недѣлю... Но я и сама не знаю зачѣмъ я выпросила эту отсрочку... Такъ... очень хотѣлось увидѣться съ вами и поговорить... А что̀ вамъ сказать—и сама не знаю...

Духъ у нея захватывало и она ежеминутно перерывала рѣчь.

— Я тоже узналъ кое-что и мнѣ тоже надо съ вами поговорить, сказалъ Стойницкій, смотря на нее съ состраданіемъ.—Прасковья Петровна! Сердце мое за васъ болитъ; но я не хочу и не въ правѣ вамъ лгать. Дѣло ваше теперь въ такомъ положеніи, что его невозможно долѣе скрыть, не наживъ себѣ еще худшей бѣды; а между тѣмъ вы не хотите этого понимать и прячетесь... Прячетесь даже и отъ меня!... Вы скрыли отъ меня главное, и я только на-дняхъ узналъ, отъ того-же Сергѣя, всю правду. Признайтесь-же мнѣ, наконецъ, чистосердечно — бумажникъ не былъ подкинутъ?... Вы вынули его изъ кармана у соннаго?...

Она затряслась и закрыла руками лицо.

— Признайтесь мнѣ смѣло, такъ какъ, во-первыхъ, я васъ ни въ чемъ не виню. Я знаю, что вы это сдѣлали не своею волею, а по чужому приказу, вынужденная къ тому жестокою, фатальною необходимостью. Это одно; а другое, что̀ я вамъ хотѣлъ сказать, это—что вамъ и нужды нѣтъ прятаться отъ меня; потому что я васъ люблю,—такъ горячо, что если-бы даже вы сдѣлали что-нибудь въ этомъ родѣ безъ внѣшняго принужденія, а по болѣзненной склонности, я-бы не пересталъ уважать и любить васъ попрежнему... Потому что любовь моя къ вамъ горяча своимъ собственнымъ, не заимствованнымъ огнемъ... Ничто̀, никакое несчастіе, никакой позоръ не смогутъ ее охладить!... Прасковья Петровна! Нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который могъ-бы васъ такъ любить!

На мигъ она опустила руки и быстро взглянула на говорящаго широко-открытымъ, испуганнымъ взо-

ромъ... Жаркая краска смѣнила блѣдность. Но все это промелькнуло такъ быстро, что онъ едва вѣрилъ своимъ глазамъ: дѣйствительность это была, или видѣніе созданное его воспаленною фантазіей?

— Вы спросите, можетъ быть, продолжалъ онъ въ пылу своего необузданнаго порыва:—какое право имѣю я такъ говорить?... А вотъ какое—я не могу васъ спасти если вы не ввѣритесь мнѣ безусловно... Это необходимо, но я не въ правѣ былъ-бы этого требовать, если-бы я не открылъ передъ вами сердца—прямо, безъ всякой утайки... Не прячьтесь-же отъ меня, мой другъ. Разскажите мнѣ, какъ передъ Богомъ, всю правду.

Ладищева понемногу открыла лицо. Стыдъ и отчаяніе горѣли на немъ...

— Я не намѣрена дольше таить отъ васъ ничего, сказала она дрожащимъ голосомъ.—Но силъ моихъ нѣтъ разсказывать... такъ я устала за эти дни!... Да я и помню-то плохо, какъ все это было... Приказа вынуть у моего дорожнаго спутника что-нибудь изъ кармана — я не помнила; а такъ—было что-то неясное на умѣ, насчетъ времени, когда кто-то, въ дорогѣ уснетъ,—что̀ озабочивало меня минутами какъ узелокъ, завязанный на платкѣ и свидѣтельствующій о чемъ-то, что́ надо сдѣлать... По цѣлымъ часамъ я совсѣмъ забывала объ этомъ, потомъ опять словно кто шепчетъ на ухо: не забудь!... Особенно это усилилось ночью, когда я открыла глаза... Въ вагонѣ было темно, и на меня напало вдругъ сильное безпокойство о чемъ-то, что̀ слѣдуетъ тотчасъ-же вспомнить и сдѣлать... Но я не совсѣмъ проснулась и голова у меня, какъ въ чаду, была совершенно пуста̀:—только эта одна забота, какъ гвоздь... Чудится будто-бы надо найти что-то спрятанное,—или припомнить; но что́ такое—я и сама не знала... Помню, какъ въ забытьѣ, я осматривалась, не узнавая мѣста... Какія-то дѣти спали вокругъ и еще кто-то—прямо насупротивъ... Но руки должно быть помнили лучше чѣмъ голова, потому что онѣ сами собою искали чего-то... искали и скоро нашли... Но какъ только нашли, все тотчасъ спуталось въ головѣ, и я моментально уснула... Конечно, въ просонкахъ, я сдѣлала то, что̀ мнѣ было велѣно сдѣлать; но это не болѣе какъ догадка, которая мнѣ пришла уже послѣ того, какъ меня объискивали и уличили... Тогда только, въ ужасѣ, я спросила себя: ну, а что̀ если я въ самомъ дѣлѣ украла? И только когда я у себя спросила это, мнѣ стало смутно припоминаться то, что̀ я вамъ сейчасъ разсказывала... Въ точности о внушеніи я узнала уже потомъ, отъ Серёжи. Но онъ не могъ представить себѣ, и до сихъ поръ не воображаетъ, что, несмотря на его отсутствіе, я исполнила его надъ чужимъ... А между тѣмъ ему извѣстно отъ Марьи Кондратьевны кое-что́ о непріятности, которую я имѣла дорогой, съ проѣзжимъ,—о векселѣ, и о моихъ посѣщеніяхъ въ Офицерскую...

— Нужды нѣтъ, перебилъ Стойницкій,—пусть будетъ извѣстно и пусть доноситъ. Онъ васъ избавитъ только отъ тяжкой необходимости самой идти къ дядюшкѣ и разсказать ему все... Поймите-же, наконецъ, что дальнѣйшая скрытность можетъ васъ привести на скамью окружнаго суда—и тогда не одинъ только дядюшка, весь Петербургъ узнаетъ эту исторію!... О ней будутъ подробныя бюллетени въ газетахъ, и сплетни, и пересуды, а въ заключеніе длинный стенографическій отчетъ, въ которомъ вы явитесь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и всѣ перипетіи публичной пытки,—малѣйшее слово, малѣйшій жестъ вашъ будутъ подробно описаны... Положимъ, формально, не вы будете подсудимою; но это только формально, и это только подрѣжетъ нервъ у вашей защиты...

Ладищева слушала его въ ужасѣ.

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!.. повторяла она.—Я этого не хочу! не вынесу!... Я умру.

— Такъ положитесь-же на меня и будьте спокойны. Я васъ спасу... Но для этого руки у меня не должны быть связаны. Мнѣ нужно полное, неограниченное ваше довѣріе. Что́ я ни сдѣлалъ-бы, что̀-бы ни сказалъ, вы не будете вмѣшиваться и противорѣчить...

Она сидѣла растерянная. Долго онъ говорилъ, но, не встрѣчая болѣе возраженія, наконецъ замолчалъ. Ладищева тоже молчала, измученная... Мысли у обоихъ, фатальнымъ образомъ, обращались къ другому вопросу... Дѣвушка чувствовала уже давно, что онъ когда-нибудь неминуемо будетъ ей сдѣланъ; но сердце ея, испуганное нежданною быстротой, съ которою это сбылось, захвачено было врасплохъ и прежде всего нуждалось въ отсрочкѣ... А онъ, между тѣмъ, кипѣлъ нетерпѣніемъ—и полная неизвѣстность, въ которой она оставляла его, казалась ему обидна... Дать ей уйти, не узнавъ отъ нея рѣшительно ничего!... Нѣтъ,—надо чтобы она освободила задачу, по крайней-мѣрѣ, хотя отъ одного неизвѣстнаго.

— Вамъ сдѣланы были еще и другія внушенія? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчала Паша, въ смущеніи.

— Какія?

— Такъ, вздоръ... Не сто́итъ разсказывать, потому что они ни малѣйшимъ образомъ не касаются моего приключенія.

— Другъ мой, забудьте хоть на минуту ваше дорожное приключеніе, и поймите, что дѣло касается лично меня... Мнѣ нужно знать смыслъ того, что̀ случилось съ вами, въ силу втораго внушенія.

— Викторъ Михайловичъ, отвѣчала она съ укоромъ,—если Серёжа, какъ я догадываюсь, выболталъ уже вамъ объ этомъ, то для чего вы хотите заставить меня еще краснѣть?... Прощайте! Я больше не въ состояніи ни о чемъ говорить.

И Паша встала, чтобы уйти; но онъ схватилъ ее за̀ руки.

— Нѣтъ!... Ради Бога—нѣтъ!... Прасковья Петровна, милая, я не требую въ эту ммнуту отъ васъ никакихъ признаній... Одно только слово!... Одно! Скажите, что вы свободны...

— Да, отвѣчала она, отворачиваясь, чтобы не встрѣтить взгляда его,—насколько это возможно въ моемъ положеніи... Потому что нельзя-же назвать, въ самомъ-дѣлѣ, свободной несчастную, у которой петля на шеѣ. Не будьте жестоки, не спрашивайте у меня ничего больше; потому что я совершенно разбита... Прощайте!... Пустите!... Пустите меня!

И она ушла, оставивъ его съ обиднымъ сознаніемъ, что этотъ ребенокъ, даже и съ петлей на шеѣ, владѣетъ собою въ извѣстномъ смыслѣ лучше его.

* * *

А между тѣмъ, этотъ владѣющій собою ребенокъ ушелъ отъ него съ растерзаннымъ сердцемъ. Вопросъ, который онъ задалъ Пашѣ и на который она отвѣчала такъ сдержанно, въ сущности не былъ новъ; но ни разу еще онъ не стоялъ предъ нею такъ явственно выдѣленный изъ массы столпившихся на ея пути затрудненій, и не требовалъ такъ неотложно рѣшенія... Была-ли она, въ самомъ дѣлѣ, свободна? Не сдѣлала-ли она ранѣе выбора;—и если да, то должна-ли она держаться его во что̀ бы ни стало, или ея несчастіе создало для нея совершенно новое положеніе, въ которомъ все что̀ казалось ей до сихъ поръ рѣшено, пошло на-рефетъ, и какъ заложенная при совершенно другихъ обстоятельствахъ собственность, требуетъ переоцѣнки?...

Никто отъ природы не былъ такъ мало расположенъ шутить привязанностями, какъ Паша;—но Паша

еще не знала разницы между реальною привязанностью и мечтательнымъ увлеченіемъ. Въ дни ранней, зеленой молодости сердце не понимаетъ, какъ близко и хорошо надо знать человѣка, чтобы рѣшить съ увѣренностію: дѣйствительно-ли мы любимъ его, или только любуемся и заняты имъ какъ увлекательною загадкой. Ошибка тѣмъ легче, что два эти чувства, вначалѣ, похожи между собой какъ двѣ капли воды. Очарованіе даже сильнѣе пока мы любуемся издали, и нужна дѣйствительно молодая, цѣльная вѣра, чтобы любить не давая себѣ хорошенько отчета — кого и за что́... Съ какою горячею вѣрою, напримѣръ, Паша, всматриваясь въ далеко не идеальныя, но энергическія черты лица Алексѣя Черенина, старалась прочесть въ нихъ таинственную печать воображаемаго геройства — и какъ набожно толковала въ смыслѣ послѣдняго все что́ она слыхала объ этомъ сфинксѣ у Мезенскихъ!... Былъ разумѣется и кое-какой недочетъ при сличеніи своего идеала съ живою дѣйствительностью; но въ основаніи ея вѣры твердо стоялъ всѣми признанный за Черенинымъ типъ истинно-русскаго человѣка и смѣлаго піонера на новомъ пути. Вдохновленная этой уѣздной легендой, она безъ труда истолковывала по ней кой-какія противорѣчія и пополняла всѣ пробѣлы собственнымъ поэтическимъ вымысломъ, дававшимъ ей, какъ поэту, полное право считать своего героя чѣмъ-то роднымъ и близкимъ ей по душѣ... Но разница между реальною привязанностью и поэтическимъ увлеченіемъ все-таки есть, и Паша впервые почувствовала ее стараясь дать себѣ нѣкоторый отчетъ въ загадочной перемѣнѣ, которую она начала замѣчать въ себѣ послѣ испытанныхъ ею съ пріѣзда тревогъ. Словно безжалостный, ранній морозъ упалъ на зеленые всходы ея надеждъ... Тогда только начались оглядки назадъ и вслѣдъ за ними — сомнѣнія. Первое, поразительное открытіе, заставившее ее усомниться въ силѣ своей привязанности къ Черенину и пошатнувшее ея вѣру въ него, была странная ея неувѣренность: какъ этотъ истинно-русскій и идеально-практическій человѣкъ отнесся-бы въ сердцѣ своемъ къ ея несчастію, если-бъ у ней хватило духу признаться ему безъ утайки во всемъ. Одно уже то, что она боялась глубоко и невозвратно упасть въ глазахъ его, заставляло Пашу подозрѣвать, что въ высокой взаимной оцѣнкѣ ихъ кроется какая-нибудь незамѣченная дотолѣ ошибка. Откуда иначе этотъ необъяснимый страхъ быть непонятою?.. Развѣ они такъ далеки и такъ мало знаютъ другъ друга? Но не успѣла она задать себѣ этотъ вопросъ, какъ изъ него уже выросъ другой: откуда имъ было узнать другъ друга, когда ни съ его, ни съ ея стороны, за нѣсколько лѣтъ, не сдѣлано было ни шагу къ сближенію?.. Развѣ они повѣряли другъ другу когда-нибудь что̀ ихъ радовало или огорчало, и исповѣдывались въ своихъ задушевныхъ вѣрованіяхъ, надеждахъ и опасеніяхъ?.. Нѣтъ!.. Какъ глубоко ни интересовало ее узнать, непосредственно отъ него, что-нибудь о подобныхъ вещахъ, она никогда, глазъ-на-глазъ съ Черенинымъ, не рѣшалась сказать ни слова съ этою цѣлью... Онъ тоже... А отчего?.. Она доро̀го-бы дала чтобы услыхать отъ него хоть пару словъ о чемъ-нибудь близко его интересующемъ; но онъ никогда ихъ не проронилъ, вѣроятно воображая что интересное для него — покажется сухо и скучно молодой дѣвушкѣ, институткѣ; а сдѣлать самой вопросъ внѣ обыденной дребедени уѣзднаго разговора о томъ, что̀ происходитъ въ городѣ или у ихъ сосѣдей, она не рѣшалась изъ страха чтобъ онъ не приписалъ его кокетливому заигрыванью съ вещами въ сущности вовсе ее не интересующими... Напрасно она старалась припомнить что-нибудь; во истину между ними не было ничего подобнаго, и ни съ той, ни съ другой стороны не сдѣлано было ни шагу къ сближенію. Просто и коротко: они не знали другъ друга и оставались все это долгое время, на зло внѣшней близости, почти совершенно чужими людьми. Онъ былъ гораздо ближе къ Аннѣ Григорьевнѣ и зналъ ее лучше... Она, какъ ни странно это сказать, въ дѣйствительности была гораздо ближе къ Серёжѣ и тоже знала Серёжу лучше... Правда, послѣ того какъ она, по чужому приказу, прощаясь, повисла какъ дура ему на шею и цѣловала его, Черенинъ, если Аннетъ не лжетъ, былъ тронутъ такимъ насильственно-вырваннымъ у нея признаніемъ; но развѣ это ихъ сблизило хоть на вершокъ?.. И развѣ возможно, изъ объясненій его съ Аннетъ, заключить, что теперь наконецъ они знаютъ другъ друга?.. Нѣтъ!.. Кто ни продѣлалъ-бы съ нимъ подобнаго рода дурачество, онъ навѣрное былъ-бы не менѣе тронутъ и заинтригованъ...

Такъ думала Паша; но изъ уклончиваго ея отвѣта Стойницкому слѣдуетъ заключить, что этотъ вопросъ, хотя уже и достаточно выясненный, не былъ еще у ней безповоротно рѣшенъ. Какъ пробужденной, ей жалко было разстаться съ очаровательнымъ сновидѣніемъ, и она все еще спрашивала себя порой: да полно, такъ-ли? дѣйствительно-ли все это было не болѣе какъ весеннія, золотыя мечты ея, теперь уже отцвѣтающей молодости?.. Черенинъ во всякомъ случаѣ не мечта, и онъ пріѣдетъ. Тогда будетъ время это рѣшить; а покуда ей какъ-то жалко еще его—и у ней не хватаетъ духу сознаться себѣ, что она свободна.

„Если однакоже такъ?“ думала дѣвушка, украдкой приподнимая завѣсу, и робко заглядывая на ту другую, дѣйствительную любовь, которая къ ней стучалась въ двери... Тутъ уже несомнѣнно другъ, который знаетъ и любитъ ее не какъ идеалъ, на который надо молиться, а какъ несчастную, которая не сегодня — завтра—можетъ быть вызвана въ судъ и уйти оттуда съ пятномъ на всю жизнь. Но эта возможность не испугала его, и вѣра его въ ея невинность, его уваженіе къ ней не пошатнулись даже когда онъ узналъ всю унизительную подкладку ея дорожнаго приключенія... Этотъ не ждалъ чтобы она сама пришла его обнимать и не требовалъ никакой апотеозы... Онъ первый пришелъ и сказалъ ей скромно: „Вы знаете кто я... Я адвокатъ и повѣренный госпожи Рогневичъ. Но хотя вы и очень нелестнаго мнѣнія о моей профессіи, а все-таки, если вы мнѣ повѣрите, я вамъ не измѣню... И я покажу вамъ примѣръ какъ слѣдуетъ вѣрить.. Вотъ, я почти васъ не знаю еще, а между тѣмъ я твердо увѣренъ, что вы невинны...“ И онъ не только не измѣнилъ, не только былъ вѣрнымъ другомъ ея и защитникомъ въ самые тяжкіе дни ея жизни; — онъ отдалъ ей сердце свое даже не справившись: свободна-ли она сдѣлать то же... Мало того, когда она сказала ему, что у несчастной съ петлей на шеѣ не спрашиваютъ подобныхъ вещей, онъ понялъ и отпустилъ ее безъ допроса, еще разъ давая собою примѣръ какъ надо любить и вѣрить!..

И Паша ушла отъ него ничего еще не рѣшивъ, но уже съ новою, бодрою вѣрою въ Провидѣніе... Путь ея теменъ и полонъ опасностей, но, благодареніе Богу, она на немъ болѣе не одна—и въ худшемъ случаѣ, не останется никогда одной... Чѣмъ бы ни кончилась эта пытка, въ которой злая сила играетъ съ нею, какъ кошка съ мышью, — ей сто̀итъ только придти — она знаетъ куда — и сказать два слова... Тогда... Пашу бросило въ жаръ и мысли путались самымъ безвыходнымъ образомъ у нея въ головѣ, при малѣйшей попыткѣ представить себѣ, что̀ съ нею будетъ тогда... Но во всякомъ случаѣ, это будетъ уже не сновидѣніе.

(Продолженіе будетъ).

Идетъ! Съ карт. Прельса, грав. Кирмзе.

Безсонныя ночи.

Повѣсть **В. И. Немировича-Данченко.**

I.

Александръ Петровичъ вернулся домой въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Еще бы! Этотъ процессъ, грозившій затянуться еще дня на три, окончился сегодня, скорѣе чѣмъ думали. Въ своихъ предсѣдательскихъ креслахъ уже онъ улыбался, разсчитывая, что успѣетъ переодѣться, сбросить мундиръ, надѣть фракъ и пріѣхать въ оперу къ четвертому акту „Джоконды", лучшему у Дюранъ. Онъ помнитъ ея послѣднее восклицаніе: „Volesti il mio corpo, demonio maledetto, e il corpo ti do!" *) Съ какою страшною силой она кинула его — въ прошломъ году, когда у Александра Петровича оказался свободный вечеръ и онъ поѣхалъ съ женою къ Итальянцамъ. Его вѣдь трудно расшевелить. Слава Богу! У него нервы здоровые — сколько онъ навидался всякихъ раздирательныхъ сценъ—и ни разу еще его рука не дрожала подписывая приговоръ. Онъ — орудіе закона. Онъ не можетъ и не долженъ поддаваться личнымъ впечатлѣніямъ. Прокуроръ шутя называетъ его „закостенѣвшимъ предсѣдателемъ". А и онъ тогда—„закостенѣвшій предсѣдатель"—вздрогнулъ отъ этихъ нѣсколькихъ словъ геніальной артистки. И сегодня можетъ быть ему удастся — на минуту поддаться общечеловѣческой слабости и почувствовать что у него есть нервы. Это вѣдь такъ пріятно, изрѣдка. Жена, разумѣется, и не ждетъ его въ своей ложѣ. „Бѣдный, думаетъ она,— до поздней ночи задержитъ его этотъ глупый процессъ!" А онъ—вотъ тутъ и есть, совсѣмъ негаданный! Кутить уже такъ кутить. Послѣ оперы онъ повезетъ ее совсѣмъ „en garçon" ужинать къ Контану и нарочно сядетъ въ общей залѣ. У него жена хорошенькая, пускай смотрятъ и завидуютъ. Сегодня можно все это продѣлать. Управляющій прислалъ изъ имѣнія больше чѣмъ ожидалъ Александръ Петровичъ. А это всегда является пріятнымъ сюрпризомъ. Положимъ, все это мелочь. На доходъ съ имѣнія и ему одному въ меблированной комнатѣ нельзя было бы существовать. Ну, а при предсѣдательскомъ жалованьи это все-таки плюсъ, хотя бы на одни удовольствія и на женины тряпки. Да!.. Надо сказать правду — удачная недѣля. Онъ помнитъ словно въ туманѣ утомленное лицо прокурора, которому тоже не дешево досталась сегодняшняя побѣда. Не сознайся неожиданно подсудимый — присяжные признали бы его невиновнымъ. Да хорошо что малый попался неопытный. Не вытерпѣлъ томленія нѣсколькихъ дней (пробрали таки мы его, самодовольно улыбается Александръ Петровичъ) и когда даже прокуроръ сталъ сомнѣваться въ его виновности — взялъ да ни съ того ни съ сего всталъ и сознался. И какое смѣшное лицо было у него въ эту минуту. Потное, смятенное, жидкая бороденка точно шмыгнула куда-то въ сторону, носъ вытянулся. А защитникъ!.. Бѣдный юноша до того растерялся, что, не ожидая даже рѣчи прокурора, собралъ всѣ свои бумаги въ портфель и собрался уходить, если бы его не остановилъ онъ, предсѣдатель... Пятнадцать лѣтъ каторжной работы! Ничего. Завтра въ газетахъ вѣроятно будутъ говорить о блестящемъ и безпристрастномъ резюмэ предсѣдателя. И присяжные тоже хороши! Такъ хороши, какъ этого не ожидалъ даже и прокуроръ. Ихъ такъ поразило неожиданное сознаніе подсудимаго, что они забыли дать ему снисхожденіе. „Да, виновенъ!" — и вся недолга. „Иванъ Еремѣевъ или Еремей Ивановъ?" Онъ уже забылъ какъ звали подсудимаго. И не упомнишь. Черезъ его руки прошли сотни такихъ Ивановыхъ и Еремѣевыхъ. Когда онъ изрѣдка думаетъ о нихъ — всѣ они сливаются въ какой-то общій фонъ, сѣрый и тусклый...

На улицѣ—зимняя лунная ночь, сухая, морозная, еще увеличивала это ощущеніе счастливо законченнаго дня. Дома стояли точно въ серебряномъ уборѣ, прозрачный воздухъ былъ недвиженъ—улицу можно было видѣть далеко-далеко, вплоть до самаго Невскаго. Извозчикъ тоже попался отличный—везъ такъ какъ рѣдко случается.

— Кого жена пригласила въ ложу? спросилъ онъ у горничной Нади, вышедшей ему навстрѣчу.

— Генеральшу Савельеву и папашу... А больше кажись никого.

„Папашу"... Александръ Петровичъ было поморщился, но его тотчасъ осѣнила блистательная мысль. Тесть его славился своею отчаянною скупостью. Вотъ бы хорошо подвести его. Взять съ собою ужинать и заставить заплатить за ужинъ. Будетъ надъ чѣмъ посмѣяться потомъ. И онъ заранѣе улыбался, крѣпко вытирая свое и безъ того отъ ледяной воды разгорѣвшееся лицо. На прическу не приходилось тратить времени. Занятія и петербургская жизнь давно уже оголили его черепъ... Онъ раскрылъ наудачу какой-то флаконъ съ духами, брызнулъ на себя и торопливо завернувшись въ шубу вышелъ вонъ... Тотъ же извозчикъ что привезъ его изъ суда—ждалъ у подъѣзда.

Невскій весь былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. На панели сновали толпы народа, окна верхняго этажа были ярко освѣщены. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней, изъ-подъ копытъ лошади мелкіе комья его летѣли въ лица проходившихъ; поровнявшись съ пассажемъ, извозчикъ вдругъ круто повернулся на облучкѣ...

— Вы, господинъ, изъ судейскихъ будете?

Александръ Петровичъ засмѣялся.

— Да, а что тебѣ?..

— Такъ значитъ.. Я признаться нарочно у суда стоялъ ждалъ... Авось де Богъ кого изъ судейскихъ пошлетъ мнѣ. Сынъ у меня теперь который... Парень озорной малый, что говорить, а только и онъ тоже—староста — зачѣмъ вздумалъ ни съ того, ни съ сего за бороду его таскать, гдѣ это показано?.. Что ему будетъ таперича?

— Кому, старостѣ?

— Нѣтъ, сыну.

— Сыну? А что же твой сынъ сдѣлалъ?

— Да онъ ему только и далъ раза, вотъ въ это самое вмѣсто! показалъ извозчикъ ниже груди.

— Ну?

— Ну и больше ничего... А староста-то хилякъ тоже, хлипкій староста, возьми закрути да и помри.

— Убилъ онъ его значитъ?

— Надоть такъ полагать, что убилъ...

— Въ каторгу сошлютъ, пожалуй...

— А-ахъ... только и проговорилъ извозчикъ и понурился, и лошадь пошла тише...

— Лошадь-то его, вдругъ обернулся онъ. — Мнѣ бы въ мои года на печи лежать — а я вотъ, треплюсь... Потому, господинъ... Вотъ какъ дѣтей жалко!.. Семеро — маля-маля... Что галчата рты-то раскроютъ и пищ-щатъ... „Дѣдушка — ѣсть хотимъ"... И далъ-то всего раза, вотъ въ это самое вмѣсто.

— Семеро? Ты говоришь — семеро? разсѣянно переспросилъ Александръ Петровичъ, думая въ это самое время совсѣмъ о другомъ.

— Да... А на дѣтей ему, живо обернулся извозчикъ, — скидки не будетъ? На дѣтей значитъ, на семерыхъ младенцевъ...

— Нѣтъ, засмѣялся онъ. — На дѣтей скидки не дѣлаютъ...

— Я, господинъ, ихъ въ судъ приведу.

— Зачѣмъ?

— Такъ и приведу. Вотъ вамъ де, судіи праведные, младенцы, которы... Ѣсть просятъ — пищ-щатъ...

И извозчикъ очевидно, не умѣя передать свою мысль, только тяжело вздохнулъ и закрутилъ головою.

— Да, еще присяжные можетъ признаютъ что онъ въ запальчивости это.

— Ну а тогда?

— Сошлемъ его просто...

— Все-таки на поселокъ?

— Да...

— А дѣтямъ которы... Имъ-то какое рѣшеніе выйдетъ?

— Дѣтямъ. До нихъ намъ никакого касательства нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? круто обернулся извозчикъ?—Что же имъ, дѣтямъ-то — помирать что-ли?.. Они въ чемъ провинились?

— Про нихъ въ законѣ не сказано...

Неизвѣстно къ чему бы привелъ разговоръ этотъ извозчика, уже собиравшагося возразить, но фонари ярко освѣщеннаго театра блеснули налѣво и Александръ Петровичъ живо выскочилъ изъ саней и взбѣжалъ наверхъ.

Его ложа была въ первомъ ярусѣ. По коридору ходила масса народа. Вонъ голубое платье и лебяжья накидка его жены. Она идетъ въ ту сторону.

— Третій актъ окончился? на ходу спросилъ онъ унылаго капельдинера съ подвязанными зубами и такимъ носомъ точно онъ случайно слетѣлъ откуда-то и сѣлъ куда ему вовсе садиться не слѣдовало.

II.

Не смотря на то, что голова Александра Петровича напоминала ламповый шаръ безъ абажура—жена очень его любила, и особенно ей нравилось показывать это при другихъ. Такъ и теперь, увидя его еще издали — она быстро подошла къ нему, взяла его подъ руку и сдѣлала такое счастливое лицо, что проходившая мимо „безнадежная" дѣвица въ томъ возрастѣ когда начинаютъ уже влюбляться въ теноровъ и монаховъ — даже пожелтѣла отъ злости.

— Вотъ не ожидала!.. Какой ты милый. Какъ тебѣ удалось отдѣлаться такъ рано?

— Да подсудимый, къ общему изумленію, сознался.

— Что-же вы его, закатали? съ нѣкоторымъ даже удовольствіемъ переспросилъ тесть Александра Петровича.

— Да, на пятнадцать лѣтъ...

— Такъ ихъ и слѣдуетъ. Разбаловались мерзавцы... Я знаете еще шпицрутены засталъ. Они у насъ тогда назывались зеленой улицей. Проведутъ бывало молодца раза три-четыре по такой улицѣ—ну и кончено. Никакихъ хлопотъ съ нимъ, только бывало священника позовутъ да могилу выроютъ.

— Ахъ, Саша, какъ сегодня хороша Дюранъ!

— Она еще никогда такъ не пѣла.

— Да, вступилась генеральша Савельева. — Вы много потеряли съ вашими судами... Какъ она въ первомъ актѣ — этотъ речитативъ:

*) Ты хотѣлъ моего тѣла, проклятый демонъ, и я отдаю его тебѣ.

Amor—dono funesto
Retaggio di dolor,
Il mio destino e questo;
O morte, o amor! *)

И старая дѣва (увы—и M-lle Савельева, пользовавшаяся „превосходительствомъ“ по батюшкѣ, была таковой) даже покраснѣла и чуть не выскочила изъ самой себя, желая показать какъ это дѣлала Дюранъ.

— Нельзя—служба!..

— Какая ваша служба! обидѣлся тесть,—вотъ въ наши времена была служба. Разъ въ Бобруйскѣ...

Но увы ему не удалось докончить интереснаго разсказа. Въ коридорѣ послышался звонокъ, сквозь открытыя двери ложъ донеслись первые звуки настраиваемыхъ скрипокъ и „публика“ хлынула по мѣстамъ.

— А я имѣю на васъ виды, Сергѣй Васильевичъ, обратился Александръ Петровичъ къ тестю.

— Какіе? Признаться знаете... Арендаторъ мой въ этомъ мѣсяцѣ оказался неисправенъ.

— Я не о деньгахъ. Не хотите-ли поужинать сегодня?

— Гдѣ?

— У Контана.

— Ну вотъ, съ неудовольствіемъ протянулъ тотъ,—что̀ вамъ за охота къ этимъ разбойникамъ соваться. Поѣдемъ, ужь если *вы* угощаете, куда всегда ѣзжу я...

— Ни за что! Вы знаете что всѣ архіереи и предсѣдатели судовъ обязательно страдаютъ катарромъ желудка, а у вашего „кормильца“ весь его домъ на прогоркломъ маслѣ выстроенъ.

— Какъ хотите...

У жены Александра Петровича лицо было круглое, красивое и глупое. Она очень гордилась своими громадными сѣрыми глазами, но они были совсѣмъ бараньи. Не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, она любила казаться наивною и дѣвочкой. Она вышла замужъ за Александра Петровича, увидѣвъ его въ судѣ на предсѣдательскомъ мѣстѣ. Онъ былъ очень величественъ и она тотчасъ-же рѣшила, что подъ руку съ нимъ она, такая „дѣвственная, чистая и юная“,—съ нимъ, такимъ „почтеннымъ, серьезнымъ и значительнымъ“, будетъ очень эффектна. Окончательно добило ее то что ее будутъ называть „ваше превосходительство“. Больше она ни о чемъ не заботилась. Когда ея мужъ „закатывалъ“ такъ—какъ сегодня—кого-нибудь на каторгу лѣтъ на пятнадцать, она влюблялась въ него самымъ страстнымъ образомъ. Онъ казался ей олицетвореніемъ какой-то грозной силы, самимъ всемогуществомъ, котораго всѣ должны трепетать. Всѣ кромѣ нея. Это всемогущество, эта сила—принадлежали ей, и она могла сколько угодно виснуть у него на рукѣ, таращить свои бараньи глаза и встряхивать челкой, неизбѣжно каждую ночь завиваемою въ папильотки.

— Такъ на пятнадцать лѣтъ? со счастливою улыбкою спросила она у него на ухо.

— Да... На пятнадцать...

— Какой ты... душка! вырвалось у нея вдругъ.—Что-же онъ плакалъ?..

— Нѣтъ... некогда ему было... Впрочемъ кто-то зарыдалъ въ публикѣ—должно быть его жена...

— Не плакалъ... разочаровалась она. Ей было-бы пріятнѣе еслибы громы ея супруга совсѣмъ уничтожили невѣдомаго ей субъекта.—Впрочемъ они безчувственные...

— Ну не скажи... Что галчата рты-то раскроютъ и пищ-щатъ...

— Что̀ ты говоришь?

— Въ самомъ дѣлѣ съ чего это я... Откуда? Пищ-щатъ... Кто это пищ-щитъ? Ахъ да, я и забылъ. Извощикъ мнѣ попался такъ онъ разсказывалъ... Да вотъ подн-же... Пищ-щатъ...

— Въ наше время и пищать нельзя было! шевельнулъ сѣдыми усами тесть.—Не полагалось. Въ наше время на кобылѣ ихняго брата драли!

— Ну, папа, что ты это всегда выдумаешь.

— Тссъ!.. обернулась генеральша Савельева.—Тссъ!.. Начинается...

Чудная венеціанская ночь... Откуда-то издали звучатъ струны... Ея прозрачная лазурь вся напоена свѣтомъ волшебнаго мѣсяца. Съ этого каменнаго двора на Джудеккѣ — виденъ большой каналъ, по которому безмолвно и стройно скользятъ черныя гондолы... Вдали словно зачарованный стоитъ въ лунномъ сіяніи палаццо Дожей и во всѣ свои темныя мрачныя окна смотритъ и не насмотрится въ таинственную глубь молчаливой лагуны... Піацетта...

— Ахъ какъ хорошо, какъ хорошо!.. Вы знаете, обернулась генеральша къ Александру Петровичу. — Совсѣмъ рядомъ съ этимъ палаццо есть отель Даніелли. Я останавливалась тамъ—и каждый вечеръ, подъ моими окнами, одинъ итальянскій графъ давалъ серенаду... Vieni, la barca e pronta!.. Зачѣмъ я тамъ не осталась!.. Здѣсь такъ холодно... У насъ сердца людскія—такъ черствы...

— А чортъ его возьми, этого извощика! опять вдругъ вырвалось у Александра Петровича и онъ самъ на себя разозлился. — Вотъ навязался!.. Вѣдь нарочно, подлецъ, у суда ждалъ...

— О чемъ это ты? удивилась его жена.

— Такъ, пустяки. Завязло въ памяти слово — и не отбояришься отъ него...

Бѣдная M-lle Савельева — дѣйствительно видѣла передъ собою венеціанскую ночь. Для нея это не было рваными кулисами, электрическимъ фонаремъ. Сама природа раскидывала передъ нею свои дивныя дали; мало-по-малу и Александръ Петровичъ поддался этому. Онъ очень любилъ Италію и съ первыми-же звуками послышавшимися ему со сцены тоже ушелъ въ свои воспоминанія. Точно и не было суда, и нѣтъ его, и не долженъ онъ каждый день садиться въ свое кресло и изображать изъ себя Юпитера Олимпійскаго... Онъ опять счастливъ и молодъ, и чутко бьется его сердце когда онъ рисуетъ себѣ тѣ безвозвратно мелькнувшія ночи—на этомъ-же каналѣ, въ такихъ-же черныхъ медлительныхъ гондолахъ. А глубокая драма мало-по-малу развивалась на сценѣ, захватывая вниманіе всѣхъ. Даже въ бараньихъ глазахъ его жены, на ея красивомъ и банальномъ лицѣ, отразился какой-то просвѣтъ... Бѣдная Джоконда!.. Она соединила любимаго человѣка со своей соперницей... Они уѣхали... Они тамъ уже въ безопасности — она остается одна... Она знаетъ что̀ ей остается...

Suicidio, in questi fieri momenti
Tu sol mi resti!.. *)

Какъ страшно должно быть умирать въ такую ночь, когда все кругомъ дышетъ счастіемъ и зоветъ къ жизни... Да, страшно... Чье это рыданіе слышно?.. Не точно-ли такъ-же зарыдала сегодня та женщина въ „публикѣ“ когда ея мужа закаталъ онъ на пятнадцать лѣтъ?.. Нежданно зарыдала... Все надѣялась, надѣялась—а какъ онъ ослабѣлъ и сознался, она и... Опять эти дѣти, которыя точно галчата разинули рты и пищатъ... Что̀ это со мною? думаетъ Александръ Петровичъ и невольно дотрогивается до головы... Она горяча. Лихорадочное состояніе должно-быть

— У насъ есть дома хининъ въ облаткахъ? спросилъ онъ у жены.

— Есть, Вавочка.

Александръ Петровичъ морщится. Онъ терпѣть не можетъ этого имени, а оно напротивъ ужасно нравится его женѣ: „онъ для всѣхъ такой страшный и грозный, а для меня просто Вавочка“.

— А что... Развѣ ты боленъ? испуганно поднимаетъ она брови къ самой челкѣ.

— Нѣтъ, такъ... голова болитъ... На всякій случай приму.

— Головка болитъ у Вавочки! снаивничала она. — Бѣдная головка...

Александръ Петровичъ зажмурился отъ досады — и совершенно неожиданно мелькнуло передъ нимъ потное, смятенное и растерянное лицо нечаянно сознавшагося подсудимаго...

III.

Ужинъ у Контана удался какъ нельзя лучше. Всѣ были очень веселы. Александръ Петровичъ совсѣмъ оправился и весьма мило шутилъ; къ довершенію его благополучія жена ни разу не назвала его Вавочкой. Генеральша Савельева разсказывала много объ итальянскомъ графѣ устраивавшемъ ей серенады въ Венеціи, причемъ благоразумно умолчала о крупномъ счетѣ за эти серенады, присланномъ ей передъ самымъ отъѣздомъ въ Россію. Даже тесть его разошелся и въ совершенно неподходящій моментъ выскочилъ изъ-за стола и вытянувшись показалъ, какъ въ *ихъ* времена маршировали тихимъ шагомъ въ три пріема. „Ра-а-азъ, два-а-а—три!“ обрубалъ онъ и щелкалъ себя ладонью по ляжкѣ. Обойдя такимъ образомъ всю комнату, онъ сѣлъ и задумался.

— А нынѣ-съ, вдругъ разрѣшился онъ, — одна карамель пошла. Развѣ это солдаты? Это бульдегомъ, а не солдаты-съ.

Ужинъ окончился, какъ того именно и хотѣлъ Александръ Петровичъ. Когда подали счетъ, онъ заявилъ что забылъ свой бумажникъ дома и попросилъ Сергѣя Васильевича заплатить за него—до завтра. Сергѣй Васильевичъ поморщился, но заплатилъ.

— Дайте три рубля лакею на чай!

— А гривенника не довольно будетъ?

— Нѣтъ, засмѣялся Александръ Петровичъ,—дайте три рубля.

Старикъ еще больше поморщился, но самый большой сюрпризъ его ожидалъ на крыльцѣ. Онъ уже снарядилъ себѣ ваньку на Пески за сорокъ копѣекъ и собирался садиться, какъ Александръ Петровичъ удержалъ его.

— Постойте-ка, постойте, папа, вѣдь я вамъ ничего не долженъ?

— Какъ ничего. Двадцать девять и три лакею—тридцать два.

— А вы забыли что на прошлой недѣлѣ спорили съ Соней и проиграли ей ужинъ?

— Да, вскипятился старикъ. — Проигралъ точно, но... Это разница. Я думалъ—у Палкина или въ Маломъ Ярославцѣ. Бифштексъ тамъ или поросенка... И не шампанское... а лимонадъ. Лимонадъ для дамъ лучше. Или медъ. Есть такой Никитинскій медъ. Вкусный!

— Такъ мы квиты! смѣялся ему изъ окна кареты. — Вы ваше пари отдали... Мы въ разсчетѣ.

— Bonne-nuit, papà! хохотала Соня. — Спасибо, papà, за ужинъ.

*) Любовь—роковой даръ, скорбное наслѣдіе. Такова моя судьба! О смерть, о любовь!

*) Самоубійство, въ эти скорбныя минуты ты одно мнѣ осталось.

Библіотека короля и королевы Румынскихъ (Карменъ Сильвы) въ королевскомъ дворцѣ. Съ фотогр. грав. М. Михель.

Африканскій вопросъ. Арабы захватывающіе въ рабство негровъ Центральной Африки. Грав. Флюгель.

— До свиданія, papà!.. Отличное шампанское... И какой соусъ изъ омаровъ, просто пальчики оближешь.

Сергѣй Васильевичъ такъ и остался съ разинутымъ ртомъ передъ ванькой.

— Ты чего? накинулся онъ на извозчика, — чего торчишь? что тебѣ мѣста мало, что-ли?

— Помилуйте... Вы же, господинъ, наняли въ четвертую улицу Песковъ.

— Пшелъ!.. Пѣшкомъ пойду.

И запахнувшись въ шубу, старикъ двинулся къ себѣ.

Домой доѣхалъ Александръ Петровичъ въ совершенно радужномъ настроеніи. Соня долго смѣялась откинувшись въ уголъ кареты, потомъ шаловливо сорвала шляпу съ мужа и, наклонивъ къ себѣ его голову, поцѣловала въ самую лысину. Передъ самымъ домомъ, она вдругъ задумалась.

— Завтра о тебѣ опять будутъ говорить газеты.

— Должно быть! полудремля, уронилъ Александръ Петровичъ.

Но онъ уже не слышалъ. Онъ проснулся, когда карета остановилась у ихъ подъѣзда. Заспанное лицо Нади, отворившей имъ дверь, было такъ смѣшно, что Соня фыркнула и Александръ Петровичъ улыбнулся. Онъ уже не помнилъ потомъ какъ добрался до своего кабинета и легъ. Онъ заснулъ сразу, крѣпкимъ, здоровымъ сномъ въ мѣру утомленнаго человѣка, обладающаго здоровыми нервами и сильнымъ организмомъ. Онъ даже не слышалъ какъ со свѣчей въ рукахъ приходила Соня. Та нарочно надѣла голубой капотъ отдѣланный такими же кружевами. Онъ очень шелъ къ ея русой головкѣ и розовому личику. Она постояла-постояла надъ нимъ...

— Вавочка! шепотомъ позвала она.

Но Александръ Петровичъ спалъ, полураскрывъ ротъ.

Внезапно проникнувшаяся серьезностью своего положенія, Соня перекрестила Вавочку и на цыпочкахъ вышла вонъ.

— Пожалуйста, утромъ, не будите его! обернулась она къ Надѣ. — Онъ очень усталъ сегодня... На пятнадцать лѣтъ осудилъ одного тамъ.

— Мнѣ все единственно... хотя и на пятнадцать... невѣдомо для самой себя молола что-то совсѣмъ спавшая Надя.

— То-то... это тоже надо понимать.

IV.

Часовъ до четырехъ утра Александръ Петровичъ спалъ крѣпкимъ сномъ, ни разу не просыпаясь.

Оставленная у него свѣча долго еще горѣла, потомъ мигнула нѣсколько разъ, пламя вспыхнуло было и потянулось вверхъ, но оборвалось и погасло... Длинная струйка дыму закурилась подъ тлѣвшей еще свѣтильней и черная тьма охватила отовсюду утомленнаго труженика... Обыкновенно онъ просыпался въ восемь часовъ, и Надя приносила сюда къ нему кофе и портфель съ дѣлами. Курьеръ изъ окружнаго суда являлся съ нимъ аккуратно въ семь часовъ каждый день. Барыня вставала въ полдень, иногда и позже, и Александръ Петровичъ уходилъ изъ дому не видя ее вовсе. Надя съ вечера думала, что завтра ей нечего вставать рано. Баринъ усталъ и вѣрно проспитъ дольше обыкновеннаго. Но оказалось иначе.

Около четырехъ часовъ Александру Петровичу показалось какъ-будто его кто-то толкнулъ въ бокъ. Онъ живо приподнялся и нѣсколько секундъ просидѣлъ на своемъ диванѣ, не понимая что̀ это значитъ. Кругомъ стояла зловѣщая тишина. Ему дышалось трудно. Казалось, въ комнатѣ не хватало воздуху. Сердце щемило. Какая-то безпредметная тоска охватывала его... Онъ попробовалъ было лечь опять, но теперь и одѣяло, и спинка дивана, и постланный для него тюфякъ давили его. Мягкая подушка будто клещами охватывала голову. Потъ выступалъ у него на лбу, въ вискахъ стучало... Ему чудилось, что только что здѣсь, въ этой комнатѣ, гдѣ кромѣ него никого не было, что-то случилось. Что̀—онъ не зналъ. Или что-то случилось, или кто-то здѣсь есть. Рядомъ въ залѣ зашипѣло... Это часы... Разъ, два, три, четыре... Отголоски послѣдняго удара еще дрожатъ въ углахъ, скользятъ по стѣнамъ, точно ищутъ выхода прежде чѣмъ умереть... Какія глупости, неужели онъ поддастся этому! Вѣрно немного больше выпилъ шампанскаго за ужиномъ... А можетъ быть и омары... Говорятъ, омары тяжелы на ночь. Онъ сбросилъ съ себя одѣяло и вытянулся... Нѣтъ... Здѣсь положительно есть кто-то... и именно вонъ въ томъ углу. Онъ не видитъ этого угла, но знаетъ гдѣ онъ. Свѣтъ уличныхъ фонарей не проникаетъ сюда вовсе, потому что Надя на ночь плотно затянула окна тяжелыми гардинами. Именно вонъ въ томъ углу... Что это?.. точно простоналъ кто-то... Точно Дюранъ, умирая на глазахъ у шпіона Барнаба. Нѣтъ, это не впечатлѣніе оперы. Это не стонъ... Это тихо, тихо рыдаетъ кто-то. Именно тихо рыдаетъ, очевидно боится разбудить его... И какъ это прежде онъ не понялъ!.. Развѣ Соня встала? Нѣтъ, о чемъ же ей плакать... Да не спитъ-ли онъ, не кошмаръ-ли его мучитъ? Онъ нарочно кашлянулъ и звукъ его кашля такъ странно прозвучалъ въ этой комнатѣ, что ему стало холодно. Что-то будто шарахнулось въ углу... Шевелится. Рыданія не слышно... Опять... Опять плачетъ. Да это та самая женщина, что въ судѣ зарыдала тогда. Она и есть... Фу, какая глупость!.. Развѣ она могла проникнуть сквозь стѣны его квартиры? Неужели шалитъ воображеніе? Но какое же воображеніе у него—у предсѣдателя. Еще долго, не склоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону, онъ спокойно резюмировалъ все совершающееся передъ нимъ... Вѣдь онъ же „закостенѣлый“. Никогда и ничего въ немъ не шевелилось такого. Откуда это могло придти? Не понимаю... И тѣ тоже семеро „младенцевъ которые“ пиш-шатъ... Пиш-шатъ, почему не пищатъ?.. Вѣдь дуракъ, дуракъ мужикъ—а поди-ко какъ образно выразился: точно галчата рты раскрыли и ѣсть просятъ. Голодны. Скверная штука этотъ голодъ. Семеро дѣтей—брошенныхъ на произволъ судьбы. А отецъ-работникъ сидитъ въ тюрьмѣ... Высшая справедливость, зло должно быть наказано—понятное дѣло. Не объ чемъ и говорить, но вотъ причемъ сюда затесались эти „галчата...“ Зачѣмъ они рты раскрываютъ? И эта женщина въ судѣ... Ну положимъ—пятнадцать лѣтъ каторжной работы. Онъ этого заслужилъ; не могла-же она разсчитывать, что его за это по головкѣ погладятъ, понятно... Чего-же она и плакала... Чего... И теперь зачѣмъ — вонъ въ томъ углу... Неужели это у него такъ въ ушахъ засѣло, что до сихъ поръ слышно...

Нѣтъ, это невозможно... Надо зажечь свѣчу...

Онъ собралъ всѣ силы, стряхнулъ съ себя какую-то странную охватившую его робость и чиркнулъ спичкой по коробкѣ. Чиркнулъ—и пока голубой огонекъ разгорался и желтѣлъ, онъ высоко поднялъ ее надъ головой... Сначала этотъ огонекъ безсильно боролся съ темнотою, то вспыхивая, то точно опять смежая око... Наконецъ онъ покраснѣлъ, позолотѣлъ и длиннымъ языкомъ протянулся вверхъ... Тьма поползла отъ него вверхъ, на секунду сгустилась въ углахъ и тотчасъ-же сквозь стѣны ушла куда-то... Только впечатлѣніе какого-то движенія осталось въ тепломъ воздухѣ. Точно чье-то дыханіе еще продолжало наполнять его...

Александръ Петровичъ зажегъ свѣчу,—новую свѣчу, стоявшую рядомъ съ догоравшей.

V.

Теперь онъ лежалъ совершенно спокойно.

Ему былъ виденъ весь его кабинетъ, суровый и строгій, какъ и онъ самъ. Чернаго дерева столъ, такое же кресло. На столѣ только дѣловыя бумаги, въ черномъ шкапу позади—судебные уставы, кассаціонныя рѣшенія, сводъ законовъ и въ качествѣ болѣе легкаго чтенія — разныя сочиненія по юриспруденціи, Миттермайеръ, Беккарія, рѣчи Кони—„pêle-mêle“—родъ кладбища, куда хоронилась разъ навсегда прочитанная книга... Наверху виденъ гипсовый профиль Гамбетты. Какъ этотъ страстный французъ попалъ сюда? Кажется, въ день его именинъ. Соня нѣсколько лѣтъ тому назадъ купила и привезла его. Нашла кому дарить. Нельзя-же было обидѣть ее отказомъ—и Гамбетта, къ крайнему удивленію своему, умѣстился среди этого храма судебнаго безпристрастія, безразличія и, если хотите, безсердечія... Да, теперь вспомнилъ Александръ Петровичъ. Это еще пять лѣтъ тому назадъ — по поводу одного знаменитаго процесса—маленькая газета какая-то упрекнула его въ безсердечіи. Причемъ тутъ сердце? Ему нужно сердце для себя, для своей жены, своихъ ближнихъ, своего дома. Тутъ онъ не можетъ укорить себя въ отсутствіи сердца, но на службѣ—слуга покорный! Предсѣдатель—и сердце!.. Онъ—олицетвореніе строгой справедливости. Онъ та рука, которая держитъ вѣсы. Направо кладетъ свои гири прокуроръ, налѣво—свой товаръ защитникъ. Его дѣло, дѣло Александра Петровича наблюдать за тѣмъ, чтобы стрѣлка наверху показывала вѣрно и чтобы... Впрочемъ какія глупости ему лѣзутъ въ голову. Какъ еще долго—завтра опять дѣло въ судѣ, надо хорошо выспаться, а то весь день будешь изморенный... Онъ отодвинулъ свѣчу, обернулся спиною къ ней, зажмурилъ глаза и плотно укрылся одѣяломъ...

Какъ стучитъ маятникъ въ залѣ!.. Разъ-два... Разъ-два... Два онъ отбиваетъ сильнѣе чѣмъ разъ. Порою кажется, что маятникъ размахиваетъ надъ самой его головою, такъ среди молчанія ночи силенъ этотъ звукъ. Разъ-два... Разъ-два... Хотя собственно молчанія нѣтъ... Вонъ гдѣ-то въ углу скребется мышь. Скребетъ и грызетъ... Полъ кажется грызетъ. А сна нѣтъ какъ нѣтъ. Откуда-то слышно чье-то дыханіе. Тяжелое, сиплое. Вѣрно Надя—она всегда такъ спитъ... И сквозь удары маятника порою рождаются и умираютъ какіе-то загадочные звуки... Странные... Всего вѣрнѣе, что они только и живутъ что въ его раздраженномъ слухѣ...

И зачѣмъ жены подсудимыхъ посѣщаютъ засѣданія... Собственно говоря, ихъ-бы не слѣдовало пускать вовсе. Эта сегодня напримѣръ такъ зарыдала... Интересно знать когда будетъ назначено дѣло этого извощика съ семью дѣтьми и кто долженъ предсѣдать? Въ самомъ дѣлѣ выйдетъ исторія, если старикъ-отецъ явится со всѣми этими галчатами-внуками въ залу суда. Будутъ-ли они плакать или станутъ сидѣть спокойно вытаращивъ глаза на обвиняемаго? Обвиняемому разумѣется всего хуже. Неловко при дѣтяхъ... И ихъ слѣдовало не пускать... И съ чего только сознался сегодня этотъ несчастный? Положимъ, мы его какъ краснаго звѣря загнали въ уголъ—не выдержалъ и размякъ. И вѣдь всѣ эти два дня смотрѣлъ весело, молодцомъ, даже румянецъ у него на лицѣ игралъ, а тутъ разомъ вспотѣлъ, осунулся... Что̀ на него нашло такое? Не будь этого—пожалуй-бы его оправдали и жена-бы не плакала... А зло осталось-бы безнаказаннымъ? Да, разумѣется... Слѣдовало такъ—

оно и вышло какъ слѣдовало. Что-же намъ за дѣло — кто стоитъ за спиной подсудимаго! Мы судимъ фактъ и личность, а не тѣхъ кто съ нимъ такъ или иначе связанъ... А вѣдь судебнымъ приговоромъ все-таки не рѣшается вопросъ... Все-таки не рѣшается... Откуда-то показываются какіе-то хвостики — дернешь и вытаскиваешь совершенно неожиданно. То жена, то семеро галчатъ... Пиш-шатъ, ѣсть просятъ... Какъ-же высшей-то справедливости не войти въ это... А какъ войти? Какое дѣло судьѣ?.. Въ самомъ дѣлѣ?..

Пятнадцать лѣтъ каторги. Иванъ Еремѣевъ или Еремей Ивановъ... И не вспомнишь, право. А передъ этимъ Лоскутникова на двадцать закатали, Дмитріева на пятнадцать, Смѣлова на семь, Мяскова тоже на пятнадцать... Сколько всего это выйдетъ? Тридцать пять, пятьдесятъ, семь да пятнадцать—двадцать два—семьдесятъ два... Это все въ три мѣсяца. Въ три мѣсяца семьдесятъ два года каторжной работы... А сколько выйдетъ въ годъ?.. Чего добраго лѣтъ сто выйдетъ... А за семь лѣтъ, которыя онъ сидитъ въ предсѣдательскомъ креслѣ — неужели семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Немножко-множко, какъ говоритъ нѣмецъ переводчикъ... И вѣдь всѣ этакія дѣла къ нему направляются непремѣнно. Это—въ отдѣленіе къ Александру Петровичу, онъ не сентименталенъ... Да, онъ разумѣется не сентименталенъ. Ему нельзя быть сентиментальнымъ. Онъ „представитель всякой справедливости“. Кто первый сказалъ это? Кажется Прево; да онъ именно. Говорятъ, что и въ тюрьмѣ знаютъ. Какъ только дѣло къ нему назначено—такъ преступники разомъ теряютъ всякую надежду... Пропала головушка! Да, ему нельзя быть сентиментальнымъ. Иначе не служи — и подавай въ отставку. А ему нельзя безъ жалованья. Гдѣ пять тысячъ найдешь?.. Интересно знать, какъ-бы Соня въ меблированныхъ комнатахъ умѣстилась... Какъ-бы она ходила обѣдать въ кухмистерскую... Тридцать копѣекъ два блюда и пирожное... Да вотъ именно гдѣ сантименты нужны.. Для своего гнѣзда, для Сони...

Разъ, два, три, четыре... Неужели пять? Такъ и есть... Это онъ цѣлый часъ проворочался на своей постели. И опять весь въ поту, и душно, и дышать нечѣмъ...

Онъ всталъ, босикомъ подошелъ къ окну и раздвинулъ гардины...

Тускло мигали фонари. Погода измѣнилась. Стоялъ туманъ... Вонъ по стекламъ змѣятся влажные слѣды,—неужели падаетъ опять этотъ мокрый и разомъ тающій снѣгъ? Точно яркоглазый чудовищный паукъ проползла карета съ выпученными зажженными фонарями... Что-то теперь дѣлаетъ эта женщина, что плакала сегодня?.. Раньше завтрашняго дня она не увидитъ мужа... Воображаю какъ мучится. Воображаю! Да почему-же я раньше никогда не воображалъ этого? Что именно сегодня случилось со мною? Не отъ омара-жъ въ самомъ дѣлѣ... Поди лежитъ теперь даже безъ сна на своей кровати и реветъ... А дѣти-галчата? И этотъ старикъ-дѣдъ... Пріѣхалъ домой, поставилъ лошадь—и тоже не спитъ—ворочается?.. Нѣтъ, я такъ не засну... Одному—жутко.

Александръ Петровичъ вернулся къ дивану, взялъ свѣчу и пошелъ къ женѣ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Императрица Фаустина во храмѣ Юноны (Пренесте). (Рис. на стр. 208 и 209).

Аннія-Галерія-Фаустина, дочь Аннія-Вера, супруга римскаго императора Антонина Пія (благочестиваго), умершая въ 141 году по Р. Х., тридцати шести лѣтъ, въ теченіе жизни вела себя довольно несоотвѣтственно своему высокому сану, вслѣдствіе чего и навлекла нареканія римскихъ исторіографовъ, обвинявшихъ ее въ лицемѣрной скрытности при полной разнузданности нравовъ. Однажды, глядя на проходившихъ мимо нея гладіаторовъ, она до такой степени влюбилась въ одного изъ нихъ, что ни о чемъ другомъ не могла думать — и эта злополучная страсть стала грозить какъ физическому здоровью, такъ и умственнымъ способностямъ Фаустины. Когда, доведенная до отчаянія, императрица повѣдала своему супругу состояніе своей души, добродушный Антонинъ предложилъ ей посовѣтоваться съ пифониссой (вдохновенной жрицей оракула) въ храмѣ Юноны (по другимъ, Фортуны) въ Пренесте. Этотъ послѣдній, городокъ въ Лаціумѣ, былъ любимою лѣтнею резиденціей императоровъ и славился своимъ оракуломъ. Эту-то сцену и представляетъ историческая картина Келлера. Императрица со своею женскою свитой ожидаетъ результатовъ совѣщанія съ оракуломъ, стоя въ преддверіи святилища, куда доступъ женщинамъ возбранялся. Въ глубинѣ святилища, у подножія истукана богини, видна въ бѣломъ одѣяніи пифониса, окруженная императоромъ и жрецами, внимающими ея прорицаніямъ. Оракулъ объявилъ, что для излѣченія императрицы необходимо убить гладіатора и напоить Фаустину его кровью. По исполненіи этого предписанія, Фаустина волей-неволей исцѣлилась отъ своей болѣзненной причуды, а сынъ ея, Комодъ, какъ отмѣчаютъ исторіографы, былъ болѣе ловкимъ гладіаторомъ, чѣмъ достойнымъ правителемъ своего народа.

Картина эта — лучшее произведеніе Альберта Келлера.

Идетъ! (Рис. на стр. 213).

Двѣ тирольскія дѣвушки, въ праздничномъ нарядѣ, ожидаютъ прихода любезнаго кавалера, который обѣщалъ сопровождать ихъ на ярмарку, гдѣ будутъ танцы и разныя сельскія забавы.

Библіотека короля и королевы Румынскихъ. (Рис. на стр. 216).

„Противорѣчіе оживляетъ разговоръ; оттого при дворахъ бываетъ такъ скучно“; „глупость пробивается впередъ, чтобы быть на виду; умъ стоитъ позади, чтобы наблюдать!“ Съ перваго раза можно подумать, что оба эти выраженія принадлежатъ человѣку, которому надоѣлъ образъ жизни высшаго круга, — высшаго слоя обществъ, и который избѣгаетъ его, чтобы, не стѣсняясь условными границами этикета и церемоній, развиваться и совершенствоваться на просторѣ. На самомъ дѣлѣ обѣ вышеприведенныя мысли почерпнуты изъ книги, содержащей цѣлый рядъ прекрасныхъ афоризмовъ и озаглавленной „Мысли королевы“ (Pensées d'une reine). Книга эта, дѣйствительно, вышла изъ-подъ пера настоящей королевы,—королевы Румынской Елизаветы, болѣе извѣстной въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Карменъ Сильвы.

Карменъ Сильва, вѣнценосная поэтесса, давно обратила на себя вниманіе всего просвѣщеннаго міра своими талантливыми литературными произведеніями. Идеальное направленіе ея вдохновенія, глубина чувствъ, рѣдкое творчество и горячее участіе ко всѣмъ вопросамъ времени навсегда обезсмертили-бы ея имя, еслибы оно принадлежало даже простой смертной.

Королева Румынская Елизавета родилась въ 1843 году въ Нейвидѣ; первые годы маленькой принцессы прошли весело и беззаботно; живой и любознательный ребенокъ любилъ болѣе всего въ это время слушать сказки или присутствовать при разговорахъ взрослыхъ. Въ 1850 году тяжко заболѣла горячо любимая мать маленькой принцессы, и это было первое горе, которое пришлось ей пережить; трудно себѣ представить какъ сильно грустилъ семилѣтній ребенокъ, лишенный возможности цѣлыми недѣлями видѣться со своею больною матерью.

Сколько любви, заботъ и состраданія выказало въ то время сердце маленькой принцессы! Можно было уже тогда предвидѣть, что эти христіанскія добродѣтели будутъ лучшимъ украшеніемъ будущей королевы Румынской. И дѣйствительно, какъ до своего замужества, такъ и позже, ставъ супругою князя, а впослѣдствіи короля Румынскаго Карла, королева Елизавета неустанно проявляла и продолжаетъ проявлять эти высокія качества своего любвеобильнаго сердца, черпая изъ него, какъ изъ неизсякаемаго источника, помощь и утѣшеніе для бѣдныхъ и сирыхъ, старыхъ и дѣтей.

Такою-же горячею любовью къ ближнему и сочувствіемъ къ его бѣдѣ и несчастію, отличается большинство произведеній Карменъ Сильвы. Первыя произведенія королевы-поэтессы появились за подписью Э. Веди въ „Magazin für die Literatur des Auslandes und der Gegenwart“, въ 1878 году, и тогда-же обратили на себя вниманіе критики. Наибольшій успѣхъ и похвалы встрѣтили ея прелестныя сказки, вышедшія въ 1883 году подъ заглавіемъ „Изъ царства Карменъ Сильвы“, и ея новѣйшій сборникъ разсказовъ.

Помѣщенный на стр. 216 рисунокъ изображаетъ библіотеку-залъ, въ румынскомъ королевскомъ дворцѣ.

Африканскій вопросъ. (Рис. на стр. 217 и 221).

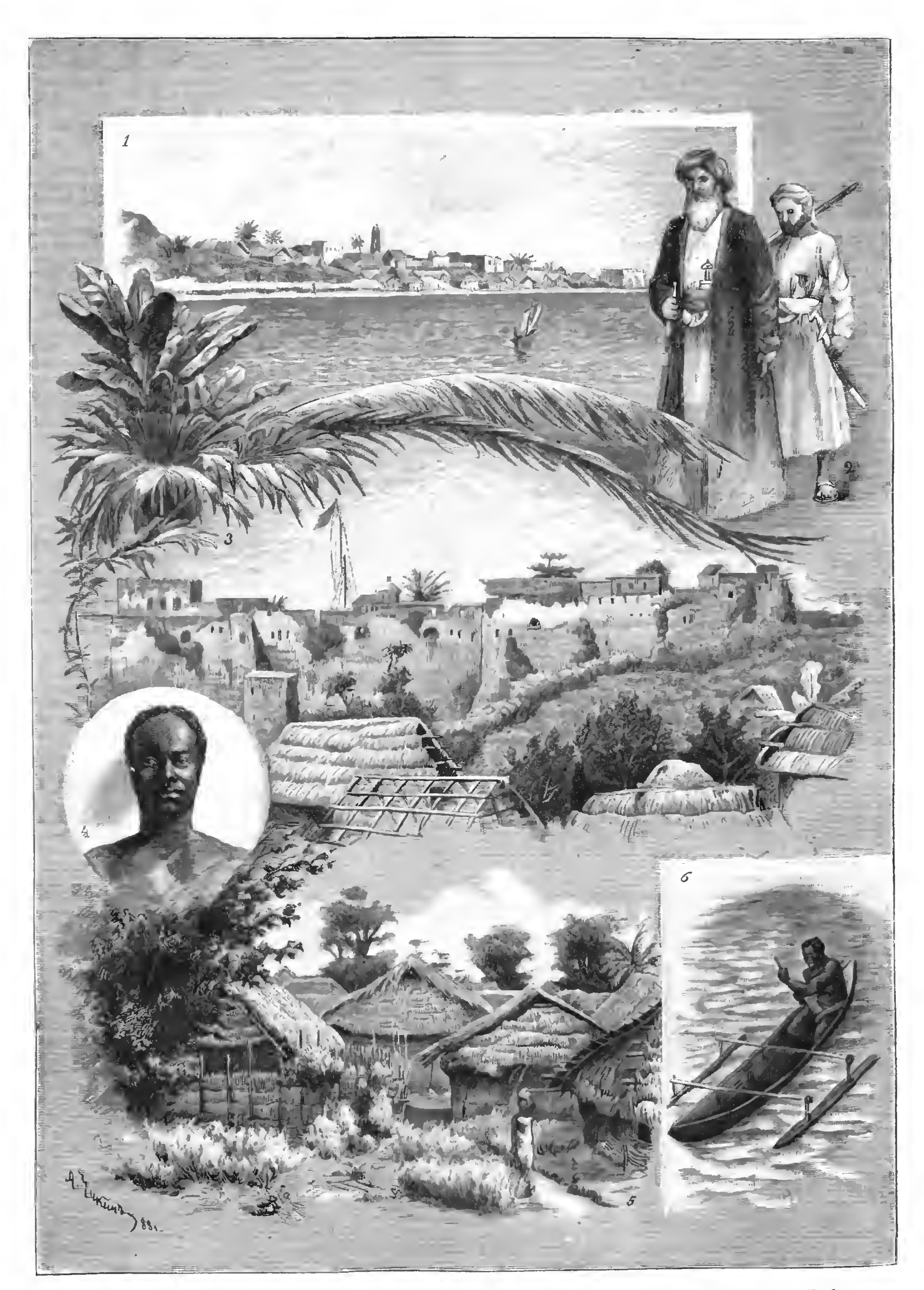
Колоніальная политика Германіи и Англіи на восточномъ берегу Африки, гдѣ обѣ эти державы имѣютъ подъ своимъ протекторатомъ обширныя земли, а первая—даже и собственность, въ настоящее время возбуждаетъ значительный интересъ, такъ какъ возникшія недоразумѣнія между Занзибаромъ и нѣмцами вытекаютъ уже изъ нѣсколько разъ затронутаго вопроса о торговлѣ невольниками. Не смотря на то, что лѣтъ десять тому назадъ Англіи, съ большимъ впрочемъ трудомъ, удалось таки заключить съ Занзибарскимъ султаномъ трактатъ объ уничтоженіи этого постыднаго торга, — важная дипломатическая побѣда, какою считала Англія заключеніе трактата, оказалась только кажущеюся, такъ какъ все дѣло ограничилось лишь пониженіемъ цѣнъ на рабовъ, вслѣдствіе отмѣны пошлины, поступавшей въ пользу султана съ этой прибыльной отрасли торговли. Въ настоящее время она процвѣтаетъ едва ли не попрежнему. Нѣсколько неумѣлое вмѣшательство въ эту торговлю европейцевъ, особенно нѣмцевъ, на усиливающійся приливъ которыхъ въ Занзибаръ арабы смотрятъ не особенно доброжелательно, и породило тѣ враждебныя вспышки туземнаго населенія, которыя выразились въ кровавой распрѣ съ ними; а вслѣдствіе жестокаго наказанія, понесеннаго за это туземцами, враждебность ихъ приняла въ настоящее время такіе размѣры, что соединенный англо-германскій флотъ вынужденъ блокировать все восточно-африканское побережье, занимаемое Занзибаромъ.

Занзибарскій султанъ, кромѣ острововъ: Занзибара, Пембы

и Мафіи, владѣетъ длинной береговой полосой отъ устьевъ р. Тсана до устьевъ р. Ровума (отъ 2° до 10½° южн. шир.), причемъ власть его ограничивается только берегомъ, не распространяясь болѣе или менѣе далеко внутрь страны. На этомъ берегу расположены нѣсколько городовъ, изъ которыхъ самый значительный и собственно заслуживающій этого названія безспорно Момбасъ; гораздо меньшее значеніе имѣютъ: Ламу, Килоа, Пангани и Багамойо. Населеніе побережья, какъ и города Занзибара, состоитъ главнымъ образомъ изъ двухъ элементовъ: преобладающаго по количеству—негровъ кафрской группы, зуахели, и меньшаго по числу, но главенствующаго—арабовъ, выходцевъ изъ Маската, которые теперь однако, отъ смѣшенія съ черной расой, начинаютъ терять свой семитическій типъ, и даже въ городахъ, какъ напр. въ Ламу и Момбасѣ, охотнѣе говорятъ на языкѣ зуахели, чѣмъ на своемъ родномъ. Зуахели—плотный, замѣчательно-мускулистый народъ, съ коричневою, блестящею кожей, приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, представляющій типъ настоящаго негра; они сравнительно гораздо живѣе, веселѣе и дѣятельнѣе своихъ не прибрежныхъ сосѣдей; въ городахъ многіе изъ нихъ даже торгуютъ; впрочемъ, эта торговля ограничивается въ большинствѣ случаевъ продажей бетеля, плодовъ или съѣстныхъ припасовъ. Ихъ женщины, обернутыя зачастую въ самыя пестрыя ткани, въ растянутыхъ мочкахъ ушей носятъ большіе, вершка въ 1½ въ діаметрѣ, деревянные кружки или свернутую спиралью бумажную ленту, а франтихи выбрѣваютъ къ тому же на курчавой головѣ паралельныя полоски отъ лба къ затылку. Арабы—аристократія и преимущественно войско, хотя и въ настоящей регулярной арміи, т. е. находящейся въ самомъ городѣ Занзибарѣ и имѣющей даже установленную форму, служатъ и индусы, и персы, а среди начальствующихъ—многіе изъ европейцевъ. Каждый арабъ непремѣнно носитъ за поясомъ кривой, странной формы кинжалъ, а въ рукахъ или на снуркѣ, надѣтомъ на плечо, прямой длинный мечъ или кривую саблю; это оружіе, право ношенія котораго не распространяется на зуахели, служитъ въ нѣкоторомъ родѣ мѣриломъ состоятельности своего хозяина по своей отдѣлкѣ, которая у богачей отличается роскошью. Кромѣ этихъ двухъ элементовъ населенія, нельзя не упомянуть еще и о третьемъ, незначительномъ по числу, но играющемъ громадную роль въ Занзибарѣ, именно объ индусахъ или баніанахъ. Вся торговля страны, какъ оптовая, такъ и мелочная, находится исключительно въ ихъ рукахъ. Значеніе этой торговли усилилось еще болѣе съ прорытіемъ Суэзскаго перешейка и открытіемъ Британо-индійской компаніей правильнаго ежемѣсячнаго сообщенія между Аденомъ, Ламу, Момбасомъ, Занзибаромъ и португальскимъ владѣніемъ Мозамбикомъ.

По выходѣ изъ Адена, послѣ десятидневнаго плаванія по безбрежному океану, во время котораго только однажды видна далекая земля—мысъ Гвардафуй, при поворотѣ за который во время муссоновъ приходится еще переносить четырехдневную ужасную качку, пароходъ прибываетъ, наконецъ, въ Ламу. Сперва на горизонтѣ виднѣется чуть замѣтная темная полоска, которая по мѣрѣ приближенія расширяется и проясняется, и скоро можно различить то песчаные, то поросшіе густой зеленью холмы съ синѣющими вдали за ними лѣсами; направо виднѣется крохотное каменное укрѣпленьице, не болѣе трехъ саженъ длины, съ тремя довольно европейскаго вида пушками,—и пароходъ, вступивъ въ проливъ, отдѣляющій островъ Ламу отъ континента и сосѣднихъ съ нимъ островковъ, бросаетъ якорь при громѣ пушки передъ Шелалемъ, или иначе Шеляхомъ. Ламу, имѣющій около 5—6 тысячъ душъ, лежитъ по другую сторону острова тоже при проливѣ, въ часовомъ разстояніи отъ Шелаля, который играетъ для него роль порта. Высадившись на берегъ при помощи самаго первобытнаго устройства лодки, управляемой мускулистымъ зуахели, вы вступаете внутрь мѣстечка, въ цѣлый лабиринтъ уличекъ, наклоняя голову изъ опасенія задѣть за крыши хижинъ. Въ самомъ Шелалѣ имѣется тоже крѣпость, у стѣнъ которой можно замѣтить единственную ея безпомощно валяющуюся чугунную пушку; за то на шестѣ развѣвается красный флагъ Занзибара. Безъ проводника немыслимо, конечно, выбраться изъ Шелаля на дорогу въ Ламу—и потому, попавъ на перваго встрѣчнаго, вы шествуете за нимъ къ дорогѣ, сопровождаемые цѣлой толпой любопытныхъ и отвѣчая на сыплющіяся на васъ со всѣхъ сторонъ *„ямбо“* (здравствуй). Дорога въ Ламу проходитъ сперва мимо зарослей гигантскихъ молочайниковъ, а потомъ все время прекрасною кокосовою рощей. Путешественникъ, незнакомый еще съ тропической флорой Африки, съ восхищеніемъ смотритъ на эти чудныя пальмы, на громадные баобабы, возвышающіеся среди луговъ на противоположной сторонѣ пролива, и на роскошныя думъ-пальмы съ вѣерообразными листьями. Послѣ часоваго пути вы достигаете Ламу, ничѣмъ отъ Шелаля не отличающійся городокъ, кромѣ того, что въ немъ есть одна прямая улица; Ламу имѣетъ для нѣмцевъ, которыхъ живетъ здѣсь около пяти душъ, большое значеніе, такъ какъ къ ю.-в. отъ острова лежатъ обширныя земли, принадлежащія обществу „Witugesellschaft“, занятыя преимущественно кокосовыми плантаціями. Въ Момбасъ пароходъ по выходѣ изъ Ламу прибываетъ на другой день. Городъ этотъ расположенъ тоже на

Долгъ платежемъ красенъ. Съ карт. К. Рейхерта, грав. Бонгъ.



Африканскій вопросъ. Виды и типы Занзибара. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Чиннна**, грав. Шюблеръ.

1. Шелаль на остр Ламу. 2. Занзибарскіе арабы. 3. Цитадель Момбаса. 4. Типъ племени зуахель. 5. Улица въ Момбасѣ. 6. Челнокъ зуахели.

островѣ, стоящемъ при устьѣ сильно развѣтвляющагося маленькаго залива. Прежде всего показывается его красивая крѣпость съ обросшими зеленью стѣнами и сонно глядящими изъ амбразуръ пушками. Въ Момбасѣ имѣется значительная таможня, много каменныхъ зданій, но болѣе или менѣе длинныхъ и широкихъ улицъ въ городѣ всего одна; прочее представляетъ либо сбитыя въ кучу пальмовыя хижины, какъ въ Шелалѣ и Ламу, либо заросшія зеленыя лужайки. Здѣсь достаточно лавокъ, въ которыхъ торгуютъ, конечно, индусы, совершающіе довольно крупные обороты; есть также одна лавка, въ которой торговцами являются двое португальцевъ, составляющихъ здѣсь вмѣстѣ съ двумя англійскими миссіонерами и агентомъ англо-индійской компаніи все общество европейцевъ. Жителей въ Момбасѣ около десяти тысячъ душъ.

Торговля живымъ товаромъ, несмотря на всѣ старанія цивилизованнаго міра, по настоящее время продолжается въ Африкѣ и ведется самымъ дерзкимъ и безчеловѣчнымъ образомъ. На страницѣ 217 изображена отталкивающая сцена захвата негровъ въ неволю африканскими рабо-торговцами Арабами. Подкравшись въ высокой травѣ или по пальмовымъ рощамъ къ заранѣе намѣченной деревушкѣ, они нападаютъ на нее внезапно и врасплохъ. Обыкновенно выбирается для того время, когда большинство мужскаго населенія находится на охотѣ или рыбной ловлѣ, въ деревнѣ остались женщины и подростки, подъ охраною нѣсколькихъ воиновъ, не могущихъ оказать отпоръ болѣе многочисленному непріятелю. Убивая всѣхъ сопротивляющихся, рабо-торговцы безчеловѣчно сгоняютъ женщинъ и дѣтей какъ стадо животныхъ въ одну кучу, связываютъ имъ на спинѣ руки, накидываютъ на шею вилообразныя вѣтки, свободные концы которыхъ замыкаются деревянною запоркой, и попарно выгоняютъ изъ деревни. Маленькія дѣти съ плачемъ бѣгутъ за своими матерями пока ихъ ноженки не устанутъ, а затѣмъ привязываются ремнями на грудь матери. Такой караванъ поспѣшно удаляется отъ опустошенной имъ деревни, отмѣчая свой путь новыми истребленіями огнемъ и мечомъ. По свѣдѣніямъ лицъ хорошо знающихъ страну, почти на каждаго проданнаго раба—приходится умершихъ отъ лишеній на пути и убитыхъ рабо-торговцами около 1000 человѣкъ.

Долгъ платежемъ красенъ. (Рис. на стр. 220).

Всѣ трое: и оба мопсика, и какаду — любимцы хозяйки, всѣ ревнуютъ ее и другъ другу завидуютъ, а потому не прочь подчасъ и насолить сопернику. Особенно доставалось добродушно-глуповатому какаду: чуть онъ примется за свои фисташки, собираясь позавтракать, лукавый мопсикъ подкрадется — хвать его за хвостъ—и либо стащетъ попугая съ жердочки, либо вырветъ перышко. Наконецъ и попка взялся за умъ, сообразилъ что хвосты есть и у мопсиковъ—и вотъ результатъ его сообразительности.

Баронесса Вечéра. (Порт. на стр. 224).

Марія Вечéра, которой приписываютъ рѣшающее вліяніе въ Мейерлингской катастрофѣ, была восемнадцати-лѣтняя дѣвушка замѣчательной красоты, небольшаго роста, но удивительно хорошо сложенная и граціозная, съ черными какъ смоль волосами и голубыми глазами. Ея мать, Елена Бальтацци, сестра разбогатѣвшаго въ Марсели греческаго купца Теодора Бальтацци (нынѣ графа и знаменитаго въ Австріи спортсмена), вышла замужъ за барона Вечéра, принадлежавшаго къ весьма древнему венгерскому роду. Въ министерствѣ Гэнварта онъ занималъ важный политическій постъ, затѣмъ сошелъ со сцены и только при Таафе получилъ назначеніе въ Каиръ, гдѣ и умеръ года два тому назадъ. Елена Бальтацци принесла ему болѣе трехъ милліоновъ приданаго. Другая сестра Елены Бальтацци вышла сначала за графа Сентъ-Жюльена, потомъ по разводѣ стала графиней Штоккау. Такимъ образомъ семейство Вечéра принадлежало къ высшему вѣнскому обществу. Одинъ изъ братьевъ Маріи, шестнадцатилѣтній Ласло (Владиславъ) погибъ въ пожарѣ вѣнскаго Рингъ-театра; другой, Фрей (Францискъ), которому теперь также шестнадцать лѣтъ, готовится къ военной карьерѣ; старшая сестра, двадцатилѣтняя Анна, отличается серьезнымъ характеромъ, въ противоположность Маріи, которая поражала всѣхъ своею веселостью, кокетствомъ и фантастическими причудами.

Во *Франкфуртской Газетѣ* напечатаны слѣдующія данныя, которыя могутъ считаться наиболѣе достовѣрными до ожидаемаго оффиціальнаго изложенія, если только оно когда-нибудь послѣдуетъ. Кронпринцъ Рудольфъ познакомился съ Маріей Вечéра въ то время какъ ее начали „вывозить“ и, по собственнымъ (якобы) словамъ его, почувствовалъ къ ней „магнетическое влеченіе“. Недоброжелатели принца довели это до свѣдѣнія императора, который сдѣлалъ сыну серьезный выговоръ, но принцъ утверждалъ что это не болѣе какъ „дружба двухъ сродственныхъ душъ“. Съ другой стороны, ближайшій другъ принца, эрцгерцогъ Іоаннъ, будто бы потворствовалъ склонности принца и даже убѣждалъ его дать ей волю. Это также было доведено до свѣдѣнія императора, и эрцгерцогъ Іоаннъ впалъ въ немилость, причемъ у него даже отняли дивизію въ Линцѣ. Все это происходило въ половинѣ 1888 года. Мѣры принятыя противъ друга и упреки эрцгерцогини Стефаніи заставили принца Рудольфа, необыкновенно дорожившаго своею самостоятельностью, все болѣе удаляться отъ двора. Онъ все чаще посѣщалъ домъ баронессы Вечéра. Чтобы положить этому конецъ, семейство Вечéра рѣшило выдать Марію замужъ за одного парижскаго финансиста, который, не смотря на всѣмъ извѣстную склонность эрцгерцога Рудольфа, все-таки хотѣлъ на ней жениться. Узнавъ объ этомъ рѣшеніи въ концѣ декабря, эрцгерцогъ пришелъ въ неописанную ярость и заявилъ будто бы что онъ скорѣе откажется отъ правъ престолонаслѣдія и будетъ жить частнымъ человѣкомъ заграницей съ любимой женщиной. Встревоженный этимъ императоръ Францъ-Іосифъ созвалъ семейный совѣтъ, на которомъ поручено было эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, весьма близкому другу кронпринца, уговорить племянника; далѣе рѣшили возложить надежды на время, а баронессу Вечéра держать подъ строжайшимъ присмотромъ въ родительскомъ домѣ, гдѣ между тѣмъ спѣшно шли своимъ чередомъ приготовленія къ свадьбѣ Маріи. Всего страннѣе было, что ни съ ея стороны, ни со стороны кронпринца не было возраженій противъ этой свадьбы.

Подошелъ конецъ января. 29 числа въ полдень Марія Вечéра исчезла изъ дому, оставивъ записку что ѣдетъ „къ роднымъ“. Мать однако догадалась, бросилась къ министру двора графу Таафе, который въ свою очередь поѣхалъ къ эрцгерцогу Карлу-Лудвигу, а послѣдній не нашелъ ничего лучшаго какъ послать племяннику въ Мейерлингъ телеграмму съ приглашеніемъ на семейный обѣдъ. Телеграмма эта не нашла кронпринца въ замкѣ, вышедшаго за часъ до ея прибытія, и пролежала на столѣ. Между тѣмъ проходили часы за часами, а принцъ не возвращался. Съ наступленіемъ ночи графъ Гойошъ собралъ всю прислугу замка и во главѣ ея съ факелами отправился осматривать лѣсъ. Къ 8 часамъ утра, послѣ безплодныхъ поисковъ, лѣсничій Вернеръ, проголодавшись, хотѣлъ зайти въ свою сторожку за кускомъ хлѣба, но найдя дверь запертою, а въ щель увидѣвъ освѣщеніе, выломалъ дверь — и глазамъ его представилась страшная картина: на кровати лѣсничаго лежалъ трупъ Маріи Вечéра, а поперекъ кровати, наполовину на полу, тѣло эрцгерцога Рудольфа. Вернеръ бросился въ замокъ, и къ разсвѣту въ сторожку прибыли графъ Гойошъ, камердинеръ Лошекъ и извощикъ Братфишъ. Графъ констатировалъ что кронпринцъ застрѣлился изъ ружья лѣсничаго, продолговатою пулей, зацѣпивъ гашетку за выступающій угловой винтъ кровати и направивъ себѣ дуло въ голову. Этимъ и объясняется страшная рана на черепѣ. Баронесса Вечéра отравилась стрихниномъ. Тѣло ея лежало на слоѣ еловыхъ вѣтвей; въ головахъ горѣли двѣ свѣчи. Пока тѣло принца переносили въ замокъ, графъ Гойошъ поспѣшилъ на желѣзнодорожную станцію и тамъ, требуя особаго поѣзда, долженъ былъ сказать что съ принцемъ апоплексическій ударъ. Отсюда и распространился этотъ первый слухъ, который подтвердили и оффиціальныя лица на первыхъ порахъ своей растерянности.

Гибель парохода „Диръ“. (Рис. на стр. 224).

Рѣдко случается встрѣчать въ лѣтописяхъ крушеній явленіе подобное изображенному на нашемъ рисункѣ: это фотографическій снимокъ морскаго парохода, буквально разрѣзанаго пополамъ въ поперечномъ направленіи. Пароходъ „Диръ“ былъ пріобрѣтенъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли въ 1881 г. у Волжско-Донскаго Общества; построенъ въ Швеціи на извѣстномъ заводѣ „Мотала,“ имѣлъ сильныя окрѣпленія — 2 машины и 2 винта. Командовалъ пароходомъ г. Нагорскій, успѣшно выдержавшій на немъ-же въ 1887 году сильнѣйшій штормъ. Въ послѣдній роковой рейсъ „Диръ“ вышелъ изъ Одессы, срочно-грузовымъ крымско-кавказскимъ рейсомъ въ субботу, 10 декабря передъ вечеромъ, имѣя полный грузъ около 35 тыс. пуд., значительную часть котораго составляла мануфактура и другіе громоздкіе товары. Уже при выходѣ его изъ Одессы, погода была не особенно благопріятна. Во вторникъ, когда „Диръ“ находился въ Севастополѣ, разыгрался штормъ и изъ Одессы была отправлена срочная телеграмма о задержаніи парохода; но по случаю гололедицы не застала его въ Севастополѣ: „Диръ “вышелъ изъ Севастополя въ 5 час. пополудни и встрѣтилъ въ морѣ сильнѣйшій штормъ. Промучившись въ безплодной борьбѣ со стихіей до 10 час. и получивъ капитальныя поврежденія, пароходъ налетѣлъ, наконецъ, на берегъ между имѣніемъ генералъ-майора С. И. Мальцева — Симеизомъ и Алупкой, и разбился о прибрежныя скалы. Людямъ съ погибшаго парохода удалось спастись почти невредимыми.

Р. Э. Траутфеттеръ. (Портр. на стр. 225).

На-дняхъ въ скромномъ домикѣ близъ Петербургскаго ботаническаго сада, мирно окончилъ свою трудовую и чрезвычайно полезную жизнь Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ, одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ ученыхъ, достаточно послужившій отечественной наукѣ, бывшій профессоръ и директоръ ботаническаго сада въ Петербургѣ. Почти всю жизнь посвятилъ покойный изученію русской флоры, которой онъ былъ едва-ли не первымъ знатокомъ; онъ составилъ огромный, драгоцѣнный гербарій преимущественно русскихъ растеній, обработалъ исто-

рію ботаники въ Россіи и географическое распредѣленіе отечественной растительности, сдѣлалъ многочисленныя дополненія къ русской флорѣ Ледебура, издалъ полнѣйшій перечень всѣхъ работъ по изслѣдованію этой флоры вплоть до послѣднихъ трудовъ. Въ Кіевѣ, на заброшенномъ, весьма неудобномъ мѣстѣ, представлявшемъ глубокій оврагъ, развелъ онъ превосходный университетскій ботаническій садъ съ замѣчательными оранжереями, а въ бытность свою директоромъ Горыгорецкаго земледѣльческаго института привелъ въ цвѣтущее состояніе все то, что касалось его спеціальности. Если нашъ столичный ботаническій садъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ учрежденій подобнаго рода, то этимъ онъ также обязанъ Траутфеттеру, который насадилъ въ немъ множество рѣдкихъ растеній и, будучи отличнымъ практикомъ, сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы садъ вполнѣ отвѣчалъ своему назначенію. Со всѣхъ концовъ Россіи присылали ему коллекціи, обращались къ нему за совѣтами относительно опредѣленія растеній и на всякіе вопросы онъ отзывался съ полною готовностью истинно образованнаго человѣка. Во всей обширности изслѣдовалъ онъ флору отечества нашего—и однако имя Траутфеттера дорого не однимъ только русскимъ, но и всему образованному міру, который цѣнитъ многочисленные, напечатанные на латинскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, ботаническіе труды его, число которыхъ простирается до восьмидесяти. Именемъ Траутфеттера названы многія растенія, открытыя въ Сибири и на Кавказѣ.

Дворянинъ Петербургской губерніи, сынъ старшаго учителя Митавской гимназіи, Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ родился въ Митавѣ, 8 февраля 1809 года. По окончаніи курса въ мѣстной гимназіи, онъ продолжалъ высшее образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ занимался, главнымъ образомъ, ботаникою, подъ руководствомъ знаменитаго профессора естественныхъ наукъ Карла-Фридриха Ледебура, объѣхавшаго весь Алтай до китайской границы. Изъ университета Траутфеттеръ вышелъ въ 1831 году со степенью кандидата и съ золотою медалью за работу по предмету ботаники; черезъ два года получилъ мѣсто помощника директора Дерптскаго ботаническаго сада, а по защитѣ разсужденія „De Echinope genere", удостоился права читать лекціи въ качествѣ приватъ-доцента и тогда-же уѣхалъ за границу, гдѣ получилъ степень доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ. Въ іюнѣ 1835 года его сдѣлали младшимъ помощникомъ директора Петербургскаго ботаническаго сада, а черезъ три года назначили исправляющимъ должность ординарнаго профессора ботаники въ Кіевскомъ университетѣ и завѣдывающимъ Кременецкимъ ботаническимъ садомъ и гербаріемъ университета. Защитивъ диссертацію „De Pentastemone genere" и удостоенный степени доктора, въ 1839 году онъ былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора, а съ 1841 года былъ избранъ деканомъ II отдѣленія философскаго факультета сперва на годъ, а затѣмъ еще на четыре. Безъ малаго двѣнадцать лѣтъ занималъ онъ также должность ректора университета Св. Владиміра и притомъ въ самое трудное время, съ 1847 по 1859 годъ, когда дѣйствовали уже исключительныя условія, „справедливо стяжавъ себѣ имя добраго товарища и образцоваго ректора". Онъ состоялъ также вице-президентомъ Высочайше учрежденной коммисіи для описанія губерній Кіевскаго учебнаго округа, завѣдывалъ въ университетѣ кабинетами агрономическимъ, минералогическимъ и механической школы и преподавалъ въ Кіевскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Прослуживъ условленныя двадцать пять лѣтъ, Траутфеттеръ уволился отъ службы, оставивъ по себѣ добрую память въ университетѣ.

Съ мая 1860 года онъ снова опредѣлился на службу, получивъ мѣсто директора Горыгорецкаго земледѣльческаго института, которое занималъ до конца октября 1864 года, когда былъ перемѣщенъ на должность завѣдывающаго Петербургскимъ ботаническимъ садомъ, а по утвержденіи новаго устава сада назначенъ былъ его директоромъ. Въ этой должности пробылъ онъ слишкомъ десять лѣтъ, и вышелъ въ отставку вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, въ маѣ 1875 года. Траутфеттеръ не былъ кабинетнымъ ученымъ—и растительность Россіи изучалъ преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ ея, которыя особенно его интересовали. Еще будучи на школьной скамьѣ, онъ совершилъ, на средства Дерптскаго университета, большую ботаническую экскурсію въ Лифляндскую губернію, а во время службы въ Кіевѣ не разъ предпринималъ таковыя же экскурсіи въ южный край; въ 1837 году онъ путешествовалъ по Крыму, а въ 1853 и 1856 годахъ объѣздилъ губерніи Кіевскую, Подольскую, Херсонскую и Бессарабскую область. Еще студентомъ числился онъ дѣйствительнымъ членомъ Московскаго Общества Испытателей Природы, а позднѣе, за свои почтенные труды, былъ избранъ Академіей Наукъ въ члены-корреспонденты, въ почетные члены Петербургскаго университета и въ дѣйствительные члены Императорскаго Географическаго общества. Кромѣ того, онъ состоялъ членомъ другихъ обществъ и учрежденій и былъ удостоенъ разныхъ наградъ и орденовъ. Рудольфъ Эрнстовичъ скончался 12 января, на 80-мъ году жизни, въ чинѣ тайнаго совѣтника. Чрезвычайное благодушіе покойнаго, — говоритъ профессоръ Бекетовъ,— его доброта, прелестный, ровный характеръ, любезное обращеніе и высокая образованность, соединенная съ живостью рѣчи, плѣняли каждаго...

П. Быковъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 5 февраля въ Концертной залѣ Зимняго Дворца состоялся балъ, на который было приглашено до 800 особъ. Игралъ придворный бальный оркестръ. Для гостей въ части Помпеевской галереи былъ устроенъ буфетъ съ шампанскимъ, чаемъ, фруктами, конфектами и прохладительными. Въ первомъ часу ночи, послѣ мазурки, гости были приглашены къ ужину, накрытому въ Николаевской залѣ, Аванъ-залѣ и на площадкѣ Іорданскаго подъѣзда. Громадная, залитая тысячами электрическихъ огней, Николаевская зала была превращена въ роскошный зимній садъ, гдѣ среди группъ пальмъ и цвѣточныхъ газоновъ стояли 25 круглыхъ столовъ, убранныхъ также цвѣтами. Большая группа пальмъ была расположена противъ выхода изъ Концертной залы. Въ срединѣ залы былъ прекрасно убранъ портретъ Императора Николая I, противъ котораго, на возвышеніи, находился Императорскій столъ. У подножія портрета шла линія гіацинтовъ. Группы цвѣтущихъ азалій стояли по его сторонамъ. Передъ портретомъ былъ расположенъ фигурный газонъ, на зеленомъ фонѣ котораго были художественно выведены арабески изъ разноцвѣтныхъ гіацинтовъ, тюльпановъ, ландышей и другихъ цвѣтовъ.

— 4 февраля великій герцогъ Гессенскій съ наслѣднымъ принцемъ возвратились по Варшавской желѣзной дорогѣ съ охоты въ Петербургъ. Охота была удачная, убито нѣсколько медвѣдей, изъ которыхъ 4 привезли въ Петербургъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ приказѣ по войскамъ Варшавскаго военнаго округа, отъ 27 января, объявлено о слѣдующемъ подвигѣ 5-го эскадрона 38-го драгунскаго Владимірскаго полка: 26 іюля прошлаго года, въ посадѣ Орховкѣ, Сѣдлецкой губерніи, при поднявшемся сильномъ вѣтрѣ, большая половина посада была объята пламенемъ. Значительная опасность отъ огня угрожала зданію орховскаго начальнаго училища. Но, благодаря энергическимъ дѣйствіямъ квартировавшаго въ посадѣ 5-го эскадрона 38-го драгунскаго Владимірскаго полка, удалось отстоять училище. Задыхаясь въ дыму и несмотря на страшную жару, отъ которой у многихъ на головѣ загорались волосы, драгуны являлись вездѣ, гдѣ только грозила опасность училищному дому, и такимъ образомъ училище было спасено.

— 30-го января, пароходъ „Калвилла" изъ Евпаторіи, груженый солью и назначенный въ Ревель, потерпѣлъ крушеніе у Готланда.

— Изъ Аѳинъ сообщаютъ, что балъ, данный 4 февраля командиромъ „Рынды" на самомъ суднѣ, былъ блестящимъ. Приглашены были король и королева Эллиновъ, Греческій наслѣдный принцъ, принцесса Александра, члены русскаго посольства и нѣсколько греческихъ семействъ.

Промышленность.

— „Брянское общество" пріобрѣло отъ конторы вел. кн. Михаила Николаевича марганцовыя залежи а также арендовало земли съ марганцовыми рудами у сосѣднихъ владѣльцевъ. Настоящая потребность Александровскаго завода Брянскаго Общества въ марганцовой рудѣ—около 100,000 пуд. въ годъ.

— Ловля рыбы въ Таганрогскомъ заливѣ въ теченіе минувшаго января была необыкновенно удачна. Рыбаки часто получали за одну „тоню" на 2—3 тысячи руб. рыбы, а одинъ разъ было поймано рыбы почти на 8 тыс. руб. Рыба скопилась массою въ Таганрогскомъ заливѣ и держалась здѣсь уже болѣе 2 недѣль.

— Ловля рыбы неводами подъ льдомъ на Финскомъ заливѣ идетъ настолько удачно, что такого значительнаго улова рыбаки не запомнятъ лѣтъ десять. На-дняхъ стала показываться стадами корюшка, которая въ началѣ марта уже входитъ и въ Неву.

Торговля.

— Въ 1888 году прибыло изъ-за границы къ Петербурго-Кронштадтскому порту 1.806 судовъ, менѣе противъ 1887 года на 195 судовъ. Такое сокращеніе объясняется болѣе короткимъ навигаціоннымъ временемъ, чѣмъ въ 1887 году. Отпускъ же россійскихъ товаровъ превысилъ ихъ отпускъ въ 1887 году на 5.463.331 рублей. Всего вывезено на сумму 65.224.860 руб., въ томъ числѣ хлѣбныхъ продуктовъ (пшеницы, ржи, овса, муки и крупы) болѣе чѣмъ на 39 милл. рублей.

— 6-го февраля въ Кіевѣ, открылась контрактовая ярмарка. Пріѣзжихъ купцовъ мало; въ торговлѣ нѣтъ оживленія.

Народное просвѣщеніе.

— 8 февраля, въ день семидесятой годовщины Имп. Спб. университета, въ большой университетской залѣ состоялся торжественный актъ, на которомъ присутствовали Министръ Народнаго Просвѣщенія, графъ И. Д. Деляновъ. По окончаніи чтенія отчета, профессоръ В. А. Лебедевъ прочелъ разсужденіе „О пользѣ и вредѣ бумажныхъ денегъ". По окончаніи рѣчи профессора Лебедева, студентамъ, удостоеннымъ наградъ за представленныя ими сочиненія, медали были раздаваемы графомъ И. Д. Делян овымъ.

— Проектируется учредить новыя духовно-учебныя заведенія: въ Екатеринбургѣ—духовную семинарію и въ Ригѣ—епархіальное женское училище.

Пути сообщенія.

— Газета *Свѣтъ* сообщаетъ, что на линіяхъ

петербургскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ будутъ въ непродолжительномъ времени произведены опыты движенія вагоновъ при помощи электричества.

— Въ тифлисскую школу садоводства присланъ недавно заказъ отъ управляющаго Закаспійскою желѣзною дорогою генералъ-лейтенанта Анненкова на различныя сѣмена и растенія, которыя предполагается воздѣлывать на станціяхъ и вообще по линіи Закаспійской желѣзной дороги.

Изъ губерній и областей.

— Въ Севастополѣ сдѣлана первая проба электрическаго освѣщенія, устроеннаго на вокзалѣ и станціонныхъ путяхъ; освѣщался весь конецъ южной бухты. Возможно будетъ производить нагрузку ночью.

— Въ ночь на 31 января, въ городѣ Тифлисѣ свирѣпствовала сильная буря, продолжавшаяся до самаго разсвѣта. Гурею попорчено немало заборовъ, крышъ, оконъ, и проч.

— Въ Батумѣ 5 февраля ночью, совершены двѣ дерзкихъ кражи: разбита чугунная касса городской управы и обворованъ соборъ.

— Изъ Чарджуя сообщаютъ, что по прибытіи въ Мазаръ-и-Шерифъ, эмиръ Абдурахманъ-ханъ сталъ подвергать казнямъ приверженцевъ Исхакъ-хана. Одновременно были приняты эмиромъ мѣры, обнаружившія его нерасположеніе къ Россіи. Были прекращены торговыя сношенія, усилены посты на границѣ и распущены слухи о предстоящей войнѣ. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, полученнымъ изъ Карки и Бухары, эмиръ Абдурахманъ-ханъ сидитъ смирно въ Мазаръ-и-Шерифѣ, не показывается народу и никакихъ военныхъ приготовленій не дѣлаетъ. Ввозъ въ Карки земледѣльческихъ произведеній изъ Афганистана возобновился; равнымъ образомъ вывозъ нашихъ произведеній въ Афганистанъ не встрѣчаетъ препятствій.

Баронесса Марія Вечѣра. Съ фотогр. Саати въ Буда-Пештѣ, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

Внезапное паденіе французскаго министерства было полною неожиданностью для палаты. По словамъ газетъ, въ началѣ засѣданія 2 февраля баронъ Мако, президентъ правой, потребовалъ, чтобы пренія были отложены на недѣлю. Какъ самъ

Гибель парохода „Диръ“. Съ фотогр. Ренара, грав. Рашевскій.

ораторъ, такъ и друзья его требуютъ полнаго пересмотра конституціи и распущенія палаты. Предлагаемая недѣльная отсрочка предоставитъ правительству возможность внести проектъ распущенія. Флоке оспаривалъ предложеніе Мако и заявилъ, что о распущеніи палаты правительство даже и не думаетъ. Затѣмъ предложеніе относительно отсрочки было, большинствомъ 375 голосовъ противъ 173, отвергнуто палатою. Вслѣдъ затѣмъ, сторонникъ Флоке, депутатъ Дюваль-Майльфе, внесъ, въ свою очередь, предложеніе объ отсрочкѣ, мотивируя его, однако, другими соображеніями. Ораторъ выставилъ на видъ, что съ того же дня начался избирательный періодъ. „Предоставимъ народу—говорилъ онъ —указать самому, въ какомъ смыслѣ долженъ быть произведенъ пересмотръ конституціи, не будемъ терять напрасно время на обсужденіе вовсе не разъясненнаго вопроса, воздержимся отъ политики самолюбія и будемъ держаться политики здраваго смысла“. Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить, что въ самый день паденія министерства Флоке, генералъ Буланже издалъ манифестъ, обращенный къ выборщикамъ Сенскаго департамента и содержащій въ себѣ требованія, схожія съ предложеніемъ Дюваль-Майльфе. Въ манифестѣ, послѣ указанія на программу національной республиканской партіи, которая всегда была слѣдующею: „распущеніе безсильной палаты и пересмотръ конституціи 1875 г. учредительнымъ собраніемъ“, — между прочимъ говорится: „Неудержимымъ движеніемъ общественнаго мнѣнія министерство будетъ ниспровергнуто. Предложенный кабинетомъ проектъ пересмотра конституціи былъ просто комедіею, ловушкою, устроенною противъ страны. Кабинетъ собирался посягнуть на всѣ вольности. Послѣ вотированія закона о системѣ выборовъ, избирательный періодъ открытъ и слово предоставлено отнынѣ народу, кототорый съумѣетъ доставить побѣду своей державной волѣ. Внося въ палатѣ предложеніе объ отсрочкѣ, Дюваль-Майльфе вовсе не хотѣлъ достичь ниспроверженія министерства, но Флоке, напомнивъ, что онъ рѣшилъ поставить на очередь пересмотръ конституціи послѣ вотированія закона о возстановленіи системы выборовъ по округамъ, поставилъ вопросъ о довѣріи кабинету—и когда предложено было приступить къ голосованію, то руководители оппозиціи, направляемые Кассаньякомъ, рѣшили воспользоваться этимъ неожиданнымъ обстоятельствомъ, зная, что Флоке, послѣ сдѣланныхъ имъ ранѣе заявленій, уже не можетъ отступить. Такъ и случилось. Отсрочка была вотирована 307 голосами противъ 218 и Флоке объявилъ, что министерство выходитъ въ отставку. Такой исходъ голосованія всѣхъ поразилъ и президентъ Карно находился въ большомъ затрудненіи. Оппортунистскія и умѣренныя газеты заявляли, что голосованіе палаты создало tabulam rasam и даетъ президенту республики полную свободу составить кабинетъ по собственному выбору. Но на самомъ дѣлѣ это было легче сказать, чѣмъ привести въ исполненіе. Прошло болѣе недѣли, а во Франціи еще не было новаго министерства. Отовсюду сыпались совѣты создать „министерство примиренія“, „министерство выставки“, „министерство распущенія палаты“ и т. п. Послѣ долгихъ усилій, Карно, при помощи Тирара, удалось сформировать новый кабинетъ. Въ составъ новаго министерства вошли: Тираръ — президентъ совѣта министровъ и министръ торговли; Констанъ — министръ внутреннихъ дѣлъ; Рувье —министръ финансовъ; Тевенеръ — министръ юстиціи; Фальеръ — министръ народнаго просвѣщенія; Фэ—министръ земледѣлія; Ивъ Гюйо—министръ общественныхъ работъ; Фрейсине—военный министръ; Жоресъ — морской министръ. Назначеніе министра иностранныхъ дѣлъ состоится впослѣдствіи. Характеръ кабинета выражается тѣмъ, что портфель министра торговли взятъ президентомъ совѣта. Въ сущности Тираръ является „министромъ выставки“ и устраненія неслыханныхъ трудностей. Составъ кабинета свидѣтельствуетъ о разбродѣ въ средѣ парламента, дѣятельность котораго теперь кончилась; программа же его заключается въ проведеніи бюджета, отсрочкѣ парламентскихъ засѣданій и успѣшномъ устройствѣ всемірной выставки.

Рудольфъ Эрнстовичъ Траутфеттеръ († 12 января).
Съ фотогр. Лоренса, грав. Шюблеръ.

Положеніе венгерскаго министерства или по крайней мѣрѣ министра-президента также очень шатко. Противъ него оппозиціонное движеніе не только въ палатѣ, но и внѣ стѣнъ ея, въ самомъ городѣ, и даже въ палатѣ господъ, что особенно опасно, такъ какъ въ Венгріи магнаты всегда имѣютъ громадное значеніе. Противъ него дѣйствуютъ и консервативы, и крайніе. Такимъ образомъ нынѣшній венгерскій кризисъ можетъ кончиться отставкою Коломана Тисы, и газеты называютъ его преемника, графа Юлія Андраши. Рѣшительною минутою считаютъ принятіе венгерскою палатою новаго военнаго закона, а пока происходятъ бурныя засѣданія въ палатѣ и грандіозныя манифестаціи въ городѣ. Такъ, между прочимъ, 5 февраля состоялась организованная оппозиціею манифестація при участіи громадной массы народа, но прошла въ образцовомъ порядкѣ. Въ процессіи участвовало около 70,000 чело-

вѣкъ. Передъ помѣщеніями клубовъ умѣренной оппозиціи и независимой партіи произнесены были рѣчи направленныя противъ правительства. Внушительное по размѣрамъ шествіе двигалось по городу съ флагами во главѣ, причемъ изъ толпы раздавались крики „Эльенъ!“ въ честь короля и, рядомъ съ ними, возгласы „Долой Тису!“ Пройдя вдоль набережной Дуная и остановившись передъ королевскимъ дворцомъ, толпа разразилась несмолкаемыми криками „Эльенъ!“ въ честь короля: всѣ обнажили головы, а флагоносцы преклонили флаги; отъ всякихъ другихъ возгласовъ толпа воздерживалась. По окончаніи манифестаціи, длившейся два часа, народъ безъ затрудненій разошелся. Полиція все время относилась къ манифестаціи пассивно; порядокъ поддерживался депутатами и студентами.

Непрочнымъ оказывается также положеніе министерства въ Сербіи. По телеграфнымъ извѣстіямъ, Христичъ рѣшительно заявилъ, что не хочетъ больше оставаться на своемъ посту и потому король Миланъ настаиваетъ передъ Ристичемъ, чтобы онъ принялъ на себя должность министра-президента. Желая съѣздить заграницу, король хочетъ ввѣрить управленіе Ристичу, какъ человѣку честному и твердому. Если предполагаемая королемъ комбинація не удастся, то составленіе кабинета будетъ, вѣроятно, возложено на Міатовича, съ тѣмъ, чтобы министерство его оставалось во главѣ управленія до осени, причемъ радикаламъ придется обождать осеннихъ выборовъ, которые будутъ произведены на основаніи подготовляемаго теперь новаго избирательнаго закона.

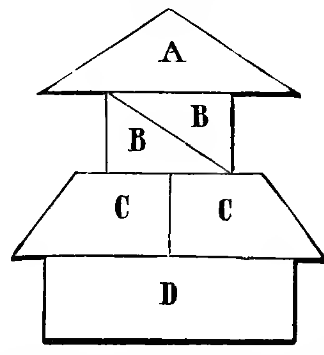
Смѣсь.

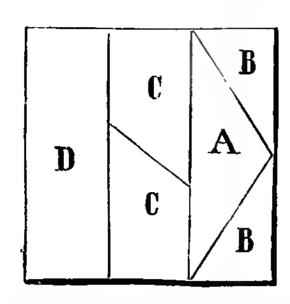
Волтижеры. Во времена могущества и величія Мексиканской имперіи, граждане ея, при наступленіи большихъ праздниковъ, очень любили выказывать свою силу и ловкость. Одно изъ лучшихъ зрѣлищъ подобнаго рода представляли „волтижеры“, искусство коихъ затмѣваетъ самыя отважныя затѣи новѣйшихъ акробатовъ. Приготовленія къ празднику, на которомъ должны были появляться „волтижеры“, были довольно сложны. На большой, открытой городской площади воздвигалась высокая мачта; на верхушкѣ ея находился деревянный цилиндръ, обладающій значительною силою сопротивленія. На этомъ цилиндрѣ, на четырехъ веревкахъ, висѣла горизонтальная деревянная рама; кромѣ того, отъ цилиндра спускались, чрезъ перекладины рамы, четыре длинные каната, безчисленное множество разъ обвивавшіе мачту. На этихъ подмосткахъ исполнялось великолѣпное представленіе „летающихъ людей“. Праздникъ открывался шумной музыкой, приводившей зрителей въ возбужденное настроеніе духа. Привѣтствуемыя громкими восклицаніями толпы, появлялись четыре большія птицы; вблизи онѣ оказывались масками, скрывавшими красивыхъ молодыхъ атлетовъ. Они взбирались на мачту и, въ видѣ вступленія къ настоящему представленію, исполняли на поверхности цилиндра фантастическій танецъ. Затѣмъ быстро обвязывали вокругъ стана веревку, пронзительно вскрикивали и бросались съ рамы въ воздухъ. Вслѣдствіе тяжести тѣлъ, цилиндръ съ рамою начиналъ вращаться вокругъ своей оси, отчего веревка разматывалась съ мачты и юноши летали, описывая въ воздухѣ все большіе и большіе круги. Деревянная рама имѣла цѣлью воспрепятствовать столкновенію четырехъ волтижеровъ, а деревянный цилиндръ производилъ вращательное движеніе, необходимое для разматыванія канатовъ съ мачты. Задыхаясь отъ восторга, смотрѣли мексиканцы на полетъ молодыхъ людей и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ихъ движеніями, пока они не опускались близко къ землѣ. Тутъ уже сочувствіе и возбужденіе зрителей не знало границъ; съ громкими криками обступали они мачту и нѣкоторые особенно возбужденные юноши ловко взбирались на нее, чтобы спуститься на землю по канату волтижеровъ. Главною ихъ цѣлью было достигнуть земли одновременно съ летающими, и если имъ это удавалось, ихъ привѣтствовали безконечными радостными восклицаніями. Съ появленіемъ испанцевъ исчезло это великолѣпное празднество, такъ какъ „огненная вода“ до такой степени ослабила мексиканцевъ, что ежегодно повторялось нѣсколько несчастныхъ случаевъ, и наконецъ оказалось необходимымъ совершенно прекратить эту забаву. (с.)

Хитрость лисицы. Какимъ образомъ хитрая Патрикѣевна умѣетъ добыть себѣ вкусную курочку или жирнаго гуся и утку, пробираясь тайкомъ по пашнѣ или по высокой травѣ, хорошо извѣстно большинству сельскихъ хозяевъ; но не каждый знаетъ какъ она ухитряется, за неимѣніемъ лучшаго и когда глубокій снѣгъ покрываетъ землю, доставать себѣ добычу съ воздуха. Прошлою суровою зимой отправились мы съ пріятелемъ на охоту. Чтобы достигнуть широкой равнины, намъ пришлось взбираться на возвышенность. Снѣгъ повсюду былъ по колѣно. Изъ лѣсной просѣки мы сначала замѣтили большую стаю вороновъ, которые съ крикомъ кружились въ воздухѣ надъ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ. Подойдя ближе, мы увидѣли какой-то темный комъ, лежащій на снѣгу. Мы не могли сначала разглядѣть, что это за предметъ, и приняли его за кучу навоза. Но вдругъ комокъ зашевелился и мы узнали въ немъ лисицу, которая, поднявшись на ноги, прошла нѣсколько шаговъ шатаясь, какъ бы издыхая. Нѣсколько разъ она продѣлывала то-же самое и наконецъ свалилась на бокъ, вытянувъ хвостъ и лапы, какъ бы совершенно мертвая. Стая вороновъ, очевидно столь же голодныхъ какъ и сама лиса, стала кружиться все ниже и ниже, а когда плутовка совсѣмъ перестала двигаться, одинъ изъ самыхъ голодныхъ и смѣлыхъ вороновъ подлетѣлъ къ ней сзади и началъ клевать ей хвостъ. Мертвая лисица оставалась неподвижна. Ободренный этимъ, другой воронъ подлетѣлъ уже спереди къ головѣ и принялся клевать глаза. Не прошло мгновенія, какъ неосторожный былъ схваченъ лисицою, и въ то время какъ вся стая горько обманутыхъ вороновъ, съ крикомъ и карканьемъ, разлетѣлась въ стороны, лиса побѣжала къ ближайшей изгороди и съ большимъ комфортомъ принялась уписывать такъ хитро пойманную добычу. (с.)

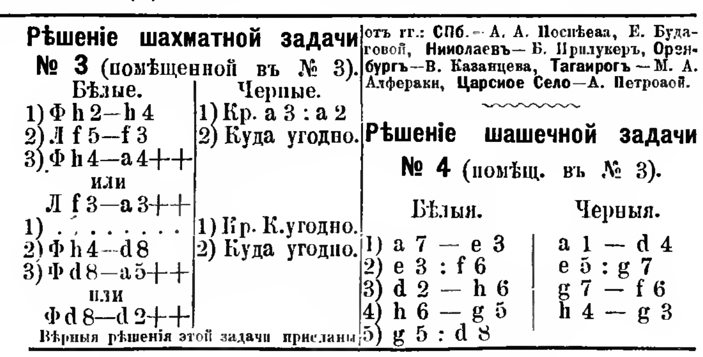
Монеты времени Михаила Θеодоровича. Въ Москвѣ, при раскопкахъ на мѣстѣ сломки старыхъ верхнихъ торговыхъ рядовъ, найденъ глиняный черный высокій горшокъ, изъ котораго при ударѣ въ него посыпались монеты. Онѣ очень мелкія — серебряныя, копѣечнаго достоинства и вѣсятъ всѣ вмѣстѣ $6^3/_4$ ф. На одной сторонѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно ясно сохранились слова: „Царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ“, а на оборотѣ менѣе ясно можно видѣть изображеніе герба Москвы, Св. Георгія Побѣдоносца на конѣ. (б.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 5 (помѣщен. въ № 3).





Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. Дерфа, В. Софійскаго, П. Панкова, К. Мірославскаго, Пясецкаго, В. Бехъ, В. Пикель, Б. Кратирова, Н. Юнатова, П. Гласкова, Е. Дурасовой, В. Янушкевича, Ф. Михель, Н. Долганова, Г. Григорьева, А. Свенторжецкаго, А. Соболева, П. А Г., П. Заборовскаго, В. Соболева, **Москва** — В. Барсукова, В. Волосатова, Г. Григорьева, И. Бабкова, Пленцендорфъ, Л. Эйсымонтъ, М. Степанова, А. Семенова, А. Нѣмчинова, Боголѣпова, Л. Курилова, Д. Никопорова, Шкробовыхъ, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Борисоглѣбскъ** — А. Тихомирова, А. Тумаловскаго, **Буй** — М. Никифорова, **Безтроскъ** — В. Карницкаго, **Бабин** — О. Протопоповой, **Бахчисарай** — М. Дремджи, **Варшава** — В. Ратко, **Вильно** — Е. Хвалынской, **Вязьма** — П. Романенкова, Е. А. К., **Гельсингфорсъ** — Е. Баркова, **Геническъ** — И. Паршкина, **Дисна** — С. Лехахъ, **Динабургъ** — М. Загеромъ, **Дмитряшевка** — В. Константинова, **Елисаветградъ** — А. Баснстъ, **Екатеринославъ** — А. Авчинникова, **Ив. Вознесенскъ** — Богова, **Кишиневъ** — Д. Мудрика, **Кузнецовъ** — Ф. Перова, **Кременчугъ** — Н. Доброленскаго, **Ковно** — Кабекова, **Кудрукюла** — П. Яксъ, **Клинъ** — Тимофѣева, **Кіевъ** — Гр. Бакланова, К. Кѣпливскаго, А. Шульженко, **Лисичанскъ** — Ф. Сафонова, **Лебедянь** В. Чурилина, **Минскъ** — В. Ярмоловичъ, **Мценскъ** — Гурмейстеръ, **Н. Тагилъ** — А. Протовскаго, **Нѣманъ** — М. Голутвина, **Николаевъ** — М. Малаховъ, **Порховъ** — М. Примакина, **Подольскъ** — Н. Зарѣцкаго, **Рязанцево** — М. Санково, **Рыльскъ** — В. Ермолаева, **Ровно** — П. Федоровича, В. Редлихъ, **Сигнахъ** — Изотова, **Саратовъ** — Я. Сидорова, **Термы** — В. Красноиольскаго, **Харьковъ** — И. Штаммъ, **Черниговъ** — Е. Лазарева, **Шацкъ** — Филимоновича, **Ярославль** — Штетки.



Рѣшеніе шахматной задачи № 3 (помѣщенной въ № 3).

Бѣлые.	Черные.
1) Ф h 2—h 4	1) Кр. a 3 : a 2
2) Л f 5—f 3	2) Куда угодно.
3) Ф h 4—a 4++ или Л f 3—a 3++	
1)	1) Кр. К. угодно.
2) Ф h 4—d 8	2) Куда угодно.
3) Ф d 8—a 5++ или Ф d 8—d 2++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. А. Поснѣева, Е. Будаговой, **Николаевъ** — Б. Прилукеръ, **Оренбургъ** — В. Казанцева, **Таганрогъ** — М. А. Алфераки, **Царское Село** — А. Петровой.

Рѣшеніе шашечной задачи № 4 (помѣщ. въ № 3).

Бѣлыя.	Черныя.
1) a 7 — e 3	a 1 — d 4
2) e 3 : f 6	e 5 : g 7
3) d 2 — h 6	g 7 — f 6
4) h 6 — g 5	h 4 — g 3
5) g 5 : d 8	

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Nakład dziennika „SŁOWO".

„PAN WOŁODYJOWSKI"

Powieść historyczna przez **Henryka Sienkiewicza**

Tomów 3 — rs. 5.

De nabycia we wszystkich księgarniach.

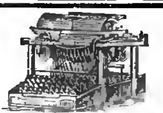
Osoby nadsyłające do Administracyi „Słowa" (Warszawa Mazowiecka 11) **rubli pięć**, kosztów przesyłki nie ponoszą.

ЗАИКАНІЕ

вылечивается въ заведеніи **РОБЕРТА ЭРНСТЪ, въ Берлинѣ,** Potsdamerstrasse, 37. Проспектъ безвозмездно. К. № 3651 18—1

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ"

для **НАРУЖНАГО** употребленія разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ. **Главное депо: б. Конюшенная. № 14 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.** Продается: у П. Д. Лордугина въ Георгіевскѣ, у Л. Очиновскаго въ Ялтѣ, у Лемле и Кº въ Одессѣ, у Вимута въ Николаевѣ и во всѣхъ аптек. магаз. **Цѣна 1 р. 20 коп. за стклянку.**



ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ три раза быстрѣе пера. Прочной и простой конструкціи. Катал. безпл. Многочисленные отзывы отъ желѣзн. дор., присутств. м., адвокатовъ и пр.

Ж. БЛОКЪ, Москва, Кузнецкій м., д. Голицына. СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3373

ЕЛЕЦКІЙ ГОРОДСКОЙ ТЕАТРЪ

съ 25 февраля по сентябрь 1889 г. отдается для концертовъ, спектаклей и разныхъ представленій съ полною обстановкою и декораціями; при театрѣ небольшой садъ. За условіями обращаться къ ан репренеру П. А. Соколозу-Ж мсонъ. Адресъ для телеграммъ: Елецъ, Жамсонъ. № 3707

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА *еженедѣльное изданіе. Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева.*

5-й годъ.

◆ *Въ каждомъ №: совѣты, рецепты и указанія, понятныя описанія новостей по всѣмъ ремесламъ и некрупнымъ техническимъ производствамъ, со множествомъ рисунковъ и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и на 100 особыхъ листахъ) разныхъ новыхъ издѣлій, инструментовъ, станковъ, машинокъ и всякихъ полезныхъ приспособленій для мастерскихъ и хозяйства. Необходимое изданіе для техника, ремесленника, кустаря, сельскаго хозяина, любителя ремеслъ и для школъ.* № 3705

50 №№ въ годъ.

Продолжается подписка на 1889 г.

6 руб. въ годъ съ перес. и доставкой; 4 р. за 1/2 года.

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ

Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

Только что отпечатана и поступила въ продажу во всѣхъ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ, Москвѣ и провинціи НОВАЯ КНИГА:

„ЧТО ЧИТАТЬ НАРОДУ?"

Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія, составленный учительницами Харьковской женской воскресной школы **Х. Д. Алчевской.**

ТОМЪ ВТОРОЙ. Mt. № 3690 2—2

Въ этомъ томѣ разобрано 1476 книгъ по всѣмъ отдѣламъ. Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 1000 двухстолбцовыхъ страницъ убористой печати, 7 примѣрныхъ библіотечныхъ каталоговъ и 2 алфавит. указателя по заглавіямъ книгъ и по авторамъ. **Цѣна 2 рубля.**

А. РАЛЛЕ и Кº ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ. **въ МОСКВѢ.**

Пудра бархатная.	Масло репейное.
Мыло лимонно-глицер.	Личная помада.
Духи Шери-бло-ссомъ.	Духи Б-тъ Пактоль.
Одеколонъ двойной.	Цвѣточная парфюмерія.
Духи Испанская кожа.	Духи Казанликъ-мимоза.
Элексиръ борно-тимоловый.	Мыло цвѣточно-глицерин.

№ 3713

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—6

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во **всѣхъ парфюмерныхъ** магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3454 4—4 **Брокаръ и Кº.**

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ

ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ

КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.

(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія **металлическія** гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присущій имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить № 3679 3—3

Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и проч.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галлантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

АДРЕСА всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (**C. HERM. SERBE**) **Leipzig** (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

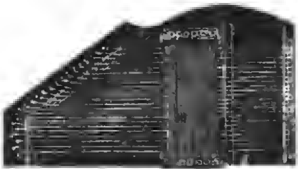
ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ СѢМЯНЪ

огородныхъ, цвѣточныхъ и экономическихъ, фирмы № 3701

„Новый Варшавскій Складъ Сѣмянъ"

въ Варшавѣ, Лешно ул., № 18,

всѣмъ желающимъ высылается безплатно.



ВЫШЛИ ВЪ ПРОДАЖѢ:

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

съ 7-ю педалями, 24-мя струнами и приспособленіемъ для легкой и скорой настройки инструмента.

Цѣна бѣло-лакированнымъ	8
„ темно-полированнымъ	8 50
Ноты къ нимъ: Альбомъ I и II по	„ 30
Альбомъ III новый	„ 50

За пересылку въ города прилагается за 15 фунтовъ.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Прейсъ-куранты всѣмъ инструментамъ безплатно.

Заказы исполняются аккуратно и немедленно. Ц. № 3386 (11)

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.

Ссуды подъ всѣ % бумаги.

Страхованіе выигрышныхъ займовъ.

Переводы на всѣ города.

Оплата купоновъ. № 3611

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 4711 ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА

пріобрѣли большую извѣстность своими превосходными качествами; большой процентъ содержанія глицерина, легкое мыливаніе, большая экономія и отличный запахъ сильно отличаютъ ихъ отъ другихъ глицериновыхъ мылъ.

ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

№ 4711 Розовое хрустальное мыло,

№ 4711 Ландышъ хрустальное мыло.

№ 4711 Резедовое хрустальное мыло,

№ 4711 О-де-колон. хрустальное мыло,

№ 4711 Монополь глицериновое мыло.

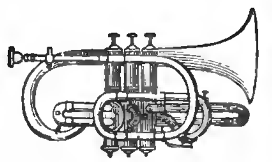
Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

КУРСЪ ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНАГО СЧЕТОВОДСТВА

читается въ фирмѣ Счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго, С.-Петербургъ, Невскій пр., № 66, Москва, Петровка, № 12, д. Матвѣевой.

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ



по 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.

Школа Баганца для самоученія ч. I и II по 1½ руб. за каждую.

Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы и пр.

ФЛЕЙТЫ

отъ 3 до 160 руб.

Школа Келера для самоученія ч. I и II по 1½ руб. за каждую.

Кларнеты отъ 7 до 80 руб.

Школа Кнтцера для самоученія, ч. I и II по 3 руб. за каждую.

Гобои, фаготы, флажолеты, цимбалы, мюзеты; барабаны, литавры, тарелки и пр.

Иллюстрир. прейскурантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3699

музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

L.

50-й ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ

◆ „НУВЕЛЛИСТА“. ◆

Съ 1-го января 1889 г. **„НУВЕЛЛИСТЪ“** вступаетъ въ 50-й г. своего существов.

„НУВЕЛЛИСТЪ“ дастъ богатую коллекцію пьесъ, танцевъ и романс. выдающихся композиторовъ, написанныхъ спеціально для **ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА** и въ продолженіе сезона Музыкально-Театральную газету.

ПРЕМІЯ.

Премія Юбилейнаго года будетъ состоять **изъ большаго альбома автографовъ знаменит. музыкантовъ, набросковъ извѣстныхъ художниковъ и портретовъ выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.**

Подписная цѣна въ годъ **5** руб.
Съ пересылкою . . . . **6** руб.

Подписка въ СПБ., при музык. магазинѣ **М. БЕРНАРДА**, Невскій пр., д. № 64, противъ Аничкина Дворца. № 3706

МИНІАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

ЛИЛИПУТЪ

Безъ фирмы и фабричн. клейма поддѣлка.

со шнурк. въ замшевомъ кошельк. 9 р. 50 к.
съ пересылкою . . 10 „ — „

„Лилипутъ“ удобно помѣщается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли. № 3692 2—2

Вслѣдствіе большаго успѣха нашихъ биноклей **„Аргусъ“** и **„Лилипутъ“** возникли дешевыя поддѣлки, но за то крайне плохія, а потому просимъ обратить вниманіе на нашу фирму и фабр. клеймо.

Е. КРАУСЪ и К°.

Спеціальн. фабр. оптич. инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. пр.-кур. оптич. и фотограф. прибор. высылается безплатно.

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ (иногородныхъ) высылается заказнымъ новый практическій стѣнной

КАЛЕНДАРЬ

на 1889 г. (размѣръ 6½ в. × 9 в.)

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ

Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608 (10)

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

APERÇU DES PRIX NOUVEAUX.

Mt. № 3710

Elixir Th. Evans	2 r.	— k.
Poudre Th. Evans	2 „	15 „
Pâte dentifrice Gellé	— „	60 „
Savons Pinaud. / „ opoponax. / „ violette de Parme / „ Brisa de las pampas — le morceau.	— „	80 „
Vinaigre ixora et opoponax, d'une valeur de 1 50	— „	95 „
Oolognes. — flacons — 70 . 130 clissés.	1 „	15 „
Farina. — flacons	2 „	20 „
№ 4 — flacons	4 „	— „
Le réchaud et le fer à friser	— „	65 „
L'extrait opoponax de Piesse & Lubin de 10 onces	6 „	80 „
D° de 20 onces.	13 „	— „
Des extraits Atkinson. 8 onces . . . 3 . 95		
16 „ . . . 7 . 95		
4 „ . . . 2 . —		
2 „ . . . 1 . —		
Poudre de riz Java	— „	65 „
Elixir dentifrice D-r Pierre 1. 20, 2. 20	4 „	— „
Veloutine Ch. Fay	1 „	15 „
Crême Oriza	2 „	— „
Poudre de riz Simon	— „	75 „
Savon Simon	— „	75 „

BROSSERIE IVOIRE

de 12 et 15 R. la pièce, aujourd'hui 8. 50 et 9. 50

et bien d'autres articles bien diminués.

ROUME 16. Grande Morskaïa 16.

СЕЗОНЪ САРПИНОКЪ

3704

Вновь выработана на 1889 г. огромная партія сарпинки новѣйшихъ рисунковъ, на дамскія платья, дѣтскіе костюмы и мужскія сорочки, прочныхъ красокъ, цѣною отъ 13 до 22 коп. за аршинъ. Пріемъ заказовъ во всякомъ количествѣ аршинъ и пересылка во всѣ города Россіи производится за счетъ фирмы; для торговцевъ условія по соглашенію. Прейсъ-курантъ, въ которомъ до 280 разнообразныхъ образцовъ, высылается заказной бандеролью за 49 коп. почт. марк. Адресъ: **Г. Саратовъ, К. А. Андрееву.**

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (55) № 2946

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена*. Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, напечатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ Саратовъ.

КУЗНЕЦОВСКІЙ НЕФТЯНОЙ ГАЗЪ

одобренный Императорскою Военно-Медицинскою Академіею и Русскимъ Обществомъ охраненія народнаго здравія, дающій свѣтъ значительно сильнѣе электрическаго, при сравнительно незначительныхъ затратахъ, не дѣйствующій вредно на зрѣніе и слухъ, въ противоположность электрическому свѣту (см. докладъ d'Arsonval во Французской медицинской академіи Medical Press and Circular о дѣйствіи электрическаго свѣта на глазные и ушные нервы). Далѣе газъ этотъ не опасенъ въ пожарномъ отношеніи подобно электрическому свѣту и не причиняетъ рабочимъ на заводахъ, какъ при сильномъ электрическомъ свѣтѣ, повальной болѣзни, называемой на Западѣ Prostration électrique, т. е. **электрическая немочь.** Болѣзнь эта первымъ дѣломъ портитъ кожу лица и всего тѣла, превращая ее въ лупящуюся, мѣдно-краснаго цвѣта, затѣмъ происходитъ временное ослѣпленіе и проч.

Изъ того вліянія, которое имѣетъ сильный электрическій свѣтъ на кожу и проч. въ теченіе нѣсколькихъ дней, можно заключить, что при слабомъ электрическомъ освѣщеніи должно произойти то же явленіе, но медленнѣе, превращая бѣлую нѣжную кожу въ смуглую и лупящуюся и проч. (см. Scientific American). № 3709

Города, заводы, казенныя и общественныя зданія, желающіе завести (для освѣщенія или отопленія) Кузнецовскій нефтяной газъ, который вводится даже въ Англіи и Америкѣ, не смотря на то, что тамъ электрическій свѣтъ дешевле здѣшняго, просятъ обращаться за смѣтами **въ контору Ф. Сандерса**, Литейный проспектъ, № 48

МОЛЬДАКОТЪ

Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ и **холостымъ** и **военнымъ**, **легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ**, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к.** Въ Азіятскую Россію за 3 фунт.

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 3708

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗЛИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“**. № 2405

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта*. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 15 февраля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 февраля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Крымскій видъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XVIII.

Ладищева вышла отъ своего защитника съ намѣреніемъ идти къ Аннетъ, которая звала ее къ себѣ на цѣлый день. Старательно избѣгая встрѣчъ, она давно уже не ходила пѣшкомъ. Но она любила прогулку, да и ѣзда на извощикахъ была ей не по карману; а встрѣча на Невскомъ казалась ей крайне невѣроятною: для этого надо бы было чтобы „Онъ“ нарочно туда пришелъ. Къ тому-же, ей было извѣстно, что „Онъ“, по воскресеньямъ, какъ разъ въ эту пору, бываетъ въ кассѣ у Мароы Никитишны. Все это впрочемъ было обдумано у ней ранѣе, а теперь ей было не до „Него...“ Избѣгая толпы, она перешла отъ устья Конюшенной на другую сторону Невскаго, и повернувъ налѣво, къ собору, пошла, не замѣчая, что кто-то все время, зорко, за нею слѣдитъ. Кто-то ее провожалъ по Конюшенной, потомъ переправился тоже на темную сторону Невскаго и пошелъ за ней издали, не упуская ее ни на минуту изъ глазъ. Преслѣдованіе это спачала имѣло видъ простаго шпіонства. Ее поджидали, зная конечно заранѣе гдѣ она, и провожали, можетъ быть просто изъ любопытства, желая знать куда она дальше направитъ путь, а можетъ статься и съ умысломъ. Но Паша бѣжала такъ скоро, что соглядатай, уже проученный на этотъ счетъ, и имѣвшій, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно умыселъ, скоро оставилъ свое намѣреніе выждать когда она повернетъ куда-нибудь, гдѣ менѣе людно. На площади, противъ Казанскаго, „Онъ“ догналъ и назвалъ ее по имени... Паша вздрогнула какъ молодая лошадка передъ которой ударилъ громъ, и на минуту остановилась какъ истуканъ.

— Куда такъ спѣшите, барышня? сказалъ Бурдюковъ, раскланиваясь.—Коники у васъ молодые, рѣзвые, и моей старой парѣ трудно за ними поспѣть.

Онъ говорилъ повидимому шутливо, но въ сѣрыхъ глазахъ и въ усмѣшкѣ его свѣтилось хищное торжество. Онъ былъ похожъ на стараго коршуна, выслѣдившаго и послѣ большихъ усилій настигшаго быструю, молодую уточку.

Одно мгновеніе она смотрѣла испуганная и блѣдная какъ стѣна; потомъ, не отвѣчая ни слова, кинулась прочь. Но это было предвидѣно и Порфирій Ивановичъ не потерялъ ни секунды. Онъ кинулся за нею въ догонку бѣгомъ, догналъ и схватилъ ее крѣпко за руку... Опять этотъ взглядъ добычи, которая видитъ передъ собой неминучую смерть; но на этотъ разъ онъ былъ такъ озлобленъ, что даже и не моргнулъ.

— Нѣтъ, барышня, милая! шепнулъ онъ ей на ухо,—этотъ разъ уже не уйдете!.. И не пытайтесь... А станете вырываться, или кричать, хуже будетъ... Сбѣжится народъ—я васъ обзову при всѣхъ воровкой, нагрянутъ городовые, дворники, и насъ обоихъ отведутъ въ участокъ, гдѣ я разскажу во всеуслышаніе о вашихъ продѣлкахъ. А если спросятъ: зачѣмъ я васъ остановилъ на улицѣ, прямо скажу, что вы распространяете обо мнѣ клевету; но что я не намѣренъ былъ васъ оскорблять, а желалъ только вѣжливо и почтительно объясниться. Сдѣлалъ-же это на улицѣ потому, что иначе къ вамъ доступу нѣтъ. Дóма (и домъ назову) швейцаръ гонитъ въ шею: „здѣсь молъ не велѣно принимать, ступайте въ правленіе“—(и правленіе назову). А изъ правленія отсылаютъ нà домъ... И все это будетъ записано въ протоколъ... А? какъ вамъ кажется?.. Весело это будетъ?

Онъ говорилъ это на ходу, не выпуская ея руки, чтò вмѣстѣ съ смертельною блѣдностью и испуганнымъ видомъ дѣвушки, заставляло прохожихъ оглядываться въ недоумѣніи.

— Видите какъ на насъ смотрятъ, барышня? продолжалъ онъ тихо, но очень внушительно.—Послушайте моего совѣта: возьмите меня просто подъ руку и пойдемте, или еще короче, поѣдемте въ Офицерскую.

Подумавъ, она исполнила этотъ совѣтъ, и они повернули въ Казанскую, представляя собой довольно странную пару... Никто не обращалъ на нихъ больше вниманія; но тѣмъ не менѣе Паша дрожала какъ листъ и колѣни ея подкашивались.

— Поѣдемте... Я не въ силахъ дольше идти, шепнула она своему завоевателю.

— Слушаю-съ, сію минуту.

Саней однако не было близко—и онъ, озираясь вокругъ, продолжалъ читать своей спутницѣ совершенно заслуженныя въ его глазахъ нравоученія.

— Вотъ то-то, матушка! говорилъ онъ отеческимъ тономъ. — Больно уже спѣсивы стали, съ тѣхъ поръ какъ обзавелись присяжнымъ защитникомъ!.. А чтò пользы?.. Вотъ и защитникъ вамъ не помогъ... Вотъ, взялъ васъ за ручку да и повелъ... Потому что, какъ благовоспитанная дѣвица, вы сами изволите разумѣть, что такъ, добрымъ согласіемъ, лучше. А мнѣ, понимаете, ничего кромѣ удовольствія, потому, чтò за важность еслибы кто изъ знакомыхъ и встрѣтилъ насъ вмѣстѣ?.. Не за волосы тащу; а благороднымъ манеромъ идемъ подъ ручку... Казанская тоже теперь не то что въ старыя времена — Большая Мѣщанская — чисто... Вонъ даже надъ каждыми воротами и образокъ, дабы значитъ и въ мысль никому нечистое не пришло. А чтò касается удовольствія, то кто-же мнѣ его возбранитъ? Могу, если захочу, доставить его себѣ хоть каждый день. не взирая на то, что нынче вы больше ѣздите. Что-жъ?.. Развѣ можно уѣхать отъ человѣка который серьезно захочетъ остановить? Вы, напримѣръ, изъ правленія и садитесь въ санки, а я за возжи. „Постой, молъ, любезный, и я тоже съ барышней...“ Онъ правитъ къ Замятнину переулку; а я ему: „Нѣтъ, погоди, голубчикъ, намъ надо сперва въ Большую Подъяческую; а тамъ я тебя пожалуй и отпущу...“ Сегодня мы къ Мароѣ Никитишнѣ, въ кассу, по если угодно, можно заѣхать потомъ и въ Подъяческую... Все будетъ зависѣть отъ вашего поведенія... Извощикъ!.. Двоихъ — въ Офицерскую, пятіалтынный... Садитесь, сударыня.

Дорогою, Бурдюковъ, какъ заботливый кавалеръ, обнималъ одною рукой свою спутницу, и на ея увѣренія, что это лишнее, потому что она и такъ не выпадетъ изъ саней, отвѣчалъ съ усмѣшкой:

— Нѣтъ, ужь позвольте-съ; такимъ манеромъ, знаете, все-таки безопаснѣе...

* *
*

По воскресеньямъ касса считалась закрытою: то-есть входъ съ чистой лѣстницы запертъ былъ для салопницъ съ узлами, или закладчиковъ приносящихъ подъ мышкой заплатанное платье; но знающимъ лично хозяйку, и вообще почему-нибудь заслуживающимъ изъятія, ни въ какую пору отказа не было.

— Барыня просятъ минуточку обождать въ гостиной, онѣ тамъ въ кассѣ вѣшаютъ что-то, сказала имъ горничная. Но Бурдюковъ почему-то счелъ неудобною гостиную. Онъ проводилъ свою плѣнницу, черезъ жилыя комнаты, въ кладовую, заперъ дверь за собой на замòкъ и ключъ положилъ въ карманъ.

— Минуточку посидите здѣсь, сказалъ онъ:—я только поговорю съ хозяйкой.

Паша осталась одна, догадываясь, что съ ней обошлись какъ съ живой добычей, которая можетъ пожа-

луй и улизнуть. Комната была памятна ей. Здѣсь, въ октябрѣ, она подписала послѣдній вексель. Столъ и чернилица стояли на томъ-же мѣстѣ. Другая дверь, въ кассу, осталась только притворенною, и въ нее доносился голосъ Марѳы Никитишны, очевидно имѣвшей дѣло съ какой-то закладчицей, и очевидно послѣдняя скоро ушла, судя потому, что немедленно вслѣдъ за симъ голоса понизились. Не трудно было понять, что у Жухиной съ компаніономъ ея происходитъ какое-то объясненіе. Оно началось почти шепотомъ, и повидимому довольно спокойно, но черезъ минуту успѣло уже перейти въ горячій споръ, который вдругъ оборвался и Паша услышала явственно голосъ хозяйки:

— Какъ? здѣсь!.. Да чего-жъ она прячется отъ меня?

Дверь отворилась настежь и Марѳа Никитишна, съ раскраснѣвшимися, дрожащими какъ кисель щеками, выбѣжала изъ кассы. За ней, степенною поступью, Бурдюковъ, тоже красный и видимо раздраженный чѣмъ-то.

— Прасковья Петровна, милая! Ради Бога простите!.. И въ мысляхъ не было, что вы тутъ! говорила Жухина, обнимая Пашу.—Вы такъ давно не заглядывали, что я начинала уже бояться, не гнѣваетесь-ли за что-нибудь... Но что̀-же мы тутъ, въ кладовой?.. Пойдемте въ гостиную...

И она взялась за дверную ручку.

— Что̀ это значитъ? Кто заперъ двери на ключъ?

— Я заперъ, сказалъ Бурдюковъ.

— Зачѣмъ?

— Такъ... надо было... потомъ разскажу... Да успокойтесь пожалуйста... Я не даромъ привезъ сюда барышню... Я желалъ чтобы *вы*, какъ посредница, убѣдили ее, что она напрасно считаетъ долгъ благодарности ея намъ уплаченнымъ, послѣ того какъ она...

Онъ очевидно начиналъ рѣчь, но Жухина грубо его оборвала.

— Гдѣ ключъ? сказала она съ досадой. — Подайте мнѣ ключъ.

Порфирій Ивановичъ отдалъ ключъ.

— И пожалуйте, если желаете говорить о дѣлѣ, въ гостиную. Я не позволю чтобы у меня оскорбляли моихъ гостей... Пожалуйте...

Она отворила и пропустила Пашу впередъ.

— Что̀ это съ вами сегодня? спросила она Бурдюкова.—Вы словно дурману объѣлись.

— Ахъ, не мѣшайте пожалуйста, отвѣчалъ онъ съ неудовольствіемъ. — Пустили ее туда одну; а она, того и гляди, улизнетъ.

— Какъ улизнетъ? Зачѣмъ?

Но компаніонъ ея только махнулъ рукой.

— Не сто́итъ съ вами и толковать, сказалъ онъ, — если вы ничего несмыслите... Пустите!..

И онъ убѣжалъ за Пашей... Марѳа Никитишна, разбѣшенная, вслѣдъ за нимъ.

— Дѣти! Уйдите! сказала она гимназистамъ, вертѣвшимся около Паши въ гостиной.

И Жухина усадила гостью, умышленно дѣлая видъ, что не придаетъ никакого значенія присутствію своего компаніона.

— Позвольте, Марѳа Никитишна, перебилъ Бурдюковъ, подсаживаясь.—Вѣжливость вѣжливостью, а дѣло дѣломъ. Выслушайте сперва, что̀ я имѣю сказать Прасковьѣ Петровнѣ... Барышня очевидно воображаетъ, что, заплативъ по векселю, она въ правѣ на насъ наплевать; но я смѣю увѣрить ее, что она весьма ошибается... Важенъ не вексель, а долгъ благодарности, и всякая благовоспитанная дѣвица должна-бы кажется это сама понимать... Не правда-ли, Марѳа Никитишна?

Но у Марѳы Никитишны, въ жирной груди, закипала буря, которую она всѣми мѣрами силилась обуздать.

— Я не совсѣмъ понимаю къ чему вы клоните вашу рѣчь, сказала она.—Вы кончили дѣло миромъ и получили за это деньги, какія сами назначили. Какого-же вамъ еще рожна? И за что̀ вы хотите, чтобы Прасковья Петровна была такъ нескончаемо благодарна?

— Вотъ женщины! произнесъ Бурдюковъ, презрительно пожимая плечами. — Хоть колъ на головѣ теши!... а дальше носа не видятъ!... Ну, Марѳа Никитишна, если вы не хотите меня понимать, то вы лучше оставьте насъ на пять минутъ. Мы по нуждѣ столкуемся и безъ васъ.

— Нѣтъ, не оставлю; потому что на васъ нельзя положиться. Вы не умѣете благородно себя вести... Гдѣ это видано между порядочными людьми, чтобы гостей запирать въ кладовой, на ключъ?

— Эхъ, матушка! отвѣчалъ Бурдюковъ.—Не вамъ-бы мнѣ говорить—не мнѣ-бы васъ слушать... А кто, позвольте узнать, тамъ, въ Грузовѣ, обыскивалъ эту самую особу какъ простую воровку?... Да что̀ тутъ? Не сто́итъ съ вами и говорить!... И обращаясь къ Пашѣ:—Ну, нечего дѣлать, барышня;—если такъ, то поѣдемте уже лучше ко мнѣ, въ Подъяческую.

Но это въ конецъ возмутило Жухину.—Да что вы ее на рынкѣ что-ли купили, чтобы таскать за собой куда вамъ вздумается? сказала она разводя руками.— Прасковья Петровна здѣсь у *меня*, и останется или уйдетъ когда ей самой это будетъ угодно. А вы отправляйтесь себѣ въ Подъяческую. Я васъ не держу.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Порфирій Ивановичъ, стукнувъ по столу кулакомъ;—я не уйду безъ нея.

— Ну, такъ она уѣдетъ безъ васъ. Потому что ей не о чемъ съ вами тутъ толковать.

И обращаясь къ Ладищевой:—Прикажете вамъ послать за извощикомъ?

Но Паша не въ силахъ была отвѣчать. Лихорадка ее трясла и посинѣвшія губы дрожали.

— Злодѣй вы! сказала хозяйка, смотря на нее съ состраданіемъ. —Гляньте-ка до чего довели!... Пойдемте, голубушка, я сама отвезу васъ домой. А съ нимъ ни за что̀ не пущу; потому что я знаю его, подлеца! Того и гляди, доро̀гой, опять вамъ подкинетъ свой мерзкій бумажникъ!

Ударъ былъ такъ неожиданъ, что у Порфирія Ивановича помутилось въ глазахъ, и онъ сидѣлъ, всею фигурой своей изображая знакъ безконечнаго удивленія.

Удерживать разъяренную женщину было опасно. Она надавала-бы ему плюхъ, или спустила-бы внизъ головою по лѣстницѣ...

Съ минуту онъ оставался въ какомъ-то оцѣпенѣніи. „Вотъ-те и на!“ думалъ онъ...

Тѣмъ временемъ дамы исчезли... Вошелъ гимназистъ.

— Гдѣ мама? спросилъ Бурдюковъ.

— Уѣхала съ барышней...

* * *

Десять минутъ спустя, Ладищева была дома; но Марѳа Никитишна довела ее до дверей и сдала на руки горничной, объяснивъ, что съ барышней, на извощикѣ сдѣлалось дурно... Паша благодарила ее и приглашала войти; но у Жухиной не хватило на это смѣлости. „Станутъ еще допрашивать,“ думала она:— „а я не знаю, что̀ и сказать.“

И она ушла.

XIX.

Опять Паша воротилась какъ выходецъ съ того свѣта: руки какъ ледъ, взоръ неподвиженъ, лицо какое-то каменное. Извѣстіе сообщенное горничною, когда садились уже за столъ, что съ барышней было дурно, и что она лежитъ, разстроило весь обѣдъ. Дамы вскочили и убѣжали, а Иванъ Ѳедоровичъ, обиженный,

Охота на медвѣдя. Гонятъ. Ориг рис. (собств. „Нивы“) Н Каразина, грав. Рашевскій.

Охота на медвѣдя. Ждутъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Флюгель.

что его, голоднаго, заставляютъ ждать, сидѣлъ съ Сережей, гнѣвно уставивъ глаза на пустые стулья и выражая неудовольствіе желчными замѣчаніями. Подобно многимъ высокочиновнымъ отцамъ семейства, онъ считалъ за личное оскорбленіе всякаго рода тревогу въ домѣ, какъ доказательство, что о немъ никто не заботится, тогда какъ подобнаго рода вещи для него—ядъ.

— Чортъ знаетъ что̀ такое! ворчалъ онъ порывисто.—Вернешься и безъ того измученный, какъ собака; а тутъ тебѣ, вмѣсто отдыха, какъ нарочно, перевернутъ всю желчь!... Съ чего это у нея опять?

— Не говоритъ, отвѣчалъ съ озабоченной миной племянникъ, который только что бѣгалъ узнать.

— Однако, это уже не первый разъ, и Г** тогда находилъ душевное потрясеніе; а пословица говоритъ: нѣтъ дыму безъ пламени. Неужто-же за четыре мѣсяца, не могли добиться откуда у этой дѣвчонки „душевныя потрясенія?...“ Могли-бы избавить меня хоть отъ этого! Подумали-бы хоть разъ, что нельзя-же валить на одного человѣка все!

— У Паши, еще съ пріѣзда ея изъ деревни, есть вещи, которыя она прячетъ отъ всѣхъ, сказалъ Сережа, значительно; но замѣтивъ, что дядя, чуткій какъ анероидъ къ самымъ далекимъ признакамъ надвигающейся грозы, вытаращилъ испуганные глаза,—прибавилъ въ свое оправданіе, что онъ только на-дняхъ, да и то случайно, узналъ объ этомъ изъ третьихъ рукъ. И онъ посмотрѣлъ на дядю, какъ школьникъ на грознаго педагога, не зная удобенъ-ли этотъ моментъ, чтобы сообщить ему о своихъ открытіяхъ.

Ладищевъ, въ которомъ сидѣло два существа—молніеносный Юпитеръ и самый жалчайшій трусъ—въ эту минуту смотрѣлъ уже далеко не Юпитеромъ. Щеки его нервично вздрагивали и глаза тревожно бѣгали отъ Сергѣя къ дверямъ и обратно.

Тотъ началъ было вполголоса; но шумъ приближающихся шаговъ и шуршанье женскихъ платьевъ заставили его еще разъ посмотрѣть на дядю.

— Послѣ, мигнулъ тотъ значительно, и обращаясь къ вошедшимъ:—послѣ разскажете; супъ простылъ.

Обѣдъ прошелъ въ гробовомъ молчаніи, до того всѣ боялись испортить Юпитеру аппетитъ; и только вставая изъ-за стола, Клеопатра Васильевна подтвердила въ короткихъ словахъ, что съ Пашею совершенно то-же, что̀ и тогда... Тошнитъ, и не можетъ стоять на ногахъ, такъ что ее убѣдили раздѣться и лечь въ постель.

— Надо сейчасъ послать... началъ было Ладищевъ, но его перебили извѣстіемъ, что за докторомъ уже послано.

Послѣ обѣда, Сергѣй, глазъ-на-глазъ съ дядею, сообщилъ ему коротко, что у Паши, доро̀гой, была непріятность съ проѣзжимъ, — какая именно неизвѣстно,—но что повидимому ее заставили выдать вексель, съ уплатами по которому были потомъ большія хлопоты.

— Ну-съ? произнесъ нетерпѣливо дядя, высказывая глазами неизречимыя муки страха и подозрѣнія; но Сергѣй не могъ ничего прибавить къ этимъ извѣстіямъ, кромѣ того, что вексель уплаченъ одною барыней, которая познакомилась съ Пашей случайно и приняла въ ней искреннее участіе.

— Какою барыней?

Молодой человѣкъ ждалъ бури, но, не надѣясь ея избѣжать, произнесъ съ виноватымъ видомъ:

— Рогневичъ.

Эффектъ превзошелъ его ожиданія. Дядя, которому имя было извѣстно, вскочилъ какъ человѣкъ неожиданно увидавшій передъ собою бѣшеную собаку и съ онѣмѣвшимъ отъ страха лицомъ смотрѣлъ на племянника.

— Ты... Ты... Да ты знаешь-ли что̀ такое Рогневичъ?

— Марья Кондратьевна-то? отвѣчалъ Сергѣй, съ трудомъ подавляя игравшую на губахъ усмѣшку. — Я съ нею отлично знакомъ и могу васъ увѣрить, дядюшка, что вы, какъ и многіе, составляете себѣ о ней ложное представленіе. Это милѣйшая женщина, собирающая у себя въ домѣ веселую, артистическую компанію, къ которой она и сама отчасти принадлежитъ какъ ci-devant — талантливая актриса... Правда, она ведетъ и денежныя дѣла; но кто же изъ дамъ, имѣющихъ связи въ высшемъ финансовомъ мірѣ, нынче ихъ не ведетъ?.. Одинъ уже воздухъ, которымъ въ немъ дышутъ женщины, заразителенъ... Судите сами: не далѣе какъ на-дняхъ, я видѣлъ у ней Шалыгина, въ компаніи съ Козыревымъ и Ферейтелемъ, которые рѣзались въ винтъ по гривеннику point.

Все это было конечно громоотводъ, но онъ подѣйствовалъ. Стрѣлка живаго анероида, стоявшаго передъ нимъ во образѣ дяди Ивана, быстро пошла отъ „Бури“ на „Перемѣнную“... Ужасъ упалъ, и Ладищевъ смотрѣлъ теперь на племянника, какъ ученый слесарь, заинтригованный содержаніемъ ларчика, случайно попавшаго къ нему въ руки, разглядываетъ его замо̀къ.

— Съ чего же это она приняла такое участіе въ Пашѣ? сказалъ онъ, вдругъ принимая небрежный, почти презрительный тонъ.

— Не знаю; но ваше имя ей хорошо извѣстно, и она часто упоминала его при мнѣ съ видомъ глубокаго уваженія. Весьма возможно что это ей и внушило участіе къ Пашѣ, хотя, разумѣется, это не болѣе какъ мои догадки... Викторъ Михайловичъ знаетъ объ этомъ больше и лучше меня.

— Стойницкій? спросилъ совсѣмъ уже хладнокровно дядя.

— Да, онъ повѣренный Марьи Кондратьевны, и по ея порученію заплатилъ за Пашу. Только я отъ него не могъ ничего добиться... Секретничаетъ.

— Черезъ кого-жь ты узналъ?

— Да отъ самой Рогневичъ. Она случайно проговорилась что знаетъ одну изъ моихъ кузинъ, и видя какъ это меня интересуетъ, сказала глухо нѣсколько словъ о дѣлѣ.

„Не знаетъ болѣе ничего“, подумалъ Ладищевъ и тутъ же рѣшилъ что съ Сергѣемъ не сто̀итъ больше и говорить. Онъ промолчалъ, и закуривая сигару, усѣлся. Лицо его было полно затаенныхъ думъ, но какъ криптограмма, не выдавало ни йоты изъ ихъ содержанія; да Сергѣй не могъ бы его раскусить, еслибъ оно и было переведено на понятныя ему письмена. Онъ посидѣлъ, помолчалъ, и догадываясь, что дѣло, насколько оно его касалось, кончено, ушелъ къ дамамъ, мысленно поздравляя себя что ему удалось такъ легко отдѣлаться отъ лежавшей на немъ щекотливой задачи.

Ладищевъ тоже поднялся и долго ходилъ, заложивъ руки за спину, съ видомъ орла, который, уставъ парить въ высотѣ, спустился на землю.

Это былъ типъ чиновной знати, начавшей игру свою „соника“. Сухой какъ палка, спѣсивый и раздражительный какъ индѣйскій пѣтухъ, съ какимъ-то выѣденнымъ до кости, землистаго цвѣта лицомъ и съ утрированною претензіей на барство— проглядывающей въ манерѣ, во взглядѣ, въ малѣйшемъ движеніи, — человѣкъ со свѣтлою головою на всякаго рода работу, но ослѣпленный маніей величія и неспособный ни на какое сердечное увлеченіе... Служебное поприще его было изъ самыхъ благополучныхъ; а на другомъ, побочномъ, онъ нажилъ, въ короткое время, крупное состояніе. Но въ семейной жизни его дѣло не обошлось такъ гладко. Стремленіе Клеопатры Васильевны играть въ

свѣтѣ приличную ея положенію роль стóило ему баснословныхъ денегъ и можетъ-быть еще большихъ хлопотъ. Старшій сынъ его, только что кончившій курсъ въ одной изъ высшихъ военныхъ школъ и подававшій большія надежды,—любимецъ товарищескаго кружка, Богъ знаетъ съ чего пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Меньшой, въ училищѣ ***, шелъ плохо и огорчалъ все семейство непроходимою тупостью. Дочь, вышедшая за свитскаго генерала, черезъ два года послѣ вѣнца овдовѣла. Одно къ одному, это сдѣлало стариковъ болѣзненно чуткими ко всему что́ хоть издали угрожало имъ новою бѣдой; и мѣсто домашняго доктора у нихъ не было синекурой.

Призванный къ Пашѣ, онъ повторилъ почти то же самое что́ и въ августѣ. Ничего зловѣщаго — дѣвушка въ корнѣ здоровая; но имѣла навѣрно какія-нибудь душевныя потрясенія. Они-то и составляютъ опасность, которую слѣдуетъ прежде всего устранить, такъ какъ иначе нельзя отвѣчать за послѣдствія... Покуда у ней не больше какъ легкое раздраженіе мозговыхъ оболочекъ, лучшее средство противъ котораго по возможности полный нравственный и тѣлесный покой: — никакого занятія напрягающаго вниманіе и никакихъ волнующихъ разговоровъ или извѣстій; а все остальное вздоръ, такъ какъ въ августѣ было гораздо хуже. Прощаясь, онъ обѣщалъ что если не произойдетъ какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ усложненій, больная будетъ здорова черезъ три дня.

* * *

Поздно вечеромъ въ этотъ день, по особому приглашенію, посланному съ курьеромъ, явился Стойницкій и просидѣлъ за полночь.

Извѣстіе о внезапной болѣзни Паши, которымъ встрѣтилъ его Ладищевъ, такъ поразило его, что этотъ бойкій, самоувѣренный человѣкъ стоялъ передъ своимъ патрономъ какъ провинившійся школьникъ подъ строгимъ взоромъ узнавшаго о его проказахъ отца. Рѣчь шла какъ разъ о причинахъ загадочнаго недуга, который докторъ приписывалъ „душевному потрясенію"... Невольно рождалась догадка что съ Пашей, послѣ ухода ея отъ него, случилась какая-нибудь бѣда; но по тону, какимъ говорилъ патронъ, не трудно было понять что его личныя отношенія къ дѣвушкѣ неизвѣстны, и это прежде всего его успокоило. Скоро потомъ онъ смекнулъ, что Сережа былъ тутъ и судя по всему воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ сообщить кому слѣдуетъ, по секрету, свои открытія. Тогда наконецъ Стойницкому стало ясно зачѣмъ его вытребовали въ такую необычайную пору, и онъ рѣшилъ что долѣе медлить нельзя. Секретничать ему было не-зачѣмъ, успокоивать своего патрона еще того менѣе. Разъ услыхавъ что Сережа уже говорилъ о векселѣ и о Марьѣ Кондратьевнѣ, онъ охотно взялся дополнить эти отрывочныя извѣстія и разсказалъ Ладищеву безъ утайки несчастныя приключенія Паши; но истинную причину ихъ скрылъ, какъ оружіе, которое незачѣмъ было давать въ руки труса, способнаго обратить его противъ племянницы. Бумажникъ, по объясненію его, былъ несомнѣнно подкинутъ, что́ подтверждается и впечатлѣніемъ трехъ свидѣтелей обыска, въ томъ числѣ даже родственницею этого паука.

Ладищевъ выслушалъ его молча и сдержанно; только глаза выдавали тайну того что́ дѣлалось у него на душѣ. Глаза эти, широко открытые, прыгали и ихъ взглядъ, останавливаясь на говорившемъ, былъ полонъ такого ужаса, какого Стойницкій даже не ожидалъ.

— Кто такой? спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ шепотомъ, когда все было сказано.

Тотъ назвалъ имя и сообщилъ ему точныя свѣдѣнія о мѣстѣ служенія и о негласномъ промыслѣ Бурдюкова, какъ содержателя кассы ссудъ па чужое имя.

— Да это разбой! невольно вырвалось у Ладищева. Губы его тряслись.

— Нѣтъ, ваше вп-во; въ судебной практикѣ мы называемъ это: „шантажъ", хотя Уложеніе и не знаетъ еще этого термина.

— Однако, это грозитъ окончиться въ окружномъ судѣ!..

— Да, если не приняты будутъ другія мѣры. Но при широкомъ просторѣ средствъ, какими пользуется у насъ администрація, когда ей нужно пополнить пробѣлы свода законовъ, съ этимъ мерзавцемъ не трудно справиться. Довольно личнаго объясненія съ Г. А. ***, чтобы столочь его въ порошокъ.

Тревога другаго рода и возбужденное ею, скрытое раздраженіе промелькнули въ чертахъ Юпитера.

— Да; вамъ легко говорить! произнесъ онъ.—Я даже и ожидалъ что вы это скажете. Но вы знаете поговорку: *Чужую бѣду рукой разведу* и прочее?.. Я между прочимъ понять не могу какія соображенія побудили васъ скрыть отъ меня подобнаго рода свѣдѣнія, которыя кажется я имѣлъ бы право знать раньше чѣмъ кто-нибудь.

— Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ объяснить ихъ, сказалъ Стойницкій. — Причины на это были, и очень вѣскія. Свѣдѣнія были сообщены мнѣ отъ г-жи Рогневичъ въ такую пору, когда мы оба были увѣрены что съ уплатою векселя дѣло это замолкнетъ само собой; а позже, когда оказалось что это ошибка, рисковано было что-нибудь предпринять противъ главнаго дѣйствующаго лица, не убѣдясь, какъ я убѣдился только на-дняхъ, что онъ не будетъ имѣть за себя ни одного свидѣтеля. Это одно уже можетъ вамъ объяснить почему мы не спѣшили тревожить семейство; но у меня есть и другое, не менѣе вѣское оправданіе: это воля самой Прасковьи Петровны. Я не могъ дѣйствовать безъ ея согласія, а она не давала его по тѣмъ же соображеніямъ, которыя и ее заставляли молчать. Это быть-можетъ преувеличенный, но тѣмъ не менѣе очень понятный страхъ ея, чтобы такія извѣстія, въ ваши года, и послѣ испытанныхъ уже вами тяжелыхъ ударовъ судьбы, не уложили васъ самого въ постель.

Рипостъ былъ такъ мѣтокъ въ психологическомъ отношеніи и такъ неожиданъ, что сразу обезоружилъ Ладищева. Юпитеръ былъ даже тронутъ при мысли что Паша его берегла, пренебрегая собственною опасностью. Онъ посмотрѣлъ на адвоката съ грустнымъ лицомъ и вздохнулъ.

— Ну, знаете, кто другой, а я у себя въ семействѣ пе избалованъ на этотъ счетъ. За Пашу вонъ такъ боятся, что не пустили къ ней даже стараго друга ея по институту, Анну Григорьевну Мезенскую, изъ опасенія чтобы она не затѣяла какихъ-нибудь волнующихъ разговоровъ. А на меня привыкли валить, не долго думая, все что́ хоть сколько-нибудь тревожитъ самихъ. Но я не жалуюсь... Что́ же дѣлать?.. Привычка, знаете, неумолимый тиранъ...

И онъ закурилъ, дрожащею рукою, свою, потухшую уже въ третій разъ, сигару.

Ихъ консультація впрочемъ была еще далеко не кончена, и Стойницкій не только это отлично зналъ, а даже нетерпѣливо ждалъ продолженія. И онъ не ошибся. Послѣ короткаго отдыха, Ладищевъ уставилъ на него снова какой-то робко высматривающій въ потемкахъ дорогу взоръ.

— Меня безпокоитъ, сказалъ онъ, — еще одна, и весьма щекотливая сторона вопроса. Съ чего тутъ вмѣшалась совсѣмъ посторонняя женщина? Имя ея мнѣ давно извѣстно; но, признаюсь, все что́ я слышалъ о ней изъ разныхъ источниковъ, плохо рекомендуетъ ее какъ хранительницу семейныхъ тайнъ. Васъ не удивитъ поэтому, если я васъ спрошу: достаточно-ли вы знаете эту Рогневичъ?

(Продолженіе будетъ).

(Пѣсня — въ честь эмира Таджъ-уль-Фѣхра).

Переводъ **Г. П. Данилевскаго.**

акъ рѣзвый чолнъ, съ прибрежья убѣгая,
Нырлетъ вдоль кристалловъ голубыхъ
И, веслами грудь моря обнимая,
Лебяжью шею клонитъ между нихъ,—

Такъ со скалы Арабъ коня свергаетъ
Въ просторъ степей, и вороной летунъ
Въ пескѣ, съ глухимъ шуршаньемъ, утопаетъ,
Какъ въ брызгахъ водъ расплавленный чугунъ...

Мой конь плыветъ въ сухихъ волнахъ; пучина
Песковъ шумитъ подъ взмахами дельфина...

Все быстрѣе, все быстрѣй,
Хрящъ кремнистый онъ взметаетъ;
Все сильнѣе, все сильнѣй,
И надъ пылью самъ взлетаетъ!

Мой конь, что хмара черная надъ нивой;
Звѣзда чела денницею блеститъ;
По вѣтру вѣетъ страусовой гривой
И молнія отъ бѣлыхъ ногъ летитъ!

Мчись, летунъ мой бѣлоногій,
Горы, дебри, прочь съ дороги!

* * *

Напрасно пальма молодая
Сулитъ мнѣ тѣнь свою и плодъ;
Я мчусь, ея не замѣчая...
И въ глубь оазиса, подъ сводъ
Дерёвъ, она, смутясь, бѣжитъ
И гнѣвною листвой шумитъ.

* * *

Съ границъ пустынь утесы дикимъ взоромъ
На бедуина пристально глядятъ
И, звукъ копытъ подхватывая хоромъ,
Такъ грозно мнѣ во слѣдъ гремятъ:

„О, безумецъ, что онъ скачетъ!
Тамъ отъ солнечныхъ лучей,
Какъ отъ жгучихъ стрѣлъ, не спрячетъ
Головы нигдѣ твоей
Куща пальмъ листвой зеленой,
Ни намётовъ бѣлыхъ лоно...
Тамъ одинъ вокругъ намётъ —
Безпредѣльный небосводъ!

Только скалы тамъ ночуютъ,
Только звѣзды тамъ кочуютъ!..“

Напрасныя, напрасныя преграды!
Я мчусь, удвоивъ бѣгъ коня;
Гляжу, а гордыхъ скалъ громады —
Уже далеко отъ меня,

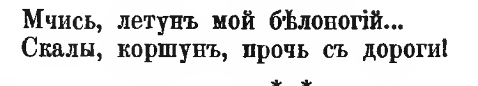
И другъ за другомъ, предо мной,
Бѣгутъ,—исчезъ ихъ длинный строй...

* * *

Угрозы ихъ услышалъ коршунъ; слѣпо
Плѣнить араба въ полѣ онъ рѣшилъ,
Взмахнулъ крыломъ и трижды мнѣ свирѣпо
Вѣнцомъ онъ чернымъ голову обвилъ.

„Чую“, каркалъ, „будутъ трупы,
Конь и всадникъ—оба глупы;
Всадникъ ищетъ здѣсь дороги,
Ищетъ корма бѣлоногій...
Всадникъ,—силъ пустая трата!—
Нѣтъ изъ тѣхъ краёвъ возврата!
Тамъ лишь вѣтръ степной шагаетъ.
Слѣдъ свой тутъ же заметаетъ;
Не коню тѣхъ пашень клады:
Тамъ пасутся только гады;
Только трупы тамъ ночуютъ,
Только коршуны кочуютъ!“

Прокаркалъ, мнѣ когтями угрожая,
И трижды мы взглянули око въ око...
Кто-жъ струсилъ? коршунъ! онъ взвился высоко...
Когда-жъ я лукъ напрягъ, отмстить желая,
И, цѣлясь вверхъ, въ него я взоромъ впился,
Ужъ онъ висѣлъ вверху, какъ сѣрый шарикъ,
Какъ воробей, какъ бабочка, комарикъ,
И наконецъ въ лазури растопился!



Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Скалы, коршунъ, прочь съ дороги!

* * *

Вотъ изъ-подъ солнца тучка заревая
Оторвалася, черезъ куполъ синій
Меня на крыльяхъ бѣлыхъ догоняя;
Со мной, гонцомъ песчаной той пустыни,
Она сравняться въ небѣ захотѣла—
И, надо мной повиснувъ, зашумѣла:

„О, шальной! куда онъ гонитъ?
Тамъ отъ жажды нѣтъ росинки;
Туча съ неба не уронитъ
На лицо твое дождинки!
Звонкій ключъ, въ поляхъ кремнистыхъ,
Не промолвитъ словъ сребристыхъ;
Лечь роса не успѣваетъ,
Вѣтеръ въ лётъ ее глотаетъ!"

Я не боюсь угрозъ! лети, гонецъ!
И стала тучка по небу метаться,
Челомъ усталымъ ниже преклоняться
И оперлась на скалы наконецъ...
Когда-жъ мой взоръ къ ней гордо обратился,—
Уже на цѣлый небосклонъ
Отъ ней впередъ я унесёнъ!
И злобный умыселъ открылся:
Румянецъ гнѣвнаго чела
Ей желчью зависть облила,
И наконецъ, какъ трупъ, черна,
Въ горахъ укрылася она...

Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Тучи, птицы, прочь съ дороги!

* * *

Смѣло съ краю и до краю
Я вкругъ солнца взоръ бросаю,—
Ни внизу, ни надъ землей
Больше нѣтъ гонца за мной!
Сонмъ стихій заснулъ, не дышитъ,
Онъ шаговъ людскихъ не слышитъ:

Спитъ природа вкругъ нѣмая,
Какъ звѣрковъ незлобныхъ стая,—
Чьи глаза, впервой отъ-вѣка,
Видятъ образъ человѣка!

* * *

Но, Боже!.. Я не первый здѣсь... Ограда
Песчаная сверкаетъ вкругъ отряда...
То странники-ль, злодѣевъ-ли засада?
Я къ нимъ—они стоятъ; зову—молчатъ бойцы...
То мертвецы!

То древній караванъ, забытый
И вѣтромъ изъ песковъ отрытый...
На костякахъ верблюдовъ и коней—
Скелеты высохшихъ людей;
Сквозь щели глазъ и голыхъ щекъ,
Сочится струйкою песокъ...
И слышу я со всѣхъ сторонъ
Твердитъ мнѣ ихъ зловѣщій стонъ:

„О, бедуинъ! въ какія страны
Летишь? глупецъ, тамъ ураганы!"...
Я несусь—я чуждъ тревоги;
Мчись, летунъ мой бѣлоногій...
Трупы, вихри, прочь съ дороги!

* * *

Пустынный ураганъ, вождь вихрей африканскихъ,
Властительно гулялъ среди песковъ гигантскихъ;

Завидѣлъ вдругъ меня, вдали, остолбенѣлъ
И, закружась юлой, зловѣще заревѣлъ:
„Что́ тамъ за жалкій вихрь, мой младшій братъ? кого-то
Я вижу, — мелокъ онъ и низкаго полёта!
Какъ смѣетъ онъ топтать тотъ край, гдѣ я одинъ
Отъ вѣка властелинъ?“

Сказалъ и ринулся за мной
Онъ, съ пирамиду высотой;
Но, устрашить бойца не успѣвая,
Ногой отъ злости о-земь билъ,
Дыханьемъ огненнымъ палилъ;
Покой Аравіи смущая.
Какъ грифъ, меня когтями рвалъ,
Крылами прахъ степной взметалъ...

Та́скалъ въ горы, билъ въ долины,
Громоздилъ песку стремнины...
Я лечу, сражаюсь смѣло,
Я песчанистое тѣло—
Какъ безумный звѣрь—зубами
Четвертую, рву клоками...
И онъ въ рукахъ моихъ забился,
Столпомъ рванулся къ небесамъ,
Не вырвался и лопнулъ пополамъ,
Дождемъ песку съ высотъ пролился—
И, какъ твердыни длинный валъ,
У ногъ моихъ безжизненъ палъ!..

* * *

Я отдохнулъ! гляжу на звѣзды ночи,
И всѣ они, всѣ—золотыя очи
Склоняютъ на меня съ вершинъ...
На всей землѣ я былъ одинъ!
Какъ сладко грудью всею отдохнуть!
Широ́ко, по́лно такъ вздыхаетъ грудь,
И воздуха Аравіи всей мало,
Чтобы на вздохъ одинъ мнѣ стало!

* * *

Какъ сладко нынѣ смѣлый взоръ
Мнѣ устремлять вокругъ въ просторъ!
И такъ далёко, такъ широ́ко
Ночную мглу пронзаетъ око,
Что вижу далѣ я и шире,
Чѣмъ небосклонъ простёрся въ мірѣ...

* * *

Какъ сладко мнѣ объятья распахнуть,
Ихъ съ лаской къ свѣту протянуть!
И мнится, небо я и землю
Съ востока къ западу объемлю...

Стрѣлою мысль, до грани звѣздной,
Все вверхъ и вверхъ летитъ надъ бездной...
И, какъ пчела въ глубь раны жало гонитъ
И сердце съ нимъ на вѣкъ хоронитъ,
Такъ душу въ высь я устремилъ
И въ небѣ съ мыслью схоронилъ!

6 ноября, 1888 г.

Безсонныя ночи.

Повѣсть **В. И. Немировича-Данченко.**

(Окончаніе)

VI.

Проходя по комнатамъ—онъ часто вздрагивалъ... Не то лихорадка, не то въ самомъ дѣлѣ было холодно. И *нервы* (у него—нервы!) шалили. Когда онъ входилъ въ однѣ двери, ему казалось, что въ другія бѣгутъ отъ его свѣчи какія-то тѣни. Бѣгутъ—останавливаются въ слѣдующей комнатѣ и опрометью кидаются прочь, скользя по стѣнамъ, цѣпляясь за окна, притаиваясь за занавѣсками, подъ столами и подъ диванами. Кругомъ была какая-то странная жизнь, какое-то непонятное движеніе... Онъ на минуту пріостановился передъ жениной спальней. Здѣсь дверей не было. Изъ-за отпущенныхъ портьеръ слышалось ровное дыханіе Сони. Заслоняя огонь свѣчи ладонью—Александръ Петровичъ вошелъ сюда... Проходя мимо зеркальнаго шкафа, онъ разсѣянно взглянулъ туда. „Какъ я осунулся!.. Блѣденъ словно мертвецъ... Нѣтъ, надо перестать ужинать...“

Соня спала крѣпко.

Онъ остановился надъ ней и слегка отодвинулъ отъ свѣчи ладонь. Свѣтъ теперь падалъ на нее. Она раскинулась—должно быть и ей было жарко...

— Для нея, мелькало у него въ головѣ,—для нея эти семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Что́-бы она дѣлала безъ нихъ?

Странно, ему вдругъ вздумалось всмотрѣться въ нее. До сихъ поръ ея личико казалось ему наивнымъ и изящнымъ. Онъ, сначала влюбленный, потомъ заработавшійся, никогда не замѣчалъ—его глупости. Въ большихъ глазахъ этой женщины, онъ видѣлъ не то что́ въ нихъ было, а то что́ разъ навсегда въ порывѣ увлеченія онъ въ нихъ вообразилъ себѣ. Семь лѣтъ—за все время брака—онъ не выходилъ изъ фантастическаго круга созданной имъ когда-то иллюзіи. Ему рѣдко приходилось разговаривать съ женой. Цѣлый день на службѣ; когда являлся досугъ, праздникъ—надо было взяться за книгу, чтобы не совсѣмъ отстать отъ людей. Гдѣ-же ему было узнать ее? И теперь—вглядываясь въ ея лицо, онъ чувствовалъ какъ точно къ горлу подступало къ нему чувство какого-то умиленія. Въ самомъ дѣлѣ, чего онъ — закоснѣвшій предсѣдатель—разнервничался? Зло — должно быть наказано. Въ этомъ его назначеніе, въ этомъ жизнь и средства его семьи... Самъ, одинъ, онъ могъ-бы еще обращать вниманіе на то, какъ рыдаютъ жены подсудимыхъ или „пищатъ извощичьи галчата“, могъ-бы уйти отъ этихъ рыданій и отъ этого писка, но съ нею... уйти съ нею, куда?.. Ему страстно захотѣлось сейчасъ, сію минуту—услышать ея голосъ. Ему казалось, что нѣсколько словъ, которыя она скажетъ, разомъ успокоятъ его волненіе. Онъ поставилъ свѣчу такъ, что огонь былъ прямо въ лицо ей. Она сначала поморщилась, зажмурилась — потомъ разомъ открыла глаза и съ недоумѣніемъ взглянула на него.

— Я разбудилъ тебя, Соня?

— Да... А я отличный сонъ видѣла... вкусный...

И она даже чмокнула.

— Какой это?

— Этотъ соусъ изъ омаровъ, что мы ѣли сегодня... Надо выучить Катерину готовить...

И она опять зажмурилась и заснула.

Только-то... соусъ изъ омаровъ — для его смятеннаго духа! Онъ сталъ вглядываться въ ея лицо. Чуть-ли не въ первый разъ за все это время онъ былъ недоволенъ ею и потому смотрѣлъ на нее трезво и видѣлъ въ ея лицѣ то что́ въ немъ было Отъ желтаго огонька свѣчи тѣни на немъ ложились рѣзко, выпуклости казались рельефнѣе. Его поразило что-то — и онъ наклонился къ ней ближе. Неужели это она, его Соня?. Не можетъ быть этого.. Да, она... Какъ же прежде онъ не замѣчалъ?.. Красивое лицо, правда, но какое глупое, какое банальное, какое животное... Нѣтъ, это свѣтъ такъ падаетъ. Онъ переставилъ свѣчу на другое мѣсто—то же самое. Грубый, рѣзкій подбородокъ... Выпуклыя щеки, слишкомъ толстый мясистый носъ... И дѣйствительно животное выраженіе. Гдѣ-же этотъ отблескъ чего-то идеальнаго, гдѣ?.. Онъ сѣлъ на кровать и сталъ наблюдать ее. Красныя чувственныя губы. Верхняя слишкомъ толста... И какъ много всего!.. Неужели-же для этого именно тѣла семьсотъ лѣтъ каторжной работы... Семьсотъ лѣтъ... И больше тысячи—какой тысячи—двѣ-три тысячи подсудимыхъ... Цѣлое

море несчастныхъ... Но да вѣдь съ нимъ, съ этимъ зломъ надо бороться... Кому?.. Ему... А онъ самъ безупреченъ? Этотъ вопросъ первый разъ пришелъ ему въ голову.

Да, въ самомъ дѣлѣ—развѣ онъ безупреченъ?

Кажется, да!.. Только „кажется?" а на самомъ дѣлѣ—какъ...

Безупреченъ только тотъ, кто каждую минуту можетъ сказать вслухъ о томъ, что̀ онъ думаетъ. Но такихъ нѣтъ... Каждому есть чего стыдиться... Если въ настоящемъ нѣтъ—въ прошломъ было... И будетъ опять. Развѣ за нимъ ничего не числитъ его совѣсть?.. А Саша?.. Та дѣвушка, которую онъ зналъ еще студентомъ... Разлюбилъ, бросилъ и даже тайкомъ уѣхалъ. Что̀ съ нею? Можетъ быть она попала тоже на скамью подсудимыхъ и такой-же какъ онъ, закостенѣлый предсѣдатель, преспокойно отправилъ ее—куда Макаръ телятъ не гоняетъ. Его въ жаръ бросило. А тотъ вечеръ, когда голодный и плохо одѣтый онъ пробирался къ себѣ на Васильевскій Островъ съ упавшимъ сердцемъ, зная что хозяйка первымъ дѣломъ потребуетъ у него за квартиру?.. И еще, и еще... Совѣсть вставала неумолимымъ свидѣтелемъ, выкапывая изъ давно забытыхъ былей такіе моменты—отъ которыхъ онъ желтѣлъ и опускался все больше и больше. Если теперь—съ прокурорскаго мѣста кто-нибудь встанетъ и разскажетъ это... Что̀ отвѣтитъ закостенѣлый предсѣдатель?.. „Я былъ тогда бѣденъ и голоденъ"—да вѣдь три четверти подсудимыхъ говорятъ то же... Какое-же право ты имѣешь судить?.. Ты?..

И ради чего?..

Ради себя?.. Ради нея, Сони.

И онъ сталъ припоминать все, что̀ сказала и сдѣлала Соня за эти семь лѣтъ. Шевельнулось-ли хоть разъ въ ней великодушное чувство, сказала-ли она хоть мелькомъ что-нибудь такое что̀ подымаетъ душу въ человѣкѣ? Но что̀ онъ самъ нашелъ въ ней?.. Вѣдь это не та которую онъ зналъ, не та ради которой онъ самъ въ себѣ убилъ человѣка и сталъ „закостенѣлымъ предсѣдателемъ". Не подмѣнили-же ее—въ самомъ дѣлѣ. Или онъ видѣлъ только созданную имъ самимъ иллюзію?

— Послушай, Соня...

И онъ взялъ ее за плечо.

— А!.. это ты опять?..

— Мнѣ сегодня ужасно тяжело.

— Почему это?

— Ты знаешь, меня тяготитъ служба... начинаетъ тяготить, то-есть... Я думаю... мнѣ кажется, что за формальнымъ закономъ стоитъ что-то такое... Постой, мнѣ трудно выразить это... пока... Завтра я скажу иначе...

Она приподнялась испуганно на локтѣ.

— То есть, чего-же ты, Вовочка, хочешь?

— Я подамъ въ отставку.

— Наканунѣ производства?.. Ты съ-ума сошелъ... И наконецъ чѣмъ-же мы жить будемъ?

— Какъ-нибудь...

— Я какъ-нибудь не хочу... Я не привыкла какъ-нибудь... Выпей содовой воды, это тебя освѣжитъ... Въ отставку... вѣдь придетъ-же такая мысль! И никого судить не будешь... Что-же ты будешь, значитъ, тогда?.. Дядя мнѣ писалъ, что тебя скоро камергеромъ сдѣлаютъ... Мундиръ тогда весь расшитый золотомъ... Кромѣ того, мнѣ отецъ говорилъ: у твоего мужа служба ужасно благородная. Ему всѣ завидуютъ...

— Если-бы ты слышала какъ она плакала...

— Кто?

— Эта женщина, сегодняшняго подсудимаго жена...

— Такъ что-жъ? Радоваться ей что-ли, если ты ея муженька закаталъ на пятнадцать лѣтъ... Они будутъ дѣлать мерзости, а ихъ по головкѣ гладить!.. Только этого еще недоставало. Нѣтъ, ты дѣйствительно боленъ сегодня...

— Правда... Я боленъ...

Онъ вздохнулъ и всталъ.

— Куда ты?..

— Я къ себѣ. Прощай.

— Ты что-же не поцѣлуешь меня...

Онъ посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ. Если-бы она понимала что-нибудь, она увидѣла бы что въ немъ боролись и жалость, и отвращеніе... Не останавливаясь, понуренный онъ пошелъ къ дверямъ... Скоро и слабая полоска свѣта отъ его свѣчи исчезла за гардинами.. Соня зѣвнула, вытянулась съ наслажденіемъ, завернулась въ одѣяло, и не успѣлъ еще Александръ Петровичъ дойти до своего кабинета, какъ она уже спала, здоровымъ, животнымъ сномъ.

Онъ зажегъ другую свѣчу, и не одѣваясь сѣлъ къ столу.

— Я „какъ-нибудь не хочу..." повторялъ онъ.—„Я не привыкла какъ-нибудь!" И за все за это—семьсотъ лѣтъ каторжной работы. Дорого!.. Душа болитъ, а она объ расшитомъ мундирѣ...

И чѣмъ дальше, тѣмъ ему становилось все страшнѣе и страшнѣе...

Когда Надя утромъ внесла кофе и портфель въ его кабинетъ, Александръ Петровичъ спалъ неодѣтый, сидя за столомъ и опрокинувшись на него головою.

Она разбудила его. Онъ поднялъ на дѣвушку мутный взглядъ.

— Что тебѣ?

— Изъ Окружнаго. Курьеръ бумаги принесъ...

— Да... Положи сюда вотъ... Я не хочу кофе.. Скажи курьеру чтобъ шелъ домой... Ахъ, какъ болитъ голова! Разбуди меня въ десять часовъ.

Онъ съ трудомъ перешелъ къ дивану и свалившись на него тотчасъ-же заснулъ.

Надя смотрѣла на него не трогаясь...

„И на что̀ только польстилась барыня..." подумала она, качая головою. „Экій сморчокъ. Старый, лысый... Да я-бы, горничная, не пошла за такого!.. Вотъ ужь истинно: любовь зла—полюбишь и козла!"

VII.

„Что̀ собственно случилось такое?" съ недоумѣніемъ думалъ Александръ Петровичъ, подъѣзжая къ окружному суду... „Ничего не случилось. Расшатался я вчера. Нервы шалили, чортъ знаетъ что̀ такое въ голову лѣзло... Нѣтъ, надо выпросить отпускъ и поѣхать за границу—въ Швейцарію, куда-нибудь къ голубымъ озерамъ и снѣговымъ вершинамъ..."

Холодъ морознаго дня—отрезвляющимъ образомъ дѣйствовалъ на него. Солнце свѣтило и не грѣло. Онъ догналъ арестантскій вагонъ, едва двигавшійся къ окружному суду. Крошечные солдатики шли вокругъ. Въ крошечное окно виднѣлись сѣрыя лица, сѣрыя шапки, сѣрые халаты. Извощикъ поневолѣ поѣхалъ тише—впереди дорога была занята... Одинъ изъ арестантовъ должно быть узналъ Александра Петровича и, снявъ шапку, показалъ его другимъ. Къ рѣшеткѣ окна прильнули и остальные, разсматривая его съ жаднымъ любопытствомъ и страхомъ въ одно и то же время, точно въ выраженіи его глазъ стараясь прочитать свою судьбу. Александръ Петровичъ недовольно запахнулся шубой.

— Ну, поѣзжай скорѣе!.. крикнулъ онъ извощику.—Чего мямлишь!

Тотъ заторомошился, нашелъ между ѣхавшими впереди каретами лазейку—и проскользнулъ въ нее. Арестантскій вагонъ съ блѣдными людьми въ сѣрыхъ халатахъ остался позади.. Проѣхавъ и вспомнивъ что такое-же окошечко есть и впереди вагона—Александръ Петровичъ обернулся. Тѣ же арестанты перешли сюда и жадно смотрѣли ему въ слѣдъ...

— Пиш-шатъ! мелькнуло у него въ памяти.—Неужели и у этихъ, что ѣдутъ, тоже дѣти пиш-шатъ?..

Въ судѣ весь день Александръ Петровичъ былъ очень разсѣянъ. Къ счастью, дѣла попадались все неважныя. Двухъ закатали въ арестантскія роты, одного на „высидку", какую-то бабу на поселеніе... Къ крайнему изумленію прокурора—предсѣдатель неизмѣнно обращался къ каждому подсудимому:

— Скажите, обвиняемый, у васъ дѣти есть?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

Александръ Петровичъ веселѣлъ и довольно спокойно подписывалъ приговоръ.

— Точно такъ-съ... Двое-съ...

— Маленькія?..

— Да-съ... Старшему пять лѣтъ.

Александръ Петровичъ хмурился и становился вдвое разсѣяннѣе. Разъ онъ даже, услышавъ о дѣтяхъ, совершенно неожиданно, къ общему скандалу, спросилъ:

— Пиш-шатъ?..

— Кто?

Предсѣдатель провелъ рукою по лбу, выпилъ стаканъ воды и обернулся къ прокурору:

— Вамъ было угодно спросить что-то?..

— Нѣтъ... растерялся прокуроръ, съ недоумѣніемъ смотрѣвшій на предсѣдателя.—Ничего...

Во время отдыха онъ подошелъ къ Александру Петровичу.

— Что это, ваше превосходительство, вы все сегодня дѣтьми интересуетесь?..

— Такъ... у меня, знаете... Нѣтъ, нѣтъ да и заболитъ голова...

— А-а!.. А я такъ полагалъ, что вы арестантскаго младенца хотите на воспитаніе взять, сострилъ овъ.

— Эхъ, вы!.. А еще прокуроръ—и не догадались. Я думаю совсѣмъ другое, смѣялся членъ суда.

— Что такое?..

— А то, что скоро Александръ Петровичъ позоветъ насъ на крестины...

Къ вечеру—вчерашняго арестанта, Ивана Еремѣева или Еремѣя Иванова, должны были доставить для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Александру Петровичу не хотѣлось видѣть его. Онъ попросилъ одного изъ членовъ замѣнить его...

— Да совсѣмъ не надо, вмѣшался секретарь.

— Почему?

— Его не доставятъ... Мнѣ сейчасъ отъ смотрителя тюремнаго замка доставили бумагу на ваше имя. Я только что хотѣлъ доложить вамъ... Вотъ онъ что̀ пишетъ: „Имѣю честь почтительнѣйше доложить вашему превосходительству, что сегодня ночью, осужденный вчера на 15 лѣтъ каторжной работы, арестантъ Еремѣй Ивановъ..."

— Такъ онъ Еремѣй Ивановъ значитъ...

— Да-съ... „Еремѣй Ивановъ повѣсился въ своей камерѣ, употребивъ для сего собственный свой поясъ, о чемъ составленный мною, вмѣстѣ съ начальникомъ караула, протоколъ представляю на ваше благоусмотрѣніе..."

Александръ Петровичъ вскочилъ.

Говѣльщики. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижакевича, грав. Флюгель.

Урокъ фехтованія. Съ карт. Пробста, грав. Паарь.

— Слышали? обратился онъ къ прокурору, спокойно чистившему себѣ ногти.

— Да. Ивановъ повѣсился...

— Вѣдь это мы его... убили. А жена его? круто онъ обернулся къ секретарю.

— Какая жена?..

— У него жена была. Та, что вчера зарыдала на всю залу.

— О ней здѣсь ничего нѣтъ...

— Александръ Петровичъ, подошелъ къ нему одинъ изъ его товарищей,—поѣзжайте домой и позовите доктора, вы сегодня не хороши...

— Да, я поѣду, поѣду... разсѣянно заторопился онъ и взялся за шляпу. — Такъ о женѣ ничего не сказано?

— Ничего-съ.

— Ну, до свиданья, если ничего... Это, знаете, хорошо если ничего...

И быстро пожавъ всѣмъ руки, онъ по разсѣянности протянулъ руку и сторожу. Тотъ только вытянулся со страху и заворочалъ бѣлками.

— А знаете, оторвался отъ своихъ ногтей прокуроръ,—нашъ закостенѣвшій предсѣдатель сегодня мнѣ не нравится.

— Да онъ плохъ что-то.

— Можетъ-быть вчера слишкомъ весело поужиналъ, ну сегодня голова и того, пошаливаетъ.

— Нѣтъ, тутъ хуже, знаете, тутъ пахнетъ тѣмъ что машина расклеилась совсѣмъ. Ему бы дѣйствительно полѣчиться надо.

А Александръ Петровичъ какъ пріѣхалъ домой, сейчасъ же сообщилъ женѣ:

— Ты знаешь, Еремѣй Ивановъ повѣсился.

— Какой?

— Котораго мы вчера осудили.

— Что же ему за это будетъ? совсѣмъ уже глупо переспросила его жена.

Онъ взглянулъ на нее, потупился и не отвѣчая пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Она послѣдовала за нимъ.

— Что ты такъ разстроенъ? Развѣ тебѣ достанется за него?

— Ахъ, отстань. Какое мнѣ дѣло...

— Такъ, я думала... А знаешь какой мнѣ сегодня милый сюрпризъ? Я думала что Эрнестина мнѣ еще послѣ-завтра платье принесетъ для примѣрки, а она его доставила сегодня утромъ. Сидитъ идеально. Талія у меня въ немъ вотъ какая. Если не испортятъ при шитьѣ — будетъ что-то удивительное. Представь, она придумала впереди какой вырѣзъ: въ видѣ сердца! Закалывается здѣсь—и острымъ концомъ сюда... А назади лифъ вырѣзанъ узкимъ кускомъ—вотъ какъ. Я ужасно жалѣла что тебя не было. Тебѣ бы это понравилось.

Александръ Петровичъ слушалъ ее понурившись.

— Ты кончила? спросилъ онъ, не подымая головы.

— Какой-ты странный... Ну, кончила...

— Оставь меня одного... Я очень разстроенъ. Уйди пожалуйста. Я боленъ, у меня съ головой что-то...

— Сейчасъ... Да, кстати, я заѣзжала къ Гану и спрашивала про брошь, помнишь, которую ты мнѣ обѣщалъ. Онъ согласенъ — двѣсти теперь, и триста потомъ. Знаешь что, Вовочка, возьми ее завтра. Къ этому платью, — если вырѣзъ впереди заколоть ею,—это будетъ великолѣпно. Ты только представь себѣ когда я надѣну свой брилліантовый якорь...

— Вонъ! крикнулъ внезапно точно выросшій и побагровѣвшій Александръ Петровичъ.

— Вовочка, что ты? испугалась Соня.

— Вонъ, вонъ!.. указывалъ ей онъ на дверь. — Вонъ!..

И не ожидая чтобы она ушла, онъ упалъ на диванъ и разрыдался...

VIII.

Александръ Петровичъ нѣсколько дней не ходилъ на службу. Онъ былъ боленъ довольно серьезно. Докторъ нашелъ довольно сильное потрясеніе нервной системы.

— Да отчего это можетъ быть? добивались товарищи. — Онъ всегда былъ такой правильный... Мы его звали закостенѣлымъ. На всѣ пуговицы застегнутымъ. Это былъ идеалъ предсѣдателя. Безпристрастный, не поддающійся личному впечатлѣнію.

— Да вотъ подите, господа! философствовалъ докторъ. — Съ человѣческимъ механизмомъ это случается. Какой-нибудь совсѣмъ пустой случай, для васъ прошедшій незамѣтно, а въ немъ онъ и вызвалъ все что годами расклеивалось...

Выздоровѣвъ, Александръ Петровичъ сталъ необыкновенно молчаливъ.

Онъ запирался въ кабинетѣ, встрѣчаясь съ домашними и женою опускалъ голову и проходилъ мимо или притворялся спящимъ. Ему очевидно трудно было. Въ вопросы онъ вслушивался разсѣянно и не отвѣчалъ. Оставаясь одинъ въ кабинетѣ, онъ цѣлые часы ходилъ изъ угла въ уголъ, понурившись и заложа руки за спину. О чемъ онъ думалъ — онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Точно желтые листья подъ осеннимъ вѣтромъ, тысячи оторванныхъ мыслей, безъ связи, безъ порядка кружились въ его головѣ—уходя куда-то, возвращаясь назадъ, смѣняясь другими, такими же какъ и онѣ, оторванными и безсвязными... Иногда онъ начиналъ прислушиваться, вздрагивая бралъ свѣчу и обходилъ съ нею всѣ углы своего кабинета. Онъ показывался съ нею въ дверяхъ на шуршанье платья его жены. Звуки шаговъ Нади заставляли его медленно отступать назадъ и запираться... Доктору онъ отвѣчалъ коротко и односложно...

— Самое лучшее увезти его отсюда мѣсяца на два.

— Какъ, въ разгаръ сезона?.. У насъ абонирована ложа! протестовала Соня.

Наконецъ Александръ Петровичъ сталъ себя чувствовать нѣсколько лучше.

Онъ выходилъ къ обѣду и, хотя просиживалъ молча, но внимательно слушалъ все что говорилось кругомъ, нѣсколько разъ показался въ оперѣ, хотя не досиживалъ до конца. Когда молодой секретарь привезъ ему жалованье, Александръ Петровичъ расписался и задумался.

— Ну, что у васъ?..

— Насчетъ чего, ваше превосходительство...

— Все осуждаете?..

— Да, вотъ кончили процессъ одинъ. Два дня тянули.

— Ну?

— Сослали пятерыхъ въ Сибирь...

— Такъ, такъ... кивнулъ головою Александръ Петровичъ. — Такъ, такъ... Какъ и слѣдуетъ, все попрежнему, все попрежнему.

И онъ, забывъ уже о присутствіи секретаря, заходилъ по комнатѣ, бормоча что-то про себя.

— Такъ я не нуженъ вашему превосходительству? спустя нѣсколько минутъ поднялся молодой человѣкъ.

— Вы?.. точно онъ только сейчасъ его увидѣлъ. — Вы?.. Зачѣмъ бишь?.. Да, нѣтъ, не нужны... Не нужны.

И ни съ того, ни съ сего онъ взялъ его за руку, вывелъ изъ кабинета и самъ за нимъ заперъ дверь.

Онъ сталъ даже выходить гулять и, замѣчательное дѣло, насколько онъ былъ молчаливъ и несообщителенъ дома, настолько же онъ становился болтливъ на улицѣ. Онъ вступалъ въ разговоры съ извозчиками, съ няньками въ саду, съ рабочими отдыхавшими на набережной. Или даже не въ разговоръ, а въ вопросы. Онъ предлагалъ тысячи вопросовъ безъ всякой видимой связи между ними и, не дождавшись часто отвѣта, забывалъ что спрашивалъ и переходилъ къ другимъ. Все это кончилось совершенно неожиданнымъ скандаломъ.

Смотритель тюрьмы разъ, позавтракавъ, собирался уже было съ *Шутомъ* въ рукахъ (онъ любилъ литературу) залечь на диванъ и въ „чарованьѣ сладкихъ вымысловъ“ забыть на минуту свои многосложныя обязанности, какъ вдругъ къ нему стремглавъ вбѣжалъ его помощникъ.

— Что такое?

— Предсѣдатель суда.

— Чего ему?

— Требуетъ показать ему арестантовъ.

— А чтобъ его чортъ... Шатается тоже. Ему-то вѣдь никакого дѣла нѣтъ...

Смотритель застегнулся, надѣлъ саблю и вышелъ.

Александръ Петровичъ встрѣтилъ его совсѣмъ по начальнически.

— У васъ воздухъ дурной въ коридорахъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, вчера былъ прокуроръ и ничего не нашелъ.

— Это *я* говорю вамъ! ткнулъ себя въ грудь Александръ Петровичъ и обидѣлся. — Слышите — я...

Потомъ вдругъ ему пришла въ голову какая-то мысль. Онъ взглянулъ пытливо на смотрителя и затоптался на мѣстѣ.

— Вы... того... у васъ дѣти есть?

— Трое, ваше превосходительство.

— Маленькія?

— Семи, четырехъ и двухъ лѣтъ.

— Это не хорошо-съ... Не хорошо-съ. Если васъ посадятъ, они какъ галчата пищ-пищать будутъ. Да-съ... А у меня нѣтъ. У васъ есть? обернулся онъ къ помощнику.

— Я-съ не женатъ.

— Нѣтъ, значитъ... Это бываетъ... Не хорошо-съ, не хорошо-съ. Вы галчатъ видѣли?

Смотритель тянулся, моргалъ глазами, багровѣлъ, но ничего понять не могъ. Наконецъ онъ нашелся.

— Вашему превосходительству угодно арестантовъ видѣть?

— Да, да, вспомнилъ Александръ Петровичъ. — Именно... арестантовъ... Покажите-ка ихъ... Покажите. Я, знаете, давно собирался.

За его спиною смотритель вопросительно пожалъ плечами глядя на помощника; тотъ тоже отвѣтилъ ему недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Какихъ же вамъ именно?

— По порядку.

Но съ перваго же номера смотритель опѣшилъ.

— Ты кто? вошелъ Александръ Петровичъ къ невзрачному малому въ сѣромъ халатѣ.

— Мы?.. Мы мѣдники.

— За что?

— Какъ передъ Богомъ... невинно.

— Онъ обвиняется въ кражѣ со взломомъ, вмѣшался смотритель.

— Да... это хорошо... Ты женатъ?

— Женатъ.
— И дѣтей имѣешь?
— Двое.
— Освободить!..
Смотритель ушамъ не повѣрилъ и переспросилъ.
— Освободить, повторилъ предсѣдатель.
Прокуроръ только что собирался ѣхать изъ суда обѣдать домой—къ нему вбѣжалъ помощникъ смотрителя тюрьмы для предварительнаго заключенія.
— Что у васъ — случилось что-нибудь? остановился тотъ, видя его взбудораженное лицо. — Бунтъ что-ли?
— Никакъ нѣтъ, ваше... ваше... Предсѣдатель суда у насъ.
— Ну и что же?
— Всѣхъ освобождаютъ.
— Какъ всѣхъ освобождаютъ?
— Такъ. Спрашиваютъ: „женаты, дѣти есть?“ И потомъ сейчасъ „освободить“!
— Вы пьяны, поручикъ?
— Помилуйте... Меня полковникъ прислалъ къ вамъ, обидѣлся помощникъ. — Не угодно-ли вамъ самимъ...
Александръ Петровичъ прошелъ уже два коридора, когда при выходѣ изъ одного номера, гдѣ онъ приказалъ освободить троихъ,—наткнулся на прокурора.
— А, ваше превосходительство! весело заговорилъ этотъ.—Какъ я радъ васъ видѣть здоровымъ... Вотъ это удовольствіе такъ удовольствіе!
И онъ фамиліарно взялъ его подъ руку.
— Да, да, нахмурился предсѣдатель.—Да, это точно. Я здоровъ, совсѣмъ здоровъ теперь... Вотъ обхожу тюрьму...
— Отлично... А я за вами...
— За мной?..
— Да... У насъ дѣла... Безъ васъ не можемъ рѣшить одного... Пожалуйста зайдите къ намъ въ судъ на одну минуту...
— Я сейчасъ, только вотъ еще коридоръ.
— Это вы завтра успѣете, пойдемте, ваше превосходительство, пойдемте...
И не выпуская его руки, прокуроръ силою увлекъ его изъ тюрьмы...
Смотритель ничего не понимая шелъ къ себѣ—на диванъ дочитывать *Шута*, какъ въ одну изъ арестантскихъ дверей изнутри постучали.

— Ты что?
— Помилуйте, ваше высокоблагородіе, насъ предсѣдатель приказали освободить.
— Освободить?.. Эй, караульный!.. Взять его каналью въ карцеръ!
— За что же-съ?..
— Я тебя мерзавца освобожу, заскрипѣлъ тотъ зубами,—я тебя освобожу въ темную. Еще кто хочетъ освободиться?.. Ну? У меня на всѣхъ карцеровъ хватитъ... Бери его!..
Александра Петровича прокуроръ вмѣсто суда привезъ прямо домой и водворилъ въ его кабинетъ.
— Что, Софья Сергѣевна дома? спросилъ онъ Надю.
— Да, пожалуйте. Они у себя.
— Я къ вамъ съ непріятнымъ извѣстіемъ.—И онъ разсказалъ ей все происшедшее...—Вы его не выпускайте пока онъ совсѣмъ не оправится.
Софья Сергѣевна расплакалась.
— Imaginez-vous, я такая молодая, я еще не жила совсѣмъ... Я жить хочу—и вдругъ... Онъ со мною не говоритъ ни слова. На-дняхъ даже вонъ выгналъ. Vous ne savez pas ce que je souffre!.. Это такой деспотъ, такой тиранъ!
Увидя что съ этой стороны дѣлать нечего, прокуроръ еще разъ поцѣловалъ ей руку и уѣхалъ къ себѣ...
Вечеромъ къ ней пріѣхалъ отецъ.
— Папа, ты знаешь мой мужъ съ-ума сошелъ.
— Какъ съ-ума сошелъ?.. Это почему? Развѣ предсѣдатели съ-ума сходятъ... Это въ четвертомъ-то классѣ?
— Его сегодня совсѣмъ больнаго привезъ прокуроръ...
— Что-о!.. Вотъ она — нынѣшняя благородная служба... А впрочемъ хорошо, что я не отдалъ ему твоего приданаго... Теперь бы свисталъ въ кулакъ да было бы поздно... Нѣтъ, въ наше время съ ума не сходили... Въ наше время — въ двадцать четыре часа... То-то я тогда еще замѣтилъ у Контана. Помилуй—двадцать девять рублей да лакею три... Хотя, собственно говоря, ты ничего не теряешь... Вѣроятно тебѣ выхлопочатъ пенсію, и притомъ ты все-таки „ваше превосходительство“.
— Ты знаешь, папа,—черный цвѣтъ мнѣ очень къ лицу...
Она вдругъ сдѣлалась серьезна.
— Съ завтрашняго дня, папа, я надѣваю трауръ... Надо быть на высотѣ своего положенія, papa!..

Англичане у себя дома.

Вильгельма ф. Бранда.

Та, та-та, та-тара-тататахъ!—вотъ образчики разнообразнаго стука, иногда медленнаго и осторожнаго, иногда торопливаго и громкаго, которымъ въ Англіи принято возвѣщать о своемъ приходѣ.

„An englishman's house is his castle“, т. е. домъ англичанина—его крѣпость, гдѣ онъ царитъ нераздѣльно, свободный отъ дрязгъ и непріятностей съ хозяевами и управляющими. Какъ бы мала ни была семья, какъ ни ограничены средства, англичанинъ ни за что не рѣшится жить въ одномъ домѣ съ другой семьей. Поэтому для недостаточныхъ классовъ существуютъ въ Англіи особнячки самыхъ миніатюрныхъ размѣровъ.

Какъ у насъ входъ въ каждую отдѣльную квартиру, такъ въ Англіи входъ съ улицы въ домъ всегда запертъ; чтобы попасть въ него, надо постучаться или позвонить. Употребленіе звонковъ введено сравнительно недавно—и хотя въ настоящее время почти въ каждомъ домѣ имѣется два звонка съ надписью „Visitors“ (посѣтители) и „Servants“ (прислуга), но тѣмъ не менѣе каждая дверь снабжена еще желѣзнымъ молотомъ (Knocker), который посѣтители часто предпочитаютъ звонку, такъ какъ стукъ болѣе характеренъ и сразу даетъ знать хозяевамъ дома, какого рода посѣтитель желаетъ ихъ видѣть.

Простой knock или стукъ въ дверь показываетъ, что пришелъ мясникъ, молочница, лакей или горничная, однимъ словомъ, что стукъ касается только прислуги.

Та-та—сигналъ употребляемый исключительно почтальономъ, показывающій, что онъ опустилъ письма или газеты въ ящикъ у дверей и идетъ дальше. Если же почтальонъ принесъ заказное письмо, или что-нибудь требующее личной передачи, онъ повторяетъ свое „та-та“ дважды.

Та-та, та-та—служитъ также извѣщеніемъ о принесенной телеграммѣ.

Стукъ посѣтителей, являющихся къ самимъ хозяевамъ, долженъ непремѣнно выходить за предѣлы упомянутыхъ четырехъ ударовъ; и уже въ самой манерѣ стучать—скромно, рѣшительно, горячо или робко, едва слышно, — выражается нерѣдко характеръ посѣтителя. Безпорядочный, не систематичный стукъ, какъ напримѣръ употребляемый иногда въ театрахъ при поднятіи занавѣса, привелъ бы въ недоумѣніе обитателей англійскаго дома, такъ какъ они не знали бы что онъ означаетъ. Каждый приходящій, каково бы ни было его общественное положеніе, стучитъ по извѣстнымъ правиламъ, по извѣстному ритму.

Къ такому правильному, неизмѣнно повторяющемуся стуку англичане до такой степени привыкаютъ, что иногда, совершенно безсознательно, на простой стукъ въ дверь замѣчаютъ:— „А, вотъ и мистрисъ Робинсонъ!“ или: „О небо! опять мистеръ Джонсъ!“ и вслѣдъ затѣмъ слышится нерѣдко: „Дженъ, насъ нѣтъ дома“.

Подобно минне- и мейстерзенгеру давно прошедшихъ временъ, каждый англичанинъ имѣетъ свою собственную, музыкальную строфу, которую онъ неизмѣнно повторяетъ при входѣ въ домъ.

Предположимъ для примѣра, что раздалась слѣдующая строфа: та-тара-та-татата-тамъ. На порогѣ показывается лакей Джемсъ въ узкихъ панталонахъ до колѣнъ и цвѣтныхъ чулкахъ, съ головой, покрытой пудрою, этимъ непреложнымъ признакомъ аристократическаго дома.

Еще недавно подобная затѣя оплачивалась высокимъ налогомъ: за каждаго лакея, имѣвшаго право обсыпать голову мукой, господинъ его платилъ пять фунтовъ стерлинговъ въ годъ— весьма разумное постановленіе, отъ котораго, впрочемъ, сочли нужнымъ въ послѣднее время отказаться.

Въ болѣе скромныхъ домахъ дверь отворяетъ горничная, всегда мило и опрятно одѣтая, утромъ въ свѣтломъ ситцевомъ, а послѣ обѣда въ черномъ шерстяномъ платьѣ, чистомъ бѣломъ передничкѣ и чепчикѣ.

Еслибъ мы постучали не по положенію, напр. одинъ разъ, на стукъ нашъ по всей вѣроятности вышла бы кухарка. Кухня всегда помѣщается въ подвалѣ. Докторъ Ричардсонъ — извѣстный англійскій гигіенистъ — хотя и совѣтуетъ помѣщать кухню въ самомъ верхнемъ этажѣ, чтобы избавить обитателей дома отъ чада и кухоннаго запаха, но проектированныя имъ образцовыя жилища остаются пока только на бумагѣ. Очень часто въ кухню нѣтъ двери съ улицы, а лишь выдвижное окошко, въ которое кухарка принимаетъ провизію отъ мясника, молочницы и т. п. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы прислуга не имѣла возможности принимать посѣтителей. Въ самый контрактъ, при наймѣ прислуги, вносится обыкновенно условіе: гости не допускаются. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ кухарка—полная хозяйка своей кухни и распоряжается тамъ вполнѣ самостоятельно, тѣмъ болѣе, что госпожа ея почти никогда не заглядываетъ туда.

Однако пора намъ подняться изъ кухни наверхъ, гдѣ Джемсъ уже ждетъ насъ у входной двери.

Хозяйка несомнѣнно дома, такъ какъ мы явились въ ея пріемный день. Каждая англичанка, даже принадлежащая къ низшему среднему классу, имѣетъ свой назначенный день, въ который она принимаетъ посѣтителей. Подъ этимъ журъ-фик-

сомъ („at-home-day") разумѣется не вечеръ, а предъ-обѣденное время, отъ 3 до 5-ти, въ крайнемъ случаѣ, до 6 часовъ. Для посѣщенія въ какое-либо другое время дня требуется особое приглашеніе. Такимъ образомъ англичанинъ никогда не рискуетъ придти къ своимъ знакомымъ не во время и застать хозяевъ дома врасплохъ.

Но мы опять уклонились въ сторону; послѣдуемъ за Джемсомъ. При входѣ въ переднюю намъ прежде всего бросается въ глаза, рядомъ съ серебряной тарелочкой для писемъ, другая необходимая принадлежность всякаго порядочнаго англійскаго дома — гонгъ, т. е. полубарабанъ, полуколоколъ, по глухому звону котораго члены семьи собираются къ столу.

Столовая всегда помѣщается въ rez-de-chaussée, уже по той простой причинѣ, что послѣдній ближе къ кухнѣ. Рядомъ со столовой находится обыкновенно небольшая комната, носящая громкое названіе библіотеки („the library") вѣроятно вслѣдствіе того, что здѣсь хранятся дѣтскіе учебники и можетъ быть двѣ-три другихъ книги. Библіотека служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ классною и курительною комнатой. Не слѣдуетъ забывать, что англичанинъ не имѣетъ права курить во всѣхъ комнатахъ своей квартиры. Хотя въ нѣкоторыхъ домахъ мужчинамъ дозволяется выкурить въ столовой сигару, послѣ того какъ дамы удалятся въ гостиную, но это далеко не составляетъ общаго правила, а во многихъ домахъ курить вовсе запрещено. Но большею частію для куренія имѣется особая комната, которая часто служитъ и бильярдною. Англичане не довольствуются особою курительною комнатой (smoking room), они обыкновенно надѣваютъ еще курительную куртку (smoking jacket) и курительную шапку (smoking cap), въ особенности если собираются курить трубку. Куртка эта есть не что иное какъ удобная домашняя одежда—и мы конечно не станемъ утверждать, что англичане каждый разъ надѣваютъ куртку и шапку для того чтобъ покурить; но уже самое существованіе особой курительной одежды показываетъ, какимъ страшнымъ преступленіемъ считается у англичанъ куреніе въ домѣ.

Въ нижнемъ этажѣ только и имѣются обыкновенно двѣ названныя комнаты, всегда узкія и длинныя, даже въ лучшихъ частяхъ города, въ Бельгравіи и Мейферѣ.

Мы поднимаемся за Джемсомъ въ слѣдующій этажъ, по устланной коврами лѣстницѣ. Въ Англіи вездѣ ковры, начиная отъ дорогихъ брюссельскихъ и турецкихъ до простой клеенки. Лѣстницы, сѣни и цѣлыя комнаты затянуты коврами, даже въ домахъ низшихъ классовъ. Немудрено поэтому, что паркетные полы въ частныхъ домахъ почти неизвѣстны и даже на вечерахъ танцуютъ по ковру, на который иногда натягиваютъ чехолъ изъ тика.

Наслѣдная принцесса Вильгельмина Нидерландская. Съ фотогр. Камеке, грав. Тилли.

Весь первый этажъ, даже въ самыхъ богатыхъ англійскихъ домахъ, состоитъ изъ единственной комнаты—гостиной (drawing room), которая впрочемъ нерѣдко раздѣляется двухстворчатыми дверьми или драпировкой на двѣ половины, переднюю и заднюю гостиную. Въ эту комнату вся семья собирается послѣ обѣда; здѣсь-же принимаются посѣтители, даются вечера, однимъ словомъ эта комната—лучшая въ домѣ — составляетъ ядро и центръ домашняго очага. Въ очень большихъ домахъ есть кромѣ того нѣсколько парадныхъ комнатъ, но семьи съ годовымъ доходомъ въ тридцать тысячъ рублей и болѣе, довольствуются большею частью названными тремя комнатами: столовой (dining room), библіотекой (library) и гостиной (drawing room). Въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается еще особый будуаръ и „nursery", т. е. дѣтская, которая обыкновенно помѣщается въ самомъ верхнемъ этажѣ. Три первыя комнаты занимаютъ оба нижнихъ этажа и, смотря по величинѣ дома, являются то крохотными каморками, то колоссальными залами, но всегда расположенными по одному и тому-же шаблону. Въ верхнихъ этажахъ, т. е. во второмъ и третьемъ, а иногда въ четвертомъ и пятомъ, располагаются кромѣ дѣтской и ванной—однѣ только спальни.

Войдя въ гостиную, мы находимъ тамъ хозяйку дома, ожидающую гостей. Возлѣ нея помѣщается маленькій столикъ съ чайнымъ котелкомъ, изъ котораго она собственноручно наливаетъ своимъ знакомымъ излюбленный національный напитокъ—чай, подаваемый со всевозможными печеньями, въ томъ числѣ и жареными въ маслѣ muffins и crumpits

Въ шесть часовъ пріемъ обязательно оканчивается, такъ какъ пора одѣваться къ обѣду. Въ такъ-называемыхъ „большихъ домахъ" немыслимо явиться къ обѣду не въ полномъ „вечернемъ" туалетѣ, т. е. дамы декольте, а мужчины во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, въ лакированныхъ башмакахъ и, большею частью, ярко-красныхъ чулкахъ. Это соблюдается не менѣе строго даже въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяева обѣдаютъ одни. Вечерній костюмъ (evening dress) точно также безусловно необходимъ въ театрахъ и концертахъ, такъ что въ болѣе дорогія мѣста даже не пускаютъ иначе одѣтыми.

Какъ ни странно все это кажется на первый взглядъ, къ обычаямъ этимъ привыкаютъ безъ особаго труда. Въ сущности сюртукъ или фракъ не можетъ составить разницы для того кто привыкъ къ нимъ, а всѣ нападки на неудобства фрака имѣютъ очень мало основанія; лучшимъ доказательствомъ чему

Изъ коллекціи древностей русскаго серебрянаго дѣла П. М. Иванова. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Панагія финифтяная XVII в.
Панагія овальная (сзади).
Она же (спереди).
Вѣнчикъ финифтяный XVI в.
Образъ круглый или пряжка отъ мантіи, чеканной работы XV в.

Вѣнецъ съ цатой XIII в.
Вѣнецъ прорѣзный, просѣчной работы XVI в.
Вѣнчикъ финифтяный XVI в

Корсунскій крестъ панагійный XIII в.
Образокъ рѣзной кости, съ 9-ю праздниками.
Барма съ изображеніемъ Св. Вѣры, XVII в.
Рамка финифтяная съ иконы XVI в.
Крестикъ тѣльникъ, корсунчикъ XIII в.

служитъ то, что онъ никакъ не можетъ выйти изъ употребленія. Онъ легокъ и удобенъ какъ куртка, и элегантенъ какъ сюртукъ. Низенькіе лайковые ботинки также легки и удобны, а красные шелковые чулки не составляютъ безусловной необходимости.

Все сказанное нами объ „evening dress" можетъ быть отнесено и ко всѣмъ остальнымъ условіямъ англійской домашней жизни. Если многое намъ кажется въ ней страннымъ, то вѣдь точно также англичанамъ многое должно казаться страннымъ у насъ, и нужно сознаться, что ни одна нація не держится такъ крѣпко какъ англичане своихъ освященныхъ временемъ традицій, которыя и составляютъ пресловутый англійскій „home".

Къ рисункамъ.

Крымскій видъ. (Рис. на стр. 229).

Рисунокъ Н. Кравченка живо передаетъ одинъ изъ прелестныхъ уголковъ Крыма. По каменистой дорогѣ со скрипомъ и визгомъ тянется неуклюжая арба, съ волами въ упряжкѣ, мимо татарскаго домика, выбѣленнаго известкой. Повернувъ за домомъ, дорога извивается къ далекимъ горамъ, обрывомъ спускающимся къ синимъ волнамъ Чернаго моря.

Охота на медвѣдя. (Рис. на стр. 232 и 233).

Зимнія облавы на медвѣдей начинаются, когда звѣрь уже облежался въ берлогѣ, такъ какъ медвѣдь, хотя и въ полудремотномъ состояніи спячки, слышитъ довольно чутко и нерѣдко оставляетъ берлогу раньше чѣмъ подойдутъ охотники. Берлога обыкновенно устраивается въ глухой лѣсной чащѣ, у корня упавшаго дерева („подъ корягой"), иногда подъ каменными плитами, или просто въ ямѣ на землѣ, причемъ звѣрь наваливаетъ сверху хворосту и моху. Прежде всего надо найти медвѣдя, т. е. его берлогу. Этимъ занимаются обыкновенно мѣстные крестьяне и затѣмъ сообщаютъ о находкѣ столичнымъ, городскимъ или помѣстнымъ охотникамъ и условливаются въ цѣнѣ, продаютъ медвѣдя. Покончивъ дѣло, компанія стрѣлковъ (человѣкъ до шести, а затѣмъ — чѣмъ больше, тѣмъ менѣе шансовъ на удачу) отправляется на мѣсто, и наканунѣ облавы, такъ-называемый обкладчикъ провѣряетъ берлогу, т. е. по слѣдамъ медвѣдя, пару его дыханія и др. признакамъ убѣждается въ томъ, что медвѣдь не ушелъ и лежитъ въ ней. Медвѣдь-самецъ лежитъ на берлогѣ всегда одинъ; медвѣдица — нерѣдко самъ-четвертъ: она, пѣстунъ, да двое медвѣжатъ. Пѣстунами, т. е. подростками, оставляемыми для няньчанія маленькихъ медвѣжатъ, рѣдко бываютъ болѣе чѣмъ двухгодовалые.

Убѣдившись, что медвѣдь крѣпко лежитъ въ берлогѣ, охотники собираютъ загонщиковъ или *кричанъ*, человѣкъ тридцать (рѣдко бываетъ нужно больше), которые, производя шумъ, должны поднять медвѣдя и гнать его на стрѣлковъ. Опытные обкладчики всегда знаютъ болѣе или менѣе направленіе, по какому побѣжитъ вспугнутый медвѣдь, такъ какъ они въ совершенствѣ знакомы съ его привычками. Мѣста, по которымъ побѣжитъ медвѣдь, называются у охотниковъ *лазами*; лучшее мѣсто для стрѣльбы—небольшая лѣсная полянка, на которой медвѣдя видно со всѣхъ сторонъ. Утромъ, въ день облавы, вся ватага стрѣлковъ и загонщиковъ подъѣзжаетъ къ лѣсу, насколько позволяетъ мѣстность, и останавливаютъ лошадей приблизительно за версту отъ берлоги. Затѣмъ идутъ пѣшкомъ, тщательно соблюдая тишину. Цѣпь загонщиковъ ставится въ полуверстѣ отъ берлоги, охватывая ее полукругомъ. Стрѣлки становятся на назначенныя имъ мѣста, такъ-называемые *нумера*, которые опредѣляются или по жребію, или просто на лучшіе лазы ставятся лучшіе стрѣлки. Ни разговаривать, ни курить — теперь уже нельзя. Когда всѣ заняли свои мѣста, по сигналу загонщики поднимаютъ крикъ и двигаются къ берлогѣ, производи шумъ трещетками, стукомъ топоровъ и холостыми выстрѣлами. Проснувшійся медвѣдь сначала нѣкоторое время прислушивается, но по мѣрѣ приближенія загонщиковъ не выдерживаетъ, вскакиваетъ съ берлоги и пускается на утекъ по линіи нумеровъ... Стрѣлки, между тѣмъ, стоя со взведенными курками двуствольныхъ нарѣзныхъ штуцеровъ крупнаго калибра, заряженныхъ коническими пулями, ждутъ его появленія... Ожиданіе это едва-ли можетъ назваться совершенно спокойнымъ, такъ какъ раненый не въ убойное мѣсто медвѣдь непремѣнно полѣзетъ на стрѣлка; но тѣмъ не менѣе—puisque le vin est tiré, il faut le boire или по-русски: взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ...

Эта-то критическая минута и изображена на двухъ прилагаемыхъ рисункахъ нашего талантливаго сотрудника. На одномъ изъ нихъ видна часть цѣпи загонщиковъ, приближающаяся къ берлогѣ. На другомъ очевидно бывалый въ передѣлахъ съ медвѣдемъ, опытный стрѣлокъ, съ подручнымъ, вооруженнымъ рогатиной, на случай еслибы звѣрь вздумалъ полѣзть на стрѣлка, и держащимъ на-готовѣ запасный штуцеръ... Заключительная сцена съ ея описаніемъ будетъ помѣщена въ слѣд. № „Нивы".

Говѣльщики. (Рис. на стр. 240).

Владыко дней моихъ! духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей,
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья;
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи.

А. Пушкинъ.

Урокъ фехтованія. (Рис. на стр. 241).

Искусство владѣть оружіемъ было извѣстно уже въ глубокой древности. Греки и римляне усердно занимались военнымъ фехтованіемъ. Кромѣ того гладіаторы, подъ руководствомъ особыхъ учителей, изучали всѣ тайны ловко владѣть оружіемъ во время публичныхъ игръ и зрѣлищъ. Въ средніе вѣка фехтованіе получило большое развитіе при Карлѣ V въ Испаніи, откуда перешло въ Италію. Обѣ эти страны долгое время доставляли лучшихъ учителей фехтованія. Впослѣдствіи имъ съ увлеченіемъ занимались во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ Европы. Владѣніе оружіемъ и умѣнье защитить свою честь составляло въ прежнее время существенную часть воспитанія дворянина, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если первый урокъ фехтованія былъ своего рода семейнымъ событіемъ, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

Наслѣдная принцесса Вильгельмина Нидерландская. (Рис. на стр. 244).

Болѣзнь короля Нидерландскаго невольно обращаетъ вниманіе на его малолѣтнюю наслѣдницу. Рожденіе принцессы Вильгельмины — лѣтомъ 1880 года — было въ полномъ смыслѣ слова радостнымъ и счастливымъ событіемъ, лучемъ свѣта послѣ длиннаго ряда мрачныхъ дней. Въ теченіе многихъ лѣтъ неумолимая смерть похищала жертву за жертвой въ Оранскомъ домѣ. Съ послѣдовавшей въ 1877 году кончины королевы Софіи, удрученный горемъ король Вильгельмъ III одного за другимъ проводилъ въ Дельфтскую фамильную усыпальницу: своего дядю, принца Фридриха; любимаго брата, принца Генриха, бывшаго намѣстникомъ Луксенбургскимъ, и наконецъ обоихъ сыновей своихъ, принцевъ Вильгельма и Александра Оранскихъ. Одиноко стоялъ монархъ у гробницъ, въ которыхъ были схоронены его надежды. Народъ, раздѣлявшій его горе, тревожно заглядывалъ въ грядущее. Нидерландская королевская фамилія заключалась въ одномъ лицѣ короля. Въ случаѣ смерти его престолъ переходилъ къ потомству великой герцогини Саксенъ-Веймарской, единственной оставшейся въ живыхъ сестры Вильгельма III.

Заключенный въ 1879 году вторичный бракъ короля съ принцессой Вальдекъ-Пирмонтскою, принесъ монарху семейное счастье, котораго ему недоставало. Но вначалѣ бракъ этотъ оставался бездѣтнымъ. Вопросъ о престолонаслѣдіи уже начиналъ волновать общественное мнѣніе, какъ вдругъ 19 (31) августа распространилась радостная вѣсть о рожденіи принцессы.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе восьми лѣтъ. Тихая семейная жизнь и всеобщая любовь народа — таковы были первыя впечатлѣнія принцессы отъ колыбели до отрочества, подъ вліяніемъ которыхъ развивались первыя основы ея слагающагося характера. Рослая и крѣпкая физически для своихъ лѣтъ, принцесса напоминаетъ округлостью лица свою мать, съ несомнѣнными характеристичными чертами отца. Печать нѣкоторой серьезности, подобно легкой тѣни, навлечена на это дѣтское личико болѣзнью ея родителя и тѣмъ обстоятельствомъ, что мать принцессы день и ночь не отходитъ отъ больнаго.

Издѣлія древне-русскаго серебрянаго дѣла.

(Изъ коллекціи П. М. Иванова).

(Рис. на стр. 245).

Предлагаемая нами таблица рисунковъ представляетъ весьма изящные образцы золотыхъ и серебряныхъ издѣлій въ разныхъ родахъ и способахъ отдѣлки металла, процвѣтавшихъ у насъ въ древней Руси. Мастерство чеканки, гравировки, отливки и выдѣлки всякаго рода иконныхъ украшеній изъ серебра и золота, умѣнье украсить ихъ поливной эмалью и подкраскою или усадить „гнѣздами" цвѣтныхъ камней и жемчуга — было доведено у насъ до высокой степени совершенства въ періодъ времени между XIV и XVII вѣками. Главнымъ украшеніемъ каждаго дома являлись тѣ иконы, кресты и складни, которые обязательно развѣшивались въ переднемъ углу каждой отдѣльной комнаты богатаго дома и наполняли собою отдѣльную *образную* или *крестовую* палату. Эти иконы, кресты и складни, смотря по состоянію домовладѣльца, украшались или сплошными серебряными и золотыми окладами, или только *вѣнчиками* надъ главою святыхъ и *привѣсками* (цатами или убрусами) у нижней части ликовъ; иногда, кромѣ вѣнчиковъ, икона украшалась по краю металлическимъ ободкомъ (окромочкой) изящной чеканной работы; иногда вся поверхность иконы покрывалась массивною ризой, расшитою шелками, серебромъ и золотомъ и густо усаженною жемчугомъ.

Предлагаемая нами таблица рисунковъ требуетъ нѣкотораго истолкованія. На немъ изображены: 1) 4 вѣнчика (два изъ нихъ съ цатами или убрусами); два простые, обыкновенной, крупной формы, и два украшенные зубчатыми коронами. Самый большой изъ вѣнчиковъ съ цатой (подвѣской) *басменнаго* дѣла, т. е. изъ тонкаго серебрянаго листа, молоткомъ выбитаго по готовому выпуклому узору; подъ нимъ другой, составленный изъ прорѣзнаго узора съ тремя вставными камнями и эмалью. Подъ этимъ вѣнчикомъ помѣщается вѣнчикъ изъ разноцвѣтной финифти тончайшей работы. Рядомъ съ этимъ финифтянымъ вѣнчикомъ помѣщается и ободокъ небольшой иконы, тоже финифтяный. 2) Два наперсные крестика (панагійный и тѣльникъ, оба корсунскіе, изсѣченные изъ камня) съ металлическимъ окладомъ и металлическими связями между лопастей креста. 3) Двѣ панагіи, изъ которыхъ по работѣ особенно замѣчательна помѣщенная на лѣвой сторонѣ рисунка—круглая. 4) Образокъ, въ которомъ среди ободка *сканной* (или *филигранной)* работы, помѣщены изображенія девяти двунадесятыхъ праздниковъ, замѣчательно мелко рѣзаныя на кости. 5) Барма филигранной работы, ободокъ съ жемчугомъ и камешками; на этомъ ободкѣ отчетливо видна *скань*, т. е. тончайшая проволочка, узорами наложенная на гладкое металлическое поле.

Замѣтимъ кстати, что только въ очень недавнее время, лѣтъ 25—30 тому назадъ, наши золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера принялись подражать издѣліямъ древне-русскихъ мастеровъ, стали изучать образцы древне-русскаго металлическаго дѣла и знакомиться съ богатыми коллекціями, собранными государствомъ и частными любителями. Многія изъ подобныхъ коллекцій въ высшей степени замѣчательны. Не говоря уже о знаменитой коллекціи Карабанова, поступившей въ собственность Румянцевскаго музея, мы можемъ, для примѣра, указать на громадную и любопытнѣйшую коллекцію Г. Постникова, который недавно издалъ чрезвычайно изящный иллюстрированный каталогъ своего собранія. Это собраніе заключаетъ въ себѣ болѣе 3000 различныхъ издѣлій нашего стариннаго чеканнаго, образнаго, сканнаго и басменнаго дѣла, а также и прекрасные образцы древней русской иконописи всѣхъ школъ и всѣхъ пошибовъ. Подобныя коллекціи уже сослужили добрую службу русскому искусству и дѣлаютъ честь нашимъ собирателямъ.

Коллекція г. Иванова выставлена въ Петербургѣ въ музеѣ Общества Поощренія Художествъ.

Пугало. (Рис. на стр. 248).

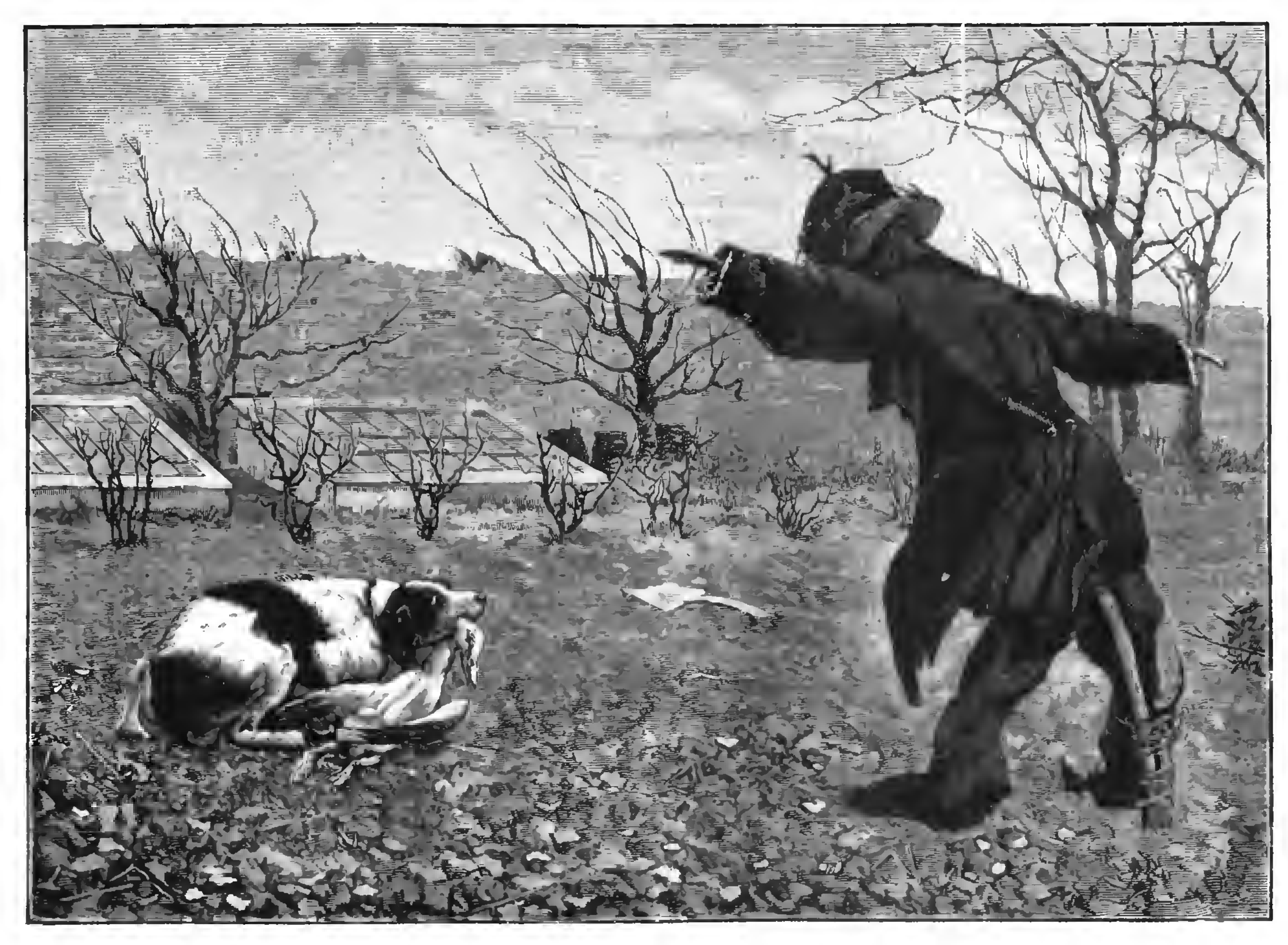
Мы уже не разъ обращали вниманіе читателей на юморъ англійскихъ представителей живописи животныхъ. Вотъ еще образчикъ этого безподобнаго жанра. Шаловливая собака стащила утку гдѣ-то на чужомъ дворѣ, и осторожно пробираясь задворками въ незнакомомъ мѣстѣ, вдругъ наткнулась на пугало, которое и приняла со страху за живаго сторожа. „Увидитъ — или не увидитъ?“ вотъ въ чемъ вопросъ перваго рисунка. Пока она при-остановилась въ нерѣшительности, налетѣлъ порывъ вѣтра — и наклонившееся подъ нимъ пугало, точно бросилось впередъ на воровку. Разумѣется, та давай Богъ ноги, черезъ парникъ, черезъ заборъ, не разбирая уже дороги...

Н. И. Козловъ. (Портр. на стр. 249).

Девятнадцатаго января текущаго года праздновался полувѣковой юбилей непрерывной государственной службы одного изъ видныхъ дѣятелей въ русскомъ медицинскомъ мірѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Николая Иларіоновича Козлова. Непремѣнный членъ Медицинскаго совѣта, военно-медицинскаго ученаго и военно-госпитальнаго комитетовъ, бывшій профессоръ, членъ всевозможныхъ коммисій, учреждавшихся въ разное время для выработки болѣе или менѣе важныхъ мѣропріятій по вопросамъ медицинской администраціи, — Николай Иларіоновичъ оказалъ родинѣ большія услуги, какъ врачъ своими учеными работами и еще болѣе какъ энергичный, талантливый администраторъ, занимавшій большею частью самые выдающіеся посты. Съ его именемъ связаны довольно важныя мѣры по военно-медицинской части, имъ предложенныя и проведенныя, каковы, напримѣръ, увеличеніе содержанія и улучшеніе положенія военныхъ врачей; введеніе прикомандированія ихъ, съ цѣлью усовершенствованія въ ихъ спеціальности, къ Медико-хирургической академіи и университетамъ и посылки ихъ для той же цѣли въ заграничные университеты на казенный счетъ; изданіе въ собственность военныхъ врачей лучшихъ руководствъ и пособій по медицинѣ на вычеты изъ штатнаго ихъ содержанія всего по одному проценту. Николай Иларіоновичъ завѣдывалъ этимъ дѣломъ сначала по назначенію, а затѣмъ по избранію Военно-медицинскаго ученаго комитета съ 1859 года до послѣдняго времени, и подъ его руководствомъ выпущено до ста пятидесяти томовъ сочиненій, въ томъ числѣ болѣе ста переводныхъ и двадцать слишкомъ томовъ оригинальныхъ. Кромѣ того онъ редижировалъ *Военно-медицинскій журналъ* и началъ громадный трудъ — составленіе систематическаго каталога библіотеки Медико-хирургической академіи, считающейся богатѣйшею въ свѣтѣ по количеству и разнообразію медицинскихъ сочиненій, въ ней заключающихся. Имъ же составленъ и систематическій указатель журнальной литературы по медицинѣ. При участіи его издано начертаніе положенія клиники баронета Вилліе и производилась существенная часть работъ по уставу Медико-хирургической академіи, по уставу госпитальному и по положеніямъ о военно-медицинской части въ мирное и военное время. Николай Иларіоновичъ способствовалъ къ открытію женскихъ врачебныхъ курсовъ, учрежденныхъ по его мысли и дѣйствовавшихъ по уставу, имъ же выработанному, и ввелъ въ военные госпитали, а потомъ и въ лазареты сестеръ милосердія, какъ въ военное, такъ и въ мирное время. Въ Россіи долгое время высшія медицинскія учрежденія пользовались однѣми лишь университетскими клиниками, и Николаю Иларіоновичу принадлежитъ починъ въ дѣлѣ открытія первыхъ въ нашемъ отечествѣ госпитальныхъ клиникъ для пятаго курса, во время его профессорства въ Кіевѣ. Примѣру его послѣдовали и другіе города,—такимъ образомъ онъ способствовалъ поднятію уровня практическихъ знаній русскихъ молодыхъ врачей. Вообще, Николай Иларіоновичъ изо всѣхъ силъ старался поставить у насъ военно-медицинскую часть на должную высоту. Что онъ успѣлъ въ этомъ, нагляднымъ доказательствомъ служитъ послѣдняя война, когда наше отечество впервые могло не прибѣгать къ помощи иностранцевъ-медиковъ, имѣя достаточный врачебный персоналъ, отлично подготовленный и заслужившій почетъ и славу. Изъ сочиненій Николая Иларіоновича наиболѣе извѣстны: его „Химическое изслѣдованіе крови и экскрементовъ въ холерѣ“, „О главныхъ видахъ патологическихъ измѣненій“, „О развитіи идеи болѣзни“, „Съуженіе яремной дыры у людей умопомѣшанныхъ и самоубійцъ“, „Курсъ патологіи человѣческаго тѣла“ и друг. Николай Иларіоновичъ отличается большимъ трудолюбіемъ; по цѣлымъ днямъ просиживаетъ онъ въ своемъ кабинетѣ и чуждается какихъ бы то ни было развлеченій. „Я такъ свыкся съ работой, — говоритъ онъ — что считаю себя несчастнымъ, когда не работаю!“ Однако такое чрезмѣрное трудолюбіе едва не свело его преждевременно въ могилу.

Николай Иларіоновичъ происходитъ изъ купеческаго званія и родился 30 октября 1814 года въ небольшомъ имѣніи своего отца, въ Самарской губерніи. Онъ старшій изъ сыновей и приходится братомъ извѣстному профессору Казанскаго университета и акушеру Александру Иларіоновичу Козлову. Первоначальное медицинское образованіе Николай Иларіоновичъ получилъ въ Казанскомъ университетѣ, въ которомъ учился съ 1829 по 1833 годъ и окончилъ курсъ со степенью лѣкаря 1-го отдѣленія и съ золотою медалью за разсужденіе „De venenis et veneficiis“. Дальнѣйшее образованіе продолжалъ онъ въ Дерптскомъ университетѣ, откуда выпущенъ въ 1837 году со степенью доктора медицины, по защитѣ диссертаціи „De tumoribus compositis“. Послѣ этого онъ отправился на свой счетъ заграницу и слушалъ лекціи въ университетахъ Вѣнскомъ и Цюрихскомъ и въ Ecole de médécine въ Парижѣ. Въ Вѣнѣ онъ занимался у извѣстнаго ученаго Карла Рокитанскаго, профессора патологической анатоміи, и у Іосифа Шкоды; въ Цюрихѣ — у Шёнлейна, основателя современной клинической медицины, у Арнольда, Окена, Фридриха; въ Парижѣ — у Вельпо, Лаба (Labat), Андраля, Крювелье, Мальгеня, Ройе, Буилльо. Возвратясь, въ 1839 году, на родину, онъ былъ опредѣленъ на службу въ военно-медицинское вѣдомство, занимая должность врача особыхъ порученій при министрѣ гр. Чернышовѣ. Вскорѣ послѣ этого онъ сталъ сотрудничать въ *Библіотекѣ для чтенія* Сенковскаго, помѣщая рецензіи на новыя книги по медицинѣ. Статьи эти обратили на себя вниманіе гр. Уварова, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, умѣвшаго цѣнить знанія, который и предложилъ молодому ученому врачу перейти на службу въ Кіевъ для сформированія медицинскаго факультета въ мѣстномъ университетѣ, что онъ и исполнилъ блистательно. Въ Кіевѣ онъ читалъ съ 1841 года патологическую анатомію и въ слѣдующемъ году былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ университета Св. Владиміра, въ которомъ съ 1845 по 1853 годъ преподавалъ также исторію медицины, а ранѣе исторію анатоміи, общую терапію и патологическую химію.

На вакаціонное время 1844 года онъ былъ командированъ заграницу съ ученою цѣлью и занимался тамъ гистологіею подъ руководствомъ профессора Яна Пуркинье въ Бреславлѣ, извѣстнаго физіолога, и органическою и аналитическою химіею у Лемана въ Лейпцигѣ. Достойный ученикъ этихъ двухъ профессоровъ, а также Рокитанскаго и Шкоды, Николай Иларіоновичъ въ числѣ первыхъ ученыхъ ввелъ въ отечествѣ своемъ гистолого-химическій анализъ для опредѣленія сущности болѣзненныхъ процессовъ, который и примѣнялъ при чтеніяхъ своихъ въ клиническихъ отдѣленіяхъ военнаго госпиталя въ Кіевѣ. Въ этомъ же городѣ состоялъ онъ консультантомъ дѣвичьяго института и оставался на службѣ до 1853 года, когда, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанта Бибикова, переселъ въ Петербургъ, занявъ должность вице-директора Медицинскаго департамента, впослѣдствіи переименованнаго въ Главное военно-медицинское управленіе, и въ то же время былъ членомъ медицинскаго совѣта. Съ этой поры и начинается его настоящая дѣятельность медицинскаго администратора, давшая такіе прекрасные результаты. Съ 1862 г. онъ состоитъ членомъ Военно-медицинскаго ученаго



Пугало. Авось не увидитъ! По рис. J. L. N., грав. Шлипперъ.

Пугало. Ай, ай, ай! увидалъ! По рис. J. L. N., грав. Шлипперъ.

комитета, а съ 1869 по 1871 занималъ постъ начальника Медико-хирургической академіи, послѣ чего былъ назначенъ главнымъ военно-медицинскимъ инспекторомъ, оставаясь еще нѣсколько лѣтъ номинальнымъ начальникомъ академіи. Съ 1853 г. Н. И. Козловъ работалъ, въ качествѣ дѣятельнаго члена въ комитетахъ: по устройству центральныхъ домовъ для умалишенныхъ, по прививкѣ чумы рогатаго скота, по составленію военной фармакопеи, для окончательнаго устройства военно-медицинскаго управленія въ мирное время, въ холерномъ комитетѣ и другихъ. Трудился также и во всевозможныхъ коммисіяхъ: для составленія устава Максимиліановской лечебницы, по изслѣдованію пневматическаго отопленія и вентиляціи въ госпиталяхъ, для измѣненія устава медико-хирургической академіи и проч. Слабость здоровья, разстроеннаго чрезмѣрными работами, вынудила его оставить постъ главнаго военно-медицинскаго инспектора; онъ уволенъ въ 1881 году отъ исполненія обязанностей по названной должности съ оставленіемъ, однако, въ званіи непремѣннаго члена Военно-медицинскаго ученаго комитета, въ которомъ должность предсѣдателя исправлялъ по 16 іюня 1883 года. Ученые труды и административная дѣятельность Н. И. Козлова по достоинству оцѣнены и въ Россіи, и заграницей: онъ имѣетъ много наградъ, состоитъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ отечественныхъ и заграничныхъ, почетнымъ членомъ нашихъ университетовъ, петербургскаго фармацевтическаго общества, дерптскаго ветеринарнаго училища и кромѣ того удостоенъ многихъ почетныхъ адресовъ. Ему въ настоящее время 75 лѣтъ, но такой почтенный возрастъ не мѣшаетъ ему быть весьма дѣятельнымъ и нимало не заставляетъ его заботиться о серьезномъ отдыхѣ, давно уже заслуженномъ этимъ трудолюбивѣйшимъ человѣкомъ.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

Читателямъ *Нивы* уже извѣстно о русской духовной миссіи въ Абиссинію. Миссія эта окончилась неожиданнымъ образомъ, не выполнивъ своего назначенія. 9 февраля телеграфъ извѣстилъ что крейсеръ „Seignelay“, на которомъ находился французскій адмиралъ Ольри (Olry), бомбардировалъ Согалло, занятый миссіею Ашинова и отца Паисія, причемъ пять человѣкъ были убиты и пять ранены, остальные казаки обезоружены и отправлены въ Обокъ“.

Слухи эти подтвердились и на слѣдующій день появилось въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* правительственное сообщеніе, гдѣ между прочимъ сообщается, что „изъ французскаго поселенія Обокъ получено извѣстіе о столкновеніи, происшедшемъ между высадившимися недавно на берегу залива Таджура, подъ предводительствомъ называющаго себя „атаманомъ вольныхъ казаковъ“ Николая Ашинова, русскими подданными и французскими властями. Согласно съ поступившими въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ свѣдѣніями, это столкновеніе вызвано было своевольными поступками самого Ашинова. Неоднократныя поѣздки въ Африку были предпринимаемы Ашиновымъ безъ разрѣшенія и безъ всякаго участія Императорскаго правительства. Если о результатахъ перваго своего путешествія въ эти края (изъ Массауры въ Абиссинію) Ашиновъ сообщилъ представителямъ нашимъ въ Константинополѣ и Египтѣ нѣкоторыя данныя, каковыя оказались, однако, въ противорѣчіи со свѣдѣніями дошедшими впослѣдствіи изъ другого источника, то о поѣздкахъ предпринятыхъ имъ въ Таджуру—Министерство Иностранныхъ Дѣлъ освѣдомлялось изъ появлявшихся какъ въ русскихъ, такъ и въ иностранныхъ газетахъ частныхъ сообщеній. Русскіе заграничные агенты могли доставить объ этомъ предметѣ лишь отрывочныя свѣдѣнія, доходившія къ нимъ большею частью стороною и за точность коихъ они отказывались ручаться“. „Такъ какъ“, продолжаетъ прав. сообщеніе, „согласно съ отзывомъ нашего дипломатическаго агента, Ашиновъ дозволилъ себѣ увѣрить французскаго консула въ Портъ-Саидѣ, что его предпріятіе одобрено будто бы Императорскимъ правительствомъ, то д. с. с. Коиндеру было тогда же поручено заявить французскому дипломатическому агенту въ Каирѣ, что увѣренія Ашинова совершенно ложны и что его экспедиція предпринята на его собственный страхъ, безъ всякаго участія правительства. 24 января сего года была получена отъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ телеграмма, въ коей передавалось сдѣланное ему французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ сообщеніе по поводу предпріятія Ашинова.

Дѣйствит. тайный совѣтникъ Н. И. Козловъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея).
Съ фотогр. грав. Пуцъ.

Изъ этой телеграммы оказывалось, что, по прибытіи Ашинова въ Таджуру, мѣстныя французскія власти потребовали отъ него, на основаніи установленныхъ правилъ, выдачи всего излишняго оружія, но что, отказавшись выполнить это требованіе, Ашиновъ перешелъ изъ Таджуры въ Согалло, мѣстность, находящуюся, равнымъ образомъ, въ предѣлахъ французскаго протектората, занялъ старинное укрѣпленіе, поднялъ въ немъ русскій коммерческій флагъ и объявилъ, что эта мѣстность пріобрѣтена имъ на основаніи заключеннаго съ мѣстнымъ племеннымъ начальникомъ соглашенія. Пожелавъ узнать отъ д. с. с. Коцебу, интересуется ли наше правительство предпріятіемъ Ашинова, г. Гоблэ присовокупилъ, что, въ случаѣ положительнаго отвѣта, французское правительство желало бы, чтобы съ нашей стороны было оказано содѣйствіе, съ цѣлью принудить Ашинова подчиниться предъявленнымъ ему требованіямъ, но что, въ противномъ случаѣ, французскія власти сочтутъ себя въ правѣ поступить по собственному благоусмотрѣнію. На этотъ запросъ нашему повѣренному въ дѣлахъ было поручено отвѣтить въ смыслѣ приведенныхъ выше и ранѣе преподанныхъ дипломатическому агенту въ Каирѣ указаній“. „Телеграммою, отъ 2 февраля, д. с. с. Коцебу вновь довелъ до свѣдѣнія Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, что Ашиновъ продолжаетъ уклоняться отъ выполненія требованій французскихъ властей; что, въ виду предстоящей необходимости прибѣгнуть къ понудительнымъ мѣрамъ, правительство республики желало бы, чтобы предварительно съ нашей стороны было дано Ашинову приказаніе сдать излишнее оружіе и признать верховныя права Франціи, въ каковомъ случаѣ ему будетъ разрѣшено остаться въ Согалло, и что, согласно съ дошедшими въ Парижъ свѣдѣніями, Ашиновъ ожидаетъ доставки изъ Одессы новаго запаса оружія. Какъ ни затруднительнымъ представлялось выполненіе желанія французскаго правительства, въ виду отсутствія въ этихъ краяхъ представителей русской власти, тѣмъ не менѣе, нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ поручено было объявить г. Гоблэ, что мы не замедлимъ изыскать средства передать Ашинову приказаніе въ желаемомъ французскимъ правительствомъ смыслѣ, но что, въ виду отдаленности Таджурскаго залива, доставка означеннаго приказанія по назначенію будетъ сопряжена съ нѣкоторымъ замедленіемъ. За отсутствіемъ прямаго телеграфнаго сообщенія съ Таджурскимъ заливомъ, отвѣтъ нашъ былъ переданъ французскимъ правительствомъ въ Аденъ, откуда онъ долженъ былъ быть отправленъ съ пароходомъ въ Обокъ; но, какъ свидѣтельствуютъ только что получен-

ныя чрезъ пребывающее здѣсь французское посольство свѣдѣнія, вновь возникшія на мѣстѣ осложненія не дозволили обокскимъ властямъ откладывать долѣе принятіе понудительныхъ мѣръ. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Ашинову было предъявлено новое письменное требованіе и, за неполученіемъ отъ него отвѣта, былъ открытъ по Согалло огонь съ находившагося въ Таджурскомъ заливѣ французскаго военнаго судна. Этотъ огонь, длившійся лишь нѣсколько минутъ, былъ прекращенъ, какъ только однимъ изъ спутниковъ Ашинова былъ поднятъ бѣлый флагъ, но при всемъ томъ, онъ не обошелся безъ жертвъ; изъ находившихся въ Согалло русскихъ пять человѣкъ было убито и пятеро другихъ ранено. Поднятый въ Согалло русскій коммерческій флагъ былъ спущенъ, но такъ какъ на другой день Ашиновымъ сдѣлана была новая попытка къ противодѣйствію распоряженіямъ французскихъ властей, то адмиралъ Ольри нашелся вынужденнымъ принять мѣры къ предупрежденію дальнѣйшихъ своевольныхъ поступковъ; объявивъ, что на французское судно будутъ принимаемы всѣ желающіе, онъ приказалъ перевезти на оное какъ задержанное въ Согалло оружіе, такъ и имущество русскихъ подданныхъ. Передавъ вышеизложенныя данныя, французское посольство сообщило Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что обокскія власти не встрѣчаютъ препятствій къ разрѣшенію русскимъ подданнымъ свободно проживать на французской территоріи, подъ условіемъ точнаго выполненія ими предложенныхъ имъ условій, или же къ переѣзду въ Абиссинію тѣхъ изъ нихъ, которые того пожелаютъ. Въ то же время означенное посольство выразило готовность облегчить нашимъ соотечественникамъ переѣздъ до Суэза. Въ виду этого, предполагается командировать въ Суэзъ офицера русскаго флота, для пріема и отправленія въ Одессу всѣхъ русскихъ, кои будутъ доставлены.

„Принимая въ соображеніе вышеизложенныя данныя, Императорское Правительство полагаетъ, что не представляется основанія возлагать на французскія власти въ Обокѣ отвѣтственности за происшедшее въ Согалло кровопролитіе, и что отвѣтственность эта должна всецѣло пасть на Николая Ашинова, рѣшившагося нарушить спокойствіе въ предѣлахъ территоріи, подвѣдомственной державѣ, находящейся въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Россіею. Имѣющіяся и преданныя гласности свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о томъ, что территорія Согалло еще въ 1882 году была уступлена начальникомъ племени Али-Али Франціи, которая и заняла эту мѣстность въ 1884 году, а въ виду этого, французское правительство имѣло полное право потребовать соблюденія Ашиновымъ и его спутниками установленныхъ въ предѣлахъ французскаго протектората правилъ и, въ случаѣ ихъ ослушанія, принять противъ нихъ понудительныя мѣры. Происшедшія въ Согалло замѣшательства останутся безъ вліянія на существующія между Россіею и Франціею отношенія."

Всѣ эти событія и распоряженія г. Гоблэ происходили въ то время, когда покойное министерство Флоке находилось въ агоніи, и потому нѣтъ ничего удивительнаго что дѣйствія французскаго министра иностранныхъ дѣлъ отличаются большою поспѣшностью, точно ожидалась скорая кончина кабинета. Большинство французскихъ газетъ отзывается съ порицаніемъ о мѣрахъ, принятыхъ относительно Ашинова, и находитъ, что слѣдовало бы съ нимъ поступить иначе, не прибѣгая къ кровопролитію, такъ какъ дѣло шло о людяхъ, принадлежащихъ къ дружественной націи. Печать возлагаетъ отвѣтственность за случившееся на адмирала Кранца и всѣ газеты высказываютъ по поводу этого прискорбнаго случая сочувствіе къ Россіи.

Новый кабинетъ съ Тираромъ во главѣ составленъ по необходимости не совсѣмъ удачно и французскія газеты относятся къ нему довольно холодно. *Journal des Débats* говоритъ, что кабинетъ поставилъ себя въ невозможность составить ясную и твердую политическую программу и вызоветъ развѣ самое незначительное довѣріе къ себѣ. Радикальныя газеты ставятъ новому министерству въ упрекъ, что оно взято изъ рядовъ меньшинства республиканской партіи. Буланжистская газета *Presse* находитъ, что новый кабинетъ является вызовомъ странѣ; консервативные же органы открыто высказываются во враждебномъ министерству смыслѣ. Когда портфель министра иностранныхъ дѣлъ принялъ Спюллеръ, родомъ нѣмецъ изъ Бадена, занимавшій министерскій постъ при Гамбеттѣ, нападки не прекратились со стороны радикальныхъ и умѣренныхъ органовъ. Въ дипломатическихъ кругахъ полагаютъ, однако, что палата отнесется къ министерству благосклоннѣе, потому что въ составъ его все-таки вошли лица съ достоинствами, а также потому, что палатѣ извѣстно, что новый кризисъ завершился бы ея распущеніемъ.

Вообще, настоящее время—несчастное время для министерствъ. По извѣстіямъ изъ Бухареста, палата 101 голосомъ противъ 41 приняла предложеніе о преданіи министра Братіано суду.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 9 февраля, въ Зимнемъ Дворцѣ, въ помѣщеніи Императорскаго Эрмитажа, состоялся балъ, на который было приглашено болѣе 300 лицъ. Залы были залиты массою огней. На верхней площадкѣ лѣстницы, въ знаменитую малахитовую вазу была вставлена гигантская латанія, осѣнявшая своими вѣтвями входившихъ. Буфетъ для гостей, съ чаемъ, фруктами, конфектами, прохладительными и шампанскимъ, былъ устроенъ на парадной лѣстницѣ. Передъ ужиномъ была мазурка, въ которой принимала участіе Государыня Императрица.

— 10 февраля, Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и другими Членами Императорской Фамиліи изволили присутствовать на спектаклѣ въ Константиновскомъ Дворцѣ. Были разыграны двѣ пьесы: „Горящія письма" и „До поры до времени", при участіи Вел. Кн. Сергѣя и Павла Александровичей и Константина Константиновича, г-жъ В. И. Мятлевой, М. В. Мятлевой, кн. А. Н. Голицыной и Д. С. Арсеньева.

— 14 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица удостоили Своимъ посѣщеніемъ балъ, данный офицерами лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. На балу присутствовали Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другіе Члены Императорской Фамиліи.

Дѣла церкви.

— Присоединеніе волынскихъ чеховъ къ православію продолжается до послѣдняго времени. Въ с. Глинскѣ, стараніемъ мѣстнаго священника, о. Матѳія Тарнавскаго, почти при каждомъ богослуженіи происходитъ присоединеніе къ православію одного или нѣсколькихъ чеховъ. Даже неправославные чехи все болѣе и болѣе обнаруживаютъ симпатіи къ православію, такъ что крестятъ своихъ дѣтей по православному обряду.

Народное просвѣщеніе.

— Государь Императоръ, 12 февраля, Всемилостивѣйше соизволилъ назначить Е. И. В. Вел. Кн. Константина Константиновича почетнымъ попечителемъ педагогическихъ курсовъ при с.-петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

— 9 февраля, Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній въ С.-Петербургѣ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. По окончаніи молебствія, директоромъ музея, генералъ-маіоромъ В. П. Коховскимъ, было открыто засѣданіе всѣхъ отдѣловъ музея.

Промышленность.

— 12 февраля, въ СПБ., въ Михайловскомъ манежѣ происходило открытіе первой Всероссійской рыбопромышленной выставки, устроенной состоящимъ подъ покровительствомъ Е. И. В. Вел. Кн. Сергѣя Александровича Россійскимъ обществомъ рыболовства и рыбоводства. Въ 2 часа прибыли Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. При входѣ Ихъ Величествъ встрѣтилъ Августѣйшій Покровитель выставки съ предсѣдателемъ и членами комитета выставки. Дочь предсѣдателя общества рыболовства и рыбоводства, В. А. Грейгъ поднесла Ея Величеству букетъ цвѣтовъ. Хоръ музыки лейбъ-гвардіи стрѣлковаго Императорской Фамиліи батальона заигралъ гимнъ: „Боже, Царя храни". При обозрѣніи выставки Ихъ Величествамъ нѣкоторые экспоненты имѣли счастіе поднести свои произведенія и экспонаты. Ихъ Величества милостиво приняли жетоны въ память выставки. Мастеръ охотничьей обуви Дышко поднесъ Его Величеству особые охотничьи сапоги на оленьемъ мѣху — „пимы", а Государынѣ Императрицѣ — охотничьи ботинки изъ змѣиной шкуры. Ѳ. И. Базилевскій поднесъ Государю Императору на серебряномъ подносѣ серебряную же вазу, внутри которой, въ стеклянномъ сосудѣ, помѣщалась свѣжая зернистая икра. На серебряной крышкѣ вазы рельефно выдѣлана стерлядь; на подносѣ — серебряная ложка, въ русскомъ стилѣ, и тарелочка въ видѣ раковины — изъ баккара. Петербургскій рыботорговецъ Семеновъ поднесъ Ихъ Величествамъ 6 замѣчательныхъ двинскихъ живыхъ стерлядей; М. В. Андреевскій—живыя жемчужныя раковины, которыя ловятся, между прочимъ, въ Эстляндской губерніи; поднесенныя раковины будутъ пущены въ гатчинскіе проточные пруды; многіе экспоненты—рыбъ и рыбные продукты, г. Коцураки — коллекцію морскихъ губокъ. При входѣ Ихъ Величествъ въ буфетъ, рестораторъ Лопашевъ встрѣтилъ Его Величество хлѣбомъ-солью. Государь Императоръ, принявъ бокалъ шампанскаго и обратясь къ Августѣйшему покровителю русскаго Общества рыболовства и рыбоводства, выпилъ за преуспѣяніе рыбопромышленнаго дѣла въ Россіи.

— Въ гор. Баку, въ Черномъ городкѣ, строится двумя англичанами, пріѣхавшими въ прошломъ году изъ Лондона, значительныхъ размѣровъ мельница для обдиранія шелухи съ чалтыка и для полировки рисоваго зерна.

Искусства изобразительныя.

— 12 февраля, И. И. Выс. Президентъ Императорской академіи художествъ Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ и Вел. Кн. Марія Павловна посѣтили костюмированный балъ, данный въ Дворянскомъ собраніи въ пользу недостаточныхъ учениковъ Императорской Академіи Художествъ. Ихъ Императорскія Высочества прибыли въ 11 часовъ вечера и были встрѣчены обоими ректорами академіи, конференцъ-секретаремъ, тайнымъ совѣтникомъ П. Ѳ. Исѣевымъ, художниками-профессорами и распорядителями бала. Ихъ Императорскія Высочества сидѣли въ Царской ложѣ, откуда смотрѣли на танцы и процессію „Свадебное шествіе на Руси въ XVI столѣтіи".

Алгебраическая задача № 16.

Одна русская пословица состоитъ изъ 17 буквъ; если эти буквы замѣнить числами согласно алфавиту русской азбуки, то получимъ слѣдующія между ними соотношенія:

1) Квадратный корень изъ пятнадцатаго равенъ первому.
2) Квадратный корень изъ втораго равенъ двѣнадцатому.
3) Кубичный корень изъ разности четвертаго и третьяго равенъ тринадцатому числу.
4) Разность семнадцатаго и шестнадцатаго равна разности одиннадцатаго и восьмаго числа.
5) Кубичный корень изъ суммы семнадцатаго, пятаго и четырнадцатаго равенъ разности десятаго и одиннадцатаго числа.
6) Седьмое относится къ восьмому, какъ пятое къ третьему числу.
7) Среднее вдвое болѣе перваго числа.
8) Шестое вдвое менѣе шестнадцатаго числа.
9) Одиннадцатое относится къ двѣнадцатому, какъ четвертое къ первому числу.
10) Второе относится къ пятнадцатому, какъ произведеніе двѣнадцатаго на первое къ разности одиннадцатаго и девятаго числа.
11) Сумма втораго и перваго равна разности одиннадцатаго и двѣнадцатаго числа.
12) Разность пятаго и четвертаго равна разности седьмаго и одиннадцатаго числа.
13) Десятое равно суммѣ четвертаго, двѣнадцатаго и тринадцатаго числа.
14) Четырнадцатое равно суммѣ восьмаго и перваго.
15) Кубичный корень изъ суммы шестнадцатаго и тринадцатаго равенъ одной трети пятнадцатаго числа.
16) Сумма восьмаго и шестаго равна послѣднему.
17) Кубичный корень изъ разности семнадцатаго и десятаго равенъ разности четвертаго и шестаго числа.

Шашечная задача № 17.

В. Шошина.

Черныя.

	A	B	C	D	E	F	G	H
8								
7	♕							
6				♛				♙
5			♟					
4		♙		♟		♙		♟
3	♕						♙	
2						♙		
1			♙					
	A	B	C	D	E	F	G	H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и выигрываютъ.

Шахматная задача № 18.

Пѣшечный курьезъ.

Черные.

	A	B	C	D	E	F	G	H
8								
7	♟		♟	♚				
6	♚	♟						
5								
4		♙						
3	♙							
2	♙			♙				
1								
	A	B	C	D	E	F	G	H

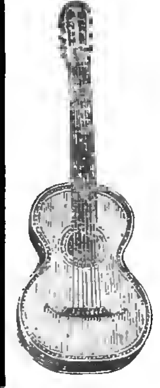
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 8 ходовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.



ГИТАРЫ

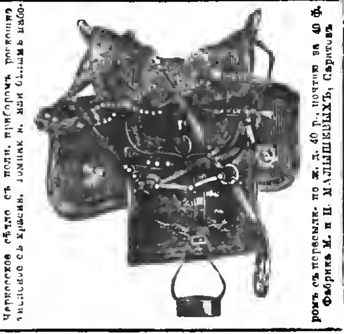
въ $3\frac{1}{2}$, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75. 100 руб. (отъ 8 руб и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Соколова ч. I, II и III по $1\frac{1}{2}$ руб. за часть. № 3720

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 20, 35, 50, 60 75 и 100 руб. (отъ 20 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.



Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адріаномъ Шлейхомъ. Альгейеромъ. Зигле и др.

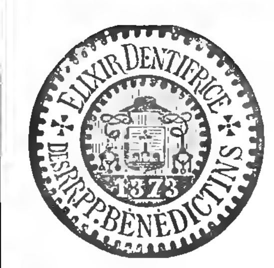
Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками; на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405



Элексиръ, Порошокъ и Помада
для зубовъ
ОТЦОВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда), Франція.

Находятся въ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и магазинахъ косметическихъ.

ЗА 30 КОП.
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и прейсъ-курант.

за 50 коп. 2—2
почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше 70 к и 1 р. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“.
МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ
А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Обуховскій просп., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.

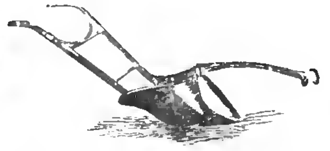
Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—1

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СѢДИНЫ:

ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская **Исаковой.** № 3717

КОНТОРЫ МЕХАНИЧ. ЗАВОДА
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая, д. Виноградова.



предлагаютъ въ большомъ выборѣ: плуги, бороны, сѣялки, жнеи, косилки, молотилки, вѣялки, мельницы, маслобойки, насосы, пожарныя и садовыя трубы и пр., и между прочимъ **новѣйшій плугъ Товарищества Б. и У.**

№ 3680 **„КОЛОНИСТЪ“** 5—3

построенный весьма солидно и прочно и снабжен. всѣми улучшеніями плужной техники, марки GA по 8 р. 50 к., SA—10 руб.

Улучшенн. ручную сѣялку ЧАМПІОНЪ
разсѣвающ. всякія сѣмена равномѣрнѣе и быстрѣе, чѣмъ это возможно рукою. Ц. 12 р.
Иллюстр. каталогъ по востребованію.

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.
Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (13) Ц. № 3077

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (56) № 2946

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россія Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (8)

„НОВОСТЬ“

за 5 марокъ (иногороднымъ) высылается заказнымъ новый практическій стѣнной

КАЛЕНДАРЬ на 1889 г.
(размѣръ $6\frac{1}{2}$ в. × 9 в.)
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
Москва. — С.-Петербургъ
№ 3608 (11)

POUDRE DE RIZ
NOUVELLE
AU PARFUM ESSENCE MUGUET DES JARDINS

ce produit d'une inaltérable fraicheur communique à la peau et au teint son don naturel qui est

FRAICHEUR
VELOUTÉ

ROUME 16 Grande Morskaïa
PARFUMERIE DU GRAND MONDE Mt. № 3711

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ., 22 февраля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подьяч., д. 1.

ЛИТЕРАТУРЫ

XX г. — г. XX

№ 10 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 марта 1889 г — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1889 г., съ 30 рисунками и отд. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 27 рис. рукодѣльн. работъ.

Б. С. Якоби.

Вѣроятно немногіе изъ читателей нашихъ знаютъ, кто такой былъ Якоби, не смотря на то, что онъ пользовался всемірною извѣстностью, какъ изобрѣтатель гальванопластики, получившей въ послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ такое широкое примѣненіе. Вотъ почему, по поводу истекшаго недавно пятидесятилѣтія со времени изобрѣтенія этой технической отрасли, мы считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ жизнью и дѣятельностью нашего почтеннаго ученаго, оказавшаго несомнѣнныя услуги Россіи—своему второму отечеству Академикъ и профессоръ, Борисъ Семеновичъ Якоби родился въ Потсдамѣ, въ Пруссіи, 9 (21) сентября 1801 года, въ семьѣ мѣстнаго купца-банкира. Отецъ желалъ посвятить своего сына изученію архитектурнаго искусства, а потому по окончаніи курса въ университетахъ Геттингенскомъ и Іенскомъ, Якоби былъ сперва архитекторомъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ его младшій братъ, Карлъ Якоби, знаменитый математикъ, занималъ каѳедру въ университетѣ. Но затѣмъ онъ перемѣнилъ свою профессію, перейдя къ изученію электричества, гальванизма и чистой и прикладной механики. Ученіемъ о гальванизмѣ и въ особенности практическими приложеніями дѣйствій электрическаго тока онъ заинтересовался еще будучи студентомъ Геттингенскаго университета, и во время своего пребыванія въ Кенигсбергѣ дѣятельно трудился надъ примѣненіемъ электромагнетизма къ машинамъ. Результатомъ этихъ занятій было его первое научное сочиненіе „Sur l'application de l'électro-magnétisme au mouvement des machines“, явившееся въ Потсдамѣ въ 1835 г. На его работы въ этой области обратилъ вниманіе и знаменитый Александръ Гумбольдтъ, находившійся въ Кенигсбергѣ одновременно съ Якоби, и высказалъ ему большое одобреніе. Перейдя въ 1835 году, по приглашенію нашего академика Бэра, на каѳедру гражданской ар-

Борисъ Семеновичъ Якоби (по поводу пятидесятой годовщины изобрѣтенія гальванопластики) Съ современн. портр. грав. Шюблеръ.

хитектуры въ Дерптѣ, молодой ученый и здѣсь, рядомъ съ практическими архитектурными работами, усердно продолжалъ заниматься практическими изысканіями въ области физики, которыя вскорѣ стали извѣстны нашей Академіи Наукъ, куда Якоби представилъ свои труды по предмету электромагнетизма и гальванопластики. Академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, послѣ чего, по ходатайству тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, графа С. С. Уварова, онъ былъ вызванъ, въ 1837 году, въ Петербургъ. Черезъ два года онъ сдѣлался адъюнктомъ нашей академіи по каѳедрѣ механики и теоріи машинъ, черезъ три года возведенъ въ званіе экстраординарнаго, а въ 1847 году—ординарнаго члена Академіи Наукъ. Съ этой поры начинается его усиленная дѣятельность въ сферѣ техническихъ производствъ, его изслѣдованія электромагнетизма, прославившія его имя. Якоби всегда съ гордостью указывалъ на первенство Россіи въ дѣлѣ многихъ примѣненій электромагнетизма и гальванизма и на то, что честь изобрѣтенія гальванопластики принадлежитъ единственно и всецѣло Россіи.

Въ своихъ изысканіяхъ по теоріи электромагнетизма, Якоби былъ сотрудникомъ и продолжителемъ работъ барона Шиллинга и первый устроилъ электромагнитную машину, которая, при 64 элементахъ Грове, имѣла около одной лошадиной силы и привела въ движеніе, противъ теченія, на Невѣ лодку съ 14 человѣками экипажа. Воспользовавшись этимъ и другими подобными опытами, онъ вывелъ теорію электромагнитныхъ машинъ, которую и опубликовалъ въ статьѣ, просто и общепонятно изложенной. Якоби былъ также первымъ устроителемъ у насъ телеграфа съ подземными проводниками, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, лично интересовавшагося его работами, онъ провелъ телеграфную линію между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ, устроивъ на ней нѣсколько новыхъ аппаратовъ, необыкновенно остроумныхъ по конструкціи и весьма легко приводимыхъ въ дѣйствіе. Во время Крымской войны Якоби тоже сослужилъ большую службу Россіи—изобрѣтеніемъ подводныхъ минъ, зажигаемыхъ посредствомъ электричества. Онѣ появились у насъ гораздо ранѣе чѣмъ въ Европѣ и за океаномъ, гдѣ вполнѣ сознали всю важность ихъ при войнѣ оборонительной, и были устроены на Черномъ морѣ и въ Финскомъ заливѣ для защиты Кронштадта. Изобрѣтателю этихъ гальваническихъ минъ дано было порученіе образовать команды военныхъ гальванеровъ, офицерамъ которыхъ онъ и читалъ лекціи по означенной спеціальности. Чисто практическія работы Якоби шли у него, большею частью, рука объ руку съ научными изслѣдованіями, помогавшими развитію чистой физики. Сюда относятся изобрѣтеніе имъ регуляторовъ электрическаго тока съ жидкими и твердыми проводниками; проволочнаго и ртутнаго вольтагометровъ; изслѣдованія надъ сопротивленіемъ жидкихъ проводниковъ и поляризацей, которыя натолкнули его на весьма важное въ практическомъ отношеніи изобрѣтеніе такъ-называемой контръ-батареи. При ея помощи онъ сдѣлалъ возможною передачу корреспонденціи при дурно уединенныхъ телеграфныхъ проводникахъ, не смотря на отклоненіе тока; позднѣе изобрѣтеніе это нашло широкое примѣненіе при устройствѣ трансатлантическаго телеграфа. Къ числу другихъ работъ его, имѣющихъ практическую важность, относятся: изысканіе новыхъ способовъ обработки платины для чеканки изъ нея монеты; устройство контрольнаго аппарата для измѣренія количества и крѣпости жидкостей, устройство алкоголометра и проч. Кромѣ того, Якоби много лѣтъ состоялъ членомъ Мануфактурнаго совѣта при Министерствѣ Финансовъ, а во время Всемірной Парижской выставки 1867 года, какъ делегатъ Россіи, участвовалъ въ международномъ комитетѣ для обсужденія средствъ къ введенію во всѣхъ странахъ однообразной системы мѣръ, вѣсовъ и монетъ. Онъ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ, отечественныхъ и иностранныхъ, и дѣятельно участвовалъ въ трудахъ русскихъ техническихъ обществъ. Б. С. Якоби скончался пятнадцать лѣтъ тому назадъ, 27 февраля 1874 г. Физика въ области гальванизма—говоритъ академикъ Вильдъ—обязана Якоби рядомъ прекрасныхъ трудовъ, свидѣтельствующихъ столько же объ его ясномъ умѣ, правильномъ пониманіи явленій и способности къ обобщенію, сколько о богатомъ дарѣ изобрѣтательности, которымъ онъ обладалъ. Мы знаемъ, что Якоби, не разъ въ его жизни, случалось отклонять отъ себя искушеніе: посвящать его талантъ изобрѣтательности на пользу техники, въ видахъ получить результаты непосредственно и богато вознаграждающіе за трудъ. Но онъ остался вѣренъ наукѣ...

П. Быковъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

— Вопросъ о достаточности, ваше вп-во, весьма растяжимъ, отвѣчалъ адвокатъ, пожавъ плечами, какъ человѣкъ, который не видитъ нужды брать на себя излишней отвѣтственности.—Я, какъ повѣренный Марьи Кондратьевны, знаю ее достаточно только въ томъ отношеніи что мнѣ неизвѣстно за ней ничего съ юридической стороны двусмысленнаго. Дѣлъ уголовныхъ за нею нѣтъ; а денежныя она ведетъ, какъ и всѣ, кто не хочетъ показывать своихъ картъ. Это коммерческая игра, въ которой, не будучи шулеромъ, всякій естественно считаетъ себя въ правѣ пользоваться чужими ошибками. Своихъ азартныхъ затѣй у ней и въ заводѣ нѣтъ, а за слишкомъ ревностное участіе въ чужихъ она нерѣдко и платится. Вообще, слухи, которые о ней ходятъ въ городѣ, крайне преувеличены.

— То-то; смотрите, не промѣнять бы кукушку на ястреба.

— Боже избави! сказалъ Стойницкій смѣясь. — Это добрѣйшая женщина, которая рада всегда помочь, тамъ гдѣ помощь ея нужна, и безъ малѣйшей примѣси хищничества въ своей природѣ; женщина, которая, въ молодости, вела цыганскую жизнь, и до сихъ поръ, насколько ей позволяютъ ея заботы, предпочитаетъ общество своихъ старыхъ друзей, артистовъ, всякому... Сошлюсь на Сергѣя Ивановича, который ее отлично знаетъ...

— Ну, да, перебилъ Ладищевъ, — и я пожалуй сошлюсь на него. Онъ не могъ мнѣ, конечно, сказать ничего серьезнаго, потому что онъ мало заботится о серьезныхъ вещахъ; но изъ его разсказовъ ясно, что эта Рогневичъ близка не съ одними артистами. Ее посѣщаютъ крупнѣйшіе и азартнѣйшіе финансовые игроки.

— Что жь за бѣда? отвѣчалъ Стойницкій. — Люди такого полета какъ напримѣръ Ферейтель, которымъ нерѣдко нужны милліонныя суммы, вдругъ, и на самый короткій срокъ, всегда имѣютъ развѣдчиковъ и охотно имъ платятъ десятки тысячъ за ихъ услуги. Что за бѣда, говорю, если она и трется между такими людьми, заработывая отъ нихъ крохи? Всячески, тутъ не пахнетъ шантажемъ.

— О, нѣтъ, разумѣется!.. Но въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, какъ это несчастіе съ Пашей, не лишнее, вы понимаете, знать съ кѣмъ имѣешь дѣло... Особенно если это женщина... Женщины иногда способны выболтать то, о чемъ, даже въ собственныхъ ихъ интересахъ, вѣрнѣе бы было молчать. Эта Рогневичъ, напримѣръ, хвастала такому шуту какъ Сергѣй, что она знаетъ племянницу и даже имѣла счастье заплатить за нее по векселю; и еще кое-что; между прочимъ, что вы служили посредникомъ при уплатѣ денегъ.

— Къ несчастію, да, согласился Стойницкій. — Въ ея оправданіе я позволю себѣ однако замѣтить что Марья Кондратьевна вѣроятно не сдѣлала бы такой неосторожности, еслибъ она не знала какъ близокъ Сергѣй Ивановичъ къ вамъ; и еще, что она всегда была противъ секретничанья Прасковьи Петровны со своимъ семействомъ. Но это единственный мнѣ извѣстный случай нескромности. А что она умѣетъ молчать когда это нужно, такъ вотъ доказательство. Никто до сихъ поръ и не догадывается что уже два года, какъ я состою у нея повѣреннымъ.

— Я бы желалъ однако видѣть ее, чтобы, знаете, самому судить, произнесъ небрежно Ладищевъ. — Кстати и эта уплата. Не ловко же ей швырнуть ея деньги назадъ, не сказавъ даже простаго спасибо.

Стойницкій отвѣчалъ спокойно, что ничего нѣтъ легче и что ей стоитъ только указать пріемный часъ.

„Клюетъ!“ рѣшилъ онъ, разставшись со своимъ патрономъ.

Было уже около половины втораго; но онъ успѣлъ заѣхать еще къ Рогневичъ съ извѣстіемъ что Юпитеръ ждетъ ее послѣ-завтра, въ одиннадцать часовъ поутру; и былъ награжденъ отъ Марьи Кондратьевны разными знаками необузданной благодарности.

XX.

Дѣло обдѣлано было опытной и увѣренною рукой.

Марья Кондратьевна вышла на сцену съ такимъ эффектомъ, который навѣрное заслужилъ бы ей рукоплесканія даже и на столичномъ театрѣ—скромность, спокойствіе, непринужденный, а между тѣмъ глубоко почтительный тонъ. Недоставало только вечерняго освѣщенія и румянъ, на которыя она не рискнула днемъ, чтобы сбавить ей въ глазахъ его вп-ва по крайней мѣрѣ лѣтъ десять.

Выслушавъ очень внимательно все что̀ Ладищевъ имѣлъ ей сказать и получивъ обратно уплаченные за Пашу 300 рублей, она свела разговоръ, шутя и нечувствительными оттѣнками, сперва на поглощающія заботы лица удѣлившаго ей частицу столь драгоцѣннаго времени,—потомъ на банковыя дѣла, потомъ вообще на положеніе денежныхъ дѣлъ въ столицѣ, которое оказалось такъ хорошо ей извѣстно, что собесѣдникъ ея, сначала не обращавшій вниманія на эти подходы, считая ихъ безразличными, скоро нашелъ разговоръ интереснымъ, совсѣмъ независимо отъ того къ чему, по его догадкамъ, онъ долженъ былъ привести,—и былъ видимо озабоченъ стараніемъ не потерять изъ него ни малѣйшей подробности. Иныя вещи первостепенной важности, но изъ разряда тѣхъ, которыя можно узнать лишь за кулисами оффиціальной сцены, гдѣ актеры между собой не церемонятся, были ему совсѣмъ неизвѣстны, и онъ останавливалъ говорившую просьбою повторить что-нибудь особенно характерное; другія, извѣстныя ему въ общихъ чертахъ и съ такой высоты, съ которой живая физіономія ихъ теряется, разсказаны были съ полнотой воплощенія, сообщавшей имъ новое и совсѣмъ неожиданное значеніе. Но Марья Кондратьевна говорила такъ скоро и перескакивала такъ быстро отъ одного къ другому, что многое, къ сожалѣнію слушателя, все-таки было потеряно, и онъ обѣщалъ себѣ, во всякомъ случаѣ, не забывать тропинки къ такому обильному справочному источнику... Какъ вдругъ она оборвала разсказъ о переговорахъ извѣстнаго синдиката берлинскихъ банкировъ съ однимъ изъ петербургскихъ банковъ и тронула себя за голову, словно припоминая что-то, въ жару разговора у ней ускользнувшее.

— Ахъ да, я и забыла предупредить васъ, что вашему банку на-дняхъ предстоитъ милліонный вопросъ.

— Не можетъ быть! произнесъ Ладищевъ, смотря на нее съ усмѣшкой, которой онъ напрасно старался придать небрежно-шутливый и недовѣрчивый смыслъ.— У насъ не имѣютъ еще на этотъ счетъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Еслибъ имѣли, объ этомъ не стоило бы и говорить, отвѣчала она, поднимая на собесѣдника совершенно спокойный взглядъ.

— Вы значитъ не шутите?

— Нѣтъ... Серьезно... Васъ собираются облегчить не меньше какъ на милліонъ.

— Ахъ, Боже мой! Кто?

Марья Кондратьевна улыбнулась что̀ называется во весь ротъ.

— А вы не выдадите меня?

— Не обижайте меня, сударыня... То что̀ мнѣ сказано здѣсь, какъ частному человѣку, хранится такъ свято, какъ политическій актъ въ государственномъ архивѣ.

Она молчала, словно припоминая что-то.

— Кто собирается занимать?

— Шалыгинъ.

Юпитеръ вытаращилъ глаза, очевидно захваченный совершенно врасплохъ.

— Но онъ уже долженъ двумъ банкамъ, кромѣ несчетныхъ долговъ его въ частныя руки.

— А, это вотъ видите-ли, меня не касается, отвѣчала актриса, смѣясь и играя глазами.

Тревожный взоръ и озабоченное лицо Ладищева свидѣтельствовали какую мудреную и неожиданную задачу она ему задала.

— Извините меня, сударыня, произнесъ онъ, пристально всматриваясь въ ея лицо, своей безпечною непроницаемостью напоминавшее ему въ эту минуту женскія черты сфинкса,—но право мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы вы, которой такъ хорошо извѣстно все что̀ дѣлается у насъ за кулисами финансоваго Олимпа, въ этомъ единственномъ случаѣ, были à court.

— Развѣ я вамъ сказала, что я à court?.. переспросила актриса съ своей широчайшей усмѣшкой.—Я вамъ сказала только, что меня мало интересуетъ какъ вы рѣшите этотъ вопросъ. Но положеніе дѣлъ Шалыгина мнѣ хорошо извѣстно. Милліоны его зарыты à fond perdu, въ трехъ предпріятіяхъ, очень солидныхъ быть-можетъ и щедрыхъ на обѣщанія, но въ настоящій моментъ оставляющихъ его самымъ предательскимъ образомъ на мели, такъ какъ чистый доходъ, которымъ онъ можетъ располагать, нѣсколько лѣтъ подърядъ идетъ на расширеніе и улучшеніе самаго дорогаго сердцу дѣтища его: Уральской горно-заводской компаніи. Правительство не отказываетъ ему въ поддержкѣ, какъ въ томъ свидѣтельствуетъ и новый выпускъ ихъ облигацій, который на-дняхъ ему разрѣшатъ; но все что̀ онъ, даже съ потерей, успѣетъ реализировать изъ него въ короткій срокъ, едва покроетъ срочные взносы по личнымъ его займамъ; а между тѣмъ у него въ виду уплата по мартовскому купону, которая, при несчастіи, угрожаетъ ему неисчислимою потерей на курсѣ бумагъ, и т. д.

Она говорила долго, перечисляя долги и суммы процентныхъ по нимъ уплатъ, перечисляя съ техническими деталями улучшенія достигнутыя по горно-заводской части и жертвы на нихъ потраченныя, съ приблизительною оцѣнкой времени когда онѣ должны окупиться, и много чего еще, что̀ затвержено было ею на память со словъ самого Шалыгина. Но мастерство, съ которымъ она играла роль безучастной разсказщицы, было такъ велико, что на взглядъ человѣка не знающаго въ чемъ дѣло, Ладищевъ, плохо скрывавшій свое смущеніе, могъ показаться просителемъ, участь котораго виситъ на волоскѣ, а она, Рогневичъ,—вершительницею его судебъ.

— Въ итогѣ, сказала она окончивъ,—Шалыгину не хватаетъ къ 1-му марта круглою суммой—милліона, и онъ пріѣхалъ сюда съ хорошей надеждой его добыть, такъ какъ на это онъ разумѣется не пожалѣетъ жертвъ. Но успѣетъ-ли онъ или провалится—этого я не берусь предсказать...

И она опять разсмѣялась безпечнымъ смѣхомъ женщины, у которой совсѣмъ не то на умѣ.

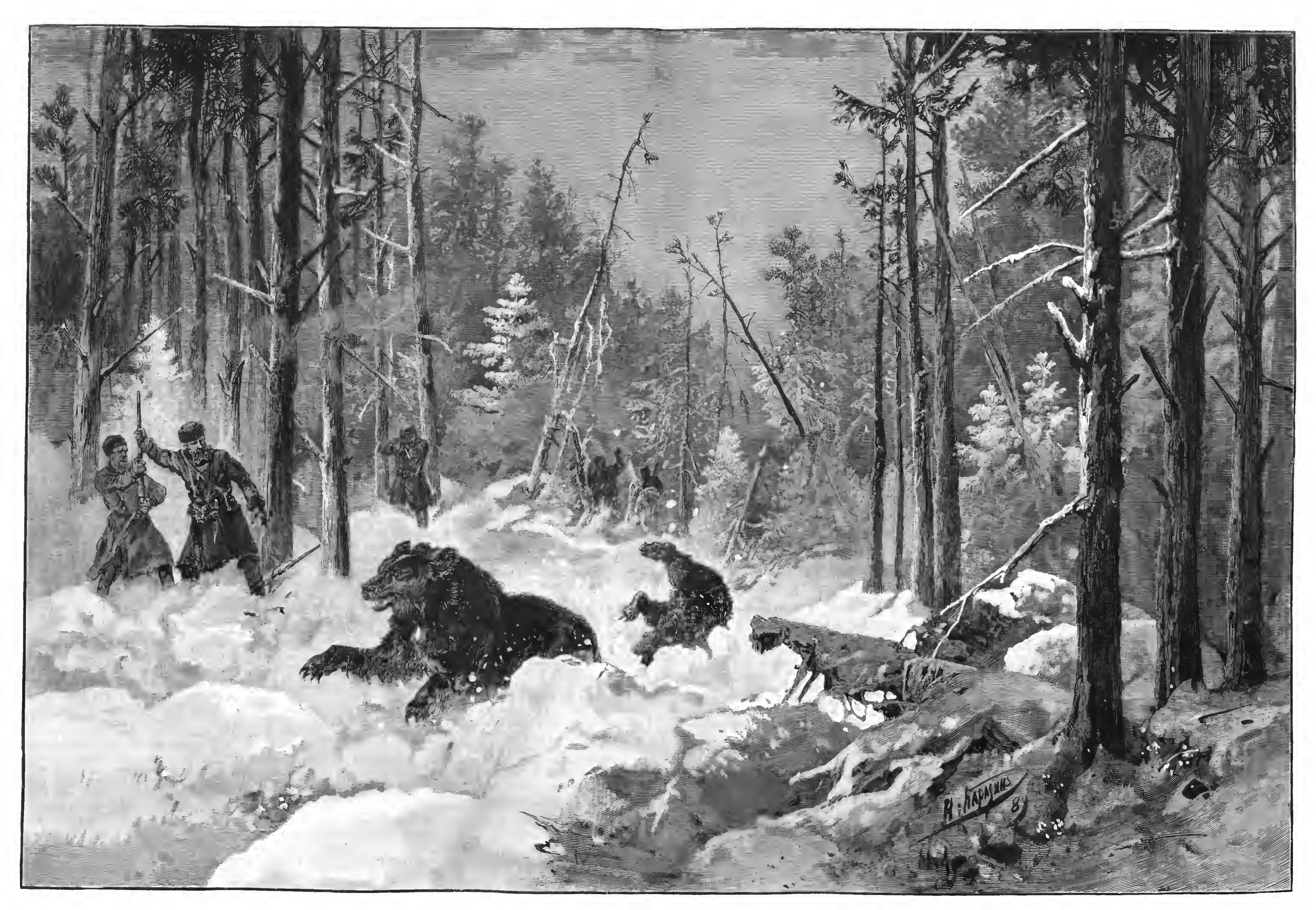
— Онъ у меня обѣдалъ въ пятницу, заключила она,—и я, послѣ обѣда, ему гадала въ карты. Выходило: успѣхъ въ задуманномъ предпріятіи и неожиданное свиданіе; но при этомъ препятствіе, которое мы не могли себѣ объяснить, потому что двѣ дамы и между ними какой-то запутанный интересъ сбивали насъ съ толку... Вы не играете въ карты, ваше вп-во?

— Играю.

— Не осчастливите-ли...

Она замолчала, дѣлая видъ что не смѣетъ выговорить своего желанія. Но, не взирая на то, ея приглашеніе было принято.

***



Охота на медвѣдя. Подъ огнемъ. Ориг рис. (собств „Нивы“) Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

Ладищевъ сталъ какъ-то вдругъ необычайно добръ и внимателенъ къ Пашѣ. Нѣсколько разъ приходилъ узнавать о ея здоровьѣ, на другой день, сидѣлъ у ней утромъ и вечеромъ, не касаясь ни словомъ ея приключеній—и только однажды, когда ихъ оставили на минуту вдвоемъ, шепнулъ ей чтобы она ни о чемъ не тревожилась, такъ какъ онъ видѣлся уже съ кѣмъ нужно и ему обѣщали что всѣ необходимыя мѣры приняты будутъ немедленно. Дѣвушка поняла и съ радостными слезами поцѣловала его руку... Во вторникъ она была уже на ногахъ, но по совѣту врача должна была высидѣть еще нѣсколько дней въ виду возможнаго рецидива. Съ этого времени къ ней допустили Анну Григорьевну, взявъ съ нея слово не заводить никакихъ волнующихъ разговоровъ; а такъ какъ это было не легкое дѣло, то друзья и убивали часы за игрой въ дурачки, напоминавшей имъ длинные зимніе вечера въ деревнѣ и мертвую тишину, прерываемую лишь тиканьемъ маятника, да изрѣдка лаемъ собакъ.

Но въ воскресенье, узнавъ что она наконецъ свободна отъ всякаго запрещенія, Паша не вытерпѣла—и не взирая на безотчетный страхъ, который въ ней возбуждало еще представленіе о возможности новыхъ встрѣчъ, укатила къ Стойницкому.

Онъ встрѣтилъ ее сіяющимъ взоромъ и объяснивъ коротко, что на-дняхъ надѣется наконецъ поздравить ее съ окончательною побѣдой, засыпалъ разспросами, на которые она отвѣчала другими, столь же нетерпѣливыми, такъ что ихъ консультація долго шла въ перебивку. Онъ разсказывалъ какъ онъ былъ встревоженъ извѣстіемъ о ея болѣзни, догадываясь что съ нею случилось что-нибудь очень серьезное, и какъ въ понедѣльникъ только, заѣхавъ къ Жухиной, узналъ отъ нея что догадка его была вѣрна. Но рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ имъ тотчасъ какъ только къ нему обратились за свѣдѣніями. И онъ разсказалъ ей въ сжатыхъ словахъ кое-что изъ своего объясненія съ дядей... Потомъ она разсказала ему подробно о встрѣчѣ своей съ Бурдюковымъ, на Невскомъ, и о развязкѣ ея у Мароы Никитишны, заключивъ извѣстіемъ что дядя Иванъ уже успокоилъ ее насчетъ послѣдствій.

— Онъ былъ неожиданно милъ и добръ, продолжала Паша, — такъ добръ что у меня осталось даже на совѣсти то чтó я вамъ говорила о немъ... О! какъ я счастлива, Викторъ Михайловичъ... И этимъ счастіемъ я обязана вамъ... Голубчикъ! я не умѣю вамъ и сказать, чтó я чувствую!..

Въ порывѣ сердечнаго увлеченія, она протянула руки... и вдругъ, припомнивъ чѣмъ кончилась ихъ послѣдняя консультація, покраснѣла какъ школьница пойманная въ буфетѣ, за банкой варенья... Но уже поздно: въ одно мгновеніе руки ея были осыпаны страстными поцѣлуями... Паша уже не отнимала ихъ... Еслибы только это! Къ несчастію, она знала что этимъ дѣло не кончится и предчувствіе ея скоро сбылось... Опять она услыхала пламенныя признанія, хватавшія ее прямо за сердце, и голова у нея начинала кружиться. Вдругъ онъ рванулся къ ней съ отуманеннымъ взоромъ, и не давая ей ни минуты опомниться, обнялъ ее...

Неодолимый страхъ напалъ на дѣвушку, словно къ губамъ ея поднесли что-то до-бѣла раскаленное... Она вскрикнула, вырвалась и вскочила. Слезы сверкали у ней на глазахъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! шептала она. — Я не готова, не въ состояніи вамъ отвѣчать какъ вы желаете... И я васъ прошу... Голубчикъ, Викторъ Михайловичъ, умоляю васъ, не торопите меня! Дайте мнѣ отдохнуть и собраться съ мыслями, потому что, клянусь вамъ, я и сама не знаю еще чтò вамъ сказать...

Какъ ни естественно было все это со стороны такой пуританки какъ Паша, но дѣвушка не могла не замѣтить, что это глубоко его оскорбило... Онъ не сказалъ ни слова, а только смотрѣлъ на нее съ укоромъ. Она расплакалась и, тоже не говоря ни слова, ушла.

Стойницкій противъ обыкновенія не пошелъ ее провожать, и только его экономка, скромная женщина лѣтъ сорока, догадываясь по тишинѣ, что гостья уходитъ одна, выбѣжала изъ своей комнаты въ прихожую, чтобы помочь ей одѣться.

Въ эту минуту произошло что-то странное. Оглядываясь на дверь, которую эта женщина за собой притворила, Паша замѣтила между нею и косякомъ, два глаза, жадно на нее уставленные. Нервы-ли ея были потрясены, или событія прошлаго воскресенья съ ихъ неожиданною развязкой припомнились ей, только эти уставленные въ нее украдкой глаза произвели на нее невыразимо тяжелое впечатлѣніе... Выходъ на лѣстницу между тѣмъ былъ открытъ—и Паша готова была уйти, но уходя не вытерпѣла и оглянулась... Къ ея удивленію, дверь изъ прихожей въ комнату экономки теперь отворена была настежь, и на порогѣ ея она увидала другую женщину, жадно ее провожавшую глазами. Эта была молода, весьма недурна собой и хорошо одѣта; но Пашу особенно поразило странное выраженіе на ея лицѣ и въ глазахъ. Женское, острое любопытство сливалось въ немъ съ чувствомъ глубокой жалости и на всемъ лежала черная тѣнь, какъ-бы отъ прочно-усѣвшагося, давно уже равнодушнаго ко всему на свѣтѣ горя.

Видѣніе это только мелькнуло въ ея глазахъ; но Паша его не могла забыть. Оно уѣхало съ ней домой и преслѣдовало ее потомъ весь день, какъ что-то ниспосланное завистливою судьбой на смѣну стараго кошмара. Напрасно спрашивала она себя: въ какой связи оно съ новымъ вопросомъ, стоявшимъ теперь на очереди и неотложно требовавшимъ рѣшенія,—все было темно и таинственно...

* * *

А между тѣмъ не далѣе какъ на другой день утромъ случилось нѣчто освобождавшее ее навсегда отъ Бурдюкова.

Порфирій Ивановичъ сидѣлъ въ канцеляріи за какою-то работой, когда его потребовали къ его начальнику. Когда онъ вошелъ въ кабинетъ, тотъ поднялъ глаза и смотрѣлъ на него съ минуту хмурясь.

— Чтò это вы надѣлали? спросилъ онъ.—На васъ жалоба отъ высокопоставленнаго лица, и я имѣлъ, по этому случаю, крупную непріятность...

Порфирій Ивановичъ помертвѣлъ и затрясся.

— Скандалъ на желѣзной дорогѣ! Преслѣдованіе дѣвицы, принадлежащей къ извѣстному, высокоуважаемому семейству!... Угрозы и вымогательства!... Наконецъ еще новый скандалъ на улицѣ, среди бѣлаго дня!...

— Напраслина, в. п-во! заговорилъ Бурдюковъ слезливымъ голосомъ.—Невиненъ! Вотъ Богъ свидѣтель!... Невиненъ какъ агнецъ новорожденный?... Меня обокрали ночью, въ вагонѣ... да на меня-же теперь и жалуются!

— Молчать! крикнулъ начальникъ.—Какъ вы осмѣливаетесь подтверждать мнѣ въ глаза ту-же самую клевету, въ которой васъ прежде всего обвиняютъ? Неужли вы думаете, что я вамъ повѣрю,—я, до котораго уже не разъ доходили о васъ самые скверные слухи? Вы ростовщикъ и дерёте съ заемщиковъ отъ 4-хъ до 7-ми процентовъ въ мѣсяцъ!... Кромѣ того, вы, служащій, содержите гласную кассу ссудъ на чужое имя. За это одно васъ стóило-бы выслать изъ Петербурга; да васъ и вышлютъ, если на васъ дойдетъ еще одна, хоть малѣйшая жалоба... Вышлютъ въ 24 часа, безъ всякаго разбирательства... А теперь, во всякомъ случаѣ, вы не можете долѣе оставаться

на службѣ, и я васъ предупреждаю, что если ваша отставка не будетъ у меня на столѣ черезъ 24 часа, то я уволю васъ безъ прошенія.

— Ваше превосходительство! ваше превосходительство! Взмилуйтесь, ваше превосходительство, не погубите! Больная жена и трое дѣтей! Всѣ пойдемъ по-міру!

Но грозное существо, смотрѣвшее па него съ высоты своего величія. какъ на крутящагося въ прахѣ червя, оставалось неколебимо.

— Ваше превосходительство! Господомъ Богомъ васъ заклинаю, дайте хоть передохнуть! не выгоняйте немедленно! Дайте мнѣ хоть три дня, чтобъ испросить помилованіе.

Тотъ смотрѣлъ на него поверхъ очковъ съ чувствомъ гадливаго отвращенія.

— Ну, слушайте, Бурдюковъ. Я не беру на себя ничего.—ни единаго слова за васъ, ни шагу... Дѣлайте сами какъ знаете. Просите или ищите людей, которые взяли-бы на себя ходатайство... но если въ теченіе этой недѣли мнѣ не прикажутъ прямо оставить васъ здѣсь, то все равно: бумага объ увольненіи васъ по прошенію будетъ лежать у меня на столѣ, и мнѣ останется только пустить ее въ ходъ... Ступайте; это послѣднее мое слово.

Порфирій Ивановичъ выскочилъ какъ ошпаренный котъ и въ ту-же минуту уѣхалъ на Офицерскую.

Жухина ахнула увидавъ его, до такой степени онъ былъ похожъ на острожника, за которымъ гонится по пятамъ преслѣдованіе.

— Что́ это? Что́ это? бормотала она растерянно и пятясь.

— Матушка! Помогите! Бѣда! Нажаловались!... Уволенъ!... Матушка, Марѳа Никитишна, выручите!.. Самъ-бы ей въ ноги кинулся, да меня къ ней не пустятъ;— подумаютъ я и не-вѣсть зачѣмъ... Матушка! каюсь, кругомъ виноватъ передъ вами; но вотъ передъ Господомъ Богомъ, клятву даю—все заглажу... Рѣшительно все! Только выручите теперь... Поѣзжайте сію минуту къ этой вашей, орловской, и убѣдите ее, чтобы она надо мною сжалилась. Она шустрая и придумаетъ, если захочетъ, лучше насъ съ вами, что́ дѣлать. Скажите, что вся семья останется безъ куска насущнаго хлѣба; скажите, что́ сами знаете... А я и домой не вернусь, буду васъ ждать тутъ, въ кассѣ, какъ осужденный на смерть ждетъ помилованія. Не привезете хорошей вѣсти—только меня и видѣли, и погибель моя останется у васъ на душѣ.

Марѳа Никитишна, перепуганная, уѣхала и черезъ часъ вернулась съ отвѣтомъ, что попытается и если возможно помочь—поможетъ; но чтобы до вечера нотаріальная сдѣлка по кассѣ была у нея въ рукахъ, а завтра поутру, чтобы оба они явились къ ея повѣренному, и отъ него къ нотаріусу, для заключенія новой... И мировая сдѣлка съ Ладищевой—тоже чтобы была у нея. Иначе она и пальцемъ не шевельнетъ.

Несчастный схватился за волосы и зарыдалъ какъ наказанное дитя.

XXI.

Вечеромъ, небольшая, но избранная компанія четверыхъ играла у Марьи Кондратьевны въ винтъ, когда ей доложили, что барыня приходившая поутру—опять тутъ и желаетъ видѣть ее.

— Какъ это скучно! сказала хозяйка; и обращаясь къ играющимъ:—Извините меня, господа, если я васъ оставлю на четверть часа. Ко мнѣ пришли, совсѣмъ неожиданно, по дѣлу, которое я, при всемъ желаніи, не могу отложить... Викторъ Михайловичъ, мой другъ,— вы... мнѣ нужны...

И извиняясь, она увела Стойницкаго.

Оставленные глазъ-на-глазъ, два игрока переглянулись, и пользуясь случаемъ, принялись за другую, гораздо болѣе крупную партію, вступительные ходы которой сдѣланы были уже ранѣе.

Они принадлежали къ двумъ разнымъ, но близко соприкасающимся мірамъ, и каждый по своему могли-бы служить типическими ихъ представителями. Одинъ, съ которымъ мы только-что познакомились, былъ образецъ бюрократической важности, сдержанности и непроницаемости, полный сознанія своего достоинства и щепетильнаго чувства приличія,—скользкій, уклончивый, дипломатъ и политикъ въ душѣ.—Другой—балагуръ и виверъ снаружи, — но страстный, настойчивый и задорный внутри—азартный игрокъ, привыкшій ставить на карту не только все свое достояніе, но и себя самого—былъ извѣстный во всей Россіи. Аркадій Филипповичъ Шалыгинъ.

Это былъ видный и бодрый, полный, широкоплечій старикъ, съ густою, всклокоченною шевелюрой и короткою, курчавою бородой, которыя серебрила просѣдь. Румяныя, жирныя губы, крупный носъ и большіе, каріе, полные жизни глаза—выдавали натуру широкую, буйную, склонную къ всякаго рода разгулу.

Съ перваго взгляда на двухъ игроковъ, и даже не вслушиваясь въ ихъ разговоръ, не трудно было понять, что одинъ велъ страстную и стремительную аттаку; другой—обдуманно, ловко и осторожно—оборонялся. Всѣ преимущества были повидимому на сторонѣ послѣдняго, но если-бы кто заглянулъ имъ въ душу—то вѣроятно нѣсколько измѣнилъ-бы эту поверхностную оцѣнку. Ибо одинъ зналъ твердо чего ему нужно и не останавливался ни передъ чѣмъ лишь-бы достигнуть цѣли,—тогда какъ другой былъ трусъ и гораздо больше боялся, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ желалъ заманчиваго, но смутно-мелькавшаго въ его глазахъ успѣха.

Игра была странно усложнена однимъ обстоятельствомъ. Третьяго партнера, на счетъ котораго она шла и который въ самомъ счастливомъ случаѣ мало выигрывалъ, а при несчастіи могъ быть въ крупномъ убыткѣ,—не только не было на лицо, но ему даже и въ голову не могло придти, что за него и на счетъ его происходитъ такая схватка.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорилъ Ладищевъ, вполголоса и взвѣшивая слова,—что всякій заемъ, если онъ не составляетъ простаго перемѣщенія изъ одного кармана въ другой,—въ принципѣ связанъ для кредитора съ болѣе или менѣе крупнымъ рискомъ. Рискъ этотъ и выражается въ преміи, то-есть въ разницѣ между дѣйствительнымъ и номинальнымъ размѣромъ ссуды, преміи такъ или иначе остающейся въ рукахъ заимодавца, сверхъ слѣдующаго ему процента на капиталъ. Но рискъ бываетъ разнаго рода. Есть чисто денежный, матеріальный рискъ, и есть нравственная отвѣтственность лица — или лицъ — стоящихъ въ главѣ кредитнаго общества,—какъ есть разница между вольнымъ покупщикомъ бумаги на биржѣ и акціонеромъ кредитнаго общества, ввѣряющимъ свой капиталъ его совѣту. Первый имѣетъ возможность самъ оцѣнить свой рискъ, а послѣдній—нѣтъ; ибо послѣдній не знаетъ заранѣе на что̀ именно его деньги будутъ употреблены и можетъ судить объ этомъ, изъ годоваго отчета, только какъ о совершившемся безъ его вѣдома и согласія — часто прискорбномъ фактѣ... Вы понимаете какая это громадная разница?

— Какъ нельзя лучше.

— Ну, я прибавлю только что въ данномъ случаѣ — нравственная отвѣтственность весьма велика... Такъ велика, что я не рѣшаюсь даже и оцѣнить ее. Представьте себѣ, напримѣръ, что черезъ шесть мѣсяцевъ вы внесете исправно проценты и мы перессрочимъ вамъ вексель... Прекрасно... А черезъ годъ (я вовсе не утверждаю что это случится, а говорю какъ о простой возможности), представьте себѣ что черезъ

годъ, вы снова въ такомъ-же критическомъ положеніи какъ и теперь—и вамъ понадобится опять милліонъ или болѣе... Что̀ вы предпримете? и въ какомъ положеніи будутъ люди устроившіе вамъ дѣло?

— Эхъ, ваше высокопревосходительство, отвѣчалъ Шалыгинъ, тряхнувъ косматою головой, — я травленый волкъ и никакія случайности уже давно не захватывали меня врасплохъ... Понадобится такъ и найду... Сказать вамъ въ точности гдѣ и какъ—не могу, какъ не могу сказать вамъ хода, который сдѣлаю въ винтъ. не видѣвъ своей и чужой игры; но будьте увѣрены: самъ не дамся въ обиду, да и другихъ до обиды не допущу. А что касается риска, то, какъ вы сами изволите говорить, рискъ покрывается преміей, которую я охотно готовъ заплатить, не спрашивая кому и за что́: за нравственную отвѣтственность, или за матеріальный страхъ — это мнѣ все равно. Тотъ кто устраиваетъ заемъ, тотъ натурально—самъ и рѣшаетъ этотъ вопросъ, такъ какъ премія въ полномъ его распоряженіи... Для меня важенъ только ея размѣръ.

— Да, это важный вопросъ, сказалъ Ладищевъ; и какъ-бы шаря у себя въ памяти: — Вы не помните сколько Турція заплатила за свой послѣдній заемъ?

— По гривеннику за рубль, отвѣчалъ Шалыгинъ, мысленно отсылая Турцію къ чорту.

— Едва-ли... Правительства, извѣстныя всему свѣту своими благоустроенными финансами и пользующіяся неколебимымъ кредитомъ—платятъ нерѣдко болѣе.

— Можетъ быть, отвѣчалъ пожимая плечами Шалыгинъ, — но извините если я васъ спрошу: какое намъ дѣло до Турціи?... Мы—русскіе люди. Неужто-же намъ справляться у Турка?... Сойдемся, дастъ Богъ, и безъ него въ цѣнѣ.

Ладищева страшно коробило отъ такого пренебреженія благопристойныхъ формъ. („*Сойдемся въ цѣнѣ*?... да за кого-же онъ, чортъ возьми, принимаетъ его?"). Но игра была слишкомъ заманчива, чтобы ее обрывать изъ-за этого.

— Примѣры исторіи все-таки поучительны, какъ точка опоры для соображенія, продолжалъ онъ, съ трудомъ скрывая глубокій страхъ, который внушалъ ему этотъ, какъ онъ называлъ его послѣ — баши-бузукъ. („Ляпнетъ еще что-нибудь," думалъ онъ, „послѣ чего останется только плюнуть и отойти!").—Если мы видимъ, что даже могущественныя державы, при шаткомъ финансовомъ положеніи, довольствуются 80-ю процентами съ номинальной суммы..

Шалыгинъ молчалъ, сожалѣя должно-быть, что онъ не могущественная держава. „Уступить," думалъ онъ. Но его противникъ, не видя нужды терять преимуществъ своего оборонительнаго положенія, которое позволяло ждать, не дѣлалъ ни шагу ему на встрѣчу.

— Большая разница, говорилъ Шалыгинъ, — получить премію сразу въ руки, или ждать медленной ея реализаціи со временемъ—неизвѣстно когда.

Отвѣта однако не было... Кровь его начинала кипѣть.

— Будемъ говорить прямо, сказалъ онъ.—Мнѣ нуженъ милліонъ; а въ наличности у меня всего 100.000.. Если я ихъ отдамъ и получу за нихъ въ ссуду тотъ-же милліонъ, то у меня не хватитъ 10-й части. Вотъ вкратцѣ мое положеніе;—какъ-бы высоко я ни цѣнилъ историческіе примѣры, я не могу его измѣнить.

— Что-жъ? Можно прибавить къ ссудѣ сколько потребуется, чтобы милліонъ остался у васъ во всякомъ случаѣ. Но надо знать въ точности сколько, чтобъ не блуждать въ потемкахъ... Имѣйте въ виду, что нравственный рискъ лежитъ не на одномъ лицѣ.

Но тотъ въ свою очередь уперся... Дальнѣйшее объясненіе начинало дѣлаться щекотливымъ. Они сидѣли у ломбернаго стола, и Ладищевъ, взявъ въ руки мѣлокъ, написалъ на сукнѣ, какъ-бы въ разсѣянности· 200.

— Ваше высокопревосходительство, пощадите! шепнулъ, взмахнувъ отчаянно головой, Шалыгинъ.—Вотъ Богъ свидѣтель, никакъ не могу.

Тотъ стеръ и написалъ: 150.

Отвѣта на это не было, но Шалыгинъ всталъ, какъ-бы отказываясь отъ дальнѣйшихъ переговоровъ, и отошелъ къ окну.

Въ такомъ положеніи ихъ застала хозяйка, вернувшаяся съ Стойницкимъ. Съ одного взгляда на лица ей стало ясно, что дѣло остановилось изъ-за какой-нибудь крупной разницы между спросомъ и предложеніемъ. Но долгій опытъ ее научилъ, что въ такихъ случаяхъ лучше всего оставить обѣ стороны успокоиться и на досугѣ сообразить; послѣ чего, обыкновенно. которая нибудь изъ двухъ сдавалась, или шла на уступки, и соглашеніе достигалось легко.

Со своей стороны и она не потеряла времени даромъ. Вдвоемъ со Стойницкимъ они уговорили Жухину не требовать слишкомъ многаго, въ виду того, что это могло-бы заставить ея компаніона, въ крайности, поступиться службой и стать открыто въ главѣ предпріятія. Набросанъ былъ наскоро черновой проектъ новой сдѣлки, уравнивающій права компаніоновъ, и на другой день утромъ назначена встрѣча въ кассѣ, съ участіемъ юрисъ-консульта въ качествѣ суперъ-арбитра.

— Ухъ, да какая-же выжига! сказала Рогневичъ, покончивъ съ Жухиной.

— А? Что?.. Я вамъ говорилъ!..

— Ну, все равно. Я ей заплатила свой долгъ за ея покойнаго мужа, и больше мнѣ до нея нѣтъ дѣла.

Картежная партія длилась до половины 11-го, послѣ чего наѣхали изъ концерта разныя птицы-пѣвчія и, на смѣну картъ, явилась музыка. Но переговоры по дѣлу Шалыгина больше не возобновлялись и были окончены только черезъ три дня, при посредствѣ Рогневичъ съ одной стороны и Стойницкаго (якобы въ качествѣ юрисъ-консульта банка)—съ другой. Сошлись, между нами сказать, на томъ, что банкъ выдаетъ въ ссуду 1.200,000 рублей; но удержитъ изъ нихъ, залогомъ, проценты впередъ за 6 мѣсяцевъ; а Шалыгинъ заплатитъ Ладищеву скромную „премію" въ 120,000 рублей и куртажъ—въ размѣрѣ 50,000—Марьѣ Кондратьевнѣ и Стойницкому вмѣстѣ. Посредникамъ— ихъ крохи достались однако не даромъ, такъ какъ съ его высокопревосходительствомъ было много хлопотъ. Онъ трусилъ и обижался, мямлилъ и маклачилъ до того, что не разъ дѣло казалось уже совсѣмъ разстроеннымъ, и Стойницкій, котораго оно затрудняло больше другихъ, чуть не бросилъ его. Но Марья Кондратьевна, обладавшая большимъ запасомъ опытности и долготерпѣнія, поставила на своемъ и одержала-таки побѣду

Замолвлено было, между прочимъ, нѣсколько словъ и за Порфирія Ивановича... Юпитеръ сначала и слышать о немъ не хотѣлъ: но когда ему разсказали, въ общихъ чертахъ, загадочные антецеденты дорожнаго приключенія и намекнули, что Бурдюковъ быть-можетъ не такъ виноватъ, какъ думаютъ, — струсилъ и обѣщалъ подумать. Въ итогѣ Порфирій Ивановичъ былъ прощенъ и остался на службѣ, но его такъ пугнули, что онъ не могъ вспомнить потомъ безъ содроганія о своихъ продѣлкахъ съ „барышней", и при одномъ ея имени измѣнялся въ лицѣ

„То-то чай пляшетъ теперь, подлянка, со своимъ „дровокатомъ!" думалъ онъ. „Радуется, что дешево обошлось! Да и взаправду дешево!.. Кабы моя воля, я бы ей показалъ! Всего только заперъ-бы съ Анной Егоровною вдвоемъ—такъ десять-бы векселей на себя дала, чтобы только двери ей отворилъ!.."

Изъ этого ясно уже его убѣжденіе, что Наша была простая воровка, и какъ такая заслуживала гораздо болѣе строгаго наказанія.

Но онъ весьма ошибался, воображая, что Наша пля-

Этюдъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Томашевича, грав. Пааръ.

сала отъ радости... Ей было не до того. На смѣну душившей ее такъ долго, грубой веревки, явились цѣпи, привязывавшія ее къ освободителю. Онъ былъ человѣкъ изъ чужаго ей міра, но онъ пріобрѣлъ надъ нею неоспоримыя права и ждалъ отъ нея не денегъ, не дружбы и благодарности; нѣтъ, онъ прямо далъ ей понять, что онъ заслужилъ другую награду. Онъ требуетъ, чтобы она отдалась ему вся, на всю жизнь, и требованіе свое онъ предъявилъ одновременно съ доказательствомъ, что въ ея положеніи ей не осталось другаго исхода... Это попахивало уже профессіей; да и не это одно пугало Пашу. При всемъ своемъ увлеченіи, она хорошо понимала, что, ставъ женою его, она должна разорвать навсегда со своимъ прошлымъ... Привольная сельская жизнь, которую она такъ любила, старуха-мать, покинутая въ преклонныхъ лѣтахъ, друзья съ которыми она такъ сжилась, золотыя мечты первой молодости—со всѣмъ ей пришлось-бы разстаться!.. Пришлось-бы начать другую, новую жизнь, среди чуждой ей атмосферы, которая, какъ ни твердо вѣровала она въ своего избавителя, сама по себѣ была не мила и не внушала ей никакого довѣрія. Это была атмосфера шиканы и уголовщины, сдѣлокъ со своею совѣстью, преслѣдованія несчастныхъ запутавшихся въ сѣтяхъ формальнаго правосудія и оправданія явной неправоты.

Но больше всего пугало ее сознаніе, что голова у нея начинаетъ кружиться и что она не въ силахъ долѣе совладать съ собой. Бывали минуты когда ее вдругъ охватывало что-то слѣпое и буйное, чего никакіе страхи не въ силахъ были угомонить, и тогда ее начинало тянуть къ нему. Тогда она спрашивала себя въ смущеніи: чего еще ждать?.. Если она такъ страстно любитъ его, то зачѣмъ дразнить себя сожалѣніями о томъ чего уже болѣе не вернешь?.. Если ея ребяческія мечты не сбылись, то не должна-ли она принять покорно то что̀ ей посылаетъ судьба, и быть благодарною?... Ей стыдно и страшно и голова уже идетъ кругомъ при мысли о томъ что̀ ждетъ ее если она однажды ступитъ на этотъ путь; но это быть-можетъ ребяческій страхъ, и всячески: что̀-же ей дѣлать если у ней нѣтъ выбора?... Какой-то вихорь охватывалъ дѣвушку, когда она приходила къ такимъ вопросамъ: разсудокъ и воля отказывались служить...

Опять на нее нападала тоска одиночества, а между тѣмъ, повидимому, она уже далеко не одна. Аннетъ была тутъ и Паша встрѣчала Стойницкаго почти каждый день, въ правленіи. Онъ казался ей огорченнымъ и горячо звалъ къ себѣ. Дѣвушка вспыхивала какъ порохъ, и опуская глаза, обѣщала придти;—но не шла. Что-то легло между ними, что̀ положило конецъ старой ихъ искренности. Она боялась теперь его, и боялась себя,—себя еще болѣе чѣмъ его.

Все это становилось день-ото-дня мучительнѣе... Разъ, поутру, въ уныніи, Паша сѣла писать, но напрасно искала словъ, подходящихъ хоть сколько-нибудь къ тому что̀ дѣлалось у нея на сердцѣ... Нѣсколько разъ она рва̀ла написанное;—наконецъ бросила, уѣхала къ Аннѣ Григорьевнѣ и разсказала ей все.

(Продолженіе будетъ).

Загадка.

(Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ).

О. Чюминой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Княгиня Татьяна Васильевна Вольская.
Княжна Варвара Николаевна (Ва̀ва̀)—дочь ея, 20-ти лѣтъ.
Петръ Петровичъ Гречищевъ—тамбовскій землевладѣлецъ, служитъ въ земствѣ, лѣтъ 35-ти.
Марья Павловна—жена его, подруга княжны по институту.
Князь Юрій Павловичъ Агаринъ—молодой, ученый археологъ.
Солнцевъ—предсѣдатель земской управы.
Павленковъ—земскій врачъ, толстякъ, лѣтъ 50-ти.
Баронесса фонъ-Штраль.
Зоя—дочь ея.
Гриша—мальчикъ лѣтъ 16-ти, служащій у Гречищевыхъ, сонный и неповоротливый.
Семенъ—лакей княгини.

Первое дѣйствіе происходитъ въ тамбовской усадьбѣ Гречищевыхъ, въ февралѣ; второе—въ Павловскѣ, въ половинѣ іюля.

ДѢЙСТВІЕ I.

(Сцена представляетъ гостиную въ усадьбѣ, меблированную довольно богато, но отчасти старомодно. Въ глубинѣ сцены—входная дверь, направо отъ зрителя—дверь ведущая въ столовую, налѣво—во внутреннія комнаты. Между прочею мебелью—горка, уставленная стариннымъ серебромъ и фарфоромъ.

Явленіе I.

Гречищевъ, Марья Павловна, Ва̀ва̀ и Гриша.

При поднятіи занавѣса **княжна Ва̀ва̀** *сидитъ на диванѣ и вышиваетъ по канвѣ,* **Гречищевъ** *на креслѣ возлѣ нея.* **Марья Павловна** *достаетъ изъ горки фарфоръ и вытираетъ его полотенцемъ, затѣмъ передаетъ* **Гришѣ.**

Марья Павловна *(Гришѣ).*
Ну вотъ неси... Да только не разбей...

Гриша.
Зачѣмъ разбить?..

Марья Павловна.
И соусомъ гостей
Смотри не обливай на этотъ разъ...

Гриша *(обидясь).*
Какъ можно!
Я завсегда...

Марья Павловна *(видя, что посуда колеблется у него въ рукахъ).*
Держи!

Гриша.
Стараюсь... осторожно...
(Роняетъ нижнюю тарелку).

Марья Павловна.
Ну вотъ! Оставь... Потомъ. Хоть эти-то спеси
На мѣсто въ цѣлости; да повара спроси,
Не нужно ли чего.
(Гриша уходитъ въ столовую, затѣмъ возвращается, чтобы подобрать осколки, и снова уходитъ).

Марья Павловна.
Присѣсть хоть на минутку!
Изучилась... Повѣришь ли, Ва̀ва̀,
Что просто у меня кружится голова. *(Садится).*

Ва̀ва̀ *(улыбаясь).*
Да ты стараешься, какъ видно, не на шутку?

Марья Павловна.
Еще бы! Вѣдь обѣдъ для земцевъ... дѣловой.

Гречищевъ.
Мы будемъ толковать объ интересахъ края.

Ва̀ва̀ *(насмѣшливо).*
Сухія превія шампанскимъ запивая?

Гречищевъ.
Позвольте-съ... Дѣло есть. Хотимъ идти войной
На мѣстныхъ кулаковъ. Хлопочутъ по уѣзду
Пять школъ закрыть, такъ къ будущему съѣзду
Готовлю имъ отпоръ, и вотъ сбираю полкъ
Соратниковъ.

Ва̀ва̀.
Дай Богъ, чтобъ вышелъ толкъ.

Марья Павловна *(княжнѣ).*
А знаешь, твоему внезапному пріѣзду
Мнѣ просто до сихъ поръ не вѣрится... Ну, да!
Чтобъ ты—княжна Ва̀ва̀, красавица, звѣзда
И баловень большаго свѣта—
Чтобъ ты теперь, зимой пріѣхала сюда,
Въ такую глушь!.. Да какъ могла на это
Княгиня дать согласіе свое?

Ва̀ва̀ *(съ веселымъ смѣхомъ).*
Ахъ, бѣдная maman! Мнѣ, право, жаль ее!
Хотя сама она отчасти виновата:
Дался ей этотъ графъ! Съ восхода до заката
Я слышала одно: „Un si brillant parti,
Совсѣмъ еще не старъ, богатъ и на пути
Къ высокой должности! Да мнѣ-то что̀ за дѣло!
Пусть выберутъ его зулусскимъ королемъ
Иль римскимъ папою—чтобъ только я о немъ
Не слышала! И такъ мнѣ это надоѣло,

Что я въ концѣ-концовъ рѣшилась на побѣгъ
И вотъ свалилась къ вамъ, какъ на голову снѣгъ!

Гречищевъ.

Безъ разрѣшенія?

Вава̀.

О, нѣтъ! Какъ это можно!
Я—дочь послушная! Узнавъ, что непреложно
Мое рѣшеніе—maman, не безъ труда,
Но согласилася!
(Обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ).
Ты знаешь: я всегда
Поставлю на своемъ... Особенное свойство!
А бѣдную maman терзаетъ безпокойство:
Она тревожится, боясь,
Чтобъ нигилистомъ я какимъ не увлеклась
Въ глуши, хоть я клялась, что нынче радикаловъ
Мы знаемъ изъ однихъ лишь англійскихъ журналовъ
И что порода ихъ совсѣмъ перевелась...

Явленіе II.

Тѣ же и Гриша.

Гриша *(Марьѣ Павловнѣ).*

Васъ поваръ требуетъ.

Марья Павловна *(разсмѣявшись).*

А! Требуетъ? Сейчасъ.
(Къ княжнѣ). Pardon!
(Уходитъ съ **Гришей***).*

Гречищевъ.

А знаете, Варвара Николаевна,
Ужь я бы жениха нашелъ по вкусу вамъ,
Да жаль, что по чужимъ онъ шляется краямъ...

Вава̀.

И вы туда же?.. Вотъ забавно!

Гречищевъ.

Князь Юрій Павловичъ Агаринъ. Молодецъ
И умница и все... Хоть завтра подъ вѣнецъ!
Одно бѣда: онъ боленъ и упорно
Двумя недугами.

Вава̀.

Благодарю покорно!
Вотъ выбрали! Не психопатъ-ли онъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ.

Вава̀.

Можетъ скорбію гражданской зараженъ?

Гречищевъ.

Не то̀, княжна. Не угадали.

Вава̀ *(съ притворнымъ ужасомъ).*

Ахъ, Боже мой! Стиховъ въ какомъ-нибудь журналѣ
Не помѣщаетъ ли вашъ злополучный другъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ, миловалъ Господь. Увы, его недугъ—
Археологія и манія скитаній!
Объятый жаждою какихъ-то „изысканій“,
Онъ вѣчно странствуетъ, какъ новый Агасѳеръ.
Теперь изъ Индіи вернулся, напримѣръ...
Пожалуй и сюда заглянетъ по дорогѣ,
Тогда...

Вава̀.

Ну что̀ же мнѣ за прокъ въ археологѣ?
Онъ вѣрно древностью какой-нибудь плѣненъ...

Явленіе III.

Тѣ же и Марья Павловна.

Марья Павловна *(вбѣгаетъ въ волненіи).*

Вотъ новая бѣда! Но это просто вонъ
Изъ рукъ совсѣмъ! И я... я голову теряю
И кажется съ досады захвораю...
(Бросается въ кресло).

Вава̀.

Въ чемъ дѣло?

Гречищевъ.

Объясни, прошу тебя.

Марья Павловна.

Да въ томъ,
Что некому служить сегодня за столомъ!
Мнѣ Аннушка сейчасъ на кухнѣ объявила,
Что тамъ сестра за нею приходила:
Молъ, тетка помирать совсѣмъ ужь собралась...
А та кончается въ году двѣнадцать разъ—
И все жива!

Гречищевъ.

Ну что жъ?

Марья Павловна.

Конечно отпустила.
(Взглянувъ на часы).
Ахъ, Господи! Шестой ужь часъ
И гости съѣдутся... Серьезно—
Что жъ дѣлать намъ? Искать другую—поздно!

Вава̀.

Да, признаюсь. Вотъ это такъ сюрпризъ!
Какъ отвратить его?
(Задумывается и вдругъ вскрикиваетъ).
Постой... Развеселись!
Идея! Чудная, блестящая идея!
(Хлопаетъ въ ладоши).

Марья Павловна *(обрадованная).*

Вава̀! Голубушка!

Гречищевъ *(улыбаясь).*

Держу пари—затѣя.

Вава̀ *(грозя ему пальцемъ).*

Безъ дерзостей!
(Важно). Субретка найдена.
И, безъ сомнѣнія, окажется она
Вполнѣ пригодною.

Марья Павловна.

Но кто же это, кто же?

Вава̀.

Я!

Марья Павловна *(пораженная, всплеснувъ руками).*

Ты?! Да ты никакъ рехнулася? О, Боже!

Вава̀.

Меня не удивилъ нелестный возгласъ твой:
Вѣдь геній не одинъ—и нынче, и въ прошедшемъ—
Своими ближними былъ признанъ сумасшедшимъ.
Таковъ законъ природы роковой...

Марья Павловна.

Но ты—княжна Вава̀...

Вава̀.

Звѣзда большаго свѣта,
Et caetera... Ужь я слыхала это!

Марья Павловна.

Ты будешь за столомъ прислуживать гостямъ?

Вава̀.

Не безпокойся. Все какъ слѣдуетъ подамъ,
И такъ на мальчика смотрѣть сурово буду,
Что онъ замретъ, не смѣя бить посуду...

Марья Павловна.

Вѣдь земцы-то совсѣмъ разинутъ ротъ
При взглядѣ на тебя!

Вава̀.

Тѣмъ лучше. Недочетъ
Случись какой-нибудь, къ несчастію, въ обѣдѣ—
Они не разглядятъ. А къ мудрой ихъ бесѣдѣ
Я и прислушаюсь...

Марья Павловна *(съ отчаяніемъ, мужу).*

Скажи жъ ей, наконецъ,
Что этого нельзя!

Гречищевъ *(смѣясь).*

Княжна такой боецъ—
Кто съ нею справится?

Вава̀.

Отлично. Браво, браво!
(Марьѣ Павловнѣ).
Ну, не упрямься же... Вѣдь не отстану, право.
Я въ роли горничной произвела фуроръ
Прошедшею зимой у принца на спектаклѣ,
И я узнать хочу: у васъ въ Тамбовѣ такъ-ли
Любезна публика? Достань-ка мнѣ „уборъ“—
Передникъ бѣлый и...
(Слышенъ звонокъ).

Марья Павловна *(переполошившись).*

Пріѣхали! Прекрасно!

Вава̀ *(весело).*

Звонокъ намъ подаетъ случайный режиссеръ!
Пора въ уборную!
(Бѣжитъ къ двери).

Марья Павловна *(бѣжитъ за ней).*

Вава̀, я не согласна!
Вава̀, послушай же!

Вава̀ *(убѣгая).*

Не слышу ничего!
*(***Марья Павловна** *слѣдуетъ за ней).*

Явленіе IV.

Гречищевъ и князь Юрій.

Гречищевъ *(при видѣ входящаго Юрія).*

Ба! Вотъ сюрпризъ! Кого
Я вижу предъ собой? Обнимемся, дружище!

Кн. Юрій *(весело).*

Не ждалъ?

Гречищевъ.

Да какъ сказать? Ты штуки и почище
Откалывалъ, и съ Нила береговъ,
Я помню, „по пути“ являлся къ намъ въ Тамбовъ.

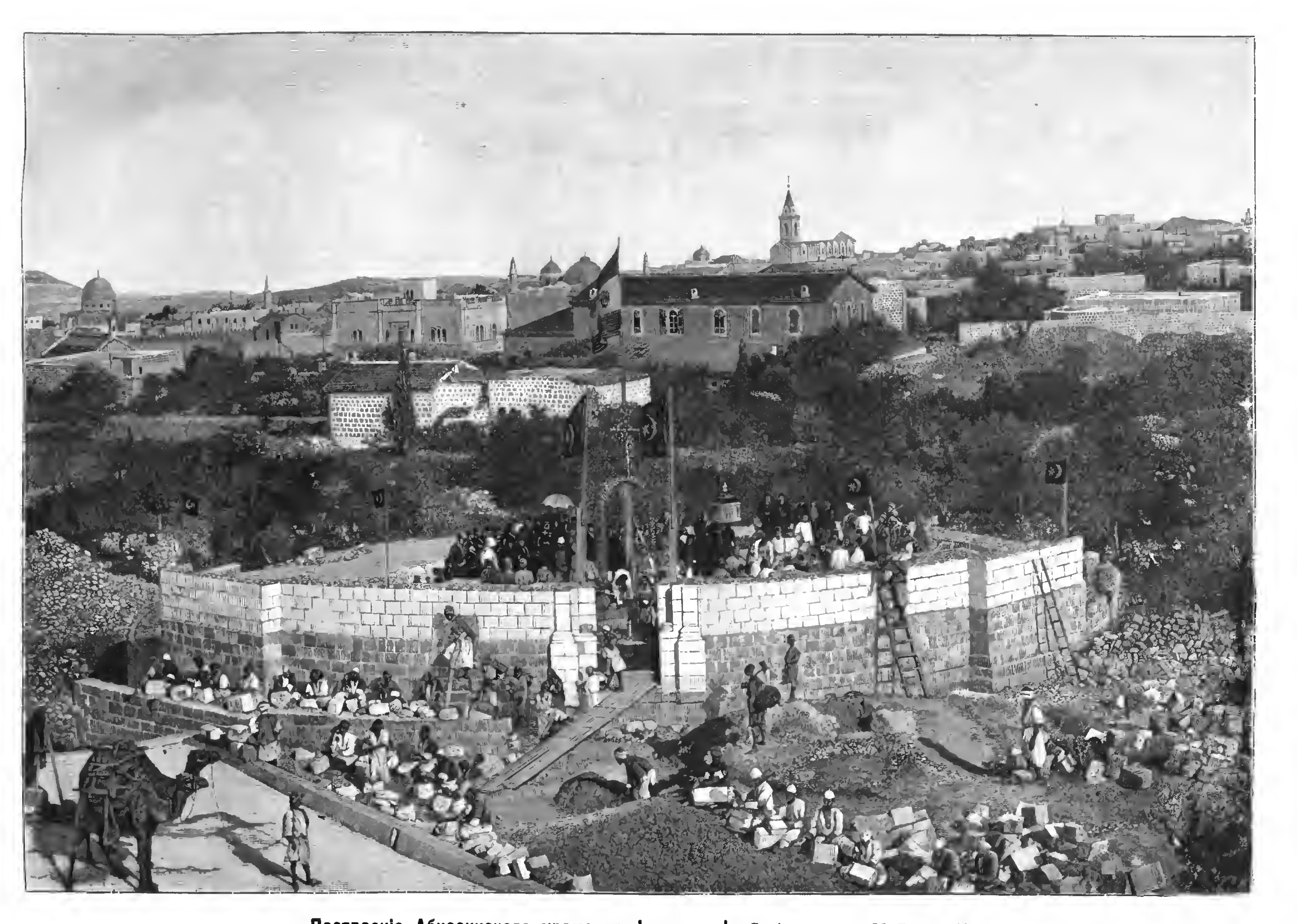
Кн. Юрій.

Что Марья Павловна? Здорова?

Гречищевъ.

Безъ сомнѣнья.

Степной табунъ. Рис. С. Айдукевича, грав. Геданъ.



Построеніе Абиссинскаго храма въ Іерусалимѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Захлопоталась тамъ.

Кн. Юрій *(оглядываясь).*

Ахъ, да, приготовленья
Какія-то у васъ... Я кажется попалъ...

Гречищевъ.

На дѣловой обѣдъ.

Кн. Юрій *(улыбаясь).*

На земское кормленье?
Такъ ты попрежнему—ораторъ, либералъ
И занятъ массою какихъ-то важныхъ плановъ?

Гречищевъ.

Какъ ты—раскопкою нетронутыхъ кургановъ.

Кн. Юрій *(смѣется).*

Нашелся!

Гречищевъ.

Да, скажи, ты къ помощи шамановъ
Сибирскихъ прибѣгалъ?

Кн. Юрій.

Зачѣмъ?

Гречищевъ.

Чтобъ твой недугъ—
Археологію они, мой бѣдный другъ,
Уврачевать могли.

Кн. Юрій.

И твой недугъ едва ли
Сельскохозяйственный они-бъ уврачевали...

Гречищевъ.

Нашелъ сравненіе! Вѣдь тутъ вопросъ живой,
Всѣмъ нужный! А въ пыли копаться вѣковой...

Явленіе V.

Тѣ же и Марья Павловна.

Марья Павловна *(увидавъ князя).*

Ахъ! Юрій Павловичъ! Какими вы судьбами?

Кн. Юрій *(цѣлуетъ ея руку).*

Спѣшилъ, вернувшися, увидѣться съ друзьями.

Марья Павловна.

Надолго-ль къ намъ?

Кн. Юрій.

Къ несчастію, дня два
Могу пробыть всего.

Марья Павловна *(въ сторону).*

Несносная Вава̀!
(Громко). Ну, это поглядимъ... Простите, я болтаю...

Гречищевъ.

И гостю предложить забыли даже чаю.
(Кн. Юрію) Иль лучше закусить, съ дороги-то?

Кн. Юрій.

Потомъ.
А чаю попрошу.

Гречищевъ *(Марьѣ Павловнѣ).*

Маруся, съ коньячкомъ!

Марья Павловна.

Сейчасъ распоряжусь. *(Уходитъ).*

Гречищевъ.

Теперь въ свое имѣнье
Заѣхать думаешь?

Кн. Юрій.

Не знаю. Я давно
Въ Отрадномъ не бывалъ.

Гречищевъ.

А золотое дно
Имѣнье было бы при лучшемъ управленьи.
Да вотъ какъ женишься...

Кн. Юрій.

Кто это? Я женюсь?

Гречищевъ.

Конечно ужъ не я.

Кн. Юрій.

Да лучше утоплюсь!

Гречищевъ *(невозмутимо).*

Какъ женишься—тютю твои курганы!
Забудешь, братецъ мой, и про чужія страны!

Явленіе VI.

Тѣ же и Вава̀ *(съ чайнымъ подносомъ).*

Вава̀ *(идетъ къ кн. Юрію, который во всѣ глаза смотритъ на нее, пораженный ея наружностью.* **Гречищевъ,** *посмѣиваясь про себя, наблюдаетъ за нимъ. Нѣмая сцена).*

Вава̀ *(кн. Юрію, который машинально беретъ стаканъ).*

Чего прикажете? Вотъ ромъ, а вотъ коньякъ.

Кн. Юрій *(продолжая смотрѣть на нее, въ замѣшательствѣ).*

Благодарю васъ... мнѣ... Я... я... я выпью такъ.
(Едва не роняетъ стаканъ).

Вава̀ *(подавъ чай Гречищеву, уходитъ).*

Гречищевъ *(въ сторону).*

Ай да княжна! Совсѣмъ археолога
Смутила кажется...

Кн. Юрій *(послѣ ея ухода, въ волненіи).*

Скажи мнѣ, ради Бога,
Кто эта дѣвушка?

Гречищевъ.

Какая?

Кн. Юрій.

Что̀ сейчасъ
Намъ подавала чай? Клянусь, подобныхъ глазъ
Я и не видывалъ! Глаза такіе рѣдки...

Гречищевъ *(хохочетъ).*

Не правда ль, хороши тамбовскія субретки?

Кн. Юрій.

Субретки? Я скорѣй подумалъ бы—княжна!

Гречищевъ *(въ сторону).*

Ай, ай!
(Громко). Да, дѣвочка конечно недурна...
(Слышенъ звонокъ, **Вава̀** *бѣжитъ черезъ сцену въ переднюю).*

Явленіе VII.

Тѣ же и Павленковъ.

Гречищевъ *(идетъ къ нему на встрѣчу).*

Сергѣй Степановичъ! Ну, все ли слава Богу?
Что̀ Анна Марковна?

Павленковъ.

Хлопочетъ понемногу.
Просила кланяться.

Гречищевъ *(указывая на князя).*

Мой другъ—археологъ
Князь Юрій Павловичъ Агаринъ.

Павленковъ *(рекомендуясь самъ).*

Павленковъ. Земскій врачъ. Да, очень популяренъ
Вашъ новый трудъ. Читалъ-съ.
(Жмутъ другъ другу руки).

Гречищевъ *(Павленкову).*

А нашъ-то̀ городокъ
Вновь отличается. Аршинники-то эти
Все шире, знай, раскидываютъ сѣти...
Ты слышалъ...

Павленковъ *(перебивая).*

Ахъ, оставь. Скажи-ка лучше намъ,
Гдѣ ты нашелъ красавицу такую?
Прелестнѣйшій субъектъ...
(Цѣлуетъ кончики пальцевъ).
(Звонокъ. **Вава̀** *опять бѣжитъ въ переднюю).*

Гречищевъ.

Красавицу? Какую?

Павленковъ.

Да горничную! А!
(Увидя входящаго Солнцева).
Иванъ Лукьянычъ самъ?

Явленіе VIII.

Тѣ же и Солнцевъ.

Солнцевъ *(здороваясь съ хозяиномъ и съ Павленковымъ).*

Не опоздалъ?

Гречищевъ.

Нѣтъ, нѣтъ.

Солнцевъ.

А тамъ валятъ гурьбою—
Пять троекъ и возокъ!
(Отводитъ Гречищева въ сторону).
Ну, поздравляю, братъ!

Гречищевъ *(съ живостью).*

А? Что? Рѣшеніе на съѣздѣ утвердятъ?

Солнцевъ *(махнувъ рукой).*

Ты о рѣшеньи все... А я совсѣмъ другою
Статьею поглощенъ. Глазенки-то горятъ!
Вотъ такъ и искрятся...

Гречищевъ.

Да это у кого же?

Солнцевъ.

У горничной.

Гречищевъ *(отмахиваясь).*

Ну васъ! Твердятъ одно и то же!
Вы не знакомы, господа?
Иванъ Лукьяновичъ, управы предсѣдатель.
(Рекомендуя). Князь Юрій Павловичъ Агаринъ, мой пріятель.

Солнцевъ *(очень любезно).*

Вы—авторъ „Древностей?“

Кн. Юрій *(увидавъ Вава̀, идущую изъ столовой, слѣдитъ за ней глазами, разсѣянно:)*

Я, кажется... да, да.

Солнцевъ *(отводитъ хозяина).*

Онъ не того?
(Киваетъ головой на кн. Юрія, дотрогиваясь пальцемъ до своего лба).

Гречищевъ.
А что?
Солнцевъ.
Глаза совсѣмъ шальные,
Гречищевъ (*смѣясь*).
Нѣтъ, раньше не было.
(*Ко всѣмъ гостямъ*).
Въ столовую пока
Прошу васъ—заморить немного червячка...
А тамъ, гляди, подъѣдутъ остальные.
(*Всѣ идутъ въ столовую, сцена остается нѣкоторое время пустою*).

Явленіе IX.

Марья Павловна, потомъ Вава.
Марья Павловна (*выглядывая изъ двери*).
Ушли въ столовую, должно быть. Никого.
Вава (*выходя изъ столовой*).
А представленіе-то наше каково?
Я даже не ждала подобнаго успѣха!
Марья Павловна.
Оставь, пожалуйста. Мнѣ право не до смѣха.
Что дѣлать намъ? Князь Юрій на два дня
Пріѣхалъ.
Вава.
Ну, такъ что жъ? Я скроюсь за кулисы,
Какъ дѣлаютъ и прочія актрисы.
Марья Павловна.
На это я и злюсь.
Вава.
Напрасно. Оцѣня
Мои достоинства какъ горничной — въ меня
Влюбился умникъ твой.
Марья Павловна.
А ты?
Вава (*со смѣхомъ*).
Еще не знаю.
Я земцевъ кажется пока предпочитаю!
(*Вдругъ сдѣлавшись серьезною*).
Нѣтъ, шутки въ сторону. Пріятно знать, что онъ, —
Ты понимаешь-ли?—въ *меня саму* влюбленъ,
Увлекся бѣдною служанкой,
А не княжной Вава — завидною приманкой
Для свѣтскихъ жениховъ...

Явленіе X.

Тѣ же и Гриша (*съ большимъ блюдомъ пирожковъ*).
Гриша.
Нести къ столу ихъ, что-ль?
Марья Павловна.
Не опрокинь дорогою...
Вава.
Позволь!
Ужь лучше я сама.
(*Беретъ у него блюдо, слышенъ сильный звонокъ*).
А ты бѣги живѣе
Въ переднюю! Звонятъ.
Марья Павловна.
Съ тобою мнѣ бѣда!
Вава.
Ну, ну не хмурься же... гляди повеселѣе.
(*Распахиваетъ дверь въ столовую*)
Давайте занавѣсъ! Мой выходъ, господа!
(*Торжественно удаляется, неся блюдо. Марья Павловна всплескиваетъ руками. Въ передней раздается звонокъ за звонкомъ*).
Конецъ 1-го дѣйствія.
(Оконч. въ слѣд. №).

Канарейка и уходъ за нею.

Очеркъ **Л. Гашерта.**

Болѣе трехсотъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ канарейка была вывезена за предѣлы своей родины и пріобрѣла права всемірнаго гражданства. Перенесенная въ Европу, канарейка, благодаря искусственному подбору, значительно измѣнила свой первоначальный видъ и приняла золотисто-желтую окраску, вмѣсто зеленоватой, какую и до сихъ поръ сохранили ея дикіе родичи на Канарскихъ островахъ. Живущая въ дикомъ состояніи, канарейка нѣсколько меньше прирученной, но стройнѣе ея; клювъ и ноги дикой канарейки коричневато-тѣлеснаго цвѣта, глаза—темно-каріе, головка, затылокъ, спинка и хвостъ покрыты зеленовато-желтыми перьями, окаймленными болѣе или менѣе широкими свѣтло-пепельными полосками; шея—пепельно-сѣрая, плечи—ярко-зеленыя, съ темными полосками; брюшко-же—бѣловатое во всю его длину.

Пищу дикой канарейки составляютъ разнаго рода сѣмена, а также зелень — капуста, салатъ и т. п.; наибольшимъ лакомствомъ служатъ для нея зрѣлые плоды фиговаго дерева. Дикая канарейка уже въ мартѣ мѣсяцѣ начинаетъ вить гнѣздо, искусно сплетая его изъ тонкой травы и растительныхъ волоконъ, и располагая его среди густой листвы молодыхъ деревьевъ. Положивъ до шести яичекъ—свѣтло-зеленыхъ, съ коричневыми крапинками,—самка начинаетъ высиживать птенцовъ, между тѣмъ какъ самецъ развлекаетъ ее своимъ пѣніемъ. Есть мнѣніе, не имѣющее впрочемъ никакого фактическаго основанія, что дикая канарейка поетъ не лучше нашего воробья, чириканье котораго, какъ хорошо извѣстно, не отличается особенной мелодичностью. Напротивъ того, слышавшіе какъ поютъ дикія канарейки, утверждаютъ что пѣніе ихъ тождественно съ пѣніемъ домашнихъ канареекъ, но отличается особою звучностью и красотой.

Съ половины XVI столѣтія канарейка начинаетъ появляться въ Европѣ, въ качествѣ комнатной птицы. Въ началѣ-же XVII столѣтія ее начали спеціально разводить въ Германіи и въ особенности въ Тиролѣ; отсюда канарейка проникла и въ Россію.

Первоначальная пестрая окраска канарейки—зеленая, коричневая, желтая и бѣлая—значительно измѣнилась подъ вліяніемъ климата, пищи, недостатка движенія и воздуха, а также вслѣдствіе искусственнаго подбора. Въ настоящее время существуютъ канарейки всевозможныхъ оттѣнковъ и сочетаній цвѣтовъ. Любитель, желающій разводить птицъ для собственнаго удовольствія, при выборѣ ихъ можетъ, конечно, руководиться личнымъ вкусомъ, но долголѣтній опытъ выработалъ нижеслѣдующія основныя положенія.

Канарейки съ черно-сѣрой или коричневато-сѣрой спинкой, съ желто-зеленымъ брюшкомъ и темно-карими глазами менѣе всего отдалились отъ своихъ дикихъ предковъ; канарейки этой окраски считаются самыми обыкновенными, но зато наиболѣе сильными и выносливыми. По выносливости, къ нимъ ближе всего подходятъ совершенно зеленыя или съ зелеными пятнами; но эта послѣдняя порода несносна своимъ громкимъ, трескучимъ пѣніемъ. Коричневато-желтыя и золотистыя гораздо слабѣе предыдущихъ разновидностей и менѣе ихъ плодовиты; блѣдно-желтыя же, съ красными глазами, считаются самыми слабыми. Красно-коричневатыя наиболѣе рѣдки и весьма цѣнятся за свою выносливость. Канарейки, отличающіяся стройнымъ корпусомъ и высокими ножками, съ бѣловато-желтымъ тѣльцемъ и соловаго цвѣта головой, хвостомъ и крылышками, считаются наиболѣе красивыми. Рядомъ съ ними, по красотѣ, можно поставить только золотисто-желтыхъ, съ темною головкой, хвостомъ и крыльями. Самка весьма мало отличается отъ самца, хотя знатоки утверждаютъ, что окраска перьевъ у самца всегда нѣсколько ярче, голова крупнѣе, тѣльце стройнѣе и ноги выше.

Нѣкоторые любители занимаются скрещиваніемъ канареекъ съ другими породами пѣвчихъ птицъ, напр. чижикомъ, щегломъ, коноплянкой и т. п. Происходящее отсюда потомство получаетъ весьма красивое опереніе, но не можетъ похвастаться хорошимъ голосомъ, и мало пригодно для дальнѣйшаго размноженія. Если желательно имѣть канареекъ съ превосходнымъ пѣніемъ, слѣдуетъ придерживаться чистой, несмѣшанной породы, но только выбирать самца и самку хорошо поющихъ видовъ. Заставлять молодыхъ канареекъ учиться пѣть у соловьевъ, жаворонковъ, зябликовъ и т. п. — безполезно, такъ какъ пѣніе это неестественно, а потому скоро забывается.

Важнымъ условіемъ для благоденствія птицы является, конечно, ея кормъ. Чѣмъ пища проще и безъискусственнѣе, чѣмъ больше приближается она къ той, какою питаются дикія канарейки, — тѣмъ лучше. Вслѣдствіе неподходящаго корма, птицы или околѣваютъ, или жирѣютъ и становится неспособными къ пѣнію и размноженію. Наилучшимъ кормомъ остается рѣпное сѣмя, съ примѣсью канареечнаго. Можно къ сѣмени прибавлять размоченныя крошки сухой булки или какую-нибудь зелень, напр. салатъ, капусту, ручейковый крессъ, и т. д. Не слѣдуетъ только класть зелени (да и вообще корму) больше, чѣмъ можетъ съѣсть канарейка въ одинъ день.

Для питья и купанья слѣдуетъ ставить ежедневно чистую, свѣжую воду, опуская въ нее во время линянія птички ржавый гвоздь. По крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю надо чистить клѣтку и посыпать ея дно свѣжимъ пескомъ. Въ садкѣ же, передъ тѣмъ какъ самка начнетъ класть яйца, слѣдуетъ въ песокъ примѣшивать толченой яичной скорлупы, раковинъ или цементу. Въ періодъ выкармливанія молодыхъ птенцовъ не слѣдуетъ вовсе класть зелени и, кромѣ сухаго сѣмени, надо еще ставить чашечку съ размоченнымъ.

Канарейка, безъ вреда для своего здоровья, можетъ выносить температуру 0° и ниже; однако благоразумнѣе держать ее въ обыкновенной комнатной температурѣ (12°—15°) и отъ слишкомъ сильнаго солнца прикрывать клѣтку какимъ-нибудь покрываломъ. Слѣдуетъ остерегаться сквознаго вѣтра чтобы не простудить птичку.

Желая устроить „садокъ", надо выбрать самцовъ и самокъ, не слишкомъ зажирѣвшихъ. Самокъ полезно выдержать сначала въ одной общей клѣткѣ, дабы онѣ привыкли другъ къ

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ксенія Александровна. Съ фот. Левицкаго, грав. Пааръ.

Наслѣдный принцъ Шведскій на медвѣжьей охотѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, грав. Шюблеръ.

другу и впослѣдствіи въ садкѣ жили между собой въ мирѣ, не разоряли чужихъ гнѣздъ и не уничтожали яицъ.

Чтобы по возможности сократить то время, когда самецъ не поетъ,—слѣдуетъ его впускать къ самкамъ только тогда, когда онѣ станутъ носить въ свои гнѣзда разнаго рода мягкіе и волокнистые предметы: нитки, сѣно, шерсть и пр. До снесенія перваго яйца проходитъ, обыкновенно, отъ шести до восьми дней; въ каждый слѣдующій день, почти въ одинъ и тотъ-же часъ, кладется новое яйцо, причемъ общее число ихъ простирается отъ 2 до 6.

Канарейки весьма плодовиты, и случается, что самка начинаетъ заботиться о новомъ гнѣздѣ въ то время, когда прежніе птенцы ея еще не оперились. Поэтому въ садкѣ на каждую самку слѣдуетъ имѣть по два гнѣзда. Гнѣзда полезно посыпать на днѣ тонкимъ слоемъ древесной золы, для предохраненія отъ клещей. Когда птенцы начинаютъ щебетать, уже довольно легко отличить ихъ полъ: самки чирикаютъ коротко и слабо, самцы же болѣе энергично и протяжно. Это время самое удобное для отдачи ихъ въ ученіе къ старымъ пѣвцамъ.

Канарейку легко пріучить вылетать на воздухъ и вновь возвращаться въ клѣтку или садокъ. Но этимъ не слѣдуетъ увлекаться, такъ какъ рѣзко бросающіяся въ глаза птички могутъ попасть въ когти какого-нибудь хищника, или же примкнуть къ другимъ мелкимъ пташкамъ, скорѣе всего къ коноплянкамъ, и больше не вернуться назадъ.

Канарейка очень умна. Она не только узнаетъ своего хозяина и до нѣкоторой степени повинуется ему, но способна даже исполнять кое-какіе фокусы. При правильномъ и тщательномъ уходѣ, птичка можетъ прожить до 20 лѣтъ и болѣе. Необходимое условіе ея процвѣтанія — простая, натуральная пища, чистый воздухъ, отсутствіе сквознаго вѣтра, солнечный свѣтъ и возможно большая свобода. Если птичка захвораетъ, то не слѣдуетъ чересчуръ много мудрить съ ея леченіемъ, а употреблять только самыя простыя средства. При чесоткѣ, которая характеризуется сыпью на головѣ и вокругъ глазъ, достаточно лишь строже соблюдать вышеуказанныя общія условія, чтобы птичка выздоровѣла. Во время высиживанія птенцовъ, канарейка-самка подвергается иногда особенной болѣзни, выражающейся обильнымъ потомъ, особенно на брюшкѣ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ обмывать брюшко соленой водой, черезъ нѣсколько минутъ споласкивая чистой, и просушивать вымытую птичку на солнцѣ, во избѣжаніе простуды. Операцію эту продѣлывать надо не больше двухъ разъ въ день. Черезъ нѣсколько дней птичка здорова. Чрезмѣрное отростаніе когтей и клюва устраняется острыми ножницами. Надо только остерегаться слишкомъ коротко обрѣзывать когти, чтобы птица не потеряла много крови и не захромала. Если послѣ линянія самецъ лишается голоса и перестаетъ пѣть, ему даютъ легкую пищу, какъ молодымъ птенцамъ, прибавляя немного сѣмянъ салата. Благодаря красотѣ и пріятному, мелодичному пѣнію, канарейка сдѣлалась довольно выгоднымъ предметомъ торговли, особенно въ Германіи; въ настоящее время она распространилась почти повсемѣстно и можетъ считаться однимъ изъ домашнихъ друзей человѣка. (С).

Къ рисункамъ.

Охота на медвѣдя. (Рис. на стр. 256 и 257).

Большой рисунокъ Н. Н. Каразина изображаетъ заключительную сцену той лѣсной эпопеи, начало которой было помѣщено въ прошломъ № „Нивы“. Большинство людей не бывавшихъ на медвѣжьей облавѣ, представляютъ себѣ такъ, что поднятый медвѣдь неохотно вылѣзаетъ изъ берлоги, завидя охотниковъ громко реветъ, поднимается на заднія лапы и лѣзетъ на кого-нибудь изъ стрѣлковъ или прямо на рогатину. Ничего подобнаго обыкновенно не бываетъ. Медвѣдь выскакиваетъ быстро, какъ снарядъ изъ пушки, въ цѣломъ облакѣ снѣговыхъ комьевъ и морозной пыли, и стремглавъ мчится по нумерамъ, едва мелькая въ снѣгу и кустикахъ, такъ что только привычный и хорошій стрѣлокъ можетъ вѣрно взять его на прицѣлъ. Въ случаѣ промаховъ медвѣдь уйдетъ безъ оглядки такъ-же быстро какъ появился. Только раненый онъ останавливается и затѣмъ кидается на стрѣлка, далеко не всегда поднимаясь на заднія лапы. Большею частью онъ несется вскачь, понуривъ голову, и сшибая охотника съ ногъ толчкомъ, подминаетъ его подъ себя. Подняться-же на заднія лапы обыкновенно заставляютъ собаки, простыя дворняшки, пріученныя хватать его сзади. Другое дѣло медвѣдица съ медвѣжатами—та непремѣнно полѣзетъ на стрѣлка, защищая дѣтей. Этотъ случай и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Маленькіе медвѣжата, выскочивъ изъ берлоги за матерью, обыкновенно тотчасъ лѣзутъ на деревья и сидятъ тамъ притаившись, до тѣхъ поръ пока ихъ не перестрѣляютъ одного за другимъ или не возьмутъ живьемъ. Пѣстунъ-же всегда бѣжитъ за медвѣдицей. На рисункѣ онъ уже кувырнулся подъ мѣткимъ выстрѣломъ одного изъ охотниковъ. Другой стрѣлокъ, ближе къ лѣвой сторонѣ рисунка, или промахнулся по медвѣдицѣ или слегка ранилъ ее, и потому, бросивъ штуцеръ, хватаетъ запасный изъ рукъ подручнаго, чтобы встрѣтить ее новою пулей, или послать зарядъ въ догонку.

Этюдъ. (Рис. на стр. 261).

Какъ у французской маркизы временъ Людовика XVI, надаютъ роскошные свѣтлые волосы цѣлымъ каскадомъ „колецъ и змѣекъ“ на бѣлую шею красавицы, задумчиво смотрящей своими темными глазками. Этюдъ нашего русскаго художника, г. Томашевича, смѣло можетъ быть поставленъ на ряду съ другими типами красавицъ, часто изображаемыхъ лучшими заграничными рисовальщиками.

Ловля лошадей въ степи. (Рис. на стр. 264).

На многія версты мирно и ровно тянутся степи въ Галиціи, Угорской Руси и Южной Россіи; иногда подолгу глазъ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кусточка, на которомъ онъ могъ-бы отдохнуть отъ утомительнаго однообразія окружающей степной шири. Только изрѣдка попадется какая-нибудь постройка или табуны полудикихъ коней оживляютъ картину. На нашемъ рисункѣ изображено, какъ ловкій съ малолѣтства наѣздникъ отвлекъ заранѣе намѣченную лошадь отъ табуна и, набросивъ ей на шею арканъ, старается удержать непокорное животное, — чтобы затѣмъ, отведя его домой, выѣздить для домашняго обихода или на продажу.

Построеніе новаго Абиссинскаго храма въ Іерусалимѣ. (Рис. на стр. 265).

Газетныя извѣстія о русской миссіи, отправившейся на Рождествѣ въ Абиссинію, сообщали, что начальникъ ея, о. Паисій, въ Суэцѣ встрѣтился съ Абиссинскимъ абуною или духовнымъ лицомъ, отправлявшимся по порученію негуса Іоанна въ Іерусалимъ для освященія новаго Абиссинскаго храма въ градѣ Давида. Построеніе этого храма и изображено на нашемъ рисункѣ.

Абиссинцы — давнишніе гости Іерусалима; ихъ небольшой и бѣдный храмъ, окруженный кельями нѣсколькихъ абиссинскихъ монаховъ, примыкаетъ къ величайшей святынѣ христіанскаго міра, храму Воскресенія, и находится рядомъ съ русскимъ мѣстомъ, на которомъ Православнымъ Палестинскимъ обществомъ, на средства его Августѣйшаго предсѣдателя, производятся раскопки и сооружается величественное зданіе; не блещетъ позолотою и дорогими украшеніями храмъ выходцевъ Габеша, но онъ богатъ усердіемъ кучки монаховъ, отстаивающихъ при всей своей бѣдности уголокъ святой земли на мѣстѣ Іерусалима и нѣсколько святынь, принадлежащихъ издревле абиссинцамъ. Порою небольшіе подарки негусовъ Абиссиніи поддерживаютъ скудное существованіе бѣдной монашеской братіи, но въ общемъ кучка эѳіопскихъ иноковъ и Абиссинскій монастырь—самая бѣдная христіанская община въ Іерусалимѣ, почти не имѣющая другихъ прихожанъ кромѣ рѣдкихъ паломниковъ, приходящихъ изъ далекаго Габеша.

Правда, религіозное ученіе абиссинцевъ нѣсколько разнится отъ исповѣданія коптовъ Египта, но все-таки догматика обоихъ вѣроученій настолько сходна, что коптскій патріархъ Александріи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духовный глава Абиссинской церкви. „Абиссинскіе монофизиты, слѣдующіе ученію Евтихія, отличаются отъ православныхъ и католиковъ тѣмъ, что признаютъ въ Іисусѣ Христѣ одно только естество, а Духа Святаго исходящимъ отъ одного только Бога Отца. Впрочемъ, Христосъ, хотя сдѣлавшійся человѣкомъ, тѣмъ не менѣе остался Богомъ для абиссинцевъ, благодаря приписываемому Ему „двойному“ или „тройному“ рождеству. Въ общемъ все-таки абиссинцы считаютъ сами себя гораздо ближе къ греческой, чѣмъ къ другимъ христіанскимъ церквамъ — и вотъ причина, почему далекая Эѳіопія такъ любовно смотритъ на великую Россію, ставшую преемницею Византіи и покровительницею истинной вѣры, какъ на свою единовѣрную могучую сестру. По этой причинѣ Абиссинія всегда пыталась поддерживать связи съ Россіею и еще недавно прислала своихъ пословъ на торжество 900-лѣтія крещенія Россіи.

Новый абиссинскій храмъ, возводимый въ Іерусалимѣ на щедрыя пожертвованія негуса Іоанна, построенъ не въ самыхъ стѣнахъ Града Давида, а въ такъ-называемомъ „новомъ Іерусалимѣ“, т. е. кварталѣ европейцевъ. На нашемъ рисункѣ налѣво вверху виднѣются стѣны Іерусалима; въ самомъ углу высится черный куполъ Омаровой мечети, стоящей на мѣстѣ храма Соломонова; посерединѣ рисунка у флага мачты виденъ плоскій куполъ храма Вокресенія, еще правѣе видны различныя европейскія постройки, новая арабская церковь, русскія зданія и церковь св. Троицы, стоящая на мѣстѣ, откуда нѣкогда грозилъ Титъ бунтующему городу Іерусалиму. Мѣсто новаго абиссинскаго храма выбрано очень удачно; на нашемъ рисункѣ видна черновая работа кладки стѣнъ новаго храма; внутри воздвигнутыхъ стѣнъ уже собралась кучка абиссинскихъ монаховъ со своимъ абуною и группа европейскихъ гостей, присутствующихъ на молебствіи по случаю закладки храма.

Въ настоящее время постройка подвинулась довольно да-

леко, и по всей вѣроятности, въ скоромъ времени европейскій кварталъ Іерусалима украсится храмомъ, въ которомъ соберутся всѣ сыны малой числомъ эѳіопской церкви.

Наслѣдный принцъ Шведскій на медвѣжьей охотѣ.

(Рис. на стр. 269).

Въ pendant къ изображенной бойкою кистью Н. Н. Каразина, русской облавѣ на медвѣдей, прилагаемъ рисунокъ нашего сотрудника, памятнаго столичному обществу долгимъ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ и блестящими иллюстраціями петербургской жизни, г. Бролинга, который теперь, поселясь въ Швеціи, прислалъ намъ этюдъ той же охоты на крайнемъ Сѣверѣ Европы. Наслѣдный принцъ Шведскій—стрѣлокъ первой руки; онъ никогда не даетъ промаха и становится на нумеръ всегда одинъ, что на медвѣжьей охотѣ крайне опасно. Рисунокъ г. Бролинга изображаетъ принца на пути къ берлогѣ, запросто бесѣдующимъ съ крестьяниномъ-проводникомъ.

Н. Н. Фигнеръ и Медея Мей (Фигнеръ) въ роляхъ Отелло и Дездемоны.

(Портр. на стр. 272).

Въ прошломъ году, прилагая портреты всѣхъ выдающихся пѣвцовъ русской оперы въ Петербургѣ, въ томъ числѣ Н. Н. Фигнера и г-жи Медеи Мей (по мужѣ Фигнеръ), мы сопроводили ихъ подробными біографическими свѣдѣніями. Съ тѣхъ поръ успѣхъ артистической четы въ Петербургѣ и Москвѣ упрочилъ ея славу въ обѣихъ столицахъ. Артистъ всѣми фибрами души, Фигнеръ неподражаемъ во фразировкѣ и передачѣ самыхъ тонкихъ оттѣнковъ чувства. Онъ глубоко вдумывается въ каждую роль и создаетъ ее во всѣхъ отношеніяхъ—вокальномъ, драматическомъ и пластическомъ, являясь то типичнымъ гугенотомъ Варѳоломеевской ночи, то русскимъ помѣщикомъ двадцатыхъ годовъ, то древне-египетскимъ полководцемъ, то наконецъ ревнивымъ венеціанскимъ мавромъ. Послѣдняя роль, Отелло, лучшая въ репертуарѣ Фигнера, обратила на него при исполненіи въ Миланѣ вниманіе самого Верди (автора оперы), сказавшаго при этомъ, что по одной этой роли можно признать Фигнера высокоталантливымъ артистомъ. Что касается г-жи Медеи Мей, для которой съ замужествомъ Россія стала какъ бы вдвойнѣ новымъ отечествомъ, то эта первоклассная пѣвица чрезвычайно серьезно относится къ русскому искусству, изучая нашъ языкъ со всѣмъ тщаніемъ и дѣлая въ этомъ направленіи поразительные успѣхи. Еще въ прошломъ году она пѣла сплошь по-итальянски. „Отелло“, гдѣ она исполняетъ роль Дездемоны, былъ первою оперою, въ которой она пѣла по-русски; затѣмъ Петербургъ слышалъ ее въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (Татьяна), а въ будущемъ году всѣ ея партіи будутъ исполняться на русскомъ языкѣ. Поклонникамъ этой артистической четы, поднимающей уровень русской оперы въ Петербургѣ, конечно пріятно будетъ узнать, что участіе ея въ спектакляхъ будущаго года уже обезпечено возобновленнымъ контрактомъ.

К. Ю. Давыдовъ.

(Портр. на стр. 273).

Русскій музыкальный міръ понесъ на-дняхъ весьма чувствительную потерю. 13 февраля скончался въ Москвѣ отъ грудной жабы Карлъ Юльевичъ Давыдовъ, бывшій директоръ С.-Петербургской консерваторіи, превосходный віолончелистъ-виртуозъ, восхищавшій публику своими концертами и прославившій свое имя не только въ Россіи, но и за границей. Давыдовъ былъ артистъ первоклассный, доведшій свое искусство до высокой степени совершенства и почти не имѣвшій соперниковъ. Своей дѣятельностью въ консерваторіи онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ знатоковъ музыкальнаго дѣла и заслужилъ общую признательность. Въ короткое время своего управленія онъ быстро преобразовалъ оркестровый классъ консерваторіи, поднялъ его значеніе, обратилъ вниманіе на методическую послѣдовательность разучиванія оркестровыхъ сочиненій, на ансамбль, на ровность и чистоту исполненія. Привлекая все болѣе и болѣе учащихся въ этотъ классъ, Давыдовъ устроилъ цѣлый рядъ воскресныхъ симфоническихъ концертовъ, исполнявшихся учениками въ пользу бѣднѣйшихъ ихъ товарищей. Подъ его руководствомъ получили музыкальное образованіе такіе выдающіеся віолончелисты, какъ Вержбиловичъ, Воробьевъ, Морозовъ, Рончинскій и другіе. Консерваторія обязана Давыдову чрезвычайно полезными и симпатичными мѣрами: устройствомъ пріюта для бѣднѣйшихъ ученицъ, допущеніемъ къ занятію во всѣхъ классахъ консерваторіи безплатныхъ учениковъ, составлявшихъ едва-ли не четверть всего состава. При немъ же была основана „вспомогательная касса музыкальныхъ художниковъ“, быстро развившаяся въ его предсѣдательствѣ; онъ умѣлъ привлечь не мало крупныхъ пожертвованій въ пользу недостаточныхъ учащихся, и уже въ первый годъ существованія „кассы“, она располагала капиталомъ въ 27 тысячъ рублей.

Вообще дѣятельность Давыдова въ области отечественнаго музыкальнаго искусства была необыкновенно плодотворна и разнообразна. Онъ оказалъ несомнѣнныя услуги віолончели своими превосходными сочиненіями, обнаруживающими большое композиторское дарованіе. Изъ другихъ музыкальныхъ произведеній Давыдова особенно замѣчательны: фантазія для оркестра „Дары Терека“, оркестровая сюита, фортепіанный квинтетъ, два квартета для струнныхъ инструментовъ и нѣсколько романсовъ — „Оставь меня“, „Шелохнулась занавѣска“, „И ночь, и любовь, и луна“, „Сосна“, „Отчего вдругъ запѣлъ соловей“, „Разбиты всѣ привязанности“, „Былъ старый король“ и проч. Онъ написалъ болѣе 40 романсовъ и болѣе 50 мелкихъ пьесъ. Большая часть изъ нихъ отличаются изяществомъ стиля, мелодичностью, граціей, гармонической красотой и особенной оригинальностью нѣкоторыхъ музыкальныхъ оборотовъ. Богато одаренный отъ природы, тонкій знатокъ исторіи музыки, глубоко образованный спеціалистъ своего дѣла и настоящій художникъ, Давыдовъ, по справедливому замѣчанію одного критика, принадлежитъ къ тѣмъ композиторамъ-прогрессистамъ, которые не отрицаютъ эстетическаго значенія каждой школы, безъ различія направленій, и отдаваясь природнымъ влеченіямъ своего таланта, при этомъ совершенно чужды какой-бы то ни было исключительности и односторонности условныхъ тенденцій.

Родной братъ извѣстнаго математика А. Ю. Давыдова, нынѣ тоже покойнаго, сынъ медика, Карлъ Юльевичъ родился въ Гольдингенѣ, въ Курляндіи, 15 (27) марта 1838 года и вскорѣ переѣхалъ съ родными въ Москву. Здѣсь вмѣстѣ съ предметами общаго образованія онъ сталъ учиться игрѣ на віолончели еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, подъ руководствомъ Шмидта. Въ 1854 г. онъ поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета и кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1858 г. По выходѣ изъ университета, чувствуя непреодолимую страсть къ музыкѣ, онъ оставилъ мысль посвятить себя научной дѣятельности и всецѣло отдался искусству. Изучивъ теорію музыки подъ руководствомъ Морица Гауптмана, въ Лейпцигѣ, Давыдовъ дебютировалъ какъ віолончелистъ въ знаменитомъ Гевандгаузѣ съ большимъ успѣхомъ и въ слѣдующемъ году (1859) былъ приглашенъ преподавателемъ въ Лейпцигскую консерваторію, гдѣ оставался два года, занимая мѣсто перваго віолончелиста въ лейпцигскомъ оркестрѣ. Послѣ концертнаго путешествія по Германіи, доставившаго ему достаточную извѣстность, Давыдовъ въ 1861 г. былъ приглашенъ солистомъ петербургскаго театральнаго оркестра, и получилъ званіе солиста Императорскаго Двора, а на слѣдующій годъ сталъ преподавать въ открывшейся тогда Петербургской консерваторіи исторію музыки. По смерти К. Шмидта, онъ занялъ мѣсто профессора на віолончели въ консерваторіи, директоромъ которой былъ избранъ въ 1876 году и занималъ это мѣсто до января 1887 года. Съ 1874 по 1876 годъ Давыдовъ дирижировалъ концертами Филармоническаго общества. Каждое артистическое путешествіе знаменитаго віолончелиста и по Россіи, и за границей сопровождалось цѣлымъ рядомъ овацій и тріумфовъ. Еще не такъ давно, мѣсяца три назадъ, петербургская публика устроила грандіозную овацію Давыдову, дававшему концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія. Это былъ его послѣдній концертъ въ нашей столицѣ. К. Ю. Давыдовъ съ большой торжественностью погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Введенскихъ горъ. По отзывамъ лицъ близко знавшихъ его, онъ былъ человѣкъ прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ, имѣлъ доброе сердце и отличался большой гуманностью.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

Король Миланъ окончилъ свое царствованіе; онъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе, высказанное имъ еще давно, вскорѣ послѣ печальной войны Сербіи съ Болгаріей, и отрекся отъ престола въ пользу своего сына. Уже нѣсколько дней носились слухи, что король Миланъ намѣренъ надолго отлучиться за-границу и пожить въ Италіи, частью по случаю испытываемаго имъ нервнаго разстройства, частью въ виду того, что и наслѣдникъ Сербскаго престола, со времени разлуки съ матерью, находится въ угнетенномъ состояніи духа. На время поѣздки король предполагалъ ввѣрить управленіе Ристичу, къ которому онъ питаетъ полное довѣріе и которому хотѣлъ дать обширныя полномочія. Затѣмъ начали поговаривать, что король рѣшился совсѣмъ отказаться отъ управленія государствомъ и постоянно проживать за-границею съ тѣмъ, чтобы всецѣло посвятить себя дѣлу воспитанія наслѣднаго принца, регентство же поручить тому-же Ристичу. Возвратившійся въ это время изъ Вѣны, австрійскій посолъ Генгельмюллеръ рѣшительно отсовѣтывалъ королю отреченіе отъ престола и настаивалъ на томъ, чтобы онъ поѣхалъ на югъ для подкрѣпленія своего здоровья и затѣмъ только принялъ бы окончательное рѣшеніе. Но Миланъ должно-быть понялъ наконецъ всю привлекательность дружбы съ Австріей, благодаря которой онъ потерялъ всѣ симпатіи даже въ своей родной странѣ, и пригласивъ въ среду, 22 февраля, въ 11 час. утра, членовъ дипломатическаго корпуса и министра иностранныхъ дѣлъ Міятовича, въ ихъ присутствіи отрекся отъ престола въ

Н. Н. Фигнеръ въ роли Отелло. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Медея Мей (Фигнеръ) въ роли Дездемоны. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

пользу своего сына, который тотчасъ же и былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Александра I. Регентами назначены: Ристичъ и генералы Протичъ и Белимарковичъ.

Эти событія произвели въ Вѣнѣ сильное впечатлѣніе. До послѣдней минуты тамъ надѣялись, что король Миланъ откажется отъ мысли объ отреченіи. Во вліятельныхъ кружкахъ Милана строго осуждаютъ. О причинахъ его отреченія говорятъ, что онѣ заключались въ слѣдующемъ: наслѣдникъ престола, принцъ Александръ, сильно тоскуетъ по своей матери; король же, послѣ совершенныхъ имъ недавно насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ королевѣ Наталіи, не могъ допустить, чтобы сынъ его имѣлъ какія бы то ни было сношенія съ нею. Теперь, когда Миланъ изъ короля обратился въ частнаго человѣка, свиданія юнаго короля Александра съ матерью сдѣлаются возможными. Говорятъ также, что Миланъ предпочитаетъ беззаботную частную жизнь труднымъ обязанностямъ короля, и по слухамъ, отправится вскорѣ инкогнито за-границу, подъ именемъ графа Такова. По частнымъ сообщеніямъ изъ Бѣлграда, отреченіе Милана отъ престола произвело на сербскій народъ глубокое впечатлѣніе. Провозглашеніе королемъ принца Александра встрѣчено народомъ съ восторгомъ.

Бѣлградскія событія, конечно, встрѣчены въ Австро-Венгріи безъ особеннаго удовольствія. Нѣкоторые изъ органовъ вѣнской печати придаютъ отреченію короля Милана отъ престола громадное значеніе и находятъ, что всѣхъ послѣдствій этого факта нельзя даже предусмотрѣть, причемъ вдаются въ пессимистическія соображенія. Пештская правительственная печать призываетъ венгровъ къ единодушію, заявляя, что „Венгрія окружена политическими минами“. Въ Буда-Пештѣ не могутъ не сознаться, что въ Сербіи пришелъ конецъ австрофильской политикѣ и отнынѣ въ Сербіи будетъ господствовать въ народѣ благопріятное Россіи настроеніе. Замѣчено, что похвалы берлинскихъ оффиціозовъ Ристичу совпадаютъ съ комплиментами тѣхъ же оффиціозовъ по адресу Россіи.

Карлъ Юліевичъ Давыдовъ († 13 февраля). Съ фотогр. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Ашиновская исторія продолжаетъ быть злобою дня за-границей. Итальянскія газеты, понятно, очень довольны бомбардированіемъ Согалло. Оффиціозная *Italie* говоритъ, что нельзя не выразить французскому правительству признательность за „этотъ знакъ симпатіи и дружбы“. Совсѣмъ иначе отзывается объ этомъ инцидентѣ французская печать. Большинство газетъ, особенно консервативныхъ и буланжистскихъ, порицаетъ мѣры, принятыя относительно Ашинова, и находитъ, что слѣдовало бы поступить съ нимъ иначе, не прибѣгая къ кровопролитію, такъ какъ дѣло шло о людяхъ, принадлежащихъ къ дружественной націи. *Temps*, осуждая дѣло подъ Согалло, говоритъ, что слѣдовало бы еще повременить, и глубоко сожалѣетъ, что пролита была кровь. Вообще печать возлагаетъ отвѣтственность за случившееся на Флоке и адмирала Кранца, и всѣ газеты высказываютъ по поводу этого прискорбнаго случая сочувствіе къ Россіи.

Но выраженіе симпатій къ Россіи не ограничилось однимъ ихъ выраженіемъ на столбцахъ газетъ. Лига патріотовъ опубликовала, отъ имени 240,000 своихъ членовъ, заявленіе, въ которомъ выражаетъ негодованіе по поводу принятой парламентскимъ правительствомъ мѣры и, протестуя противъ нея, посылаетъ великой дружественной націи выраженіе искренняго соболѣзнованія, сожалѣнія и братской преданности, причемъ заявляетъ объ открытіи подписки въ пользу семействъ убитыхъ въ Согалло и о пожертвованіи съ своей стороны тысячи франковъ.

Дѣло пошло еще дальше и въ палатѣ депутатовъ Гюбаръ обратился къ правительству съ вопросомъ объ инцидентѣ въ Согалло. Выразивъ мнѣніе, что событіе это отнюдь не нарушитъ дружбы между Франціей и Россіей, Гюбаръ все-таки полагаетъ, что правительство должно представить объясненія, такъ какъ характеръ факта можетъ быть извращенъ и пролитіе крови эксплоатируемо. Министръ иностранныхъ дѣлъ Спюллеръ объяснилъ факты въ томъ видѣ, какъ они были изложены въ сообщеніи „Агентства Гаваса“, при чемъ заявилъ, что считаетъ инцидентъ достойнымъ сожалѣнія и прискорбнымъ. Вотъ почему министръ, подобно всякому французскому патріоту, не можетъ не выразить съ высоты трибуны чувства симпатіи къ дружественной Франціи націи. Затѣмъ депутатъ Делафоссъ, превративъ вопросъ въ запросъ, заявилъ, что право было на сторонѣ Франціи, но что не всегда должно пользоваться своимъ правомъ до крайнихъ предѣловъ. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, Гоблэ представилъ объясненія сходныя съ объясненіемъ Спюллера, послѣ чего палата единогласно вотировала мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, выражающій, что она присоединяется къ высказаннымъ правительствомъ дружескимъ чувствамъ по отношенію къ Россіи.

Рѣзкое порицаніе правительственныхъ распоряженій со стороны лиги патріотовъ, дѣятельной пособницы и распространительницы буланжизма, не прошло для нея даромъ, и правительство рѣшило начать судебное преслѣдованіе противъ нея; для чего полицейскій коммисаръ въ сопровожденіи двадцати агентовъ, занявъ бюро лиги патріотовъ, помѣщающееся на Place de la Bourse, объявилъ лигу закрытою, послѣ чего былъ произведенъ домовый обыскъ въ присутствіи Деруледа и Лагерра, которые, въ качествѣ лицъ, подписавшихся подъ обращеніемъ къ подпискѣ въ пользу Ашинова, обвиняются въ непріязненныхъ дѣяніяхъ, подвергающихъ государство опасности объявленія войны (?!).

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 16 февраля, въ Концертной залѣ Зимняго Дворца состоялся балъ, на который было приглашено около 900 лицъ. Въ правомъ углу залы, противъ входа въ Малахитовую гостиную, возвышалась убранная тропическими растеніями эстрада, на которой игралъ бальный оркестръ. Въ Ротондѣ и части военной галлереи, примыкающей къ залѣ, были устроены чайные буфеты съ шампанскимъ, прохладительными, конфектами и фруктами; въ Арабской комнатѣ были приготовлены столы для картъ. Ужинъ былъ поданъ, въ первомъ часу ночи, въ Николаевской залѣ, Аванъ-залѣ и на площадкѣ Іорданскаго подъѣзда. Великолѣпная Николаевская зала, освѣщенная сотнями электрическихъ огней, была превращена въ роскошный зимній садъ; въ ней протянулись цѣлыя аллеи лавровыхъ деревьевъ, подъ сѣнью которыхъ помѣщались круглые столы.

— 17 февраля состоялся у оберъ-камергера Э. Д. Нарышкина балъ, на которомъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другія Особы Императорской Фамиліи, а также принцесса Алиса Гессенская и княжны Черногорскія Анастасія и Милица. Ея Величество и другія Августѣйшія Особы принимали участіе въ танцахъ.

— Бальный сезонъ при Дворѣ закончился на масляницѣ, 19 февраля, дневнымъ заго-

роднымъ баломъ въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, залы коего были художественно убраны цвѣтами. До 600 электрическихъ ламп, какъ только стало темнѣть, залили всѣ комнаты своимъ яркимъ свѣтомъ. Полукруглая зала, въ которой начались танцы, превратилась въ настоящій тропическій садъ. Стѣны залы какъ бы скрывались за группами разнообразныхъ пальмъ и широколиственныхъ латаній; клумбы живыхъ цвѣтовъ наполняли воздухъ ароматомъ.

Дѣла церкви.

— 4 февраля, въ СПБ., въ Свято-Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры происходила хиротонія бывшаго ректора орловской духовной семинаріи архимандрита Александра въ санъ епископа Муромскаго, викарія Владимірской епархіи.

— 15 февраля, въ городѣ Брезинахъ, Петроковской губерніи, совершено освященіе православной церкви во имя святителя Тихона Задонскаго, сооруженной, на средства начальника Брезинскаго уѣзда г. Томилина, въ особомъ просторномъ помѣщеніи, оставшемся послѣ упраздненнаго католическаго монастыря ордена реформатовъ. Церковь устроена въ память чудеснаго избавленія Ихъ Императорскихъ Величествъ отъ опасности при крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года.

— Съ весны текущаго года, при кіевской Успенской церкви начнется постройка часовни, сооружаемой въ память 900-лѣтія крещенія Руси, на суммы, пожертвованныя кіевскимъ мѣщанскимъ обществомъ.

Морское дѣло.

— Сооруженіе батумскаго порта, вслѣдствіе усиленной ассигновки на него средствъ, предположено закончить въ нынѣшнемъ году. Всѣ работы по землечерпанію уже окончены; наружная облицовка (стѣна) мола также выведена окончательно. Остается только закончить бетонныя работы по сооруженію незначительной внутренней части мола.

— Коммисія, учрежденная при военномъ министерствѣ по вопросу объ освѣщеніи всѣхъ судовъ флота электричествомъ, выработала проектъ, согласно которому всѣ вновь строющіяся суда должны быть непремѣнно освѣщены электричествомъ; на судахъ же, находящихся уже въ плаваніи, электрическое освѣщеніе должно быть введено не позже 1890 г.

Искусства изобразительныя.

— 23 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили имѣющуюся на-дняхъ открыться въ СПБ. 9-ю акварельную выставку общества русскихъ художниковъ-акварелистовъ, помѣщающуюся въ залахъ Общества поощренія художниковъ, на Большой Морской. Вся выставка заключаетъ въ себѣ 220 картинъ. Августѣйшія Особы пріобрѣли слѣдующія акварели: Государь Императоръ — „Водосвятіе на Невѣ въ день 900-лѣтія крещенія Руси“, А. Н. Бенуа, „Встрѣчу Германскаго императора въ Кронштадтѣ“, А. К. Беггрова; Государыня Императрица — „Послѣ грозы“ А. Н. Бенуа, „Этюдъ съ натуры въ Боржомѣ“, профессора Л. О. Премацци, „Видъ биржи въ С.-Петербургѣ“ и „Спускъ броненоснаго корабля „Чесма“ въ Севастополѣ“, А. К. Беггрова; Великій Князь Владиміръ Александровичъ пріобрѣлъ: „Видъ Дворцовой набережной въ С.-Петербургѣ“, А. К. Беггрова и „Оскорбленную одалиску“, В. А. Боброва; Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская пріобрѣла акварель А. Н. Бенуа „На камняхъ“.

— Въ Москвѣ предполагается учредить общество архитекторовъ, по примѣру существующаго въ Петербургѣ.

Театръ и музыка.

— 15 февраля, у графа А. Д. Шереметева состоялся домашній спектакль, который удостоили своимъ присутствіемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и др. Особы Императорской Фамиліи. Была представлена трагедія графа А. К. Толстаго „Смерть Іоанна Грознаго.“ Сцена помѣщалась въ большой двусвѣтной залѣ дома графа А. Д. Шереметева, которой она занимала болѣе половины: въ остальной части залы размѣстились приглашенные зрители, въ числѣ болѣе ста человѣкъ. Постановка трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“, по своей сложности почти недоступная для частной сцены, въ настоящемъ спектаклѣ вполнѣ удовлетворяла всѣмъ требованіямъ: костюмы, какъ мужскіе, такъ и женскіе, декораціи, оружіе, утварь — все до мелочей соотвѣтствовало изображаемому времени. Пьеса была сыграна съ большимъ оживленіемъ и вполнѣ согласно. Исполнителями главныхъ ролей явились: въ роли Іоанна Грознаго—кн. С. М. Волконскій, Бориса Годунова—графъ А. Д. Шереметевъ, и Гарабурды—И. В. Вельяшевъ.

— 17 февраля, въ Имп. театрахъ Александринскомъ и Маріинскомъ были даны дневные безплатные спектакли для воспитанниковъ и воспитанницъ Спб. учебныхъ заведеній.

Литература и наука.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, согласно заключенію совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, опредѣлилъ: объявить газетѣ *Русское Дѣло* третье предостереженіе, въ лицѣ издателя-редактора дворянина Сергѣя Шарапова, съ пріостановленіемъ изданія на шесть мѣсяцевъ.

— 12 февраля, въ Спб. университетѣ происходила защита диссертаціи подъ заглавіемъ „Наблюденія надъ фауной Бѣлаго моря“, представленной приватъ-доцентомъ университета по каѳедрѣ зоологіи В. М. Шимкевичемъ для полученія степени доктора зоологіи.

Смѣсь.

Какъ великъ придворный штатъ? Въ настоящее время при Высочайшемъ дворѣ числится: оберъ-камергеровъ—2, оберъ-гофмейстеръ—1, оберъ-гофмаршалъ—1, исправляющій должность гофмейстера—1, гофмейстеровъ—32, шталмейстеровъ—18, егермейстеровъ—3, оберъ-церемоніймейстеровъ—2, оберъ-форшнейдеръ—1, въ должности гофмейстера—11, гофмаршалъ—1, въ должности шталмейстеровъ—23, въ должности егермейстеровъ—11, церемоніймейстеровъ—13, въ должности церемоніймейстеровъ—9, въ званіи камергера—172, въ званіи камеръ-юнкера—286, лейбъ-медиковъ—3, почетныхъ лейбъ-медиковъ—10, лейбъ-хирурговъ—2, почетныхъ лейбъ-хирурговъ—3, лейбъ-акушеровъ—3, лейбъ-окулистовъ—2, лейбъ-педіатръ—1, лейбъ-отіатръ—1, почетныхъ гофъ-медиковъ—4, почетный дантистъ—1. При Ея Величествѣ состоятъ: гофмейстерина—1, статсъ-дамъ—9, камеръ-фрейлинъ—1, фрейлинъ—198. (в.)

Поклонники дьявола. Въ Карсской области обитаетъ любопытная секта, или, лучше сказать, племя *іезидовъ*, переселившихся изъ Турціи. Вотъ какъ описываетъ ее В. В. Крестовскій въ одномъ изъ послѣднихъ очерковъ своихъ „По закавказской границѣ“. Іезиды поселились у насъ съ 1882 г. Они ведутъ осѣдлую жизнь, занимаются преимущественно земледѣліемъ, весьма трудолюбивы, и не обнаруживаютъ склонности къ преступленіямъ и проступкамъ. Религіозный культъ ихъ мало изслѣдованъ. Сосѣди іезидовъ утверждаютъ, что они поклоняются злому духу. Это страшное вѣрованіе одни объясняютъ тѣмъ, что іезиды, поклоняясь злому духу, причиняющему въ жизни такъ много бѣдствій, надѣются умилостивить его этимъ и находятъ излишнимъ поклоняться Богу, и безъ того безгранично милосердному. Другіе-же утверждаютъ, будто по понятіямъ іезидовъ, Богъ настолько милосердъ, что въ день Страшнаго Суда проститъ даже дьявола и откроетъ ему ворота вожделѣннаго рая, куда вмѣстѣ съ нимъ войдутъ и поклоняющіеся ему. Іезиды думаютъ, что дьяволъ есть одна изъ служебныхъ силъ божества, которая безъ воли Всемогущаго Творца не существовала бы ни одного мгновенія. (в.)

Могила И. С. Аксакова представляетъ собою массивный памятникъ изъ коричневаго мрамора и находится у алтарной части Успенскаго собора, съ лѣвой стороны. Это большая глыба, неправильной формы, изъ неотесаннаго камня, и на ней четырехконечный крестъ изъ мрамора того-же цвѣта, но отполированный. Въ нижней части его помѣщенъ образъ „явленія Божіей Матери преподобному Сергію“, въ серебряной вызолоченной ризѣ. Онъ обрамленъ искусственнымъ вѣнкомъ изъ цвѣтущей камеліи, который сдѣланъ изъ желѣза, какъ и прочіе вѣнки, покрывающіе памятникъ съ разныхъ сторонъ, числомъ болѣе десяти. На камнѣ славянскимъ шрифтомъ высѣчены съ трехъ сторонъ надписи. На лицевой сторонѣ: „Ей гряди Господи Іисусе!“—„Нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“. Тутъ-же, ниже: „Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, родился 26 сентября 1823 года, скончался 27 января 1886 года“. На лѣвой сторонѣ „Аминь, аминь глаголю вамъ, аще зерно пшеничное падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ; аще же умретъ, много плодъ сотворитъ“. И наконецъ на оборотной сторонѣ: „Больше сея любви никто-же имать, да кто душу свою положитъ за други своя“. Пониже: „Блаженни алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся. Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ“. (в.)

Древнѣйшій языкъ въ Швейцаріи. Романскій языкъ на которомъ говорятъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Граубинденa, по всей вѣроятности, изъ всѣхъ европейскихъ языковъ наименѣе употребителенъ; а между тѣмъ онъ, при своемъ благозвучіи, извѣстномъ каждому туристу, замѣчателенъ тѣмъ, что языковѣды считаютъ его остаткомъ древне-этрусскаго языка, занесеннаго сюда въ древнія времена бѣглецами. Граубинденцы хлопочутъ теперь въ своемъ „Societad rhaetorom anscha“ о томъ, чтобы для этой лингвистической рѣдкости была установлена общая ороографія, въ которой до сихъ поръ ощущался недостатокъ. Совѣту учителей подлежащихъ приходовъ поручено разработать проектъ и привести его въ исполненіе. До сихъ поръ названное Societad издаетъ ежегодно лѣтописи или Annalas на помянутомъ языкѣ. Издающаяся на томъ же языкѣ политическая газета *Il Sursilvan* предлагаетъ основать еженедѣльный журналъ, который долженъ быть посвященъ разработкѣ и усовершенствованію этого достойнаго уваженія древняго языка. (с.)

Почтовое дѣло въ Марокко находится въ настоящее время почти въ томъ же положеніи, какъ въ 785 году, когда Мулей-Дрисъ-Ебнъ-Абдаллахъ основалъ въ странѣ первое султанство, завоевалъ Фецъ и обратилъ обитателей въ исламъ. Почтовая служба несется тощими, голодными, полу-голыми арабскими гонцами, которые, за ничтожную плату, исполняютъ необыкновенно добросовѣстно и быстро свое дѣло. Кусокъ просянаго пирога и нѣсколько финиковъ составляютъ единственную ихъ пищу. Ночью они дѣлаютъ привалъ и отдыхаютъ нѣсколько часовъ; а чтобы проснуться во время, прикрѣпляютъ къ одной ногѣ веревку, конецъ которой зажигаютъ передъ тѣмъ какъ заснуть. Гонцамъ приходится проходить лѣса, кишащіе дикими звѣрями, карабкаться на горы, на которыя не можетъ взобраться ни одинъ муллъ, переплывать рѣки, которыя не рискнетъ переплыть и лошадь. Все путешествіе они совершаютъ рысью, подъ палящимъ солнцемъ, не встрѣчая цѣлыми днями ни одного дерева, не видя ни капли воды. Муллъ можетъ пройти разстояніе отъ Тангера до Феца въ 5 дней. Гонецъ проходитъ его въ 3½ дня.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 6 (помѣщ. въ № 4).

1) a; $a + b = f - c$; $a = 8 =$ **З**
2) b; $n + o = m$; $b = 1 =$ **А**
3) c; $f = 2g$; $c = 17 =$ **П**
4) d; $c = q + z$; $d = 1 =$ **А**
5) e; $l = k - g$; $e = 19 =$ **С**
6) f; $x = 3o$; $f = 28 =$ **Ъ**
7) g; $h - k = \sqrt{y}$; $g = 14 =$ **М**
8) h; $e + z = \frac{2(g+q)}{3}$; $h = 31 =$ **Ѣ**
9) k; $c + n = h + 1$; $k = 26 =$ **Ш**
10) l; $d = z$; $l = 12 =$ **К**
11) m; $m - l = p - a$; $m = 21 =$ **У**
12) n; $e - c = f - k$; $n = 15 =$ **Н**
13) o; $c + a = y$; $o = 6 =$ **Е**
14) p; $l : g = o : 7$; $p = 17 =$ **П**
15) q; $p : c = z$; $q = 16 =$ **О**
16) x; $d + e = 2(f - x)$; $x = 18 =$ **Р**
17) y; $h - a = 23$; $y = 25 =$ **Ч**
18) z; $a + z = e - \frac{2n}{3}$; $z = 1 =$ **А**

„Запасъ мѣшку — не порча“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—В. Н. Панкова, В. Микрулева, Ф. А. Боропина, А. А. Поспѣева, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Витебскъ**—С. Пичето, **Дисна**—Ѳ. Сипайло, **Ефремовъ**—М. Рыжикова, **Екатеринодаръ**—А. Заславскаго, **Медвѣдево**—М. Лейцингеръ, **Харьковъ**—Ю. Скворцова.

Рѣшеніе ребуса № 8 (помѣщеннаго въ № 5).

„Срубивъ голову по волосамъ не плачутъ“.

Рѣшенія задачи № 7 (помѣщенной въ № 4).

10	6	7	—9
—8	13	2	1
1	8	17	13
—5	—9	—4	6
11	12	4	—2
4	—8	14	—5

4	15
4	
15	
12	
29	

Г	о
г	
о	
л	
ь	

„Гоголь“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — В. Н. Панкова, А. А. Поспѣева, Ф. Михель, П. Александрова, Ф. Боровина, **Москва** — В. И. Комарова, В. А. Кравцова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Бобруйскъ** — Е. Мольской, **Каблукова** — Егорова, **Кременчугъ**—С. Л. Добровенскаго, **Лебедянь**—В. И. Чурилина, **Маслово** — Осипова, **Мѣдниково** — Н. И. Суханова, **Нѣжинъ**—П. Сидоренко, **Раменское** — Н. Константинова, **Харьковъ**—А. П. Пашкова, **Царское Село**—А. Кузьмина, **Черниговъ** — Е. Лазарева, **Шацкъ** — А. Филимоновича.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

XX г. | г. XX

№ 11 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.).
Выданъ 11 марта 1889 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Любопытство. Съ картины К. Бергена, грав. Кезебергъ.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

XXII.

Слѣпой отъ природы, которому вдругъ судьба или искусство врачей подарили зрѣніе, конечно не скоро-бы разобрался въ хаосѣ новыхъ, совсѣмъ незнакомыхъ ему впечатлѣній. Нѣчто подобное произошло и съ Анной Григорьевной. Она слушала, дико вытаращивъ глаза и словно не вѣря своимъ ушамъ... Какимъ образомъ вся эта страшная и загадочная исторія могла отъ нея укрыться до такой степени, что она даже не подозрѣвала изъ ней ничего?... Что Паша о ней молчала—это еще понятно; но какимъ образомъ Лагодинъ утерпѣлъ?... И вдругъ, она вспомнила что ей не случилось еще, съ пріѣзда, видѣть Серёжу наединѣ. Онъ былъ у нея на праздникахъ, но не засталъ, и они встрѣчались только у Паши.

Исповѣдь была кончена, но не все въ ней разсказано было ясно и обстоятельно. Часть прямо касавшаяся Стойницкаго, напримѣръ, была коротка и полна недомолвокъ, а между тѣмъ она-то больше всего и пугала Анну Григорьевну.

— Дивлюсь я тебѣ! сказала она не безъ укора.— Какъ только тебя хватило таить это все на душѣ!... Я ни за что-бы не вытерпѣла.

— Да, это такъ кажется—за-глаза, отвѣчала Паша. — Есть вещи которыя утаила-бы и отъ себя, еслибъ могла...

И помолчавъ: — Чего только я ни дѣлала надъ собой чтобы увѣрить себя что это такъ... фантазіи!

— Ну, это еще не удивительно, продолжала Мезенская. — Кто можетъ похвастать что онъ совершенно чистосердеченъ съ собой? А вотъ что меня удивляетъ: какъ ты, которую я считала всегда за образецъ разсудительности, могла полюбить человѣка, котораго ты совсѣмъ не знаешь?

— Ахъ, Аня! не такъ-то легко ихъ узнать! Пословица говоритъ, что для этого надо съѣсть съ человѣкомъ пудъ соли. Но тотъ у кого хватило-бы хладнокровія ждать такъ долго, тотъ—думается мнѣ—никогда-бы не полюбилъ... Мы любимъ, если такъ можно выразиться, въ кредитъ... Развѣ я знала Черепина?... Нѣтъ; я сочиняла себѣ романы, въ которыхъ онъ былъ героемъ.

— Положимъ, сказала на это Мезенская.—Но ты по крайности знала что у него нѣтъ романовъ съ какими-нибудь неизвѣстными тебѣ героинями. А можешь-ли ты сказать то же самое о другомъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Паша, — не хочу хвастать — не знаю.

— Увѣрена-ли ты по крайней-мѣрѣ, что онъ не способенъ тебя обмануть, какъ можетъ быть обманулъ уже не одну?... Они вѣдь считаютъ это за пустяки.

Паша расплакалась.—Я ему вѣрю, шептала она,—какъ онъ вѣритъ мнѣ. Я не могу не вѣрить ему послѣ того какъ онъ первый мнѣ подалъ примѣръ.

— Такъ почему-же ты не рѣшаешься прямо ему признаться, что ты его любишь?

— Такъ... И сама не знаю... Боюсь, какъ ребенокъ боится войти въ темную комнату...

— Я тоже боюсь за тебя, сказала Мезенская.—Еслибы я не боялась, я-бы не стала напрасно тебя смущать. Считала-бы даже это нечестнымъ... Мнѣ жалко Черепина, но я отвѣчаю тебѣ, что даже и онъ не сказалъ-бы ни слова противъ, еслибъ онъ зналъ что ты обдуманно предпочла другаго, и что судьба твоя съ нимъ обезпечена... А я и подавно...

И помолчавъ:—Я-бы желала увидѣть его.

— Ты можешь увидѣть его у насъ въ субботу... Пріѣзжай Аня;—я дамъ ему знать чтобы онъ непремѣнно былъ... Я очень хочу чтобы вы познакомились.

* * *

Аннетъ дала клятву молчать, но не въ силахъ была сдержать ее... Дня черезъ два, пріѣхалъ братъ ея, Павелъ Григорьевичъ, и при свиданіи съ нею признался что его начинаютъ сильно тревожить послѣдствія этой шалости, которую они вмѣстѣ продѣлали надъ Ладыщевой.

— Что такъ?

— Такъ... Это покуда не болѣе какъ мои догадки; но я имѣю къ нимъ очень серьёзныя основанія... Былъ сегодня у Лагодина... Онъ говоритъ, что съ Пашей, дорогою, безъ него, въ вагонѣ, была отвратительная исторія... Я, говоритъ, только на-дняхъ узналъ, что ее обвиняли и уличали въ кражѣ...

Анна Григорьевна вздрогнула и приближая испуганное лицо, уставила на него какой-то ищущій взоръ.

— Ты стало быть знаешь? выскочило у ней словно изъ кузова, на ухабѣ, что-нибудь плохо уложенное.

— Навѣрное меньше чѣмъ ты, такъ какъ онъ и самъ не знаетъ почти ничего.

— Я... начала она, и запнулась, зная по опыту что брата Павла не проведешь.—Я очень боюсь за Пашу, но, къ сожалѣнію, я дала ей слово молчать...

— Плохая услуга для дѣвки — прятать что платье на ней горитъ!... И помолчавъ. — Дурачество это съ ней лежитъ у меня на совѣсти, послѣ того какъ я узналъ что она, по моей винѣ, попала въ бѣду... Если-бъ я зналъ это ранѣе, я не оставилъ-бы ее здѣсь одну, безъ помощи... Дѣло однако кончено, если Сергѣй не вретъ.

— Нѣтъ. Паля, оно не кончено, и грозитъ окончиться очень скверно для Паши, а можетъ быть и еще для кого-нибудь... Ты здѣсь одинъ?

— Нѣтъ, съ Черепинымъ... Онъ пріѣхалъ чтобъ сдѣлать ей предложеніе.

Тревога Анны Григорьевны вдругъ дошла до того предѣла, дальше котораго никакія клятвы не въ силахъ уже зажать человѣку ротъ.

— Паля, я очень боюсь что онъ опоздалъ...

— Ахъ, къ чорту загадки! перебилъ онъ теряя терпѣніе. — Если ты знаешь гдѣ у нея горитъ, то говори.

— А ты не выдашь меня?

— Безъ надобности не выдамъ.

— У ней уже есть другой.

— Не можетъ быть!

— Вѣрно... Ну, нечего дѣлать;—слушай.

И Анна Григорьевна, заглушая укоры совѣсти мысленнымъ оправданіемъ что она это дѣлаетъ въ интересахъ друга,—выдала ему тайну Паши.

Братъ слушалъ хмурясь... Это былъ полный мужчина, немногимъ выше средняго роста, но атлетическаго тѣлосложенія. Густые, изжелта-русые бакены и короткая борода придавали фигурѣ его что-то львиное; но въ тонкихъ губахъ и глубокомъ взорѣ свѣтилась сила другаго рода: спокойная и владѣющая собой.

— Стойницкій, ты говоришь? спросилъ онъ.

— Да, Викторъ Михайловичъ. Онъ юрисъ-консультъ банка гдѣ Паша служитъ бухгалтеромъ... Что ты такъ смотришь?... Ты знаешь о немъ что-нибудь?

— Нѣтъ... Слышалъ;—но не умѣю тебѣ сказать что именно. При мнѣ называли его по поводу одного курьезнаго дѣла, здѣсь, въ окружномъ... но я не обратилъ вниманія.

— Онъ кромѣ того ведетъ дѣла этой самой Рогневичъ, что заплатила за Пашу по векселю...

— И о Рогневичъ слыхалъ... Какая-то отставная актриса, которая бросила сцену и нажилась аферами... Жаль Пашу если она попадетъ въ руки жуликовъ, а выходитъ какъ будто похоже на то... Ты не видала его?

— Стойницкаго?... Нѣтъ еще.—но увижу на-дняхъ.

Павелъ Григорьевичъ задумался.

— Надо-бы разузнать, сказалъ онъ. Но я беру это на себя; а ты постарайся уговорить Алёшу, чтобъ онъ не терялъ надежды, и главное, не откладывалъ... Онъ будетъ сегодня вечеромъ у тебя.

* * *

Черенинъ замѣтилъ что онъ неравнодушенъ къ Пашѣ только тогда какъ весь уѣздъ уже зналъ о случившемся съ нимъ „пассажѣ.“ Онъ не имѣлъ до сихъ поръ романовъ, и глупое положеніе, въ которомъ онъ очутился, злило его. Но тѣмъ не менѣе онъ сталъ думать о дѣвушкѣ и чѣмъ долѣе думалъ, тѣмъ болѣе сожалѣлъ что до сихъ поръ обращалъ на нее такъ мало вниманія. Не вдругъ-же, думалъ онъ:—у нея это вспыхнуло; а было навѣрное что-нибудь уже давно. Но если такъ, то это конечно первая, дѣвственная ея привязанность. Чѣмъ онъ ее заслужилъ—это пустой вопросъ. Онъ былъ не поэтъ и отъ природы не склоненъ къ мечтательнымъ увлеченіямъ; но онъ зналъ достаточно Пашу чтобы понять какое прочное счастье ея привязанность обѣщаетъ тому кто съумѣлъ-бы ее оцѣнить и ею воспользоваться. Не жалость-ли пройти мимо, оставивъ этотъ весенній цвѣтъ сердца отцвѣсть и увянуть, тогда какъ онъ могъ-бы составить счастье и украшеніе его до сихъ поръ одинокой жизни?... Онъ—человѣкъ свободный и сердце его не занято... Средства достаточныя... Ничто не мѣшаетъ ему воспользоваться находкой и сдѣлать изъ Паши вѣрную, преданную, счастливую жену.

Но тутъ замѣшалась Анна Григорьевна. Она нашла этотъ маленькій, тлѣющій уголекъ и принялась усердно его раздувать — работа которая удалась ей лучше чѣмъ даже она могла надѣяться. Черенинъ былъ радъ и не радъ. Съ одной стороны, онъ мало зналъ Пашу и радъ былъ найти кого-нибудь, кто освѣтилъ-бы ему дорогу. Съ другой—это связывало его и онъ боялся чтобъ Анна Григорьевна, ослѣпленная слишкомъ горячимъ усердіемъ, не сбила-бы ихъ обоихъ съ толку... Такъ и случилось отчасти съ ея комментаріями о затрудненіяхъ, которыя будто-бы не позволяютъ Ладищевой *ничего обѣщать*. Чтò такое она писала, чтобы получить подобный отвѣтъ,—Черенинъ не зналъ, но онъ чувствовалъ что выходитъ неловко и глупо.

Дѣйствительно, чтò могла обѣщать ему Паша, когда онъ ее ни о чемъ не просилъ и ничего ей не предлагалъ?... Конечно, передавая его слова съ поясненіями,—припутали къ нимъ чего-нибудь своего... И онъ тогда-же рѣшилъ впредь обойтись по возможности безъ посредниковъ; но не желая обидѣть Анну Григорьевну, не сказалъ ей о томъ ничего и тѣмъ, въ свою очередь, сбилъ ее съ толку.

Теперь это выяснилось, но вмѣстѣ выяснилось, увы! и то что онъ опоздалъ.

Черенинъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный. Ему было жалко дѣвушку, безъ малѣйшей вины запутанную въ такія продѣлки, и жалко своихъ надеждъ; „но надо-же быть справедливымъ, думалъ онъ,—и не приписывать легкомыслію, или измѣнѣ, того чтò было не болѣе какъ естественнымъ результатомъ ея положенія.“ Она не скрывала отъ насъ что она въ „мучительныхъ затрудненіяхъ.“ Что-жъ удивительнаго, если,—покуда мы тамъ сидѣли спокойно, оставивъ ее тутъ одну и безъ помощи,—она нашла человѣка, который взялся за дѣло ея горячо,—и полюбила его?

Нѣчто подобное онъ сказалъ и Мезенской, когда она убѣждала его „не терять надежды и не откладывать.“

— Это немыслимо, отвѣчалъ онъ въ уныніи.—Подумайте только: какой мѣдный лобъ надо имѣть чтобы, пропустивъ четыре мѣсяца, пріѣхать къ ней и сказать: „теперь, когда все это кончено, я предлагаю вамъ руку!“

— Но если она погубитъ себя этимъ выборомъ? говорила Мезенская, почти въ отчаяніи.

— Не вижу съ чего вы это взяли, Анна Григорьевна, отвѣчалъ онъ спокойно.—Чтò вы о немъ знаете кромѣ того, что онъ адвокатъ? Но развѣ это пятно? Въ корпораціи адвокатовъ есть люди съ безукоризненною репутаціей и пользующіеся всеобщимъ, заслуженнымъ уваженіемъ. Что-же васъ заставляетъ думать что онъ принадлежитъ къ подонкамъ своей профессіи?

— Оставьте профессію, возразила Анна Григорьевна горячо,—и сознайтесь уже лучше прямо что вы не любите Пашу. Еслибъ любили, вы-бы не уступили ее такъ равнодушно, — другому. Вы говорите „поздно“—даже не справясь: дѣйствительно-ли это такъ,—какъ человѣкъ, который радъ случаю отвязаться. А я у васъ спрашиваю: почемъ вы знаете? Послѣ того чтò у васъ было съ нею передъ отъѣздомъ ея сюда, вы не видѣлись, не обмѣнялись съ нею ни словомъ. Почемъ она знаетъ что вы не ставите ей въ вину ея несчастія?... Вы говорите сами что нѣтъ ничего удивительнаго если она, потерявъ надежду на васъ, остановила выборъ свой на другомъ. И почему вы думаете что если-бы вы себѣ дали трудъ разувѣрить ее, она не вернулась-бы къ первой своей привязанности и не сочла-бы этого за большое счастье?

Но все краснорѣчіе ея пропадало даромъ.

— Да, говорилъ Черенинъ,—если-бы я имѣлъ какую-нибудь заручку что все это не фантазіи... Но я не вижу рѣшительно ничего кромѣ ревностнаго желанія вашего сохранить ее, если можно такъ выразиться, въ нашей семьѣ.

Пробившись съ нимъ часа два, Анна Григорьевна наконецъ потеряла терпѣнье.

— Нѣтъ, Паша права, сказала она.—Вы ее вовсе не знаете и не любите ни на-грошъ!

Страннымъ образомъ, этотъ укоръ изъ первыхъ рукъ подѣйствовалъ на него сильнѣе всего чтò онъ слышалъ лично отъ Мезенской... Онъ замолчалъ и ушелъ отъ нея озабоченный.

* * *

На другой день, онъ былъ у Паши. Дѣвушка, ничего не знавшая о его пріѣздѣ, выбѣжала къ нему въ смущеніи, ожидая, какъ это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, Богъ знаетъ чего... Но ничего особеннаго, въ минуту ихъ первой встрѣчи, не было сказано и они, пожавъ другъ другу руку, усѣлись въ пустой гостиной... Сердце у Паши стучало такъ, что она съ трудомъ выговаривала слова. Черенинъ былъ пораженъ перемѣной, которую онъ въ ней нашелъ. Вмѣсто беспечной, розовой институтки, почти ребёнка, какимъ она уѣхала осенью въ Петербургъ, передъ нимъ была блѣдная и дрожащая отъ волненія молодая женщина съ явственными слѣдами страданія на лицѣ.

Съ трудомъ скрывая свое впечатлѣніе, онъ признался ей прямо что онъ не можетъ еще придти въ себя послѣ того чтò онъ слышалъ вчера отъ Анны Григорьевны. — Изъ вашихъ писемъ, сказалъ онъ,— нельзя было и представить себѣ ничего подобнаго.

— Да, Алексѣй Васильевичъ, отвѣчала Паша,—не думала я, уѣзжая, во чтò обойдется мнѣ эта игра. Но издали трудно судить о томъ чтò я здѣсь въ дѣйствительности пережила... Я только снаружи похожа на прежняго человѣка, а если-бы я могла открыть свою душу, никто изъ старыхъ друзей не узналъ-бы меня... Какъ въ полѣ, послѣ потравы, мѣста не ос-

Оливеръ Кромвель у слѣпаго Мильтона. Рис. Мертé, грав. Кирмзе.

Отъ нечего дѣлать. Съ карт. Вастага, грав. Бонгъ

тается цѣлаго:—все выѣдено и перемято!... Бываютъ минуты когда я едва сама себя узнаю...

Она заморгала и двѣ слезы покатились у ней по щекамъ.

Черенинъ слушалъ ее дивясь. Тонъ голоса—смыслъ рѣчей—все было новое и все какъ-то странно хватало за сердце... Они замолчали и посмотрѣли другъ другу въ глаза. Легкая краска зардѣлась у ней на щекахъ.

— Сказать-ли вамъ правду, заговорилъ Черенинъ вдругъ оживляясь.—Мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы „потрава," какъ вы ее называете, была такъ велика и непоправима... Рѣдкая твердость, съ которой вы вынесли здѣсь, одна, такія тяжелыя испытанія, ручается что живая сила не сломана. Бросьте вы только это гнилое болото, которое вамъ не сродни, и возвращайтесь къ намъ. Я вамъ отвѣчаю что къ Троицѣ все выпрямится и разцвѣтетъ лучше прежняго.

— Нѣтъ, отвѣчала Паша вздохнувъ.—Я, что̀ называется, съ корнемъ вырвана... А то что̀ вы говорите о твердости—сильно преувеличено. Если-бы у меня ея было больше, я-бы не стала прятаться, а разсказала бы храбро о томъ что̀ со мною случилось, всѣмъ кому слѣдовало объ этомъ знать;—и дѣло тогда не затянулось-бы на пять мѣсяцевъ. Но я не хочу вамъ хвастать, я такъ перетрусила и упала духомъ что если-бы Богъ не сжалился надо-мной, я не могу и подумать теперь безъ ужаса, до чего я могла-бы дойти... Другому—я можетъ быть не призналась-бы въ этомъ; но вамъ... Послѣ всего что̀ было, я не хочу чтобы вы могли меня упрекнуть въ неискренности... Да, Алексѣй Васильевичъ, дѣло могло окончиться иначе;—но объ этомъ поздно теперь жалѣть.

Черенинъ смотрѣлъ на нее нерѣшительно. Ея прямота вызывала его на такую же искренность: но то что̀ ему хотѣлось сказать, было такъ непривычно, что онъ напрасно искалъ подходящаго выраженія; все выходило какъ-то ходульно, словно въ какой-нибудь мелодрамѣ переведенной съ французскаго языка.

— Прасковья Петровна, началъ онъ съ разстановкой, часто прерывая и поправляя себя,—я бы желалъ быть съ вами также чистосердечнымъ, но то что̀ мнѣ хочется вамъ сказать... трудно сказывается... Повѣрьте мнѣ все-таки, что если я васъ зову отсюда, въ деревню, то это не фразы, внушенныя чувствомъ холоднаго сожалѣнія... Я всею душою желаю того что̀ я говорю и счелъ бы за счастье если бы мнѣ удалось... осуществить на дѣлѣ мое желаніе... Но... моей воли для этого недостаточно; а что̀ касается вашей, то я скажу вамъ прямо: я очень боюсь, что я опоздалъ.

На этотъ разъ Паша зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ; но не сказала ни слова.

Онъ замолчалъ, и сталъ говорить о деревнѣ. Это какъ-будто пріободрило ее. Она оживилась и принялась разспрашивать его съ любопытствомъ о разныхъ вещахъ изъ круга его сельской дѣятельности. Но личный вопросъ былъ оборванъ—и они больше къ нему не возвращались.

Когда онъ ушелъ, Паша кинулась въ свою комнату, на постель, и зарыдавъ, уткнулась лицомъ въ подушки... Бѣдняжка не ожидала того что̀ она сегодня услышала... Правда-ли что онъ опоздалъ?.. Она и сама не знала... Сердце ея было разорвано на-двое—и та часть, которая принадлежала прошлому, вдругъ напомнила о себѣ, горячо отстаивая свои права.

XXIII.

Пути, которыми мы приходимъ къ важнѣйшимъ событіямъ нашей жизни, часто необъяснимы. Намъ кажется иногда что сама судьба влечетъ насъ къ какой-нибудь очевидной, радостной или печальной развязкѣ, тогда какъ на дѣлѣ, невидимое теченіе относитъ насъ прямо въ противоположную сторону... Нѣчто подобное было и съ Пашей.

— Не манкируйте въ субботу, сказала она Стойницкому, встрѣтивъ его въ правленіи.—Мнѣ нужно васъ познакомить съ Мезенской и я хочу чтобы вы завоевали ее.

Онъ обѣщалъ и дѣйствительно постарался...

Успѣхъ былъ такой, что Анна Григорьевна воротилась домой очарованная, а Паша надулась и на прощанье не подала ему даже руки. Она находила что это ужь слишкомъ: онъ пелъ себя съ Анею такъ, какъ будто бы кромѣ нея никого и на свѣтѣ не существовало!.. Аня пожалуй подумаетъ что она и въ самомъ дѣлѣ завоевала его!

Но Аннетъ, по природѣ своей, не способна была на бурныя увлеченія. Проспавшись послѣ своей побѣды, она почувствовала что чадъ въ ея головѣ прошелъ и стала догадываться въ чемъ дѣло.

„Пересолилъ!" рѣшила она съ усмѣшкой.—„Надо однако признаться, онъ въ самомъ дѣлѣ способенъ свести съ ума молодую дѣвушку, невидавшую ничего кромѣ такихъ моржей какъ нашъ милый Алеша!.. Молодъ, уменъ какъ чортъ и полонъ огня!.. Но актеръ!.. О! это такой актеръ, что хоть кого способенъ сбить съ толку!.."

Анна Григорьевна исключала конечно себя, но она отъ души пожалѣла о бѣдной Пашѣ.

— Не мудрено, говорила она себѣ,—если такой человѣкъ вскружилъ ей голову.

А Паша, даже проспавшись, все еще не могла простить Стойницкому его неумѣреннаго усердія и ей приходили на умъ ревнивыя мысли.

„Аннетъ конечно очень мила: а Викторъ Михайловичъ впечатлителенъ... Что̀ если онъ не на шутку былъ увлеченъ?"

Въ головѣ у нея бродило и что-то неудержимо толкало ее идти туда, въ Конюшенную, узнать... Что̀ именно ей хотѣлось узнать, и почему нельзя было этого отложить до другаго дня, она не давала себѣ отчета. Паша была въ томъ настроеніи духа, когда самыя умныя женщины дѣлаютъ глупости.

И она сдѣлала глупость, пошла, не спрашивая себя ни на минуту къ чему это поведетъ, не безпокоясь даже что̀ онъ подумаетъ о ея посѣщеніи, послѣ того на чемъ они разошлись послѣдній разъ что она была у него въ Конюшенной.

Случилось однако нѣчто чего она вовсе не ожидала... Она не застала дома Стойницкаго... Только тогда ей пришло на умъ что теперь, когда ея дѣло кончено, никакого повода къ тайнымъ свиданіямъ болѣе нѣтъ. Онъ стало-быть и не ждалъ ее? Но если не ждалъ, то зачѣмъ же было такъ горячо и настойчиво звать ее?

Взглядъ на часы убѣдилъ ее, что она этотъ разъ пріѣхала нѣсколько позже обыкновеннаго, и это ее навело на мысль, что онъ могъ уѣхать на четверть часа, какъ онъ и самъ предупреждалъ ее что ему иногда приходится.

— Вамъ неизвѣстно когда онъ вернется? спросила она у экономки.

— Не знаю, сударыня; они не сказали мнѣ ничего.

— Я подожду немного... Можно?

— Ахъ, Боже мой! сдѣлайте милость!.. Позвольте мнѣ вашу шубку... Да лучше пожалуйте къ нимъ въ кабинетъ; тамъ васъ никто не обезпокоитъ.

Паша вошла и сѣла... Виски у нея пылали; на сердцѣ кипѣло... Еслибъ ловецъ засталъ добычу свою въ такомъ безпомощномъ состояніи, побѣда досталась бы ему вѣроятно легко... Но время шло... Пять... десять минутъ... полчаса... Напрасное ожиданіе начало ее охлаждать. Идея, сводившая ее со вчерашняго дня съ ума, ослабла, и Паша, освобожденная отъ ея давленія, понемногу пришла къ естественному вопросу:—Что̀ дѣлать?.. Но не успѣла она подумать объ этомъ,

какъ что-то другое проснулось и громко заговорило у ней въ душѣ... Это былъ страхъ, преслѣдовавшій ее неотступно всѣ эти дни... Что̀ она дѣлаетъ?.. Ждетъ его страстныхъ признаній и ласкъ, послѣ которыхъ она можетъ быть и не въ силахъ будетъ уже уйти... Готова-ли она къ этому, или она, какъ муха, летитъ на огонь?.. Вѣдь не дразнить же его она пришла!

Наша вскочила въ ужасѣ и выбѣжала въ прихожую такъ проворно что Аграфена Ивановна едва поспѣла навстрѣчу, чтобы ее одѣть... Бѣгомъ внизъ по лѣстницѣ, словно за нею гналась вся семья Бурдюковыхъ, съ Анной Егоровною, съ дѣтьми и собаками!..

— Вотъ встрѣчу!.. Вотъ встрѣчу! твердила она себѣ...

Однако она никого не встрѣтила и вернулась благополучно домой, ужасно довольная что ея безумство сошло ей съ рукъ безнаказанно.

Но что̀ сказала бы Наша, еслибъ она могла угадать гдѣ въ эту минуту былъ Викторъ Михайловичъ?..

Стойницкій, вмѣсто того чтобы разъѣзжать по дѣламъ, сидѣлъ съ визитомъ у Анны Григорьевны.

* * *

Зачѣмъ онъ пріѣхалъ?—это въ вульгарномъ смыслѣ не трудно понять. Онъ не былъ ни на волосъ очарованъ Мезенскою, хотя, говоря языкомъ знатоковъ, это была пикантная молодая блондинка; но наканунѣ ему такъ легко удалось затронуть ревнивую струнку въ Нашѣ, что мысль покончить этимъ путемъ съ ея нерѣшимостью завлекла его нѣсколько дальше цѣли. Было однако же кромѣ того и еще что-то лишнее, въ чемъ онъ самъ себѣ не давалъ отчета. Какъ опытный человѣкъ, онъ не могъ не замѣтить что онъ произвелъ на Анну Григорьевну впечатлѣніе. Жадность завоевателя, увлеченнаго на минуту, въ сторону отъ намѣченнаго пути, преслѣдованіемъ совсѣмъ ненужной ему добычи, или шаловливое любопытство школьника залѣзающаго въ чужой огородъ безъ всякой опредѣленной цѣли,—что-то толкало Стойницкаго посмотрѣть какъ будетъ принятъ такой неожиданный знакъ вниманія.

Домъ въ Пушкинской улицѣ былъ ему знакомъ и онъ безъ труда отыскалъ въ немъ Мезенскую... Анна Григорьенна отворила ему сама, и узнавъ его, надо признаться, вспыхнула.

— Господи! вырвалось у нея въ простотѣ души, — вотъ ужь никакъ бы не угадала!

Однако она была польщена. „Пришелъ толковать о своихъ сердечныхъ дѣлахъ“, рѣшила она, и по началу казалось дѣйствительно такъ. Его оживленная, бойкая рѣчь началась съ Ладищевой и безпрестанно къ ней возвращалась. Но онъ-ли игралъ съ любопытствомъ уѣздной барышни, или она не умѣла вызвать его на откровенность, все что̀ онъ говорилъ касалось въ дѣйствительности скорѣе ея чѣмъ Наши. Онъ говорилъ о недостаткѣ свѣжаго женскаго элемента въ столичномъ обществѣ и о томъ какъ сильно оно нуждается, для своего обновленія, въ притокѣ неистощенныхъ силъ, жалуясь что ихъ здѣсь не умѣютъ цѣнить. Вмѣсто того чтобы привлечь или по меньшей мѣрѣ заботливо удержать и окружить всевозможнымъ вниманіемъ то, что̀ сюда залетаетъ случайно, здѣсь смотрятъ на дорогихъ гостей какъ на простую, чернорабочую силу... Сдѣлать изъ такой дѣвушки, напримѣръ, какъ Прасковья Петровна—бухгалтера!.. Не все-ли это равно,—извините за грубость сравненія,—что возить дрова на чистокровномъ арабскомъ конѣ, или мостить каррарскимъ мраморомъ какую-нибудь Сѣнную?

— Мы сильно надѣемся увезти съ собой Нашу, сказала съ коварной усмѣшкой Аннетъ.

— Это была-бы истинная потеря для всѣхъ, кто не можетъ за „вами“ послѣдовать, отвѣчалъ онъ уклончиво.

— Но что-же дѣлать, если, какъ вы сознаетесь сами, ее не умѣли здѣсь оцѣнить?

— Надѣюсь, сказалъ онъ,—что вы допускаете исключенія... И опасаясь впутаться въ какую-нибудь новую западню, онъ поспѣшилъ прибавить шутя, что врядъ-ли друзья Прасковьи Петровны позволятъ ее увезти безъ какого-нибудь соотвѣтственнаго залога, который ручался-бы имъ за ея возвращеніе, или по крайности хоть утѣшилъ-бы ихъ, въ ихъ потерѣ.—Если она уѣдетъ, сказалъ онъ смѣясь,—то ужь извините, мы арестуемъ здѣсь *васъ*.

— И засадите меня на ея мѣсто, въ банкѣ? Ну нѣтъ, покорно благодарю!.. Я ненавижу вашъ Петербургъ!.. Это какая-то фабрика, не знающая ни днемъ, ни почью, покоя... Громъ, суета, толкотня!.. Не считая такихъ любезностей. какія здѣсь испытала Наша... Случай, вы скажете?.. Да, пожалуй; но какъ хотите, а уже одна возможность подобныхъ вещей достаточна чтобы бѣжать отсюда домой, безъ оглядки...

По этому поводу сказано было нѣсколько словъ о дѣлѣ, въ которомъ онъ принималъ участіе, и Анна Григорьевна услыхала нѣсколько интересныхъ подробностей... Онъ скромно не признавалъ за собой никакой заслуги и увѣрялъ серьезно Анну Григорьевну, что если-бъ *она* была тутъ, въ его помощи не оказалось-бы ни малѣйшей нужды. Всѣ бѣдствія, молъ, произошли отъ того, что некому было вынудить у нея признаніе... Прасковья Петровна, молъ, не похожа на васъ; она чрезвычайно робка и скрытна.

— Вы, значитъ, считаете меня очень храброю? спросила съ усмѣшкой Аннетъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ,—но что-то мнѣ говоритъ, что на ея мѣстѣ вы-бы не потеряли голову.

— То-есть, иначе сказать, обошлась-бы безъ вашей помощи?

— Вы заставляете меня, нехотя, вамъ признаться, что я считалъ-бы за счастіе всякій случай ее оказать.

— Покорно благодарю!.. Какъ ни лестно имѣть такого защитника, но я предпочла-бы все-таки не нуждаться въ защитѣ.

— Замѣтьте: вы второй разъ обижаете меня въ благодарственномъ наклоненіи, сказалъ съ тонкой усмѣшкою адвокатъ.—Ваше *покорно благодарю*, въ переводѣ на простонародный языкъ, значитъ по-просту: *убирайся къ чорту!*

Мезенская расхохоталась.

— Ну нѣтъ, я не имѣла намѣренія отсылать васъ такъ далеко... Напротивъ...

Кокетство, съ которымъ она ему кинула это послѣднее слово, было достойно оцѣнено и послужило темою новыхъ аттакъ. Однако ему не удалось добиться, что̀ значитъ *напротивъ*... Она проболтала съ часъ, но ничего особеннаго по адресу Наши не было сказано.

Какъ разъ передъ самымъ уходомъ его, явился Павелъ Григорьевичъ и сестра познакомила ихъ.

* * *

— Зачѣмъ пріѣзжалъ? спросилъ братъ.

— Не разберу, отвѣчала Анна Григорьевна.—Вчера, у Ладищевыхъ разсыпался сахаромъ, не то въ угоду Нашѣ, не то чтобы заставить ее ревновать; въ чемъ кажется и успѣлъ... А сегодня съ визитомъ... Сначала я думала, что желаетъ съ ней посчитаться черезъ меня; а теперь не знаю ужь что̀ и думать.

— Смотри! сказалъ братъ, грозя ей пальцемъ.—Такіе шустрые игроки напрасныхъ ходовъ не дѣлаютъ.. Ты можетъ-быть думаешь что онъ такъ, даромъ, носился съ Нашей?.. Какъ-бы не такъ! Получилъ за свой трудъ бездѣлицу: двадцать пять тысячъ.

— Какъ двадцать пять тысячъ!.. Съ кого?

— Не знаю... Да онъ и самъ, я думаю, хорошенько не знаетъ. То-есть онъ знаетъ, что деньги онъ полу-

чилъ отъ Шалыгина,—а Шалыгинъ долженъ ихъ получить изъ общества внутренняго кредита, стараніями предсѣдателя совѣта, Ивана Ѳедоровича Ладищева. Но кому придется ихъ окончательно заплатить: Шалыгину или акціонерамъ банка, объ этомъ бабушка на-двое говоритъ... Не понимаешь?.. Ну, слушай, я объясню... И онъ разсказалъ ей извѣстную уже намъ продѣлку, прибавивъ, что онъ, не далѣе какъ вчера, узналъ это по секрету отъ одного изъ друзей Шалыгина.

Анна Григорьевна слушала какъ во снѣ.

— Курьёзно! сказала она.—Только при чемъ-же тутъ Паша?

— Ахъ, Анна, какъ ты глупа! Да неужли-же ты думаешь что эта Рогневичъ, съ своимъ повѣреннымъ, такъ—изъ-за ея красивыхъ глазокъ—старались?.. Племянница тутъ служила только крючкомъ, чтобъ дядя у нихъ не сорвался, покуда они не обработаютъ дѣло Шалыгина... А что у этого молодца была съ Пашею, кромѣ того, своя особенная игра въ „кёры“, такъ это уже чисто вина Алёши. Не даромъ-же говорятъ: „не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ...“ Чего онъ жеманился? Пріѣхалъ-бы слѣдомъ за ней, съ предложеніемъ, такъ не о чемъ было-бы дольше и хлопотать... Тогда какъ теперь—я серьёзно боюсь за нее. Разъ дѣло дошло до ревности, оно очень далеко зашло, и трудно предвидѣть чѣмъ это у нихъ разъиграется.

Онъ говорилъ еще, когда робкій, чуть слышный стукъ изъ коридора въ наружную дверь, вѣроятно условный знакъ,—заставилъ Анну Григорьевну вздрогнуть.

— Это *она!* шепнула она вскочивъ и прислушиваясь. — Знаешь что̀, Паля, оставь ты насъ лучше вдвоемъ. Ты только стѣснишь ее.

— Ладно, отвѣчалъ братъ вставая и взявшись за шляпу.—Только ты сдѣлай чтобы она сегодня обѣдала у тебя; а я послѣ обѣда зайду. Мнѣ надо тоже съ нею поговорить, такъ какъ откладывать этого дольше нельзя.

* * *

Встрѣча въ прихожей имѣла какой-то траурно-церемонный видъ. Паша пожала протянутую ей руку молча: онъ извинился, что не былъ еще у нея и не можетъ остаться. Всѣмъ было какъ-то не по себѣ и всѣ были рады, когда онъ ушелъ.

— Угадай: кто у меня тутъ былъ передъ тобой? сказала Аннетъ, обнявъ и усаживая Ладищеву.

— Черенинъ?

— Нѣтъ, Викторъ Михайловичъ... Сказать тебѣ правду—онъ мнѣ не нравится.

Все это удивило и огорчило Пашу.

— Съ какихъ поръ? спросила она.—Вчера мнѣ казалось наоборотъ, что ты отъ него въ восторгѣ.

Мезенская слегка покраснѣла.

— Да, съ первой встрѣчи онъ подкупилъ меня... И надо отдать ему честь: онъ ловокъ, уменъ, привлекателенъ... Но это актеръ...

Она ожидала горячаго возраженія; но, къ удивленію ея, Паша молчала съ какимъ-то убитымъ видомъ. Тогда Аннѣ Григорьевнѣ стало жалко ея и она просила прощенія за свой рѣзкій отзывъ.

— Вопросъ такъ серьёзенъ, что я сочла-бы за низость лгать, говорила она;—я впрочемъ не выдаю своихъ впечатлѣній за истину... Я не знаю его... Но послѣ вчерашняго я отъ него ожидала искренности и не слыхала почти ничего кромѣ шутокъ... Невольно думается, что если-бы онъ любилъ тебя, онъ-бы нашелъ сказать мнѣ что-нибудь болѣе теплое... А это было-бы очень не лишнимъ, послѣ того что я слышала о его участіи въ твоемъ дѣлѣ.

Испуганный взглядъ, которымъ Паша ей отвѣчала, сбилъ Анну Григорьевну съ толку.

— Тебѣ вѣдь извѣстно сколько онъ получилъ за хлопоты? вырвалось у нея, необдуманно.

Несчастная дѣвушка поблѣднѣла какъ полотно.

— Это ложь! сказала она глухимъ, но рѣшительнымъ голосомъ.—Низкая ложь!.. Услуги его были вполнѣ безкорыстны.

— Не спорю... А все-таки онъ получилъ съ Шалыгина очень солидный кушъ...

— Съ какого Шалыгина?

— Да развѣ-же ты не знаешь?.. Не знаешь что у него съ мадамъ Рогневичъ было другое дѣло, изъ-за котораго они главнымъ образомъ и хлопотали... Шалыгинъ—банкрутъ или близокъ къ тому... Ему былъ нуженъ милліонный заемъ, чтобы отсрочить крушеніе, и онъ его получилъ изъ вашего банка, благодаря стараніямъ этой барыни и ея повѣреннаго, которые обошли (она не нашла болѣе мягкаго выраженія)—больно сказать кого, но я не хочу ничего отъ тебя скрывать... Заемъ былъ устроенъ черезъ твоего дядю.

Всѣ старыя опасенія Паши, покинутыя какъ низость послѣ того какъ она увѣровала въ своего избавителя, подтверждались, но уже поздно. Для ослѣпленной дѣвушки не было очевидности достаточно яркой чтобы открыть ей глаза.

— Молчи! Ради Бога молчи!.. Ты оскорбляешь меня! твердила она хватая Анну Григорьевну за руки, за плеча.—Все это подлая клевета, которую про него распускаютъ его враги!.. Ихъ цѣлая шайка, и я имѣла уже одинъ образчикъ ихъ злобы... Смотри: вотъ что̀ я получила, не далѣе какъ сейчасъ, передъ уходомъ къ тебѣ... Она развернула измятое и закапанное слезами письмо.—На, полюбуйся.

Аннетъ прочла:

„Милостивая Государыня!

„Я не имѣю чести васъ знать; но я васъ видѣла „мелькомъ, и мнѣ васъ ужасно жаль. Женою-ли его „вы надѣетесь быть, или такъ просто, другомъ, если „вы любите его не шутя, это почти все равно, такъ „какъ онъ никому не можетъ дать счастья. Онъ лю„битъ страстно, но любитъ какъ дѣти любятъ игрушку, „покуда не надоѣстъ и не приглянется новая... Такой „игрушкой служила ему и я... Онъ бросилъ меня че„резъ годъ — и не одну, и я, къ стыду своему, су„ществую крохами, которыя онъ изъ жалости мнѣ да„ритъ. Можетъ быть въ вашихъ глазахъ это очень „низко; но я, какъ мать, не имѣю выбора... Вѣрьте „или не вѣрьте мнѣ—это ваше дѣло, а я исполняю „только свой долгъ, и я дорого заплатила за право „васъ остеречь.

„Несчастная, у которой нѣтъ имени.

„Не выдавайте меня, если вы не хотите, въ награду за „сестринскую услугу, меня погубить“.

Письмо это выпало изъ кармана шубки, когда ее вытряхивали, и подано было Пашѣ нашедшею его горничною. Оно было писано очевидно наскоро и адресовано коротко: *Ея Превосходительству, Госпожѣ Ладищевой...* Не трудно было понять, что его подкинули покуда она ждала въ кабинетѣ Стойницкаго, и что она его принесла съ собою домой. Не удивительно даже, что Паша угадывала отчасти и автора; но что̀ весьма удивило Анну Григорьевну, это что Паша ему не повѣрила.

— То, что письмо подметное, говорила она,—пустяки. Есть подлыя письма которыхъ авторы и не думаютъ прятаться. Но долгъ платою красенъ. Когда меня считали воровкою и едва не плевали въ лицо, онъ не требовалъ отъ меня никакихъ доказательствъ моей невинности, а повѣрилъ мнѣ просто взглянувъ мнѣ въ глаза. Теперь моя очередь вѣрить, и кто-бы его ни обвинялъ, какую низость я ни услышала-бы о немъ... Я не вѣрю! Не вѣрю! Не вѣрю!

— Однако ты плакала надъ письмомъ, сказала Анна Григорьевна.—Не отпирайся, смотри: вотъ свидѣтели... Да на тебѣ и до сихъ поръ лица еще нѣтъ... Смотри,

„Фаустъ“, Гёте. Явленіе духа земли. Съ гравюры на мѣди изд. А. Ф. Маркса. Автотипія А. Шулера.

Пашута! Испортить жизнь очень не трудно; но поправлять такія ошибки во всякомъ случаѣ нелегко... Куда ты? Ты такъ разстроена, что не въ силахъ даже и притворяться спокойной... Дома тебя замучатъ разспросами... Оставайся обѣдать со мной... А чтобъ тебя не ждали, пошли имъ съ посыльнымъ нѣсколько словъ.

(Продолженіе будетъ).

Загадка.

(Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ)

О. Чюминой.

(Окончаніе).

ДѢЙСТВІЕ II.

Сцена представляетъ изящно убранную гостиную на дачѣ княгини въ Павловскѣ. Большое окно-балконъ, изъ котораго виденъ паркъ. Множество цвѣтовъ и дорогихъ bibelots. Входная дверь въ глубинѣ, другая — налѣво.

Явленіе I.

Князь Юрій и Семенъ.

Кн. Юрій (*въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, со шляпой въ рукѣ, входитъ въ гостиную*).

Семенъ.

Пожалуйте въ гостиную. Съ катанья
И ихъ сіятельства пожалуютъ сейчасъ
Домой.

Кн. Юрій.

Я подожду.
(*Семенъ уходитъ*).
Да, думалъ-ли хоть разъ,
Воображалъ-ли я, чтобъ вдругъ со мной стряслась
Подобная бѣда? Съ полудня на гулянье
Являюся, гдѣ три часа, какъ всѣ,
Верчусь кругомъ, какъ бѣлка въ колесѣ,
Любуюся на дамъ сидящихъ у эстрады
И мечущихъ въ оркестръ восторженные взгляды...
А скачки? А балы? Весь этотъ шумъ и гамъ?
А ловля жениховъ? Бедламъ! Совсѣмъ Бедламъ!
И это я... я, бросивъ всѣ привычки
Любимыя, дѣла — я, съ розою въ петличкѣ,
Tiré à quatre épingles, дежурю по часамъ
Въ гостиныхъ, провожаю дамъ
Безропотно въ концерты Вицентини
И соглашаюсь съ мнѣніемъ княгини,
Что всѣмъ несчастіямъ земли родной
Лишь курсы женскіе виной...
Да, время съ пользою я провожу большою!
А тутъ, какъ-будто бы въ насмѣшку надо мною,
(*вынимаетъ изъ кармана газету*)
Какой-то рецензентъ—чтобъ чортъ его побралъ!—
Замѣтку обо мнѣ въ газетѣ накаталъ.
(*Читаетъ*):
„Нашъ молодой, талантливый ученый
И путешественникъ неутомимый — князь
Агаринъ, только что съ Востока возвратясь,
Живетъ въ окрестностяхъ, всецѣло поглощенный
Своимъ объемистымъ трудомъ,
Что безъ сомнѣнія является плодомъ
Его блистательныхъ научныхъ изысканій."
А? Какъ вамъ нравится? Вотъ онъ „мильонъ терзаній!"
Вѣдь это съ умысломъ! Ей Богу! Поглощенъ!..
(*Хлопаетъ по газетѣ*).
Писалъ бы: какъ дуракъ влюбленъ
И въ Павловскѣ сидитъ, томимъ ужаснымъ зноемъ
И музыкой всечасно безпокоимъ...
(*Прохаживается большими шагами*).
Ну, пусть влюбился бы! Куда бы ужь ни шло!
Влюбляются и всѣ... Да я вѣдь какъ на зло
Не по людски влюбился-то: въ двухъ разомъ!
Есть отъ чего совсѣмъ утратить разумъ...
(*Задумывается*).
Въ концѣ концовъ — ихъ можетъ и не двѣ?..
Да... то есть двѣ одной и той же
Окажутся?.. Иль нѣтъ...
(*Спохватясь*).
Но что же
За чушь я говорю? Какой-то въ головѣ
Ужаснѣйшій сумбуръ, что впрочемъ и понятно!
(*Садится*)
Шесть мѣсяцевъ назадъ въ деревнѣ встрѣтилъ я
Служанку, и, клянусь, прелестнѣе ея
Не видѣлъ женщины! Но какъ-то непонятно
Она исчезла вдругъ, сведя меня съ-ума...
Уѣхалъ я... И что-жь? На петербургскомъ балѣ
Встрѣчаю вдругъ ее! Она, она сама!
Я обомлѣлъ... Служанка въ бальномъ залѣ!
Произнести могу едва:
„Кто это?" — „Кто? Княжна Вава!
Видать, что ты вернулся изъ пустыни!"
(*Со вздохомъ*).
И вотъ съ тѣхъ поръ, представленный княгинѣ,
Влюбясь безъ памяти въ княжну —
Я слѣдовать за ней готовъ хоть на луну,
Не только что сюда...
(*Вскакиваетъ*).
Но дольше ожиданья
И неизвѣстности не вынесу я, нѣтъ!
Сегодня не уйду отсюда безъ признанья.
Отвѣтъ, отвѣтъ! Рѣшительный отвѣтъ!
(*Въ волненіи ходитъ по комнатѣ*).

Явленіе II.

Кн. Юрій, Княгиня, Вава.

Княгиня (*протягивая ему руку*).
А, Юрій Павловичъ. Вы долго ожидали?

Кн. Юрій.
Минуты двѣ, не болѣе.

Вава.
Не два-ли
Часа скорѣй? Но вы и не видали
Полета времени.
(*Матери, лукаво*).
Вѣдь онъ
Своимъ трудомъ научнымъ поглощенъ,
Какъ это слышно по газетамъ.

Кн. Юрій (*смутясь*).
Какъ? Вы прочли?

Вава.
Прочла. И, признаюся въ этомъ,
Способностью такой была поражена.
Гуляя цѣлый день — вы можете безъ сна
И ночи проводить? И все... науки ради?

Кн. Юрій.
Я можетъ быть мечтаю о наградѣ

Вава.
Медаль дадутъ?

Княгиня (*съ мягкимъ укоромъ*).
Vava! Vous êtes incorrigible.

Вава (*цѣлуя ее на лету*).
Не даромъ же меня зовутъ: enfant terrible.

Княгиня (*лѣниво обмахиваясь вѣеромъ*).
Сегодня мнѣ и такъ невыносимо жарко,
А тутъ M-me фонъ-Штраль намъ встрѣтилась у парка.
Она болтать готова цѣлый день
Et je crois qu'elle m'a donné de la migraine...
Вава, гдѣ мой флаконъ?

Вава.
Сейчасъ, мама.
(*Приноситъ со столика флаконъ*).

Княгиня (*къ кн. Юрію*).
Простите,
Я отдохнуть пойду на нѣсколько минутъ
И не прощаюся. Nous nous verrons sans doute?
(*Уходитъ*).

Вава (*садится на диванчикъ, кн. Юрій на кресло возлѣ нея*).
Вы отчего же не были, скажите,
Вчера у насъ?

Кн. Юрій.
Я съ мужествомъ, княжна,
Сбирался все.

Вава.
Готовясь къ сочиненью
О древностяхъ?

Кн. Юрій.
Готовясь быть мишенью
Для вашихъ стрѣлъ.

Вава.
Къ несчастью, ни одна
Не попадаетъ въ цѣль — отражена
Непроницаемой броней археолога.
Нѣтъ, нѣтъ, ищите лучшаго предлога..

Кн. Юрій (*съ жаромъ*).
Къ чему предлогъ? Позвольте только мнѣ...
(*Увидѣвъ входящаго Семена*).
Ну вотъ!

Явленіе III.

Тѣ же и Семенъ (*съ букетомъ*).

Семенъ (*подходитъ къ Вавѣ*).
Ея сіятельству княжнѣ
Отъ ротмистра, барона фонъ-Вестфаленъ.

Кн. Юрій (*нахмурясь, въ сторону*).
Однако нѣмецъ-то становится нахаленъ!
(*Семенъ уходитъ*).

Вава (*нюхая букетъ*).
Не правда-ли, прелестные цвѣты?

Кн. Юрій (*сухо*).
Да, очень.

Вава.
Хороши прозрачные листы
Азалій...
(*Какъ будто только теперь замѣтивъ его досаду*).
Боже мой! Но что же это съ вами?
(*Подноситъ букетъ къ самому его носу*).
Понюхайте. Вотъ ландыши чудесные, въ росѣ...
Ужель цвѣтовъ не любите вы сами?

Кн. Юрій.
Нѣтъ, я люблю цвѣты.

Вава.
Но кажется не всѣ?
Ахъ, Юрій Павловичъ, я, право,
Такого какъ у васъ измѣнчиваго нрава
И не встрѣчала... Вотъ, лишь мигъ тому назадъ,
Вы были веселы... и вдругъ — подобный взглядъ!..
Вы просто дѣлаетесь грубы...
Но можетъ-быть у васъ вдругъ разболѣлись зубы?
Я не могу-ль помочь?

Кн. Юрій.
Да, можете, княжна,
Лишь выбросивъ букетъ вотъ этотъ изъ окна.

Вава.
Какъ? Выбросить цвѣты? Вотъ странное желанье!
Зачѣмъ?

Кн. Юрій (*пылко*).
Затѣмъ, что васъ любя до обожанья,
До сумасшествія, я... я не выношу,
Чтобъ вы и отъ другихъ букеты принимали.
Я дерзкимъ вамъ кажусь?.. Но если бы вы знали!..
(*Хочетъ взять у нея букетъ*).
Позвольте мнѣ, я васъ прошу,
По усмотрѣнію распорядиться ими?..

Вава.
Ужъ лучше я сама. Подайте мнѣ сейчасъ
Вотъ эту вазочку...
(*Кн. Юрій неохотно повинуется*).
Mille grâces...
(*Ставитъ букетъ въ вазочку, вынувъ изъ него одну розу*).
Такъ будетъ хорошо. За это я своими
Руками приколоть готова вамъ цвѣтокъ.

Кн. Юрій.
Увольте.

Вава.
Ни за что, monsieur l'archéologue!
Сидите смирно... такъ. Вотъ видите, какъ славно?
Вамъ бѣлое къ лицу.
(*Прикалываетъ розу*).

Кн. Юрій (*собираясь съ духомъ*).
Варвара Николавна,
Мнѣ какъ-то ранѣе спросить васъ не пришлось —
Въ минувшимъ февралѣ вы не были въ Тамбовѣ?

Вава (*притворяясь изумленною*).
Въ Тамбовѣ? я? Что за вопросъ!

Кн. Юрій.
Я такъ и зналъ, что вы на первомъ словѣ
Мнѣ это скажете. Но тамъ, одинъ лишь разъ,
Я встрѣтилъ женщину, похожую на васъ
Такъ поразительно...

Вава (*прерывая его*).
Но кто жъ она такая?

Кн. Юрій.
Не знаю. И узнать не могъ я, не взирая
На всѣ усилія...

Вава.
Вы говорили съ ней?

Кн. Юрій (*слегка смѣшавшись*).
Да, кажется... отвѣтилъ что-то ей.

Вава.
Отвѣтили? Такъ значитъ эта дама
Спросила васъ... о чемъ? Ну, говорите прямо.

Кн. Юрій.
Она сказала...
(*Останавливается*).

Вава (*нетерпѣливо*).
Что?

Кн. Юрій (*въ сторону*).
Попалъ же я въ просакъ! (*вслухъ*).
Она спросила...

Вава.
Ну!

Кн. Юрій (*съ рѣшимостью отчаянія*).
Вотъ ромъ, а вотъ коньякъ,
Чего прикажете?

Вава (*съ притворнымъ ужасомъ*).
Такъ это... Боже! Это —
Была служанка? да? Я жду отъ васъ отвѣта.

Кн. Юрій (*уныло*).
Служанка.

Вава (*дѣлая видъ, что сердится*).
И меня найти рѣшились вы
Похожей на нее? Однако! Каковы
Сравненія у васъ!
(*Отходитъ къ окну чтобы скрыть улыбку*).

Кн. Юрій (*умоляющимъ тономъ*).
Варвара Николавна!

Вава.
Такая выходка нисколько не забавна.

Кн. Юрій.
Вы сердитесь? Простите мнѣ, Вава...

Вава (*быстро оборачиваясь*).
Вава?! Съ которыхъ поръ дала я вамъ права
Такъ называть меня? Вѣдь я... я не субретка!

Кн. Юрій (*стоитъ опустивъ голову*).

Вава (*смягчаясь*).
Послушайте, не можетъ быть,
Чтобъ на нее могла я походить?
Такое сходство слишкомъ рѣдко!
Вѣдь вы ошиблись, да?

Кн. Юрій (*твердо*).
Рискуя возбудить
Вашъ гнѣвъ, княжна, я повторяю снова —
Вы знаете, что лгать я не привыкъ —
Что эта дѣвушка—вашъ вылитый двойникъ.

Вава (*въ сторону*).
Да я его разцѣловать готова!
Вѣдь изъ моихъ поклонниковъ любой
Отрекся-бъ отъ меня, бесѣдуя съ другой.
(*Подходитъ къ нему*).
Я не сержуся, князь. Я...
(*Хочетъ сказать что-то, но сдерживается*).
Я довольна вами.
(*Протягиваетъ ему руку*).

Кн. Юрій (*съ жаромъ*).
Княжна...

Вава.
Такъ будемъ-же попрежнему друзьями.

Кн. Юрій (*покрывая ея руки поцѣлуями*).
Нѣтъ, не друзьями, нѣтъ! О большемъ я молю.
Вы знаете, Вава, какъ страстно я люблю...
(*За сценой слышны голоса* **баронессы** *и* **Семена**).
Опять помѣха! Вотъ...

Голосъ баронессы.
Докладывать не надо.

Голосъ Семена.
Позвольте-съ.

Явленіе IV.

Тѣ же. Баронесса. Зоя.

Баронесса (*въ дверяхъ, Семену*).
Я всегда къ княгинѣ безъ доклада.

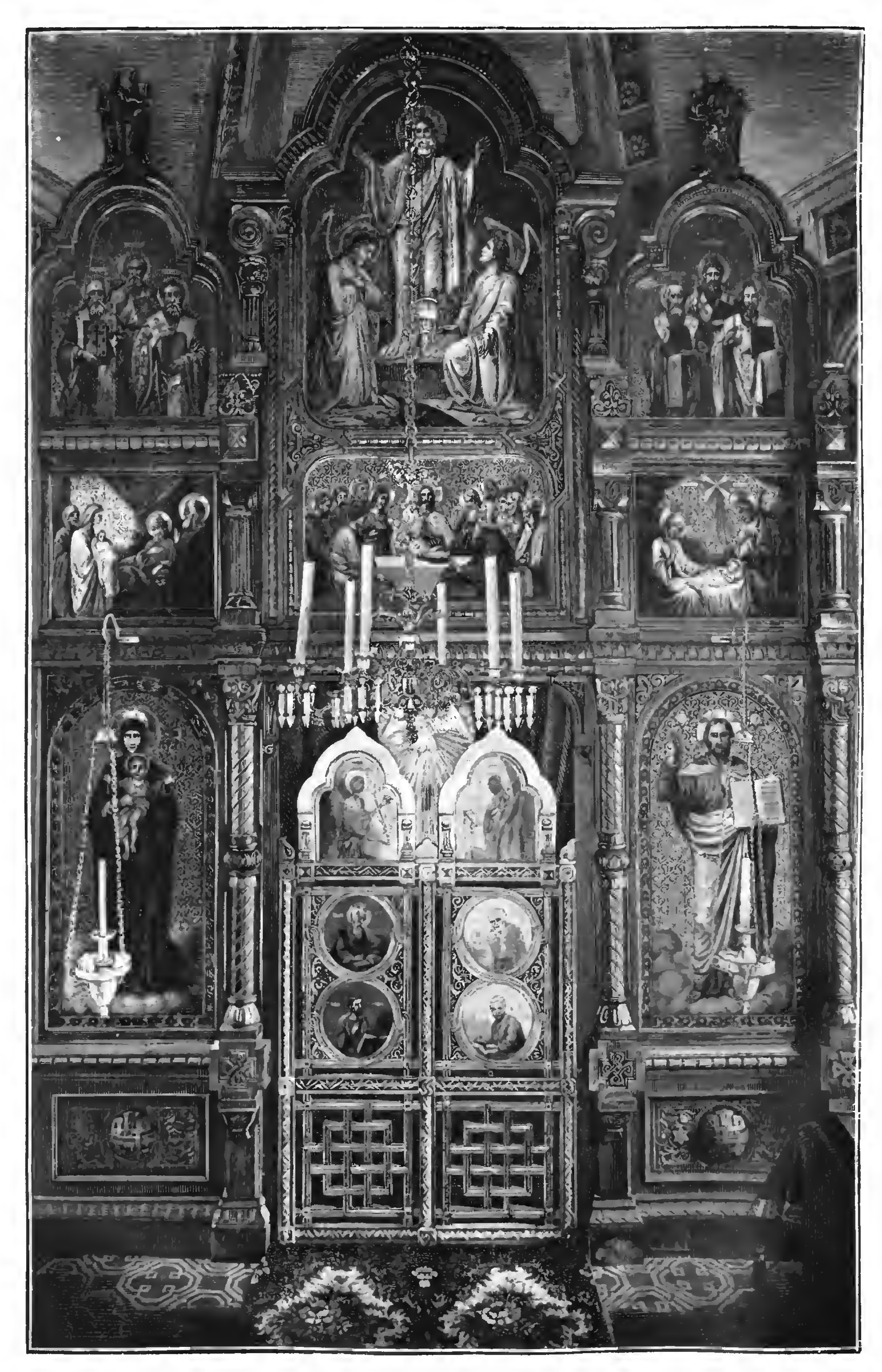
Вава (*идетъ къ ней на встрѣчу съ холодною любезностью*).
Bonjour, madame.

Баронесса.
Ma chère princesse Vava!
Ахъ, князь! И вы?
(*Съ изліяніемъ жметъ ему руку*).
Я очень, очень рада.
(*Оглядывается*).
А гдѣ-же...

Вава (*усаживая ихъ*).
У maman болѣла голова,
Она пошла прилечь.

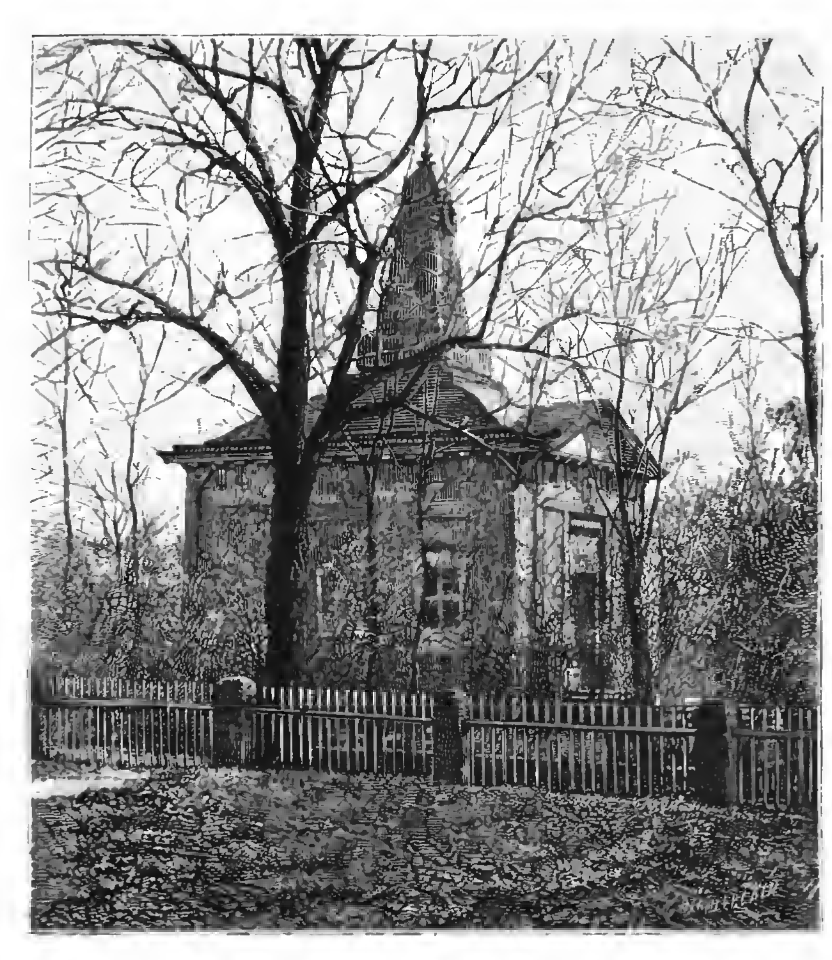
Баронесса.
Ее не безпокоя,
Мы посидимъ у васъ...
(*Къ кн. Юрію*).
Ахъ, князь, сегодня Зоя
Все васъ ждала. Прелестнѣйшій дуэтъ
Прислали ей и два романса...
Le nom m'échappe... Гуно, Сенъ-Санса...

Зоя (*робко*).
Бизе, maman.



Иромскій православный храмъ (въ Венгріи), усыпальница Вел. Кн. Александры Павловны. Часть иконостаса.

Съ фотогр. грав. Флюгель.



Кромскій православный храмъ (въ Венгріи). Внѣшній видъ храма.
Съ фотогр. грав. Ольшевскій.

Баронесса.
Ахъ, да! Вы не слыхали, нѣтъ?
Кн. Юрій (*сухо*).
Я не знатокъ въ дуэтахъ.
Баронесса (*сладко улыбаясь*).
C'est trop de modestie... Читали мы въ газетахъ
Сегодня только что—Zoé прочла сама,
Она, вы знаете, отъ чтенья безъ ума—
Статью о васъ. Не правда-ль?
Зоя.
Да, мама.
Кн. Юрій.
Весьма польщенъ.
Баронесса.
Zoé такъ любитъ всѣ науки,
Поэзію!.. Она зимой еще отъ скуки
Писала кое-что. Конечно, отдавать
Произведенія пера ея въ печать
Мы и не думаемъ. Теперь въ такомъ упадкѣ
Литература... да. Но у Zoé задатки
Громадные. Да вотъ... Zoé, съ тобой сонетъ
О птичкѣ?
Зоя.
Да, мама.
Кн. Юрій (*испугавшись*).
Нѣтъ, ради Бога, нѣтъ!
(*Спохватясь*).
Тутъ нужно, знаете, другое настроенье...
Намъ Зоя Карловна свое произведенье
Прочтетъ, надѣюсь, потомъ...
Баронесса.
Прекрасно. Напримѣръ, хоть завтра вечеркомъ...
Вы завернете къ намъ?
Кн. Юрій,
Не знаю, постараюсь...
Навѣрное не обѣщаюсь...
Баронесса.
Нѣтъ, нѣтъ, мы будемъ ждать.
(*Разговариваютъ вполголоса*).
Вава (*Зоѣ, съ участіемъ*).
У васъ усталый видъ.
Вы вѣрно по утру сегодня не гуляли?
Зоя (*уныло*).
Я три часа играла на рояли.

Кромскій православный храмъ (въ Венгріи). Гробница Великой Княгини Александры Павловны. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Вава̀.
Въ подобную жару!
Зоя (*вздохнувъ*).
Мамаша такъ велитъ.
Вава̀.
А вы не слушайтесь.
Зоя (*изумленно*).
Вы шутите?
Вава̀.
Серьезно.
Баронесса (*взглянувъ на часы*).
Однако скоро шесть. Ахъ, Боже мой, какъ поздно!
Au revoir, princesse.
(*Прощается*).
Княгинѣ—мой поклонъ.
(*Кн. Юрію*).
До завтра, князь?
(**Вава̀** *провожаетъ ихъ до двери, но потомъ возвращается назадъ и, бросившись въ кресло, начинаетъ смѣяться*).
Кн. Юрій.
Вамъ—смѣхъ, а я взбѣшенъ!
Вава̀.
Неблагодарный! Вамъ—сонеты и дуэты...
Кн. Юрій (*съ отчаяніемъ*).
Прибавьте: маменьки и эти вотъ букеты...
Вава̀.
Какъ вы злопамятны!
Кн. Юрій.
Я васъ молю, Вава̀...
Вы видите собой владѣю я едва—
Скажите: да! Избавьте отъ мученій,
Отъ неизвѣстности, сомнѣній...
(*Хочетъ взять ея руки*).
Вава̀.
А горничная?!
Кн. Юрій.
Ахъ! Сознайтесь-же, княжна,
Не мучьте долѣе, сознайтесь, что она
И вы—одно лицо!
Вава̀.
Съ чего вы это взяли?
Кн. Юрій.
Я въ этомъ убѣжденъ.
Вава̀.
Но доказать едва-ли
Могли-бы...
Кн. Юрій.
Докажу. Я нынче-же готовъ
За доказательствомъ отправиться въ Тамбовъ!
Хотите?
(*Увидѣвъ входящую княгиню, въ сторону*).
Въ третій разъ сегодня помѣшали!

Явленіе V.

Тѣ же и княгиня.

Кн. Юрій (*подвигая княгинѣ кресло*).
Вамъ лучше?
Княгиня (*садясь*).
Да, merci.
Вава̀ (*цѣлуя ее*).
Ну, что твоя мигрень?
Княгиня.
Прошла, но выходить мнѣ что-то было лѣнь.
Притомъ M-me фонъ-Штраль своею болтовнею...
Кн. Юрій.
Несносною, сорочьей трескотнею...
Княгиня (*съ легкимъ удивленіемъ*).
Ахъ, Юрій Павловичъ!
Кн. Юрій.
Простите. Сорвалось.
Вава̀.
Едва отъ чтенія спастись намъ удалось.
Княгиня (*спохватясь*).
Ахъ, Боже мой! Чуть-чуть не позабыла снова...
(*Вынимаетъ телеграмму*).
Тебѣ извѣстіе пріятное. Смотри!
Вава̀.
Ахъ! телеграмма!
Княгиня (*улыбаясь*).
Да.
Вава̀ (*съ любопытствомъ*).
Откуда?
Княгиня (*отдавая ей депешу*).
Отъ Маріи
Гречищевой. Она къ намъ ѣдетъ изъ Тамбова.
Кн. Юрій (*вскрикнувъ*).
Какъ? Марья Павловна! Вы... вы знакомы съ ней?
Княгиня.
Конечно. Вѣдь она была съ Вава̀ моей
Дружна по Смольному.
Кн. Юрій (*княгинѣ съ живостью*).
Варвара Николавна
Къ нимъ ѣздила гостить?
Вава̀ (*дѣлая ему знаки глазами*).
Молчите!
Княгиня.
Да, недавно.
Зимою, въ февралѣ...
Кн. Юрій.
Такъ значитъ...
Вава̀ (*ему, тихо*).
Вы опять?
(*Обращаясь къ матери, громко*).
Князь Юрій Павловичъ мнѣ сдѣлалъ предложенье,
Maman. Онъ такъ смущенъ...
Кн. Юрій (*подходитъ къ княгинѣ*).
И жду отъ васъ рѣшенья,
Княгиня.
Княгиня (*нѣсколько растерявшись*).
Боже мой! Я васъ люблю, какъ мать,
Я счастлива была бъ... Но дочь моя свободна
Располагать собой.
Вава̀ (*лукаво опустивъ глаза*).
О, какъ maman угодно!
Я у нея примѣрнѣйшая дочь.
Княгиня.
Но ты сама?
Вава̀ (*съ разстановкой*).
Пожалуй... Я не прочь.
(*Протягиваетъ руку кн. Юрію, который горячо цѣлуетъ ее*).
Княгиня.
Отъ всей души даю свое благословенье.
(*Обнимаетъ обоихъ*).
Вава̀ (*кн. Юрію весело*).
Что жъ, послѣ свадьбы мы — хозяйничать въ имѣнье?
Согласны?
Кн. Юрій (*цѣлуя ея руки*).
О, на все!
(*Съ увлеченіемъ*).
Сугубая хвала
И земству русскому, и дѣловымъ бесѣдамъ!
Вава̀ (*смѣясь*).
Но если вы тогда ушли изъ-за стола
Голоднымъ — то не я виной тому была...
Вѣдь я заботилась усердно за обѣдомъ
О васъ...
Кн. Юрій.
И обнесли, я помню, пирогомъ...
Княгиня (*глядитъ въ недоумѣніи то на одного, то на другаго*).
Но объясните мнѣ...
Вава̀ (*со смѣхомъ обнимая и цѣлуя ее*).
Потомъ, мама̀, потомъ!
Занавѣсъ.

Къ рисункамъ.

Любопытство. (Рис. на стр. 277).

Съ легкой руки Менцеля, Клауса, Деффрегера, Вотье и другихъ мастеровъ, жанръ все болѣе входитъ въ моду и ни въ одной изъ отраслей живописи не встрѣчается столько превосходныхъ произведеній, какъ въ немъ. Къ этому направленію примкнулъ и К. фонъ-Бергенъ. Его прелестная картинка весьма живо и правдиво передаетъ, какъ крошечная дѣвочка, вставъ съ постели и не успѣвъ еще одѣться, взобралась на стулъ, и побуждаемая любопытствомъ, свойственнымъ дочерямъ Евы всѣхъ возрастовъ, старается заглянуть въ большую корзину на столѣ.

Оливеръ Кромвель и Мильтонъ. (Рис. на стр. 280).

Рядомъ съ Оливеромъ Кромвелемъ, человѣкомъ дѣла, мы видимъ въ великой политической и религіозной борьбѣ XVII столѣтія въ Англіи человѣка мысли, Джона Мильтона, который, какъ поэтъ, возвелъ идеалы своего времени въ принципы. „Онъ сопровождалъ“, говоритъ Каррьеръ, „своими могучими прозаическими твореніями историческую распрю и когда, повидимому, казалось, что дѣло пуританизма погибло, онъ воздвигъ ему въ своихъ безсмертныхъ стихахъ памятникъ, который тверже металла. Рѣдко духъ и существо всемірно-исторической эпохи выражалось такъ рѣзко и съ такимъ поражающимъ благородствомъ, какъ въ Кромвелѣ и Мильтонѣ“. Нынѣ не мо-

жетъ быть никакого сомнѣнія, что Кромвель былъ однимъ изъ созидателей величія Англіи и выдающимся государственнымъ человѣкомъ. Если многое и кажется намъ непривлекательнымъ въ предводителѣ пуританъ, то, благодаря собраннымъ и обнародованнымъ Карлейлемъ письмамъ и рѣчамъ Кромвеля, онъ ясно представляется намъ не хитрымъ министромъ, какимъ его изображали нѣкоторые историки,—но глубоко вѣрующимъ человѣкомъ, который даже въ заблужденіяхъ и преступленіяхъ своихъ руководился одною любовью къ родинѣ и желаніемъ сдѣлать для нея только добро. Онъ видѣлъ въ цѣломъ рядѣ событій, начиная съ побѣды своей у Марстонъ-Мура въ 1644 году до смерти Карла I въ 1649 г. и до своего позднѣйшаго избранія въ лорды-протекторы страны въ 1653 году—только волю Всевышняго. Джонъ Мильтонъ, родившійся въ Лондонѣ въ 1608 году, сближается съ Кромвелемъ послѣ 1649 года, когда онъ былъ назначенъ тайнымъ писцомъ государственнаго совѣта. Когда впослѣдствіи Мильтонъ, ослѣпшій въ 1652 году, не могъ болѣе продолжать своей публичной дѣятельности, его не забывалъ Кромвель и иногда посѣщалъ слѣпаго поэта. Одно изъ такихъ посѣщеній Кромвелемъ безсмертнаго творца „Потеряннаго рая“ изображаетъ нашъ рисунокъ.

Отъ нечего дѣлать. (Рис. на стр. 281).

Прелестная картинка Вастага понятна безъ всякихъ поясненій. Молодая женщина въ полудремотной тиши роскошнаго будуара предается сладкому far-niente, забавляясь двумя ангорскими котечками, граціозно-игривыми какъ сама ихъ госпожа. У ногъ ея голова кошки гораздо болѣе страшной, но надо надѣяться, не имѣющей ни малѣйшаго, хотя бы самаго отдаленнаго качественнаго сходства съ хозяйкой этого чарующаго пріюта,—такъ какъ женщина-тигрица безконечно ужаснѣе своего прототипа.

Литературный альбомъ. „Фаустъ“ Гёте, въ переводѣ А. Фета. (Рис. на стр. 285).

„Фаустъ“, послѣ ни съ чѣмъ человѣческимъ не сравнимаго Божественнаго откровенія, есть высшее откровеніе тайнъ безсмертнаго человѣческаго духа. „Фаустъ“ только начинается тѣмъ, на чемъ кончаютъ самые даровитые изъ обыкновенныхъ людей. Цѣль жизни — всестороннее развитіе нашихъ душевныхъ силъ въ духѣ истины, добра и красоты, что̀ и составляетъ, если не самое блаженство, то его преддверіе; могущественнымъ средствомъ развитія является познаніе (наука) вообще и самопознаніе въ особенности. Величайшій изъ мудрецовъ древности, учась всю жизнь, только подъ конецъ ея пришелъ къ убѣжденію, что человѣку не дано точнаго знанія—ни сущности вещей, ни первоначальныхъ причинъ, ни конечныхъ цѣлей, т. е. другими словами, какъ сказалъ Сократъ умирая: „я только то знаю, что ничего не знаю“. Съ этого изреченія и начинаетъ Фаустъ (актъ I, сцена I), преждевременно состарѣвшійся надъ книгами. Интереснѣе Сократа (по крайней мѣрѣ по замыслу) онъ уже тѣмъ, что первый унесъ этотъ проблескъ высшей мудрости въ могилу, а „Фаустъ“ съ нею пройдетъ передъ нами во всевозможныхъ перипетіяхъ многолѣтняго и многосложнаго своего поприща, буквально обнимающаго *все земное*.

Въ нашихъ объявленіяхъ о новомъ роскошномъ иллюстрированномъ изданіи „Фауста“ Гёте, единственномъ въ Россіи *полномъ* (обѣ части трагедіи), въ переводѣ А. Фета (изд. А. Ф. Маркса), мы обстоятельно указали значеніе какъ великаго произведенія величайшаго изъ германскихъ поэтовъ, такъ и перевода, принадлежащаго перу первостепеннаго русскаго поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы разослали въ ограниченномъ (вслѣдствіе дороговизны эстамповъ) числѣ экземпляровъ образцы гравюръ на мѣди, которыми украшено наше изданіе (въ числѣ 25-ти). Желая дать читателямъ *Нивы* понятіе объ этихъ высокохудожественныхъ эстампахъ хотя приблизительное—такъ какъ автотипія не въ состояніи передать всей нѣжности оттѣнковъ гравюры на мѣди,— мы прилагаемъ нынѣ автотипный снимокъ одного изъ этихъ эстамповъ. При этомъ пользуемся случаемъ познакомить читателей съ самымъ переводомъ нашего несравненнаго лирика.

Фаустъ, разочарованный въ наукахъ, предается магіи съ тѣмъ чтобы войти въ непосредственное общеніе съ міромъ духовъ и отъ нихъ получить познаніе природы и человѣка; но пораженный безконечнымъ величіемъ вселенной, чувствуетъ свое безсиліе обнять ее во всей совокупности, а потому не рѣшается вызвать ся духа и обращается къ духу земли, котораго считаетъ роднѣе себѣ. Онъ беретъ книгу заклинаній и таинственно произноситъ знакъ духа. Вспыхиваетъ красное пламя и въ немъ появляется духъ земли.

Духъ.
Кто звалъ меня?

Фаустъ (*отворачиваясь*).
Ужасныя черты!

Духъ.
Ты влекъ меня въ сильнѣйшей мѣрѣ,
И долго льнулъ къ моей ты сферѣ —
И вотъ...

Фаустъ.
Ахъ, нестерпимъ мнѣ ты!

Духъ.
Ты звалъ, алкалъ подъ страстный лепетъ
Услышать мой голосъ и ликъ видѣть мой;
Я тронулся твоей мольбой.
Вотъ я! — Какой позорный трепетъ,
О полубогъ, тебя объялъ?
Гдѣ грудь, въ которой міръ ты цѣлый создавалъ,
Носилъ, вмѣщалъ, гордясь мечтой любовной
Возвыситься до насъ, до высоты духовной?
О гдѣ ты, Фаустъ, чей зовъ ко мнѣ звучалъ,
Котораго ко мнѣ порывъ всесильный мчалъ?
Ты-ль здѣсь, объятъ моимъ дыханьемъ,
Вдругъ сталъ трепещущимъ созданьемъ,
Подобьемъ слабаго червя?

Фаустъ.
Ликъ огненный, смущусь-ли я душою?
Я точно Фаустъ, и равенъ я съ тобою.

Духъ.
Въ бурѣ дѣяній, въ волнахъ бытія,
Бродящая сила,
Кружусь на просторѣ,
Рожденье, могила,
И вѣчное море,
За смѣной другая,
И жизнь огневая,
Основу у времени шумно сную,
Живой я покровъ божества создаю.

Фаустъ.
Носящійся надъ бездной міровой.
Духъ-дѣятель, какъ родственъ я съ тобой!

Духъ.
Съ тѣмъ равенъ бываешь,
Кого постигаешь;
Не ты со мной!

(*Исчезаетъ*).

Фаустъ (*содрогаясь*).
И не съ тобой?
Такъ съ кѣмъ же?
Я, образъ божества —
И даже не съ тобой?

Рѣшеніе этого вопроса въ самомъ широкомъ смыслѣ и составляетъ задачу всей дальнѣйшей жизни Фауста, которая проходитъ предъ нами въ двухъ частяхъ трагедіи.

Православный храмъ въ Иромѣ (Ueroem), въ Венгріи. (Рис. на стр. 288 и 289).

На страницахъ *Нивы* въ 1882 г. были сообщены въ романѣ *Волтеріанецъ* нѣкоторыя подробности о судьбѣ старшей дочери императора Павла I, великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, и премія для читателей *Нивы* этого года, подъ заглавіемъ *Король Женихъ*, изображала первый визитъ императрицѣ Екатеринѣ II короля Шведскаго Густава IV Вазы, искавшаго руки ея внучки. Какъ извѣстно, этотъ бракъ не состоялся по разномыслію въ религіозныхъ вопросахъ, и великая княжна, спустя немного, вышла замужъ за палатина (наслѣдника короны) Венгерскаго Іосифа. Этотъ бракъ вызвалъ великую радость среди православныхъ подданныхъ Австріи, много терпѣвшихъ отъ преслѣдованій католицизма и массами переселявшихся въ предѣлы Россіи, чтобы спасти отъ гнета уніи свое православіе. Они надѣялись, что русская православная княгиня возьметъ ихъ подъ свое высокое покровительство и защититъ отъ преслѣдованій; но надежды ихъ не исполнились. Не долга и не красна была жизнь великой княгини въ венгерской землѣ, — она прожила тамъ только около полутора года. По разсказамъ духовника покойной княгини, императрица Марія-Терезія съ первыхъ же дней возненавидѣла ее всею силою своего фанатическаго ума. При Вѣнскомъ дворѣ опасались, чтобы, благодаря русскому вліянію, Венгрія не достигла полной самостоятельности, а слабый характеромъ палатинъ Іосифъ не съумѣлъ отстоять ни правъ своихъ, ни свободы и спокойствія своей супруги, неожиданная и почти внезапная смерть которой поразила всѣхъ. Къ сожалѣнію, послѣдовавшая вскорѣ кончина императора Павла I помѣшала должному изъясненію причинъ преждевременной кончины великой княгини. Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ недолгимъ, но тяжкимъ положеніемъ этой царственной страдалицы отсылаемъ къ мемуарамъ протоіерея Самборскаго, напечатаннымъ въ *Русской Старинѣ*, а также къ монографіи г. Карновича, помѣщенной на страницахъ *Древней и Новой Россіи* за 1879 годъ, № 4.

Спустя годъ послѣ смерти Вел. Кн. Александры Павловны, въ 1802 году, 6 марта, въ небольшой деревушѣ Üröm, со швабскимъ населеніемъ, находящейся въ 10 верстахъ отъ Буда-Пешта и принадлежащей палатину Іосифу, былъ построенъ православный храмъ, предназначенный быть мѣстомъ вѣчнаго покоя великой княгини. Въ нижнемъ отдѣленіи храма устроенъ склепъ, гдѣ и поставленъ гробъ съ ея бренными останками.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Цааръ.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля.

Высочайше утвержденный проектъ А. А. Бильдерлинга, грав. Шюблеръ.

Почему этотъ надгробный храмъ построенъ въ незначительной деревушкѣ, а не въ Буда-Пештѣ, какъ того требовали достоинство православной церкви и честь русскаго имени, остается неразъясненнымъ. Но не будетъ погрѣшительно замѣтить, что и въ этомъ обстоятельствѣ игралъ не малую роль тотъ же фанатическій католицизмъ, не могшій помириться съ тѣмъ, что Русская великая княгиня до смерти осталась твердою въ своемъ православіи, которое не только тогда, но и теперь еще во мнимо-свободной землѣ венгерской не „въ авантажѣ обрѣтается"...

Въ 1883 году исполнилось столѣтіе со дня рожденія покойной великой княгини. Въ теченіе восьмидесятилѣтняго періода времени внутреннее украшеніе и церковная утварь Иромскаго храма пришли въ крайнюю ветхость. Поэтому въ честь и память юбилейнаго дня были подарены для этого храма отъ щедротъ Царскихъ прекрасный иконостасъ работы академика В. В. Васильева, а также и другіе предметы церковной утвари. И теперь иромскій храмъ отличается тѣмъ благолѣпіемъ и красотою, какія всегда присущи характеру и назначенію православнаго храма. При храмѣ находятся: одинъ настоятель и два псаломщика. Не смотря на отдаленность положенія и трудность сообщеній, храмъ усердно посѣщается особенно православными сербами изъ окрестныхъ деревень, преимущественно во дни годичныхъ поминовеній и другихъ церковныхъ торжествъ. Эти посѣщенія—трогательное свидѣтельство признательной памяти православнаго населенія къ незабвенной Усопшей, которая, и въ короткій періодъ времени, своимъ привѣтливымъ, ласково-участливымъ вниманіемъ оставила неизгладимые слѣды въ добрыхъ сердцахъ этого населенія. Помянутый протоіерей Самборскій, бывшій духовникомъ Вел. Кн. Александры Павловны, такъ заканчиваетъ свои мемуары: „въ первые вѣка христіанства храмы созидались надъ гробами мучениковъ... Православный храмъ въ Иромѣ построенъ надъ гробомъ *праведницы* и служитъ ей и понынѣ достойнымъ памятникомъ..." Прилагаемые снимки изображаютъ: внѣшній видъ храма съ сѣверо-западной стороны, видъ части иконостаса и мѣсто вѣчнаго покоя великой княгини, гробъ покрытый бархатною пеленой.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля. (Рис. на стр. 293).

Вслѣдствіе предсмертнаго желанія покойнаго Николая Михайловича Пржевальскаго быть похороненнымъ на берегу озера Иссыкъ-Куля, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ исполненіи завѣщанія знаменитаго путешественника. Его тѣло предано землѣ въ 12 верстахъ отъ Каракола, на живописномъ высокомъ берегу озера, причемъ окрестное населеніе возбудило вопросъ объ обращеніи этого мѣста въ роскошный садъ.

Согласно Высочайшей волѣ, на могилѣ Н. М. Пржевальскаго будетъ воздвигнутъ памятникъ, проектъ котораго, по сообщенію *Русск. Инвал.*, 1 января удостоился весьма лестнаго отзыва Государя Императора и Высочайшаго утвержденія.

Рисунокъ исполненъ товарищемъ и другомъ покойнаго А. А. Бильдерлингомъ. Памятникъ изображаетъ красивую скалу, вышиною въ 4 сажени (сложенную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня), на которую опустился большой бронзовый орелъ — эмблема ума, силы, безстрашія; онъ держитъ въ своихъ когтяхъ карту Азіи (изображенную на бронзовомъ листѣ) — поприще ученой дѣятельности Н. М. Пржевальскаго, а въ клювѣ— оливковую вѣтку—символъ его мирныхъ научныхъ завоеваній. На лицевой сторонѣ скалы, наверху, прикрѣпленъ бронзовый крестъ, а подъ нимъ надпись: „Николай Михайловичъ Пржевальскій, родился 31 марта 1839 года, скончался 20 октября 1888 года". Внизу, въ скалѣ высѣчена изящная, витая лѣстница, надъ верхнею ступенью которой, въ ростъ человѣка, помѣщена бронзовая медаль (въ увеличенномъ видѣ) съ изображеніемъ покойнаго, выбитая въ 1887 г. въ честь его Императорскою Академіею Наукъ. Надъ медалью сдѣлана надпись (помѣщенная на оборотной сторонѣ медали): „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи".

Л. Н. Майковъ. (Портр. на стр. 296).

Родъ Майковыхъ занимаетъ весьма почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія и русскаго искусства. Кто изъ людей мало-мальски образованныхъ не знаетъ замѣчательнаго живописца Н. А. Майкова, или сына его, нашего знаменитаго поэта? Къ этой же высоко-даровитой семьѣ, которая въ правѣ гордиться своими заслугами на пользу родины, принадлежитъ и Леонидъ Николаевичъ Майковъ, нынѣшній помощникъ директора Императорской Публичной библіотеки, членъ-корреспондентъ Академіи Наукъ и редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Слишкомъ тридцать лѣтъ трудится онъ на учено-литературномъ поприщѣ и своими замѣчательными изслѣдованіями по исторіи русской литературы получилъ достаточную извѣстность. Образованная публика съ живымъ интересомъ еще недавно прочла его обширное изслѣдованіе, посвященное подробному обзору жизни и дѣятельности поэта Батюшкова. До появленія труда Л. Н. Майкова у насъ имѣли довольно смутное понятіе объ этомъ поэтѣ, такъ сказать, предтечѣ Пушкина. Леонидъ Николаевичъ впервые выяснилъ русской публикѣ все значеніе Батюшкова, и трудъ его по превосходной разработкѣ изслѣдованія о жизни и сочиненіяхъ поэта и по изданію полнаго собранія произведеній Батюшкова — справедливо можно назвать монументальнымъ. Леонидъ Николаевичъ— большой знатокъ отечественной литературы и одинъ изъ самыхъ внимательныхъ нашихъ библіографовъ, обладающій удивительной памятью. Въ отношеніи библіографическихъ познаній и памяти съ нимъ могъ бы соперничать развѣ покойный библіографъ М. Н. Лонгиновъ, который въ сравненіи съ Л. Н. Майковымъ все-же не болѣе какъ диллетантъ. Замѣчательно усердный изслѣдователь исторіи литературы, человѣкъ съ обширнымъ образованіемъ, Л. Н. Майковъ чуждъ въ своихъ работахъ малѣйшей односторонности, и никогда не задается какими-либо предвзятыми мыслями, преслѣдуя строго научныя цѣли и не имѣя ничего общаго съ тѣми учеными, которые служатъ, или лучше сказать, подслуживаются извѣстной тенденціи. Онъ всегда становится на научно-объективную точку зрѣнія, при своихъ изслѣдованіяхъ, и кромѣ того обладаетъ драгоцѣннымъ качествомъ—умѣньемъ чрезвычайно удачно группировать разнородные матеріалы, выдвинуть все наиболѣе характерное, важное, уясняющее суть предмета. Подобно остальнымъ членамъ семьи Майковыхъ, Леонидъ Николаевичъ искренно любитъ русскую литературу и началъ печататься въ журналахъ еще будучи девятнадцатилѣтнимъ юношей, подъ псевдонимомъ *Л. Н. Каймова*. Этимъ псевдонимомъ подписана его статья „Преподобный Ѳеодосій Печерскій", помѣщенная въ журналѣ его брата (Владиміра Николаевича), *Подснѣжникъ* 1858 года. Въ томъ же году помѣстилъ онъ статью въ *Библіограф. Запискахъ* по поводу изданныхъ Анненковымъ сочиненій Пушкина. Еще ранѣе помѣстилъ онъ въ первомъ выпускѣ *Сборника изд. студентами Петерб. университета* замѣтки по русской литературѣ и статейку „Бытописатели Германіи". Затѣмъ явилась его магистерская дисертація „О былинахъ Владимірова цикла" и цѣлый рядъ статей, критическихъ этюдовъ и рецензій въ *Отечественныхъ Запискахъ* (редакціи покойнаго Дудышкина), *Журналь Мин. Нар. Просв.*, *Русск. Архивѣ*, *Древней и Новой Россіи*, *Зарѣ*, *Русской Старинѣ*, *Статистич. Временникѣ*, *Записк. Геогр. Общества*, каковы, напримѣръ, „Симеонъ Полоцкій", „Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго", „О жизни и сочиненіяхъ В. И. Майкова" „Театральная публика во времена Сумарокова", „Къ исторіи русскихъ суевѣрій", „Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики", „Русская повѣсть Петровскаго времени", „Матеріалы для изученія кустарной промышленности и ручнаго труда въ Россіи", „Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи", „Великорусскія заклинанія" и проч.

Младшій (четвертый) сынъ Николая Аполлоновича Майкова и Евгеніи Петровны, рожденной Гусятниковой, Леонидъ Николаевичъ родился въ Петербургѣ, 28 марта 1839 года. Десяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ пансіонъ графа П. Ю. Сюзора, извѣстнаго впослѣдствіи своими публичными лекціями въ Петербургѣ, по исторіи французской литературы; изъ пансіона, въ 1852 г. поступилъ во 2-ю гимназію, а въ 1856 году принятъ въ число студентовъ историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ въ 1860 году. Черезъ три года Леонидъ Николаевичъ защищалъ диссертацію „О былинахъ Владимірова цикла" на степень магистра русской словесности и въ томъ же 1863 году служилъ при Министерствѣ Финансовъ. Съ февраля 1864 г. онъ перешелъ на службу въ Центральн. статистич. комитетъ Минист. Внутр. Дѣлъ и былъ избранъ въ члены Географическаго общества, а въ 1873 году въ предсѣдатели Общества по отдѣленію этнографіи. Съ 1868 г. Л. Н. Майковъ трудился въ качествѣ помощника редактора *Журн. Мин. Нар. Просв.*, а черезъ пятнадцать лѣтъ утвержденъ въ званіи редактора. За годъ передъ этимъ, т. е. въ 1882 г., онъ былъ опредѣленъ помощникомъ директора Имп. Публ. библіотеки. Его въ высшей степени плодотворные труды, совмѣстно съ директоромъ А. Ѳ. Бычковымъ, на пользу этого учрежденія, будутъ конечно оцѣнены историкомъ нашего книгохранилища. Съ самаго дня открытія Археологическаго Института въ С.-Петербургѣ, Л. Н. Майковъ состоитъ почетнымъ его членомъ и въ первый годъ (1878) назначенъ былъ профессоромъ института. Неутомимый изслѣдователь родной литературы, Леонидъ Николаевичъ въ настоящее время работаетъ надъ изданіемъ сочиненій своего брата Валеріана Николаевича, даровитаго критика.

П. Быковъ.

Анжело Нейманъ. (Портр. на стр. 296).

Какъ извѣстно, въ настоящее время въ СПБ. въ Маріинскомъ театрѣ идутъ представленія Вагнеровской тетралогіи: *Кольцо Нибелунговъ*.

Стоящій во главѣ предпріятія подъ названіемъ „Вагнеровскій театръ" — антрепренеръ, Анжело Нейманъ, родился въ Вѣнѣ, въ 1838 году, и тамъ получилъ первоначальное воспитаніе. Обладая прекраснымъ голосомъ (баритономъ) и большимъ музыкальнымъ чутьемъ, онъ рѣшилъ сдѣлать артистическую карьеру, сталъ разработывать свое пѣніе и дебютировалъ на сценѣ императорскаго опернаго театра въ Краковѣ. Оттуда былъ

приглашенъ въ оперную труппу Пресбурга, потомъ Данцига и наконецъ Вѣны, гдѣ прослужилъ въ составѣ большой Императорской оперы пятнадцать лѣтъ. Сдѣлавшись любимцемъ вѣнской публики во множествѣ ролей (Донъ-Жуанъ, Луна—въ „Трубадурѣ", герцогъ—въ „Лукреціи Борджія", графъ—въ „Свадьбѣ Фигаро" и проч.), Анжело Нейманъ неоднократно за это время съ успѣхомъ гастролировалъ въ другихъ городахъ Германіи: въ Берлинѣ, Штутгартѣ, Касселѣ. Въ 1866 году, однако, вслѣдствіе болѣзни, онъ утратилъ красоту голоса, долженъ былъ отказаться отъ карьеры пѣвца и вышелъ въ отставку съ пенсіей. Съ этихъ поръ любовь свою къ музыкѣ и театру онъ примѣнилъ къ театральной антрепризѣ. Первоначально Нейманъ взялъ на себя веденіе опернаго театра въ Лейпцигѣ; сразу поднялъ тамъ это дѣло, съ особеннымъ успѣхомъ поставивъ на сцену оперы „Лоэнгринъ", „Донъ-Жуанъ", „Армида" и друг. Какъ разъ въ это время Вагнеръ поставилъ въ Байрейтѣ свою тетралогію оперы „Кольцо Нибелунговъ". Въ 1867 году Нейманъ посѣтилъ эти спектакли и былъ восхищенъ ими. Въ то время еще большинство публики держалось мнѣнія, что такая серьезная вещь, какъ „Кольцо Нибелунговъ", требуетъ особыхъ музыкально-развитыхъ слушателей и въ обычныхъ оперныхъ спектакляхъ цѣниться не будетъ. Нейманъ былъ въ числѣ немногихъ не раздѣлявшихъ такого воззрѣнія; въ немъ зародилась мысль перенести эти оперы въ Лейпцигъ. Онъ познакомился съ Вагнеромъ и пріобрѣлъ у него право исполненія ихъ въ своемъ театрѣ. Все это однако протянулось десятокъ лѣтъ, и только въ 1878 году Нейманъ могъ осуществить свою мысль. Знаменитый маэстро Вагнеръ повидимому самъ былъ не совсѣмъ увѣренъ въ этой попыткѣ; онъ не поѣхалъ въ Лейпцигъ, а послалъ туда близкихъ людей, музыканта Зейдля и своего Байрейтскаго капельмейстера Рихтера; но вскорѣ былъ утѣшенъ телеграммой отъ нихъ, гласившей: „противъ всякаго ожиданія, блестяще". Въ самомъ дѣлѣ успѣхъ оперъ былъ громадный; ихъ давали болѣе пятидесяти разъ при возвышенныхъ цѣнахъ съ постоянно раскупленнымъ театромъ, даже потребовались особые экстренные поѣзда, привозившіе публику изъ Берлина, Дрездена, Магдебурга, Веймара. Успѣхъ этотъ побудилъ Неймана повторить это предпріятіе въ Берлинѣ, что онъ и осуществилъ въ 1881 году. Въ этихъ представленіяхъ Вагнеръ принималъ уже большее участіе; онъ самъ пріѣхалъ въ Берлинъ съ женой и дѣтьми и былъ личнымъ свидѣтелемъ прекраснаго пріема оперъ публикою и всею Германскою императорскою фамиліей. Оперы были исполнены на частномъ „Викторія"-театрѣ. Такимъ образомъ Нейманъ завоевалъ полное довѣріе Вагнера и получилъ отъ него нѣсколько самыхъ лестныхъ и признательныхъ писемъ. Желая расширить свое предпріятіе, Нейманъ задумалъ съ полною постановкой оперъ „Кольцо Нибелунговъ"—объѣхать по возможности больше городовъ. Началъ онъ съ Лондона и за симъ, послѣ небольшаго промежутка времени, давалъ представленія почти во всѣхъ значительныхъ городахъ Германіи, Бельгіи и Нидерландовъ. Прекрасный составъ пѣвцовъ и хорошая декоративная обстановка (требовавшая на перевозъ нѣсколькихъ спеціальныхъ вагоновъ) много способствовали большому успѣху представленій. Вагнеръ, въ благодарность антрепренеру, пожелалъ чтобъ его передвижной театръ носилъ названіе „Вагнеровскаго театра". Подъ этимъ названіемъ Нейманъ и до сихъ поръ продолжаетъ свое предпріятіе. Въ 1883 году „Вагнеровскій театръ" сдѣлалъ поѣздку въ Италію и давалъ представленія въ Венеціи, Флоренціи, Римѣ, Туринѣ, Миланѣ, Тріестѣ, откуда переѣхалъ въ Пештъ и Грацъ. Здѣсь, въ Италіи, энтузіазмъ, съ которымъ были встрѣчены оперы Вагнера, превзошелъ даже успѣхъ въ Германіи.

Закончивъ свои объѣзды съ „Вагнеровскимъ театромъ", ради которыхъ пришлось оставить Лейпцигскую антрепризу, Нейманъ пожелалъ опять основаться гдѣ-нибудь на одномъ мѣстѣ. Взявъ сперва антрепризу Бременскаго театра, онъ скоро почувствовалъ, что она слишкомъ узка для его дѣятельности, и принялъ предложеніе города Праги вести тамъ оперный и драматическій нѣмецкій театръ. Въ Прагѣ Нейманъ засталъ театръ въ полномъ упадкѣ и поднять его было тѣмъ труднѣе, что большинство публики города чехи, очень ревниво относящіеся къ своему національному чешскому театру, — и потому мало посѣщающіе нѣмецкій. Тѣмъ не менѣе Нейману удалось въ четыре года заслужить настолько довѣрія, что субсидія театру изъ суммъ Чешскаго королевства, прежде не превышавшая 8,000 гульденовъ, теперь увеличена до 30,000 гульденовъ. Сюда, въ драматическую труппу Праги, Нейманъ пригласилъ и знакомую намъ нѣмецкую актрису, любимицу петербургской публики, Буску, на которой потомъ и женился. Среди заботъ о Пражскомъ театрѣ Нейманъ не оставлялъ мысли пропагандировать Вагнеровскія оперы и въ другихъ мѣстахъ. Открытая имъ подписка въ Петербургѣ и Москвѣ дала такіе хорошіе результаты, что онъ могъ явиться съ „Вагнеровскимъ театромъ" и къ намъ. Мы при этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что декораціи, привезенныя въ Петербургъ, въ большихъ поѣздкахъ по Европѣ не эксплоатировались; эти декораціи были писаны подъ личнымъ наблюденіемъ самого Вагнера, ими пользовались только на представленіяхъ въ Байрейтѣ, послѣ чего Нейманъ купилъ ихъ у Вагнера за 52,000 марокъ, возилъ только въ Лондонъ и теперь привезъ въ Петербургъ. Нашъ очеркъ былъ бы не полонъ, еслибъ мы не прибавили, что своею артистическою дѣятельностью Нейманъ много способствовалъ развитію не только пѣвцовъ и актеровъ, но и капельмейстеровъ. Подъ его вліяніемъ воспитались нѣсколько извѣстныхъ въ настоящее время нѣмецкихъ капельмейстеровъ, каковы Зухеръ (капельмейстеръ Берлинской императорской оперы), Никишъ (нынѣ въ Лейпцигѣ), Зейдель (въ Америкѣ), Мала (въ Пештѣ) и Мукъ, пріѣхавшій теперь въ Петербургъ капельмейстеръ „Вагнеровскаго театра".

Посохъ поднесенный архимандриту Хорену Степанэ. (Рис. на стр. 297).

Недавно прихожане с.-петербургскихъ армянскихъ церквей послали при адресѣ въ Ѳеодосію своему архимандриту Хорену Степанэ, бывшему годъ тому назадъ настоятелемъ СПБ. армянскихъ церквей, цѣнный подарокъ — серебряный посохъ, изящной работы, въ армянскомъ стилѣ, исполненный въ извѣстной мастерской серебряныхъ вещей Э. Кортмана.

Архимандритъ Хоренъ Степанэ, портретъ котораго съ біографіею помѣщенъ въ № 8 *Нивы* 1888 года, былъ вызванъ изъ СПБ. и назначенъ настоятелемъ монастыря Св. Креста въ Ѳеодосіи въ ноябрѣ 1887 года. Несмотря на краткость пребыванія, и здѣсь (какъ о томъ сообщали армянскія газеты: *Норъ-даръ* и *Мшакъ*), какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ отцу Хорену приходилось проявлять свою дѣятельность, онъ, своими энергическими проповѣдями, своимъ живымъ увлекательнымъ словомъ о добрѣ и правдѣ привлекалъ массу прихожанъ въ церковь; организовалъ церковный хоръ, составилъ попечительство для бѣдныхъ, попечительство изъ почетныхъ прихожанъ для приходской школы; собранными пожертвованіями исправилъ церкви и въ томъ числѣ возстановилъ почти изъ развалинъ древній армянскій храмъ, привелъ въ порядокъ церковное хозяйство и своимъ энергическимъ словомъ достигъ того, что въ нѣсколько дней было собрано нѣсколько тысячъ руб. для исправленія дорогъ къ загороднымъ монастырямъ.

Рисунокъ посоха, въ армянскомъ стилѣ, по образцу посоховъ находящихся въ коллекціи Эчміадзинскаго монастыря, составилъ армянинъ, ученикъ училища барона Штиглица, К. Іоаннисіани, а работа исполнена въ Петербургѣ у Кортмана.

Гигантскій глобусъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 года. (Рис. на стр. 297).

Въ числѣ рѣдкостей и диковинокъ предстоящей всемірной выставки въ Парижѣ одно изъ выдающихся мѣстъ займетъ воспроизведеніе земнаго шара въ размѣрахъ до сихъ поръ небывалыхъ. Съ этою цѣлью направо отъ колоссальной башни Эйфеля, если смотрѣть со стороны Сены, возводится особая постройка изъ желѣза съ круглымъ куполомъ. Въ этомъ зданіи и будетъ помѣщенъ гигантскій глобусъ въ 131,2 футовъ въ обхватѣ и около 41,8 футовъ въ поперечникѣ. Считая, что земля по окружности равняется 4.000,000 метровъ (метръ=0,468699 саж.), выставленный глобусъ составитъ одну милліонную часть нашей планеты. Каждый километръ, т. е. почти верста (0,937 версты) будетъ равняться на глобусѣ одному миллиметру. Этотъ глобусъ наглядно дастъ понятіе о громадности и въ то же время о незначительности по размѣрамъ всего окружающаго по отношенію къ землѣ, и отъ этого же контраста можетъ получиться представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ земнаго шара. Благодаря значительному объему выставляемаго глобуса, на немъ многія детали могутъ быть обозначены довольно точно и притомъ впервые въ настоящемъ ихъ размѣрѣ по отношенію ко всей планетѣ. Такъ напр. Парижъ займетъ пространство почти въ цѣлый сантиметръ, и громадное изображеніе земли, изборожденной желѣзными дорогами, рѣками и каналами, будетъ очень поучительнымъ. Вслѣдствіе особаго пароваго механизма глобусъ будетъ вращаться вокругъ своей оси и наглядно представлять суточное положеніе земли. Винтообразная галлерея дастъ возможность обозрѣвать и любоваться замѣчательнымъ произведеніемъ отъ одного полюса до другаго.

Политическое обозрѣніе.

Газеты за истекшую недѣлю переполнены подробностями пережитаго Сербіей кризиса и тѣхъ впечатлѣній, какія онъ произвелъ въ разныхъ странахъ Европы. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе манифестъ экс-короля Милана. Въ немъ, упомянувъ о давнишнемъ уже своемъ намѣреніи отречься отъ престола, Миланъ говоритъ, что онъ въ теченіе своего бурнаго и тревожнаго правленія истощилъ свои силы, сначала борясь за независимость страны, затѣмъ трудясь надъ внутренними реформами, завершившимися новою конституціею. Нынѣ для Сербіи открылась новая эра, требующая свѣжихъ силъ, коихъ ему не достаетъ. Онъ не въ состояніи больше заниматься государственными дѣлами. Далѣе король

убѣждаетъ строго соблюдать конституцію, воздаетъ честь и славу народу за достигнутые успѣхи, всю-же отвѣтственность предъ исторіей за неудачи онъ возлагаетъ на себя, объявляя себя первымъ вѣрноподданнымъ сына. Король проситъ народъ окружить Александра тою-же любовью и преданностью, каковыми онъ самъ пользовался, будучи малолѣтнимъ.

По отреченіи Миланъ первый присягнулъ сыну. Также и королева Наталія, приславъ поздравленія новому королю, присягнула ему.

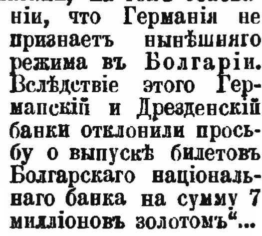
Черезъ два дня послѣ манифеста Милана, регенты также обнародовали манифестъ, въ которомъ заявляютъ, что они, стоя отнынѣ внѣ партій, будутъ управлять страною согласно предписаніямъ и духу новой конституціи. Заботясь о сохраненіи прежнихъ дружественныхъ отношеній Сербіи ко всѣмъ державамъ, регенты постараются расширить и пополнить ихъ. Главною заботой регентства будетъ поднятіе производительныхъ силъ страны и народнаго благосостоянія. Въ заключеніе манифеста сказано: „Упрочивъ свое благосостояніе, Сербія явится элементомъ мира и порядка среди государствъ Балканскаго полуострова“. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявленъ составъ новаго министерства, образованнаго изъ членовъ прежняго радикальнаго кабинета, за исключеніемъ Таушановича и военнаго министра полковника Джурича. Во главѣ его стоитъ Груичъ, получившій портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Составы какъ регентства, такъ и министерства ясно говорятъ о перемѣнѣ направленія въ сербской политикѣ въ пользу Россіи. Если мы видимъ сорегентомъ Ристича—отъявленнаго австрофила Протича, игравшаго столь видную и незавидную роль въ бракоразводномъ дѣлѣ короля Милана, то это должно быть объяснено только желаніемъ Ристича успокоить встревоженную Вѣну. Что касается главы радикальной партіи и министерства Груича, то стоитъ только припомнить, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ посланникомъ въ Петербургѣ и оставилъ въ немъ наилучшія воспоминанія по себѣ. Регентъ Белимарковичъ и министръ Таушановичъ также сочувствуютъ Россіи.

Леонидъ Николаевичъ Майковъ. Съ фот. Борщевскаго, грав. Нейманъ.

Италія, какъ бы не желая отстать отъ другихъ государствъ, также пережила министерскій кризисъ. Во главѣ новаго кабинета теперь стоитъ... все тотъ же Криспи, и самый кризисъ разрѣшился назначеніемъ новыхъ министровъ финансовъ и казначейства. Министромъ финансовъ назначенъ Сейсмитъ-Дода, министромъ казначейства—Джулитти и министромъ общественныхъ работъ—Финали. Во главѣ прочихъ вѣдомствъ остаются прежніе министры.

Но какъ ни незначительны на первый взглядъ эти перемѣны, онѣ не мало должны встревожить членовъ лиги мира, такъ какъ новый министръ финансовъ—отъявленный франкофилъ и ненавистникъ Австріи. На первыхъ же дняхъ своего назначенія на новый постъ онъ заявилъ объ этомъ, сообщивъ, что несостоявшійся торговый договоръ съ Франціей вскорѣ замѣнитъ торговое modus vivendi, т. е. такія взаимныя торговыя отношенія обоихъ государствъ, которыя позволили бы выждать удобное время для заключенія договора безъ ущерба ихъ коммерческимъ интересамъ.

Бывшій Болгарскій князь, Александръ Баттенбергскій, снова привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе, но можно думать въ послѣдній разъ, такъ какъ съ этого времени надо считать его политическую роль сыгранною. Не позже какъ чрезъ полгода послѣ своего неудачнаго сватовства на дочери Германскаго императора, принцъ Баттенбергскій утѣшился женитьбою близъ Ментоны на дочери камеръ-лакея, пѣвицѣ Лойзингеръ. Этимъ бракосочетаніемъ врядъ-ли онъ поправилъ свои финансы, такъ какъ въ *Correspondance de l'Est* телеграфируютъ изъ Софіи: „Принцъ Баттенбергскій обратился къ болгарскимъ правителямъ съ письменнымъ требованіемъ уплатить ему милліонъ, который болгарская казна должна ему за имѣнія. Правители выплатили принцу 500,000 франковъ, а остальную часть выплатятъ вскорѣ. Финансовое положеніе самой Болгаріи совсѣмъ безнадежно, вслѣдствіе того что князь Бисмаркъ запретилъ биржевую игру болгарскими бумагами, на томъ основаніи, что Германія не признаетъ нынѣшняго режима въ Болгаріи. Вслѣдствіе этого Германскій и Дрезденскій банки отклонили просьбу о выпускѣ билетовъ Болгарскаго національнаго банка на сумму 7 милліоновъ золотомъ“...



Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 27 февраля, въ 1 часъ дня, бухарское посольство представлялось Его Величеству Государю Императору въ Аничковскомъ Дворцѣ, причемъ поднесло дары отъ Бухарскаго Эмира Сеидъ-Абдулъ-Агатъ-Богадуръ-Хана и подвело 9 лошадей, въ богатой золоченой и серебряной сбруѣ, съ султанами, украшенными драгоцѣнными каменьями. Посольство для представленія Его Величеству проѣхало раньше въ придворныхъ экипажахъ. Въ первой каретѣ, запряженной четверкою цугомъ, сидѣлъ глава посольства Джанъ-Мирза-Бій-Перваначи, Шахрисябзскій бекъ, въ роскошномъ парчевомъ халатѣ. Въ остальныхъ каретахъ ѣхали Мирза-Насрулла-Токсоба-Бій, Мулла-Азадъ-Мирахуръ, офице-

Анжело Нейманъ, директоръ „Вагнеровскаго театра“. Грав. Ангереръ.

ры посольства Фазылъ-Джанъ-Караулъ-Беги и Мирза-Алли-Караулъ-Беги и секретарь посольства Ибрагимъ Джебаги.

Первымъ былъ принятъ Государемъ Императоромъ посолъ Джанъ-Мирза-Бій-Перваначи. Войдя въ кабинетъ, милостиво встрѣченный посланецъ передалъ Государю Императору въ парчевомъ расшитомъ золотомъ конвертѣ собственноручное письмо Эмира. Подавая письмо, посланецъ передалъ Государю

Серебряный посохъ, поднесенный архимандриту Хорену Степанэ прихожанами Спб. армянской церкви. Съ фот. грав. Ольшевскій.

Императору чрезъ переводчика Султана Асфандіарова возложенное на него порученіе, сказавъ:

„Бухарскій Эмиръ повергаетъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества какъ свои личныя чувства безпредѣльной преданности, такъ и чувства всего бухарскаго народа... Въ знакъ полной своей преданности къ Вашему Императорскому Величеству, Бухарскій Эмиръ имѣетъ счастіе поднести бриліантовые знаки бухарскаго ордена, учрежденнаго его покойнымъ отцемъ Сеидъ-Музафаръ-Богадуръ-Ханомъ“.

Государь Императоръ, принявъ орденъ, поручилъ посланцу передать Эмиру Свое Монаршее расположеніе.

Подарки были разложены на трехъ большихъ столахъ въ Танцовальной залѣ Дворца. Государю Императору были поднесены: перо-султанъ, усыпанное бриліантами, изумрудами, рубинами, сафирами и прочими драгоцѣнными каменьями; сабля въ золотыхъ ножнахъ, съ золотою перевязью и поясомъ, также усыпанными драгоцѣнными каменьями; двѣ чеканной работы серебряныя вазы, украшенныя бирюзой и драгоцѣнными каменьями; чаша чеканная, серебряная, художественной работы, съ бирюзой; 10 сабель въ ножнахъ, усыпанныхъ бирюзой; шитые золотомъ и серебромъ бархатные халаты ручной работы; шелковыя матеріи, бархаты, дорогой работы бухарскіе ковры, 500 каракулей и проч.

Ея Императорскому Величеству было поднесено: ожерелье, діадема и серьги („баркачъ“) изъ чуднаго жемчуга и всевозможныхъ драгоцѣнныхъ камней: сафировъ, изумрудовъ, рубиновъ, брилліантовъ и проч.; подносъ съ чайникомъ и чашкою въ азіятскомъ вкусѣ, серебряные съ золотыми, замѣчательной работы бордюрами; чернильница въ русскомъ стилѣ изъ золота; большой серебряный павлинъ, осыпанный бирюзой, съ перьями изъ брилліантовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней и проч.

Государю Наслѣднику Цесаревичу были поднесены: сабля въ золотыхъ ножнахъ; три серебряныя вазы съ крышками, вокругъ которыхъ золотыя подвѣски, осыпанныя драгоцѣнными каменьями и проч.

Промышленность и сельское хозяйство.

— 26 февраля, въ помѣщеніи Спб. городской думы послѣдовало открытіе съѣзда русскихъ рыбопромышленниковъ. Президентомъ съѣзда былъ избранъ товарищъ министра Государственныхъ Имуществъ, т. с. В. И. Вешняковъ, вице-президентами — д. с. с. О. П. Базилевскій и О. А. Гриммъ, а секретаремъ — Н. А. Варпаховскій.

— 26 февраля, въ Москвѣ, въ зданіи экзерциргауза, открылась очередная выставка птицеводства, ежегодно устраиваемая состоящимъ подъ Августѣйшимъ Ея Величества Государыни Императрицы покровительствомъ московскимъ Обществомъ любителей птицеводства. Въ числѣ домашнихъ птицъ выставлены прирученные журавли, вальдшнепы и фазаны.

Искусства изобразительныя.

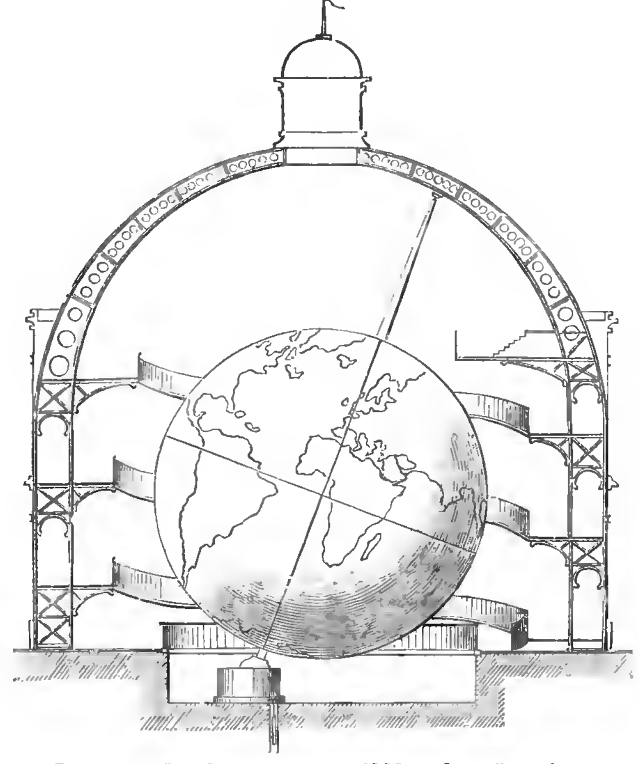
— 24 февраля, Ихъ Императорскія Величества, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Князей Георгія Александровича и Владиміра Александровича, осчастливили посѣщеніемъ XVII передвижную выставку „Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ“, причемъ Ихъ Величествами пріобрѣтены картины: И. Рѣпина — „Святитель Николай избавляетъ отъ смертной казни трехъ гражданъ, невинно осужденныхъ происками правителя города Муръ-Ликійскихъ“; В. Маковскаго: „Проповѣдь въ сельской церкви“, „Сборщикъ на церковь“ и „Мальчикъ рыболовъ“; г. Архипова — „На Волгѣ“ и А. П. Боголюбова — „Петергофъ“. Наслѣдникомъ Цесаревичемъ пріобрѣтена картина А. Киселева — „Венеція“. Картина Рѣпина привлекла особое вниманіе Государя Императора. По милостивому замѣчанію Его Величества, она послужитъ вкладомъ въ галлерею русской школы.

Е. И. В. Великій Князь Владиміръ Александровичъ, уѣзжая съ выставки, изволилъ выразить, что онъ смотритъ на членовъ Товарищества, только какъ на представителей русскаго искусства, и всегда сочувствовалъ ихъ дѣлу.

Общее число картинъ на выставкѣ, размѣщенныхъ въ двухъ этажахъ дома г-жи Боткиной (по Сергіевской улицѣ), доходитъ до двухсотъ.

— Картина профессора Г. И. Семирадскаго „Фрина на праздникѣ Посейдона въ Элевзисѣ“ пріобрѣтена Его Величествомъ Государемъ Императоромъ.

— 25 февраля, открылась въ Москвѣ выставка картины художника Сахарова, изображающей моментъ крушенія Императорскаго поѣзда 17 октября минувшаго года.



Парижская Всемірная выставка 1889 г. Земной глобусъ двадцати саженъ въ окружности. Грав. Флюгель.

Некрологъ.

— Въ ночь на 30 января сего года скончался въ Аѳинахъ митрополитъ Аѳинскій Прокопій, предсѣдатель Священнаго Синода эллинской церкви, управлявшій митрополіею съ 1874 года.

Шашечная задача № 19. Ф. Платонова.

Шахматная задача № 20. С. Гольдъ.

Бѣлыя.
Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку.

Бѣлые.
Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ**

2-й заемъ 1866 года. 46-й тиражъ 1-го марта 1889 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
67	35	500	2255	22	1000	5068	7	1000	8073	15	500
68	24	500	2342	21	500	5107	7	500	8116	50	500
79	41	500	2391	31	1000	5263	46	500	8352	35	500
114	20	500	2503	50	10000	5507	42	500	8401	25	500
235	9	500	2638	9	500	5551	43	8000	8451	8	500
250	41	500	2666	49	500	5625	20	500	8480	1	500
541	15	500	2723	19	500	5791	36	500	8531	41	500
675	37	500	2888	27	500	5855	2	500	8582	30	500
713	41	5000	2928	10	1000	5866	46	500	8628	14	500
722	24	500	3030	26	500	5896	37	500	8648	48	500
767	4	500	3033	38	500	5942	35	1000	8659	34	500
784	7	500	3041	8	500	6144	25	500	8666	28	500
846	29	500	3116	21	8000	6315	12	500	8708	25	1000
940	37	500	3137	44	500	6347	4	500	8819	38	500
949	18	500	3149	12	500	6351	48	500	8822	16	5000
973	13	500	3205	23	500	6485	10	500	8848	29	500
1049	40	500	3221	7	500	6550	9	500	8886	30	5000
1072	18	500	3222	20	500	6553	11	40000	8918	19	500
1216	43	500	3305	34	500	6556	28	500	8915	48	500
1362	33	500	3335	33	500	6595	42	500	8935	24	500
1394	43	500	3492	33	500	6719	42	500	8947	11	500
1501	8	500	3561	16	8000	6764	10	500	9101	30	500
1508	44	500	3641	22	500	6881	38	500	9181	22	500
1570	33	5000	3721	17	500	6895	11	500	9191	23	500
1581	24	1000	3820	34	500	6976	13	500	9252	2	500
1583	48	500	3937	14	1000	6995	20	500	9301	23	500
1624	26	500	3947	38	500	7004	22	500	9423	26	500
1809	40	500	4205	2	500	7122	12	500	9476	6	500
1812	40	500	4225	38	500	7153	5	500	9594	35	500
1863	30	500	4344	34	500	7399	9	500	9675	49	500
1867	40	500	4359	36	500	7519	12	500	9771	27	500
1925	34	500	4469	47	500	7571	24	500	9807	49	500
1927	15	500	4553	16	500	7632	45	500	9838	46	500
1946	25	500	4589	48	500	7685	20	500	9918	47	1000
2083	5	500	4663	2	500	7703	20	500	9935	5	500
2129	23	500	4767	3	500	7744	47	500	10004	47	500
2157	34	500	4853	42	500	7959	7	500	10051	31	500
2202	49	500	4884	41	1000	8039	30	500	10052	19	500

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
10097	1	1000	12176	22	500	14836	47	500	17881	39	500
10181	20	500	12271	20	500	14861	46	500	17966	36	500
10216	49	500	12300	46	500	14881	35	500	18001	35	1000
10231	16	500	12314	41	5000	14946	44	500	18056	10	500
10275	37	500	12539	27	500	15228	40	1000	18086	5	500
10286	46	500	12584	35	500	15255	25	500	18102	28	1000
10322	9	500	12748	21	500	15272	15	500	18192	22	500
10344	11	500	12775	37	500	15300	1	500	18237	36	75000
10366	10	500	12872	44	500	15383	1	1000	18242	18	500
10475	40	500	12874	32	500	15405	17	500	18372	49	500
10531	4	500	12925	34	500	15472	34	500	18418	29	500
10675	24	500	12937	18	5000	15490	24	500	18467	3	500
10675	46	500	13102	9	500	15497	43	500	18514	29	500
10767	35	500	13114	9	500	15662	19	500	18770	4	500
10771	49	500	13285	14	500	15724	25	10000	18847	28	500
10819	18	500	13288	31	500	15990	39	1000	18875	1	1000
10830	37	500	13576	10	500	16123	44	500	18976	24	5000
10857	35	500	13638	12	500	16158	35	500	19042	41	500
11007	38	500	13645	48	500	16179	22	500	19059	12	500
11084	47	500	13660	34	500	16186	29	8000	19134	27	500
11231	9	500	13699	20	500	16550	43	1000	19173	18	500
11231	28	500	13786	37	500	16760	43	500	19207	21	1000
11234	9	500	13806	49	500	16879	26	500	19214	46	500
11237	43	500	13809	50	500	17015	40	500	19252	33	500
11343	24	25000	13897	6	500	17036	25	500	19373	28	500
11386	50	500	14099	23	500	17182	17	500	19375	13	500
11507	30	500	14105	36	500	17215	35	500	19397	12	500
11586	7	500	14129	22	500	17325	20	500	19549	20	500
11591	41	500	14163	48	500	17407	8	500	19549	30	500
11605	41	500	14201	22	500	17502	27	500	19585	41	500
11619	33	500	14248	2	500	17534	50	500	19598	31	500
11625	31	500	14350	20	500	17552	32	500	19641	48	500
11748	50	500	14438	41	500	17634	24	500	19700	26	1000
11930	34	10000	14453	41	500	17682	29	500	19955	16	500
11999	50	500	14453	47	500	17686	15	500	19974	37	500
12033	13	500	14546	37	8000	17845	33	500	19977	17	200000
12085	4	500	14702	17	5000	17861	23	500	19999	38	500

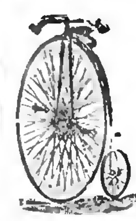
№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

121, 702, 884, 1450, 1623, 1688, 1822, 1999, 2076, 2108, 2257, 2258. 2359, 2571, 2799, 3238, 3329, 3393, 3593, 4043, 4391, 4434, 4839, 5033, 5058, 5249, 5509, 5817, 5947, 6670, 6754, 6782, 7408, 7557, 7785, 7894, 8175, 8465, 8579, 8818, 8905, 8936, 8974, 9154, 9240, 9340, 9866, 9939, 9982, 10107, 10124, 10550, 10765, 10805, 10368, 10891, 11202, 11842, 12423, 13247, 13328, 13525, 13637, 14173, 14302, 14405, 14571, 14707, 14860, 15015, 15441, 15581, 15796, 16295, 16957, 17249, 17259, 17363, 17452, 18434, 18664, 18787, 19170, 19229, 19266, 19540, 19860, 19864.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Неасиій, 57, собств. домъ,
Понуиветъ асѣ % бумаги.
Ссуды подъ ясѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займоаъ.
Переводы на асѣ города
Оплата купоноаъ. №3716
Также нужны яѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительстна
АГЕНТЫ.
Предложенія идресовать но вышеоавченному адресу.

АДРЕСА всѣхъ спеціальностей и странъ доставляетъ подъ гарантіей: Internation. Adressen-Verl.-Anstalt (C. HERM. SERBE) Leipzig (Германія) (основ. 1864). Каталогъ около 950 спеціальн. = 5.000.000 адресовъ за 35 коп. почт. марками франко.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА
Натуральная минеральная слабительная аода источнина ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ яъ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетоаъ, она **дѣйствуетъ легно, аииурнтно и безъ нсиинхъ аредныхъ послѣдствій**
Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ.
Продается аездѣ.
Для нормальнаго пріема достаточно одного яиннаго стакана. Ц. № 3722 6—2
Дниенціи нъ Будапештѣ.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ".
Всякаго рода дяухъ- и трехъ-колесные яелосипеды для язрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентоаъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 нфен. марками. 12—2

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ соврем**е**нн. жизни. Вс. Солоаьена. Ц. 2 р., съ иер 2 р. 50 к.

ТЕХНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
издаваемый Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ. Ежемѣсичный. **Цѣна за годъ, съ дост. и перес., 8 р.** Подробныя свѣдѣнія высылаются за 2 семи-коп. марки. **Адр. Петербургъ, Пантелеймонсиая, 2.** № 3741

№ 3652 5—4

Просятъ требоаать во асѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ изаѣстныя своими хорошими качествами
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ МЫЛА
фабрики
РИЧАРДА ВИЛЬДТЪ
въ Варшавѣ.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,
озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіеаъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіеяа чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . **45** р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . **32** р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . **22** р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ **С.-Петербургѣ:** у о. протоіерея Н. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.
Въ **Троице-Сергіевской лаврѣ:** у о. Агнитв, въ Ноаой гостиницѣ.
Въ **Москвѣ:** у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ **Кіевѣ:** у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора: у о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ.
Въ **Воронежѣ:** у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ **Перми**—у Аркадія Александровича Малѣева.
Въ **Казани:** у В. П. Заусайлова, въ своемъ домѣ. № 3738 3—1
Въ **Одессѣ:** у М. Н. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодареаскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса, только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли", по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно,** отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Вышла въ свѣтъ и разослана подписчикамъ седьмая книжка
ЖУРНАЛА **СЧЕТОВОДЪ** Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО.
Счетоводство. Финансы. Контроль. Коммерч. науки. Обзоръ отчет. Судебно-счетоводн. экспертиза. **Счетоводная жизнь.** Сцены и разсказы изъ нея. **Справочный отдѣлъ.** Рекламы. Объявленія.
Подписная цѣна за 33 книги въ годъ 6 р., полгода 3 р.
Подписка продолжается; новымъ подписчикамъ высылаются всѣ книжки, начиная съ первой.
Адресоваться въ редакцію журнала СЧЕТОВОДЪ Ѳ. В. Езерскаго. С.-Петербургъ, Невскій просп., № 66. № 3742.

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.
Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.
М. № 3739 3—1 **Брокаръ и К°.**

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно извѣстны:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—7
Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Въ конторѣ издателя-книгопродавца А. Д. СТУПИНА,
Москва, Никольская улица,
ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ, кратко изложенныя по руководству Четіихъ Миней А. Н. Бахметевой; съ прибавленіемъ объясненій главныхъ праздниковъ Православной церкви и съ изображеніями святыхъ *(около 300 рисунковъ)*. Отпечатано на лучшей бумагѣ, большаго формата, болѣе 1500 стр. М. 1886 г. Цѣна за весь годъ 5 руб., въ папкѣ съ коленк. кор. 6 руб. съ пер., въ коленк. перепл. въ 4-хъ книгахъ 8 руб. съ перес.

ТО ЖЕ ИЗДАНІЕ (безъ рисунковъ), малаго формата, на обыкновенной бумагѣ. (Печатано съ 5-го изданія, одобреннаго Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.). 12 книжекъ 11-е изд. М. 1888 г. Цѣна 1 р. 80 к., съ пер. 2 руб., въ перепл. въ 3-хъ книг. 3 руб., въ коленк. пер. 4 руб. съ перес.

Эта книга напечатана съ той цѣлью, чтобы дать всякому христіанину богоугодное чтеніе въ праздничные дни. Читатель увидитъ въ ней высокіе примѣры вѣры, любви къ Богу и ближнимъ, терпѣнія среди скорбей и полной покорности волѣ Божіей.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ УЧЕНІЕ и ЧУДЕСА ІИСУСА ХРИСТА. Бесѣды священника съ прихожанами. Состав. протоіерей Н. Тиханскій. Изд. 2-е, въ 2-хъ част. М. 88 г. Цѣна 1 р. 50 коп., съ перес. 1 р. 75 к., въ корешн. перепл. съ пересылкой 2 р., въ перепл. коленк. съ перес. 2 р. 50 к.

Книга эта представляетъ собою просто изложенную, въ формѣ назидательныхъ бесѣдъ, евангельскую исторію со времени явленія Іисуса Христа міру до преданія Его Іудою, и можетъ служить какъ пособіемъ для проповѣдниковъ, такъ и прекраснымъ матеріаломъ для религіозно-нравственнаго чтенія в семьѣ и школѣ.

СОБРАНІЕ СЛОВЪ бывшаго инспектора и профессора ярославской духовн. семинаріи, В. Орлова. Цѣна 1 р. 20 к. съ пер.

Разсказы для дѣтей о земной жизни Іисуса Христа и о подвигахъ и чудесахъ Св. Апостоловъ. Сост. А. Н. Бахметева. 9-е изданіе, одобр. Уч. Ком. при Свят. Синодѣ и Мин. Нар. Пр. Изд. 15-е, съ 15 картинами. М. 86 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к., въ изящн. папкѣ 75 к.

ДВУНАДЕСЯТЫЕ ПРАЗДНИКИ И ВОСКРЕСЕНІЕ ХРИСТОВО.
Картины съ молитвами и объяснительнымъ текстомъ, составленнымъ А. Н. Бахметовой. Картины рисованы Маковскимъ а отпечатаны въ два тона больш. формата (одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для начальн. училищъ). Удобны для развѣшивавія въ школахъ. М. 87 г. Ц. 1 р. 25 к., съ почт. пер. 1 р. 75 к., съ крвш. кврт. на картонѣ 2 р. 50 к. съ пер.

Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка. (О конечныхъ причинахъ). 3-е дополн. изд. М. 85 г. Ц. 3 р.

Житія святыхъ, составл. по руковод. Четіихъ-Миней Изаольскимъ. 12 книгъ съ прибавл. отдѣльной 13 книги пролога. М. 1884 г. Ц. 10 р., въ коленк. перепл. въ 3 книгахъ 13 р. съ перес.

Правило къ причащенію Св. Хр. Таинъ. Церк. печ. Ц. въ перепл. 2 р. съ перес.

ПОЛНЫЙ ГОДИЧНЫЙ КРУГЪ СЛОВЪ И ПОУЧЕНІЙ священника І. Долинскаго. 1888 г. Цѣна 1 р. 25 к. съ перес.

Жизнь Пресвятыя Дѣвы Богородицы. Сост. А. Глинка, изд. 9-е. М. 1886 г. Цѣна 35 к., въ изящн. папкѣ 75 к. Написанная живымъ и понятнымъ языкомъ исторія жизни Богородицы со дня рожденія Ея до самаго Успенія, дѣлаетъ эту книгу интересной и назидательной.

Библейскіе разсказы. Сост. К. Л. Ярославская. Съ 28 карт. М. 1887 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к. Составленная въ видѣ отдѣльныхъ жизнеописаній замѣчательныхъ библейскихъ лицъ, эта книга представляетъ для народа интересное чтеніе по священной исторіи Ветхаго Завѣта.

Краткая исторія христіанской церкви. Сост. прот. Богдановъ. 9-е изданіе, печат. съ 8-го, одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для употр. въ гимназіяхъ и прогимн. въ качествѣ руководства. М. 1888 г. Ц. 50 к.

Сводъ указаній и замѣтокъ по вопросамъ пастырской практики. 3-е исправленное изданіе. Ц. 1 р. 25 к. съ перес.

Поминанія на хорошей бумагѣ, съ 2-мя картинами, въ изящн. коленкоровомъ переплетѣ. Ц. 30 и 50 к., въ сафьяномъ и бархатномъ по 1 р. съ пересылкою.

АКАѲИСТЫ: Пресв. Троицѣ, Господу Іисусу Христу, Хр. Страстямъ, Гробу и Воскресенію Госп., Благовѣщенію Пр. Богородицы, Успенію, Покрову, Утоли моя печали, Всѣхъ скорбящихъ радости, Казанской Б. М., Боголюбской, Владимірской, Троеручицѣ, Ѳеодоровской, Тихвинской, Неопалим. Купины, „Достойно есть", Скоропослушницѣ; Св. Архист. Михаилу, Св. Ангелу Хранителю, Іоанну Крестителю, Иліи прор., Іоанну Богослову, Святит. Николаю, Преп. Сергію, Антонію и Ѳеодосію, Св. Димитрію Ростов., Митрофану, Тихону Задонск., Великомуч. Георгію, Пантелеймону, Муч. Екатеринѣ и Варварѣ, Кн. Владиміру. Цѣна за каждый въ коленкор. перепл. по 50 к., съ перес. по 60 к. Выписывающіе 10 акаѳистовъ и болѣе за перес. не платятъ.

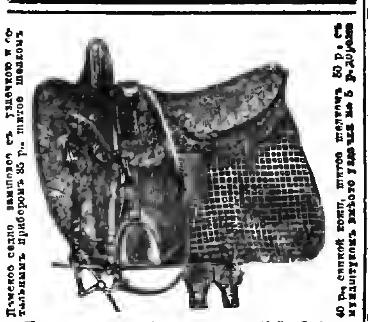
АКАѲИСТЫ: Иверской Б. М., Св. Алексію чел. Бож., слав. печ., больш. форм. Ц. по 1 р. съ пер. Служба съ акаѳистомъ Св. Николаю Чудотв., церк. печ. Ц. 1 р. 50 к. съ пер.

КАЛЕНДАРЬ КРЕСТНЫЙ на 1889 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп.
Вмѣсто мелочи можно высылать почтовыя марки. № 3728

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ $2^1/_2$, 4, 6, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, $1^1/_2$, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 25 р.
ФУТЛЯРЫ въ 4, 5, 7, 10, 18, 30 р.
СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величины **для дѣтей.**
Школа Баганца ч. I—1 р., ч. II и III по 1 р. 50 к.
АЛЬТЫ и ВІОЛОНЧЕЛИ
Гитары въ $3^1/_2$, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. Отъ 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Самоучитель Соколова по $1^1/_2$ и 3 р.
Цитры въ 10, 15, 25, 40, 60 р. и дор. Самоучитель Майерв 2 и 4 руб.
Мандолины въ 10, 20, 35, 50, 75, 100 р. и дор. Отъ 20 руб. съ механизмомъ для струнъ. Самоучитель Келера 2 р.
Лучшія нѣмецкія и итальянскія струны. Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. № 3744

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное дело
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.



Дамское седло замшевое съ уздечкою и остальнымъ приборомъ 35 р.; шитое шелкомъ 40 р., съ синей конп. шитое шелкомъ 50 р. съ мундштукомъ вмѣсто уздечки на 5 р. дороже.
Пересылка по ж. д. 3 р., почтою за 40 ф. Фабрика М. и И. МАЛЫШЕВЫХЪ. Саратовъ.

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены.
Въ никелиров. оправѣ 5 и 6 р. 50 к., пересылка за 2 фунт.
въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р.
Тоже съ термом. отъ 13 до 22 р.
Карманн. баром. и для измѣр. высотъ отъ 12 до 50 руб. № 3745 2—1

Е. КРАУСЪ и К°.
Фабрика оптическихъ инструментовъ
Парижъ, Aven. d. l. Républ. 4.
ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 40.
Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“
уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и многихъ частныхъ учрежденіяхъ.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

МАГАЗИНЪ
ЖИРАРДОВСКИХЪ МАНУФАКТУРЪ

МОСКВА. **ГИЛЛЕ и ДИТРИХА** СОФІЙКА.
ПОЛОТНЯНЫЯ, БУМАЖНЫЯ И ЧУЛОЧНЫЯ ИЗДѢЛІЯ
СОБСТВЕННЫХЪ ФАБРИКЪ. № 3746

ГОТОВОЕ ПРИДАНОЕ ОТЪ 100 и до 10,000 р.

А также принимаются заказы и исполняются **аккуратно,** по желанію въ самый **короткій срокъ,** въ собственныхъ мастерскихъ.
Полотно для мужскаго, дамскаго, дѣтскаго и постельнаго бѣлья отъ **21** к. арш.

	Р.	К.		Р.	К.	
Столов. приб. на 6 перс. отъ	3	—	Платки полотн. бѣл. отъ	1	80	дюж.
Скатерти бѣл. чисто льн. „	1	15	„ „ цвѣтн. „	2	70	„
„ цвѣтныя. . . „	—	90	Салфетки буфетныя. „	1	50	„
Столовыя салфетки . . „	3	40	Полотенца узорчат. „	3	80	„
Дессертныя . . . . . „	—	55	Одѣяла . . . . отъ	2 р.	70	к.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧУЛОЧНАГО ИЗДѢЛІЯ.
Готовыя мужскія сорочки весьма хорошаго полотна отъ 2 р. 50 к. шт.
Шертинговыя мужскія сорочки, грудь, воротн. и манж. изъ тонкаго полотна . . . . .2 „ — „ „
Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ И МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ
МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.
Миндальное.—Ирисовое.—Сюкъ де Летю.—Крымская фіалка.
МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.

Шипръ.	Эссъ-Буке.	Кадзура.
Шампана.	Инсора.	Жокей Клубъ.
Геліотропъ.	Буке Императрисъ.	

МЫЛА КАРБОЛОВОЕ, ДЕГТЯРНОЕ И ПРОЧ.

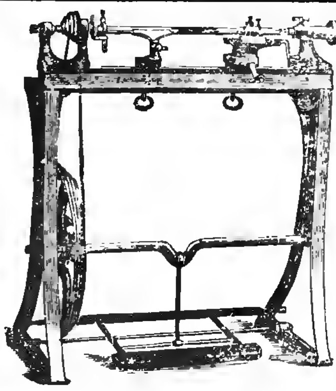
ХИМИЧЕСКАЯ С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. 3736
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ЭЛЕКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
для зубовъ
ОТЦОВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда), Франція.
Находятся въ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и магазинахъ косметическихъ. (3)

ИМПЕРАТОРСКІЙ
ТУЛЬСКІЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
симъ извѣщаетъ, что въ настоящее время изготовляются охотничьи ружья какъ гладкоствольныя шомпольныя и центральнаго боя, такъ и нарѣзныя и штуцера-экспресъ съ стволами цилиндрической сверловки и чокъ-боръ, съ двойнымъ и тройнымъ затворами, и что заводъ имѣетъ незначительный запасъ ружей шомпольныхъ разныхъ цѣнъ и центральныхъ въ 38 руб. № 8743
Разцѣнка ружей и принадлежностей высылается безплатно, по требованію, съ приложеніемъ 2-хъ семи-копѣечныхъ почтовыхъ марокъ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную красну, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405



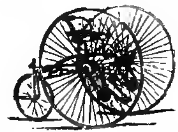
РУССКАГО ИЗДѢЛІЯ
усовершенствованные токарные станки, не уступающіе всѣмъ заграничнымъ, между тѣмъ болѣе какъ въ два раза дешевле, имѣются готовые и на заказъ, въ механическомъ заведеніи **Д. Скверонскаго,** Бассейная ул., д. № 10, СПБ. Любительскіе станки совершенно металлическіе отъ 65 р., съ супортомъ отъ 85 р. Прейсъ-куранты высылаются за 14 коп. марку. № 3740

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. При покупкѣ прилагается новый прейсъ-курантъ. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп.

CORSETS LEOTY 20—8
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris

РОЗЫ, РОЗЫ, РОЗЫ! 10-8
Коллекціи, избранныя заведеніемъ изъ самыхъ лучшихъ сортовъ чайныхъ, ремонтантныхъ, моховыхъ и прованскихъ розъ, съ пересылкою: 100 сорт. за 35 р., 25 сорт. за 10 р., 12 сорт. за 5 руб. **Минскъ, губернское садовое заведеніе Н. Н. Голиневича.**
Наставленіе къ уходу и каталоги высылаются по полученіи семикопѣечной марки.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ
2-хъ-колесные велосиподы
спеціально для русскихъ дорогъ.



Ж. БЛОКЪ.
Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (10)

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Книжнаго магазина А. М. Земскаго въ Москвѣ.

Дозвол. ценз., СПБ., 8 марта 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XX г. — г. XX
№ 12 — 1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).
Выданъ 18 марта 1889 г.
Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Сборъ гончихъ послѣ охоты. Съ карт. Вѣрушъ-Ковальскаго, грав. Кирмзе.

Опасная игра.

Повѣсть Н. Д. Ахшарумова.

(Окончаніе).

XXIV.

Послѣ обѣда вернулся Павелъ Григорьевичъ и, видя что гостья сбирается улизнуть, началъ ее горячо упрашивать чтобы она не обижала его.

— Я глубоко виноватъ передъ вами, говорилъ онъ,— но я надѣюсь, что вы простите меня по христіански. Клянусь вамъ, я сдѣлаю все возможное чтобы загладить свою вину.

Онъ говорилъ такъ серьезно, что Паша, не смѣя признаться въ чувствѣ, которое побуждало ее бѣжать, сдалась.

— Ну, сказалъ онъ, усаживаясь,—вы безъ меня, конечно успѣли наговориться вдоволь о важныхъ вещахъ. А я, тѣмъ временемъ, видѣлъ нашихъ... Настасья Ивановна здѣсь съ Рождества, а Заборскій съ женою пріѣхалъ вчера... Слушайте, я вамъ привезъ цѣлый ворохъ самыхъ свѣжихъ извѣстій.

Мезенскій былъ хорошій разскащикъ, и скоро успѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ собесѣдницъ... Дѣвицы ожили; Паша, сама не зная какъ, даже повеселѣла.

Отъ мелкихъ уѣздныхъ новостей Павелъ Григорьевичъ перешелъ къ столицѣ, жалуясь что, на зло наружной близости, общество тутъ, какъ песокъ, ничѣмъ между собою не связано. Тутъ, даже въ своей семьѣ молъ, рѣдко интересуются другъ другомъ такъ горячо, какъ напримѣръ мы трое, въ эту минуту, интересуемся дѣлами и обстоятельствами нашихъ уѣздныхъ друзей... Не правда-ли?.. И онъ обратился къ Пашѣ.

— Да, отвѣчала она,—вообще говоря, это довольно вѣрно.

— Возьмемъ, напримѣръ, хоть нашъ, небольшой уѣздный кружокъ, продолжалъ онъ. — Сознайтесь, что онъ вамъ ближе чѣмъ здѣсь, въ Петербургѣ, семейство вашего дяди.

Она опять согласилась, и прижимаясь къ Аннѣ Григорьевнѣ, заглянула съ любовью въ ея глаза.

— Да, было время когда я и сама такъ думала, сказала Аннетъ, вздохнувъ;—но обстоятельства сильно перемѣнились. Теперь она по наружности только наша; а на душѣ у нея—измѣна.

Ладищева вздрогнула, больно уколотая, но не сказала на это ни слова. Посматривая украдкой на Мезенскаго, она замѣчала уже не разъ его неподвижно уставленный на нее, вопросительный взоръ. При томъ направленіи которое принялъ вдругъ разговоръ, ничто не могло быть естественнѣе подобнаго рода нѣмаго вопроса съ его стороны; а между тѣмъ ей становилось страшно и что-то внутри ея возмущалось противъ такого знака его вниманія, какъ противъ нравственнаго насильства.

— Бѣги! шептали ей внятно ея предчувствія.—Бѣги покуда еще не поздно!

Но Паша не только чувствовала всѣмъ существомъ своимъ, что она не въ силахъ исполнить такого совѣта, а даже какъ будто-бы и сама не желала уже уйти. Взглядъ Мезенскаго приковывалъ ее къ мѣсту и какъ волшебный напѣвъ убаюкивалъ ропотъ ея возмущенной воли.

— Нѣтъ, этому не бывать! отвѣчалъ онъ повидимому сестрѣ, но твердый взоръ и властная рѣчь его были обращены къ Ладищевой. — Не бывать!.. Мы никому не уступимъ Прасковью Петровну, да и она сама, что̀ бы она ни затѣвала раньше, теперь, когда у нея открылись глаза, не захочетъ намъ измѣнить... Нѣтъ, не захочетъ!.. Покуда она была въ кабалѣ у петербургскихъ мазуриковъ, она, натурально, должна была высоко цѣнить участіе и услуги своихъ защитниковъ. Мало того, не зная ихъ истинныхъ побужденій, она могла вѣрить въ ихъ безкорыстіе. Но теперь, когда ей извѣстна награда, которую они получили, она не можетъ долѣе ошибаться въ оцѣнкѣ этихъ людей. Это не безкорыстно преданные друзья, а маклера, воспользовавшіеся ея безпомощнымъ положеніемъ и ея неопытностью, чтобы обдѣлать собственныя свои дѣла. Прасковья Петровна должна наконецъ понять, что она служила для нихъ почти такой-же добычею, какъ и для этого паука, изъ сѣтей котораго они ее выпутали. Разница только въ томъ, что онъ получилъ всего нѣсколько сотъ рублей, тогда какъ они получили за ихъ услуги десятки тысячъ. Сбыточное-ли это дѣло, чтобъ въ здравомъ умѣ, и твердой памяти, она промѣняла на эту нечисть такого достойнаго человѣка, какъ Алексѣй Черенинъ?

Онъ говорилъ увѣреннымъ тономъ голоса, и покуда онъ говорилъ, Паша сидѣла, какъ околдованная. Но только что онъ умолкъ и перевелъ глаза на сестру какъ все что̀ терзало ее съ утра проснулось.

— Я не могу этого слышать! сказала она вскочивъ.— Это низкая клевета!

— Прасковья Петровна, произнесъ Мезенскій, обернувшись и снова смотря ей въ глаза.—Не гнѣвайтесь; сядьте.

Яркое выраженіе гнѣва у ней на лицѣ погасло и уступило мѣсто какому-то дѣтскому изумленію. Она вздохнула и, съ видомъ глубокаго утомленія, сѣла.

Аннетъ смотрѣла на брата, не зная что̀ онъ намѣренъ дальше сказать; но, къ удивленію ея, Павелъ молчалъ, не сводя съ Ладищевой глазъ. Тогда она оглянулась на Пашу и ахнула.

— Спитъ! прошептала она.

Дѣйствительно, та закрыла глаза и все ея тѣло вытянулось, а голова, какъ деревянная, опустилась на спинку софы.

— Паля, это безсовѣстно! шептала Анна Григорьевна въ ужасѣ.—Паля, голубчикъ, вспомни какъ ты мнѣ клялся, что этого больше никогда не будетъ!

— Оставь, перебилъ онъ нетерпѣливо.—Неужто еще не поняла, что съ нею нечего больше дѣлать?

Онъ наклонился надъ спящею и сталъ тихо съ ней говорить.

Что-то похожее на мучительную, внутреннюю борьбу стало замѣтно въ чертахъ у Паши. Она тяжело дышала, хваталась за горло, за грудь, и шептала невнятныя рѣчи; но мало-по-малу это прошло, словно зубная боль отъ заговора, и въ нумерѣ стало тихо, какъ въ комнатѣ гдѣ скончался больной...

Когда онъ ее разбудилъ, она озиралась какимъ-то испуганно-удивленнымъ взоромъ, явно не помня рѣшительно ничего. Аннетъ обнимала и цѣловала ее; но Павлу Мезенскому, котораго совѣсть мучила, эта сцена не нравилась, и онъ, коротко простившись, ушелъ.

***

Друзья просидѣли до поздняго вечера, но ни слова о жгучемъ вопросѣ, который ихъ занималъ весь день, болѣе не было сказано. Паша какъ будто забыла о немъ и казалась спокойна, почти весела. Всѣ мысли ея были поглощены деревней, и темою разговоровъ служили уѣздныя новости, сообщенныя Павломъ Григорьевичемъ. Въ тонѣ рѣчей и во взглядѣ однако не трудно было замѣтить какое-то скрытое возбужденіе, которое заставляло Анну Григорьевну тщательно избѣгать всего, что̀ могло-бы напоминать Ладищевой только что сдѣланное надъ ней физическое и нравственное насильство. Но страхъ ея былъ напрасенъ. Касаясь иныхъ вещей, Паша сама останавливалась и на лицѣ у нея появлялось недоумѣніе человѣка чувствующаго, что въ соче-

таніи его мыслей чего-то недостаетъ. Для Анны Григорьевны, которая не могла себѣ объяснить ея состоянія и которую совѣсть мучила еще больше чѣмъ брата, все это было такъ тяжело, что она невольно перекрестилась, когда Ладищева наконецъ ушла.

* * *

Паша вернулась домой какъ пьяная, чувствуя, что она не въ силахъ остановить вниманіе ни на чемъ, но нисколько не сокрушаясь о томъ. Это была та безпечность парализированнаго сознанія, которую русскій народъ такъ картинно передаетъ пословицей: *Пьяному по колѣно море*... Словно тяжелый недугъ покинулъ ее и вмѣстѣ съ здоровьемъ къ ней воротился старый ея, безмятежный, дѣтскій покой души. Отъ всѣхъ пережитыхъ волненій осталось лишь чувство глубокой усталости... Машинально раздѣвшись, она легла и проспала, какъ убитая, до утра. Это былъ первый подобный сонъ ея за пять мѣсяцевъ.

Проснувшись въ девять часовъ и лёжа еще въ постели, она припомнила всѣ событія прошлаго дня; но смыслъ, который они имѣли для ней вчера, казался непостижимъ, и Паша припоминала его теперь какъ выздоравливающій припоминаетъ горячечный бредъ. Она, напримѣръ отлично помнила все что̀ она узнала вчера про Стойницкаго; вспомнила и письмо, найденное горничною въ карманѣ ея пуховой шубки; только теперь ни то, ни другое не возбуждало въ ней болѣе никакихъ сомнѣній. Открытія подтверждали тѣ самыя опасенія, которыя ей всегда внушала темная дѣловая связь Стойницкаго съ Марьей Кондратьевной, а письмо не больше какъ объясняло тяжелое впечатлѣніе встрѣчи ея у него съ незнакомою молодою женщиной. Только упорная вѣра ея въ своего избавителя, которая до сихъ поръ заставляла молчать всѣ эти тайные голоса, теперь была сломана и ничто не мѣшало ей долѣе убѣдиться въ своей ошибкѣ.

Но какъ и когда совершился такой переломъ, она не могла себѣ объяснить, и этотъ пробѣлъ сознанія у нея остался... Мало-ли ихъ бываетъ въ исторіи нашихъ душевныхъ кризисовъ, и мало-ли какъ мы ихъ объясняемъ себѣ... Паша приписывала его крайнему утомленію.

XXV.

Оставивъ Пашу съ сестрою въ Пушкинской, Павелъ Григорьевичъ, квартировавшій съ Черенинымъ, воротился къ себѣ и засталъ его до̀ма.

— Ну, сказалъ онъ,—я къ тебѣ съ хорошимъ извѣстіемъ... Намъ съ Аннетъ наконецъ удалось воротить тебѣ сердце твоей красавицы.

Черенинъ, писавшій какія-то дѣловыя письма, бросилъ перо и вскочилъ весь взъерошенный.

— Какъ такъ? сказалъ онъ въ глубокомъ недоумѣніи.—Развѣ вы сдѣлали за меня предложеніе?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ смѣясь, — но ты можешь идти къ ней завтра и сдѣлать его, безъ малѣйшей опасности получить отказъ...

— Да я уже получилъ его.

— Врешь?

— Ей Богу!.. Я ей признался съ какими надеждами я пріѣхалъ сюда; но она мнѣ ни слова на это не отвѣчала... Тогда я поставилъ вопросъ иначе. „Боюсь“, молъ, „что я опоздалъ...“ Она покраснѣла, и все-таки не сказала ни слова... Ясно, что у нея уже есть другой.

— Навѣрное есть, сказалъ Мезенскій.—Но если ты изъ-за этого отъ нея отступишься, то ты будешь въ большихъ дуракахъ. Не жди чтобы она опять повисла тебѣ на шею; этого рода вещи не повторяются; а иди и скажи ей безъ околичностей, что ты ее просишь быть твоею женой... Если ты это сдѣлаешь не теряя времени, то я отвѣчаю тебѣ за успѣхъ. Если-же нѣтъ, то ты потеряешь ее, а она потеряетъ вдвое. Ей надо немедленно вонъ отсюда,—иначе она тутъ запутается и пропадетъ.

Черенинъ слушалъ его въ нерѣшимости. Мысль, что онъ опоздалъ, засѣла гвоздемъ въ его головѣ.

— Ну, чего морщишься? Точно тебѣ предлагаютъ не красную дѣвушку, а тресковый жиръ... Иди къ ней, и—повторяю тебѣ—ничего не бойся. Скажи ей храбро, что ты ее любишь и прочее; а если она застыдится и не отвѣтитъ сразу, то обними покрѣпче и разцѣлуй такъ чтобъ въ ушахъ у нея звенѣло... Это избавитъ тебя отъ излишнихъ расходовъ на краснорѣчіе; а ее убѣдитъ, что ты не мямля,—и дѣло у васъ будетъ въ шляпѣ.

* * *

Совѣты Павла Григорьевича были исполнены, хотя и не такъ рѣшительно какъ они звучали въ его устахъ; но тѣмъ не менѣе съ полнымъ успѣхомъ.

Былъ понедѣльникъ и Паша сбиралась идти на службу, когда лакей доложилъ ей, что господинъ Черенинъ желаетъ видѣть ее.

Испуганная и блѣдная, съ сильнымъ предчувствіемъ что рѣшительная минута въ жизни ея настала, но безъ малѣйшаго колебанія, дѣвушка вышла къ нему въ гостиную.

Черенинъ, со своей медвѣжьей граціей, въ роли любовника—былъ нелѣпъ; но тронутая его смущеніемъ и сама переконфуженная до-нельзя его обрывающимися на полусловѣ признаніями, Паша не находила его смѣшнымъ... Краснѣя и путаясь въ неудачныхъ попыткахъ помочь ему, она наконецъ не знала что̀ больше сказать, и горя отъ стыда уставила на него какой-то растерянный, умоляющій о пощадѣ взоръ... Это прибавило ему храбрости, онъ придвинулся, наклонился, коснулся одною рукою ея руки, а другой потихоньку обнялъ ее и притянулъ къ себѣ. „Обидится и прогонитъ“, шепталъ ему на ухо страхъ; но ничего похожаго не замѣтно было съ ея стороны; только она дрожала и отворачивала лицо.

— Позвольте отдать должокъ, шепнулъ онъ, чувствуя самъ что это выходитъ ужасно глупо.

Минута была критическая—и на Черенина наконецъ нашла, что называется, храбрость отчаянія. Не зная что̀ больше дѣлать, онъ сгребъ ее какъ медвѣдь въ обѣ лапы и крѣпко поцѣловалъ. Тогда, какъ предсказывалъ Мезенскій, трудные подвиги краснорѣчія оказались лишними и онъ получилъ наконецъ отъ Паши безмолвный, но тѣмъ не менѣе ясный отвѣтъ.

Дѣло окончилось тѣмъ, что она не пошла въ правленіе. Вмѣсто того Черенинъ увезъ ее въ Пушкинскую, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали извѣстій, и тамъ, при громкихъ возгласахъ торжества, отпразднована была помолвка.

Къ обѣду Паша вернулась домой съ раскраснѣвшимися щеками и отуманенной головой отъ двухъ бокаловъ шампанскаго, которые Павелъ Григорьичъ съ сестрой заставили ее выпить до дна. Но этого не замѣтили, и только Серёжа къ ней приставалъ съ вопросами: отчего у нея такъ блестятъ глаза. Послѣ обѣда она позвала къ себѣ кузину и по секрету призналась ей, что она невѣста. Та вспыхнула, пораженная этимъ извѣстіемъ до того, что не спросила даже и имени жениха.

— Странно, что вы изъ этого дѣлаете секретъ! произнесла она, не постигая когда и гдѣ могло быть сдѣлано предложеніе; такъ какъ Стойницкій не былъ у нихъ вчера, а Паша проговорилась еще за столомъ, что не была сегодня въ правленіи. — Съ его стороны это даже неизвинительно... Если онъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе, то чего-же онъ прячется?

— *Онъ* и не думаетъ прятаться, отвѣчала съ лукавой усмѣшкою Паша, которая не могла отказать себѣ въ удовольствіи подшутить надъ кузиной.—Но онъ покуда еще не знакомъ тутъ ни съ кѣмъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. Дервиза. Богиня водъ.

Съ фотографіи (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Флюгель.

Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV вѣкѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Пуцъ.

— *Онъ?* перебила Софья Ивановна, сбитая совершенно съ толку.—Ахъ, Господи! да ты за кого выходишь?

— За нашего, боронецкаго... Алексѣя Черенина. Ты никогда не видала еще Алексѣя Васильевича, но матушка знаетъ его коротко, и будетъ навѣрно рада... Онъ былъ у меня тутъ сегодня утромъ...

Тогда только Софья Ивановна спохватилась, что Паша не даромъ не назвала ей имени, и покраснѣла какъ ракъ... Но радость сдѣланнаго открытія осилила въ ней досаду.

— Что-жъ ты не представила его никому? спросила она съ просіявшимъ лицомъ.

— Хотѣлось предупредить... Но я это сдѣлаю завтра.

— Ну, поздравляю тебя, мой другъ! Отъ всей души поздравляю!

Онѣ горячо обнялись и о промахѣ Софьи Ивановны не было рѣчи.

* * *

Весь этотъ вечеръ Паша писала письма. Ихъ было два: одно въ деревню, къ матери, а другое къ Стойницкому... Послѣднее стоило ей большаго труда и даже упрековъ совѣсти; но ничего похожаго на раскаяніе въ своемъ поступкѣ къ нимъ не примѣшивалось; а такъ, просто ей было ужасно жалко его. Что-то настойчиво ей твердило, что какъ-бы она ни ошиблась въ своемъ избавителѣ вообще, а все-же, лично, она не можетъ его упрекнуть ни въ чемъ; да если-бы и могла, то все-же она въ долгу передъ нимъ, за пламенныя его признанія, и не въ правѣ долѣе оставлять его въ заблужденіи. Но дѣло это было не легкое, какъ оказалось уже изъ того, что, принимаясь писать, Паша горько расплакалась... Ошибка—ошибкой, а все-же она любила его. Мало того, судьба ихъ романа висѣла на волоскѣ и простая случайность могла рѣшить ее въ пользу Стойницкаго. Застань она его дома вчера и какъ знать ушла-ли бы она отъ него еще свободною?.. Конечно, она была ослѣплена, и можетъ-быть, современемъ, заплатила-бы дорого за свое ослѣпленіе... Но въ двадцать лѣтъ сердце не знаетъ подобныхъ соображеній—и вотъ, когда ей пришлось сказать ему, что онъ долженъ ее забыть, потому что она дала слово другому, дѣвушкѣ вдругъ стало жалко его, такъ жалко, что даже наперекоръ ея твердой рѣшимости не писать ни слова лишняго, чувство это не разъ прорывалось наружу и ей приходилось потомъ, перечитывая, съ глубокою болью въ душѣ, рвать на куски написанное.

Такъ-ли онъ виноватъ какъ это кажется? спрашивала она себя не разъ, въ слезахъ. Ну можетъ быть измѣнилъ кому-нибудь; но все же вѣдь измѣнилъ не ей... И получилъ за свои услуги вознагражденіе; но эти услуги были не ей оказаны; а съ нея развѣ онъ требовалъ что-нибудь?.. Дѣлалъ съ ней какія-нибудь условія?.. Нѣтъ, участіе его къ ней было искреннее, и если онъ ждалъ отъ нея въ награду чего-нибудь, то развѣ только ея любви.

И заливаясь слезами, она начинала другое письмо. Послѣ несчетныхъ помарокъ и переписокъ, заставившихъ ее просидѣть за полночь, Паша остановилась на слѣдующемъ:

„Съ стѣсненнымъ сердцемъ“, писала она:—„должна „васъ увѣдомить, Викторъ Михайловичъ, что я не въ „правѣ принять тѣхъ чувствъ, въ которыхъ вы мнѣ „признавались. Вы можетъ-быть спросите: отчего я не „сказала вамъ этого ранѣе? Но не спѣшите меня обвинять, а выслушайте сперва, спокойно, мое оправданіе. Въ то время, когда вы говорили о вашей „любви, я не могла вамъ дать никакого отвѣта, главнымъ образомъ потому, что сердце мое и мысли были подавлены тяжкимъ несчастіемъ. Но я не скрывала отъ васъ что къ тому существовали еще и другія причины. До моего пріѣзда сюда (какъ вамъ стало это извѣстно помимо меня), я имѣла привязанность, о которой, въ послѣднее время, я и сама не „знала что думать. Былъ человѣкъ, который любилъ „меня, но не зналъ ничего о несчастномъ моемъ положеніи; а я, опасаясь быть, хотя и совсѣмъ незаслуженно, опозоренной, думала что онъ будетъ имѣть, „въ такомъ случаѣ, полное право считать наши прежнія отношенія порванными. Случилось однако иначе. „На-дняхъ онъ пріѣхалъ сюда и, узнавъ всю истину, не „задумываясь сдѣлалъ мнѣ предложеніе... Считаю долгомъ увѣдомить васъ, что я приняла его съ яснымъ „сознаніемъ, что я это дѣлаю по свободному выбору „и никогда не раскаюсь въ своемъ поступкѣ... Простите меня, если сбитая съ толку, въ тяжелые дни моей „жизни, я неумышленно сдѣлала или сказала что-нибудь, что могло васъ ввести въ заблужденіе, и повѣрьте что я навсегда остаюсь глубоко благодарная „вамъ за ваше участіе и дружески преданная

„Прасковья Ладищева“.

Читая и перечитывая, заплаканными глазами, это безжалостно сжатое и столь холодно-разсудительное письмо, она наконецъ не нашла въ немъ болѣе ничего, что она умѣла или желала бы сказать иначе, и на другой день, рано поутру, перекрестясь, отослала его въ Конюшенную съ посыльнымъ.

XXVI.

Стойницкій только что допилъ чай и сидѣлъ за какимъ-то сенатскимъ опредѣленіемъ, когда ему подали небольшой конвертъ, надписанный хорошо знакомой рукой. Онъ изорвалъ его, заглянулъ, и слегка измѣнился въ лицѣ.

— „Съ стѣсненнымъ сердцемъ“... „тѣхъ чувствъ, въ которыхъ вы мнѣ признавались“... Что это? Объясненіе и упреки?.. Нѣтъ, это гораздо серьезнѣе... Онъ воротился къ началу и прочиталъ внимательно до конца. — Отказъ! мелькнуло въ его головѣ.. Письмо изложено было убійственно ясно; но именно эта сжатая ясность и врѣзалась въ сердце его съ размаха, какъ ножъ.

Стойницкій сидѣлъ надъ письмомъ совершенно разстроенный, безсознательно отводя рукою отъ глазъ упадавшія на лобъ пряди волосъ, и помутившійся взоръ его, бѣгая по строкамъ, искалъ въ нихъ чего-то, чего онъ долженъ былъ знать что въ нихъ нѣтъ, потому что онъ помнилъ уже прочитанное — отъ перваго слова и до послѣдняго, наизусть. Практическій смыслъ дѣльца говорилъ ему ясно что его дѣло проиграно, но въ сердцѣ происходила отчаянная борьба.. Вся старая его самоувѣренность въ эту минуту его покинула—и онъ вдругъ почувствовалъ что у него вырываютъ изъ рукъ что-то безцѣнное, безъ чего онъ не можетъ жить.

Ударъ былъ жестокъ и сознаніе возвращалось медленно. Бросивъ письмо и схватясь руками за голову, онъ теръ себѣ лобъ. Подъ сводомъ его становилось тѣсно и горячо, какъ въ комнатѣ, въ которую ворвалась безпорядочная толпа. Сбитыя съ толку мысли метались въ разныя стороны и надо было собрать ихъ вокругъ чего-нибудь одного что дало бы имъ просторъ и свѣтъ, а это не скоро ему удалось... Такимъ средоточіемъ сталъ наконецъ любопытный вопросъ: Откуда это пришло? Но отвѣтъ скрывался въ такихъ потемкахъ, что даже и самый опытный прокуроръ, изъ тѣхъ, которымъ ввѣряютъ особенно важныя слѣдственныя дѣла, на первыхъ порахъ былъ бы поставленъ въ тупикъ... Конечно, онъ сдѣлалъ ошибку, уѣхавъ изъ дому, самъ не зная зачѣмъ, въ такую минуту когда онъ долженъ былъ ожидать ея посѣщенія; но Стойницкій зналъ слишкомъ тонко женское сердце, чтобъ приписать свою неудачу такой ничтожной причинѣ. Паша его ревновала въ субботу вечеромъ и конечно пришла къ нему объясняться въ урочный часъ.

Въ порядкѣ вещей стало быть, побѣда была за нимъ обезпечена... Что̀ же могло случиться въ такой короткій срокъ чтобы вырвать ее у него изъ рукъ?

Первое что̀ пришло ему въ голову, это что слухи о сдѣлкѣ, въ которой онъ принималъ такое дѣятельное участіе, пронюханы были кѣмъ-нибудь изъ его враговъ и пущены въ ходъ умышленно чтобы его очернить... Догадка казалась очень правдоподобною; однако, припоминая письмо, Стойницкій задумался... Прежде всего оно не заключало въ себѣ и тѣни какого-нибудь обвиненія. Какое же основаніе думать, что дѣвушка, вѣрившая въ него какъ рьяная католичка въ Папу, такъ, вдругъ, измѣнила о немъ свое доброе мнѣніе и немедленно вслѣдствіе этого отдала свою руку и сердце другому?.. Подумавъ, онъ бросилъ это предположеніе, какъ нелѣпое; но схема его догадки, которая состояла въ томъ что такъ или иначе противъ него употреблены были шулерскія продѣлки, осталась, и даже нисколько не потеряла въ его глазахъ своего вѣроятія... Пусть онъ проигралъ; но онъ не броситъ игры, не выяснивъ въ точности: какія именно карты были въ рукахъ у его противниковъ—и если крапленыя, то тогда держись!.. Профессіональный задоръ проснулся въ груди у Стойницкаго и вмѣстѣ съ нимъ какая-то тѣнь надежды, если не прямо на выигрышъ, то по крайней мѣрѣ хоть на реваншъ...

Съ четверть часа онъ бѣгалъ по комнатѣ, красный, съ налитыми кровью глазами, — бѣгалъ обдумывая какой-то неясный планъ; потомъ одѣлся и укатилъ къ Сергѣю Лагодину; а отъ Сергѣя — къ Мезенской.

Тутъ и тамъ, его приняли очень любезно и надѣлили множествомъ любопытныхъ свѣдѣній... Такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что Паша вчера не была въ правленіи и едва-ли будетъ туда ходить каждый день, такъ какъ она оставляетъ мѣсто... Что у Ладищевыхъ, въ этотъ день, помолвка... Что женихъ ея — Черенинъ, тотъ самый, который выигралъ интересный призъ въ лоттереѣ „внушеній“... Что въ воскресенье она, изъ Конюшенной, воротилась домой и скоро потомъ уѣхала къ Мезенской, гдѣ они чуть не встрѣтились... Что въ этотъ день она не обѣдала дома, а просидѣла все остальное время у Анны Григорьевны, но не видѣла тамъ никого кромѣ ея и брата... Что предложеніе сдѣлано было вчера поутру; послѣ чего она съ женихомъ уѣхала въ Пушкинскую и оттуда вернулась домой, къ обѣду, одна, а вечеромъ все семейство знало уже что она невѣста.

Все это съузило поле его догадокъ, указывая, съ почти несомнѣнною достовѣрностью, мѣсто и время когда вопросъ рѣшенъ былъ въ пользу его противника, если только этотъ послѣдній игралъ не одинъ, и не вырвалъ у ней согласія, въ понедѣльникъ поутру, съ бою. Но сколько онъ зналъ Ладищеву, этого рода крутой поворотъ былъ совсѣмъ не въ ея характерѣ, сдержанномъ, робкомъ и нерѣшительномъ... Все, такимъ образомъ, говорило въ пользу предположенія, что противъ него была коалиція, главную роль въ которой играли Мезенскіе, и что именно въ воскресенье, въ Пушкинской, сдѣлано было все возможное чтобы вырвать Ладищеву у него изъ рукъ,—съ какимъ успѣхомъ, уже извѣстно. Догадка эта имѣла однако въ свою пользу только внѣшнюю очевидность, а внутренно оставалась въ его глазахъ пустою страницей, которую онъ свободенъ былъ наполнять какими угодно предположеніями, не имѣя данныхъ чтобы остановиться ни на одномъ. Страхъ или подкупъ, правда или клевета, вызовъ изъ гроба остывшей привязанности или насильство надъ волей и темная власть безсознательнаго для ней внушенія,—что-нибудь пущено было въ ходъ; но что̀?—онъ не зналъ; и одинъ, безъ чьей-нибудь помощи, не имѣлъ ни малѣйшей надежды узнать... Тогда онъ рѣшилъ обратиться къ единственному источнику, который еще оставался ему доступенъ и, не смотря на всю дерзость такой затѣи, узнать, если возможно, что-нибудь отъ самой Ладищевой... Рискъ былъ великъ и имѣлъ весьма непріятную, некрасивую сторону. Паша могла знать слишкомъ много—и въ такомъ случаѣ онъ потерялъ бы въ ея глазахъ послѣднее уваженіе, вынудивъ ее бросить ему въ лицо такія вещи, которыхъ она изъ состраданія не коснулась въ своемъ письмѣ... Или она могла не знать ничего, и испуганная его инсинуаціями, потребовать у него доказательствъ. Но доказать свои подозрѣнія онъ не могъ; а между тѣмъ они остались бы у нея какъ капля яда въ крови и, насколько онъ зналъ, могли бы испортить ей жизнь.

Стойницкій былъ отъ природы не злой человѣкъ, и еслибы могъ спокойно взвѣсить послѣдствія, вѣроятно оставилъ бы Пашу въ покоѣ. Но онъ не знакомъ былъ съ той дисциплиною воли, которую называютъ: *принципъ*, и мысль что у него предательски отнимаютъ заслуженную любовь—сводила его съ ума.

Нѣсколько дней онъ ѣздилъ въ правленіе и наконецъ засталъ тамъ Пашу. Она сидѣла съ кѣмъ-то изъ бухгалтеріи, очевидно сдавая дѣла. Стойницкій къ ней подошелъ, и извиняясь въ помѣхѣ, спросилъ ее, словно какъ бы мимоходомъ, скоро-ли она кончитъ.

Она нерѣшительно посмотрѣла сперва на часы, потомъ на сидѣвшаго съ нею бухгалтера. Любопытство узнать какъ принято было ея письмо—осиливало въ ней осторожность.

— Да мы уже кончили, услужливо отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Остались мелочи, о которыхъ не стоитъ и говорить...

И онъ всталъ, собирая бумаги.

— Во всякомъ случаѣ я не прощаюсь съ вами, сказала Паша. — Я еще буду здѣсь раза два...

И она ушла, въ волненіи, за Стойницкимъ.

— Въ порядкѣ вещей я васъ долженъ поздравить, говорилъ онъ, едва владѣя собой. — Поэтому кончимъ лучше формальности, чтобы онѣ не мѣшали потомъ. Это быть-можетъ послѣдній случай сказать вамъ свободно нѣсколько словъ, и я надѣюсь что вы не отнимете его у меня... Ну дайте мнѣ вашу руку; желаю вамъ всякаго благополучія.

Они ушли по старому, вмѣстѣ, и онъ проводилъ ее до бульвара.

* * *

— Конечно вы не нуждаетесь въ набожной лжи, говорилъ онъ доро̀гой. — А потому я буду съ вами чистосердеченъ... Ваше письмо убило меня... а между тѣмъ оно для меня загадка... Такой внезапный ударъ— и ни малѣйшаго представленія: чѣмъ я его заслужилъ!.. Не дальше какъ въ воскресенье, утромъ, вы были еще у меня по старому, съ полнымъ довѣріемъ; смѣю надѣяться—не затѣмъ чтобы сказать мнѣ, какъ вы сказали, сутки спустя, съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ: „Прощайте, все между нами кончено“... Что̀ же могло случиться въ такой короткій срокъ, чтобы заставить васъ,—не видавшись, не предупредивъ меня ни малѣйшимъ намекомъ, что сердце ваше ко мнѣ перемѣнилось,—отнять у меня самыя дорогія мои надежды?

Она молчала, потупивъ глаза, но на лицѣ ея появились жалость и недоумѣніе, словно она себѣ задавала тотъ же вопросъ.

— Если не ошибаюсь, продолжалъ онъ съ возрастающею дерзостью, — вы въ эту минуту и сами себѣ не даете отчета: какіе мотивы вами руководили?

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Мнѣ просто сдѣлано было предложеніе, котораго я не предвидѣла...

— И вы его приняли не задумываясь ни на минуту, не давъ себѣ даже труда подумать во что̀ это обойдется мнѣ, который къ вамъ привязался почти съ пер-

вой встрѣчи, котораго сердце было для васъ все время открыто, который ждалъ терпѣливо, покорно, долго, чтобъ вы, освобожденная, дали ему свободный отвѣтъ?.. Сознайтесь что это трудно понять. Скажите: неужли же я не заслуживалъ, чтобы вы, ничего не предвидѣвшая и стало быть ни на что́ не готовая, отсрочили хоть на день, хоть до вечера, ваше рѣшеніе, зная, какъ вы должны были знать, что это смертный мой приговоръ?

Слезы катились у ней по щекамъ, но она молчала.

— Опять-таки мнѣ сдается, какъ-будто бы этого рода вопросы не приходили вамъ даже и въ голову. А мнѣ они не давали глазъ сомкнуть всѣ эти дни!.. Сжальтесь же надо мною, и вспомните, объясните: что̀ съ вами случилось немедленно послѣ того какъ вы ушли отъ меня въ воскресенье?.. Что-нибудь было сказано вамъ, или сдѣлано съ вами, что́ вычеркнуло меня изъ вашей памяти и уронило въ вашихъ глазахъ до ничтожества, а васъ связало и отдало какъ невольницу человѣку, который сидѣлъ у себя спокойно все время что вы тутъ бились какъ рыба объ ледъ... Вспомните, вѣдь онъ цѣлыхъ пять мѣсяцевъ, что́ называется, пальцемъ не шевельнулъ, хотя онъ могъ бы и долженъ былъ знать о вашемъ несчастіи, еслибы онъ заслуживалъ то довѣріе, которое вы ему подарили, отнявъ его, неизвѣстно за что̀, у меня!..

Паша молчала въ глубокомъ смущеніи. Нѣчто подобное приходило ей и самой на умъ, въ ту пору когда, заливаясь слезами, она писала свое письмо. Но какъ далеко и блѣдно казалось тогда все что̀ звучало теперь у него въ устахъ съ неотразимою, подавляющею логикой страсти!

— За что́? повторялъ онъ съ горькимъ укоромъ. — За что̀?.. Если я въ чемъ-нибудь виноватъ передъ вами, то я, надѣюсь, заслуживалъ по крайней мѣрѣ чтобы вы меня не лишали права, принадлежащаго даже ворамъ и убійцамъ,—права узнать въ чемъ ихъ обвиняютъ и быть выслушану въ свое оправданіе. Если же нѣтъ, то какія чары опутали вашу волю и усыпили сознаніе до такой степени, что вы не можете даже опредѣлить минуты когда вы заперли отъ меня ваше сердце?.. Вспомните, я васъ умоляю, что́ съ вами произошло въ воскресенье, вскорѣ послѣ того какъ вы пріѣхали къ Аннѣ Григорьевнѣ, или позже, передъ обѣдомъ, или послѣ обѣда, вечеромъ.

Паша молчала, вся поглощенная своими усиліями пополнить тотъ пробѣлъ сознанія, съ которымъ она воротилась домой въ воскресенье вечеромъ. Тогда онъ былъ окруженъ непрогляднымъ мракомъ... Теперь у ней въ памяти вдругъ мелькнуло что-то, что́ раньше, разсказывая свои приключенія, она сравнила съ завязаннымъ узелкомъ, и узелокъ этотъ говорилъ что она должна была что-то сдѣлать. И Паша вспомнила, что подобнаго рода темное чувство долга лежало у ней на душѣ не первый разъ. Невольно припомнился ей поцѣлуй, который она — противъ воли — должна была дать на прощанье Черенину и свой стыдъ передъ свидѣтелями; и ссора ея съ Аннетъ по этому поводу, и далѣе... эта роковая ночь въ вагонѣ... Еще одинъ шагъ въ этой нити воспоминаній—и она остановилась съ ужасомъ передъ чѣмъ-то новымъ, что̀ съ нею случилось на-дняхъ, какъ разъ въ это самое воскресенье, о которомъ спутникъ ея такъ упорно твердилъ. Ей вдругъ представилось какъ она сидитъ у Аннетъ и какъ на нее уставленъ пристальный взоръ, подъ гнетомъ котораго она начинаетъ терять сознаніе... Припоминая это, Паша остановилась и пошатнулась... Въ глазахъ у нея начинало темнѣть и голова ослабла.

— Что́ съ вами? услышала она вдругъ, надъ самымъ ухомъ, тревожный голосъ, и озираясь, замѣтила что она почти лежитъ, перегнувшись назадъ, на рукѣ у Стойницкаго.

— Вы чуть не упали, сказалъ онъ.

— Оставьте меня! отвѣчала она умоляющимъ голосомъ, и понемногу оправясь, пошла.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ рѣшительно, — не оставлю, покуда не выскажу вамъ всего что́ у меня на душѣ... Прасковья Петровна, отвѣтъ, о которомъ я васъ умолялъ, мнѣ больше не нуженъ, потому что онъ былъ, сейчасъ, написанъ ясно у васъ на лицѣ. Вы вспомнили именно то, что̀ я васъ просилъ припомнить, и это такъ потрясло васъ, что вы едва не упали безъ чувствъ... Не знаю, ясно-ли вамъ теперь, самой, что́ съ вами сдѣлали въ воскресенье; но для меня это болѣе не секретъ. Надъ вашей вѣрой въ меня и надъ вашимъ сердечнымъ ко мнѣ расположеніемъ—продѣлано было грубое, возмутительное насильство. Только на этотъ разъ его сдѣлалъ уже не новичекъ, случайно игравшій съ темною силой, а человѣкъ который зналъ свою власть надъ вами и съ яснымъ сознаніемъ употребилъ ее въ дѣло, для достиженія подлой цѣли. Какой интересъ имѣлъ Павелъ Мезенскій вырвать васъ отъ меня и отдать своему пріятелю, какъ живую добычу, это вамъ лучше знать; но въ томъ что онъ сдѣлалъ это — я не имѣю долѣе никакого сомнѣнія.

Дерзость его рѣчей не могла идти далѣе, не пріобрѣтая характера личнаго оскорбленія, но всѣ старанія его вызвать ее на откровенное объясненіе пропадали даромъ. Паша молчала, а между тѣмъ они были уже у входа на Конно-Гвардейскій бульваръ.

Стойницкій остановился.

— Если вы думаете, что я напрасно трачу слова, сказалъ онъ съ укоромъ, — то мнѣ васъ незачѣмъ далѣе провожать.

— Викторъ Михайловичъ, не вините меня, отвѣчала она съ убитымъ видомъ. — Я не такъ отупѣла чтобъ васъ не понять; но есть вещи, которыя свыше силъ... Я не могу сказать вамъ правды, а лгать не хочу... Оставьте меня, и простите!.. Не поминайте лихомъ!

Онъ посмотрѣлъ на нее, въ отчаяньи, и поклонившись ей низко, ушелъ.

XXVII.

Это происходило въ пятницу. Заѣхавъ домой, Стойницкій нашелъ у себя на столѣ исписанную карандашемъ визитную карточку Лагодина. Сергѣй Иванычъ писалъ что въ субботу вечеромъ у Ладищевыхъ будетъ „вся провинція“, и что его убѣдительно просятъ не пропускать этотъ день, такъ какъ за ужиномъ Паша будетъ поздравлена оффиціально и черезъ нѣсколько дней уѣдетъ. Въ субботу утромъ, однако, Софья Ивановна увѣдомила его, что кузина опять больна и что по этому случаю вечеръ у нихъ отмѣненъ. Встревоженный и съ укорами совѣсти на душѣ, онъ поѣхалъ туда, но его не приняли; а на другой день, утромъ, къ нему явился Мезенскій съ порученіемъ отъ сестры узнать что̀ такое случилось у него съ Пашей въ пятницу.

Онъ отвѣчалъ что встрѣтилъ ее въ правленіи и проводилъ домой.

— А вамъ извѣстно, сказалъ его гость, — что послѣ того она слегла?

— Да, мнѣ писала объ этомъ ея кузина. Вчера однако я заѣзжалъ, слышалъ что ей гораздо лучше.

Но Мезенскій почему-то смотрѣлъ на него весьма серьезно—и на его тревожный вопросъ что̀ это значитъ, признался ему что Анна Григорьевна воротилась вчера съ дурными извѣстіями. Больная дѣйствительно на ногахъ, но сестра застала ее до того разстроенною, что съ нею почти нельзя было говорить ни о чемъ.

— Сестра добилась только что она видѣлась съ вами—и это ее заставляетъ думать что вы могли бы ей объяснить что-нибудь.

— Нѣтъ, оборвалъ тотъ сухо, — я, къ сожалѣнію, ничего не могу объяснить.

Молодая дѣвушка первыхъ вѣковъ христіанства. Съ карт голландск. художн. де-Шрейвера, грав. Флёре.

Опи посмотрѣли другъ другу въ глаза враждебно, но Мезенскій очевидно лучше владѣлъ собой.

— Васъ затрудняетъ что-нибудь? спросилъ онъ.

— Да, затрудняетъ... Многое.

— Ну, я попробую вамъ помочь. Мнѣ кажется, вы не даете себѣ отчета въ томъ какъ близка сестра съ госпожей Ладищевой и какъ хорошо ей извѣстны сердечныя отношенія ваши къ ея пріятельницѣ.

— Я васъ просилъ бы оставить въ покоѣ мои сердечныя отношенія, перебилъ нетерпѣливо юристъ.

— Сдѣлаю это насколько могу. Но я вынужденъ прежде всего поставить ясно вопросъ, который привелъ меня къ вамъ, а потому почтительнѣйше прошу у васъ извиненія если я вынужденъ буду сказать что-нибудь непріятное. Намъ хорошо извѣстны услуги, которыя вы оказали Прасковьѣ Петровнѣ, и близость, въ которую онѣ васъ поставили къ ней. Нѣтъ ничего удивительнаго если она породила надежды...

(Стойницкій сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, но во взглядѣ и въ тонѣ голоса его гостя было что-то, предупреждавшее что онъ не позволитъ зажать себѣ ротъ).

— ...Надежды, которыя стали скоро источникомъ самыхъ плачевныхъ недоумѣній... Будемъ говорить прямо: вы обвиняете въ своей неудачѣ друзей Прасковьи Петровны?

— Можетъ быть; но позвольте узнать, откуда вы это взяли?

— Изъ первыхъ рукъ-съ... Отъ самой Прасковьи Петровны.

Онъ очевидно лгалъ, но Стойницкій, не видя возможности его уличить, предпочелъ воспользоваться его примѣромъ.

— Странно! сказалъ онъ, пожавъ плечами. — Въ отвѣтъ на это я вынужденъ вамъ признаться, что если я и виню въ своей неудачѣ кого-нибудь кромѣ себя, то я это дѣлаю только на основаніи фактовъ, которые я узналъ отъ нея самой.

— Весьма любопытно! произнесъ Павелъ Григорьевичъ. — Но я имѣю причины думать, что она скрыла отъ васъ, изъ деликатности, все что̀ могло бы напрасно васъ огорчить... Какъ напримѣръ, что ей извѣстна во всей подробности сдѣлка дяди ея съ Шалыгинымъ, и извѣстно существованіе вовсе мнѣ незнакомой, но вѣроятно знакомой вамъ, госпожи Ободовой.

Ударъ былъ такъ неожиданъ, что пораженный имъ молодой человѣкъ не пытался даже и скрыть своего смущенія. Онъ покраснѣлъ до ушей и разставивъ руки смотрѣлъ отуманеннымъ взоромъ на атлетическую фигуру гостя... Но онъ не видѣлъ ея. Передъ нимъ была Паша: смущенная и безмолвная.

„Такъ вотъ какую правду она утаила въ своемъ письмѣ и не рѣшилась открыть ему при свиданіи!..“

Минуту спустя однако же онъ пришелъ въ себя и немедленно отвѣчалъ на ударъ ударомъ.

— Не спрашиваю откуда вы это взяли, сказалъ онъ, — такъ какъ предвижу что вы сошлетесь опять на нее... Но позвольте мнѣ этотъ разъ вамъ не повѣрить. Прасковья Петровна могла бы сказать подобный вздоръ обо мнѣ только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ подтасованъ ей кѣмъ-нибудь въ безсознательномъ состояніи. Хотя подобная подтасовка возможна, какъ въ томъ свидѣтельствуетъ ея несчастный дорожный случай. Мало-ли что̀ возможно сказать и сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ, чего иначе и въ голову не придетъ. Другой не повѣрилъ бы какъ далеко это можетъ идти; но мнѣ, по обязанности ея защитника, довелось заглянуть въ эту темную область, и я теперь убѣжденъ что нѣтъ никакого предѣла насильству надъ волею человѣка, который однажды вовлеченъ въ эту область... Такъ убѣжденъ, что мнѣ приходитъ охота спросить господина Черенина: твердо-ли онъ увѣренъ что предложеніе его принято не по приказу какого нибудь услужливаго доброжелателя?

Онъ говорилъ взволнованнымъ голосомъ; но его гость даже и не моргнулъ.

— Послушайте моего совѣта, сказалъ послѣдній: — не дѣлайте этого... Это, во-первыхъ, несправедливо. Привязанность Паши Ладищевой къ своему жениху давняя и подобнаго рода вещи не могутъ быть „подтасованы“, такъ какъ нельзя же внушать человѣку чувства „заднимъ числомъ“... А во-вторыхъ, Черенинъ, хотя и добрякъ, но страшно вспыльчивъ, и трудно предвидѣть какъ принята будетъ съ его стороны подобнаго рода шутка... Характеры, знаете, очень различны: одинъ, какъ порохъ, вспыхиваетъ отъ всякой бездѣлицы, тогда какъ другаго трудно вывести изъ себя... Я, напримѣръ, какъ вы могли убѣдиться, принадлежу къ послѣднимъ, хотя, конечно, на все есть мѣра. Однако, я заболтался... Прощайте и извините за безпокойство. Что̀ прикажете передать сестрѣ?

— Все что̀ способно ее успокоить.

* * *

— Ну что? спрашивала Мезенская у брата, когда онъ вернулся къ ней изъ Конюшенной.

— А то что надо ее увозить отсюда какъ можно скорѣе, если не хочешь чтобъ онъ ее свелъ съ-ума... Онъ вывѣдалъ у нея—или догадывается... Это изъ тѣхъ людей, поступки которыхъ трудно предугадать... Онъ очень способенъ устроить подвохъ, но также способенъ и на отчаянный шагъ, послѣ котораго останется только хватить его въ морду... Кто знаетъ гдѣ они могутъ видѣться и что̀ онъ ей можетъ еще напѣть... Поговори съ ней: не согласится-ли она сократить церемоніи и уѣхать на-дняхъ.

— Ахъ, Паля! Да развѣ съ ней можно теперь о чемъ-нибудь говорить? Я только и слышала отъ ней давеча, что ее кругомъ обошли и что она никому на свѣтѣ больше не вѣритъ...

Но опасенія ихъ оказались напрасны... Начать съ того, что когда Ладищевой предложили уѣхать скорѣй, она отвѣчала:—Когда хотите... По мнѣ хоть сейчасъ.

Съ своей стороны и Стойницкій, послѣ того какъ его задоръ остылъ и онъ въ состояніи былъ спокойно взвѣсить сдѣланныя ему открытія, понялъ, что главная его карта—недавно еще неколебимая вѣра Паши въ его чистоту—убита, а все остальное вздоръ, который, въ самомъ счастливомъ случаѣ, только напрасно затянетъ игру... Лгать, отрицая на̀-чисто факты, — опасно, ибо какъ знать откуда у ней эти свѣдѣнія и какъ далеко они простираются. А убѣждать эту строгую пуританку въ томъ, что ея идеальныя требованія не приложимы къ самымъ насущнымъ задачамъ практической жизни, Стойницкій не чувствовалъ никакой охоты... Къ чему?... Разъ цитадель взята непріятелемъ, сто̀итъ-ли еще защищать наружные верки?

Два дня онъ провелъ въ глубокомъ упадкѣ духа,— занятый все это время по-горло дѣломъ, котораго накопилось пропасть. Три консультаціи были пропущены, спѣшныя дѣловыя бумаги отложены; письма лежали десятками на его столѣ не распечатанныя...

Два дня промелькнули такъ что онъ не успѣлъ и опомниться... Но во вторникъ вечеромъ, воротясь домой — измученный нравственно и физически, Стойницкій невольно сталъ пережевывать свое горе,—какъ вдругъ оно поднялось, и все что̀ входило въ его составъ, заговорило съ новою силой. Потребность вѣры и уваженія со стороны любимой женщины, идеи сословной чести, высокое мнѣніе о себѣ какъ объ общественномъ дѣятелѣ—все было оскорблено въ немъ, но больше всего болѣла его отверженная любовь... Боль доводила этого нервнаго человѣка до изступленія; а впереди предстояла безсонная ночь. „Нѣтъ!“ наконецъ сказалъ онъ себѣ. „Я не могу разстаться съ нею, какъ

я разстался въ пятницу!... Такъ или иначе, а я долженъ узнать что̀ у ней на душѣ, и чего-бы это ни сто̀ило ей или мнѣ, я заставлю ее говорить!“

Онъ сѣлъ писать... Стойницкій писалъ далеко не такъ складно какъ говорилъ, но всегда прямо на̀-бѣло и почти безъ помарокъ.

„Только третьяго дня,“ писалъ онъ, — „я наконецъ „узналъ то что̀ вы прятали отъ меня такъ старательно, дорогая Прасковья Петровна, — узналъ и „былъ глубоко оскорбленъ!... Такъ вотъ что̀ заставило „васъ удовольствоваться сухимъ письмомъ и такъ упорно молчать при свиданіи?... А я-то, дуракъ!... Я, „какъ ребенокъ, вѣрилъ что я всегда найду въ васъ не „только защитницу моей чести по убѣжденію, но и „горячаго друга, готоваго братски со мной раздѣлить „всю горечь несправедливаго обвиненія!... Весьма недалѐко время, когда вы были—если позволите мнѣ „напомнить—въ подобномъ-же положеніи, совершенно „одна и подъ ударами возмутительной клеветы... Вспомните, кто̀, не задумываясь, взялъ вашу сторону и „прежде всего былъ съ вами вполнѣ, безусловно чистосердеченъ?... Молчалъ-ли я, когда нужно было открыть вамъ глаза на истинный смыслъ и опасности „вашего положенія?... Пряталъ-ли я отъ васъ хоть „что-нибудь изъ своихъ впечатлѣній?... Не указывалъ-ли, напротивъ, прямо, и не настаивалъ-ли горячо „на всемъ что̀ могло хоть сколько-нибудь служить для „вашего оправданія?... Вспомните мою твердую вѣру „въ вашу невинность и всѣ наши совѣщанія, все что̀ „предпринято и исполнено было чтобы выручить васъ „изъ бѣды,—и скажите: могъ-ли я ожидать чтобы „когда-нибудь, въ черный день, когда я въ свою очередь протяну къ вамъ руки за помощью и совѣтомъ, „вы отъ меня отвернулись?... Кого изъ моихъ друзей „должна была прежде всего оскорбить распространенная обо мнѣ клевета и отъ кого я въ правѣ былъ „раньше всѣхъ узнать что доброе имя мое и честь „замараны?... И кто, вмѣсто того чтобъ дать мнѣ средства къ защитѣ и оправданію, оттолкнулъ меня отъ „себя, какъ прокаженнаго?... А за что̀?... Отвѣтъ вашъ, „когда я просилъ у васъ объясненія, былъ весьма похожъ на намѣкъ, что вамъ, къ сожалѣнію, не позволено говорить мнѣ правду, такъ что вамъ оставалось-„бы только лгать, чего вы, разумѣется, не желаете.“

„Прасковья Петровна, и я не желаю вамъ лгать. „Скажу вамъ поэтому безъ утайки: то что̀ мнѣ остается „сказать... Мнѣ думается, что я напрасно старался „освободить васъ отъ Б***, такъ какъ зависимость „ваша отъ этого паука была пустяки сравнительно съ нравственнымъ рабствомъ, въ которое вы „попали раньше, еще до пріѣзда вашего въ Петербургъ... Была другая воля, игравшая уже однажды „вашимъ спокойствіемъ, честью и доброю славой, а „теперь заявившая снова надъ вами свои права. Пришелъ человѣкъ, которому не понравились ваши претензіи свободно располагать собой; — и онъ сказалъ „себѣ: „„Это вздоръ!... Она пойдетъ куда я ее поведу, „„и будетъ дѣлать, желать, говорить только то, что̀ я „„ей позволю. Она нашла друга, спасшаго ее отъ бѣды, „„въ которую я ее впуталъ шутя,—и вѣритъ ему, сердечно къ нему расположена, готова быть можетъ связать съ нимъ свою судьбу... Опять-таки вздоръ! Мнѣ „„сто̀итъ только шепнуть ей два слова, чтобы она прогнала его отъ себя безъ всякаго объясненія, и отдалась покорно другому, котораго я нарочно привезъ „„сюда для нея...““ И прочее.

Это письмо отправлено было въ среду, въ 10 часовъ утра, съ посыльнымъ; а въ половинѣ 12-го Стойницкій его получилъ обратно съ короткой запиской отъ Софьи Ивановны.

„Паша“—писала она—„уѣхала сегодня въ 9 часовъ, съ своимъ женихомъ и съ Мезенскими. Очень „жалѣла что не успѣла съ вами проститься вчера, и „просила вамъ передать свой поклонъ... Анна Григорьевна еще третьяго дня взялась увѣдомить васъ „о времени ихъ отъѣзда, и передать вамъ что мы васъ „ждемъ во вторникъ вечеромъ; но у меня ужь нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ того, — исполнила-ли она „добросовѣстно свое обѣщаніе.“

Стойницкій былъ пораженъ до того что руки его, съ запиской, тряслись, но, дочитавъ и подумавъ, рѣшилъ что оно пожалуй и лучше... Чего еще съ ней прощаться послѣ того прощанья, которое у нихъ было въ пятницу?...

Легко можетъ быть что и Анна Григорьевна думала что-нибудь въ томъ-же родѣ.

Онъ зачеркнулъ на своемъ пакетѣ городской адресъ Паши и написалъ внизу, крупными буквами: *Въ Воронецъ.*

Отвѣтъ пришелъ черезъ двѣ недѣли.

„Письмо ваше,“ отвѣчала Паша, — „хотя, признаюсь, я и горько заплакала прочитавъ его,—не сказало однако мнѣ въ сущности ничего о чемъ я сама „сто разъ не думала, и въ чемъ я жестоко себя не упрекала... Но вы ошибаетесь, Викторъ Михайловичъ, если „вы думаете, что ваша привязанность и ваше участіе „позабыты. Если-бы я сто лѣтъ прожила и выжила „наконецъ совершенно изъ памяти, мнѣ кажется я „ихъ все-таки не могла бы забыть. И вы напрасно думаете, что я осуждаю васъ за что-нибудь. Лично у „меня съ вами нѣтъ и не было ничего, въ чемъ я „могла-бы, даже съ натяжкою, васъ обвинять; а помимо того мнѣ мало извѣстно—и я никогда не позволила-бы себѣ осуждать васъ по слухамъ за что-нибудь, „чего я не понимаю. Но въ чемъ вы больше всего „заблуждаетесь, это въ обидномъ вашемъ предположеніи будто меня принудили вамъ измѣнить... Нѣтъ, „Викторъ Михайловичъ, другъ мой, были минуты, „когда я готова была дѣйствительно измѣнить, но не „вамъ, а другому, котораго я любила съ дѣтства; „но если-бы я, въ своемъ ослѣпленіи, сдѣлала это, я „испортила-бы себѣ и ему всю жизнь. Судите-же сами, „въ правѣ-ли я сожалѣть что мои друзья не допустили „меня до этого. Вотъ *правда*, которую мнѣ хотѣлось „сказать вамъ въ тотъ день, когда мы видѣлись съ „вами въ послѣдній разъ, и Богъ свидѣтель, ничья „рука не зажимала мнѣ рта. Это сдѣлали стыдъ и „долгъ... Теперь, когда все это кончено, я не вижу „дольше причины молчать объ ошибкѣ сердца, которая можетъ все объяснить, и если не все, то кое-что „оправдать. Она принадлежитъ уже прошлому и я „чистосердечно прошу у васъ въ ней прощенія.“

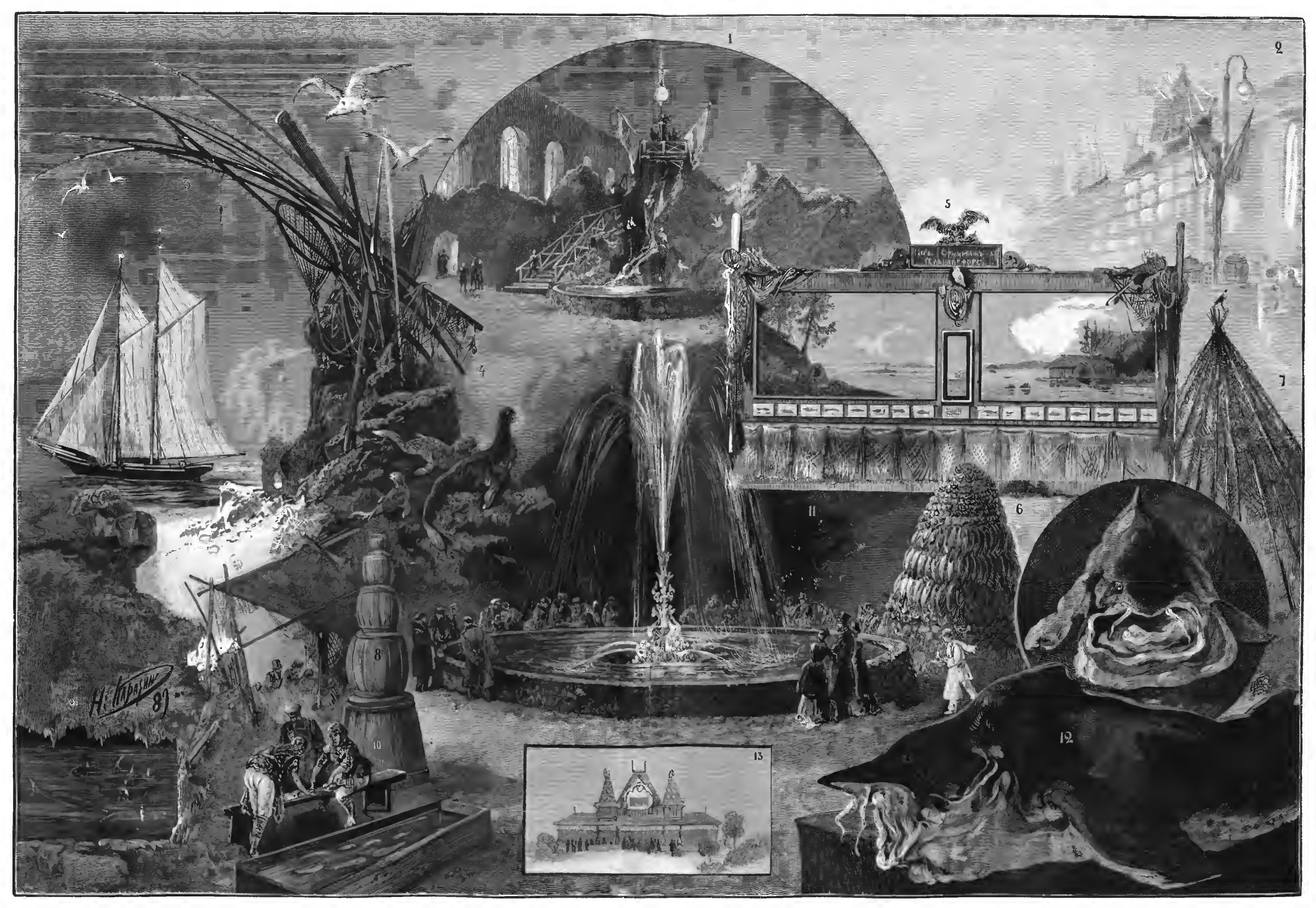
* * *

На этомъ окончилась ихъ переписка, а съ нею и всѣ послѣдствія той игры, которая обошлась такъ дорого Пашѣ. Осталось только одно—это ея замужество. Но Паша, страннымъ образомъ, никогда не приписывала счастливой развязки своего маленькаго романа „внушеніямъ,“ — и мы тѣмъ охотнѣе уступаемъ ея авторитету, что въ нашемъ уѣздѣ на этотъ счетъ были разныя мнѣнія. Многіе, напримѣръ, и до сихъ поръ не вѣрятъ въ *Легенду о трехъ внушеніяхъ*, объясняя все дѣло ловко замаскированною интригою Мезенскихъ... Но большинство, всегда падкое до чудеснаго, не на ихъ сторонѣ, и гипнотизмъ послѣ этого былъ у насъ въ сильномъ ходу. Былъ даже случай, попавшій — какъ увѣряютъ — въ руки судебнаго вѣдомства; но его замяли.

За симъ остается одинъ вопросъ, который невольно приходитъ на умъ, если подумать серьёзно объ этой странной исторіи. Дѣйствительно-ли все хорошо, что̀ кончилось хорошо?

...Къ несчастію, мы не знаемъ, что̀ Паша объ этомъ думала.

КОНЕЦЪ.



Всероссійская рыбопромышленная выставка въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **Н. Каразина**, грав. Рашевскій.

3. Рыболовная шхуна „Невада“ въ Ледовитомъ океанѣ. 4. Група чучелъ котика съ Командорскихъ острововъ. 1. Входъ въ ресторанъ Лонашова. 5. Атласъ изображеній финляндскихъ рыбъ. Г. Сундмана. 2. Боковая стѣна съ моделями судовъ.

9. Стерляди въ акваріумѣ. 8. Боченки для соленой рыбы. 11. Круглый бассейнъ съ фонтаномъ и плавающей рыбой. 6. Пирамида сложенной рыбы. 7. Шатеръ Базилевскаго.

10. Астраханскія работницы (рѣзалка и солильщица) за чисткой рыбы. 13. Внѣшній видъ выставки. 12. Мороженая бѣлуга въ павильонѣ Базилевскаго.

Паденіе камней съ неба

въ Оханскомъ уѣздѣ, Пермской губ., 18 (30) августа 1887 г.

Ю. И. Симашко.

(Окончаніе).

Благодаря живому участію гг. Жакова, Миропольскаго, Стеминевскаго, Шолопова, Е. Янишевскаго и Н. Янишевскаго и Кротова, я получилъ до 1,200 обломковъ отъ таборскаго метеорита—вѣсомъ отъ $13^1/_2$ фунтовъ до 2—3 граммовъ каждый, которые и уяснили мнѣ естественное дѣленіе большихъ метеоритовъ на меньшіе и ставятъ нѣсколько новыхъ въ метеоритикѣ положеній. Одинъ изъ такихъ сплавовъ, какіе описываетъ г. Миропольскій, изображенъ на фиг. *A* въ настоящую величину (фиг. 16); фиг. *A'* представляетъ тотъ-же кусокъ сбоку по излому; *b* и *b'* есть спекшаяся корообразная пузыристая масса, внѣдренная въ сѣрую *(c)* часть метеорита (хондритъ); во всю величину куска эта пузыристая масса въ видѣ шлака, получаемаго при выплавливаніи чугуна, облекаетъ пластинку чистаго бѣлаго металлическаго желѣза—обозначеннаго здѣсь буквою *a*; желѣзная пластинка, толщиною отъ 1 до 2 миллиметровъ, имѣетъ края сплавленные, округленные, съ склонностію иногда къ кристаллизаціи, какъ показано на фиг. *B* и *C*, буквами *a*; особенно на фиг. *B*, гдѣ вынесенъ въ сторону какъ бы пирамидальный кубъ (кристаллъ увеличенъ въ 4 раза). Такія желѣзныя сплавленныя пластины, достигающія иногда 2 квадратныхъ дюймовъ величиною, въ 1—2 мм. толщиною, попадаются иногда лежащими, безъ темносѣраго шлака по сторонамъ, а окруженныя сѣрою массою метеорита (хондритомъ).

Это показываетъ, что метеоритъ былъ, по крайней мѣрѣ мѣстами, нагрѣтъ внутри камня до весьма высокой степени, необходимой для плавки желѣза—фактъ новый въ метеоритикѣ, принимающей вообще, что метеоритъ, пролетая атмосферу, нагрѣвается только съ поверхности, сохраняя внутри низкую температуру космическаго пространства. Третіе условіе, въ которомъ встрѣчается сплавленное желѣзо, изображено на фиг. *D*, гдѣ *a* есть металлическое желѣзо пластиною и мелкими застывшими каплями; но здѣсь оно заключено не въ шлакообразной пузырчатой кипѣвшей массѣ, какъ въ первомъ случаѣ, не непосредственно въ сѣрой хондритовой массѣ метеорита, а покрытое тонкимъ, гладкимъ, иногда блестящимъ но не стекловатымъ слоемъ, напоминающимъ только цвѣтомъ кору метеорита.

Очевидно, въ первомъ случаѣ было кипѣніе съ выдѣленіемъ газовъ при доступѣ воздуха; въ послѣднемъ кипѣнія не было, а ошлаковались только тѣ части метеорита, которыя служили какъ-бы флюсомъ при выплавкѣ, а во второмъ случаѣ, только слились въ одно частицы желѣза близко расположенныя одна къ другой, что въ настоящемъ метеоритѣ особенно не рѣдко, даже особенно замѣчательно (см. далѣе).

Каждое изъ этихъ условій сплава представляетъ высокій научный интересъ, но въ настоящей статьѣ я остановлюсь только на первомъ, какъ имѣющемъ большое вліяніе на общую форму метеорита. Поверхность метеоритовъ вообще покрыта черною корою и представляетъ болѣе или менѣе ровныя плоскости безъ глубокихъ впадинъ или бороздъ, съ округленными углами, тупыми, острыми, нерѣдко прямыми, такъ что общая форма представляетъ родъ неправильныхъ многогранниковъ съ округленными ребрами. Эти плоскости я называю космическими; онѣ присущи были метеориту въ небесномъ пространствѣ, или если обнаружились только послѣ вступленія въ земную атмосферу, то образовались по направленіямъ и плоскостямъ существовавшимъ въ метеоритѣ съ момента его образованія, а въ атмосферѣ камень только раздѣлился по этимъ плоскостямъ. Такіе метеориты имѣютъ вообще форму булыжниковъ, и искать здѣсь геометрической формы—тоже самое что искать геометрическія формы въ этихъ послѣднихъ; углы изломовъ гранитовъ округлены сопротивленіемъ среды, а метеоритовъ—воздуха, въ которомъ двигался метеоритъ.

Кромѣ описанныхъ гладкихъ, болѣе или менѣе ровныхъ космическихъ плоскостей, нерѣдко поверхность метеоритовъ представляется покрытою бороздами (sillon, raie) болѣе или менѣе глубокими, нѣсколько паралельными, изогнутыми, съ ребрами вообще округленными. Эти поверхности похожи на ту форму какую оставляютъ пальцы и ладонь на густомъ тѣстѣ и потому издавна извѣстны подъ именемъ Fingerabdrücke. Они образуются всегда въ земной атмосферѣ, и потому я называю ихъ теллурическими плоскостями; происхожденіе ихъ объясняютъ различно. Добрэ объясняетъ ихъ какъ плоскости разрыва метеорита, вслѣдствіе расширенія его газовъ отъ высокаго нагрѣванія ихъ въ земной атмосферѣ; Гейдингеръ и Мэнье приписываютъ ихъ дѣйствію сопротивленія воздуха на поверхность вращающагося на оси метеорита—для наглядности я выражусь такъ: воздухъ какъ-бы ввинчивается въ массу метеорита, во время его вращательнаго полета, или правильнѣе: метеоритъ какъ-бы навинчивается на воздухъ.

Понятно, что впадины на поверхности метеорита—сравниваются въ этомъ случаѣ съ нарѣзками винта, болѣе или менѣе крутыми. Большая или меньшая крутизна и глубина этихъ впадинъ зависитъ отъ величины камня, а еще болѣе отъ плотности и большей или меньшей связи между его частицами. Таборскій метеоритъ, сколько могу судить по имѣющимся у меня образцамъ, покрытъ и космическими, и теллурическими плоскостями (фиг. 17). На изображенномъ здѣсь кускѣ моей коллекціи ($13^1/_2$ фунт.) въ $^1/_4$ натуральной величины, видны обѣ эти плоскости: *к к* есть часть космической плоскости; она покрыта ровною, гладкою корою, на которой существуютъ только мелкія трещинки, образовавшіяся вслѣдствіе сжатія коры при охлажденіи ея; здѣсь она образовалась только метаморфизмомъ поверхности; *в, в, в—ск* теллурическія плоскости, бороздчатыя, представляющія большія впадины, достигающія глубины большей чѣмъ дюймъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поставлены буквы. Кора этихъ мѣстъ не гладкая, а струйчатая, и струи расположены паралельно краямъ изгибовъ впечатлѣній; мѣстами, въ центрѣ углубленій, эти струи почти кругообразны, очевидно онѣ были въ жидкомъ, плавленномъ, стекловидномъ состояніи. Доказательствомъ, что кора была въ текучемъ состояніи, служатъ не только струйки и ихъ расположеніе, явственно показывающее, что онѣ сливались, но и различная толщина коры. На приложенномъ рисункѣ, представляющемъ въ натуральную величину часть экземпляра, обязательно доставленнаго мнѣ г. Е. Янишевскимъ (фиг. 18), виденъ—*a*—центръ изъ котораго текла стекловидная жидкая кора во всѣ стороны, представляя теперь ребристыя возвышенія *b*, постоянно сливающіяся и утолщающіяся; толщина коры у *a* не болѣе 0,5 им., у *c* въ 3 миллиметра. Эта кора легко отскакиваетъ отъ массы сѣраго хондрита (с. х.), который она покрываетъ.

Помянутыя выше борозды и струи описаны подробно на многихъ метеоритахъ. Борозды (Fingerabdruck) съ такимъ-же острымъ выдающимся нависшимъ надъ впадиною ребромъ (фиг. 17, *P*), какъ на таборскомъ метеоритѣ, прекрасно изучены и описаны Гейдингеромъ на метеоритѣ Gross-Divina, выпавшемъ 24 іюля 1837 года въ Венгріи, который хранится въ Національномъ музеѣ Пешта, гдѣ я его изучалъ. Эти струи иногда переходятъ съ одной плоскости метеорита на другую и, разсматриваемыя въ болѣе слившихся струйкахъ, представляютъ нѣкоторое сходство съ письменами — такія-то письмена и были разбираемы по волѣ Іоанна Грознаго.

Новый типъ коры метеоритовъ представляетъ описанная выше, спекшаяся, пузыристая кора, выполнившая трещины по описанію г. Миропольскаго, рисунокъ которой на фиг. 16. Такія образованія на метеоритахъ возможны только при двухъ условіяхъ: 1) при опредѣленномъ составѣ метеорита, когда каменистыя части плавятся, какъ полевошпатовыя, авгитовыя части, при обиліи желѣза (въ таборскомъ до 25% всей массы) и при томъ только при извѣстномъ расположеніи послѣдняго. Въ таборскомъ метеоритѣ (также какъ въ Оханскомъ и во всѣхъ другихъ паденія 18 (30) августа 1887 г.), никелевое желѣзо, кромѣ мелкихъ зеренъ, разсѣянныхъ во всей массѣ, находится мѣстами въ особаго рода обильныхъ скопленіяхъ, неизвѣстныхъ мнѣ до сихъ поръ въ другихъ метеоритахъ. Среди образцовъ имѣющихся у меня, въ сѣрой хондритовой массѣ находятся цѣлые слои или гнѣзда, въ которыхъ желѣзо преобладаетъ надъ хондритами, такъ что метеоритъ изъ этой части имѣетъ удѣльный вѣсъ 5,3618 вмѣсто 3,2982, какой имѣетъ господствующая часть камня. Среди моихъ образцовъ этой желѣзной массы одинъ имѣетъ длину и ширину въ 4 сентим., при толщинѣ въ 3—5 миллим. Троилитъ (сѣрнистое желѣзо) встрѣчается въ этой части желѣза въ изобиліи. 2) Иногда подобныя скопленія желѣза прилегаютъ къ такъ-называемымъ плоскостямъ сдвига (скольженія, Rutschfläche), составляющимъ второе условіе образованія спекающейся корки, по которой первоначальный метеоритъ распадается на меньшіе, пролетая толщу атмосферы.

Такія желѣзныя плоскости проникаютъ многіе метеориты, въ томъ числѣ и пермскіе, по весьма различнымъ направленіямъ, выступая наружу въ видѣ темныхъ тонкихъ прожилокъ, служатъ лучшими, чѣмъ остальныя части камня, проводниками теплоты, иногда полусплавляются, пріобрѣтаютъ сначала ржавый, потомъ черный цвѣтъ, отшлаковываются и въ изломѣ или на полированной поверхности камня представляютъ темныя или черныя жилы (Adern — отсюда дѣленіе нѣкоторыхъ группъ метеоритовъ на adernfrei и geaderte, введенное въ систему Брезиною). Если по плоскостямъ сдвига встрѣчается много желѣза, то оно сплавляется, представляя металлическую пластину, подобную тѣмъ, какія наблюдаютъ въ пермскомъ метеоритѣ —отсюда объясненія естественнаго дѣленія метеоритовъ на части безъ т. наз. Explosion. Впрочемъ, пермскій метеоритъ представляетъ образцы и другаго способа отдѣленія частей метеорита отъ цѣлаго и не по плоскости сдвига. Дѣйствительно, еще 15 сент. 1887 г., въ засѣданіи Минерал. О-ва, я обратилъ вниманіе на необходимость тщательнаго изученія коры этого метеорита, которая

мѣстами представляетъ возвышенія величиною съ горошину и больше, держащіяся тонкою шейкою на плоской корѣ метеорита и представляющія какъ бы застывшую каплю коры. Впослѣдствіи я получилъ нѣсколько такихъ каплеобразныхъ, величиною съ горошину, и другой формы образцовъ, которые ясно указываютъ, что это не есть плавленная сплывшаяся въ каплю кора — а мелкіе метеориты не успѣвшіе отдѣлиться отъ цѣлаго, удержавшіеся на поверхности только вслѣдствіе того, что метеоритъ погасъ и, упавъ на землю, остылъ ранѣе окончанія процесса отторженія частицъ. На приложенныхъ здѣсь (фиг. 19) рисункахъ представлены образцы моей коллекціи: 1 въ профилѣ, 1' въ планѣ эллиптическій какъ бы наростъ, на фиг. 3, и 3' чечевицевидный съ обѣихъ сторонъ покрытый корою, въ планѣ и профилѣ, и 4 — каплевидныя образованія. На всѣхъ этихъ фиг. также какъ и на 2 и 2' — *a* представляетъ металлическій бѣлый сплавъ, *b*—черную кору и *c*—сѣрый хондритъ или метеоритную массу. Особенно поучительна фиг. 2, представляющая наростъ сверху, съ внѣшней стороны метеорита, и 2'—этотъ же наростъ снизу; — на послѣдней фигурѣ 2 видно, какъ сплавленныя части коры *b* подтекли подъ этотъ выступъ, сплавивъ близлежащія частицы желѣза, и захватили нѣсколько шарообразныхъ хондровъ, полуметаморфозировали ихъ, ослабили связь этой полусферической части метеорита съ цѣлымъ настолько, что оставшаяся неизмѣненною часть *c* сѣраго хондрита не могла противустоять сопротивленію воздуха при полетѣ метеорита—и этотъ малый въ 4 гр. метеоритъ упалъ на землю отдѣлившись отъ цѣлаго, въ столь близкомъ разстояніи отъ земли, что не успѣла вовсе образоваться вторичная кора, хотя бы самымъ тонкимъ слоемъ. Вотъ новый, не наблюдаемый до сихъ поръ путь отдѣленія частей метеоритовъ, или дробленія метеоритовъ на части — безъ взрывовъ, независимо отъ расширенія газовъ (которые могутъ однако содѣйствовать этому отдѣленію), единственно только вслѣдствіе расположенія наиболѣе теплопроводныхъ и легкоплавкихъ частей близко къ накаленной поверхности. Пермскій метеоритъ есть классическій и во многихъ другихъ отношеніяхъ, особенно по его внутреннему строенію, не смотря на то, что съ перваго взгляда онъ принадлежитъ къ обыкновеннѣйшему между метеоритами типу.

На мѣсто его въ петрографической системѣ я указалъ еще 15 сентября 1887 года, въ засѣданіи Минер. О-ва, гдѣ я опредѣлилъ, что онъ принадлежитъ къ группѣ монтрежеитовъ (по системѣ Добрэ-Мэнье) или шариковыхъ хондритовъ (по системѣ Розе - Чермакъ - Брезина); точнѣе, онъ принадлежитъ къ группѣ жилковатыхъ (geaderte). Это мѣсто указываетъ на минералогическій составъ его вообще. Излагая въ другомъ мѣстѣ химическое и петрографическое описаніе нашего метеорита, я останавливаюсь здѣсь только на нѣкоторыхъ особенностяхъ, дающихъ ему классическое значеніе.

1) Отдѣльно, внутри сѣраго хондрита, включены кристаллы желѣза, съ плоскостями неровными, отъ соприкосновенія съ хондритомъ, которые, по обязательно сдѣланному по моей просьбѣ опредѣленію Н. И. Кокшаровымъ, насколько можно сказать по имѣющимся образцамъ, принадлежатъ правильной системѣ, съ плоскостями куба (*c*), октаэдра (*o*), ромбич. додекаэдра (*d*) (фиг. 20 и 21), пирамид. куба (*x*) и трапецоэдра (*m*). Величина кристалловъ 2—4 мм., уд. вѣсъ: 5,82 до 5,09. Хим. составъ тотъ же какъ и у описанныхъ выше сплавовъ: нерастворимо 3,972%, растворимо желѣза 79,123%, никкеля 11,378, фосф. 0,736, сѣры 4,438% и слѣды кобальта.

Ни кристаллы, ни подобный составъ желѣза въ метеоритахъ до сихъ поръ неизвѣстны. Анализъ сдѣланъ въ хим. лабораторіи д-ра Пеля господиномъ Френкелемъ.

2) Разсматривая фиг. 17, видно, что вся масса метеорита, находящаяся подъ корою, представляетъ на одномъ и томъ же образцѣ, въ 13½ фун., нѣсколько различныхъ частей, которыя для наглядности я различаю по цвѣту (фиг. 17). Эти различія цвѣта и состава не зависятъ отъ воднаго или безводнаго окисленія желѣза, а отъ составныхъ частей, что выражается и разницею ихъ уд. вѣса: 3,265; 3,298; 3,537; 3,783; 5,261.

3) Черныя, неправильныя, включенныя комьями части, рѣзко отдѣляющіяся отъ окружающей сѣрой хондритовой массы, слоистыя, подобныя слюдистымъ сланцамъ, съ тонкими плоскими чешуйками желѣза, со слоистою отдѣльностью, выкалывающіяся въ осколки почти кубическіе.

4) Метаморфозированный, черный, безъ видимыхъ хондръ, кусокъ покрытый корою, размѣровъ 5×10×15 миллим., напоминающій метеоритъ ставропольскій.

Прежде чѣмъ разстаться съ настоящимъ метеоритомъ, обратимъ еще разъ вниманіе на рисунокъ (фиг. 17). Сверху до низу рисунка и потомъ паралельно нижнему краю его, черныя полосы представляютъ трещины; онѣ проникаютъ довольно далеко внутрь камня; трещины сверху внизъ идутъ въ глубину на 4—5 мм., при ширинѣ 5—10 мм; трещины въ боку метеорита, идущія въ его изломѣ, расположены паралельно поверхности покрытой корою и одна другой, въ 1 мм.; узкія указываютъ какъ бы на нѣкоторую слоистость, возможную только при участіи воды, во время образованія камня, на что до сихъ поръ для метеоритовъ не указывается. Эти трещины на поверхностяхъ камня, со всѣхъ сторонъ покрытыхъ корою, образовались, по моему мнѣнію, не вслѣдствіе удара о земную поверхность, каковое мнѣніе высказывается многими, а вслѣдствіе охлажденія камня и сжатія его поверхности, сильно нагрѣтой на довольно большую глубину внутрь камня. Внутренность камня, остававшаяся холодною во время полета, осталась безъ трещинъ и потому камень не распался на мелкія части, а отъ удара о землю разбился только на нѣсколько крупныхъ кусковъ, особенно гдѣ сплавленныя плоскости сдвига ослабили связь; нижняя же сторона, выдержавшая всю силу удара, разбилась на тысячи кусковъ.

Точно та же причина—охлажденіе—и трещинъ паралельныхъ коры, и паралеллизмъ трещинъ легко объясняется постепенностію и равномѣрностью охлажденія одновременно на одинаковую глубину паралельно поверхности соприкасающейся съ воздухомъ. Какъ ни понятно это явленіе само по себѣ, тѣмъ не менѣе оно составляетъ особенность таборскихъ камней. Если и извѣстны измѣненія метеоритовъ послѣ ихъ паденія, то они не многочисленны и совершенно иного рода. Затвердѣніе и уплотненіе камней вскорѣ послѣ ихъ паденія, подобное тому, какое замѣчено въ нашемъ камнѣ по словамъ корреспондентовъ, было описано Біо въ метеоритѣ Эгля (20 апр. 1803 г.) и Биго-де-Морогомъ въ камнѣ Уэстонъ (14 дек 1807 г.), но тамъ выдѣленіе газовъ съ сильнымъ запахомъ сѣры уплотняло камни и дѣлало ихъ менѣе разсыпчатыми, болѣе плотными. Здѣсь явленіе идетъ далѣе: затвердѣвъ, таборскій камень, сохраняемый въ кабинетахъ, при обыкновенной комнатной температурѣ 13—15° Реом., усыхаетъ; на нѣкоторыхъ образцахъ, какъ у меня, такъ и въ музеѣ Горнаго Института, особенно въ голубоватыхъ мелко-зернистыхъ частяхъ, въ немъ образуются новыя по разнымъ направленіемъ трещины (шириною иногда до 1—1½ мм.). Причина этого есть безспорно постепенное выдѣленіе газовъ, которые метеоритъ принесъ съ собою на землю изъ той атмосферы, въ которой онъ образовался. Понятно, что знать составъ выдѣляющихся газовъ весьма интересно, именно въ смыслѣ опредѣленія среды образованій метеоритовъ. Таборскій метеоритъ очевидно принесъ съ собою этой атмосферы болѣе, чѣмъ всѣ другіе извѣстные до сихъ поръ — и потому результатъ химическихъ изслѣдованій ихъ, предпринятыхъ по моей просьбѣ, будетъ особенно интересенъ. Здѣсь замѣтимъ только что газъ, выдѣляемый порошкомъ Гоместида (12 февраля 1875 г.) нагрѣтымъ до температуры высшаго краснаго каленія, далъ водорода 87½, углекислоты 5½ и азота почти 7%, а спектръ газа оказался чрезвычайно сходнымъ, частію даже тождественнымъ, со спектромъ нѣкоторыхъ кометъ - этотъ-то послѣдній фактъ и приводится, между прочимъ, въ пользу того мнѣнія, что метеориты суть частицы кометъ. Не входя здѣсь въ дальнѣйшія подробности, этимъ я и позволю себѣ заключить ознакомленіе читателя съ паденіемъ Пермскаго метеорита, отсылая желающихъ ознакомиться съ химическими и петрографическими изслѣдованіями къ сочиненію „*Матеріалы къ русской метеоритикѣ*", мною изготовляемому къ печати, въ которое войдутъ многія подробности, опущенныя здѣсь по недостатку мѣста.

Надѣюсь, что читатель согласится, что метеоритика представляетъ много интереснаго, что эти *небесные камни* говорятъ очень понятно уму нѣсколько любознательному, и потому желательно, чтобы эта вполнѣ пренебрегаемая въ Россіи наука обратила на себя болѣе вниманія ученыхъ, чѣмъ обращала до сихъ поръ. На это она имѣетъ тѣмъ болѣе правъ, что въ Россіи, можно сказать, было положено основаніе ея. Классическое Палласово желѣзо (1749 г.), хранящееся до сихъ поръ въ музеѣ Академіи Наукъ, подало поводъ физику Хладни напечатать въ Россіи же, въ Ригѣ, въ 1794 году, его знаменитое сочиненіе о небесномъ происхожденіи Палласова желѣза и сходныхъ съ нимъ тѣлъ—отсюда и пошла наука о метеоритахъ—*Метеоритика.*

Въ началѣ статьи мы видѣли, какое впечатлѣніе на людей производило паденіе камней за 500, за 300 лѣтъ до насъ. Измѣнились ли народныя воззрѣнія на это явленіе въ теченіе вѣковъ, видно изъ корреспонденцій, свидѣтельствующихъ, что оно произвело вообще на народъ удручающее впечатлѣніе; не многіе сельчане признали болидъ за полетъ нечистой силы и удивлялись только, что она появилась днемъ—здѣсь смѣшано явленіе падающихъ звѣздъ съ болидами; въ большинствѣ-же явленіе пробудило благоговѣйныя, религіозныя чувства, о которыхъ таборскій священникъ, отецъ Евфимій Калачниковъ, мнѣ пишетъ: „Въ приходѣ моемъ есть старцы дожившіе до 97—100 лѣтъ; однако не запомнятъ подобнаго явленія, а многіе изъ нихъ даже не слыхали вовсе о паденіи камней съ небесныхъ высотъ, и такимъ образомъ паденіе метеорита 18 августа на жителей нашей веси произвело болѣе чѣмъ удручающее впечатлѣніе, а на нѣкоторыхъ даже полнѣйшую панику; относятъ все это къ Божьему велѣнію за грѣхи. Впрочемъ, подобное впечатлѣніе произведено болѣе или менѣе на лицъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, на лицъ же молодаго поколѣнія не такое: они болѣе равнодушно смотрятъ на разныя явленія природы, какъ-то громъ, молнію, бури и т. п., будучи ознакомлены, хотя и поверхностно, съ подобными явленіями въ школахъ... Особенно суевѣрнаго ничего нѣтъ, нѣтъ рѣчи и о нечистой силѣ; легендъ тоже никакихъ не существуетъ. Надобно при этомъ сказать и то еще, что всѣ мои прихожане исповѣдуютъ православіе, раскольниковъ нѣтъ между ними и не было".

Г. Янишевскій, бывшій въ Оханскѣ въ первую недѣлю по паденіи камня, писалъ: „Къ Оханскому исправнику, у котораго хранится камень, безпрестанно приходятъ таборскіе крестьяне, съ просьбою взглянуть на камень, и молятся на него.“ Крестьяне провожавшіе г. Янишевскаго въ Таборахъ къ ямѣ, изъ которой былъ вынутъ аэролитъ, подходили къ ней, благоговѣйно снимая шапки и крестясь. Они высказывали крайнее недовольство тѣмъ, что отъ нихъ увезли „небесную милость“—какъ они говорили.

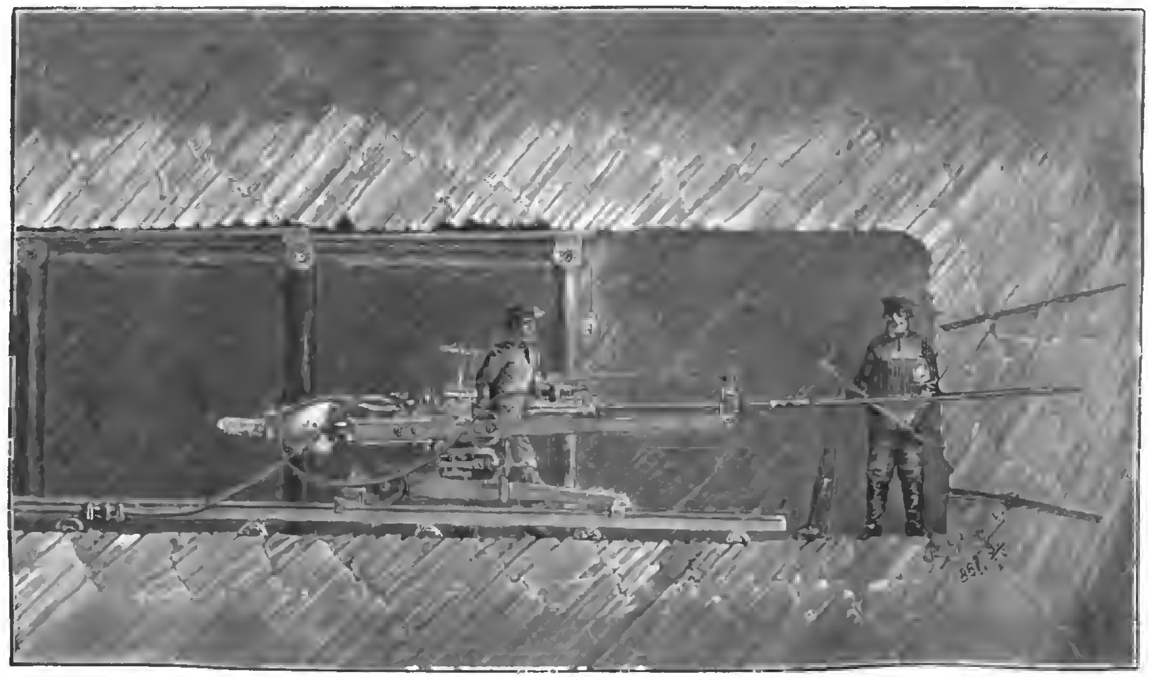
Мнѣ писали также, что въ Оханскѣ жители высказывали желаніе построить часовню на мѣстѣ паденія камня. Наконецъ, въ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ г. Миропольскій пишетъ 18 іюля 1888 г.: „Новыхъ находокъ камней теперь не является и нѣтъ о нихъ никакихъ слуховъ въ уѣздѣ... Въ настоящее время трудно добиться чего-нибудь вполнѣ достовѣрнаго о находкахъ, между прочимъ, вотъ почему. По странности нѣкоторыхъ народныхъ повѣрій и по распространенности суевѣрныхъ понятій въ народѣ, вмѣстѣ съ интересомъ къ выпавшимъ метеоритамъ людей науки, большой интересъ они возбудили и въ средѣ народа, принявшаго ихъ за нѣчто небесное, не отъ міра сего. По слухамъ, найденные въ прошлое лѣто камни циркулируютъ въ народѣ какъ цѣлебное и симпатическое средство. Осколки метеорита истираютъ въ порошокъ и съ водою принимаютъ внутрь отъ внутреннихъ болѣзней съ неопредѣленнымъ характеромъ, какъ ревматизмовъ, общихъ недомоганій и проч. При этомъ промышляющіе знахари безъ сомнѣнія превращаютъ въ порошки для лѣченія и не одни метеорные камни, придумывая отъ себя случаи нахожденія ихъ.“

Самуилъ Карловичъ Грейгъ (по поводу 100-й годовщины смерти).
Съ совр. портр. грав. Шюблеръ.

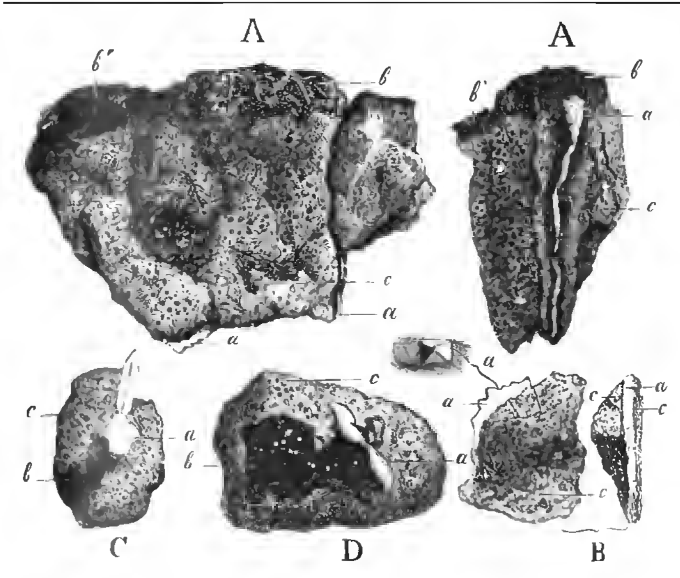
Принося искреннюю признательность предсѣдателю Оханской управы г. Жакову и секретарю Ал. Ив. Миропольскому за добрыя пожеланія и въ будущемъ, я считаю обязанностію принести искреннюю душевную признательность какъ имъ обоимъ за всѣ доставленныя мнѣ ими свѣдѣнія и матеріалы, такъ равно и гг. Блинову, Ив. Вологдину, П. А. Вологдину (редактору *Перм. Вѣд.*), Меньщикову, Кротову, Осипу Калачникову, Панаеву, Н. С. Стемпиевскому, Селиванову, Серебрякову (нынѣ умершему), Свигузову, свящ. Меркурьеву, свящ. Черепанову, Шолонову, Э. Янишевскому, Н. Янишевскому, старшинѣ Спѣшк. волости Окулову, предсѣдателю Сарапульской земской управы за весьма радушное содѣйствіе при собираніи матерьяловъ и разъясненій моихъ запросовъ, относившихся къ паденію метеоритовъ 18 августа,—я вмѣстѣ съ тѣмъ, не считая явленіе 18 августа вполнѣ исчерпаннымъ, прошу далѣе доставлять мнѣ какъ свѣдѣнія, такъ и матеріалы по этому вопросу. Безъ ихъ содѣйствія многія подробности и свѣдѣнія забылись бы и были бы потеряны для науки, какъ забыто многое, и даже самые камни затеряны, къ стыду нашего ученаго сословія

Въ заключеніе я позволяю себѣ просить каждаго изъ читателей, имѣющаго или знающаго у кого имѣются какіе-либо метеориты и образцы самороднаго желѣза, или достовѣрныя свѣдѣнія о паденіи или находкѣ тѣхъ или другихъ, увѣдомить меня о томъ, дабы я личными сношеніями могъ пріобрѣсти или для моей коллекціи навсегда, или только на время для описанія, самые образцы русскихъ метеоритовъ, могущіе обогатить мои матеріалы и передать событіе въ истинномъ видѣ, безъ тѣхъ увеличеній и прикрасъ, которыя наростаютъ и искажаются временемъ.

СПБ., Васильевскій Остр., 13 линія, д. 2 **Юл. Симашко.**



Бурильная машина въ Новороссійскомъ тоннелѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.



Фиг. 16. Сплавы коры. a—сплавъ металл. желѣза; b—шлаковидная пузыристая кора; c—сѣрая масса камня—хондритъ.

Фиг. 18. Струйчатая поверхность, наст. велич. a—центръ; b—струи сливающіяся; c x—сѣрый хондритъ.

Фиг. 17. Кусокъ въ 13½ ф. таборскаго камня, въ ¼ наст. велич. Кора: г.к.— гладкая, с.к.—струйчатая, в,в,в,—впечатлѣнія струйчатыя до 1 дюйма глубиною, P—выдающееся, нависшее ребро,—Хондритъ: б.х.— бѣлый. с.х.—сѣрый. г.х.—голубой.

Фиг. 19. Отторженіе. 1, 2, 3 и 3' въ профилѣ; 1'—въ планѣ; 2'—снизу, a—метал. выплавъ, b—кора, c—хондритъ.

Къ рисункамъ.

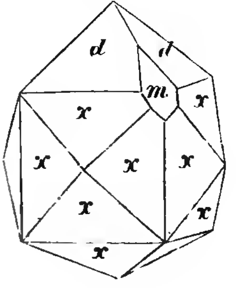
Сборъ гончихъ послѣ охоты.

(Рис. на стр. 301).

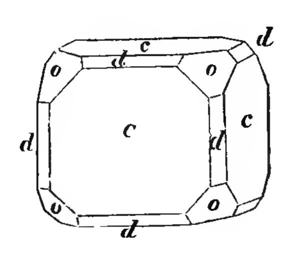
Когда гончія выгнали послѣдняго звѣря изъ лѣсу на борзыхъ или на стрѣлковъ и охота кончена, надо созвать какъ главную стаю гончихъ, такъ и отбившихся по другимъ слѣдамъ или отсталыхъ. Для этого доѣзжачій трубитъ въ свой рогъ, котораго звуки хорошо извѣстны собакамъ, и онѣ со всѣхъ сторонъ кидаются на призывъ его. Эта любовь всей псарни къ доѣзжачему достигается тѣмъ, что онъ никогда лично не наказываетъ провинившихся собакъ, поручая это выжлятникамъ. Г. Вѣрушъ-Ковальскій, превосходно передающій охотничьи сцены, фигуры лошадей, собакъ, охотниковъ и окружающую природу, на прилагаемомъ рисункѣ изобразилъ такой моментъ отзыва гончихъ.

Богиня водъ. (Рис. на стр. 304).

Открытіе выставки картинъ-панно профессора К. Маковскаго, предназначенныхъ для украшенія одного изъ салоновъ роскошнаго дома барона Дервиза,—ожидалось въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ. Про нихъ много говорили. Быть можетъ, эти толки, восторженные и преувеличенные, и были причиною того, что открывшаяся выставка не произвела должнаго впечатлѣнія; къ ней отнеслись довольно холодно, сдержанно и даже строго. Въ картинахъ находили недостатки, часто забывая объ ихъ назначеніи. Нѣкоторые ставили художнику въ упрекъ излишнюю красочность и пестроту панно, другіе были недовольны свѣтлымъ, бѣлесоватымъ колоритомъ нѣкоторыхъ картинъ, осуждали легкость, небрежность рисунка и т. д. Однако всѣ эти „недостатки", если ихъ можно такъ назвать, исчезаютъ, если принять во вниманіе, что картины должны послужить панно въ роскошной залѣ богатой квартиры. При болѣе спокойномъ колоритѣ и отсутствіи пестроты въ нѣкоторыхъ изъ ра-



Фиг. 20.



Фиг. 21.

ботъ профессора, онѣ только потерялись бы среди блестящей обстановки салона. Точно также ихъ свѣтлые тоны придадутъ имъ яркость, когда они будутъ поставлены на своемъ мѣстѣ. Легкій, немного небрежный рисунокъ отнюдь не будетъ замѣтенъ въ салонѣ, въ которомъ болѣе тщательная вырисовка придала-бы картинамъ вымученность, сухость. Помимо этихъ quasi-недостатковъ, картины обладаютъ многими достоинствами. Интересныя по содержанію, онѣ написаны съ тою виртуозностію, какая давно уже присуща всѣмъ работамъ даровитаго художника. Утративъ всю прелесть красокъ въ одноТонной гравюрѣ, панно тѣмъ не менѣе остаются привлекательными по нѣжному, легкому и мягкому рисунку, въ чемъ читатели могутъ убѣдиться на помѣщаемой нами (на стр. 304) копіи съ одной изъ картинъ профессора, названной имъ „Богинею водъ"; она изображаетъ нимфу Галатею, дочь Нерея, или какое-нибудь другое морское божество изъ древне-греческой миѳологіи.

Псковскіе стражники на Ливонской границѣ въ XV вѣкѣ. (Рис. на стр. 305).

Въ первой половинѣ XV вѣка мелкія пограничныя ссоры псковичей съ Ливонскимъ орденомъ не прекращались. Такъ въ 1417 году нѣмцы убили на русской землѣ шесть опочанъ-бортниковъ (медопромышленниковъ), другіе подошли къ самому городу Опочкѣ, посѣкли и пожгли все во время мира. Псковичи за это поѣхали въ двухъ насадахъ (большія лодки), схватили 7 человѣкъ чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. Въ 1436 году псковичи захватили гостей (купцовъ) нѣмецкихъ съ товарами, 24 человѣка, и посадили ихъ въ тюрьму за то, что нѣмцы во время мира стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году псковичи ѣздили подъ Новый городъ нѣмецкій, истребили все жито и повѣсили 7 чухонъ и т. д. и т. д. Такія условія вызывали необходимость постоянной порубежной (пограничной) стражи. На рисункѣ Н. Н. Каразина изображены типичныя фигуры такихъ стражниковъ на малорослыхъ лошадкахъ, до сихъ поръ еще сохранившихся въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и на Литвѣ.

Молодая дѣвушка первыхъ вѣковъ христіанства.

(Рис. на стр. 309).

..Въ циркѣ разъ, среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла—на груди
Сложивши руки, безъ боязни,
Смотря на звѣря, и кругомъ
На насъ, на кесаря—безъ гнѣва,
И чудо красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,
И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста...

„Два міра", **А. Н. Майкова.**

Всероссійская рыбопромышленная выставка въ СПБ. (Рис. на стр. 312 и 313).

Россія, владѣя двумя океанами и пятью морями, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ по отношенію къ рыбопромышленности и сопряженнымъ съ нею промысламъ морскихъ звѣрей. Во всей Имперіи ежегодно вылавливается до 40 милл. пудовъ разной рыбы на 40 милл. руб. Попробуемъ въ самомъ сжатомъ очеркѣ набросать картину русскаго рыболовства.

Начнемъ съ Сѣвера. Бѣлое море составляетъ для своихъ прибрежныхъ жителей важный, а иногда и единственный источникъ существованія. Въ Бѣломъ морѣ ловятся: сельди, треска, навага, сайда, камбала, ревца, зубатка, семга, кумжа, корюшка, изъ которыхъ первостепенное значеніе въ экономическомъ отношеніи имѣютъ сельдь и семга. Главный сельдяной ловъ производится въ Сороцкой губѣ, Онежскаго залива, самой богатой рыбою во всемъ морѣ съ начала ноября до Крещенья, затѣмъ въ Покровской губѣ, у Кандалакскаго залива и Соловецкаго острова. Ловъ семги производится во многихъ мѣстахъ, потому что она поднимается по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Изъ морскихъ звѣрей въ области Бѣлаго моря, бѣлуха (семейства дельфиновыхъ) встрѣчается во всѣ времена года, но въ наибольшемъ количествѣ—съ конца мая; сало ея считается лучшимъ изъ всѣхъ сортовъ жира морскихъ звѣрей, а кожа идетъ на подошвы. На всемъ Терскомъ берегу, на Зимнемъ и въ Мезенскомъ заливѣ, производится промыселъ тюленей, называемыхъ тамъ лысунами, которые щенятся въ началѣ февраля въ Двинскомъ заливѣ и потомъ уходятъ къ сѣверу, приближаясь къ берегамъ. Осенью по тѣмъ же берегамъ жители занимаются стрѣльбою нерпъ (другой видъ тюленя) съ лодокъ. По всему Мурманскому берегу Сѣвернаго океана производится ловъ трески поморами Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ Архангельской губерніи; но такъ какъ для промысла необходимы суда, снасти и различныя заведенія для храненія рыбы и проч., то промыселъ этотъ производится лишь богатѣйшими изъ поморовъ, которые собираютъ ежегодно артели (покруты) по 4 рабочихъ въ каждой. Для временнаго пристанища промышленниковъ во время лова на берегу строятся постоянныя становища (жилыя избы и амбары для соленія рыбы), до которыхъ покруты идутъ обыкновенно пѣшкомъ въ началѣ марта. Для ловли трески употребляются невода (ярусъ) длиною отъ двухъ до трехъ тысячъ саженей. На ловъ выѣзжаютъ ночью, удаляясь отъ берега верстъ на 10, на 20 и даже на 30. Солятъ треску только съ начала мая, а до того лишь сушатъ, развѣшивая распластанную на жердяхъ, а потомъ складывая въ кучи. Средній годичный уловъ доходитъ до 250,000 пудовъ и болѣе. Вмѣстѣ съ трескою ловится палтусъ, рыба изъ породы камбалъ, весьма жирная, вѣсомъ отъ пуда до трехъ, пикшуй, сайда, камбала, морскіе налимы и проч., не составляющіе особаго промысла. Въ Ледовитомъ океанѣ, такъ же какъ и въ Бѣломъ морѣ, добываются тюлени (нерпы, морскіе зайцы и тевяки), которыхъ бьютъ на одиночныхъ промыслахъ изъ винтовокъ, отчего и промыселъ называется *стрѣльнею*. Изъ нерпы, вѣсящей до трехъ пудовъ, вытапливается сало и продается кожа. Моржей бьютъ только у береговъ Новой Земли—или съ карбасовъ, или на льдинахъ, кутилами (желѣзное остріе на палкѣ) и спицами.

Въ Балтійскомъ морѣ преобладаютъ прѣсноводныя рыбы, только въ западномъ его водоемѣ встрѣчаются еще морскія формы, какъ напр. акулы, скаты и др., случайно заплывающія изъ Нѣмецкаго моря. Рыболовство менѣе значительно чѣмъ на Каспійскомъ и даже Азовскомъ моряхъ. Здѣсь попадаются сельди, навага, лосось, камбала, осетры, миноги, угри и др. Кильки, родъ мелкихъ сельдей, во множествѣ ловятся у береговъ Ингріи и Эстляндіи. Ловомъ тюленей занимаются у Аландскихъ острововъ.

На Черномъ морѣ рыбныя ловли незначительны вслѣдствіе большой глубины и недостатка мелей и банокъ, однако есть рыбные промыслы при входѣ въ Керченскій заливъ и при устьяхъ большихъ рѣкъ. На сѣверномъ берегу самое обширное рыболовство въ Днѣпровско-Бугскомъ лиманѣ, гдѣ ловится красная рыба: осетръ, стерлядь, бѣлуга, севрюга и разныя породы бѣлой; изъ мелкихъ сортовъ замѣчательны: рыбецъ, тарань, чернуха, бѣлизна, чехонь, клонецъ, синецъ и др. Лучшій ловъ отъ Покрова до апрѣля. Послѣ Успенія ловится особенно сельдь, уловъ коей въ Днѣпровскомъ лиманѣ простирается отъ пяти до десяти милл. штукъ и болѣе въ годъ. Въ Днѣстровскомъ лиманѣ ловятся, кромѣ вышеупомянутыхъ породъ: кефаль (кромѣ самой рыбы чрезвычайно цѣнится кефалья икра, которая на мѣстѣ продается по 2 р. за фунтъ, т. е. дороже осетровой), камбала, тюлька (мелкая сельдь), скумбрія (макрель или балмутъ) и крупные раки. Замѣчательна также Балаклавская бухта, въ которой ловъ производится круглый годъ. Одной кефали по берегамъ Крыма въ хорошій годъ вылавливается до 4 милл. штукъ.

На Азовскомъ морѣ рыболовство чрезвычайно развито. Оно составляетъ важнѣйшій промыселъ жителей Азовскаго прибрежья и занимаетъ въ теченіе года до 13,000 человѣкъ. Особенно богаты рыбою юго-восточный берегъ, Керченскій проливъ и устья Дона. Самый обильный ловъ тотчасъ послѣ таянія снѣга и разноса льда — *весенняя добыча;* до половины мая въ лѣтніе мѣсяцы т. наз. *меженный ловъ* ничтоженъ; посредственъ осенній или *прасолъ;* значительна также *зимняя добыча* съ подледнымъ ловомъ. Ловъ производятъ неводами, крючьями и сѣтями—особенными *ватагами* или артелями подъ начальствомъ *атамана*, работающими на т. наз. *заводахъ*. Важнѣйшія породы рыбы: всѣ красной и большая часть черноморскихъ.

Но самые значительные промысла сосредоточены на Каспійскомъ морѣ, въ бассейнѣ коего ежегодно вылавливается 25 милл. пудовъ рыбы, т. е. болѣе половины общаго улова въ Россіи. Рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ и вообще въ Астраханскомъ краѣ занимались еще татары до присоединенія этого края къ Россіи, затѣмъ духовенство и наконецъ казна. Нынѣ звѣриные и рыбные промыслы признаются закономъ свободными въ водахъ морскихъ и на всѣхъ озерахъ въ частномъ владѣніи не состоящихъ. Относительно Каспійскаго моря есть особыя правила. Въ настоящее время рыбные промыслы распредѣлены по всему почти протяженію сѣвернаго и западнаго береговъ Каспійскаго моря и описаніе ихъ и способовъ ловли потребовало бы цѣлаго тома. Богатѣйшія ловли на Каспійскомъ морѣ находятся на Волжскихъ устьяхъ; за ними слѣдуютъ Уральскія, составляющія исключительную собственность казаковъ Уральскаго войска, и Ставропольскія; далѣе Эмбинскіе и Астраханскіе вольные промыслы въ открытомъ морѣ; въ южной части моря самые богатые промысла — Сальянскіе. На одно уральское рыболовство употребляется въ годъ болѣе ста морскихъ судовъ, около 500 морскихъ лодокъ, и 3,000 бударъ при 100,000 неводовъ и сѣтей и 20,000 багровъ. Уральское рыболовство дѣлится на 6 періодовъ: *осенне-курхайское* или *жаркое* (отъ лѣтнихъ жаровъ) красной рыбы; *осенняя плавня* (плаваніе на бударахъ); *багреное*, по прикрытіи рѣки льдомъ; *аханное* (отъ сѣтей ахънныхъ съ большими полями) сѣтями подо льдомъ; *весеннее курхайское* и *весенняя плавня* и севрюжій ловъ.

Въ началѣ 1876 года торговый домъ братьевъ Ванюшиныхъ приступилъ къ устройству рыболовныхъ промысловъ на Аральскомъ морѣ и Аму Дарьѣ и построилъ 2 ватаги для соленія.

Кромѣ морскаго рыболовства по всей Россіи распространены озерныя и рѣчныя (особенно на Волгѣ) ловли во всемъ ихъ безконечномъ разнообразіи. Кромѣ самой рыбы во всѣхъ видахъ, т. е. свѣжей, вяленой, копченой, сушеной, соленой, маринованной и т. д., главнѣйшій рыбный товаръ составляютъ: рыбій жиръ, рыбій клей, вязига, икра свѣжая и соленая. Производство этихъ родовъ товара требуетъ опять-таки особыхъ заведеній, которыя даютъ работу десяткамъ тысячъ рукъ.

Конечно, полнаго и систематическаго представленія громадной области русскаго рыболовства не могла дать впервые устроенная въ Россіи рыбопромышленная выставка. Но какъ первый опытъ, Петербургская выставка, помѣщающаяся въ обширномъ зданіи Михайловскаго манежа (на рис. № 13), не смотря на характеръ случайности и неполноты экспонатовъ, все же весьма интересна. Обстановка ея очень живописна и оригинальна, павильоны и витрины изящны. Тотчасъ при входѣ вниманіе обозрѣвателей привлекается мало относящимися къ рыбопромышленности, скорѣе декоративными экспонатами Общества спасанія на водахъ, Морскаго музея, СПБ. Яхтъ-Клуба (на рис. № 2). Въ среднемъ проходѣ замѣчательна выставка Общества изслѣдователей Амурскаго края съ произведеніями Камчатки, Амурской области, остр. Сахалина и Японіи. Далѣе, интересны представители казацкихъ рыбныхъ ловель съ прекрасными моделями, рыболовными снарядами, сѣтями, образцами рыбъ, икры и т. п. Здѣсь же расположены экспонаты перваго Мурманскаго китобойнаго общества: модель парохода вооруженнаго пушкой, которая стрѣляетъ въ кита гарпуномъ (острогой), образцы китоваго уса, жира и гуано изъ китоваго мяса. Первое мѣсто по интересу принадлежитъ въ этомъ же отдѣлѣ шатру г. Базилевскаго (№ 7) и въ особомъ холодномъ отдѣленіи на дворѣ павильону съ мороженой рыбой. На Астраханскихъ синеморскихъ промыслахъ Ѳ. И. Базилевскаго, занимающихъ водное пространство въ 200,000 десятинъ, вылавливается около 70 милл. штукъ разной рыбы, на которую употребляется около 500,000 пудовъ одной соли. У шатра устроенъ такъ-называемый *приплотокъ*, навѣсъ, покрытый тростникомъ, и здѣсь работаютъ нарочно пріѣхавшія изъ Астрахани двѣ рѣзалки и солильщица, въ характерныхъ, полумужскихъ костюмахъ (№ 10). Справа отъ входа особенно выдается выставка Мурманскаго общества „Рыбакъ", которое въ другомъ мѣстѣ манежа поставило изображенную на нашемъ рисункѣ декорацію Ледовитаго моря, съ чучелами бѣлыхъ медвѣдей на льдинахъ и большою моделью построенной въ Америкѣ рыболовной шхуны „Невада" (№ 3). Далѣе превосходный акварій г. Семенова, съ множествомъ живыхъ рыбъ. Чрезвычайно интересны экспонаты Никольскаго рыборазводнаго завода, основ. въ 1860 году В. П. Врасскинымъ, принадлежащаго министерству Государств. Имуществъ и дѣйствующаго подъ руководствомъ проф. Гримма. У самаго входа на выставку устроена великолѣпная декорація сѣверной природы—скалы, покрытыя мохомъ и чучелами морскихъ птицъ, а въ скалахъ 8 акваріумовъ съ обитателями сѣверныхъ водъ (№ 9).

На срединѣ манежа помѣщается обширный круглый бассейнъ (15 аршинъ въ поперечникѣ) съ высокобьющимъ фонтаномъ и плавающей рыбой (№ 11).

Рядомъ съ коллекціей изъ Приамурскаго края выставлена группа чучелъ котика съ Командорскихъ острововъ, экспонируемая торговымъ домомъ Гутчинсонъ, Коль и Комп., держащимъ на откупѣ этотъ промыселъ (№ 4).

Въ скалѣ входной декораціи налѣво сдѣланъ проходъ въ такъ-называемый *запоръ*, одно изъ приспособленій, которымъ ловятъ рыбу. У декораціи со шхуной „Невада" расположенъ *морозникъ* Гейнемана, представляющій небольшой домикъ, раздѣленный перегородкой на ледникъ и на отдѣленіе для замораживанія рыбы.

Тутъ конецъ выставки и во всю ширину манежа тянется декорація южной природы съ пальмами и обитателями Юга. Посрединѣ ея лѣстница, ведущая на среднюю самую возвышенную часть декораціи, на мостикъ, перекинутый чрезъ каскадъ (№ 1). Съ мостика открывается общій видъ на всю выставку и ведутъ особые сходы въ буфетъ Лопашова, расположенный по другую сторону декораціи. На правой стѣнѣ отъ ресторана, если стоять лицомъ ко входу въ него, интересенъ выставленный г. Сундманомъ водяной пейзажъ съ наклеенными на водѣ изображеніями рыбъ Финляндіи въ краскахъ (№ 5). Все остальное пространство манежа наполнено множествомъ витринъ и постаментовъ съ принадлежностями рыболовства, рыбными консервами, акваріумами, чучелами морскихъ рыбъ и животныхъ, греческими губками и т. п. Въ особомъ холодномъ павильонѣ Базилевскаго поражаютъ своими размѣрами громадныя бѣлуги и всѣ сорта мороженой рыбы (№ 12).

С. К. Грейгъ. (Порт. на стр. 316).

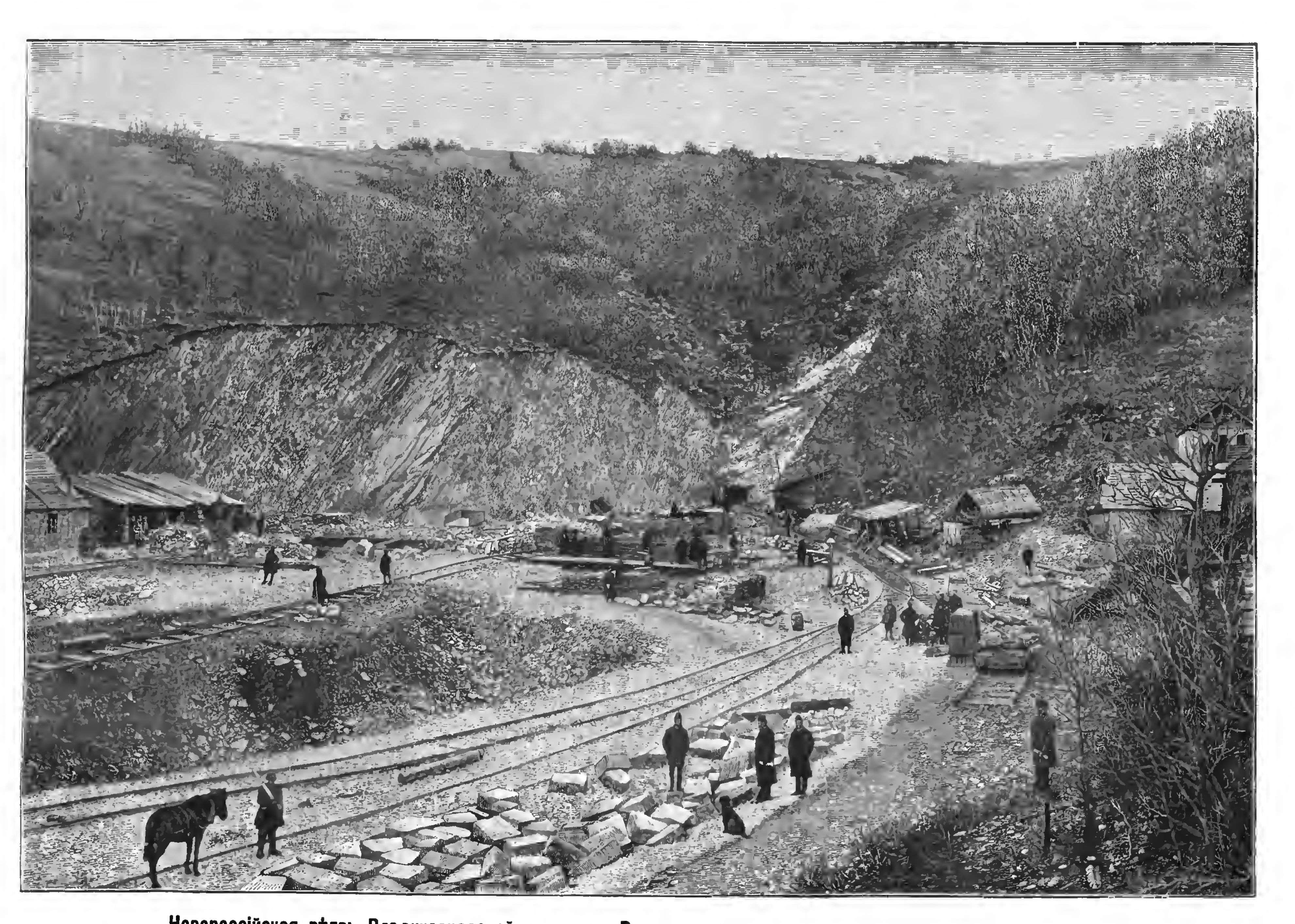
Ровно сто лѣтъ тому назадъ скончался одинъ изъ видныхъ людей екатерининскаго времени, адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ, храбрый и искусный морякъ, прославившій свое имя побѣдами, герой Чесменской битвы и авторъ проекта о завладѣніи Дарданеллами. По свидѣтельству современниковъ, адмирала Грейга, послѣ его побѣды при Гохландѣ, считали „спасителемъ столицы и Лифляндіи", а самая смерть его была слѣдствіемъ истощенія силъ отъ безпрерывныхъ трудовъ и энергической дѣятельности по службѣ. Существенныя услуги своему второму отечеству адмиралъ Грейгъ оказалъ не только на боевомъ поприщѣ, но и на поприщѣ мирномъ: человѣкъ просвѣщенный, обладавшій большимъ запасомъ свѣдѣній какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи морскаго дѣла, онъ сдѣлалъ многія весьма важныя улучшенія и измѣненія въ вооруженіи судовъ, которыми началъ впервые у насъ командовать. Дѣятельный, образованный, даровитый и неустрашимый, адмиралъ Грейгъ умѣлъ снискать уваженіе даже враговъ своихъ. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, онъ могъ бы быть не чуждъ излишней гордости и имѣть высокое мнѣніе о своей особѣ, но онъ, напротивъ, отличался замѣчательною скромностью.

Самуилъ Карловичъ Грейгъ, шотландецъ по происхожденію, родился 30 ноября (11 декабря) 1736 года, въ мѣстечкѣ Инверкейтзингъ, въ Файфширѣ, неподалеку отъ Эдинбурга. Его предки были моряки. Службу въ родномъ флотѣ онъ началъ еще отрокомъ и, произведенный въ лейтенанты, принималъ участіе въ морской битвѣ у Белль-Иля, въ 1759 году, подъ командою адмирала Гука, битвѣ столь славной для англичанъ. Въ русскій флотъ онъ былъ принятъ съ чиномъ капитана 1-го ранга въ 1764 г., въ іюнѣ, и тѣмъ же лѣтомъ отправился, въ качествѣ волонтера, въ походъ на кораблѣ „Дмитрій Ростовскій." Въ 1765 его сдѣлали командиромъ фрегата „Св. Сергій" и корабля „Трехъ Іерарховъ", которые имъ же были вооружены по новому способу. Произведенный въ чинъ бригадира, черезъ четыре года, Самуилъ Карловичъ, при первомъ отправленіи русскаго флота въ Средиземное море, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, командовалъ 66-пушечнымъ кораблемъ „Трехъ Іерарховъ". На его кораблѣ, 14 апрѣля 1770 года, главнокомандующій морскими и сухопутными силами Россіи въ Архипелагѣ, извѣстный графъ Орловъ (Чесменскій) впервые поднялъ, пожалованный ему кейзеръ-флагъ. Во время этой экспедиціи Грейгъ отличался во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но болѣе всего прославился онъ 26 іюня 1770 года, когда сжегъ непріятельскій флотъ въ Чесменской бухтѣ, куда его отрядили съ четырьмя кораблями, двумя фрегатами и четырьмя брандерами. За геройское дѣло при Чесмѣ Самуилъ Карловичъ получилъ чинъ контръ-адмирала и орденъ Св. Георгія. Онъ также помогалъ гр. Орлову спасать тонувшаго непріятеля на Анатолійскихъ берегахъ, а въ 1771 году былъ отправленъ въ Метелинскій каналъ для снятія плановъ съ крѣпости, мѣстнаго адмиралтейства и разныхъ укрѣпленій и выполнилъ возложенное на него порученіе блестящимъ образомъ. На слѣдующій годъ Самуилъ Карловичъ прибылъ въ каналъ отдѣляющій островъ Хіосъ отъ азіятскаго берега, гдѣ турки усиливали свои гарнизоны, высадилъ десантный отрядъ близъ крѣпости Чесмы, а самъ аттаковалъ ее съ моря, прогналъ непріятеля изъ предмѣстья, овладѣлъ двумя складочными мѣстами съ припасами и военными снарядами и зажегъ предмѣстье; послѣ этого онъ отправился съ эскадрой своей въ Дарданельскій проливъ наблюдать за дѣйствіями непріятеля. По заключеніи Кучукъ-Кайнарджицкаго мира, Грейгъ получилъ орденъ Св. Анны первой степени и, въ началѣ мая 1775 года, наконецъ, возвратился съ своей эскадрой въ Кронштадтъ; при этомъ онъ исходатайствовалъ позволеніе прибыть въ Москву, гдѣ въ то время находилась императрица. Екатерина пожаловала его вице-адмираломъ и въ августѣ того-же года назначила главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта. Въ 1776 году Самуилъ Карловичъ состоялъ начальникомъ Балтійскаго флота и имѣлъ свой флагъ на кораблѣ „Ростиславъ". Въ 1788 году Швеція начала противъ Россіи непріязненныя дѣйствія; 6 іюля адмиралъ Грейгъ замѣтилъ непріятельскій флотъ на западной сторонѣ острова Гохланда и, устремясь на генералъ-адмиральскій корабль, послѣ жестокаго сраженія, длившагося съ двухъ часовъ пополудни до 10 часовъ вечера, овладѣлъ непріятельскимъ судномъ „Принцъ-Густавъ". Шведы, отступивъ, оставили нашему флоту мѣсто сраженія. Однако, по причинѣ штиля и наступившей темноты, и русскіе потеряли одинъ корабль, который былъ окруженъ четырьмя непріятельскими и уведенъ ими. Желая загладить эту неудачу, адмиралъ Грейгъ 25 іюля направился со своей эскадрой къ Свеаборгу и на слѣдующій день взялъ одинъ изъ стоявшихъ на рейдѣ шведскихъ кораблей — „Густавъ-Адольфъ", а остальныя суда вскорѣ заперъ въ Свеаборгѣ. Однако ему не пришлось дождаться результатовъ этой побѣды—15 октября 1788 года онъ скончался на своемъ адмиральскомъ кораблѣ „Ростиславъ", послѣ тяжкой болѣзни. Тѣло Грейга погребено въ ревельской лютеранской киркѣ, въ Вышгородѣ. Императрица Екатерина искренно оплакала кончину достойнаго адмирала и воздвигла ему великолѣпную гробницу изъ бѣлаго мрамора.

П. Б—овъ.

Постройка тоннеля на Новороссійской вѣтви Владикавказской ж. д. (Рис. на стр. 316 и 320).

Съ тѣхъ поръ какъ для проведенія тоннелей были изобрѣтены бурильныя машины, впервые примѣненныя въ 1861 году инженеромъ Соммейлье при постройкѣ тоннеля черезъ Монъ-Сенисъ, и когда прежде употреблявшійся порохъ для раздроб-



Новороссійская вѣтвь Владикавказской жел. дор. Входная выемка съ южной стороны Большаго тоннеля.

Съ фотогр. Заборскаго, грав. Рашевскій.

ленія взрывами горныхъ породъ былъ замѣненъ динамитомъ, изобрѣтеннымъ Альфредомъ Нобелемъ въ 1867 году, взглядъ на постройку тоннелей существенно измѣнился. Прежде проведеніе длинныхъ тоннелей представляло такія техническія трудности, что успѣхъ такихъ работъ представлялся лишь гадательнымъ: нынѣ проведеніе самыхъ длинныхъ тоннелей, при какой-бы то ни было твердости породы, составляетъ лишь вопросъ денегъ и времени, поддающійся притомъ довольно точному расчету.

Въ Россіи нѣтъ большихъ тоннелей, самый длинный въ настоящее время—Новороссійскій (651 саж.). Но въ настоящее время уже строится почти втрое длиннѣе (1.858 саж.) Сурамскій тоннель (на Кавказѣ) и не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ потребуетъ въ скоромъ времени постройки еще болѣе длинныхъ тоннелей.

Въ виду сего описываемая нами постройка Новороссійскаго тоннеля представляетъ тотъ интересъ, что къ ней примѣнены впервые въ Россіи всѣ тѣ усовершенствованные приспособленія и пріемы, которые были выработаны въ послѣднее время при постройкѣ длиннѣйшихъ тоннелей Западной Европы.

Оконченная въ прошломъ году и открытая для движенія 25 іюня вѣтвь Владикавказской ж. дороги къ Новороссійскому порту, пересѣкая сѣверо-западную оконечность Кавказскаго горнаго хребта, потребовала при постройкѣ прорытія двухъ тоннелей, длиною въ 182 и 651 саж., изъ коихъ послѣдній находится въ 15 верстахъ отъ г. Новороссійска.

При сооруженіи этого тоннеля строителямъ пришлось рѣшить рядъ нелегкихъ практическихъ задачъ изъ области инженернаго искусства и преодолѣть не малыя техническія затрудненія.

Тоннель, представляя въ планѣ прямую въ срединѣ линію съ загибающимися въ противоположныя стороны концами, пролегаетъ, наклонно съ сѣвера на югъ, въ твердыхъ известковыхъ породахъ сѣраго известняка и мергеля, расположенныхъ пластами. Послѣдовательный ходъ работъ велся въ такомъ порядкѣ: сначала, по оси тоннеля, пробивалась нижняя штольня такихъ размѣровъ (1,2 саж. высоты и 1,5 саж. ширины), чтобы по проложеннымъ въ ней рельсамъ могли свободно двигаться вагончики для вывоза выломаннаго грунта и подвозки матеріаловъ для обдѣлки тоннеля; изъ нижней штольни, въ разстояніи отъ 15 до 30 саж. одна отъ другой, пробивались вертикальныя шахты, идущія въ видѣ колодцевъ вверхъ, до проектированной высоты свода тоннеля; а отсюда, изъ каждой шахты прокладывались въ обѣ стороны отдѣльныя штольни, которыя, встрѣчаясь съ такими-же штольнями сосѣднихъ шахтъ, образовывали одну общую „верхнюю штольню". Разработка остальной части тоннеля между верхней и нижней штольнями производилась отдѣльными кольцами въ 3—4 саж. ширины, причемъ сначала разработывалось подсводное пространство, а затѣмъ нижняя часть—отъ пятъ свода до подошвы. Оконченное кольцо немедленно обдѣлывалось каменной кладкой.

При такомъ планѣ работъ, чѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе прокладывается нижняя штольня, тѣмъ большее количество можно заложить шахтъ, вообще тѣмъ шире является возможность приложить къ дѣлу рабочую силу и развернуть фронтъ работъ.

Въ такомъ видѣ сооруженіе тоннеля начато въ ноябрѣ 1885 года—съ пробивки, одновременно съ обоихъ концовъ, нижней штольни. Работы велись безпрерывно днемъ и ночью, и сначала, до установки бурильныхъ машинъ, часть штольни была пробита ручнымъ способомъ, при которомъ подвигались впередъ не болѣе 0,50—0,80 саж. въ сутки; лишь съ установкою бурильныхъ машинъ Dubois-François, приводимыхъ въ движеніе сжатымъ воздухомъ, дѣло пошло успѣшнѣе, давая возможность проходить отъ 1,50 до 2 саж. въ сутки. Для дробленія взрывами горныхъ породъ употреблялся динамитъ, закладываемый въ буровыя скважины, общее количество котораго при постройкѣ Новороссійскаго тоннеля достигло 1,600 пуд., изъ коихъ 425 пуд. пошло на пробивку нижней штольни.

Особенныя затрудненія приходилось испытывать разработывавшимъ тоннель съ сѣвернаго конца. Такъ какъ тоннель—о чемъ было сказано выше—имѣетъ общій наклонъ къ югу, т. е. по направленію работъ съ сѣверной стороны, то при пробитіи нижней штольни здѣсь пришлось вести упорную борьбу съ обильнымъ притокомъ грунтовой воды.

Другое серьезное и болѣе неожиданное препятствіе, встрѣтившееся въ этой-же части тоннеля при пробивкѣ штольни, явилось въ видѣ воспламеняющихся нефтяныхъ газовъ, начавшихъ обильно выдѣляться въ разстояніи 200 саж. отъ входа. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, работы опять были прекращены и стали продолжаться не ранѣе того, какъ найдено было средство обезвредить газы; съ этою цѣлію была устроена сильная вентиляція, уничтожившая обильнымъ притокомъ воздуха ихъ воспламеняемость.

Не смотря на всѣ эти препятствія, вызывавшія пріостановку работъ (въ суммѣ до 5 мѣс. 19 дней), пробивка нижней штольни была окончена черезъ 15 мѣсяцевъ (съ ноября 1885 г.) и 11 февраля 1887 г. работники, шедшіе съ двухъ противоположныхъ концовъ, встрѣтились, уничтоживъ между собою послѣднюю каменную преграду.

Всѣ работы по сооруженію тоннеля, законченныя въ маѣ 1888 г., продолжались около 2½ лѣтъ (съ ноября 1885 г.).

Тоннель построенъ на два пути, но такъ какъ въ настоящее время линія проведена лишь въ одинъ путь, то, во избѣжаніе непроизводительной затраты капитала, въ той части тоннеля, которая приходится подъ второй путь, осталось невынутымъ до 600 саж. грунта.

Въ виду особеннаго свойства мергеля, растрескивающагося на воздухѣ и потому получившаго мѣстное названіе „трескуна", весь тоннель обдѣланъ каменной кладкой, защищающей поверхность составляющихъ его горныхъ породъ отъ разрушительнаго дѣйствія атмосферы.

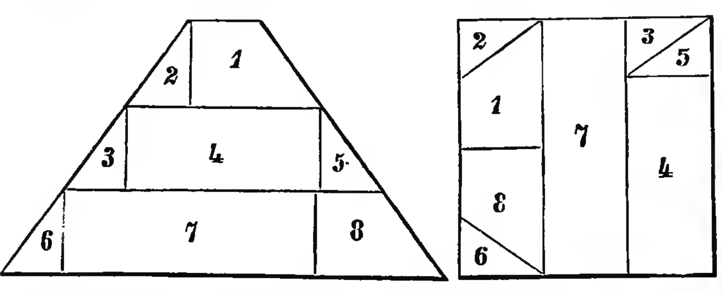
Стоимость сооруженія тоннеля вмѣстѣ съ порталами и со включеніемъ сюда суммы, оставленной въ запасѣ на разработку тоннеля подъ второй путь, составила 1.170,000 руб., что составляетъ за погонную сажень 1,800 руб.

Политическое обозрѣніе.

Правительственный кризисъ въ Сербіи протекъ съ большимъ спокойствіемъ. На имя новаго короля Александра получается изъ всей страны масса заявленій вѣрноподданническихъ чувствъ. Населеніе единодушно выражаетъ надежду, что подъ управленіемъ новаго короля, при помощи патріотовъ, ставшихъ во главѣ правительства, Сербія вступитъ на истинно-національный путь какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ. 5 марта въ честь короля Александра отслужены во всей странѣ благодарственные молебны. На богослуженіи въ бѣлградскомъ каѳедральномъ соборѣ присутствовали король съ отцомъ, регенты, министры, дипломатическій корпусъ, государственные сановники. Митрополитъ привѣтствовалъ короля съ каѳедры торжественною рѣчью. Встрѣча отъ народа была восторженная. Городъ убранъ флагами. Послѣ полудня Миланъ принималъ корпусъ офицеровъ въ прощальной аудіенціи, причемъ супруги офицеровъ поднесли экс-королю роскошный вѣнокъ. Вечеромъ зажжена была иллюминація и устроено факельное шествіе. Передъ королевскимъ дворцомъ, куда, вслѣдъ за факельнымъ шествіемъ, массами стеклось населеніе, происходили оваціи въ честь юнаго короля. Бывшій король Миланъ, испросивъ предварительно разрѣшеніе сына и регентовъ, обратился къ бѣлградскому населенію съ рѣчью, въ которой благодарилъ ихъ, какъ отецъ, за любовь и преданность королю Александру—ихъ и его государю. Городской голова вручилъ королю Александру вѣрноподданническій адресъ отъ столицы, начертанный на пергаментѣ. Въ ночь послѣ этихъ событій экс-король Миланъ отправился въ Вѣну. На пути онъ останавливался въ Буда-Пештѣ, гдѣ былъ принятъ въ аудіенціи Австрійскимъ императоромъ. Изъ Вѣны Миланъ вернется черезъ нѣсколько дней снова въ Бѣлградъ, для окончанія своихъ частныхъ дѣлъ, и затѣмъ надолго уѣдетъ изъ Сербіи. Время вторичнаго отъѣзда экс-короля ставятъ въ зависимость отъ поѣздки Алимпія Васильевича въ Ялту къ королевѣ Наталіи. Будущее положеніе королевы Наталіи заинтересовываетъ многихъ. Извѣстіе о томъ, будто бывшій король Миланъ заключилъ съ регентами письменное условіе о недозволеніи королевѣ Наталіи возвратиться въ Сербію, невѣрно. Пріѣздъ въ Сербію королевѣ не возбраняется, но Миланъ, основываясь на 72-й статьѣ сербской конституціи, предоставляющей ему исключительное право руководить воспитаніемъ сына, не допускаетъ, чтобы королева жила во дворцѣ при сынѣ. Регенты, желая смягчить это рѣшеніе Милана, убѣдили его посылать, по временамъ, сына на свиданія съ королевою-матерью. Мѣсто этихъ свиданій должно быть будетъ гдѣ-нибудь въ Сербіи, потому что Васильевичу поручено передать королевѣ Наталіи копію съ бѣлградскаго распоряженія о допущеніи ея въ предѣлы королевства. Сама королева отнеслась къ совершившимся событіямъ съ христіанскою покорностью и будто бы высказалась, по словамъ *Neue Freie Presse*, такъ: „Миланъ причинилъ много несчастія и себѣ, и мнѣ. Я прощаю его и молю Бога, чтобы Онъ простилъ ему".

Въ противоположность Сербіи, во Франціи все совершается съ шумомъ и гамомъ. Правительственное преслѣдованіе лиги патріотовъ сопровождается скандалами даже въ стѣнахъ палаты депутатовъ. Оффиціозы продолжаютъ поддерживать необходимость судебнаго преслѣдованія, но многіе высказываются противъ него—и даже *Paix*, органъ Елисейскаго дворца, осуждаетъ преслѣдованія какъ крупную ошибку. Газета эта, равно какъ и *Soleil*, говоритъ, что если лигеры будутъ оправданы, правительство потерпитъ неудачу; если же они будутъ приговорены, то ихъ будутъ считать политическими жертвами, такъ какъ французская публика преслѣдованій не любитъ. Притѣсненія принесутъ пользу только буланжизму.

Рѣшеніе геометрической задачи № 10 (помѣщен. въ № 6).



Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Боронина, Розонъ, Самохваловой, Яремкевича, Янушкевича, Гласкова, Клыкова, Михель, Кратмрахъ, **Москва**—Двиняниновa, Эйтнигонъ, **Александровскъ**—Кацина, **Богородскъ**—Нерова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Буй**—Никифорова, **Бѣлая церковь**—Адлвра, **Вильно**—Братина, **Варшава**—Дорманъ, **Динабургъ**—Загера, **Екатеринославъ**—Гольдберга, Ильяшвича, **Кіевъ**—Шульженко, **Козловъ**—Тамбовской, **Климъ**—Тифофыввa, **Кременчугъ**—Добровенскаго, Добровицкаго, **Коломна**—Бережнова, **Каменецъ-Под.**—Чепѣги, **Лебедянь**—Чурилина, **Малмыжъ**—Касаткина, **Минскъ**—Ярмоловича, **Мальковичи**—Севрукъ, **Нѣманъ**—Голутвина, **Новогеоргіевскъ**—Рюмина, **Нарва**—Яксъ, **Порховъ**—Примакина, **Павловскъ**, Вор. г.—Протопоповой, **Подольскъ**—Зарѣцкаго, **Пенза**—Токаревой, Базеровой, Орлова, **Рыпинъ**—Цехана, Ермолаева, **Рязанцево**—Санкова, **Судогда**—Голубева, **Ставрополь**—Булыгина, **Холмъ**—К. А. К., **Харьковъ**—Штаммъ, **Черниговъ**—Лазарева, Карицкаго, **Чудово**—Андріамова, **Шацкъ**—Филимоновича, **Софія**—Кутичева.

Рѣшеніе задачи буквъ № 9 (помѣщенной въ № 6).

1) Вражья сила. 2) Цюрихъ. 3) Лимонъ. 4) Глава. 5) Лиза. 6) Нвзина. 7) Дни. 8) Ликъ и 9) Чума.

		Р	у	с		
	л	а	н	ъ	и	
Л	ю	д	м	и	л	а
з	н	ь		И	в	а
з	а	Ц		ъ	Г	л
а	р	я		а	Ж	и
М	и	х	а	и	л	ъ
	н	о	в	и	ч	
		и	н	к		

М	и	х	а	и	л	ъ	И	в	а
	н	о	в	и	ч		ъ	Г	л
		н	н	к			а	Ж	и
		з	н	ь					
		з	а	Ц					
		а	р	я					
		Р	у	с					
	л	а	н	ъ	и				
Л	ю	д	м	и	л	а			

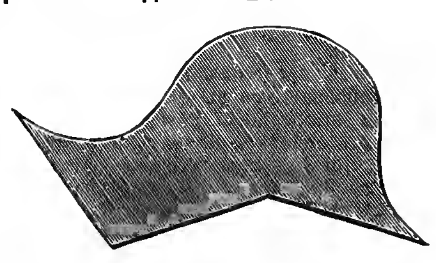
Михаилъ Ивановичъ Глинка. Жизнь за Царя. Русланъ и Людмила.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—М. Г. Косовецъ, М. М. Итцигсонъ, Ф. А. Боронина, А. А. Носпѣвва, М. Мириманова, **Москва**—С. К., Н. Н. Ирошникова, О. А. Гилль, Е. Скворцовой, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Варшава**—В. Рашко, **Владикавказъ**—В. Преображенскаго, **Гройцы**—А. Н. Чернявской, **Николаевъ**—С. Беклешевой, **Порѣчье**—В. Жилкина, **Севастополь**—Э. А., **Царское Село**—Петрова, **Шацкъ**—А. Тюменвиа, **Ярославль**—К. Н. Соколова, **Юрьевецъ**—А. А. Павловскаго.

Ребусъ. Задача № 21.

Геометрическая задача № 22.

Прямою линіею раздѣлить данную фигуру на двѣ части, изъ которыхъ требуется составить правильный пятиугольникъ.



О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же** городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,
озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . 45 р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . 32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.
Въ Троице-Сергіевской лаврѣ: у о. Агапита, въ Новой гостинницѣ.
Въ Москвѣ: у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.
Въ Кіевѣ: у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостинницѣ.
Въ Воронежѣ: у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.
Въ Перми—у Аркадія Александровича Малѣева.
Въ Казани: у В. П. Заусайлова, въ своемъ домѣ. № 3788 3—2
Въ Одессѣ: у М. П. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, **Курскѣ, Кіевѣ**, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ **3-го** класса, только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли", по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно**, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

Дозвол. цензур., СПБ., 15 марта 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТР ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 марта 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

На гору. Орнг рис. (собств. „Нивы“) Н Кравченко, грав. Ольшевскій.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

I.

Еслибъ у Өедора Густавовича и Юліи Андреевны Таненбаумъ спросить зачѣмъ 20 лѣтъ тому назадъ они поженились—обоимъ имъ было-бы крайне трудно отвѣтить на этотъ вопросъ теперь. Въ сущности они вовсе не подходили другъ къ другу и, зная это, даже и не старались обманывать себя или одинъ другаго насчетъ своихъ отношеній. Начать съ того, что Өедоръ Густавовичъ былъ нѣмецъ, и нѣмецъ чистокровный — не только по фамиліи, но и по вѣроисповѣданію, по складу привычекъ и характера, по воспитанію, по убѣжденіямъ и даже по физіономіи. Онъ былъ патріотъ и по влеченію, и по принципу, и очень любилъ свою Германію, хотя родился и воспитался въ Россіи. Юлія Андреевна была русская, и если не отличалась особенною любовью къ отечеству и ко всему русскому, чувствуя себя въ этомъ отношеніи болѣе космополиткой, то и нѣмцевъ терпѣть не могла, и даже относилась со скептическимъ предубѣжденіемъ ко всей „нѣмечинѣ.“

Одно это уже служило источникомъ многихъ пререканій и несогласій между супругами. Они прожили другъ съ другомъ почти 20 лѣтъ, но это не сблизило ихъ и ни одного изъ нихъ не заставило болѣе симпатизировать націи другаго, напротивъ — долгое сожительство скорѣй еще обострило ихъ отношенія. Всѣ тѣ свойства жены, которыя Өедору Густавовичу особенно въ ней не нравились, онъ приписывалъ какъ-бы исключительно ея русскому происхожденію и воспитанію, и когда между супругами происходили ссоры, Өедоръ Густавовичъ всегда старался кольнуть этимъ Юлію Андреевну, говоря съ особенною ѣдкостью:

— О, на это только русскіе способны!

Чѣмъ всегда выводилъ ее изъ себя, задѣвая ея самолюбіе и внезапно приливавшій къ ней въ эти мгновенія патріотизмъ.

Өедоръ Густавовичъ находилъ Юлію Андреевну женщиной черствою, пустою и расточительною.

Юлія Андреевна находила Өедора Густавовича пошлымъ, глупымъ, скупымъ и, главное, ужасно вульгарнымъ. Все въ немъ, начиная съ его привычекъ, манеръ, выраженій, нѣмецкаго выговора и кончая его большими неуклюжими ногами и толстымъ, тупымъ, чисто нѣмецкимъ носомъ на полномъ красномъ лицѣ съ маленькими рыжими баками—шокировало и возмущало ее, и она говорила про него: „Ахъ, нѣмецъ!“ тономъ такого глубокаго презрѣнія, какъ будто всѣ самые оскорбительные эпитеты заключались въ одномъ этомъ словѣ.

Но двадцать лѣтъ тому назадъ они какъ-то больше подходили одинъ къ другому.

Өедоръ Густавовичъ былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ, нѣсколько сентиментальнымъ и влюбчивымъ; Юлія Андреевна была очень хорошенькая, бойкая дѣвушка, чрезвычайно желавшая выйти замужъ. Өедоръ Густавовичъ служилъ въ одной частной конторѣ, былъ на прекрасномъ счету у директоровъ и получалъ 2,000 руб. жалованья въ годъ. За Юліей Андреевной давали 20,000, которыхъ не было у Өедора Густавовича и которыя казались ему, по его скромному тогдашнему положенію, совсѣмъ не дурною придачей къ хорошенькому личику нареченной. Они давали ему возможность пустить ихъ въ оборотъ и начать какое-нибудь „свое“ дѣло. Къ тому-же, крестный отецъ Юліи Андреевны былъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ той компаніи, гдѣ служилъ Өедоръ Густавовичъ. Это тоже что-нибудь да значило. Они объяснились и поженились очень просто, какъ женятся тысячи людей, безъ особенно пламенной любви съ его стороны, но и безъ отвращенія съ ея стороны.

Это прошлое отошло уже очень далеко—и Юлія Андреевна, совсѣмъ не любившая вспоминать о немъ, почти не вѣрила теперь, чтобы могло быть такое время, когда она, Юлія Андреевна Таненбаумъ, могла бы находить Өедора Густавовича подходящимъ для себя мужемъ. Теперь этотъ бракъ казался ей несчастною случайностью, глупою поспѣшностью; она сердилась и на себя, за то что приняла его предложеніе, и на него, за то что онъ смѣлъ жениться на ней. Если-бы не приличія и не огромное богатство Өедора Густавовича, которое онъ нажилъ начавъ съ ея мизерныхъ двадцати тысячъ, она-бы давно уже разошлась съ нимъ. Послѣднее обстоятельство все-же нѣсколько примиряло ее съ нимъ.

Въ сущности они оба слегка побаивались другъ друга: Өедоръ Густавовичъ—потому, что въ случаѣ полнаго разрыва она могла ему сильно напортить во многихъ домахъ, а также и потому, что вообще боялся домашнихъ сценъ, крика и шума неизбѣжныхъ при семейныхъ ссорахъ, въ которыхъ женщина всегда сильна; Юлія-же Андреевна—потому, что въ случаѣ серьезной ссоры, Өедоръ Густавовичъ могъ прекратить ей выдачу ежемѣсячной суммы на булавки, которую даже она находила довольно крупною, и отказаться отъ уплатъ по безконечнымъ счетамъ разныхъ ея портнихъ, модистокъ, магазиновъ и проч. Но ни тотъ, ни другая не желали сознаться въ этомъ даже себѣ, и каждый изъ нихъ усвоилъ себѣ по отношенію другаго особый тонъ: она—легкой насмѣшки, онъ—добродушнаго презрѣнія и полнаго хладнокровія.

Впрочемъ, былъ одинъ общій пунктъ въ ихъ жизни, на которомъ они не только сходились во взглядахъ и желаніяхъ, но и отдавали полную справедливость другъ другу. Они оба дружно работали и стремились къ одной и той-же цѣли—разбогатѣть и, поднявъ значеніе своего дома и фамиліи Таненбаумъ, выйти въ люди. Они охотно и умно помогали въ этомъ одинъ другому. Юлія Андреевна даже сознавалась, что въ этомъ отношеніи Өедоръ Густавовичъ—мужъ очень удобный и подходящій, хотя бы ужъ по одному тому, что раздѣлялъ ея желанія и цѣли и не жалѣлъ денегъ для достиженія ихъ.

Өедоръ Густавовичъ, въ свою очередь, понималъ, что жена во многомъ помогла ему и, такъ сказать, подала ему ключъ отъ многихъ дверей, безъ которыхъ его величіе было-бы не только неполнымъ, но и лишеннымъ вліятельныхъ протекцій и связей, причемъ его финансовыя предпріятія удавались-бы пожалуй далеко не такъ блестяще. Вообще Юлія Андреевна умѣла придать всему его дому какой-то особенный train, къ которому онъ чувствовалъ большую слабость. А потому Өедоръ Густавовичъ не только мирился со всѣми недостатками своей жены, но въ душѣ даже отчасти гордился ею, какъ блестящею и элегантною представительницей его дома и фирмы. Еслибы ктонибудь заставилъ Юлію Андреевну откровенно сознаться въ ея самомъ горячемъ желаніи — она отвѣтила-бы: „нравиться и блистать!“ Это было даже болѣе чѣмъ простое желаніе: это было ея девизомъ, цѣлью и главною сутью жизни. Первое, благодаря ея красивой наружности, всегда ей болѣе или менѣе удавалось, но второе стало возможнымъ лишь въ послѣдніе годы, когда Өедору Густавовичу вдругъ повезло въ разныхъ его финансовыхъ оборотахъ и операціяхъ, и онъ началъ быстро богатѣть.

Съ этого времени, тамъ гдѣ не хватало однѣхъ денегъ Өедора Густавовича—дополняли тактъ и энергія Юліи Андреевны; гдѣ мало было одного ея такту и энергіи—помогали деньги Өедора Густавовича, которыя онъ въ

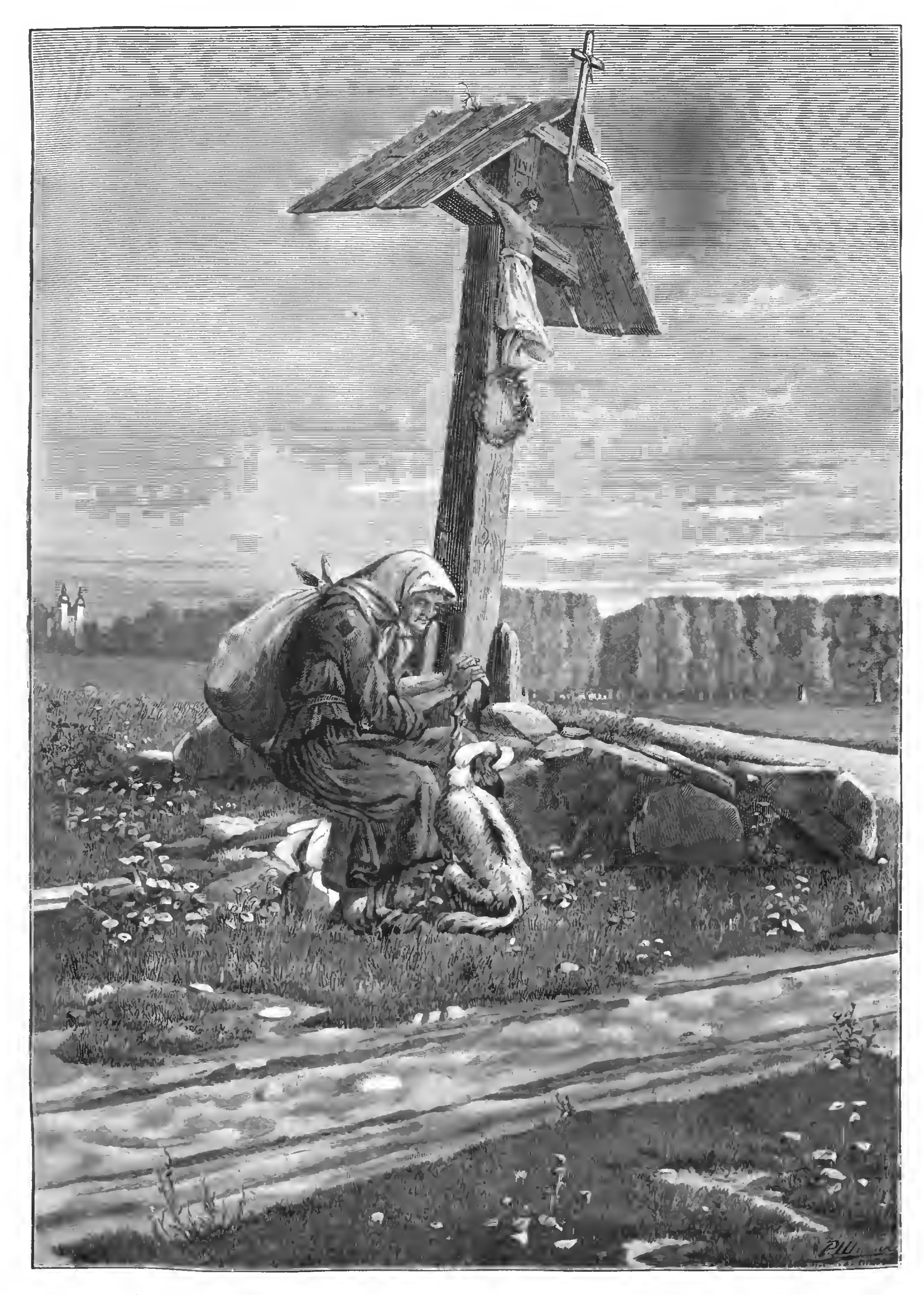
такихъ случаяхъ не скупился выбрасывать, со щедростью разбогатѣвшаго выскочки, желающаго пустить пыль въ глаза свѣту, куда его не пускали такъ долго и гдѣ на него до сихъ поръ глядѣли все еще со снисходительнымъ презрѣніемъ. Съ каждымъ годомъ, вечера даваемые Таненбаумами становились все многолюднѣе, оживленнѣе и такъ сказать значительнѣе. Съ каждымъ годомъ на нихъ улучшались и общество, и ужины. Пріемныя залы и гостиныя все роскошнѣе украшались дорогими картинами, рѣдкими коврами, вазами и растеніями, смѣнявшими постепенно прежнюю вульгарную, кричавшую позолоту и рыночную мебель. Вокругъ Таненбаумовъ группировался теперь даже собственный кружокъ денежной аристократіи, въ которомъ уже нерѣдко попадались лестные и пріятные для хозяйскаго уха титулы: madame la baronne, madame la comtesse и т. п.

Словомъ, Юлія Андреевна наконецъ вращалась въ избранномъ обществѣ, была представительницей богатаго дома, имѣла великолѣпныхъ лошадей и бриліанты, выписывала платья изъ Парижа, за ней ухаживали разные тузы и многія „аристократки" очень любезно улыбались ей изъ своихъ ложъ и закидывали къ ней время отъ времени свои изящныя визитныя карточки, украшенныя графскою короной. Ея вечера и туалеты не разъ описывались въ газетахъ, и входя порой въ свою абонированную ложу бель-этажа итальянской оперы, въ роскошномъ туалетѣ, который уже самъ по себѣ дѣлалъ изъ нея почти красавицу, и чувствуя какъ при ея появленіи на нее обращались завистливые взгляды женщинъ и восхищенные мужчинъ—Юлія Андреевна не могла удержаться отъ ликующей улыбки удовлетвореннаго тщеславія. Наконецъ-то она добралась до вершины той горы, которая когда-то казалась ей недосягаемой! Она чувствовала себя счастливою, торжествующею и возвышающеюся надъ всей этой жалкой толпой, которая сидитъ въ театрѣ въ заднихъ рядахъ креселъ и таскается на извощикахъ. Съ эластичныхъ подушекъ своей коляски на резиновыхъ шинахъ она кидала гордый взглядъ и презрительную улыбку на всю эту ничтожную *улицу*. Когда-то и она бѣгала пѣшкомъ въ грязныхъ резиновыхъ калошахъ и дешевой шубкѣ, пробираясь въ уличной толпѣ и останавливаясь предъ освѣщенными витринами разныхъ магазиновъ, прельщавшихъ ее своими пестрыми товарами,—смотрѣла и на нихъ и на несущіеся мимо экипажи съ безсильной завистью и страстнымъ желаніемъ. Тогда она была просто Юлинька Ивина, дочка некрупнаго чиновника, скопившаго ей маленькое приданое только благодаря своей чрезмѣрной скупости, изъ-за которой и жена, и дочь его принуждены были жить почти по-нищенски. Тогда она обрадовалась какъ счастью даже этому ужасному для нея теперь Ѳедору Густавовичу, первому кто сдѣлалъ ей предложеніе. Но теперь время это отошло уже такъ далеко, что объ немъ забыли не только другіе, но и сама Юлія Андреевна. Теперь, если на ея блестящее положеніе и падала нѣсколько сомнительная тѣнь, то виной этому былъ самъ ея мужъ, походившій болѣе на лавочника чѣмъ на аристократа. Какъ ни билась надъ нимъ долгіе годы Юлія Андреевна—такъ и не могла отшлифовать его хотя-бы настолько, чтобы не краснѣть за него предъ обществомъ. Ее-же время и общество такъ выработали, что, когда она входила въ гостиную, стройная и изящная, или садилась въ свою карету подсаживаемая ливрейнымъ лакеемъ, ее безусловно можно было принять за кровную аристократку съ прекраснымъ, благороднымъ лицомъ и безукоризненными манерами. Лѣта Юліи Андреевны подошли теперь какъ разъ къ тому возрасту, когда въ свѣтѣ объ нихъ начинаютъ любезно умалчивать и забывать, если женщина сама по себѣ еще красива и интересна. А Юлія Андреевна безспорно была и красива, и очень интересна, не смотря на то, что ей шелъ уже 38-й годъ. На видъ ей можно было дать скорѣй десятью годами меньше, чѣмъ двумя больше. Въ свѣтѣ она была извѣстна болѣе подъ именемъ Julie Таненбаумъ, и это имя, хорошенькое и граціозное, очень шло къ ея моложавой фигурѣ и уже само по себѣ какъ-бы молодило ее. Одѣвалась она всегда прелестно и мастерски умѣла пользоваться всѣми данными имѣвшимися у нея въ распоряженіи. А такъ какъ въ томъ обществѣ, которое она называла „свѣтомъ", Таненбаумы начали появляться довольно поздно и не успѣли еще слишкомъ примелькаться въ немъ,—то, не зная навѣрное ея лѣтъ, всѣ давали ей гораздо меньше чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Говорили, что ей нѣтъ даже тридцати. Юлія Андреевна, знавшая это, конечно предпочитала оставлять всѣхъ на этотъ счетъ въ пріятномъ недоразумѣніи.

Но въ послѣднее время маленькій подлогъ этотъ сталъ все больше и больше безпокоить ее. Еще никогда, за всю жизнь свою, Юлія Андреевна не имѣла столько успѣха и поклонниковъ какъ теперь, а она любила и ухаживанія, и успѣхъ, и свою красоту, и лишиться всего этого, почему-бы то ни было, ей очень не хотѣлось. Имѣть взрослую дочь—для такой женщины—фактъ не всегда пріятный. А для Юліи Андреевны онъ былъ тѣмъ непріятнѣе, что объ немъ почти никто не зналъ. Она не спѣшила его разсказывать, откладывая эту необходимость до рѣшительной минуты, и это удавалось ей тѣмъ болѣе, что дѣвочка воспитывалась въ московскомъ институтѣ, а праздники и каникулы проводила большей частью въ Москвѣ-же, у своей тетки, родной сестры Ѳедора Густавовича. Прошлою весной Софи окончила курсъ и уѣхала на лѣто къ теткѣ въ деревню, но было рѣшено, что осенью она вернется въ родительскій домъ и останется жить уже въ Петербургѣ, такъ какъ Tante Luise,—которую, сказать къ слову, Юлія Андреевна терпѣть не могла, какъ и вообще всю родню мужа,—находила, что молодой дѣвушкѣ настала теперь пора выѣзжать въ свѣтъ, чего Tante Luise не могла доставить ей, на свои очень ограниченныя средства, въ такихъ размѣрахъ какъ могли это дѣлать Таненбаумы. Юлія Андреевна не протестовала, конечно, находя подобный протестъ неловкимъ, неприличнымъ и даже безполезнымъ для себя, тѣмъ болѣе что Ѳедоръ Густавовичъ давно уже желалъ взять дочь къ себѣ и еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ пытался перевести ее въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ; но тогда противъ этого возстали и Tante Luise, очень любившая племянницу, которая замѣняла ей умершую дочь, и сама Юлія Андреевна, не видѣвшая въ томъ никакой необходимости. Теперь-же необходимость явилась. Взрослой дочери супруговъ Таненбаумъ не подобало жить въ чужомъ домѣ, когда у нея имѣлся собственный, и волей-неволей Юліи Андреевнѣ приходилось покориться, взять дочь къ себѣ и вывозить ее, тогда какъ въ душѣ Юлія Андреевна именно этого-то и не хотѣла.

И вотъ все очарованіе ея молодости и красоты разомъ исчезнетъ, какъ только подлѣ нея увидятъ восемнадцатилѣтнюю дочь! Женщина у которой такая большая дочь — не считается уже молодою; эта дочь только вредитъ выгодному впечатлѣнію производимому ея матерью, являясь какъ-бы неоспоримою, документальною уликой истинныхъ лѣтъ, и невольно отрицаетъ кажущуюся молодость и красоту ея. Юлія Андреевна прекрасно это сознавала и заранѣе уже мучилась, предчувствуя, какъ всѣ ея милыя пріятельницы, въ душѣ всегда ей завидовавшія и злившіяся за отбитыхъ поклонниковъ, первыя закричатъ, что она, Юлія Андреевна Таненбаумъ, страшно молодится, что ея дочери уже 20 лѣтъ, а ей самой по крайней мѣрѣ 40, если не больше еще,—и будутъ злобно подсмѣиваться за ея спиной, сосредоточивая на ней весь ядъ своего злобнаго остроумія, когда увидятъ ея пораженіе и разочарованіе всѣхъ

Русскіе типы. Крестьянка Новгородской губерніи, Старорусскаго уѣзда.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Томашевича, грав. Шюблеръ.



На Литвѣ. Подъ сѣнію креста. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Р. Штейна, грав. Шюблеръ.

ея поклонниковъ. А говоря съ ней—будутъ обращаться къ ней съ тою милою, любезною колкостью, которая одна уже будетъ дѣлать ее смѣшной и старой. Смѣшной и старой! въ самый разгаръ ея жизни! Когда она такъ хочетъ жить, наслаждаться, блистать, хочетъ чувствовать себя молодою, красивою и сильною! И въ этотъ моментъ ей приходится уступить дорогу другой, а себѣ сказать: „довольно съ тебя, ты ужь пожила!“ И жизнь станетъ такой пустою, безцвѣтною, безсодержательною... Она предчувствовала заранѣе, что не будетъ въ состоянiи обходиться безъ этого угара жизни, съ ѳимiамомъ лести, комплиментовъ и поклоненiя! Добиться всего этого съ такимъ трудомъ—и уступить все дѣвчонкѣ! Теперь Юлiя Андреевна сердилась на себя, зачѣмъ она такъ тщательно скрывала всегда существованiе своей старшей дочери. Для многихъ ея появленiе будетъ полнымъ сюрпризомъ, и тѣмъ комичнѣе будетъ скандалъ. Что̀ значитъ вывозить? Это значитъ таскать дѣвушку всюду за собой: и на вечера, и въ театръ, и на прогулку; то есть все равно что наклеить себѣ на лобъ свое метрическое свидѣтельство! Даже и то было-бы лучше, по крайней мѣрѣ тогда-бы знали всѣ, что ей 38 лѣтъ, а теперь прокричатъ, что ей и всѣ 45! И уже ничто не предотвратитъ этого злополучнаго событiя, за Софи уже уѣхала Miss Morrison и сегодня утромъ онѣ прiѣдутъ въ Петербургъ съ почтовымъ поѣздомъ.

И Юлiя Андреевна, какъ опытный, но страстный полководецъ, горѣла нетерпѣнiемъ дать скорѣе рѣшительное сраженiе своей дочери. Если ужь ничто не можетъ предотвратить ея появленiя, то пусть оно совершится скорѣй, пускай всѣ увидятъ ее! Она познакомитъ съ дочерью свѣтъ—но не исподволь, не постепенно, а разомъ. Она не хочетъ каждый день выслушивать отъ разныхъ новыхъ лицъ одни и тѣ же удивленные вопросы съ насмѣшливыми взглядами и улыбками. Нѣтъ, она воспользуется предлогомъ возвращенiя Софи, дастъ балъ, первый еще у нихъ въ этомъ сезонѣ, и покажетъ всѣмъ сразу свою большую дочь. И Юлiя Андреевна тщательно готовилась къ этому событiю, которое могло многое перемѣнить въ ея жизни.

Она заранѣе обдумывала какъ будетъ держать себя и относительно дочери, и относительно прiятельницъ, и относительно поклонниковъ. Обдумывала свой туалетъ. Туалетъ который былъ бы изысканъ, но простъ и строгъ, и который еще сильнѣе выказалъ бы ея красоту. Пожалуй она покажетъ свѣту, что готова назвать себя старухой и уступить мѣсто дочери; но всѣ его представители, которыхъ въ этотъ день она постарается особенно ослѣпить своею красотой, остроумiемъ и интересностью, должны будутъ сами разубѣдить ее въ этихъ неосновательныхъ предположенiяхъ, и отдавъ дань ея красотѣ въ этотъ день болѣе чѣмъ когда бы то ни было, доказать ей самой всю силу ея молодости и красоты.

Да, она будетъ бороться, но такъ тонко и умно, что борьбы этой никто не замѣтитъ — увидятъ только ея побѣду. До сихъ поръ эта сѣренькая Софи, которая точно вся пропиталась нѣмецкими взглядами своихъ милѣйшихъ родственниковъ, была очень тиха и скромна, но теперь она конечно покажетъ себя. Между нею и дочерью никогда не было нѣжности — и конечно она, Юлiя Андреевна, не такъ глупа чтобы ожидать отъ нея какой-нибудь любви; напротивъ, нужно быть всегда на-сторожѣ и приготовиться ко всякаго рода прiятнымъ сюрпризамъ.

— Я увѣрена, что она нарочно будетъ вездѣ мнѣ вредить! сказала Юлiя Андреевна и сердито дернула сонетку. Былъ десятый часъ утра, она давно уже проснулась, но все еще лежала въ постели, занятая своими непрiятными размышленiями и чувствуя что встанетъ въ самомъ дурномъ расположенiи духа.

— Я увѣрена, увѣрена, повторяла она, какъ бы нарочно раздражая самоѐ себя, но вдругъ какое-то чувство неловкости и смущенiя шевельнулось въ глубинѣ ея души.

Все-таки же дочь... Ну такъ что же? Развѣ можно взять и вложить въ себя насильно то чувство, котораго нѣтъ? И развѣ она виновата что это чувство не вложено ей самой природой? Вѣдь вотъ-же Нэдъ не вызываетъ въ ней этой недоброжелательности и антипатiи, а вѣдь та будетъ куда опаснѣе Софи, и опасность эта не за горами: еще года три-четыре — и съ Нэдъ ужь не справишься... Но та хоть хорошенькая, интересная, она и теперь, не смотря на свои годы, уже умѣетъ нравиться мужчинамъ; той и мѣсто уступить какъ-то не такъ жаль и оскорбительно. А эта!.. „Нѣмка, совсѣмъ нѣмка“, твердила она съ тою глубокою антипатiей къ нѣмцамъ и ко всему нѣмецкому, которая овладѣвала Юлiей Андреевной особенно сильно въ минуты раздраженiя и ссоръ ея съ мужемъ. И эта „нѣмечина“ въ родной дочери еще больше возстановляла Юлiю Андреевну противъ Софи.

Она опять нетерпѣливо дернула сонетку и сердито накинулась на вошедшую горничную:

— Ну что же вы пропали! Я два часа васъ звоню!

Горничная неохотно отвѣтила что-то въ свое оправданiе, но Юлiя Андреевна не слушала ее:

— Я еще съ вечера велѣла вамъ разбудить себя въ девять часовъ, а теперь уже одиннадцать скоро!

— Теперь только девять.

— Ахъ, не разсуждайте пожалуйста. Вы должны только слушать и исполнять мои приказанiя, а не умничать по своему.

Лицо горничной сердито вспыхнуло.

— Вы приказали разбудить васъ въ девять часовъ, а теперь всего пять минутъ десятаго. Если вы, сударыня, находите что я не исполняю вашихъ приказанiй и дурно вамъ служу — вы можете дать мнѣ разсчетъ, сказала она рѣзко и съ тою заносчивою нотой въ голосѣ, которая ясно показывала, что она умѣетъ служить прекрасно и нужна барынѣ по многимъ причинамъ, а потому барыня должна быть съ ней любезна и вѣжлива, иначе она сама съумѣетъ постоять за себя.

Это была высокая, худая дѣвушка, съ желтымъ некрасивымъ лицомъ, умными глазами и тонкимъ, хитрымъ ртомъ. На видъ ей казалось лѣтъ тридцать, тридцать пять, и она держала себя съ самоувѣренною, спокойною манерой, которая нерѣдко прiобрѣтается горничными, привыкшими служить въ богатыхъ домахъ, у важныхъ, но имѣющихъ маленькiе грѣшки барынь.

Юлiя Андреевна терпѣть не могла своей сухопарой горничной—и хотя по нѣкоторымъ причинамъ очень дорожила ею, но тѣмъ не менѣе охотно отдѣлалась бы отъ нея, еслибъ это не было уже слишкомъ поздно теперь. Сегодня она была такъ раздражена, что чувствовала невольную потребность выместить хоть на комъ-нибудь это раздраженiе. Но вымещать его на Аннѣ было всегда для нея довольно опасно, и выместивъ его, Юлiя Андреевна сразу вдругъ вспомнила про эту непрiятную опасность и слегка даже испугалась. Каждая такая вспышка стоила ей потомъ платья или денегъ. А Юлiя Андреевна, въ которой, не смотря на богатство и расточительность, еще оставались слѣды мелкой, мѣщанской скупости, перешедшей къ ней отъ отца, совсѣмъ не любила этихъ частыхъ подарковъ.

Нѣтъ, сегодня ужь это день какой-то незадачный ей выдался! Теперь эту противную Анну опять придется задабривать своимъ платьемъ! И какъ на грѣхъ она всѣ старыя уже раздарила, придется жертвовать пожалуй еще новымъ! И мысленно Юлiя Андреевна старалась припомнить, которое изъ нихъ хуже всѣхъ. Сколько разъ она давала себѣ слово быть сдержаннѣе и осторожнѣе съ этою ханжой и какъ нарочно послѣднее время раздражается все чаще и чаще!

Накинувъ изящный утренній халатъ, Юлія Андреевна сѣла передъ зеркаломъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа. И барыня, и горничная дулись другъ на друга. Расчесывая волосы Юліи Андреевны, Анна сегодня совсѣмъ не стѣснялась и не жалѣя дергала ихъ, какъ бы вымещая этой болью на своей барынѣ и ея оскорбленіе, и свое неудовольствіе.

Юліи Андреевнѣ хотѣлось вырвать гребенку изъ рукъ горничной, за ту дерзость, съ которой та спокойно и безцеремонно рвала ея волосы, но предчувствуя что изъ-за этого выйдетъ пожалуй слишкомъ большая исторія, сдерживалась насколько возможно; подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ мелкихъ непріятностей и сѣраго, унылаго утра петербургской мокрой осени, Юліи Андреевнѣ весь міръ, и всѣ люди, и даже самая жизнь, всегда такъ баловавшая ее, казались теперь противными и несносными, и она готова была заплакать отъ клокотавшаго въ ней раздраженія и какой-то тоски... Причесавшись, Юлія Андреевна вѣлѣла звать къ себѣ Нэдъ съ M-elle Mignard.

II.

Не смотря на то что Нэдъ водили еще въ короткихъ платьяхъ, чесали à l'enfant и держали совсѣмъ на положеніи „bébé“ — она сознавала себя очень хорошенькою дѣвочкой и на ея лицѣ всегда сквозила кокетливая плутоватость, показывавшая что она все понимаетъ и отлично знаетъ себѣ цѣну, а если и подчиняется довольно охотно короткому платью и прическѣ à l'enfant, то только потому что у нея прелестные волосы и хорошенькія ножки, которыми она очень любила пококетничать. Это была граціозная, живая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, съ тѣмъ золотисто-бѣлокурымъ цвѣтомъ волосъ, который часто попадается у нѣмцевъ и который она унаслѣдовала отъ отца вмѣстѣ съ его голубыми глазами; но черты, ростъ и манеры она взяла у матери, и они красили ее, придавая ей то врожденное изящество, которымъ отличалась Юлія Андреевна. Нэдъ сознавала, что она уже умѣетъ нравиться мужчинамъ, и чувствовала что если она въ наиболѣе интересныхъ изъ нихъ видитъ будущихъ героевъ своихъ романовъ, то и они, въ свою очередь, уже предчувствуютъ въ ней прелестную женщину, которая развернется и покажетъ свои силы въ недалекомъ будущемъ. Какъ бы заранѣе уже заискивая въ ней, золотая молодежь и разные почтенные старцы, наполнявшіе всегда гостиныя ея матери, уже начинали слегка ухаживать за ней, говорить ей комплименты и привозить нарядныя бонбоньерки.

Нэдъ страстно мечтала скорѣй вырости, сдѣлаться „совсѣмъ“ взрослою дѣвушкой, начать выѣзды, имѣть поклонниковъ и наконецъ выйти замужъ, послѣ чего только и начиналась, по ея понятіямъ, уже совсѣмъ настоящая жизнь, потому что пока она будетъ состоять при „maman“, ея свобода и независимость все еще будутъ въ очень сильномъ подчиненіи и ей невозможно будетъ развернуться вполнѣ.

Засыпая порой подъ звуки вальса и говора, доносившихся къ ней изъ зала, она мечтала о томъ времени когда наконецъ будетъ дѣйствовать и сама. Она мысленно примѣряла къ себѣ роскошные туалеты и видѣла себя то въ блестящихъ бальныхъ залахъ, окруженною влюбленными въ нее безъ ума поклонниками, то въ прелестномъ, таинственномъ будуарѣ, обливаемомъ слабымъ свѣтомъ восточнаго фонаря и пропитанномъ ароматами живыхъ цвѣтовъ и благоуханіемъ раскрытыхъ флаконовъ съ духами. Воображала, какъ самый красивый, богатый и интересный молодой человѣкъ, за которымъ всѣ будутъ гоняться и котораго она отобьетъ у какой-нибудь первой красавицы, вмѣстѣ съ правами на первенство красоты, шепчетъ ей въ этомъ очаровательномъ будуарѣ страстное признаніе въ любви, а она, прелестная и сводящая его съ ума своимъ кокетствомъ, смѣется и мучаетъ его...

Нэдъ впрочемъ уже была немножко влюблена, избравъ себѣ такъ-сказать перваго героя; это былъ Бахмановъ, считавшійся однимъ изъ самыхъ интересныхъ львовъ ихъ кружка и ухаживавшій за ея матерью.

Нэдъ скептически смотрѣла на нѣжную любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, не чувствуя ея не только въ себѣ, но почти не признавая и въ другихъ. Если же ей случалось замѣчать нѣчто подобное въ комъ-нибудь изъ своихъ сверстницъ, то это только смѣшило и удивляло ее. Она не понимала почему она должна обожать свою maman, когда эта maman вѣчно только „мудритъ“ надъ нею. Отца она не то чтобы любила, но предпочитала матери. Онъ ее больше баловалъ, дарилъ ей деньги и подарки, и она охотно ласкалась къ нему, зная что отъ него всегда легче добиться чего хочется, нежели отъ матери. Нэдъ признавала любовь только по отношенію мужчинъ къ женщинамъ и женщинъ къ мужчинамъ. Но и тутъ ей казалось гораздо болѣе естественнымъ и приличнымъ чтобы мужчины влюблялись въ женщинъ и сходили по нимъ съ ума, мучались, терзались и при случаѣ пожалуй даже стрѣлялись; если же что-нибудь подобное дѣлали женщины— то это казалось ей уже смѣшно, глупо и даже неприлично. Женщина должна приказывать, мужчина—повиноваться; женщина должна увлекать, мужчина—влюбляться. Чѣмъ больше у женщины жертвъ, тѣмъ больше для нея чести, тѣмъ она значитъ красивѣе, умнѣе и интереснѣе. Нэдъ мечтала, что со временемъ изъ-за нея непремѣнно должны застрѣлиться нѣсколько человѣкъ. Это придаетъ женщинѣ какую-то особенную пикантность. Такъ обыкновенно было въ тѣхъ французскихъ романахъ, которые она прочитывала тайкомъ въ своей комнатѣ и въ которыхъ воспѣвались разныя жестокія красавицы, чрезвычайно нравившіяся Нэдъ. Нэдъ помнила какъ, годъ тому назадъ, изъ-за одной подруги ея матери застрѣлился какой-то господинъ и какъ потомъ всѣ мужчины бѣгали и ухаживали за этой Лоло, какъ-будто впервые только понявъ ея очарованіе. Нэдъ видѣла нѣсколько разъ эту курносенькую брюнетку и хотя находила что въ ней нѣтъ ничего особеннаго, но тѣмъ не менѣе завидовала ей и восхищалась ея умѣніемъ кружить мужчинамъ головы. Въ глазахъ Нэдъ она была героиней, и Нэдъ старалась подражать ей, изучая ея манеру, разговоры, взгляды и позы.

Свѣтскія сплетни изъ гостиной Юліи Андреевны долетали и до дѣтской Нэдъ, гдѣ съ чрезвычайнымъ интересомъ и любопытствомъ обсуждались ею вмѣстѣ съ ея воспитательницей M-elle Mignard, съ которой Нэдъ была очень дружна.

M-elle Mignard поступила въ домъ Таненбаумовъ года полтора назадъ, когда Нэдъ только что стала развертываться, прозрѣвать и думать не объ однихъ пирожкахъ и куклахъ. M-elle Mignard незадолго предъ тѣмъ пріѣхала изъ Парижа, гдѣ служила продавщицей въ перчаточномъ магазинѣ и гдѣ ей наговорили что въ Россіи женщина, да еще парижанка, можетъ нажить золотыя горы. Къ сожалѣнію для M-elle Mignard, она пріѣхала нѣсколько поздновато для спекуляціи своею завядшею красотой, которою впрочемъ и въ молодости не особенно отличалась.

Горько разочаровавшись въ своихъ надеждахъ, M-elle Mignard наконецъ публиковала въ газетахъ, что пріѣхавшая изъ Парижа француженка желаетъ поступить гувернанткой или воспитательницей къ дѣтямъ аристократическаго дома. Послѣ чего и была взята Юліей Андреевной для маленькой Нэдъ.

M-elle Mignard обладала чрезвычайно веселымъ нравомъ, при уживчивомъ характерѣ и нѣкоторой до-

лѣ невинной хитрости. Маленькая, живая, со вздернутымъ носомъ и бойкими, бѣгающими глазками, смуглая брюнетка, она любила одѣваться пестро и украшать себя яркими лентами, поддѣльными золотомъ и брильянтами.

Она скоро поняла, что у Таненбаумовъ можетъ устроиться прекрасно и съ такимъ комфортомъ, какого никогда ужъ конечно не видала у себя въ Парижѣ, въ своей мансардѣ и перчаточномъ магазинѣ— нужно только всѣмъ понравиться и со всѣми ужиться. И составивъ планъ, M-elle Mignard повела свою атаку.

Юлія Андреевна находила ее очень симпатичною и полезною, видя что при ней Нэдъ сдѣлала замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и произношеніи. Къ тому-же, была и другая причина. Съ M-elle Mignard Ѳедоръ Густавовичъ не смущалъ жену своимъ ухаживаніемъ, тогда какъ прежней гувернанткѣ она принуждена была отказать именно вслѣдствіе этого недоразумѣнія. Не то чтобы она ревновала—въ сущности ей было рѣшительно все равно чѣмъ развлекается ея „благовѣрный,“ но она не желала допускать ничего подобнаго у себя въ домѣ.

M-elle Mignard умѣла всегда занять гостей, если въ томъ случалась надобность, и развлечь Юлію Андреевну, когда та скучала.

Ѳедоръ Густавовичъ, со своей стороны, нисколько не ухаживая за M-elle Mignard и называя ее даже безобразной, тѣмъ не менѣе очень благоволилъ къ ней и любилъ поболтать съ нею за обѣдомъ, находя ее забавной и остроумной. Но главное, M-elle Mignard почти сразу съумѣла поладить со своей непокорною воспитанницей, которая раньше приводила въ отчаяніе всѣхъ своихъ воспитательницъ. M-elle Mignard сразу попала ей въ тонъ и нашла ея слабыя струны. Она восторгалась остроуміемъ Нэдъ, говоря ей на ушко, что Нэдъ будетъ гораздо красивѣе и интереснѣе своей maman, красота которой est un peu trop russe; впрочемъ почти то же самое M-elle Mignard говорила и мамашѣ, увѣряя ее, что, не смотря на красоту ея дѣтей, имъ далеко до красоты матери, которая почти совершенство Нэдъ быстро сошлась съ ней и дѣлилась съ нею всѣми мечтами и желаніями.

Будучи сама женщиной некрасивою, но влюбчивою, съ присущей французамъ восторженностью и добрымъ сердцемъ, M-elle Mignard, потерявшая надежды на осуществленіе своихъ желаній, отъ души сочувствовала мечтамъ своей хорошенькой ученицы, предсказывала ей въ будущемъ огромные успѣхи и, увлекаясь вмѣстѣ съ нею, заранѣе преподавала маленькіе уроки женскаго кокетства.

Онѣ спали въ одной комнатѣ и были дружны какъ однолѣтки. Иногда, уже лежа въ постели, M-elle Mignard съ восторгомъ переносилась мысленно въ свое прошлое, протекшее въ миломъ Парижѣ, и разсказывала Нэдъ разные забавные случаи, пикантныя приключенія и любовныя исторіи изъ своей жизни и жизни разныхъ своихъ парижскихъ пріятельницъ, а иногда давала Нэдъ, тайкомъ отъ maman, а главное отъ этой bigote de Morrison, взявъ съ нея предварительно честное слово о полномъ молчаніи, кое-какіе французскіе романы, большею частью бульварной литературы, которую M-elle Mignard предпочитала всякой другой и которая имъ обѣимъ еще больше раздражала воображеніе кровавыми тайнами, баснословными богатствами и невѣроятными похожденіями разныхъ героевъ и героинь.

M-elle Mignard усердно старалась позабавить и развить еще больше свою понятливую ученицу, добродушно и почти безсознательно развращая ея умъ и душу Нэдъ-же, въ свою очередь, такъ привязалась къ своей снисходительной и веселой наставницѣ, что клялась ей никогда не разставаться съ нею, и обѣщала, выйдя даже замужъ, взять ее къ себѣ въ компаньонки и поѣхать вмѣстѣ въ Парижъ.

Въ домѣ Таненбаумовъ у M-elle Mignard былъ только одинъ серьезный врагъ—это сухая, высокомѣрная и строгая англичанка, Miss Morrison, которая не выносила вертлявой француженки. Впрочемъ, англичанку почти никто въ домѣ не любилъ, начиная отъ Нэдъ, которая ее терпѣть не могла, и кончая даже добродушнымъ Ѳедоромъ Густавовичемъ, который почему-то ее слегка побаивался. Но англичанка жила въ домѣ уже шесть лѣтъ и поступила къ Таненбаумамъ прямо изъ дома свѣтлѣйшей княгини ***, у которой воспитала дочь вышедшую уже замужъ, а потому Юлія Андреевна держала ее, наперекоръ собственному желанію, находя что она придаетъ ихъ дому особенный, строго-аристократическій тонъ.

(Продолженіе будетъ).

Божье дитя.

А. В. Стерна.

I.

— Да что вы, матушка, успокойтесь, о чемъ же такъ убиваться-то! говорила пожилая толстая акушерка, Марья Васильевна, молоденькой матери, которой поднесла завернутаго въ пеленки, новорожденнаго сына – не плачьте голубушка, вѣдь это можетъ повредить вамъ

— Ахъ жалко, Марья Васильевна говорвла молодая женщина безпомощно мечась по подушкѣ, — ахъ жалко жалко мнѣ его!

Она вскидывала свои поразительно темные глаза—глаза погубившіе ее—на Марью Васильевну съ такимъ отчаяніемъ, что та не могла равнодушно вынести этого взгляда и украдкой вытирала слезы.

— Чего жалко-то! Ну, мы погодимъ отвозить его, погодимъ—тамъ видно будетъ Не плачьте, не плачьте, матушка, говорила добрая женщина тѣмъ тономъ, которымъ нянюшки успокаиваютъ больныхъ дѣтей; она, исе еще держа младенца на рукахъ, присѣла на краишекъ постели.

— Нѣтъ-ли у васъ здѣсь родныхъ или знакомыхъ? можетъ кто, на первое время, и поможетъ вамъ... Нѣтъ-ли у васъ кого, моя прекрасная? Черкните словечко, а я пошлю.

— Есть у меня подруга одна... замужемъ, богатая.. Были друзьями въ институтѣ.

— Напишите ей, моя хорошая, я съ дворникомъ пошлю... авось, Богъ милостивъ, она сжалится надъ вами.

На другое утро къ квартирѣ Марьи Васильевны подкатила коляска на гутаперчевыхъ шинахъ; изъ нея съ помощью лакея вышла молодая элегантная дама.

— Здѣсь акушерка Фихнеръ?

— Здѣсь, здѣсь, сударыня, пожалуйте.

— У васъ Елена Яковлевна Занобина?

— Пожалуйте, пожалуйте.

— Ахъ, право, говорила элегантная дама Марьѣ Васильевнѣ, шурша по крашеному полу своимъ шелковымъ платьемъ,—ахъ, какъ это непріятно! я едва выпросилась у мужа, не хотѣлъ пускать: но нельзя же не навѣстить эту несчастную—были подругами

— Что же дѣлать, сударыня, не всякому на свѣтѣ счастіе написано проговорила Фихнеръ не безъ сарказма, какъ бы обидѣвшись за Елену,—а тутъ (она указала жестомъ на сосѣднюю комнату)—невѣдомое мнѣ, но великое, страшное горе... Сударыня; если можете облегчить—облегчите.. А ребеночекъ славный, продолжала она уже совсѣмъ другимъ, иеселымъ тономъ,—на рѣдкость ребеночекъ, извольте посмотрѣть . Повремените немного, я предупрежу Елену Яковлеину, обрадую ее.

Когда Анна Павловна Тербмнина, жена крупнаго финансоваго дѣльца, бывшая подруга Лёли Занобиной, вошла въ маленькую полутемную комнатку, изъ которой пахло уксусомъ, деревяннымъ масломъ и мятой, ее истрѣтилъ взглядъ огромныхъ жалобныхъ глазъ.

— Ахъ, Елена, воскликнула Тербинина,—какъ это ужасно, какъ ужасно! Думала-ли я, что когда-либо встрѣчусь такимъ образомъ съ тобою!

Занобина и по красотѣ, и по ученью превосходила въ институтѣ Анну Павловну, которая исегда немного завидовала ей, и чувствовать теперь свое нравственное превосходство передъ нею было не безъ пріятности.

— Не укоряй, простонала Елена,—тяжело... охъ, какъ тяжело и безъ того!

— Какъ дошла ты до этого?

Литературный альбомъ. „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, Жуковскаго.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Флюгель.

Несчастная ничего не отвѣчала, только подняла на подругу свои удивительные глаза.

— Что же не протянешь мнѣ руки, вымолвила она помолчавъ, — или боишься?

Анна Павловна осторожно протянула руку; Елена схватила ее и покрыла страстными поцѣлуями.

— О, Господи, благодарю Тебя! шептала она, — хоть одинъ человѣкъ сжалился надо мною, о Господи!

— Ну вотъ опять слезы! Ахъ, матушки мои, тоска какая съ вами; за другой княгиней столько не ухаживаешь! проговорила Марья Васильевна въ сердцахъ, что и сама не можетъ совладать съ расходившимися нервами; даже Анну Павловну, что называется, пробрало: въ ея небольшихъ, голубыхъ глазахъ показались слезы.

— Ты видѣла того... ребеночка-то моего? говорила Елена прерывающимся голосомъ, — ахъ, жалко! ничѣмъ не виноватъ онъ, жалко мнѣ его, Аня... Если умру, продолжала она съ страстной мольбою,—не оставь ты его... не допусти... возьми ты его къ себѣ. Обѣщай, что возьмешь!

— Да что это, право, здоровая совсѣмъ умирать собралась! Развѣ такія здоровенныя умираютъ? Перекреститесь, матушка! говорила Марья Васильевна.

Но Елена, не обращая на нее вниманія, все также молила Анну Павловну:

— Обѣщай, что возьмешь, не покинешь его, не оставишь бездомнымъ.

— Ахъ, Боже мой! зачѣмъ тебѣ нужно это обѣщаніе? Ты совсѣмъ здорова, вотъ и M-me Фихнеръ говоритъ... Я конечно всегда готова сколько могу... сколько позволитъ мужъ, я всегда рада помочь тебѣ...

— Обѣщай, что возьмешь.

— Если тебя это можетъ успокоить, пожалуй, обѣщаю, хотя...

— Марья Васильевна, вы слышали? Обѣщала она, обѣщала! О, Господи, благодарю Тебя!

Выходя, Анна Павловна спросила акушерку:

— Она совсѣмъ здорова, неправда-ли? Нѣтъ никакой опасности, вы ручаетесь?

— Насколько могу, за родильницу ручаюсь, она совершенно здорова.

— А то это мое легкомысленное обѣщаніе... положимъ, вынужденное; но вы понимаете, очень было бы непріятно...

— Будьте покойны, сударыня, будьте покойны, — никакой опасности.

Однако въ ту же ночь Марья Васильевна была разбужена страшными стонами молодой родильницы; не подозрѣвая что съ нею и не зная какъ помочь, акушерка кинулась за докторомъ; но когда она привела его, всякая помощь была уже безполезна—Елена умирала. Еще съ вечера она отравилась. Она сама доктору указала на стаканъ.

— Простите, были послѣднія слова произнесенныя ею,—такъ *ему* будетъ лучше.

На ночномъ столикѣ, подъ стаканомъ недопитой, ядовитой жидкости, была найдена записка на имя Анны Павловны.

„Сдержи свое обѣщаніе“, гласила она, „дай пріютъ моему сыну, дай ему домъ, котораго я никогда не знала и котораго не могу ему дать, я—нищая, опозоренная.“

II.

— Что же мнѣ дѣлать теперь? говорила Анна Павловна, прочтя письмо врученное ей Марьей Васильевной.

— Что знаете, матушка. Разодолжила меня ваша подруга, нечего сказать, этакую штуку выкинула! Никогда еще въ домѣ моемъ не бывало этого... Что съ младенцемъ-то прикажете дѣлать?

— Право, не знаю...

— Что же вѣдь, сударыня, если правду говорить, онъ ничѣмъ не виноватъ, не отвѣтчикъ онъ за грѣхи родителей, Божье онъ дитя. Вы обѣщались беречь его, при мнѣ обѣщались; грѣхъ вамъ будетъ...

— Но это такъ все скоро, неожиданно: не могу же я...

— Смерть-то не ждетъ. Что дѣлать—ни у кого не спросилась несчастная, сама распорядилась, такъ думала лучше устроить свое дѣтище. Не отвергайте, матушка, Божье онъ дитя, грѣхъ вамъ будетъ...

— Помилуйте, что же это такое! Это какое-то насиліе. Мужъ никогда не согласится.

Но мужъ согласился, съ тѣмъ только, чтобы ребенка, до поры до времени, держала у себя акушерка.

И „Божье дитя“, маленькій Костя, не вѣдая вовсе обстановки своего появленія на свѣтъ, водворился настоящимъ господиномъ въ маленькой квартиркѣ Марьи Васильевны. Онъ кричалъ и требовалъ, когда ему было что надо, не хуже любаго принца крови—и такъ же, какъ принцъ, благосклонно улыбался когда былъ доволенъ; онъ не чувствовалъ, что появленіемъ своимъ на свѣтъ убилъ мать; трепещущій радостью и здоровьемъ, вступалъ онъ въ жизнь.

Это былъ очаровательный мальчикъ, бѣлый, розовый, съ огромными черными глазами, живыми и яркими; онъ ни на минуту не могъ посидѣть смирно, ему постоянно надо было прыгать, скакать, смѣяться. Марью Васильевну онъ не могъ видѣть безъ того, чтобы разнообразными тѣлодвиженіями не выразить ей своего восторга; когда она протягивала ему руки, онъ такъ и кидался къ ней, радостно визжа.

— Ахъ ты, Божье дитя, что мнѣ съ тобою дѣлать? говорила Марья Васильевна, — такъ въ душу и лѣзешь, поневолѣ полюбишь тебя!

И она дѣйствительно привязалась къ нему; два слишкомъ года держала она его, хотя онъ становился ей въ тягость. Тербинины не только не увеличивали пособія на содержаніе подросшаго мальчика, а и то, что они выдавали, надо было всякій разъ брать съ бою, такъ сказать, ѣздить за нимъ, просить, хлопотать. Между тѣмъ за живымъ мальчикомъ необходимъ былъ присмотръ да присмотръ. Марья Васильевна, по своей профессіи, часто оставляла домъ, а кухаркѣ было не усмотрѣть за шаловливымъ ребенкомъ. Всякій день случалась исторія: то онъ на лбу рогъ себѣ наставитъ, то щеку подобьетъ, то чашку кокнетъ, счетъ нужный разорветъ; все-то ему надо знать, до всего ему дѣло, всюду онъ суетъ свой носикъ, всюду лѣзетъ, не видя опасности.

— Ахъ ужъ это мнѣ, Божье дитя! восклицаетъ Марья Васильевна, — и что мнѣ только съ тобою дѣлать?

Послѣ долгихъ размышленій, сѣтованій и даже горькихъ слезъ, Марья Васильевна въ одинъ прекрасный день рѣшилась на крутое средство — что дѣлать, бѣдность дурной совѣтчикъ. Она одѣла Костю въ его лучшую красную рубашку, завязала въ узелокъ его бѣлье и платье, велѣла кухаркѣ привести извозчика и, ткнувъ узелъ въ ноги, а мальчика посадивъ около себя, поѣхала на Малую Дмитровку къ Тербининымъ.

— Мы въ гости, бабушка? спрашивалъ мальчикъ.

— Въ гости, мой милый, въ гости.

III.

Цѣлый рядъ блестящихъ экипажей стоялъ у подъѣзда великолѣпнаго дома Тербининыхъ, когда подъѣхала къ нему Марья Васильевна на своемъ дребезжащемъ извозчикѣ.

— Куда лѣзете! не принимаютъ, выговорилъ швейцаръ, смѣривъ г-жу Фихнеръ величественнымъ взглядомъ и заграждая ей путь.

— Меня пустятъ, батюшка, не безпокойтесь.

Марья Васильевна не испугалась величественнаго швейцара и преспокойно раскутывала мальчика.

— Говорятъ вамъ нельзя, у господъ гости, фриштикъ парадный сегодня.

Марья Васильевна не слушала.

— Вы обождите малость, сударыня, убѣждалъ ее болѣе мягко откуда-то появившійся лакей имѣвшій уже не разъ столкновенія съ Марьей Васильевной и знавшій непреклонность ея воли.

— Обождите вотъ хоть тутъ, онъ указалъ на какую-то дверь, — мы безпремѣнно доложимъ; онѣ примутъ васъ, только обождите малость.

И онъ тоже заграждалъ ей путь на лѣстницу.

— Туда нельзя-съ, никакъ невозможно.

Но Марья Васильевна, держа малютку за руку, торжественно и рѣшительно входила по устланной ковромъ лѣстницѣ. Лакей переглянулся съ презрительно улыбавшимся швейцаромъ и, пожавъ плечами, пошелъ за нею, все время уговаривая, но не смѣя употребить насиліе, и чувствуя, что слова его пропадаютъ даромъ.

Все такъ же рѣшительно и торжественно, пройдя цѣлымъ рядомъ нарядныхъ комнатъ, вошла Марья Васильевна и въ ту большую гостиную гдѣ собралось многолюдное общество. Она остановилась на порогѣ, нисколько не смущаясь, обвела глазами все это блестящее общество и, высмотрѣвъ хозяйку, прямо направилась къ ней.

— Вотъ вамъ, матушка, Богомъ данное дитя,—довольно я съ нимъ повозилась, теперь и вамъ пора.

И она за плечи пододвинула упиравшагося и дико смотрѣвшаго на окружающихъ своими дивными глазами ребенка.

Сначала все стихло въ великолѣпной гостиной, такъ поразила всѣхъ эта неожиданная сцена; многіе въ недоумѣніи переглядывались, потомъ послышались сдержанныя восклицанія: „Какая прелесть! Вотъ чудный ребенокъ!“ А черезъ десять минутъ все объяснилось, сама хозяйка разсказала исторію Кости; исторія вышла трогательная, въ ней конечно главную роль играла сама Анна Павловна.

— Нельзя было не взять, говорила она со слезинками въ углу глазъ, — мать умерла, и какъ ужасно! Бросила своего ребенка на произволъ судьбы, не подумавъ о немъ. А отецъ? гдѣ искать его? Божье дитя, повторила она прозвище Марьи Васильевны, которое очень ей нравилось, — и мы съ мужемъ рѣшили взять его. M-me Фихнеръ только временно держала его у себя, теперь онъ нашъ.

Марья Васильевна, еслибъ и выбирала день, не могла бы выбрать лучше, — сама она, невзрачная, толстая, старая, въ полиняломъ платьѣ, и маленькій Костя стали героями праздника. Тербинины, ни минуты не колеблясь, рѣшили, что Костя достаточно подросъ, что пора взять его на свое попеченіе. Всѣ гости, одни передъ другими, ласкали красиваго ребенка; его исторія переходила изъ устъ въ уста.

— Поистинѣ, Божье дитя, говорили нѣкоторые, — эти глаза напоминаютъ ангела на картинѣ Рафаэля.

Но Костя, всегда смѣлый и привѣтливый, теперь смотрѣлъ недовѣрчиво на всѣхъ этихъ ласкающихъ его нарядныхъ людей; онъ какъ будто чуялъ что-то враждебное ему въ этой великолѣпной гостиной и жался къ своей бабусѣ, которой только слишкомъ сильное возбужденіе мѣшало плакать.

Много хитрости надо было употребить чтобы отвлечь вниманіе ребенка отъ бабушки и отправить ее такъ, чтобы онъ этого не замѣтилъ. Марья Васильевна удалилась, издали осѣняя своего питомца крестнымъ знаменіемъ. Какъ ни коротка была жизнь бѣднаго Кости, но вотъ уже второй разъ въ этой кратковременной жизни любящее существо покидало его...

Когда Костя, отвлеченный на одно мгновеніе отъ бабушки сластями и игрушками, вдругъ замѣтилъ, что ея нѣтъ на томъ мѣстѣ гдѣ онъ ее оставилъ, что онъ одинъ между этими нарядными, раздушонными, чужими ему людьми, онъ съ возгласомъ отчаянія, достойнымъ взрослаго, сталъ кидаться изъ стороны въ сторону, ища свою бабусю. Она часто оставляла его дома одного,—но то было дома, тамъ онъ зналъ навѣрное, что она вернется, и никогда не плакалъ; а тутъ что ни говорили ему, какъ ни утѣшали, какъ ни старались увѣрить, что она сейчасъ придетъ, онъ никого не хотѣлъ слушать, ничему не вѣрилъ; онъ кидался, какъ дикій звѣрокъ, отыскивая ее, и наконецъ убѣдившись, что поиски его напрасны, бросился на полъ. Сидя на коврѣ и покачиваясь изъ стороны въ сторону, всплескивая рученками, онъ уныло причиталъ, между тѣмъ какъ обильныя слезы катились изъ глазъ:

— Бабуся, бабуся, домой хочу! Бабуся, возьми меня домой!

Этотъ крохотный человѣчекъ, покачивающійся изъ стороны въ сторону отъ сердечной боли, многимъ казался забавнымъ; другіе утирали слезы, глядя на него; съ одной молодой женщиной, недавно потерявшей маленькаго сына и болѣе чуткой къ горю дѣтей, сдѣлалась истерика.

IV.

И вотъ Божье дитя поселилось на новомъ мѣстѣ. Первое время Костя звалъ бабусю и просился домой, потомъ онъ попривыкъ, привязался къ новымъ людямъ, полюбилъ свою новую постельку.

— Это мой новый домъ? всякій разъ спрашивалъ онъ горничную, укладывавшую его спать.

— Да, милый, это новый домъ, успокоительно говорила та, думая про себя: „и гдѣ твой домъ, сиротина!“

Точно мать, рождая его, передала ему свою несбывшуюся мечту о домѣ: домъ въ его дѣтскомъ воображеніи представлялся ему чѣмъ-то хорошимъ, теплымъ, мягкимъ, гдѣ хорошо укрыться и отдохнуть.

— Ты моя тетя? вопрошалъ онъ Анну Павловну, очень ласкавшую его первое время,—должно-быть тетя—я тебя люблю.

Она ужь и не рада была, что обласкала его: онъ такъ и бѣгалъ за нею, привязчивое созданіе, такъ и впивался рученками въ ея богатое платье; онъ требовалъ постояннаго вниманія, приставалъ съ разспросами, надоѣдалъ своими шалостями. Но на первыхъ порахъ Анна Павловна все терпѣла; одѣвала Костю какъ куколку, всюду возила съ собою; она находила прелестнымъ контрастъ своихъ бѣлокурыхъ волосъ и свѣтло-голубыхъ глазъ съ темной головкой питомца.

„Эта добрая, великодушная Анна Павловна“, слышала она шепотъ вокругъ себя,—„такъ обласкать чужаго ребенка, такъ полюбить его!“

И этотъ шепотъ былъ ей пріятенъ, подчасъ онъ до слезъ умилялъ ее.

Да, въ самомъ дѣлѣ, какая она добрая!

Но скоро все измѣнилось. Костя рѣшительно не хотѣлъ понимать, что онъ сирота, облагодѣтельствованный Анной Павловной; онъ не чувствовалъ къ ней никакой благодарности, смотрѣлъ на ея домъ какъ на свой собственный, бѣгалъ, шумѣлъ, шалилъ. Жизненныя силы сказывались въ немъ шумно и порывисто. Сколько перебилъ онъ и переломалъ дорогихъ вещей, сколько перепортилъ платья себѣ и другимъ,—онъ рѣшительно становился невыносимъ. Черезъ годъ, полтора, Анна Павловна отъ всей души желала удалить его. Въ это время у нея ужь былъ собственный ребенокъ, и назойливое, шумливое „Божье дитя“ становилось ровно ни къ чему.

— Конечно, я всегда рада помочь, говорила Анна Павловна, — но не въ ущербъ же собственнымъ дѣтямъ! Этотъ Костя такой шаловливый и, главное, вы знаете, ces instincts. Яблоко отъ яблонки не далеко падаетъ. О, какъ это вѣрно! У меня подростаетъ свой сынъ, надо и объ немъ подумать, — этотъ Богъ знаетъ чему можетъ научить его. Нѣтъ, какъ ни горько, а удалить его надо!

Но какъ? куда спихнуть ребенка по четвертому году? Анна Павловна однако придумала. Гдѣ-то въ провинціи, въ захолустномъ городкѣ, проживала старушка, такъ-себѣ изъ простыхъ, родственница-свойственница Тербининой — кто ее знаетъ,—но которой она, съ тѣхъ поръ какъ вышла замужъ за богатаго, считала долгомъ помогать, посылая отъ времени до времени небольшія суммы денегъ. Вотъ прекрасный случай улучшить положеніе Аграфены Петровны: можно удвоить, утроить высылаемыя суммы, только бы взяла она Костю. Анна Павловна выписала старуху въ столицу.

Такъ и такъ, говоритъ, — не желаете-ли принять на свое попеченіе младенца за такое-то вознагражденіе?

— Ахъ, благодѣтельница!—Аграфена Петровна бросилась къ Аннѣ Павловнѣ и приложилась къ плечику. — Чего у меня и согласія-то спрашивать, дура я что-ли чтобы отказаться отъ своего счастія!

И участь Кости была рѣшена.

Когда мальчика собрали въ дорогу и онъ увидѣлъ въ чемъ дѣло,—что надо уѣзжать съ этой сухою старухой, ястребиный взглядъ которой его пугалъ,—что надо оставить домъ, который онъ уже считалъ своимъ,—что надо опять уходить отъ всего того къ чему ужь онъ привыкъ, онъ пришелъ въ какое-то неистовство, онъ уцѣпился рученками за кроватку: „Не хочу, не хочу!“ кричалъ онъ и весь въ поту бился въ рукахъ взрослыхъ; а когда разжали ему руки, онъ зубами ухватился за занавѣсъ.

„Ну, чертенокъ!“ думала про себя Аграфена Петровна.

V.

Аграфена Петровна была старуха сухая, скаредная, себялюбивая; дѣтей она не любила и брала къ себѣ Костю единственно какъ источникъ дохода. Своимъ знакомымъ въ захолустьѣ она говорила:

— Докука, ужь такая-то докука,—и сказать нельзя! А не взять невозможно — сирота, Божье дитя.

Долго не могъ привыкнуть Костя къ своему новому дому и новой бабусѣ. Эта послѣдняя держала его строго; она не то что била его, а только клала свою тяжеловѣсную, костлявую руку ему на плеча и чуть-чуть трясла его, но онъ какъ огня боялся этой встряски.

Но и тутъ, въ неуютномъ домѣ Аграфены Петровны, Костя освоился. Онъ, правда, сталъ тише, точно сосредоточеннѣе, но и тутъ въ углу за печкой у него былъ свой домъ, туда таскалъ онъ чурочки, палочки, кружочки какіе-то; что-то строилъ тамъ. Аграфены Петровны онъ боялся, но потребность приласкаться къ кому-нибудь, прижаться—была такъ велика, что и къ ней онъ ластился, такъ что не разъ на день она кричала:

— А да ну тебя, отстань пожалуйста!

Время шло и Костя пріобрѣлъ себѣ наконецъ друга, въ лицѣ жильца Аграфены Петровны — Ивана Николаевича Иванова. Домъ, въ которомъ жила Аграфена Петровна, былъ ея собственный,—кровныхъ 300 рублей дала она за эту лачугу. Въ одной половинѣ жила она сама; другую, крохотную комнатку съ такою же кухней, отдавала внаймы. И вотъ ужь цѣлые года жилъ въ этой половинѣ мелкій чиновникъ Ивановъ. Сначала онъ жилъ тутъ со старухой-матерью, потомъ мать умерла и онъ остался жить одинъ.

Иванъ Николаевичъ Ивановъ былъ человѣкъ не молодой, тихій, смирный, молчаливый; водки онъ не пилъ, съ товарищами знакомства не водилъ, что Аграфена Петровна ставила ему въ особенную заслугу. Потребности его были очень скромны: онъ не франтилъ, ѣлъ мало, прислуги не держалъ, рѣдко-рѣдко попроситъ работницу Аграфены Петровны полъ у себя вымыть или окно, а то все самъ: самъ самоваръ вычиститъ, дровъ наколетъ, воды принесетъ, рубахи себѣ заштопаетъ, иной разъ самъ заплату на сапоги положитъ — все любилъ самъ дѣлать, никому не одолжаясь, Иванъ Николаевичъ. Къ своимъ служебнымъ обязанностямъ онъ относился крайне добросовѣстно: въ половинѣ 9-го утра вы всякій день могли уже видѣть его длинную фигуру выходящею изъ воротъ. Приходилъ онъ въ присутствіе первымъ, выходилъ послѣднимъ. Начальство было имъ очень довольно, не было чиновника аккуратнѣе, исполнительнѣе Иванова; работы посложнѣй поручались всегда ему, но повышеній по службѣ онъ не получалъ; онъ, впрочемъ, не роптал на это, онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ философъ, безъ малѣйшаго честолюбія. Младшіе товарищи перегоняли его по службѣ— и это ни мало не огорчало его; онъ привыкъ къ своей должности, относился къ ней съ любовью и покинуть ее было бы ему грустно. Молоденькимъ канцеляристамъ онъ охотно позволялъ трунить надъ собою...

— Иванъ Николаевичъ, говорили ему, — Мордовъ-то сѣлъ вамъ на голову,—еще одинъ! И какъ это вы только терпите!

Ивановъ добродушно улыбался.

— Точно, сѣлъ-съ, говорилъ онъ, — вѣдь ему-то это надо: женатъ, дѣтишки, люди, ѣсть просятъ, а мнѣ зачѣмъ же-съ? я не пролазъ какой-нибудь.

— Однако, неужели это вамъ не обидно?

— Обижаться? На это-то обижаться? удивлялся Иванъ Николаевичъ.—Господь съ вами! Нѣтъ, мнѣ и тутъ хорошо.

И однако этотъ смиренный человѣкъ, не нуждавшійся въ повышеніяхъ, добродушно переносившій насмѣшки товарищей, довольствовавшійся такою скромною долей, былъ гордецомъ— онъ гордился своей неподкупною честностью.

— Много за мною грѣховъ водится, говорилъ онъ, — но чужаго не бралъ, хотя и могъ бы; черствый хлѣбъ ѣлъ, водой запивалъ, а чужаго — ни-ни!

Онъ бдительно охранялъ эту свою честь. Деньги, казалось, внушали ему отвращеніе; если доводилось какому - нибудь

Лѣсничій у домашняго очага. Съ картины Лудвига Кнауса, грав. Брендамуръ.

просителю, не знавшему его чудачества, совать ему въ руку благодарность, онъ вскакивалъ въ ужасѣ, весь багровый, закидывалъ руки за спину и поднявъ голову выкрикивалъ: „я не беру-съ!“ Онъ, тихій и незлобивый, готовъ былъ убить человѣка, если тотъ осмѣливался сомнѣваться въ его честности.

Разъ его непосредственный начальникъ, милостиво шутя съ чудакомъ, спросилъ его:

— Что же, Иванъ Николаевичъ, неужто вы и 300 рублей благодарности не взяли бы?

— Изволите шутить, Петръ Петровичъ.

— Ну, а 500?

Въ глазахъ Иванова начинало зеленѣть, онъ чувствовалъ какъ злость подступала ему къ горлу, однако сдержанно отвѣтилъ:

— И 500 не взялъ бы.

— Ну, а 1000, поди, взяли бы? Какъ тысячи не взять!

Ивановъ вскочилъ и бросился къ начальнику:

— Не смѣйте этого говорить, Петръ Петровичъ, не смѣйте.

И онъ задыхаясь наступалъ на него.

Но никто-то не хвалилъ Иванова за его безкорыстіе; напротивъ, онъ не разъ слыхалъ какъ говорили про него:

— Этотъ дуракъ Ивановъ все еще ломается, не беретъ, удивить своей честностью хочетъ.

Только однажды онъ былъ неожиданно вознагражденъ—и онъ постоянно помнилъ этотъ упоительный день.

Было это вскорѣ послѣ губернаторской ревизіи въ г. N. Одинъ знакомый Иванова, пріѣхавъ изъ губернскаго города, передалъ ему слухъ, ходившій тамъ изъ устъ въ уста, будто молодой губернаторъ, возвратившись съ ревизіи, сказалъ: „Во всемъ N одинъ только честный человѣкъ и есть: титулярный совѣтникъ Иванъ Николаевичъ Ивановъ“. Такъ будто бы и назвалъ его по имени, отчеству и фамиліи.

Ивановъ выпрямился, глаза его блеснули радостью; придя домой, онъ открылъ календарь, отыскалъ число того дня, помѣтилъ его крестикомъ и написалъ своимъ четкимъ почеркомъ: „Счастливѣйшій день моей жизни“.

Въ раннюю пору своей юности Иванъ Николаевичъ лелѣялъ двѣ мечты: поступленіе въ университетъ и женитьбу по любви. Обѣ не осуществились: первая по бѣдности — надо было зарабатывать хлѣбъ для старухи-матери, а не учиться; вторая — тоже по бѣдности, да отчасти, вѣроятно, по невзрачности Ивана Николаевича и его застѣнчивости. Какъ вещественное доказательство этой второй неудавшейся мечты, Иванъ Николаевичъ хранилъ какой-то обрывокъ розовой ленты; первая красовалась въ видѣ трехъ полокъ книгъ, пріобрѣтеніе которыхъ въ былое время стоило не малыхъ лишеній и многихъ горькихъ укоровъ матери. Но изъ-за книги онъ готовъ былъ вынести и не это. И теперь еще охочъ былъ почитать хорошую книгу Иванъ Николаевичъ, и теперь еще онъ читалъ съ жадностью и юношескимъ увлеченіемъ. „Такъ, такъ, хорошо, братъ!“ поощрялъ онъ иногда автора вслухъ, удивляя своимъ возгласомъ Аграфену Петровну, которая недоумѣвала съ кѣмъ бы могъ разговаривать жилецъ.

И такъ Иванъ Николаевичъ жилъ тихо, смирно, незамѣтно, давно переставъ мечтать и ждать чего-то отъ жизни; но онъ жилъ, этотъ мелкій чиновникъ, въ самодовольномъ сознаніи, что онъ свято исполняетъ свой долгъ, никому не завидуетъ и ничего отъ другихъ ему не надо.

VI.

Разъ, когда въ третьемъ часу Ивановъ возвращался домой съ портфелемъ подъ мышкой, онъ во дворѣ наткнулся на Костю чего-то искавшаго въ травѣ.

— Ахъ, какой славный щеночекъ! сказалъ онъ шутливо и нагнулся приласкать хорошенькаго ребенка.

Костя поднялъ глаза и, встрѣтившись съ маленькими, ласковыми глазками Ивана Николаевича, обрадовался возможности поиграть, сейчасъ же вошелъ въ роль щенка и съ визгомъ и лаемъ сталъ тереться около ногъ Иванова.

— Ахъ, собачка! ахъ, собачка славная! говорилъ тотъ, ласково трепля мальчика по головкѣ, — хочешь, я тебѣ гостинца дамъ?

— Хо-чу, отвѣчалъ Костя собачьимъ якобы тономъ, все еще оставаясь въ роли.

— Ну, иди за мною, Жучка, иди, собачка маленькая.

Мальчикъ на четверинкахъ побѣжалъ за нимъ.

— Вотъ я тебѣ! Вотъ я тебѣ по землѣ-то валяться! кричала изъ окна Агрвфена Петровна; но Костя ничего уже не чувствовалъ и только спѣшилъ за обласкавшимъ его человѣкомъ.

Съ тѣхъ поръ мальчикъ нетерпѣливо ждалъ всякій день возвращенія своего друга и бѣжалъ за нимъ.

— Опять мой Жучекъ, говорилъ ласково Ивановъ, — опять ко мнѣ?

Чаще всего, въ то время какъ Иванъ Николаевичъ писалъ или читалъ, Костя одинъ игралъ въ уголкѣ съ чурочками и дощечками, которыхъ натаскалъ и въ квартиру своего друга. Онъ попривыкъ у Аграфены Петровны не шумѣть, этотъ рѣзвый человѣчекъ, и тутъ былъ совершенно тихъ; только чувствуя въ дяденькѣ снисходительнаго старшаго, онъ безпрестанно обращался къ нему, не мало не боясь надоѣсть.

— Каланчу-то какую я выстроилъ, дяденька! восклицалъ онъ, — посмотри-ка.

— Строй, строй, мой милый, посмотрю ужо.

— Нѣтъ, ты теперь посмотри, потому долго ей не выстоять.

— Я отсюда вижу.

— Нѣтъ, ты встань, — такъ тебѣ не видать.

Когда ему особенно наскучивало играть одному и хотѣлось обратить на себя особенное вниманіе Ивана Николаевича, онъ опять, какъ при первой встрѣчѣ, изображалъ собою щенка, лѣзъ подъ столъ и повизгивая ластился къ ногамъ своего друга.

Иванъ Николаевичъ не могъ равнодушно выносить этой ласки ребенка, что-то захватывало ему сердце.

— Ахъ, ты мой милый пёсикъ, ахъ, мальчикъ ты мой милый! И онъ, какъ женщина, ласкалъ дитя.

Аграфена Петровна снисходительно смотрѣла на отлучки мальчика къ жильцу: такъ ей было гораздо удобнѣе.

Особенно въ зимніе вечера любилъ Костя забираться спозаранку къ Ивану Николаевичу; тотъ вечеромъ, по возвращеніи со службы, топилъ печь, и мальчикъ, усѣвшись на полу, прижавшись къ ногамъ Ивана Николаевича и слѣдя за игрою пламени въ печи, любилъ послушать хорошую сказку.

— И хорошо же у тебя, дяденька, говорилъ онъ поднимая на него свои живые черные глаза,—такъ хорошо, точно до-о-ма!

Скоро горенка Ивана Николаевича превратилась для Кости въ настоящій домъ. Мальчику шелъ 6-й годъ, когда Аграфена Петровна сильно захворала, и сама, призвавъ къ себѣ Иванова, просила его до поры до времени пріютить у себя сироту.

— Моченьки моей нѣтъ, говорила она, — кричитъ, шумитъ, спокою отъ него нѣту; у тебя-то все, будто, лучше—за стѣною.

Мальчикъ былъ въ восторгѣ отъ своего переселенія; несмотря на всю свою привязчивость, онъ не могъ полюбить Аграфену Петровну и съ истинной радостью помогалъ работницѣ перетаскивать къ жильцу свой жиденькій матрасикъ.

— Вотъ тутъ домъ мой будетъ, говорилъ онъ, — охъ, дяденька, хорошо у тебя!

— Что хорошаго, дружокъ, вотъ и кровать тебѣ некуда поставить, на полу будешь спать.

— Я, дяденька, люблю на полу, ей Богу, люблю. Хорошо у насъ съ тобою, дяденька, ахъ, хорошо!

Хотя былая рѣзвость не вернулась всецѣло мальчику, но онъ положительно расцвѣлъ въ этой атмосферѣ тепла и ласки, всѣмъ своимъ маленькимъ, любвеобильнымъ сердечкомъ предался онъ своему другу.

— Погляжу я на тебя, дяденька, какой ты хорошенькій. говорилъ онъ, умильно смотря на длинное, рябоватое, съ большими торчащими ушами лицо Ивана Николаевича.

Славные дни проживали они въ тѣсной горенкѣ, въ дальней слободѣ маленькаго городка; это были самые лучшіе дни долгой и скучной жизни Ивана Николаевича и полной превратностей жизни Кости. Они такъ любили другъ друга, такъ тепло имъ было вмѣстѣ! Какъ сладко засыпалъ Костя на своемъ тоненькомъ матрасикѣ на полу, какіе славные сны онъ видѣлъ и какъ хорошо было просыпаться, чувствуя любящую, теребившую его руку.

— Вставай, вставай, шалунишка! говорилъ Иванъ Николаевичъ.

А Костя, ежась и улыбаясь въ полуснѣ, ловилъ его жилистую руку.

Оба, переживая счастливые дни, мало думали о старухѣ умиравшей за стѣною; однако ея смерть имѣла рѣшающее вліяніе на судьбу обоихъ.

VII.

Въ концѣ января Аграфена Петровна умерла. Ивановъ чувствовалъ, что ему надо было дать знать Тербининымъ о смерти старухи, но страхъ, что у него сейчасъ же потребуютъ мальчика, остановилъ его.

— Развѣ я обязанъ знать ихъ адресъ? говорилъ онъ себѣ въ оправданіе.—Развѣ я обязанъ знать, что они покровители Кости? Мнѣ его Аграфена Петровна передала и ничего болѣе я знать не обязанъ.

— Благодѣтелямъ-то мальца отписали вы, Иванъ Николаевичъ? спрашивалъ приходскій батюшка.

— А почемъ я знаю кто его благодѣтели?

— Какъ-же, какъ-же, сударь, надо-бы отписать.

Долго трусилъ Иванъ Николаевичъ, все ждалъ что возьмутъ у него Костю, но съ перваго января, какъ было прислано обычное трехъ-мѣсячное пособіе на имя Аграфены Петровны — все ушедшее на ея похороны — отъ Тербининыхъ не было ни слуху, ни духу. Недѣли черезъ три послѣ смерти старухи пріѣзжалъ какой-то мѣщанинъ, внучатный племянникъ Аграфены Петровны, заявилъ свои права на наслѣдство и, вступивъ во владѣніе домомъ, большую половину отдалъ внаймы какому-то портному „изъ Вильны,“ а меньшую оставилъ за Ивановымъ, увеличивъ однако плату. Все шло по старому, но на сердцѣ Ивана Николаевича скребли что-называется кошки.

Приходилъ уже къ концу третій мѣсяцъ со смерти старухи, Ивановъ уже немного поуспокоился; онъ рѣшилъ въ своемъ

умѣ, что во всякомъ случаѣ Тербинины не погонятся за Костей, что если они и заявятъ свою претензію на него, онъ, Ивановъ, предложитъ замѣнить собою Аграфену Петровну, онъ даже безъ всякой субсидіи рѣшилъ взять Костю на свое попеченіе. „Много-ли ему нужно!—Сыты будемъ, пробьемся какъ-нибудь". И на этой мысли онъ отдохнулъ. Какъ вдругъ на его имя изъ конторы Тербининыхъ пришло письмо, въ нѣкоторомъ родѣ грозное, укорявшее его за то что онъ сокрылъ смерть старухи въ видахъ присвоенія денегъ, присылаемыхъ на содержаніе сироты. Въ концѣ письма присовокуплялось: „По полученіи сего, вы, милостивый государь, потрудитесь немедленно доставить мальчика въ контору Тербининыхъ по нижеслѣдующему адресу" и т. д.

Иванъ Николаевичъ обезумѣлъ прочтя это письмо: его, гордившагося бсзкорыстіемъ и неподкупной честностью, укоряли ни болѣе, ни менѣе какъ въ присвоеніи сиротскихъ денегъ, его уличали въ кражѣ! Давно не плакалъ Иванъ Николаевичъ, но тутъ онъ зарыдалъ: и не о Костѣ плакалъ онъ,—оскорбленіе, уязвленная гордость заставляли его проливать злобныя слезы. Ничего, рѣшительно ничего не требовалъ онъ ни отъ жизни, ни отъ людей; единственно, что̀ хранилъ, что̀ берегъ онъ какъ святыню—это свое честное имя, и вотъ оно поругано, въ него бросили комкомъ грязи; онъ почти физически чувствовалъ ударъ этого комка,—лицо его горѣло...

О какую страшную, невыносимую рану нанесли ему эти люди! Нѣтъ, онъ не можетъ вытерпѣть этой боли, они должны узнать что онъ честный человѣкъ, хотя и бѣднякъ, что онъ дорожитъ своей честью!... Пусть берутъ у него мальчика — не надо ему его... Любовь, ласка—ненужная роскошь для бѣдняка!... И онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, почти грубо, отвѣчалъ, что всѣ эти мѣсяцы содержалъ ребенка на свой собственный, нищенскій счетъ, что доставить его въ контору Тербининыхъ не можетъ за неимѣніемъ средствъ на путешествіе и времени, но проситъ немедленно прислать кого-либо за ребенкомъ, „такъ какъ не намѣренъ пользоваться чужимъ достояніемъ." Онъ подчеркнулъ послѣднюю фразу и зло хохоталъ перечитывая ее.

Черезъ нѣсколько дней, которые онъ провелъ въ страшномъ волненіи—разъ онъ манкировалъ даже на службу—Иванъ Николаевичъ получилъ опять конвертъ изъ Тербининской конторы; въ письмѣ кратко изъявлялось требованіе чтобы онъ, собравъ имущество ребенка, доставилъ бы его такого-то числа на поѣздъ № такой-то и передалъ-бы его кондуктору Павлу Тихонову.

— Имущество! восклицалъ про себя Иванъ Николаевичъ иронически улыбаясь,—имущество!—три рубашки, перешитыя изъ моихъ старыхъ. Благодѣтели, покровители тоже называются!—И онъ въ своемъ оскорбленіи, негодованіи и влобѣ, не чувствовалъ, что самъ дѣлается предателемъ, выдаетъ ребенка людямъ, которымъ не вѣритъ. Онъ собиралъ пожитки мальчика, тискалъ ихъ въ какой-то мѣшокъ и злобно бормоталъ что-то.

— Дяденька, а дяденька! куда-же это мы собираемся? спрашивалъ Костя, довѣрчиво глядя на своего дяденьку.

— А вотъ увидишь, малый, мрачно отвѣчалъ тотъ.—Въ воры, въ воры произвели! нѣтъ, братцы, никогда еще чужаго не бралъ; изъ-за этого, можетъ быть, счастья не видалъ, а не бралъ,— продолжалъ онъ бормотать.—Такъ-то лучше, братъ Ивановъ, оставь нѣжности, не про тебя онѣ писаны, веди-ка малаго на вокзалъ.—Онъ думалъ закалить себя этими словами.

Идя отъ дома до вокзала Костя чувствовалъ нѣкоторую тревогу, но все время болталъ.

— Свиститъ, говорилъ онъ,—слышишь свиститъ, дяденька! Не ровенъ часъ не поспѣемъ.

— Поспѣешь, угрюмо отвѣчалъ тотъ.

— Мы это въ монастырь, дяденька, какъ тогда? Помнишь тогда мы ѣздили?... Зачѣмъ мѣшокъ-то ты тащишь, развѣ мы тамъ ночевать будемъ?... Дяденька, а дяденька, чего-же ты все молчишь?

Онъ хватался ручонками за полы сюртука и, забѣгая впередъ, своими огромными глазами заглядывалъ въ лицо дяденьки; тотъ отвертывался.

— Оставь, не мѣшай идти, говорилъ онъ сердито.

Поѣздъ уже стоялъ, когда они пришли на платформу.

— Гдѣ тутъ кондукторъ Павелъ Тихоновъ?

— Тихонова спрашиваютъ, куда запропастился?

— Я самый Тихоновъ и есть. Вы на счетъ мальчика? Войдите въ вагонъ, подождите минутку, а я сейчасъ...

Иванъ Николаевичъ вошелъ въ вагонъ третьяго класса, положилъ мѣшокъ возлѣ какой-то старушки, посадилъ на него ребенка, крѣпко поцѣловалъ его въ голову и, не говоря ни слова, сталъ около него; мальчикъ тревожно озирался.

— Дяденька, что-же ты не садишься?

— Сяду еще, сяду. Поберегите ребенка-то, матушка, сказалъ онъ старухѣ.

— Сейчасъ свистокъ, господинъ, извольте выходить, сказалъ входя Тихоновъ.

Иванъ Николаевичъ поспѣшно вышелъ уже изъ трогавшагося поѣзда.

— Дяденька!!!...

Только когда онъ услышалъ этотъ раздирательный вопль, Иванъ Николаевичъ, позабывъ свою собственную обиду, понялъ, что предалъ своего маленькаго „жучка", и, схватясь за голову, побѣжалъ за поѣздомъ. Онъ видѣлъ еще въ окнѣ какъ отчаянно барахтался бѣдный мальчикъ въ сильныхъ рукахъ кондуктора.

— Къ дяденькѣ! кричалъ онъ,—домой, домой, къ дяденькѣ!

Иванъ Николаевичъ тоже что-то отчаянно кричалъ и махалъ руками, и бѣжалъ за поѣздомъ; но тотъ, на всѣхъ парахъ, уносилъ отъ него мелькнувшее на мгновеніе счастіе.

— Господинъ, такъ нельзя, куда-же это вы по рельсамъ-то! остановилъ его жандармъ.

VIII.

Когда на другой день еще не совсѣмъ очнувшагося отъ своего горя Костю представили Аннѣ Павловнѣ, онъ вдругъ просіялъ, онъ узналъ ее и кинулся къ ней; но она не поцѣловала его, а только снисходительно улыбнулась, потрепавъ его по щечкѣ; „bien enlaidi", сказала она дамѣ стоявшей тутъ-же. Онъ узналъ тоже и домъ и въ восторгѣ всплеснулъ ручонками.

— Мой домъ, воскликнулъ онъ,—теперь-бы только дяденьку сюда!

Но не долго оставался онъ въ этомъ домѣ, который считалъ за свой. Въ тотъ-же день его свезли въ пріютъ для сирыхъ дѣтей, только что основанный на средства Тербининыхъ, въ которомъ былъ заведенъ необыкновенный порядокъ.

Когда Костя увидѣлъ этотъ однообразный рядъ комнатъ, съ однообразными кроватями, шкафами, столами; когда увидѣлъ толпу совсѣмъ одинаковыхъ дѣтей шедшихъ по-парно; когда изъ трехъ женщинъ, въ одинаковыхъ платьяхъ, каждая сказала ему одно и то же: „Надо быть умницей, миленькій"—„Миленькій, надо быть умницей"—„Умницей надо быть, миленькій"—онъ пришелъ въ какое-то неистовство. Все это такъ мало соотвѣтствовало тому представленію о домѣ, которое онъ себѣ составилъ, все это было такъ холодно, такъ неприютно. „Домой," кричалъ онъ, „къ дяденькѣ, домой! Отпустите! что̀ я вамъ сдѣлалъ, отпустите меня, ради Бога!"—И онъ кидался отъ одной къ другой изъ одинаковыхъ женщинъ съ отчаянною мольбой отпустить его. Его уговаривали, стращали, но онъ ничего не слушалъ, никого не боялся.

— Домой, къ дяденькѣ! между двухъ рыданій восклицалъ онъ.

Начальница говорила: „Ничего, привыкнетъ, какого еще ему тамъ дома нужно!"

Недѣли двѣ прожилъ Костя въ этомъ образцовомъ учрежденіи, и послѣ первыхъ дней неистоваго отчаянія, какъ-бы смирился, перестаълъ плакать, затихъ. Онъ подчинялся всѣмъ правиламъ дисциплины, шелъ куда приказывали, игралъ, когда надо было играть, ѣлъ когда надо было ѣсть; но это былъ не прежній Костя, это былъ другой ребенокъ, запуганный, ушедшій въ себя, затаившій свое горе.

Начальница восклицала:

— Что̀ я говорила — привыкъ вѣдь!

Но привыкнуть однако вполнѣ Костя не успѣлъ, онъ вдругъ свалился, заболѣлъ... И въ безсознательномъ состояніи онъ все говорилъ о домѣ, спѣшилъ куда-то, боялся опоздать, торопился къ дому, котораго у него никогда не было... На 9-й день мальчика не стало. Ни Марья Васильевна, пожалѣвшая когда-то бѣдное Божье дитя, ни Иванъ Николаевичъ не узнали о его кончинѣ—кто-же знаетъ когда умираютъ пріютскія дѣти,—но Анну Павловну, какъ покровительницу и попечительницу пріюта, извѣстили о его смерти. „И хорошо сдѣлалъ," сказала она, помахавъ рукою надъ грудью.

Однако честь-честью—на похороны послала свою главную горничную въ каретѣ.

— Нельзя-же, говорила эта дама сидѣвшей съ нею рядомъ помощницѣ, восхищавшейся добродѣтелью Анны Павловны,— нельзя-же не почтить,—все-же, какъ хотите, Божье дитя.

И въ присутствіи этихъ двухъ почтенныхъ особъ маленькій гробикъ съ останками Кости былъ опущенъ въ могилу.

Мечта твоя осуществилась, бѣдное Божье дитя: наконецъ ты нашелъ свой настоящій домъ!...

Александровскій утесъ.

(Рис. на стр. 340).

Въ глухихъ горахъ далекаго Урала, на самомъ гребнѣ, отдѣляющемъ Европу отъ Азіи, высоко стоитъ величественный памятникъ. Не красна его отдѣлка. Человѣкъ не трудился надъ нимъ. Его воздвигла сама природа. Но за то человѣкъ знаетъ и помнитъ его, и кого ни спросите на Уралѣ, каждый знаетъ, гдѣ стоитъ „Утесъ Александра", хотя не каждый сумѣетъ пробраться къ нему черезъ нагроможденныя природой скалы, темныя разсѣлины и цѣлые костры бурелома у самаго подножія горы. Народъ отлично знаетъ этотъ утесъ; въ немъ живетъ, да навѣрно и не умретъ никогда память о Томъ, Кто далъ этому утесу свое имя. Живы и теперь эти старики, на глазахъ у которыхъ прославился одинокій утесъ угрюмаго Урала. Вотъ что̀ разсказываютъ они о томъ далекомъ времени.

„Давно это было. Полсотни лѣтъ ужь, поди, утекло... Послалъ

къ намъ Царь своего сына. „Поди, говоритъ, посмотри страну свою: надъ нею царствовать ты будешь!" И поѣхалъ молодой наслѣдникъ обозрѣвать свое царство. Ѣдетъ день, ѣдетъ другой, скачетъ недѣлю, другую скачетъ, мѣсяцъ прошелъ, — а нѣтъ конца тому царству. Пріѣхалъ онъ въ наши горы. „Конецъ?" спрашиваетъ.—„Половины,—говорятъ,—не проѣхали!"—„А что же тамъ?"—„А тамъ Сибирь—золотое дно!" И поднялся онъ тутъ на высокую гору, да и съ нея только краешекъ своего царства увидѣлъ. Но познало онъ тутъ силу свою: по правую руку у него было желѣзо, по лѣвую—золото, а въ лицо ему глядитъ милосердное красное солнышко. Отъ желѣза взялъ онъ силушки, богатства отъ золота, а милосердіемъ наградило его солнышко, что сильнѣе булата желѣзнаго и ярче золота драгоцѣннаго... Давно покинулъ сынъ царскій наши горы, а камень и посейчасъ въ народѣ Александровскимъ зовется".

Такъ разсказываетъ народъ о пребываніи почившаго императора въ горахъ Южнаго Урала. Это было въ 1837 году, когда покойный государь, еще будучи наслѣдникомъ престола, предпринялъ далекую поѣздку по европейской Россіи и Сибири. Поѣздка эта была предпринята „для пополненія книжнаго ученія" девятнадцатилѣтняго наслѣдника престола. Впрочемъ, Жуковскій, сопровождавшій его во все время путешествія, придавалъ этому путешествію нѣсколько иное значеніе. Вотъ что, напр., писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ съ дороги, изъ Твери, 6 мая, т. е. при самомъ началѣ путешествія.

... „Наше путешествіе меня особенно радуетъ: результатъ его можетъ быть весьма важнымъ и на цѣлую жизнь. Я не жду отъ него большой жатвы положительныхъ практическихъ свѣдѣній о состояніи Россіи: для этого мы слишкомъ скоро ѣдемъ...

... „Мы соберемъ, конечно, много фактовъ отдѣльныхъ, и это будетъ имѣть свою пользу; но главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно пріобрѣсть Великому Князю: польза глубокаго, неизгладимаго впечатлѣнія". *)

Въ другомъ письмѣ къ императрицѣ изъ Ярославля отъ 10 мая Жуковскій писалъ слѣдующее:

... „Наше путешествіе можно сравнить со чтеніемъ книги, въ которой теперь Великій Князь прочтетъ одно только оглавленіе, дабы получить общее понятіе о ея содержаніи. Послѣ начнетъ онъ читать каждую главу особенно. Эта книга — Россія; но книга одушевленная, которая сама будетъ узнавать своего читателя. И это-то *узнаніе* есть главная цѣль теперешняго путешествія". **)

Но, кажется, вѣрнѣе всего опредѣляетъ значеніе своего путешествія самъ покойный императоръ въ слѣдующихъ строкахъ своего письма: „Я своими глазами и вблизи, — говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, — познакомился съ нашей матушкой Россіей и научился еще болѣе *любить* ее и *уважать*. Да, намъ точно можно гордиться, что мы принадлежимъ Россіи и называемъ ее своимъ отечествомъ". (Шумахеръ. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II).

Какъ-бы то ни было, но покойный императоръ еще юношей побывалъ на Уралѣ. Въ бытность свою въ Златоустѣ въ іюнѣ 1837 года онъ всходилъ на такъ-называемую Уральскую сопку, которая съ тѣхъ поръ и стала называться Александровскою. Этимъ же именемъ сталъ называться и утесъ на гребнѣ сопки, откуда государь любовался чудною панорамой окружащихъ горъ. Сопка эта видна изъ города въ восточномъ направленіи; отъ Златоуста до нея считается 10 верстъ. Высота ея 2941 фут. надъ уровнемъ моря. Разсказываютъ, что во время подъема на эту гору свита далеко отстала отъ великаго князя и онъ одинъ забрался на гребень, оставивъ за собой даже проводниковъ.

*) Сочин. Жуковскаго. Изданіе 1885 г., т. VI, стр. 298.
**) Idem, стр. 299.

Александровскій утесъ въ горахъ Урала (на границѣ Европы съ Азіей).
Съ фотогр. Горбунова, грав. Рашевскій.

Прошло больше полстолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Александръ Николаевичъ посѣтилъ Уральскую сопку и начерталъ свое имя на ея утесѣ. Но едва-ли съ тѣхъ поръ измѣнился въ чемъ-нибудь этотъ утесъ. Слишкомъ ужъ прочень этотъ памятникъ и не скоро онъ поддастся разрушительной силѣ времени. Во время моихъ лѣтнихъ экскурсій по Уралу мнѣ удалось побывать и на утесѣ императора Александра и даже увезти о немъ память въ видѣ нѣсколькихъ фотографій. Насколько мнѣ извѣстно, это—первыя фотографіи Александровскаго утеса и его окрестностей. По крайней-мѣрѣ такъ увѣряли меня въ Златоустѣ люди, имѣющіе основаніе интересоваться фотографическимъ снимкомъ этого историческаго памятника.

Чтобы попасть на Александровскую сопку надо ѣхать изъ Златоуста по Екатеринбургскому тракту.

„Какъ доѣдете до 154-го телеграфнаго столба, напутствовали меня въ Златоустѣ, — такъ и будетъ своротъ налѣво, на лѣсную дорожку. Она васъ и выведетъ къ самой сопкѣ!"

Дорога отъ Златоуста все время идетъ въ гору. Сначала перевалили Тесьминскую гору и затѣмъ стали круто подниматься на собственно Уральскій гребень. Хребетъ здѣсь, какъ извѣстно, раздѣляется на три отдѣльныхъ кряжа: центральный, собственно Уральскій, составляющій границу между Европой и Азіей; затѣмъ, восточный, извѣстный подъ именемъ Ильменскихъ горъ, и западный — Уренгайскія горы. На этотъ-то центральный кряжъ и поднимался теперь я со своими проводниками, оставивъ за собою Уренгу. Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе становился подъемъ, какъ вслѣдствіе крутизны, такъ и благодаря значительнымъ водомоинамъ, отъ которыхъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности уберечь почтовый трактъ: какъ ни утрамбовывай, сильные ручьи, бѣгущіе съ горъ послѣ дождей, сверлятъ почву какъ-бы гигантскими буравами. Съ обѣихъ сторонъ тянется густой сосновый боръ, такъ что ѣдешь какъ-бы по широкой аллеѣ. Вотъ и девятая верста, и конецъ подъема: мы уже на самомъ гребнѣ. Два полосатые столба съ желтыми государственными гербами указываютъ границу между двумя материками. Еще шагъ — и мы въ Азіи. Отъ столбовъ въ обѣ стороны по лѣсу идутъ широкія просѣки, скрываясь въ ложбинѣ и снова выбѣгая на далекомъ отрогѣ. Дорога пошла подъ-гору. Но вотъ и 154-й телеграфный столбъ, а около него и чуть замѣтная лѣсная дорожка. Сворачиваемъ на нее и въѣзжаемъ въ густой лѣсъ сосенъ и елей. Дорожка очень глухая; поминутно приходится отстранять широкія вѣтви елей, нависнувшихъ надъ тропой. Говорятъ, что дорожка эта оживаетъ только съ половины іюля, когда начнутся покосы по лѣснымъ полянамъ. Мы держимъ путь къ балагану, который, по словамъ проводниковъ, долженъ быть у самаго подножія сопки. Проѣхали съ полверсты. Пора-бы и балагану быть, а его все нѣтъ, какъ нѣтъ. Дорожка раздѣлилась. Которою ѣхать?

— Надо быть, правою! рѣшаетъ одинъ изъ проводниковъ.

— Почему-же правою?

— Да лѣвой, будто, въ прошломъ году не было!

— Какъ не было? Была! вмѣшивается второй проводникъ.

— Все-жъ-таки держись правой, — вѣрнѣе будетъ!

На томъ и порѣшили. Снова раздѣлилась дорожка, мы снова взяли правѣй, и выѣхали какъ разъ къ балагану.

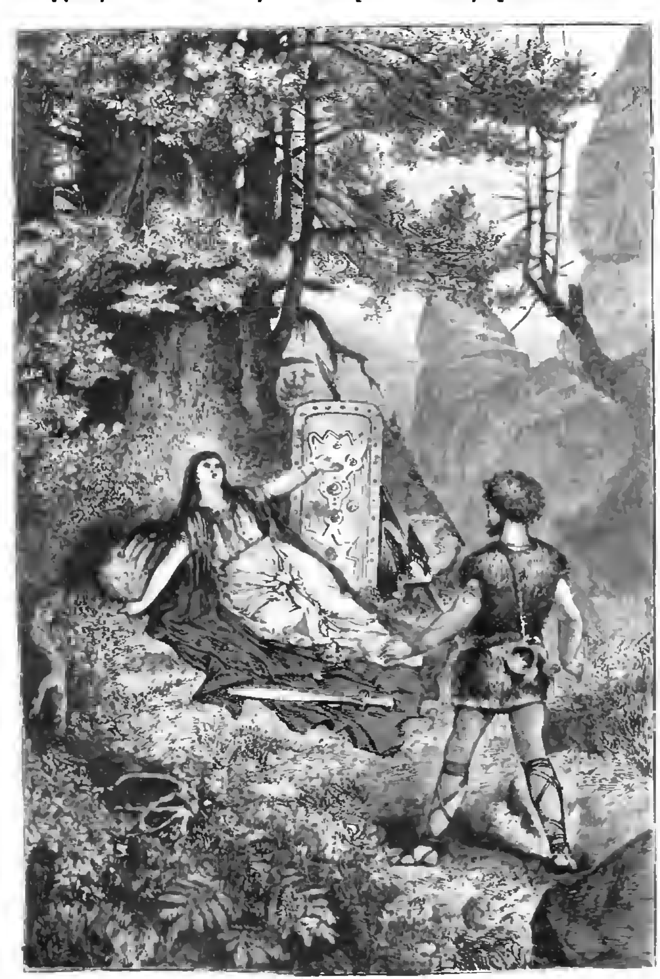
Тутъ только открылась и Александровская сопка.

До сихъ поръ изъ-за лѣса ея совсѣмъ не было видно.

Широкимъ конусомъ поднималась она на сѣверо-востокѣ; бока поросли густымъ ельникомъ, который чѣмъ выше, тѣмъ становится мельче и уродливѣе; вершины совсѣмъ обнажены и ярко блестятъ на солнцѣ.

„Кольцо Нибелунга", трилогія Вагнера. Прологъ. „Золото Рейна". Дочери Рейна и Альберихъ. По рис. Эквалъ, грав. Флюгель.

„Кольцо Нибелунга", трилогія Вагнера. Первый день. „Валкирія". Бой Гундинга съ Зигмундомъ. По рис. Эквалъ, грав. Шюблеръ.



„Кольцо Нибелунга", трилогія Вагнера. Второй день. „Зигфридъ". Пробужденіе Брюнгильды. По рис. Эквалъ, грав. Шюблеръ.

„Кольцо Нибелунга", трилогія Вагнера. Третій день. „Гибель боговъ". По рис. Эквалъ, грав. Пуцъ.

Оставивъ лошадей у балагана и отдохнувъ съ полчаса, мы начинаемъ подъемъ на сопку. Какъ ни угрюмъ ея видъ, но изо всѣхъ сопокъ Южнаго Урала, на которыя мнѣ приходилось взбираться, это положительно самая милостивая. Тропа обозначается довольно ясно, хотя и не вездѣ: всего чаще она теряется въ каменныхъ розсыпяхъ, гдѣ твердый кварцъ не оставляетъ на себѣ никакихъ слѣдовъ для непривычнаго глаза, но проводники и тамъ усматриваютъ имъ однимъ понятные слѣды. Масса бурелома поминутно преграждаетъ дорогу и заставляетъ дѣлать обходы. Одна сосна, обхвата въ полтора, улеглась какъ разъ поперекъ тропы. Она ужъ давно обветшала, прогнила, и лежитъ здѣсь вѣроятно не одинъ десятокъ лѣтъ. Здѣсь не дѣлаютъ обхода (слишкомъ былъ-бы великъ онъ) и перелѣзаютъ черезъ нее. Кора въ этомъ мѣстѣ сильно обита ногами; здѣсь только и можно удостовѣриться, что тропа дѣйствительно торная и что ей не даютъ заростать. Надо только удивляться, въ чемъ находятъ пищу здѣсь эти лѣсные великаны. Куда ни посмотришь, вездѣ только и видишь голый камень, едва прикрытый старою опавшею хвоей. А между тѣмъ, изъ трещинъ скалъ лѣзутъ высокія ели и сосны, растутъ густые кусты душистой малины, на потребу случайному бродягѣ-охотнику и постоянному обитателю этихъ мѣстъ лакомкѣ-медвѣдю. Тропа идетъ по каменной розсыпи и круто поворачиваетъ влѣво; впереди между деревъ начали уже мелькать утесы самаго гребня. Мы входимъ въ мелкій ельникъ и идемъ между двухъ громадныхъ скалъ, совсѣмъ нависшихъ надъ едва замѣтною тропинкой. Дальше десяти шаговъ ничего не видно: все скрыто каменными глыбами и частымъ ельникомъ. Утомленіе чувствуется сильнѣе, потому что не знаешь, скоро-ли, наконецъ, выйдешь на свѣтъ Божій... А выходъ ближе, чѣмъ можно было предполагать. Совершенно неожиданно, по крайней-мѣрѣ для меня, мы очутились на ровномъ каменномъ уступѣ, за которымъ тянулся и самый гребень. Три утеса или *камня*, какъ ихъ здѣсь называютъ, рѣзко выдѣлялись надъ всѣмъ гребнемъ. Всѣ они изъ бѣлаго кварца и ярко блестятъ на солнцѣ. Самый меньшій изъ нихъ, лѣвый и есть „утесъ Александра“. Добраться къ нему не легко: надо карабкаться по голому камню какъ разъ надъ глубокой разсѣлиной. Но добраться надо: видъ, который открывается съ этого утеса, вполнѣ вознаграждаетъ за трудность подъема. Прямо на югъ развертывается чудная панорама горъ; направо, т.-е. на западъ, видны безчисленныя сопки и гребни Уренгайскихъ горъ; Златоустъ, это желѣзное царство Южнаго Урала, виденъ весь, какъ на ладони; заводскій прудъ блеститъ какъ зеркало подъ яркими лучами солнца; налѣво на востокѣ виденъ Міасъ, это золотое царство, а за нимъ рядъ озеръ и ровная гладь степей. Когда я взглянулъ на эту чудную панораму, мнѣ стало вполнѣ понятно, почему народное преданіе дало покойному императору въ правую руку желѣзо, а въ лѣвую — золото: такъ было дѣйствительно, когда стоялъ онъ на своемъ уральскомъ утесѣ. Съ южной и восточной сторонъ утеса идетъ глубокій обрывъ; съ этихъ сторонъ добраться къ нему еще труднѣе, чѣмъ съ западной: приходится идти около гребня, какъ по карнизу, но съ южной стороны онъ особенно красивъ; съ этой-же стороны сдѣлана и надпись, какъ говорятъ, самимъ покойнымъ императоромъ:

А
1837 года
9 іюня

Впослѣдствіи эти буквы были высѣчены и позолочены. Но я уже не видѣлъ позолоты: буквы просто были выкрашены сурикомъ. На фотографіи эта надпись покойнаго императора видна довольно отчетливо.

Небольшой выступъ, примыкающій къ „утесу Александра“ съ лѣвой стороны, носитъ на себѣ другую надпись:

Н
27 іюня
1866 года

Эта надпись сдѣлана Николаемъ Максимиліановичемъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ во время его путешествія по Уралу въ 1866 году.

Съ западной стороны утеса есть много надписей, сдѣланныхъ карандашемъ; но безпощадные дожди постоянно смываютъ ихъ, очищая, такимъ образомъ, мѣсто для именъ новыхъ туристовъ. Только надписи съ буквами А и Н остаются неприкосновенными.

Таковъ нерукотворный памятникъ покойнаго императора въ горахъ Урала на самой границѣ Европы съ Азіей.

К. Горбуновъ.

Къ рисункамъ.

На гору. (Рис. на стр. 325).

Полдень. Горячій воздухъ прозраченъ, какъ стекло. Дальнія горы, съ вѣчными снѣгами на своемъ гребнѣ, отчетливо вырисовываются на горизонтѣ. Въ гору медленно подымается повозка. Сухопарая, но жилистая лошадка, какъ бы ощупывая копытами почву, не торопясь, но увѣренно шагаетъ по извилистой дорогѣ, вдоль которой на размѣренномъ разстояніи поставлены небольшіе камни съ указаніемъ пройденнаго пути.

Старорусская крестьянка (Новгородской губ.).

(Рис. на стр. 328).

Въ № 3 *Нивы* за текущій годъ мы помѣстили изображеніе старорусской горожанки въ праздничномъ уборѣ; прилагаемъ въ pendant къ этому рисунку изображеніе повседневнаго будничнаго наряда мѣстныхъ крестьянокъ, который отличается лишь отсутствіемъ жемчужнаго головнаго убора, замѣняемаго простымъ повойникомъ, да тѣмъ что сарафанъ въ такихъ случаяхъ надѣвается не штофный, а будничный, кумачный и т. п. Обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно типично переданное художникомъ выраженіе лица и бойкій осмысленный взглядъ молодой женщины, въ которомъ свѣтится спокойный, находчивый и слегка насмѣшливый умъ, свойственный всему великорусскому племени вообще и новгородцамъ въ особенности.

На Литвѣ. Подъ сѣнію креста. (Рис. на стр. 329).

Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Ковенской, не говоря уже о привислинскихъ, нерѣдко попадаются, особенно на перекресткахъ дорогъ, ветхіе католическіе кресты съ изваяніями распятаго Спасителя, подобные изображенному на рисункѣ г. Штейна. Это любимое мѣсто отдыха усталыхъ пѣшеходовъ, пробирающихся на богомолье или по дѣламъ изъ селенія въ селеніе.

„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“. (Рис. на стр. 333).

Рисунокъ И. Волкова заимствованъ изъ старинной повѣсти Жуковскаго „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“, состоящей изъ двухъ баллад „Громобой“ и „Вадимъ“. Громобой, продавъ свою душу Асмодею, по истеченіи срока получаетъ отъ него отсрочку на 12 лѣтъ за души своихъ двѣнадцати дочерей, но затѣмъ раскаивается и проводитъ остатокъ жизни въ молитвѣ. По смерти его, ради искупленія, Небо погружаетъ его дочерей въ непробудный сонъ, пока не придетъ искупитель, а искупителемъ явится тотъ,

Кто ихъ не зрѣвши, распаленъ
Одной изъ нихъ красою,
Придетъ, житейское презрѣвъ,
Въ забыту ихъ обитель.

Этимъ искупителемъ былъ Вадимъ, похожденіямъ котораго и посвящена вторая часть или баллада повѣсти Жуковскаго. Нашъ рисунокъ относится къ слѣдующимъ строфамъ баллады:

Въ нѣдрѣ неприступныхъ стѣнъ
Молчаніе могилы;
Окрестъ ихъ, мглою покровенъ,
Сѣдѣетъ лѣсъ унылый:
Тамъ вѣтеръ не шумитъ въ листахъ,
Не слышно водъ журчанья,
Ни благовонія въ цвѣтахъ,
Ни въ травкѣ нѣтъ дыханья.
И дѣвы спятъ—ихъ сонъ глубокъ;
И жребій искупленья,
Безвѣстенъ, близокъ иль далекъ;
И нѣтъ имъ пробужденья.
Но въ часъ, когда поля заснутъ,
И мглой земля одѣта
(Между торжественныхъ минутъ
Полночи и разсвѣта),
Одна изъ спящихъ востаетъ —
И странникъ одинокой,
Свой срочный начинаетъ ходъ
Кругомъ стѣны высокой;
И смотритъ вдаль, и ждетъ съ тоской:
„Приди, приди спаситель!“
Но даль покрыта черной мглой...
Нейдетъ, нейдетъ спаситель!
Когда-жь исполнится луна,
Чреда приходитъ смѣны:
Въ урочный часъ пробуждена,
Одна идетъ на стѣны,
Другая къ ней со стѣнъ идетъ,
Встрѣчается, и руку,
Вздохнувъ, пришелицѣ даетъ
На долгую разлуку;
Потомъ къ почіющимъ сестрамъ,
Задумчива, отходитъ,
А та печальна по стѣнамъ
Одна до смѣны бродитъ...

Лѣсничій у домашняго очага. (Рис. на стр. 336 и 337).

Имя Лудвига Кнауса хорошо извѣстно. Его высокохудожественныя картины давно уже доставили ему заслуженную славу. Недаромъ онъ избранъ членомъ академій въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Амстердамѣ, Антверпенѣ и Христіаніи. До чего инте-

ресно, правдиво и привлекательно можетъ быть переданъ самый незатѣйливый сюжетъ его кистью, можно видѣть изъ помѣщенной въ настоящемъ нумерѣ гравюры съ его картины „Лѣсничій у домашняго очага“, изображающей нѣмецкаго лѣсничаго, сладко отдыхающаго послѣ обхода по своему участку.

„По примѣру боговъ“, картина Генриха Семирадскаго. (Рис. на стр. 344).

Въ тѣнистомъ сумракѣ густаго древне-римскаго сада, на берегу пруда заросшаго кувшинками, у подножія мраморной группы Амура и Психеи, расположилась другая, живая чета; молодой патрицій, очевидно только что прибывшій на свиданіе въ своей лодочкѣ, украшенной фигурами лебедя и голубей, птицъ посвященныхъ богинѣ любви, застаетъ свою возлюбленную на условленномъ мѣстѣ за любимымъ занятіемъ, плетеніемъ цвѣточной гирлянды. Примѣръ боговъ заразителенъ — особенно въ томительный полдень, когда знойный воздухъ насыщенъ нѣжащими ароматами цвѣтовъ, а молодая кровь клокочетъ лавой и зажигаетъ сердца... И вотъ гирлянда выскользнула изъ рукъ молодой дѣвушки—и сходство съ богами получилось полное.

Александръ I, король Сербскій, и регентъ Ристичъ.

(Портр. на стр. 345).

Въ самый разгаръ сербско-турецкой войны, когда въ сербской столицѣ оставались старики, женщины, дѣти, да пострадавшіе на войнѣ, а остальное населеніе билось съ врагами отчизны, 2 (14) августа 1876 года пушечные выстрѣлы съ бѣлградской цитадели возвѣстили о появленіи на свѣтъ въ канакѣ наслѣдника Шумадійской короны. Принцу дали имя Александра, и вскорѣ въ бѣлградскомъ канакѣ съ большимъ торжествомъ совершенъ былъ надъ нимъ обрядъ крещенія, причемъ воспріемникомъ Александра отъ купели былъ въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Николаевичъ. Любовь Милана къ сыну, по общимъ отзывамъ, была безгранична; не менѣе сильно любила его и мать. Ребенокъ росъ здоровымъ и бодрымъ подъ непосредственнымъ надзоромъ королевы Наталіи, женщины умной и высокообразованной, причемъ воспитаніе его было сперва поручено г-жѣ Пеленгръ, швейцарской уроженкѣ, научившей принца говорить по-французски и по-англійски, затѣмъ мѣсто ея заступилъ нынѣшній гувернеръ короля Александра, докторъ Докичъ. Онъ прошелъ съ принцемъ курсъ первыхъ классовъ гимназіи, наблюдая за преподаваніемъ всѣхъ предметовъ и особенно языковъ: русскаго, англійскаго, нѣмецкаго и итальянскаго. По свидѣтельству газеты *Neue Freie Presse*, Миланъ нерѣдко присутствовалъ при классныхъ занятіяхъ сына и порою задавалъ ему какой-нибудь вопросъ по латинской грамматикѣ, хотя самъ Миланъ съ латынью почти совсѣмъ незнакомъ. У принца не было недостатка и въ преподавателяхъ музыки, рисованія, верховой ѣзды, фехтованія и проч., и когда онъ съ матерью былъ въ Висбаденѣ, въ 1888 году, жители ежедневно видѣли юнаго Обреновича въ сербскомъ мундирѣ, катающимся верхомъ въ сопровожденіи своего адъютанта, полковника Любоміра Баяловича. По возвращеніи изъ Висбадена, Александръ сдѣлался чрезвычайно любознательнымъ и проявилъ склонность къ наукамъ. Онъ полюбилъ исторію, географію и въ особенности естественную исторію. Раньше же онъ обнаруживалъ нѣкоторую лѣность, такъ что королева-мать зачастую дѣлала ему выговоры. Когда въ 1886 году мать взяла его съ собою въ Крымъ, гдѣ имъ обоимъ былъ оказанъ весьма радушный пріемъ Государемъ Императоромъ, юный Александръ былъ внѣ себя отъ восторга, что съ ними Докичъ не поѣхалъ и не будетъ „мучить“ принца во время путешествія. Однажды, за обѣдомъ, принцъ задумался и пресерьезно спросилъ мать: у всѣхъ-ли дѣтей имѣются Докичи. Мать отвѣтила утвердительно, и принцъ, съ глубокимъ вздохомъ замѣтилъ: „Нечего дѣлать, я долженъ буду подчиниться этому“. 22 февраля (6 марта) король Миланъ отрекся отъ короны въ пользу сына, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Александра I. Юному королю только въ августѣ текущаго года исполнится 13 лѣтъ, слѣдовательно ему остается еще пять лѣтъ слишкомъ до совершеннолѣтія. Видѣвшіе короля Александра отзываются о немъ, какъ объ очень симпатичномъ отрокѣ, производящемъ прекрасное впечатлѣніе. Онъ довольно большаго роста, похожъ и на мать, и на отца; у него прелестные, выразительные, добрые глаза, гибкій станъ и хорошія манеры. Характеръ у него живой, но вмѣстѣ съ тѣмъ чистосердечный. Король страстно любитъ свою мать и сильно тосковалъ о ней, когда ихъ насильственно разлучили. Сообщая своей Августѣйшей родительницѣ о восшествіи своемъ на престолъ, король Александръ адресовалъ это телеграфное сообщеніе такъ: „Ея Величеству королевѣ Наталіи“. Въ послѣднее время до восшествія на престолъ, юный король сталъ обнаруживать большой интересъ къ военному дѣлу, былъ въ восторгѣ когда его назначили поручикомъ 7-го пѣхотнаго полка его имени и выпросилъ у отца разрѣшеніе ходить въ теченіе нѣсколькихъ дней въ офицерскомъ мундирѣ и посылать рапорты полковому командиру. Прилагая портретъ юнаго короля, присоединяемъ и послѣдній портретъ одного изъ членовъ учрежденнаго надъ нимъ регентства, Іована Ристича, котораго біографія была въ свое время помѣщена въ „Нивѣ“.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Рис. на стр. 341).

Какъ извѣстно уже читателямъ „Нивы“, въ Петербургѣ на сценѣ Маріинскаго театра идутъ представленія трилогіи (или считая съ прологомъ—тетралогіи) Вагнера „Кольцо Нибелунга“; по окончаніи четырехъ абонементовъ (цикловъ), предполагается дать ее и въ Москвѣ. Поэтому считаемъ своевременнымъ познакомить читателей съ этимъ геніальнымъ произведеніемъ, насколько позволятъ размѣры нашего журнала, т. е. въ самыхъ общихъ чертахъ.

При этомъ мы находимъ совершенно излишнимъ распространяться о томъ новомъ родѣ музыки, основателемъ котораго считается Вагнеръ,—о такъ-называемой „музыкальной драмѣ“, тѣмъ болѣе, что объ этомъ написаны цѣлые томы какъ самимъ Вагнеромъ, такъ и его противниками. Музыкальная драма отличается отъ оперы тѣмъ, что въ ней текстъ не есть подчиненное музыкѣ и само по себѣ ничтожное либретто, а совершенно самостоятельное поэтическое произведеніе, которому музыка должна служить такимъ-же дополненіемъ, какъ напримѣръ служатъ краски къ рисунку, для достиженія художественнаго цѣлаго—картины. Мы взяли это несовсѣмъ точное сравненіе лишь въ виду того, что Вагнеръ въ своихъ произведеніяхъ придаетъ главное значеніе именно драмѣ, которая такимъ образомъ скорѣе могла-бы обойтись безъ музыки, нежели наоборотъ; подобно тому какъ рисунокъ можетъ быть совершенно законченнымъ и безъ красокъ. Идеаломъ-же музыкальной драмы было-бы полное гармоничное сліяніе двухъ элементовъ — музыки и драматической поэзіи. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самой возможности сліянія двухъ искусствъ, которое какъ-то невольно приводитъ на память безобразное сліяніе живописи и скульптуры въ раскрашенныхъ статуяхъ, — мы отмѣтимъ лишь то, что Вагнеръ въ своей трилогіи не только не достигаетъ такого полнаго сліянія, но, добиваясь его во что бы то ни стало, весьма часто нарушаетъ основные законы изящнаго и нерѣдко грѣшитъ возмутительнымъ отсутствіемъ чувства мѣры, составляющаго отличительный признакъ истинно художественныхъ созданій; тѣмъ не менѣе, избѣгая эпитета „художественный“, мы настаиваемъ на томъ, что трилогія „Кольцо Нибелунга“ произведеніе геніальное—титаническая попытка, которая быть-можетъ болѣе и не удастся въ такой мѣрѣ никому изъ многочисленныхъ послѣдователей Вагнера, какъ не удавалась имъ до сихъ поръ, доходя до комизма въ потугахъ такъ-называемой „могучей кучки“.

Чтобы покончить съ музыкальною стороной „Кольца Нибелунговъ“, которая менѣе всего поддается краткому очерку, отмѣтимъ, что при всемъ богатствѣ звуковъ, для изображенія коихъ Вагнеромъ введены были въ оркестръ даже дополнительные, до него небывалые инструменты, при всей роскоши изобрѣтенія звуковыхъ комбинацій, благодаря коей музыка его можетъ быть названа звуковою „полихроміей“ (многоцвѣтностью), напрасно стали-бы мы искать въ трилогіи того послѣдовательнаго развитія музыкальной мысли, того драматическаго хода самой музыки, которые такъ осязательно выступаютъ въ образцовыхъ операхъ, напр., чтобы недалеко ходить, въ „Жизни за Царя“ Глинки. Здѣсь въ первой сценѣ вы слышите лишь чисто-русскіе звуки, сначала въ ихъ такъ-сказать будничномъ, повседневномъ теченіи, потомъ къ концу акта въ приподнятомъ радостною вѣстью объ избраніи царя, ликующемъ напряженіи; во второй сценѣ—чисто-польскіе звуки и опять въ той-же градаціи сначала безпечнаго, свойственнаго польскому племени, легкомысленнаго разгула мазурки и краковяка, потомъ хвастливыхъ и заносчивыхъ угрозъ хора по поводу той-же вѣсти; въ третьей сценѣ русскіе и польскіе звуки сталкиваются между собою въ избѣ Сусанина (русскіе крестьяне и польскій отрядъ), борясь между собой съ равною силой; въ четвертой и пятой сценахъ русскіе звуки постепенно забираютъ силу насчетъ польскихъ, преодолѣваютъ, давятъ и заглушаютъ ихъ; въ шестой и седьмой — ни одного польскаго звука и побѣдное ликованіе русскихъ. Еслибъ не было вовсе либретто и дѣйствующія лица пѣли безъ словъ и безъ костюмовъ — драма была-бы вамъ совершенно и въ той-же мѣрѣ понятна, какъ со словами и обстановкой, потому что она вся въ музыкѣ — а либретто и обстановка какъ-бы прибавлены ради толпы, которая соскучилась-бы въ области однихъ звуковъ. Въ трилогіи Вагнера литературной сторонѣ драмы дано преобладающее или по меньшей мѣрѣ равноправное значеніе относительно музыкальной — и вотъ здѣсь-то подтвердилась та эстетическая истина, что нельзя безнаказанно сглаживать границы между разнородными искусствами. Каждому искусству свойственны свои формы, свои спо-

По примѣру боговъ. Съ карт. (собств. Государя Императора) г. **Семирадскаго**, грав. Шюблеръ.

собы выраженія; будучи сопоставлены, разнородныя формы лишь изрѣдка могутъ идти рядомъ въ полномъ согласіи; большею же частью или отстаютъ одна отъ другой, или опережаютъ другъ друга. Напр., изображая скоропреходящее душевное настроеніе, произведенное въ человѣкѣ какимъ-либо событіемъ, музыка можетъ прямо очертить его нѣсколькими тактами мелодіи грустной или веселой; поэзія должна дать предварительно цѣлый разсказъ объ этомъ событіи, для того чтобы оттѣнки настроенія стали ясны,—и слѣдовательно необходимо растянуть сопровождающую музыку въ ущербъ ея красивой мимолетности. Обратный примѣръ: быстрый переходъ изъ одного душевнаго настроенія въ другое, положимъ изъ веселаго въ грустное, при внезапномъ событіи, въ поэзіи можетъ быть выраженъ помощью двухъ-трехъ словъ или даже одного междометія; въ музыкѣ при этомъ потребуется цѣлый рядъ модуляцій для перехода изъ одного тона въ другой и слѣдовательно придется растягивать литературный текстъ въ ущербъ его энергической сжатости. Мы беремъ самые грубые примѣры ради ясности, но такихъ случаевъ столкновенія безконечное множество — и такимъ образомъ поэзія и музыка будутъ постоянно тормозить другъ друга, если одной изъ нихъ не будетъ дано второстепеннаго, подчиненнаго, чисто служебнаго значенія. Какъ же справляется Вагнеръ съ этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ?

Выручаетъ его именно исключительный талантъ, т. е. геніальность. Дѣло въ томъ что—по замыслу по крайней мѣрѣ — Вагнеръ въ равной мѣрѣ и поэтъ, и музыкантъ, а благодаря его виртуозности въ обѣихъ сферахъ, онъ въ извѣстной степени можетъ пренебрегать по мѣрѣ надобности такими законами, нарушеніе которыхъ со стороны менѣе даровитаго автора повлекло бы за собой полное фіаско произведенія. Вы часто въ теченіе трилогіи возмущены этими „вольностями“, или до наивности грубыми неловкостями, но невольно прощаете ихъ въ виду грандіозности цѣлаго.

Чтобы покончить разъ навсегда съ этими недостатками, укажемъ весьма частыя, утомительныя длинноты въ музыкѣ ради текста, по временамъ долгое отсутствіе дѣйствія въ драмѣ ради пояснительныхъ разсказовъ, иногда до комизма доходящую грубость внѣшнихъ явленій и характеристикъ въ погонѣ за фальшивою реальностью (напр. миѳическое существо, нибелунгъ Альберихъ, *чихаетъ* карабкаясь на илистыя подводныя скалы рейнскаго дна).

Въ чемъ же заключается выкупающее всѣ эти недостатки величіе цѣлаго?

Во-первыхъ въ томъ что по замыслу трилогія эта относится къ тому высшему роду драмы, которая, въ противуположность мѣщанской драмѣ или драмѣ страстей, можетъ быть названа драмой человѣческаго духа, подобно *Фаусту* Гёте или *Манфреду* Байрона, слѣдовательно возвышается до міроваго значенія; а во-вторыхъ, что она исчерпываетъ всѣ проявленія древне-германскаго духа и быта, легшихъ въ основу развитія нѣмецкой національности.

Ни въ чемъ такъ осязательно не проявляется народный характеръ, внутренняя сущность народа, какъ въ его первобытной религіи и миѳахъ до-историческихъ былинъ (сагъ). Одна изъ такихъ религій или вѣрнѣе ѳеогоній, а именно общая древне-скандинавскому Сѣверу и языческой Германіи, одинъ изъ цикловъ древне-сѣверной саги, а именно сказанія скандинавской *Эдды* съ вытекшею изъ нея германскою *пѣснью о Нибелунгахъ*, и положены Вагнеромъ въ основу его трилогіи. Съ изумительною — для музыканта по преимуществу—эрудиціей воспользовался онъ всѣми варіантами отрывочныхъ сказаній *древней* и *позднѣйшей* Эддъ, норвежской *саги о Дитрихѣ* и *пѣсни о Нибелунгахъ*, переработалъ этотъ полу-сырой матеріалъ въ горнилѣ творчества и объединилъ его въ своемъ „Кольцѣ Нибелунга“.

Для полнаго уразумѣнія этой драмы необходимо предварительно припомнить основныя черты германской миѳологіи.

Іованъ Ристичъ, одинъ изъ членовъ регентства въ Сербіи.
Съ фот. грав. Б. Пуцъ.

Александръ I, король Сербіи.
Съ фотогр. Лешцера въ Бѣлградѣ, грав. Б. Пуцъ.

По древне-германской космогоніи, вселенная была населена существами четырехъ родовъ: 1) богами, сынами свѣта, представителями благодѣтельныхъ силъ природы, но не вѣчными и не всемогущими, а подчиненными времени и высшимъ законамъ, управляющимъ вселенною; 2) карликами, сынами ночи (нибелунгами), обитателями тьмы, Нибельгейма (страны тумана), представителями медленной, кропотливой работы зиждительныхъ силъ природы въ нѣдрахъ земли; 3) великанами, олицетворявшими враждебныя, буйныя, стихійныя силы природы, и наконецъ 4) людьми. Но еще до появленія человѣка началась между богами, карликами и великанами борьба за первенство власти. Эта борьба, долженствовавшая окончиться гибелью боговъ, т. е. паденіемъ языческаго міра, и составляетъ содержаніе тетралогіи Вагнера.

Въ первой части, составляющей прологъ или канунъ, подъ заглавіемъ *„Золото Рейна“*, люди вовсе не появляются на сценѣ. Перенося зрителя въ среду фантастическихъ существъ, Вагнеръ приготовляетъ его къ воспринятію впечатлѣній сверхъестественнаго особымъ пріемомъ. Передъ сомкнутымъ занавѣсомъ (онъ не поднимается, какъ обыкновенно, вверхъ, а раздвигается съ середины сцены въ обѣ стороны, направо и налѣво, какъ въ средневѣковыхъ театрахъ) при звукахъ трубы, служащей повѣсткой о началѣ, въ зрительной залѣ приглушается люстра и воцаряется полумракъ, въ которомъ раздаются на первыхъ порахъ тихіе, трудно уловимые звуки оркестра. Раздвигается занавѣсъ—и передъ зрителемъ во всю сцену сначала непроницаемая, потомъ слегка просвѣчивающая посрединѣ и какъ бы волнующаяся тьма. Звуки въ оркестрѣ становятся все опредѣленнѣе, изображая перекаты волнъ, декорація мало-по-малу проясняется и вы видите во всю сцену дно Рейна загроможденное причудливыми подводными утесами и затопленное до самаго верхняго занавѣса прозрачными движущимися синими волнами, въ ряби которыхъ причудливо преломляется свѣтъ. Въ нихъ рѣзвятся, плавая, ныряя, гоняясь одна за другой, три дочери Рейна, *Воглинда, Вельгунда* и *Флосгильда*, которыя сторожатъ *спящее* на среднемъ утесѣ золото. Въ разсѣлинѣ одной изъ подводныхъ пещеръ мрачнаго Нибельгейма появляется

неуклюжій, косматый грязный карликъ, нибелунгъ Альберихъ; онъ любуется водяными красавицами и не прочь добиться ихъ благосклонности. Но онѣ только дразнятъ его и потѣшаются надъ нимъ, доводя до бѣшенства. Внезапно средній утесъ и окружающая его вода освѣщаются яркимъ блескомъ — это *проснулось* золото, лежащее на вершинѣ утеса громаднымъ самородкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ по всей водѣ разливается свѣтъ утренней зари. Пораженный Альберихъ спрашиваетъ у русалокъ, что̀ это такое. Русалки разсказываютъ ему что это золото Рейна — кому удастся сдѣлать изъ него кольцо, тотъ получитъ власть надо всѣмъ міромъ; но завладѣть этимъ золотомъ можетъ только тотъ, кто откажется отъ любви. Взбѣшенный своею неудачей у русалокъ, Альберихъ разомъ рѣшается — проклинаетъ любовь, бросается на утесъ и, схвативъ золото, съ хохотомъ исчезаетъ въ нѣдрахъ Нибельгейма. На всей сценѣ мгновенно воцаряется мракъ, въ которомъ раздается жалобный плачъ русалокъ, утратившихъ свое золото и вмѣстѣ съ нимъ свѣтъ.

Сцена мало-по-малу совершенно затопляется темными волнами, которыя превращаются въ черныя тучи, и когда послѣднія разсѣиваются, происходитъ такъ-называемая *чистая перемѣна:* на заднемъ планѣ видна гористая заоблачная мѣстность, царство свѣта и жилище боговъ, сначала еще въ ночномъ освѣщеніи. По мѣрѣ того какъ разсвѣтаетъ, на одной изъ горныхъ вершинъ обрисовывается мощная каменная твердыня крѣпости; между этой твердыней и авансценой глубокая долина, въ которой извивами течетъ Рейнъ. Справа на авансценѣ въ скалѣ зіяетъ темная пещера, входъ въ Нибельгеймъ — подземное царство мрака и нибелунговъ. Неподалеку, на цвѣтущемъ пригоркѣ спятъ сыны свѣта, стоящіе во главѣ германскаго Олимпа, міро-державный богъ войны Вотанъ и супруга его Фрикка. Проснувшись, Фрикка пугается при видѣ крѣпости и будитъ Вотана, но тотъ со своей стороны только любуется великолѣпною твердыней, которая дастъ ему возможность расширить свою власть и устоять въ борьбѣ съ враждебными ему исполинами и карлами. Онъ заключилъ съ двумя изъ враговъ своихъ, братьями-великанами *Фазольтомъ* и *Фафнеромъ* договоръ, по которому они обязались выстроить ему эту крѣпость въ одну ночь, причемъ и онъ поклялся имъ священными рунами (таинственными письменами) начертанными на его копьѣ, въ награду за работу, отдать сестру Фрикки, *Фрейю*, богиню юности, въ замужество влюбленному въ нее Фазольту. Вотъ эта-то цѣна и пугаетъ Фрикку: дѣло въ томъ что одна Фрейя умѣетъ взрощать въ своемъ саду золотыя яблоки, ежедневное вкушеніе которыхъ даетъ богамъ вѣчную юность и силу. Но Вотанъ спокоенъ: онъ положился на коварнаго *Логе* (богъ огня. воплощеніе зла и отрицанія), который обѣщалъ выручить его изъ бѣды и необходимости отдать Фрейю. Отмѣтимъ тутъ же, что въ этомъ и лежитъ глубоко-философская, психологическая завязка всѣхъ бѣдствій дальнѣйшей драмы. Источникъ всѣхъ золъ и преступленій — неправда; достаточно совершить малѣйшую неправду — и послѣдствія ея неисчислимы, если во время не искупить ее: она будетъ влечь за собою все большія несправедливости и преступленія, пока виновный не запутается въ нихъ окончательно и уже не станетъ самой возможности искупленія. Ослѣпленный властолюбіемъ, Вотанъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи изобрѣтательнаго духа лжи и зла, Логе, для того чтобы какъ-нибудь обойти свой договоръ съ великанами, прямо нарушить святость коего даже онъ, сильный богъ, не можетъ — чисто-германская черта. Надѣясь на помощь Логе, Вотанъ успокоиваетъ Фрикку тѣмъ что онъ никогда не думалъ серьезно отдать Фрейю. Между тѣмъ эта послѣдняя прибѣгаетъ на сцену съ мольбою о защитѣ отъ Фазольта, который явился за обѣщанною наградой. Въ оркестрѣ раздаются тяжкіе и грозные аккорды, изображающіе шаги исполиновъ: чувствуется что идетъ какая-то грозная, неудержимая, чудовищная стихійная сила. На сцену выступаютъ, грузно и неуклюже шагая, громадные братья-силачи, съ растрепанными космами волосъ и бородъ, едва прикрытые медвѣжьими шкурами, оба вооруженные цѣлыми деревьями вмѣсто палицъ. Вотанъ проситъ ихъ назначить другую плату за постройку, отказываясь выдать Фрейю. Фазольтъ совершенно ошеломленъ этимъ невѣроятнымъ для него исходомъ, но затѣмъ мгновенно свирѣпѣетъ отъ бѣшенаго негодованія. „Сынъ свѣта“, говоритъ онъ Вотану, „берегись нарушить святость договора: это совѣтъ глупаго исполина тебѣ, мудрецу.“ Великаны хватаютъ Фрейю и хотятъ увести ее силой. На крикъ ея о помощи, спѣшатъ братья богини, *Доннеръ* (богъ грома), вооруженный своимъ страшнымъ молотомъ, и *Фро* или *Фрейръ* (богъ солнца, дождя и плодородія) со своимъ мечемъ. Великаны бросаются на нихъ, замахиваясь палицами, Доннеръ грозитъ имъ своимъ тяжкимъ молотомъ; но Вотанъ протягиваетъ между спорящими свое копье и устраняетъ столкновеніе. Приходитъ долго жданный *Логе* и заявляетъ что онъ обошелъ весь свѣтъ, тщетно отыскивая такое сокровище, которое могло бы замѣнить доблестному мужу счастье даруемое прекрасною женщиной — на свѣтѣ нѣтъ ничего выше любви; во всемъ мірѣ нашлось только одно живое существо — нибелунгъ Альберихъ, который отказался отъ любви чтобы пріобрѣсть золото Рейна. Братья-исполины, считающіе нибелунговъ злѣйшими врагами, чрезвычайно заинтересованы разсказомъ и спрашиваютъ что̀ же такого важнаго въ золотѣ, если его такою цѣною рѣшился пріобрѣсть нибелунгъ. Узнавъ что скованное изъ него кольцо даетъ власть надо всѣмъ міромъ, великаны пугаются такой власти въ рукахъ своего злѣйшаго врага. Со своей стороны, боги тоже не прочь завладѣть этимъ кольцомъ, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію Логе, теперь ужь имъ нечего для этого отказываться отъ любви, достаточно отнять кольцо у Альбериха, наказавъ ограбившаго дочерей Рейна такимъ-же грабежемъ. Золото прельщаетъ и богинь, узнавшихъ отъ Логе, что изъ него можно дѣлать драгоцѣнныя украшенія, а что касается несправедливости по отношенію къ дочерямъ Рейна, то эти русалки всегда были ненавистны Фриккѣ, какъ соблазнительницы, утопившія въ Рейнѣ не одного доблестнаго мужа. Пока Вотанъ колеблется предъ этою новою несправедливостью, Фафнеръ уговариваетъ своего брата, и наконецъ исполины объявляютъ, что они готовы отказаться отъ Фрейи, если имъ будетъ дано золото нибелунга, которое Вотану легко добыть, перехитривъ Альбериха, что̀ никогда не удавалось имъ самимъ; они даютъ Вотану срокъ до вечера, и въ залогъ уводятъ съ собою Фрейю.

Съ уходомъ богини юности, царство свѣта блекнетъ въ туманѣ, лица боговъ блѣднѣютъ и старѣютъ, силы ихъ истощаются, Фрикка горько упрекаетъ Вотана въ легкомысліи — и онъ внезапно рѣшается презрѣть жалобы дочерей Рейна и добыть сокровища нибелунга. Вмѣстѣ съ Логе спускается онъ въ пропасть Нибельгейма, откуда тотчасъ поднимаются сѣрные пары, застилающіе всю сцену и мало-по-малу переходящіе въ темную тучу, изъ которой снизу начинаютъ выдвигаться скалистыя подземныя нѣдра Нибельгейма, такъ что кажется, будто вся сцена проваливается ниже и ниже. Скалистыя пещеры, ущелья и узкія шахты рудниковъ съ блестящими жилами металловъ, въ разныхъ мѣстахъ озаряются краснымъ пламенемъ. Альберихъ, подучившій своего брата, искуснаго кузнеца *Миме*, сковать изъ Рейнскаго золота кольцо и волшебный шлемъ (обще-арійская шапка-невидимка), позволяющій его владѣльцу превращаться во что̀ угодно и дѣлаться невидимымъ, — отнимаетъ ихъ у брата силой, обращается въ туманный столбъ и невидимо мучитъ своего брата и всѣхъ нибелунговъ, которые поднимаютъ страшный вой, принуждаемые кольцомъ Альбериха къ каторжной обработкѣ рудъ: вся сцена оглашается звономъ металловъ. Спустившіеся въ пропасть Вотанъ и Логе узнаютъ отъ Миме продѣлку Альбериха съ кольцомъ и шапкой-невидимкой, и хитрый Логе мгновенно создаетъ планъ дѣствія. Когда вернувшійся Альберихъ грозитъ богамъ могуществомъ золота, которое покоритъ ему весь міръ и самихъ боговъ, Логе подзадориваетъ его, сомнѣваясь въ волшебномъ свойствѣ шапки-невидимки и отказываясь вѣрить, пока собственными глазами не убѣдится въ возможности превращаться. Альберихъ тотчасъ надѣваетъ шлемъ и превращается въ громаднаго змѣя, который грозитъ поглотить боговъ своей пастью. „Теперь вѣришь?“ хвастливо спрашиваетъ онъ, являясь снова въ своемъ обычномъ видѣ. „Да, это хорошо“, отвѣчаетъ Логе, „но всего умнѣе, во избѣжаніе грозящей опасности, обращаться въ мелкое, незамѣтное существо, которое можетъ спрятаться въ любой разсѣлинѣ... Можешь-ли ты превратиться, напримѣръ, въ жабу?“ „Ба! ничего нѣтъ легче“. Но какъ только Альберихъ превратился въ жабу, Вотанъ наступаетъ на него ногой, а Логе срываетъ съ головы его шапку-невидимку, затѣмъ боги связываютъ карлу по рукамъ и по ногамъ, и тащатъ его изъ Нибельгейма въ сѣрныхъ парахъ, которые снова застилаютъ сцену и затѣмъ разсѣиваются, открывая снова горную мѣстность второй сцены, попрежнему все еще закутанную легкимъ туманомъ.

Вотанъ и Логе выводятъ связаннаго Альбериха изъ мрачной разсѣлины Нибельгейма и въ видѣ выкупа за его голову и освобожденіе, требуютъ всѣхъ его сокровищъ. Альберихъ, зная, что своимъ кольцомъ онъ добудетъ ихъ сколько угодно, вызываетъ его волшебною силой Нибелунговъ, которые приносятъ изъ Нибельгейма выкованныя сокровища, сваливаютъ ихъ въ кучу и затѣмъ снова исчезаютъ въ пропасти. Но Логе присоединяетъ къ сокровищу и шапку-невидимку, а Вотанъ требуетъ и кольцо, которое видитъ у Альбериха на пальцѣ, обвиняя карлу въ томъ, что незаконно владѣетъ кольцомъ, похитивъ его у дочерей Рейна. Доведенный до отчаянія, Альберихъ совершенно основательно упрекаетъ Вотана въ позорномъ коварствѣ и алчности: если онъ, Альберихъ, совершилъ преступленіе, то совершилъ его надъ собою и на свой счетъ, отказавшись отъ любви, какъ заповѣдано въ священныхъ рунахъ рейнскаго золота; „тогда какъ ты, вѣчный богъ“, прибавляетъ нибелунгъ, — „даромъ отнявъ у меня кольцо, совершишь преступленіе надо всѣмъ, что̀ было, есть и будетъ“. Не обращая вниманія на предостереженіе, Вотанъ отнимаетъ у него кольцо, и освобожденный наконецъ Альберихъ произноситъ страшное и неотвратимое проклятіе надъ кольцомъ: отнынѣ оно никому изъ своихъ владѣльцевъ не принесетъ счастія, а лишь одно злополучіе; кто не обладаетъ кольцомъ, того будетъ грызть зависть, а кто завладѣетъ имъ — обреченъ горю и смерти. Съ этими словами онъ исчезаетъ въ пропасти Нибельгейма.

На сценѣ начинаетъ быстро свѣтлѣть и туманъ разсѣивается. Это возвратилась Фрейя съ исполинами. Съ другой стороны являются Фрикка, Доннеръ и Фро. Жадные великаны требуютъ такую громадную кучу золота, чтобъ она совершенно за-

крыла Фрейю отъ глазъ влюбленнаго въ нее Фазольта, который до послѣдней минуты надѣется, что золота не хватитъ и Фрейя все-таки достанется ему. Они втыкаютъ свои палицы въ землю по сторонамъ стоящей богини, отмѣриваютъ на палицахъ ея ростъ и начинаютъ засыпать промежутокъ сокровищами, оскорбляя боговъ этимъ унизительнымъ условіемъ, безпощадно ломая и сминая художественно выкованныя чаши, кубки, щиты и другія издѣлія. Все золото ушло въ кучу, а волосы Фрейи еще видны Фазольту, и онъ грубо требуетъ шапку-невидимку. Вотанъ, едва сдерживая отвращеніе и негодованіе, приказываетъ Логе отдать и шлемъ. Скрылись и волосы Фрейи, но Фазольтъ находитъ еще крошечный промежутокъ между сложеннымъ золотомъ, въ который ему виденъ глазъ богини. Алчный Фафнеръ требуетъ чтобъ и этотъ промежутокъ былъ заткнутъ — заткнутъ кольцомъ, которое онъ видитъ на пальцѣ у Вотана. Логе говоритъ великанамъ что кольцо это принадлежитъ дочерямъ Рейна, которымъ Вотанъ и возвратитъ его. Но Вотанъ ни за что не хочетъ разстаться съ могущественнымъ кольцомъ ни для дочерей Рейна, ни даже ради освобожденія Фрейи.

Тогда разверзается земля и, во внезапно наступившемъ мракѣ, изъ нѣдръ ея, освѣщенная синимъ пламенемъ, возникаетъ по поясъ величественная *Эрда*, вѣщая (вала) богиня земли, которой извѣстны судьбы всего существующаго и самихъ боговъ, подчиненныхъ наравнѣ со всей вселенною непреложнымъ законамъ природы и времени; три дочери ея, Норны, вьютъ золотую нить міровыхъ судебъ, а самой ей извѣстно прошлое, настоящее и будущее. Печальнымъ и торжественнымъ голосомъ предостерегаетъ она Вотана, чтобъ онъ отказался отъ проклятаго кольца, которое принесетъ ему неотвратимую гибель. Вотанъ хочетъ броситься въ пропасть за исчезающей Эрдой, чтобъ узнать все грядущее, но боги его удерживаютъ; послѣ страшной борьбы съ собою, онъ бросаетъ кольцо великанамъ и зоветъ Фрейю въ сонмъ боговъ, которые встрѣчаютъ ее съ ликующимъ восторгомъ.

Между тѣмъ у великановъ, забирающихъ золото въ мѣшокъ, уже разгорѣлась ссора, сначала по поводу дѣлежа, а потомъ по внушенію Логе—за кольцо. Фазольтъ, обдѣленный жаднымъ Фафнеромъ, едва успѣлъ отнять у него кольцо и завладѣть имъ, какъ проклятіе нибелунга уже подѣйствовало — Фазольтъ падаетъ мертвымъ подъ ударомъ страшной дубины отъ руки роднаго брата. Пока Фафнеръ забираетъ золото и удаляется, боги въ ужасѣ. Вотанъ понялъ что зло внесено имъ самимъ въ міръ и что цѣной этого зла онъ заплатилъ за постройку своего жилища-твердыни. Но Доннеръ вступаетъ на прибрежный утесъ, окутывается облаками, ударяетъ молотомъ по утесу, сверкаетъ молнія съ громовымъ раскатомъ и когда облака расходятся, отъ ногъ Доннера черезъ Рейнъ къ крѣпости перекинулась ослѣпительная радуга—это выстроенный Доннеромъ мостъ къ *Валгаллѣ*, какъ называетъ Вотанъ свой дворецъ-твердыню. Боги, въ ослѣпительныхъ лучахъ славы, начинаютъ торжественное шествіе по этому мосту, а изъ глубины Рейна до нихъ доносится тихое пѣніе русалокъ, которыя жалобно молятъ о возвращеніи имъ золота. Боги громко смѣются и переходятъ мостъ при закрывающемся занавѣсѣ.

Мы разсказали первую часть тетралогіи (или прологъ трилогіи) съ нѣкоторою подробностью для того, чтобы дать читателю полное понятіе, какъ о роскоши постановки „Кольца Нибелунговъ", такъ и о глубинѣ его философски-поэтическаго значенія.

Далѣе, за недостаткомъ мѣста, мы укажемъ лишь вкратцѣ содержаніе остальныхъ трехъ частей, предоставляя читателямъ познакомиться съ этимъ произведеніемъ или по нѣмецкому оригиналу, или по русскимъ передачамъ его (полныхъ переводовъ пока не существуетъ).

Во второй части (которая у Вагнера называется *первымъ днемъ* трилогіи), носящей названіе „Валкирія", на сценѣ уже являются люди—первобытные германцы. Но надо помнить, что главнымъ лицомъ трилогіи остается все-же Вотанъ, до самой послѣдней части, въ которой онъ хотя и не появляется, но такъ-сказать напоминаетъ о себѣ на каждомъ шагу. Стремясь къ расширенію своей власти, которая, какъ мы видѣли, ограничена, подчинена высшимъ законамъ, мучимый предсказаніемъ всевѣдущей Эрды и сознаніемъ того зла, которое онъ самъ внесъ въ міръ своей неправдой (кольцомъ нибелунга), Вотанъ спускается въ подземное жилище самой Эрды, соблазняетъ вѣчную валу и узнаетъ отъ нея, что богамъ грозитъ опасность, такъ какъ имъ не осилить нибелунговъ и не уничтожить дѣйствія проклятія, если кольцо не будетъ возвращено законному владѣльцу—Рейну. Самъ Вотанъ не можетъ этого сдѣлать—онъ связалъ себя договоромъ съ Фафнеромъ, заплативъ ему кольцомъ за свободу Фрейи; но Эрда возвѣщаетъ ему что искупленіе возможно, если одинъ изъ потомковъ Вотана, безъ его божественной помощи, полагаясь единственно на свое мужество, овладѣетъ кольцомъ и возвратитъ его Рейну. Вотанъ, подобно греческому Зевесу, часто измѣняетъ своей супругѣ, у него есть потомство и на землѣ, и въ области боговъ. Отъ самой Эрды у него дочь — Брюнгильда, окруженная помощницами, такими же какъ она воинственными дѣвами (валкиріями), которыя обязаны, для защиты Валгаллы отъ враждебныхъ нибелунговъ и великановъ набирать богу дружину изъ павшихъ въ битвѣ героевъ. За исключеніемъ самой Брюнгильды, валкиріи—или дочери альфовъ (духовъ), или заживо взятыя въ Валгаллу княжескія дочери; у Вагнера онѣ сестры Брюнгильды. Въ ихъ рукахъ жребій побѣды или пораженія; кому изъ людей на яву явится валкирія съ конемъ, тотъ долженъ пасть въ бою и идти къ Вотану. На землѣ же, скитаясь въ человѣческомъ образѣ Вельзе (волка), Вотанъ сталъ родоначальникомъ Вельзунговъ, приживъ сына Зигмунда и дочь Зиглинду. На этого-то сына и разсчитываетъ Вотанъ; но озабоченный успѣхомъ его подвига, опять кривитъ душой, подготовляя сыну успѣхъ, хотя не прямою, а косвенною помощью. Дѣло въ томъ, что Зигмундъ росъ съ своимъ таинственнымъ отцомъ въ лѣсу, въ полномъ отчужденіи отъ людей, которые называли ихъ за дикость волками и всячески преслѣдовали; однажды въ отсутствіе мужчинъ, домъ ихъ былъ сожженъ, мать Зигмунда убита, а сестра (Зиглинда) похищена, воспитана въ плѣну и впослѣдствіи насильно выдана замужъ за немилаго ей Гундинга. Въ день ея свадьбы, пришелъ старикъ-странникъ (самъ Вотанъ, всегда являющійся на землѣ скитальцемъ), сталъ подъ громаднымъ ясенемъ (стволъ котораго, по древне-германскому обычаю, поддерживалъ средину потолка залы, проходя сквозь крышу дома) и воткнувъ въ дерево свой мечъ по самую рукоять, сказалъ Зиглиндѣ, что мечъ будетъ принадлежать тому, кто вырветъ его изъ дерева. Сюда-то въ залу Гундинга, много лѣтъ спустя, и заходитъ Зигмундъ, давно потерявшій отца (который, воспитавъ героя, исчезъ безслѣдно), безоружный, преслѣдуемый врагами, и въ изнеможеніи бросается на-земь у очага. Зиглинда сначала пугается чужаго человѣка, потомъ подкрѣпляетъ его силы, угощая его медомъ, напиткомъ общимъ у древне-германскихъ и славянскихъ народовъ. Братъ и сестра съ перваго взгляда влюбляются другъ въ друга. Вернувшійся домой Гундингъ, изъ бесѣды за ужиномъ, узнаетъ въ Зигмундѣ смертельнаго врага своего племени, но соблюдая святость гостепріимства, щадитъ его жизнь до утра, предлагая ему ночлегъ, а завтра — бой. Оставленный на ночь въ залѣ, Зигмундъ вспоминаетъ обѣщаніе своего отца, что въ минуту горькой нужды онъ получитъ спасительный мечъ. Зиглинда, между тѣмъ, возвращается: она усыпила мужа обычнымъ у германцевъ „глоткомъ на сонъ грядущій" (Schlaftrunk) и пришла указать Зигмунду таинственный мечъ. Зигмундъ въ восторгѣ вырываетъ мечъ изъ дерева. Теперь, и по глазамъ, и изо-всѣхъ разсказовъ, братъ и сестра узнали другъ друга, но уже поздно... Они не могутъ преодолѣть голоса страсти, вспыхнувшей ранѣе... Эта глубоко-трагическая сцена, написанная Вагнеромъ съ величайшимъ мастерствомъ, составляетъ истинное торжество его поэтическаго дарованія: зритель скорбитъ о безмѣрно злополучной четѣ, но она не отталкиваетъ и не возмущаетъ его. Чувствуется, что вина не ихъ: преступленіе вызвано хитрыми изворотами кривды самого Вотана.

Во второй сценѣ, посреди дикихъ горныхъ утесовъ и пещеръ, Вотанъ отдаетъ Брюнгильдѣ приказаніе, чтобы въ бою Гундинга съ Зигмундомъ, она наклонила жребій боя въ пользу Зигмунда. Является разгнѣванная Фрикка, въ колесницѣ везомой двумя овнами; какъ богиня защитница святости брака и чистоты кровныхъ узъ, она вдвойнѣ оскорблена неслыханнымъ преступленіемъ Зигмунда, обвиняетъ Вотана въ вопіющей неправдѣ и даже въ легкомысленномъ нарушеніи завѣтовъ Эрды, такъ какъ Зигмундъ полагается не на свое мужество, а на мечъ Вотана; Фрикка требуетъ возстановленія своей чести, т. е. смерти преступника. Уничтоженный Вотанъ, послѣ мучительной борьбы съ самимъ собою, вынужденъ дать клятву, что онъ пожертвуетъ сыномъ. Онъ призываетъ Брюнгильду и приказываетъ ей измѣнить жребій боя въ пользу Гундинга. Брюнгильда видитъ несказанную душевную муку Вотана, который несетъ страшную казнь за свою неправду; она глубоко скорбитъ объ отцѣ, но повинуется ему. Когда бѣжавшая изъ дома Гундинга вмѣстѣ съ Зигмундомъ, истомленная ходьбой Зиглинда засыпаетъ, Брюнгильда выводитъ изъ пещеры своего коня и является Зигмунду съ приговоромъ: онъ долженъ пасть въ бою и его ожидаютъ радости Валгаллы. Зигмундъ спокойно отвѣчаетъ, что для него нѣтъ радостей безъ Зиглинды и что онъ предпочитаетъ быть въ Геллѣ (германскій адъ) но съ нею, а если ему суждено умереть, то предварительно онъ заколетъ Зиглинду, чтобы не разставаться съ ней. Изумленная валкирія глубоко потрясена доселѣ незнакомою ей силой *человѣческой* любви; она чувствуетъ состраданіе къ несчастнымъ и зная, что сердце Вотана все-таки на сторонѣ его сына, рѣшается нарушить его приказъ и дать побѣду Зигмунду. Пока Зиглинда спитъ, на вершинѣ утеса сходятся Гундингъ и Зигмундъ; Брюнгильда покрываетъ Зигмунда своимъ щитомъ и направляетъ его мечъ; но за Гундингомъ возстаетъ грозный Вотанъ и собственнымъ копьемъ раздробляетъ мечъ Зигмунда. Гундингъ убиваетъ противника при отчаянномъ воплѣ проснувшейся Зиглинды, которую подхватываетъ Брюнгильда и мчитъ на своемъ конѣ, чтобы спасти и укрыть ее отъ Вотана. Грозный богъ въ нѣмомъ горѣ смотритъ на тѣло сына, потомъ съ величественнымъ жестомъ говоритъ Гундингу: „иди и скажи Фриккѣ, что честь ея возстановлена—Вотанъ сдержалъ клятву. Иди!" Гундингъ падаетъ мертвымъ.

Брюнгильда, чтобы спасти потомство Вельзунговъ, примчала Зиглинду къ заповѣдному лѣсу, гдѣ та можетъ найти убѣжище, а сама остается въ горахъ, на сборномъ пунктѣ гал-

кирій, которыя всѣ уже здѣсь и крайне изумлены тѣмъ что Брюнгильда вывезла изъ битвы не героя, а женщину. Она проситъ сестеръ укрыть ее отъ отца, который уже мчится по слѣдамъ ея въ бурѣ и громѣ. Она самовольно и легкомысленно нарушила велѣніе высшей мудрости и должна быть безпримѣрно наказана. Съ трепетомъ приближается она къ неумолимому богу и выслушиваетъ грозный приговоръ: ее навсегда извергаютъ изъ сонма небожительницъ-валкирій и отнынѣ она станетъ обыкновенною женщиной за то, что имѣла слабость внять моленію смертныхъ и голосу любви; на этомъ утесѣ она будетъ погружена въ сонъ (обще-арійская легенда о красавицѣ спящей въ лѣсу, о заколдованной царевнѣ и проч.), до тѣхъ поръ пока ее пробудитъ смертный и возьметъ себѣ въ жены. Слѣдуетъ трогательная сцена прощанія валкиріи съ сестрами, которыя удаляются по мановенію Вотана. Оставшись наединѣ съ отцемъ, Брюнгильда сначала умоляетъ его пощадить ее, но затѣмъ въ ней пробуждается гордость и она требуетъ только, если приговоръ неотвратимъ, чтобы утесъ ея былъ окруженъ огненною стѣной, дабы она досталась не низкому человѣку, а герою, который не побоится пламени. Тронутый Вотанъ обѣщаетъ ей, что сквозь божественное пламя пройдетъ лишь тотъ кто незнакомъ со страхомъ, усыпляетъ Брюнгильду прощальнымъ поцѣлуемъ и укладываетъ ее на утесъ въ ея полномъ вооруженіи, крылатомъ шлемѣ и панцырѣ, покрывая ее громаднымъ блестящимъ щитомъ, такъ что спящая дѣва ничѣмъ не отличается отъ воина. Затѣмъ онъ взываетъ къ Логе, повелѣвая ему принять свой стихійный видъ огня, и ударяетъ копьемъ въ утесъ, вокругъ котораго вся сцена мало-по-малу начинаетъ пылать и окружаетъ его кольцомъ огненной стѣны. Этимъ оканчивается вторая часть, составляющая лишь начало бѣдствій Вотана.

(Оконч. въ слѣд. №).

Библіографія.

Н. П. Семеновъ. Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II. Томъ I, СПБ. 1889.

Это первый томъ обширнаго и единственнаго въ Россіи труда, посвященнаго авторомъ полному изложенію исторіи освобожденія крестьянъ, поскольку она отразилась въ засѣданіяхъ редакціонныхъ коммисій для составленія Положеній о крестьянахъ. Н. П. Семеновъ, по порученію перваго предсѣдателя коммисій, генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева, велъ дневникъ засѣданій, внося въ него не только документальную сторону дѣла, но и самыя рѣчи и пренія членовъ, которыя записывалъ съ точностью стенографа. Такимъ образомъ, читая книгу Н. П. Семенова, мы какъ-бы присутствуемъ на самыхъ засѣданіяхъ, происходившихъ 30 лѣтъ тому назадъ, и видимъ предъ собою живыми „людей крестьянской реформы,“ большинство коихъ теперь уже сошло въ могилу. Книга эта, помимо своего чисто-литературнаго интереса, останется въ теченіе вѣковъ наиболѣе цѣннымъ справочнымъ матеріаломъ для грядущихъ историографовъ крестьянской реформы въ Россіи.

Кубанское казачье войско 1696—1888 г. Сборникъ краткихъ свѣдѣній о войскѣ, изданный подъ редакціей Е. Д. Фелицына. Воронежъ, 1888.

Изданіе это, украшенное портретами Августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича и наказныхъ атамановъ съ 1830 года, множествомъ видовъ, памятниковъ, изображеній казацкаго быта со временъ Сѣчи Запорожской, знаменъ и т. п., заключаетъ въ себѣ полную исторію казачества вообще и кубанскаго войска въ особенности. Книга читается съ величайшимъ интересомъ, благодаря обилію матеріала историческаго, этнографическаго, бытоваго, біографическаго и легкости языка, которымъ она написана.

Политическое обозрѣніе.

Мирная и спокойная политика Россіи, позволяющая употреблять всѣ силы на дѣло внутренняго преуспѣванія, оказывается не безплодною, что́ болѣе и болѣе замѣчается западною Европою. Рѣдко случается слышать похвалы или просто оцѣнку по достоинству одного государства дѣятелями другой страны, но за послѣднее время два явленія по отношенію къ Россіи обращаютъ на себя вниманіе. Какъ ни незначительно одно изъ нихъ, оно не должно быть обойдено молчаніемъ, такъ какъ случилось въ странѣ весьма скупой на подобныя отношенія ко всему, что не касается прямо ея. Мы говоримъ объ оваціяхъ, сдѣланныхъ русскому военному агенту въ Англіи, генералъ-маіору Бутурлину, на праздникѣ вестминстерскихъ стрѣлковъ королевы. На этомъ праздникѣ, послѣ раздачи призовъ за стрѣльбу, командиръ батальона, полковникъ Говардъ-Винцентъ, консерваторъ, очень извѣстный своими крайними убѣжденіями, говоря о гостяхъ, обратилъ особенное вниманіе на присутствіе русскаго военнаго агента; послѣ нѣсколькихъ личныхъ любезностей, онъ привѣтствовалъ его, какъ представителя русской арміи, не только сильнѣйшей по численности, но и первенствующей по геройству и самоотверженію. Надежда, выраженная Винцентомъ, что хорошія отношенія, установившіяся между Россіею и Англіею въ Азіи, упрочатся и распространятся и на другіе вопросы, была встрѣчена шумными рукоплесканіями. Но Россія всегда была сильна и гордилась своимъ войскомъ. Приведенный выше фактъ только служитъ доказательствомъ, что такое мнѣніе о нашей арміи существуетъ и за предѣлами нашего отечества.

Болѣе знаменательнымъ является признаніе нашими сосѣдями финансоваго роста Россіи и постояннаго упорядоченія экономическихъ средствъ, которыя были еще недавно ея больнымъ мѣстомъ. Конверсія 5% консолидированныхъ облигацій россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 4% облигаціи россійскаго консолидированнаго займа 1-й серіи, имѣющая цѣлью обратить нашъ государственный долгъ въ 4%, совершается самымъ благопріятнымъ образомъ. По этому поводу въ *Вѣстникѣ Министерства Финансовъ*, *Новомъ Времени* и др. газетахъ появились сообщенія о благопріятныхъ результатахъ русскаго финансоваго управленія. *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета*, отмѣчая эти сообщенія, говоритъ: „Если эти цифры, съ одной стороны, явно свидѣтельствуютъ о сильномъ экономическомъ подъемѣ Россіи, вслѣдствіе благопріятныхъ урожаевъ послѣднихъ лѣтъ, то, съ другой стороны, результатовъ этихъ можно было достигнуть путемъ мирной и умѣренной политики, которая будетъ оказывать преобладающее вліяніе и въ другихъ областяхъ и, какъ можно надѣяться, послужитъ надежнымъ дальнѣйшимъ ручательствомъ относительно своего благодѣтельнаго дѣйствія на народное благосостояніе“. Въ *Börsen Courier* по тому-же случаю напечатано: „Результаты русскаго финансоваго управленія въ высшей степени важны для сужденія о русскихъ финансахъ и опубликованіе ихъ въ такую минуту, когда появилось объявленіе о конверсіонномъ займѣ, представляется чрезвычайно благопріятнымъ для осуществленія операціи, конечно и безъ того весьма счастливой. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что русскою конверсіей снова дается германскому капиталу случай сократить, при выгодныхъ условіяхъ, обладаніе русскими цѣнностями, которое прежде имѣло такіе обширные размѣры“.

Послѣдовавшее затѣмъ опубликованіе предварительныхъ кассовыхъ свѣдѣній о русскихъ государственныхъ доходахъ и расходахъ въ 1888 г. усугубило заграницей благопріятное впечатлѣніе, произведенное конверсіею. Изъ Берлина телеграфируютъ, что фактъ значительнаго превышенія доходовъ противъ росписи, а въ особенности то, что расходы не вышли изъ рамокъ бюджета, производитъ вообще отличное впечатлѣніе, какъ доказательство прогрессивнаго упорядоченія русскихъ финансовъ, равно какъ отраднѣйшаго развитія финансовыхъ средствъ Россіи.

Своего всесторонняго развитія и силы Россія достигла самостоятельно и одиноко, безъ союзниковъ, въ которыхъ постоянно нуждается даже Германія. Послѣднія перемѣны въ министерствѣ Криспи и нѣкоторыя измѣненія въ итальянской политикѣ, а также событія въ Венгріи, заставляющія другую союзницу Германіи всецѣло отдаться внутренней политикѣ, повидимому вынуждаютъ Германію искать новыхъ союзниковъ—въ лицѣ Англіи.

Впрочемъ, эти предположенія отрицаются англійскою прессою. *Times* прямо говоритъ, что извѣстіе *Boersenzeitung* относительно поѣздки графа Герберта Бисмарка въ Лондонъ не имѣетъ основанія. Поѣздка эта связи съ политическою миссіею не имѣетъ. А *Morning Post* заявляетъ въ инспирированной статьѣ, что Англія не имѣетъ ни малѣйшаго повода отказаться отъ своего, основаннаго на доброжелательной независимости, образа дѣйствій по отношенію къ средне-европейскому союзу и превратить существовавшее до сихъ поръ вполнѣ достаточное сердечное согласіе въ болѣе тѣсный союзъ.

Борьба и вражда оппозиціи и правительственной партіи достигли въ Буда-Пештѣ крайнихъ предѣловъ. Начавшая было утихать, она снова разгорѣлась съ необычайною силою. Поводомъ къ тому послужилъ кровавый инцидентъ въ Венгерскомъ сеймѣ. По словамъ газетъ, 7 марта засѣданіе было очень бурное. Причиною тому были преимущественно ожесточенныя нападки депутата Этьеша на Коломана Тису. Членъ правительственной партіи Гегедушъ, выходя изъ залы засѣданія, громко сказалъ одному изъ членовъ оппозиціи, что „теперь слѣдуетъ имъ устроить факельное шествіе въ честь Этьеша!“ Находившійся въ то время въ коридорѣ палаты студентъ Коломанъ Саморжилъ, услыхавъ эти слова, подошелъ къ Гегедушу и сказалъ: „И Тисѣ мы устроимъ факельное шествіе, но съ сальными свѣчами. Долой Тису!“ Тутъ депутатъ Иванка, семидесятилѣтній старикъ, замѣтилъ студенту: „Здѣсь не ваше мѣсто!“ Саморжилъ отвѣтилъ: „Мнѣ до васъ нѣтъ дѣла, гнусный мамелюкъ!“ Услышавъ это, депутатъ Рогоши ударилъ студента въ лицо, но въ тотъ же моментъ получилъ отъ студента звонкую пощечину.

Рогончи, внѣ себя отъ гнѣва, выпулъ изъ кармана револьверъ, выстрѣлилъ въ Саморжила и ранилъ его въ бедро. Хотя рана и оказалась не опасною, но въ коридорахъ палаты поднялись страшный шумъ и смятеніе. Члены оппозиціи кричали членамъ большинства: „Какъ, вы являетесь въ палату съ револьверами?“ Рогончи, прижатый къ стѣнѣ, кричалъ: „Я поступилъ такъ по праву самозащиты“. На улицахъ возбужденіе достигло колоссальныхъ размѣровъ. Раздались крики: „Народъ бьютъ!“ Нѣкоторое время опасались, чтобы разсвирѣпѣвшіе народъ и студенты не взяли штурмомъ зданіе парламента. Весь день и всю ночь это зданіе охранялось многочисленнымъ войскомъ. Трудно представить себѣ тѣ буйства, который позволяла себѣ разнузданная уличная толпа въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того. Большая часть депутатовъ являлась въ палату въ каретахъ, чтобы избѣгнуть одни вызововъ, другіе овацій. Министровъ толпа встрѣчала ругательствами, а Тису камнями, ревомъ, свистками и криками: „Долой Тису!“ Въ городъ вызваны войска и произведено не мало арестовъ. Для возстановленія спокойствія, говорятъ, Тиса подастъ прошеніе объ отставкѣ.

Смѣсь.

Открытіе художественно-литографическаго заведенія для печатанія олеографій и акварелей большаго размѣра. 16 марта, въ три часа пополудни, освященъ отцемъ Іоанномъ, протоіереемъ Кронштадтскаго собора, новый художественно-литографическій институтъ при собственной типографіи журнала „Нива“. Въ особомъ помѣщеніи, занимающемъ весь нижній этажъ отдѣльнаго флигеля, не считая нѣсколькихъ обыкновенныхъ литографическихъ прессовъ, установлены на прочныхъ каменныхъ фундаментахъ пять колоссальныхъ, до сихъ поръ въ Россіи небывалаго размѣра, скоропечатныхъ литографскихъ машинъ для печатанія большихъ премій „Нивы“, которыя до сихъ поръ печатались нами заграницей. Вмѣстѣ съ этими машинами выписанъ нами, необходимый для этого новаго въ Россіи производства, персоналъ мастеровъ, печатниковъ и литографовъ, заявившихъ свою опытность въ наиболѣе выдающихся заграничныхъ заведеніяхъ этого рода. Главная премія „Нивы“ на 1889 годъ печатается уже на всѣхъ пяти машинахъ и работа будетъ продолжаться безостановочно въ теченіе весны и лѣта. Своевременно мы предложимъ читателямъ изображеніе всего хода работъ на этихъ колоссальныхъ машинахъ, которое, смѣемъ надѣяться, будетъ не менѣе интересно, чѣмъ помѣщенное нами въ позапрошломъ году описаніе нашей, единственной въ Россіи, ротаціонной типографской машины. Сосредоточивъ нынѣ въ своихъ рукахъ всѣ отрасли техническихъ и художественныхъ производствъ, сопряженныхъ съ изданіемъ нашего журнала, мы избавились отъ тягостной зависимости относительно заграничныхъ заведеній печатавшихъ наши преміи, и имѣемъ теперь полную возможность спокойно посвятить наши силы развитію нашего дѣла къ выгодѣ нашихъ подписчиковъ.

Редакціею журнала „Нива“ пріобрѣтено право на воспроизведеніе въ гравюрѣ нижепоименованныхъ картинъ, находящихся въ настоящее время на Академической и XVII передвижной выставкахъ; по мѣрѣ изготовленія гравюръ, будутъ помѣщены на страницахъ „Нивы“: (*Академическая выставка*) „Майскій вечеръ“, карт. акад. С. В. Бакаловича. „Передъ преторіей“, его-же. „Альмэ“, карт. акад. В. А. Боброва. „Дрессировщикъ“ (группа изъ мрам.) Э. Брага. „Русская дѣвушка“, карт. проф. К. Б. Венига. „Воскресенье въ деревнѣ“, карт. проф. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. „Запутался въ счетахъ“, карт. С. А. Дуковича. „Маленькая швея“, карт. художн. К. Н. Зимина. „Затравили“, карт. акад. А. Д. Кившенко. „На дѣвичникѣ“, карт. акад. А. И. Корзухина. „Матросъ гвардейскаго экипажа“, карт. Д. А. Бенкендорфа. „Недоразумѣніе“, карт. Н. Д. Лосева. „Глуховатъ“, карт. акад. И. А. Пелевина. „Крестьянская дѣвочка“, его-же. „Крестьянскій мальчикъ“, его-же. „Жидовочка“, карт. худ. Х. П. Платонова. „Въ горахъ“ (изъ жизни Курдовъ), карт. Н. С. Самокиша. „Торговецъ“, карт. худ. К. П. Степанова. „Сѣдина въ бороду—бѣсъ въ ребро“, его-же. „У венеціанскаго мастера“, его-же. „Въ паркѣ“, карт. акад. Ю. Ю. Феддерса. „Долина рѣки Сестры“, его-же. „Виленскіе мученники“, карт. акад. И. П. Трутнева. (*XVII передвижная выставка*) „Проповѣдь въ сельской церкви“, карт. акад. В. Е. Маковскаго. „По начальству“, его-же. „Все въ прошломъ“, карт. В. М. Максимова. „Разсчетъ по наслѣдству“, карт. Н. В. Неврева. „Скитъ“, карт. Е. Е. Волкова. „Сироты“, карт. М. И. Клодта. „Письмо съ родины“, карт. Л. О. Пастернакъ.

Нравы старой Москвы. Любопытно, какъ при набожномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ ночное время караулили въ Кремлѣ сторожа. „Когда наступалъ девятый часъ вечера, или, по тогдашнему, восьмой часъ ночи — говоритъ знатокъ старины М. И. Пыляевъ— тогда начинаетъ стрѣлецкая стража перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимою въ 8 часовъ вечера и отпирались всегда послѣ заутрени. Близь собора Успенскаго часовой стражъ начиналъ первый, протяжно и громко, на-распѣвъ, возглашать: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“, за нимъ второй возглашаетъ: „Святые московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ!“, потомъ третій: „Святый Николай Чудотворецъ, моли Бога о насъ!“, четвертый: „Вси святые, молите Бога о насъ!“, пятый: „Славенъ городъ Москва“, шестой: „Славенъ городъ Кіевъ“, седьмой: „Славенъ городъ Суздаль“ и такъ поименуютъ: Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и проч. Первый снова восклицаетъ: „Пресвятая Богородица, спаси насъ!“ Послѣ того, какъ этотъ стражъ, такъ и другіе, чтобы не спать и не дремать, до благовѣста къ заутрени поютъ вполголоса разныя духовныя молитвы. (б.)

Стоимость нѣкоторыхъ дорогихъ зданій. Интересно сравнить расходы на постройку нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ великолѣпныхъ зданій. Новая парижская ратуша (Hôtel de Ville) стоила 32 милліона марокъ (около 16 милліоновъ руб.); вѣнская ратуша 26 милліоновъ; новое парижское зданіе почтамта 25 милліоновъ; лондонское зданіе суда обошлось въ 18 милліоновъ; новое вѣнское зданіе суда—въ 16 милліоновъ; брюссельское—въ 32 милліона; вѣнская опера стоила 12 милліоновъ, между тѣмъ какъ издержки на новую парижскую оперу достигли 32 милліоновъ; зданіе британскаго министерства иностранныхъ дѣлъ поглотило 11 милліоновъ; расходы на новое нѣмецкое зданіе рейхстага въ Берлинѣ опредѣлены въ 30 милліоновъ. Зданіе англійскаго парламента въ Лондонѣ превосходитъ, однако, всѣ вышеупомянутыя постройки: оно стоило болѣе 40 милліоновъ марокъ. (с.)

Рѣшеніе шахматной задачи № 11 (помѣщенной въ № 6).

Бѣлые.	Черные.
1. С. e8 — h5	Кр. c4 — d3
2. К. g1 — e5+	С. d6 — e5
2. С. h5 — e2+	
1)	
1.	С. d6 — e5
2. С. h5 — f7+	Кр. c4 — d3
3. К. g1 — e5+	
2)	
1.	e3 — e2
2. К. g1 — f2	Куда угодно.
3. С. h5 — f7+	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — Е. Будагова, **Москва** — И. Верхоустинскаго, Ф. Кокушкина, **Бендеры** — Мизгонскаго, **Богатое** — Ѳ. Блатова, **Златополь** — Г. Г. Гинцбергъ, **Кіевъ** — А. Н. Шульженко, **Николаевъ** — Б. Н. Прилукеръ, **Царское Село** — Н. Петрова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 12 (помѣщ. въ № 6).

Бѣлыя.		Черныя.
c5 — f2		a3 — c5
a7 — d4	если	h8 — f6
то d4 — h8	если-же	d8 — c7
то c1 — h6		c7 — b6
h6 — f8		

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: А. А. Поспѣева въ **СПб.** и Ѳ. З. Мазуръ въ **Бѣлгородѣ**.

Задача буквъ (ходъ коня) № 23.

Найти 12 словъ, буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, но притомъ такъ, чтобы можно было посредствомъ *хода коня* прочитать русскую пословицу.

	14	31	38	47	4	51	
32	23	8	18	57	24	10	54
49	1	41	3	9	15	22	7
16	35	21	5	27	36	60	50
44	29	53	46	52	56	34	39
45	33	55	11	2	58	20	17
28	12	30	40	42	48	13	26
	6	43	25	37	19	59	

1) Богиня 1. 2. 3.
2) Римскій императоръ 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.
3) Народное собраніе 11. 12. 13. 14.
4) Пѣвчая птица 15. 16. 17. 18. 19. 20. 21. 22.
5) Періодъ человѣческой жизни 23. 24. 25. 26. 27. 28. 29.
6) Народъ, живущій по р. Оби 30. 31. 32. 33. 34. 35.
7) Притокъ Оки 36. 37 38.
8) Наказаніе у древнихъ 39. 40. 41. 42.
9) Вулканъ 43. 44. 45. 46. 47.
10) Часть лица и рѣка 48. 49. 50. 51.
11) Игра и коммерческое учрежденіе 52. 53. 54. 55. 56.
12) Земледѣльческое орудіе 57. 58. 59. 60.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Илюшниковъ**.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО въ Тулѣ

Предлагаетъ: сѣялки, жнейки, косилки, вѣялки, плуги разныхъ системъ и бороны.
Цѣны самыя умѣренныя.
Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 3719 12—3

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА Ф. ПАРИЗЕКЪ

Большая Морская, 13, уг. Кирпичнаго переулка.

Большой выборъ шляпъ, для мужчинъ и мальчиковъ, новѣйшихъ фасоновъ, всѣхъ цвѣтовъ. Заказы исполняются немедленно.
2—1 Р. № 3773

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3739 3—2 **Брокаръ и К°.**

АНТИХРИСТЪ
и
ПРИЗНАКИ ЕГО ПРИШЕСТВІЯ.

По ученію священнаго писанія и святыхъ отцевъ церкви, изложеніе П. М. Бородина.
Москва, 1889 г. Цѣна 70 коп., съ пересылкой 1 руб. сер.

Ученіе священнаго писанія и отцевъ церкви объ антихристѣ должно быть хорошо извѣстно всякому благочестивому христіанину. Каждому необходимо имѣть понятіе о томъ, кто такой будетъ антихристъ, въ чемъ будутъ заключаться его дѣйствія, направленныя противъ церкви Христовой, какіе признаки его пришествія. „Поелику надлежитъ и намъ знать признаки кончины, говоритъ св. Кириллъ Іерусалимскій, и поелику ожидаемъ Христа, то чтобы не умереть намъ въ обольщеніи и чтобы не ввелъ насъ въ заблужденіе лживый антихристъ, и намъ нужно внимать сказанному; не самъ одинъ помни ихъ, но и всякому сообщай щедро. Имѣешь ли чадо по плоти, наставь сего, и если родилъ кого оглашеніемъ, предостереги и сего, чтобы ложнаго не принялъ за истинное". № 3771

Содерж. книги: Введеніе. Гл. I. Антихристъ, какъ опредѣленное лицо. Гл. II. Признаки, предшествующіе пришествію антихриста. Гл. III. Рожденіе антихриста. IV. Имя антихриста. V. Воспитаніе антихриста. VI. Антихристъ придетъ къ іудеямъ, которые примутъ его за Мессію. VII. Антихристъ будетъ отвергать Божество Христа и Его ученіе, а себя выдавать за Бога. VIII. Лжепророки антихриста. IX. Лесть антихриста. X. Чудеса антихриста. XI. Гоненія антихриста. XII. Царство антихриста нужно понимать не только въ духовномъ, но и въ чувственномъ смыслѣ. XIII. Церковь Христова пребудетъ и во времена антихриста. XIV. Цѣль пришествія антихриста. XV. Пришествіе Иліи и Еноха. XVI. Физическія бѣдствія предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ. XVII. Продолжительность царствованія антихриста и XVII. Гибель антихриста.

Съ требованіями на книги просимъ обращаться въ книжный магазинъ **МОРОЗОВА**, на Никольской ул., въ церковномъ домѣ церкви Владимірской Божіей Матери, въ Москвѣ.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES
достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—8
Придворный Парфюмеръ
46, JAGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВЪ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ИНТЕРЕСНОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ
ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ
КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.
(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія металлическія гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присущій имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить № 3783 2—1

Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и пр. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галлантерейныхъ магазинахъ Россіи.

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ
Н. Н. КАРАЗИНА.

Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива", а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, —пров. Кинуненъ. (59) № 2946

КУРСЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАГО СЧЕТОВОДСТВА

будетъ читаться въ Фирмѣ Счетоводъ Ѳ. В. Езерскаго. Желающіе благоволятъ записываться заблаговременно. Невскій пр., № 66. № 3770

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА
прозрачныя и непрозрачныя.

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ
ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. 3766 2—1
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЮЛІЙ ФЛОРАНЪ
основан. въ 1849 году.
18, Большая Морская, 18.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ **МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЬЯ.**

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ ДЛЯ НЕВѢСТЪ И НОВОРОЖДЕННЫХЪ.

ДЛЯ ОТКРЫТІЯ ВЕСЕННЯГО СЕЗОНА
послѣднія новости бѣлья и принадлежностей туалета.

Бѣлье дамское **шелковое** и **батистовое** цвѣтное.
Костюмы для дачъ, Пенюары и Матинэ.
Громадный выборъ **чулокъ** шелковыхъ и филь-декосъ цвѣтныхъ и полосатыхъ продольно.

НОСКИ И ЧУЛКИ ДѢТСКІЕ.

Большой выборъ **галстуковъ** новѣйшихъ рисунковъ Regates, Noeuds Marins и др.
Платки всякіе, цвѣтные и бѣлые. Pt. № 3765

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО,

озабочиваясь удешевленіемъ пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, для Православныхъ паломниковъ, нашло возможнымъ брать за проѣздъ:

I. До Яффы и обратно:

	I классъ.		II классъ.		III кл. жел. дор. и II кл. на парох.		III классъ.	
	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Съ продов. на пароходѣ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.	
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.	Коп.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	188	126	62	50
Отъ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305	230	215	160	172	115	46	50
Отъ Кіева чрезъ Одессу . .	250	170	175	120	158	101	33	—
Отъ Воронежа чр. Таганрогъ	270	180	200	130	186	118	38	—
Отъ Воронежа чр. Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47	—

II. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . 45 р.
Отъ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . 32 р.
Отъ Одессы въ III классѣ . . . . 22 р.

Паломническія книжки для проѣзда продаются:

Въ **С.-Петербургѣ:** у о. протоіерея В. Я. Михайловскаго, Вознесенскій просп., д. церкви Вознесенія, и у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7.

Въ **Троице-Сергіевской лаврѣ:** у о. Агапита, въ Новой гостинницѣ.

Въ **Москвѣ:** у священника о. Г. Г. Срѣтенскаго, Большая Никитская, д. церкви Вознесенія.

Въ **Кіевѣ:** у преосвященнаго Іеронима, Епископа Чигиринскаго, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, въ д. Софійскаго собора; у о. іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостинницѣ.

Въ **Воронежѣ:** у о. игумена Платона, въ Митрофаніевомъ монастырѣ.

Въ **Перми**—у Аркадія Александровича Матвѣева.

Въ **Казани:** у В. И. Заусайлова, въ своемъ домѣ. № 3738 3—3

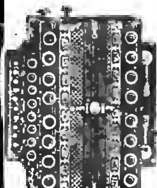
Въ **Одессѣ:** у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на цѣлый годъ со дня ихъ выдачи; купившие оныя могутъ оставливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ-на-Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ.

Для желающихъ получить билетъ 3-го класса, только на переѣздъ моремъ, „Русское Общество Пароходства и Торговли“, по предъявленіи заграничнаго паспорта, выдаетъ билеты, до **Яффы и обратно**, отъ Одессы или Севастополя за 24 руб., отъ Таганрога за 29 руб. и отъ Батума за 28 руб.

ГАРМОНІИ

по вновь уд шевленнымъ цѣнамъ



Однорядныя въ 2½, 4½, 5½, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 24 р.

Двухрядныя въ 12, 14, 18, 20, 22, 25, 30 и 35 руб.

Трехрядныя въ 30, 55, 65 и 80 р.

Самоучитель Соколова по 1 руб.

Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 3780

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

ФАБРИКА МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 3753 3—2

ВЫСТАВКА СТАРИННЫХЪ КАРТИНЪ ВЕЛИКИХЪ МАСТЕРОВЪ
Леонардо-да Винчи, Рембранта,
РАФАЭЛЯ САНЦІО,
Джуліо-Романо Буше, Грезъ и др.

Открыта съ 10 ч. утра до 7 ч. веч. Плата за входъ въ пятницу по 1 р., остальные дни по 50 к. Каталоги по 15 к. Гороховая ул., д. 50, у Семеновск. моста. № 3772

РОЯЛИ И ПІАНИНО

въ большомъ выборѣ и по умѣреннымъ цѣнамъ въ музыкально-инструмент. торговлѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Полный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (14) Ц. № 3077

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО“

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3769 3—1

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3776

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ
„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346, 16 декабря 1888 г.), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ОТЪ КАЗАНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

Въ 1889 году исполнится 25 лѣтъ со времени основанія Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Предположено составить очеркъ развитія и дѣятельности Училища за истекшій періодъ. Поэтому Казанское Земледѣльческое Училище покорнѣйше проситъ своихъ бывшихъ учениковъ, всѣхъ девятнадцати выпусковъ, сообщить въ непродолжительномъ времени свѣдѣнія о своемъ мѣстожительствѣ, родѣ занятій и получаемомъ содержаніи, адресуя ихъ (въ формѣ простыхъ писемъ): Директору Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Всѣмъ доставившимъ о себѣ свѣдѣнія, Училище сочтетъ пріятнымъ долгомъ выслать экземпляръ очерка. № 3777

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,

изящно изданное **А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,** гравированнымъ на стали, и **факсимиле.**

☛ **Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.**

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. **Цѣна 6 руб.,** съ перес. **6 р. 75 к.;** въ роскошныхъ коленкоров. переплетахъ съ золотыми тисненіями — **8 руб.,** съ пересылкою **9 руб.**

Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. **6 р. 25 к.;** въ переплетѣ **7 р.,** съ пересылкою **8 руб.**

Съ требованіями просятъ обращатся въ **СПБургъ,** въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА ОБЪЯВЛЕНІЙ
А. ПЕТРИКЪ

С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 8.

Пріемъ объявленій для всѣхъ здѣшнихъ, провинціальн. и заграничныхъ газетъ и журналовъ по цѣнамъ редакцій. Р. № 3771

Г. БАРАНОВЪ и Кº.

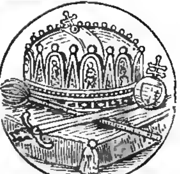
Москва, уголъ Петровки и Столешникова пер., д. Рожнова.

Рекомендуемъ дешевую столовую и чайную посуду (сервизы), а также желѣзную эмалированную кухонную и столовую. Металлическія кровати съ пружинными матрацами и перинками на гривѣ отъ 17 р. Мраморные и цинковые умывальники, ванны, клозеты, купальные души, буковую и садовую мебель по фабричнымъ цѣнамъ и вообще принадлежности домашняго хозяйства.

Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ. № 3751 3—2

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ІОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ



въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она ☛ **дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.** ☚

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ.

Продается вездѣ.

Для нормальнаго пріема достаточно одного виннаго стакана Ц. № 3722 6—3

Дирекція въ Будапештѣ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПАНСІОНЪ
П. № 3782 3—1

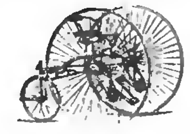
И. М. ХАЙНОВСКАГО
ВЪ МОСКВѢ

Волхонка, домъ князя Голицына.

Ученики готовятся къ поступленію въ среднія учебныя заведенія и въ полки вольноопредѣляющимися по второму разряду; слабоуспѣвающіе въ какомъ либо предметѣ отдѣльно занимаются повтореніемъ недостаточно усвоеннаго; занятія продолжаются все лѣто въ деревнѣ, гдѣ, при наблюденіи врача, усиленное вниманіе обращено на укрѣпленіе здоровья учащихся. Пріемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорог



Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрв: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 839. (12)

При этомъ № прилаг. для гг. иногор. подписч. 2 объявл.: 1) отъ Банкирск. Конт. Генрихъ Блокъ въ СПБ., 2) Богданова и Кº. въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ., 22 марта 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. — г. XX

№ 14 — 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 1 апрѣля 1889 г

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1889 г., съ 28 рис. и отд. листъ съ 34 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 21 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ.

Древняя церковная утварь Ганзасарскаго монастыря (Шушинскаго уѣзда, Елисаветпольской губ.). Съ фот. Ройнова, грав. Шюблеръ.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

(Продолженіе).

III.

Входя вмѣстѣ съ M-elle Mignard въ комнату Юліи Андреевны, Нэдъ окинула ее смѣющимися, плутоватыми глазами и разомъ поняла не только то что мать не въ духѣ, но и причину, по которой она не въ духѣ, и быстрымъ, почти неуловимымъ взглядомъ перекинулась съ M-elle Mignard. Глаза ея вспыхнули и губы дрогнули отъ внутренняго смѣха, но она скромно опустила голову и почтительно поцѣловала мать въ надушенную пудрою щеку.

— Eh bien! сказала M-elle Mignard, сочувственно вглядываясь въ лицо Юліи Андреевны и съ соболѣзнованіемъ покачивая головой. — Comme vous êtes pâle, madame! auriez-vous passé une mauvaise nuit? [1])

Юлія Андреевна тревожно взглянула въ зеркало и замѣтила что кожа на лицѣ ея кажется сегодня какою-то дряблою и желтою.

„Ну вотъ,“ подумала она съ неудовольствіемъ, „этого только недоставало!“

— Я совсѣмъ не спала отъ головной боли, сказала она сердито.

— Ah, madame, il faut vous soigner. Vous êtes si faiblotte! [2])

Юлія Андреевна пользовалась прекраснымъ здоровьемъ, но очень любила чтобы ее находили слабою и болѣзненною. Сегодня-же ей это совсѣмъ не нравилось, сегодня она должна была имѣть видъ здоровый и свѣжій, чтобы казаться моложе и красивѣе. Она ничего не отвѣтила M-elle Mignard, хотя обыкновенно любила жаловаться ей на свои мнимыя болѣзни, болѣе чѣмъ кому-нибудь другому, потому что M-elle Mignard лучше всѣхъ умѣла сочувствовать и соболѣзновать.

— Покажись, Нэдъ, сказала Юлія Андреевна,—какъ ты одѣта.

Нэдъ была одѣта въ бѣлое платьице изъ англійскихъ прошивокъ съ широкимъ голубымъ кушакомъ; на ея стройныхъ ногахъ были туго натянуты голубые-же шелковые чулки. Юлія Андреевна придерживалась того мнѣнія, что дѣтей слѣдуетъ водить всегда въ бѣломъ: это такъ идетъ къ ихъ возрасту. Она поправила дочери бантъ и нѣсколько прядокъ волосъ и отпустила ее, сказавъ что ей еще надо одѣваться.

Едва выйдя изъ комнаты Юліи Андреевны, Нэдъ обняла M-elle Mignard и смѣясь шепнула ей на ухо:

— Elle rage! [3])

M-elle Mignard испуганно кивнула на дверь.

— Prenez garde, elle va entendre.

Нэдъ осторожно скользнула впередъ и съ шаловливою граціей пробѣжала по столовой, коридору и классной въ свою комнату.

Тутъ она бросилась на стулъ и разсмѣялась громко, уже не боясь что ее услышитъ maman.

— Elle rage terriblement! [4]) повторила она съ такимъ восторгомъ, точно это приносило ей личное удовольствіе.

M-elle Mignard тоже улыбнулась. Предвкушаемое ею интересное соперничество между матерью и дочерью и ее чрезвычайно занимало.

Нэдъ сидѣла на стулѣ и какъ маленькая болтала отъ удовольствія красивыми ногами, смотря на гувернантку блестящимъ, смѣющимся взглядомъ.

— Софи все-таки молоденькая! сказала она.

Но M-elle Mignard сомнительно покачала головой.

— C'est égal, elle n'est guère jolie!

Нэдъ задумчиво смотрѣла на нее.

— Нѣтъ, знаете, она только не умѣетъ, въ сущности она даже хорошенькая, и лицо, и фигура ничего, но... elle n'a pas du *chien*.

— C'est que, ma chère, c'est-là le principal! воскликнула M-elle Mignard съ увлеченіемъ. — La beauté n'est guère de rigueur pour une femme, il est bien plus important qu'elle soit pourvue de ce que, nous autres Français, nous appelons „du chien“. Elle aura toujours du succès, dans ce cas-là! Les parisiennes sont les femmes les plus séduisantes de l'univers, — voilà qui est reconnu une fois pour toutes! воскликнула съ торжествомъ, гордясь за всѣхъ своихъ соотечественницъ, M-elle Mignard, — et pourtant, elles sont loin d'être toutes jolies. Mais elles savent admirablement rehausser par du chic leur figure, quelle qu'elle soit [1]).

Нэдъ съ удовольствіемъ слушала, зная что и она сама похожа на француженку, не смотря на то что отецъ ея нѣмецъ, а мать русская. M-elle Mignard не разъ говорила ей, что у нея типъ чистокровной парижанки (parisienne pur sang).

— А какое платье maman ей приготовила, вы видѣли? Ахъ, поглядите, оно лежитъ на постели Софи, въ ея комнатѣ. Ярко-розовое! Платье прелестное, игрушка, но вотъ увидите что оно ни за что къ Софи не пойдетъ! Розовое идетъ только къ самому хорошему цвѣту лица.

И Нэдъ съ горделивымъ самодовольствомъ метнула взглядъ на себя въ зеркало.

— Savez-vous! вскрикнула она вдругъ,—maman l'a fait exprès! j'en suis sûre!

И она снова громко и плутовски расхохоталась.

M-elle Mignard добродушно хлопнула ее.

— Taisez vous, enfant terrible!

— Vrai! j'en suis sûre. Но знаете, заговорила Нэдъ вдругъ печально, — maman меня къ десяти часамъ навѣрное спать прогонитъ и я ничего не увижу! Господи, да когда я ужь наконецъ выросту!

— Ne soyez pas si pressée. Votre mère est d'avis que votre robe courte lui va bien mieux à elle qu' une robe à queue ne vous irait à vous [2]).

— Mais c' est insupportable! Она пожалуй будетъ водить меня коротышкой пока ей не минетъ пятидесяти лѣтъ! Я пойду лучше къ папа и попрошу его, чтобъ онъ выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе остаться сегодня на вечерѣ до двѣнадцати часовъ. Одно скверно, что эта противная Морисониха пріѣдетъ! Опять начнетъ свои поученія!

— Ah! Cette vieille bigote! [3]) отвѣтила съ чувствомъ M-elle Mignard, которой одно воспоминаніе объ непріятной соперницѣ всегда портило хорошее расположеніе духа.

IV.

Нэдъ побѣжала къ отцу. Өедоръ Густавовичъ сидѣлъ въ халатѣ у письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ и, проглядывая утреннія газеты, пилъ кофе изъ огром-

[1]) Ахъ, какъ вы блѣдны, вы вѣрно дурно провели ночь?
[2]) Вы должны беречься, очень беречься, вы такая слабенькая!
[3]) Она злится.
[4]) Она ужасно злится!

[1]) Женщинѣ совсѣмъ не красота нужна! это второстепенное; важно, чтобы она обладала тѣмъ, что мы французы зовемъ „du chien“. Тогда она всегда будетъ имѣть успѣхъ! Парижанки самыя обольстительныя женщины въ мірѣ! Это признано цѣлымъ свѣтомъ! А между ними далеко не всѣ хороши; но онѣ умѣютъ съ шикомъ носить свою физіономію, какова бы она тамъ ни была!
[2]) Не очень торопитесь, душа моя! Ваша maman находитъ, что короткое платье на васъ идетъ къ ней гораздо больше, чѣмъ къ вамъ пойдетъ шлейфъ!
[3]) О, старая ханжа!

ной чашки, со сливками и сухарями, какъ онъ любилъ пить его по утрамъ.

Нэдъ подбѣжала къ нему сзади, легкими неслышными шагами, и закрывъ ему быстро одной рукой глаза, другою выхватила у него газету и засмѣялась, громко цѣлуя его въ ухо съ манерой шаловливаго, избалованнаго ребенка, которому все позволяется.

— Aha! bist Du's, Wildfang!

Ѳедоръ Густавовичъ, снявъ очки, посадилъ дочь къ себѣ на колѣни и съ удовольствіемъ поцѣловалъ ее въ свѣженькое, розовое личико, кожа котораго пахла тѣмъ особеннымъ запахомъ, напоминающимъ струю свѣжаго воздуха, который бываетъ только у дѣтей да у очень молоденькихъ дѣвушекъ.

Нэдъ смѣясь цѣловала отца въ щеки, глаза и подбородокъ, ластясь къ нему, какъ хитрый граціозный котенокъ.

— О! о! о! засмѣялся добродушно Ѳедоръ Густавовичъ, — ну вижу, вижу въ чемъ дѣло! знаю, плутовка, что-то такое нужно! nun gut, was willst Du?

Нэдъ пригнула къ себѣ его голову за одно ухо и, плутовски улыбаясь одними глазами, шептала ему на ухо. Она шептала по-нѣмецки, зная слабую струнку Ѳедора Густавовича, т. е. зная что это сейчасъ растрогаетъ его, онъ придетъ въ умиленіе и охотнѣй исполнитъ все требуемое. Но въ сущности она, какъ и мать, недолюбливала и нѣмцевъ, и ихъ языкъ.

— О! засмѣялся снова Ѳедоръ Густавовичъ, выслушавъ просьбу дочери,—ну это не будетъ-ли слишкомъ? Я слыхалъ что маленькія дѣти ложатся спать въ девять часовъ.

Нэдъ опять пригнула къ себѣ его голову и, вся вздрагивая отъ смѣха и прижимаясь къ нему, зашептала:

— Ты слышалъ неправду! И потомъ, чтò я за „маленькое дитя“! Это только maman говоритъ что я маленькая! воскликнула она обидчиво и не безъ умысла упоминая имя матери; она знала что Ѳедору Густавовичу достаточно сказать будто такъ говоритъ или думаетъ Юлія Андреевна, для того чтобы онъ тотчасъ же возымѣлъ какъ разъ обратное мнѣніе.

— Ну, папочка, ну милый, пожалуйста устрой! А если maman не позволитъ, ты скажи что „ты“ позволилъ, что ты такъ хочешь! Развѣ ты не можешь приказать своей дочери чтò хочешь? Отчего же maman можетъ распоряжаться мной какъ хочетъ, а ты не можешь! Развѣ ты меньше ея? Ты, папочка, вотъ чтò сдѣлай: когда мы будемъ обѣдать, я буду сидѣть тихо-тихо и молчать какъ-будто ничего не знаю, а ты возьми и скажи вдругъ M-elle Mignard: „M-elle Mignard, потрудитесь одѣть Нэдъ послѣ обѣда въ вечернее платье, и останьтесь съ ней сегодня на балу до 12 часовъ!“ Тогда maman разсердится и скажетъ: „Къ чему это? чтò еще за новости!“ А ты скажи: „*Я* такъ желаю!“ А maman тебѣ скажетъ: „Она еще слишкомъ мала для баловъ! ей нужно учиться, а не танцовать!“ А ты скажи: „Сегодня балъ не серьезный, сегодня будетъ все больше молодежь и я нахожу, что Нэдъ вполнѣ прилично присутствовать на первомъ выходѣ своей сестры! И такъ, M-elle Mignard, потрудитесь же исполнить мое распоряженіе!“ Тогда maman ужь нечего будетъ больше дѣлать и она должна будетъ, хочетъ-не-хочетъ, позволить намъ. Ты выйдешь побѣдителемъ, а я немножко повеселюсь. Ну, папочка, ну, милый, пожалуйста, сдѣлай удовольствіе твоей маленькой дочкѣ!

И Нэдъ ластилась къ отцу, тормоша и ероша ему волосы и бакенбарды и кокетливо заглядывая ему въ глаза.

Ѳедоръ Густавовичъ улыбаясь глядѣлъ на нее съ видимымъ удовольствіемъ. Онъ находилъ, что Нэдъ очень похожа на него; ея красота и умъ умиляли его и льстили его самолюбію, какъ косвенные намеки на его собственныя достоинства.

— Ахъ, плутовка! воскликнулъ онъ съ восхищеніемъ, — ахъ, маленькій дипломатъ въ юбкѣ!

И онъ съ любовью легонько щелкнулъ Нэдъ по носу, своимъ большимъ краснымъ пальцемъ.

Но въ эту минуту отворилась дверь и вошла Юлія Андреевна. Она сердито окинула глазами неожиданную „нѣжную сцену между папашей и дочкой“. И папаша и дочка оба нѣсколько смутились въ первую минуту — Нэдъ быстро и тревожно соскользнула съ колѣнъ отца.

— Къ чему ты тутъ? недовольно спросила ее Юлія Андреевна.—Иди въ свою комнату и занимайся! Развѣ у тебя нѣтъ сегодня уроковъ?

— Нѣтъ, есть.

— Такъ чтò же ты бѣгаешь? Чей сегодня день?

— Сегодня придетъ Курилинъ читать исторію.

— Такъ иди же!

— Да онъ еще только послѣ завтрака придетъ, сказала Нэдъ, уже оправившись отъ своего перваго страха, который Юлія Андреевна умѣла внушать почти всѣмъ въ домѣ, и начиная уже слегка, приличнымъ образомъ поддразнивать мать, чтò всегда доставляло ей большое удовольствіе.

— Ну, все равно, ты должна сидѣть и готовиться къ его уроку, а не бѣгать, какъ мальчишка, по всему дому! сказала Юлія Андреевна уже сердясь.

— Но я, maman. еще вчера ему все приготовила, съ самымъ покорнымъ видомъ отвѣчала Нэдъ.

Юлія Андреевна чувствовала что дочь нарочно „бѣситъ“ ее и, замолчавъ на мгновеніе, окинула Нэдъ такимъ строгимъ и повелительнымъ взглядомъ, что та невольно опять струхнула.

— Не разсуждай, сказала надменно Юлія Андреевна, — и уходи когда тебѣ приказываютъ.

Нэдъ насмѣшливо тряхнула головкой и выскользнула изъ кабинета.

— Вотъ и попалась, сказала она себѣ, — ну да ничего! вѣдь она не знаетъ зачѣмъ я приходила, а на балъ я теперь все-таки ужь непремѣнно попаду! попаду! попаду!

И въ припрыжку, распѣвая въ тактъ бѣга слово „попаду!“, она бѣжала въ свою комнату, смѣясь заранѣе той мысли какъ она сейчасъ разскажетъ обо всемъ происшедшемъ M-elle Mignard и представитъ ей въ лицахъ какъ она „умасливала“ отца, и какъ онъ „растаялъ“, и какъ вошла „грозная“ maman и величественно приказала ей удалиться, и какъ папа струхнулъ и сталъ поспѣшно читать свою „Herolds-Zeitung“, и какъ вечеромъ интересно будетъ слѣдить за maman и этою кислою Софи, и какъ все это вообще весело, забавно и интересно.

V.

— Надѣюсь, обратилась къ мужу Юлія Андреевна тономъ не допускающимъ возраженія, — вы будете сегодня завтракать дома.

Ѳедоръ Густавовичъ поморщился. Въ сущности Ѳедоръ Густавовичъ былъ хорошій семьянинъ, но его семья сложилась такъ, что онъ пересталъ быть хорошимъ семьяниномъ, хотя въ глубинѣ души скучалъ и стремился къ этой семьѣ, которой такъ ему недоставало, не смотря на то что онъ имѣлъ ее. Его семейные инстинкты не удовлетворялись тѣми семейными началами, которыя царили въ его домѣ, и постепенно онъ дошелъ до того, что ему нравилось бывать вездѣ, только не у себя дома. Ѳедоръ Густавовичъ считалъ своимъ долгомъ пріѣзжать къ обѣду обязательно домой; это былъ почти единственный часъ за весь день, который онъ проводилъ и считалъ нужнымъ, а отчасти даже пріятнымъ для себя, проводить въ семьѣ.

Шествіе на осляти въ Вербное Воскресенье въ Москвѣ (XVII вѣкъ). Ор. рис. (собств. „Нивы") Ѳ. Бухгольца, грав. Шюблеръ.

По завтраки онъ не считалъ для себя обязательными. Онъ вставалъ рано, пилъ кофе въ своемъ кабинетѣ, а завтракать любилъ въ Hôtel de France. Сегодня впрочемъ былъ случай исключительный, и онъ еще съ вечера рѣшился завтракать дома, ради пріѣзда Софи; но вопросъ и тонъ вопроса Юліи Андреевны разсердили его, и онъ сразу почувствовалъ что не будетъ завтракать дома, хотя бы уже только потому что Юліи Андреевнѣ желательно этого требовать.

Поморщась, онъ принялъ обычный равнодушный видъ, котораго, какъ онъ зналъ, Юлія Андреевна окончательно въ немъ не выносила.

— А почему же? спросилъ онъ ее, флегматично выпуская изо рта крупныя кольца дыма.

Юлія Андреевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Потому что сегодня, кажется, ваша дочь пріѣзжаетъ!

— О, я знаю, aber was doch? спросилъ онъ, дѣлая нарочно ничего не понимающее лицо.

Юлія Андреевна зло разсмѣялась.

— О, нѣжный папаша! воскликнула она, — васъ это кажется нисколько не интересуетъ?

Ѳедоръ Густавовичъ слегка взволновался, но старался сохранить свой спокойный видъ.

— Ну, ну, кто тамъ... нѣжный папаша или нѣжная мамаша, про то не будемъ лучше разговаривать, чтобы сдѣлать вамъ любезность.

Юлія Андреевна вспыхнула и глаза ея сердито засверкали. Она хотѣла разсердиться и даже обрадовалась что нашла человѣка на которомъ ей можно было наконецъ сорвать свое раздраженіе, но потомъ вдругъ передумала и рѣшила что не стоитъ волноваться изъ-за этого „тюленя“. Къ вечеру ей нужно сохранить свѣжій видъ, а Юлія Андреевна страдала печенью, которая всегда, послѣ припадковъ раздраженія, желтила ей кожу и придавала истомленный видъ.

— Ну, это ужь не ваше дѣло, сказала она, стараясь по возможности быть спокойнѣе,—ваше дѣло завтракать сегодня дома.

— А почему это мое дѣло? Я самъ знаю мои дѣла и не люблю чтобъ въ нихъ мѣшались кого я не просилъ. Я не буду сегодня завтракать дома, заключилъ онъ рѣшительно.

Юлія Андреевна смѣрила его взглядомъ такого глубокаго презрѣнія, которое оскорбляло и возмущало Ѳедора Густавовича больше всякихъ словъ, и не сказавъ ничего вышла изъ кабинета.

Ѳедоръ Густавовичъ остался въ чрезвычайно непріятномъ расположеніи духа. Онъ сердился и на Юлію Андреевну, и на самого себя. Въ сущности теперь ему еще больше хотѣлось бы остаться дома, но онъ не могъ уступить женѣ и долженъ былъ отказаться отъ этого желанія только потому, что и она желала и требовала того же.

Хотя онъ не былъ особенно горячимъ и заботливымъ отцомъ, но по своему очень любилъ своихъ дочерей.

VI.

Юлія Андреевна обошла, осматривая, всѣ комнаты, что̀ она дѣлала каждое утро и особенно внимательно въ пріемные дни. Затѣмъ прошла прямо къ себѣ въ комнату. Было уже 10 минутъ 12-го. Чрезъ четверть часа пріѣдетъ Софи съ Miss Morrison—и сердце Юліи Андреевны при этой мысли сжималось какъ-то тревожно и непріятно.

Она сидѣла, тоскливо прислушиваясь къ стукамъ экипажей по мостовой, и думала о томъ что сейчасъ подъѣдетъ карета Софи и что она, Юлія Андреевна, должна будетъ принять ее не только любезно, какъ принимала многихъ другихъ своихъ соперницъ которыхъ ненавидѣла въ душѣ, но и съ особенною лаской, какъ любящая мать дорогую дочь, и ни на одну секунду не дать замѣтить этой дочери, что она видитъ въ ней только опасную конкурентку, пріѣхавшую отнять ея право на молодость, красоту, и то что̀ она понимала подъ словомъ „счастье“.

Особенныхъ „нѣжностей“ отъ нея впрочемъ никто вѣроятно не ожидаетъ,—она всегда была нѣсколько холодна со своими „дѣвочками“ и къ этому давно уже всѣ привыкли, никого это не удивляетъ и никому не кажется неестественнымъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ къ дому подъѣхала карета.

Юлія Андреевна быстро встала и подошла къ окну, смотря съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ, какъ выбѣжавшій лакей и швейцаръ суетливо и почтительно высаживали изъ кареты Софи и принимали безконечные свертки и пакеты отъ Miss Morrison.

Нѣсколько времени тому назадъ, старая баронесса Бредонъ, выдавшая дочь замужъ за англичанина, встрѣчала ее на станціи послѣ полуторагодовой разлуки. Юлія Андреевна, встрѣчавшая одну знакомую, тоже была на дебаркадерѣ и ее поразили выраженіе лица старухи въ ту минуту когда подходилъ поѣздъ,—выраженіе мучительнаго, страстнаго ожиданія, нетерпѣнія и страха,—и тотъ крикъ радости, счастья и любви, съ которымъ она кинулась на встрѣчу выходившей дочери и застыла на ея груди въ какомъ-то глубокомъ наслажденіи. Ей вспомнилось какъ тѣло старухи потрясалось отъ глухихъ рыданій и какъ она, забывъ свою обычную сдержанность и холодность, забывъ что на нее со всѣхъ сторонъ смотрятъ чужіе любопытные глаза—ловила, плача и смѣясь, руки дочери и прижимая ихъ къ своимъ губамъ, безсознательно твердила: „дѣточка, моя дѣточка“.

Юлія Андреевна стояла тогда подлѣ нея и радость старухи и удивляла, и трогала ее даже—и теперь ей невольно пришло въ голову, что быть-можетъ и она должна была ощущать въ своей груди что-то другое, болѣе теплое и нѣжное... Ей стало какъ будто совѣстно и неловко за то недоброе чувство, съ которымъ она встрѣчала дочь, и глухой упрекъ самой себѣ поднялся въ глубинѣ ея души.

Но воспоминаніе о томъ, съ чѣмъ будетъ сопряженъ для нея этотъ непрошеный пріѣздъ дочери, снова раздражило ее, и она быстро отошла отъ окна, сердито хмуря свои темныя, красивыя брови.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса и шаги.

Юлія Андреевна сдѣлала любезное лицо и съ ласковою, немного смущенною улыбкой пошла навстрѣчу къ входившимъ.

— Bonjour, mon enfant! сказала она цѣлуя дочь, и почувствовавъ на своей надушеной рукѣ крѣпкій поцѣлуй, снова вдругъ вспомнила баронессину дѣточку, слегка покраснѣвъ наклонилась и еще разъ поцѣловала дочь въ щеку.

— Доброе утро, Miss Morrison, вы вѣрно утомились въ дорогѣ...

— О, да, ночь въ вагонѣ всегда утомительна.

Юлія Андреевна съ привѣтливымъ соболѣзнованіемъ улыбнулась Miss Morrison.

Она всегда была изысканно вѣжлива съ англичанкой, отчасти потому, что слегка побаивалась ея, но главнымъ образомъ потому, что желала быть въ ея глазахъ кровною аристократкой и отличаться безукоризненными манерами.

— Въ такомъ случаѣ, мы васъ не будемъ сегодня больше безпокоить; идите въ свою комнату и отдохните, а Софи я сначала сведу къ Ѳедору Густавовичу, потомъ сдамъ M-elle Mignard.

Miss Morrison удалилась, наклонивъ въ знакъ благодарности голову, надменнымъ поклономъ, а Юлія Андреевна, обнявъ дочь за талію, направилась съ ней на половину мужа.

Дорогой, она разспрашивала ее, хорошо-ли ей было ѣхать, не чувствуетъ-ли она сильной усталости или головной боли, и болтая съ ней о разныхъ мелочахъ, на которыхъ всегда вертится разговоръ въ первыя минуты послѣ дороги, незамѣтно разсматривала дочь. Въ послѣдній разъ онѣ видѣлись прошлымъ лѣтомъ, когда проѣздомъ изъ Крыма Юлія Андреевна нарочно останавливалась на нѣсколько дней у Tante Luise для того, чтобы повидаться съ Софи. Тогда Софи имѣла видъ еще полудѣвочки и не смотря на то, что ей было 17 лѣтъ, казалась не старше пятнадцати. Но за этотъ годъ она сильно подросла, выровнялась и въ своемъ длинномъ платьѣ и высокой дорожной шляпѣ казалась совсѣмъ уже взрослою дѣвушкой. Она была худощава и невысока ростомъ, что́ молодило ее; но назвать ее хорошенькою было нельзя, не смотря на прекрасные голубые глаза и правильныя черты. Въ лицѣ ея недоставало яркихъ красокъ и оживленія, а лежавшее на немъ выраженіе—не то задумчивости или застѣнчивости, не то апатичности, портило его, придавая ему какую-то безцвѣтность. Она вся имѣла какой-то блѣдный, сѣренькій видъ, и даже прекрасные, густые, бѣлокурые волосы, красивые быть-можетъ у другой — не красили ее.

Юлія Андреевна внимательнымъ взглядомъ опытной женщины разсматривала ее искоса.

„Сѣренькая! voilà le mot“, подумала она и чуть-чуть улыбнулась.

— А Tante Luise здорова? спросила она вслухъ.

— Да, maman, merci, она просила вамъ кланяться.

— Благодарю, мнѣ надо будетъ еще написать ей, и поблагодарить за всѣ хлопоты и заботы о тебѣ.

Софи ничего не отвѣтила, но по лицу ея пробѣжала грустная тѣнь и она еще ниже опустила глаза.

Когда Ѳеодоръ Густавовичъ увидѣлъ входящую жену и дочь, онъ быстро отодвинулъ свое кресло отъ стола и грузно всталъ навстрѣчу дочери, радостно протягивая ей руки. Глаза Софи вдругъ ласково вспыхнули и освѣтились счастливою, дѣтскою улыбкой, отъ которой разомъ заиграло и загорѣлось все ея блѣдное личико. Она бросилась къ отцу и нѣжно прижалась къ его груди.

— Guten Morgen, mein Kindchen! guten Morgen, mein Schätzchen! очень, очень радъ тебя видать, очень радъ!

И онъ ласково трепалъ дочь по плечу своею огромною, красною, волосатою рукой, неловко цѣлуя ее въ голову и нѣсколько смущенно поглядывая въ сторону жены, которая своимъ присутствіемъ стѣсняла почему-то его нѣжный порывъ.

Юлія Андреевна молча, холоднымъ, насмѣшливымъ взглядомъ, наблюдала эту „трогательную сцену свиданія.“ Она видѣла какъ радостно вспыхнула Софи, увидѣвъ отца, и какъ самъ Ѳеодоръ Густавовичъ бросился къ ней навстрѣчу, и чувство отчужденности отъ нихъ обоихъ сильнѣе поднялось въ ней.

„Да, они больше подходятъ другъ къ другу“, думала она съ какой-то странною горечью на душѣ, „и въ ней эта отвратительная нѣмецкая натура!“

— Ну, какъ же ты доѣхала? спрашивалъ Ѳеодоръ Густавовичъ, ласково усаживая дочь подлѣ себя. Онъ замѣчалъ, что жена недовольна и имъ, и дочерью, и былъ этимъ въ душѣ очень обиженъ не за себя—къ этому онъ относился вполнѣ равнодушно—но за „свою“ дочь. Въ эту минуту ему казалось, что Софи именно только его дочь, и падчерица Юліи Андреевны, которая съ ней холодна и нелюбезна, и на зло женѣ онъ старался быть съ Софи не только вдвое ласковѣе, но даже началъ говорить съ ней по нѣмецки, съ особеннымъ вниманіемъ и нѣжностью сталъ разспрашивать ее объ Tante Luise и объ другихъ своихъ московскихъ родственникахъ, чего Юлія Андреевна, считая всѣхъ его родственниковъ за какихъ-то нѣмецкихъ сапожниковъ, терпѣть не могла. Но Софи, очевидно любившая ихъ, съ большимъ удовольствіемъ отвѣчала отцу на всѣ вопросы чистѣйшимъ нѣмецкимъ языкомъ.

— Здорова-ли Tante Luise? что Францъ, выдержалъ-ли экзамены? а дядя Шмидтъ снялъ, кажется магазинъ?

Юлія Андреевна презрительно усмѣхнулась.

„Tante Luise, Францъ, дядя Шмидтъ... для меня всѣ эти господа совершенно чужіе люди, а для нихъ—свои, кровные, родные... Она вся пропиталась этимъ нѣмецкимъ духомъ, ничего моего... Нѣтъ, нѣтъ, она мнѣ чужая, совсѣмъ чужая“... И ей казалось страннымъ и непонятнымъ, что эта сѣренькая нѣмочка—ея родная дочь. Глядя на нихъ, естественнѣе предположить, что она дочь Ѳеодора Густавовича отъ перваго брака съ какой-нибудь нѣмкой...

„Не къ чему было отдавать ее воспитывать этой старой дурѣ Луизѣ... Я всегда была противъ, но благовѣрный непремѣнно этого желалъ... вотъ теперь и вышло Богъ знаетъ что̀... Впрочемъ, она уже съ дѣтства высказывала всѣ эти нѣмецкія добродѣтели — это ужь врожденное, папенькино! И какъ могла я выйти за него! Какъ могла! А теперь и эта, чего добраго, успѣла уже пожалуй влюбиться въ какого-нибудь нѣмецкаго кузена и быть можетъ въ довершеніе всѣхъ прелестей, въ пріятной перспективѣ предстоитъ еще цѣлая любовная исторія въ нѣмецкомъ духѣ съ какимъ-нибудь Herr-Шмидтомъ, башмачникомъ съ Кузнецкаго моста!..“

И Юлія Андреевна вдругъ сердито заговорила:

— Однако вы успѣете поговорить объ этомъ и послѣ, а теперь дали-бы ей лучше раздѣться, она еще и шляпы не сняла!

— Ну что̀ такое, возразилъ Ѳеодоръ Густавовичъ, — это не бѣда, будетъ еще успѣвать...

Но Юлія Андреевна рѣзко оборвала супруга.

— Уже первый часъ — сегодня завтракать будемъ раньше, а ей нужно еще переодѣться. Пойдемъ, Софи.

Софи застѣнчиво встала, смущенно взглянула на мать и на отца, видимо не зная котораго изъ нихъ ей слушаться и должна-ли она идти за матерью, или остаться съ отцомъ. Съ отцомъ ей было какъ-то проще и лучше, и она предпочла-бы остаться съ нимъ, но въ глазахъ матери чувствовалось такое холодное приказаніе, что она невольно встала и, взглянувъ на отца виноватыми глазами, какъ-бы извиняясь, что не исполняетъ его желанія, поцѣловала его еще разъ и пошла за матерью.

Теперь Юлія Андреевна шла впереди по длинному ряду залъ и гостиныхъ, отдѣлявшихъ ея половину отъ половины мужа. Она уже не держала дочь за талію и даже не оглядывалась на нее; если раньше въ душѣ ея и было какое-то теплое чувство къ Софи, то теперь, за короткое время свиданія ея съ отцомъ, чувство это совсѣмъ исчезло и она не могла принудить себя даже къ простой любезности съ дочерью.

— Voici, M-elle Mignard, encore une élève pour vous, громко проговорила она входя въ дѣтскую, гдѣ Нэдъ, сидя на столѣ, говорила что-то, смѣясь и болтая ногами, M-elle Mignard. При входѣ матери, она поспѣшно соскочила со стола и, испуганно взглянувъ на нее, перевела сейчасъ-же любопытные глаза на вошедшую сестру.

— Ah! charmée, charmée! воскликнула радостно M-elle Mignard и любезно протянувъ къ Софи обѣ руки, горячо поцѣловала ее въ щеку.

— Мы уже были знакомы съ M-elle Софи, заговорила она по-французски, — а теперь мы съ ней, надѣюсь, подружимся еще больше! O M-elle Софи, j'adore toute votre famille et je benis le Ciel pour m'avoir envoyée ici [1])!

M-elle Mignard слегка прослезилась и крѣпко по-

[1]) О, M-elle Софи, я обожаю всю вашу семью и благословляю Небо пославшее меня сюда!

цѣловала еще разъ Софи, которая съ замѣшательствомъ глядѣла на страстную поклонницу своей семьи и не знала что̀ сказать ей въ отвѣтъ. Но M-elle Mignard и не ожидала отвѣта, она очень любила маленькія трогательныя сцены и краснорѣчивыя рѣчи и всегда пользовалась удобнымъ случаемъ сказать ихъ.

— Votre mère est un ange, продолжала она растроганнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ. — Comme vous devez être heureuse d'avoir une mère pareille et d'être revenue chez vous où l'on vous attendait si impatiemment! [1])

Плутоватые глаза Нэдъ запрыгали отъ удовольствія и сдерживаемаго смѣха. Она знала „какъ ждали всѣ Софи въ родномъ домѣ“ и ей ужасно хотѣлось разсмѣяться, но встрѣтивъ на себѣ строгій взглядъ матери, который на этотъ разъ совсѣмъ почему-то не нравилось излишнее краснорѣчіе M-elle Mignard, быстро опустила глаза и подойдя въ очередь поцѣловала сестру.

— Eh bien, M-elle, сухо прервала Юлія Андреевна,— поторопитесь къ завтраку. Софи нужно еще переодѣться, займитесь ея туалетомъ, а мнѣ нужно еще пойти къ себѣ.

И она ушла, оставивъ Софи, которую смущали и и краснорѣчіе гувернантки, и холодность матери, и насмѣшливо улыбавшееся личико сестры.

M-elle Mignard и Нэдъ тотчасъ обступили ее и съ любопытствомъ, свойственнымъ какъ француженкамъ, такъ и дѣвочкамъ-подросткамъ, закидали ее всевозможными вопросами и объ Москвѣ, и объ дорогѣ, и объ разныхъ знакомыхъ.

VII.

Во второмъ часу подали завтракъ и всѣ собрались въ столовую нѣсколько не въ духѣ. Юлія Андреевна была разстроена съ утра, ожиданіемъ дочери; у Miss Morrison начиналась съ дороги мигрень, а Софи была смущена и взволнована непривычною для нея обстановкой. Она видимо стѣснялась предо всѣми этими новыми лицами, которыя хотя и назывались ея семьей, но въ сущности были ей еще совсѣмъ чужды. Даже Өедоръ Густавовичъ, обыкновенно благодушный и болтливый, былъ сильно не въ духѣ. Онъ не завтракалъ, какъ и обѣщалъ Юліи Андреевнѣ, но теперь ему еще больше хотѣлось остаться дома и онъ сердился на жену, изъ-за которой долженъ былъ отказаться отъ этого удовольствія только для того, чтобы сдѣлать неудовольствіе ей.

Когда уже всѣ сидѣли за столомъ, онъ вошелъ, въ цилиндрѣ на головѣ и натягивая перчатки, только на минуту чтобы проститься, прямо подошелъ къ Софи и нѣжно поцѣловалъ ее, а потомъ взялъ въ свою большую руку мордочку Нэдъ и крѣпко сжалъ ее, прижимая ей носъ къ подбородку, что̀ онъ продѣлывалъ съ ней всегда, каждый день, съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и апетитомъ.

— Развѣ вы, папа, не будете съ нами завтракать? спросила его Софи, своимъ робкимъ голосомъ.

Өедоръ Густавовичъ нахмурился и сердито поглядѣлъ на жену.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, у меня есть неотлагаемое дѣло...

Онъ стоялъ посреди комнаты, въ цилиндрѣ сдвинутомъ слегка на затылокъ, и широко разставивъ ноги, сердито натягивалъ на руки модныя рыжія перчатки.

Юлія Андреевна съ неудовольствіемъ глядѣла на него и все въ немъ было ей противно: и этотъ лоснящійся цилиндръ, и толстый красный затылокъ, заросшій подстриженными, слегка вьющимися рыжими волосами, и голосъ, и короткіе, мѣщанскіе пальцы съ кольцами, на которые съ трудомъ лѣзли узкія французскія перчатки, и его пошлые, какъ ей казалось, глаза, и клѣтчатыя брюки...

„Господи, какъ могла я выйти за него замужъ“... думала она въ сотый разъ съ ожесточеніемъ и отвращеніемъ, и ей хотѣлось закричать ему, чтобы онъ скорѣй уходилъ съ ея глазъ и не раздражалъ бы ее своимъ присутствіемъ, но сдерживалась не желая дѣлать сцену при Софи, которая отчасти все-таки стѣсняла ее какъ новый человѣкъ, не посвященный еще во всѣ семейныя тайны и отношенія. Она холодно кивнула ему на прощанье и съ брезгливымъ жестомъ скорѣй отняла отъ него руку.

Когда Өедоръ Густавовичъ уѣхалъ, разговоръ за завтракомъ все не клеился, хотя Юлія Андреевна, любившая всегда имѣть видъ свѣтской женщины, привыкшей не выказывать никакихъ своихъ чувствъ, любезно разспрашивала Софи и Miss Morrison объ Москвѣ и о впечатлѣніи вынесенномъ ими изъ нея. Но и Софи, и Miss Morrison были неразговорчивы и плохо поддерживали разговоръ. Нѣсколько разъ за столомъ воцарялось неловкое, непріятное молчаніе, во время котораго присутствовавшіе какъ бы сильнѣе еще чувствовали холодную отчужденность другъ отъ друга и не знали что̀ сказать. Нэдъ исподтишка подталкивала подъ столомъ M-elle Mignard кончикомъ ноги и быстро шептала ей, наклоняя лицо надъ тарелкой:

— Она не изъ разговорчивыхъ.

M-elle Mignard старалась оживить общество; она съ большимъ интересомъ разспрашивала о Москвѣ, которую считала почему-то главнымъ мѣстожительствомъ всѣхъ русскихъ мильонеровъ и купцовъ.

— Правда-ли что тамъ живутъ одни купцы и всѣ дома обращены въ лавки?

Miss Morrison брезгливо сжимала губы.

Она ничего объ этомъ не знаетъ, она нашла Москву грязною и некрасивою. Во все время ея пребыванія тамъ была ужасная погода, у нея былъ флюсъ и она не выходила.

Тогда M-elle Mignard обратилась къ Софи.

Monsieur Anatole разсказывалъ ей, что подъ великимъ колоколомъ царя Ивана строютъ къ выставкѣ новый пассажъ. Видѣла-ли она эту постройку, должно быть она должна представлять собой грандіозное и необычайное зрѣлище.

Всѣ разсмѣялись, даже застѣнчивая Софи.

— Это невозможно, сказала Софи улыбаясь и слегка краснѣя (она всегда немного краснѣла когда говорила),—въ немъ не помѣстится и одна лавка!

Comment donc! возможно-ли? Но monsieur Anatole разсказывалъ ей что Царь-колоколъ выше и больше шестиэтажныхъ домовъ! а во время нашествія великой французской арміи (эти слова M-elle Mignard проговорила торжественнымъ голосомъ) въ немъ были скрыты два института со всѣми воспитанницами, учителями и классными дамами.

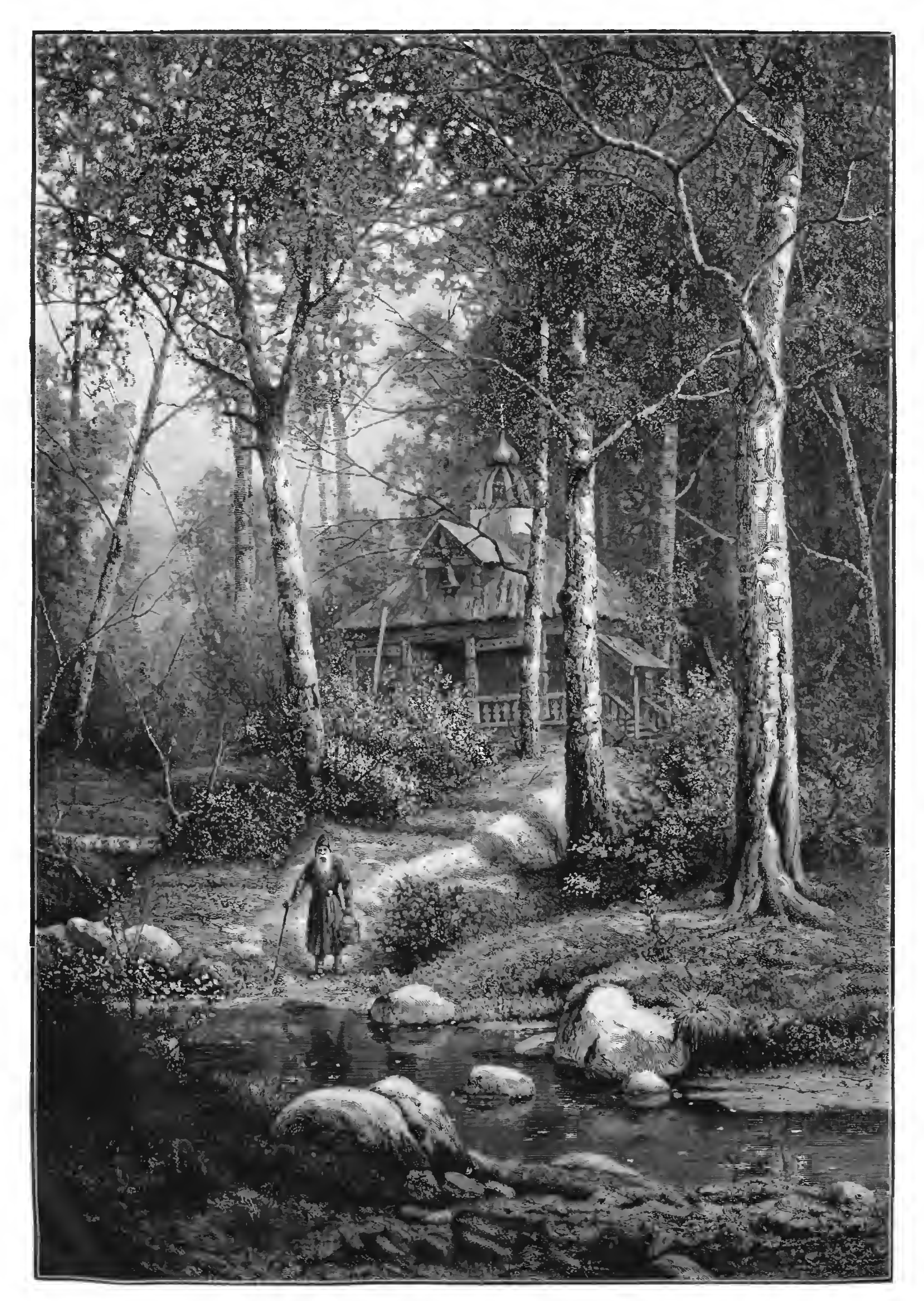
Всѣ снова разсмѣялись кромѣ Miss Morrison, которая только высокомѣрно поморщилась. Она давно считала M-elle Mignard дурой и ожидала отъ нея всякихъ глупостей.

— Monsieur Anatole шутилъ съ вами, сказала насмѣшливо Юлія Андреевна,—не надо быть такой легковѣрною! добавила она такимъ тономъ, въ которомъ чувствовалось, что она этой фразой намекала на что-то еще другое.

— Vraiment? Ah, le blagueur! восклицала съ добродушнымъ негодованіемъ M-elle Mignard, — онъ всегда разсказываетъ мнѣ о Россіи разныя чудеса, но я больше не стану ему вѣрить.

M-elle Mignard своимъ наивнымъ легковѣріемъ развеселила немножко скучавшее общество. Юлія Андре-

[1]) Ваша мать, это ангелъ! Какъ должны вы быть счастливы, имѣя подобную мать и возвратившись въ родной домъ, гдѣ всѣ ждали васъ съ такимъ горячимъ нетерпѣніемъ!



XVII передвижная выставка. Скитъ.

Съ карт. акад. Е. Е. Волкова (право гравир. пріобр. „Нивой“), съ фот. грав. М. Рашевскій.

евна стала надъ ней слегка подтрунивать, она знала о слабости M-elle Mignard къ Анатолію Бахманову и любила, будучи въ духѣ, подразнить ее на этотъ счетъ. M-elle Mignard была теперь соперница уже настолько не опасная, что ей смѣло можно было разрѣшить маленькое ухаживаніе за интереснымъ молодымъ человѣкомъ, которымъ и сама хозяйка дома очень интересовалась.

Въ концѣ завтрака, когда уже подали кофе, лакей доложилъ о пріѣздѣ самого Бахманова, и Юлія Андреевна, слегка покраснѣвъ, велѣла просить его прямо въ столовую. Бахмановъ бывалъ у Таненбаумовъ такъ часто, что его считали своимъ человѣкомъ и не стѣснялись съ нимъ.

При входѣ его у Юліи Андреевны, и у Нэдъ, и у M-elle Mignard оживились лица.

Нэдъ перестала толкать M-elle Mignard ногами подъ столомъ и приняла свѣтскій видъ взрослой и кокетливой дѣвушки.

— Vous voilà, blagueur! встрѣтила его M-elle Mignard, укоризненно грозя ему пальцемъ. — Maintenant je sais que vous n'êtes qu'un blagueur!

Бахмановъ, сдѣлавъ общій поклонъ, подошелъ къ хозяйкѣ и полулѣниво, полупочтительно поцѣловалъ ея протянутую руку.

— Blagueur! повторилъ онъ равнодушно, — pourquoi donc?

— Et les bêtises que vous m'avez débité sur Москва et sur Царь-Колоколъ?

— Pas un brin de bêtise.

— Allons donc!

— Садитесь Бахмановъ! прервала ее Юлія Андреевна, слегка наморщившись и указывая на пустое мѣсто Ѳедора Густавовича подлѣ себя.

— Впрочемъ, вспомнила съ маленькимъ, чуть замѣтнымъ замѣшательствомъ, — вѣдь вы еще не знакомы съ моей Софи—позволите васъ познакомить?

Бахмановъ издали почтительно поклонился смутившейся Софи. Юлія Андреевна глядѣла на него тревожными глазами, стараясь прочесть по его лицу какое впечатлѣніе произвелъ на него видъ ея взрослой дочери. Но лицо Бахманова осталось такъ же спокойно, съ присущимъ ему выраженіемъ какой-то равнодушной ко всему апатіи.

— Хотите кофе? спросила его Юлія Андреевна.

Отъ кофе Бахмановъ отказался и только налилъ себѣ въ длинненькую узкую рюмку ликеру.

— За что на меня напали? спросилъ онъ у нея съ лѣнивой усмѣшкою.

— За то, что вы все дурачите бѣдную M-elle Mignard и разсказываете ей разныя небылицы, а она вѣритъ и повторяетъ.

— Это ужъ не моя вина, зачѣмъ она вѣритъ...

— C'est bon! воскликнула снова M-elle Mignard—à la guerre comme à la guerre—mais je me vengerai! allez!

Она всегда немножко пикировалась съ Бахмановымъ, но въ сущности ей очень нравилось, когда онъ, поддразнивая ее и подтрунивая надъ ней, вступалъ съ ней въ какіе-нибудь споры—это былъ для нея предлогъ поболтать съ нимъ.

(Продолженіе будетъ).

Военные разсказы

Андрея Львовича.

I.

Штабсъ-капитанъ.

Идетъ вторая стрѣлковая рота. Вечерѣетъ. Солдаты приморились. Походъ не шутка. Идутъ, грустятъ. Кому что въ голову лѣзетъ: одному домашнее, другому... да и третьему и четвертому—все не веселыя думы. А чѣмъ грустнѣе солдатъ думаетъ, тѣмъ тяжелѣе идти ему.

Впереди роты идетъ высокаго роста стройный блондинъ съ добрымъ, открытымъ лицомъ—это ротный командиръ, штабсъ-капитанъ Николай Романовичъ Ховенъ. По сторонамъ идутъ младшіе офицеры, тихо разговариваютъ.

— Что-же это мы такъ тихо? обернулся командиръ къ фронту и улыбнулся.—Стрѣлки, что-же вы? А пѣсню?..

— Да загрустили, ваше благородіе, кто-то отвѣтилъ.

— Эхъ, загрустили! Самому мнѣ грустно, да не грущу. Пѣсню! Ну! Селифонтовъ, ну-ка! шутливо потянулъ онъ за рукавъ молодаго запѣвалу.

Какъ тутъ устоять? такъ сердечно смотритъ ротный... „Ахъ ты милый ты командиръ!" заговорило у него въ душѣ.

— Братцы, пѣсню! ротный зоветъ!

И полилась пѣсня.

Откуда и свистуны взялись, и прибаутчики, и плясуны, и скоморохи. Идетъ вторая стрѣлковая рота—гудомъ-гудитъ, куда и грусть дѣвалась.

— Ахъ вы, милые мои! идетъ среди пѣсенниковъ Николай Романовичъ съ офицерами, да хохочетъ надъ скоморохами, да подпѣваетъ слегка. Самъ-то Николай Романычъ не пѣлъ, зато голосисты были у него офицеры: бывало, какъ подтянутъ солдатамъ, сразу слыхать, что силы подбавилось. И сердито-же въ этотъ вечеръ пѣли стрѣлки. Всѣ животики надорвали офицеры, слушая ихъ прибаутки.

— Ну, стрѣлки, придемъ на дневку, я вамъ балъ устрою, сказалъ Николай Романовичъ.

Шли это мы еще по Молдавіи. Идемъ, бывало, идемъ походомъ, да и остановимся дня на два—на три.

Такъ и теперь насъ остановили на три дня.

Накупилъ Николай Романовичъ молдаванскаго вина (а оно въ Молдавіи дешевле нашей водки), нанялъ скрипачей, собралъ пѣсенниковъ, да на всю деревню, какъ ахнетъ пѣсню у себя на большомъ зеленомъ дворѣ. Загудѣла деревня. Засуетились молдаванешти, струсили было сначала, да потомъ глянули во дворъ, успокоились.

Черезъ полчаса полонъ дворъ набрался деревенскихъ дѣвокъ, солдатъ—и пошелъ плясъ, да какой плясъ! Я думаю, ни одинъ солдатъ на свадьбѣ такъ не плясалъ у себя въ деревнѣ. Просто дымъ коромысломъ, что называется.

— Ну, гляди, чтобы пьяныхъ не было, обратился Николай Романовичъ къ стрѣлкамъ,—смотри, подзатыльниками накормлю.

Солдаты смѣялись; они знали, что ротный не бьетъ никогда, и говоритъ только такъ, для острастки.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, мы, если что, такъ упрячемъ, что и кончика носа его пьянаго никто не увидитъ.

Попировали, поплясали, повеселились, отдохнули, пошли дальше въ походъ.

Весело идутъ стрѣлки, легко имъ съ Николаемъ Романовичемъ. И что-бы вы думали? За весь походъ ни одного больнаго.

„Стыдно отстать, грѣшно отстать отъ такого командира", думаетъ всякій солдатъ.

— Эхъ, сраму ты не боишься, безсовѣстный, вонъ гляди, ротный весь походъ впереди пѣхомъ, а тебѣ и Богъ велѣлъ! укоряетъ одинъ другаго,—стыдно, братъ, валяться по лазаретнымъ линейкамъ.

А Николай Романовичъ дѣйствительно никогда не садился на лошадь (верховыя лошади были разрѣшены въ походѣ), никогда не отставалъ отъ роты. Идетъ впереди со своими офицерами отъ бивуака до бивуака, какъ всталъ такъ и легъ съ солдатиками. Не великъ примѣръ, да велики послѣдствія.

— Что, братъ, заморился? ну, давай, я за тебя ружье понесу, скажетъ Николай Романовичъ.

— Да Боже сохрани, ваше благородіе! и стрѣлокъ идетъ, изъ силъ выбивается, чтобы не отстать отъ другихъ.

И дружба-же была въ этой ротѣ: ни жалобъ, ни драки, ни воровства. Жили какъ одинъ человѣкъ.

— Ну-ка, братцы, навались! обратился командиръ къ стрѣлкамъ.—Надобно раньше турокъ занять мостъ на рѣкѣ!

И припустили стрѣлки. Командиръ полка, адъютанты ѣхали почти рысью, но стрѣлки не отставали.

Намъ дѣйствительно надобно было тогда поспѣшить. Спорныя позиціи на рѣкѣ Янтрѣ могли быть заняты турками и намъ пришлось-бы ихъ брать съ боя. Но стрѣлки почти бѣгомъ заняли Янтру, переправились черезъ мостъ, разсыпали цѣпь, а тутъ подоспѣли резервы,—и Янтра осталась за нами безъ боя.

— Спасибо, братцы! спасибо, стрѣлки! благодарилъ командиръ полка, но стрѣлки еле переводили духъ. Только задоръ да ротная дружба могли воодушевить людей на такой тяжелый переходъ. Подъ страшной жарой, по каменистой дорогѣ стрѣлки пробѣжали безъ передышки верстъ 8—9.

Зато-же послѣ, секретно отъ начальства, Николай Романовичъ и отблагодарилъ своихъ стрѣлковъ: цѣлыхъ два перехода ихъ вещи везлись сзади на буйволахъ; стрѣлки-то и въ ранцахъ какъ будто, да ранцы пусты... т. е. не пусты: въ ранцахъ у стрѣлковъ былъ табакъ.

Надо вамъ сказать, что походомъ по Румыніи мы почти не курили. Скверный тамъ табакъ, да и страшно дорогъ. До Янтры мы шли мало заселенными мѣстами и солдату негдѣ было разжиться табачкомъ. Скучали бѣдняки-солдатики.

Трубка въ походѣ великое дѣло. Доходило до того, что искрошитъ, бывало, солдатъ старую свою накуренную трубку, да въ другой новой и куритъ. Конечно, одинъ только запахъ, да горечь табачная, а все-же дымитъ, все будто куритъ солдатъ. Изморились, страшно изморились безъ табаку солдаты. И вдругъ полны ранцы табакомъ!

А случилось это вотъ какъ. Переправились стрѣлки черезъ рѣку Янтру, вошли въ село Бѣлое, перешли улицу, взобрались на гору и разсыпали цѣпь. На концѣ улицы сидитъ старикъ-турокъ, продаетъ табакъ. Лавочка не лавочка, такъ въ родѣ хатки. И какъ разъ сзади стрѣлковой цѣпи.

— Что̀ продаешь? спросилъ Николай Романовичъ.

— Тутунъ.

— Сколько за всю лавку? шутя спросилъ командиръ.

— Двѣ желтички, по болгарски отвѣтилъ турокъ.

Всѣ удивились.

— Ну, на! снова пошутилъ Николай Романовичъ и вынулъ два полуимперіала.

Турокъ до того обрадовался, что поцѣловалъ даже край одежды у командира.

Къ вечеру стрѣлковую цѣпь спустили съ горы.

— Стрѣлки, разбирай табакъ! крикнулъ Николай Романовичъ, и лавчонки мигомъ не стало. Старикъ-турокъ оказался въ высшей степени любезнымъ: въ придачу къ своему табаку, онъ вынесъ солдатамъ десятка два трубокъ и выражалъ полный восторгъ, когда солдаты, покуривая и похлопывая его по плечу, похваливали его табачокъ.

Турокъ, очевидно, былъ очень доволенъ своею продажей, ну, а для стрѣлковъ это было цѣлымъ праздникомъ. Табакъ оказался хорошимъ, натуральнымъ турецкимъ табакомъ.

Послѣ долгой голодухи онъ даже и офицерамъ казался такимъ ароматичнымъ и вкуснымъ, какъ ни одинъ изъ самыхъ дорогихъ табаковъ.

— Ну, табачокъ! похваливали солдатики.

— Что, дѣма курилъ такой?

— У папа разъ нюхнувъ, какъ по улицѣ шелъ, сострилъ хохликъ.

— Да, братъ, а все командиръ! Когда-то мы ему отблагодаримъ за все?

Стрѣлки дѣйствительно могли такъ говорить. Ужь не первый годъ командовалъ Николай Романовичъ ротой, но никто никогда не былъ битъ, никогда не было ни одного штрафованнаго и никто не былъ отданъ подъ судъ. Случайно-ли такъ вышло, или солдаты изъ любви къ командиру тянулись, но фактъ налицо.

— Да, да, чѣмъ-то мы ему заплатимъ? говорили солдаты въ своемъ кругу.

А Николай Романовичъ и не думалъ никогда о солдатской расплатѣ. Любилъ онъ своихъ стрѣлковъ просто, безъ затѣй, безъ разсчета и даже нравится имъ не хотѣлъ. Какъ-то такъ само собою случалось, что каждый шагъ Николая Романовича нравился и товарищамъ-офицерамъ, и солдатамъ.

— Экій симпатичный человѣкъ этотъ Коля! говаривали офицеры.

— Экій милый командиръ! говаривали солдаты, — съ такимъ командиромъ и умирать не надо!..

— Ва̀ше благородіе, сюда пожалуйте!

— Ваше благородіе, сюда! кричатъ солдаты во время небольшой перестрѣлки подъ селеніемъ Кады-Кіой.

Стрѣлки лежатъ въ пахоти и почти каждый вырылъ себѣ ложементъ.

— Сюда, сюда, ваше благородіе, тутъ глубже! заботятся они о ротномъ командирѣ, чтобы онъ не стоялъ открыто подъ выстрѣлами.

— Нѣтъ, братцы, я постою, не ложится Николай Романовичъ.

— Ваше благородіе, да какъ-же мы безъ васъ? почти плачутъ стрѣлки.—На грѣхъ мастера нѣтъ, шальная пуля, борони Боже, какъ-бы...

Дзынь! звякнула пуля по саблѣ Николая Романовича.

— Да извольте-же ложиться, ваше благородіе! кликнулъ чей-то молящій и вмѣстѣ настойчивый голосъ.

— Молчать! крикнулъ на него командиръ. — Огонь чаще! скомандовалъ онъ.

— Самъ за собой примѣчай! обратился онъ снова по направленію къ настойчивому солдату.

Всю перестрѣлку Николай Романовичъ простоялъ на виду у турокъ. Канальскіе турки замѣтили; такъ и виденъ былъ прицѣльный огонь по командиру, такъ и шлепали пули по пахоти около ногъ Николая Романовича, да нельзя ему было лечь. Дѣло въ томъ, что рота была нѣсколько отдѣлена и за цѣпью надобно было зорко слѣдить. Еслибы Николай Романовичъ легъ, черкесы легко могли-бы сдѣлать обходъ.

„Ишь ты, такъ и не легъ“, думали солдаты. — „Да еще и прикрикнулъ на нашего брата... Ну, молодчина, право молодчина; съ такимъ командиромъ не страшно въ огнѣ, знаешь, что распорядиться съумѣетъ.“

Наступилъ день 24 августа 1877 года. Раннимъ утромъ началась орудійная пальба. Часовъ въ семь выдвинули нашъ полкъ.

— Ну, братцы, наконецъ настала день, когда мы покажемъ себя! обратился Николай Романовичъ къ стрѣлкамъ.— Смотри же, дружно бери, не отставай другъ отъ друга, гляди всѣ на меня, да слушай внимательно командъ, а я васъ не оставлю!

— Не оставимъ и мы тебя! закричала сотня голосовъ.

— Съ Богомъ! кончилъ Николай Романовичъ, и пошли въ цѣпь.

Вторая стрѣлковая рота приняла на себя самый страшный огонь.

— Эхъ, не робѣй, братцы, вонъ командиръ глядитъ!

— Держись крѣпко! перекликались солдаты въ цѣпи.

— Держись, держись! звенѣлъ пріятный, переливчатый какъ звонокъ, голосъ Николая Романовича.

И рота держалась подъ страшнымъ напоромъ непріятеля. Почти всѣ вокругъ отступили, а вторая стрѣлковая рота не уступала своего мѣста.

— Ну, задрались стрѣлки! глядя на нихъ, говорили другія роты.

— Львы! молодцы! держись! подлетѣлъ баталіонный командиръ.

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе! грянула рота, какъ на смотру, среди ружейнаго треска.

На роту наскочили черкесы.

— Пальба взводами! зазвенѣлъ голосъ Николая Романовича.

— Пли!

— Пли!

— Пли! раздались команды, и ошалѣлые черкесы, какъ стая воробьевъ, разлетѣлись въ разныя стороны.

— Не давай мѣста! не давай! звенѣлъ Николай Романовичъ. — Держись! до послѣдней капли крови держись! другія роты снова подойдутъ къ намъ... держись брат...

Но послѣднія слова еле вымолвилъ онъ. Давно ужь, почти въ началѣ боя, пуля разбила Николаю Романовичу плечо и отъ убыли крови онъ не могъ уже громко кричать. Николай Романовичъ страшно ослабѣлъ.

— Ваше благородіе, сходить-бы на перевязку вамъ, умолялъ, рядомъ стоящій въ прикрытіи, солдатъ.

Но Николай Романовичъ сильно ослабъ и почти не слышалъ этихъ словъ.

Его подхватили подъ руки и почти въ обморокѣ довели до перевязочнаго пункта.

— Да у васъ опасная рана, сказалъ докторъ, осмотрѣвъ плечо и руку.

— Ничего, слабымъ голосомъ отвѣтилъ Николай Романовичъ, — какъ-бы скорѣй перевязку... До раны-ли тутъ, когда пятидесяти человѣкъ изъ роты не досчитываюсь. Перевязывайте скорѣй рану: мнѣ нужно туда.

— Куда? спросилъ озабоченно докторъ.

— Туда, къ нимъ, въ бой, торопливо отвѣтилъ Николай Романовичъ.

Докторъ широко раскрылъ глаза.

Поддерживаемый тѣми-же двумя стрѣлками, что привели его на перевязку, Николай Романовичъ снова отправился къ своимъ стрѣлкамъ.

— Скорѣй, братцы, скорѣй! умолялъ онъ своихъ проводниковъ. — Скорѣй, братцы, глядите, вѣдь наши-то отступили... Ахъ, сердечные, перебили-то васъ сколько! сквозь слезы смотрѣлъ Николай Романовичъ по направленію къ ротѣ и нетерпѣливо понукалъ провожатыхъ.

— Командиръ, командиръ идетъ! раздалось радостно по цѣпи.

— Братцы, я здѣсь, съ вами, братцы, не робѣй! Умремъ, такъ ужь вмѣстѣ, вмѣстѣ умремъ... Есть-ли патрон... ахъ!

И Николай Романовичъ схватился за животъ. Двѣ пули пронизали ему нижнюю часть живота.

Помертвѣлъ Николай Романовичъ, помертвѣла и рота...

Долго съ грустью оглядывались солдаты по тому направленію, куда понесли командира, да дѣлать было нечего...

Круто тогда досталось стрѣлкамъ: ровно половину перебили ихъ сердечныхъ.

— Гдѣ-же командиръ? бросились они послѣ боя.

Но раненыхъ увезли и командиръ даже не успѣлъ попрощаться съ ними...

Продержавшись день на позиціи, къ ночи мы отступили въ сел. Еренжикъ. Утромъ стрѣлки проходили селеніе, остановились на привалъ.

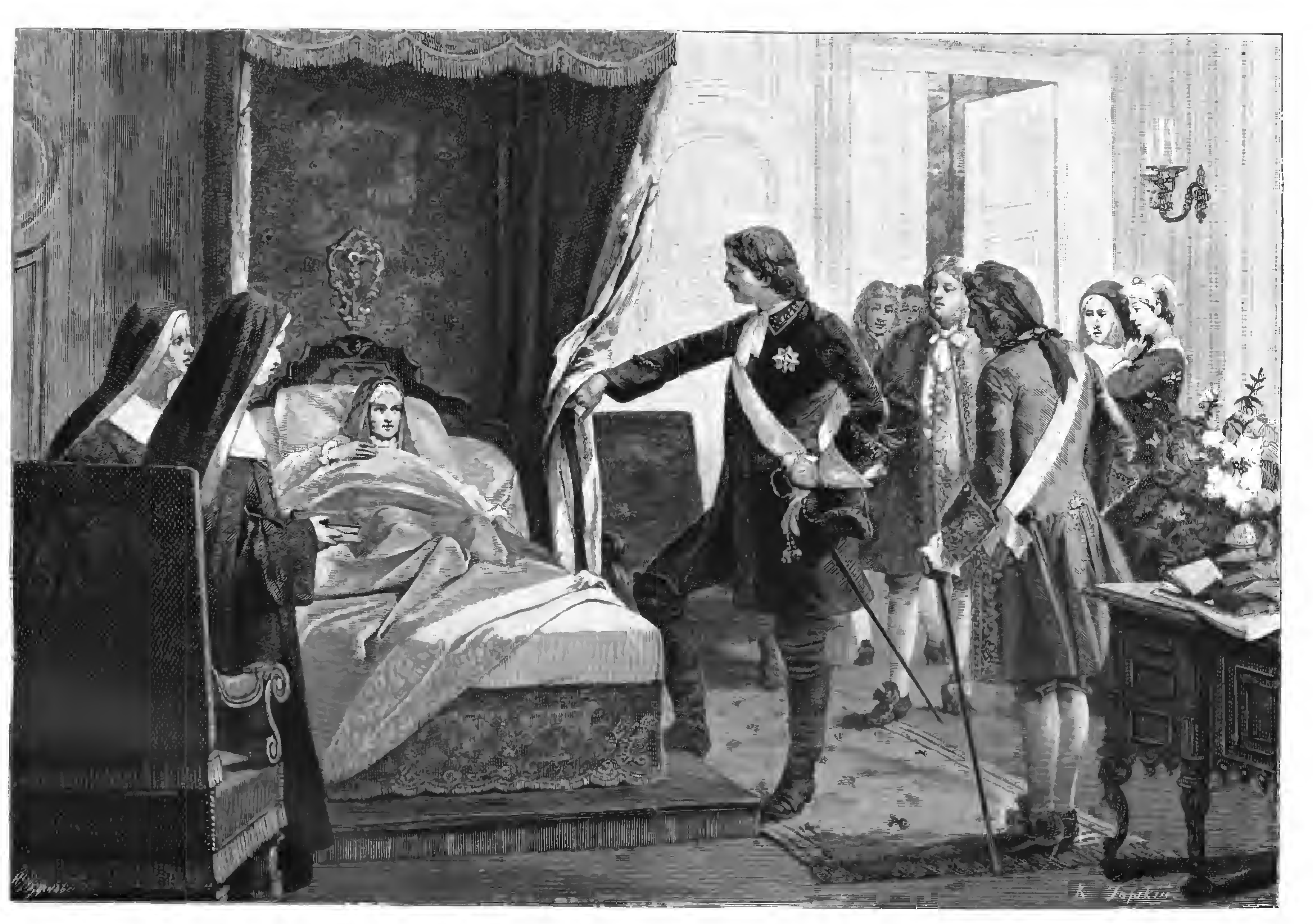
— Надъ чѣмъ тамъ 2-я рота возится? кто-то спросилъ.

— Да остальныхъ раненыхъ забираютъ—не было подводъ.

— Какихъ раненыхъ?

— Да многихъ; тамъ и вашъ командиръ.

— Командиръ! и какъ одинъ человѣкъ, стрѣлки бросились туда.



Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ 1889 года. Петръ I посѣщаетъ г-жу де-Ментенонъ въ 1717 г.
Писанная по заказу Государя Императора, картина Горскаго, грав. Барановскій.

XVII передвижная выставка. Все въ прошломъ.

Съ картины **В. М. Максимова** (право воспроизведенія въ гравюрѣ пріобрѣтено „**Нивой**"), съ фот. грав. Флюгель.

— Гдѣ? гдѣ командиръ?

Въ грязной, пустой турецкой избѣ, на полу, дѣйствительно, лежалъ мертвенно-блѣдный Николай Романовичъ, а въ головахъ стоялъ понурый деньщикъ его и, сдерживая себя, чтобы не быть замѣченнымъ бариномъ, горько потихоньку рыдалъ, отвернувшись, и мозолистымъ кулакомъ утиралъ украдкой непривычныя слезы на загорѣломъ лицѣ.

— Что же это? Забыли что-ли забрать?

— Забыли.

— А далеко-ли остальные раненые проѣхали?

— Да не далеко.

Въ это время полкъ двинулся дальше.

— Братцы! давай двери! клади шинеля, укладывай командира!

И на дверяхъ понесли стрѣлки своего командира, какъ святыню. Рота потребовала, чтобы несли его въ срединѣ фронта. Каждому хотѣлось послѣдній разъ налюбоваться дорогимъ лицомъ, и доброе солдатское сердце невольно болѣзненно екало при взглядѣ на блѣдное, страдальческое лицо Николая Романовича. Рота шла вокругъ командира и плакала.

— Тише, тише, заботливо приговаривали изъ фронта,—да ты, Семененко, подыми свой бокъ, неровно идешь...

И какъ няньки ребенка, такъ рота заботливо донесла своего командира до передвижнаго лазарета.

Тамъ уже были приготовлены линейки для дальнѣйшаго отправленія.

Стали прощаться. Пришли офицеры. Стояла вся рота.

— Прощайте, братцы, тихо обратился Николай Романовичъ къ ротѣ, — прощайте, не доживу я увидѣться съ вами еще... не поминайте лихомъ...

Какъ дѣти заплакали солдаты.

„Сердечный ты нашъ, не будетъ ужь намъ такого командира“, думали они, понуривъ головы расходясь по бивуачнымъ палаткамъ, и тяжелый солдатскій вздохъ долго слышался еще по ротѣ.

Черезъ четыре дня, 28 августа, услышали мы о смерти Николая Романовича. Бѣдный страшно мучился отъ ранъ передъ смертью.

При кончинѣ его было нѣсколько полковыхъ товарищей офицеровъ.

Приподнялся страдалецъ, взялъ своихъ офицеровъ за руки, крѣпко пожалъ ихъ на прощанье, подумалъ и тихо сказалъ:

— Любите, господа, солдатъ, любите ихъ больше. Право, не грѣшно. Легче жить, когда любишь; легче умирать, когда любимъ.

Съ этими словами онъ умеръ.

Надъ рѣкой Янтрой, въ сѣверной Болгаріи, у моста въ селеніе Бѣлое стоитъ мраморный памятникъ. Онъ поставленъ на могилѣ Николая Романовича Ховена.

II.

Искренній разсказъ прапорщика.

Я былъ страшный трусъ въ бою: боялся огня, какъ чортъ ладана. И чего только со мною не дѣлалось: и поджилки тряслись, и тряслась нижняя губа, и холодѣлъ я, и въ жаръ меня бросало, и бѣгалъ-то я, какъ угорѣлый по цѣпи... Но какое кому дѣло до того, что дѣлалось въ душѣ прапорщика? Я былъ на своемъ мѣстѣ, а отъ прапорщика чего еще и требовать. Скверная, прескверная, господа, вещь: быть въ бою. Восемнадцатилѣтнему прапорщику такъ жить хотѣлось, ну, такъ хотѣлось... Надо быть прапорщикомъ, чтобы знать какъ хочется жить прапорщикамъ — до глупости.

И такому-то мнѣ, жизнерадостному юношѣ, пришлось побывать подъ самымъ носомъ у смерти, у этой отвратительной, подлой смерти.

— А що, сердюга, свиней бы пасъ, чѣмъ быть въ бою? спросилъ у меня шутникъ малороссъ-товарищъ, когда жиганула первая пуля.

Стыдно было сознаться, а ей Богу, господа, пасъ-бы съ удовольствіемъ, да не то что свиней (ффюить! ффюить! свиснула пуля около уха)—въ каторгу бы ушелъ, лишь-бы не слышать этого отвратительнаго визга.

Свистъ пуль слышался то справа, то слѣва.

„Ну, вотъ, вотъ... въ лобъ. Господи, хоть-бы не въ лобъ! хоть-бы не сразу убили...“

Удивительно! передъ боемъ я всѣхъ увѣрялъ, что лучше быть наповалъ убитымъ, чѣмъ тяжело раненымъ, а теперь...

— Аай, ай, ай! завопилъ раненый.

Вынеси, Господи, вынеси изъ этого ада!

— Ваше, благородіе, перебѣжка!

„Да какое тутъ благородіе, когда никакого благородства въ душѣ нѣтъ ни на грошъ у меня“, подумалъ я.

— Ваше благородіе...

„А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ?..“ мелькнуло тотчасъ въ головѣ.

— Перебѣжка, ребята! прерывисто крикнулъ было я.

Люди лежали въ канавѣ и стрѣляли; моихъ словъ очевидно не слыхали.

— Черти, дьяволы васъ задери! крикнулъ молодцеватый унтеръ,—черти! офицеръ командуетъ, а они и въ усъ не дуютъ!

„А что какъ замѣтили, что я струсилъ?“ подумалъ я и мнѣ стиснуло виски отъ стыда.

— Впередъ, братцы, впередъ! повторилъ я людямъ.

Замѣшательство...

Я чувствовалъ приближеніе какого-то критическаго момента. Я чувствовалъ, отчетливо чувствовалъ, что только за мной побѣгутъ люди впередъ, за мной и больше ни за кѣмъ — я офицеръ. Но какъ-же тутъ быть?.. Первому выскочить изъ ложемента. Боже, но надъ головой что дѣлается!..

Нѣтъ, въ ложементѣ покойнѣе... А надо, надо, необходимо надо. Подлецы хохлики-солдаты какъ нарочно участили пальбу, чтобы замаскировать свое нежеланіе вылѣзать изъ ложемента. Положеніе убійственное. „Что-же это?“ думаю, „солдаты не слушаютъ?..“

Крикнуть еще разъ „впередъ!..“ А если... Нѣтъ, надобно вылѣзать первому изъ ложемента. „Господи, Господи, какъ-бы это сдѣлать, какъ-бы это продѣлать такъ, чтобы и самому было незамѣтно? Перекатиться-бы бокомъ что-ли черезъ этотъ земляной валъ?“ Стало стыдно отъ этой мысли. „Ну, такъ какъ-же?.. что-же?..“

Мысли путаются, въ головѣ сумбуръ, холодный потъ... Страшная, томительная пауза. Я чувствую, что солдаты косятся на меня... Съежился я (въ головѣ ровно ничего), сжался, уперся руками и ногами въ землю... „Н-ну!!!.. Впередъ братцы!“ и какъ мячъ выскочилъ изъ ложемента, побѣжалъ куда-то. Куда я побѣжалъ, право и самъ не знаю — должно быть впередъ. „Впередъ! впередъ!“ кричалъ я мало сознавая и самого себя, и окружающую обстановку. „Впередъ!“ И казалось, этимъ „впередъ“ я спасалъ себѣ жизнь. Но жизнь уже была на второмъ планѣ. Я чувствовалъ себя обстрѣленнымъ зайцемъ. Такъ бываетъ съ человѣкомъ, который боится воды: толкнули его головой внизъ— ухъ! и сразу другой человѣкъ.

„Я ничего себѣ офицеръ!“ взглянулъ я на самого себя нѣсколько опомнившись; всѣ солдаты при мнѣ, перебѣжку сдѣлалъ, да и не такъ страшно какъ будто-бы...

Долго-ли, коротко-ли продолжалась перестрѣлка, сказать вамъ не умѣю. Помню только, что бѣгалъ я по цѣпи бокомъ (меньшая цѣль, видите-ли, такъ думалъ я) и все крестился.

И чего-бы кажется прапорщику креститься, прапорщикъ въ Бога не вѣрилъ, а крестился. Но... но вѣдь прапорщики вообще въ Бога не вѣрятъ, на то они и прапорщики...

И такъ, повторяю, мнѣ стало какъ будто не такъ страшно. „Ээ! да я пожалуй и храбръ? (Ффить! фить! завизжало вблизи нѣсколько пуль). Нѣтъ, ей Богу, не храбръ... Нѣтъ, храбръ, храбръ!“ задорно ерзало снова что-то въ душѣ у меня. „Храбръ!“

Шу-шу-шу! зашипѣла граната. Я такъ и присѣлъ.

— Что струсилъ? загремѣлъ бравый унтеръ на солдатика, поклонившагося гранатѣ.

„Экая мерзость!“ подумалъ я, „ну чорта съ два теперь—кивну я этой гранатѣ головой, какже!

— Впередъ! впередъ! раздалось гдѣ-то слѣва.

— Огонь чаще! довольно сердито крикнулъ я.

— Ваше благородіе, животъ болитъ, струсилъ солдатикъ, желая ретироваться назадъ.

— Ахъ ты каналья! напустился я на него совершенно храбро.

— Ура! послышалось слѣва.

— Ура! послышалось справа.

— Ура! ура! крикнулъ я во всю грудь и ужь чувствуя себя настоящимъ героемъ, выхватилъ саблю и, какъ ангелъ смерти, понесся впередъ. Солдаты не отставали. — Ура! братцы, не отставай! бей!!!..

Что-то восторженное охватило меня: чадъ боя, чадъ крови, чадъ огня... Наслажденіе... очаровательное состояніе души!..

— Побѣда, братцы! наша взяла!

Мы вбѣжали въ деревню, бросились по узкой улицѣ. Съ поднятой саблей, съ пылающимъ лицомъ, съ бьющимся удалью сердцемъ, я самъ себѣ казался героемъ. „Герой! Я герой!! Я!!!..“

Изъ-за угла, на перекресткѣ двухъ улицъ, шагахъ въ тридцати показался осанистый сѣдой турокъ, остановился и покойно сталъ наводить на меня свою винтовку. Я сталъ какъ вкопаный. Солдаты тоже. Турокъ цѣлится...

Въ меня, въ меня... чернѣетъ дуло, вижу что въ меня... офицеръ... хочетъ офицера убить... вотъ, вотъ... вотъ... По спинѣ потянуло холодомъ... Машинально опустилъ я свою поднятую геройски саблю... Дзынь! звякнула пуля по штыку сзади стоявшаго солдата. „Стрѣл... стрѣл...“ Дзынь! вторично взвизгнуло по моимъ сабельнымъ ножнамъ.—„Стрѣляй!“ еле вырвалось у меня, и пуль двадцать почти залпомъ отвѣтили турку на двѣ его пули. Но турка ужь не было.

Господа, да какъ-же мнѣ стыдно стало послѣ этого!.. и теперь я краснѣю. Остальную часть боя ужь я не геройствовалъ. Все время лишь хотѣлъ доказать себѣ, что не трусъ. Кажется подъ конецъ кое-какъ примирился съ собой.

Великій учитель стыдъ въ бою, господа, величайшій учитель!

Маръ-Сааба.

(Замѣтки стараго паломника). (Рис. на стр. 373).

Отъ Іерусалима къ Мертвому морю двѣ дороги. Одна спускается отъ Геѳсиманскихъ (Овчихъ) воротъ къ Іосафатовой долинѣ, минуя католическую ограду священнаго сада, огибаетъ справа Елеонъ, оставляетъ съ другой стороны гору Соблазна, тянется по дикимъ возвышенностямъ до Виѳаніи, отсюда крутою лѣстницею спускается къ источнику „Солнечному“ или „Апостоловъ“. Далѣе, на протяженіи двухъ десятковъ верстъ она ведетъ путника сперва по цвѣтущей долинѣ то по сю, то по ту сторону русла высохшей рѣки, потомъ по страшнымъ косогорамъ, крутизнамъ, вдоль обрывовъ и ущелій до самой восточной окраины Іудейскаго горнаго хребта. Тамъ внезапно открывается во всей красѣ полуденная картина Іорданской долины. Слѣва Сорокадневная гора искушеній; у подножія ея — Елисеевскій источникъ, гдѣ въ первые годы нашей эры стояло великолѣпное жилище Ирода Великаго, великаго злодѣяніями, тамъ и кончившаго свои дни вслѣдъ за звѣрскимъ убійствомъ роднаго брата... Ближе — жалкое селеніе Ригга, будто бы стоящее на развалинахъ библейскаго Іерихона. Поперекъ долины вдали тянется отъ сѣвера къ югу прихотливыми извивами лента густой изумрудной зелени, скрывающей быстро несущіяся волны священной рѣки. За нею довершаетъ картину безконечный хребетъ мрачнаго Моавитскаго горнаго кряжа, а справа блеститъ какимъ-то зловѣщимъ оловяннымъ блескомъ море, непригляднoе, поистинѣ, мертвое.

Не выбирайте другаго пути. Онъ еще утомительнѣе, длиннѣе, спаснѣе. Совѣтъ—особенно тѣмъ, кто подверженъ головокруженію. Лѣзутъ сюда только англичане ради эксцентричности. Но это единственный путь къ монастырю Маръ-Сааба. Часть пути до этой обители, около 15 верстъ, еще проходима для осторожнаго пѣшехода. Далѣе — страсти!

Обогнувъ южную стѣну Св. Града по глубокому Гинномскому ущелью, извѣстному подъ именемъ „Геенны“, оставивъ въ правой сторонѣ возвышенности „Села Скудельнича“ и мѣсто, гдѣ стояла лѣтняя резиденція Каіафы, а слѣва Силоамскую деревню, я съ моимъ юнымъ спутникомъ, въ сопровожденіи каваса, достигъ на южной оконечности Іосафатовой долины, развалинъ колодца Неемія, по-арабски Биръ-Айюбъ (библейскій Рогелъ), а нѣсколько далѣе источникъ, въ которомъ вода показывается однажды въ годъ. Феллахи Силоамской деревни спѣшатъ тогда ею пользоваться для орошенія тутъ же расположенныхъ огородовъ, — замѣчательно, дающихъ разнаго рода овощи по шести разъ въ годъ. Отсюда на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ дорога идетъ по правому берегу круто повернувшаго на востокъ Кедронскаго потока. Затѣмъ, точно съ досады отъ капризныхъ изгибовъ его, она переваливаетъ на другой берегъ, лѣзетъ на гору, спускается, лѣзетъ на другую, на третью, на такія кручи, что въ глазахъ зеленѣетъ. Стараешься не смотрѣть на зіяющую подъ ногами пропасть. Утрачивается способность мышленія, сосредоточенно высматриваешь много-ли осталось до площадки, гдѣ можно будетъ свободнѣе вздохнуть? Обливаетъ холоднымъ потомъ и съ трепетомъ слѣдишь за каждымъ шагомъ ослика.

Но всему, какъ и такимъ мучительнымъ минутамъ, бываетъ конецъ. Крутизны остались у насъ позади. Вотъ спускъ опять къ тому же потоку, вѣчно рвущемуся все впередъ и впередъ. Его истокъ — западный берегъ Мертваго моря. Вотъ убогое кладбище кочующаго племени Абдіехъ съ могилою чтимаго магометанами шейха Мессіефа. Она обложена верблюжьими костями, битымъ черепьемъ, клочками старыхъ палатокъ, ломомъ плуговъ, разныхъ орудій и кучками извести. Это — жертвоприношенія. Далѣе, послѣ десяти минутъ пути — цистерна Биръ-эль-Хемшъ (солнечный колодезь); во всякое время года воды въ ней вдоволь. Большая часть водоема подъ огромнымъ природнымъ сводомъ скалы. Но, путникъ, иди скорѣе мимо, какъ бы жажда ни мучила! Въ водѣ масса піявицъ. Отсюда полчаса пути опять въ гору, но по старательно обдѣланному подъему, къ единственному въ своемъ родѣ монастырю Св. Саввы Освященнаго, по мѣстному нарѣчію Маръ-Сааба, къ цѣли нашей многотрудной экскурсіи.

Представьте себѣ—дикое, глубочайшее ущелье между отвѣсными, почти паралельно идущими каменными стѣнами самыхъ мрачныхъ очертаній. Въ страшной глубинѣ чернѣетъ русло потока. Кой-гдѣ внизу прыгаютъ шелковистыя козы; онѣ кажутся мухами. Вотъ-вотъ полдень, а тамъ мракъ. Извѣстный Доре вѣроятно видѣлъ эту мѣстность, когда иллюстрировалъ вступленіе Данте съ Виргиліемъ въ „Адъ“. Видъ при лунномъ свѣтѣ здѣсь долженъ наводить ужасъ на запоздавшаго путника. Произнесите внятно: „Маръ Сааба!“ и эхо нѣсколько разъ, исподволь замирая, отвѣтитъ: „Маръ-Сааба!“ и „Ха, ха!“ точно какіе-нибудь геніи мѣста разразятся хохотомъ. Въ немъ слышится какой-то сарказмъ. Здѣсь и тамъ, и вездѣ на неприступныхъ высотахъ черными пятнами выглядываютъ пещеры. Сколько ихъ! Все это — нѣкогда жилища анахоретовъ. Версты четыре по правой сторонѣ ущелья тянется вверхъ чуть не утрамбованное шоссе съ парапетами, ступенями на болѣе крутыхъ поворотахъ. Это—дѣло рукъ монаховъ монастыря. Еще подъемъ — и передъ вами... что такое? Вы знали куда вела васъ дорога, но вы все-таки остановитесь въ недоумѣніи. Что такое? Каменныя клѣти, рѣшетки, лѣстницы вверхъ, внизъ, башни, купола съ крестами, стѣны, контрфорсы, крыши... и все это приковано къ отвѣсной скалѣ. Это жилище нѣсколькихъ десятковъ людей добровольнаго отреченія отъ міра. Тутъ домогильное царство смерти...

Минуемъ четырехстѣнную башню, выстроенную Византійскою императрицею Евдокіею, огибаемъ высокую стѣну, и мы у тяжелой желѣзной калитки. Прежде чѣмъ она отворится, спустятъ вамъ съ высоты ограды корзину. Спѣшите вложить туда письменное разрѣшеніе впуска отъ патріарха Іерусалимскаго. Впрочемъ, эта предосторожность только для иновѣрцевъ. Если привратникъ завидитъ съ вами каваса русскаго консула, калитка заскрипитъ немедленно. Вы не успѣете хорошо разглядѣть стоящую за оградой обители „башню для женщинъ“. Этому полу нѣтъ доступа въ монастырь по уставу, какъ на Св. Аѳонѣ. Разсказываютъ, что одна дочь Евы (само собою: англичанка), переодѣтая въ мужское платье, успѣла удовлетворить любопытство, съѣдавшее ея особу.

Пространство (нельзя назвать его площадью), занимаемое обителью на почти отвѣсной скалѣ, приблизительно величиною 350—400 кв. саж. Это безконечная цѣпь каменныхъ спусковъ и подъемовъ по всевозможнымъ направленіямъ между всякаго рода зданіями и обиталищами. Тутъ келья выдолблена въ скалѣ и закрыта деревянной рѣшеткой; тамъ другая виситъ, какъ клѣтка на гвоздѣ у торговца пернатыми. Самому искусному архитектору не понять, какъ все это пристраивалось, связывалось, гнѣздилось, подвѣшивалось, какъ люди здѣсь ютились. Мы вступили сперва на крошечный дворикъ, чисто выложенный мраморомъ. Посреди часовня съ бѣлымъ куполомъ: мѣсто успокоенія основателя обители, Св. Саввы. Впрочемъ мощи его въ Венеціи, какъ говорятъ. Внутри стѣны, своды сплошь покрыты изображеніями святыхъ. Позади ея ходъ въ церковь Св. Николая Чудотворца. Это обширная глубокая пещера высѣченная въ скалѣ—одинъ изъ древнихъ христіанскихъ храмовъ. Въ немъ особое углубленіе, налѣво большое отверстіе. Тамъ за проволочною рѣшеткой груды людскихъ череповъ, но замѣчательно малыхъ размѣровъ, точно дѣтскихъ. Напротивъ, въ сплошной скалѣ — ниша величиною въ 6—7 кубическихъ вершковъ, въ ней черепъ. По словамъ монаха, онъ найденъ тутъ когда высѣкали пещеру. Какимъ образомъ могъ онъ, обособленный отъ прочихъ частей скелета, очутиться въ нишѣ такой величины, хоть бы самою природою образованной? То оставлено было, разумѣется, безъ разъясненія. Въ началѣ XVII ст. монастырь былъ разрушенъ Хозроемъ. Ужасный погромъ сохраненъ тутъ для потомства фантастическимъ воображеніемъ изографа. На картинѣ изображены полчища конницы съ окровавленными ятаганами. Они скачутъ съ монастырскихъ стѣнъ прямо на колѣнопреклоненныхъ монаховъ въ митрахъ и священномъ облаченіи, безнадежно ожидающихъ мученической смерти. У иныхъ головы уже свалились съ плечъ, предупредивъ удары мечей. Баталистъ не затруднился изобразить скачку всадниковъ по такой наклонной плоскости, на которой и стоять невозможно.

Изъ этой церкви насъ повели по узкому дугообразному коридору съ келіями по сторонамъ. Все высѣчено въ массѣ скалы. Въ концѣ коридора пещера, гдѣ жилъ и скончался Св. Іоаннъ Дамаскинъ. Въ ней небольшая церковь съ древнимъ иконостасомъ. Въ уровень съ поломъ полукруглое отверстіе около аршина въ діаметрѣ, огражденное чугунными перекладинами. Оно ведетъ во вторую, нижнюю пещеру, гдѣ Дамаскинъ проводилъ ночи въ молитвѣ.

Къ востоку опять разными ходами, лѣстницами и галереями насъ ввели въ главный монастырскій храмъ, построенный въ среднихъ вѣкахъ. Южная и сѣверныя стѣны сложены самимъ основателемъ обители. Живопись недавно обновлена и, очевидно, русскимъ художникомъ. Намъ вынесли изъ алтаря объемистый ларецъ изъ чеканеннаго серебра съ тремя черепами мощей Св. Ксенофонта и двухъ его сыновей, Аркадія и Іоанна, и частицею мощей Св. Дамаскина. Изъ храма выходъ на небольшую площадку, совсѣмъ повисшую надъ бездной. Подъ нею, далеко-далеко показываютъ святой источникъ, вырытый Св. Саввою. По словамъ преданія, въ странѣ три года не было дождя. Святой, послѣ продолжительной молитвы, увидалъ внизу дикую козу, рывшую копытомъ землю. То было для него указаніемъ свыше. Едва коснулся онъ земли заступомъ, какъ показался обильный источникъ свѣжей воды, почитаемой съ тѣхъ поръ священною.

Нѣсколько лѣвѣе, намъ показали пальму, посаженную руками Св. Саввы. Древность ея не подлежитъ сомнѣнію, но чѣмъ она живетъ—необъяснимо. Корни въ скалѣ и почвы никакой. Сажени двѣ выше ея основанія—помѣщеніе съ каменными корытами, гдѣ иноки моютъ бѣлье. Вода изъ корытъ спускается къ корню. Вода—исключительное ея питаніе.

И опять безконечными переходами, лѣстницами вверхъ и

Марія Магдалина. Съ картины Ч. Барилли, грав. Т. Капустинъ (оригиналъ принадлежитъ А. Бегрову, въ СПБ.).

внизъ, мы продолжали обозрѣніе. Вотъ огородикъ, земля тутъ нанесена на плечахъ монаховъ, въ грядкахъ что-то посажено, зеленѣетъ. Два фиговыя дерева кое-какъ тутъ-же прозябаютъ. Направо высится отвѣсная стѣна, налѣво, внизъ—опять пропасть. На невысокой оградѣ чаша съ черствыми остатками хлѣба, — это кормъ, бросаемый шакаламъ; стаи разной породы птицъ получаютъ здѣсь монастырскую милостыню, даже изъ рукъ самихъ монаховъ. Двѣ лѣстницы изъ огорода ведутъ во „Львиную пещеру", гдѣ до основанія монастыря жилъ Св. Савва Освященный. Узкимъ темнымъ коридоромъ мы проникли въ небольшой скитъ, состоящій изъ трехъ отдѣленій. Налѣво помѣщеніе, гдѣ Святой молился, направо другое, съ отверстіемъ въ родѣ оконца, совсѣмъ темное. По словамъ преданія, святой подвижникъ, вернувшись однажды въ пещеру, засталъ тамъ льва. Послѣ долгой молитвы Св. Савва заснулъ. Левъ его взялъ за плечо и вынесъ. Проснувшись, Св. Савва возвратился и снова послѣ молитвы заснулъ. Левъ опять его вынесъ. Наконецъ, Святитель гнѣвно сказалъ льву: „Развѣ здѣсь мало мѣста для двоихъ?" и указалъ ему отверстіе. Съ того часу левъ не покидалъ своего логовища.

Не впервые навѣстилъ я этотъ пріютъ молитвы, не имѣющій ничего себѣ подобнаго, кромѣ, можетъ быть, Синайскихъ монастырей, но и посейчасъ я не въ состояніи себѣ уяснить, хотя нѣсколько, планъ всѣхъ построекъ, пристроекъ, проходовъ, помѣщеній, лѣстницъ. Гдѣ та келья, какъ пройти въ эту, гдѣ монастырская трапезная, гдѣ пріемная, гдѣ патріаршее помѣщеніе? Освоиться съ такимъ висячимъ лабиринтомъ не легкое дѣло.

Скорбящая Божія Матерь. Съ картины Н. Шаховскаго, грав. Шюблеръ.

Теперь анахоретовъ тутъ до 60 человѣкъ, въ томъ числѣ четверо русскихъ. Часть ихъ отправлена „на послушаніе“ въ Каиръ, Синай, на Аѳонъ и др. мѣста Востока. Въ концѣ XVI ст. ихъ было до 4,000. Въ окрестныхъ пещерахъ спасались десятки тысячъ, и всѣ они были подъ началомъ мѣстнаго игумена. Трудно познать душу человѣка, но дань глубокаго уваженія къ братьямъ обители Св. Саввы невольно вызываютъ ихъ наружный видъ, взаимное обращеніе, спокойная рѣчь и ясный взглядъ—это зеркало душевнаго состоянія. „Люди эти—прототипы благочестивой жизни“ говоритъ каждый, кто безпристрастно взглянетъ на нихъ. Кажется, всѣ они погружены въ мрачную мысль о смерти, и такъ сроднились съ нею, что земная жизнь не имѣетъ даже и въ сердцѣ ихъ значенія.

Въ 10 часовъ (по турецки въ 4) раздался призывъ къ утренней трапезѣ. Намъ готовили особо, но мы просились за общую трапезу. Послѣ молитвы, человѣкъ тридцать въ совершенномъ молчаніи разсѣлись за четырьмя мраморными столами. Передъ каждымъ стояла тарелка съ кускомъ разваренной трески, роздали по черствой булкѣ сѣраго хлѣба. Ни одинъ монахъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на двухъ постороннихъ, нежданно очутившихся среди ихъ. Благодарственная молитва продолжалась долѣе чѣмъ самая трапеза. Послѣ молитвы началась раздача, какъ намъ объяснили, „дара Богородицы“. Всякій бралъ по крошкѣ св. хлѣба, окуреннаго предварительно ладаномъ, запивалъ глоткомъ сладкаго вина изъ большой позолоченной чаши, и въ невозмутимомъ молчаніи удалялся въ келію. Вечеромъ трапеза въ тотъ день заключалась въ горсти маслинъ и хлѣба. Ни одного монаха мы не встрѣтили, осматривая въ теченіе нѣсколькихъ часовъ достопримѣчательности. Въ свободное отъ службы время старцы сидятъ безвыходно въ кельяхъ, занимаются разными рукодѣльями, портняжествомъ, шитьемъ обуви, вырѣзываніемъ крестиковъ и ложекъ изъ дерева, плетеніемъ шелковыхъ и шерстяныхъ четокъ и т. д.

Передъ часовнею Св. Саввы намъ указали на тяжелую плиту въ помостѣ съ двумя желѣзными кольцами. Одинъ изъ братій кончилъ жизнь. Въ скалѣ отверзается общая могила. Тѣло опускается до половины, снимается саванъ, и прахъ того, что называлось человѣкомъ, скрывается подъ плитою при возгласѣ: „Вѣчная тебѣ память!“

С. П.

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Продолженіе).

Подобно тому какъ „Валкирія“ въ первомъ дѣйствіи знакомила зрителя съ домашнимъ бытомъ древняго германца, первое дѣйствіе „Зигфрида“ (третьей части тетралогіи) переноситъ насъ въ первобытную кузницу, гдѣ выковывалось оружіе: копья, мечи, брони, щиты и шлемы. Это скалистая пещера съ естественнымъ выходомъ въ заповѣдный лѣсъ, съ нагроможденнымъ изъ огромныхъ камней горномъ и громадными мѣхами изъ цѣльныхъ шкуръ, съ желѣзною наковальней на дубовомъ пнѣ. Здѣсь живетъ искусный кузнецъ-оружейникъ, ограбленный Альберихомъ братъ его, безобразный и слабосильный нибелунгъ Миме. Онъ не отказался отъ надежды вернуть себѣ скованныя имъ кольцо нибелунга и шапку-невидимку; онъ знаетъ что эти сокровища вмѣстѣ съ прочимъ золотомъ достались великану Фафнеру, который обернулся громаднымъ змѣемъ (обще-арійскій драконъ, змѣй-горынычъ), залегъ на своемъ кладѣ въ заповѣдномъ лѣсу и спитъ въ счастливомъ обладаніи. Но Миме хитрѣе глупаго великана: онъ воспиталъ юношу-богатыря Зигфрида, такого богатыря, какого еще не видывалъ міръ; надо только сковать ему мечъ, чтобъ онъ убилъ змѣя-Фафнера, а сокровищами его завладѣетъ хитрый Миме, потому что богатырь слишкомъ простодушенъ для этого. Бѣда только въ томъ что юноша ломаетъ самые крѣпкіе мечи какъ хворостъ; но вотъ наконецъ Миме удалось сковать мечъ, который долженъ выдержать испытаніе (обще-арійская легенда о выборѣ меча-кладенца).

Пока Миме старательно дорабатываетъ мечъ, изъ лѣсу приходитъ Зигфридъ, таща съ собой медвѣдя, котораго онъ поборолъ и связалъ лыковымъ канатомъ. Богатырь пугаетъ ненавистнаго ему Миме, натравливая на него медвѣдя и потѣшаясь его страхомъ. Миме отдѣлывается только тѣмъ что показываетъ Зигфриду новый мечъ. Юноша выгоняетъ медвѣдя и пробуетъ оружіе, но при первомъ ударѣ по наковальнѣ мечъ разлетается вдребезги. Миме начинаетъ горько жаловаться на буйство непокорнаго сына, укоряетъ его въ неблагодарности, напоминаетъ ему какъ онъ лелѣялъ его въ дѣтствѣ. Но Зигфриду это всего ненавистнѣе; онъ не вѣритъ чтобы Миме могъ быть его отцомъ: юноша глядѣлся въ лѣсные ручьи и знаетъ что онъ не похожъ на безобразнаго карлика. „Если ты мой отецъ“, говоритъ онъ, „то гдѣ же моя мать?“ — „Вѣрь мнѣ“, отвѣчаетъ Миме, „я тебѣ и отецъ, и мать“. Но выросшій въ лѣсу юноша знаетъ что у всѣхъ птичекъ, которыя еще не оперились въ гнѣздѣ, всегда двое родителей. „Ты лжешь!“ восклицаетъ онъ въ ярости, хватая своего пѣстуна за горло, и смертельно оробѣвшій карла сознается ему что настоящій отецъ его убитъ, а мать, которую звали Зиглиндой, умерла въ родахъ въ этомъ самомъ заповѣдномъ лѣсу, оставивъ сыну въ наслѣдство лишь обломки отцовскаго меча, и вотъ онъ, Миме, воспиталъ ребенка, вскормилъ его, взлелѣялъ... „Такъ вотъ что“, перебиваетъ Зигфридъ надоѣдливаго карлика, „почини мнѣ этотъ мечъ до моего возвращенія — и я сегодня же уйду на вольную волю въ даль, чтобы не видать тебя никогда; иначе плохо тебѣ будетъ“. Съ этими словами онъ опять уходитъ въ лѣсъ, оставляя Миме въ полномъ отчаяніи: карликъ знаетъ что не его молоту сварить обломки божественной стали.

Въ пещеру входитъ Вотанъ съ копьемъ, въ плащѣ и шляпѣ странника, въ своихъ скитаніяхъ по землѣ зашедшій сюда посмотрѣть какъ идетъ дѣло неотвратимыхъ судебъ, и проситъ у Миме гостепріимнаго мѣста у очага. Карла грубо отказываетъ. Тогда Вотанъ, заявляя, что его опытность можетъ быть полезна всякому, бьется объ закладъ, ставя свою голову противъ отдыха у очага, что Миме не предложитъ ему трехъ такихъ вопросовъ, на которые-бы онъ, Вотанъ, не отвѣтилъ (обще-арійскія загадки). Лукаво хитрый, но глупый карликъ, вмѣсто того чтобы съ выгодой для себя воспользоваться мудростью обошедшаго свѣтъ странника, задаетъ ему праздные вопросы. Разрѣшивъ ихъ и пользуясь правомъ выигравшаго, Вотанъ въ свою очередь ставитъ голову карлика въ закладъ на три свои вопроса, изъ коихъ первые два: что это за родъ къ которому Вотанъ повидимому наиболѣе неблаговолитъ, но питаетъ нѣжнѣйшую любовь? Какимъ мечемъ надо вооружить Зигфрида чтобъ онъ убилъ Фафнера?—Миме разрѣшаетъ правильно, назвавъ Вельзунговъ и Нотунгъ (такъ названъ былъ мечъ Зигмунда имъ самимъ, какъ полученный въ минуты горькой нужды — Noth). Но третій вопросъ: кто скуетъ Нотунгъ изъ его обломковъ?—ставитъ нибелунга въ тупикъ. „Не зналъ ты своей ближайшей пользы, трижды предлагая мнѣ суетные вопросы; теперь твоя хитроумная голова принадлежитъ мнѣ“, говоритъ ему Вотанъ со смѣхомъ удаляясь въ лѣсъ, — „слушай-же, презрѣнный карликъ: Нотунгъ скуетъ только тотъ кто никогда не зналъ страха. Береги-же свою мудрую голову—я дамъ ее срубить тому кто не зналъ страха“.

Пораженный Миме, при видѣ возвратившагося Зигфрида, съ ужасомъ вспоминаетъ, что училъ его всей своей мудрости и не научилъ только страху. Опять поднимается на хитрости карла и говоритъ Зигфриду: „какъ-же ты хочешь идти на вольную волю въ міръ, вѣдь ты страха не знаешь, а безъ этого знанія тебѣ никакой мечъ не поможетъ“.—„А что это такое—страхъ?“ переспрашиваетъ Зигфридъ. Миме говоритъ ему, что страху научаются въ гнѣздѣ змѣя-Фафнера, который лежитъ въ Пещерѣ Зависти на краю Заповѣднаго лѣса. Довѣрчивый Зигфридъ требуетъ чтобъ карликъ сегодня-же свелъ его къ этой пещерѣ, и самъ принимается за починку отцовскаго меча. Миме съ ужасомъ видитъ, что работа идетъ успѣшно и что ему не сносить головы. Пока Зигфридъ куетъ и шлифуетъ сплавленный имъ и заново отлитый въ форму Нотунгъ, карликъ варитъ ядъ, которымъ собирается угостить богатыря послѣ того какъ тотъ убьетъ змѣя, и заранѣе радуется своей удачѣ и обладанію кольцомъ, которымъ смиритъ даже своего брата, Альбериха. Между тѣмъ Зигфридъ сковалъ мечъ и пробуя ударяетъ имъ по наковальнѣ—изъ нея молніями вылетаютъ искры и она раскалывается на-двое вмѣстѣ съ дубовой подставкой. Миме отъ страха падаетъ на полъ.

Во второмъ дѣйствіи, глухою ночью, въ чащѣ заповѣднаго лѣса, почва коего съ половины пространства сцены поднимается плоскою возвышенностью, за которой въ потьмахъ ничего еще нельзя разсмотрѣть, встрѣчаются Альберихъ и Вотанъ. Первый тотчасъ узнаетъ бога и начинаетъ укорять его въ новыхъ воровскихъ замыслахъ; но Вотанъ спокойно отвѣчаетъ, что онъ пришелъ смотрѣть, а не дѣйствовать. Мрачный нибелунгъ подсмѣивается надъ этимъ спокойствіемъ и не вѣритъ сыну свѣта: „Ты знаешь что мое проклятіе неизбѣжно принесетъ смерть Фафнеру“, говоритъ Альберихъ, „ты озабоченъ тѣмъ, кому достанется его наслѣдство; вѣдь попади кольцо въ мои руки, я иначе распоряжусь имъ чѣмъ глупый великанъ: я сожгу неприступныя твердыни Валгаллы огнемъ Геллы и самъ стану правителемъ міра“. Вотанъ отвѣчаетъ что намѣреніе мрачнаго нибелунга ему извѣстно, но не безпокоитъ его: кольцо достанется тому кто его завоюетъ; этого юношу-героя приведетъ Миме и разскажетъ ему о кольцѣ; „помогать этому любимому мной юношѣ я не стану: онъ самъ себѣ господинъ“, говоритъ Вотанъ: „хочешь большаго? Вонъ тамъ спитъ Фафнеръ; если ты предостережешь его отъ смерти, онъ охотно отдастъ тебѣ кольцо; хочешь, я разбужу его?“ Альберихъ изумленъ этимъ непонятнымъ ему, загадочнымъ поведеніемъ Вотана. Они будятъ Фафнера, но глупый исполинъ-чудовище даже не трудится вылѣзть и впросонкахъ, изъ непрогляднаго мрака, только подаетъ страшный нечеловѣческій голосъ: зачѣмъ его потревожили? онъ не боится героя и проглотитъ его, онъ будетъ спать и владѣть сокровищами, пусть его оставятъ въ покоѣ. „Попытка не удалась!“ говоритъ Вотанъ съ громкимъ смѣхомъ Альбе-

риху: „но не называй меня больше плутомъ; знай что каждый на свой образецъ“. И онъ исчезаетъ въ бурномъ вихрѣ. Альберихъ прячется въ разсѣлину скалы чтобы сторожить брата.

Начинаетъ свѣтать и понемногу разгорается утренняя заря. Надъ срединой лѣсной возвышенности виденъ верхній сводъ входа въ пещеру Фафнера, расположенную по ту сторону террасы. Являются Миме и Зигфридъ со своимъ мечемъ на перевязи. Затѣмъ карликъ удаляется, желая про себя чтобъ Зигфридъ и чудовище оба погибли въ бою.

Оставшись одинъ, Зигфридъ, увѣренный теперь что Миме не отецъ его, впервые наслаждается утреннею зарею въ лѣсу, пѣніемъ птичекъ, неумѣло подражаетъ одной изъ нихъ на дудочкѣ изъ срѣзаннаго тростника и наконецъ, соскучившись, трубитъ въ свой серебряный рогъ. На звуки его изъ пещеры выползаетъ чудовище-Фафнеръ, въ видѣ громаднаго ящероподобнаго зеленовато-огненнаго змѣя на четырехъ лапахъ, съ жаломъ на хвостѣ; изъ глазъ и ноздрей его бьетъ красное пламя съ дымомъ; онъ открываетъ громадную пасть и хочетъ поглотить Зигфрида. Но богатырь смѣется и, уклоняясь, поражаетъ его прямо въ сердце. При этомъ, запачкавъ руку кровью дракона, которая жжетъ какъ огонь, онъ невольно подноситъ ее ко рту—и вдругъ получаетъ даръ понимать языкъ птички, совѣтующей ему завладѣть изъ сокровищъ Фафнера лишь кольцомъ и шапкой-невидимкой, что онъ немедленно и дѣлаетъ. Затѣмъ, замѣчая что онъ получилъ даръ узнавать и самыя сокровенныя мысли другихъ существъ, онъ видитъ насквозь и замыселъ Миме, и когда тотъ подаетъ ему отравленный напитокъ, Зигфридъ однимъ ударомъ меча убиваетъ его, при злорадномъ хохотѣ Альбериха. Оставшись одинъ на свѣтѣ, Зигфридъ скорбитъ о своемъ сиротствѣ, но та же птичка утѣшаетъ его, разсказавъ ему что въ лѣсу на утесѣ, окруженномъ пламенной стѣной, спитъ красавица и достанется въ жены не знающему страха герою, который ее разбудитъ. Зигфридъ отправляется добывать ее.

Въ первой сценѣ третьяго дѣйствія объясняется загадочное поведеніе Вотана. Въ дикой, гористой мѣстности, у подножія крутаго утеса, ночью, въ бурѣ и громѣ, при блескѣ молній, вызываетъ онъ вѣщую Эрду, но она уже не въ состояніи ничего сказать о судьбѣ боговъ и отсылаетъ его къ Брюнгильдѣ, а узнавъ о карѣ постигшей ея дочь, заявляетъ что всевѣдѣнію ея, Эрды, насталъ конецъ, ибо затѣявшій все это дѣло (т. е. Вотанъ) прогнѣвался на совершеніе дѣла, охраняющій право и клятвы—противится праву и властвуетъ путемъ клятвопреступленія. Тогда Вотанъ, подъ покровомъ величайшей тайны, на-ухо сообщаетъ ей, что онъ уже не боится гибели боговъ съ тѣхъ поръ какъ самъ жаждетъ ея, не вынося своихъ страданій. Но такъ велики его преступленія, такъ разрослось зло внесенное имъ въ міръ, что онъ и погибнуть не можетъ до тѣхъ поръ, пока міровое зло не будетъ искуплено чистыми существами. Для этого подвига у него (Вотана) есть наслѣдникъ, прелестнѣйшій Вельзунгъ, чуждый зависти и страха Зигфридъ, который разбудитъ Брюнгильду, а та, вѣщая дѣва, совершитъ дѣло искупленія. Имъ, вѣчно-юнымъ, съ восторгомъ уступаетъ богъ свое мѣсто. „Поэтому“, говоритъ Вотанъ валѣ, „засни, и во снѣ созерцай мой конецъ, ты, праматерь страха, первобытная забота!“ Эрда исчезаетъ подъ землей, а Вотанъ ждетъ Зигфрида, дабы собственнымъ опытомъ убѣдиться что этотъ свободный, полагающійся лишь на себя герой сильнѣе его, бога. Когда является приведенный сюда птичкою Зигфридъ, Вотанъ заступаетъ ему дорогу, называя себя стражемъ утеса спящей дѣвы: кто разбудитъ ее, тотъ навѣки отниметъ власть у него, стража. Зигфридъ обнажаетъ мечъ, но Вотанъ преграждаетъ ему путь своимъ копьемъ и говоритъ, что этотъ мечъ однажды уже былъ сломленъ его копьемъ. „А, такъ это ты—врагъ моего отца!“ восклицаетъ Зигфридъ, бросаясь на него. Они сражаются и копье Вотана, сдѣланное имъ нѣкогда изъ гибкой вѣтви міроваго ясеня, при страшномъ громовомъ ударѣ разлетается вдребезги. „Иди своей дорогой, я не въ силахъ тебя удержать“, восклицаетъ убѣдившійся Вотанъ, исчезая.

Весь задній планъ горъ пылаетъ моремъ пламени, Зигфридъ трубитъ въ свой рогъ и отважно бросается въ огонь, который мало-по-малу окружаетъ всю сцену, закрывая ее до рамны. За облаками багроваго дыма слышенъ рогъ Зигфрида, то ближе, то дальше. Когда багровыя облака дыма разсѣиваются, предъ Зигфридомъ на утесѣ лежитъ спящая Брюнгильда въ той самой обстановкѣ, какъ мы оставили ее въ третьемъ актѣ „Валкиріи“. Принявъ ее за воина, Зигфридъ снимаетъ съ нея щитъ, шлемъ и латы, но, очарованный ея красотой и догадавшись, что это никогда доселѣ невиданное имъ существо—женщина, впервые ощущаетъ робость, которой ничто доселѣ не могло научить его. Страстный поцѣлуй Зигфрида пробуждаетъ Брюнгильду. Эта превосходная сцена совершенно непередаваема въ краткомъ очеркѣ; здѣсь каждое слово имѣетъ глубокое, мистическое значеніе. Брюнгильда, благословивъ свое возвращеніе къ жизни и узнавъ что избавителя ея зовутъ Зигфридомъ, въ восторгѣ разсказываетъ, что угадавъ сокровенные помыслы Вотана, она уже мечтала о Зигфридѣ когда его еще не было на свѣтѣ, спасла его мать, преступила велѣніе Вотана, подвергла себя карѣ и страдала—все за свою мечту, свою будущую любовь. Этой любви теперь, какъ ни претитъ валкиріи потеря ея божественной природы, Брюнгильда приноситъ въ жертву свою гордость и прощается навѣки съ Валгаллой и богами: „разсыпься въ прахъ гордая твердыня, гибни вѣчное племя, рвите Норны свою нить судьбы со священными рунами, наступай преставленіе боговъ и мракъ ничтожества,—мнѣ свѣтитъ звѣзда Зигфрида, онъ мой навѣки, одинъ замѣнитъ мнѣ все: съ нимъ всеозаряющая любовь и безпечальная смерть“. Съ этими словами она бросается въ объятія ликующаго Зигфрида.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Древняя церковная утварь Гандзасарскаго монастыря. (Рис. на стр. 353).

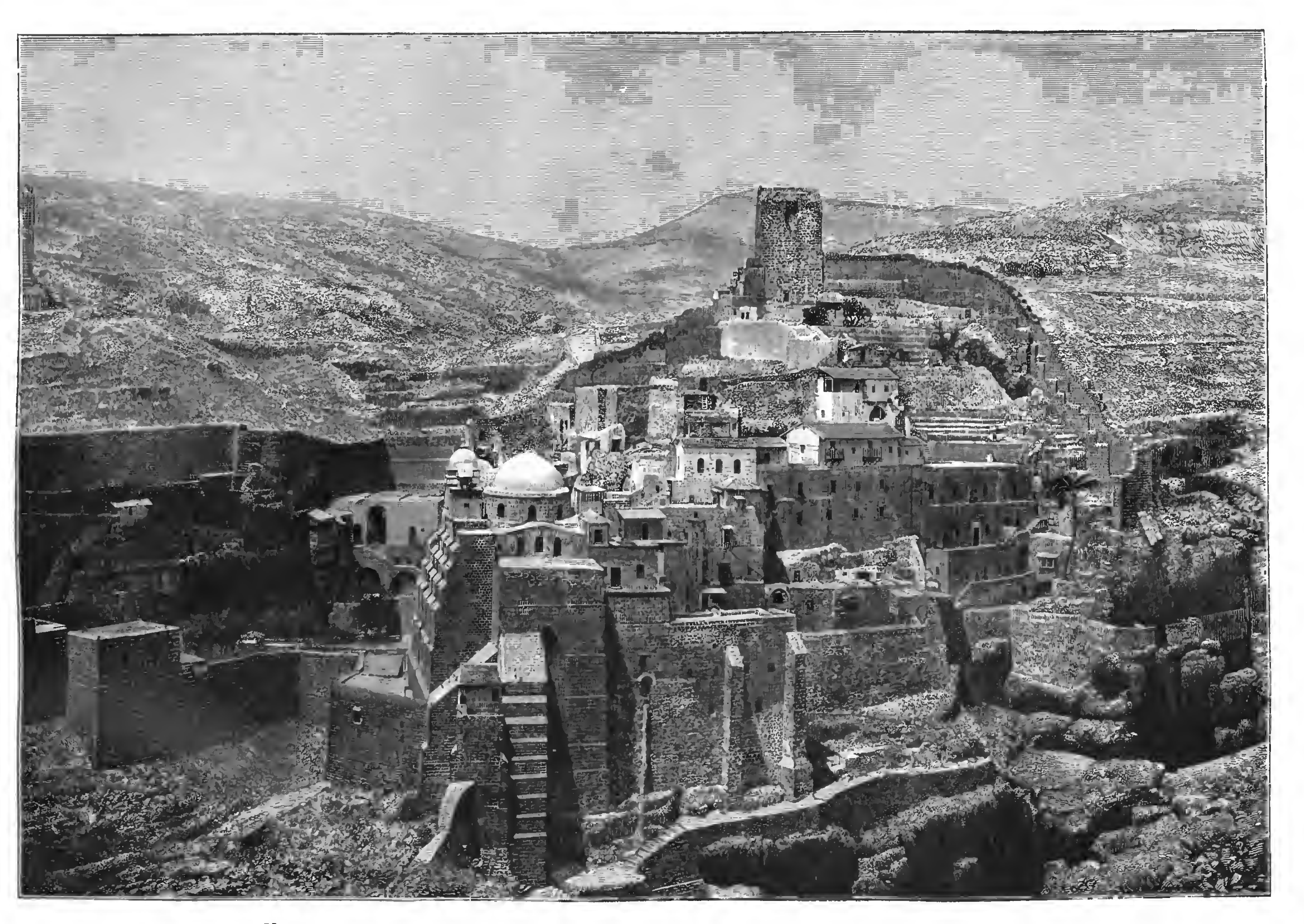
Гандзасарскій монастырь или Аг-ванкъ, на сѣверъ отъ города Шуши и недалеко отъ рѣки Хаченчая, расположенъ въ гористой, неприступной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно живописной мѣстности. Онъ основанъ въ честь Іоанна Крестителя, построенъ въ началѣ XIII вѣка и замѣчателенъ въ архитектурномъ отношеніи. Здѣсь находилась нѣкоторое время резиденція агванскихъ католикосовъ, первымъ изъ которыхъ былъ Григорисъ. Въ Агванію христіанское ученіе было внесено ученикомъ апостола Ѳаддея, Елисеемъ, или по-армянски Егише, который былъ убитъ неподалеку отъ Гандзасарскаго монастыря,—въ монастырѣ Амарасскомъ. Послѣ него проповѣдывалъ Святой Месропъ. Въ половинѣ VI вѣка христіанское ученіе было настолько распространено въ Агваніи, что здѣсь имѣлось нѣсколько епископскихъ каѳедръ, подъ управленіемъ католикоса. Агванская церковь была самостоятельною до VII вѣка, когда, по случаю принятія Нерсесомъ гардманскимъ ученія Халкидонскаго собора, былъ созванъ въ Бардѣ (въ Агваніи) соборъ, на которомъ рѣшено, чтобы агванскій католикосъ, до того самостоятельный, посвящался армянскимъ. И не смотря па подчиненіе, агванскіе католикосы сохраняли, какъ въ своемъ служеніи, такъ и въ своей обстановкѣ, свои особенности. Отъ временъ ихъ резиденціи въ Гандзасарскомъ монастырѣ и осталась древняя церковная утварь изображенная на нашемъ рисункѣ. Рукописное на пергаментѣ Евангеліе, съ замѣчательно художественными рисунками, кресты, панагіи, напрестольныя Евангелія, осыпанныя драгоцѣнными камнями, омофоры, набедренники, изображеніе 12 апостоловъ—вышитые золотомъ по венеціанскому бархату, всѣ эти предметы носятъ на себѣ печать оригинальности и старины; но въ особенности обращаютъ на себя вниманіе среди нихъ четыре подсвѣчника, металлическіе, украшенные самоцвѣтными камнями, и изображающіе собою руки сложенныя въ видѣ двухперстнаго креста, составляющаго принадлежность агванской, а затѣмъ и армянской церкви,—чего такъ не любятъ наши старообрядцы, когда на то указываютъ имъ при обличеніи ихъ въ неправославіи.

Шествіе на осляти. (Рис. на стр. 356 и 357).

Въ воспоминаніе торжественнаго вступленія Спасителя въ Іерусалимъ, съ давняго времени у многихъ христіанскихъ народовъ существовалъ обрядъ шествія на осляти. Русскіе заимствовали его у грековъ въ XVI вѣкѣ и съ особеннымъ великолѣпіемъ совершали въ слѣдующемъ столѣтіи на Москвѣ. Сначала шествіе ограничивалось Кремлемъ, вокругъ соборовъ, но впослѣдствіи процессія выходила и за предѣлы кремлевскихъ стѣнъ, чрезъ Спасскія ворота къ Покровскому собору, гдѣ былъ придѣлъ Входа въ Іерусалимъ. Шествіе открывалось государевыми младшими чинами: сперва дьяками, затѣмъ дворянами, стряпчими и стольниками, по три въ рядъ, съ вербами въ рукахъ; за ними везли нарядную вербу на особо устроенномъ возкѣ, обитомъ краснымъ сукномъ и ярко раскрашенномъ красками. Вербу везли шесть богато убранныхъ лошадей. Подъ вербой стояли мальчики въ бѣлой одеждѣ и пѣли стихиры. За вербою шествовало многочисленное духовенство, потомъ шли ближніе люди, думные дьяки и окольничьи съ ваіями; за ними слѣдовалъ государь, поддерживаемый ближними людьми, и велъ осла за конецъ повода. Осля изображалъ конь, покрытый бѣлой суконной каптурой или попоной, къ которой были придѣланы громадныя уши. Средину повода за царемъ держалъ избранный бояринъ, а подъ уздцы осля вели дьяки: государевъ и патріаршій, и патріаршій конюшій старецъ. Впереди государя несли царскій жезлъ, вербу, государеву свѣчу и царское полотенце. На конѣ бокомъ ѣхалъ патріархъ съ крестомъ и Евангеліемъ. Обрядъ этотъ удержался до самой отмѣны патріаршества.

Скитъ. (Рис. на стр. 361).

Ефимъ Ефимовичъ Волковъ, вмѣстѣ съ А. А. Киселевымъ, постоянно украшаютъ выставки „передвижниковъ“ выдающимися произведеніями своей кисти. Посѣтители передвижныхъ выставокъ за послѣдніе годы, конечно, не забыли неболь-



Монастырь Маръ-Сааба, въ окрестностяхъ Іерусалима. Съ фот. Фіорилло, грав. Рашевскій.

шую „Осень“ Волкова, съ блѣдно-голубымъ небомъ, сѣренькой рѣчкой на заднемъ планѣ и ярко-блестящими стволами березъ на переднемъ...

Эту прелестную „*Осень*“ напоминаетъ намъ и помѣщаемый нами здѣсь пейзажъ Волкова („Скитъ“). Небольшая, убогая обитель, пообветшавшая, почернѣвшая отъ времени и покосившаяся на бокъ, пріютилась на небольшой прогалинѣ, въ лѣсной глуши нашего Сѣвера. Лѣто минуло, и осень стала щедро окрашивать лѣсокъ около „Скита“ своими яркими, богатыми красками. Ничто не шелохнется; деревья стоятъ неподвижно, вырѣзаясь верхушками на поблѣднѣвшемъ осеннемъ небѣ. Мягко и кротко свѣтитъ осеннее, уже не грѣющее солнце. Тишина кругомъ невозмутимая—въ этой лѣсной глуши такъ же тихо и спокойно, какъ въ душѣ того стараго отшельника, который идетъ съ ведеркомъ зачерпнуть водицы въ прозрачномъ какъ слеза ключѣ, который словно застылъ въ берегахъ.

Петръ I посѣщаетъ г-жу Ментенонъ въ 1717 году.

(Рис. на стр. 364).

Во время своего заграничнаго путешествія въ 1717 году, Петръ Великій прибылъ въ Парижъ 26 апрѣля и пробылъ тамъ до 9 іюня. Первые дни онъ не выходилъ изъ дому, несмотря на горячее желаніе поскорѣе познакомиться со всѣми достопримѣчательностями знаменитаго города, и ожидалъ визита малолѣтняго французскаго короля Людовика XV. 30 апрѣля состоялось это свиданіе двухъ вѣнценосцевъ и въ тотъ же день Петръ началъ осматривать столицу Франціи. Онъ побывалъ не только повсюду въ самомъ городѣ, но осмотрѣлъ и многія изъ его окрестностей и между прочимъ посѣтилъ Сенъ-Сиръ.

Въ этомъ мѣстечкѣ, отстоящемъ отъ Парижа къ востоку верстъ на 20, въ 1680 году, Людовикъ XIV, по просьбѣ своей морганатической супруги, госпожи Ментенонъ, основалъ подъ именемъ Института Св. Людовика, духовное учебное заведеніе для 250 бѣдныхъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1692 году воспитаніе въ Сенъ-Сирѣ было поручено монахинямъ Августинскаго ордена.

Прибывъ въ Сенъ-Сиръ, русскій царь обошелъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ и затѣмъ посѣтилъ лежавшую на одрѣ болѣзни госпожу Ментенонъ, доживавшую тамъ свои послѣдніе годы и тамъ и умершую въ 1719 году. Сцена посѣщенія Петромъ Великимъ когда-то столь вліятельной супруги великаго французскаго короля и послужила темою для классваго художника 1 степени К. Н. Горскаго, написанной по заказу Государя Императора и составляющей собственность Его Императорскаго Величества.

Все въ прошломъ. Карт. В. М. Максимова.

(Рис. на стр. 365).

Какихъ-нибудь лѣтъ тридцать назадъ, т. е. на памяти многихъ милліоновъ изъ нынѣ живущихъ людей, Россія представляла совершенно иной строй общественной и частной жизни. Во главѣ этого строя на всѣхъ высшихъ и среднихъ ступеняхъ государственной службы и общественной дѣятельности стояло вѣками привыкшее править землей, просвѣщенное дворянство, на знамени котораго искони было написано: „Богъ, царь, родина, семья и совѣсть“. На этомъ передовомъ сословіи лежала единственная тѣнь, не имъ самимъ нажитая, а путемъ исторической необходимости навязанная ему и переходившая по наслѣдству—крѣпостное право; и отъ этой тѣневой стороны своего быта, по первому слову Царя-Освободителя, дворянство добровольно отказалось, принеся неисчислимыя жертвы, не имѣвшія себѣ даже отдаленнаго подобія на Западѣ Европы. За то во всемъ остальномъ прочный и духовно-благородный строй дворянскаго быта служилъ примѣромъ всѣмъ остальнымъ сословіямъ: во всѣхъ общественныхъ слояхъ все безчестное, гнусное, низкое, невѣжественное, площадное — обозначалось однимъ и тѣмъ-же словомъ: неблагородно, т. е. не по дворянски; слово это было понятно всѣмъ сословіямъ и употреблялось всѣми, до крѣпостныхъ включительно.

На картинѣ В. М. Максимова, передъ нами двѣ представительницы былаго строя съ цѣлою поэмой въ окружающей обстановкѣ: старая барыня съ ея приближенной служанкой изъ бывшихъ крѣпостныхъ, о преданности коихъ своимъ господамъ молодое поколѣніе въ Россіи уже не имѣетъ никакого живаго понятія и судитъ объ этихъ отношеніяхъ по извращающимъ ихъ литературнымъ фальсификаціямъ новѣйшаго времени. На заднемъ планѣ картины видны полуразвалины стараго барскаго дома съ заколоченными окнами и покривившимися колоннами террасы, выходящей въ запущенный садъ. Тамъ прошло безпечальное дѣтство, кипучая юность и житейская борьба зрѣлыхъ лѣтъ старушки, дремлющей въ старомодныхъ креслахъ; тамъ точно также выросли и воспитались ея дѣти и внуки. Тамъ не стало возможности жить въ настоящее время—и обѣ старушки переселились въ маленькій деревянный флигелекъ съ крошечнымъ крылечкомъ, на приступкахъ котораго и прикурнула вѣрная наперсница барыни. Но душой онѣ обѣ — тамъ, въ старыхъ хоромахъ, гдѣ прошла лучшая пора ихъ жизни; гдѣ умѣли широко веселиться въ радостные дни семейныхъ торжествъ, съѣзжаясь со всей губерніи и гостя по недѣлѣ со всѣми своими слугами и лошадьми,—но гдѣ умѣли и скорбѣть о родинѣ въ годины испытаній и для ея спасенія или блага жертвовать всѣмъ, начиная отъ собственной жизни до родовыхъ гнѣздъ; гдѣ просвѣщеннымъ умомъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго цѣнились всѣ блага жизни, науки, искусствъ, но выше всѣхъ этихъ благъ ставилась родовая семейная честь и спокойствіе чистой совѣсти, ради которыхъ не останавливались ни передъ какой жертвой: ни передъ монастыремъ, ни даже предъ душевной каторгой на всю жизнь съ немилымъ мужемъ. Теперь старушки одиноко доживаютъ свой вѣкъ. Что имъ до нынѣшней мѣщанской тѣсноты, въ которой самыя понятія *честь* и *совѣсть* считаются условными, въ которой огромное большинство готово за грошъ продать все святое ради кумира личной выгоды, и притомъ обращаемой на служеніе самымъ низменнымъ вожделѣніямъ,—гдѣ то и дѣло пачкаются во всевозможной грязи, а потомъ задыхаются въ ней, стрѣляются, топятся, травятся... Нѣтъ, нѣтъ, для нихъ—все въ прошломъ.

Марія Магдалина. (Рис. на стр. 368).

На Голгоѳѣ, во все время страданій и крестной смерти Спасителя міра, находились три Маріи: Богоматерь, Марія мать Іакова и Марія Магдалина, т. е. Марія изъ города Магдалы у Генисаретскаго озера, въ Галилеѣ. Послѣднюю изъ нихъ художники и ваятели часто изображаютъ у подножія Креста. Такою ее изобразилъ и художникъ И. Барилли на своей картинѣ, гравюра съ которой помѣщена въ настоящемъ нумерѣ.

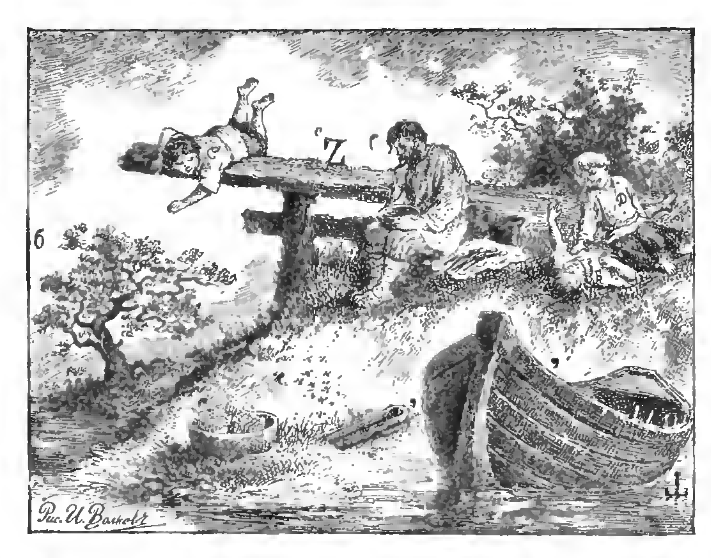
Скорбящая Божія Матерь. Картина Н. Шаховскаго. (Рис. на стр. 369).

Картина Н. Шаховскаго, въ противоположность западноевропейскимъ вычурнымъ изображеніямъ Мадоннъ и Matris dolorosae, отличается простотой, свойственной православію вообще, и даже нѣкоторой внѣшнею сухостью Византійской школы. За то какою глубиною внутренней скорби запечатлѣнъ пречистый ликъ Богоматери, созерцающей все что осталось Ей на землѣ отъ Ея Божественнаго Сына — Его терновый вѣнецъ!

Политическое обозрѣніе.

Французское министерство ведетъ борьбу съ буланжизмомъ не на животъ, а на смерть. Предавъ суду главарей Лиги Патріотовъ, Поля Деруледа, сенатора Наке, депутата Лагерра и другихъ, оно всячески старается добраться и до браваго генерала. По крайней мѣрѣ этою цѣлью объясняютъ настойчивое и поспѣшное обсужденіе и разрѣшеніе вопроса объ обращеніи сената въ верховный судъ въ случаяхъ особой важности, преимущественно въ случаяхъ заговоровъ, направленныхъ противъ безопасности государства. 17 марта сенатъ принялъ проектъ своего превращенія въ судъ—большинствомъ 207 голосовъ противъ 60, и на другой день въ засѣданіи палаты депутатовъ Лабюссьеръ прочелъ докладъ о проектѣ сената, по которому виновные въ проступкахъ противъ должностныхъ лицъ или въ оскорбленіяхъ путемъ печати, подвергаются суду исправительной полиціи, причемъ потребовалъ, чтобы обсужденіе законопроекта признано было безотложнымъ. Правая и буланжисты протестовали. Кассаньякъ, оспаривая безотложность, упрекалъ республиканцевъ въ томъ, что они заимствуютъ у прежнихъ режимовъ ихъ орудія для того, чтобы изъ страха предъ гласностью заглушить голосъ печати. Палата, большинствомъ 266 голосовъ противъ 259, вотировала безотложность. Газеты поэтому продолжали высказывать мнѣніе, что возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ Буланже неминуемо. Самъ Буланже, бесѣдуя съ однимъ журналистомъ, отказывался вѣрить, чтобы противъ него могли возбудить судебное преслѣдованіе: онъ де никогда не выходилъ изъ рамокъ легальности и не можетъ предполагать, чтобы правительство рѣшилось выйти изъ нихъ. 19 марта всѣ утреннія газеты подтвердили, что министры рѣшили внести въ палату требованіе о преданіи Буланже суду сената, но въ послѣднюю минуту генеральный прокуроръ Бушэ отказался подписать реквизиторію за неимѣніемъ достаточныхъ доказательствъ и прислалъ прошеніе объ отставкѣ. Это разсердило Сигизмунда Лакруа, увѣдомившаго Рувье, что сдѣлаетъ запросъ правительству, если оно ко вторнику не приметъ крайнихъ мѣръ. Констансъ, Рувье и Гюйо стояли за эти мѣры; Фрейсинэ, Фаллiеръ и другіе министры высказывались противъ. Прошеніе Бушэ было принято министерствомъ и на его мѣсто назначенъ генеральнымъ прокуроромъ генеральный адвокатъ Кенуа-де-Борепэръ. Между тѣмъ генералъ Буланже, не дожидаясь послѣдствія исключительныхъ мѣръ противъ него, удалился въ Бельгію и тамъ напечаталъ манифестъ къ своимъ избирателямъ, объясняющій его поведеніе. Есть извѣстіе, что его не потерпятъ и въ Бельгіи, если онъ будетъ тамъ продолжать свою агитацію.

Ребусъ. Задача № 24.



Рѣшеніе ребуса № 13 (помѣщеннаго въ № 7).

„Что у кого болитъ—тотъ о томъ и говоритъ“.

Рѣшеніе шахматныхъ задачъ №№ 14 и 15 (помѣщ. въ № 7).

№ 14.

Бѣлые.	Черные.
1) Кр. d 4—c 4	b 6 — b 5+
2) Кр. c 4—c 3	b 5 — b 4+
3) Кр. c 3—c 4	b 4 — b 3
4) a 2 : b 3++	

№ 15.

Бѣлые.	Черные.
1) Кр. c 3—b 4	c 6 — c 5+
2) Кр. b 4—b 5	e 6 — e 5

Бѣлые.	Черные.
3) f 4 — f 5	c 5 — c 4
4) b 3 — c 4++	

1)

1)	e 6 — e 5
2) f 4 — f 5	c 6 — c 5+
3) Кр. b 4—b 5	c 5 — c 4
4) b 3 : c 4++	

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ г.г.; **СПБ.** — Вака, А. Олинской, К. Соболева, Н. Люхина, А. А. Поспѣева, Б. Гувеніусъ, Е. Будаговой, Каплена, В. Усова, Ш. Кучера, А Филиппова, **Москва** — Ф. Кокушкина, А. Эйхбаумъ, В. Шмидтъ, **Архангельскъ** — А. Мелешкевича, **Богатое** — А. Алфеева, **Елатьма** — А. Саласкина, **Жмеринка** — В. Шнейдера, **Златополь** — Х. Эйвинъ, **Кременчугъ** — М. Бромберга, М. Барской, **Колышки** — М. Дымшицъ, **Керчь** — Г. Шуляцкаго, **Калуга** — А. Готвальдъ, **Николаевъ**—Фолькертъ **Н. Новгородъ**—Н. Веревкина, **Оренбургъ** — В. Казанцева, **Палангенъ** — О. Брикъ, **Рыпинъ** — Ермолаева, **Смѣла** — Д. Готлибейнъ, **Сѣдлецъ**—В. Владимірова, **Симферополь**—В. Казаринова, **Тифлисъ** — Н. Павловой-Подкопаевой, **Черкассы**—В. Тополянскаго, **Царское Село**—Н. Петрова.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ВЪ МОСКВѢ у П. ЮРГЕНСОНА:

ВОСКРЕСНЫЯ СЛУЖБЫ осьми гласовъ для 4-хъ-голоснаго смѣшаннаго хора, для классickаго и домашняго употребленія. Переложеніе **С. Зайцева.** Томъ I. **Партитура** 1 р. 50 к. Томъ II. **Праздничныя службы** (Сентябрь по Январь) 1 р. 50 к. Томъ III. **Праздничныя службы** (Январь по Сентябрь) 1 р. 50 к. Томъ IV. **Великопостныя службы** 1 р. 50 к. Томъ V. **Пѣснопѣніе въ Святую и Великую недѣлю Пасхи** 1 р. Томъ VI. **Литургія, причастные стихи и другія службы** 1 р.

Переложенія эти удобны также для игры на фисгармоніи, или фортепіано и съ пѣніемъ 1-го голоса. Переложенія эти изданы въ партитурѣ въ такомъ видѣ, что при пѣніи могутъ служить и для отдѣльныхъ голосовъ, давъ возможность въ то же время слѣдить за голосоведеніемъ другихъ партій. П. № 3793

ИЗДАНІЕ ЮРГЕНСОНА.

ПРОПИСИ НОТОПИСАНІЯ.

Составилъ К. А.

Цѣна 40 коп. П. № 3794

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!

Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.

Іог. Заксъ и Ко.

Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734

Берлинъ, Риттерштрассе 88.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA-LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (2).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА

прозрачныя и непрозрачныя.

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ

ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.

ХИМИЧЕСКАЯ С.ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

БЕЗВРЕДНАЯ

КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Pt. 3766 2—2
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18 — 54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ДУХИ ВЪ ТВЕРДОМЪ ВИДѢ

КАРАНДАШЪ ДЕ ЛА НОБЛЕССЪ.

(Crayon de la Noblesse).

Духи эти, обращенные въ твердый видъ по новому способу, отличаются тѣмъ, что очень пріятны и совершенно сгущены, что не было до сихъ поръ еще извѣстно. Можно имѣть духи всѣхъ сортовъ въ палочкахъ, вложенныхъ въ маленькія **металлическія** гильзы, которыя весьма удобно носить при себѣ. Эти духи имѣютъ то громадное преимущество, что передаютъ присущій имъ запахъ всѣмъ предметамъ, приходящимъ съ ними въ соприкосновеніе, не смачивая и не портя таковыхъ. Достаточно слегка потереть подобнымъ карандашемъ для того, чтобы немедленно надушить № 3783 2—2

Кожу, бороду, носовой платокъ, кружева, перчатки, матеріи, искусственные цвѣты, бѣлье.

Особенно пригодны эти духи для театровъ, концертовъ, баловъ и пр. **Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ, аптекарскихъ и галлантерейныхъ магазинахъ Россіи.**

Цѣна 75 коп.

Эд. ШОРОВСКІЙ и Комп. въ С.-Петербургѣ.

ШЛЯПНАЯ ФАБРИКА Ф. ПАРИЗЕКЪ

Большая Морская, 13, уг. Кирпичнаго переулка.

Большой выборъ шляпъ, для мужчинъ и мальчиковъ, новѣйшихъ фасоновъ, всѣхъ цвѣтовъ. Заказы исполняются немедленно. 2—2 Р. № 3773

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ.

Большая **хромо-фото-литографія, точная копія съ знаменитой картины художника А. А. Иванова,** съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеумѣ. Огромныхъ размѣровъ, художественно-исполненная картина:

„ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ".

Цѣна: на бумагѣ 1 р. 50 к., на холстѣ 2 р. 50 к. За пересылку и упаковку на скалкѣ 50 к. При покупкѣ 10 и болѣе экз.— 20% уступки. Выписывать: **Москва,** магазинъ церковныхъ утварей **Сытова и С-ья,** Мясницкая, соб. домъ, а также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ, картинныхъ магазинахъ. Ц. № 3788 2—1

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

А. РАЛЛЕ и Ко ВЪ МОСКВѢ.

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

Мыло лимонно-глиц.	Вода туалетн. (особ.)
Цвѣточный одеколонъ.	Помада семейная.
Мыло цвѣточно-глицер.	Духи Персидск. сирень.
Одеколонъ квадрюпль.	Мыло оперное.
Пудра бархатная.	Духи Б-тъ Амамъ.
Элексиръ борно-тимоловый.	Мыло „виды Москвы".

П. № 3789

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.

Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

МОСКОВСК. МАГАЗ.

„БРАТЬЯ ПОПОВЫ"

предлагаетъ **ЧАИ** собственной выписки изъ **КИТАЯ,** хранящіеся въ Сухопутной таможнѣ, оптомъ и въ розницу, въ собственныхъ магазинахъ: въ **С.-Петербургѣ:** 1) Невскій проспектъ, № 18, у Полицейскаго моста; 2) Литейный просп., № 26, д. кн. Мурузи; 3) Вас. Остр., Кадетская линія, № 7, д. Лингена; 4) у Калинна моста, д. Петровыхъ; **въ Москвѣ:** 1) Кузнецкій мостъ, д. Санъ-Галли; 2) Срѣтенка, д. Юрасова.

При продажѣ развѣшаннаго чая просятъ обращать вниманіе на этикетъ, чтобы не смѣшивать этой фирмы съ однофамильцами, участвовавшими въ чайныхъ процессахъ.

Пересылка чая по Европейской Россіи принимается магазинами торговаго дома на свой счетъ.

Р. № 3791

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—9

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Une des Curiosités de PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le Catalogue général illustré renfermant 591 gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'Eté, dont l'envoi est fait *gratis* et *franco* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie

PARIS

Sont également envoyés franco les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

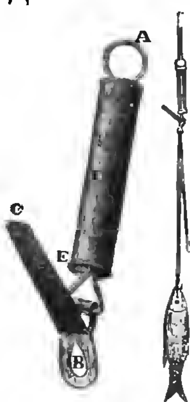
Le Catalogue indique les conditions d'envoi.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

А. № 3775 3—2

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ

ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,



одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Караваевъ**, Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ. № 3785

Прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается заказной бандеролью 9 к.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и многихъ частныхъ учрежденіяхъ.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ

П. № 3782 **ПАНСІОНЪ** 3—2

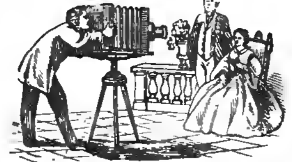
И. М. ХАЙНОВСКАГО

ВЪ МОСКВѢ

Волхонка, домъ князя Голицына.

Ученики готовятся къ поступленію въ среднія учебныя заведенія слабоуспѣвающіе въ какомъ либо предметѣ отдѣльно занимаются повтореніемъ недостаточно усвоеннаго; занятія продолжаются все лѣто въ деревнѣ, гдѣ, при наблюденіи врача, усиленное вниманіе обращено на укрѣпленіе здоровья учащихся. Пріемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!



Только 10 руб.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и проч., въ визитн. и кабинетн. величину, съ пробн. снимками и руководствомъ. Пересылка за 15 фунт. С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4. Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Mt. № 3798

CORSETS LEOTY

20—8

adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine. Paris.

ЧОКРАКСКОЕ

грязе-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ Чокракъ. За 4 марки 7 коп. высылается брошюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Добровольскому. № 3755 4—2

Р. № 3792 2—1

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52

прот. Имп. Публ. Библіотеки.

Оптовая и розничн. продажа.

Спеціалистъ хронометровъ.

Рекомендую золот. глухіе дамскіе часы, заводъ безъ ключа, изящный фасонъ, **въ 45 р.**

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3790

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,

Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3718

Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

№ 4711
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

съ различнымъ запахомъ:

Эдельвейсъ, желтый левкой, жасминъ, геліотропъ, ландышъ, оппопонансъ, резеда, рейнская роза, рейнская фіалка, рейнскіе цвѣты и аспера душистая,

превосходные, долго сохраняющіеся и дешевые цвѣты для носовыхъ платковъ.

Цѣна за флаконъ, содержащій ¼ фунта

1 р. 25 коп.

Продажа во всѣхъ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Ц. № 3682 2—2

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON

И МЫЛО à la CRÈME-SIMON

имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—11

ФАБРИКА

МЕЛЬХІОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 3753 3—3

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3776

Вырабатываю только натуральный уксусъ окисленіемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ *Спирта, Солода и Виноградного вина.*

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

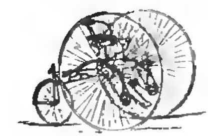
готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО"

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3769 3—2

„РУССКІЙ КЛУБЪ" и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды спеціально для русскихъ дорогъ.



Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Перныхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3395 (13)

Дозвол. цензур., СПБ., 29 марта 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 8 апрѣля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

При этомъ № прилагаются: **Портреты Августѣйшаго Семейства Государя Императора.**

Берега Лысогора. Съ карт. **Горонович**а, грав. Рашевскій.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

(Продолженіе).

Бахманову на видъ казалось лѣтъ двадцать семь или двадцать восемь; лицо его, съ коротко остриженными волосами и маленькой бородкой à la Henri quatre, было красиво и умно, но лежавшее на немъ выраженіе надменной насмѣшки и скучающей апатіи портило его, придавая ему что-то непріятное и отталкивающее.

Бахмановъ имѣлъ репутацію злаго и остроумнаго человѣка, въ душѣ очень дорожилъ ею и всегда старался поддерживать ее. Въ обществѣ его слегка побаивались, потому что благодаря этой репутаціи онъ позволялъ себѣ говорить злыя дерзости, на которыя большею частью ему почему-то не рисковали отвѣчать тѣмъ-же. Средства его были нѣсколько туманны и вѣроятно не велики, но жилъ онъ хорошо, какъ живетъ большинство такъ-называемой jeunesse dorée. Говорили что у него есть какія-то имѣнія, но говорили также, что никакихъ имѣній у него нѣтъ, а если и были, то онъ давно уже успѣлъ ихъ проиграть и спустить. Воспитанъ онъ былъ хорошо, держалъ себя прекрасно; въ театрѣ бывалъ въ первомъ ряду; одѣвался отлично, имѣлъ собственныхъ лошадей, хорошую родню и знакомство, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, считался однимъ изъ самыхъ интересныхъ представителей молодежи своего кружка.

Послѣднее время онъ сталъ бывать у Таненбаумовъ такъ часто, что въ обществѣ уже начали ходить очень опредѣленные слухи объ его ухаживаніи за Юліей Андреевной. Бахмановъ всегда ухаживалъ за кѣмъ-нибудь, къ этому давно привыкли; но тѣмъ не менѣе ухаживаніе его очень цѣнилось самими женщинами, какъ всегда цѣнится ими ухаживаніе человѣка завѣдомо умнаго или чѣмъ-нибудь замѣчательнаго. И теперь оно положительно льстило честолюбію Юліи Андреевны, которая не только не скрывала этого flirt'а, но, напротивъ, отчасти бравировала имъ и выставляла его на видъ желая вызвать въ своихъ пріятельницахъ весьма естественную зависть, которую она всегда любила возбуждать въ нихъ.

Бахмановъ ухаживалъ всегда за самыми изящными, красивыми и модными, это всѣ знали и такимъ образомъ его ухаживаніе само по себѣ придавало женщинѣ извѣстный интересъ, а потому именно теперь Юлія Андреевна желала болѣе чѣмъ когда-нибудь сохранить его во что бы то ни стало и сознавала съ непріятнымъ ощущеніемъ стыда и страха, что именно теперь-то это и будетъ пожалуй очень трудно. Бахмановъ вовсе не славился постоянствомъ и изъ-за одной боязни показаться смѣшнымъ, продолжая состоять „при старой женщинѣ", могъ поспѣшить удалиться, подать первый примѣръ всѣмъ остальнымъ поклонникамъ и впервые разбить всѣ иллюзіи ея молодости и красоты, а разбитыя такимъ злымъ языкомъ какъ его, онѣ превратятся въ жалкіе осколки, и склеить ихъ какъ-нибудь снова будетъ уже невозможно.

И Юлія Андреевна тревожно и пытливо всматривалась въ него, стараясь предугадать какое впечатлѣніе сдѣлала на него Софи и чтó онъ теперь думаетъ. Появленіе Софи было для Бахманова почти такимъ-же сюрпризомъ какъ и для всѣхъ прочихъ. Юлія Андреевна только недѣлю назадъ, уже отправивъ Miss Morrison за дочерью, разсказала ему незначительнымъ тономъ, осторожно предупреждая его, что скоро пріѣдетъ ихъ старшая дочь, о существованіи которой онъ слышалъ до тѣхъ поръ очень рѣдко и только то, что она воспитывается въ институтѣ въ Москвѣ, а теперь поселится у нихъ навсегда.

— Развѣ вы хотите перевести въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ или она будетъ доканчивать воспитаніе дома? спросилъ онъ ее.

Юлія Андреевна слегка замялась.

— Въ сущности она почти окончила курсъ, отвѣчала она неопредѣленно,—но конечно ей необходимо будетъ дополнить образованіе еще дома, добавила она поспѣшно.

— А! Бахмановъ усмѣхнулся и какъ-то загадочно покачалъ головой.—Такъ значитъ M-elle Софи совсѣмъ ужъ взрослая барышня? А я почему-то все воображалъ, что она годомъ или двумя только старше Нэдъ.

Юлія Андреевна покраснѣла и нахмурилась. Въ тонѣ своего поклонника она почувствовала уже ту насмѣшливую нотку, которой такъ боялась.

— Ну, чтожь, сказалъ Бахмановъ какъ будто равнодушнымъ тономъ, — вы вѣроятно начнете вывозить ее теперь?

— Да, начну вывозить, коротко и сухо отвѣчала Юлія Андреевна, избѣгая встрѣчаться съ нимъ глазами.

Съ этихъ поръ въ теченіе всей недѣли насмѣшливая нотка часто проскальзывала въ голосѣ Бахманова, когда онъ говорилъ съ Юліей Андреевной и особенно когда справлялся, скоро-ли она ждетъ M-elle Софи. А справлялся онъ часто и это раздражало Юлію Андреевну. Каждый разъ какъ она подслушивала насмѣшку своимъ чуткимъ ухомъ опытной женщины въ самомъ простомъ повидимому вопросѣ, она гнѣвно вспыхивала и думала: „Погоди... мы еще увидимъ... чья возьметъ!"

И вотъ наконецъ этотъ день насталъ, Софи сидѣла предъ Бахмановымъ, который, судя по его равнодушному виду, мало интересовался ею и даже нисколько не удивился.

Онъ болталъ почти исключительно съ Нэдъ и M-elle Mignard, поддразнивая ихъ обѣихъ по своему обыкновенію, но въ самомъ тонѣ этихъ шутокъ, злыхъ и ѣдкихъ, Юлія Андреевна сознавала, что онѣ относятся больше къ ней чѣмъ къ M-elle Mignard и что онъ подъ благовиднымъ предлогомъ ядовито прохаживался все время на ея счетъ. Она снова стала раздраженно волноваться и поспѣшила, вставъ изъ-за стола, прекратить непріятную бесѣду. Всѣ поднялись вмѣстѣ съ ней.

— Возьмите вашъ ликеръ, Бахмановъ, сказала она какъ будто совсѣмъ спокойно, — и пойдемте пить кофей въ маленькую гостиную.

Но говоря это, она подумала, что отправить Софи въ дѣтскую какъ маленькую Нэдъ — неловко, что нужно пригласить въ гостиную также и ее. Но это будетъ такая скука! Лучше пригласить всѣхъ, рѣшила она, потомъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ можно удалить...

Когда Софи подошла благодарить ее, Юлія Андреевна съ улыбкой обняла ее за талію и сказала:

— Посиди немножко у меня, мы съ тобой почти не видѣлись еще...

Глаза Софи мягко вспыхнули и она радостно улыбнулась.

— Miss Morrison, M-elle Mignard, не хотите-ли допить кофей у меня?..

Miss Morrison поблагодарила, но чувствуя себя утомленною послѣ дороги, отказалась и попросила позволенія удалиться въ свою комнату, а M-elle Mignard была очень рада.

Онѣ съ Нэдъ предпочитали гостиную—дѣтской. Нэдъ приняла приглашеніе и на свой счетъ, хотя знала, что оно къ ней не относилось, и безцеремонно отправилась въ гостиную матери вслѣдъ за остальнымъ обществомъ.

Гостиная была прелестная, вся мягкая, застланная коврами и точно пропитанная тонкимъ ароматомъ розъ и гіацинтовъ.

Общество размѣстилось на отдѣльныхъ диванчикахъ и пуфахъ предъ маленькими изящными столиками, но всѣ невольно почувствовали себя здѣсь какъ-то еще болѣе натянутыми чѣмъ въ столовой.

Разговоръ совсѣмъ не клеился; даже Бахмановъ пересталъ поддразнивать Нэдъ и ея гувернантку, и лѣниво, со скучающимъ выраженіемъ на лицѣ, цѣдилъ свой ликеръ.

Юлія Андреевна посидѣла нѣсколько минутъ, сердясь и волнуясь въ душѣ и на Бахманова, и на всѣхъ присутствовавшихъ, и даже на себя, наконецъ не выдержала и встала, извиняясь что ей нужно еще распорядиться кое-чѣмъ для сегодняшняго бала.

Когда она ушла, M-elle Mignard почувствовала себя свободнѣй и весело заболтала, а Нэдъ граціозно раскинулась на низенькомъ креслѣ и кокетливо вытянула свои ножки.

Оставаясь втроемъ съ M-elle Mignard и Нэдъ, Бахмановъ всегда оживлялся. Француженка смѣшила его своимъ бульварнымъ остроуміемъ и своей любовью къ нему, которая забавляла его, а Нэдъ нравилась ему какъ хорошенькая и неравнодушная къ нему дѣвочка-подростокъ, за которой онъ уже зналъ напередъ, что непремѣнно будетъ сильно ухаживать какъ только она выростетъ.

Пока онъ былъ для нея и героемъ, и другомъ, съ которымъ она и кокетничала, и откровенничала съ наивною, но задорною болтливостью испорченнаго ребенка.

Втроемъ имъ всегда было очень весело: они понимали другъ друга; но теперь присутствіе Софи стѣсняло ихъ, съ ней нужно было разговаривать и нельзя было говорить „всего", какъ имъ это нравилось и какъ они къ тому уже привыкли.

Бахмановъ нѣсколько разъ обращался къ Софи съ разными вопросами, стараясь съ любезностью свѣтскаго человѣка, наперекоръ собственному желанію, занять разговоромъ скучную для него дѣвушку, которую онъ, со свойственнымъ ему уже навыкомъ въ этомъ отношеніи, сразу оцѣнилъ, и понялъ что для него она никогда не будетъ интересна. Но Софи стѣснялась и на всѣ вопросы отвѣчала какъ-то сконфуженно и односложно. Ей хотѣлось-бы уйти къ себѣ въ комнату, но она не рѣшалась и сидѣла съ застѣнчивымъ видомъ молоденькой провинціалки.

Нэдъ, насмѣшливо улыбаясь, бросала на Бахманова выразительные взгляды и только пересмѣивалась съ M-elle Mignard. Но къ общему удовольствію явилась вдругъ Маша, горничная „барышень", и попросила Софью Ѳедоровну къ Miss Morrison, которой нужно было вынуть свои вещи изъ чемодана Софи. Софи, обрадовавшись удобному предлогу, поспѣшно встала, и когда она вышла, всѣ съ облегченіемъ вздохнули.

— Voilà une personne comme il y en a peu! возмутилась M-elle Mignard.—Il faut lui arracher les paroles! [1])

Бахмановъ засмѣялся.

— Elle n'est pas mal! сказалъ онъ, поддразнивая M-elle Mignard и Нэдъ, и видя что онѣ обѣ удивились, прибавилъ смѣясь нарочно, чтобы посердить ихъ: — Vraiment, elle est très piquante! [2])

— Oh! Elle est tout ce que vous voulez, mais pas ça! воскликнула съ негодованіемъ M-elle Mignard.—Vous n'entendez rien aux femmes, mon cher! j'avais jusqu'à présent meilleure opinion de votre goût sur cette matière. Je vous croyais beaucoup plus exigeant! [3])

Бахмановъ весело смѣялся.

[1]) — Невозможная особа! Это цѣлый трудъ вытянуть изъ нея одно слово!

[2]) — Она недурна! Право, очень пикантна!

[3]) — Все, что вы хотите, только не это! Да въ такомъ случаѣ вы, мой милый, ничего въ женщинахъ не понимаете! я была лучшаго мнѣнія до сихъ поръ объ вашемъ вкусѣ; я думала что вы болѣе требовательны!

По его мнѣнію, Софи была прелестна и онъ собирался за ней даже ухаживать; къ тому-же, у нея очень правильныя черты, что въ современныхъ женщинахъ встрѣчается очень рѣдко,—она гораздо красивѣе Нэдъ.

— Ah, mon Dieu! воскликнула M-elle Mignard почти съ ужасомъ и ударила Бахманова по рукѣ забытымъ Юліей Андреевной вѣеромъ. Но Нэдъ ничего не сказала и только презрительно усмѣхнулась.

— Mais il devient tout-à-fait insupportable! кричала M-elle Mignard, дѣлая видъ, что ужасно сердится на Бахманова.—Hier il s'est sans cesse moqué de moi à-propos de cette cloche du Tzar Ivan, aujourd'hui il me taquine à-propos de cette banale beauté allemande! Peut-on la comparer à Ned? Rien que la beauté de Ned ne soit pas précisement ce qu'on appelle une beauté classique, vous verez qu'elle aura beaucoup plus de succès que d'autres beautés reconnues. Et comme si une Allemande pouvait être piquante ou avoir du cachet! [1])

Но Бахмановъ очень любилъ дразнить M-elle Mignard, ему нравилось выводить ее изъ себя, и онъ началъ утверждать, что самъ даже встрѣчалъ нѣмокъ, которыя своимъ изяществомъ далеко превосходили француженокъ.

— Oh! и M-elle Mignard вскочила уже съ неподдѣльнымъ негодованіемъ.—Oh! c'est par trop fort! Une Allemande dépasser une Française en matière d'élégance! Où avez vous vu ça? Mais si vous disiez cela en public, toutes les nations riraient à vos dépens! Oui, toutes les nations, parce que la suprématie des Françaises à ce sujet est chose reconnue depuis des siècles! [2])

Бахмановъ заливался хохотомъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ смѣясь,—это въ васъ просто говоритъ излишній патріотизмъ и политическая вражда! За то что нѣмцы разбили васъ въ 70 году! Вотъ вы и не хотите сознаться, что нѣмки чрезвычайно интересны!

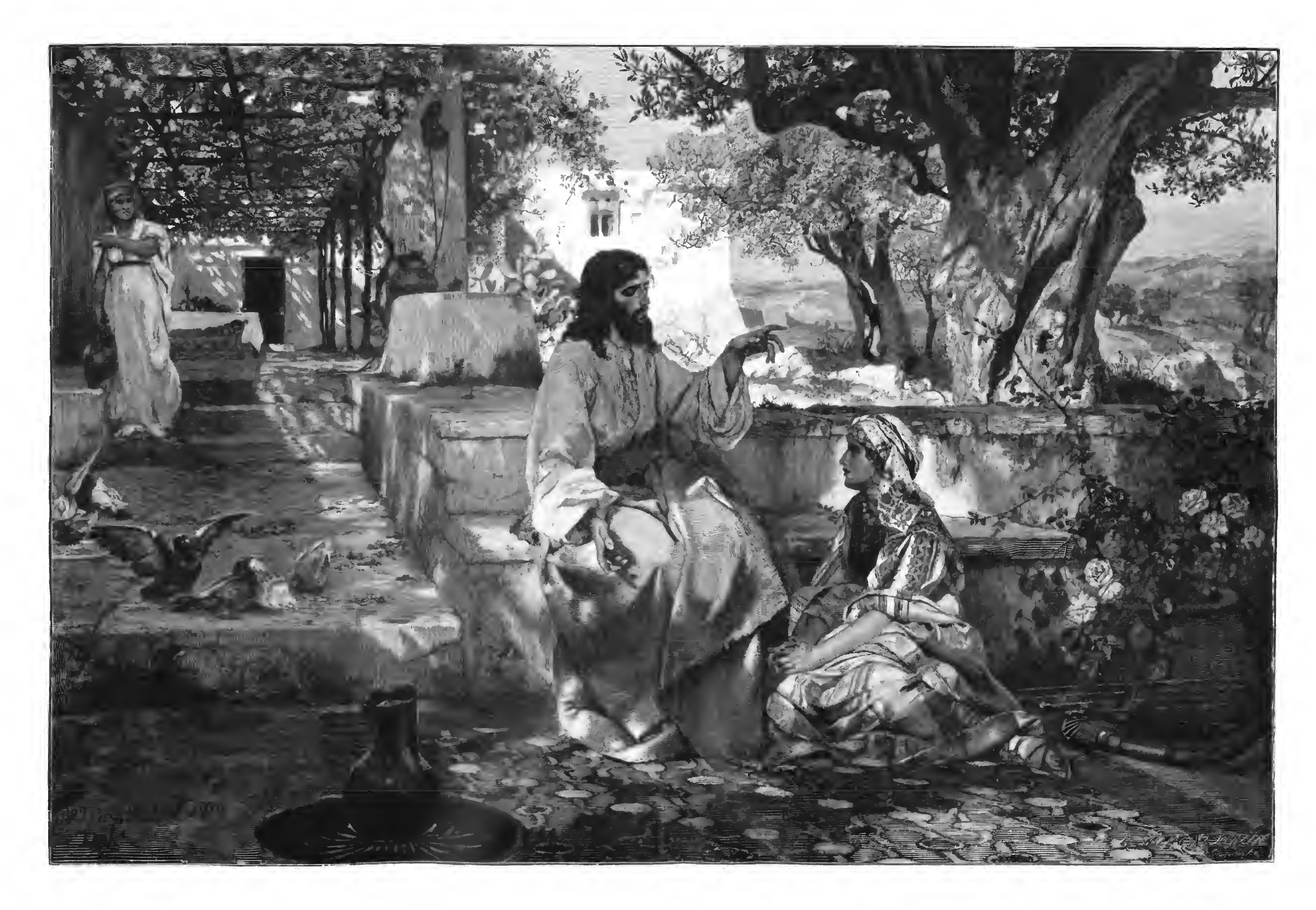
— Eh bien, monsieur! горячо воскликнула M-elle Mignard, блестя разгорѣвшимися глазами, и голосъ ея вдругъ зазвучалъ страстно и торжественно.—Admettons que ce soit de l'animosité politique, je ne le nie pas! Je suis Française, une Française pur sang, et comme telle je hais toute la nation allemande! Oui, en 1870 ma pauvre mère est morte de souffrance et de misère; mon cousin est tombé mort dans les rangs de la brave armée française, en défendant sa malheureuse patrie; moi-même j'ai mangé du cheval, j'ai souffert de la faim avec tout Paris et en ces temps affreux les soldats allemands ont vaincu nos braves guerriers! C'est vrai, hélas!.. Mais jamais, au grand jamais, les Allemandes ne vaincront les Françaises! [3])

— Браво, браво M-elle Mignard! привѣтствую васъ и какъ славную патріотку, и какъ краснорѣчиваго оратора! Я вамъ даже поцѣлую ручку за вашъ патріотизмъ! Право, его надо цѣнить въ женщинахъ, тѣмъ болѣе что въ нашихъ русскихъ дамахъ онъ или совсѣмъ

[1]) — Нѣтъ, онъ становится невыносимымъ! Вчера дурачилъ меня съ этимъ глупымъ колоколомъ Царя Ивана, сегодня дразнитъ этой банальной нѣмецкой красотой! Можно-ли сравнивать ее съ Нэдъ! Ничего не значитъ, что красота Нэдъ неправильна, вотъ увидите, что она будетъ имѣть успѣхъ больше настоящихъ красавицъ! И потомъ, можетъ-ли нѣмка быть когда-нибудь изящною или пикантною?

[2]) — О! это уже слишкомъ! чтобъ нѣмка была-бы изящнѣе француженки? Да гдѣ вы это видѣли? Да если вы скажете это публично— надъ вами захохочутъ всѣ націи! да, всѣ націи, потому что это признано вѣками!

[3]) — Ну чтожъ! Пусть это будетъ политическая вражда, я не отрекаюсь, я француженка, чистокровная, настоящая француженка, и я ненавижу какъ націю—всѣхъ нѣмцевъ! Моя бѣдная мать умерла отъ горя и нужды въ 70 году, мой кузенъ палъ мертвымъ въ рядахъ славной французской арміи, защищая свою несчастную родину, я сама питалась кониной и голодала вмѣстѣ со всѣмъ Парижемъ, и въ это ужасное время, нѣмецкіе солдаты побѣдили нашихъ славныхъ воиновъ, это правда... Но никогда и ни въ какое время не побѣдить нѣмкамъ француженокъ!



Іисусъ Христосъ въ домѣ Маріи и Мараы. Картина проф. Г. Семирадскаго, грав. Бонгъ.

отсутствуетъ, или отзывается лежалыми леденцами! Браво, M-elle Mignard, ну давайте ручку!

И Бахмановъ взялъ ея руку и крѣпко поцѣловалъ, что M-elle Mignard тронуло и удивило, такъ какъ на подобныя любезности онъ былъ скупъ не только съ ней, у которой еще никогда не цѣловалъ руки, но даже и съ прелестной Юліей Андреевной.

— Ну а теперь, продолжалъ Бахмановъ смѣясь,— вы поссоритесь съ Нэдъ, такъ какъ въ лицѣ нѣмцевъ задѣли и ее: она тоже нѣмка!

— Я совсѣмъ не нѣмка! воскликнула Нэдъ съ неудовольствіемъ,—я русская!

— Къ сожалѣнію, нѣтъ; вы нѣмка. Между настоящими русскими фамиліями нѣтъ такихъ, которыя-бы оканчивались на „баумъ", а вы маленькая Fräulein Tannenbaum!

— Неправда! Я русская! повторила Нэдъ, сердито краснѣя, и лицо ея вдругъ приняло такое выраженіе, какое является у маленькихъ дѣтей, когда они собираются заплакать.

— Ah méchant, encore! il faut toujours qu'il taquine quelqu'un! Ne le croyez pas, chère enfant! Ned est russe par naissance, mais comme caractère et comme éducation, c'est une vraie parisienne! [1])

— Ну вотъ, засмѣялся Бахмановъ, — это-то и доказываетъ значитъ лучше всего, что и нѣмка можетъ...

Но M-elle Mignard сердито замахала на него руками, крича что она больше не хочетъ ни слушать, ни говорить съ нимъ; но въ сущности она вспылила—и теперь гнѣвъ ея уже прошелъ, сердиться долго она вообще не могла, а на Бахманова и въ особенности.

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ Бахмановъ, со смѣхомъ успокоивая ее, — не буду больше затрогивать политическихъ вопросовъ.—И помолчавъ немного онъ прибавилъ: — А Нэдъ все-таки даже хорошенькою никогда не будетъ! волосы у нея рыжіе, ротъ большой, носъ неправильный...

И говоря это, онъ окидывалъ всю ея изящную, граціозную фигурку, любующимся взглядомъ тонкаго знатока женской красоты.

На это Нэдъ не разсердилась, она только слегка скосила на него изподлобья красивые блестящіе глаза и плутовато усмѣхнулась.

Въ томъ что она не нѣмка — она не была вполнѣ увѣрена, фамилія и отецъ смущали ее какъ доказательства нѣмецкаго происхожденія, котораго она всегда немножко стыдилась, а съ тѣхъ поръ какъ M-elle Mignard сдѣлалась ея наставницей, Нэдъ окончательно стала возмущаться имъ; поэтому названіе нѣмки ее всегда очень сердило, тѣмъ болѣе когда это говорилъ Бахмановъ. Но въ своей красотѣ она была вполнѣ увѣрена и потому всѣ его насмѣшки на этотъ счетъ переносила весьма спокойно, понимая что онъ только такъ „нарочно" дразнитъ ее, а что въ сущности она очень ему нравится; если же и принимала иногда обиженный видъ, то только изъ кокетства, такъ какъ знала что это идетъ къ ней.

— M-elle Mignard! послышался голосъ Юліи Андреевны изъ внутреннихъ комнатъ,—venez ici, je vous en prie!

M-elle Mignard поспѣшно поднялась и проходя мимо Бахманова, еще разъ ударила его по плечу вѣеромъ.

— Donnez lui une bonne correction, Ned [2])! сказала она шепотомъ уже въ дверяхъ и погрозила ему пальцемъ.

— Не желаю! отвѣтила Нэдъ презрительно обиженнымъ тономъ.

Но Бахмановъ самъ поймалъ ея руку и притянулъ къ себѣ то кресло, на которомъ она сидѣла.

— Ого, какъ мы разсердились! сказалъ онъ смѣясь.— Ну, Богъ съ вами, Нэдъ, не стану больше дразнить, давайте вашу ручку и помиримтесь!..

Но Нэдъ не давала своей руки.

— Пустите меня, сказала она, дѣлая видъ что сердится и хочетъ вырваться отъ него.

— Не злиться, Нэдъ, а то я пожалуюсь вашей мамѣ и она васъ поставитъ въ уголъ!

— О! и Нэдъ уже съ негодованіемъ вырвала свою руку и вскочила съ кресла, — я никого не боюсь, сказала она съ гордымъ презрѣніемъ, — я ужь слишкомъ выросла для угловъ!

— Нѣтъ, ничего, еще можно! а если мама одна не справится съ вами — я ей помогу!

Нэдъ громко засмѣялась.

— Ну, васъ-то я и совсѣмъ ужь не боюсь!

— Напрасно... я теперь для васъ опаснѣе многихъ...

— Почему?

Нэдъ съ удивленіемъ, не то искреннимъ, не то притворнымъ, вскинула на него свои смѣющіеся глаза.

Бахмановъ ничего не отвѣтилъ ей и только снова поймалъ ея тонкую, но еще красноватую какъ у большинства подростковъ руку, ласково погладилъ ее, смотря съ загадочной улыбкой въ ея глаза, всегда слегка смущавшіе бьющею изъ нихъ жизнью и задоромъ.

Нэдъ чувствовала, что онъ любуется ею.

— Ну, скажите, спросила она уже ласковымъ, вкрадчивымъ голосомъ, — развѣ правда что Софи вамъ такъ понравилась?

— Правда.

— Нѣтъ, не правда! я знаю кто вамъ нравится...

— Кто?

Нэдъ хотѣлось сказать „я", но она передумала и сказала:

— Мама!

„Умница будетъ", подумалъ съ удовольствіемъ Бахмановъ.

— Нѣтъ, не мама, отвѣтилъ онъ улыбаясь.

— А кто?

— Когда вы выростете, тогда я вамъ такъ и быть скажу кто мнѣ нравится!

— Такъ долго? это слишкомъ долго!

— А вамъ сколько лѣтъ?

— Ахъ, ужасно мало! сказала Нэдъ вздыхая и даже конфузясь слегка отъ того что ей еще такъ мало лѣтъ. — Пятнадцатый годъ!

— То есть, значитъ 14 лѣтъ! засмѣялся Бахмановъ.— Да, это дѣйствительно немного. Ждать придется долго. Ну что жь, потерпите годочка три-четыре!

— Ахъ, мама идетъ! Ну прощайте, я убѣгу!

— Зачѣмъ же вамъ убѣгать, посидите лучше съ нами.

— Да мама все равно прогонитъ, ужь я лучше сама уйду. Сейчасъ ко мнѣ придетъ Курилинъ читать эту глупую исторію! А знаете, я сегодня также на балу буду! сказала она съ наивнымъ еще торжествомъ. — Вы будете?

— Буду.

— Только мама навѣрно не позволитъ мнѣ танцовать!

И она разочарованно вздохнула.

— А вы развѣ умѣете танцовать?

Но увидѣвъ какимъ негодованіемъ и обидой вспыхнуло личико Нэдъ, Бахмановъ невольно засмѣялся.

— Вѣрю, вѣрю... сказалъ онъ поспѣшно, — вы прелестно танцуете!

— Ну то-то же!

И она съ примирительной улыбкой взглянула на него и о чемъ-то подумавъ вдругъ прибавила:

— Вотъ вы теперь не хотите со мной танцовать, а я когда выросту — съ вами не буду!

— Неправда, будете.

[1]) — Ахъ злой, ему всегда надо кого-нибудь дразнить. Не вѣрьте ему, мое дитя. Нэдъ русская по рожденію, а по натурѣ и характеру— она настоящая парижанка!

[2]) — Оттреплите его за меня, Нэдъ, хорошенько.

— Нѣтъ, не буду! прощайте, прощайте!

Она поспѣшно протянула ему еще разъ руку и онъ крѣпко сжалъ ее, жалѣя въ душѣ что она не доросла еще настолько чтобы ей можно было бы цѣловать эти руки какъ взрослой, и въ то же время уже выросла настолько, что нельзя поцѣловать ее просто, какъ ребенка, прямо въ -хорошенькое, дразнящее его личико...

Нэдъ выскользнула у него изъ рукъ и убѣжала, но въ дверяхъ комнаты она вдругъ опять обернулась и, чему-то плутовски засмѣявшись, кивнула ему головкой.

„Бѣдовая будетъ“... думалъ Бахмановъ смотря ей вслѣдъ, — „и лучше матери: въ той слишкомъ много злости, это всегда портитъ женщину...“

VIII.

— Ну вотъ, наконецъ-то я отдѣлалась! сказала Юлія Андреевна входя, — сегодня ужасно много было хлопотъ, но теперь кажется уже всѣмъ распорядилась и все приготовлено.

Она утомленно опустилась на кресло.

— У васъ дѣйствительно очень утомленный видъ, сказалъ Бахмановъ, всматриваясь въ нее какимъ-то страннымъ, пристальнымъ взглядомъ.

— Право?

Юлія Андреевна тревожно взглянула на себя въ висѣвшее насупротивъ зеркало. На ней былъ роскошный пунцовый плюшевый капотъ, убранный желтоватыми мягкими кружевами, который всегда чрезвычайно шелъ къ ней; но сегодня ей казалось, что онъ только усиливаетъ оттѣняя еще больше желтизну ея кожи на лицѣ. Она слегка понурилась и молча глядѣла куда-то въ даль усталыми и угрюмыми глазами.

— Ну, а какъ же вамъ понравилась моя Софи? спросила она вдругъ съ любезною улыбкой, переламывая себя.

— Ваша Софи? Бахмановъ слегка прищурился и насмѣшливо улыбнулся одними уголками губъ, — ничего... она очень мила...

— Въ самомъ дѣлѣ? ну я очень рада, теперь я могу быть спокойна, значитъ она понравится, вы требовательнѣе другихъ въ этомъ отношеніи, добавила она съ легкою ироніей.

Онъ насмѣшливо поклонился ей.

— Но она имѣетъ видъ вполнѣ взрослой дѣвицы; судя по вашимъ словамъ я ожидалъ увидѣть почти дѣвочку...

Юлія Андреевна чуть-чуть покраснѣла и отвернулась отъ этихъ прищуренныхъ, непріятныхъ для нея въ эту минуту глазъ, насмѣшливо пытавшихъ ее.

— Ей всего семнадцать лѣтъ, но она немного старообразна! сказала она, досадуя въ душѣ на эту старообразность дочери; въ груди ея начинало закипать раздраженіе, но она сдерживала себя, стараясь притворяться что не понимаетъ его злыхъ намековъ.

— Неужели? да, она кажется старше, ей можно дать около двадцати, но все-таки она очень мила, хотя, къ сожалѣнію, не изъ тѣхъ женщинъ, которыя долго держутся — есть женщины которыя и въ сорокъ лѣтъ кажутся еще молодыми, но она къ тридцати годамъ состарится настолько что ей будетъ казаться сорокъ лѣтъ.

Онъ говорилъ небрежно, какъ-будто безъ всякой цѣли и задней мысли и только исключительно разбирая красоту Софи. Но въ глазахъ Юліи Андреевны сверкали сердитые, надменные огоньки. Она понимала что Бахмановъ смѣется надъ ней въ глаза и мститъ ей за то что она до сихъ поръ такъ ловко обманывала его насчетъ ея лѣтъ; но онъ дѣлалъ это такимъ образомъ, что она, если не желала дѣлаться еще болѣе смѣшной, не могла ни придраться, ни отвѣтить ему ничего, и должна была, прикидываясь ничего непонимающею, любезно продолжать съ нимъ разговоръ въ томъ же тонѣ и поневолѣ позволять ему издѣваться надъ собой.

„Ну хорошо,“ сказала она себѣ, поднимая на него сердитые глаза, блиставшіе злобными огоньками, — „rira bien qui rira le dernier! Ты еще раскаешься!“ думала она, не спуская съ него пристальнаго вызывающаго взгляда, — „ты надѣешься теперь, кинувъ мнѣ въ глаза послѣднія насмѣшки, благородно ретироваться! но ты ошибаешься! ты еще раскаешься и вернешься! да, раскаешься!“

И въ глазахъ у нихъ свѣтилась обоюдная злоба и насмѣшка.

— Однако, я дѣйствительно очень утомлена сегодня, холодно сказала Юлія Андреевна, поднимаясь съ кресла, — я думаю немного отдохнуть; вы извините, надѣюсь...

— Ахъ, пожалуйста!

Бахмановъ поспѣшно всталъ и съ какою-то особенною почтительностью, тою почтительностью съ которою онъ имѣлъ обыкновеніе раскланиваться со знатными, но пожилыми дамами—раскланялся и съ Юліей Андреевной. Она закусила губы и протянула ему холодную руку. Но вдругъ ей пришло въ голову, что онъ пожалуй не пріѣдетъ вечеромъ и не увидитъ ея торжества — и она прибавила болѣе любезнымъ тономъ:

— Сегодня вѣроятно увидимся...

— Вѣроятно, отвѣчалъ онъ небрежно, какъ бы нехотя, — я званъ сегодня еще къ Неругаевымъ, но постараюсь заѣхать и къ вамъ...

— Пожалуйста, сухо пригласила она и тутъ же подумала:

„Нѣтъ, это вздоръ, ты конечно пріѣдешь, потому что тебѣ захочется посмѣяться надо мною и посмотрѣть на мое пораженіе.“

И холодно пожавъ другъ другу на прощанье руки, они разстались, недовольные другъ другомъ и предчувствуя близкое начало конца. Бахмановъ не поцѣловалъ даже ея руки, какъ дѣлалъ это всегда; когда онъ выходилъ, она остановилась среди комнаты, и смотря ему вслѣдъ недобрыми, потемнѣвшими глазами, шептала про себя:

— Ну, хорошо... мы еще посмотримъ... погоди...

IX.

Постель Софи поставили въ комнатѣ Miss Morrison; это была просторная, высокая комната, уставленная только самой необходимою мебелью. Нэдъ съ M-elle Mignard спали чрезъ комнату, и обѣ спальни соединялись общею гостиной, въ которой впрочемъ сидѣли довольно рѣдко.

„Дѣтскую гостиную“, какъ величали ее въ домѣ, отдѣлали предъ пріѣздомъ Софи всю заново, уставили свѣтлою кретоновою мебелью съ букетами блѣдныхъ розъ по голубому полю, которая вмѣстѣ съ нарядными тюлевыми занавѣсками придавала комнатѣ уютный и веселый видъ. У каждой изъ сестеръ былъ въ ней „свой уголокъ“ съ собственнымъ, небольшимъ, но изящнымъ письменнымъ столикомъ, надъ которымъ висѣли въ темныхъ рамахъ большіе поясные портреты Ѳедора Густавовича и Юліи Андреевны. Съ потолка спускался голубой фонарикъ и въ жардиньеркахъ стояли цвѣты. Теперь Нэдъ, гордясь что у нея собственная гостиная, съ особеннымъ удовольствіемъ принимала въ ней своихъ молоденькихъ гостей и разъигрывала предъ ними свѣтскую даму имѣющую свой „salon“. Но въ обыкновенное время она предпочитала находиться въ своей комнатѣ, гдѣ она все-таки была подальше отъ Miss Morrison и гдѣ онѣ съ M-elle Mignard чувствовали себя гораздо свободнѣе и пріятнѣе.

Спальни были просты и удобны, но каждая изъ нихъ носила отпечатокъ характера своихъ хозяекъ.

Въ спальнѣ Miss Morrison, которая любила чистый воздухъ и порядокъ, было всегда немного холодно отъ часто растворяемыхъ форточекъ. Мебель была разставлена чинно и акуратно, и все, начиная отъ заграничной постели съ тонкимъ англійскимъ матрасомъ и до самаго пола блестѣвшаго воскомъ, было такъ чисто, что и Нэдъ, и M-elle Mignard входили туда всегда съ какимъ-то непріятнымъ и боязливымъ чувствомъ. Никакихъ лишнихъ вещей въ комнатѣ не было, отчасти съ гигіенической цѣлью, чтобъ не загораживать свободнаго пространства и тѣмъ не портить воздуха, отчасти же и потому что никакихъ бездѣлушекъ и украшеній Miss Morrison не терпѣла. У окна стояло глубокое темнаго сафьяна кресло съ прямою и жесткою спинкой, въ которомъ почти всегда сидѣла Miss Morrison, днемъ занятая безконечнымъ вязаньемъ чулковъ, одѣялъ и шарфовъ, а по утрамъ и вечерамъ читая Библію въ старинномъ темномъ кожаномъ переплетѣ, которая досталась Miss Morrison еще отъ прабабушекъ и которую она берегла съ какимъ-то холоднымъ благоговѣніемъ.

Софи, новая питомица ея, которая съ нынѣшняго дня отдавалась главнымъ образомъ подъ ея опеку и должна была раздѣлить съ ней и спальню, повидимому сочувствовала ей въ стремленіяхъ къ чистотѣ и порядку.

Miss Morrison сидѣла выпрямившись на своемъ креслѣ и, стуча длинными спицами вязанья, изрѣдка кидала на нее поверхъ большихъ очковъ внимательные взгляды; видя какъ акуратно складывала и развертывала Софи свои вещи, англичанка все больше успокоивалась.

Сначала, узнавъ что Софи будетъ спать у нея, она очень встревожилась, боясь, что та своимъ присутствіемъ въ ея комнатѣ станетъ производить такой же безпорядокъ, какой бывало производила Нэдъ, когда до поступленія M-elle Mignard спала съ Miss Morrison, которая въ концѣ-концовъ категорически объявила Юліи Андреевнѣ, что или она будетъ вынуждена покинуть ихъ домъ, или пусть Нэдъ переведутъ изъ ея комнаты.

Тогда Нэдъ, къ полному восторгу какъ своему, такъ и англичанки, была переведена къ M-elle Mignard, которая была взята къ нимъ въ домъ въ то самое время.

Спальня Нэдъ и M-elle Mignard являла полный контрастъ спальнѣ Miss Morrison. Въ ней всегда былъ безпорядокъ; платья и тетради валялись на креслахъ и на столахъ вмѣстѣ съ туфлями и коробками конфектъ. Горничная поминутно ходила и убирала, но едва она успѣвала убрать, какъ все снова оказывалось почему-то разбросаннымъ За то подлѣ окна стоялъ пышный тюлевый, на розовомъ чехлѣ, туалетъ, подобно этажеркамъ и комоду сплошь заставленный массою всякихъ бездѣлушекъ въ видѣ бонбоньерокъ, флаконовъ и т. п., къ которымъ у M-elle Mignard была положительно какая-то страсть. Надо сказать правду, что главный безпорядокъ въ комнатѣ производила все-таки Нэдъ, но и M-elle Mignard относилась къ нему довольно равнодушно. Если Miss Morrison щеголяла чистымъ и свѣжимъ воздухомъ, то M-elle Mignard и Нэдъ не могли имъ похвастаться; у нихъ всегда пахло духами, колбасой, сыромъ, апельсинами и тому подобной провизіей, хранившейся по ящикамъ комода M-elle Mignard.

И Нэдъ, и M-elle Mignard, считавшая себя почему-то южанкой и приходившая въ ужасъ отъ русскихъ морозовъ, обѣ любили тепло и по цѣлымъ днямъ топили свой каминъ, чѣмъ всегда раздражали Miss Morrison и принуждали ее поневолѣ сидѣть съ затворенными наглухо дверями, изъ боязни, чтобы и къ ней въ комнату не ворвался этотъ „ужасный жаръ“.

И M-elle Mignard, и Нэдъ очень любили свою комнату, гдѣ были изолированы почти отъ всякаго непріятнаго присмотра и могли дѣлать все что̀ хотѣли. Но особенно уютною она казалась имъ иногда по вечерамъ, когда онѣ устраивали въ ней маленькіе ужины. Дождавшись того времени, когда Miss Morrison запирала свою дверь, а Юлія Андреевна уѣзжала куда-нибудь въ театръ или на вечеръ, онѣ посылали горничную Машу въ лавку за яицами, колбасой, сардинками и финиками, и когда она возвращалась, осторожно неся подъ передникомъ разные фунтики и пакеты, онѣ запирали на задвижку свою дверь и всѣ втроемъ начинали приготовлять импровизованный ужинъ. Варили яйца, пекли въ горячей золѣ камина каштаны, поджаривали на огнѣ черный хлѣбъ съ масломъ и съ наслажденіемъ ѣли грошевую колбасу, купленную Машей въ сосѣдней мелочной лавкѣ, заѣдая все это апельсинами и леденцами и запивая лимонадомъ. Маша была ихъ сообщницей и, раздѣляя ихъ лакомства, сторожила у дверей, пока онѣ кушали.

M-elle Mignard эти ужины напоминали то чудное время, когда она, служа еще перчаточной продавщицей въ своемъ миломъ Парижѣ, возвращалась бывало по вечерамъ къ себѣ въ мансарду и принималась собственноручно приготовлять себѣ обѣдъ; а Нэдъ предпочитала ихъ самымъ изысканнымъ и тонкимъ блюдамъ дорогаго Таненбаумовскаго повара. Они восхищали ее своей таинственностью, необычайнымъ меню и тѣмъ безотчетнымъ, тревожнымъ страхомъ, которымъ охватывало всю ее и который ей именно и нравился. Она старалась не шумѣть ножами, говорила шепотомъ, прислушиваясь къ каждому шороху за дверями, и вздрагивала, испуганно смѣясь каждый разъ, какъ въ каминѣ съ трескомъ разрывались каштаны или хлопала пробка отъ лимонада. Если-бы Юлія Андреевна узнала про эти ужины, имъ всѣмъ троимъ пришлось бы очень плохо; но до сихъ поръ онѣ еще ни разу не попались. Юлія Андреевна рѣдко входила къ нимъ, предпочитая приглашать ихъ къ себѣ, а Miss Morrison, съ тѣхъ поръ какъ Нэдъ поступила въ вѣдѣніе M-elle Mignard, относилась и къ ней, и къ M-elle Mignard съ холоднымъ и гордымъ презрѣніемъ, считая своей обязанностью преподавать Нэдъ только уроки англійскаго языка и ни до чего остальнаго не желая касаться.

M-elle Mignard почти совсѣмъ не говорила по русски. Маша ни слова не понимала по французски, но Нэдъ служила имъ переводчицей, и всѣ втроемъ онѣ весело смѣялись и болтали другъ съ другомъ. Маша и Нэдъ учили M-elle Mignard русскимъ словамъ, а M-elle Mignard Машу французскимъ, но обѣ ученицы такъ коверкали всѣ слова, что Нэдъ умирала отъ смѣха.

Послѣ подобнаго ужина Маша собирала грязныя тарелки, ножи, остатки закусокъ и съ торжественною таинственностью уносила ихъ опять подъ передникомъ на кухню, а M-elle Mignard и Нэдъ раздѣвались, брали какіе-нибудь французскіе романы и, улегшись въ постель, принимались за чтеніе.

(Продолженіе будетъ).

„Христосъ Воскресе!“

Разсказъ П. Полевого.

I.

Лучи яркаго апрѣльскаго солнца весело играли на зеркалахъ и бронзѣ маленькой и уютной гостиной Егора Ивановича Подольскаго, извѣстнаго петербургскаго адвоката и члена всякихъ акціонерныхъ обществъ, товариществъ и компаній—когда двое дѣтокъ его, Женя и Соня, подкрались на цыпочкахъ къ двери изъ гостиной въ кабинетъ и остановились передъ нею въ смущеніи, словно пугаясь заранѣе того, что̀ собирались предпринять.

— Ты постучи первая, а я потомъ, говорилъ шестилѣтній мальчуганъ Женя, остриженный въ скобку, по русски, румяный и пучеглазый.

И онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ теребилъ кисть тяжелой портьеры.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Освященіе пасхи. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Ижакевича, грав. Барановскій.

— Нѣтъ! Ты стучи первый—ты мальчикъ! Дядя Петя мальчиковъ больше любитъ, чѣмъ дѣвочекъ,—отвѣчала Женѣ скороговоркой восьмилѣтняя Соня, бойкая и прехорошенькая шалунья, съ распущенными по плечамъ, чудесными, густыми бѣлокурыми волосами.

— Да ты его знаешь, а я его совсѣмъ не знаю! Какъ-же я буду стучать къ незнакомому дядѣ?

— Какой ты глупый! Онъ — дядя; значитъ — папинъ братъ. Какъ-же онъ можетъ быть незнакомый? Онъ только давно не былъ въ Петербургѣ...

— Да я его никогда не видалъ. Какой онъ? Черный или какъ папа?

— Онъ очень добрый, очень веселый—я его чуть-чуть помню... И говорятъ, какихъ игрушекъ намъ привезъ! Изъ Парижа! Стучи скорѣе!

Извѣстіе о привезенныхъ игрушкахъ поколебало Женю. Онъ легонько стукнулъ въ дверь кулачонкомъ. Соня какъ будто только этого и ожидала, и застучала въ дверь очень нетерпѣливо.

— Дядя Петя! Вставай! Пора! Наши всѣ за чаемъ! звонко прокричала она.

— Сейчасъ, сейчасъ, дѣтки! Одѣваюсь! отвѣчалъ изъ-за двери пріятный мужской голосъ.

Какъ разъ въ это время въ гостиную вошла бонна и очень строго обратилась къ дѣтямъ:

— Это еще что за выдумки? Зачѣмъ вы дяденьку безпокоите? Извольте уйти отсюда...

— Полина Ивановна! Голубушка! залепетала Соня. — Позвольте минуточку...

— Уходите, уходите! И кто васъ сюда пустилъ? Вы никогда сюда не ходите!.. И вдругъ въ дверь стучать!

— Да это не я, Полина Ивановна! Это Женя первый постучалъ! Право онъ... А я только потомъ...

Но неумолимая бонна уже брала дѣтокъ за руки, собираясь ихъ увести, когда дверь въ кабинетъ отворилась и на порогѣ показался самъ дядя Петя, in propria persona,—человѣкъ средняго роста, сухаго и крѣпкаго сложенія, съ пріятными и умными чертами лица и сильною просѣдью въ темнорусыхъ волосахъ и бородѣ.

— Постойте, постойте, Полина Ивановна! заговорилъ онъ, обращаясь къ боннѣ,—дайте мнѣ на нихъ посмотрѣть, дайте полюбоваться! Вѣдь я же ихъ года четыре не видалъ—съ тѣхъ поръ какъ за-границу уѣхалъ... Здравствуйте, дѣтки! Здравствуйте! Hope-la! Полѣзайте на колѣни, цѣлуйте дядю! Требуйте подарковъ!

— Подарки-то ужь лучше бы до Свѣтлаго праздника оставить! рѣшилась было замѣтить бонна.

— Нѣтъ, дядя, лучше теперь... шепнула Соня, которая уже обвила шею дяди своими рученками, между тѣмъ какъ Женя сидѣлъ у дяди на колѣняхъ, и не смѣя ласкаться къ нему, поглядывалъ на него съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Ну, если теперь, такъ теперь—вотъ только пойдемъ со всѣми поздороваемся; а тамъ—вамъ и ключи въ руки, берите сами изъ сундука.

И Петръ Ивановичъ Подольскій отправился въ столовую, неся Женю на плечѣ и ведя Соню за руку.

Въ столовой, весьма изящно и уютно обставленной, Петра Ивановича уже ожидали. Егоръ Ивановичъ, человѣкъ лѣтъ сорока, толстый, румяный и плѣшивый, въ очкахъ и съ небольшой подстриженной бородкой, въ мягкомъ шелковомъ халатѣ съ плюшевой подкладкой и отворотами, сидѣлъ развалившись въ креслѣ и безпрестанно оглядывался на дверь гостиной изъ-за своей газеты. Его супруга, очень миловидная брюнетка, лѣтъ подъ тридцать, стройная и граціозная, разливала ароматный кофе по фарфоровымъ чашкамъ, и вполголоса распрашивала мужа о привычкахъ и вкусахъ его брата, котораго она собиралась принять и угостить на славу, какъ дорогаго гостя.

— А вотъ и онъ самъ на лицо! Пусть самъ тебѣ разскажетъ—что̀ онъ любитъ! смѣясь сказалъ Егоръ Ивановичъ, указывая женѣ на Петра Ивановича, входившаго въ столовую съ дѣтьми.

— Что̀ я люблю? Я все люблю... Я человѣкъ покладливый—туристъ по натурѣ и по вкусамъ! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, опускаясь на стулъ около стола.

— Ну, а вотъ Amélie все хлопочетъ, чтобы тебя какимъ-то необыкновеннымъ кофеемъ угостить!.. По парижской методѣ, молъ, варенъ—въ какомъ-то черномъ глиняномъ кофейникѣ... Ха, ха, ха!

— Ахъ, перестань! замѣтила жена съ улыбкой.—Ни о чемъ я не хлопотала... Мы всегда такъ кофе варимъ.

— Спасибо, Amélie, за хлопоты... только я, признаюсь, охотнѣе бы выпилъ чаю. Я такъ давно его не пилъ. А кофе, вареный по всѣмъ методамъ, мнѣ ужасно надоѣлъ...

И онъ протянулъ руку за стаканомъ чая. Но какъ разъ въ это время ему попалось на глаза лицо Сони, которая упорно смотрѣла въ лицо дяди и, видимо, чего-то страстно ожидала, не смѣя выразить словами своего желанія.

— Ахъ я, колпакъ! Я и забылъ, что обѣщалъ тебѣ дать ключи отъ сундука, Сонюшка! Вотъ тебѣ они—бери, захватывай съ собою и братишку, и Полину Ивановну. Ступайте, отпирайте—и вынимайте. Тамъ—съ боку, въ отдѣленьи, положено...

Дѣтямъ не нужно было повторять; забравъ ключи дядинаго сундука, они уцѣпились рученками за бонну, и почти бѣгомъ потащили ее въ кабинетъ.

— Какой былъ, такимъ и остался! съ улыбкою замѣтилъ Егоръ Ивановичъ, обращаясь къ женѣ и указывая на брата.— Отличный бы изъ него вышелъ семьянинъ; il a de l'étoffe... Женѣ-бы туфли подавалъ, съ дѣтками-бы нянчился... Право, Amélie, его бы женить надо! Женимъ его...

Amélie только улыбнулась лукаво и замѣтила мужу:

— Не дурно бы тебѣ отъ Петра Ивановича кое-что перенять! Вотъ посмотри-ка онъ какой: съ утра чистенькій, во всемъ нарядѣ... А у тебя до завтрака халатъ да халатъ. Вѣрите-ли, Петръ Ивановичъ, всѣхъ, даже дамъ—въ халатѣ принимаетъ. Фи, какая гадость! И отучить не могу!

— Ахъ, матушка! Да развѣ ты не знаешь, что для настоящаго адвоката только и есть два наряда—халатъ да фракъ. Изъ фрака въ халатъ; изъ халата — во фракъ... И пошелъ: гг. судьи! гг. присяжные засѣдатели! А что ты о дамахъ говоришь—объ этихъ, что по утрамъ ко мнѣ ходятъ—такъ вѣдь это не дамы, а мои кліенты, юридическія дамы! Это совсѣмъ иное дѣло... Она прибѣгаетъ высказаться, душу свою облегчить, по бракоразводному или по инымъ дѣламъ — такъ ты только прими ее, да выслушай не прерывая. А о костюмѣ ей и заботы нѣтъ!

— Безцеремонные россійскіе порядки! съ улыбкою замѣтилъ Петръ Ивановичъ. — А, впрочемъ, долженъ я тебѣ сказать, что я по этимъ россійскимъ порядкамъ немного даже соскучился... Въ послѣднее время заграницей мнѣ ихъ недоставало: — надоѣла ужь очень эта чопорность, эта опредѣленность и точность во всемъ. Все какъ по часовому механизму... разсчитано, размѣрено...

— То-то, братъ! И точно, видно:

Когда постранствуешь, воротишься домой —
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

— Да, да! Именно „дымъ“ и всякая всячина! Все — до мелочей! Все то, среди чего мы ростемъ и развиваемся съ дѣтства, что мы привыкаемъ около себя видѣть — все! Я, признаюсь, даже такъ нарочно и подогналъ — пріѣхать въ Петербургъ въ началѣ Страстной недѣли, чтобы съ вами, въ нашей русской семьѣ, провести Страстную и Святую; а тамъ ужь думать о самостоятельномъ устройствѣ жизни. А я такъ давно не былъ въ русской церкви — не слыхалъ этой дивной великопостной службы нашей, этого пѣнія... Я все это такъ люблю! А заутреня подъ Свѣтлый праздникъ... Эти христосованья... эти радостныя лица! А наше розговѣнье — сытое, широкое, съ обильными блюдами и яствами, съ обильнымъ угощеньемъ... Всѣ эти куличи да пасхи... Вѣдь, знаешь-ли, это такъ въѣдается въ насъ съ дѣтства, что вотъ теперь, когда я прожилъ слишкомъ четыре года за границей, и ничего этого не испыталъ, эти впечатлѣнія у меня не изгладились — я ихъ жажду, я ихъ хочу, я ихъ желаю вновь испытать!..

— Фу, батюшки! Да ты тамъ поэтомъ сталъ — ты ужь стиховъ не пишешь-ли? смѣясь замѣтилъ Егоръ Ивановичъ. — Ты о куличахъ и пасхахъ съ такимъ паѳосомъ говоришь, что у меня слюнки текутъ и на Страстной, да еще въ началѣ.. Ты меня, пожалуй, въ грѣхъ введешь? Ну, слышала, Amélie? Смотри же, отличись передъ братцемъ... И такое заготовь ему розговѣнье...

Порывистый звонокъ перервалъ рѣчь Егора Ивановича.

— Дама вчерашняя желаютъ васъ по дѣлу видѣть, доложилъ вошедшій лакей.

— Ахъ, Господи! Да ты сказалъ бы, что я не принимаю, не одѣтъ — въ халатѣ! съ притворною досадой отозвался Егоръ Ивановичъ.

— Я говорилъ-съ. Да онѣ говорятъ, ничего-молъ. Очень-молъ нужно переговорить!

— Вотъ онѣ — юридическія-то дамы! Отъ нихъ и на Страстной покоя нѣтъ! Ну, что же — проси!

II.

Петръ Ивановичъ говорилъ совершенно искренно, что соскучился по Россіи послѣ долгаго пребыванія за границей. И онъ, дѣйствительно, во время долгаго пути изъ Парижа въ Петербургъ, съ особеннымъ удовольствіемъ мечталъ о русской веснѣ, о русской Пасхѣ, о томъ какъ онъ пріятно проведетъ недѣльки двѣ въ тепломъ углу, въ семьѣ брата, прежде чѣмъ начнетъ заботиться объ устройствѣ своей одинокой, скучной жизни. Въ тотъ день, когда онъ выѣзжалъ изъ Парижа, на солнцѣ было 22° по Реомюру, цвѣточный рынокъ около Маделэны былъ въ полномъ разгарѣ; деревья въ садахъ и на бульварахъ были покрыты роскошною, свѣжею зеленью; толпы разодѣтаго народа осаждали конторы омнибусовъ, спѣша выѣхать за городъ и подышать свѣжимъ воздухомъ... А онъ спѣшилъ на Сѣверную желѣзную дорогу, стремился неудержимо къ „Сѣверу милому“—и мечталъ о русской глуши, о таломъ снѣгѣ подъ откосами холмовъ, о вешнихъ бурлящихъ ручьяхъ по глубокимъ оврагамъ, о невозможныхъ русскихъ проселкахъ, о широкихъ, могучихъ разливахъ русскихъ рѣкъ и о жаворонкахъ,

заливающихся серебристыми трелями въ яркомъ воздухѣ надъ мокрыми еще полями. Мечталъ онъ и о многомъ другомъ, связанномъ съ отдаленными воспоминаніями о веснѣ и о молодости — но быстро спохватывался, и сдерживалъ невольные порывы своего воображенія, благоразумно вспоминая о томъ, что ему уже стукнулъ сорокъ пятый годъ и сѣдина обильно серебритъ его волосы на головѣ и въ бородѣ...

И вотъ онъ пріѣхалъ наконецъ и помѣстился у брата, радушно встрѣченный всей его семьей — и не успѣлъ еще наговориться съ Егоромъ Ивановичемъ и съ женой его о впечатлѣніяхъ своего долгаго пребыванія заграницей, о своихъ литературныхъ трудахъ и объ архивныхъ работахъ, не успѣлъ еще налюбоваться на своихъ племянниковъ, какъ случилось съ нимъ нѣчто весьма странное и никѣмъ не ожиданное...

— Петръ Ивановичъ! говорила ему Amélie, прощаясь съ нимъ вечеромъ, въ день пріѣзда, — вы, можетъ быть, привыкли читать на сонъ грядущій? Такъ вотъ не хотите-ли газетъ сегодняшнихъ? Тутъ ихъ цѣлая куча.

— Нѣтъ! Развѣ другое что-нибудь... А отъ газетъ увольте... Я еще не достаточно привыкъ къ Россіи, чтобы спокойно читать наши газеты. Онѣ меня волнуютъ и бѣсятъ... Вотъ развѣ недѣльки черезъ двѣ... Спокойной ночи!

И онъ ушелъ не взявъ съ собою газетъ, и оставилъ ихъ на столѣ въ гостиной. А на другой день, когда дѣтки Егора Ивановича пошарили въ дядиномъ сундукѣ и вытащили себѣ оттуда разныя парижскія игрушки и бездѣлушки, они вдругъ такъ сошлись съ Петромъ Ивановичемъ, что ужь его ни на шагъ отъ себя не отпускали. Женя все вертѣлся около его ногъ, и засыпалъ его вопросами; а Соня занимала его разговорами, не выпуская изъ рукъ своей парижской куклы.

— Вотъ видишь, дядя, ты мнѣ какую умную куклу привезъ! Она умѣетъ говорить и „*папа*", и „*мама*", и „*oui*", и „*non*"... Только вотъ читать не умѣетъ — да я ее читать выучу! Я хорошо умѣю читать. Хочешь я тебѣ покажу, какъ я читаю?..

— Нѣтъ! Теперь мнѣ некогда. Я въ церковь собираюсь. Къ службѣ опоздаю, пожалуй.

— Не опоздаешь, не опоздаешь, дядя! Слушай — я скоро тебѣ почитаю...

И она, не обращая вниманія на доводъ дяди, вскочила къ нему на колѣни, схватила со стола первую попавшуюся газету и въ отдѣлѣ провинціальныхъ извѣстій стала очень бойко и громко читать какую-то корреспонденцію изъ города П**.

Петръ Ивановичъ, который сначала поддался желанію дѣвочки съ полуулыбкой, едва только вслушался въ первыя строки корреспонденціи, вдругъ измѣнился въ лицѣ, откинулся на спинку кресла, прослушалъ еще нѣсколько строкъ—и не могъ болѣе выдержать.

— Довольно, довольно, дружокъ мой! проговорилъ онъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ; спустилъ Соню съ колѣнъ, быстро схватилъ газету со стола, ушелъ въ кабинетъ, и заперся тамъ на ключъ.

Озадаченная Соня переглянулась съ братомъ и побѣжала къ мамѣ разсказывать, что дядя на нее за что-то разсердился.

Часа два спустя, завтракъ былъ поданъ въ столовой и какія то очень вкусныя, чисто-русскія блюда, придуманныя супругою Егора Ивановича, уже стояли на столѣ, аппетитно прикрытыя серебряными колпаками. Самъ Егоръ Ивановичъ, отдѣлавшійся отъ пріема кліентовъ, уже подвязалъ подъ бороду бѣлоснѣжную салфетку, и налилъ двѣ рюмки листовки, настоящей домашней листовки, поджидая брата, который все еще не выходилъ изъ кабинета.

— Да зови-же его, обратился Егоръ Ивановичъ къ лакею.— Вѣдь все простынетъ—да и адмиральскій часъ пройдетъ!

Лакей побѣжалъ и вернулся нѣсколько озадаченный.

— Петръ Ивановичъ заперлись, и васъ самихъ просятъ къ нимъ пожаловать...

Тревога вдругъ изобразилась на всѣхъ лицахъ.

— Что-же это съ нимъ? Вѣрно боленъ? Не понимаю... пробормоталъ Егоръ Ивановичъ.

— За докторомъ не послать-ли? спросила съ безпокойствомъ Amélie.—А то не по телефону-ли изъ суда вызвать?

Егоръ Ивановичъ, ничего не отвѣчая, пожалъ плечами, очень неохотно снялъ съ шеи салфетку и пошелъ къ дверямъ кабинета, неслышно ступая по коврамъ своими бухарскими сафьянными сапогами.

Онъ нашелъ брата въ кабинетѣ за очень странною работой. Петръ Ивановичъ поспѣшно укладывалъ въ маленькій дорожный чемоданъ бѣлье и платье.

— Что ты! что ты! Съ ума сошелъ? почти съ ужасомъ воскликнулъ Егоръ Ивановичъ.

— Полно говорить пустяки! Запри двери на ключъ и выслушай меня. Въ двѣ минуты все тебѣ скажу.

Егоръ Ивановичъ опустился на стулъ и взглянулъ въ лицо брата. Оно было неузнаваемо—блѣдно, взволнованно, глаза блестѣли лихорадочнымъ блескомъ... Голосъ дрожалъ, когда онъ заговорилъ:

— Я... я долженъ ѣхать! Я... ѣду. Не разспрашивай меня — черезъ недѣлю все узнаешь. Дѣло такое... важное... Не скрою... моя судьба отъ него зависитъ, и я здѣсь оставляю тебѣ, на всякій случай, всѣ мои распоряженія... и письма, которыя разошлешь по адресамъ, если я не вернусь...

Петръ Ивановичъ указалъ на письма, положенныя на столѣ.

— Въ большомъ пакетѣ, продолжалъ онъ,—мое духовное завѣщаніе, которое, я надѣюсь, ты исполнишь съ буквальною точностью. Оно написано еще передъ отъѣздомъ за-границу... Ну, прощай!

И онъ подошелъ къ брату, застегивая на всѣ пуговицы дорожный, просторный пиджакъ и бережно укладывая въ боковой карманъ изящный дорожный револьверъ.

Егоръ Ивановичъ поднялся со своего кресла, совсѣмъ оторопѣлый... Въ его адвокатской практикѣ не бывало такого страннаго случая!.. Онъ хотѣлъ удержать брата, остановить. Но тотъ крѣпко обнялъ его, поцѣловалъ—и рѣшительно вскинувъ плэдъ на руку, взялся за чемоданчикъ.

— Pierre! Что съ вами? куда это вы? съ безпокойствомъ спросила Петра Ивановича Amélie, загораживая ему дорогу въ дверяхъ кабинета.

— Сестрица! Спасибо за участіе — но я не могу терять ни минуты времени... Боюсь опоздать на почтовый поѣздъ Николаевской дороги... Прощайте! Егоръ вамъ все разскажетъ...

И онъ поспѣшно, на ходу поцѣловалъ у нея руку—и уѣхалъ, оставивъ обоихъ супруговъ въ величайшемъ недоумѣніи.

— Да что-же это такое? Вѣдь это ужасно! сказала наконецъ Amélie, обращаясь къ мужу. — Объяснишь-ли ты мнѣ эту загадку?

— Какъ объяснить, когда я самъ ничего не знаю? Вѣдь тутъ не судъ: тамъ иногда соврешь, и басню придумаешь на пользу кліента—а тутъ? Тутъ и самъ ничего не понимаю! Зайчики у него въ мозгу бѣгаютъ—больше ничего!

— Да что-же онъ тебѣ сказалъ?

— Ну, сказалъ: долженъ ѣхать, моя судьба рѣшается! Очень, молъ, важно... Черезъ недѣлю узнаешь... А если не вернусь—вотъ завѣщаніе мое и письма!..

— Мнѣ Соня прибѣжала сказать, что дядя разсердился на нее: она ему стала газету читать, а онъ у нея вдругъ газету вырвалъ, убѣжалъ въ кабинетъ и заперся на ключъ...

— Что за сумбуръ? Гдѣ-же эта газета?

— Вотъ, на столѣ и лежитъ...

Егоръ Ивановичъ схватилъ газету, быстро оглядѣлъ ее и съ досадою бросилъ на столъ: корреспонденція изъ города П*** была тщательно вырѣзана. Загадка оставалась загадкою, по крайней мѣрѣ до того времени, когда добудутъ цѣльный экземпляръ этого нумера газеты...

III.

Вѣра Николаевна Чернова, вдова виднаго земскаго дѣятеля и крупнаго землевладѣльца П—ской губерніи, въ концѣ Великаго поста, проводивъ изъ П*** своего старшаго сына, драгунскаго офицера, и свою дочь, недавно выданную замужъ, почувствовала себя вдругъ ужасно одинокою. Едва дождавшись полугодинъ по смерти мужа, отслуживъ по немъ заупокойную обѣдню и наслушавшись досыта всякихъ хвалебныхъ рѣчей о его незабвенныхъ заслугахъ, о его достоинствахъ и гражданскихъ доблестяхъ—она всѣхъ сердечно поблагодарила, всѣмъ сдѣлала прощальные визиты и ото всѣхъ поспѣшила удалиться въ свою „Отраду",—небольшое, лично ей принадлежавшее имѣньице, въ ста верстахъ отъ П***.

„Теперь наступаетъ весенняя ростепель", думала Вѣра Николаевна, „дорога не сегодня-завтра рушится... Никому, конечно, и въ голову не придетъ ко мнѣ нагрянуть въ деревню, пока не просохнетъ нашъ проселокъ. И вотъ я въ *Отрадѣ* чудесно проведу Страстную и Святую—тихо, какъ я люблю... Безъ людей... надоѣли они мнѣ со своимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ! А еще надъ нѣмцами смѣются, что у тѣхъ траурными конфектами на похоронахъ угощаютъ, а потомъ Condoliren въ домъ покойника ѣздятъ."

Собралась — и уѣхала; и послѣ двухдневнаго довольно непріятнаго пути, добралась наконецъ до своей благодатной глуши... Въ одну сторону сто верстъ до губернскаго города, въ другую—70 верстъ до уѣзднаго города К**; нѣтъ ни одного сосѣда ближе, какъ на десять верстъ... Даже приходъ—и тотъ въ 8 верстахъ отъ усадьбы. А усадьба — прелесть! Чудный, старинный садъ спускается къ рѣчкѣ густыми, тѣнистыми, нѣсколько запущенными аллеями; весь домъ кругомъ заглохъ непролазною чащею сиреневыхъ кустовъ, которые такъ и лѣзутъ въ окна и въ промежутки между столбами балкона, выходящаго въ садъ. Полѣвѣе отъ балкона, изъ-за повалившагося рѣшетчатаго забора, виденъ уголокъ фруктоваго сада, съ зацвѣтающими грушевыми и яблонными деревьями; поправѣе, на особой, тщательно огороженной лужайкѣ—пасѣка, съ стоячими и лежачими колодами, которыя только что вынесли на солнце изъ темнаго амшеника, гдѣ зимовали пчелы. Тишина и благодать — истинная *Отрада*!

Вѣра Николаевна, на первыхъ порахъ, нарадоваться не могла этой благодати и тишинѣ. За послѣдніе полгода, послѣ смерти мужа, ей такъ надоѣли люди, хлопоты, дѣла, отношенія, что ей давно хотѣлось подальше уйти отъ всего этого. И вотъ наконецъ настала минута этого благодатнаго отдыха... Она—одна, свободна, и все время вполнѣ ей принадлежитъ. Что хочетъ

Весенняя выставка Импер. Академіи Художествъ. Поясной портретъ старушки.
Съ карт. Э. Г. Дукшта-Дукшинской (право воспроизведенія въ гравюрѣ пріобрѣтено „Нивой"), грав. Барановскій.

Весенняя выставка Импер. Академіи Художествъ. Жидовочка.
Карт. Х. П. Платонова (право гравированія пріобрѣтено „Нивой"), грав. Флюголь.

то и дѣлаетъ, никого не спрашиваясь, ни о комъ не заботясь... Дѣти пристроены и уже стоятъ на своихъ ногахъ; у нихъ хорошее, обезпеченное состояніе; у нея—тоже свои средства, достаточныя для ея незатѣйливыхъ потребностей...

„Поотдохну немного,—мечтала Вѣра Николаевна,—а тамъ и примусь за что-нибудь... Придумаю, какъ получше устроить жизнь свою! Вѣдь въ 36 лѣтъ жизнь женщины ужъ прожита—ее такъ немудрено устроить!"

Но она почему-то все же задумывалась на этомъ пунктѣ своихъ мечтаній, и, видимо, старалась не заглядывать въ будущее и не думать о прошедшемъ.

Первою заботою Вѣры Николаевны, по пріѣздѣ въ усадьбу, были, конечно, разныя необходимыя хозяйственныя распоряженія, которыя и заняли у ней почти сплошь дня три—даже болѣе. Затѣмъ начались заботы и хлопоты о наступающемъ праздникѣ: надо было подумать объ угощеніи народа и духовенства, которое ужъ конечно не преминетъ посѣтить пріѣхавшую въ помѣстье помѣщицу, и посѣтить, какъ водится, со всѣми чадами и домочадцами. Когда всѣ эти хлопоты окончились и приняты были всѣ надлежащія мѣры по домашнему хозяйству, началось мытье и чистка во всѣхъ комнатахъ, началось сметанье пыли со шкаповъ, выворачиванье и вытряхиванье ящиковъ въ комодахъ, омовеніе иконъ, и прочая комнатная суматоха, отъ которой Вѣра Николаевна спѣшила уйти въ садъ и на балконъ, съ какою-нибудь ручною работой или съ книжкой.

И вотъ, какъ разъ въ Великій Четвергъ, сидѣла она на балконѣ и разсѣянно перелистывала одинъ изъ послѣднихъ разсказовъ Мопассана, вывезенный изъ города, когда явилась къ ней на балконъ старая ея ключница, Меланья Семеновна, и спрашивала ее недовольнымъ тономъ:

— А что-же, сударыня, все чистить, все обметать приказали, а тотъ пузатенькій шкапикъ, что у васъ въ спальнѣ стоитъ—не велѣли трогать... Вѣдь ужъ сколько лѣтъ его не отпирали! Чай, тамъ пыли на палецъ накопилось... Все къ Свѣтлому-то празднику...

— Оставь, Меланья Семеновна... я потомъ сама его открою и почищу... и пыль сотру...

Меланья Семеновна удалилась. Но вмѣстѣ съ нею и спокойствіе вдругъ покинуло Вѣру Николаевну. Она отложила книгу въ сторону, потомъ поднялась со ступеньки и стала ходить взадъ и впередъ по балкону.

„Пузатенькій шкафикъ", думала она. „Вотъ ужъ пять лѣтъ какъ я къ нему не прикасалась!.. И зачѣмъ она мнѣ о немъ напомнила? Тамъ, на средней полкѣ, *всѣ его письма*... Собраны, сложены по годамъ, по числамъ!.. И вотъ ужъ пять лѣтъ, какъ я ему не писала ни строки... какъ онъ мнѣ далъ слово не писать *для моего спокойствія*... Тамъ все, что мнѣ о немъ напоминаетъ—что я старалась забыть, удалить отъ себя... И даже нарочно завезла сюда, зная, что мужъ не любитъ моей *Отрады* и не поѣдетъ сюда... И зачѣмъ ей нужно было мнѣ напомнить объ этомъ несчастномъ шкафикѣ!"

И она ходила взадъ и впередъ по балкону—она волновалась давно-забытымъ волненіемъ, она старалась пересилить себя—и не могла совладать съ собою.

Вся тонкая паутина хитросплетеній и уловокъ, которыми Вѣра Николаевна старалась сама себя успокоить и утѣшить, отгоняя отъ себя всякіе помыслы о *немъ* и о своемъ прошломъ,—все это порвалось и разлетѣлось прахомъ отъ одного напоминанія объ этомъ злосчастномъ дѣдовскомъ пузатомъ шкафикѣ краснаго дерева. Ей припомнилось все... И долгая, долгая исторія ихъ любви — чистая, прекрасная, горячая, полная самоотверженія и страданій. И твердый, мужественный нравственный обликъ любимаго человѣка, который — она это знала — жилъ только ею, никого и никогда не любилъ, кромѣ ея, только ей хотѣлъ посвятить всю жизнь свою... И она сравнивала его невольно со своимъ скучнымъ мужемъ, несносно-мелочнымъ, вѣчно занятымъ провинціальными дрязгами и земскими сплетнями, вѣчно-готоваго повторять однѣ и тѣ же давно опошлившіяся либеральныя теоріи. Съ чувствомъ особеннаго отвращенія она вспоминала о любви этого мужа, которому никогда не отвѣчала на его чувства, такія-же мелкія, такія-же непривлекательныя, какъ онъ самъ...

И потомъ ей вдругъ вспоминалась сцена послѣдняго прощанья съ *нимъ*—вспоминалась до мельчайшихъ подробностей. Она сидѣла на полу и жгла въ каминѣ письма, которыя *онъ* ей вернулъ передъ отъѣздомъ за-границу; а *онъ* стоялъ въ сторонѣ, опершись на столъ, и молча смотрѣлъ въ огонь. Когда послѣдняя струйка пламени пробѣжала синею змѣйкой по послѣднему листочку письма, онъ подошелъ къ ней, медленно протянулъ ей руку и сказалъ:

— Ну, вы теперь должны быть довольны... Вы все у меня отняли!

Ей показалось, что слезы блестѣли у него на рѣсницахъ.

— Прощайте, поспѣшила она сказать, чувствуя, что не владѣетъ собою, что готова броситься ему на шею.

— Прощайте; теперь не скоро обо мнѣ услышите. Я сдержу свое слово, и писать вамъ не буду.

Онъ пожалъ ей руку и вышелъ изъ комнаты; а на другой день уѣхалъ за-границу—и какъ въ воду канулъ.

И вдругъ, по какой-то особенной женской логикѣ, эта нить воспоминаній прерывалась и Вѣра Николаевна переходила къ совершенно инымъ мыслямъ:

„Онъ сдержалъ слово... А можетъ быть, это и къ лучшему... Можетъ быть, онъ, тамъ, гдѣ-нибудь, встрѣтилъ кого-нибудь... Вѣдь это такъ естественно! Вѣдь не можетъ же онъ любить меня и теперь... Можетъ быть, даже онъ и радуется теперь своей свободѣ и съ улыбкой вспоминаетъ о своемъ упрямствѣ... Конечно, вѣдь это было съ его стороны не болѣе какъ упрямство... Столько лѣтъ и такъ горячо любить меня, такъ нѣжно—безъ взаимности..."

И она долго, долго ходила быстрыми шагами взадъ и впередъ по балкону, и все думала о немъ, и все старалась успокоить, умиротворить разболѣвшееся сердце, и все говорила себѣ:

— Если даже и такъ... Что-же? Я бы все ему простила... Я все извиняю ему... Дай ему Богъ много, много счастья... Но я не напишу ему! Зачѣмъ?—ma place est prise! Пускай онъ будетъ счастливъ...

И она опустилась на скамью балкона и закрыла лицо руками... Тишина и благодать *Отрады*, и чудная весенняя природа, и ароматный запахъ расцвѣтающихъ кустовъ сирени, и серебристыя трели жаворонковъ въ небѣ — все это разомъ потеряло всю свою прелесть передъ тѣми воспоминаніями, которымъ предалась такъ неожиданно Вѣра Николаевна.

IV.

Насталъ Свѣтлый праздникъ. Вѣра Николаевна встала довольно поздно, потому что измучилась отъ поѣздки въ церковь, гдѣ непремѣнно хотѣла отстоять заутреню. На душѣ у ней было ужасно темно и грустно, и пусто. Ей даже не хотѣлось перемѣнить траурнаго платья; но Меланья Семеновна рѣшительно этому воспротивилась и сказала барынѣ, что „хоть ея и вдовье дѣло, а все же это не обычай. Въ Свѣтлый праздникъ и попъ свѣтлыя ризы надѣваетъ". И положительно спрятала черное платье, а на мѣсто его положила свѣтлое, простенькое, кашемировое, съ какой-то бархатной обшивочкой. Дѣлать нечего, пришлось повиноваться.

Одѣлась Вѣра Николаевна, вышла въ столовую, къ людямъ, собравшимся разговѣться, приняла поздравленія, похристосовалась—и поспѣшила уйти къ себѣ въ спальню. Она боялась, что не выдержитъ—и расплачется.

Особенно, когда къ ней кто-нибудь подходилъ и говорилъ ей: „Христосъ воскресе!"—у нея вдругъ такъ жутко становилось на сердцѣ, что она почти не могла владѣть собою.

Въ спальнѣ она поспѣшно подошла къ завѣтному, пузатому шкафику изъ краснаго дерева, открыла его дверцу и вынула оттуда тщательно перевязанную пачку старыхъ, милыхъ писемъ... Вотъ *его* почеркъ, вотъ *его* милый девизъ, вотъ условная подпись; вотъ подаренная ей на память, засушенная роза изъ Гефсиманскаго сада...

— О, Боже мой! неужели все это можно забыть! шепчетъ Вѣра Николаевна, цѣлуя дорогія строки.—Неужели и у него слова расходятся съ дѣлами... Неужели я не увижу его больше, и одна, одна буду доживать мою бѣдную жизнь?.. Нѣтъ, онъ вѣрно ничего не знаетъ; онъ вѣрно ничего не слыхалъ обо мнѣ... А можетъ быть и ожесточился, сѣтуя на меня,—можетъ быть и не хочетъ слышать...

Въ это время дверь спальни скрипнула и Меланья Семеновна вошла въ комнату.

— Сударыня! Мужикъ со штафетой пришелъ; вотъ и почту принесъ... Говоритъ, что ѣхалъ въ одноколкѣ отъ станціи, да бросилъ лошадь на селѣ: послѣднія восемь верстъ пѣшкомъ шелъ, въ водѣ по колѣна.

Вѣра Николаевна взяла письмо и газеты изъ рукъ ключницы, и съ недоумѣніемъ остановилась на депешѣ, сильно помятой и подмоченной. Въ ней стояло только: „Сейчасъ узналъ, выѣзжаю не медля. Буду на-дняхъ. Вашъ..."

Подпись невозможно было разобрать; но депеша была изъ Петербурга и отправлена дней пять тому назадъ.

Видя, что барыня все вертитъ телеграмму въ рукахъ, Меланья Семеновна рѣшилась ей напомнить о посланномъ...

— Расписаться извольте въ полученіи; да мужика-то не прикажете-ли угостить чѣмъ... Онъ еще, говоритъ, не разговлялся...

— Ну, да, да! Угостите его, покормите хорошенько. Да вотъ, передай ему...

Она сунула въ руку ключницы какую-то мелочь. Потомъ опять перечла депешу, опять попыталась разобрать подпись — и задумалась.

„Не можетъ быть, чтобы это отъ *него*.. Онъ въ Парижѣ, — мнѣ еще недавно о немъ оттуда писали... Кто же это собирается наградить меня своимъ посѣщеніемъ?.."

Но какъ бы то ни было, депеша произвела на Вѣру Николаевну своего рода впечатлѣніе — отвлекла ее отъ грустныхъ думъ и даже къ воспоминанію о прошломъ заставила отнестись спокойнѣе и мягче.

Такъ прошло еще часа два. Время подходило къ обѣду. А день былъ чудный, теплый, яркій; обильный теплый дождикъ

оросилъ наканунѣ землю, и апрѣльское солнце такъ припарило влажную рыхлую почву, что всѣ ея жизненныя силы какъ-бы просились наружу, какъ-бы вздымались къ небу въ тысячѣ ароматовъ и благоуханій. Вѣра Николаевна открыла окно, выходившее изъ спальни на дорогу, и задумчиво стала смотрѣть въ даль, на извилистую ленту грязнаго проселка, ярко блиставшаго на солнцѣ.

— Сударыня, извольте-ка посмотрѣть! раздался сзади ея голосъ Меланьи Семеновны; — у васъ глаза-то повострѣе моихъ... Никакъ это попъ нашъ въ одноколкѣ съ косогора спущается? Не съ дьячкомъ-ли? Коли они, такъ надо бы имъ въ гостиной угощенье особое приготовить.

Вѣра Николаевна стала пристально вглядываться, и ей дѣйствительно показалось, что въ одноколкѣ ѣдетъ попъ съ дьячкомъ. Она отправила Меланью Семеновну готовить угощеніе въ гостиной, а сама поспѣшно собрала письма и заперла ихъ въ завѣтный шкафикъ.

— Сударыня! докладывала черезъ нѣсколько минутъ Меланья Семеновна.—Мы съ вами не доглядѣли... Это не попъ, а кажись становой къ вамъ ѣдетъ... Бородка съ просѣдью—какъ у становаго. Вонъ сейчасъ на дворъ въѣзжаютъ... Только ужь грязи-то на нихъ — и Боже мой!

— Ну, что же? Проси въ гостиную, когда къ крыльцу подъѣдутъ, сказала Вѣра Николаевна, усаживаясь въ кресло и оправляя складки платья. — „Въ деревнѣ и становой — тоже гость“, подумала она съ улыбкой.

Вотъ кто-то точно подъѣхалъ къ крыльцу, взбѣжалъ на ступеньки, спросилъ что-то у прислуги—спѣшно, мимоходомъ... И тотчасъ послѣ того Вѣра Николаевна уже услышала чьи-то мужскіе шаги въ сосѣдней комнатѣ.

— Позвольте, я имъ доложу-съ, говорила Меланья Семеновна, — онѣ вотъ тутъ, въ гостиной.

Но пріѣзжій не ждалъ доклада, а шелъ прямо, на проломъ— и вдругъ явился въ дверяхъ гостиной...

Вѣра Николаевна взглянула на него не безъ смущенія — и замерла на мѣстѣ... Передъ нею стоялъ Петръ Ивановичъ Подольскій. Онъ немного похудѣлъ за послѣднія пять лѣтъ разлуки съ нею; на головѣ и въ бородѣ его сильно поприбавилось сѣдины; но глаза были все тѣ же: умные, добрые, смѣлые и ласковые... Только теперь эти глаза были полны тревоги, волненія и страха, страха невыразимаго. Онъ стоялъ на порогѣ, не смѣя войти въ гостиную; онъ смотрѣлъ на Вѣру Николаевну — и боялся заговорить, видимо боялся услышать звукъ собственнаго голоса...

И она смотрѣла на него, и не понимала, что съ нею дѣлается... Она не могла подняться съ мѣста: ноги у нея подкашивались; она не могла произнести ни одного слова. Хотѣла вскрикнуть отъ радости — и тоже не могла...

Онъ понялъ ея душевное настроеніе, собрался съ силами, и, радостно улыбаясь, сказалъ:

— Христосъ воскресе!

— Воистину воскресе! едва слышно проговорила Вѣра Николаевна, и поднялась ему навстрѣчу...

И точно камень у нихъ обоихъ съ сердца свалился...

Черезъ нѣсколько минутъ, оправившись отъ перваго волненія, она уже сидѣла съ нимъ рядомъ на диванѣ, и они оба, почти не слушая другъ друга, не отдавая себѣ отчета въ словахъ, говорили, говорили безъ конца, безпрестанно путая *ты* и *вы*, безпрестанно переходя отъ настоящаго къ воспоминаніямъ о прошломъ, отъ важнаго къ мелочамъ, отъ разсказовъ и сообщеній о тяжкихъ годахъ разлуки, къ смѣху и шуткамъ, невиннымъ и милымъ, какъ смѣхъ ребенка. Есть основаніе думать, что они такъ проговорили-бы и до вечера, забывъ обо всемъ на свѣтѣ; но Меланья Семеновна явилась имъ напомнить о дѣйствительности:

— Сударыня, да вы бы дорогаго-то гостя хоть обѣдомъ покормили? Вѣдь, чай, они съ дороги-то проголодались? Вонъ ужь и супъ несутъ на столъ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Хороша я хозяйка! Объ обѣдѣ забыла!

И Вѣра Николаевна поспѣшно поднялась съ дивана.

— Погоди, Вѣра! горячо сказалъ Петръ Ивановичъ, и взялъ ее за руку:—обѣдъ не уйдетъ... Мы о главномъ позабыли! Я позабылъ спросить тебя...

— О чемъ-же? нетерпѣливо переспросила Вѣра Николаевна, стараясь высвободить свою руку.

— Отвѣчай мнѣ прямо и безъ отговорокъ, и помни, что моя судьба въ твоихъ рукахъ... Выйдешь-ли ты теперь за меня замужъ?

— Ну, конечно! сказала Вѣра, съ радостнымъ удивленіемъ вперяя взоръ въ его лицо, просіявшее счастьемъ.

Черезъ два дня послѣ описаннаго нами свиданія, загадка вполнѣ разъяснилась для Егора Ивановича и Amélie слѣдующею лаконическою депешею:

„Христосъ воскресе! Сожги мои письма и завѣщаніе. Женюсь на Вѣрѣ Николаевнѣ Черновой. Вашъ Петръ.“

Тайны гильотины.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ французскому морскому врачу, состоявшему при Тонкинской экспедиціи, пришлось присутствовать при казни одного изъ предводителей „Черныхъ флаговъ“, попавшаго въ руки французовъ. Чтобы усилить впечатлѣніе казни на туземцевъ, она была произведена по обычаямъ той страны чрезъ обезглавленіе, а не посредствомъ разстрѣлянія. Приговоренный къ смерти, которому даже не связали рукъ, сталъ на колѣни, на усыпанной пескомъ площадкѣ, и склонилъ немного голову въ ожиданіи смертельнаго удара. Сѣкира палача блеснула, тѣло тяжело упало впередъ, а голова отлетѣла на нѣсколько футовъ въ сторону и, по странной случайности, стала стоймя, врѣзавшись шеей въ песокъ, которымъ было усыпано мѣсто казни.

Врачъ стоялъ какъ разъ напротивъ и лицо отрубленной головы было обернуто къ нему. Къ ужасу своему, онъ замѣтилъ, что голова открываетъ глаза и смотритъ на него съ такимъ выраженіемъ во взглядѣ, какъ будто сознаніе еще не покинуло ее. Похолодѣвъ отъ ужаса, докторъ въ первую минуту подумалъ, что ошибается. Онъ сдѣлалъ шагъ вправо. Если сознаніе и жизнь еще оставались въ головѣ, глаза ея должны также обратиться вправо; въ противномъ случаѣ, не смотря на передвиженіе врача, направленіе взгляда должно остаться прежнее. Глаза головы явственно и рѣшительно обратились вправо!

Докторъ сдѣлалъ шагъ влѣво; глаза послѣдовали за нимъ. Сомнѣнія больше не оставалось. Сознаніе и вниманіе еще не покинули голову казненнаго, слѣдовательно она жила. Докторъ повторилъ свои передвиженія два или три раза и результатъ получался тотъ-же. Наконецъ, приблизительно черезъ три минуты, взглядъ сдѣлался неподвижнымъ и глаза закрылись на-вѣки.

* * *

Обнародованный докторомъ отчетъ о вышеизложенномъ не преминулъ привлечь на себя вниманіе физіологовъ и вызвать новыя изслѣдованія въ этой временно забытой области. Еще во времена террора первой революціи, когда ежедневно совершались безчисленныя казни посредствомъ гильотинированія, утверждали не разъ, что отрубленныя и собранныя въ корзины головы не умирали мгновенно. Многимъ изъ очевидцевъ казалось, что головы шевелятъ губами, какъ бы желая что-то сказать, поводятъ глазами, скрежещутъ зубами, морщатъ лобъ; однѣ улыбаются, у другихъ мускулы лица болѣзненно подергиваются.

Съ теченіемъ времени подобные разсказы были забыты и на нихъ стали смотрѣть, какъ на легенды, или продуктъ сильно возбужденнаго воображенія. Тѣмъ не менѣе физіологи продолжали опыты надъ животными, съ цѣлью опредѣлить, сколько времени послѣ обезглавленія сохраняется чувствительность головы и тѣла. Они нашли, что этотъ промежутокъ времени доходитъ до 20 минутъ. Надъ людьми подобныхъ опытовъ конечно не могло быть произведено. Но, въ виду огромнаго интереса, возбужденнаго отчетомъ французскаго доктора при тонкинской экспедиціи, въ научныхъ кружкахъ былъ поднятъ вопросъ о разрѣшеніи подвергать соотвѣтственнымъ опытамъ головы и тѣла гильотинированныхъ преступниковъ.

* * *

Съ 1884 года во Франціи были произведены опыты надъ четырьмя казненными лицами, съ вышеуказанной цѣлью. Опыты эти были предприняты физіологомъ Лабордомъ, при содѣйствіи ассистентовъ, надъ головами казненныхъ убійцъ: Кампи, Гамагю, Гертевана и Ганьи, и дали слѣдующіе результаты:

Опыты не могли быть начаты ранѣе семи минутъ послѣ совершенія казни. По существующимъ во Франціи правиламъ, раньше этого срока головы и тѣла казненныхъ не могли быть переданы въ распоряженіе „науки“.

Чтобы выиграть время, опыты надъ первымъ изъ казненныхъ были начаты въ закрытой покойницкой повозкѣ, въ которой перевозятъ тѣла казненныхъ, превращенной на этотъ случай въ лабораторію со всѣми необходимыми аппаратами.

Прежде всего были осторожно приподняты вѣки глазъ. Открывшійся врачекъ оказался умѣренно расширеннымъ, но когда къ нему поднесли зажженую свѣчу, онъ сталъ сильно сокращаться, т. е. произошло то-же явленіе, которое замѣчается при тѣхъ-же условіяхъ на живыхъ людяхъ. Слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что чувствительность глаза сохраняется нѣкоторое время послѣ обезглавленія, но, какъ оказалось изъ дальнѣйшихъ опытовъ, она прекращается ранѣе чувствительности другихъ частей лица.

* * *

Съ цѣлью опредѣлить чувствительность этихъ другихъ частей при помощи гальваническаго тока, въ головѣ, поставленной на слой трута, были просверлены съ лѣвой стороны лба два отверстія, доходившія до такъ-называемыхъ „психомоторныхъ центровъ“ мозга, управляющихъ нашими движеніями, и въ эти отверстія введены тонкія металлическія иглы, соединенныя съ

гальваническою батареей. Затѣмъ былъ пропущенъ токъ и соотвѣтственная часть мозга электрически возбуждена.

При первомъ пропусканіи гальваническаго тока, сравнительно слабаго, совершенно явственно поднялось вѣко праваго глаза (возбуждалась лѣвая половина мозга); когда-же иглы были введены нѣсколько глубже, то не только мускулы вѣкъ, но и губы, и челюсти также пришли въ движеніе.

Размыкая и снова смыкая токъ, получали движеніе нижней челюсти внизъ и вверхъ, какъ при жеваніи.

Явленія эти продолжались отъ пяти до шести минутъ, потомъ стали ослабѣвать и наконецъ совсѣмъ прекратились. Все затихло; наступила несомнѣнная смерть...

* * *

Такимъ образомъ было установлено, что мозгъ сохранялъ чувствительность и могли быть вызываемы сокращенія лицевыхъ мускуловъ, отъ двадцатипяти до тридцати минутъ послѣ казни; но на этомъ не остановились. Вышеизложенные опыты производились надъ головой Кампи. Надъ головами трехъ позднѣе казненныхъ изслѣдованія получили болѣе широкое развитіе; а именно: черезъ шейныя артеріи въ головы вводилась свѣжая, теплая кровь. Съ этою цѣлью были открыты жилы собаки и кровь введена въ лѣвую шейную артерію человѣческой головы, послѣ чего было приступлено къ тѣмъ же опытамъ.

Когда свѣжая кровь начала вливаться въ голову, обнаружилось тотчасъ-же весьма любопытное явленіе: смертельная блѣдность лица исчезла, нѣжный румянецъ покрылъ щеки и снова появились признаки жизни. Вѣки открылись, изъ венъ потекла черная кровь, вытѣсняемая свѣжею, красною кровью; къ похолодѣвшему лицу вернулась теплота и рука явственно ощущала повышеніе температуры.

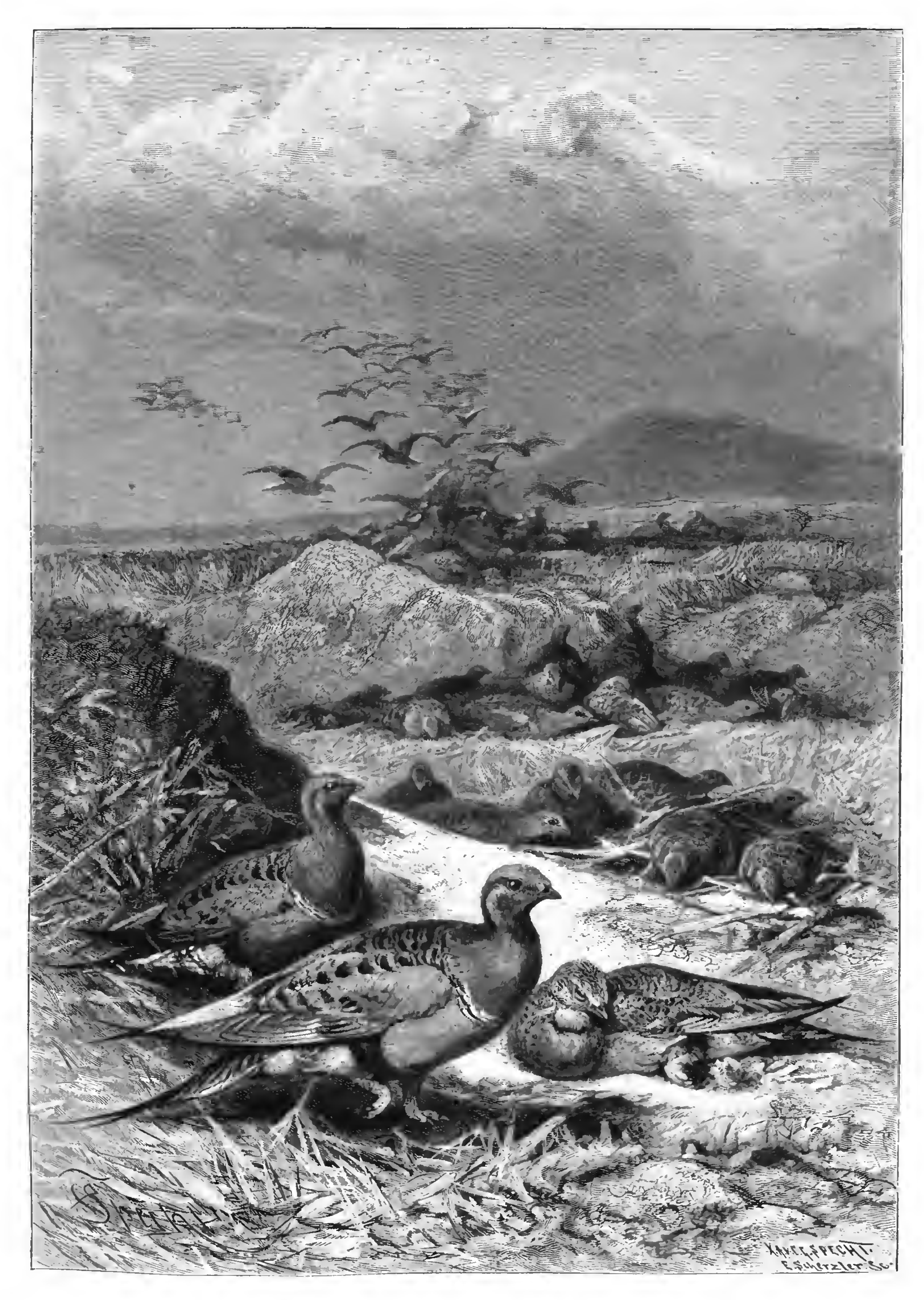
Къ переливанію крови можно было приступить лишь черезъ двадцать минутъ послѣ казни, такъ какъ приготовленія заняли слишкомъ много времени и только послѣ этого промежутка мозгъ могъ быть вышеупомянутымъ способомъ возбуждаемъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ лицевые мускулы правой стороны пришли тотчасъ-же въ самое оживленное движеніе, въ томъ числѣ и мускулъ, подымающій лѣвую челюсть. Голова начала сильно щелкать зубами. Явленіе это замѣчалось еще черезъ сорокъ минутъ послѣ казни и только черезъ пятьдесятъ минутъ чувствительность прекратилась.

Соотвѣтственнымъ возбужденіемъ мозга, удалось также привести языкъ въ такое движеніе, что онъ высовывался изо рта и снова втягивался.

Точно также игла, воткнутая въ сердце черезъ сорокъ минутъ послѣ казни, производила еще отчетливое и правильное его біеніе, и именно отъ 50 до 51 удара въ минуту; слѣдовательно и сердце еще не было мертво

* * *

Весенняя выставка Импер. Акад. Худож. Амуръ и Психея. Бронзовая группа проф. Н. Лаверецкаго.
Съ фотогр. грав. Флюгель.



Степныя куры (Syrrhaptes paradoxus s. Pallasii). Рис. и грав. Шпехтъ.

Изъ сравнительныхъ наблюденій надъ четырьмя казненными можно повидимому вывести заключеніе, что чувствительность сохраняется дольше у тѣхъ, которые спокойно и съ самообладаніемъ ждутъ смертнаго удара. Одинъ изъ четырехъ, убійца Гёртеванъ изступленно противился приготовленіямъ къ казни. Помощникамъ палача только послѣ упорной борьбы удалось привязать приговореннаго къ доскѣ, которая вдвигается подъ топоръ гильотины. Борьба произвела извѣстное утомленіе нервовъ и потому чувствительность мозга прекратилась у Гёртевана раньше.

Христосъ Воскресе!

Стихотвореніе **А. Ф. Өедотова.**

„Христосъ Воскресе!“ возгласилъ
Надъ гробомъ ангелъ легкокрылый,
И мѵроносицъ взоръ унылый
Святымъ восторгомъ озарилъ.

Воскресъ Христосъ, свѣтъ Божьей правды
Воскресъ, Онъ живъ, Онъ побѣдилъ!
Онъ Словомъ землю покорилъ,
И — палъ навѣки духъ неправды!

Воскресъ Христосъ! Пускай кипитъ
Корысть, обманъ и озлобленье,
Отнынѣ въ мірѣ — убѣжденье:
Воскресъ Христосъ, Онъ побѣдитъ!

Онъ побѣдитъ, Онъ побѣждаетъ,
Онъ распахнулъ врата небесъ!
И міръ въ восторгѣ возглашаетъ:
„Воскресъ, воистину воскресъ!“

„Кольцо Нибелунга“, трилогія Рихарда Вагнера.

(Окончаніе).

Переходя къ послѣдней части тетралогіи, отмѣтимъ что ни въ одной изъ предшедшихъ не выступаютъ съ такой яркою выпуклостью черты древне-германскихъ нравовъ, какъ въ „Гибели боговъ“. Здѣсь боги, по крайней мѣрѣ главные, вовсе не появляются на сценѣ—и все дѣйствіе сосредоточено на семейномъ и общественномъ бытѣ древнихъ германцевъ. Мы видимъ здѣсь древнѣйшіе общеарійскіе обычаи побратимства, скрѣпленія союза кровью, клятвы на оружіи, пріобрѣтенія невѣсты подвигомъ, всенародныхъ брачныхъ торжествъ и проч.

„Гибель боговъ“ начинается прологомъ въ той же мѣстности вокругъ утеса валкирій, которую мы видѣли въ концѣ двухъ предшедшихъ частей. Глубокою ночью къ раскидистой ели сходятся три норны, дочери Эрды. Онѣ вьютъ золотую нить міровыхъ судебъ, которою до сихъ поръ обматывали міровой ясень. Нѣкогда, — поясняетъ одна изъ норнъ, — на могучемъ стволѣ этого ясеня зеленѣлъ цѣлый лѣсъ сучьевъ и вѣтвей; въ прохладной тѣни ихъ у корня вытекалъ источникъ, нашептывавшій мудрость своимъ журчаньемъ. Дерзновенный богъ пришелъ однажды напиться изъ источника и навѣки поплатился за это однимъ глазомъ (Вотанъ—одноглазый), но за то сломилъ одинъ сукъ міроваго ясеня и сдѣлалъ изъ него ратовище своего копья; съ тѣхъ поръ въ теченіе временъ надломъ этотъ истощилъ дерево, листья опали съ него, источникъ мудрости оскудѣлъ и самый смыслъ вѣщаго пѣнія норнъ сталъ неясенъ, но все же онѣ продолжали обматывать нить вокругъ ясеня до самаго послѣдняго времени, когда имъ пришлось довольствоваться елью. И вотъ почему, продолжаетъ вторая норна,—на ратовищѣ копья Вотанъ вырѣзалъ священныя руны договора, по которому становился владыкою міра; но смѣлый герой, сразившись съ богомъ, сокрушилъ это копье, а съ нимъ и силу договора. Тогда Вотанъ приказалъ героямъ Валгаллы срубить міровой ясень, рухнуло древо и окончательно иссякъ источникъ мудрости—что же теперь будетъ? Теперь, продолжаетъ третья норна,—Вотанъ со всѣмъ сонмомъ боговъ и героевъ Валгаллы, сидитъ въ своей залѣ, окруженной громаднымъ костромъ—это сваленные обломки міроваго ясеня. Вспыхнетъ костеръ—и конецъ вѣчнымъ богамъ и Валгаллѣ. Какъ-же это произойдетъ? Вотанъ смирилъ Логе (огонь) своимъ волшебнымъ копьемъ и за попытку освободиться отъ завѣта священныхъ рунъ, за коварные навѣты, заставилъ его стеречь утесъ Брюнгильды; но нѣкогда Вотанъ броситъ острые обломки своего копья въ грудь Логе и вспыхнетъ губительный пожаръ, отъ котораго воспламенится и костеръ Валгаллы. Пытаясь разрѣшить вопросъ: когда же это будетъ, норны вспоминаютъ о проклятіи Альбериха, но тутъ нить міровыхъ судебъ обрывается у нихъ въ рукахъ, и онѣ исчезаютъ навсегда, нисходя къ своей матери (землѣ).

Свѣтаетъ. Изъ пещеры выходитъ Зигфридъ во всеоружіи Брюнгильды: крылатомъ шлемѣ валкиріи, панцырѣ, со щитомъ, копьемъ, съ Нотунгомъ и серебрянымъ рогомъ на перевязи. Брюнгильда подводитъ своего коня, который проснулся вмѣстѣ съ нею; но теперь она уже не валкирія и потому можетъ безопасно предстать смертному со своимъ подаркомъ. Отпуская героя на новые подвиги, она передала ему всю свою мудрость и только проситъ его помнить о дѣвѣ найденной имъ за пламенной стѣной, о своей клятвѣ въ вѣрности и любви. Зигфридъ въ залогъ своей вѣрности отдаетъ ей кольцо нибелунга, трофей своего перваго подвига. Брюнгильда, передагъ свою вѣщую мудрость Зигфриду и затѣмъ ставшая обыкновенной женщиной, утратила даръ вѣдѣнія судебъ и самую память о нихъ, а потому безбоязненно принимаетъ злополучное кольцо, и въ обмѣнъ даритъ Зигфриду своего коня, который хотя и потерялъ способность носиться по воздуху, но остался безстрашнымъ. Обѣщая скоро возвратиться, Зигфридъ удаляется съ конемъ, а Брюнгильда попрежнему остается за пламенной стѣной.

Недаромъ порвалась нить міровыхъ судебъ въ рукахъ у норнъ при воспоминаніи о проклятіи Альбериха. Если Вотанъ создалъ себѣ искупителя въ лицѣ внука, надъ которымъ безсильно проклятіе Альбериха, такъ какъ Зигфридъ пріобрѣлъ кольцо личнымъ мужествомъ, завоевавъ его у сраженнаго чудовища,—то и Альберихъ принялъ свои мѣры: у него также есть наслѣдникъ, который долженъ вернуть нибелунгамъ ихъ достояніе. Одною изъ областей надъ Рейномъ владѣетъ представитель рода Гибихунговъ, Гунтеръ, сынъ Гибиха и Гримхильды. Этой Гримхильдѣ однажды во снѣ явился Альберихъ (людямъ всѣ альбы, духи мрака, являются ночнымъ кошмаромъ, душащимъ домовымъ славянъ), отказавшійся отъ высшаго блага любви, но какъ воплощенная зависть, не чуждый всяческихъ вожделѣній и насилій,—и вотъ у Гримхильды рождается другой сынъ—демоническое смѣшеніе зла и геройства, ума и коварства, вѣчно мрачный Гагенъ, считающій себя законнымъ владѣльцемъ кольца нибелунговъ.

Первое дѣйствіе происходитъ въ домѣ Гибихунговъ надъ Рейномъ, который протекаетъ подъ самой террасой открытой на нее залы. Гунтеръ и его сестра, красавица Гутруна, держатъ совѣтъ съ Гагеномъ, какъ бы еще возвеличить славу Гибихунговъ. Гагенъ отвѣчаетъ что слава ихъ рода еще не упрочена, такъ какъ Гунтеръ не женатъ, а Гутруна не замужемъ; а между тѣмъ есть одна достойная Гунтера невѣста, прекраснѣйшая изъ женщинъ во всемъ свѣтѣ, Брюнгильда; и есть достойный Гутруны женихъ, величайшій изъ героевъ, Зигфридъ, убившій чудовищнаго змѣя-Фафнера и завладѣвшій его сокровищами, что дѣлаетъ его владыкой нибелунговъ и можетъ покорить ему весь міръ; но Брюнгильда живетъ на утесѣ окруженномъ огненною стѣной, сквозь которую пройти можетъ одинъ только Зигфридъ—и онъ сдѣлаетъ это для Гунтера и добудетъ ему Брюнгильду, если Зигфрида очаруетъ Гутруна. „О, злой насмѣшникъ, Гагенъ!“ восклицаетъ взволнованная Гутруна, „мнѣ ли очаровать всемірнаго героя, за котораго конечно давно спорятъ первыя красавицы!“ Гагенъ напоминаетъ Гутрунѣ о приготовленномъ имъ и переданномъ ей волшебномъ напиткѣ, который мгновенно заставляетъ забыть любимую женщину (общеарійское забыдущее зелье); стоитъ угостить имъ Зигфрида—и онъ забудетъ всѣхъ женщинъ, которыхъ когда-либо видѣлъ. Самъ же Зигфридъ, въ своихъ странствіяхъ по свѣту, конечно не преминетъ посѣтить славный домъ Гибихунговъ.

И вотъ, какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, на Рейнѣ раздается звукъ рога, въ ладьѣ плыветъ молодой герой съ своимъ конемъ, быстро выгребая противъ теченія. Признавъ по этой необычайной силѣ Зигфрида и окликнувъ его, Гагенъ приглашаетъ его причалить, привѣтствуя его по имени. Гутруна, долго любовавшаяся имъ, удаляется въ крайнемъ смущеніи, а Зигфридъ выводитъ на берегъ своего коня, котораго принимаетъ Гагенъ. „Кто изъ васъ сынъ Гибиха?“ спрашиваетъ Зигфридъ: „я слышалъ хвалы ему по всему Рейну и явился предложить ему бой или дружбу“. Гунтеръ выбираетъ послѣднее и, вѣрный древнегерманскому обычаю, привѣтствуя гостя, проситъ его считать отнынѣ своими весь домъ со всѣмъ имуществомъ, всю страну со всѣми подданными, и самого Гунтера своимъ слугой.—„Мнѣ нечѣмъ отплатить тебѣ въ обмѣнъ, кромѣ моего меча“, отвѣчаетъ Зигфридъ: „прими его вмѣстѣ со мною въ залогъ союза“.—„Однако“, прерываетъ Гагенъ: „молва называетъ тебя владѣльцемъ сокровищъ нибелунга... Развѣ ты ничего себѣ не взялъ изъ нихъ?“ „Вотъ этотъ уборъ“, отвѣчаетъ Зигфридъ, показывая висящую у него на поясѣ шапку-невидимку, „и то не знаю, на что онъ годенъ“. Гагенъ разсказываетъ ему о свойствахъ волшебнаго шлема, выкованнаго нибелунгомъ. „А еще что добылъ?“ спрашиваетъ онъ. „Еще кольцо, которое хранитъ великая жена“.—„Брюнгильда“, догадывается про-себя Гагенъ.—„Ничего мнѣ не надо въ обмѣнъ“, заявляетъ Гунтеръ, „я твой слуга безплатно“. Гагенъ же, узнавъ все что ему было нужно и не теряя вре-

мени, вызываетъ Гутруну, которая подноситъ Зигфриду обычное угощеніе—полный рогъ меда, но съ волшебной приправой забыдущаго зелья. Свято храня завѣтъ Брюнгильды чаще вспоминать о ней, Зигфридъ мысленно назначаетъ первый глотокъ за ея здоровье, но едва онъ опорожнилъ рогъ—зелье подѣйствовало. Страстно смотритъ онъ на Гутруну, стыдливо потупляющую взоры, говоритъ о своей любви и предлагаетъ ей брачный союзъ. Гутруна, безнадежнымъ жестомъ выражая, что она недостойна такой чести, удаляется взволнованная. Узнавъ что и Гунтеръ не женатъ лишь потому, что не въ силахъ добыть свою невѣсту, Зигфридъ предлагаетъ свое содѣйствіе и спрашиваетъ гдѣ она. Съ удивленіемъ, какъ будто усиливаясь припомнить что-то, повторяетъ онъ про себя отвѣтныя слова Гунтера: „высоко, на заоблачныхъ утесахъ, окруженная огненною стѣной", но самое имя Брюнгильды уже ничего не говоритъ его омраченной памяти. Онъ отважно заявляетъ Гунтеру что не боится огня и добудетъ ему Брюнгильду, надѣвъ шапку-невидимку и принявъ его образъ „Клянись же", говоритъ Гунтеръ. Гагенъ наполняетъ рогъ виномъ, Зигфридъ и Гунтеръ обнажаютъ мечи, порѣзываютъ себѣ лѣвыя руки и держатъ ихъ надъ рогомъ, роняя въ него нѣсколько капель крови. Если одинъ изъ побратимовъ нарушитъ союзъ измѣнивъ другу, пусть его кровь, текущая нынѣ по каплѣ, хлынетъ потоками въ искупленіе вины. Оба отпиваютъ по глотку и Гагенъ разсѣкаетъ рогъ своимъ мечемъ. „А ты не клялся?" спрашиваетъ Зигфридъ у Гагена. „Моя кровь испортила бы вамъ напитокъ", мрачно отвѣчаетъ тотъ: „не законно и не благородно течетъ она въ моихъ жилахъ какъ у васъ и не краситъ моихъ щекъ румянцемъ—потому только и устраняюсь отъ пылкаго союза". Вечерѣетъ. Побратимы входятъ въ лодку и отправляются добывать Брюнгильду; вышедшая проводить ихъ, Гутруна съ восторгомъ узнаетъ что отнынѣ Зигфридъ принадлежитъ ей. Гагенъ со щитомъ и копьемъ садится у порога залы сторожить домъ, утѣшая себя тѣмъ, что оба героя, какъ ни знатно ихъ происхожденіе, въ сущности служатъ сыну нибелунга: „Зигфридъ привезетъ на Рейнъ собственную невѣсту Гунтеру, мнѣ же—кольцо".

Между тѣмъ къ Брюнгильдѣ на крылатомъ конѣ прилетаетъ одна изъ ея сестеръ-валкирій, Вальтраута. Обрадованная Брюнгильда спѣшитъ ей на встрѣчу, но та спѣшно и растерянно сообщаетъ ей извѣстную намъ вѣсть о предстоящей гибели боговъ—спасти ихъ отъ проклятія Альбериха можно только возвративъ злополучное кольцо дочерямъ Рейна, и вотъ она, Вальтраута, тайно умчавшись изъ Валгаллы, явилась умолять сестру чтобъ она это сдѣлала ради спасенія боговъ. Но Брюнгильдѣ, земной женщинѣ, все это чуждо и совершенно непонятно: безсмысленными сказками кажутся ей рѣчи дикой валкиріи. Что ей нужно? Чтобы Брюнгильда отдала какимъ-то дочерямъ Рейна кольцо—залогъ любви Зигфрида? „Не сошла ли ты съ ума?" спрашиваетъ Брюнгильда, „ступай и скажи богамъ: отъ любви я не откажусь и никогда имъ не отнять моей любви—хотя бы сама Валгалла разсыпалась въ прахъ!" Валкирія въ отчаяніи удаляется.

Смеркается; вдали за пламенной стѣной звучитъ рогъ Зигфрида, Брюнгильда радостно бросается ему на встрѣчу, но видитъ его предъ собой въ образѣ Гунтера, не узнаетъ его и въ ужасѣ недоумѣваетъ, какимъ образомъ могъ пройти сквозь огненную стѣну кто-нибудь кромѣ Зигфрида. Когда онъ поддѣланнымъ голосомъ заявляетъ что она должна добровольно покориться ему, такъ-какъ его не устрашилъ огонь и что его зовутъ Гунтеромъ Гибихунгомъ,—она грозитъ ему кольцомъ Зигфрида, которое должно защитить ее отъ позора и придать ей силу стали. Они дважды борятся, Брюнгильда побѣждена и Зигфридъ отнимаетъ у ней кольцо. Тогда, совершенно обезсиленная, она покоряется своей судьбѣ и по требованію Зигфрида идетъ въ свою пещеру. „Теперь Нотунгъ", говоритъ Зигфридъ, обнажая мечъ и слѣдуя за нею, „будь свидѣтелемъ что я цѣломудренно добылъ ее для друга, будь преградой между мною и ею".

Со втораго дѣйствія развитіе драмы идетъ такъ быстро и такъ связно, что пересказывая ея содержаніе слѣдовало бы выписывать почти дословно. Поэтому ограничимся только самымъ краткимъ очеркомъ.

Въ гористой мѣстности на берегу Рейна, съ жертвенниками разнымъ богамъ по утесамъ, передъ домомъ Гунтера, Гагену заснувшему на стражѣ у порога, во снѣ является Альберихъ и завѣщаетъ сыну добыть во что бы то ни стало кольцо нибелунга у Зигфрида. Съ восходомъ солнца возвращается Зигфридъ, будитъ Гагена и разсказываетъ ему и вышедшей на встрѣчу Гутрунѣ, какъ онъ въ утреннемъ туманѣ вывелъ Брюнгильду за огненную стѣну и ставъ невидимымъ передалъ ее Гунтеру, а самъ съ помощью той же шапки-невидимки мгновенно перенесся сюда; Гунтеръ и Брюнгильда слѣдуютъ за нимъ, уже виденъ ихъ парусъ на Рейнѣ. Гагенъ сзываетъ дружинниковъ Гунтера и велитъ имъ готовиться къ встрѣчѣ своего владыки и къ брачному торжеству, принося въ жертву воловъ на алтарь Вотана, кабана—Фрею, козла—Доннеру, овецъ—Фриккѣ, рога полные меду и вина всѣмъ богамъ, чтобъ они благословили этотъ бракъ. Горы покрываются вооруженнымъ народомъ, который стучитъ оружіемъ о щиты, привѣтствуя причаливающихъ въ лодкѣ Гунтера и подавленную горемъ Брюнгильду. Зигфридъ съ Гутруной выходятъ имъ навстрѣчу. Гунтеръ привѣтствуетъ ихъ, говоря, что радуется видя двѣ счастливыя четы: Брюнгильду съ нимъ и Гутруну съ Зигфридомъ. При этихъ словахъ Брюнгильда впервые поднимаетъ взоры, видитъ Зигфрида и такъ поражена, что сначала не можетъ сказать ни слова, потомъ отказывается вѣрить тому что слышитъ, и шатаясь готова упасть въ обморокъ. Зигфридъ хочетъ поддержать ее, но она при этомъ замѣчаетъ на рукѣ его кольцо, которое отнялъ у нея (какъ она думаетъ) Гунтеръ. „Теперь слушайте внимательно, что она скажетъ", говоритъ Гагенъ дружинникамъ Гунтера. „Какъ могъ ты получить это кольцо отъ Гунтера?" спрашиваетъ она у Зигфрида. Тотъ, само собой разумѣется, можетъ сказать лишь то, что кольцо досталось ему не отъ Гунтера. „Куда дѣвалъ ты кольцо которое отнялъ у меня?" обращается Брюнгильда къ Гунтеру. Тотъ молчитъ въ крайнемъ смущеніи. Брюнгильда приходитъ въ неистовый гнѣвъ, догадавшись что кольцо отнято у нея самимъ Зигфридомъ, который измѣнилъ ей ради Гутруны. „Обманъ, позорный обманъ, безпримѣрная измѣна! Знайте-же всѣ: не Гунтера я жена, вотъ мой первый супругъ!" восклицаетъ она, обращаясь къ народу и указывая на Зигфрида.

Народъ изумленъ, Гунтеръ уничтоженъ своимъ стыдомъ, не зная что Брюнгильда говоритъ о давно прошедшемъ днѣ перваго прибытія къ ней Зигфрида и думая что дѣло идетъ о событіяхъ вчерашняго. Гагенъ искусно пользуется общимъ недоразумѣніемъ и разжигаетъ страсти, предлагая Зигфриду въ оправданіе себя принести клятву на оружіи. Народъ становится въ кругъ, Гагенъ протягиваетъ Зигфриду свое копье, Зигфридъ кладетъ на остріе два пальца и произноситъ клятву, говоря въ заключеніе: „да поразитъ меня на смерть это копье, если та женщина сказала правду и я измѣнилъ своему побратиму". Брюнгильда съ негодованіемъ входитъ въ кругъ, въ свою очередь кладетъ два пальца на лезвее и дословно повторяя начало клятвы Зигфрида, подтверждаетъ свое обвиненіе, заключаетъ благословеніемъ копью, которое должно поразить Зигфрида, ибо онъ нарушилъ всѣ свои клятвы, а теперь совершилъ клятвопреступленіе. Всѣ снова поражены. Зигфридъ старается успокоить всѣхъ, заявляя, что Брюнгильда просто не можетъ простить ему обмана, благодаря которому досталась Гунтеру; но сердце женщины отходчиво и впослѣдствіи она конечно поблагодаритъ его, Зигфрида, за то, что онъ добылъ ее въ жены герою. Затѣмъ обнимаетъ Гутруну и, приглашая всѣхъ на брачный пиръ, уводитъ ее въ залу. Подданные Гунтера слѣдуютъ за нимъ, посмѣиваясь надъ своимъ владыкой.

Оставшись втроемъ, съ Брюнгильдой и Гунтеромъ, Гагенъ предлагаетъ отомстить Зигфриду своимъ копьемъ за клятвопреступленіе. Брюнгильда, сгорая жаждой мести, открываетъ Гагену, что передавая Зигфриду свою вѣщую мудрость и сдѣлавъ тѣло его неуязвимымъ, она сочла излишнимъ обезопасить такимъ образомъ и спину его, ибо Зигфридъ никогда не обращаетъ тыла предъ врагомъ — сюда-то, между плечъ Зигфрида и долженъ Гагенъ нанести ударъ. Гунтеръ колеблется дать свое согласіе, такъ какъ онъ клялся своею кровью въ вѣрности побратиму. Но Гагенъ говоритъ ему что Зигфридъ первый нарушилъ клятву, и отводя Гунтера въ сторону, шепчетъ ему, что со смертью Зигфрида, Гунтеру достанется кольцо Нибелунга, которое сдѣлаетъ Гибихунга владыкой міра. Тяжко страдающій и все-же скорбящій о Зигфридѣ Гунтеръ вынужденъ уступить—приговоръ Зигфриду скрѣпленъ и будетъ исполненъ завтра на охотѣ. Изъ залы показывается брачное шествіе: Зигфридъ въ дубовомъ вѣнкѣ, Гутруна въ цвѣтахъ на головѣ, со всѣми провожатыми. Гунтеръ хватаетъ руку Брюнгильды и присоединяется къ шествію при падающемъ занавѣсѣ.

Въ первой сценѣ третьяго и послѣдняго акта, Зигфридъ, опередивъ товарищей на охотѣ, приходитъ въ лѣсъ на берегу Рейна, и видитъ ожидающихъ его въ водѣ дочерей Рейна, которыя молятъ его возвратить имъ кольцо. Зигфридъ сначала отшучивается, потомъ, задѣтый упрекомъ въ скупости, готовъ уже поступиться кольцомъ, какъ вдругъ русалки начинаютъ грозить ему, предсказывая, что онъ сегодня-же погибнетъ если не отдастъ имъ кольца. Угрозы гордость Зигфрида не выноситъ и онъ опять надѣваетъ кольцо на палецъ, а русалки, подтверждая ему, что кольцо сегодня-же унаслѣдуетъ послѣ него гордая женщина, уплываютъ спѣша къ Брюнгильдѣ.

Раздаются звуки роговъ, Гунтеръ и Гагенъ съ толпой охотниковъ присоединяются къ Зигфриду, сваливаютъ свою добычу и начинается попойка. Гагенъ наводитъ Зигфрида на разсказъ о его подвигахъ, и какъ только тотъ описалъ свое торжество надъ Фафнеромъ, незамѣтно подмѣшиваетъ ему въ напитокъ зелья возстановляющаго память. Зигфридъ, продолжая разсказъ, мгновенно вспоминаетъ о Брюнгильдѣ и описываетъ какъ онъ прошелъ сквозь пламя и какъ она стала его женой. Теперь всѣмъ и самому Гунтеру становится ясно, что вчера онъ лгалъ и совершилъ клятвопреступленіе, а потому долженъ умереть. Изъ куста вылетаютъ два ворона, вѣщія птицы Вотана, посланные имъ за вѣстями о Зигфридѣ, и начинаютъ кружить надъ головой героя. „Понимаешь ты о чемъ они каркаютъ?" насмѣшливо спрашиваетъ Гагенъ, намекая на Зигфридово разумѣніе языка птицъ, и когда Зигфридъ встаетъ глядя на вороновъ, коварный сынъ

нибелунга поражаетъ его въ спину своимъ копьемъ. Зигфридъ обѣими руками поднимаетъ свой щитъ надъ головой Гагена, чтобы раздробить ее, но силы его слабѣютъ, щитъ вываливается у него изъ рукъ и самъ Зигфридъ въ громѣ доспѣховъ рухаетъ на щитъ. „Гагенъ! Что ты сдѣлалъ?“ раздается отчаянный вопль Гунтера, который не успѣлъ остановить мстительной руки. „Отмстилъ клятвопреступленіе“, спокойно говоритъ Гагенъ и медленными шагами удаляется вглубь лѣса. Зигфридъ посылаетъ Брюнгильдѣ послѣднее прости и умираетъ. Дружинники поднимаютъ его тѣло на щитѣ и несутъ его трубя въ рога похоронный маршъ, одно изъ величайшихъ музыкальныхъ произведеній Вагнера.

И такъ Вотанъ опять обманулся въ своихъ разсчетахъ —проклятіе Альбериха не миновало и Зигфрида. Не минуетъ оно и прочихъ искателей злополучнаго кольца. Въ залу Гибихунговъ надъ Рейномъ, при мрачномъ свѣтѣ факеловъ, приносятъ тѣло Зигфрида и кладутъ на помостъ посреди покоя. Гутруна падаетъ безъ чувствъ на трупъ, затѣмъ начинаетъ укорять брата въ смерти ея мужа. Тотъ указываетъ на Гагена. Гагенъ гордо выступаетъ впередъ, требуя кольца съ руки Зигфрида, и на отказъ Гунтера, считающаго теперь кольцо своею собственностью, обнажаетъ мечъ, говоря что сынъ Альбериха сумѣетъ добыть наслѣдство своего отца. Начинается бой между братьями, тутъ же надъ тѣломъ Зигфрида, и Гунтеръ падаетъ пораженный на смерть. Гагенъ беретъ руку Зигфрида чтобы сорвать кольцо, но рука мертвеца поднимается и грозитъ похитителю. Гагенъ отступаетъ при общемъ ужасѣ.

Медленно и торжественно выходитъ Брюнгильда, вернувшаяся съ Рейнскаго берега, куда была вызвана русалками, и вступающая теперь въ права жены и мстительницы за того, кому всѣ измѣнили, кого всѣ предали. „Молчи, несчастная“, говоритъ она упрекающей ее Гутрунѣ, „ты никогда не была его женой, мнѣ принадлежали вѣчныя клятвы Зигфрида прежде чѣмъ онъ впервые увидѣлъ тебя.“ Доведенная до отчаянія, Гутруна проклинаетъ Гагена и разоблачаетъ тайну забудущаго зелья, которымъ онъ заставилъ Зигфрида забыть Брюнгильду; затѣмъ склоняется на трупъ Гунтера и остается такъ до конца дѣйствія. По властному приказу Брюнгильды, молодые дружинники воздвигаютъ на берегу Рейна громадный костеръ, женщины украшаютъ его покровомъ, травами и цвѣтами. Брюнгильда остается у тѣла Зигфрида. „Ярче солнца сіялъ онъ мнѣ“, восклицаетъ она, созерцая черты дорогаго супруга, „чище всѣхъ васъ былъ онъ, доблестнѣе всѣхъ смертныхъ соблюлъ онъ вѣрность побратиму, никто не умѣлъ такъ свято хранить договоры, такъ сильно любить — и однако никто такъ не обманывалъ своей супруги. Но знаете-ли вы кто этому виною? О, ты хранитель клятвъ, ты высшій изъ боговъ, созерцай теперь свою предвѣчную вину!.. все, все понимаю теперь, чую и вороновъ твоихъ здѣсь, шлю тебѣ ихъ съ долго желанною вѣстью — успокойся.“ Затѣмъ она снимаетъ кольцо съ руки Зигфрида, какъ свое наслѣдство, заявляя рѣшеніе возвратить его дочерямъ Рейна, на кострѣ, огонь котораго пожретъ ее вмѣстѣ съ супругомъ и очиститъ кольцо отъ проклятія. Тѣло Зигфрида кладутъ на костеръ, Брюнгильда вырываетъ факелъ у одного изъ дружинниковъ и бросаетъ его въ сложенныя деревья, которыя быстро охватываются пламенемъ. Съ берега поднимаются два ворона и скоро исчезаютъ вдали. „Летите и возвѣстите конецъ богамъ“, восклицаетъ Брюнгильда: „я бросила факелъ пожара въ гордую твердыню Валгаллы. А вы, цвѣтущее племя остающееся въ живыхъ,“ обращается она къ толпѣ, „примите мой послѣдній завѣтъ: если сонмъ боговъ исчезнетъ какъ дымъ и я оставлю вашъ міръ безъ правителя, за то завѣщаю вамъ сокровище моей вѣщей мудрости; знайте, что все здѣсь тлѣнно и ничтожно: богатство, золото, роскошь, дома, дворы и земли, самая власть и обманчивая сила темныхъ договоровъ;— единственное благо въ радости и въ горѣ — это любовь.“ Двое отроковъ подводятъ Брюнгильдѣ ея коня, она быстро разнуздываетъ его, садится наконь и съ восторженнымъ привѣтомъ Зигфриду, бросается въ костеръ, сочетаваясь ему навѣки. Возникаетъ громадное пламя, народъ въ ужасѣ тѣснится къ авансценѣ, но огонь внезапно стихаетъ, волны Рейна сильно прибываютъ, затопляя берегъ и самый костеръ до порога залы. На волнахъ приплываютъ дочери Рейна за кольцомъ нибелунга. Гагенъ, все время съ возрастающимъ безпокойствомъ слѣдившій за Брюнгильдой, при этомъ срываетъ съ себя шлемъ, бросаетъ щитъ и копье, и съ безумнымъ крикомъ: „не тронь кольца!“ кидается въ волны. Воглинда и Вельгунда охватываютъ его за шею и тащатъ въ бездну, а Флосгильда ликуя возноситъ кольцо надъ водою. На небѣ разгорается сначала слабо, но потомъ все сильнѣе, по всей сценѣ, громадное зарево—это горитъ Валгалла.

Толпа въ безмолвномъ ужасѣ созерцаетъ гибель боговъ. Но выходъ изъ этого состоянія уже указанъ: въ послѣднемъ завѣтѣ Брюнгильды — въ этомъ торжествѣ непреходящей, нетлѣнной, вѣчной любви, составляющей предѣльную грань между отходящимъ языческимъ міромъ и возникающимъ христіанскимъ—и заключается основная, глубоко поэтическая и философская идея четырехдневной драмы, мастерски развитая въ безконечно-многообразныхъ перипетіяхъ тетралогіи.

Вильгельмъ III, король Нидерландскій.

Къ рисункамъ.

Берега Лысогора. (Рис. на стр. 377).

Небольшой пейзажъ В. Я. Гороновича, увѣнчанный первою преміей Общества Поощренія Художествъ, изображаетъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ южной Россіи. Въ густой тѣни деревьевъ пріютились хатки и церковь небольшаго села надъ обрывомъ къ водѣ, окруженной оголенными вершинами холмовъ, типичныхъ для многихъ мѣстностей

Кабинетъ Якоби на Гальванопластической выставкѣ въ СПБ. (въ память 50-лѣтія изобрѣтенія гальванопластики).
С҃ъ фотогр. грав. Барановскій.

Присяга Милана, бывшаго короля Сербскаго, своему сыну. По рис. М. I., грав. Пуцъ.

нашего отечества, такъ и называемыхъ въ народѣ *лысыми* горами.

Іисусъ Христосъ у Маріи и Мареы.

(Рис. на стр. 380 и 381).

Шествуя въ послѣдній разъ въ Іерусалимъ, Іисусъ Христосъ, какъ свидѣтельствуетъ Евангелистъ Лука, на пути зашелъ въ одно селеніе. Въ немъ жила женщина по имени Мареа, принявшая Спасителя въ свой домъ. У Мареы была сестра Марія. За все время пребыванія Іисуса въ ихъ домѣ, она сидѣла у ногъ Спасителя и слушала Его слово. Мареа, заботясь больше объ угощеніи, подошла къ Христу и сказала: „Господи! или Тебѣ нѣтъ нужды, что сестра оставила одну меня служить? Скажи ей, чтобы помогла мнѣ". На это Іисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: „Мареа, Мареа! ты заботишься о многомъ, а одно только нужно. Марія избрала благую часть, которая не отнимется у ней".

Это описаніе посѣщенія Христомъ Спасителемъ двухъ благочестивыхъ сестеръ и составляетъ содержаніе картины хорошо извѣстнаго нашимъ читателямъ художника, Генриха Семирадскаго. На картинѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, сидящій въ тѣни оливковаго дерева, и у ногъ его внимательно слушающая Марія. Вдали Мареа хлопочетъ по хозяйству. Прекрасная картина молодаго профессора была выставлена въ 1886 году на юбилейной выставкѣ въ Берлинѣ и заслужила самые лестные отзывы.

Свѣтлое Христово Воскресеніе. Освященіе пасхи.

(Рис. на стр. 385).

Свѣтлая недѣля и для дѣтей самый свѣтлый праздникъ: съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они розговѣнья послѣ долгаго поста, какъ интересуются приготовленіями кулича и пасхи, а главное крашеныхъ яицъ, которыми будутъ и христосоваться, и биться, и забавляться, катая по лубочку... Вотъ нѣсколько маленькихъ счастливцевъ, попавшихъ къ самой заутренѣ и ранней обѣднѣ въ Свѣтлый день и дождавшихся освященія пасхи. Молодой художникъ прекрасно передалъ выраженіе дѣтскихъ лицъ, оживляющихъ всю предстоящую толпу.

Поясной портретъ старушки. (Рис. на стр. 388).

Имя талантливой художницы Эмиліи Дукшты-Дукшинской хорошо извѣстно въ Варшавѣ, гдѣ она пользуется заслуженною славою прекрасной портретистки. Уроженка Петербурга, она въ 1858 г. переселилась въ Варшаву, гдѣ и начала учиться живописи подъ руководствомъ сперва Каневскаго, а затѣмъ Лессера. Свое артистическое образованіе г-жа Дукшинская окончила уже заграницей: въ Римѣ, Флоренціи, Дрезденѣ и Мюнхенѣ. Въ послѣднемъ городѣ она занималась у профессора Фридриха Боденмиллера. По возвращеніи въ Варшаву ею написанъ цѣлый рядъ прекрасныхъ портретовъ, за которые она и избрана въ почетные члены Варшавскаго общества поощренія художествъ. Помѣщенная на стр. 388 гравюра съ картины, находящейся на текущей весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ, даетъ наглядное понятіе о талантѣ г-жи Дукшинской.

Жидовочка. (Рис. на стр. 389).

Классный художникъ 1-й степени, Х. П. Платоновъ выставилъ настоящею весною въ залахъ Академіи Художествъ только одну картинку „Жидовочка". Въ ней, какъ и въ другихъ картинахъ даровитаго живописца, ярко выступаетъ его особенное умѣнье живо и привлекательно передавать молодыя лица. Живя въ Малороссіи, онъ широко пользуется окружающими его типичными фигурами дѣтей и женщинъ, перенося ихъ своею кистью, какъ живыми, на полотно.

Амуръ и Психея. (Рис. на стр. 392).

Мраморная группа „Амуръ и Психея" работы профессора Н. А. Лаверецкаго, находилась въ видѣ слѣпка, въ 1887 году, на годичной выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ; теперь она исполнена изъ бронзы съ мраморнымъ подъ нее пьедесталомъ и снова выставлена въ залахъ Академіи.

Припомнимъ поэтическое сказаніе о Психеѣ изъ грекоримскихъ миѳовъ. Это была царевна рѣдкой красоты, возбудившая пламенную любовь Амура. По опредѣленію оракула, она должна была сдѣлаться добычей какого-то неизвѣстнаго чудовища. Когда родители отвели ее на назначенное мѣсто за городъ и оставили тамъ одну, Зефиръ перенесъ ее въ великолѣпный дворецъ, гдѣ и являлся къ ней Амуръ всегда въ темнотѣ и съ уговоромъ, чтобы она не старалась его увидѣть. Пришедшія посѣтить Психею, сестры ея научили Психею зажечь лампаду въ то время когда Амуръ заснетъ. Влюбленная царевна послѣдовала совѣту, но при этомъ капнула горячимъ масломъ на плечо Амура, который, пробудясь и раздраженный ея любопытствомъ, улетѣлъ отъ нея въ гнѣвѣ. Венера, негодуя на то, что Психея покорила ея сына, Амура, подвергаетъ царевну величайшимъ испытаніямъ и страданіямъ. Психея мужественно переноситъ ихъ, и тѣмъ возвращаетъ себѣ любовь Амура, который, выпросивъ ей у Зевса безсмертіе, возноситъ ее на Олимпъ, гдѣ и празднуется ихъ бракосочетаніе. Этотъ миѳъ представляетъ аллегорію отношеній человѣческой души (Психе) къ могуществу любви (Эрота или Амура).

Профессоръ Лаверецкій избралъ для своей группы именно тотъ моментъ, когда Амуръ, возвратившійся къ Психеѣ, увлекаетъ ее на Олимпъ. Они уже отдѣлились отъ земли и касаются ея лишь концомъ покрывала, что производитъ иллюзію совершенно летящихъ въ воздухѣ фигуръ. Безсильная покорность и вмѣстѣ упоеніе во всей прелестной фигуркѣ Психеи и сильный порывъ фигуры Амура мастерски схвачены художникомъ.

Степныя куры (Syrrhaptes paradoxus s. Pallasii).

(Рис. на стр. 393).

Въ прошломъ году мы дали изображеніе тибетской степной курицы или больдурука, новаго вида, вывезеннаго покойнымъ Пржевальскимъ изъ послѣдняго его путешествія. Говоря о ней, мы коснулись и гораздо болѣе распространеннаго вида обыкновенной степной курицы, извѣстной у русскихъ подъ названіемъ садджи или пустынника. Эта птица открыта въ послѣднюю треть прошлаго столѣтія Палласомъ, отъ имени котораго и получила свое латинское названіе. Саджи водятся громадными стаями въ степяхъ всей средней Азіи, отъ Каспійскаго моря до Дзюнгаріи, замѣняя тамъ куропатокъ. Съ начала же 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія онѣ все чаще и все бо́льшими стаями стали залетать въ Европу, гдѣ досель не акклиматизовались быть-можетъ лишь потому, что ихъ слишкомъ усердно истребляли. Проповѣдь Брэма въ Германіи противъ этой бойни осталась гласомъ вопіющаго въ пустыни. Благодаря этому до самыхъ послѣднихъ лѣтъ степныя куры не появлялись въ западной Европѣ, и только въ прошломъ году снова показались значительныя стаи. За то въ юго-восточной Европѣ онѣ распространились и стали осѣдлыми по Уралу, низовьямъ Волги и даже на Дону.

Вильгельмъ III, король Нидерландскій.

(Порт. на стр. 396).

Въ Европѣ стало однимъ королемъ менѣе. 22 марта (3 апрѣля), согласно докладу государственнаго совѣта, генеральные штаты признали необходимымъ учредить регентство въ виду болѣзни короля Вильгельма III, которая ставитъ его въ невозможность управлять страною. Въ ожиданіи назначенія регента, конституція облекаетъ королевскою властью государственный совѣтъ. Со своей стороны, королева, какъ извѣщаютъ изъ Гаги отъ 23 марта, не затруднится принять на себя обязанность регентши, съ условіемъ, чтобы государственный совѣтъ продолжалъ заниматься дѣлами регентства до праздника Пасхи и покончилъ съ текущими, ожидающими съ 7 (19) февраля королевской санкціи.

Александръ-Павелъ-Фридрихъ-Лудвигъ-Вильгельмъ III, король Нидерландскій и великій герцогъ Луксенбургскій, старшій сынъ Вильгельма II, родился 7 (19) февраля 1817 года, и вступилъ на престолъ 5 (17) марта 1849 года при крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда вслѣдствіе измѣненій конституціи—потребовались преобразованія въ экономическомъ строѣ и политическомъ порядкѣ управленія. Онъ старался успокоить волненіе умовъ личными уступками, а именно уменьшеніемъ назначеннаго ему въ цивилистѣ содержанія, и осенью 1849 года призвалъ министерство Торбека. Съ тѣхъ поръ реформы государственнаго управленія, содѣйствіе матеріальному благосостоянію страны, сдѣлали правленіе Вильгельма III однимъ изъ достопримѣчательнѣйшихъ въ исторіи Нидерландовъ. Разложеніемъ Германскаго Союза въ 1866 году Вильгельмъ воспользовался для того, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Лимбургъ, а великое герцогство Луксенбургъ, по трактату 27 апрѣля (11 мая) 1867 года, объявить нейтральнымъ подъ верховною властію Нассау-Оранскаго дома. Первымъ бракомъ (6 іюня 1839 г.) король Вильгельмъ III былъ женатъ на дочери короля Вильгельма Виртембергскаго, Софіи († 1877); старшій сынъ отъ этого брака, наслѣдный принцъ Вильгельмъ Оранскій родился въ 1840 году и умеръ въ 1879 въ Парижѣ; младшій Александръ родился въ 1851 г. и умеръ въ 1884. Во второмъ бракѣ король состоитъ съ 1879 года съ дочерью князя Георга Вальдекскаго и Пирмонтскаго, Эммою (р. 1858). Отъ этого брака въ 1880 году родилась наслѣдная принцесса Вильгельмина, портретъ которой былъ уже своевременно помѣщенъ въ „Нивѣ" нынѣшняго года.

Такъ какъ женская линія не наслѣдуетъ въ великомъ герцогствѣ Луксенбургскомъ, то законнымъ наслѣдникомъ престола тамъ является герцогъ Нассаускій.

Кабинетъ Б. С. Якоби на юбилейной выставкѣ гальванопластики. (Рис. на стр. 397).

Центральнымъ пунктомъ открывшейся 12 марта въ СПБ. Гальванопластической выставки былъ кабинетъ самого изобрѣтателя гальвонопластики, изображенный на нашемъ рисункѣ. Прямо противъ зрителя *два библіотечные шкафа* (изъ числа нѣсколькихъ, бывшихъ у Б. С. Якоби, библіотечныхъ полокъ) съ картонками, въ которыхъ хранятся его бумаги отдѣловъ: на лѣвыхъ полкахъ — *по разнымъ предметамъ*; по вопросу о повсе-

мѣстномъ введеніи *метрической системы* единства мѣры, вѣса, монеты; по вѣдомству *финансовъ* (монетное дѣло, алкоголометрія и контрольные снаряды для измѣренія жидкости) и сборникъ заключеній его по *Мануфактурному совѣту*; на правыхъ полкахъ — бумаги по *военному* вѣдомству; по дѣламъ *Академіи Наукъ*; по теоретическимъ изслѣдованіямъ и практическимъ примѣненіямъ законовъ и дѣйствій *гальванизма* и *электромагнетизма* (между прочимъ и нѣкоторыя бумаги касательно электромагнитной лодки); по *дерптской* профессурѣ и тамошней архитекторской дѣятельности Б. С. Якоби; по работамъ его въ *Потсдамъ-Кенигсбергѣ*, въ качествѣ гражданскаго инженера-строителя (Baucondukteur и Baumeister). Тутъ же нѣсколько томовъ бумагъ по примѣненію *гальванизма къ военнымъ цѣлямъ* (минная оборона), съ рисунками; черновые *рабочіе журналы* съ отмѣтками, рисунки той *поляризаціонной баттареи*, которая представляетъ послѣдній трудъ Б. С. Якоби, порученный имъ передъ смертью вниманію нашей Академіи Наукъ и проч.

Посерединѣ, у верхнихъ полокъ, образчикъ *щита* изъ камей (оригиналъ былъ работы Линдена), воспроизведенный, кажется, осажденіемъ желѣза, съ головою *Медузы* въ центрѣ.

Наверху библіотечныхъ шкафовъ разные гальванопластическіе бюсты и статуэтки, въ томъ числѣ позолоченный *бюстъ Прусскаго короля Фридриха Вильгельма III*, работы Газенбергера, о которомъ упоминается въ мемуарахъ Академіи Наукъ и письмахъ Ал. Гумбольдта. Надъ всѣми этими предметами — гальванопластическіе медальоны съ портретами *императора Николая I*, *П. А. Кочубея* (предсѣдателя Императорскаго Русскаго Техническаго Общества); *Б. С. Якоби* (никеллированный). Вверху большой портретъ масляными красками его императорскаго высочества герцога *Максимиліана Лейхтенбергскаго* въ мундирѣ бывшаго корпуса Горныхъ Инженеровъ.

По бокамъ библіотечныхъ шкафовъ, въ уровень съ линіею ихъ, находятся: съ лѣвой стороны — поясной портретъ Б. С. Якоби въ золотой рамѣ, писанный масляными красками въ 40-хъ годахъ; подъ этимъ портретомъ—шкафъ для архива бумагъ, на которомъ стоятъ гальванопластическіе: бюстъ великаго князя *Михаила Павловича*, а по бокамъ его конныя статуэтки: *императрицы Александры Ѳеодоровны* (работы мастера завода герцога Лейхтенбергскаго—Гуртера, 1842 г,) и *Наполеона I* (работы самого герцога, тоже 1842 г.). Далѣе, влѣво, слѣдуютъ два стола съ документами (Personalia): здѣсь метрическое свидѣтельство Якоби, его аттестатъ зрѣлости (между прочимъ, за подписью *Гегеля*) для поступленія въ университетъ; листки его студенческаго альбома 1820—23 гг., роговая студенческая чернильница, дипломы Парижской выставки 1867 и проч.

Съ правой стороны—по линіи библіотечныхъ шкафовъ, идетъ столъ съ разными предметами лабораторіи Якоби. Тутъ же по стѣнѣ развѣшаны рисунки нѣкоторыхъ его аппаратовъ и помѣщенъ фотографическій снимокъ (работы Орлова) съ надгробнаго памятника, увѣнчаннаго гальванопластическимъ бюстомъ Якоби.

Среднее пространство „кабинета Якоби“, передъ библіотечными шкафами, образуютъ примыкающіе къ нимъ, подъ прямымъ угломъ, два *письменные его стола* съ принадлежностями; съ лѣвой стороны — столъ 40-хъ годовъ, съ правой — начала 60-хъ. Передъ послѣднимъ столомъ—рабочее кресло Якоби. Къ первому столу (краснаго дерева) приставленъ стеклянный шкафчикъ съ гальванопластическимъ *сервизомъ* работы Кристофля и друг. Наверху шкафчика золоченые подсвѣчники (розаны) и гальванопластическая статуэтка *купидона*, поддерживающаго раковину на головѣ (работы герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, 1842 г.); съ боку у шкафчика—*круглый столъ* для визитныхъ карточекъ и т. п. съ *гальванопластическою доскою* изъ снимковъ съ камей (работы Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ), съ другой стороны—гипсовый бюстъ (работы Баринова) Якоби—снимокъ съ гальванопластическаго бюста, сдѣланнаго Oudry по модели скульптора Maillet.

На большомъ письменномъ столѣ правой стороны, расположены письменныя принадлежности бывшія у Якоби, портретъ императора Александра II, портреты семьи Якоби, его друзей и сотрудниковъ, каталогъ библіотеки, реэстры бумагъ и переписки, рисунокъ построеннаго имъ въ Дерптѣ моста, этажерка съ картонками, заключающими въ себѣ: письма выдающихся русскихъ и иностранныхъ ученыхъ; бумаги, касающіяся разныхъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ, выставокъ, счеты, prospectus'ы и т. п. Между портретами и медалями имѣются портреты: *Гальвани, Вольта, Фарадея* (въ молодости), *Берцеліуса, Шиллинга фонъ-Канштадтъ, Э. Х. Ленца, В. Я. Струве, Ф. Ф. Шуберта* (перваго примѣнителя гальванопластики къ картографіи Главнаго Штаба), *Ф. Ф. Винберга* (управляющаго Экспедиціею заготовленія Государственныхъ бумагъ), *Е. И. Клейна* (извѣстнаго осажденіемъ желѣза), *К. А. Шильдера* (перваго русскаго военнаго гальванера), *А. Н. Вансовича* (перваго сотрудника Якоби въ дѣлѣ минной обороны), *Кристофля, Ван-Кемпенъ* и проч. Тутъ же портретъ единственнаго, находящагося еще въ живыхъ, работника лабораторіи Якоби *И. Г. Фролова* (нынѣ мастера Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ); медали—*Гумбольдта, Уваровская, Бэра* и др.

Особое украшеніе стола составляютъ, изъ документовъ, *два тома бумагъ* по части *гальванопластики*, съ письмами Гумбольдта, Фарадея, Эрштедта, Берцеліуса и прочими важными для исторіи гальванопластики документами за время съ 1838 по 1873 гг., и печатная депеша изобрѣтеннаго Якоби *электротипографическаго телеграфнаго аппарата*, найденная въ бумагахъ Якоби, свидѣтельствующая объ этомъ своевременно не обнародованномъ (по причинамъ отъ Якоби независѣвшимъ) изобрѣтеніи нашего ученаго.

Въ промежуткѣ между письменными столами бюстъ императора *Николая I*, большой фотографическій портретъ *Б. С. Якоби* (работы Орлова, снимокъ съ фотографическаго портрета Якоби, снятаго съ натуры С. Л. Левицкимъ) и Севрская *ваза*, поднесенная Якоби, — въ правленіе Тьера, французскимъ правительствомъ,—какъ делегату Россіи въ международной коммисіи по введенію метрической системы (ваза эта нынѣ принесена наслѣдниками Якоби въ даръ Императорскому Русскому Техническому Обществу для его музея).

Таковъ, въ краткихъ чертахъ, инвентарь рабочаго „кабинета“ Якоби на выставкѣ. Здѣсь онъ могъ быть представленъ на выставкѣ, конечно, лишь въ миніатюрномъ видѣ. Нѣкоторые предметы коллекціи Якоби помѣщены особо, по сосѣдству съ означеннымъ кабинетомъ. Но нѣтъ, къ сожалѣнію, на выставкѣ перваго его электромагнитнаго двигателя, нѣтъ первыхъ его телеграфныхъ снарядовъ, которые собраны трудами Главнаго Управленія Почтъ и Телеграфовъ и хранятся въ его музеѣ; нѣтъ на лицо его химической лабораторіи (часть которой въ Экспедиціи) и обширнаго физическаго кабинета. Поэтому мы въ правѣ сказать, что обстановка „кабинета изобрѣтателя гальванопластики Б. С. Якоби“ даетъ лишь приблизительное понятіе о его занятіяхъ и размѣрахъ его плодотворной дѣятельности, подробное и обстоятельное изображеніе которой, по сохранившимся письменнымъ и печатнымъ матеріаламъ и вещественнымъ документамъ, еще ждетъ своего спеціальнаго біографа.

Присяга Милана, бывшаго короля Сербскаго, своему сыну. (Рис. на стр. 397).

Отреченіе Милана отъ престола Сербіи въ пользу своего сына и присяга послѣднему, какъ извѣстно, состоялись почти неожиданно 23 февраля (7 марта). Въ бѣлградскомъ соборѣ совершалось обычное богослуженіе по случаю годовщины объявленія Сербіи королевствомъ. Король остался во дворцѣ, гдѣ между тѣмъ собрались въ большой залѣ главные сановники, вожаки политическихъ фракцій, дипломаты и множество офицеровъ, явившіеся поздравить короля съ седьмою годовщиною вступленія его на престолъ. Король, въ генеральскомъ мундирѣ, занялъ мѣсто у стола, сдѣлавъ знакъ сыну стать по правую руку, и вынулъ изъ кармана бумагу; это былъ актъ отреченія отъ престола, изложенный весьма кратко, провозглашающій наслѣднаго принца королемъ, подъ именемъ Александра I, и назначающій регентство. Тотчасъ по прочтеніи документа, трое регентовъ окружили обоихъ королей.

Среди всеобщаго смущенія, Миланъ обратился къ сыну съ рѣчью, въ которой увѣщалъ его вѣрно и самоотверженно служить своему народу и остерегаться льстивыхъ лицемѣровъ. Рѣчь свою Миланъ закончилъ возгласомъ: *Живіо краль Александръ!* и склонивъ колѣно предъ сыномъ, принесъ ему вѣрноподданическую присягу.

Престарѣлый Ѳеодосій, именующій себя митрополитомъ сербскимъ, благословилъ отца и сына. Гражданскіе и военные сановники, въ свою очередь, принесли присягу Александру I, и къ часу пополудни церемоніалъ былъ оконченъ.

Г. П. Галаганъ. (Портр. на стр. 400).

Недавно скончался въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, селѣ Сокиринцахъ, Прилукскаго уѣзда, Полтавской губерніи, членъ Государственнаго Совѣта, тайный совѣтникъ Григорій Павловичъ Галаганъ. Покойный достаточно потрудился на поприщѣ общественной дѣятельности. Владѣя обширными и богатѣйшими помѣстьями въ Малороссіи, Григорій Павловичъ игралъ выдающуюся роль въ мѣстномъ обществѣ и пользовался большимъ авторитетомъ какъ человѣкъ всесторонне-образованный и весьма начитанный, словомъ, какъ человѣкъ „идеи“. Его прекрасное знаніе сельскаго хозяйства, близкое знакомство съ положеніемъ и нуждами края, въ которомъ проходила его дѣятельность, невольно выдвигали его впередъ. Всякій разъ, когда правительство, при разработкѣ какого-либо важнаго вопроса, касавшагося народныхъ нуждъ, благоустройства, государственнаго хозяйства, нуждалось въ мнѣніяхъ спеціалистовъ, способныхъ, свѣдущихъ людей, Г. П. Галаганъ былъ неминуемо призываемъ, въ числѣ самыхъ компетентныхъ лицъ, къ обсужденію проекта той или другой реформы.

Родоначальникомъ фамиліи Галагановъ былъ запорожецъ Игнатій Галаганъ, казакъ Чигиринскаго уѣзда (т. е. полка) изъ села Омельйиковъ, имя котораго встрѣчается впервые въ исторіи Малороссіи въ 1707 году, когда онъ былъ назначенъ на подмогу арміи Шереметьева, предводителя запорожцевъ. Григорій Павловичъ Галаганъ родился въ Полтавской губерніи,

въ 1819 году, въ дворянской семьѣ. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ поступилъ на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1840 году. По выходѣ изъ университета, Григорій Павловичъ предпринялъ поѣздку заграницу и путешествовалъ два года. Возвратясь въ отечество, онъ поселился въ одномъ изъ имѣній своихъ Полтавской губерніи, въ с. Сокиринцахъ, гдѣ занялся усердно сельскимъ хозяйствомъ. Служебно-общественная дѣятельность его началась въ 1845 году, когда онъ занялъ мѣсто въ Черниговской палатѣ государственныхъ имуществъ. Черезъ два года дворянство Борзенскаго уѣзда, Черниговской губерніи, избрало его своимъ предводителемъ. Постъ этотъ онъ занималъ до 1850 года, когда принялъ на себя должность попечителя въ Черниговской гимназіи и совѣстнаго судьи, оставаясь въ нихъ до 1854 г. Когда крестьянская реформа стала назрѣвать и по губерніямъ уже учреждались комитеты по крестьянскимъ дѣламъ, Галаганъ назначенъ былъ членомъ одного изъ такихъ комитетовъ—Черниговскаго, и занималъ эту должность въ 1858 — 1859 годахъ. Успѣшная работа его въ комитетѣ открыла ему двери редакціонной коммисіи при Главномъ комитетѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, гдѣ онъ, въ качествѣ члена-эксперта, занимался съ марта 1859 по ноябрь 1860 года. Но вотъ великая реформа совершилась и Г. П. Галаганъ, съ 1861 года по 1863 годъ, состоялъ членомъ отъ правительства въ Черниговскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи. Съ осени 1863 года онъ получилъ новое назначеніе — состоять вице-предсѣдателемъ временной коммисіи по вопросу объ обязательномъ выкупѣ и поземельномъ устройствѣ крестьянъ Юго-западнаго края, образованной при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ. Когда вопросъ по крестьянскому дѣлу въ Юго-западномъ краѣ былъ окончательно рѣшенъ и коммисія, въ 1865 году, закрыла свои дѣйствія, Галаганъ перенесъ свою дѣятельность въ Полтавскую губернію. Здѣсь и въ Черниговской губерніи, съ наступленіемъ другой реформы--введенія земскихъ учрежденій, Галаганъ состоялъ губернскимъ гласнымъ, а съ 1869 года—предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей въ Прилукскомъ уѣздѣ и предводителемъ дворянства того же уѣзда. Въ 1871 году, въ память своего умершаго единственнаго сына, котораго онъ нѣжно любилъ, Галаганъ основалъ въ Кіевѣ коллегію Павла Галагана—заведеніе, состоящее изъ четырехъ высшихъ классовъ классической гимназіи, въ которомъ, по желанію учредителя, должны воспитываться дѣти того возраста, въ какомъ умеръ его сынъ. Коллегія подчинена непосредственно вѣдѣнію университета Св. Владиміра и обезпечена въ своемъ существованіи средствами, пожертвованными Галаганомъ, который состоялъ и почетнымъ попечителемъ ея. Съ 1884 г. Галаганъ былъ избранъ также почетнымъ попечителемъ Прилукской прогимназіи и ремесленнаго училища, учрежденнаго полтавскимъ земствомъ въ усадьбѣ Дегтярка, Прилукскаго уѣзда, пожертвованной для училища Галаганомъ. Произведенный въ 1887 г. въ тайные совѣтники, Галаганъ черезъ четыре года былъ приглашенъ экспертомъ для разработки вопроса о пониженіи выкупныхъ платежей, а затѣмъ и въ качествѣ одного изъ свѣдущихъ земскихъ людей въ совѣщаніе по вопросамъ питейному и переселенческому, причемъ при обсужденіи послѣдняго онъ былъ избранъ предсѣдателемъ. 1 января 1882 года Галаганъ получилъ высшее назначеніе—состоять членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Онъ скончался 25 сентября 1888 г., оставивъ по себѣ добрую память. **П. Б.**

Григорій Павловичъ Галаганъ. Съ фот. грав. Флюгель.

Политическое обозрѣніе.

Противники генерала Буланже рѣшили во что бы то ни стало покончить съ нимъ. Опасность попасть къ нимъ въ руки и сознаніе, что сила на ихъ сторонѣ, заставили генерала поспѣшно удалиться въ Бельгію, не смотря на то, что онъ нѣсколько дней тому назадъ не вѣрилъ въ возможность преданія его суду, считая себя ни въ чемъ неповиннымъ, о чемъ и поспѣшилъ заявить въ бесѣдѣ съ однимъ журналистомъ. Но у недруговъ его оказались въ распоряженіи компрометирующія генерала бумаги, о чемъ его увѣдомилъ удалившійся отъ дѣлъ генеральный прокуроръ Буше, и Буланже удалился въ Брюссель. На другой день въ газетахъ появилось воззваніе генерала къ французамъ, помѣченное изъ этого города 21 марта. Въ немъ, протестуя противъ обвинительнаго акта и юрисдикціи сената, „составленнаго изъ людей ослѣпленныхъ личными страстями, безумною злобой и сознаніемъ своей непопулярности“, Буланже заканчиваетъ заявленіемъ, что онъ, „безостановочно работая въ пользу освобожденія своихъ согражданъ, останется въ Бельгіи, въ странѣ свободы, ждать, пока общіе выборы установятъ, наконецъ, во Франціи честную и свободную республику, въ которой можно будетъ жить.“ Отъѣздъ генерала Буланже обсуждается французскими газетами весьма разнорѣчиво. Оппортунисты и радикалы считаютъ буланжизмъ похороненнымъ, но заявляютъ, что правительство все-таки не должно прекращать преслѣдованія. Въ буланжистскихъ газетахъ напечатано сообщеніе буланжистскаго комитета, констатирующее, что Буланже уѣхалъ по настояніямъ комитета, такъ какъ парламентаристы, рѣшившіеся на все лишь бы только сохранить за собою власть, собирались лишить его свободы и жизни. *Journal des Débats* говоритъ, что коль скоро безумные поступки и глупости, которые погубили бы всякаго другаго, возвысили Буланже—нельзя выводить изъ обнаружившейся слабости его характера заключенія о гибели или уменьшеніи его престижа. *Figaro* говоритъ, что одни только событія докажутъ, кто правъ—тѣ-ли которые одобряютъ, или тѣ которые осуждаютъ отъѣздъ Буланже. Въ тотъ же день новый генеральный прокуроръ Бореперъ вступилъ въ должность, а 23 марта въ засѣданіи палаты Мелинъ

прочелъ реквизиторію генеральнаго прокурора, требующаго возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ Буланже, виновнаго въ заговорѣ и покушеніи противъ республики. Правая и буланжисты громко прерывали чтеніе реквизиторіи и заявляли, что не кому другому, а министру юстиціи слѣдовало бы читать собственное произведеніе. Нѣкоторые были призваны къ порядку и Мелинъ продолжалъ читать при непрекращавшемся шумѣ. Лоръ заявилъ, что всѣ буланжистскіе депутаты солидарны съ Буланже и всѣ они вмѣстѣ съ всенароднымъ голосованіемъ участвуютъ въ заговорѣ противъ парламентаризма, вслѣдствіе чего и требуютъ, чтобы ихъ преслѣдовали одновременно съ Буланже. Аренъ потребовалъ безотлагательнаго созыва бюро для назначенія коммисіи. Предложеніе это было принято, и засѣданіе было прервано до 6 ч., когда Собатье прочелъ докладъ коммисіи, предлагающей возбудить преслѣдованіе противъ Буланже. Депутатъ Андріё говоритъ, что въ реквизиторіи никакихъ доказательствъ не приводится, и высказываетъ мнѣніе, что палата, вотируя преслѣдованіе, совершаетъ покушеніе на всенародное голосованіе. На это министръ-президентъ Тираръ возражаетъ: „Мы хотимъ преслѣдовать человѣка, который собирается ниспровергнуть республику; мы обязаны защищать учрежденія противъ мятежныхъ маневровъ и убѣждены, что народъ одобритъ нашъ образъ дѣйствій“. Послѣ оживленныхъ инцидентовъ, палата вотировала предложеніе о преслѣдованіи Буланже большинствомъ 355 голосовъ противъ 208.

Результатъ этого засѣданія палаты, по словамъ газетъ, произвелъ крайне сильное впечатлѣніе. Буланже, въ отвѣтъ на судебное преслѣдованіе обращенное противъ него, обратился къ выборщикамъ съ особымъ манифестомъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: „Вы прочли реквизиторію, представленную съ цѣлію оправдать ничѣмъ не оправдываемое требованіе о преслѣдованіи, къ которому сбитый съ толку парламентъ присоединился, вотируя преслѣдованіе передъ случайнымъ судилищемъ, состоящимъ изъ моихъ политическихъ враговъ. Вашъ ясный здравый смыслъ осудитъ эти гнусныя клеветы. Въ реквизиторіи упрекаютъ меня исключительно въ поступкахъ моей жизни, предшествовавшихъ моему пребыванію въ министерствѣ. Если мои дѣйствія были преступны, то сообщниками моими были политическіе дѣятели, призвавшіе меня въ министерство.“ Буланже напоминаетъ, что какъ воинъ, онъ посвятилъ свою жизнь служенію странѣ, теперь онъ исполненъ законнаго честолюбія вырвать республику изъ недостойныхъ рукъ. Онъ желаетъ честной республики, основанной на правильномъ примѣненіи всенароднаго голосованія. Никакія насилія и клеветы не заставятъ его уклониться отъ намѣченной цѣли и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ выборы подтвердятъ предшествовавшее милліонное голосованіе и обезпечатъ освобожденіе страны. Между тѣмъ правительство съ необычайною поспѣшностью продолжаетъ осуществлять свой планъ покончить съ Буланже, для чего 27 марта въ сенатѣ былъ прочитанъ декретъ объ образованіи изъ сената верховнаго суда для сужденія Буланже и другихъ лицъ.

Пока этотъ верховный судъ собирается производить расправу — судъ исправительной полиціи постановилъ 25 марта рѣшеніе по дѣлу лиги патріотовъ. Уже по первому засѣданію въ публикѣ осталось впечатлѣніе что этотъ процессъ кончится постыдно для преслѣдователей лиги. И дѣйствительно, всѣ подсудимые признаны невиновными по обвиненію въ принадлежности къ тайному сообществу, но приговорены каждый къ 100 фр. штрафа за участіе въ неразрѣшенномъ правительствомъ обществѣ, а также къ судебнымъ издержкамъ. Приговоръ былъ привѣтствованъ кликами: „да здравствуетъ лига! да здравствуетъ Буланже! да здравствуетъ Дерулэдъ!“

Лѣтъ 10 тому назадъ у Германіи вовсе не было колоній, затѣмъ вдругъ появились у нея колонизаторскія наклонности, причинившія уже не мало непріятностей метрополіи. Но все бывшее не можетъ сравниться съ тѣмъ несчастіемъ, которое постигло германскій флотъ у острововъ Самоа. 18 марта получено изъ Аукланда слѣдующее извѣстіе: „Вслѣдствіе свирѣпствовавшаго 16 и 17 марта у острововъ Самоа урагана погибли суда „Eber“ и „Adler“. Изъ команды „Eber“ утонуло 78, а изъ команды „Adler“ 20 человѣкъ. Судно „Olga“ сѣло на мель и команда его находится въ безопасности. Три американскихъ военныхъ судна и всѣ находившіяся въ портѣ Самоа торговыя суда также затонули. Американцевъ погибло 30 человѣкъ. Одно англійское судно потерпѣло аварію и идетъ въ Сидней.“ Потери для германскаго флота весьма значительныя, если принять въ соображеніе, что крейсеръ „Адлеръ“ былъ вооруженъ четырьмя орудіями; машины его были въ 650 лошадиныхъ силъ; корветъ „Ольга“ вооруженъ двѣнадцатью орудіями; машина у него въ 2,100 лошадиныхъ силъ, а экипажъ состоялъ изъ 267 человѣкъ; наконецъ, канонерка „Эберъ“ была вооружена тремя орудіями, при машинѣ въ 700 лошадиныхъ силъ. Извѣстіе о гибели судовъ у острововъ Самоа произвело въ Германіи на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Не говоря уже о тяжкой потерѣ людей и дорогихъ судовъ, возникаетъ серьезное опасеніе за мѣстныхъ германскихъ поселенцевъ, положеніе которыхъ—и безъ того уже небезопасное—крайне ухудшилось вслѣдствіе того, что теперь они совсѣмъ лишились всякой морской охраны отъ ожесточенныхъ противъ нихъ туземцевъ.

Въ опубликованномъ императорскомъ кабинетномъ приказѣ, касающемся катастрофы у острововъ Самоа, выражается глубочайшее сожалѣніе о гибели людей, лишившихся жизни при вѣрномъ исполненіи долга въ отношеніи императора и имперіи. Императоръ надѣется, что катастрофа не поколеблетъ во флотѣ вѣру въ его дальнѣйшее развитіе.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 25 марта, послѣ парада въ манежѣ лейбъ-гвардіи коннаго полка, чрезвычайное бухарское посольство было принято Государемъ Императоромъ въ прощальной аудіенціи. Главный посланецъ, Джанъ-Мирза-Бій-Перваначи, въ своей прощальной рѣчи, выразилъ Его Величеству глубочайшую благодарность какъ отъ себя лично, такъ и отъ имени всего посольства, за пожалованные имъ россійскіе ордена. Государь Императоръ, отпуская посольство, поручилъ ему выразить Бухарскому Эмиру привѣтствіе Его Величества и пожелалъ посольству добраго пути.

Въ 2 часа 45 мин. пополудни, Государь Императоръ осматривалъ во Дворцѣ подарки, посылаемые отъ Имени Его Величества Бухарскому Эмиру Сеидъ-Агадъ-Багадуръ-Хану, а также вещи, назначенныя въ раздачу членамъ бухарскаго посольства. Въ числѣ подарковъ, вообще чрезвычайно богатыхъ и разнообразныхъ, находятся слѣдующія вещи, предназначенныя Бухарскому Эмиру: соболья шуба, крытая малиновымъ бархатомъ, шитымъ золотомъ, съ опушками изъ сѣдаго камчатскаго бобра, и др. одежды, роскошный позолоченный чайный сервизъ, ружье магазинной системы Кольта, съ золотой на прикладѣ инкрустаціею, вызолоченный револьверъ системы „Мервинъ“, съ украшеніями изъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, столовые, оксидированной бронзы, часы въ видѣ локомотива и др. вещи.

Правительственныя распоряженія.

— Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ доводитъ до свѣдѣнія гг. кавалеровъ ордена Св. Георгія 4 степени за отличіе, что подробное объявленіе Капитула съ именнымъ спискомъ тѣхъ изъ нихъ, кои въ настоящее время вошли въ комплектъ на полученіе пенсій по названному ордену, напечатано въ № 32 газеты *Правительственный Вѣстникъ* и № 29 газеты *Русскій Инвалидъ*.

Промышленность.

— Изъ отчета департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 годъ видно что въ теченіе 1887 года въ Россіи дѣйствовали 1,365 пивоваренныхъ и 559 медоваренныхъ заводовъ, причемъ изъ числа послѣднихъ было 225 спеціально-медоваренныхъ и 334 находились при пивоваренныхъ заводахъ.

Изъ губерній и областей.

— Недавно умершій въ Тамбовѣ потомственный почетный гражданинъ М. С. Ашурковъ завѣщалъ городу болѣе 3000 десятинъ земли въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, съ условіемъ, чтобы городская дума доходы съ этой земли распредѣляла на дѣла благотворительности.

— Проѣзжіе изъ Мешхеда персіяне разсказываютъ о необычайной оваціи, оказанной со стороны народа и персидскихъ властей русскому генеральному консулу Власову при его въѣздѣ въ Мешхедъ.

— Прямое безпересадочное движеніе курьерскихъ поѣздовъ между Москвой и Севастополемъ предполагается ввести съ 1 апрѣля.

Некрологъ.

— 20 марта, скончался членъ Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Дмитрій Васильевичъ Путята.

— 29 марта, скончался министръ Путей Сообщенія, почетный членъ Николаевской инженерной академіи, военный инженеръ, генералъ - лейтенантъ Германъ Егоровичъ Паукеръ.

Библіографія.

Исторія соціальныхъ системъ. Д. Щеглова. т. II. Критическое обозрѣніе соціальныхъ ученій Фурье, Кабе, Л. Блана, Лямене, П. Леру, Бюше, Отта, Ог. Конта и Литтре. СПБ. 1889.

Сочиненіе г. Щеглова составляетъ весьма благовременное явленіе въ нашей литературѣ. Своимъ подробнымъ и безпощаднымъ анализомъ авторъ совершенно подрываетъ авторитетъ пресловутыхъ соціальныхъ теорій, которыя такъ увлекали и увлекаютъ наше юношество, и даже не одно юношество. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ очевидностью, не допускающею никакого сомнѣнія, показываетъ, что теоріи эти уже потеряли всякій кредитъ въ странахъ опередившихъ насъ въ образованіи, не только въ средѣ образованныхъ классовъ, но даже между рабочими. Какъ извѣстно, теоріи Фурье, равно какъ теоріи Оуэна, Кабе и Люи Блана были подвергнуты неоднократнымъ практическимъ испытаніямъ еще въ пятидесятыхъ годахъ и оказались совершенно несостоятельными. Наши проповѣдники соціальныхъ утопій такимъ образомъ являются какими-то послѣдними могиканами въ области мысли,

для которыхъ умственною пищею служатъ отбросы западной Европы.

Сборникъ краткихъ свѣдѣній о правительственныхъ учрежденіяхъ. По порученію Министра Императорскаго Двора, составилъ В. Кривенко. Второе изданіе. СПБ. 1889 г.

Новое изданіе этого почтеннаго труда свидѣтельствуетъ о необходимости этой почти единственной въ Россіи полной справочной книги по всѣмъ вопросамъ касающимся того или другаго правительственнаго учрежденія, начиная отъ Государственнаго Совѣта, Совѣта и Комитета Министровъ, Правительствующаго Сената и другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и кончая мѣстными учрежденіями въ губерніяхъ, уѣздахъ и городахъ. Кромѣ обстоятельныхъ свѣдѣній о государственныхъ учрежденіяхъ, въ сборникѣ приведены свѣдѣнія о различныхъ учрежденіяхъ общественныхъ, ученыхъ и благотворительныхъ.

Задача буквъ (ходъ короля) № 25.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16	17	18
	19	20	21	22	23	24	25	
	26	27	28	29	30	31	32	
			33	34	35			
				36				
			37	38	39			
		40	41		42	43		
	44	45				46	47	

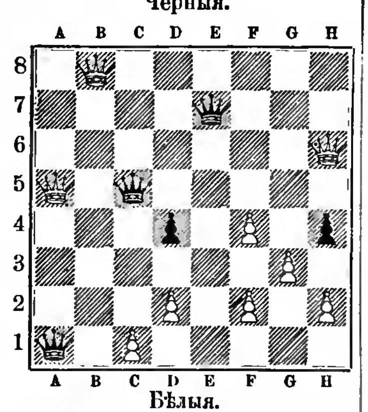
Найти слѣдующія 11 словъ:

1) Названіе кушанья 45. 47.
2) Лицо ухаживающее за дѣтьми 37. 13. 43. 3. 1.
3) Шея 46. 6. 32.
4) Ветхозавѣтный патріархъ 21. 29. 16.
5) Время года 40. 14. 35. 8.
6) Звѣроловный снарядъ 7. 30. 19. 18. 27. 12. 25.
7) Животное изъ отряда двукопытныхъ 9. 17. 36. 2. 20. 22. 42.
8) Рѣка и титулъ 10. 39. 34.
9) Названіе кушанья 23. 26. 24. 41.
10) Барка, употребляемая для наведенія мостовъ 5. 33. 31. 28. 4. 15. 11.
11) Нота 28. 44.

Буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, но такъ, чтобы можно было прочитать, *посредствомъ хода короля*, отрывокъ изъ извѣстнаго произведенія А. С. Пушкина.

Шашечная задача № 26.

Черныя.



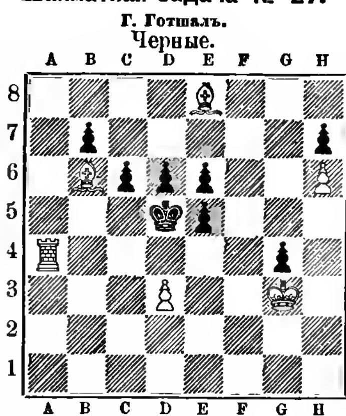
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и 2 простыхъ черныхъ.

Шахматная задача № 27.

Г. Готшалъ.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Геометрическая задача № 28.

Данную фигуру раздѣлить прямыми линіями на семнадцать частей такъ, чтобы изъ нихъ составить трапецію.

Ариѳметическая задача № 29.

Найти число, дѣлящееся на 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9 съ тѣмъ, чтобы остатокъ былъ единицею меньше дѣлителя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА" проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ" 1889 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАИКАНІЕ

ЕГО ПРИЧИНЫ и ЛѢЧЕНІЕ.

Руководство къ совершенн. искорененію для самостоят. употребл., на русск. языкѣ.

Изданіе РОБЕРТА ЭРНСТЪ,

лѣчебн. заведенія отъ заиканія.

Берлинъ, R. № 3801

Potsdammer-Str., 37.

Проспектъ безвозмездно. (1)

CORSETS LEOTY

adoptés par le High-Life parisien.

8. Place de la Madeleine. Paris.

20—9

Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3801 2—1

Une des Curiosités de **PARIS**

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Demander

le Catalogue général illustré renfermant 591 gravures (modèles inédits) pour la SAISON d'Eté, dont l'envoi est fait *gratis* et *franco* contre demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie

PARIS

Sont également envoyés franco les échantillons de tous les tissus composant les immenses assortiments du *PRINTEMPS*, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

Le Catalogue indique les conditions d'envoi.

Interprètes dans toutes les Langues à la disposition des personnes qui désirent visiter les Magasins.

А. № 3775 9—3

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА (изданіе Ф. ПАВЛЕНКОВА):

СЧАСТЬЕ и ТРУДЪ

Профессора П. МАНТЕГАЦЦА.

Переводъ со 2-го итальянскаго изданія д-ра Лейненберга. Содержаніе: Трудъ—міровой законъ. Физика труда. Трудъ—здоровье. Нравственное значеніе труда. Радости и поэзія труда. Гордость и слава, основанныя на трудѣ. Трудъ и богатство. Методы труда. Настойчивость въ трудѣ. О характерѣ. Доброта. Героизмъ, достоинство, мужество, благородство характера. Нищіе и паразиты. 203 стр. Цѣна 75 коп. Mt. № 3813

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Специіальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (3).

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ПУДРА.

Новоизобрѣтенная нами глицериновая пудра по своему составу содержитъ всѣ качества для бѣлизны кожи.

М. № 3739 3—3 **Брокаръ и Ко.**

Высочайше утвержденное РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ЗАСТРАХОВ. ОТЪ НЕСЧАСТН. СЛУЧАЕВЪ

ПОМОЩЬ

Невскій пр., № 11.

I. За ежегодную премію въ 50 р. Общество принимаетъ на страхъ чиновника, купца, присяжнаго повѣреннаго и т. п. лицъ, 33-хъ лѣтъ, съ условіемъ выдачи при несчастномъ происшествіи

а) въ случаѣ смерти страхователя — наслѣдникамъ его капитала въ 5000 рублей;

б) въ случаѣ пожизненной неспособности страхователя къ труду (инвалидности) — самому пострадавшему пожизненной ежегодной ренты въ 1200 рублей;

в) въ случаѣ временной лишь неспособности къ труду—ежедневнаго вознагражденія въ 6 рублей.

II. За ежегодную премію въ 100 рублей застрахованное лицо, того-же возраста, пріобрѣтаетъ не только право на полученіе вышеозначенныхъ вознагражденій, но кромѣ того, Общество обезпечиваетъ его полнымъ возвратомъ всѣхъ внесенныхъ премій, въ случаѣ преждевременной смерти страхователя—его наслѣдникамъ, въ противномъ же случаѣ ему самому, по достиженіи имъ 65-лѣтняго возраста.

Въ виду введеннаго, по Уставу Общества, участія страхователей въ дивидендѣ, въ обоихъ случаяхъ преміи, начиная съ 3-го года страхованія, понижаются.

Подробныя поясненія и справки во всякое время выдаются всѣми представителями и агентами (во всѣхъ губернскихъ, уѣздныхъ и многихъ другихъ городахъ Имперіи), а также и Правленіемъ Общества (Невскій пр., № 11). № 3214 6—6

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (61) № 2946

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пересыл. 1 р. 50 к.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI в. Томъ этотъ украшенъ 20 рис. художника Н. С. Панова. Изд. III. СПБ. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. перепл. 2 р. 75 коп., съ перес. 3 р. 25 к.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО"

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3769 3—3

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON и мыло à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16—12

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГАХЪ:

1) **Не хочу учиться, хочу жениться.** Похожденія живописца. Юмор. романъ, картины въ лицахъ Мазилкина, Трапкина, Пачкунова, Ваклуша-Бей, Баталина, княжна Батистова и Маша.

2) **Радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.** (Похожденія идеалиста). Юмор. иллюстр. романъ Л. Пальмина, съ 109 рис. извѣстн. Буша. Ц. 1 руб.

3) **Похожденія холостяка.** Юморист. иллюстрир. ром. Л. П., съ 156 рис. Буша. Ц. 1 р.

4) **Супружескія тайны.** Юмор. иллюстр. романъ Л. П., съ 100 рис. Буша. Шалости и проказы. Цѣна 1 рубль.

5) **Катенька, или любовныя похожденія дѣвушки.** Шалости и проказы. Юморист. иллюстр. романъ, съ рис. Буша. Ц. 1 р.

6) **Плутовка Надя.** Юморист. иллюстр. романъ съ 168 рис. Буша. Цѣна 1 р.

7) **Кукареку.** (Жемчужины русской беллетристики изъ веселыхъ и занимательныхъ разсказовъ, анекдотовъ, повѣстей и стихотвореній). 224 стр. Ц. 1 р.

Рисунки извѣстн. художника Буша до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ Петербурга: у Попова, Карбасникова, Суворина, Вольфа, на Невскомъ у Панафидина; въ Москвѣ: складъ и продажа, Вронная, домъ Румянцева, у Конденъ; выписывая изъ склада за пересылку не платятъ. П. № 3809

ВЕЛОСИПЕДЫ АНГЛІЙСКІЕ

П. № 3800 ЗАВОДА 2—1

„PILOT CYCLE COMPANY“

запасныя части и принадлежности къ нимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Ищу представителей въ разныхъ городахъ Россіи. Высылается прейсъ-курантъ. **Г. ЖЕМЛИЧКО, въ Москвѣ**, Старый Газетный пер., д. Толмачева.

МОЛЬДАКОТЪ

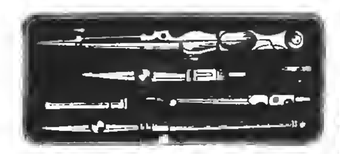
Усовершенствованная англійская карманная двухниточная швейная машина **СЪ КОЛЕСОМЪ и автоматически выбрасывающимся челнокомъ.**

Самое полезное изобрѣтеніе нашего столѣтія. **„Мольдакотъ“** съ колесомъ не уступаетъ самымъ дорогимъ машинамъ. Она шьетъ **нераспарываемымъ швомъ**, какъ самыя тонкія, такъ и самыя толстыя матеріи, равно какъ и кожу. **„Мольдакотъ“ съ колесомъ доступна всѣмъ классамъ, самая удобная въ хозяйствѣ**, равно какъ **и холостымъ и военнымъ, легка для дѣтей, пригодна въ дорогѣ**, и всякій можетъ въ часъ научиться свободно на ней шить посредствомъ прилагаемаго къ ней руководства. Вѣсомъ она около фунта. **Цѣна въ картонѣ 10 р., въ полиров. орѣх. ящикѣ 11 р. 25 к., пересылка 75 к.** Въ Сибирь и на Кавказъ за 4 фунт.

Главный складъ **въ Москвѣ**, въ писчебумажномъ магазинѣ **„Полиграфъ“**, Мясницкая, д. Ермаковыхъ. № 3806

ГОТОВАЛЬНИ

разн. наборовъ, приноровленн. къ немедленному употребленію.



Изъ желтой мѣди . . . . отъ 2 до 15 р.
„ массивн. нейзильбера . . „ 4 „ 30 р.
и отдѣльн. циркуля, рейсфедера, угольники, линейки, рейсшины и пр.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабр. въ Парижѣ, Avenue de la Républ., 4.
Депо для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 3803 2—1

ЗА 30 КОП. почтовыми марками высылаются **ФОКУСНЫЯ КАРТЫ** съ объясненіями и прейсъ-курант.

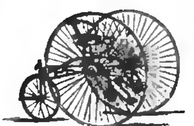
за 50 коп.

почтовыми марками высылается
ВОЛШЕБНЫЙ ПОРТСИГАРЪ
для экономныхъ курителей. Получше **70 к.** и **1 р.** Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „чужаго“.

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ
А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Обуховскій пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

„РУССКІЙ КЛУБЪ“ и ПРЕМЬЕРЪ

2-хъ-колесные велосипеды
спеціально для русскихъ дорогъ.



Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ“.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., В. Морская, 21. Р. № 3395 (14)

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.**

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами; такъ, между прочимъ, *Русскія Вѣдомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса выполненное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемся, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блистательно, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ политипажей, находящихся въ текстѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ дѣйствительность тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которою насъ не избаловали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вѣшай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глазъ... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Скрипки отъ 2½ до 800 руб.
Смычки къ нимъ отъ 50 к. до 60 р.
Віолончели отъ 20 до 800 р.
Гитары въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дороже.
(Гитары отъ 8 р. и дороже, имѣютъ механизмъ для настраиванія).
Мандолины отъ 10 до 125 руб.
Флейты отъ 3 до 160 руб.
Корнетъ-а-пистонъ отъ 18 до 275 руб.
Гармоніи въ громадномъ выборѣ, а также всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности къ нимъ хорошаго качества и по дешевымъ цѣнамъ.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно. № 3808

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.—**Москва**, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Поступила въ продажу НОВАЯ КНИГА (изданіе **Ф. ПАВЛЕНКОВА**):

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ
К. ФЛАММАРІОНА. Mt. № 3814

Съ 100 рис. Перев. съ 4-го франц. изданія **В. Черкасовъ**. Цѣна 1 р. 25 к. Продается во всѣхъ книжн. маг. Главн. складъ въ книжн. маг. Луковникова (Спб. Леонтуковъ пер., д. 2).

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ

LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—9

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства **СУЛЯКЪ (Жиронда)** Франція.

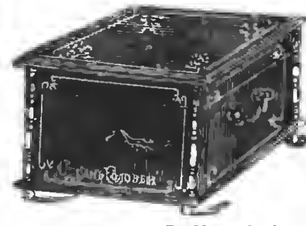
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ

П. № 3782 **ПАНСІОНЪ** 3—3

И. М. ХАЙНОВСКАГО
ВЪ МОСКВѢ
Волхонка, домъ князя Голицына.

Ученики готовятся къ поступленію въ среднія учебныя заведенія слабоуспѣвающіе въ какомъ либо предметѣ отдѣльно занимаются повтореніемъ недостаточно усвоеннаго; занятія продолжаются все лѣто въ деревнѣ, гдѣ, при наблюденіи врача, усиленное вниманіе обращено на укрѣпленіе здоровья учащихся. Пріемъ учениковъ въ теченіе цѣлаго года.



ЛЮБИТЕЛЯМЪ МУЗЫКИ!

вновь изобрѣтенный **Органъ-Соловей** съ металлическими нотами, которыя не подвергаются никакой порчѣ (что часто случается съ картонными). Большой выборъ пьесъ; національно-русскія, малороссійскія, всѣ танцы и духовныя пьесы; въ скоромъ времени выйдутъ болгарскія и молдавскія пьесы. Очень простой и красивой отдѣлки съ золоченой рѣзьбой.

Цѣна **Органу-Соловей** съ 10 нотами **50 р.**
Ноты отдѣльно **75 коп.**
Каталогъ нотъ и описаніе высылается безплатно.

Рекоменд. фабрика музыкальн. инструмент.
Д. А. АЛЕКСАНДРОВА
Депо музык. инстр., **Невскій пр., № 53,** въ С.-Петербургѣ. Mt. № 3797

БАЛЬЗАМЪ „БОРМАНИ“

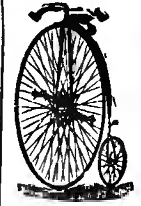
для **НАРУЖНАГО** употребленія

разрѣшенный медицинскимъ совѣтомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Главное депо: б. Конюшенная, № 14
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Продается:
въ **Нижнемъ-Новгородѣ,** въ маг. колоніальн. товаровъ **Зула** и во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Цѣна 1 р. 20 коп. за стклянку.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ



Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—4

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ.
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3718
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Дозвол. ценаур., СПБ., 5 апрѣля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 16 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1889

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 15 апрѣля 1889 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Крестьянская дѣвочка.
Карт. академика И. Пелевина, грав. Шюблеръ.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

(Продолженіе).

X.

До обѣда время въ домѣ Таненбаумовъ на этотъ разъ тянулось долго и скучно. Юлія Андреевна, подъ предлогомъ усталости, никого не принимала и сидѣла запершись у себя въ комнатѣ. У Нэдъ были уроки — и M-elle Mignard не знала какъ убить время.

Отъ скуки она подошла даже къ порогу комнаты Miss Morrison и глядѣла какъ Софи разбирала свои вещи. Она не желала входить совсѣмъ въ комнату Miss Morrison, съ которой по обыкновенію была въ дурныхъ отношеніяхъ; но сидѣть одной ей было не въ моготу и она предпочитала, стоя на нейтральной почвѣ, болтать съ Софи и разсматривать ея вещи.

Софи стояла на колѣняхъ предъ нижнимъ ящикомъ комода, въ который аккуратно укладывала вынимаемое изъ чемодана бѣлье.

Miss Morrison, съ холоднымъ, надменнымъ выраженіемъ на лицѣ, молча вязала стуча спицами, и вполнѣ игнорируя присутствіе M-elle Mignard на порогѣ своей комнаты, не вмѣшивалась въ ея разговоръ ни однимъ словомъ.

— Вы вѣрно сами вязали эти кокетки на рубашкахъ? съ любезной улыбкой спрашивала M-elle Mignard, протягивая руку къ од-

ной изъ рубашекъ, сквозь кружева которой была продернута розовая ленточка.

— Montrez moi, s'il vous plait! Ah, que c'est joli! [1]) Какой хорошенькій узоръ! Кто училъ васъ вязать эти кокетки?

— C'est ma tante Louise, отвѣчала Софи, слегка приподнимая голову съ присущею ей застѣнчивою манерой.

— О! всѣ нѣмки прекрасныя рукодѣльницы!

Софи слегка оживилась и лицо ея покрылось легкою розовою краской.

— О, Tante Luise очень искусная рукодѣльница! Она превосходно вяжетъ, шьетъ и вышиваетъ. Въ своей гостиной она вышила всю мебель и на всѣ окна связала занавѣсы!

Въ глазахъ Софи затеплилось что-то нѣжное и она ласково разглаживала руками кружева на кофтахъ, которыя ей подарила старуха, какъ будто мысленно предназначала свое ласковое прикосновеніе не только этимъ кружевамъ, но и той, которая вязала ихъ.

— А вотъ ея портретъ! сказала она, вынимая изъ чемодана фотографическую карточку, въ рѣзной орѣховой рамкѣ, и съ нѣжною гордостью взглядывая на милое ей, добродушное, полное лицо Tante Luise, ласково улыбавшееся изъ своей рамки.

— Voyons! montrez moi! она еще не стара! у нея очень пріятное лицо! любезно сказала M-elle Mignard, разглядывая портретъ.

— О, да! воскликнула радостно Софи. — Она чрезвычайно симпатична! Всѣ, всѣ кто ее знаетъ, любятъ ее, и потомъ, она такая добрая, она очень... любила меня... прибавила она съ легкимъ, грустнымъ вздохомъ, и на лицо ея набѣжала печальная, задумчивая тѣнь.

— Очень, очень видная женщина! продолжала любезно M-elle Mignard, и уже хотѣла отдать Софи карточку, но въ эту минуту Нэдъ, у которой только что кончился урокъ, вошла въ комнату, въ классномъ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ, и увидавъ стоявшую въ дверяхъ M-elle Mignard, тоже подошла къ ней. Замѣтивъ портретъ, она взяла его изъ ея рукъ и нѣсколько секундъ, молча, съ блуждающею на кончикахъ губъ усмѣшкой, разглядывала его.

— Это Tante Luise? просто спросила она.

Софи молча кивнула головой и протянула за портретомъ руку; Нэдъ, не сказавъ ни слова и только еще разъ взглянувъ на него, отдала его ей. Ей хотѣлось разсмѣяться и подшутить надъ этой толстой нѣмецкой тетушкой съ такимъ смѣшнымъ лицомъ и въ такой невозможной наколкѣ, но она сдержалась и только глаза ея насмѣшливо вспыхнули.

Она переступила порогъ комнаты и съ критической улыбкой начала разбирать и разсматривать вещи сестры, обмѣниваясь насмѣшливыми взглядами съ M-elle Mignard.

— Не трогайте безъ спроса чужихъ вещей! сказала строго Miss Morrison, сердито взглядывая на нее изъ-подъ очковъ.

Нэдъ молча оставила ихъ; она знала по опыту, что противорѣчить англичанкѣ безполезно. Софи испуганно взглянула и на Miss Morrison, и на Нэдъ.

— О, ничего, сказала она сконфуженно, — если хочешь, смотри...

Нэдъ насмѣшливо поблагодарила.

— Благодарю, тутъ нѣтъ ничего интереснаго...

— Habillez vous, mon enfant, il est temps! поспѣшно заговорила M-elle Mignard, и взявъ Нэдъ за талію, тихонько вытолкнула ее изъ комнаты.

— Ужасно трогательно! засмѣялась Нэдъ тихо въ сосѣдней комнатѣ, но все же настолько громко, чтобы Софи могла слышать ея слова, — вязаныя кружевца на рубашкахъ и портретъ der lieben Tante Luise надъ кроватью! Ah, comme c'est touchant! Что касается до меня, то я предпочитаю вязанымъ кружевамъ настоящія и портретамъ тет...

— Chut!.. taisez-vous donc, enfant terrible! испуганно замахала на нее руками M-elle Mignard, которая, исключая Miss Morrison, никому не любила говорить колкостей. — Ne dites pas des bêtises! Habillez vous bien vite!

И втолкнувъ Нэдъ въ спальню, она заперла за ней дверь.

Miss Morrison искоса взглядывала на Софи, которая съ грустнымъ лицомъ молча запирала комодъ.

— Черствый ребенокъ! проговорила Miss Morrison, сердито глядя вслѣдъ Нэдъ, и о чемъ-то укоризненно покачала головой.

XI.

Предъ самымъ обѣдомъ Юлія Андреевна пришла на „половину дочекъ“ и спросила, отдыхала-ли Софи и какъ она себя чувствуетъ, заглянула въ обѣ спальни и нашла, что Софи устроила все очень мило, похвалила вышитыя ею туфли для Ѳедора Густавовича и подушку на диванъ для себя и поболтавъ еще немного съ M-elle Mignard, взяла подъ руки „своихъ дѣвочекъ“ и прошла вмѣстѣ съ ними въ столовую.

Вообще она была очень ласкова и любезна, съ той особенной обворожительной привѣтливостью, которая всегда являлась къ ея услугамъ по желанію.

Въ столовой уже дожидался Ѳедоръ Густавовичъ, бесѣдовавшій съ двумя гостями, обѣдавшими у него, — какимъ-то чистенькимъ розовымъ старичкомъ и высокимъ военнымъ, съ длинными бакенбардами и желчнымъ лицомъ.

У Таненбаумовъ всегда обѣдалъ кто-нибудь изъ знакомыхъ; часто это были лица въ сущности очень мало знакомыя и попадавшія случайно, не являвшіяся потомъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и даже годамъ.

— А вотъ и мои дѣвчурки! воскликнулъ громко Ѳедоръ Густавовичъ, увидя жену входящую съ дочерьми.

— Позвольте познакомить васъ съ моей старшей дочерью!

Софи, краснѣя, застѣнчиво поклонилась; она повидимому не ожидала встрѣтить за обѣдомъ посторонних, и эти чужія, неожиданныя лица еще больше смутили ее.

— Прошу покорно! пригласилъ Ѳедоръ Густавовичъ, и шумно отодвинувъ свой стулъ, грузно опустился на него.

Юлія Андреевна велѣла поставить приборъ Софи рядомъ съ собой — это была особенная любезность, которую она оказывала только самымъ почетнымъ и симпатичнымъ гостямъ.

Блюда съ дымившимися кушаньями разносили два лакея, которые своими важными физіономіями, казалось, тоже нѣсколько смущали Софи; она робѣла и брала микроскопическія порціи.

На противоположномъ концѣ стола, гдѣ сидѣли мужчины, шелъ громкій разговоръ о какихъ-то акціяхъ и тарифахъ. Желчный офицеръ спорилъ о чемъ-то съ Ѳедоромъ Густавовичемъ, который по-русски нѣсколько затруднялся развивать свои идеи и мнѣнія вполнѣ ясно, а потому поминутно переходилъ на нѣмецкій языкъ, на которомъ его доказательства казались ему убѣдительнѣе и краснорѣчивѣе.

Но желчнаго барина повидимому нѣмецкій языкъ раздражалъ еще больше и онъ озлобленно опровергалъ всѣ доводы Ѳедора Густавовича.

Софи съ тревогой поглядывала въ ихъ сторону, не понимая, какъ можно спорить такъ рѣзко съ хозяиномъ дома, и даже боясь, какъ-бы отецъ не поссорился съ этимъ сердитымъ офицеромъ.

Дамы не принимали въ спорѣ, нисколько не интересовавшемъ ихъ, никакого участія и сидѣли съ равнодушными лицами.

[1]) Покажите пожалуйста, ахъ это очень мило!

Юлія Андреевна, видя что Софи все молчитъ, старалась съ любезностью свѣтской хозяйки занять и развлечь ее.

— Въ которомъ часу обѣдала ты у Tante Luise? спросила она ее.

— Въ два часа!

— A deux heures! Vraiment? Mon Dieu!.. [1]) Si tôt? воскликнула съ удивленнымъ видомъ M-elle Mignard, прислушивавшаяся къ ихъ разговору,—à deux heures! mais c'est impossible! Я бы не была въ состояніи проглотить въ это время ложку супу.

— Ужасно рано! сказала и Юлія Андреевна, насмѣшливо покачивая головой.

Софи удивилась: она въ свою очередь не понимала, что̀ находятъ они въ этомъ такого необыкновеннаго. Многія ея знакомыя обѣдали еще раньше.

— Вѣдь Tante Luise вставала очень рано. Она въ восемь часовъ уже пила кофе.

Но M-elle Mignard начала удивляться еще больше.

— Comment donc? Какъ? пила кофе въ восемь часовъ, значитъ она вставала часовъ въ шесть! Невозможно, кто встаетъ такъ рано?

— Отчего-же? спросила Софи, которой удивленіе M-elle Mignard было немного непріятно. — Отчего-же невозможно? Дядя Шмидтъ вставалъ еще раньше — въ 5 часовъ.

M-elle Mignard всплеснула руками и хотѣла усиленно поразиться, но Юлія Андреевна, не любившая никакихъ разговоровъ объ родственникахъ мужа и допускавшая исключеніе для одной Tante Luise, на которую глядѣла какъ на необходимое зло, нахмурилась, и быстро перевела разговоръ на другую тему.

M-elle Mignard, поймавъ недовольный взглядъ хозяйки, поняла, что лучше больше не удивляться.

— Отчего ты такъ мало взяла этого соуса? обратилась Юлія Андреевна къ дочери, — это очень вкусно.

— Онъ очень жжетъ ротъ, я вѣрно еще не привыкла, прибавила она съ извиняющейся улыбкой, — у Tante Luise были всегда очень простыя кушанья.

— Да, мнѣ случалось обѣдать у нея, она хорошая хозяйка, замѣтила снисходительно Юлія Андреевна, но Ѳедоръ Густавовичъ вдругъ вмѣшался въ ихъ разговоръ.

— О, Tante Luise великолѣпная повариха! воскликнулъ онъ громко чрезъ весь столъ, невольно привлекая на себя всеобщее вниманіе.—Она будетъ подавать вамъ самый простой вещь, но умѣетъ такъ приготовлять ея, что вы будете облизать себѣ всѣ пальчики.

Онъ поднесъ къ губамъ свои сложенные всѣ вмѣстѣ пальцы и со вкусомъ, точно что-то смакуя, чмокнулъ ихъ.

Юлія Андреевна брезгливо поморщилась.

— Я надѣюсь, Sofichen, продолжалъ онъ,— что она научила тебя своему мастерству.

— О, да! отвѣчала Софи съ наивнымъ удовольствіемъ. — Tante Luise не разъ брала меня даже на рынокъ, нарочно, чтобы я практиковалась.

— А, ну это превосходно! Но была-ли ты понятливая ученица? Я думаю, что вертушку Нэдъ сама Tante Luise ничему-бы не научила? А? Нэдъ, was sagst Du?

Нэдъ презрительно улыбнулась.

— Я не знаю, сказала Софи съ застѣнчивой улыбкой и чуть замѣтной гордостью, — вѣроятно я была понятлива, Tante Luise иногда совсѣмъ не выходила въ кухню, а поручала весь обѣдъ моей отвѣтственности.

— Ну, и что-жь, доставалось тебѣ потомъ на орѣхи?

— Иногда... но большею частью я особенно старалась и Tante Luise оставалась мной довольна... и хвалила меня... Я очень люблю стряпать... прибавила она и тотчасъ-же сконфузилась, чувствуя инстинктивно, что она не должна-бы была признаваться здѣсь въ этомъ.

[1]) — Въ два часа! Возможно ли? Боже мой!

Нэдъ едва удерживалась отъ смѣха и подталкивала, по своему обыкновенію, M-elle Mignard, бросая на нее насмѣшливые взгляды.

Глаза Юліи Андреевны становились все темнѣе и она все больше раздражалась.

— А, ну, вотъ и превосходно! воскликнулъ съ удовольствіемъ Ѳедоръ Густавовичъ.—Значитъ, бы будемъ надѣвать на тебя завтра eine weisse Schürze, [1]) и ты сама будешь приготовлять, по рецептамъ Tante Luise, Sandkuchen. Ахъ, какъ она дѣлала это кушанье! Я до сихъ поръ не могу забывать. А если хочешь, то возьми меня въ помощники. Я буду брать бѣлый колпакъ у Никиты, передникъ, и приду помогать тебѣ дѣлать Sandkuchen.

И онъ громко засмѣялся своимъ добродушнымъ хохотомъ, отъ котораго колыхалось все его огромное тѣло.

Розовенькій старичокъ одобрительно засмѣялся, а Нэдъ, которой живо представилось, какъ отецъ, въ бѣломъ колпакѣ и передникѣ, а Софи, съ засученными какъ у судомоекъ рукавами, возятся у плиты съ мѣдными кострюлями, залилась веселымъ хохотомъ.

— Ну, это будетъ совершенно излишне! сухо замѣтила Юлія Андреевна, кидая вмѣстѣ съ Miss Morrison строгій взглядъ на Нэдъ.—Она можетъ дать свои рецепты повару и онъ приготовитъ все это и безъ ея вмѣшательства.

— Но, нѣтъ! воскликнулъ Ѳедоръ Густавовичъ, — поваръ совсѣмъ не то! У нихъ это будетъ выходить все очень тонко и прекрасно, но совсѣмъ не такъ вкусно, какъ будетъ умѣть приготовлять eine Frau. Кухней, по моему, должна распоряжаться женщина.

Юлія Андреевна насмѣшливо повела глазами и замолчала, не желая при постороннихъ входить въ безполезные и неумѣстные споры.

— Да, ваша правда, согласился розовый старичокъ, сочувственно кивая головой, — ваша правда, теперь-то вѣдь такія хозяйки, какъ въ старину водились—давно ужь вывелись. Я помню, моя матушка своимъ хозяйствомъ на всю губернію славилась. Молоденькія дамы къ ней учиться пріѣзжали-съ. Да-съ! Потому что прежде между дамами въ этомъ дѣлѣ соревнованіе было, гордость, а теперь все это пропало. Покойница матушка такіе пироги дѣлала, что къ намъ бывало по воскресеньямъ верстъ за 30 пріѣзжали, чтобы только покушать ихъ. А теперь гдѣ вы это найдете? Нѣтъ-съ, Юлія Андреевна, любовь къ хозяйству въ дѣвушкѣ, большое-съ достоинство! Очень большое!

— А знаете, прервалъ его, обращаясь къ Ѳедору Густавовичу, желчный офицеръ, котораго хозяйственные вопросы очевидно не интересовали, — Боровинъ говорятъ будетъ назначенъ на мѣсто Попова.

— Но! Ѳедоръ Густавовичъ очень удивился, — скажите на милость! но вѣрно-ли то? про него никто ничего не разговаривалъ и вдругъ! я слышалъ, будетъ назначаться Аксель.

— Нѣтъ, это вѣрно, мнѣ говорилъ Дементьевъ. Богъ знаетъ что̀ у насъ дѣлается!

— Да! ну это будетъ бывать для многихъ непріятный сюрпризъ! засмѣялся Ѳедоръ Густавовичъ, и разговоръ опять перешелъ на назначенія, акціи и тарифы.

Нэдъ все съ большимъ безпокойствомъ поглядывала на отца; подавали уже пирожное, а онъ еще и не думалъ исполнить ее просьбу о балѣ. Она кидала на него выразительные взгляды, но Ѳедоръ Густавовичъ увлекся назначеніемъ Боровина и спорилъ, не замѣчая ея взглядовъ и не обращая никакого на нее вниманія.

„Нѣтъ, онъ забудетъ“! думала она съ отчаяніемъ и придумывала какъ бы обратить на себя его вниманіе. Она кашляла, смѣялась и говорила громче чѣмъ это допускалось Юліей Андреевной, но Ѳедоръ Густавовичъ все-таки не замѣчалъ ея.

[1]) Бѣлый фартукъ.

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. Дервиза. Поэзія

Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Торговецъ. Картина К. П. Степанова, грав Шлипперъ.

Нэдъ чуть не плакала, она боялась что такъ и не попадетъ на балъ.

„Ну, такъ я пролью вино,“ придумала она, „на меня всѣ накинутся и онъ вспомнитъ; вотъ онъ всегда такъ! обѣщаетъ, а самъ и забудетъ, несносный!“

И протянувъ руку къ своему стакану, она какъ-будто нечаянно задѣла и опрокинула стаканъ своей сосѣдки, Miss Morrison.

Нэдъ вскрикнула, Miss Morrison испуганно отодвинулась отъ залитой скатерти и Юлія Андреевна бросила на Нэдъ сердитый взглядъ.

— Вѣчно шалости! сказала она строго.

— Пролить красное вино на скатерть—это верхъ неприличія и невоспитанности, замѣтила Miss Morrison съ глубокимъ презрѣніемъ.

Лакей поспѣшно бросился перемѣнять залитый приборъ и положилъ чистую салфетку на мокрую скатерть. Такимъ образомъ за столомъ произошелъ легкій переполохъ и Ѳедоръ Густавовичъ невольно обернулся въ сторону Нэдъ.

— Ай, ай, ай! закачалъ онъ укорительно головой, увидѣвъ на скатерти красное пятно. — Это не скоро будетъ выходить!

Нэдъ не отводила отъ его лица какъ будто виноватыхъ глазъ, стараясь всѣми мысленными силами заставить его подъ этимъ взглядомъ вспомнить свое обѣщаніе. Ѳедоръ Густавовичъ, увидавъ виноватые глаза дочери съ мольбой смотрѣвшіе на него, подумалъ что она испугалась и ему стало ея жаль.

— Ну ничего... ничего! сказалъ онъ добродушно. — Не бѣда! и ласково кивнувъ ей еще разъ головой, снова обратился къ желчному офицеру и продолжалъ съ нимъ начатый разговоръ.

А Нэдъ, потерявшей наконецъ всякую надежду заставить отца припомнить, стало вдругъ такъ досадно на него и такъ ужасно жалко что она не попадетъ теперь уже на балъ, что она не вытерпѣла и вдругъ заплакала совсѣмъ еще по-дѣтски, крупными-крупными слезами, поспѣшно вытирая ихъ платкомъ свернутымъ въ комочекъ.

M-elle Mignard, знавшая какъ рѣдко плачетъ ея ученица, поразилась на этотъ разъ уже вполнѣ искренно.

— Qu'avez vous, mon enfant? спросила она съ удивленіемъ.

— Это что за новости? тихимъ, но строгимъ голосомъ спросила Юлія Андреевна.—Перестань сейчасъ же! какъ тебѣ не стыдно!

Софи съ удивленіемъ и жалостью смотрѣла на сестру, думая что она плачетъ о томъ что получила выговоръ за пролитое вино.

Но Нэдъ расплакалась уже совсѣмъ по дѣтски, всхлипывая и прижимая свой платокъ къ глазамъ, быстро наполнявшимся слезами, и не могла теперь остановиться.

— Ты вѣрно хочешь чтобы я выслала тебя изъ-за стола? спросила опять Юлія Андреевна очень сдержанно, но съ сердитыми нотками въ голосѣ.

Ѳедоръ Густавовичъ, услышавъ всхлипываніе, обернулся и очень удивился увидѣвъ плачущую Нэдъ.

— Nedchen! was hast Du, mein Kind? Pfui, Schande! Ну что такой! съ кѣмъ бѣды не случалось, зачѣмъ для этого плакать!

— Выйди! коротко приказала Юлія Андреевна, показывая M-elle Mignard взглядомъ чтобъ она увела свою провинившуюся воспитанницу.

Нэдъ поднялась и, закрывая лицо платкомъ, сердито отодвинула свой стулъ и вышла. M-elle Mignard поспѣшно и съ недоумѣніемъ, не понимая что̀ вдругъ сталось съ ея ученицей, которая всегда держала себя вполнѣ взрослою дѣвицей, пошла за ней.

— Съ дѣтьми всегда недоразумѣнія! обратилась къ гостямъ Юлія Андреевна съ любезною улыбкой, какъ бы слегка извиняясь передъ ними за свою капризную дочь.

— Помилуйте! воскликнулъ не то радостно, не то озлобленно желчный господинъ,—у меня у самого ихъ пятеро! знакомъ съ этими исторіями!

— Боже мой, я думаю, они васъ часто безпокоятъ!

— Да, случается-таки, задаютъ концерты!

— Но что̀ такое случалось? недоумѣвалъ Ѳедоръ Густавовичъ, — она такъ рѣдко плачетъ!

— Вотъ-съ! не обращаясь собственно ни къ кому, заговорилъ опять розовый старичокъ укорительно и съ сожалѣніемъ улыбаясь.—Вотъ-съ нынче пятеро дѣтей— и ужъ считается много!—родители жалуются, и не знаютъ какъ съ ними управиться. А какъ же въ наше-то время было? У нашей матушки насъ одиннадцать человѣкъ было? у тетушки Марьи Петровны, сестрицы ея,—четырнадцать! Да и то не жаловалась, и въ домѣ все было чинно и спокойно. Въ старину въ этомъ видѣли милость Божію и радовались. А нынче, помилуйте, рѣдко-рѣдко въ которой семьѣ встрѣтишь больше двухъ, трехъ, много четырехъ дѣтей! Или вотъ еще у насъ помѣщица одна была, Анна Герасимовна Куличева, прекрасная, здоровая такая дама была, такъ у той восемнадцать человѣкъ-съ было. Да-съ, восемнадцать человѣкъ! Да и то рѣдкостью не считалось, случалось и по двадцати имѣли. Бывало, въ какомъ-нибудь помѣщичьемъ барскомъ домѣ какъ сядутъ за столъ, такъ весь столъ персонъ на двадцать, на двадцать пять накрытый и займутъ. И все своя семья! Или бывало въ праздникъ, въ именины, или вотъ въ Рождество съѣдется вся родня въ одинъ домъ, большею частью конечно къ старшему въ родѣ, такъ повѣрите-ли—до ста человѣкъ доходило! И все свои: дочери замужнія, сыновья женатые, внуки, даже правнукамъ случалось быть. Такъ даже умилишься просто! А все отчего? жизнь правильнѣе была, здоровье крѣпче было. Нынче, помилуйте, молодой человѣкъ лѣтъ въ двадцать, двадцать пять, въ самый можно сказать разцвѣтъ свой—и ужъ болѣетъ, анеміи тамъ разныя: а въ наше время ничего этого не знали. Я вотъ, моего дѣда прекрасно помню, такъ, лѣтъ уже семидесяти слишкомъ—красавецъ мужчина былъ—волосы всѣ цѣлы, зубы крѣпкіе, лицо румяное, свѣжее! просто, красавецъ! Самъ тройкой правилъ, да вѣдь какъ! Только крикнетъ бывало на лошадей,—голосъ зычный, звонкій имѣлъ— „Ну, голубчики, не посрамите старую голову, выносите соколики!“ Такъ бывало и молодымъ-то за нимъ не угнаться. Именно какъ сказалъ Лермонтовъ:

Да, были люди въ наше время —
Не то что нынѣшнее племя,
Богатыри — не вы!

Но Юлія Андреевна, знавшая скучную привычку благодушнаго старичка распространяться на три часа о прежнихъ славныхъ временахъ—поспѣшно отодвинула стулъ и встала давая знакъ объ окончаніи обѣда.

Всѣ подходили уже благодарить ее, какъ вдругъ Ѳедоръ Густавовичъ ударилъ себя по лбу.

— Ахъ! вскрикнулъ онъ, внезапно вспоминая наконецъ о просьбѣ Нэдъ, — я и забылъ! совсѣмъ забылъ! M-elle Mignard! а! да ея нѣтъ. Вотъ что̀, душенька, обратился онъ къ женѣ особенно ласковымъ голосомъ,— Нэдъ просилась сегодня на балъ, пожалуйста сдѣлай милость, пускай ее!

Юлія Андреевна слегка удивилась.

— Когда же она просилась?

Ѳедоръ Густавовичъ, припомнивъ вдругъ всѣ подробности утренняго посѣщенія Нэдъ и ея просьбу не выдавать ее матери, нѣсколько смутился, понявъ что онъ ее выдаетъ. Но было уже поздно и онъ не умѣлъ ни выгородить Нэдъ, ни поправить свою ошибку.

— Сегодня утромъ; только пожалуйста сдѣлай мнѣ удовольствіе, пускай ее!

— А! сегодня утромъ! сказала Юлія Андреевна и нахмурилась. „Это“, подумала она про себя, „когда

я застала ее въ кабинетѣ, гм!.. не спросясь меня“...

— Она должна была проситься у меня, а не у васъ, сухо замѣтила она мужу,—но за то что она такъ скверно вела себя за обѣдомъ, она не будетъ пущена на балъ.

— Aber, mein Gott, это я всему виноватъ, пожалуйста...

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста!—Юлія Андреевна нетерпѣливо отвернулась отъ мужа,—вы знаете что я разъ навсегда просила васъ не вмѣшиваться въ эти мелочи. Я сказала: нѣтъ, значитъ: нѣтъ,—просить безполезно.

— Böses Weib! [1]) проворчалъ Ѳедоръ Густавовичъ и сердито отошелъ отъ жены. Онъ сердился и на нее за ея характеръ, и на себя за то что не умѣлъ повести дѣла ловко, какъ совѣтовала Нэдъ, и жалѣлъ Нэдъ, отъ которой онъ зналъ что ему еще порядкомъ достанется послѣ.

Онъ увелъ мужчинъ къ себѣ въ кабинетъ, куда имъ подали превосходныя сигары, черный кофе и разные ликеры и гдѣ они могли на свободѣ, не стѣсняясь уже дамскимъ обществомъ, продолжать интересные для нихъ политическіе и экономическіе споры, а Юлія Андреевна ласково обратилась къ Софи:

— Пойдемъ ко мнѣ посидѣть: мы съ тобой совсѣмъ еще ничего не говорили.

И обнявъ дочь, прошла съ ней анфиладою комнатъ въ свой прелестный японскій будуаръ, стѣны и мебель котораго, низкая и мягкая, какъ бы располагавшая къ нѣгѣ, были обиты желтымъ китайскимъ шелкомъ. Всѣ стѣны и углы были заставлены изящными японскими ширмами, шкапчиками и этажерками, убранными дорогимъ китайскимъ фарфоромъ въ видѣ вазъ, куколъ и тарелокъ. Подъ потолкомъ тихо покачивался японскій фонарь, обливавшій комнату пріятнымъ желтовато-розовымъ свѣтомъ, а изъ большихъ вазъ возвышались пальмы и простирали въ воздухѣ свои огромные вѣерообразные листья раскидистыя латаніи. Весь воздухъ и всѣ вещи казались пропитанными ароматомъ фіалокъ и гіацинтовъ сливавшимся съ тонкимъ запахомъ духовъ, изъ раскрытыхъ флаконовъ...

Юлія Андреевна очень любила этотъ уголокъ и гордилась имъ какъ воплощеніемъ своего изящнаго, артистическаго вкуса. Большею частью она именно здѣсь принимала Бахманова и другихъ болѣе или менѣе интересовавшихъ ее поклонниковъ, находя что въ этомъ прелестномъ уголкѣ и сама она кажется еще изящнѣе и красивѣе.

— Ну вотъ и присядь тутъ! сказала она, указывая дочери на маленькую козетку, возлѣ которой распростерлась на полу тигровая шкура съ раскрытою пастью. Сама она сѣла напротивъ Софи на низкую козетку и молчала нѣсколько мгновеній, придумывая о чемъ бы ей начать говорить съ дочерью. Она чувствовала что, не смотря на всѣ старанія, все что она говорила съ дочерью выходило все-таки холодно и оффиціально, тѣмъ болѣе для перваго дня свиданія послѣ долгой разлуки. Если бы Софи была просто знакомая или родственница пріѣхавшая погостить къ нимъ, она конечно умѣла бы занять и развлечь ее, но Софи была ея родная дочь и однимъ своимъ присутствіемъ напоминала ей что сегодня же вечеромъ судьба ея, Юліи Андреевны, можетъ сильно измѣниться къ худшему. Мысль эта продолжала мучить ее, не смотря на предчувствіе и какъ бы увѣренность въ своемъ успѣхѣ и побѣдѣ, и невольно отталкивала ее отъ этой дочери, которая быть-можетъ сегодня же вечеромъ, однимъ своимъ появленіемъ, состаритъ ее въ глазахъ общества на добрыя десять лѣтъ. Но не смотря на эти тяжелыя и мучительныя для нея мысли, она все-таки желала быть съ дочерью любезнѣе и пріискивала въ умѣ разныя привѣтливыя фразы.

— Нравится тебѣ эта комната? ласково спросила она у Софи, которая съ удивленіемъ и восторгомъ оглядывала весь будуаръ.

— О да, очень, но я совсѣмъ не помню ея почему-то.

— Она всего три года какъ отдѣлана; это моя любимая комната, тутъ все сдѣлано по моимъ указаніямъ и рисункамъ.

— Я думаю, тутъ очень пріятно иногда посидѣть... но жить мнѣ кажется пріятнѣе въ болѣе простыхъ комнатахъ.

— Какъ на чей вкусъ, сухо замѣтила Юлія Андреевна, удивляясь въ душѣ этому мѣщанству въ своей родной дочери.

— Можетъ-быть я ошибаюсь, смущенно прибавила Софи, чувствуя что мать какъ будто осталась недовольна ея замѣчаніемъ, — у Tante Luise комнаты были очень простыя, съ самой обыкновенной мебелью.

„Ахъ, эта несносная Tante Luise“, съ тоской думала Юлія Андреевна, „сколько мѣщанскихъ привычекъ она привила ей...“

— Какіе прелестные цвѣты! сказала съ восхищеніемъ Софи подходя къ жардиньеркамъ, наполненнымъ розами, гіацинтами и фіалками, ароматомъ которыхъ пропитанъ былъ весь воздухъ.—Вы сами выводите ихъ?

— Конечно нѣтъ — за ними смотритъ садовникъ.

— Я очень люблю цвѣты — мы съ Tante Luise всегда сами ухаживали за ними. Она научила меня выводить луковицы и камеліи, къ Святой у насъ всегда всѣ окна были уже заставлены тюльпанами и гіацинтами. Это такъ пріятно самимъ выводить ихъ...

— Да, конечно, это пріятно... отвѣчала Юлія Андреевна еще холоднѣе, все больше раздражаясь на дочь за то, что та каждый разговоръ сводила на свою обожаемую Tante Luise.

Софи взглянула на мать виноватыми глазами, догадываясь что чѣмъ-то она сердитъ ее и невольно сознавая, что относится это именно къ Tante Luise. Ей было это больно и тяжело — и она не понимала какъ можно не любить добрую, милую Tante Luise, которая ей, Софи, казалась лучше и умнѣе всѣхъ людей въ мірѣ.

Еще въ года своего дѣтства, во время рѣдкихъ пріѣздовъ Юліи Андреевны въ Москву, Софи начала понимать что ея мать и Tante Luise не долюбливаютъ другъ друга. Tante Luise никогда не сказала ей про мать ни одного дурнаго слова, но въ выраженіи ея глазъ и голоса, когда она говорила о Юліи Андреевнѣ, невольно чувствовалась какая-то непріязнь и холодность; Софи удивлялась и грустила объ этомъ, не понимая какъ могутъ онѣ не любить другъ друга, потому что если Tante Luise она находила добрѣе и лучше всѣхъ людей, то и мать, въ свою очередь, казалась ей великолѣпнѣе и прекраснѣе всѣхъ женщинъ. Красота матери внушала ей какой-то благоговѣйный восторгъ и удивленіе; ея величественная фигура, прекрасное, гордое лицо и роскошныя платья и восхищали, и смущали Софи одновременно, порождая въ ней какую-то невольную робость, которую она не въ силахъ была побѣдить въ себѣ даже и впослѣдствіи, когда уже совсѣмъ выросла. Мать казалась ей какимъ-то дивнымъ, но недоступнымъ божествомъ, которое она обожала въ глубинѣ души, мысленно всегда стремясь къ нему, но въ присутствіи котораго безотчетно пугалась чего-то и робѣла.

Отецъ былъ ей ближе и понятнѣе. Онъ напоминалъ ей чѣмъ-то дядю Шмидта, котораго она очень любила; съ нимъ она чувствовала себя гораздо легче и проще чѣмъ съ матерью, и всегда ужасно радовалась когда онъ пріѣзжалъ въ Москву. Но совсѣмъ хорошо ей было только въ маленькихъ, уютныхъ комнаткахъ своей Tante Luise, гдѣ полъ и бѣлые чехлы на мебели блестѣли голландской чистотой, а на окнахъ, заставленныхъ цвѣтами, распѣвали въ

[1]) Злючка!

клѣткахъ желтенькія канарейки, наполняя всю комнату веселымъ щебетаньемъ и трелями. Чѣмъ больше выростала она, тѣмъ все ближе дѣлалась ей Tante Luise съ ея маленькой квартиркой и тѣмъ дальше становился домъ отца и матери. Если бы ей позволили выбирать, она бы всю жизнь предпочла оставаться съ Tante Luise, но отецъ потребовалъ ея возвращенія и ей не приходило въ голову что она можетъ ослушаться его, тоскливо, со щемящею болью въ сердцѣ, оторвавшись отъ всего съ чѣмъ такъ сжилась, она покорно поѣхала за Miss Morrison въ Петербургъ, въ богатый домъ отца, заранѣе, заочно уже пугавшій ее непривычною для нея обстановкой и въ которомъ она инстинктивно предчувствовала себя лишнею и чужою. Өедоръ Густавовичъ, знавшій любовь ея къ теткѣ, понималъ, хотя не вполнѣ ясно, что первое время разлуки съ ней — будетъ для дѣвушки тяжело, и заранѣе утѣшалъ ее въ письмѣ обѣщаніемъ баловъ и нарядовъ; но балы эти только пугали Софи, которая съ неувѣренностью и робостью застѣнчивой натуры думала о томъ какъ она вѣроятно будетъ казаться тамъ глупа и смѣшна. Въ душѣ ей было грустно и тяжело, однако она не только не роптала, но еще находила себя неблагодарною и дурною дочерью и всѣми силами старалась не выказать своей грусти отцу или матери, чтобы не оскорбить ихъ, такихъ добрыхъ и готовыхъ дѣлать ей разныя удовольствія.

И вотъ она сидѣла наконецъ въ этомъ домѣ напротивъ матери, и онѣ обѣ не знали о чемъ говорить другъ съ другомъ — обѣимъ было неловко и тяжело.

Софи боялась уже говорить о своей Tante Luise и о чемъ-нибудь касавшемся ея, чтобы не сердить мать; но именно теперь, когда она была такъ далеко отъ тетки, ей хотѣлось вспоминать и говорить объ ней. И Софи думала о томъ что́ дѣлаетъ старушка теперь. Теперь восьмой часъ. Tante Luise завѣсила чистыми полотенцами клѣтки съ птицами, чтобы огонь отъ лампъ не будилъ ихъ, и сидитъ въ столовой въ ожиданіи самовара, который подастъ ей сейчасъ старая Лотхенъ, живущая у Tante уже пятнадцать лѣтъ. Она тоже вѣрно думаетъ и скучаетъ о своей милой Sofichen... И сердце Софи тоскливо ныло, ей хотѣлось бы заплакать, но она сдерживалась и разглядывала богатые плюшевые альбомы съ портретами разныхъ дамъ и генераловъ, имена которыхъ Юлія Андреевна, слегка покачивавшаяся напротивъ нея на качалкѣ, издали называла ей. Наконецъ всѣ альбомы были пересмотрѣны и тема для разговора опять оборвалась. Онѣ снова замолчали тѣмъ тяжелымъ натянутымъ молчаніемъ, въ которомъ какъ бы чувствуется скрытая непріязнь.

— Быть-можетъ, мой другъ, ты хочешь отдохнуть немного? ласково спросила Юлія Андреевна, — у тебя очень усталый видъ — еще только половина восьмаго, тебѣ не къ чему начинать одѣваться раньше половины девятаго, въ Петербургѣ на вечера съѣзжаются очень поздно — цѣлый часъ еще въ твоемъ распоряженіи. Поди, мой другъ, прилягъ.

Софи встала, безсознательно радуясь что можетъ уйти, а Юлія Андреевна со вздохомъ облегченія, ласково поцѣловала ее и улыбнулась ей на прощанье.

Нѣмое благоговѣніе предъ матерью осталось въ Софи до сихъ поръ—малѣйшая ласка матери трогала ее и заставляла радостно краснѣть; но ласки эти были рѣдки и неискренни—дочь невольно чувствовала эту неискренность и огорчалась ею

Войдя въ свою гостиную, Софи услышала чьи-то рыданія и испуганно остановилась. Это плакала Нэдъ, которая все еще не могла никакъ примириться съ мыслью что не попадетъ сегодня на балъ.

M-elle Mignard сидѣла въ гостиной и сердито вязала какой-то голубой шарфъ. За работу M-elle Mignard принималась только въ минуты сильнѣйшаго раздраженія.

— О чемъ она плачетъ? участливо спросила Софи по-французски.

— Оставьте ее, это невыносимое дитя, она разсердила даже меня. Пусть ее кричитъ и бьетъ ногами по своей кровати! точно кто виноватъ что monsieur такой безпамятный, а madame такъ деспотична!

Софи стало жаль сестру.

— Могу я пройти къ ней? спросила она.

— О, конечно, если хотите чтобъ она васъ укусила.

— Ну, быть-можетъ она и не укуситъ меня! сказала Софи съ улыбкой, и растворивъ запертую наглухо дверь спальни, подошла къ Нэдъ.

Нэдъ лежала ничкомъ на кровати и, уткнувъ голову въ подушки, громко рыдала, ударяя ногами по кровати.

— Нэдъ, что́ съ тобой? спросила Софи, наклоняясь надъ ней, — зачѣмъ ты такъ плачешь, быть можетъ maman еще позволитъ тебѣ...

— Ахъ, отстань! сердито вскрикнула Нэдъ.

Софи въ раздумьи стояла надъ ней, удивляясь, какъ можно такъ сильно сердиться.

— Хочешь я попрошу у maman?.. спросила она нерѣшительно.

— Да отстань же отъ меня! взвизгнула съ отчаяніемъ Нэдъ, — убирайся пожалуйста!.. точно тебя кто послушается!

И она еще громче зарыдала.

Софи испуганно отступила отъ нея и вышла изъ комнаты, съ недоумѣніемъ пожимая плечами.

— Вѣдь я говорила вамъ! воскликнула съ торжествомъ M-elle Mignard.

Софи подошла къ дверямъ своей спальни, тоже наглухо запертымъ, и постучалась, думая что Miss Morrison заперлась нарочно чтобъ къ ней не входили.

— Войдите! послышалось оттуда.

Софи осторожно пріотворила дверь.

— Только притворите дверь, сказала Miss Morrison, вкладывая себѣ въ уши огромные куски ваты.—Чтобъ не оглохнуть отъ этого крика, пояснила она съ холоднымъ презрѣніемъ, видя что Софи удивленно смотритъ на нее.

— Я хотѣла бы прилечь, сказала Софи, запирая дверь.

Miss Morrison неодобрительно покачала головой.

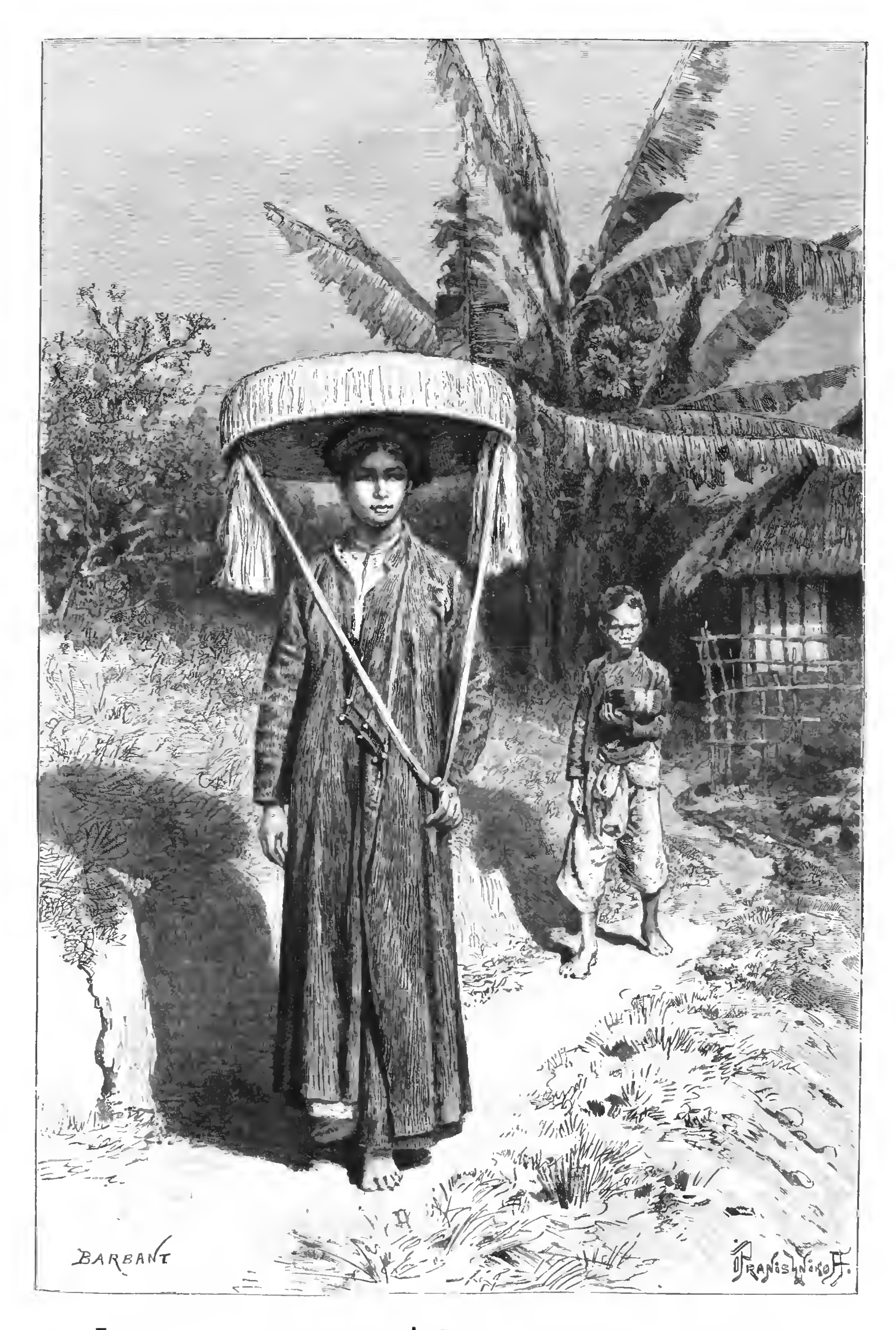
— Не слѣдуетъ ложиться на постель днемъ, это неприлично; вотъ очень удобное кресло, отдохните въ немъ, сказала она, вставая со своего желтаго сафьяноваго кресла

— О нѣтъ, Miss Morrison, пожалуйста не безпокойтесь, я могу сѣсть на стулъ! смутилась Софи, увидѣвъ что Miss Morrison уступаетъ ей свое кресло.

Но Miss Morrison съ холодною настойчивостью заставила ее сѣсть.

— Вамъ надо отдохнуть, сказала она тономъ не допускавшимъ возраженія, — иначе вы будете очень утомлены къ балу... „котораго вовсе не слѣдовало назначать сегодня“, прибавила она про себя.

Софи нехотя опустилась на ея мѣсто, она чувствовала себя утомленною, разбитою, но спать все-таки не могла, — и сидѣла, вяло прислушиваясь къ постепенно затихающимъ крикамъ Нэдъ, долетавшимъ сюда. Прямо передъ ней висѣло новое легкое розовое платье, которое черезъ часъ она должна была надѣть, чтобы показаться сотнѣ чужихъ глазъ. Мысль эта мучила и пугала ее. Весь нынѣшній день и все въ ихъ домѣ казалось ей теперь такимъ страннымъ и непонятнымъ: она удивлялась какъ можно жить такою скучною, какъ ей казалось, утомительною и непріятною жизнью, и думала, какъ было бы хорошо если бы все это оказалось только сномъ—она бы проснулась и снова увидала бы себя въ милыхъ комнаткахъ Tante



Тонкинка въ городскомъ костюмѣ. Съ фотогр. рис. Прянишниковъ, грав. Барбанъ.

Luise. Но она знала что этого не случится и что не скоро, а быть-можетъ и никогда уже не очутится она снова въ тѣхъ милыхъ комнаткахъ и пожалуй многіе долгіе и скучные годы должна она будетъ прожить тутъ, въ этомъ парадномъ, но холодномъ домѣ, среди этихъ людей, называвшихся ея родными, а въ сущности совсѣмъ чужихъ для нея... И она отвернулась къ окну, чтобы Miss Morrison, читавшая Библію, не замѣтила ея слезъ, которыя крупными каплями медленно скатывались у нея по щекамъ.

(Продолженіе будетъ).

Мятель.

Сцены князя Д. Н. Цертелева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Тамурафъ—царь Ирана.
Атма—индійская принцесса, позднѣе жена Тамурафа.
Шидаспъ—деступъ, верховный жрецъ, совѣтникъ Тамурафа.
Ариманъ.

(См. пояснительное примѣчаніе въ концѣ).

Сцена I.

Дворецъ Тамурафа. Въ окна виднѣются вершины горъ, покрытыя снѣгомъ и освѣщенныя заходящимъ солнцемъ. У стѣны алтарь съ заготовленными связками священнаго дерева. Входитъ Тамурафъ, бросаетъ оружіе и останавливается въ раздумьи.

Тамурафъ.

Я ждать не въ силахъ дольше, не могу,
Мнѣ опостыло все—пиры и брани,
Нѣтъ безъ нея ни радости, ни свѣта.
Пусть въ жилахъ кровь у ней течетъ другая;
Не знаю племени ея, ни рода,
Но обмануть не могутъ эти очи —
Не даромъ въ нихъ все небо отразилось.

(*Онъ поднимаетъ копье и ударяетъ имъ о полъ; входитъ тѣлохранитель*).

Позвать ко мнѣ Шидаспа!

(*Тѣлохранитель уходитъ*).

Быть не можетъ,
Чтобъ свѣтлыми казались дѣти мрака.

Шидаспъ (*входя*).

Ты звалъ меня, великій государь?

Тамурафъ.

Привѣтъ тебѣ, отецъ мой; но садись—
Мнѣ надо говорить съ тобою много.

Шидаспъ.

Да, государь, тревогъ еще не мало.
Пусть Ариманъ, могучимъ заклинаньемъ
Тобою связанный, теперь безсиленъ
И служитъ лишь конемъ тебѣ покорнымъ,
Но глубоко онъ зла посѣялъ сѣмя:
Какъ ни руби—все новые побѣги.

Тамурафъ.

Нѣтъ, не о томъ хотѣлъ я говорить.
Пусть крѣпко зло вездѣ пустило корни
И сѣмена его ростутъ повсюду;
Но велика въ твореньи сила свѣта
И въ глубь земли лучи роняетъ Митра,
И тамъ гдѣ тьма царитъ, онъ жизнь рождаетъ.
Безсильно зло: оно, бросая тѣни,
Лишь краски новыя даетъ творенью.
Но слушай: лѣто цѣлое промчалось
Съ тѣхъ поръ какъ я обычный свой полетъ
На югъ направилъ. Подо мной сверкала
Вездѣ снѣговъ серебряная риза;
Мелькнули быстро горныя вершины,
Лѣса и степи дальней Ассиріи,
И мнѣ тепломъ повѣяло на встрѣчу...
Но въ небѣ вдругъ вершины снѣговыя
Блеснули вновь, и каменной стѣною
Воздушный путь опять загородили.
Я поводъ опустилъ—и вотъ мгновенно
Взвился къ далекимъ звѣздамъ Ариманъ
И вдругъ остановясь повисъ недвижно...
У ногъ моихъ сверкали воды Инда
И Гангъ вился серебряною нитью,
И я спускаться сталъ, сначала тихо,
Потомъ скорѣй, скорѣй, летѣлъ стрѣлою;
Такъ съ ледяной горы порою сани
Скользятъ сначала медленно и ровно,
Но съ каждымъ мигомъ этотъ бѣгъ быстрѣе,
И вѣтеръ бьетъ въ лицо и рветъ одежду,
Захватываетъ духъ и сердце бьется...
Передо мной уже сверкало море,
Когда мой конь опять понесся тише
И медленно проплывши надъ лѣсами,
Земли коснулся въ чуждомъ, дивномъ краѣ.
Все было тихо. Мраморный дворецъ
Стоялъ обвитъ цвѣтовъ душистой сѣтью;
То жемчугомъ, то серебромъ играя,
Вокругъ его звеня фонтаны били:
Какъ въ храмѣ тысячи колоннъ высокихъ,
Въ недвижномъ воздухѣ стояли пальмы;
Купался лотосъ въ озерѣ зеркальномъ
И розы пышныя благоухали...
Волшебный край!..

(*Задумывается*).

Что скажешь ты, Шидаспъ?

Шидаспъ.

Не знаю, государь, быть-можетъ все
Что видѣлъ ты въ далекомъ этомъ краѣ,—
Все то что въ сумракѣ тебя плѣняло —
Лишь призракъ лживый и при свѣтѣ дня
Исчезнетъ и туманомъ расплывется.

Тамурафъ.

Ты правъ, при свѣтѣ дня волшебный край —
Ее при свѣтѣ дня мнѣ видѣть надо.

Шидаспъ.

Зачѣмъ? Коль все что видѣлъ ты—лишь тѣни,
Въ лучахъ зари ихъ не увидишь снова;
А если тамъ и вправду край богатый,
И груды золота и серебра,
И жемчуговъ, и драгоцѣнныхъ камней,—
Сокровища такія намъ нужны-ли?
Къ чему тебѣ тѣ новыя богатства?
Подумай лишь: какой цѣной купить
Придется ихъ! какія горы, степи
Пройти должно измученное войско!
Какой войной...

Тамурафъ.

Меня не понялъ ты:
Кто о походахъ говоритъ, о крови?
Но слушай дальше: долго тамъ стоялъ я,
Невнятные ловя сквозь вѣтви звуки:
То какъ ручей они едва журчали,
То разростались и текли волной;
Когда-же я къ дворцу подкрался ближе,
Я предъ собой красавицу увидѣлъ.
Въ ея рукахъ звенѣла слабо арфа
И дивныя слова уста шептали.
Я красоты такой нигдѣ не видѣлъ:
Ни въ храмахъ у служителей Ваала,
Ни у дѣтей Аравіи пустынной,
Ни тамъ, на берегахъ зеленыхъ Нила,
Ни во дворцахъ роскошныхъ Ассиріи...
Такая прелесть, свѣтъ такой во взорѣ...
Но описать нельзя словами солнца...
Я безъ нея не буду знать покоя.

Шидаспъ.

Но, государь, подумай...

Тамурафъ.

Все обдумалъ.

Шидаспъ.

Ужели тотъ кто правды былъ опорой,
Кто побѣдилъ исконнаго врага,
Кто въ вихрѣ говорилъ съ самимъ Ормуздомъ,
Вдругъ станетъ жертвой призрака и тѣни,
Забудетъ разомъ и законъ, и вѣру,
И за минуту лживаго блаженства
Оставитъ все, и власть свою и царство,
И осквернитъ преступною любовью
Владыкъ Ирана царственное ложе.

Тамурафъ.

Нѣтъ, не наложницу себѣ возьму—
Она войдетъ ко мнѣ моей женою.

Шидаспъ.

Женой! Опомнись, государь, подумай...

Тамурафъ.

Довольно, не тебѣ понять то чувство,
Которое мнѣ душу охватило.
Живой огонь въ груди твоей погасъ
И ты на цѣлый міръ глядишь безстрастно...
Но я рѣшилъ, мнѣ не нужны совѣты;
Молись, чтобъ могъ въ любви я наконецъ
За всѣ труды мои найти награду.

Шидаспъ.

Да, государь, молиться буду я,
Чтобы тебѣ открылся свѣтъ небесный
И призраки разсѣялъ лживой ночи.

(*Уходитъ*).

(*Тамурафъ приближается къ жертвеннику, бросаетъ на него священныя вѣтви и произноситъ заклинанье. Поднимает-*

ся густой дымъ и слышится гулъ; дымъ разсѣивается и виденъ Ариманъ).

Ариманъ.

Ты звалъ меня?

Тамурафъ.

Ты долженъ мнѣ помочь.

Ариманъ.

Помочь! Безумецъ, ты со мной боролся
И побѣдилъ, когда передо мною
Во прахъ ложась трепещетъ все живое...
Но берегись—ужъ не далеко время...
Дрожи и жди не помощи, а мести.

Тамурафъ.

Я власть твою надъ этимъ міромъ знаю,
Но ты еще безсиленъ надо мною;
Лучи Ормузда—вотъ моя опора.

Ариманъ.

Ормузда потоплю я тьмы волною
И погашу огни его на небѣ.

Тамурафъ.

Довольно; то что будетъ съ этимъ міромъ
То въ безднѣ времени еще таится;
Но ты, пока ты связанъ заклинаньемъ,
Мой конь, и долженъ мнѣ повиноваться.
Владыка царства ужаса и мрака,
Ты половину губишь мірозданья,
Но если ты мнѣ помогать не хочешь
Я этимъ пламенемъ тебя заставлю...
(Огонь разгорается, Ариманъ исчезаетъ за клубами дыма).

Ариманъ.

Приказывай.

Тамурафъ.

Неси меня къ волнамъ далекимъ Ганга,
Неси туда, гдѣ все такъ полно ей!
(Сцена застилается туманомъ при послѣднихъ словахъ Тамурафа, ударъ грома и затѣмъ глухіе раскаты, сквозь которые слышится топотъ быстро уносящагося коня. Мало-по-малу туманъ расходится. Лунная ночь; пальмовая роща; на берегу рѣки въ отдаленіи дворецъ съ освѣщенными окнами. На первомъ планѣ скала. Тамурафъ медленно поднимается на нее).

Тамурафъ.

Когда владыку свѣта я не смѣю
Молить о томъ, что душу наполняетъ,
А помогать не хочетъ Ариманъ,
Свое блаженство самъ возьму я съ боя.
(Беретъ арфу и поетъ).
Она услышала... идетъ... здѣсь близко.
(Между деревъ мелькаетъ бѣлая одежда и Атма входитъ медленно, какъ бы во снѣ).

Атма.

Гдѣ я? въ лѣсу одна! Нѣтъ, это сонъ...
Передо мною небо открывалось
И духи свѣтлые манили выше
Призывомъ чуднымъ счастья неземнаго.
(Вдругъ замѣчая Тамурафа, въ испугѣ).
Кто здѣсь? Кто ты?

Тамурафъ.

Красавица, не бойся!
Тебя привлекъ я пѣснею волшебной,
Но предъ тобой мои безсильны чары
И таютъ быстро какъ тумана волны
Въ лучахъ горячихъ утренняго солнца.

Атма.

Твоя одежда странная, оружье,
Твой взглядъ, меня пугаетъ все. Кто ты?

Тамурафъ.

Кто я? Къ чему тебѣ мое названье,
Ты ни страны, ни имени не знаешь
Того, кого на вѣки ты плѣнила.
Но только захоти, всѣ царства міра
Я принесу какъ даръ къ твоимъ ногамъ,
Тебя царицей сдѣлаю вселенной.
Границы нѣтъ моей волшебной силѣ,
И для любви моей предѣловъ нѣтъ.

Атма.

Твоей любви не вѣрю я, ты страшенъ,
Ты волшебствомъ привлекъ меня коварно,
Теперь моей погибели ты хочешь...
За что? тебя я не видала прежде...
Пусти меня, расторгни злыя чары!

Тамурафъ.

Не силою волшебныхъ заклинаній
Я удержать тебя хочу: иди—
Свободна ты какъ этотъ вѣтеръ нѣжный.
Но какъ гроза, промчавшись, за собою
Цвѣтущій лѣсъ оставитъ буреломомъ,
Такъ ты, пронесшись надъ моей душою,
Оставишь въ ней лишь мертвую пустыню.
Прощай, теперь иди.
(Она стоитъ въ нерѣшимости; молчаніе).

Атма.

Мнѣ жаль тебя,
Но если правда, что меня ты любишь,
Скажи: гдѣ видѣлъ ты меня? когда?
Какъ могъ меня не зная полюбить?

Тамурафъ.

Тебя лишь разъ красавица я видѣлъ;
Но если разъ слѣпой увидитъ солнце,
Его лучей до смерти не забудетъ,
И всѣ сокровища, всѣ блага міра
Отдастъ, чтобъ этотъ свѣтъ увидѣть снова.

Атма.

Но если ты любилъ меня, зачѣмъ
Ты во дворецъ къ намъ не явился прямо?
Зачѣмъ меня ты вызвалъ заклинаньемъ,
Въ непроходимый лѣсъ, въ глухія горы?
Зачѣмъ...

Тамурафъ.

Далекаго, чужаго края
Обычаи, законы—все вамъ чуждо,
И даже рѣчь была бы непонятна.

Атма.

Ты говоришь какъ я и лишь одежда
Твоя въ тебѣ являетъ чужеземца.

Тамурафъ.

Я знаю многое—и тайна рѣчи
Открыта мнѣ; но не рѣчами сердце
Склоняется, не рѣчь волнуетъ душу—
Души живой живительная искра
Одна зажечь огонь волшебный можетъ:
Довольно ей улыбки, взора, вздоха.
Вотъ рѣчь любви, понятная повсюду;
Ее понять ужели ты не можешь?

Атма *(задумчиво).*

Мнѣ голосъ твой знакомъ, его когда-то
Слыхала я давно, и эти рѣчи,
И этотъ взглядъ, какъ будто бы во снѣ,
Я вспоминаю вновь и вновь теряю.
Да, вспомнила! все это уже было,
Я видѣла на этомъ самомъ мѣстѣ...
Но что вдали тамъ? Снѣгъ и кровь! Мнѣ страшно
Опять...

Тамурафъ.

Не бойся, мы съ тобой впервые
Здѣсь говоримъ; но вѣрь мнѣ, если только
Захочешь ты, останемся навѣки
Отнынѣ же съ тобою неразлучны,
И если-бъ тысячи поднялись дивовъ
И сами боги злобно ополчились
На насъ, тебя я защитить съумѣлъ бы!

Атма.

Опять сквозь тьму минувшую столѣтій
Я узнаю тебя! Ужели снова
Свой оборотъ и смерти и рожденья
Свершить временъ успѣло колесо
И вновь...

Тамурафъ.

Дитя мое, забудь что было.
Мы всѣ окутаны покровомъ Маи,
Азуры, смертные и даже боги
Его напрасно силятся поднять;
Когда же тотъ покровъ порою рвется,
Мы сквозь него глядимъ смущеннымъ взоромъ.
Но тамъ за нимъ не яркій свѣтъ мы видимъ,
А только бездну мрака и забвенья;
Вѣковъ промчавшихся забытый сонъ
И вереницу будущихъ столѣтій
Лишь безграничное объемлетъ время.
Мы въ немъ рождаемся, живемъ и гибнемъ,
И боремся, и любимъ только мигъ,
Но этотъ мигъ одинъ для насъ есть вѣчность.
Когда въ душѣ любви сіяетъ свѣтъ—
Прошедшаго и будущаго нѣтъ.
Но ты опять дрожишь, прощай, не бойся,
Свободна ты.
(Надвигаются тучи).

Атма.

Постой, теперь я вѣрю.
Туманъ разсѣянъ, я твоею буду.
Возьми меня; бѣжимъ, бѣжимъ отсюда,
Летимъ чрезъ эти пропасти и горы,
Сквозь лѣсъ и степь, и сумракъ этой ночи.
Чѣмъ гуще будетъ мракъ ея враждебный,
Тѣмъ ярче будетъ въ насъ любви свѣтильникъ...
Бѣжимъ пока за нами нѣтъ погони.

Тамурафъ.

Не бойся, другъ, помчимся мы съ тобою,
Ни птица насъ, ни вѣтеръ не догонятъ.
Ко мнѣ скорѣй, ко мнѣ, мой конь послушный!
(Ударяетъ копьемъ о скалу, брызжутъ искры, гулъ подъ зем-

XVII передвижная выставка. Проповѣдь въ сельской церкви. Карт. академика **В. Е. Маковскаго** (право воспроизведенія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Барановскій.

Sub hasta (подъ копьями). Продажа военно-плѣнныхъ съ публичнаго торга у древнихъ римлянъ. Съ карт. Котте, грав. Клегъ.

лею. На скалу набѣгаютъ облака и скрываютъ Тамурафа и Атму. Раскаты грома и топотъ удаляющагося коня).

Сцена II.

Дворецъ Тамурафа. Ночь. Покой слабо освѣщенъ свѣтильниками, на дворѣ мятель. Входитъ **Атма**, *окруженная служанками).*

Атма.

Идите всѣ; я буду ждать одна.
(*Служанки уходятъ; она подходитъ къ окну*).
Какъ воетъ вѣтеръ, точно звѣрь голодный!
Какая ночь! И мѣсяца не видно,
Все мутно, сѣро, снѣжная завѣса
Едва пропуститъ блѣдный лучъ и снова
Одѣнетъ все густою пеленой.
А онъ все носится въ холодномъ вихрѣ,
Преслѣдуя вездѣ враждебныхъ дивовъ;
Не вѣритъ онъ, что смертнымъ не дано
Разсѣять въ мірѣ силу зла и мрака;
А если бы земнымъ удѣломъ могъ онъ
Доволенъ быть, сокровища любви
Нашли бы оба мы въ себѣ самихъ,
Блаженства высшаго не знаютъ боги!
(*Поддерживаетъ огонь очага*).
Какъ холодно! угрюмая страна,
Гдѣ черныхъ тучъ живительныя слезы
На землю падаютъ холоднымъ снѣгомъ.
Въ отчизнѣ-жь дышетъ вѣтеръ благовонный,
Тамъ небо ясное въ звѣздахъ сіяетъ
Огнями тысячи очей небесныхъ;
Порой промчится въ черныхъ тучахъ Индра,
Громами оглашая поднебесье,
И снова небо синее заблещетъ,
И вновь земля вздохнетъ благоухая.
А во дворцѣ немолчный плескъ фонтановъ,
Звонъ арфъ, цвѣтовъ, куреній ароматъ,
Сверкаетъ золото, горятъ алмазы
И межъ колоннъ ковры, парчи и ткани
Едва колеблетъ вѣтеръ благовонный.

(*Беретъ съ алтаря нѣсколько вѣтвей и бросаетъ ихъ въ огонь, на стѣнѣ появляется тѣнь Аримана. Атма въ испугѣ падаетъ на колѣни и хватается за алтарь; надъ алтаремъ густое облако дыма; когда онъ разсѣивается, видна фигура Аримана*).

Ариманъ.

Не бойся, Атма, не врага ты видишь,
Не погубить тебя я прихожу;
Нѣтъ, приношу я помощь, утѣшенье.
Тебя не всѣ еще забыли боги
И не послѣдній я между богами.
Мнѣ жаль тебя въ твоей тюрьмѣ холодной,
Ты для того-ли край родной оставя
И красоту и молодость сгубила
Въ горахъ безплодныхъ мрачнаго Ирана!

Атма.

Но я люблю.

Ариманъ.

А онъ тебя любилъ-ли,
Когда изъ нѣги, роскоши и блеска
Въ дворецъ угрюмый хитростью привлекъ,
Когда тебя одну онъ оставляетъ
Безпомощною здѣсь въ тоскѣ и горѣ?

Атма.

И дни и ночи онъ въ борьбѣ проводитъ
Съ враждебной, безпощадной силой мрака;
Служитель вѣрный и пророкъ Ормузда —
Не можетъ онъ покинуть поле брани,
Куда влечетъ его святое дѣло.

Ариманъ.

Какъ знаешь ты куда, какія мысли
Его влекутъ? Съ тобой онъ не дѣлился
Ни думами своими, ни трудами.
Да, онъ любилъ тебя, въ порывѣ страсти
Онъ опрокинулъ разомъ всѣ преграды,
Но гдѣ преграды нѣтъ — тамъ нѣтъ желанья
И въ тишинѣ костеръ скорѣе гаснетъ.
Измѣнчивъ духъ людской, какъ вѣтеръ вѣетъ
Неуловимо мчась подъ облаками.

Атма.

Онъ разлюбилъ меня! Нѣтъ, нѣтъ, неправда!
Я каждый день въ глазахъ его читаю
Все ту же страсть, и развѣ я другая
И не меня увлекъ онъ въ бурномъ вихрѣ?

Ариманъ.

Смотри.

(*Передъ ней появляется зеркало; она въ изумленіи отступаетъ, но потомъ подходитъ къ нему*).

Атма.

Какъ? это я? какъ я блѣдна!
Глаза глядятъ уже не такъ какъ прежде
И прежней жизни нѣтъ въ моей улыбкѣ.
(*Хочетъ улыбнуться*).
А этотъ мѣхъ и темныя одежды...
Противно мнѣ и ихъ прикосновенье.
Зачѣмъ здѣсь нѣтъ ни золота, ни шелка?

Ариманъ.

Утѣшься, тканей драгоцѣнныхъ груды
Я принесу тебѣ, но Тамурафа
Не привлечешь опять однимъ нарядомъ.
Нѣтъ, ты должна проникнуть въ сердце глубже,
Должна угадывать желанья, мысли,
Все знать, чего онъ ждетъ, чего боится,
Чего...

Атма.

Не знаетъ страха Тамурафъ.

Ариманъ.

Героя нѣтъ и не было отъ вѣка,
Къ кому бы въ сердце не проникнулъ тайно
Порою страхъ — все что живетъ и дышетъ
Все движется надеждою и страхомъ.
Но отъ тебя скрываетъ Тамурафъ
Завѣтныя мечты и опасенья.
(*Звуки трубъ*).
Вотъ онъ идетъ, прощай.

(*Ариманъ исчезаетъ; входитъ Тамурафъ, засыпанный снѣгомъ. Атма бросается къ нему на встрѣчу*).

Тамурафъ (*обнимая ее*).

Какъ ты блѣдна, дрожишь ты, что съ тобою?

Атма.

Мнѣ снился страшный сонъ, мой повелитель.

Тамурафъ.

Какой, дитя?

Атма.

Что ты меня не любишь.

Тамурафъ.

Я не люблю тебя! Но ты одна
Звѣздой отрадной свѣтишь въ бурномъ небѣ,
Одна въ мои тревоги и заботы
Порою радости бросаешь лучъ.
Мнѣ жизнь тяжелымъ бременемъ была бы,
Когда-бъ не ты.

Атма.

Но ты не вѣришь мнѣ,
Не хочешь ты со мною подѣлиться
Заботами своими и трудами.

Тамурафъ.

Зачѣмъ, дитя мое, кровавой брани
Передъ тобой развертывать картины!
Зачѣмъ коварства и страданій тѣнью
Напрасно омрачать твой свѣтлый міръ!

Атма.

Я не дитя, нѣтъ, я жена твоя
И я хочу, должна дѣлить съ тобою
Не радости однѣ, а трудъ и горе.

Тамурафъ.

Нѣтъ, милая, нѣтъ горя у меня
Когда я этотъ взоръ волшебный вижу,
И всѣ труды мои, и всѣ заботы
Въ лучахъ его какъ дымъ мгновенно таютъ.

Атма.

Нѣтъ, ты не вѣришь мнѣ. Сказать не хочешь —
Зачѣмъ, куда полетъ свой направляешь,
Когда ты разлучаешься со мной,
Чтобъ на конѣ своемъ волшебномъ мчаться
Подъ сумрачнымъ покровомъ зимней ночи.
(*Плачетъ*).

Тамурафъ.

Какъ? Плачешь ты? такъ спрашивай что хочешь,
Я не могу смотрѣть на эти слезы
И выносить давно не въ силахъ мысли
Что я увлекъ тебя въ страну чужую
И счастія тебя лишилъ быть-можетъ.

Атма.

Нѣтъ безъ тебя ни счастія, ни жизни,
Но я хотѣла бы съ тобою быть,
Слѣдить вездѣ хоть мыслями и сердцемъ,
Все знать, чего ты ждешь, желаешь, любишь,
Что ненавидишь и чего боишься.

Тамурафъ.

Красавица моя, кого люблю,
Сказать не трудно и не долго будетъ:
Тебя, тебя одну, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ
Другой улыбки и другаго взора,
Передъ которымъ сердце бы забилось;
Я ненавижу только то что можетъ
Слезами эти очи затуманить.

Атма.

Когда бы ты меня одну любилъ,
Не разлучался бы со мной такъ часто.

Тамурафъ.
Пойми меня, тобой, тобой одною
Душа полна, но не одни мы въ мірѣ;
Нѣтъ, крѣпко связаны вселенной звенья,
Одно лишь двинь — всѣ двинутся другія;
Да, все здѣсь—каждый лучъ, и звукъ, и слово
Незримо въ безконечность проникаетъ.
Вѣсы творенья крѣпко держитъ время,
Поднявъ на нихъ всѣ силы дня и ночи,
Но въ вѣчности склониться ихъ заставить
Песчинка можетъ. Мы же въ этой жизни,
Въ борьбѣ со зломъ всѣ силы напрягая,
Борцы минутные за царство свѣта,
Участники послѣдняго суда.

Атма.
А если такъ, могу-ли безучастной
Остаться я среди борьбы всемірной, —
Я помогать должна, дѣлить съ тобою
Опасности и подвиги и трудъ.

Тамурафъ.
И помогаешь: ты вездѣ со мною —
Мысль о тебѣ удваиваетъ силы,
Но намъ дано различное оружье:
Мнѣ острый мечъ и сила заклинаній,
Тебѣ сіянье красоты небесной
И кроткая, чарующая ласка.
Подъ вихремъ снѣжнымъ въ сумракѣ мятели,
Среди проклятій, воплей и смятенья
Не мѣсто юности и красотѣ,
Тамъ каждый мигъ тревоги и смущенья
Неотвратимую влечетъ погибель.

Атма.
Ужель конца не будетъ этимъ битвамъ,
И никогда не будемъ знать покоя?

Тамурафъ.
Нѣтъ, милая, одинъ послѣдній подвигъ
И кончено задуманное дѣло —
Сегодня срокъ, мой конь волшебный долженъ
Послѣдній разъ летѣть на бой смертельный;
Лишь онъ крылатаго догонитъ змѣя,
Лишь онъ его растопчетъ поневолѣ,
И въ бездну темную навѣкъ низринетъ...

Атма.
Меня одну опять оставишь ты
Здѣсь за тебя дрожать, томиться, плакать...
Ужель ты пожалѣть меня не можешь,
Иль никогда не зналъ что̀ значитъ страхъ?

Тамурафъ.
Нѣтъ, милая, не зналъ — одно я знаю
Что самый страхъ и есть уже погибель.

Атма.
Какъ никогда? Ни въ битвахъ безпощадныхъ,
Ни въ этихъ бѣшеныхъ ночныхъ полетахъ?

Тамурафъ.
Нѣтъ, въ битвахъ некогда уже бояться...
Но помню разъ...

(Задумывается. На стѣнѣ появляется тѣнь Аримана, они ея не замѣчаютъ).

Нѣтъ, это не былъ страхъ...
На сѣверъ я полетъ тогда направилъ
Черезъ вершины снѣжныя Эльбурса,
Въ далекія, невѣдомыя страны.
Ясна была серебряная ночь,
Въ лучахъ луны недвижно спали горы
И только тамъ, на грани льда и снѣга,
Клубясь ползли и поднимались тучи.
Ихъ холодомъ сырымъ и зыбкой тѣнью
Я вдругъ охваченъ былъ, но выше, выше
Я поднимался въ сумракѣ густомъ...
Уже за мною снѣжная вершина
Была, когда раздвинулся туманъ
И вдругъ я бездну темную увидѣлъ...
Не знаю что̀ мелькало подо мною:
И ребра скалъ, и сосны вѣковыя
Чудовищемъ неслыханнымъ казались
И внизъ къ себѣ влекли неудержимо...
И я закрылъ глаза — мой конь рванулся
Изъ-подъ меня, но стиснулъ я мгновенно
Его бока и поводъ затянулъ,—
И мы помчались внизъ легко и плавно...
То не былъ страхъ, но съ той поры не разъ
Во снѣ Эльбурса вижу я вершины
И подо мной зіяющую бездну.

(Задумывается, потомъ оборачивается и замѣчаетъ тѣнь Аримана, которая мгновенно исчезаетъ).

Тамурафъ *(вставая)*.
Какъ? это онъ? явился самъ безъ зова?
Онъ мнѣ грозитъ... Но мы еще поспоримъ!

Атма.
Что, что съ тобою? Ты опять уходишь?
Останься... только до утра.

Тамурафъ.
Нельзя.

Атма.
Нельзя! Нельзя, такъ ты меня не любишь.
(Онъ молча цѣлуетъ ее и уходитъ).
Не долженъ онъ идти теперь, не можетъ,—
Зловѣщее предчувствіе мнѣ шепчетъ...

(Бросается за нимъ, но Ариманъ появляется передъ нею въ дверяхъ).

Безумная! Ты вздохами, слезами
Его напрасно здѣсь хотѣла удержать.
(Атма закрываетъ лицо руками и плачетъ).
Нѣтъ, красоты и молодости сила
Не въ жалобахъ, не въ стонахъ и молитвахъ —
Въ ней жизни ключъ, побѣдное веселье...
(Надѣваетъ на нее мантію и діадему).
Не бойся только, встрѣть его какъ прежде
И страсть опять въ немъ вспыхнетъ съ новой силой.
Я скоро васъ на вѣки обвѣнчаю.
Мятель стихаетъ. Тихая музыка.

Сцена III.

Глухая мѣстность; сосновый лѣсъ; скала, на вершинѣ алтарь съ горящимъ огнемъ. вокругъ него дестуры въ бѣлыхъ одеждахъ: въ отдаленіи на другомъ возвышеніи Шидаспъ стоитъ задумавшись. Ночь и мятель. Входитъ Атма.

Шидаспъ *(идя къ ней на встрѣчу)*.
Зачѣмъ, царица, ты сюда приходишь
Одна въ такую ночь, чего здѣсь ищешь?
(Атма, не отвѣчая, останавливается на возвышеніи).
Куда ты смотришь такъ, сквозь мракъ и вьюгу?

Атма.
Смотри, подъ этой тучей видишь змѣя,
А тамъ надъ лѣсомъ вотъ и онъ несется,
Крылатый конь мелькаетъ надъ горами,
Едва касаясь ихъ вершинъ копытомъ.

Шидаспъ.
Ни лѣса я, ни горъ кругомъ не вижу,
Сокрыто все подъ снѣжною завѣсой;
Приди въ себя и во дворецъ вернись.

Атма.
Нѣтъ, я должна остаться, я должна
Увидѣть все! зачѣмъ, зачѣмъ ушелъ онъ?

Шидаспъ.
Царица, здѣсь ты дольше ждать не можешь.
Идемъ отсюда.

Атма.
Нѣтъ! Оставь меня!
Въ послѣдній разъ хочу я видѣть мужа!
Я знаю все, мнѣ все теперь открыто...
Смотри, земли коснулся онъ и тамъ
Остановился на вершинѣ; видишь?
Коня онъ поворачиваетъ круто,
Но тотъ уперся, на дыбы взвился,
Опять летитъ уже подъ темной тучей...

Шидаспъ.
Повѣрь мнѣ, дочь моя, когда твой духъ
Не страшный сонъ туманитъ и волнуетъ,
А видишь ты, что̀ отъ другихъ сокрыто...
И предъ тобою тотъ кого ты любишь —
Не мучь себя, его не мучь напрасно,
Быть-можетъ онъ сквозь мракъ насъ тоже видитъ, —
Смутить его твоя тревога можетъ,
Ему нужны все мужество, вся сила.
Не въ первый разъ онъ по небу несется,
И то грозу, то вьюгу поднимаютъ
Размахи крылъ тяжелыхъ Аримана.

Атма.
Какъ, Ариманъ—тотъ конь его волшебный?

Шидаспъ.
Да, Ариманъ, но за царя не бойся:
Пока онъ самъ не знаетъ въ сердцѣ страха,
Пока вокругъ священнаго огня
Молитвы жаркія несутся къ небу,
Его не одолѣетъ сила мрака.

Атма.
Онъ повернулъ—сюда теперь летитъ онъ..

Одинъ изъ **Дестуровъ** *(Шидаспу)*.
Огонь едва мы можемъ защитить,
Мятель его заноситъ, рветъ и гаситъ.

(На горизонтѣ вспыхиваетъ зарница и надъ горами видна черная тѣнь Тамурафа на крылатомъ конѣ).

Зарницы въ снѣжномъ вихрѣ. Вѣтеръ злится.

Атма.
Не можетъ справиться онъ съ Ариманомъ,
На сѣверъ мчится все быстрѣй, быстрѣе,
То вверхъ бросается, то рвется внизъ...

Вотъ, вотъ уже зловѣщая вершина...
Онъ пошатнулся! Боже!... (*Вскрикиваетъ, и падаетъ мертвою. Мятель разбрасываетъ огонь жертвенника*).
(*На сценѣ мракъ, лишь изрѣдка прерываемый зарницами, въ небѣ при свѣтѣ ихъ проносится Ариманъ безъ всадника*).

Шидаспъ.

Всѣ къ алтарю! Отъ вихря заслоните,
Послѣднимъ искрамъ угасать не дайте.
(*Деступы окружаютъ алтарь и раздуваютъ пепелъ*).
Свершилось; нѣтъ великаго владыки!
Свободенъ Ариманъ. Опять на волѣ
Бушуетъ онъ... Несчастная царица!
(*Подходя къ тѣлу Атмы и наклонясь надъ нимъ*).
Нѣтъ и ея! Носильщиковъ позвать.
Тамъ на скалѣ ей приготовимъ ложе,
Пускай въ лучахъ востока ожидаетъ
Послѣдняго суда и пробужденья.
(*Пока онъ говоритъ, огонь на алтарѣ разгорается, небо проясниваются, и на горизонтѣ видна яркая полоса зари. Деступы опускаются на колѣни. Солнце восходитъ. Занавѣсъ.* *)

О приспособленіи формъ и окраски животныхъ къ окружающей ихъ средѣ.

Профессора **К. Э. Линдемана.**

Кому случалось увидать въ лѣсу змѣю, притаившуюся между обломками древесныхъ вѣтвей, лежащихъ на землѣ, тому непремѣнно приходила мысль объ удивительномъ сходствѣ въ формѣ, положеніи и окраскѣ ея тѣла и этихъ вѣтвей или палочекъ. Точно сознательно надѣла на себя змѣя такую маску, которая помогаетъ ей укрыться между окружающими ее предметами, составляющими обычную обстановку среды, ею обитаемой.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Долина рѣки Сестры (Финскій видъ). Карт. акад. **Ю. И. Феддерса**, грав. Рашевскій.

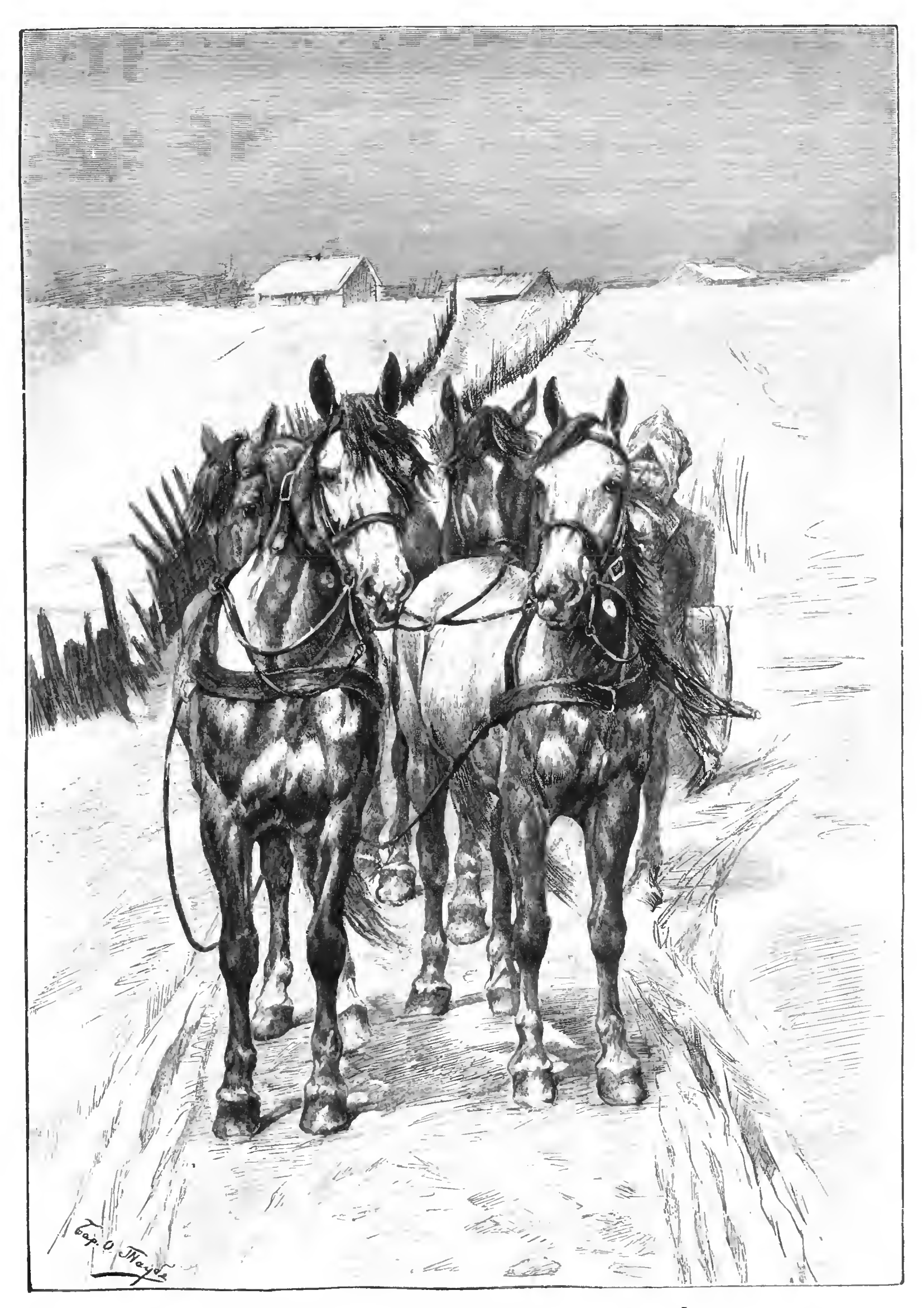
Въ лѣсахъ средней Европы часто можно видѣть слизняковъ (Arion), черное или рыжеватое тѣло которыхъ достигаетъ вершка три въ длину. Нужно удивляться тому, какъ многочисленны бываютъ иногда эти животныя, совершенно беззащитныя, представляющія лакомую пищу для многихъ обитателей лѣса. Но стоитъ понаблюсти за манерами такого слизняка, чтобы получить объясненіе такой загадки. Заслышавъ приближеніе опасности, слизнякъ свертывается спиралью и становится неподвижнымъ, причемъ принимаетъ такое сходство съ изверженіями мелкихъ млекопитающихъ, что даже человѣкъ легко ошибается, принимая его за таковыя. Словно сознательно выработали себѣ эти слизняки такой внѣшній видъ и такія привычки, съ помощью которыхъ они, унижаясь до внѣшняго сходства съ предметами наиболѣе презрѣнными, обезпечиваютъ себѣ возможность существованія среди цѣлаго общества враговъ, бороться съ которыми они рѣшительно не могутъ.

По двумъ приведеннымъ здѣсь примѣрамъ мы сразу ознакомляемся съ сущностью интересующаго насъ вопроса о приспособленіи животныхъ. На двухъ крайнихъ случаяхъ мы видимъ, какимъ образомъ подобныя маски являются одинаково полезными, какъ для могущественнаго хищника, такъ и для слабаго и беззащитнаго моллюска. Такіе факты имѣли бы значеніе простыхъ лишь курьезовъ, еслибъ они были единичными. Они пріобрѣтаютъ значеніе крайне важнаго біологическаго закона, когда мы убѣждаемся въ томъ, что они далеко не единичны, а напротивъ, представляются явленіемъ чрезвычайно обыкновеннымъ, весьма распространеннымъ. Куда бы мы ни обратились, изучая сущность отношеній животныхъ въ окружающей ихъ обычной обстановкѣ, мы всюду видимъ такую ясно выраженную въ нихъ приспособленность къ послѣдней. Всѣ животныя нѣкоторой области находятся въ постоянной борьбѣ между собою. Въ этой борьбѣ какъ нападающему, такъ и жертвѣ его, одинаково выгодно обладать внѣшнимъ видомъ, позволяющимъ укрыться болѣе или менѣе совершенно между предметами обычной обстановки. Поэтому идеалъ каждой животной формы состоитъ въ томъ, чтобы возможно со-

*) По древне-иранской (персидской) религіи Зороастра, творцомъ и правителемъ міра является *Ормуздъ*, божество свѣта, правды и добра; ему противустоитъ *Ариманъ*, духъ зла, лжи и мрака. Оба они, „близнецы“, одинаково реальные, сотворившіе одинъ добро, другой—зло, находятся въ вѣчной борьбѣ между собою.

Ученіе Зороастра, отрывки котораго дошли до насъ въ Зендъ-Авестѣ, является единственною болѣе или менѣе строго выдержанною дуалистическою системой. Всѣ существа, начиная отъ свѣтилъ и кончая мелкими животными, дѣлятся на творенья Ормузда и Аримана, ведущія непрерывную борьбу между собою, борьбу долженствующую только въ теченіе вѣковъ окончиться торжествомъ добра. Система эта представляетъ контрастъ съ индійскими вѣроученіями, которыя склонны видѣть во всей вселенной проявленіе одной сущности, являющейся въ безчисленныхъ образахъ только благодаря покрову Маи — лживой видимости явленій.

Въ Зендъ-Авестѣ всего три или четыре раза встрѣчается имя Тамурафа, одного изъ первыхъ царей древняго Ирана; но изъ немногихъ касающихся его текстовъ видно, что ему приписываются необычайныя магическія знаніе и сила; посредствомъ своихъ заклинаній онъ превратилъ Аримана въ крылатаго коня, который долженъ былъ послушно носить его въ теченіе тридцати лѣтъ; по истеченіи этого срока Ариману удалось избавиться отъ своего всадника, только благодаря тому, что отъ жены Тамурафа онъ узналъ, что полетъ надъ вершиною Эльбурса—единственный подвигъ внушающій Тамурафу нѣкоторый страхъ. (*Ред.*).



Четверка. Ориг. рис. (собств. „Нивы") баронессы О. Таубе, грав. Флюгель.

вершенно выработать себѣ такую приспособленность, пріобрѣсть такую шапку-невидимку, которая дала бы возможность спрятаться, притаиться. На нѣсколькихъ отдѣльныхъ примѣрахъ я ознакомлю здѣсь съ тѣмъ, въ какомъ видѣ природа удовлетворила это стремленіе животныхъ къ пріобрѣтенію способности укрыться.

Многочисленные примѣры мы видимъ между млекопитающими. Левъ, стерегущій добычу, притаившись между скалами пустыни, окрашенъ въ цвѣтъ этихъ скалъ. Тигръ, крадущійся въ заросляхъ Бенгаліи, разрисованъ вертикально поставленными черными полосами, совершенно сходными съ тѣми полосами тѣни, какія бросаютъ стебли этихъ зарослей. Ягуаръ, подстерегающій свою жертву прижавшись къ толстому сучку дерева, испещренъ группами округленныхъ темныхъ пятенъ, совершенно сходныхъ съ тѣнями, бросаемыми листьями покрывающаго его купола деревьевъ.

Подобно тому какъ всѣ эти хищники надѣваютъ соотвѣтствующую мѣстности маску, которая должна скрыть ихъ отъ глазъ беззаботной или глупой жертвы и этимъ облегчить имъ охоту, — такъ же точно и тѣ животныя, которыя будто нарочно назначены природою служить такими жертвами, пріобрѣтаютъ свойства, позволяющія имъ легче укрываться отъ взоровъ ихъ враговъ. Я напомню нашего обыкновеннаго зайца-бѣляка. Лѣтомъ снимаетъ онъ краски съ поверхности земли и древесныхъ стволовъ и, окрашивая ими свое тѣло, гармонируетъ съ окраскою своей обстановки; къ зимѣ же, когда выпадающій снѣгъ совершенно мѣняетъ весь колоритъ обитаемой имъ мѣстности, онъ принимаетъ другую окраску, оспаривая тогда бѣлизну у поверхности снѣга. Зайцы живущіе въ мѣстностяхъ гдѣ снѣгъ (по крайней мѣрѣ мѣстами) не сходитъ круглый годъ, именно на Альпахъ и въ полярныхъ странахъ, бываютъ одинаково бѣлыми какъ зимою, такъ и лѣтомъ, какъ бы нарочно для того чтобы объяснить намъ смыслъ той періодической перемѣны въ окраскѣ тѣла, какую испытываютъ ихъ среднеевропейскіе родственники. Такая періодически совершающаяся перемѣна въ окраскѣ тѣла, въ зависимости отъ соотвѣтствующей перемѣны въ окраскѣ всей окружающей мѣстности, наблюдается еще у нѣсколькихъ другихъ животныхъ, какъ млекопитающихъ, такъ и птицъ. Такъ горностай и ласка лѣтомъ имѣютъ шкуру бурую, укрывающую ихъ на поверхности земли и на вѣтвяхъ деревьевъ во время ночной охоты ихъ; зимою же они становятся бѣлыми какъ снѣгъ, что не мѣшаетъ успѣшности ихъ охоты. Точно также бѣлый тетеревъ и бѣлая куропатка сѣверной Россіи лѣтомъ бываютъ покрыты рыжими и буроватыми перьями, а на зиму становятся почти совсѣмъ бѣлыми.

Тогда какъ всѣ эти животныя измѣняютъ свою окраску періодически, въ опредѣленное время года, сообразно характеру окраски мѣстностей въ эти различные сезоны,—другія животныя имѣютъ способность нѣсколько измѣнять свой цвѣтъ въ неопредѣленное напередъ время, въ зависимости отъ нѣкоторыхъ случайныхъ явленій. Такъ въ Сахарѣ живетъ ящерица (Uromastyx acanthinurus), которая ночью и въ облачные дни бываетъ сѣрою съ расплывшимися черноватыми пятнами, а въ ясные дни—песчанаго цвѣта, съ мелкими черными пятнами, похожими на камешки лежащіе на поверхности песка.

(Продолженіе будетъ).

Петербургъ-Владивостокъ.

Всероссійская великая восточная желѣзная дорога.

Несомнѣнно что нашему вѣку исторія дастъ имя—желѣзнодорожнаго. Почти одно и то же поколѣніе видѣло начальныя попытки проложенія рельсовыхъ путей и оно же дожило до совершенной паутины ихъ, напримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ на пространствѣ не превосходящемъ 1/3 нашей Сибири—уложено болѣе 220,000 верстъ. Англія и Западная Европа затканы этой паутиной тоже весьма значительно.

Изъ великихъ государствъ осталась назади одна Россія, руководившаяся долгое время въ своей финансовой жизни фритредерами-либералами, которые въ ихъ космополитическихъ идеяхъ отрицали мощь нашу, не вѣрили въ самихъ себя, отвергались себя, по общему нигилистическому шаблону.

Самоотрицаніе ихъ—или финансовый нигилизмъ—старалось каждаго убѣждать въ томъ что мы бѣдны, что намъ надобно занимать деньги за границей, для уплаты нашихъ болѣе раннихъ долговъ, т. е. затягивать самимъ надъ собою петлю безпредѣльной задолженности.

Но все это, благодареніе Богу, окончилось и принадлежитъ уже исторіи.

Установившіеся нынѣ, твердые взгляды на громадное внутреннее могущество земли Русской—блистательно опрокинули всѣ теоріи финансистовъ вышеназванной партіи—и изо-дня-въ-день поднимая быстрыми шагами наше благосостояніе и нашъ кредитъ, открываютъ намъ свѣтлое матеріальное будущее.

Мы видимъ что вмѣсто девальваціи, къ удивленію финансовыхъ нигилистовъ—на нашу бумажку, на нашъ кредитный серебряный рубль, мы можемъ купить рубль металлическій серебряный, приплативъ только девять копѣекъ, и несомнѣнно что въ самомъ скоромъ времени и эта незначительная разность исчезнетъ. Наши займы стоящіе у насъ 98%—иностранными биржами цѣнятся по 103%.

И такъ кредитъ нашъ быстро поднимается на высоту соотвѣтственную великому и богатому государству. При возстановленномъ же кредитѣ—въ нашъ желѣзнодорожный вѣкъ—заботиться наверстать упущенное, заботиться объ усиленномъ развитіи *полезныхъ* желѣзныхъ дорогъ, дѣло весьма естественное. Однако прежде чѣмъ подробнѣе говорить о предметѣ насъ теперь занимающемъ, о великомъ пути чрезъ всю Восточную Россію (наименованіе Сибирь я опускаю, такъ какъ оно выражаетъ лишь идею преступной стороны прошлаго и настоящаго русской жизни), надобно хоть отчасти указать наши матеріальные рессурсы, дабы всякій читатель видѣлъ, что осуществленіе этого колоссальнаго какъ по величинѣ, такъ и по своей пользѣ, сооруженія—въ денежномъ отношеніи достижимо нынѣ же, безотлагательно, а не въ далекомъ будущемъ. Сооруженіе это дастъ прибыль на непосредственно затраченный на него капиталъ. При этомъ наиболѣе выгоднымъ представляется соединить по ближайшему разстоянію Оренбургъ сначала съ бассейномъ Амура въ наиболѣе южномъ пунктѣ нашей Аргуни, у Абагайтуя, и затѣмъ уже этотъ послѣдній съ Владивостокомъ.

Все разстояніе составитъ до Аргуни 4500 верстъ, а оттуда до Владивостока 1300, слѣдовательно, считая по 40,000 руб. версту дороги, нужно для перваго участка 180 милл. руб.

Если этотъ капиталъ дастъ чистаго доходу, считая по 5%, всего 9 милліоновъ, то онъ будетъ помѣщенъ производительно. Весь денежный вопросъ сводится къ тому, что правительство рискуетъ всего этою суммою въ 9 милліоновъ рублей ежегоднаго расхода или только нѣкоторою ея частію.

Практика, напримѣръ, Николаевской дороги, указываетъ, что ея валовой доходъ составляетъ 16% строительнаго капитала; предположить такія же условія и для Великой восточной желѣзной дороги—было бы слишкомъ тяжело, но если дорога эта получитъ 6500 р. на версту, то она приравняетъ себя къ нашей первоклассной дорогѣ.

Примѣняя меньшіе эксплоатаціонные результаты дорогъ уже построенныхъ, слѣдуетъ считать доходы за перевозку грузовъ и пассажировъ въ 3000 р. на версту; затѣмъ если оцѣнить перевозку чая въ 1000 р., не принимая во вниманіе никакого другаго торговаго движенія, хотя оно должно быть весьма значительнымъ, и не полагая никакого увеличенія перевозки чая (на самомъ же дѣлѣ оно легко можетъ удвоиться), мы уже обезпечены отъ убытковъ.

Для компетентныхъ лицъ несомнѣнно, что эксплоатація дороги, магистральной и транзитной, будетъ даже прямо весьма выгодною.

Слѣдовательно употребленіе капитала въ 180 милліоновъ будетъ прямо производительно, косвенныя же выгоды будутъ огромны.

Перевозка войскъ, переселенцевъ, ссыльныхъ, почты, дастъ большія сбереженія въ бюджетахъ разныхъ вѣдомствъ.

Поземельные, акцизные, торговые, промысловые и таможенные доходы не могутъ не увеличиться значительно.

Удешевленіе горныхъ и другихъ промысловъ увеличитъ добычу золота и другихъ минераловъ. Обмѣнъ сырыхъ произведеній Восточной Сибири, Областей Средней Азіи, Монголіи и Манчжуріи, создастъ большую торговлю и соотвѣтственное движеніе по дорогѣ.

Возвращаюсь опять къ денежному вопросу, такъ какъ онъ самый существенный, что недавно подтвердилось и притомъ оффиціально.

Въ газетѣ *Восточное Обозрѣніе* сообщено что на обѣдѣ въ честь инженеровъ желѣзнодорожной коммисіи, бывшемъ въ г. Читѣ, была получена отъ приамурскаго генералъ-губернатора слѣдующая телеграмма: „Государь Императоръ повелѣлъ передать гражданамъ Читы, что Онъ изволитъ радоваться вмѣстѣ съ ними о соединеніи желѣзной дорогой Забайкалья съ центромъ Россіи и сожалѣетъ что путь этотъ не можетъ быть осуществленъ такъ скоро, какъ бы Онъ того желалъ“. И такъ мы видимъ, насколько важенъ этотъ путь и какъ наискорѣйшая его постройка составляетъ желаніе Самого нашего возлюбленнаго Монарха, сердцу котораго ближе всего существенные интересы Его государства.

Весь вопросъ вѣроятно въ деньгахъ—не встрѣчай въ этомъ затрудненій финансовое вѣдомство и дѣло можетъ быть теперь было бы уже во второй половинѣ своего осуществленія, такъ что все происшедшее замедленіе въ осуществленіи этого пути, громадной государственной пользы, задержано до сихъ поръ было, вѣроятно, по неизбѣжности этимъ вѣдомствомъ. Несомнѣнно. что оно конечно усиленно изыскиваетъ таковыя средства и конечно ихъ найдетъ въ самомъ недалекомъ будущемъ, потому что, какъ видно, ихъ не особенно много и нужно. Въ общемъ

сумма 180 милліоновъ, а такъ какъ постройка врядъ ли можетъ быть исполнена скорѣе пяти лѣтъ, то всего по 36 милліоновъ рублей въ годъ, сумма при бюджетѣ въ 875 милл. незначительная.

По бюджету опредѣлено платежей по займамъ въ металлической валютѣ на нынѣшній годъ 124 милліона рублей, требующійся же для постройки капиталъ составляетъ отъ этой суммы 28%. Нашъ же курсъ, кажется, поднялся на 20% и продолжаетъ подниматься, такъ что одна эта статья составитъ экономіи въ бюджетѣ около 25 милл. какъ бы свободныхъ для употребленія на постройку. Но Государственный Банкъ имѣетъ въ своемъ портфелѣ, уже съ давнихъ поръ, капиталъ далеко превосходящій искомый, лежащій у него непроизводительно, безъ употребленія.

Мы говоримъ о 266 милліонахъ процентныхъ бумагъ ему принадлежащихъ. Курсъ на наши бумаги заграницею доходилъ до 3% выше al pari. Кажется, продавать ихъ можно не безвыгодно, особенно годовую потребность для постройки желѣзной дороги, въ сравнительно небольшой суммѣ—36 милліоновъ.

У Банка же лежитъ въ кассахъ 134 милліона и заграницею 47 милліоновъ; Государственное Казначейство, сверхъ того, имѣетъ золота на 37 милліоновъ.

Такъ что денегъ у насъ много и онѣ какъ бы не находятъ себѣ оборота, находясь въ такихъ колоссальныхъ и малопроизводительныхъ наличностяхъ; казалось бы поэтому, что задержка въ осуществленіи этого пути могла бы быть въ чемъ-нибудь другомъ, но не въ деньгахъ.

Министерство Путей Сообщенія ежегодно имѣетъ въ своемъ бюджетѣ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 34 милліона, и если этотъ путь будетъ признанъ важнѣйшимъ, то большая часть необходимыхъ для него ежегодныхъ ассигнованій можетъ быть получена даже и изъ этой статьи.

Продажа земель вдоль линіи, по американскому способу—не только дастъ, хотя и не сразу, весь необходимый капиталъ, но и превзойдетъ его во много разъ—на этомъ громадномъ протяженіи.

Такимъ образомъ, не заслуживаютъ, конечно, никакого довѣрія слухи о необходимости будто бы особаго спеціальнаго займа, для чего какъ бы выжидается благопріятный моментъ. Заемъ поведетъ только къ платежамъ банкирамъ милліоновъ за коммисію, тогда какъ перечисленные рессурсы указываютъ ясно его ненадобность.

Если задержки и происходятъ, то по другимъ причинамъ, и весьма можетъ быть изъ-за выбора направленія, такъ какъ по вопросу: которое изъ нихъ представляется наиболѣе полезнымъ, до сихъ поръ не было произведено, къ общему удивленію, даже самаго поверхностнаго осмотра или рекогносцировки.

Изложивъ передъ читателемъ денежную сторону вопроса, можно теперь перейти и къ самому пути.

Вопросъ о проведеніи рельса на дальній Востокъ уже имѣетъ свою исторію, но и тутъ наши космополиты—патріоты безъ отечества—проектировали многое множество направленій, заботясь и о Пекинѣ (особенно), и о Калькуттѣ, и совершенно не примѣтили или не удостоили своимъ вниманіемъ нашъ Владивостокъ и съ нимъ Уссурійскій Край до Томска.

Собственно же подъ Сибирской дорогой принято было понимать—переходы рельсомъ Уральскаго хребта, для доведенія его до бассейна сибирскихъ рѣкъ.

Объ этомъ спорили и толковали чуть ли не семнадцать лѣтъ и закончили выходомъ къ Тюмени. **Н. К.**

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Крестьянская дѣвочка. (Рис. на стр. 405).

Бытъ русскаго крестьянства служитъ тою средою, изъ которой большею частью черпаетъ содержаніе академикъ живописи И. А. Пелевинъ для своихъ картинъ. Безхитростны и просты по замыслу его произведенія, но какъ близки и понятны они каждому русскому! Какъ живо, напримѣръ, стоитъ передъ вами крестьянская дѣвочка на его картинѣ, находящейся въ настоящее время на весенней выставкѣ въ Академіи Художествъ. Понабравъ хворосту, вышла она изъ темной чащи лѣса, остановилась на опушкѣ, вся залитая солнечнымъ свѣтомъ, и, прищуря глазки, кажется, высматриваетъ дорогу, по которой ей ближе всего добраться до дому.

Поэзія. (Рис. на стр. 408).

Третье панно, работы профессора К. Е. Маковскаго, предназначенное украсить роскошное помѣщеніе въ домѣ г. фонъ-Дервиза, изображаетъ Поэзію. Молодая, красивая дѣвушка сидитъ, вся отдавшись мечтамъ, посреди роскошной растительности и, какъ будто, хочетъ уловить ту пѣсню, которую напѣваетъ ей одинъ изъ окружающихъ амуровъ.

Торговецъ. (Рис. на стр. 409).

Картина К. П. Степанова „Торговецъ" должна занять первое мѣсто среди работъ молодаго художника на текущей выставкѣ Имп. Акад. Худ. Не только замѣчательная по тонкой выпискѣ мелочей, составляющей отличительное свойство таланта г. Степанова, она полна свѣта, воздуха, простора и движенія. Въ ней живо и картинно переданы: красивая фигура молодой женщины, съ любопытствомъ разсматривающей диковинки продавца, и самъ торговецъ восточными товарами, съ лукавою улыбкой раскладывающій свой товаръ, и наконецъ другія фигуры—всѣ онѣ полны жизненной правды и привлекательности.

Тонкинка. (Рис. на стр. 413).

Тонкинъ, область въ сѣверо-восточной части Индокитая, принадлежитъ съ 1885 года французамъ, которые еще въ 1870 году обратили вниманіе на эту богатую аннамитскую провинцію. Орошаемая во всю длину судоходною Красною рѣкою или китайскимъ Гонгъ-Кіангомъ, плодородная страна составляла до 1802 независимое государство, послѣ чего она подпала подъ аннамитское владычество. Лѣтъ 19 тому назадъ нѣкто Дюпюи, торговецъ оружіемъ, поселившійся въ Ха-ноѣ, указалъ кохинхинскому губернатору на торгово-политическое значеніе Красной рѣки, открывающей доступъ во внутренній Китай. Въ 1873 году въ Тонкинъ была послана небольшая экспедиція подъ начальствомъ морскаго лейтенанта Гарнье и съ того времени, можно сказать, и по-днесь французы съ оружіемъ въ рукахъ продолжаютъ отстаивать свое господство въ странѣ.

Жители Тонкина, числомъ до 15 милліоновъ, принадлежатъ къ индо-китайцамъ и въ своей первоначальной чистотѣ типа встрѣчаются только въ горахъ, гдѣ они живутъ довольно независимо. Одежда ихъ схожа съ китайскою, какъ это видно на нашей гравюрѣ, изображающей тонкинку въ праздничномъ нарядѣ.

Проповѣдь въ сельской церкви. (Рис. на стр. 416).

Превосходные жанры В. Е. Маковскаго всегда исполнены жизненной правды и разнообразія типовъ; и неудивительно что на всѣхъ выставкахъ картины его собираютъ предъ собою наиболѣе тѣсную толпу. Такими же достоинствами отличается и послѣднее произведеніе нашего академика на XVII передвижной выставкѣ. Передъ нами сельская церковь, наполненная обычными слушателями проповѣди, съ перваго взгляда легко раздѣлимыми на мѣстную „интеллигенцію" и „народъ". Впечатлѣнія проповѣди безконечно разнообразны, смотря по возрасту, полу, общественному положенію и проч.

Sub hasta (подъ копьями). (Рис. на стр. 417).

У древнихъ римлянъ было въ обычаѣ продавать военную добычу, а слѣдовательно и военноплѣнныхъ, съ публичнаго торга. Мѣсто аукціона обозначалось воткнутыми въ землю копьями (hasta), подъ которыми (sub hasta) должны были проходить продаваемые въ рабство. За столомъ помѣщался оцѣнщикъ, который стучалъ своей палочкой, какъ стучатъ на нынѣшнихъ аукціонахъ молоткомъ. Насупротивъ его разсаживались покупатели. Ликторъ со своимъ пучкомъ розогъ и воткнутой въ него сѣкирой (крайняя фигура справа на рисункѣ), замѣнялъ полицейскихъ для порядка. Военноплѣнные обоего пола, связанные группами, проходили подъ копьями, въ сопровожденіи военнаго конвоя. Обыкновенно это были германцы или галлы. Рядомъ съ оцѣнщикомъ помѣщался законовѣдъ, готовый совершить актъ продажи.

Долина рѣки Сестры. (Рис. на стр. 420).

По границѣ Петербургской губерніи и Финляндіи протекаетъ къ юго-западу небольшая рѣка Сестра, верстъ 40 длиною, по болотистой мѣстности. Не отличаясь значительною глубиною, она течетъ довольно быстро между довольно крутыми берегами, поросшими кустарникомъ и мелкимъ лѣсомъ, какъ это живо передано на прекрасной картинѣ академика Ю. И. Феддерса, выставленной въ залахъ Академіи Художествъ.

Четверка. (Рис. на стр. 421).

Рисунки перомъ г-жи Таубе всегда отличаются удивительною вѣрностью природѣ, что весьма трудно соблюсти въ этомъ родѣ живописи. Нужно владѣть искусствомъ въ совершенствѣ, чтобы въ суховатой манерѣ этихъ рисунковъ дать почувствовать воздушную перспективу и не слѣпить фигуръ... Прилагаемый рисунокъ изображаетъ четверку, запряженную на выносъ (four in hands) въ весьма трудномъ раккурсѣ.

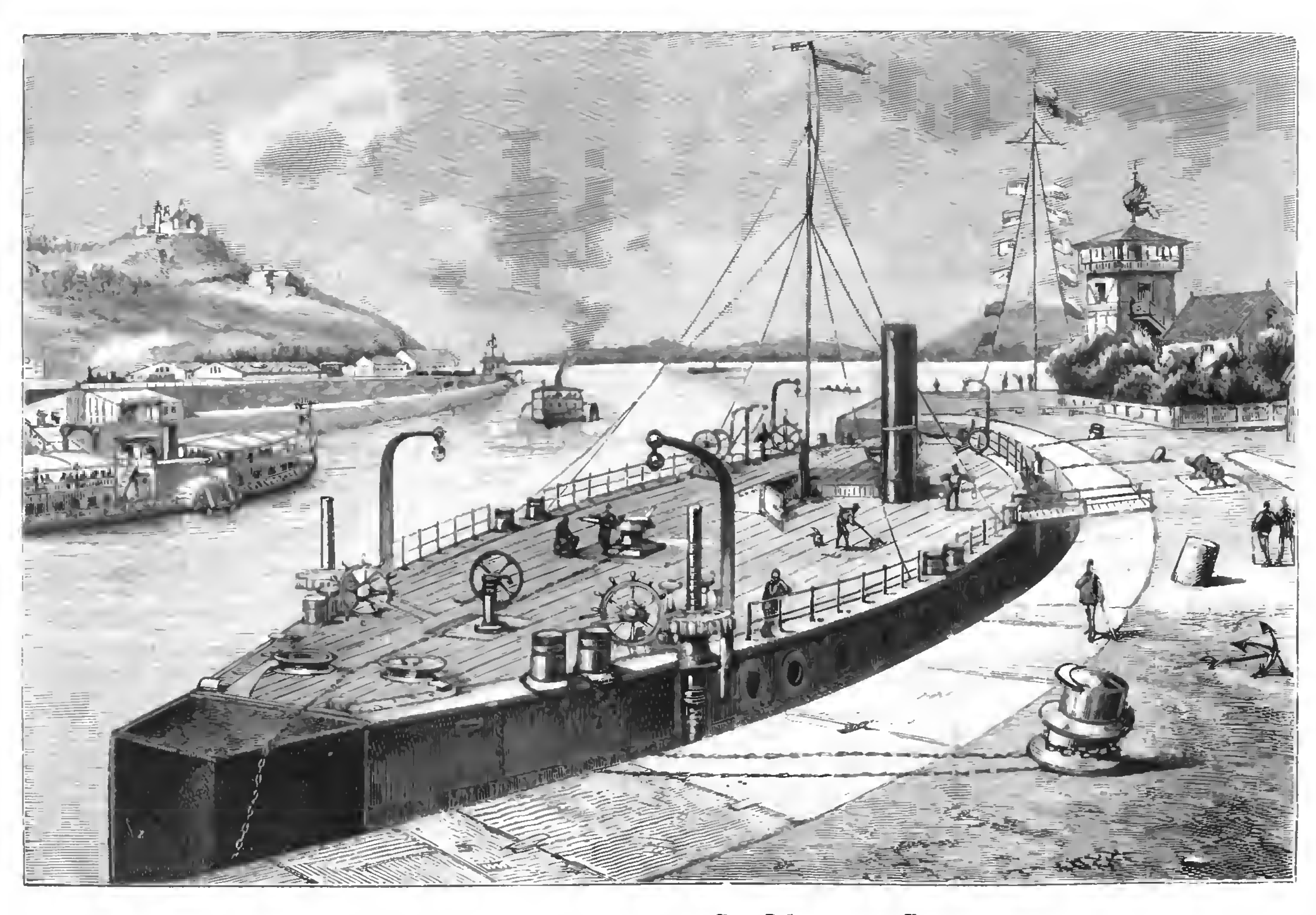
Запрудное судно на Дунаѣ. (Рис. на стр. 424 и 425).

Цѣлыя столѣтія Дунай, раздѣленный на нѣсколько рукавовъ, несчетное число разъ опустошалъ мѣстности вокругъ Вѣны во время наводненій и ледохода и тормозилъ подъемъ столицы въ промышленномъ отношеніи, пока съ императорскаго соизволенія не появился въ 1868 году проектъ регулированія рѣки Дуная. О громадности предпріятія можно судить по тому, что въ своей главной части проектъ былъ осуществленъ только въ 1875 г. и сооруженіе обошлось свыше 25 милліоновъ рублей. Глав-

ною задачею проекта было сосредоточеніе всей воды въ одномъ ложѣ, за исключеніемъ вѣнскаго-дунайскаго канала. Протекающій по восточной части города каналъ отдѣляется отъ Дуная у подножія Леопольдовой горы близъ Нусдорфа. При самомъ входѣ въ каналъ обращаетъ на себя вниманіе остроумное приспособленіе для загораживанія доступа излишней воды и льда въ него, не препятствуя необходимому теченію воды изъ рѣки въ каналъ. Приспособленіе это состоитъ изъ двухъ солидныхъ шлюзовыхъ стѣнъ по обѣ стороны дунайскаго канала и запруднаго судна, изображеннаго на нашихъ рисункахъ отведеннымъ въ гавань, когда въ немъ не встрѣчается надобности, и стоящимъ поперекъ канала между шлюзовыми стѣнами и заграждающимъ доступъ льда въ каналѣ изъ рѣки. Это судно выстроено по плану фонъ-Энгерта и стоило около 750,000 рублей. Оно все состоитъ изъ кованаго желѣза и вѣситъ 22,326 пудовъ. Длина судна свыше 22 сажень, вышина около 8 аршинъ и по срединѣ ширина доходитъ до 13,3 аршинъ. Желѣзные листы составляютъ корпусъ судна толщиною 2,8 дюйма. Внутри кромѣ машиннаго отдѣленія помѣщаются каюты для машиниста и шкипера. При ледоходѣ это громадное судно, которое можетъ по мѣрѣ необходимости опускаться или всплывать, благодаря особымъ приспособленіямъ, не только задерживаетъ у входа въ каналъ всю массу льда, но также и размельчаетъ его особыми ледорѣзами, числомъ отъ 30 до 50, такъ что въ каналъ попадаетъ самое незначительное число льдинъ, притомъ небольшаго размѣра.

Политическое обозрѣніе.

Болѣзненное состояніе Голландскаго короля Вильгельма настолько ухудшилось за послѣднее время, что учрежденіе регентства сдѣлалось неизбѣжнымъ, о чемъ уже заявлено министерствомъ въ парламентѣ. Для той-же цѣли министры вновь обратились къ королевѣ Эммѣ съ просьбою быть регентшею, отъ чего она до послѣдняго времени постоянно отказывалась. На этотъ разъ королева согласилась на просьбу. Въ связи съ учрежденіемъ регентства въ Голландіи, образовалось регентство и въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ. Такъ какъ по конституціи герцогства на престолѣ въ немъ не могутъ быть женщины, то послѣ смерти короля Вильгельма на Люксембургскій престолъ долженъ вступить его ближайшій родственникъ по боковой линіи, герцогъ Нассаускій Адольфъ, который и избранъ нынѣ люксембургскимъ регентомъ. Герцогъ Адольфъ принесъ присягу въ качествѣ регента передъ палатою 30 марта на *французскомъ* языкѣ и обѣщался сохранить учрежденія страны и упрочить ея автономію и независимость, а на другой день на банкетѣ регентъ, провозгласивъ тостъ за процвѣтаніе края, прибавилъ: „Мы хотимъ оставаться тѣмъ что мы есть“.



Запрудное судно на Дунаѣ. 1) Въ гавани. Рис. Рейхеръ, грав. Крёнеръ.

Разрѣшившійся въ Румыніи министерскій кризисъ открылъ для германской и австрійской дипломатіи новое поле для одержанія побѣдъ, такъ какъ съ перемѣною министерствъ надо думать произойдетъ также и перемѣна относительно политики. Составленный по порученію короля подъ предсѣдательствомъ Катарджи новый кабинетъ состоитъ преимущественно изъ либеральныхъ консерваторовъ и устами своего президента, на запросъ относительно политики новаго кабинета, заявилъ что нейтралитетъ сдѣлался лозунгомъ настоящаго правительства. На это бывшій министръ Карпъ замѣтилъ, что слово „нейтралитетъ“ не имѣетъ никакого смысла въ военное время, причемъ потребовалъ борьбы съ панславистскою пропагандою. На другой день, 31 марта, министръ иностранныхъ дѣлъ Лаговари подтвердилъ въ палатѣ сдѣланное наканунѣ заявленіе относительно рѣшенія соблюдать нейтралитетъ. Вслѣдъ затѣмъ Катарджи, возражая на рѣчь Карпа, повторилъ, что будетъ держаться традиціонной политики Румыніи, заключающейся въ соблюденіи безусловнаго нейтралитета, а не нейтралитета по системѣ Карпа, которая могла бы привести къ территоріальной утратѣ. Если наступитъ моментъ, когда соблюденіе нейтралитета представится невозможнымъ, то правительство обратится къ странѣ, чтобы узнать ея волю. Въ Вѣнѣ, газеты, обсуждая заявленіе, сдѣланное румынскимъ министерствомъ, не соглашаются съ нимъ и находятъ, что рано или поздно Катарджи и Лаговари вынуждены будутъ или рѣшиться слѣдовать иностранной политикѣ предшествующихъ кабинетовъ Братіано и Розетти, или выйти въ отставку. Напротивъ, во Франціи *Temps* говоритъ, что, призывая къ власти Катарджи, румынскій король кончилъ тѣмъ, съ чего долженъ былъ начать. Король Карлъ слишкомъ держался личной политики, слишкомъ

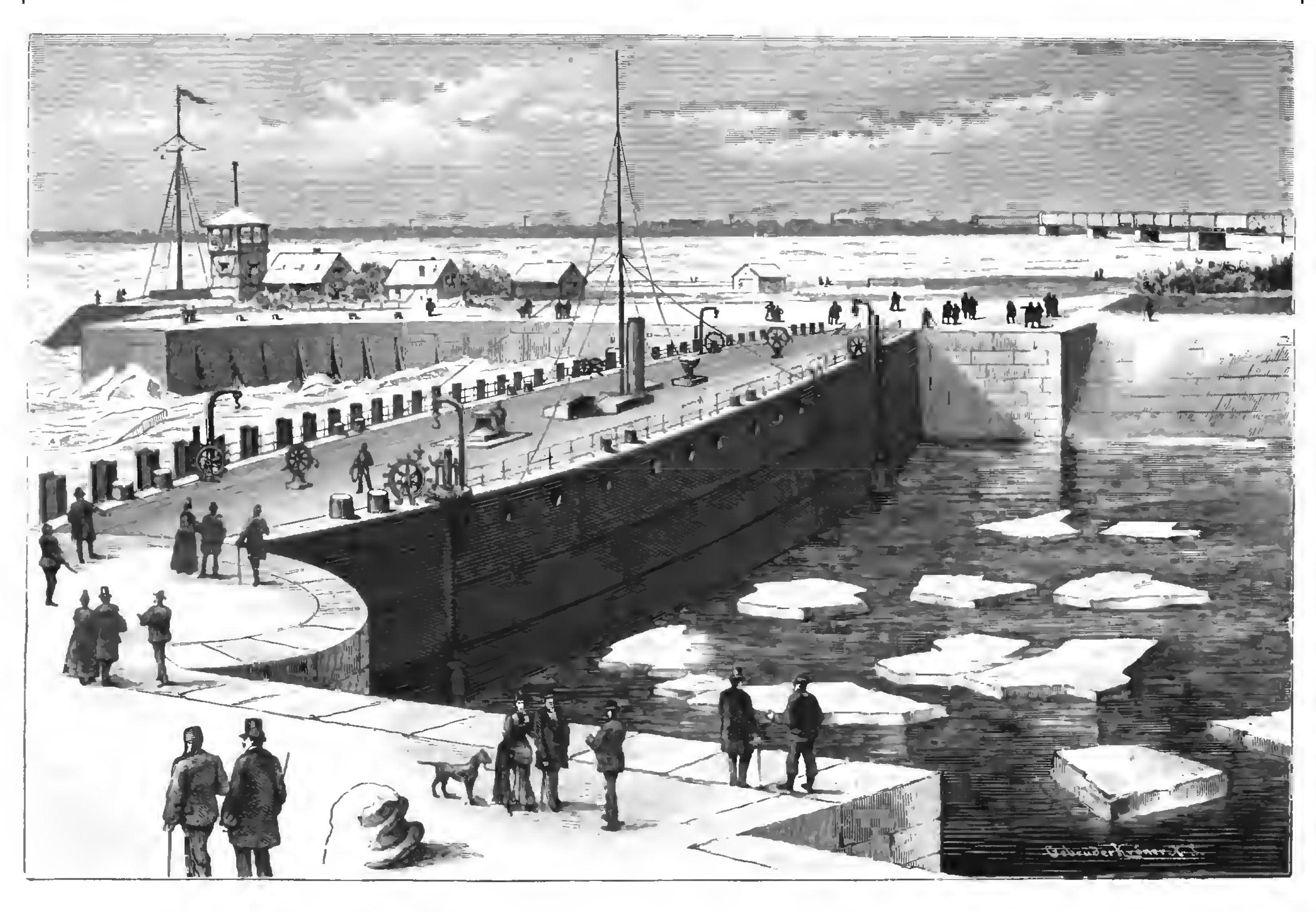
помнилъ, что онъ Гогенцоллернъ и упускалъ изъ виду, что Румынія — страна нейтральная по преимуществу, находящаяся подъ высшимъ протекторатомъ всей Европы и не долженствующая участвовать въ международныхъ конфликтахъ. *Temps* поздравляетъ Румынію съ тѣмъ, что она, ни съ кѣмъ не ссорясь, завоевала обратно свою независимость и нейтралитетъ, что перестала быть на Дунаѣ чѣмъ-то въ родѣ часоваго для тройственнаго союза и фигурировать въ числѣ вооруженныхъ силъ этой мнимой лиги мира.

Во Франціи всѣ заняты судебнымъ преслѣдованіемъ генерала Буланже верховнымъ судомъ, въ который нынѣ превратился сенатъ. 31 марта, въ засѣданіи сената, другими словами— въ верховномъ судѣ, правая потребовала сообщенія дѣла, выставляя на видъ, что если въ дѣлѣ не заключается мотивовъ къ обвиненію въ покушеніи, то верховный судъ долженъ признать себя некомпетентнымъ. Оппортунисты возражали, что верховный судъ не имѣетъ права задерживать хода правосудія. Послѣ бурныхъ преній сенатъ, большинствомъ 209 голосовъ противъ 56, отвергнулъ предложеніе правой, направленное къ заявленію, что въ настоящее время не имѣется основаній начинать слѣдствія, такъ какъ представленные до сихъ поръ документы оказываются недостаточными. Затѣмъ сенатъ, большинствомъ 210 голосовъ противъ 55, рѣшилъ, что должно приступить къ слѣдствію, послѣ чего собрался вновь на публичное засѣданіе и Леройе прочелъ постановленіе предписывающее начать это слѣдствіе.

Правая, не остановившись на такихъ возраженіяхъ, подала протестъ—и въ этомъ протестѣ противъ учрежденія верховнаго суда, единогласно вотированномъ союзомъ правыхъ палаты депутатовъ, между прочимъ, говоритъ: „Принимая въ соображеніе, что верховный судъ собрался при обстоятельствахъ, свидѣтельствующихъ о твердомъ намѣреніи насиліемъ восторжествовать надъ проявленіями всенароднаго голосованія, а также въ виду того, что преслѣдованіе было вызвано делегаціей сената и что обращеніе доносчиковъ въ судей является дѣломъ неслыханнымъ,—союзъ правыхъ заявляетъ, что онъ не признаетъ подобной исключительной юрисдикціи, угрожающей свободному выраженію народной воли, и протестуетъ противъ такой пародіи правосудія“.

Но несмотря на отказъ отъ участія въ засѣданіяхъ сенаторовъ Рено, Кердреля и Монтескіу-Фезанзака, не смотря на заявленіе о некомпетентности сената, внесенное 55 сенаторами правой, верховный судъ, собравшись на совѣщаніе, поручилъ девяти избраннымъ по утру сенаторамъ приступить къ слѣдствію и отклонилъ требованіе Кердреля, чтобы пренія были стенографированы для передачи въ сенатскій архивъ съ цѣлью установленія доли отвѣтственности каждаго. Судебному преслѣдованію будутъ подвергнуты Дильонъ, Рошфоръ и другіе. Какъ слышно, процессъ продолжится два мѣсяца.

Абиссинія продолжаетъ привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе. Только что телеграфъ принесъ печальную вѣсть о смерти негуса Іоанна, какъ у Италіи сейчасъ-же глаза и зубы разгорѣлись на безначальную страну. Вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе о занятіи Асмара и Керена, и посылки двухъ полковъ въ Африку. Хотя вскорѣ потомъ этотъ пылъ и поостылъ вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій и, якобы, нерасположенія общественнаго мнѣнія къ дальнѣйшимъ колоніальнымъ приключеніямъ, но, въ случаѣ междоусобной войны,—что очень возможно, такъ какъ Меннеликъ, Дебебъ и Мангаша выступаютъ претендентами на престолъ негуса, — Италія не ограничится одними пожеланіями Менелику всякихъ благополучій. По крайней мѣрѣ оффиціозная *Presse* совѣтуетъ Италіи извлечь возможно большія выгоды изъ настоящихъ осложненій въ Абиссиніи, но при этомъ дѣйствовать не спѣша.



Запрудное судно на Дунаѣ. 2) При ледоходѣ. Рис. Рейхель, грав. Крёнеръ.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 5 ноября 1888 года, Высочайше повелѣть соизволилъ отпустить изъ собственныхъ Его Величества суммъ 30,000 рублей на перестройку Симеоно-Аннинской церкви въ городѣ Митавѣ.

— 2 апрѣля, происходило торжественное освященіе церкви во имя Святыхъ Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, вновь сооруженной въ с.-петербургскомъ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— Въ Спб. духовной академіи приметъ монашескій санъ недавно вступившій въ число студентовъ академіи полтавскій помѣщикъ М. С. Угречичъ-Требинскій, принесшій въ даръ академіи капиталъ и помѣстье въ Полтавской губерніи, цѣнностью около 20,000 р.

— Въ Кіево-Печерскую лавру ежегодно

прибываютъ съ разныхъ концовъ Россіи толпы богомольцевъ, которые встрѣчаютъ и проводятъ въ монастырѣ первые дни праздниковъ Св. Пасхи. Въ настоящее время, въ лавру сошлось уже до 5000 богомольцевъ.

Правительственныя распоряженія.

— Министръ Государственныхъ Имуществъ считаетъ необходимымъ сдѣлать общеизвѣстными слѣдующія соображенія, принятыя Государственнымъ Совѣтомъ при разсмотрѣніи проекта положенія о сбереженіи лѣсовъ, по вопросу о силѣ договоровъ, совершенныхъ до изданія положенія: „Никакой актъ, состоявшійся между частными лицами, не можетъ создать права не исполнять дѣйствующій законъ. Но въ то же самое время, каждый договоръ, когда бы и какимъ бы порядкомъ онъ ни былъ совершенъ, установляетъ такія отношенія между участвующими въ немъ сторонами, которыя сохраняютъ свою силу во всемъ томъ, что не противно закону, при дѣйствіи котораго договоръ будетъ исполняться. Несоотвѣтствіе того или другаго или нѣсколькихъ условій договора существующимъ въ данное время узаконеніямъ еще не влечетъ за собою недѣйствительности всего договора, если въ немъ содержатся еще и другія условія, не представляющія такого противорѣчія“.

— Высочайше повелѣно дѣйствіе правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ распространить на Ферганскую область.

Военное и морское дѣло.

— Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ сдѣлано распоряженіе объ отводѣ Херсонско-Бессарабскимъ управленіемъ государственными имуществами около 6.000 дес. казенной земли для отставныхъ солдатъ, изъ уроженцевъ Херсонской и Бессарабской губерній, поступившихъ въ военную службу до X ревизіи. Ветеранамъ другихъ губерній предоставлено обращаться съ просьбами о надѣлѣ землею къ управляющимъ государственными имуществами въ Самарской, Астраханской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ.

— 31 марта, въ гор. Варшавѣ было совершено торжественное погребеніе перенесенныхъ изъ города Кракова останковъ полковника русской службы Сергѣя Панина, убитаго въ 1768 году при осадѣ этого города.

— Въ нынѣшній наборъ изъ новобранцевъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ поступилъ одинъ уроженецъ Радомской губ., ровно въ сажень ростомъ.

— Для усиленія миноноснаго флота, Морское вѣдомство рѣшило построить 4 большихъ миноносца, размѣрами въ 80 тоннъ и 130 футъ, въ Балтикѣ, и 2 миноноски, въ 130 тоннъ и 150 футъ, въ Черномъ морѣ.

— Въ Одессѣ Тилигульскій лиманъ соединился съ моремъ. Образовался размывъ въ 78 саженей. Требуется громадная насыпь. Это облегчитъ прорытіе Тилигульскаго канала, задуманнаго бельгійскими акціонерами.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Харьковѣ организуется товарищество первой харьковской бойни и солильни для приготовленія продуктовъ свиноводства къ заграничному экспорту. Капиталъ 100,000 руб., паи по 100 руб.

— Въ Курскомъ уѣздѣ свирѣпствуетъ болѣзнь на овцахъ, называющаяся „дистоматозъ“, отъ которой пало уже въ незначительный промежутокъ времени до 5.000 головъ. Приняты энергичныя мѣры.

Торговля.

— Асхабадскій рынокъ за мартъ: Привозъ изъ Баку на 122,800 руб., изъ внутреннихъ губерній на 96,550 руб., изъ Хивы и Бухары на 40,000 руб.; вывозъ въ Персію на 75,250 руб., въ Хиву и Бухару на 40,000 руб.

— На станціи Тедженъ заявлено о перевозкѣ по Закаспійской дорогѣ 65,000 пудовъ индійскаго зеленаго чая, направляемаго изъ Индіи черезъ Афганистанъ, Гератъ и Мешхедъ.

Искусства изобразительныя.

— Открытіе памятника Пушкину, сооруженнаго на средства гражданъ Одессы на Приморскомъ бульварѣ, состоится 16 апрѣля, въ 12 час. дня.

— 19 марта, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ существуетъ магазинъ картинъ и эстамповъ поставщика Двора Его Императорскаго Величества А. Фельтена.

— Извѣстный московскій фабрикантъ косметическихъ товаровъ, г. Брокаръ, будучи страстнымъ любителемъ старинной живописи, составилъ себѣ большую коллекцію картинъ разныхъ школъ, болѣе чѣмъ въ 1,800 нумеровъ. Онъ намѣренъ всю эту галлерею въ непродолжительномъ времени выставить для петербургской публики.

Театръ и музыка.

— 1 апрѣля исполнилось 40 лѣтъ художественной дѣятельности проф. по классу декоративной живописи въ академіи художествъ и декоратора Имп. театровъ М. А. Шишкова.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Театрально-литературнаго комитета одобрена къ представленію пьеса въ стихахъ „Угасшая искра“, молодой писательницы О. Н. Чюминой (Михайловой).

— Артистка Е. Н. Горева внесла въ Московскій университетъ 2,000 рублей, предоставляя эти деньги на двѣ преміи за лучшія пьесы: историческую драму и современную комедію.

Литература и наука.

— 29 марта, въ 11 часовъ вечера, въ помѣщеніи выставки гальванопластики, устроенной Имп. рус. технич. обществомъ, передъ закрытіемъ выставки секретарь общества сообщилъ собравшимся о Монаршей милости вдовѣ академика Якоби, въ воспоминаніе заслугъ покойнаго ея мужа, по ходатайству Общества, выраженной пожалованіемъ ей 13 марта пособія въ 1,500 руб., которое будетъ выдаваемо въ теченіе пяти лѣтъ изъ остатковъ арендной суммы, и выразилъ благодарность общества вдовѣ усопшаго академика Якоби и его сыну Н. Б. Якоби—за ихъ содѣйствіе въ устройствѣ юбилейной гальванопластической выставки.

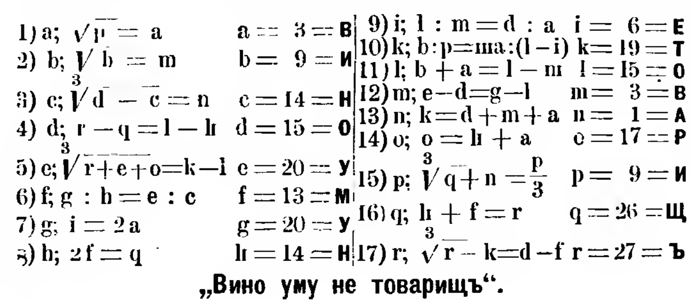
— Возвратившійся недавно изъ путешествія по Сибири французскій путешественникъ Жозефъ Мартенъ издалъ въ Парижѣ брошюру о посѣщенной имъ странѣ, подъ заглавіемъ: „La Sibérie orientale et les monts Stanovoï“.

Пути сообщенія.

— Между желѣзными дорогами Юго-Западными, Полѣсскими, Курско-Кіевской, Курско-Азовской, Либаво-Роменской, Харьковско-Николаевской, Лозово-Севастопольской и всѣми желѣзнодорожными линіями привислинскихъ губ. состоялось соглашеніе для облегченія перевозки грузовъ изъ-заграницы и Варшавы къ южнымъ русскимъ портамъ и обратно съ юга Россіи заграницу черезъ Варшаву. Этотъ новый союзъ получилъ названіе: „Черноморско-азовско-варшавскій союзъ“.

— Гражданскій инженеръ Щапинскій вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи построить на собственный счетъ желѣзную дорогу отъ Шадринска до ст. Островской (Уральской жел. дороги). Протяженіе дороги опредѣлено изысканіями въ 116 верстъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 16 (помѣщ. въ № 9).



1) a; $\sqrt{p} = a$	a = 3 = **В**	9) i; l : m = d : a	i = 6 = **Е**
2) b; $\sqrt{b} = m$	b = 9 = **И**	10) k; b : p = ma : (l − i)	k = 19 = **Т**
3) c; $\sqrt[3]{d} - c = n$	c = 14 = **Н**	11) l; b + a = l − m	l = 15 = **О**
4) d; r − q = l − h	d = 15 = **О**	12) m; e − d = g − l	m = 3 = **В**
5) e; $\sqrt[3]{r+e+o} = k - l$	e = 20 = **У**	13) n; k = d + m + a	n = 1 = **А**
6) f; g : h = e : c	f = 13 = **М**	14) o; o = h + a	o = 17 = **Р**
7) g; i = 2a	g = 20 = **У**	15) p; $\sqrt[3]{q+n} = \frac{p}{3}$	p = 9 = **И**
8) h; 2f = q	h = 14 = **Н**	16) q; h + f = r	q = 26 = **Щ**
		17) r; $\sqrt[3]{r} - k = d - f$	r = 27 = **Ъ**

„Вино уму не товарищъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. А. Посиѣева, В. Микрулева, И Карпова, А. Оранскаго, Н. Аристова, Ф. А. Боронина. Н. В Панкова, **Москва**—Н. Федюшина, **Буй**—М. Никифорова, **Брестъ-Литовскъ**—Арсеньева, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Гроецъ**—В. Драго, **Дисна**—Ѳ. Сапайло, **Екатеринодаръ**—А. Заславскаго, **Ковно**—А Е. Баргельсенъ, **Каменка**—С. А Барышева, **Лебедянь**—В Н. Чурилина, **Медвѣдево**—М. Лейнингеръ, **Одесса**—Рейжевскаго, М. М Рукавичникова.

Рѣшеніе шашечной задачи № 17 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлыя.	Черныя.
1) a 3 — b 2	1) c 5 : a 3
2) b2 : e5 : c7	2) a 7 : g 1
3) c 7 — a 5	3) h 4 : f 2
4) a 5 : e 1	4) g1 — h2 (a)
5) e 1 : g 3	5) h 2 — g 1
6) g 3 — f 2	6) g1 : e3 : g5
7) h 6 — f 4	7) a 3 — b 2
8) c 1 : a 3 и бѣлыя выигрываютъ.	

(a)

4)	4) a 3 — b 2
5) c 1 : a 3	5) g 1 — h 2
6) e 1 : g 3	6) h 2 — g 1
7) g 3 : f 2	7) g1 : e3 : g5
8) c 1 . a 3	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. А. Посиѣева, Н. В Панкова, С. Т. Грибова, Вака, **Москва**—В. Мозжухина, Н. Верхоустинскаго, П. П. Смирнова, **Ананьевъ**—М. Головченко, **Бердянскъ**—Бурбухати, **Бѣлгородъ**—Ѳ. З. Мазуръ, **Дядино**—В. Бѣлкина, **Зарайскъ**—Н. И. Масленникова, **Кременчугъ** — М. Клерманъ, **Н. Новгородъ** — Греднигеръ, **Островъ**—Судоплатова, **Пермь** — Н. Матвѣева, **Самара** — И. М. Старостина, **Середа**—М. В Лундышева

Рѣшеніе шахматной задачи № 18 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлые.	Черные.
1) Кр. d 7 — e 6	1) b 6 — b 5
2) a 3 — a 4	2) b 5 — a 4
3) b 4 — b 5+	3) Кр. a 6 — a 5
4) a 2 — a 3	4) a 7 — a 6
5) b 5 — b 6	5) c 7 — b 6
6) d 2 — d 3	6) b 6 — b 5
7) Кр. c 6 — c 5	7) b 5 — b 4
8) a 3 — b 4++	

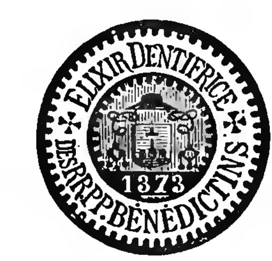
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—В. Быковскаго, Б. П. Шошина, Ѳ. С. Платонова, А. А. Посиѣева, **Елисаветградъ**—I. Олинскаго.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

СТИХОТВОРЕНІЯ № 3826
I. ЯСИНСКАГО.
Второе изданіе (дополненное).
Въ книжныхъ магазинахъ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“.
Цѣна 1 р. 50.к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Вышли 2 серіи **новѣйшихъ итальянск. рисунк. для выпил.** Цѣна каждой отдѣльно 1 р. съ перес. Опт. и розн. пр. у **Бр. ЛИНДЕМАНЪ**, складъ стальн. изд., Москва, Мясницкая, № 6. Ц. № 3787 2—2



ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (4).

ЧАСЫ ЧЕРНЫЕ СТАЛЬНЫЕ
отъ 12 р. до 30 р.
Никел. отъ 6 р. до 15 р.
Серебр. отъ 12 р. до 50 р.
Золот. отъ 25 р. до 350 р.
Главное депо часовъ
ЭДУАРДА БУРХАРДА.
СПБ., Гороховая ул. у Красн. моста, № 17.
Отдѣл.: Вознесенск. пр. у Синяго м., № 68/3.
Прейсъ-куранты высылаю безплатно.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ
Романъ изъ жизни Туркестанскаго края
Н. Н. Каразина.
Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунками автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

ФАБРИЧНЫЙ СКЛАДЪ
лучшихъ кожаныхъ ремней и принадлежностей къ нимъ; **лучшихъ графитныхъ горшковъ** для плавки **металловъ** (выдерживаетъ до **40 туровъ**). Графитныя крышки, подставки, мѣшалки и проч. (принимаются всякаго рода заказы). **Графитъ мукой и въ кускахъ** для всѣхъ цѣлей; графитная смазь для деревянныхъ или желѣзныхъ зубчатыхъ колесъ; фанерн. сидѣнія для стульевъ, кресалъ, дивановъ, вагоновъ желѣзныхъ и конно-желѣзныхъ дорогъ (принимаются всякаго рода заказы). Лучшія сафьян и прессован. (съ рисунками) кожи.
Прейсъ-курантъ безплатно.
ЕВГЕНІЙ БОТМАНЪ и Ко.
С.-Петербургъ, Садовая ул., № 12.

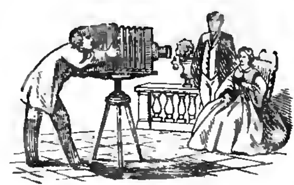
Съ этимъ аппаратомъ всякій, даже дѣти, могутъ безъ посторонней помощи и знанія дѣла, снимать хорошіе и отчетливые фотографическіе портреты. Новый прейсъ-курантъ безплатно. Самоучитель фотографіи съ прейсъ-курантомъ 50 коп. № 3801 2—2

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.
LA POUDRE SIMON
и мыло
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 3429 16-13

ЗА ТРУДОЛЮБІЕ И ИСКУСТВО П. Ф. КАРАТАЕВУ

АРГЕРЪ
СПИННЕРЪ.
Апаратъ для ловли рыбы на живца; живецъ надѣвается на иголку и прикрѣпляется металлическими плавниками; съ боковъ подхватывается крючками. Цѣна 1 руб. 50 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к., кромѣ Азіатской Россіи и Сибири.
Прейсъ-курантъ рыболов. принадл. высылается за 7 к. марку. № 3831
П. Ф. Каратаевъ. Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18.



Только 10 р.
Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунтовъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4. Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ, С.-Петербургъ. Mt. № 3832

С.ПЕТЕРБ. ВѢНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ
„ЕКСИККАТОРЪ“
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

ЗАИКАНІЕ
ЕГО ПРИЧИНЫ и ЛѢЧЕНІЕ.
Руководство къ совершенн. искорененію для самостоят. употребл., на русск. языкѣ.
Изданіе **РОБЕРТА ЭРНСТЪ**,
лѣчебн. заведенія отъ заиканія.
Берлинъ, К. № 3811
Potsdammer-Str., 37.
Проспектъ безвозмездно. (2)

БР. ЛИНДЕМАНЪ
складъ стальн. изд., Москва, Мясницкая, № 6, реком. Гг. люб. и учит. слѣд. **НОВЫЯ КНИГИ** *собств. изд.: Упрощ. способы дер мозаики и инкрустаціи, Выжиганіе,* цѣна 2 руб. съ перес. *Практ. курсъ токарн. иск. по дер.*, цѣна 1 р. 50 к., составл. **М. Нетыкса.** Продаются въ лучш. кн. маг. Выпис. отъ **БР. ЛИНДЕМАНЪ** за перес. не плат. 2—2

ПИТОМНИКЪ
РОХЕЛЯ № 3824
въ С.-Петербургѣ, уголъ Лабораторн. шоссе и Полюстровск. просп.
высылаетъ безплатно иллюстр. **каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ, ягодныхъ кустарниковъ, кратегуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ раст.** и пр., съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры.

А. РАЛЛЕ и Ко.
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ.
ВЪ МОСКВѢ.

Одеколонъ семейный.	Пудра жирная.
Духи гіацинтъ.	Мыло Ориза-лакте.
Духи русск. писателей.	Вода Флоридъ для лица.
Мыло русск. писателей.	Кольдъ-кремъ-Віолетъ.
Духи съ видами Москвы.	Мыло цвѣточно-глицер.
Мыло съ видами Москвы.	Элексиръ борно-тимоловый.

П. № 3821 6—1

Оптовая продажа: Богоявленскій пер., д. Чижова.
Розничный магазинъ: Кузнецкій мостъ, д. Солодовникова.

Р. № 3792 2—2

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ
у книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО
въ Москвѣ, въ домѣ Синодальной типографіи, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,
только что вышла и поступила въ продажу весьма важная, замѣчательная новая книга въ обличеніе атеизма и въ опроверженіе доктринъ невѣрія. Окончательное доказательство о вѣчномъ безсмертіи человѣка или

ВѢКОВЫЯ ТАЙНЫ
О ТОМЪ,
БУДЕМЪ ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗА-ГРОБНОМЪ МІРѢ
ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?
Эти спорные вопросы о дѣйствительной и вѣчно-безсмертной жизни
ЧЕЛОВѢКА за ГРОБОМЪ,
разрѣшенные по неопровержимымъ доказательствамъ на основаніи Св. Писанія и ученія Св. Отецъ, съ указаніемъ на мнѣнія и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о состояніи души, что она испытываетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она исходитъ изъ тѣла, и куда и въ какія мѣста переселяется.
„Въ домѣ Отца Моего обителей много“. (Іоан., гл. 14, 2).
„Человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ“. (Евр. гл. 3, ст. 27).
Книга составлена по историческимъ Богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ трактатамъ древнихъ и новыхъ философовъ трудами **Алекс. Земскаго.** Москва, 1889. Цѣна съ пересылкой **2 руб.**, въ роскошномъ переплетѣ **3 руб.** № 3825

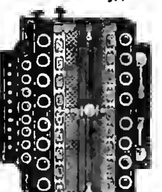
ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3716
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

ЧОКРАКСКОЕ
грязе-лечебное заведеніе въ Крыму, при озерѣ Чокракъ. За 4 марки 7 коп. высылается брошюра. Адресовать заказнымъ Д-ру Доброво льскому. № 3755 4—3

ГАРМОНІИ

по вновь удешевленнымъ цѣнамъ.



Однорядныя въ 2³/₄, 4¹/₂, 5¹/₂, 6, 8, 9, 10, 12, 16 и 24 р.
Двухрядныя въ 12, 14, 18, 20, 22, 25, 30 и 35 руб.
Трехрядныя въ 30, 55, 65 и 80 р.
Самоучитель Соколова по 1 руб.
Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо № 3817
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

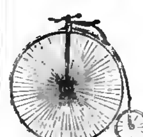
I-ый ТОМЪ полнаго собранія сочиненій
для ФОРТЕПІАНО

П. ЧАЙКОВСКАГО.

Новое, пересмотрѣнное авторомъ изданіе. Содержаніе: op. 1. Scherzo à la russe. Impromptu. op 2. Ruines d'un château. Scherzo. Romance sans paroles. op. 4. Valse. op. 5. Romance. op. 7. Valse. Scherzo. op. 8. Capriccio. op. 9. Reverie. Polka-Mazurka. op. 10 Nocturne. Humoresque. Цѣна 2 руб.

Москва у П. Юргенсона.
П. № 3822 С.-Петербургъ у I. Юргенсона.

ВЕЛОСИПЕДЫ АНГЛІЙСКІЕ



завода „Pilot Cycle Company", запасныя части и принадлежности къ нимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Ищу представителей въ разныхъ городахъ Россіи. Высылается прейсъ курантъ.

Г. ЖЕМЛИЧКО въ Москвѣ,

Старый Газетный пер., д. Толмачева.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ АППАРАТЫ!
Полный приборъ отъ 50 марокъ (не игрушка). Требовать иллюстрированные каталоги *gratis* и *franco*.
Іог. Заксъ и Ко.
Старѣйшая фабрика сухихъ пластинокъ въ Германіи. R. № 3734
Берлинъ, Риттерштрассе, 88.

Безопасные 2-хъ-кол. велосипеды

СВИФТЪ и ВИППЕТЪ

спеціально для русскихъ дорогъ.

Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.
Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Бэрри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3829 (1)

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Измайловскій проспектъ, 21,

МАГАЗИНЫ:

Невскій проспектъ, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста, Вознесенскій проспектъ, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонъ отъ 30 к. до 1 р.
Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб. 75 коп.
Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп. до 3 р. 20 к.
Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.
Духи разные отъ 15 к. до 2 р. 50 к.
Мыла отъ 10 к. до 1 р.
Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.
Зубные элексиры отъ 75 к. до 1 р.
Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до 2 руб. 25 коп.
Кремъ и патъ для кожи отъ 25 коп. до 1 рубля.
Pt. № 3801 3—1

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

—Въ очень хорошимъ переплетѣ.—

Brockhaus' Conversations-Lexikon.
Mit Abbildungen und Karten.
16 Bände und 1 Supplementband

Имѣется въ продажѣ въ Придворномъ книжномъ магазинѣ
Г. Шмицдорфа (Р. Гаммершмидта), Невскій пр. Nr. 4, С.-Петербургъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. Р. № 3828

ОЧЕНЬ важно для употребляющихъ **ОЧКИ**

СЕНСАЦІОННОЕ ПАРИЖСКОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Очки и Пенснэ въ оправѣ изъ настоящаго бѣлаго легкаго **алюминія**. Оправа эта, кромѣ изящной отдѣлки, имѣетъ блескъ настоящаго серебра, никогда не измѣняетъ своей блестящей бѣлизны и особенно рекомендуется лицамъ, безпрестанно употребляющимъ очки. **Новость** эта отличается многими хорошими качествами, состоящими въ чрезвычайной легкости оправы, не производящей на носъ никакого давленія, весьма пріятной въ употребленіи, не раздражающей и не вызывающей мозолей на носу и за ушами, которая притомъ не ржавѣетъ, не допускаетъ ломкости и не чернѣетъ какъ всякія другія оправы, а главнымъ образомъ снабжены настоящими парижскими Perscopique стеклами изъ флинт-**гласа** шлифовано согласно научнымъ вычисленіямъ, укрѣпляющими и улучшающими зрѣніе.

Цѣна съ пересылкою во всю Россійскую имперію **4 руб.**

Примѣчаніе. При заказахъ слѣдуетъ обозначать, какія именно требуются стекла, т. е. для близорукаго или для дальнозоркаго; на какомъ разстояніи заказчикъ ясно различаетъ предметы, употреблялись-ли имъ уже ранѣе очки, сколько лѣтъ? или какой №?

Адресъ: Я. Вурцельдорфъ, оптикъ и механикъ, г. Варшава, ул. Новый Свѣтъ, № 33—2.

Высылается также наложеннымъ платежемъ.
Подробный прейсъ-курантъ высылается по желанію безплатно.
Заказы исполняются безотлагательно и добросовѣстно. № 3819

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 3574 12—10

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH"

по своей чистотѣ и мягкости самое лучшее туалетное мыло.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазин. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ.

Большая **хромо-фото-литографія, точная** копія съ **знаменитой** картины художника **А. А. Иванова**, съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Публичномъ Румянцевскомъ Музеумѣ. Огромныхъ размѣровъ, художественно-исполненная картина:

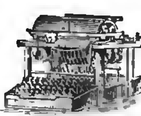
„ЯВЛЕНІЕ ХРИСТА НАРОДУ".

Цѣна: на бумагѣ 1 р. 50 к., на холстѣ 2 р. 50 к. За пересылку и упаковку на скалкѣ 50 к. При покупкѣ 10 и болѣе экз.— 20% уступки. Выписывать: **Москва**, магазинъ церковныхъ утварей **Сытова и С-ья**, Мясницкая, соб. домъ, а также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ, картинныхъ магазинахъ. Ц. № 3788 2—2

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочислен. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

ДАЛМАТСКІЙ

ПОРОШОКЪ. Владѣлецъ плантацій продаетъ черезъ Агента своего № 3818

А. И. де-Спиллеръ
ВЪ ОДЕССѢ. 3—1

За пудъ: 36 руб., 28 руб. и 23 руб.

№ 4711
ГЛИЦЕРИНОВЫЯ
МЫЛА

пріобрѣли большую извѣстность своими превосходными качествами; большой процентъ содержанія глицерина, легкое взмыливаніе, большая экономія и отличный запахъ сильно отличаютъ ихъ отъ другихъ глицериновыхъ мылъ.

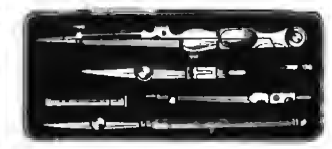
ОСОБЕННО РЕКОМЕНДУЮТСЯ:

№ 4711 Розовое хрустальное мыло,
№ 4711 Ландышъ хрустальное мыло,
№ 4711 Резедовое хрустальное мыло,
№ 4711 О-де-колон. хрустальное мыло,
№ 4711 Монополь глицериновое мыло.

Издѣлія № 4711 продаются во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

ГОТОВАЛЬНИ

разн. наборовъ, приноровленн. къ немедленному употребленію.



Изъ желтой мѣди . . . . отъ 2 до 15 р.
„ массивн. никелина . . . „ 4 „ 30 р.
и отдѣльн. циркуля, рейсфедера, угольники, линейки, рейсшины и пр.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабр. въ Парижѣ, Avenue de la Républ., 4.
Депо для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 40.
Иллюстр. прейсъ-курантъ высылается безплатно. Р. № 3803 2—2

Дозвол. цензур., СПБ., 12 апрѣля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XX г. | г. XX

№ 17 | 1889

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 22 апрѣля 1889 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Запутался въ счетахъ. Карт. С. А. Дуковича (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Волковъ.

Торжество Юліи Андреевны.

Романъ **М. В. Крестовской.**

(Продолженіе).

XII.

Какъ только часы пробили половину девятаго, Miss Morrison закрыла Библію, сняла очки, положила ихъ бережно на маленькій столикъ передъ постелью и обратилась къ Софи, объявляя, что теперь пора уже начать одѣваться.

Софи поспѣшно встала; въ послѣднія десять минутъ ей удалось было задремать, но это только хуже утомило ее и голова ея была теперь еще тяжелѣе.

Miss Morrison отворила дверь въ гостиную, гдѣ Маша уже зажгла передъ трюмо свѣчи и дожидалась выхода Софи, разговаривая съ M-elle Mignard на томъ своеобразномъ нарѣчіи, на которомъ только онѣ умудрялись понимать другъ друга.

— Маша! обратилась къ ней Miss Morrison, умѣвшая говорить немного по-русски, — можно помогайтъ Miss Tannenbaum.

Маша оборвала свои разсужденія съ M-elle Mignard и быстро придвинула къ трюмо стулъ. Она тоже сильно побаивалась суровой англичанки.

— Барышня, васъ мамаша велѣли спросить — вы сами можетъ любите причесываться, или парикмахера позвать, а не то я могу — я маленькую барышню завсегда сама чешу.

— Нѣтъ, благодарю васъ, мнѣ не надо, я всегда сама причесываюсь.

— Такъ извольте садиться, вотъ вамъ пудель-мантель и гребенки.

Софи сняла лифъ, надѣла пеньюаръ и, сѣвъ предъ зеркаломъ, стала распускать волосы, заплетенные въ двѣ тугія косы. Ей было немножко неловко, потому что всѣ съ любопытствомъ смотрѣли и слѣдили за ней и она торопилась расплетая косы; но по мѣрѣ того какъ она ихъ распускала, волосы дѣлались все роскошнѣе и волнистѣе, такъ что когда она расплела ихъ наконецъ совсѣмъ и бѣлокурая волнующаяся масса ихъ закрыла почти всю ея фигуру — M-elle Mignard не выдержала и ахнула.

— Но, Боже мой, вѣдь это цѣлое богатство! Какъ это вы умудряетесь такъ ихъ запрятывать что они дѣлаются совсѣмъ незамѣтными? На вашемъ мѣстѣ я бы кажется ходила всегда съ распущенными волосами, только бы не скрывать этой роскоши! восклицала она съ восторгомъ.

Маша тоже ахала и восхищалась, и даже Нэдъ, уже переставшая плакать, но все еще сердито лежавшая на кровати, съ которой ей было видно и трюмо, и одѣвающуюся сестру, съ любопытствомъ приподняла съ подушекъ голову.

— Mais, mon Dieu! неужели-же вы опять запрячете ихъ какъ всегда? воскликнула M-elle Mignard, съ жалостью и почти негодованіемъ увидѣвъ, что Софи заплетаетъ и укладываетъ ихъ на головѣ обыкновенною своей манерой.—Вѣдь это жестоко!

— Я не умѣю иначе, сконфузилась Софи улыбаясь точно виноватою улыбкой.—Каждый разъ какъ я пробовала причесать ихъ какъ нибудь иначе — выходило еще хуже—у меня ихъ слишкомъ много для красивой прически.

M-elle Mignard съ сожалѣніемъ и укоромъ покачивала головой.

— Нѣтъ, сказала она со вздохомъ,—съ волосами однѣ француженки умѣютъ обращаться. Да, никто лучше насъ не умѣетъ пользоваться тѣми преимуществами, которыя даетъ намъ природа.

Нэдъ покусывала подушку, издали насмѣшливо усмѣхаясь и мысленно называя сестру дурой за ея прическу.

Когда Софи причесалась, на помощь Машѣ явилась еще домашняя портниха—и онѣ вдвоемъ принялись одѣвать Софи, суетясь и ползая вокругъ нея на колѣняхъ, поправляя разныя складки и буфы на подолѣ и тюникѣ платья.

Софи, волнуясь и отчего-то робѣя въ душѣ, смущенно стояла предъ ними, вполнѣ отдавшись на ихъ волю и почти не принимая въ ихъ стараніяхъ никакого участія.

— Délicieux! délicieux! восклицала въ восхищеніи M-elle Mignard, когда Маша съ портнихой надѣли на Софи платье изъ блѣдно-розоваго crêpe de Chine, перемѣшаннаго съ легкимъ французскимъ крепомъ, воздушныя и граціозныя складки котораго прихотливо и легко падали внизъ, подхватываемыя кое-гдѣ бутонами чайныхъ розъ.

Платье было дѣйствительно прелестно сшито и задумано съ тонкимъ, изящнымъ вкусомъ; но Софи было въ немъ почему-то неловко, и съ присущимъ женщинѣ инстинктомъ она чувствовала, что оно не идетъ къ ней и что отъ этого чуднаго розоваго цвѣта она сама кажется еще утомленнѣе и безцвѣтнѣе.

M-elle Mignard, совершенно искренно восхищенная платьемъ, суетилась подлѣ нея вмѣстѣ съ Машей, усердно оправляя на ней складки и банты, и досадуя въ душѣ слегка на эту bête de Sophie, относящуюся къ нему съ такимъ вялымъ равнодушіемъ.

Нэдъ соскочила съ постели и тоже вышла въ гостиную, оглядывая сестру прищуренными глазами. Лицо ея было еще заплакано, но уже повеселѣло и приняло обычное плутовато-насмѣшливое выраженіе.

— Ne ce pas que c'est superbe? спросила ее M-elle Mignard, которой уже наскучило дуться на свою капризную воспитанницу и хотѣлось помириться съ ней.

Нэдъ молча съ насмѣшливою улыбкой кивнула головой.

— Да, ужь можно сказать, вторила француженкѣ и Маша,—деликатное платье! Хоть принцессѣ какой, такъ и то-бы не стыдно надѣть было-бы! А ужь легкое какое, такъ все и сквозитъ; кажется какъ взять въ руки, такъ и растаетъ.

Всѣ столпились вокругъ Софи и разсматривали ее съ любопытствомъ, улыбками и замѣчаніями.

Даже Miss Morrison вышла изъ своей комнаты, и велѣвъ Софи отойти отъ нея на нѣсколько шаговъ—издали осмотрѣла ее строгимъ и внимательнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и собственноручно оправила на ней неровно падавшую складку.

— Вотъ какъ для нашей барышни будутъ балъ дѣлать, такъ и имъ такое-же платье сошьютъ! сказала съ улыбкою Маша, обращаясь къ Нэдъ, которую она по преимуществу считала *своею* барышней.

Нэдъ насмѣшливо усмѣхнулась и покачала головой. „Ну, нѣтъ ужь,“ подумала она про себя,—„тогда-то я ихъ и получше заставлю сдѣлать!“

Наконецъ Софи была совсѣмъ готова, и Маша отправилась къ Юліи Андреевнѣ узнать, могутъ-ли барышня придти къ нимъ показаться. Чрезъ минуту она вернулась съ отвѣтомъ, что барыня уже одѣты и дожидаются барышни у себя въ комнатѣ.

Всѣ заволновались и снова бросились къ Софи, оправляя ее въ послѣдній разъ, прежде чѣмъ она предстанетъ предъ строгіе и зоркіе глаза Юліи Андреевны.

— Ну, желаю вамъ успѣха, дитя мое! сказала вдругъ Miss Morrison и ласково, какъ-бы ободряя, погладила Софи по головѣ своей тонкою рукой.

И въ глазахъ, и голосѣ ея при этихъ словахъ было такъ много теплоты и нѣжности, что Софи вдругъ

вспыхнула, и не отдавая себѣ отчета можно-ли это или нельзя, крѣпко обняла ее и поцѣловала.

Эта сцена была такъ неожиданна и непривычна, что не только Нэдъ съ M-elle Mignard, но даже и Маша съ удивленіемъ и насмѣшливыми улыбками переглянулись другъ съ другомъ.

— Это что̀ за нѣжности? тихо спросила Нэдъ, когда Софи, съ чувствомъ какого-то смущенія и неяснаго страха, отправилась на половину матери.

Miss Morrison, окинувъ ихъ горделиво презрительнымъ взглядомъ, опять ушла въ свою комнату и затворила дверь. Маша съ портнихой принялись убирать разбросанныя шпильки и булавки, а M-elle Mignard, которой поручено было сопровождать сегодня Софи вмѣсто отдыхавшей Miss Morrison — отправилась къ себѣ доканчивать туалетъ.

— Если-бы ее одѣть въ бѣлое или даже голубое — она *выглядѣла*-бы гораздо интереснѣе, сказала Нэдъ съ видомъ знатока, — а это розовое платье — совсѣмъ убьетъ ее.

— У этой глупой дѣвушки, отвѣчала M-elle Mignard, старательно прикалывая предъ зеркаломъ бантъ себѣ на голову,—есть въ распоряженіи три прекрасныя вещи: глаза, волосы и зубы; но она держитъ ихъ въ глубокомъ секретѣ,—глазъ почти не поднимаетъ, волосы закручиваетъ такъ низко что они совсѣмъ пропадаютъ, а смѣется такъ рѣдко что никто никогда не разглядитъ какіе тамъ у нея во рту зубы.

— Ah, monsieur, n'entrez pas! je ne suis pas encore prête! воскликнула она, вдругъ увидѣвъ на порогѣ комнаты Ѳедора Густавовича, и съ кокетливымъ ужасомъ замахала на него руками, поспѣшно накидывая шаль поверхъ бѣлой кофточки.

Ѳедоръ Густавовичъ благодушно разсмѣялся.

— Ну, ну, сказалъ онъ, утѣшая ее,—я съ вами не любопытенъ. Мнѣ нужно только Нэдъ.

Но M-elle Mignard продолжала волноваться.

— Allez, mon enfant, fermez la porte!

Увидѣвъ отца, Нэдъ сердито нахмурилась, но замѣтивъ у него въ рукахъ какіе-то свертки, нехотя встала и пошла за нимъ въ гостиную съ недовольнымъ видомъ.

Ѳедоръ Густавовичъ повидимому только что пріѣхалъ съ улицы, лицо его было красно и пахло отъ него пріятнымъ морознымъ воздухомъ.

Проводивъ своихъ гостей, онъ тотчасъ поѣхалъ къ ювелиру. Ему хотѣлось порадовать чѣмъ-нибудь Софи, которая казалась ему грустною, какъ будто чѣмъ-то обдѣленною, и онъ рѣшилъ подарить ей какую нибудь бриліантовую вещицу, всегда утѣшающую, по его мнѣнію, женщинъ не только въ грусти, но даже и въ большомъ горѣ.

Онъ долго выбиралъ въ магазинѣ, и остановился наконецъ на жемчужныхъ серьгахъ, осыпанныхъ крупными брильянтами. Стоили онѣ очень дорого, и вынимая за нихъ нѣсколько радужныхъ бумажекъ изъ своего толстаго бумажника, Ѳедоръ Густавовичъ даже поморщился; но онъ желалъ чтобы его первый сюрпризъ дочери былъ роскошнымъ подаркомъ, въ которомъ ей не стыдно было-бы щегольнуть на сегодняшнемъ балу, а также думалъ, что чѣмъ дороже привезетъ онъ подарокъ, тѣмъ больше обрадуется Софи и тѣмъ сильнѣе выкажетъ онъ ей свою любовь.

Потомъ Ѳедоръ Густавовичъ, сознавая себя провинившимся также предъ Нэдъ, желалъ утѣшить и ее при свиданіи, котораго, зная капризный характеръ своей любимицы, слегка побаивался послѣ своей злополучной разсѣянности.

Но выборомъ онъ очень затруднялся и не зналъ что-же ей подарить. Золотыхъ вещей Юлія Андреевна носить ей не позволяла, туалетами ея завѣдывала тоже Юлія Андреевна, и Ѳедоръ Густавовичъ рѣшительно въ нихъ ничего не понималъ; въ игрушки, сколько онъ помнилъ, Нэдъ никогда не играетъ и пожалуй только больше еще разсердится если ей привезти что-нибудь въ родѣ большой куклы или красивой книжки съ картинками.

— Nu, dann kauf' ich Bonbon! рѣшилъ онъ, не будучи въ состояніи ничего больше придумать, и заѣхавъ въ кондитерскую, купилъ роскошную бонбоньерку съ нѣсколькими фунтами конфетъ; очень довольный своими покупками, онъ усѣлся въ маленькія саночки и помчался по освѣщенному Невскому, въ самомъ великолѣпномъ настроеніи духа, съ дорогой сигарой въ зубахъ и даже тихонько мурлыкая себѣ подъ носъ какую-то веселенькую нѣмецкую пѣсенку.

— Ну, Nedchen, поцѣлуй твой старый папаша! весело сказалъ онъ, когда Нэдъ вошла вмѣстѣ съ нимъ въ гостиную. — Я знаю, что я совсѣмъ безпамятный. Я знаю, я имѣлъ предъ тобой провинности, но ты не будешь сердиться на твой папаша, который тебя очень любитъ! Nicht wahr, mein Kind? Ну, пускай-же меня поцѣловать тебя!

И онъ хотѣлъ обнять ее, но она капризно отвернулась отъ него съ новыми слезами на глазахъ при воспоминаніи о томъ, чего она изъ-за него лишилась.

— Ну, Nedchen, ты совсѣмъ не любишь твой папаша! А вотъ тутъ есть какое-что, что будетъ тебя немножко утѣшать! сказалъ онъ, развертывая бумагу и вынимая бонбоньерку.

Глаза Нэдъ, пока онъ разворачивалъ бумаги, загорѣлись любопытствомъ, но увидѣвъ, что это только коробка съ конфетами, они разочарованно потухли и она снова надулась. Къ бонбоньеркамъ, въ противоположность M-elle Mignard, она была вполнѣ равнодушна, а конфеты у нихъ въ домѣ и безъ того никогда не переводились.

Она небрежно, съ недовольнымъ видомъ поцѣловала отца, думая, что такъ сильно провинившись, онъ могъ-бы подарить ей что-нибудь и получше этихъ глупыхъ конфетъ.

— А это что? спросила она, указывая глазами на другой маленькій свертокъ въ рукѣ Ѳедора Густавовича.

— А это?—Ѳедоръ Густавовичъ, гордясь внутренно своимъ дорогимъ подаркомъ, сдѣлалъ значительную и таинственную физіономію.—Dass ist für Sofichen! отвѣчалъ онъ важно.

— Ахъ, покажи! воскликнула Нэдъ, снова загораясь любопытствомъ.

— Nein, mein Kind, man kann nicht, не надо разворачивать до ней!

— Ну вотъ еще!

И ловкимъ движеніемъ она выхватила изъ его рукъ маленькій футлярчикъ, быстро сорвала съ него круглую коричневую резинку и тонкую бумагу и, раскрывъ его, тихо вскрикнула.

Нѣсколько мгновеній она смотрѣла на серги молча, съ широко раскрытыми глазами и тяжело дыша, какъ будто дыханіе вдругъ стѣснилось въ ея груди.

— M-elle Mignard, вскрикнула она вдругъ, — venez vite! Voyez moi ça! и она поднесла футляръ съ сергами прямо къ огню свѣчей.

M-elle Mignard выбѣжала и остановилась всплеснувъ руками, въ восторгѣ и удивленіи.

— Но это чудо! чудо! безсвязно лепетала она, не сводя взгляда съ горѣвшихъ и переливавшихся на голубомъ бархатѣ безчисленными радужными огоньками брильянтовъ.

Нэдъ поворачивала футляръ во всѣ стороны, приноравливая его такъ, чтобы пламя свѣчей ярче било по камнямъ.

Она ничего не говорила — только ноздри ея раздувались и вздрагивали, а глаза горѣли жаднымъ блескомъ.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. „Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро“
Картина К. П. Степанова (право гравированія пріобрѣтено „Нивой“), грав. Шюблеръ.

XVII передвижная выставка. По начальству. Картина академика Е Маковскаго (право грав. пріобр. „Нивой“), грав. Шюблеръ.

— Pour qui ça, monsieur? тихо спросила M-elle Mignard, какъ будто боясь громкимъ голосомъ нарушить очарованіе минуты.

— Pour Sofíchen! съ добродушною гордостью отвѣчалъ Ѳедоръ Густавовичъ, слѣдя за игрой и блескомъ камней. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ эффектомъ, который произвели серги на M-elle Mignard и Нэдъ, и въ душѣ проникся еще большимъ уваженіемъ къ собственному подарку.

— Чудо, чудо! повторяла M-elle Mignard, но уже съ легкимъ разочарованіемъ, внутренно сожалѣя, что такія прелестныя серги попадутъ къ этой глупой, ничего не смыслящей Софи.

Нэдъ поспѣшно, какъ-бы боясь, что ее остановятъ, вынула ихъ изъ футляра, быстро продѣла себѣ въ уши и, качая головой направо и налѣво, заставляла серги переливаться и горѣть еще сильнѣе; глаза ея сверкали въ зеркалѣ почти такъ-же какъ брильянты въ ушахъ.

— Nun! теперь довольно! торжественно проговорилъ Ѳедоръ Густавовичъ, протягивая къ ней руки, но Нэдъ быстро отклонилась отъ него.

— Нѣтъ, нѣтъ, воскликнула она съ отчаяніемъ, — еще минуточку!

И закачавъ еще сильнѣе головой, она снова впилась въ зеркало влюбленными, очарованными глазами, не зная сама, что̀ притягиваетъ ея взоръ: эти-ли чудныя серги, или свое собственное прелестное лицо въ этихъ чудныхъ сергахъ.

— Charmant! délicieux! шептала въ упоеніи M-elle Mignard. Нэдъ наконецъ вынула серги изъ ушей, долго укладывала въ футляръ и съ сожалѣніемъ закрыла его, бросивъ на нихъ послѣдній влюбленный взглядъ.

— Лучше-бы, папочка, сказала она со вздохомъ возвращая ему футляръ, — ты мнѣ вмѣсто конфетъ подарилъ такія-же серги!

— Ого, ха, ха, ну твой ротикъ не дурачекъ! воскликнулъ онъ, громко смѣясь и сплющивая по обыкновенію все ея разгорѣвшееся личико своими толстыми пальцами. — Для этого тебѣ надобно сначала выростать немножко.

— Да, какъ-же! она съ трудомъ высвободила свое лицо изъ его пальцевъ и сердито закачала головой, — скоро у васъ тутъ выростешь! вы съ maman меня до двадцати лѣтъ все будете водить въ короткихъ юбочкахъ и отсылать спать въ 10 часовъ!

— Та-та-та-та! передразнилъ ее Ѳедоръ Густавовичъ, — не надо такъ спѣшить, все будетъ наставать въ свое время!

Но Нэдъ только безнадежно махнула рукой, какъ будто хотѣла сказать: „ахъ, ужь знаю я васъ!“

M-elle Mignard ушла въ свою комнату, шумя своимъ шелковымъ сѣрымъ платьемъ, спеціально подареннымъ ей для торжественныхъ случаевъ Юліей Андреевной, и хотя сначала воздержалась было отъ всякихъ украшеній своей особы разными поддѣльными брильянтами и золотомъ, зная что этого терпѣть не можетъ Юлія Андреевна, которая желала чтобы гувернантки жившія въ ихъ домѣ были строго приличны — но серги Софи такъ взволновали и раздражили ее, что она уже не могла вытерпѣть и надѣла себѣ на шею красную бархатку, приколовъ ее фальшивой брильянтовой звѣздой.

Какъ только она ушла, Нэдъ бросилась къ отцу и, крѣпко прижимаясь къ его могучей груди, начала ласкаться своею кошачьею манерой.

— Послушай, папочка, обиженно заговорила она. — вѣдь это я изъ-за тебя не попала сегодня на балъ, и ты долженъ меня за это наградить. Конфеты! Что̀ такое конфеты! воскликнула она съ презрѣніемъ кивая на бонбоньерку, — я ихъ каждый день ѣмъ сколько угодно. А сегодня ихъ и еще больше будетъ. Ты лучше подари ихъ M-elle Mignard, она все равно со мной подѣлится, а мнѣ... мнѣ, папочка...—Она еще ближе прижалась къ нему и крѣпко поцѣловала въ бритую щеку, — дай лучше денегъ, я тогда по крайней мѣрѣ закуплю чего хочу!

— Но! развѣ дѣтямъ даютъ денегъ! сказалъ Ѳедоръ Густавовичъ, поддразнивая ее, и прищуривъ одинъ глазъ съ сомнительной улыбкой покачивалъ головой.—Когда я былъ такой маленькій клопъ, какъ ты, Vater давалъ мнѣ одинъ двугривенный на цѣлый недѣля!

— Твой Vater былъ скупой и бѣдный, а ты добрый и богатый.

— Ахъ ты маленькій плутъ въ юбкѣ! Nun gut, gut, такъ и быть уже, на̀ бумажникъ, бери сколько тебѣ надо.

И онъ въ великодушномъ порывѣ, чувствуя себя въ особенно хорошемъ настроеніи духа, протянулъ ей свой толстый бумажникъ. Нэдъ быстро схватила его, и при видѣ его плотныхъ пачекъ, глаза ея жадно вспыхнули и загорѣлись. Она нѣжно приложилась къ бумажнику лицомъ и тихо, точно наслаждаясь прикосновеніемъ къ нему, гладила по немъ своей щекой. Потомъ вдругъ радостно засмѣялась и, граціозно вспрыгнувъ на колѣни къ отцу, вынула десятирублевую бумажку.

— Можно? спросила она, кокетливо заглядывая на него снизу вверхъ.

Онъ, нѣжно любуясь ея красивыми движеніями, ласково кивнулъ ей головой. Тогда она вынула вторую такую-же бумажку и опять съ плутовской улыбкой засматривая на него, спросила:

— А эту можно?

Ѳедоръ Густавовичъ добродушно засмѣялся, но поднялъ бровь и покачалъ головой уже съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. А Нэдъ, не обращая на это вниманія, выдернула третью десятирублевую бумажку и залилась веселымъ хохотомъ.

Ѳедоръ Густавовичъ выхватилъ у нея бумажникъ и хотѣлъ отнять третью бумажку, но дѣвочка быстро соскочила съ его колѣнъ, одною рукой высоко надъ головой подняла деньги, а другою схватила его за шею и съ громкимъ хохотомъ, прыгая на одномъ мѣстѣ, душила его крѣпкими поцѣлуями.

— Ну, ну, ну, ты будешь совсѣмъ задушать меня! кричалъ Ѳедоръ Густавовичъ, стараясь и освободиться отъ нея, и подальше спрятать бумажникъ.

M-elle Mignard выбѣжала на шумъ и хохотала вмѣстѣ съ Нэдъ, смотря на отбивавшагося огромнаго Ѳедора Густавовича.

— Совсѣмъ маленькій воришка, совсѣмъ ограблялъ меня! сказалъ онъ тяжело дыша, съ трудомъ освободившись отъ ея крѣпкихъ объятій и поспѣшно запрятывая бумажникъ въ карманъ. — Совсѣмъ ограблялъ, лучше уходить скорѣй nach Hause, а то она будетъ пожалуй снимать даже мой сюртукъ!

И онъ полушутливо, полуискренно боясь, что она опять выхватитъ у него бумажникъ, поспѣшно, переваливаясь на ходу своей толстою фигурой, выбѣжалъ изъ комнаты, а Нэдъ, смѣясь и потрясая надъ головой красными бумажками, пѣла прыгая предъ M-elle Mignard:

— Теперь мы покутимъ! Теперь мы покутимъ!

XIII.

Когда Софи вошла въ комнату матери, Юлія Андреевна стояла во весь ростъ прямо лицомъ къ ней, въ роскошномъ, пластично обтягивавшемъ ея стройную фигуру, темно-зеленомъ бархатномъ платьѣ, строгой, почти античной простоты, безъ всякихъ украшеній и отдѣлокъ, съ длиннымъ падающимъ красивыми, мягкими складками трэномъ и съ открытыми, прекрасными, какъ-бы выточенными рѣзцомъ тонкаго художника руками и

грудью, на которой сверкало, дрожа и переливаясь огнями отъ каждаго ея движенія, старинное жемчужное ожерелье, перемѣшанное крупными брильянтами. Такое-же точно украшеніе сіяло и въ ея черныхъ синеватаго отлива, немного жесткихъ по вьющихся и красивыхъ волосахъ, которые были зачесаны кверху изящнымъ узломъ и открывая граціозную линію ея шеи завивались на затылкѣ мелкими змѣиными кольцами. И въ этомъ простомъ но великолѣпномъ нарядѣ она поражала своей красотой, въ которой было что-то властительное и покоряющее.

Софи, увидѣвъ мать, невольно вскрикнула и молча остановилась, смотря на нее восхищенными глазами. Юлія Андреевна, застегивая на рукѣ браслетъ, замѣтила ея восторгъ и улыбнулась тою снисходительною улыбкой, которою улыбаются красивыя женщины, видя человѣка пораженнаго ихъ красотой.

— Ну, мой другъ, ты уже готова? привѣтливо обернулась она къ дочери.

— О, мама! машинально сказала Софи, не отводя отъ нея очарованныхъ глазъ.—Какая вы красавица!

Юлія Андреевна засмѣялась, окидывая дочь быстрымъ проницательнымъ взглядомъ; ей вдругъ стало какъ-то и жутко, и весело. Ея смѣхъ и движенія были немного нервны и порывисты, она чувствовала себя волнующеюся и возбужденною и отъ этой лихорадочной тревоги глаза ея то безпокойно вспыхивали, то потухали, а лицо слегка разгорѣлось нѣжнымъ розовымъ румянцемъ.

— Ну, покажись! сказала она, смѣясь чему-то своимъ нервнымъ смѣхомъ; взявъ Софи за руку, она поставила ее прямо предъ собой и, медленно поворачивая ее кругомъ, осматривала пытливо и тревожно.

— Прелестно, сказала она наконецъ, блеснувъ вдругъ загорѣвшимися глазами, — очень мило, очень... теперь недостаетъ только цвѣтовъ—вотъ они, я еще на прошлой недѣлѣ заказала садовнику приготовить какъ можно больше чайныхъ бутоновъ и ландышей.

И она вынула изъ стоявшей на столѣ плетеной корзинки небольшой букетъ ландышей и розъ, лежавшихъ въ мокромъ мху.

— Ахъ, какая прелесть! воскликнула Софи. — Но вѣдь это жаль, что погублено столько бутоновъ — за ночь они всѣ завянутъ и ужь потомъ не распустятся.

— Ну, это не бѣда! весело отвѣчала Юлія Андреевна, улыбаясь „сентиментальной“ дочери. — Мы закажемъ новыхъ. Дай я сама приколю тебѣ ихъ! Ты не модно причесалась, мой другъ, впрочемъ это ничего — главное, чтобы шло. Ну вотъ, теперь твой туалетъ вполнѣ законченъ!

Она встала, внимательно оглядѣла дочь еще разъ и вдругъ повернула ее прямо къ трюмо и встала рядомъ съ ней, слегка обнявъ ее за талію.

Какъ ни была она увѣрена, что ей удастся затмить и побѣдить дочь, но все-же тревожное сомнѣніе закрадывалось въ ея душу и мучило ее въ послѣднюю минуту; она, какъ опытный полководецъ, предъ началомъ сраженія, рѣшила стать лицомъ къ лицу съ непріятелемъ и помѣряться съ нимъ силами.

Но собственная роскошная, величественная красота, поразила ее наряду съ дочерью, которая казалась предъ ней совсѣмъ маленькою, незамѣтною и ничтожною. И Юлія Андреевна стояла предъ зеркаломъ, невольно любуясь сама собой и улыбаясь своему отраженію счастливою, торжествующею улыбкой тщеславной женщины, сознающей свою красоту.

— Теперь, сказала она съ тою-же улыбкой наклоняясь надъ дочерью,—ты съ этими ландышами совсѣмъ похожа на весну, а я... а я на отцвѣтающую осень...

— О, мама! воскликнула Софи съ упрекомъ, — какъ вы можете это говорить!

Но Юлія Андреевна съ недовѣрчивой улыбкой качала головой.

— Это ничего не значитъ, мой другъ, я могу быть еще красива, но все-же я почти уже старуха...

— Нѣтъ, мама! это неправда! Я моложе васъ, но я въ сто разъ хуже васъ, и если-бы я была мужчина или художникъ, вы-бы поразили меня съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи.

— Ну это просто такъ кажется тебѣ, отъ того, что ты очень любишь меня! сказала смѣясь Юлія Андреевна,—и я очень рада, что ты такъ любишь меня... тихо съ какою-то задумчивою теплою нѣжностью прибавила она и, вдругъ наклонившись, она крѣпко обняла дочь и горячо поцѣловала ее въ голову.

Это былъ ея первый искренній поцѣлуй — и Софи, вся радостно вспыхнувъ, чутьемъ уловила это и закинувъ руки на шею матери, дѣтскимъ движеніемъ, крѣпко и радостно прижалась къ ней. Въ эту минуту она любила болѣе чѣмъ когда нибудь свою прекрасную мать, которая однимъ взглядомъ, одной лаской умѣла очаровывать и привлекать къ себѣ сердца,—и все тяжелое и натянутое, что̀ отчуждало Софи отъ матери, вдругъ порвалось въ ней, исчезло само собой; одно довѣріе, одна любовь, нѣжная и горячая, наполнила ея сердце. Но Юлія Андреевна вдругъ сухо отстранила ее и въ глазахъ ея блеснулъ враждебный огонекъ.

Сначала ей стало жаль дочери и стыдно за то, что она такъ сознательно старается затмить и затереть ее въ первое-же появленіе въ свѣтѣ. Горячая ласка Софи тронула ее, стыдъ и жалость сильнѣе поднялись въ душѣ ея, она крѣпче прижала къ себѣ дочь и глаза ея затеплились мягкимъ, влажнымъ взглядомъ; но ей вдругъ стало страшно этого теплаго нарождающагося въ ней чувства, страшно отъ того, что оно могло помѣшать ей въ ея цѣли, и женщина, которая была въ ней сильнѣе матери, проснулась въ ней и заглушила это чувство... „Нѣтъ, нѣтъ“, сказала она себѣ, „къ чему это?.. ей не нужна моя любовь... Ее любятъ за меня другіе и она въ сущности этихъ другихъ любитъ гораздо больше чѣмъ меня... Такъ, порывъ одинъ... И впереди ей предстоитъ еще много, много быть-можетъ любви... Предъ ней еще цѣлая жизнь, а мнѣ... мнѣ осталось какихъ нибудь пять-шесть лѣтъ... и они должны быть мои... я не уступлю ихъ никому... никому...“ Лицо ея стало сурово и сумрачно; она холодно отошла отъ дочери, и слегка поежившись, какъ будто зябла, накинула на свои открытыя плечи легкую накидку опушенную темнымъ, сѣдымъ соболемъ.

Софи съ печальнымъ удивленіемъ глядѣла на нее. Минуту назадъ она чувствовала ее такою близкою къ себѣ, такою нѣжною и любящею, а теперь, хотя Юлія Андреевна не сказала ей ни одного неласковаго слова, но Софи невольно почувствовала, что мать опять ушла отъ нея куда-то далеко, а предъ ней стоитъ снова чужая свѣтская женщина съ любезными словами и улыбкой, но съ какимъ-то затаеннымъ враждебнымъ холодомъ въ глазахъ.

— Ну, мой другъ, начала Юлія Андреевна своимъ обычнымъ, нѣсколько повелительно-дѣловымъ тономъ,—надо узнать готова-ли M-elle Mignard—пора выйти въ гостиную, уже безъ двадцати минутъ десять, а съѣздъ назначенъ ровно въ 10 часовъ.

Въ эту минуту въ дверь кто-то постучалъ и послышался голосъ Ѳедора Густавовича.

— Можно входить?

Юлія Андреевна слегка удивилась, Ѳедоръ Густавовичъ довольно рѣдко являлся на половину своей супруги.

— Войдите, сказала она пожимая плечами и недоумѣвая, зачѣмъ это ея благовѣрному вздумалось пожаловать къ ней.

Өедоръ Густавовичъ отворилъ дверь и показался на порогѣ весь сіяющій и торжественный, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и брильянтовыхъ запонкахъ на безукоризненно бѣлой рубашкѣ, отъ глубокаго вырѣза которой лицо его казалось еще толще и краснѣе, какъ будто благодаря туго затянутому галстуку къ нему прилила вся кровь.

Но, переступивъ порогъ, Өедоръ Густавовичъ остановился какъ-бы пораженный прекраснымъ видѣніемъ.

— O mein Gott! воскликнулъ онъ, разводя руками.— Какой великолѣпіе! Совсѣмъ eine schöne королева съ маленькой лѣсной фея!

Очень довольный и даже нѣкоторымъ образомъ торжествующій вслѣдствіе сознанія, что у него такая красавица-жена и такая нарядная, миленькая дочка, Өедоръ Густавовичъ внезапно почувствовалъ особенный приливъ нѣжности не только къ Софи, но даже и къ самой Юліи Андреевнѣ, что̀ случалось съ нимъ очень рѣдко.

— Пускайте вашъ вѣрноподданный поцѣловать вашу прекрасную ручку! воскликнулъ онъ съ шутливою любезностью и, подойдя къ снисходительно улыбающейся Юліи Андреевнѣ, съ рыцарской галантностью поцѣловалъ ея блѣдную, съ тонкими голубыми жилками, ручку, всю залитую брильянтами.

Собственно красота Юліи Андреевны дѣлала очень мало впечатлѣнія на Өедора Густавовича. Во-первыхъ онъ уже давно привыкъ и пригдядѣлся къ ней настолько, что почти не замѣчалъ ея, а во-вторыхъ дурныя отношенія, всегда господствовавшія между супругами, портили и отравляли всякое пріятное впечатлѣніе; но тѣмъ не менѣе онъ бывалъ чрезвычайно польщенъ, когда замѣчалъ это впечатлѣніе производимое ею на другихъ. Какъ-бы то ни было, но она все-таки его жена, въ нѣкоторомъ родѣ благопріобрѣтенная его собственность, которою онъ любилъ щегольнуть предъ своими друзьями и знакомыми, почти такъ же какъ любилъ щегольнуть предъ ними и дорогою картиной, и рѣдкою вазой, и тонкимъ виномъ, которое можно было найти только у него, Өедора Густавовича фонъ-Таненбаумъ.

— А вотъ для этой маленькой дебютантки я приносилъ кое-что; такъ себѣ одинъ хорошенькой игрушка!

И Өедоръ Густавовичъ, уже заранѣе наслаждаясь эффектомъ который произведетъ его щедрый подарокъ, торжественно раскрылъ футляръ. Увидавъ брильянтовыя серги, Юлія Андреевна слегка нахмурилась.

„Ну“, подумала она съ неудовольствіемъ, „это только моему благовѣрному могутъ приходить въ голову такія нелѣпыя, мѣщанскія идеи. Дарить дѣвушкѣ брильянты!“

— Дай мнѣ твои ушки, обратился къ смущенно улыбавшейся Софи Өедоръ Густавовичъ, приписывавшій сухое молчаніе своей супруги — просто зависти.— Я буду, продолжалъ онъ,—самъ продѣвать тебѣ мой подарокъ!

Юліи Андреевнѣ не хотѣлось ссориться съ мужемъ и портить себѣ предъ самымъ баломъ расположеніе духа, но эти брильянты раздражали ее.

— Послушайте, мой другъ, сказала она по возможности любезнѣе,—съ вашей стороны это конечно очень мило, и Софи вѣроятно вполнѣ оцѣнитъ ваше вниманіе къ ней, но вѣдь вы-же знаете, что такой молодой дѣвушкѣ, какъ она, неприлично носить брильянты, да еще такіе огромные, прибавила она, брезгливо кивая на нихъ головой, — а потому вы лучше ужь и не надѣвайте ихъ на нее.

— Но! Өедоръ Густавовичъ въ непріятномъ недоумѣніи остановился съ сергами въ рукахъ. — Развѣ правда? недовѣрчиво спросилъ онъ, хотя уже сбитый отчасти съ толку, но тѣмъ не менѣе продолжая приписывать запрещеніе жены все той-же зависти. — Но! повторилъ онъ съ сомнѣніемъ поглядывая на нее. — Правда-ли это? Я нарочно покупалъ ей, чтобы она на своей первомъ балу могла показывать ихъ своимъ подругамъ... Это недурной подарочекъ, зачѣмъ-же ему будетъ теперь пропадать!

Юлія Андреевна нетерпѣливо передернула плечами.

— Во-первыхъ, вы забываете, что она только что пріѣхала изъ Москвы и никакихъ подругъ у нея еще нѣтъ; во-вторыхъ, носить брильянты въ ея годы—страшное мѣщанство; а въ-третьихъ, подарокъ вашъ все равно не пропадетъ, онъ останется ей въ приданое.

— Ну да, это разумѣется такъ. Но все-таки-же это очень шалко! очень шалко! говорилъ въ полномъ разочарованіи Өедоръ Густавовичъ, для котораго всякая художественная или роскошная вещь теряла полцѣны, если онъ не могъ ею немножко похвастаться.

— Ну что-жь дѣлать! сухо замѣтила Юлія Андреевна и тотчасъ-же обратилась къ дочери, совѣтуя ей пойти скорѣй къ себѣ спрятать эти серги, а затѣмъ возвращаться вмѣстѣ съ M-elle Mignard уже прямо въ гостиную.

Софи, еще разъ поблагодаривъ отца, слегка сконфуженнаго неожиданнымъ инцидентомъ съ серьгами, ушла къ себѣ, а Өедоръ Густавовичъ, праздничное настроеніе котораго было отчасти уже испорчено, тоже хотѣлъ удалиться.

Юлія Андреевна скользнула скучающимъ, брезгливымъ взглядомъ по его толстой фигурѣ, но вдругъ въ глазахъ ея вспыхнулъ какой-то игривый, задорный огонекъ и лукавая, насмѣшливая улыбка пробѣжала по красивымъ губамъ.

„Вотъ“, сказала она себѣ, мысленно смѣясь отъ внезапно пришедшей ей въ голову мысли, „вотъ будетъ интересная-то проба“.

Она подняла на мужа свои жгучіе, злые глаза и тихо спросила его:

— Куда-же вы уходите? Послушайте, заговорила она вдругъ, вставая и дотрогиваясь своей ручкой до обшлага его фрака.—Вы какъ будто немного обидѣлись на меня, мой другъ, за то что я не позволила Софи надѣть вашъ подарокъ? Но видите-ли, мой другъ... это могло-бы многимъ показаться смѣшнымъ, сказали-бы что мы выставляемъ ее на видъ и хвастаемъ своимъ богатствомъ... Про него и такъ всѣ знаютъ... а моя первая забота была всегда о томъ, чтобы никто и никогда не смѣлъ сказать про васъ и про вашъ домъ чего нибудь дурнаго или... что еще хуже, смѣшнаго... прибавила она, взволнованно отходя отъ него.

Өедоръ Густавовичъ очень удивился. Обыкновенно Юлія Андреевна не имѣла привычки давать объясненія своихъ поступковъ или, что̀ еще удивительнѣе, извиняться въ нихъ.

— Нѣтъ, сказалъ съ недоумѣніемъ Өедоръ Густавовичъ, — я совсѣмъ не обижался, но мнѣ бывало только непріятно что подарокъ долженъ пропадать.

Ироническая насмѣшка опять пробѣжала по губамъ Юліи Андреевны, но голосъ ея, когда она заговорила, звучалъ мягко и нѣжно, казалось даже, что она какъ будто проситъ прощенія...

— Онъ не пропадетъ, мой другъ, ей представится еще много случаевъ показаться въ немъ... Вы идете въ залу? да, пора... пойдемте вмѣстѣ... дайте мнѣ руку...

Өедоръ Густавовичъ удивился еще больше, но очень любезно поспѣшилъ исполнить ея просьбу и подставилъ ей съ галантнымъ видомъ свою руку.

Она окинула его какимъ-то страннымъ взглядомъ, въ которомъ свѣтилась какъ будто и насмѣшка, и что-то нѣжное, манящее къ себѣ,—и пошла, слегка прижимаясь къ нему, рядомъ съ нимъ, такъ близко что тонкій запахъ ея душистыхъ, волнующихся волосъ пріятно щекоталъ его обоняніе. Они шли

Панно проф. К. Е. Маковскаго, писанныя для бар. фонъ-Дервиза. Амуры-садовники.

Съ фотогр. (право воспроизведенія въ гравюрахъ, цинкографіяхъ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“) грав. Барановскій.

по длинному ряду парадныхъ, ярко освѣщенныхъ, но еще совсѣмъ пустыхъ, комнатъ и залъ, уставленныхъ красивыми групами тропическихъ растеній, смѣшанныхъ съ камеліями, розами и гіацинтами, ароматъ которыхъ нѣжно лился въ свѣжемъ, прохладномъ воздухѣ. Прелестная фигура Юліи Андреевны, въ роскошномъ туалетѣ съ длиннымъ лѣниво волочащимся за ней трэномъ, поминутно отражалась въ огромныхъ зеркалахъ, мимо которыхъ они проходили. Ѳедору Густавовичу казалось что онъ ведетъ по какому-то дворцу прекрасную королеву,—и сознаніе, что этотъ дворецъ со всѣми его богатствами и роскошью собственный его домъ, а прекрасная королева его собственная жена—восхищало его, наполняя его сердце гордостью и еще большимъ не только уваженіемъ, но даже какъ бы и благоговѣніемъ къ самому себѣ. Онъ шелъ надменно закинувъ голову и стараясь придать лицу своему надлежащую важность, а Юлія Андреевна все нѣжнѣе опиралась на его руку, все ближе прижималась къ нему и волосы ея склоненной головы теперь уже касались его шеи и щекотали ему ухо. Онъ искоса съ недоумѣніемъ поглядывалъ на нее, но недоумѣніе это было пріятное и даже льстящее его самолюбію.

(Продолженіе будетъ).

Удивительныя приключенія Порфирія Перепелкина.

Разсказъ **В. П. Желиховской.**

I.

„Порфирій Семеновичъ получилъ наслѣдство!“ Вѣсть эта облетѣла чуть-ли не весь кварталъ Петербургской Стороны, гдѣ квартировалъ столоначальникъ Перепелкинъ.

— Да неужто-жъ вправду?.. Не шутитъ-ли?..

— Ну вотъ!.. Какія шутки?.. Самъ видѣлъ полицейскій вызовъ: ѣдетъ получать... Какже! Дядя неизвѣстный проявился—купецъ Кубаринъ, изъ Москвы. При жизни и знать бѣднягу не хотѣлъ; Порфирій Семеновичъ и о родствѣ-то съ нимъ думать забылъ, не то что о наслѣдствѣ, потому семья большая у купчины была...

— Ну такъ какъ-же?.. Неужли-жъ онъ въ завѣщаніи своихъ обошелъ, а о племянникѣ вспомнилъ?

— Какое!.. Волею Божьей перемерли. Порфинька нашъ и не зналъ ничего, какъ вдругъ—извѣщеніе: вызываются де наслѣдники такого-то, купца второй гильдіи, скончавшагося жисть безъ прямыхъ наслѣдниковъ и безъ духовнаго завѣщанія... А гдѣ-жъ они, наслѣдники-то?.. Одинъ нашъ Порфирій Семеновичъ на всемъ свѣту—племянникъ родной и единый наслѣдникъ!

— Т-съ!.. Поди-жъ ты!.. И много?

— Да много-ли, мало-ли,—не меньше ста тысячъ и не больше милліона рублишекъ.

— Ахъ Ты Господи!.. Вѣдь вотъ оно!.. Бываетъ-же людямъ счастіе!..

— Ужъ и милліонъ!.. Буде съ него, лядащаго, и ста тысячъ!

— Какое сто?.. Ей-же-ей самъ говорилъ мнѣ: триста тысячъ деньгами, двѣ лавки въ Гостиномъ, въ Красныхъ рядахъ, да каменный домъ на Мясницкой. Да-съ!.. Вотъ оно куды пошло: тотъ-же милліонъ.

— Ну и зафинтитъ-же теперь Порфинька! Фу-ты, ну-ты, щеголемъ питерскимъ обернется!

— Онъ-то?.. Смирначокъ нашъ?.. Вотъ потѣха!.. Куда ему?!.. Развѣ—что Маркѣ новый платокъ купитъ, да къ празднику себѣ новую пару закажетъ.

— Ну ужъ, какъ-никакъ, а угощеніе съ него знатное сорвемъ!.. Къ Палкину—это ужъ какъ угодно!

— Чего къ Палкину?.. Въ *Медвѣдя* закатимъ. Пускай раскошелится на радостяхъ!

Такъ говорили и пересмѣивались товарищи по канцеляріи, гдѣ чуть не двадцатипятилѣтіе отслужилъ Перепелкинъ.

Новость была животрепещущая и чрезвычайно забористая... Помилуйте! Кто-бы могъ думать?.. Жилъ себѣ жилъ человѣкъ скромнымъ, бѣднымъ чиновникомъ; полъ-вѣка, можно сказать, въ ничтожествѣ провелъ и вдругъ—на-поди!.. *Лицомъ* сталъ!.. Обернулся богачомъ, капиталистомъ.

Кто въ околоткѣ не знаетъ Порфирія Семеновича?.. Всѣ его знають, потому что человѣкъ онъ хотя скромный, но почтенный; десять лѣтъ никакъ во флигелькѣ надворномъ, у купца Мордасова, двѣ комнатки занимаетъ, съ кухонькой, и всегда, акуратно 21 числа каждаго мѣсяца квартирныя деньги впередъ вноситъ.

— Человѣкъ душевный, тихій, порядливый! Важный жилецъ! величаетъ его хозяинъ.

— Баринъ добрый, не обидчикъ. Тверезый завсегда, не то что другіе чиновники. И богомольный: въ праздникъ—къ обѣднѣ, въ субботу—ко всенощной, это ужъ безпремѣнно!.. расхваливаетъ его дородная Марѳа, пожилая кухарка съ бѣльмомъ на глазу.

Марѳа еще покойницѣ, госпожѣ Перепелкиной, матери Порфирія Семеновича, служила. Когда умерла старушка, онъ счелъ было излишествомъ держать прислугу и дома готовить; отпустилъ кухарку и сталъ, возвращаясь со службы, заходить по дорогѣ въ кухмистерскую. Но непривычный къ такой стряпнѣ, благодаря заботамъ матери и сожительству съ ней съизмала питавшійся свѣжею, здоровою пищей, бѣдный „Порфинька“ вскорѣ заболѣлъ и чуть не жизнью поплатился за разлуку съ Марѳой... Вернулъ онъ ее и снова зажили они прежнимъ порядкомъ.

Марѳа готовила и бѣлье стирала. Баринъ ея, напившись съ нею вмѣстѣ кофейку, на службу шагалъ, версты за три; рѣдко, развѣ въ очень дурную погоду, позволяя себѣ вспрыгнуть на конку. Возвращался онъ часамъ къ пяти, а то и позже; съѣдалъ щей съ кашей, да кусокъ говядины, и съ часикъ—на боковую, отдыхалъ, грѣшнымъ дѣломъ, прикрываясь газетой или книжкой. А книги онъ добывалъ у товарищей въ канцеляріи или у „батюшки благочиннаго“, священника его прихода, который зналъ г-жу Перепелкину и къ которому онъ иногда заходилъ. Чтеніе Порфирій Семеновичъ любитъ, но только съ разборомъ; газетами, политикой очень интересуется; историческіе романы, путешествія, духовные журналы весьма уважаетъ; но переводныя сочиненія, особливо „вымыслы господъ французскихъ романистовъ“—презираетъ.

Воскресные и праздничные дни обыкновенно у Перепелкина начинались съ обѣдни. Не желая лишать Марѳу Родіоновну службы Божіей, онъ съ ней чередовался въ большіе праздники; въ воскресенія-же она шла къ ранней, а баринъ—къ поздней обѣднѣ. Въ такіе дни онъ ужъ самъ себѣ кофе подогрѣвалъ или самоваръ ставилъ, не ожидая кухарки; а вернувшись изъ храма, садился за ранній, воскресный обѣдъ, къ которому заботливая Марѳа не забывала приготовить экстренное блюдо: ватрушку или пирогъ съ капустой... Вторыя блюда въ скоромные дни оставались все тѣ-же: „биштекъ“ или битокъ съ лукомъ; потому что птица, а тѣмъ паче дичинка, дороги нынѣ въ Питерѣ стали... Пообѣдавъ рано, Перепелкинъ позволялъ себѣ развлеченіе: ѣхалъ по конкѣ на Невскій или въ Лѣтній садъ и тамъ прогуливался. Въ дурную-же погоду садился съ Марѳой Родіоновной въ дураки или фофаны поиграть. Это удовольствіе она страхъ какъ любила и помирала со смѣху оставивъ барина „въ дурачкахъ“ или „въ фофанахъ.“

Въ театръ Перепелкинъ хаживалъ очень рѣдко; раза три-четыре въ годъ, на Святкахъ, да на Масляной обыкновенно. Знакомыхъ почти не имѣлъ, а въ гости ходилъ только по зову и усиленнымъ приглашеніямъ, на именины или какія либо семейныя торжества къ сослуживцамъ. И самъ — на перечетъ — рѣдко ихъ угощалъ, да и то не у себя, а въ ресторанѣ, по случаю своего производства въ чинъ или дня своего ангела.

Дамскаго общества Порфирій Семеновичъ совсѣмъ не зналъ, кромѣ матушки-попадьи, домовой хозяйки своей, Анфисы Ильиничны Мордасовой, акуратно звавшей его обѣдать въ день своего ангела и на блины въ четвергъ на масляницѣ, да еще одной вдовы, бѣдной чиновницы изъ прежнихъ знакомыхъ матери своей, которой онъ акуратно помогалъ, чѣмъ могъ, въ двунадесятые праздники и которая заходила иногда къ Марѳѣ кофейку попить да „карты бросить“; погадать ей тайкомъ на ея барина — не выйдетъ-ли ему „судьбы“ — червонныхъ туза, десятки и девятки, предвѣстниковъ „марьяжа“.

Этого самаго *марьяжа* Марѳа Родіоновна, въ сущности, страхъ какъ боялась... Не равенъ часъ: на какую дѣвицу али вдову падетъ выборъ ея „золотаго барина“. Другія вѣдь таковы, что не токма ее, Марѳу, упекутъ—и самого-то съ Божья свѣта сгонятъ!.. А до брака нхъ не узнаешь. Гдѣ узнать?.. Чужая душа—потемки. Особливо такому безобидному, „не шустрому барину!..“

Марѳа хотя и побаивалась перемѣны въ жизни Порфирія Семеновича, но скрывала это и очень любила его донекать совѣтами и наставленіями. Онъ и самъ, хотя тоже побаивался женщинъ, особливо молодыхъ, да бойкихъ, но очень любилъ помечтать о счастливой семейной жизни и лишь посмѣивался пріятной фистулой, прислушиваясь къ пенямъ своей вѣрной слуги.

— Ну и чего вы, сударь, даромъ валандаетесь на бѣломъ свѣтѣ? начинала она ему пѣть, на досугѣ. — Чего вы ждете-выжидаете?.. Чтобы всѣ зубы вывалились, что-ли, а головку-то чтобы пыльной тряпочкой вытирать, когда гребешкомъ на ней нечего зацѣпить будетъ?.. Послѣ-то вѣдь хорошая барышня и не пойдетъ за васъ, какъ совсѣмъ скрючитесь!.. Надо-бы вамъ, надо о себѣ позаботиться! Что-жъ такъ-то безъ любови, безъ призору, одному бобылемъ вѣкъ коротать?.. Охъ! Въ старости тошно одинокому, никому не нужному человѣку. Не разъ пожалѣете!..

— Отчего-жъ одинокому?.. Развѣ ты отходить хочешь, Марѳушенька? притворно посмѣивался Порфирій Семеновичъ.

— Ну, вотъ! Я-то не отойду, покель не прогонишь. Да развѣ во мнѣ дѣло?.. Надо хозяйкой обзавестись заправской, пока время не ушло. Доброй, порядливой, изъ себя красивой супругой.

— Ишь ты, куда заѣхала! осклаблялся Перепелкинъ. — И доброй, и красивой! А гдѣ ихъ взять-то? Нѣтъ, Марѳуша, нынче только невѣсты больно хороши, а жены — бѣдовыя. И не приведи Богъ по нынѣшнему времени бѣдному человѣку жениться!

— А ты гляди въ оба! Выбирай!.. Что-жъ, въ сам-дѣлѣ? Чѣмъ ты не женихъ?.. Изъ себя — ровный; здоровъ, не пьяница, не мотъ, не картежникъ. Мѣсто хорошее и чинъ имѣешь чуть что не генеральскій. Да за тебя всякая, самая хорошая дѣвица со своимъ удовольствіемъ пойдетъ! А ты выбирай изъ хорошей семьи и чтобы не голая безприданница.

— Да, вишь-ты какъ!.. Не хочешь-ли чтобъ я къ дочкѣ директора нашего департамента посватался?..

— Зачѣмъ намъ дилехторскихъ? прерывала барина Марѳа.— Дилехторскія пусть себѣ дилѐхторовъ и подбираютъ. А ты, вотъ, за отца-дьякона дочку присватайся.

— Ну ее, къ Богу, немощную!

— Да не за старшую. Ишь—угодилъ!.. Да она можетъ у тебя сама на крестинахъ была... Я про Сонюшку, про меньшую. Барышня хорошая!

— Богъ съ тобой, Марѳа! Куда мнѣ ученыхъ брать?.. Она однихъ башмаковъ что истреплетъ, по лекціямъ да курсамъ своимъ бѣгая.

— Ну вотъ ты какой! продолжала перебирать невѣстъ Марѳа, очень успокоенная несговорчивостью барина.—Ну къ Аннушкѣ Мордасовой присватайся. Вотъ-бы закутили... За ней, гляди, тысячъ пятьдесятъ батька отсыпитъ!

— Ну ее, краснорожую!

— А то знаете что, баринъ? Познакомьтесь-ко вы съ учительской вдовушкой!.. Она вальяжная барынька! Книжки вамъ читать станетъ...

— Ну да! И бить насъ съ тобой будетъ! перебилъ баринъ.— Видала ты, намедни, какъ она дѣвчонку свою, служанку-сиротку, колотила за то, что та по ночи боялась за извощикомъ для ея гостей бѣжать?.. Спасибо!.. У нея и безъ меня дружки милые найдутся.

— Ну такъ что-жъ все на одномъ дворѣ, да по близости искать?.. Питеръ великъ! Поищи. Мало-ль хорошихъ невѣстъ...

— Охъ, мало, Марѳа Родіоновна! Страсть какъ ихъ мало, хорошихъ-то. А коли онѣ и есть, такъ не про нашу честь!

— Поди-жъ ты, какой несговорчивый!.. А и такъ тоже оставаться, подъ старость, одинокому не сладко... Тебѣ вѣдь, чай, за-сорокъ съ хвостикомъ?

— Чего—съ хвостикомъ?.. И всѣ пятьдесятъ не далеко! сдерживая вздохъ улыбкой, отвѣчалъ Перепелкинъ. — Нечего ужъ! Прошлаго не поймаешь... Поздно думать о женитьбѣ, когда духовную·пора писать... Только, жаль, завѣщать и некому, и нечего.

И такъ-то шутя вопросомъ о бариновой женитьбѣ, поживали коллежскій ассессоръ Перепелкинъ со своей преданной слугою и не видали какъ барину за полъ-вѣка перевалило, а Марѳѣ и всѣ шесть десятковъ стукнуло. Жили они себѣ потихонечку, ни шатко, ни валко, ни на сторону; не лучше, да и не хуже многихъ тысячъ россійскихъ чиновниковъ, какъ вдругъ, словно снѣгъ на голову...

II.

Вы думаете наслѣдство на Перепелкина свалилось? Нѣтъ, — хуже!.. Наслѣдство-то послѣ, вотъ только съ годъ времени какъ подоспѣло; а то прежде бѣда стряслась такая, что чуть безъ хлѣба не остался нашъ коллежскій ассессоръ.

Какъ разъ на заговѣніе предъ Рождественскимъ постомъ два года тому назадъ, призвалъ его въ свой кабинетъ директоръ и говоритъ:

— Порфирій Семеновичъ! Вы, голубчикъ, на Петербургской живете?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Вамъ не составитъ труда денежный пакетъ передать въ такое-то училище?

— Что прикажете, все радъ исполнить, ваше превосходительство.

— Да видите-ли офиціальнымъ путемъ медлить не хочу; разсыльный Трофимовъ у меня заболѣлъ, другому боюсь поручить такую большую сумму; самому—некогда. А дѣло спѣшное... А мнѣ помнилось, что вы, милѣйшій, въ тѣхъ странахъ живете? Такъ ужъ не въ службу, а въ дружбу: услужите!

Такъ это ласково, да учтиво все разсказалъ и руку даже подалъ, и съ чувствомъ потрясъ пальцы Порфирія Семеновича.

Сумма точно была значительная: шесть сторублевыхъ, ни больше, ни меньше.

Положилъ ихъ Перепелкинъ въ жилетный карманъ, застегнулся поплотнѣе, покончилъ дѣла служебныя, да и отправился исполнять начальническое „довѣренное порученіе“, которымъ внутренно не мало гордился.

Онъ такъ разошелся, что чуть было не крикнулъ: „извощикъ!..“ Да вспомнивъ, что отсюда на Петербургскую надо безъ малаго полтинникъ отдать, только покосился на санки, выстроившіяся въ линію, и благоразумно направился къ конкѣ.

„Съ пересадкой въ полчаса... Ну, въ три четверти навѣрняка доѣду!.. А тамъ рукой подать. Зачѣмъ-же тратиться?“ размышлялъ онъ.

Онъ усѣлся въ уголокъ, жмурясь отъ мѣднаго щита лампы, и пока колеса скрипѣли по обмороженнымъ рельсамъ, казалось дремалъ. Но это только такъ казалось. На дѣлѣ Порфирій Перепелкинъ, положивъ руку, подъ ватной шинелью, на грудной карманъ,—сладко мечталъ. Онъ, по природѣ, былъ идеалистъ и мечтатель, и порою любилъ предаваться фантазіямъ самымъ разнообразнымъ. Въ послѣдніе годы будничное однообразіе жизни нѣсколько поумѣрило пылъ его воображенія; но въ прежнее время во внутренней жизни Перепелкина огромную роль играли предположенія и планы самые смѣлые, обыкновенно начинавшіеся съ предложенія:

„А что если вдругъ...“ Или: „А ну какъ я вдругъ...“ И за этимъ *вдругъ* слѣдовали чисто сказочныя происшествія... впрочемъ, не болѣе сказочныя и удивительныя чѣмъ тѣ, что *дѣйствительно* ознаменовали послѣдніе два-три года его жизни. Правъ, значитъ, былъ онъ мечтая: самъ себѣ намечталъ и напророчилъ чудесъ.

И такъ, ѣхалъ Порфирій Семеновичъ по конкѣ въ свои далекія страны и, пощупывая пакетъ съ деньгами, мечталъ... Минутная близость къ одному изъ избранныхъ сего міра, ласковое, почти дружеское обращеніе директора, его „конфиденціяльное“ порученіе, возбудили въ немъ остывшую, но не угасшую способность увлекаться собственными вымыслами...

„Вотъ, теперича, свезу я эти деньги. Объясню все *тамъ*, что и какъ, и почему мнѣ довѣрили. Обращу на себя вниманіе и даже — благодарность! Какъ-же иначе?.. Разумѣется благодарность... Вѣдь ужъ я сколько лѣтъ столоначальникомъ... Гмъ! Гмъ!.. Ужъ пора-бы... То есть *можно*-бы!.. Даже *должно*-бы!.. Ну, вотъ... и *вдругъ*...“

Но ужъ вслѣдъ за этимъ магическимъ словомъ фантазія его понеслась такъ быстро, и занесла коллежскаго ассессора въ такую даль и высь, что за нимъ и поспѣть мудрено... Онъ мечталъ, жмурился и такъ пріятно улыбался, что сидѣвшій противъ него прикащикъ изъ бакалейнаго магазина такъ и положилъ въ своемъ умѣ, что „эфтотъ господинъ хорошо пообѣдамши и добре выпимши нонѣ!..“ А бѣдный Перепелкинъ съ восьми часовъ утра не ѣлъ—и еслибъ не духовное возбужденіе, то ужъ конечно мыши бѣгавшія въ пустомъ его желудкѣ заставили-бы его скорѣй мечтать о жареномъ гусѣ съ капустой, чѣмъ о мѣстѣ начальника отдѣленія и сопряженномъ съ нимъ чинѣ надворнаго совѣтника.

Прозвонилъ колокольчикъ, прозвучалъ голосъ кондуктора, колеса жалобнѣй провизжали по мерзлымъ рельсамъ; надо было выходить на перепутьи и мѣнять конку или идти пѣшкомъ.

Порфирій Семеновичъ пробудился отъ своихъ мечтаній и вышелъ на морозный вѣтеръ. Передъ нимъ былъ перекрестокъ, довольно мрачный и совершенно пустынный... Въ сторонѣ подъ одинокимъ фонаремъ уныло стоялъ вагонъ, очевидно только что дотащившійся до мѣста своего назначенія; пара лошадей съ опущенными ушами, понуро отфыркивавшаяся въ облакѣ густаго пара, краснорѣчиво свидѣтельствовала объ этомъ.

— Скоро тронется? спросилъ Перепелкинъ, нерѣшительно подходя къ трамвею.

Кучеръ, одиноко раскуривавшій носогрѣйку, сидя на подножкѣ, уныло поднялъ на него глаза и молчалъ. Кондукторъ забѣжалъ въ пивную, рядомъ, обогрѣться; а ему каторжная служба не позволяла оставлять лошадей. Едва допускала на нѣсколько секундъ согнуть колѣна, которыя отъ устали сводили судороги, а тутъ еще „*эти*“, ѣздоки, „чтобъ имъ пусто было!“ и затянуться разокъ во весь-то день не дадутъ!

Перепелкинъ, пожимаясь отъ вѣтра дувшаго прямо въ лицо ему изъ той длинной, темной улицы, куда ему надо было идти или ѣхать, повторилъ вопросъ.

— А кто его знаетъ! буркнулъ возница. — Когда еще слѣдующій дотащится? Вы думаете легко, такъ-то, день-деньской, изъ конца въ конецъ?.. вдругъ прикрикнулъ онъ, какимъ-то надтреснутымъ, отчаяннымъ голосомъ.—Ссйчасъ пришли! Дайте вздохнуть человѣку... Вонъ они — скоты! ткнулъ онъ кнутовищемъ на лошадей, сердито сплюнувъ въ сторону:—да и то жалко!.. Надо, тоже, жалость имѣть!.. Вамъ что-жъ?.. Садитесь!.. Довеземъ, коли допрежь того ногъ не протянемъ.

И онъ отвернулся, такъ потянувъ дымъ, что табакъ затрещалъ и въ трубкѣ запрыгали искорки.

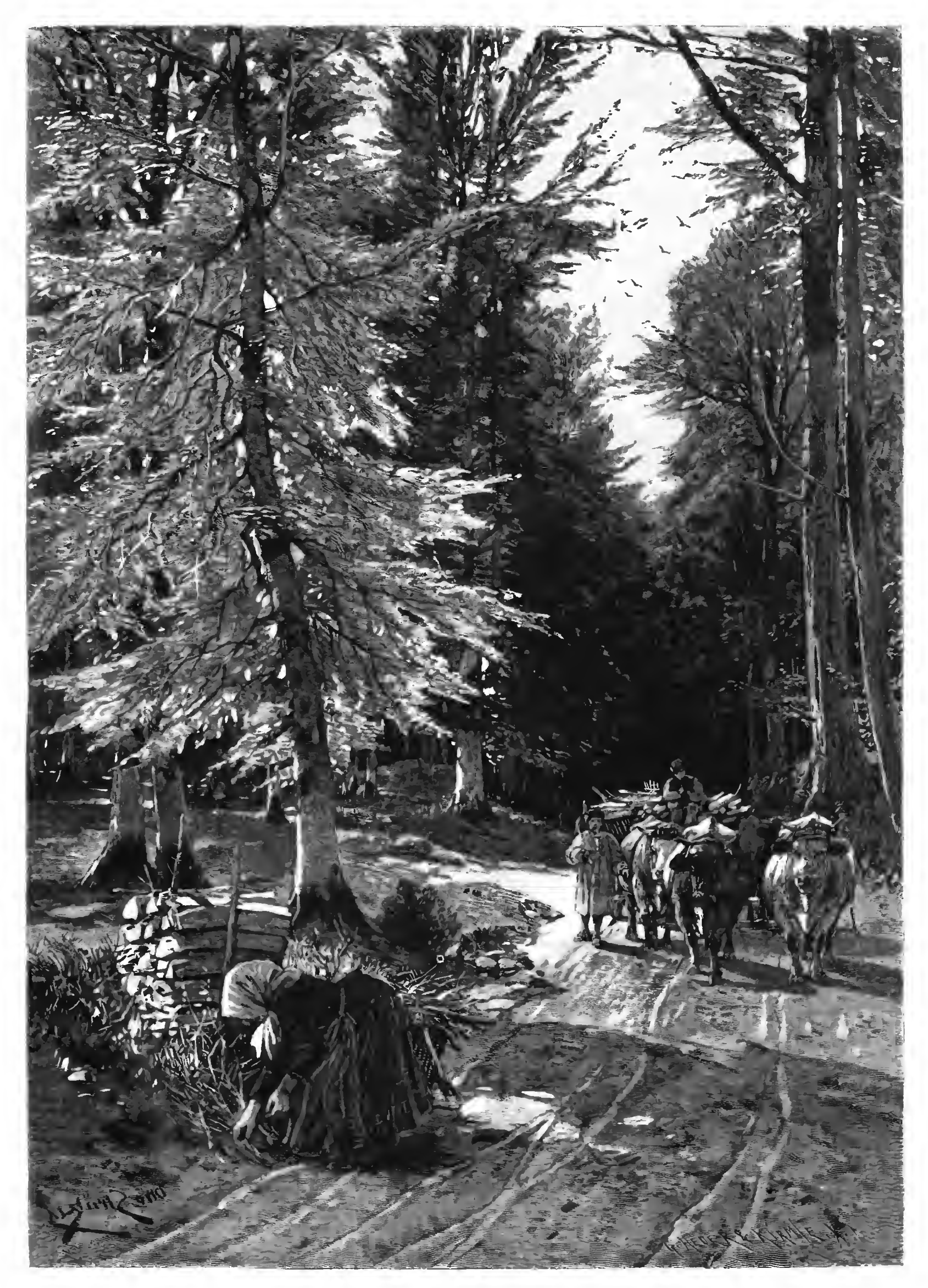
Перепелкину, невѣдомо съ чего, вдругъ стало стыдно, и онъ, вмѣсто того чтобъ войти въ вагонъ, въ задумчивости побрелъ въ сторону, мысленно разсуждая на тему, что вотъ де тоже недоволенъ бываешь и ропщешь, мечтая тамъ, объ чинахъ, да отличіяхъ; а кабы вотъ этакая каторжная жизнь выпала?

Шелъ онъ быстро, крѣпко запахнувъ шинель, согнувшись, подставляя вѣтру теплую фуражку съ кокардой, и опомнился только при стукѣ колесъ и колокольчикѣ медленно двигавшагося ему на встрѣчу трамвея.

„Ну!“ подумалъ онъ: „пока этотъ дойдетъ, да тотъ меня догонитъ,—не стоитъ того ждать и садиться“.

Литературный альбомъ. „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, Шекспира. Титанія и ткачъ Основа.

Рис. Ю. Гёпнеръ, грав. Крёнеръ.



На Гарцѣ. Рис. О. Штрицель, грав. Гейеръ.

И онъ рѣшительно свернулъ въ переулокъ, значительно сокращавшій путь.

Здѣсь ужъ было совсѣмъ темно и пустынно. Перепелкинъ шелъ быстро, помышляя о цѣли путешествія, о сладости возвращенія къ заждавшейся его, со щами и кашей, Мареѣ; о томъ какъ онъ вкусно пообѣдаетъ и отдохнетъ въ свое удовольствіе... Впереди ужъ виднѣлся боковой фасадъ того казеннаго зданія, куда онъ шелъ, когда въ двухъ саженяхъ впереди съ узенькаго тротуара поднялся пьяный и шатаясь двинулся ему въ встрѣчу. Перепелкинъ далъ ему дорогу, не оглядываясь.

Вдругъ — такого *„вдругъ“* никогда не представляло ему его воспаленное воображеніе—пьяный круто повернулъ и навалился на него сзади, а кто-то другой загородилъ ему дорогу, выскочивъ изъ-за досчатаго забора, и ударомъ дюжаго кулака свалилъ его на землю...

— Караулъ!.. Грабятъ!.. Рѣжутъ! успѣлъ только вскрикнуть Порфирій Семеновичъ и потерялъ сознаніе подъ вторымъ ударомъ въ голову.

Послѣднею мыслью его было не личное спасеніе, а сбереженіе суммы, ввѣренной начальствомъ, суммы которую онъ судорожно зажималъ рукою; послѣднимъ чувствомъ — ощущеніе стаскиваемой съ него шинели,—а послѣднимъ представленіемъ—звукъ шаговъ бѣгущаго человѣка и новый звучный голосъ, поддержавшій его отчаянное воззваніе: „Караулъ! Сюда!.. Воры!..“

Очнулся онъ не скоро. Было утро, зимнее, сѣрое, позднее утро. Онъ лежалъ раздѣтый, въ постели, и едва проснувшись подумалъ, что проспалъ, опоздаетъ на службу; хотѣлъ вскочить и безсильно упалъ снова въ подушки, застонавъ отъ боли во всѣхъ членахъ и особливо въ головѣ.

— Ахъ, Боже-Господи! раздался надъ нимъ шопотъ. — Компресъ свалился!.. Никакъ опять бредъ начинается.

„Эге!.. значитъ я не на шутку боленъ!“ подумалъ Перепелкинъ. „Вѣрно это Мареуша...“

Онъ приоткрылъ глаза. Нѣтъ!.. Чужое лицо склонялось надъ нимъ. Женщина гораздо моложе, съ лицомъ кроткимъ и очень милымъ, но совершенно ему незнакомымъ, заботливо поправляла ему холодныя примочки... „Это что-жъ такое?.. Откуда и кто?!..“

Онъ оглядѣлся... Батюшки!.. Да что-жъ это?!.. И комната не его?!.. Онъ не у себя, не дома?..

Вдругъ воспоминаніе сразу его осѣнило и несмотря на страшную боль онъ поднялся, опираясь на руки, и громко закричалъ:

— Ай! Господи помилуй! Деньги?!.. Деньги-то гдѣ-же?.. Чужія, директорскія! Шесть сторублевыхъ... Цѣлы-ли?!..

Женщина въ первую минуту такъ испугалась, что отскочила и молча смотрѣла на него, не смѣя приблизиться, ничего не понимая, убѣжденная что онъ бредитъ.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ молодой человѣкъ съ аптечными снадобьями въ обѣихъ рукахъ, какъ былъ въ пальто и шапкѣ, которыхъ не успѣлъ снять.

— Ну, что? сказалъ онъ озабоченно. — Ага! Пришелъ въ себя?.. Ну, слава Богу.

— Какое пришелъ! прошептала испуганно женщина. — Бредитъ! Кричитъ!

Перепелкинъ вращалъ глазами такъ страшно, что не могъ внушить довѣрія.

— Голубчикъ! простоналъ онъ. — Гдѣ деньги мои?.. Да не мои: чужія!.. Неужели нѣтъ ихъ?!..

— Ахъ, вотъ оно что!.. Такъ онѣ еще и чужія?.. Ну! Ставьте Казанской рублевую свѣчку!

Онъ поставилъ пузырьки и банки на столъ и пошелъ отворять комодъ стоявшій въ углу.

— Вотъ онѣ, ваши Катеринушки!

И онъ несъ ассигнаціи, помахивая ими по воздуху, улыбаясь издали ожившему при видѣ ихъ больному.

— Цѣлы, Божьей милостью!.. Не успѣли добраться до нихъ злодѣи. Только вы ихъ сами помяли, пока разбойники васъ самого разминали! засмѣялся онъ.—Такъ крѣпко сжатъ у васъ былъ карманъ, что насилу мы вашу руку отъ нихъ отняли, когда внесли ко мнѣ сюда.

До чего обрадовался Перепелкинъ—и сказывать нечего. Гораздо больше осчастливило его спасеніе директорскихъ денегъ, чѣмъ его собственное,—да оно въ сущности и было несравненно изумительнѣе.

(Продолженіе будетъ).

Петербургъ-Владивостокъ.

Всероссійская Великая восточная желѣзная дорога.

(Окончаніе).

Идея пользованія рѣками, которыя должны были замѣнить желѣзную дорогу, не смотря на кружность пути и краткость навигаціи,—при всемъ своемъ ограниченномъ и условномъ удобствѣ, настолько утвердилась, что даже когда явилось предложеніе постройки транзитной непрерывной дороги черезъ всю Восточную Россію, то оппонентами предложенъ былъ контръ-проектъ созданія смѣшаннаго пути—частію рѣками, а въ промежуткахъ между ними (волокахъ) желѣзными дорогами,—который тоже рекомендовался какъ путь паровой и какъ бы непрерывный.

Краткость навигаціи, многія перегрузки не признавались за препятствіе—все равно де грузъ пойдетъ непрерывно, то пароходомъ, то паровозомъ.

Однако такъ какъ внутренно они, конечно, сознавали, что такая непрерывность въ сущности весьма прерывиста, то взамѣнъ предложенія постройки очень мелкихъ участковъ, остановились на двухъ крупныхъ — одинъ отъ Владивостока до Буссе или даже Хабаровки, и другой отъ Срѣтенска до Томска, но, кажется, съ перерывомъ Байкаломъ.

Увлеченіе включеніемъ рѣкъ въ составъ пути было такъ велико, что получивъ возможность произвести изысканія почти на четыре тысячи верстъ (3850), разбили эти изысканія на четыре отдѣльные участка:

Средне-Сибирскій	1700
Круго-Байкальскій	1200
Забайкальскій	550
Уссурійскій	400
	3850

Прибавьте къ этому еще строющійся участокъ въ 900 верстъ Самара-Златоустъ сѣвернаго направленія.

Но какъ Уссурійская вѣроятно будетъ продолжена до Хабаровки, т. е. еще на 300 верстъ, все разстояніе тогда составитъ 4150 верстъ. И дорога начнется только отъ Томска, т. е. въ 1500 верстъ отъ Уфы, конечной европейской станціи, и будетъ имѣть еще сверхъ того три перерыва. Тогда какъ выше уже было замѣчено, что по южному направленію все разстояніе отъ Оренбурга до Абагайтуя, и затѣмъ до Владивостока безъ какого-либо перерыва, имѣетъ всего только 5300 верстъ; прибавивъ къ указанному выше (900+3850) еще остающіеся не начатыми промежутки отъ Челябинска до Томска 1500 верстъ и отъ Буссе до Срѣтенска 2000 верстъ, общая длина сѣвернаго направленія выразится 8250 верстъ, длиннѣе южнаго почти на 2500 верстъ.

Но и при большихъ участкахъ опять выказалось слишкомъ крупнымъ неудобство заставить грузы достигшіе Томска на паровозѣ—двигаться далѣе рѣками до Тюмени и паровозомъ до Перми, послѣ пароходомъ до Нижняго и тамъ опять далѣе паровозомъ или пароходомъ, смотря по надобности; тѣмъ болѣе, что эти грузы, напримѣръ чай, достигши Владивостока на пароходѣ моремъ, еще ранѣе Томска, перегружался-бы на паровозъ до Буссе—тамъ на Уссурійскій пароходъ, затѣмъ на Амурскій и Благовѣщенскій, и кажется тутъ опять на легкій пароходъ или малую баржу до Срѣтенска.

Ясно, что если такимъ проектомъ, сторонниковъ рѣчнаго сообщенія, пользованіе рѣками и сохранено въ значительной степени, и если они могутъ думать, будто ими создается паровое сообщеніе черезъ всю Восточную Россію,—то оно будетъ слишкомъ медленно и дорого для торговли по своей прерывистости, для строителя же желѣзной дороги—правительства—совершенно разорительно по крайней невыгодности эксплоатаціи.

Такимъ образомъ система передвиженія то пароходомъ, то паровозомъ—не могла бы быть противупоставляема сдѣланному предложенію непрерывнаго рельса на первыхъ порахъ отъ бассейна Амура до Европейской Россіи, а впослѣдствіи и отъ самаго Владивостока.

Когда противникамъ непрерывнаго рельсоваго пути пришлось постепенно отказываться отъ введенія въ него рѣкъ съ постройкой дороги изолированными участками и согласиться съ необходимостью условія непрерывности, то они предпочли и при этомъ уступить сколь можно менѣе: принявъ непрерывность, они стараются удержать проведеніе пути въ томъ же районѣ или направленіи, на этотъ разъ пренебрегши другимъ важнѣйшимъ условіемъ—магистральности.

Подъ этимъ условіемъ слѣдуетъ понимать наибольшую способность дороги принимать въ себя, въ будущемъ, частные пути, питательныя вѣтви, въ наибольшемъ числѣ и по возможности наибольшаго протяженія; а также и то, чтобы районъ вліянія дороги былъ сколь можно обширнѣе по пространству и населенію.

Къ сожалѣнію, завоевавшіе себѣ вниманіе правительства, сторонники сѣвернаго направленія въ своемъ проектѣ не удѣлили того вниманія магистральности—какого она, конечно, заслуживаетъ.

Ведутъ они свой путь, по сѣверному направленію, кажется только потому, что онъ совпадаетъ съ теперешнимъ почтовымъ трактомъ и проходитъ черезъ два-три города, сами по себѣ для питанія желѣзной дороги имѣющіе ничтожное значеніе. Конечно, ни для одного изъ нихъ не стоило бы строить дороги и въ сотню верстъ.

Постройте имъ, въ мѣстахъ гдѣ грунтовыя дороги плохи, порядочное шоссе—и вы имъ окажете большую и лучшую услугу, нежели можетъ это сдѣлать желѣзная дорога.

Всѣ города теперешняго сибирскаго почтоваго тракта, при

ничтожномъ населенiи, не могутъ имѣть экономическаго значенiя, и въ будущемъ—они просто большiя станцiи этой большой дороги.

Теперь они находятся отъ крайняго пункта желѣзной дороги въ разстоянiи 1500, 2000 и 3000 верстъ.

Развѣ можно сказать, что ихъ положенiе упадетъ и что они будутъ лишены желѣзныхъ дорогъ, если рельсъ отъ нихъ будетъ отстоять, вмѣсто теперешняго, только на 500, 700, 800 верстъ. Вѣдь это не Парижы и Лондоны, чтобы имъ необходимо было имѣть дорогу у себя—въ самомъ городѣ.

Всѣ они стоятъ на судоходныхъ рѣкахъ и сообщенiе на пароходѣ до станцiи въ двое или трое сутокъ, для страны, гдѣ вчера еще находили эти дороги совсѣмъ лишними, будетъ, конечно, удобствомъ превосходящимъ потребность.

Имѣя тѣ безконечной длины рѣки, которыя только что считали способными замѣнить желѣзныя дороги, затѣмъ зимнiй санный путь, представляющiй для малонаселенной страны громадный рессурсъ для перевозки тяжеловѣсныхъ, грубыхъ и дешевыхъ сырыхъ мѣстныхъ произведенiй, и въ прибавокъ ко всему, если будетъ дано и шоссе въ необходимыхъ пунктахъ большой почтовой дороги, — претендовать, что эти два-три города, какъ Омскъ, Томскъ и Красноярскъ будутъ обижены, если желѣзная дорога пройдетъ южнѣе—не будетъ ли натяжкою? Но сверхъ того, есть еще очень важныя обстоятельства, вынуждающiя предпочитать проведенiе дороги по южному направленiю.

Районъ сѣвернаго направленiя вдвое меньше южнаго, потому что пространство земель, лежащее отъ него къ сѣверу, дорогу питать никогда не будетъ — тамъ идетъ тайга и тундра въ полярныхъ условiяхъ, для культурной жизни сплошнаго населенiя невозможныхъ.

При южномъ направленiи ее будутъ питать районы по обѣ стороны дороги и, сверхъ того, къ ней приближаются всѣ области Средней Азiи, на разстоянiи отъ 300 до 600 верстъ, и дорога отвѣтитъ, сверхъ сибирскихъ интересовъ, еще интересамъ всей средней полосы цѣлой Азiи, чтò увеличиваетъ ея значенiе чрезвычайно. Она сократитъ будущiя вѣтви желѣзныхъ дорогъ къ югу, а теперь же сразу караванную доставку грузовъ, проходящихъ и безъ того уже тысячеверстныя разстоянiя.

Сѣверное направленiе пересѣкаетъ громадныя сибирскiя рѣки въ широкихъ частяхъ и тѣмъ вызываетъ много-миллiонные расходы на мосты, съ одной стороны, тогда какъ при южномъ такихъ мостовъ не будетъ; съ другой же, чтò еще важнѣе, нѣкоторыхъ рѣкъ нельзя будетъ перейти мостами, а придется устраивать паромы и тогда движенiе будетъ непрерывнымъ только четыре мѣсяца въ году, остальные же восемь движенiе опять будетъ прерывистое и затрудненное.

Но ко всему этому и топографическiя условiя не въ пользу сѣвернаго направленiя—мѣстность отъ Томска до Красноярска и далѣе къ востоку чрезвычайно пересѣченная, представляетъ множество водораздѣловъ и другихъ неудобствъ. Перейти мостомъ Енисей у Красноярска почти невозможно. Томскъ даже, кажется, признается необходимымъ оставить въ сторонѣ на 70 верстъ.

Но если Томскъ и Красноярскъ должны быть обойдены, въ пользу кого же стоитъ ломать копья? Остается одинъ Омскъ, усиленно тяготѣющiй къ Семипалатинску.

Настолько ничтожны результаты доставляемые сѣвернымъ направленiемъ!

Ими-то и объясняется справедливый индеферентизмъ, до сихъ поръ существовавшiй къ желѣзнымъ дорогамъ въ Сибири.

Цѣли такъ ничтожны, узки, а расходы на постройку и эксплоатацiю пути — такъ велики, что свѣчи будутъ стоить много дороже игры. Краткiй сдѣланный очеркъ — представляетъ сибирскiй желѣзнодорожный вопросъ въ его теперешнемъ положенiи.

Картина характерно измѣняется, при южномъ направленiи. Оно намъ даетъ путь съ обширнѣйшимъ возможнымъ райономъ по обѣ стороны, т. е. несомнѣнно магистральный и въ то же время вполнѣ и безусловно непрерывный на всемъ своемъ протяженiи. Онъ пройдетъ въ лучшихъ климатическихъ условiяхъ, чтò обезпечиваетъ ему его наиболѣе южное направленiе и во многихъ мѣстахъ закрытiе отъ сѣвера высокими горными хребтами. Топографическiя условiя его также особенно благопрiятны.

Начиная отъ Оренбурга къ востоку чрезъ Орскъ, Атбассаръ и Акмолинскъ, онъ пересѣчетъ Иртышъ, между Павлодаромъ и Семипалатинскомъ, и оттуда направится черезъ Бiйскъ къ Телецкому озеру, затѣмъ по рѣкѣ Абакану до Минусинска, оттуда къ верховьямъ р. Уды, гдѣ пологими долинами Саянскаго хребта, идущими почти по параллели, пойдетъ къ Тункинскому селенiю и далѣе въ Троицко-Савскъ.

Путь до Иртыша—степной, преимущественно черноземный, и вблизи нѣсколькихъ рѣкъ вдоль ихъ береговъ. Вообще изъ общаго разстоянiя дороги пойдетъ вдоль рѣкъ или ихъ долинами болѣе 2000 верстъ. Мѣстность эта, будучи ровною, снабженною водою и углемъ на мѣстѣ, обезпечиваетъ удобство и дешевизну постройки и эксплоатацiи дороги, вводя вмѣстѣ въ рельсовое сообщенiе главный торговый центръ степей, Семипалатинскъ.

Онъ же вѣроятно будетъ современемъ и областнымъ, какъ болѣе центральный, вмѣсто Омска лежащаго на отдаленнѣйшемъ рубежѣ области, чему конечно болѣе всего поспособствуетъ проведенiе желѣзной дороги и чтò вмѣстѣ съ тѣмъ отниметъ значенiе и послѣдняго оставившагося города у защитниковъ сѣвернаго направленiя. Слѣдуетъ припомнить что степь, о которой мы говоримъ, служила первобытнымъ кочевымъ народамъ средствомъ ихъ сообщенiя, передвиженiя и заселенiя большей части Европы. Давая возможность номаду содержать его стада — степь удовлетворяла всѣмъ его потребностямъ: пастбища питали его лошадей, верблюдовъ и козъ, а эти послѣднiя его одѣвали и кормили. Степь была средствомъ сообщенiя, путемъ или дорогою — тогда когда рѣками человѣкъ еще не могъ пользоваться.

Въ то время, двигаясь съ востока на западъ, наступало на Европу варварство дикихъ ордъ; теперь, въ нашъ желѣзнодорожный вѣкъ, по тѣмъ же степямъ пойдетъ русскiй паровозъ въ обратномъ направленiи отъ запада на востокъ, неся съ собою блага христiанства и просвѣщенiя. Южный путь приблизится къ областямъ Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Сыръ-Дарьинской, Ферганской, Семирѣченской, Кашгару, Кульджѣ, Тарбагатаю и Монголiи. Онъ же прорѣжетъ Алтайскiй и Минусинскiй округи — житницы тамошнихъ нашихъ владѣнiй.

Трудно себѣ представить чтобы всѣмъ этимъ колоссальнымъ пространствомъ, съ самымъ широкимъ будущимъ, можно бы было пожертвовать для двухъ-трехъ сѣверныхъ городовъ, случайнаго, временнаго значенiя, лежащихъ почти въ предѣлахъ тундры.

Южный путь въ Алтайскихъ горахъ представляется уже, не говоря обо всемъ остальномъ, но даже и въ топографическомъ отношенiи, предпочтительнѣе пути сѣвернаго.

Взамѣнъ множества водораздѣловъ сѣвернаго направленiя, мы здѣсь можемъ идти долинами рѣкъ Бiи и Абакана до Минусинска и затѣмъ до верховьевъ Уды.

Сдѣланныя два или три года назадъ изслѣдованiя Саянскихъ горъ показали, что расположенныя тремя спускающимися къ сѣверу террасами, онѣ въ своихъ промежуткахъ имѣютъ обширныя пологiя долины идущiя съ запада на востокъ. Изслѣдованiя дѣлались не для желѣзнодорожныхъ цѣлей, но тѣмъ не менѣе они показали, что нашъ путь отъ верховьевъ рѣки Уды можетъ, не спускаясь, быть направленъ по возвышенностямъ до Тункинскаго селенiя и далѣе до Троицко-Савска, устраняя чрезъ то надобность подъемовъ и спусковъ въ горной странѣ а также большихъ изгибовъ пути и облегчая весьма много достиженiе Кяхты. Путь отъ Тунки до Ключевскаго пойдетъ по теперешней дорогѣ, далѣе же долиною Джиды до рѣки Селенги у Усть-Кяхты и затѣмъ до Троицко-Савска.

Отсюда на востокъ сначала въ долину Чикоя и его притока Мензы, затѣмъ, перейдя водораздѣлъ долиною Онона съ притокомъ Борза и затѣмъ по пересѣченiи опять водораздѣла, войдя въ бассейнъ р. Аргуни, достигнетъ Абагайтуя.

Занятiе исходящаго угла, какъ-бы вершины клина, въ Китайскiя владѣнiя составляетъ предметъ первостепенной важности, особенно когда онъ наиболѣе приближаетъ насъ къ главнымъ объектамъ войны съ Китаемъ—его главнымъ городамъ: Мукдену и самому Пекину.

Не утомляя долѣе вниманiе читателя крайнею необходимостiю строить дорогу по южному направленiю, укажемъ еще на одно и чрезвычайно важное условiе. При немъ сохраняются всѣ существующiе нынѣ пути, почтовые тракты и другiя дороги.

Всѣ они даже получатъ большее и дальнѣйшее развитiе. Пароходство по рѣкамъ усиленно распространится. Торговая дѣятельность каждаго изъ городовъ увеличится вслѣдствiе ихъ бòльшаго приближенiя къ желѣзному пути и сверхъ всего прибавляется въ совершенно самостоятельномъ районѣ — еще одинъ новый путь; тогда какъ при сѣверномъ направленiи дорога пойдетъ вдоль Московскаго тракта, поглотитъ его и обширная страна, такъ нуждающаяся въ развитiи сообщенiя, увеличенiи числа путей, нынѣ коснѣющая отъ ихъ недостатка, никакого увеличенiя или прибавки не получитъ.

Число путей останется то же, только грунтовая дорога одного изъ нихъ замѣнится желѣзною. Уже по этому одному, дѣйствительные радѣтели интересовъ Сибири должны видѣть преимущества новаго прибавочнаго самостоятельнаго пути на югъ ихъ страны.

Вотъ въ какомъ видѣ представляется вопросъ о проведенiи желѣзнаго пути по Восточной Россiи.

Дѣйствительныя и существенныя выгоды какъ этой страны, такъ и всей Россiи требуютъ южнаго направленiя, какъ для настоящей минуты, такъ и для интересовъ отдаленнѣйшаго будущаго.

Ранѣе постройки непрерывнаго пути до Аргуни, будетъ преждевременнымъ говорить о дальнѣйшемъ продолженiи до Владивостока. Путь однако несомнѣнно пойдетъ почти по прямому направленiю къ этому порту, и такъ какъ этотъ путь весьма выгоденъ какъ для насъ, такъ и для Китая, то осуществленiе его конечно вопросъ недалекаго будущаго.

Тогда получится непрерывный, магистральный и дѣйствительно великiй путь чрезъ всю Восточную Россiю, изолиро-

ваниость Уссурійскаго края будетъ устранена и Владивостокъ обратится въ важнѣйшій торговый портъ на восточномъ берегу азіатскаго материка.

Цѣли настолько велики, что онѣ требуютъ и соотвѣтственнаго расхода, на сѣмена, на посѣвъ въ ожиданіи будущей большой жатвы; но эти издержки не будутъ окончательной тратой, а только временнымъ расходомъ — сѣменемъ, способнымъ произвести такое дерево, какъ подобная дорога.

Говоря о двухъ мнѣніяхъ въ пользу направленій сѣвернаго и южнаго, нельзя умолчать и о третьемъ, о противникахъ желѣзныхъ дорогъ вообще и особенно по Восточной Россіи. Но взамѣнъ старанія ихъ переубѣдить, достаточно можетъ быть припомнить, что въ нашъ желѣзнодорожный вѣкъ, для насъ было бы анахронизмомъ отвергать ихъ пользу.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ начались постройки желѣзныхъ дорогъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и у насъ. Но тамъ господствовали идеи въ пользу этихъ дорогъ; расходы на нихъ приравнивались расходу на посѣвъ или признавались выгоднымъ помѣщеніемъ капитала; думали, что чѣмъ дорогъ строилось больше, тѣмъ лучше, и теперь мы видимъ тамъ 200,000 верстъ и развитіе благосостоянія поразительное до баснословности. У насъ же и до сегодня, въ разныхъ даже ученыхъ обществахъ, очень многіе, со всею силою укоренившихся въ нихъ идей, употребляютъ всѣ усилія, чтобы избавить любимое ими отечество отъ такой бѣды и разоренія, какъ желѣзныя дороги. На каждомъ шагу встрѣчаются мнѣнія, и часто съ претензіею на большой авторитетъ, считающія употребленіе денегъ на желѣзныя дороги полнымъ, безвозвратнымъ и разорительнымъ пожертвованіемъ—совершенною потерею.

Эти люди могутъ быть удовлетворены, они успѣшно вліяли на правительственные взгляды, и мы вмѣсто того чтобы имѣть теперь что-нибудь подобное количеству построенному Соединенными Штатами (хотя мы пространствомъ превосходимъ ихъ въ нѣсколько разъ) —имѣемъ едва одну десятую часть и несемъ впрочемъ за то и всѣ послѣдствія—наши земледѣльцы находятся несомнѣнно чуть не въ крайней нуждѣ и вся страна почти въ такомъ же положеніи.

Господство такихъ идей такъ сильно, что и на Великую Восточную дорогу сегодня денегъ нѣтъ, вѣроятно все по той же причинѣ — что это есть растрата безвозвратная, а идея разорительная. Но пятидесятилѣтній опытъ, кажется, достаточное доказательство что не эти взгляды вѣрны — что ихъ экономія фиктивная, ложная и для государства въ концѣ-концовъ разорительная. Желѣзнодорожный вѣкъ конечно убѣждаетъ что эти дороги обогащаютъ государство и что намъ пора начать догонять нашихъ сосѣдей. Наше сочувствіе постройкѣ будетъ нелицемѣрнымъ желаніемъ дѣйствительнаго развитія отечеству, особенно же когда есть возможность, при обыкновенныхъ издержкахъ, обезопасить, укрѣпить и обогатить Россію отъ Урала до Тихаго океана.

Н. К.

Весенняя выставка Имп. Академіи Художествъ. Крестьянскій мальчикъ. Карт. акад. И. Пелевина (право грав. пріобр. „Нивой“), грав. Пастушкевичъ.

Къ рисункамъ.

Запутался въ счетахъ. (Рис. на стр. 429).

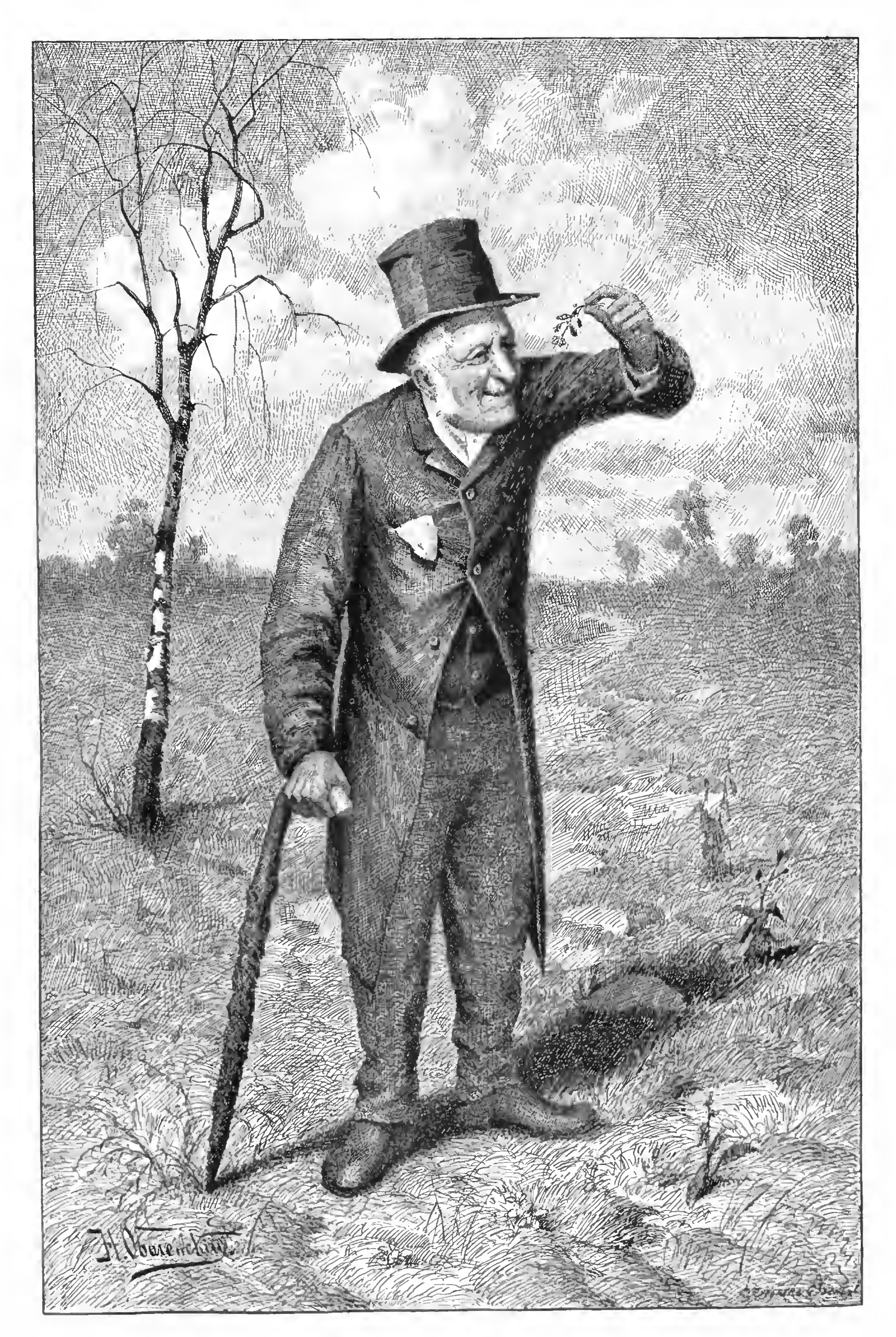
Весьма живой жанръ, весь интересъ котораго сосредоточенъ на выраженіи физіономіи старика, запутавшагося въ своихъ выкладкахъ и счетахъ — художникъ превосходно передалъ старческое недоумѣніе и отчаянныя попытки что-то припомнить, что-то дополнить, и такимъ образомъ выбраться изъ лабиринта путаницы...

„Сѣдина въ бороду — а бѣсъ въ ребро“. (Рис. на стр. 432).

Яркій талантъ К. П. Степанова хорошо знакомъ читателямъ нашего журнала. Въ прошломъ году, въ № 19, была помѣщена гравюра съ его прелестной картинки: „Донъ-Кихотъ послѣ сраженія съ мельницами“. За годъ молодой художникъ сдѣлалъ новые успѣхи и его четыре картины на академической выставкѣ настоящаго года невольно заставляютъ остановиться передъ ними. Прекрасный колоритъ, а въ особенности тонкій рисунокъ и замѣчательная виртуозность въ техникѣ, напоминаютъ старинныхъ голландскихъ мастеровъ времени Жерарда Дова. Въ настоящемъ нумерѣ помѣщена гравюра съ его картины „Сѣдина въ бороду—а бѣсъ въ ребро“, изображающая стараго ловеласа и хорошенькую прислужницу въ тавернѣ.

По начальству. (Рис. на стр. 433).

Однимъ изъ лучшихъ украшеній каждой выставки „передвижниковъ“ бываютъ обыкновенно живые и талантливые жанры В. Е. Маковскаго, цѣликомъ выхваченные изъ обыденной дѣйствительности. Плодовитость и разнообразіе Маковскаго, въ этой области художества, просто изумительны! То онъ заводитъ насъ въ пріемную знаменитаго доктора, то въ московскій обжорный рядъ, то на *дешовку*, то въ свидѣтельскую комнату суда, то въ скромную квартиру скромнаго чиновника. Въ такомъ именно уголкѣ и происходитъ тотъ эпизодъ, который составляетъ главную основу жанра, помѣщеннаго нами въ нынѣшнемъ № *Нивы*. Чиновникъ, начавшій свою службу „отъ младыхъ ногтей“ въ одномъ изъ безчисленныхъ департаментовъ, дослужившись въ весьма почтенномъ возра-



Первый цвѣтокъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") перомъ Н. Оболенскаго, грав. Ангереръ.

стѣ до высокаго сана столоначальника, удостоенъ отъ начальства высшею наградою, какой онъ можетъ добиться: онъ только что получилъ Станислава на шею. И вотъ онъ переживаетъ высоко-торжественную минуту—подвязываетъ орденъ къ галстуку и собирается идти благодарить „начальство" за награду. Событіе это не только на его лицѣ вызываетъ сосредоточенное и прилично-сдержанное удовольствіе, но и весь домъ приводитъ въ нѣкоторое волненіе. Жена хлопочетъ около мужа, помогая ему въ туалетѣ; дочка спѣшитъ почистить и освѣжить вицъ-мундиръ, въ которомъ новый кавалеръ пойдетъ „по начальству". Всѣ заняты, всѣ озабочены—всѣ переживаютъ торжественную минуту.

Панно проф. К. Е. Маковскаго. Амуры-садовники.

(Рис. на стр. 437).

Помѣщаемый нынѣ изящный рисунокъ, составляющій продолженіе серіи роскошныхъ панно, говоритъ самъ за себя. Это аллегорическое изображеніе любви къ цвѣтоводству, олицетворенной въ группѣ двухъ рѣзвящихся амуровъ, окруженныхъ различными аттрибутами культуры цвѣтовъ.

„Сонъ въ лѣтнюю ночь", Шекспира.

(Рис. на стр. 440).

„Сонъ въ лѣтнюю ночь"—одно изъ наиболѣе художественныхъ, поэтическихъ и выдающихся по глубинѣ идеи созданій Шекспира. Это очень тонкая и граціозная сатира на ошибки перваго юнаго чувства, благодаря которому молодость, нерѣдко подъ вліяніемъ минутной прихоти или ссоры, ослѣпляемая юношескимъ пыломъ крови, готова измѣнить достойнѣйшему или достойнѣйшей и перенести свою любовь на предметъ совершенно ея недостойный. Особенно часто это случается съ прекрасной половиной человѣческаго рода и для вытекающихъ отсюда поступковъ выработанъ даже особый, характеризующій ихъ терминъ—„par dépit"—„съ досады".

Въ піэсѣ Шекспира, гдѣ дѣйствуютъ духи и люди всѣхъ сословій, отъ царей до ремесленниковъ, есть между прочимъ слѣдующій эпизодъ. Титанія, прекрасная царица эльфовъ (крошечныхъ, шаловливыхъ, но благодѣтельныхъ духовъ, обитающихъ въ цвѣтахъ), поссорилась изъ-за пустяковъ со своимъ супругомъ, могущественнымъ Оберономъ. Въ шутливую отместку ей, Оберонъ обрызгиваетъ глаза спящей Титаніи сокомъ одного цвѣтка, обладающимъ свойствомъ влюблять въ перваго встрѣчнаго. По пробужденіи Титаніи, этимъ встрѣчнымъ оказывается некрасивый, глупый и грубый ремесленникъ-ткачъ, по имени *Основа*, которому вдобавокъ одинъ изъ служебныхъ духовъ Оберона, эльфъ Пукъ, придѣлалъ настоящую ослиную голову. Не смотря на это, Титанія расточаетъ ему нѣжнѣйшія чувства до тѣхъ поръ, пока Оберонъ не снимаетъ съ нея ослѣпленія, считая ее достаточно наказанною. Вотъ это-то увлеченіе Титаніи и изображено на нашемъ рисункѣ.

Въ лѣсу на Гарцѣ. (Рис. на стр. 441).

Между Заалою и Лейною, въ сѣверной Германіи, тянутся горы, извѣстныя подъ именемъ *Гарца*. Меньшая часть ихъ, но болѣе высокая, на сѣверо-западѣ, носитъ названіе Сѣвернаго Гарца и знаменита своею вершиною Брокеномъ, достигающею 3,510 футъ высоты. Болѣе низкая часть горъ, съ вершиною „Викторія", лежитъ на юго-западѣ и покрыта преимущественно лиственнымъ лѣсомъ, тогда какъ на Сѣверномъ Гарцѣ произростаетъ преимущественно лѣсъ хвойный.

Нашъ рисунокъ принадлежитъ кисти пейзажиста Стрюцеля, живущаго нынѣ въ Мюнхенѣ, и живо передаетъ лѣсную дорогу на Южномъ Гарцѣ въ солнечный день.

Крестьянскій мальчикъ. Карт. Пелевина.

(Рис. на стр. 444).

Академикъ Пелевинъ уже давно посвятилъ себя правдивому и чуждому ложныхъ эффектовъ воспроизведенію русскихъ народныхъ типовъ. Прилагаемый снимокъ съ его новой картины, составляющей pendant помѣщенному нами въ № 16 „Нивы", изображаетъ бойкаго деревенскаго мальчугана, видимо затѣвающаго какую-нибудь шалость и рѣзко выдѣляющагося въ солнечномъ свѣтѣ на темномъ пятнѣ тѣни.

Первый цвѣтокъ. (Рис. на стр. 445).

На склонѣ лѣтъ правильно-развитому человѣку свойственно все чаще удаляться отъ шумныхъ городскихъ развлеченій и обращаться къ тихимъ радостямъ, доставляемымъ созерцаніемъ вѣчно-юной природы, какъ бы повторяя слова поэта:

Я ближняго люблю, но ты, природа-мать,
Для сердца ты всего дороже,
Съ тобой, владычица, люблю я забывать
И то чѣмъ былъ какъ былъ моложе,
И то чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ...

Вотъ передъ нами типичная фигура такого престарѣлаго поклонника природы, набросанная бойкимъ перомъ г. Оболенскаго. Старичекъ, ботанизируя на послѣобѣденной прогулкѣ, нашелъ рѣдкій цвѣтокъ, какого еще нѣтъ въ его гербаріи, и любуется имъ съ дѣтскою радостью; не въ цвѣткѣ здѣсь конечно суть: суть именно въ томъ благодушномъ настроеніи, которое навѣваетъ вѣчно спокойная, вѣчно творящая, вѣчно юная природа...

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Проектъ архитектора Х. К. Васильева. (Рис. на стр. 448).

Въ октябрѣ 1881 года, коммисія состоящая изъ представителей Одесскаго Славянскаго благотворительнаго общества имени Св. Кирилла и Меѳодія, Императорскаго Новороссійскаго университета, Одесской городской управы и Одесскаго общества изящныхъ искусствъ, — объявила въ журналѣ *Зодчій* всеобщій конкурсъ на составленіе проекта фонтана-памятника Пушкину, въ г. Одессѣ, въ концѣ Николаевскаго бульвара, противъ зданія биржи; фонтанъ долженъ былъ быть украшенъ бюстомъ Пушкина и какъ сооруженіе монументальное, проектированъ въ такихъ условіяхъ, чтобы, по возможности, не нуждаться въ ремонтѣ.

Въ назначенный программою срокъ было представлено нѣсколько проектовъ, изъ которыхъ коммисіею судей единогласно былъ признанъ заслуживающимъ особеннаго вниманія и достойнымъ первой преміи проектъ Бакинскаго архитектора, художника архитектуры Хрисанфа Константиновича Васильева.

Фонтанъ проектированъ высотою въ 3½ сажени. Матеріалъ—гранитъ, бронза и мѣстный камень. Общей фигурѣ фонтана данъ видъ обелиска; въ то-же время онъ напоминаетъ собой и лиру, на которой установленъ бюстъ поэта. Авторъ проекта предполагалъ употребить и отдѣлать матеріалы слѣдующимъ образомъ: Основаніе фонтана до верхней ступеньки съ боковыми водоемами должно быть исполнено изъ камня-песчанника или изъ сѣраго гранита. Верхняя ступень и общій вокругъ постамента расположенный резервуаръ съ вазами — изъ чисто-тесаннаго сѣраго гранита. Затѣмъ четырехгранная колонка съ канелюрами (ложками)—изъ крымскаго южно-бережскаго зеленоватаго діорита. Колонка эта должна быть отшлифована. Бронзовыя украшенія, какъ-то: угловые дельфины надъ вазами, вѣнокъ вокругъ пьедестала, капитель колонны, доски съ надписями и самый бюстъ—изъ темной бронзы.

Струй въ фонтанѣ проектировано 22. Онѣ расположены слѣдующимъ образомъ: 16 находятся въ четырехгранной колоннѣ, 4 по угламъ постамента надъ вазами и по одной надъ двумя боковыми водоемами.

Желаемыя коммисіей измѣненія заключались въ слѣдующемъ: вмѣсто стержня колонны сдѣлать постаментъ усѣченной пирамиды, на сторонахъ которой помѣстить надписи—выборки изъ стихотвореній Пушкина, содержаніемъ своимъ относящихся къ Югу Россіи. Съ передняго фасада должно быть помѣщено изображеніе лиры съ лавровыми и другими листьями и она должна быть перевита лентою, на которой обозначены года 1820 и 1824; внизу надпись: „Время вдохновеннаго творчества А. С. Пушкина въ Новороссійскомъ краѣ". На правой сторонѣ монумента вверху, въ центрѣ виньетки, будетъ изображено: „Евгеній Онѣгинъ", „Бахчисарайскій фонтанъ"—на лентѣ-же вырѣзанъ годъ этихъ произведеній. Внизу слѣдующая надпись:

„Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,
Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,
И сладостно шумятъ тавріческія волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь".

На лѣвой сторонѣ постамента въ виньеткѣ надпись: „Кавказскій плѣнникъ" и „Цыганы". Внизу слѣдующіе стихи:

„Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.
Какъ друга ропотъ заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, твой шумъ призывный
Услышалъ я въ послѣдній разъ.
Прощай-же, море! не забуду
Твоей торжественной красы,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы".

На задней сторонѣ памятника подъ гербомъ города Одессы слѣдующая надпись: „Сооруженъ Одесскимъ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ имени Св. Кирилла и Меѳодія, Императорскимъ Новороссійскимъ университетомъ, Одесскою городскою управою и Одесскимъ обществомъ изящныхъ искусствъ, по проекту архитектора Х. Васильева".

Вся остальная часть памятника, т. е. угловые дельфины, вазы, бассейны, ступени и проч. остались безъ измѣненія.

По неимѣнію у вышеназванной коммисіи денежныхъ средствъ, памятникъ долгое время оставался неисполненнымъ. Наконецъ, въ день 50-й годовщины смерти Пушкина была сдѣлана торжественная закладка фундамента и затѣмъ заказана въ Петербургѣ вся художественная бронзовая работа.

Самый бюстъ нашего великаго народнаго поэта вылѣпленъ супругой одного изъ ближайшихъ наслѣдниковъ его лиры, Юстиной Антоновной Полонскою, которая съ величайшимъ

художественнымъ тактомъ избрала пособіемъ при воспроизведеніи облика Пушкина—портретъ его, писанный Кипренскимъ и единственный сколько-нибудь передающій то вдохновенное выраженіе, которое, по отзывамъ современниковъ, присуще было чертамъ лица безсмертнаго поэта въ лучшія минуты его жизни. Бюстъ этотъ, начатый въ мартѣ 1887 года, почти одновременно съ празднованіемъ пятидесятилѣтія поэтической дѣятельности Я. П. Полонскаго, оконченъ былъ въ маѣ того же года. Работа пьедестала принадлежитъ лѣпщикамъ на заводѣ Морана въ Петербургѣ.

Нашъ рисунокъ изображаетъ верхнюю часть памятника, т. е. бюстъ и пьедесталъ, вѣнчающіе фонтанъ.

Нельзя не одобрить мысли о постановкѣ памятника именно на Приморскомъ бульварѣ, близь любимаго мѣстопребыванія Пушкина, описаннаго, между прочимъ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутаго берега сбѣгая,
Ужь къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю
Съ восточной гущей кофе пью.

И дальше:

Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
И бездыханна, и тепла
Нѣмая ночь. Луна взошла.
Прозрачно легкая завѣса
Объемлетъ небо. Все молчитъ,
Лишь море Черное шумитъ...

Инженеръ-генералъ Э. И. Тилло. (Портр. на стр. 449).

Не такъ давно праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы въ офицерскихъ чинахъ предсѣдателя морскаго строительнаго комитета инженеръ-генералъ-лейтенанта Эдуарда Ивановича Тилло. Одинъ изъ старѣйшихъ генераловъ инженернаго корпуса, Тилло немало потрудился на пользу родины и особенно извѣстенъ своею дѣятельностью, административною и практическою, по морской строительной части. Ставъ во главѣ корпуса инженеровъ этой части, онъ посвятилъ ему свои обширныя познанія, свою любовь къ наукѣ—за практическую опытность, которую онъ пріобрѣлъ во время продолжительной государственной службы. Его неусыпными трудами корпусъ инженеровъ морской строительной части поставленъ на высоту той задачи, которая возложена была на него въ послѣдніе годы, при расширеніи портовыхъ учрежденій на Балтійскомъ морѣ, въ Восточномъ океанѣ и, особенно, при устройствѣ новаго Севастопольскаго порта, и вообще трудился съ успѣхомъ подъ его руководствомъ. Немалая заслуга принадлежитъ Тилло и въ долѣ внутренней организаціи корпуса: благодаря его заботамъ, это учрежденіе получило исключительно военную организацію, сплотилось въ одну дружную техническую семью, органически связанную, съ одной стороны—съ Инженерною академіею, съ другой—съ корпусомъ военныхъ инженеровъ. Э. И. Тилло трудился насколько могъ и въ качествѣ начальника военныхъ инженеровъ С.-Петербургскаго военнаго округа, которымъ онъ былъ двадцать пять лѣтъ назадъ, и оставилъ по себѣ добрую память. Кромѣ того, Тилло безъ малаго пятнадцать лѣтъ исполнялъ должность товарища предсѣдателя Императорскаго техническаго общества, и съ основанія комитета музея прикладныхъ знаній состоялъ и состоитъ по настоящее время постояннымъ предсѣдателемъ распорядительной коммисіи этого комитета. Техническое общество въ значительной мѣрѣ обязано также участію Тилло, которое онъ принималъ въ учрежденіи VIII желѣзнодорожнаго отдѣла общества. Помимо государственной службы, Тилло въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дѣятельно трудился въ качествѣ члена совѣта старшинъ евангелической реформатской церкви. Сослуживцы Тилло тепло отзываются о высокихъ личныхъ качествахъ его, и свидѣтельствуютъ о его любви къ наукѣ, объ умѣньи его внушать эту любовь всѣмъ, кому съ нимъ приходится работать вмѣстѣ. Въ день своего юбилея Е. И. Тилло получилъ Высочайшую награду—чинъ инженеръ-генерала, множество поздравленій и нѣсколько подарковъ; одинъ изъ служившихъ подъ его начальствомъ, между прочимъ, прекрасно очертилъ добрый характеръ юбиляра и вполнѣ человѣческія отношенія его къ рабочимъ, его заботы о бытѣ ихъ, когда во время Крымской войны производились работы въ Кронштадтѣ. Э. И. Тилло спеціальное воспитаніе получилъ въ инженерной академіи. Ему теперь безъ малаго семьдесятъ лѣтъ. Выпущенный офицеромъ въ январѣ 1839 года, онъ получилъ чинъ генералъ-майора въ 1865 году, а въ генералъ-лейтенанты произведенъ въ августѣ 1875 года. Помимо разныхъ должностей, онъ занималъ также почетное положеніе въ совѣтѣ Главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Тилло имѣетъ ордена: Св. Станислава 1-й степени, Св. Анны 1-й степени, Св. Владиміра 2-й степени, Бѣлаго Орла и иностранные: Августа-Франца-Іосифа Большой Крестъ, Прусской Короны 1-й степени и другіе знаки отличія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Высочайшій выходъ къ пасхальной заутрени состоялся въ Зимнемъ дворцѣ, въ исходѣ двѣнадцатаго часа. Богослуженіе совершалъ протопресвитеръ Янышевъ соборне, съ придворнымъ духовенствомъ; пѣлъ полный хоръ придворныхъ пѣвчихъ. По окончаніи литургіи Ихъ Императорскія Величества и Ихъ Императорскія Высочества прослѣдовали въ Малахитовую гостиную, гдѣ и разговлялись освященными пасхами.

— *Гражданинъ* сообщаетъ слухъ, что бракосочетаніе Е. И. В. Вел. Кн. Павла Александровича съ Греческою принцессою Александрою Георгіевною произойдетъ 4 іюня. Пріѣздъ высоконареченной невѣсты ожидается въ Петербургѣ около 20 мая. Принцесса Александра Георгіевна вмѣстѣ съ Августѣйшими родителями прибудутъ прежде всего въ Павловскъ, гдѣ и остановятся во дворцѣ Е. И. В. Вел. Кн. Константина Николаевича. Торжественный въѣздъ въ Петербургъ послѣдуетъ съ Николаевскаго вокзала.

— 8 апрѣля, въ 12½ час. дня, съ почтовымъ поѣздомъ Рязанской жел. дороги отбыло изъ Москвы бухарское посольство.

Правительственныя распоряженія.

— Пожалованы ордена: Св. Андрея Первозваннаго: предсѣдателю департамента экономіи государственнаго совѣта д. т. с. Абазѣ и Императорскому послу въ Вѣнѣ д. т. с. князю Лобанову-Ростовскому.

— Попечитель Дерптскаго учебнаго округа объявилъ въ мѣстныхъ газетахъ, что будетъ впредь разрѣшать открытіе частныхъ и содержимыхъ городами училищъ лишь съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ.

— Медицинскій департаментъ потребовалъ отъ содержателей аптекъ представленія именныхъ списковъ всѣхъ служащихъ въ аптекахъ, провизоровъ, аптекарскихъ помощниковъ и учениковъ, съ обозначеніемъ полученнаго каждымъ образованія, званія и вѣроисповѣданія.

Дѣла церкви.

— Въ началѣ лѣта предполагается приступить къ реставраціи Софійскаго собора въ Кіевѣ. Реставраціей будетъ руководить Археологическое общество, избравшее для завѣдыванія работами особую коммисію изъ среды своихъ членовъ, въ составъ которой вошли: Д. И. Гриммъ, И. Ѳ. Исѣевъ, В. Г. Васильевскій, И. В. Помяловскій, Г. Г. Замысловскій, Н. П. Кондаковъ, Ѳ. Г. Солнцевъ, Н. В. Султановъ и В. В. Сусловъ.

— Въ с. Лазарцахъ (Литовской епархіи), вслѣдствіе обращенія къ православію на правилахъ единовѣрія цѣлаго раскольническаго общества, Ѳедосѣевскаго толка, открытъ новый единовѣрческій приходъ. На средства присоединившихся съ пособіемъ Виленскаго святодуховскаго братства устроена церковь въ честь св. Владиміра, и во священника къ ней посвященъ недавно бывшій начетчикъ присоединеннаго общества Яковъ Анкудиновъ.

Искусства изобразительныя.

— Коммисія по сооруженію памятника А. С. Пушкину въ Одессѣ на Приморскомъ бульварѣ объявляетъ, что торжественное открытіе послѣдуетъ 16 апрѣля.

— Открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Симферополѣ назначено 29 сентября. Въ настоящее время памятникъ законченъ и выставленъ во дворѣ бронзолитейнаго завода А. Морана. Пьедесталъ дѣлается также въ Петербургѣ изъ сердобольскаго полированнаго мрамора, въ мастерской Баринова.

Театръ и музыка.

— 11 апрѣля, въ 8 час. вечера, въ Маріинскомъ театрѣ состоялся большой вокальный и инструментальный концертъ военныхъ хоровъ въ пользу инвалидовъ. На концертѣ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другія Особы Императорской Фамиліи.

— 11 апрѣля, въ Конногвардейскомъ манежѣ состоялся первый публичный концертъ подъ управленіемъ популярнаго французскаго дирижера и композитора г. Оливье Метра, который знакомитъ петербургскую публику со своими произведеніями и произведеніями другихъ авторовъ, преимущественно французскихъ.

Литература и наука.

— Г. Бухгольцъ, редакторъ *Rigasche Zeitung*, бѣжалъ заграницу. Соредакторъ Бухгольца Витчевскій прибылъ на-дняхъ въ Новгородскую губернію, въ одномъ изъ уѣздовъ которой и будетъ проживать въ теченіе 2 лѣтъ.

— Натуралистъ П. Д. Алонкинъ, недавно возвратившійся изъ-заграницы, гдѣ онъ нѣсколько лѣтъ занимался подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ зоологовъ, предпринимаетъ лѣтомъ, на свой счетъ, путешествіе на Сѣверъ, для изученія бѣломорской фауны, и главнымъ образомъ низшихъ морскихъ животныхъ.

Пути сообщенія.

— Проектъ устройства центральнаго вокзала въ Варшавѣ составляетъ предметъ обсужденія правительственной инспекціи желѣзныхъ дорогъ. По проекту, имѣющему быть представленнымъ для утвержденія, этотъ вокзалъ будетъ выходить тремя фронтами — на Маршалковскую и Хмѣльную улицы и на Іерусалимскую аллею.

— Изъ Риги сообщаютъ, что въ Маіоренгофѣ штормомъ разрушена желѣзнодорожная станція; крыши, платформы и зданія снесены на значительное разстояніе. Несчастій съ людьми не было и сообщеніе продолжается.

— Волжскіе судовладѣльцы-моряки ожидаютъ значительныхъ барышей въ открывающуюся навигацію отъ перевозки нефтяныхъ остатковъ. Въ прошедшемъ году доставляли ихъ въ наливныхъ деревянныхъ шкунахъ по 4 к., а въ текущемъ уже сдѣланы контракты на 5 коп., и дѣлаются на 6 к.

Политическое обозрѣніе.

Минувшая Пасха нынѣшняго года совпала на западѣ Европы съ празднованіемъ Великаго Праздника у насъ, въ Россіи. Хотя у не славянскихъ народовъ праздникъ Пасхи и не имѣетъ такого какъ у насъ религіознаго значенія, тѣмъ не менѣе по случаю праздниковъ политическая и дѣловая жизнь на Западѣ утихаетъ въ это время, правда не надолго. Въ нынѣшнемъ году пасхальныя вакаціи прошли тихо и мирно и „ничто не нарушило пасхальнаго отдыха“, замѣтилъ *Journal de St.-Pétersbourg.* Германскія газеты также единогласно заявляли радостную увѣренность въ мирѣ. Одна *Schlesische Zeitung* въ своей праздничной статьѣ намекнула на возможную случайность войны, но и та служитъ скорѣе доказательствомъ, что опасенія эти напрасны и ихъ вообще не существуетъ. Статья бреславльской газеты не должна быть обойдена вниманіемъ, такъ какъ въ ней говорится, что возможность войны можетъ проистечь изъ Россіи или Франціи „ибо только эти двѣ страны на континентѣ Европы преслѣдуютъ цѣли, достижимыя лишь путемъ войны (!)“. Чтобы представить этотъ призракъ болѣе ужаснымъ, а съ другой стороны позолотить пилюлю для русскихъ, газета признаетъ большіе и всестороннiе успѣхи Россіи за послѣднее время и одобряетъ якобы существующія претензіи ея на свободный проходъ въ Босфорѣ и Дарданеллахъ. „Россія“, говоритъ газета, „давно перестала быть колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Она довела свое войско до высокой степени совершенства и ежедневно идетъ впередъ въ своихъ нооруженіяхъ. Она въ Азіи показала и показываетъ съ каждымъ днемъ нсе болѣе, что занята разрѣшеніемъ такихъ культурныхъ задачъ, на которыя не можетъ отважиться ни одно европейское государство. Вмѣстѣ съ тѣмъ Россія недавно доказала, что она переросла финансовые кризисы и рѣшила упорядочить свое государственное хозяйство. При всемъ этомъ Россія является тою великою страною, которая только воинственнымъ путемъ можетъ достичь цѣли, предписанной ей исторической необходимостью и которую она ни на мигъ со временъ Петра Великаго не упускала изъ виду. Всѣ другія государства Европы могутъ, по крайней мѣрѣ, довольствоваться своими теперешними границами и работать надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ, но Россія этого не можетъ. Для полнаго культурнаго развитія громадной страны, по которой текутъ ея рѣки, стремясь къ Черному морю, — Россія нуждается въ свободномъ пути чрезъ Босфоръ и Дарданеллы. Но этотъ путь она можетъ проложить только мечомъ. Все это между тѣмъ говоритъ не *за*, а *противъ* вѣроятности столкновенія между Германіей и Россіей, такъ какъ Германія единственная великая держава Европы ничѣмъ не заинтересованная и не расположенная стать поперекъ пути Россіи въ преслѣдованіи ея цѣлей.“ Но кому вѣдать надлежитъ, тотъ знаетъ, что Россія какъ разъ держится совершенно иной политической программы, не дающей никакого повода подозрѣвать возможность столкновенія съ кѣмъ бы то ни было, не исключая странъ-союзницъ въ лигѣ мира. Въ дѣлахъ Балканскаго полуострова она давно отказалась отъ дѣятельной роли. Если же, въ силу послѣднихъ событій, въ Сербіи и Румыніи произошли перемѣны въ политическихъ теченіяхъ, то это только явленіе которое должно было произойти если не сегодня, то завтра. Понятно, всѣ эти событія, вмѣстѣ съ быстрымъ внутреннимъ

Бюстъ Пушкина, изваянный Ж. А. Полонскою для Одесскаго памятника, по проекту архитектора Х. К. Васильева. Грав. Ю. Шюблеръ.

ростомъ нашей родины, не могли не встревожить нашихъ сосѣдей, и осторожная Германія первая старается принять мѣры, чтобы чаши вѣсовъ политическаго равновѣсія не приняли бы для нея невыгоднаго положенія. Быть-можетъ для этой цѣли и должно состояться свиданіе маркиза Солсбери съ княземъ Бисмаркомъ, который пригласилъ англійскаго премьера посѣтить его послѣ Пасхи.

Въ вѣнскихъ оффиціозныхъ газетахъ напечатаны по случаю Пасхи передовыя статьи также въ миролюбивомъ духѣ. Въ статьяхъ этихъ событія на Балканскомъ полуостровѣ обсуждаются съ оптимистической точки зрѣнія и признаются за мимолетныя фазы энергическаго стремленія балканскихъ государствъ къ самостоятельности. Но уже на другой день газеты начали высказываться, напротивъ, съ недовольствомъ о политической программѣ Румыніи по заявленіямъ Катарджи и Лаговари. По словамъ этихъ газетъ, нейтралитетъ, о которомъ упоминають названные румынскіе министры—понятіе растяжимое. „Сербія—говорятъ газеты—въ свое время, также дѣлала самыя добросовѣстныя заявленія, а теперь хочетъ вернуть королеву Наталію.“ И это пишется меньше чѣмъ черезъ недѣлю, послѣ того какъ *Fremdenblatt*, говоря о перемѣнѣ министерства въ Румыніи, замѣтилъ: „Для того, чтобы объяснить паденіе кабинета Розетти-Карпа, нѣтъ надобности обращаться къ вопросамъ внѣшней политики. Кабинетъ Катарджи также возникъ изъ внутреннихъ условій и старается отклонить всякое подозрѣніе въ томъ, будто онъ намѣревается измѣнить внѣшнюю политику Румыніи. Если новый румынскій кабинетъ искренно будетъ держаться нейтралитета, какъ основы внѣшней политики, и тѣмъ самымъ станетъ противодѣйствовать дискредитующей эту политику агитаціи, то одобреніе ея державами, стоящими за сохраненіе мира, можетъ считаться несомнѣннымъ. Австро-Венгрія можетъ смотрѣть на послѣднюю перемѣну въ Румыніи только съ той точки зрѣнія, что свободное развитіе индивидуальности балканскихъ государствъ составляетъ лучшее ручательство въ установленіи прочнаго порядка на Востокѣ“.

Инженеръ-генералъ Э. И. Тилло. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

Кромѣ прибытія королевы Наталіи въ Сербію, такъ сильно пугающаго австрійцевъ, многихъ сильно интересуетъ вопросъ о возвращеніи туда митрополита Михаила. Архимандритъ Дукичъ, знатокъ церковныхъ законовъ, заявилъ, что митрополитъ Михаилъ можетъ быть воспоставленъ до уничтоженія скупщиною антиканоническихъ законовъ, такъ какъ эти законы сочинены напредниками послѣ сверженія канонической іерархіи и въ отношеніи іерарховъ не имѣютъ силы; правительство же не видитъ причинъ обязывать ихъ исполнять. Антиканоническіе законы должны быть уничтожены скупщиною по почину законной церковной власти.

Въ Парижѣ слѣдственная и обвинительная коммисія, прозванная коммисіею девяти, производитъ слѣдствіе при соблюденіи безусловной тайны, осматриваетъ относящіеся къ дѣлу документы, производитъ обыски и секвеструетъ бумаги. За это время генералъ Буланже перебрался подальше отъ Франціи, въ Англію. Переселеніе это, какъ можно думать, было не добровольнымъ. Французскій посолъ въ Брюсселѣ, г. Буре, 18 апрѣля совѣщался съ бельгійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ принцемъ де-Шимэ относительно пребыванія Буланже въ Брюсселѣ. Принцъ де-Шимэ представилъ отчетъ объ этихъ переговорахъ на другой день въ совѣтѣ бельгійскихъ министровъ, который постановилъ передать генералу Буланже о затруднительномъ положеніи бельгійскаго правительства и сообщить ему, что будетъ изданъ приказъ объ его изгнаніи, если онъ не покинетъ страны добровольно, и въ тотъ же день извѣстилъ генерала Буланже о постановленіи совѣта министровъ черезъ секретаря министра юстиціи. Генералъ Буланже, посовѣтовавшись съ Рошфоромъ, отвѣтилъ, что онъ уѣдетъ въ Англію, и 12 апрѣля прибылъ въ Лондонъ изъ Дувра. На станціи Черингъ-кроссъ собралась огромная толпа народа, большая часть которой привѣтствовала его восторженными криками. Среди криковъ слышались, впрочемъ, также и свистки.

Смѣсь.

Черта изъ жизни императора Николая I-го. Императоръ Николай Павловичъ смотрѣлъ чрезвычайно гуманно на преступниковъ, совершавшихъ преступленія подъ вліяніемъ пьянства, этого общечеловѣческаго порока. Вотъ что разсказываетъ въ *Русскомъ Архивѣ* г. Тюбальдъ. Посѣтивъ какую-то каторжную тюрьму, государь Николай Павловичъ разспрашивалъ каждаго арестанта, за что онъ сосланъ въ каторгу.

— По подозрѣнію въ грабежѣ, ваше величество, говорили одни; по подозрѣнію въ поджогѣ, отвѣчали другіе; по подозрѣнію въ убійствѣ, докладывали третьи и т. д. Наконецъ, государь подошелъ къ послѣднему.

— А ты за что, старикъ?

— За дѣло, батюшка царь! Во хмѣлю, да въ дракѣ убилъ несчастнаго пріятеля своего, хвативши его въ високъ.

— И теперь жалѣешь, какъ видно?

— Какъ не жалѣть, государь батюшка! Славный былъ человѣкъ—упокой Господи его душу! Осиротилъ я и семью его. Не отмолить мнѣ этого грѣха во-вѣки.

Государь задалъ ему еще нѣсколько вопросовъ и узналъ, что онъ имѣетъ на родинѣ жену и дѣтей, которыхъ „загубилъ своимъ преступленіемъ отъ проклятой водки“, и тутъ же повелѣлъ:

— Здѣсь все невинные, заподозрѣнные люди; преступникъ одинъ онъ. Чтобы онъ не портилъ этихъ „честныхъ“ людей, взять его изъ острога и возвратить на родину, въ его семейство.

Мужикъ, разумѣется, повалился въ ноги великодушному царю. (в.)

Акціонеры одной изъ калифорнскихъ желѣзныхъ дорогъ имѣютъ полное право утверждать, что дорога ихъ пробѣгаетъ по воздушному пространству. Путь проложенъ на высотѣ тридцати пяти аршинъ надъ землею: шпалы и рельсы покоятся на стволахъ колоссальныхъ деревьевъ. Мы, европейцы, радуемся уже и тому, если наши локомотивы двигаются благополучно по твердой землѣ, а смѣлый американецъ, не задумываясь, ввѣряетъ себя поѣзду, мчащемуся надъ деревьями. Дорога, идущая между Лосъ-Ангелосъ и Колумбіей въ Калифорніи, прерывается широкимъ ущельемъ, въ лощинѣ котораго растетъ калифорнскій первобытный лѣсъ съ его исполинскими деревьями. Вмѣсто того, чтобы срубить деревья, преграждающія путь желѣзной дорогѣ, и навести мостъ чрезъ ущелье, ихъ оставили въ покоѣ и воспользовались ими какъ безподобными сваями. Всѣ деревья, стоящія по линіи желѣзной дороги, были обрублены на высотѣ тридцати пяти аршинъ и на срубленныхъ верхушкахъ положены рельсы. Скоро, дешево, просто и чисто по американски. Самые тяжелые товарные поѣзда безпечно громыхаютъ на этомъ естественномъ мосту, какъ будто устои его составляютъ не живыя деревья, а мощные гранитные быки. (с.)

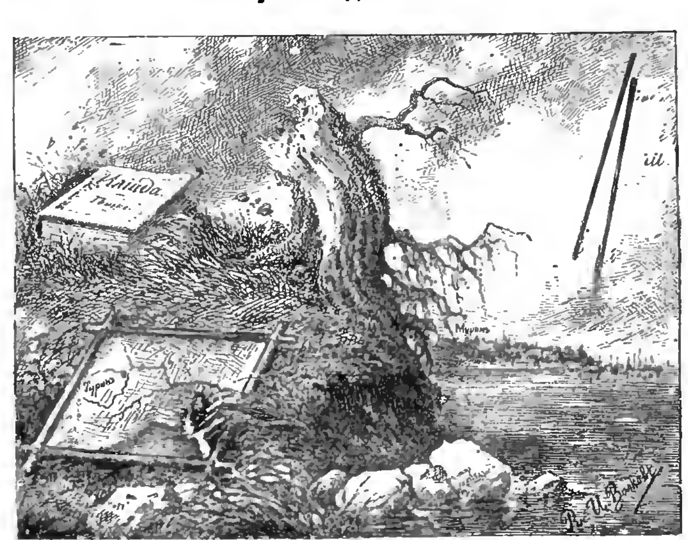
Прибыльное лѣченіе массажемъ. Доктору Мецгеру, бывшему въ Амстердамѣ (нынѣ въ Висбаденѣ), выпало на долю лѣчить массажемъ многихъ высочайшихъ особъ и высокопоставленныхъ лицъ. Такъ напр.: королеву Шведскую, императрицу Австрійскую, экс-императрицу

Евгенію, королеву Румынскую, покойнаго кронъ-принца Нидерландскаго, эрцъ-герцогиню Австрійскую, великаго герцога Мекленбургъ-Шверинскаго и многихъ русскихъ титулованныхъ лицъ. Говорятъ, онъ зарабатываетъ своей практикой до 160,000 марокъ въ годъ. Тѣмъ не менѣе докторъ Мецгеръ не беретъ со своихъ высокихъ паціентовъ большаго гонорара, чѣмъ съ обыкновенныхъ смертныхъ, а именно: за три минуты массажа онъ взимаетъ съ каждаго паціента, кто бы онъ ни былъ, по 5 голландскихъ гульденовъ, т. е. около 2 р. 50 к. золотомъ. (с.)

Желѣзнодорожныя сторожки изъ „бумажнаго камня“. Въ иностранныхъ газетахъ сообщаютъ, что на станціи Океръ, близъ Гослара (Гарцъ) построена въ прошломъ году, въ видѣ опыта, сторожевая будка изъ такъ-называемаго „бумажнаго камня“. Этотъ камень, представляющій химическое соединеніе растительнаго фибрина, джута, цемента и т. д., огнеупоренъ и имѣетъ около 2 цент. толщины. Соединенныя винтами стѣны домика состоятъ изъ двухъ пластовъ бумажнаго камня, между которыми имѣется слой воздуха въ 2 цент. толщины. Крыша также состоитъ изъ листовъ бумажнаго камня. Если такой домикъ оправдаетъ возлагаемыя на него ожиданія—что вполнѣ вѣроятно—то на той же дорогѣ будетъ построено еще четыре такихъ сторожки. Опыты съ подобными сторожевыми будками дѣлались также и на другихъ желѣзныхъ дорогахъ. (с.)

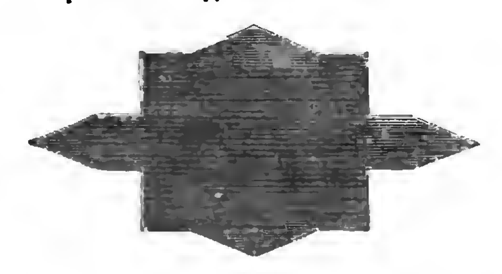
Будущій Микадо. При поразительно быстрыхъ успѣхахъ Японіи по всѣмъ отраслямъ культуры, не безъинтересно будетъ сообщить нѣкоторыя подробности о японскомъ наслѣдникѣ престола, относительно котораго одинъ изъ живущихъ въ Токіо корреспондентовъ пишетъ слѣдующее: „Наслѣдникъ японскаго престола—десяти-лѣтній мальчикъ, принцъ Хару. При его воспитаніи отброшены всѣ старинныя преданія, игравшія до сихъ поръ большую роль въ дѣлѣ воспитанія японскихъ принцевъ. Принцъ Хару имѣетъ иностранныхъ гувернеровъ и изучаетъ англійскій языкъ. Это очень способный, честолюбивый мальчикъ, котораго вовсе не пріучаютъ къ замкнутому образу жизни японскихъ принцевъ. Въ сопровожденіи свиты изъ знатныхъ японцевъ, онъ появляется вездѣ. Это хорошенькій, черноглазый мальчикъ съ нѣжной, желтой кожей, свойственной японскимъ дѣтямъ. Несмотря на свою юность, онъ уже blasé во многихъ отношеніяхъ и такой строгій, неумолимый критикъ по части лошадей, скачекъ, фехтованія, боевъ и всякаго рода спорта, какой когда-либо возсѣдалъ въ императорской ложѣ. Впослѣдствіи принцъ Хару будетъ посланъ въ Европу, чтобы изучить страны и обитателей всего свѣта, и никто не сомнѣвается, что когда этотъ энергичный и ничѣмъ не стѣсняющійся юноша вступитъ на престолъ, произойдутъ большія перемѣны въ общемъ ходѣ дѣлъ. Старые аристократы озабоченно покачиваютъ головами и ломаютъ руки при видѣ того, какъ держатъ будущаго императора, посвящая его во всѣ вопросы дня. Вмѣстѣ съ тѣмъ молодой наслѣдникъ престола не имѣетъ повидимому высокаго понятія о неприкосновенности царственной особы. При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ, во время прогулокъ, съ величайшимъ удовольствіемъ играетъ и дерется съ плебейскими мальчишками, и никто изъ свиты не смѣетъ удерживать ихъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ возвращаемые принцу удары“. (с.)

Ребусъ. Задача № 30.



Геометрическая задача № 31.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на восемь частей такъ чтобы составить изъ нихъ квадратъ.



Задача (ходъ коня) № 32.

Соединить данные квадраты такимъ образомъ, чтобы составилась заглавная буква фамиліи извѣстнаго русскаго современнаго писателя, а въ буквѣ посредствомъ хода коня можно было прочесть названія четырехъ его произведеній.

(1)

В	ъ	ч
с	А	а
н	ъ	м

(2)

а	и	й
о	К	и
м	п	В

(3)

н	ч	е
ь	ы	е
а	В	т

(4)

м	с	т
ь	с	л
а	ь	т

(5)

а	п	ъ
р	и	с
а	р	н

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ КАЗАНСКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАГО УЧИЛИЩА

Въ 1889 году исполнится 25 лѣтъ со времени основанія Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Предположено составить очеркъ развитія и дѣятельности Училища за истекшій періодъ. Поэтому Казанское Земледѣльческое Училище покорнѣйше проситъ своихъ бывшихъ учениковъ, всѣхъ девятнадцати выпусковъ, сообщить въ непродолжительномъ времени свѣдѣнія о своемъ мѣстожительствѣ, родѣ занятій и получаемомъ содержаніи, адресуя ихъ (въ формѣ простыхъ писемъ): Директору Казанскаго Земледѣльческаго Училища. Всѣмъ доставившимъ о себѣ свѣдѣнія, Училище сочтетъ пріятнымъ долгомъ выслать экземпляръ очерка. № 3777

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

Измайловскій проспектъ, 21,

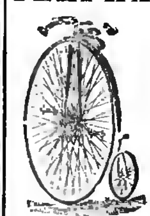
МАГАЗИНЫ:

Невскій проспектъ, 32, д. Католической церкви, и 66 у Аничкина моста,

Вознесенскій проспектъ, 18—54, д. Шредера.

О-де-колонъ отъ 30 к. до 1 р.
Туалетныя воды отъ 75 коп. до 3 руб. 75 коп.
Туалетныя воды цвѣточныя отъ 80 коп. до 3 р. 20 к.
Духи Незамѣняемый букетъ 2 руб.
Духи разные отъ 15 к. до 2 р. 50 к.
Мыла отъ 10 к. до 1 р.
Пудры отъ 10 к. до 1 р. 25 к.
Зубные элексиры отъ 75 к. до 1 р.
Воды и молоко для кожи отъ 75 к. до 2 руб. 25 коп.
Кремъ и патъ для кожи отъ 25 коп. до 1 рубля.

Pt. № 3804 3—2



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М.
фабрикантъ велосипедовъ
„ОРЕЛЪ“.
Всякаго рода двухъ-и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками. 12—5

CORSETS
20-10 **LEOTY**
adoptés par le High-Life parisien.
8. Place de la Madeleine, Paris

ДРУСКЕНИКСКІЯ

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

(Русскій Крейцнахъ).

Гродненской губерніи и уѣзда, отъ ст. Порѣчье С.-Петербургско-Варшавской ж. д. въ 17-ти верстахъ. Сообщеніе почтовыми лошадьми, въ колясахъ, омнибусахъ, бричкахъ и другихъ экипажахъ. Лѣчебное заведеніе расположено въ прекрасномъ сосновомъ лѣсу на берегу р. Нѣмана; въ тѣнистомъ паркѣ вокзалъ, музыка ежедневно утромъ и вечеромъ.

Лѣчебный сезонъ съ 5-го мая по 15-е сентября, а послѣ, смотря по состоянію погоды.

Воды солено-бромо-іодистыя.

Употребленіе воды показано при слѣдующихъ болѣзняхъ: ревматизмѣ, англійской болѣзни, золотухѣ, параличѣ, нервныхъ страданіяхъ, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, хроническихъ воспаленіяхъ мочевыхъ путей, катаррѣ желудка и кишекъ, сухихъ лишаяхъ и мокнущихъ. Въ Друскеникахъ имѣется гимнастическій врачебный залъ и массажъ; три раза въ день парное молоко, кумысъ натуральный, приготовляемый татарами, кефиръ, всѣ натуральныя минеральныя воды. **Пріѣзжающихъ, до найма квартиръ, приглашаютъ останавливаться въ меблированныхъ комнатахъ и гостинницѣ, принадлежащихъ Управленію водъ.** Кромѣ постоянно практикующихъ на Друскеникскихъ минеральныхъ водахъ гг. врачей **Бернмана, Буяновскаго, Ибянскаго, Марневича и Фина,** Правленіемъ приглашены на сезонъ 1889 г. по женскимъ болѣзнямъ профессоръ Военно-Медицинской Академіи **К. Ѳ. Славянскій,** по внутреннимъ болѣзнямъ профессоръ Варшавскаго Университета **Я. Я. Стольниковъ** и по болѣзнямъ дѣтскаго возраста консультантъ Максимиліановской лечебницы приватъ-доцентъ докторъ медицины **И. И. Радецкій.** Штатнымъ врачемъ водъ состоитъ докторъ медицины **Д. А. Каменскій,** къ которому до 20 апрѣля просятъ обращаться за свѣдѣніями въ С.-Петербургѣ, Преображенская улица, д. № 52, кв. 9, ежедневно отъ 3 до 5 часовъ. За справками обращаться письменно: въ м. Друскеники, Контора минеральныхъ водъ, ст. Порѣчье С.-Петербургско-Варшавской ж. д.; словесно: С.-Петербургъ, Фонтанка, д. № 35, у Аничкова дворца, домовая контора, отъ 10 до 3 час.

Друскеникская соль и маточный разсолъ

продаются въ С.-Петербургѣ — у Штоль и Шмидтъ; въ Складѣ Русскаго Общества Торговли аптекарскими товарами и у Рульковіусъ и Гольмъ. Въ Варшавѣ — у Гейнриха и въ Москвѣ — у Феррейна. №3836

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Ссуды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигрышныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. №3716
Также нужны вѣрные съ постояннымъ мѣстомъ жительства

АГЕНТЫ.

Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

Продолжается подписка на историческую картину извѣстнаго художника Н. Н. Каразина:

КРУШЕНІЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ПОѢЗДА

17 октября 1888 года.

Моментъ, изображенный на картинѣ, являетъ собой Царскую Семью въ полной ея священно-благотворительной дѣятельности.

Картина печатается въ **22 краски** въ графич. заведеніи **Э. Маркуса** и подъ наблюденіемъ **Н. Н. Каразина. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ у издателя Н. А. Разживина въ его магазинѣ бумагъ:** Невскій пр., № 66, противъ Аничкина дворца, по 3 р. за экземпляръ безъ пересылки; иногородные за пересылку прилагаютъ 1 руб. Казенныя учрежденія, полковыя канцеляріи, казенныя учебныя заведенія, Вѣдомства Императрицы Маріи и всѣ частныя гимназіи пользуются уступкою 20% съ рубля. Желая доставить недорого гг. покупателямъ и рамы для картины, я заказалъ въ извѣстной **американской фабрикѣ Ч. Гофманъ** 10.000 шт. разныхъ рамъ золочен. и черныхъ съ роскошн. рѣзьбой. Цѣна рамамъ для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ 15 р. 50, 11 р. 50, 5 р. 50, 4 р. 50, 3 р. 50 и 2 р. 50. Означенныя цѣны рамъ съ наклейкою картины на полотно и прикрѣпленной къ подрамку. За укупорку и ящикъ прилагать 1 р. 50 к. Отправка же почтою или чрезъ транспортную контору, какъ будетъ указано заказчикомъ, посылается наложеннымъ платежемъ за счетъ покупателя. Выписывающіе раму за пересылку картины не платятъ, такъ какъ она будетъ вставлена уже въ раму. (Скидка 20% дѣлается только съ картины). Дѣйствительныя картины будутъ съ надписью Гг. Министра Двора, Н. Н. Каразина и штемпелемъ Краснаго Креста, Общины Св. Георгія.

Изданіе картины разрѣшено г. министромъ Императорскаго Двора.

Поступили въ продажу: **ГИМНЪ ВЪ ПАМЯТЬ 17 ОКТ. 1888 г.,** музыка **А. Архангельскаго.** Партитуры и голоса для смѣшаннаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для мужскаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для женскаго хора 1 р., съ перес. 1.30 к., для фортепіано 75 к., съ перес. 1 р. Партіи голосовъ отдѣльно 75 к., съ перес. 1 р. Стихотворенія **Черника „ЧУДО 17 ОКТ. 1888 г.“** 15 к., съ перес. 30 к. Чтеніе Шведова **„СЪ НАМИ БОГЪ“** 15 к., съ перес. 30 к. № 3837

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ!

Только 10 р.

Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и проч. въ кабинетную величину, съ пробн. снимкомъ и руководствомъ. Пересылка за 15 фунтовъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, **Невскій просп., 4,** рядомъ съ Главн. Штабомъ, **С.-Петербургъ.** Mt. № 3832

СТИХОТВОРЕНІЯ № 3826

I. ЯСИНСКАГО.

Второе изданіе (дополненное).
Въ книжныхъ магазинахъ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“.
Цѣна **1 р. 50. к.,** съ перес. **1 р. 75 к.**

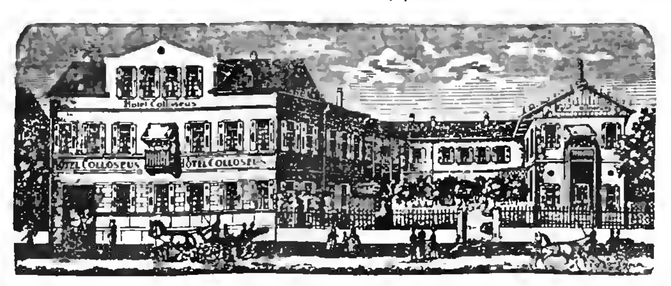
ЭЛЕКТРО-ГОМЕОПАТИЧЕСКІЯ
СРЕДСТВА
графа МАТТЕЯ
продаются въ складѣ **Ф. Гебауеръ,** Москва, Газетный пер., д. 7.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“.** № 2405

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОТЕЛЬ „COLLOSEUS“ БАДЪ СОДЕНЪ ПРИ ТАУНУСѢ.



Владѣлецъ: **Фридрихъ Христіанъ.** R. № 3853

Старинная первоклассная гостинница, вполнѣ заново отдѣланная и удобно устроенная, съ большимъ тѣнистымъ садомъ, въ великолѣпномъ мѣстоположеніи, противъ курпарка, купаленъ и источниковъ, извѣстна своею хорошею кухнею и богато ассортированнымъ погребомъ, рекомендуется въ особенности для пріѣзжающихъ на воды на продолжительное время. Внимательная и вѣжливая прислуга и умѣренныя цѣны. Поѣздки въ окрестности въ собственныхъ экипажахъ гостинницы.

CRÈME-SIMON

(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведеніе прекраснаго запаха, не портящееся.

LA POUDRE SIMON
И МЫЛО
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.

Въ розницу прод. у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. A. № 3429 16 14

ГИТАРЫ

въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 руб. (отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Соколова ч. I, II и III по 1½ руб. за часть. № 3834

МАНДОЛИНЫ

въ 10, 20, 35, 50, 60, 75 и 100 руб. (отъ 20 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія). Самоучитель Келера 2 р.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ — безплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ,
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина

Поступила въ продажу большая гравюра:

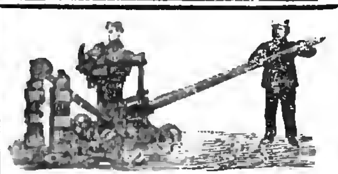
ПОРТРЕТЫ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

1) Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
2) Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.
3) Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ.
4) Великій Князь Георгій Александровичъ.
5) Великій Князь Михаилъ Александровичъ.
6) Великая Княжна Ксенія Александровна.
7) Великая Княжна Ольга Александровна.

Гравюра артистически исполненная съ фотографіи **С. Л. Левицкаго и К°** и отпечатанная на отличной веленевой бумагѣ, размѣромъ 10¼ вершк. выш. и 7¼ вершк. ширины. Ц. 1 р., съ перес. накатанн. на скалку 1 р. 25 к.

Эта же гравюра, отпечатанная на лучшей эстампной бумагѣ, размѣромъ 13⅞ вершк. выш. и 9⅞ вершк. ширины. Ц. 2 р., съ перес. на скалкѣ 2 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, СПБ.



МЕХАНИЧЕСКІЙ ЗАВОДЪ
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ

Москва, Красносельск. улица

№ 3843 СТРОИТЪ: 6—1

плуги, бороны, сѣялки, молотилки, вѣялки, сортировки, мельницы, конные приводы, локомобили 3, 4 и 6 силъ, соломорѣзки, паровыя машины, котлы, насосы всякаго рода, пожарныя трубы, сѣнные пресса, кирпичн. пресса и пр.

КОНТОРЫ и СКЛАДЫ:
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 линія, 10.
Москва, Мясницкая улица, у Мясницкихъ воротъ, домъ Виноградова.

Иллюстрированные каталоги безплатно

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

готоваго мужскаго, дамскаго, дѣтскаго платья, а также пріемъ заказовъ; цѣны самыя умѣренныя.

„ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО"

уголъ Тверской и Долгоруковскаго переулка, домъ Шаблыкина въ Москвѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается безплатно. № 3838 3—1

Новое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Гёте „ФАУСТЪ"

обѣ части, переводъ **А. ФЕТА**, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: **Адріаномъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле** и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., съ перес. въ ящикѣ 45 р.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива", Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Г. БАРАНОВЪ и К°.

Москва, уголъ Петровки и Столешникова пер., д. Рожнова.

Рекомендуемъ дешевую столовую и чайную посуду (сервизы), а также желѣзную эмалированную кухонную и столовую. Металлическія кровати съ пружинными матрацами и перинками на гривѣ отъ 17 р. Мраморные и цинковые умывальники, ванны, клозеты, купальные души, буковую и садовую мебель по фабричнымъ цѣнамъ и вообще принадлежности домашняго хозяйства.

Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ. № 3751 3-3

ДАЛМАТСКІЙ

ПОРОШОКЪ. Владѣлецъ плантацій продаетъ черезъ Агента своего № 3818

А. И. де-Спиллеръ
ВЪ ОДЕССѢ. 3—2

За пудъ: 36 руб., 28 руб. и 23 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и рознич. продажа.
Спеціалистъ хронометровъ.

Рекомендую гг. военнымъ большой выборъ призовыхъ часовъ для нижн. чиновъ.

Ручательство на два года.

Пересылка на счетъ магазина. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. № 3841

Новый прейсъ-курантъ по выходѣ въ началѣ мая будетъ разсылаться за 50 коп.

НАИЛУЧШІЕ ДУХИ
LOHSE EXTRAITS QUADRUPLES

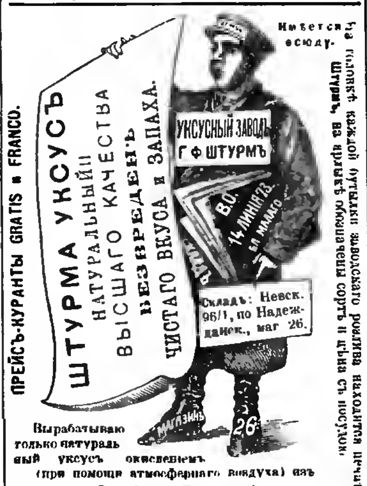
достаточно извѣстны:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ SYRINGA
ЛОЗЕ GOLD LILIE
ЛОЗЕ WAS IHR WOLLT

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ № 3607 12—10

Придворный Парфюмеръ
46, JÄGERSTRASSE, BERLIN.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.



Вырабатываю только натуральный уксусъ окисленіемъ (при помощи атмосфернаго воздуха) изъ *Спирта, Солода и Виноградного вина*

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

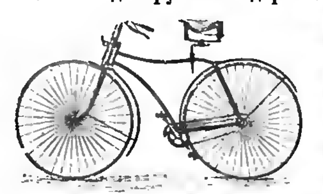
Ц. № 3767 (5).

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійскаго коленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1888 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Безопасные 2-хъ-кол. велосипеды

СВИФТЪ И ВИППЕТЪ

спеціально для русскихъ дорогъ.



Ж. БЛОКЪ.

Единств. представитель д. всей Россіи Первыхъ Англ. Фабр. велосипедовъ.

Прейсъ-куранты безплатно, также брошюра виконта Верри: „О велосипедахъ и велосипедистахъ".

Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
СПБ., Б. Морская, 21. Р. № 3829 (2)

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

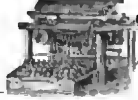
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (62) № 2946

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 19 апрѣля 1889 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.